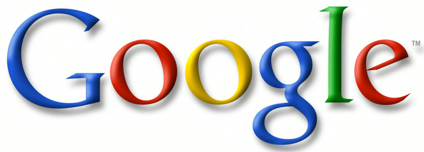


ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

ТОМЪ XLIX

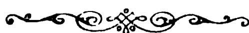
ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ XLIX

1892



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1892

ЯНЪ САПѢГА

Съ весьма рѣдкой гравюры XVII вѣка Хондеуса

дозв. ценз. спб., 25 іюня 1892 г.

ПОСЛѢДНІЙ ИЗЪ ВОРОТЫНЦЕВЫХЪ [1].

XXII.

АСТУПИЛА осень. Ожогины вернулись въ Петербургъ изъ деревеньки въ Псковской губерніи, гдѣ они каждый годъ проводили лѣто.

Полинька деревенской жизни не любила. Даже и въ усадьбѣ графини, своей благодѣтельницы, ей было по временамъ такъ тоскливо, что она не знала, куда дѣться отъ скуки, а тамъ былъ прекрасный старый домъ, роскошно меблированный, тѣнистый паркъ, цвѣтники, отлично выѣзжанныя лошади подъ дамское сѣдло, чудесные фрукты въ теплицахъ.

Тамъ было такъ же богато, уютно и всего, что жизнь краситъ, такъ же много, какъ въ томъ имѣніи въ Тверской губерніи, куда Марта уѣхала съ матерью и братьями послѣ смерти Александра Васильевича.

Мысль о Мартѣ ни на минуту не покидала Полиньку.

Гуляя рано утромъ по полю, сидя на маленькомъ балконѣ поздно вечеромъ, или лежа на диванѣ въ полудремотѣ, съ книжкой въ рукахъ, въ бесѣдкѣ изъ акацій, сооруженной для нея услужливымъ Филаткой, въ дальнемъ концѣ сада, она постоянно думала о Мартѣ, о перемѣнѣ, свершившейся въ ея судьбѣ, причемъ воображеніе невольно уносило ее къ виновнику обрушившейся на Воротынцевыхъ катастрофы, къ несчастному подкидышу безъ рода, безъ племени, явившемуся нежданно—негаданно претендентомъ на одно изъ древнѣйшихъ именъ Россіи и на огромное состоя-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLVIII, стр. 585.

ніе. Дорого бы дала Полинька, чтобъ узнать всѣ подробности этой романической исторіи, не то, что болтали въ городѣ по этому случаю, а настоящую правду. Но правду знала одна только Марта, и, въ надеждѣ заставить ее высказаться, Полинька писала ей длинныя письма, которыя отправляла ей каждыя двѣ недѣли по почтѣ; она писала бы ей еще чаще, еслибъ отецъ не ворчалъ на почтовыя издержки, да на то, что она по пустякамъ отрываетъ людей отъ работы, заставляя ихъ скакать за сорокъ верстъ въ городъ, чтобъ отправить письмо и узнать, нѣтъ ли чего нибудь на ея имя. А, кромѣ того, ее смущала перемѣна, происшедшая въ дочери Александра Васильевича послѣ его смерти.

Отъ краткихъ, лаконическихъ записокъ, которыя Полинька получала изрѣдка въ отвѣтъ на свои краснорѣчивыя, полныя увѣреній въ преданности и любви, посланія, вѣяло холодомъ и сдержанностью. По всему было видно, что Марта такъ потрясена минувшими событіями, что въ истерзанномъ ея сердцѣ для такихъ мирныхъ чувствъ, какъ дѣвическая дружба, не остается мѣста.

На настойчивые разспросы Полиньки относительно ея нравственнаго состоянія и плановъ на счетъ будущаго она либо ничего не отвѣчала, либо отдѣлывалась общими мѣстами и уклончивыми фразами, изъ которыхъ нельзя было не понять, что вопросы эти ей въ тягость и что удовлетворить любопытство своей бывшей пріятельницы она не желаетъ.

Послѣ пышнаго отпѣванія въ Петербургѣ, гробъ Александра Васильевича отвезли въ подмосковное село Яблочки и опустили тамъ въ семейный склепъ, рядомъ съ гробницами его отца и дѣда.

Провожать тѣло поѣхала одна только Марта. Ее сопровождали Михаилъ съ женой. Никого больше изъ дворни барышня съ собой не взяла.

Мать свою, полупомѣшанную отъ горя и испуга (почти одновременно съ извѣстіемъ о скоропостижной смерти мужа Марья Леонтьевна узнала о существованіи законнаго претендента на имя и состояніе ея дѣтей), Марта распорядилась отправить вмѣстѣ съ мальчиками въ Царское Село.

— Вамъ тамъ будетъ покойнѣе, маменька,—говорила она, нѣжно обнимая ее.—Пока дѣла наши не устроятся такъ или иначе, намъ надо жить какъ можно дальше отъ людскихъ толковъ и пересудовъ. Чѣмъ скорѣе про насъ забудутъ, тѣмъ лучше и тѣмъ легче намъ будетъ съ нашимъ горемъ справиться.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой!—стонала Марья Леонтьевна, прижимаясь къ дочери, въ которой она теперь чувствовала свою единственную поддержку и утѣшеніе.—Что съ нами будетъ!

Марта ласкала ее и успокоивала какъ ребенка.

— Не сокрушайтесь, Богъ дастъ, все устроится. Вѣдь мы не

виноваты въ томъ, что случилось,—чего же намъ бояться? А тотъ, который былъ бы въ отвѣтѣ, теперь у престола Всевышняго и ему опасаться людскаго суда тоже нечего, — прибавила она со вздохомъ.

— Что будетъ съ тобой, съ мальчиками! Все у васъ отнимутъ, объявятъ васъ незак...

Голосъ ея порывался въ рыданіяхъ.

— Обо мнѣ не заботьтесь, хуже, горчѣе того, что случилось, тяжелѣе утраты я не могу испытать: вѣдь вы знаете, какъ я его любила! Ну, а насчетъ дѣтей, они еще, слава Богу, такъ малы что понимать своего положенія не могутъ, а выростутъ—отъ нихъ будетъ зависѣть судьбу себѣ устроить. Наше дѣло имъ воспитаніе хорошее дать, да чтобъ честные люди изъ нихъ вышли, а тамъ что Богъ дастъ. Вы только не задавайтесь мыслями насчетъ будущаго, предоставьте это мнѣ, а сами молитесь, да о здоровьѣ своемъ больше заботьтесь. Вотъ я, Богъ дастъ, вернусь изъ подмосковной, мы и рѣшимъ, куда намъ на лѣто ѣхать. Можно въ Молдасовку: я на всякій случай напишу управителю, чтобъ домъ тамъ прибрали; можно и въ Тверскую губернію, въ Золотаревку. Оба эти имѣнія составляютъ вашу неотъемлемую собственность, вы ихъ получили отъ вашего родителя, котораго вы единственная наслѣдница, и никто у васъ ихъ отнять не можетъ.

— Ты это навѣрное знаешь?—допытывалась Марья Леонтьевна, вскидывая боязливый взглядъ на дочь.

— Навѣрное, будьте покойны,—отвѣчала Марта съ такою увѣренностью, что Марья Леонтьевна на время успокоивалась.

Внезапно и безъ всякой подготовки, очутившись главой семьи, Марта не только не растерялась и не впала въ отчанье, какъ всякая другая дѣвушка на ея мѣстѣ, но съ такой энергіей, такъ толково и разумно вошла въ свою новую роль, что надо было только дивиться.

Изнѣженная и набалованная, привыкшая съ дѣтства жить чужимъ умомъ и подчиняться чужой волѣ, не осмѣливаясь имѣть ни мыслей своихъ, ни чувствъ, ни убѣжденій, она до двадцати лѣтъ смотрѣла на жизнь и на людей глазами отца, заботилась только о томъ, чтобъ угодить ему, хлопотала только о нарядахъ, о выѣздахъ въ свѣтъ, объ удовольствіяхъ, и вдругъ ей пришлось вполнѣ самостоятельно распоряжаться не только своей собственной судьбой, но также и судьбой матери, братьевъ и многочисленной дворни.

Къ ней ежеминутно являлись за приказаніями то тотъ, то другой. Михаилъ Ивановичъ такъ растерялся, что за каждымъ вздоромъ бѣжалъ къ барышнѣ. Къ ней приводили гробовщиковъ; она толковала съ докторами о томъ, какимъ способомъ довезти тѣло отца до подмосковной такъ, чтобъ оно дорогой не разложилось.

Она заказывала трауръ себѣ, матери, братьямъ и старшимъ слугамъ, принимала посѣтителей и вела съ ними тѣ разговоры, которые обыкновенно ведутся въ подобныхъ случаяхъ.

— И какъ это ее Господь поддерживаетъ! Весь день на ногахъ, хоть бы на минуточку прилегла отдохнуть,— толковали про барышню въ людскихъ и дѣвичьихъ.

— А ночью у тѣла молится. Какъ уйдутъ всѣ, она ужъ и тамъ.

— Не слегла бы отъ натуги-то,—безпокоились за нее.

— Не бось, такая не скоро съ ногъ свалится,— возражала на это съ гордостью Маланья Тимоѳеевна.—Вылитая старая барыня Марѳа Григорьевна. Та тоже, бывало, чѣмъ ей на душѣ тяжельше, чѣмъ горше, тѣмъ она бодрѣе выступаетъ. И голосъ у нея тогда звонче дѣлался, и взглядъ острѣе, а говоритъ она, бывало, въ такіе дни, точно молоткомъ тебѣ въ память слова-то вколачиваетъ, вѣкъ не забыть. Также и Марѳа Александровна таперича. Одна порода, сейчасъ видно.

Маланья была у Воротынцевыхъ, когда стало извѣстно, что баринъ скончался; она забѣжала къ себѣ домой на Мѣщанскую для того только, чтобъ бѣльишка да платье захватить обмѣниться, сказать, чтобъ ея не ждали, да распорядиться по хозяйству. Она была увѣрена, что барышня возьметъ ее съ мужемъ въ подмосковную, знала также и то, что въ настоящую минуту она нужнѣе всѣхъ на свѣтѣ дочери Александра Васильевича, и рѣшила ни на минуту не покидать ея.

Что же касается до исхода того дѣла, которымъ она такъ терзалась впродолженіе цѣлаго года, Маланья и думать о немъ перестала. Когда мужъ ея въ минуту отчаянья началъ было упрекать барина, что вотъ онъ умеръ и оставилъ ихъ однихъ расхлебывать заваренную имъ кашу, она прикрикнула на него:

— Такъ неужто-жъ ты думаешь, что онъ обо всемъ не позаботился передъ тѣмъ, какъ то страшное надъ собой сдѣлать? Ахъ ты, дуракъ эдакій безмозглый! Онъ, нашъ голубчикъ, грѣха смертельнаго не побоялся, душу свою, можетъ, тѣмъ самымъ на вѣки вѣченскіе погубилъ, чтобъ всѣхъ ослобонить, всѣмъ жить дать, а ты въ немъ сумлѣваешься? Ну, можно ли тебя за человѣка считать послѣ этого, мразь эдакая!

Не одна Маланья съ мужемъ подозрѣвали, что Александръ Васильевичъ кончилъ жизнь самоубійствомъ; извѣстно это было также и Мартѣ. На видномъ мѣстѣ письменнаго стола лежало письмо, съ надписью: «дочери моей Марѳѣ», которое Маланья, вбѣжавшая въ кабинетъ прежде всѣхъ, успѣла схватить, спрятать подъ платокъ и передать барышнѣ раньше, чѣмъ кто либо могъ это замѣтить.

Впослѣдствіи въ одномъ изъ ящиковъ бюро было найдено духовное завѣщаніе, съ дополненіями, сдѣланными Александромъ

Васильевичемъ, повидимому, въ самую послѣднюю минуту: чернила не успѣли еще просохнуть и на столѣ виднѣлись слѣды песку, которымъ они были засыпаны. Одно изъ этихъ дополненій относилось къ Михайлѣ съ женой: баринъ давалъ имъ вольную.

Содержанія письма, оставленнаго ей, Марта никому не сообщила. Она прочитала его запершись въ своей спальнѣ наверху, и когда потомъ сошла внизъ, лице у нея было точно каменное. Глаза, пролившіе столько слезъ за послѣднее время, были сухи и горѣли лихорадочнымъ блескомъ. Изъ почернѣвшихъ губъ вылетало отрывистое дыханіе, голосъ измѣнился, звучалъ глубже. Приказанія, раздаваемыя ею направо и налѣво, не задумываясь и самоувѣренно, она произносила отрывисто, кратко и ясно, точно уже впередъ выучила ихъ наизусть.

Вышло такъ, что, не совѣтуясь между собой и не разсуждая, весь многочисленный людъ, наполнявшій Воротынцевскій домъ, безъ малѣйшаго колебанія призналъ въ барышнѣ полновластную госпожу по смерти барина. Всѣ шли къ ней за приказаніями. Она объявила, что отецъ завѣщалъ похоронить его въ Яблочкахъ, и назначила, кто изъ людей поѣдетъ провожать тѣло.

Принимая толпу родственниковъ и знакомыхъ, спѣшившихъ отдать послѣдній долгъ покойнику и выразить соболѣзнованіе семьѣ его, Марта всѣмъ и каждому повторяла, что отецъ ея скончался отъ разрыва сердца.

Это подтверждалъ и ихъ домашній докторъ, съ которымъ она имѣла продолжительное совѣщаніе раньше, чѣмъ вѣсть о внезапной смерти Александра Васильевича разнеслась по городу.

Полинька узнала о несчастіи, постигшемъ ея пріятельницу, довольно поздно. Наканунѣ она весь день напрасно ждала, чтобъ за нею прислали, а когда и на слѣдующій день ни экипажа, ни казачка съ запиской отъ Марты къ ней не явилось, она забезпокоилась и рѣшила сама поѣхать посмотрѣть, что у нихъ дѣлается. Ужъ подъѣзжая къ дому, ее удивилъ необычайно большой съѣздъ экипажей, въѣзжавшихъ во дворъ, черезъ настежь растворенныя ворота, а когда она увидѣла снующую въ мрачномъ молчаніи взадъ и впередъ прислугу, когда она вглядѣлась въ блѣдныя, испуганныя лица казачковъ и лакеевъ, попадавшихся ей на встрѣчу въ то время, какъ она поднималась по крутымъ, каменнымъ ступенямъ параднаго крыльца, жуткое предчувстіе чего-то страшнаго наполнило ей душу.

«Кто у нихъ умеръ? — спрашивала она себя въ ужасѣ: — неужели Марѳа Александровна?».

Но вопросы эти она не осмѣливалась предлагать пробѣгавшимъ мимо нея людямъ, страшно было услышать подтвержденіе догадки. И вдругъ, занимая громадное мѣсто въ пустомъ пространствѣ, такое громадное, что впродолженіе нѣскольких минутъ она, кромѣ его,

ровно ничего не могла видѣть, предстало передъ нею мертвое тѣло Александра Васильевича.

Часто потомъ Полинька припоминала сцены, которыхъ она въ тотъ вечеръ была свидѣтельницей у Воротынцевыхъ. Странный видъ высокихъ, красивыхъ комнатъ, съ растворенными настежь дверями; завѣшанныя бѣлыми скатертями зеркала, сдвинутая въ безпорядкѣ мебель тамъ, гдѣ проносили одѣтое въ вышитый золотомъ мундиръ тѣло Александра Васильевича, чтобъ положить его на столъ, среди той самой бѣлой залы, гдѣ такъ еще недавно кружились въ вихрѣ танцевъ веселыя и нарядныя пары, при блескѣ сверкающихъ канделябровъ и люстръ, при звукахъ оркестра.

Теперь въ этой залѣ, освѣщенной блѣднымъ сумракомъ весенней ночи и мерцающимъ блескомъ свѣчей въ высокихъ серебряныхъ подсвѣчникахъ у изголовья и въ ногахъ покойника, прежде всего бросалось въ глаза спокойное, величавое лице навѣки заснувшаго хозяина дома; а ужъ затѣмъ, когда Полинька опомнилась отъ ужаса и изумленія, охватившаго ее съ такой силой, что она чуть съ ногъ не свалилась и должна была схватиться за первый попавшійся стулъ, чтобъ не упасть, когда она убѣдилась, что это не сонъ и что дѣйствительно человѣкъ этотъ, котораго она видѣла полнымъ жизни и силы не дальше какъ третьяго дня, умеръ, вспомнила она про Марту и стала искать ее глазами въ толпѣ дамъ въ черномъ, со свѣчами въ рукахъ, стоявшихъ у дверей гостинной въ ожиданіи панихиды. Священникъ уже готовился произнести первыя слова молитвы, въ воздухѣ носился запахъ ладона изъ дымящейся кадильницы, которую казачекъ торопливо проносилъ изъ прихожей къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ дьячокъ. Но между дамами Марты не было. Не видно ея было также и въ группѣ мужчинъ, тихо бесѣдовавшихъ между собой у одного изъ оконъ. Полинька обернулась къ коридору, въ которомъ тѣснилась прислуга, но и тамъ не нашла той, которую искала, какъ вдругъ изъ той двери, что вела на половину Марьи Леонтьевны, показалась ея стройная фигура. Рядомъ съ нею шелъ господинъ среднихъ лѣтъ, съ красивымъ блѣднымъ лицомъ и задумчивымъ взглядомъ.

Полинька видѣла этого человѣка въ первый разъ, и ее поразило выраженіе нѣжнаго участія и глубокой скорби, съ которымъ онъ смотрѣлъ на Марту, вполголоса разговаривая съ нею.

И, должно быть, слова его имѣли для нея большое значеніе: она остановилась на порогѣ, чтобъ дослушать рѣчь своего спутника, а священникъ, ожидавшій ея появленія, чтобъ начать панихиду, краснорѣчивымъ покашливаніемъ далъ знать дьякону, что надо повременить.

— Съ кѣмъ это она?—зашептали въ группѣ дамъ.

— Съ своимъ дядей, сенаторомъ Ратморцевымъ.

— Да вѣдь они были въ ссорѣ?

— Помирились, должно быть. Она его къ матери вѣрно водила.

Полинька съ любопытствомъ стала всматриваться въ незнакомца и нашла, что у него наружность красивая и величественная. Во время панихиды онъ стоялъ особнякомъ, поодаль отъ людей, близкихъ къ покойнику, хотя, проходя мимо, и мѣнялся съ нѣкоторыми изъ нихъ поклонами, и все время молился усердно, устремивъ скорбный взглядъ на мертвое лице Александра Васильевича. Глаза его по временамъ заволакивались слезами.

Послѣ панихиды Полинька не тотчасъ подошла къ Мартѣ, она подождала, чтобъ всѣ разъѣхались, и тогда только, съ трудомъ сдерживая рыданія, кинулась обнимать ее.

— Да, душенька, онъ не захотѣлъ съ нами оставаться,—прошептала Марта, не отрывая взгляда отъ восковаго лица усопшаго.

Ея голосъ, выраженіе лица, вся ея фигура, дышавшая какимъ-то страннымъ спокойствіемъ и покорностью, приводили Полиньку въ изумленіе; никогда еще не видѣла она ее такой холодной и къ внѣшнему міру безучастной. Душа ея точно замкнулась отъ всѣхъ, въ томъ числѣ и отъ Полиньки.

— Какъ это случилось? Я ничего не знала, я даже и представить себѣ не могла... онъ былъ совсѣмъ здоровъ... какъ это случилось?—лепетала безсвязно эта послѣдняя.

— Разрывъ сердца. Скончался мгновенно... безъ страданій,—какъ заученный урокъ машинально отвѣчала Марта.

— Какъ вы должны были испугаться? Господи! Это случилось такъ неожиданно.

Блѣдныя губы дочери Александра Васильевича тронулись горькой усмѣшкой, но она не вымолвила ни слова въ отвѣтъ на сѣтованія своей подруги.

Посѣтители разъѣхались, домашніе разошлись по своимъ комнатамъ, и, кромѣ Марты съ Полинькой, дьячка, читавшаго псалтирь, да мертваго тѣла Александра Васильевича, въ бѣлой залѣ никого не осталось.

Полинька не рѣшалась больше заговаривать со своей пріятельницей, и благоговѣйная тишина, воцарившаяся въ комнатѣ, нарушалась однимъ только монотоннымъ чтеніемъ псалтиря. Это длилось долго, до тѣхъ поръ, пока Марту не позвали къ матери. Она вздрогнула, точно ее разбудили отъ глубокаго сна, и, не оборачиваясь, поспѣшно вышла изъ комнаты.

Подождавъ еще съ полчаса времени, Полинька подумала, что здѣсь теперь не до нея, и уѣхала домой. А когда на другой день, часу въ третьемъ, она опять сюда пришла, ей объявили, что тѣло Александра Васильевича ужъ увезли въ подмосковную, и что барышня уѣхала туда же съ Михаиломъ Ивановичемъ и Маланьей Тимоѳеевной.

Дворъ и лѣстница были усыпаны ельникомъ, съ крыльца раздавались зычные голоса лакеевъ въ ливреяхъ, выкрикивавшихъ кареты, въ которыя садились родственники и родственницы, пріѣхавшіе на выносъ тѣла и замѣшкавшіеся у Марьи Леонтьевны, послѣ отъѣзда ея дочери.

Постоявъ въ недоумѣніи на крыльцѣ, Полинька вернулась домой, очень печальная, съ сердцемъ, переполненнымъ горечью неудовлетвореннаго любопытствомъ и обидой.

Однако, когда дня три спустя явилась къ нимъ m-lle Lecage и стала передавать сплетни, ходившія по городу по поводу внезапной смерти Воротынцева, она вспылила, объявила рѣшительнымъ тономъ, что все это ложь и клевета, и посовѣтывала француженкѣ не повторять такихъ вещей, если она не желаетъ подвергнуться большимъ непріятностямъ.

— Да помилуйте, ma chère m-lle Pauline, это сущая правда, мсьё Воротынцевъ былъ два раза женатъ, онъ уморилъ свою первую жену, а ребенокъ ея спасся какимъ-то чудомъ и теперь является единственнымъ наслѣдникомъ всего состоянія, а m-lle Marthe съ братьями...

— Если до Мареы Александровны дойдетъ, что вы про нихъ такой вздоръ болтаете, она пожалуется на васъ шефу жандармовъ и васъ вышлютъ изъ Россіи,—прервала ее Полинька.

— Да вы только выслушайте, я вамъ сейчасъ докажу...

— И слушать ничего не хочу.

— Если-бъ онъ не умеръ, его посадили бы въ тюрьму за убійство и сослали бы на каторгу,—стояла на своемъ m-lle Lecage.

— Берегитесь, чтобъ съ вами того же не сдѣлали за распространеніе клеветы.

Николая Ивановича, молча присутствовавшаго при этомъ диспутѣ, столкновеніе дочери съ француженкой забавляло.

M-lle Lecage, подмѣтивъ усмѣшку на его губахъ, обратилась къ нему.

— M-lle Pauline не желаетъ меня выслушать, а то я бы ей доказала, что говорю правду. Этотъ молодой человѣкъ, законный сынъ г. Воротынцева, онъ въ Петербургѣ, и въ немъ большое участіе принимаетъ родственникъ Воротынцевыхъ, сенаторъ Ратморцевъ. Сенаторъ Ратморцевъ поклялся честью, что поможетъ ему вернуть то, что у него отнялъ отецъ, имя, состояніе...

— Это тотъ самый Ратморцевъ, котораго ты у нихъ вчера видѣла?—спросилъ Ожогинъ у дочери.

— Тотъ самый, папенька,—отвѣчала Полинька.

— И знаете,—продолжала между тѣмъ распространяться m-lle Lecage, не обращая вниманія на замѣчанія, которыми обмѣнивались между собою ея слушатели,—многіе думаютъ, что мсьё Воротын-

цевъ самъ лишилъ себя жизни, принялъ ядъ. Есть яды, чрезвычайно быстро дѣйствующіе, d'une façon foudroyante.

При этихъ словахъ капитанъ, не отрывая отъ губъ своей длинной трубки, опять вскинулъ вопрошающій взглядъ на дочь, но на сердитомъ лицѣ Полиньки, кромѣ досады и презрѣнія, ничего нельзя было прочесть.

— Всѣхъ вракъ не переслушаешь,—проговорилъ онъ съ усмѣшкой, пожимая плечами.

Однако, когда m-lle Lecage ушла, онъ спросилъ у дочери, съ чего это по городу такія сплетни про Воротынцевыхъ заходили.

— Что нибудь да есть, изъ пальца такой исторіи не высосешь,—прибавилъ онъ, раздумчиво покачивая головой.

— Вотъ пріѣдетъ Мароа Александровна изъ подмосковной, тогда все и узнаешь,—отвѣчала дочь.

Не взирая на перемѣну, происшедшую въ ея пріятельницѣ, она была увѣрена, что про нее у Воротынцевыхъ вспомнятъ, и она не ошиблась: недѣли черезъ двѣ за нею прислали.

Марту она нашла все такой же сдержанной и спокойной, какъ при послѣднемъ ихъ свиданіи на панихидѣ. Все то же холодное безучастіе свѣтилось въ ея глазахъ. Глубокій трауръ, длинное суконное платье съ крепомъ и плерезами, придавало ея высокой, стройной фигурѣ величественный видъ, а похудѣвшее лице было такъ блѣдно, что Полинька не могла воздержаться отъ разспросовъ относительно ея здоровья.

— О, я совсѣмъ здорова и никогда еще не чувствовала себя такой сильной и бодрой, какъ теперь,—отвѣчала Марта.—Я даже нисколько не устала, а между тѣмъ путешествіе было утомительное; мы его везли день и ночь, нигдѣ не останавливаясь. Въ Москвѣ только панихиду отслужили и поѣхали дальше. Я все время не могла сомкнуть глазъ, и въ первый разъ заснула тогда только, когда его похоронили.

И, помолчавъ немного, она прибавила, устремивъ пытливый взглядъ на свою пріятельницу:

— Вы вѣрно слышали про непріятности, которыя его свели въ могилу?

— Слышала, но ничему не хочу вѣрить, пока отъ васъ не узнаю,—отвѣчала Полинька.

Марта вздохнула.

— И хорошо дѣлаете. Можно себѣ представить, какія сплетни теперь про насъ распускаютъ по городу! Помните, вѣдь и мы съ вами позволяли себѣ предаваться разнымъ нелѣпымъ догадкамъ на этотъ счетъ? И какъ мы были далеко отъ истины, Боже, какъ далеко! Что вы слышали?—спросила она, мѣняя тонъ.

— Дорогая моя, Мароа Александровна, это такая низкая клевета...

— Все равно, скажите,—повелительно произнесла Марта, сдвигая брови.

Взволнованнымъ голосомъ и всячески стараясь смягчать свои выраженія, передала ей Полинька разсказы m-lle Lecage.

Ее выслушали съ холоднымъ презрѣніемъ.

— Да, именно такъ и долженъ судить про насъ свѣтъ, люди всегда склонны клеветать на тѣхъ, кому они завидуютъ. Отецъ нашъ никогда не былъ убійцей, Полинька. Вы можете смѣло повторить это всякому, кто позволитъ себѣ позорить его память въ вашемъ присутствіи. Это правда, что онъ женился на маменькѣ, когда его первая жена была еще жива, но одинъ только Богъ можетъ его за это судить, — продолжала она, торжественно возвышая голосъ. — Правда также и то, что проявился молодой человѣкъ, который изъявляетъ претензіи на наше имя и состояніе, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ, будто бы, сынъ первой жены нашего отца, но это надо еще доказать,—прибавила она, сдвигая брови.

А затѣмъ она прибавила, съ рѣзкостью отчеканивая слова:

— Вотъ и все, остальное — ложь и клевета.

— Я слышала, что г. Ратморцевъ принимаетъ участіе въ этомъ молодомъ человѣкѣ,—позволила себѣ замѣтить Полинька.

Брови Марты сдвинулись еще ближе, и въ глазахъ ея сверкнулъ гнѣвъ.

— А! ужъ вамъ и это извѣстно! — вымолвила она съ горькой усмѣшкой.

А затѣмъ, подавивъ порывъ запальчивости, она прибавила съ холодною сдержанностью:

— Очень можетъ быть, что Ратморцевы принимаютъ участіе въ этомъ молодомъ человѣкѣ. Никто имъ этого запретить не можетъ, у каждаго свои убѣжденія.

И, чтобъ дать понять своей бывшей пріятельницѣ, что распространяться объ этомъ предметѣ она больше не желаетъ, Марта круто повернула разговоръ на другую тему, предложила ей взять на лѣто тѣ книги изъ библіотеки, которыя она хотѣла прочесть, и стала разспрашивать ее про ихъ деревушку: есть ли у нихъ садъ при домѣ, много ли у нихъ сосѣдей и тому подобное.

На вопросы эти Полинька, невольно подчиняясь ея волѣ и мысленно дивясь своей покорности, отвѣчала безъ раздраженія и досады, именно какъ желала ея собесѣдница. Но это было только повидимому, душа ея была полна горечи и разочарованія.

Да, смерть отца измѣнила Марту, или, лучше сказать, заставила вдругъ развернуться тѣ прирожденныя свойства ума и характера, которыя, можетъ быть, при другихъ обстоятельствахъ еще долго дремали бы въ ея душѣ.

Такъ или иначе, но послѣ этого свиданія, дѣвица Ожогина не

могла не понять, что теперь между нею и дочерью Александра Васильевича Воротынцева еще меньше можетъ быть равенства и дружбы, чѣмъ было прежде.

XXIII.

Наступила зима. Дни стали короткіе. Когда, выспавшись послѣ обѣда, капитанъ Ожогинъ изъ своего мезонина спускался внизъ, у его дочери горѣли свѣчи.

Въ тотъ годъ Полинькѣ повезло. Лучшій учитель пѣнія въ Петербургѣ, европейская знаменитость, занимавшійся съ великими княжнами и которому платили двадцать пять рублей за урокъ, познакомившись съ нею у соотечественницы m-lle Lecage, вызвался ей давать уроки даромъ, съ тѣмъ, однако, чтобъ она помогала ему въ занятіяхъ съ учениками, посѣщавшими его классы.

Полинька на это съ радостью согласилась. Классы профессора Р—ни пользовались громкою извѣстностью, ихъ посѣщали дѣвицы изъ лучшихъ домовъ всегда въ сопровожденіи маменекъ и гувернантокъ, а этимъ послѣднимъ такая прекрасно воспитанная дѣвушка, какъ дочь капитана Ожогина, не могла не понравиться. Ее приглашали акомпанировать великосвѣтскимъ дилетанткамъ, играть съ ними въ четыре руки, и платили за это щедро.

Такимъ образомъ она проводила большую часть дня въ богатыхъ домахъ, кушала на серебрѣ обѣды, приготовленные отличными поварами, слышала разсказы про дворъ и про высшее общество, дышала той атмосферой роскоши, блеска и безпечнаго веселья, къ которой съ ранняго дѣтства чувствовала непреодолимое влеченіе.

Вытѣсняемыя новыми ощущеніями, впечатлѣнія прошлой зимы мало-по-малу изглаживались изъ ея памяти, и напускное чувство экзальтированной нѣжности къ Мартѣ меркло и охлаждалось.

Вспоминала она про нее тогда только, когда отецъ, чтобъ подразнить ее, приставалъ къ ней съ разспросами про Воротынцевыхъ: не слышно ли чего про ихъ дѣло? и когда же, наконецъ, они сюда пріѣдутъ?

Но теперь ее раздражали эти вопросы, ей хотѣлось забыть про Марту, и она больше смутилась, чѣмъ обрадовалась, когда узнала объ ея возвращеніи въ Петербургъ.

— Да, да, вернулась твоя Мареа Александровна и тотчасъ про тебя вспоминала,— говорилъ ухмыляясь капитанъ, прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ, съ своей неизмѣнной трубкой въ зубахъ, и поглядывая искоса на дочь, въ то время какъ она читала письмо, принесенное казачкомъ отъ Воротынцевыхъ.

Письмо это было очень лаконично.

«Милая Полинька,—писала Марта,—я пріѣхала изъ деревни и очень была бы рада васъ видѣть. Мареа Воротынцева».

— Я казачка-то допросилъ,—продолжалъ между тѣмъ распространяться старикъ,—все ли у васъ благополучно? Слава Богу, говоритъ, барыня хвораетъ, а барышня ничего. А лошадей, говоритъ, мы теперь одну только четверку держимъ. Барышня съ маленькими братцами изъ деревни пріѣхала. Барыня тамъ осталась. Изъ людей одного только Михаила да двухъ лакеевъ съ тремя казачками взяли, да женскаго полу шесть душъ, тутъ и прачки, и судомойки, и горничныя. А кушать имъ будетъ готовить старшій поваренокъ Прошка, старикъ поваръ при барынѣ остался. Все мнѣ отрапортовалъ шельмецъ.

— А экипажъ она за мной прислала?—спросила Полинька, складывая записку и опуская ее въ карманъ.

— Нѣтъ, не прислала. Я же тебѣ сказалъ, что лошадей на конюшнѣ у нихъ теперь одна только четверка. Какъ пріѣхала, такъ въ Казанскій соборъ отправилась, панихиду по отцѣ отслужила. Впередъ ужъ панихида-то была заказана. А вернувшись за дѣла принялась, вплоть до обѣда письма писала и разослала ихъ съ камердинеромъ куда слѣдовало. Все къ прежнимъ отцовскимъ друзьямъ, которые въ былое время за честь и за счастье считали знакомство съ ними водить, а теперь... Любопытно знать, какъ они съ нею теперь обойдутся, очень любопытно.

И, снова глянувъ пытливо изъ-подъ нависшихъ бровей на дочь, онъ угрюмо вымолвилъ:

— Пошевеливаться стали, поди чай, тѣ, что законнаго наслѣдника руку держать.

И съ злобной усмѣшкой процѣдилъ сквозь зубы:

— Наслѣдникъ! Незаконный мѣщанки сынъ, хорошъ наслѣдникъ!

Полинька съ досадой передернула плечами.

— А все же претензіи его законны, и если ужъ такіе важные господа, какъ сенаторъ Ратморцевъ, оказываютъ ему протекцію...

— А ты почемъ знаешь, какую они ему протекцію оказываютъ?

— Я объ нихъ очень много знаю,—усмѣхнулась дѣвушка.— Меня пригласили заниматься съ барышнями Ратморцевыми.

— И ты согласилась?

— Я обѣщала дать отвѣтъ завтра.

Капитанъ промолчалъ.

— Что-жъ, она на мое послѣднее письмо не отвѣчала...

— Кто это—она?—спросилъ онъ, сердито сдвигая брови.

— Мареа Александровна,—поправилась дѣвушка, краснѣя отъ досады.— Я у нея спрашивала, пріѣдетъ ли она на зиму въ Петербургъ, и, не получая отвѣта, рѣшилась принять предложеніе Ратморцевыхъ, а ужъ теперь не знаю, право, какъ и быть. Вѣдь онъ у нихъ живетъ и, можетъ быть, мнѣ и съ нимъ придется заниматься. У него, говорятъ, прекрасный голосъ.

— Это у ублюдка-то?

— У сына Александра Васильевича Воротынцева, папенька.

Капитанъ издалъ невнятное мычаніе.

— Григорій Александровичъ Воротынцевъ... Недурно,— проговорила она съ задумчивой улыбкой.

— Особенно послѣ того, какъ до двадцати лѣтъ Гришкой величали,—ехидно хихикнувъ, подхватилъ отецъ.

Полинька поморщилась. Ее интересовалъ этотъ молодой человѣкъ, и отъ шутокъ отца ее коробило.

— Ты что-жъ не летишь къ твоему другу-то? — началъ онъ снова, пыхнувъ раза два изъ трубки и не переставая слѣдить пытливымъ взглядомъ за выраженіемъ ея лица.

— Поздно ужъ, не обезпокоить бы,—неохотно отвѣчала она.

Живые глазки старика заискрились злымъ блескомъ.

— А любопытно съ сыномъ-то мѣщанки познакомиться, а?

Она вспыхнула до ушей.

— И въ мысляхъ нѣтъ!...

— Те, те, те! Не финти, меня не проведешь! Какъ ты ни умна, а я тебя всю насквозь вижу. Испортила тебя старая грымза, въ конецъ испортила. Долго мнѣ еще придется польскій духъ изъ тебя выколачивать,—продолжалъ онъ, стуча костлявымъ пальцемъ по столу.— А ужъ когда нибудь да выколочу! Честное слово русскаго офицера, выколочу! Будешь ты у меня порусски мыслить и чувствовать, не я буду, если этого не добьюсь. Поѣзжай сейчасъ къ Марѳѣ Александровнѣ, извинись, что раньше не могла быть, и скажи ей, что тебя приглашаютъ давать уроки у ея дяди, сенатора Ратморцева, но что, безъ ея одобренія, ты на это рѣшиться не можешь, такъ и скажи,—прибавилъ онъ, строго возвышая голосъ.—И какъ велитъ, такъ и поступай. Одѣвайся и безъ разговоровъ—маршъ!

Когда капитанъ выражалъ такимъ образомъ свою волю, это значило, что отъ принятаго рѣшенія онъ не отступитъ, и оставалось только повиноваться.

Подъѣзжая къ дому Воротынцевыхъ, Полинька не замѣтила огня ни въ одномъ изъ оконъ, выходившихъ на набережную. Но ворота были отперты и у подъѣзда стояла карета. Освѣщена была и лѣстница, а въ длинной прихожей камердинеръ Михаилъ бесѣдовалъ съ чужимъ лакеемъ въ ливреѣ.

При ея появленіи оба поднялись съ коника, на которомъ сидѣли, и, снимая съ нея салопъ, Михаилъ Ивановичъ предложилъ ей пройти въ боскетную.

— У барышни гость, князь Владиміръ Андреевичъ. Онѣ изволили приказать васъ въ боскетную провести, когда вы пожалуете.

Эту комнату, названную боскетной потому, что стѣны ея были обиты разрисованными цвѣтами и деревьями по полотну, а передъ

широкимъ угловымъ окномъ стояла большая позолоченная клѣтка съ канарейками, Полинька хорошо знала; она примыкала съ одной стороны къ бальной залѣ, большой столовой и гостинной, а съ другой къ проходной комнатѣ, изъ которой дверь вела на половину покойнаго Александра Васильевича, выходившую окнами въ садъ. Эта половина была освѣщена въ тотъ вечеръ, но съ набережной догадаться объ этомъ было трудно.

Проводивъ сюда гостью, камердинеръ вышелъ, а Полинька сѣла на маленькій диванчикъ изъ бѣлаго дерева, обитый розовымъ атласомъ, сложила на груди руки и стала ждать.

Время тянулось долго; заняться было нечѣмъ; со столовъ и этажерокъ, разставленныхъ кругомъ, все было прибрано, книги, альбомы, ящики съ шахматами и домино; птицъ въ клѣткѣ не было ни одной. Въ углу, на бѣлой, мраморной колонкѣ, въ бронзовомъ канделябрѣ, съ котораго сняли кисейный бѣлый чехолъ, горѣла свѣча. Оглянувшись нечаянно на дверь противъ той, въ которую она вошла, Полинька увидѣла амфиладу комнатъ, утопавшихъ во оракѣ, и ей жутко стало среди царствовавшей вокругъ нея тишины и пустоты.

Долго ли заставятъ ее ждать?

Посѣтителя Марты она по наслышкѣ хорошо знала. Это былъ очень важный сановникъ и вліятельная при дворѣ личность. Съ покойнымъ Воротынцевымъ онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ и то, что онъ такъ засидѣлся у Марты въ день ея пріѣзда въ Петербургъ послѣ болѣе чѣмъ восьмимѣсячнаго отсутствія, можно было считать хорошимъ предзнаменованіемъ для осиротѣлой семьи Александра Васильевича: не всѣ, значитъ, отвернулись отъ нея.

По естественному сцѣпленію мыслей, вспомнились ей еще недавно слышанные толки о томъ, что непризнанному сыну покойнаго Воротынцева не такъ-то легко будетъ добиться возстановленія своихъ утраченныхъ правъ.

Въ городѣ носились слухи о томъ, будто внезапная смерть Воротынцева произвела впечатлѣніе на государя. Говорили про какое-то письмо, переданное царю, по просьбѣ Александра Васильевича, тѣмъ самымъ княземъ, который теперь бесѣдовалъ съ Мартой.

Князь этотъ доводился имъ родственникомъ. Да и, кромѣ него, у Марты было много вліятельныхъ друзей и родныхъ, а у того другихъ покровителей, кромѣ сенатора Ратморцева, нѣтъ. Правда, за него законъ, но мало ли свершается беззаконій на свѣтѣ!

Во всякомъ случаѣ еще много можетъ пройти времени прежде, чѣмъ рѣшится его судьба,—такъ много, что онъ, пожалуй, успѣетъ и состариться въ своей жалкой роли непризнаннаго претендента на знатное имя и огромное состояніе. Какъ онъ долженъ мучиться и волноваться!

По одному тому, какъ близко къ сердцу принимала Полинька стра-

данія этого юноши, котораго она никогда не видѣла, можно было судить о томъ, какъ она охладѣла къ своей бывшей пріятельницѣ.

«Зачѣмъ я здѣсь?—спрашивала она себя съ досадой.—Отецъ велѣлъ. Но не лучше ли было бы вынести съ нимъ сцену, чѣмъ подвергаться незаслуженнымъ униженіямъ?» Ее здѣсь третируютъ какъ прислугу. По первому зову она прискакала и, чѣмъ бы выйти къ ней на встрѣчу, поблагодарить за то, что она пріѣхала, приласкать, ее заставляютъ ждать одну, цѣлый часъ...

Раздался звонокъ. Мимо боскетной прошелъ Михаилъ Ивановичъ, а въ концѣ проходной комнаты дверь растворилась, и на порогѣ появилась Марта въ сопровожденіи высокаго старика въ генеральскихъ эполетахъ, съ увѣшанной орденами грудью.

Они прощались. Старикъ пригнулъ свою лысую голову, чтобъ поцѣловать ея руку, а она прикоснулась губами къ его виску.

— Такъ вы мнѣ совѣтуете завтра же съѣздить къ графу?— спросила Марта.

— Всенепремѣнно. Онъ знаетъ, что вы здѣсь. Его расположеніе къ вамъ всѣмъ извѣстно, онъ одинъ изъ вашихъ самыхъ усердныхъ почитателей и за удовольствіе почтетъ вамъ быть полезнымъ. Я уполномоченъ вамъ это сообщить, милая племянница.

И онъ снова поднесъ къ губамъ ея руку, которой не выпускалъ изъ своихъ.

Среди тишины, царствовавшей въ опустѣвшемъ домѣ, каждое слово явственно долетало до ушей Полиньки и усиливало ея душевное смятеніе.

Неужели отецъ ея правъ, и пренебрегать протекціей Марты было бы непростительной ошибкой? Неужели, не взирая на все, что случилось, Марта будетъ попрежнему знатна и богата, попрежнему будетъ занимать видное мѣсто при дворѣ, пользоваться всѣмъ, чѣмъ она пользовалась при жизни отца, когда нельзя было даже и предвидѣть катастрофы, обрушившейся на ихъ домъ?

Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же Александръ Васильевичъ лишилъ себя жизни?

А тотъ-то, несчастный?..

Она все еще искала отвѣта на смущавшіе ее вопросы, когда, проводивъ своего гостя до средины проходной комнаты, Марта, не оборачиваясь къ двери, у которой ждала Полинька, вернулась въ кабинетъ медленной походкой и волоча за собой длинный черный шлейфъ.

Только минутъ десять спустя и послѣ того, какъ раздался гулъ отъѣзжавшаго отъ крыльца экипажа, явился Михаилъ Ивановичъ за Полинькой.

— Барышня васъ просятъ въ кабинетъ.

«Не потрудилась даже сама за мной придти»,—подумала дочь капитана Ожогина, слѣдуя за камердинеромъ.

Марту она застала за чтеніемъ какого-то письма, которое она спрятала въ бюро при ея появленіи.

— Здравствуйте, моя душенька, я васъ ждала раньше, — проговорила она, цѣлуя свою посѣтительницу и указывая ей на стулъ возлѣ дивана, на которомъ она сидѣла.

— Меня дома не было, когда принесли вашу записку, а то я давно бы прибѣжала...

Послѣднія слова соскользнули съ ея языка по привычкѣ и нечаянно. Ей хотѣлось сказать совсѣмъ другое, выразить неудовольствіе за то, что съ нею обращаются, какъ съ холопкой, и дать понять, что такую роль она на себя больше брать не желаетъ. Она могла терпѣть это раньше, когда у нея не было другихъ покровителей, кромѣ Воротынцевыхъ, но теперь дѣло другое, теперь она не нуждается въ Мартѣ, и ей хотѣлось бы, чтобъ это поняли и оцѣнили.

Но, повидимому, Марта и не подозрѣвала волновавшихъ ее чувствъ. Она показалась ей еще холоднѣе и ко всему безучастнѣе, чѣмъ при ихъ послѣднемъ свиданіи, восемь мѣсяцевъ тому назадъ. Упорство и властное самообладаніе, выражавшееся въ ея взглядѣ, придавали небывалую жесткость ея поблѣднѣвшему и похудѣвшему лицу, съ черными, рѣзко очерченными бровями. Не взирая на то, что трауръ ея близился къ концу, она была въ черномъ сукнѣ и крепѣ, какъ въ тотъ день, когда повезла тѣло отца въ подмосковную.

На заявленіе Полиньки, что ея дома не было, когда принесли ея записку, она снисходительно улыбнулась.

— Знаю. Вашъ отецъ разсказалъ моему посланному, какъ вы заняты. И капитанъ хорошо сдѣлалъ, что извинился за васъ,— продолжала она съ оттѣнкомъ ироніи,—я была такъ увѣрена, что вы тотчасъ же явитесь ко мнѣ, что приказала поставить вамъ приборъ къ обѣду.

— Да, теперь у меня очень много занятій, не то, что прежде,— объявила вызывающимъ тономъ Полинька.

— Очень рада. Обстоятельства ваши, значитъ, измѣнились къ лучшему? Вы занимаетесь съ учениками Р—ни? Съ кѣмъ же именно?

Полинька назвала нѣсколько фамилій, извѣстныхъ знатностью и богатствомъ.

— Ого! Васъ даже къ Орловымъ приглашали? Отлично,—усмѣхнулась она.—Они должны хорошо вамъ платить?

Замѣчаніе это такъ оскорбило Полиньку, что ей тоже захотѣлось уязвить свою бывшую пріятельницу, и она съ бьющимся отъ волненія сердцемъ и дрогнувшимъ голосомъ объявила, что ее приглашаютъ заниматься съ дочерьми сенатора Ратморцева.

Но напрасно она волновалась, Марта отнеслась къ этому извѣстію вполнѣ равнодушно.

— И что же вы? согласились, конечно? — спросила она.

И, не дождавшись отвѣта, прибавила:

— Я врядъ ли когда нибудь увижусь съ дяденькой Сергѣемъ Владиміровичемъ, а то и я бы тоже ему васъ отрекомендовала, какъ хорошую музыкантшу и отличную .учительницу.

Ея равнодушіе раздражало Полиньку гораздо больше всякихъ упрековъ.

— Вы, стало быть, ничего не имѣете противъ того, чтобъ я бывала въ этомъ домѣ?—спросила она.

Поняла ли, наконецъ, Марта по тону, съ которымъ былъ произнесенъ этотъ вопросъ, на что намекаетъ Полинька, или сама только теперь вспомнила про новаго члена Ратморцевской семьи, такъ или иначе, но она вспыхнула и глаза ея сверкнули. Но тотчасъ же, овладѣвъ собой, она съ изумленіемъ спросила:

— Съ какой стати? Не все ли мнѣ равно, у кого вы даете уроки?

Полинька ничего на это не возразила, и разговоръ перешелъ на другой предметъ. Марта разсказала про свои хлопоты по хозяйству въ имѣніи, изъ котораго она пріѣхала, про свою мать и про братьевъ.

— Я съ мальчиками одна возилась все это время, и пріѣхала сюда исключительно для нихъ. Государь на столько милостивъ, что самъ вспомнилъ, что они его крестники, и приказалъ записать ихъ въ пажескій корпусъ.

Поздравивъ ее съ царскою милостью, Полинька подумала, что дѣлать ей здѣсь больше нечего, и, замѣтивъ, что поздно, поднялась съ мѣста.

Ея не удерживали.

— Когда могу я къ вамъ опять пріѣхать?—спросила она, вспомнивъ, что ей достанется отъ отца, если она черезчуръ сухо простится со своей бывшей покровительницей.

— Когда хотите, душенька, я очень мало буду выѣзжать эту зиму, и у меня, я думаю, будутъ рѣдко бывать.

Ни слова о событіи, волновавшемъ ее передъ отъѣздомъ въ деревню, точно все то, что до смерти замучило ея отца, было не что иное, какъ страшный сонъ, отъ котораго послѣ пробужденія не осталось и слѣда.

Ни единымъ намекомъ не вернулась Марта къ тому, о чемъ она говорила съ Полинькой по возвращеніи своемъ изъ подмосковной, и такъ осторожно вела теперь съ нею бесѣду, что эта послѣдняя такъ и не нашла случая ввернуть слово про ея непризнаннаго брата и не могла узнать, какъ Марта къ нему относится, какъ намѣревается бороться съ его законными претензіями. Марта ни въ чемъ не открылась ей.

«Развѣ такія отношенія можно назвать дружбой?»—съ горечью спрашивала себя Полинька.

Но сквозь раздраженіе уязвленнаго самолюбія въ душѣ ея про-

бивались и другія чувства; не взирая на обиду, ей дышалось теперь много легче, чѣмъ два часа тому назадъ, когда она еще не знала, какъ ее примутъ у Воротынцевыхъ. Съ души ея точно бремя свалилось, и она стала мечтать о томъ, какъ она познакомится съ непризнаннымъ сыномъ Александра Васильевича и съ семьей, пріютившей его.

А Марта, проводивъ Полиньку, вернулась на прежнее мѣсто, забилась въ темный уголъ и долго оставалась неподвижно, закрывъ лице руками, — такъ долго, что Маланья, ждавшая въ сосѣдней комнатѣ, чтобъ ее позвали, не вытерпѣла наконецъ и безъ зову рѣшилась къ ней войдти.

— Барышня, золотая, вѣдь ужъ первый часъ, а завтра вамъ надо чуть свѣтъ подняться, да къ графу ѣхать, — тихо и ласково проговорила она.

Марта подняла голову. Лице ея было въ слезахъ.

Все равно не засну, Малаша.

— Всетаки лягте, въ постелькѣ вамъ покойнѣе будетъ. Помолитесь Богу, можетъ, Господь васъ и успокоитъ.

— Если-бъ можно было не притворяться спокойной и веселой, не лгать всѣмъ и каждому, если-бъ можно было забиться въ такую щель, гдѣ никто бы меня не видѣлъ!—простонала Марта, заливаясь слезами.

— А кто же бы тогда о маменькѣ да о братцахъ сталъ заботиться? — напомнила Малаша.

— Только для нихъ и переносишь эту пытку.

— И матушка! такіе ли еще ваши года, чтобъ отчаиваться!

— Я не отчаиваюсь, но оставаться здѣсь, въ томъ обществѣ, въ которомъ меня знали, какъ Мареу Александровну Воротынцеву, это сверхъ моихъ силъ, это невозможно.

— Богъ дастъ, все устроится. Что вамъ князь-то сказалъ? — понижая таинственно голосъ, спросила Маланья.

— Государь приказалъ мнѣ передать, что братья будутъ приняты въ пажескій корпусъ. Но подъ какимъ именемъ? Вотъ что для насъ главное, а про это я даже спрашивать не могу, не могу показать, что меня это безпокоитъ.

— Ужъ конечно,—поспѣшила согласиться Маланья.—Вамъ пуще всего гоноръ свой надо таперича всѣмъ показывать. Вотъ и я такъ же, какъ начнутъ это людишки всякіе намеки закидывать про вашу милость: какъ она дескать? Извѣстно ли ей про Григорія Александровича?.. Все больше отъ Ратморцевскихъ приходится такія рѣчи выслушивать, они его всѣ Григоріемъ Александровичемъ величаютъ,—продолжала она съ злобой,—я завсегда на это такъ раскричусь, такъ всѣхъ отдѣлаю, что той же минутой хвостъ подожмутъ. Увидимъ еще, говорю, чья возьметъ. Какъ бы вамъ, говорю,

всѣмъ въ бѣду не попасть за этого вашего Григорія Александровича. Нашу барышню, говорю, самъ государь жалуетъ, она, говорю, и у императрицы бываетъ, да и сама за себя постоитъ, ума-то, слава-те Господи, ей не занимать стать, вся въ старую барыню, въ прабабушку свою Марѳу Григорьевну уродилась.

Наступило молчаніе. Марта перестала плакать; она сидѣла неподвижно, блѣдная, опустивъ глаза на бѣлый батистовый платокъ, который судорожно теребила въ похолодѣвшихъ пальцахъ. Маланья, не трогаясь съ мѣста у притолки двери и скрестивъ подъ своимъ большимъ ковровымъ платкомъ руки, съ пристальною пытливостью на нее смотрѣла. Такъ прошло минуты три.

— А про васъ, матушка барышня, ничего еще неизвѣстно? Ничего вамъ князь не изволилъ сказать?—съ осторожною вкрадчивостью снова заговорила Маланья.

Барышня молча покачала головой.

Маланья глубоко вздохнула.

— А ужъ я думала, не эта ли Ожогинская барышня васъ чѣмъ разстроила,—продолжала она.

Марта презрительно усмѣхнулась.

— Полинька? Нѣтъ, меня такія, какъ она, не могутъ разстроить. Это—мошки, прогонишь, ихъ и нѣтъ.

— Оно такъ-то такъ, а все же...

— Я послала за нею потому, что мнѣ надо было отъ нея кое-что узнать,—вымолвила чуть слышно, точно про себя, Марта и смолкла.

— И что-жъ? Узнали?—не стерпѣла полюбопытствовать Маланья, но отвѣта не послѣдовало, и настаивать она не осмѣлилась.

— Не люблю я этой барышни, не компанія она вамъ. Веселыя вы были, какъ князя-то провожали. Мы съ Михайлой радовались, на васъ глядючи, когда онъ ручки-то у васъ цѣловалъ...

И вдругъ она неожиданно перескочила на другой предметъ и объявила, что вчера видѣлась съ Ратморцевской Катериной, и что та ей все до крошечки разсказала про т о г о...

Марта оживилась.

— Ну, и что-жъ? Что тебѣ про н е г о разсказала?—спросила она стремительно.

— Да ничего-съ. Живетъ все у нихъ. Сами-то господа, Сергѣй Владиміровичъ съ Людмилой Николаевной, не то чтобъ ужъ очень его ласкали, а не притѣсняютъ, и все, что нужно, для него дѣлаютъ. Какъ пріѣхали изъ деревни, сейчасъ э т т а за портнымъ французомъ послали, и не то двѣ, не то три перемѣны платья заказали, чтобъ въ старомъ не ходилъ. И остриженъ помодному, кажинный день паликмахтеръ волосы е м у подвиваетъ. Сталъ привыкать помаленьку, и на барина таперича похожъ, ну, а допрежь того смѣхота была: позовутъ его, бывало, кушать въ столовую, а

онъ и не знаетъ, какъ и за столъ-то сѣсть. Французъ ихній, какъ маленькаго, его учитъ. Вилку съ ножемъ держать не умѣлъ, ей-Богу! Баринъ, тотъ еще ничего, а барыня весь обѣдъ, бывало, морщится. Ну, а барышни, тѣ съ нимъ ужъ совсѣмъ какъ съ братцемъ— Гриша да Гриша. И какъ свободная минутка, такъ съ нимъ.

— А что онъ умный?—спросила Марта.

— Болтаютъ разно. Старикъ ихній, Захаръ, бариновъ камердинеръ, тотъ всячески его расхваливаетъ, и уменъ-то онъ, и къ ученію способный, ну, а другіе—съ хитринкой, сказываютъ, и все норовитъ молчкомъ больше. А чтобъ такимъ орломъ, какъ родитель его покойный, никогда ему не бывать. Въ мать онъ уродился, она тоже бывало...

И Маланья стала разсказывать про Мареиньку. Всѣ ихъ бесѣды неизмѣнно этимъ кончались. На эту тему Маланья могла говорить безъ конца, а барышнѣ никогда не надоѣдало ее слушать. Все, что касалось Мареиньки, страстно интересовало ее. Она столько разъ заставляла себѣ повторять подробности объ ея жизни въ Воротыновкѣ до пріѣзда Александра Васильевича, про ея романъ съ молодымъ бариномъ, про ея существованіе послѣ того, какъ онъ ее бросилъ, и про ея смерть, что вся эта скорбная исторія ей была до мельчайшихъ подробностей извѣстна, лучше, чѣмъ самой Маланьѣ, потому что, зная отца, какъ она его знала, ей не трудно было дополнить воображеніемъ то, что не умѣла ни понять, ни передать свидѣтельница этихъ событій.

Въ тотъ вечеръ Марта особенно долго и подробно разспрашивала про то, что вынесла несчастная страдалица въ Яблочкахъ. Все-то ей нужно было знать, про каждый ея вздохъ, про каждое слово, про каждую ея слезу.

Наступало утро, когда Маланья, не имѣя ничего больше сказать, смолкла. А барышня, блѣдная, сдвинувъ брови и не спуская пристально взгляда съ лампады, горѣвшей въ кіотѣ передъ образами, продолжала ждать, не скажетъ ли она еще чего нибудь, еще болѣе ужаснаго, жалкаго, печальнаго.

Вотъ точь въ точь какъ Александръ Васильевичъ передъ смертью. Онъ тоже каждую ночь призывалъ ее, чтобъ терзаться воспоминаніями невозвратнаго прошлаго.

Долго тишина въ комнатѣ ничѣмъ, кромѣ тиканья часовъ, не нарушалась. Наконецъ, Марта поднялась съ мѣста и, пожимаясь отъ внутренней дрожи, медленно удалилась въ свою спальню, не оборачиваясь къ продолжавшей стоять у притолки двери женѣ камердинера.

XXIV.

Ратморцевы вернулись изъ деревни въ Петербургъ въ началѣ октября.

Обычный строй ихъ домашней жизни скоро наладился. Почти весь день то наверху, въ комнатахъ барышень, то внизу, въ большой залѣ, раздавалась музыка, пѣніе, игра на фортепьянахъ.

Все утро, до обѣда, чередовались учителя; послѣ обѣда Соня съ Вѣрой ѣздили кататься или гуляли пѣшкомъ съ матерью, а Гриша, подъ наблюденіемъ m-r Vaillant, занимался фехтованіемъ, верховой ѣздой и танцами съ лучшими преподавателями въ городѣ. Посѣщалъ онъ также классы пѣнія профессора Р—ни.

Вечеромъ семья собиралась вокругъ круглаго стола съ лампой, въ изящной гостинной, увѣшанной картинами, уставленной изваяніями и рѣдкими растеніями. Тутъ, въ то время, какъ дѣти (такъ продолжали называть у Ратморцевыхъ Соню съ Вѣрой и Григорія) занимались рисованіемъ, лѣпкой изъ воску и тому подобными работами, Людмила Николаевна, чередуясь съ m-r Vaillant, читала имъ вслухъ отрывки изъ произведеній избранныхъ французскихъ, англійскихъ и итальянскихъ писателей, поэтовъ и беллетристовъ,— отрывки, тщательно очищенные отъ всего, что могло дать понятіе дѣвочкамъ о грязной прозѣ жизни, отъ всего, что пачкало воображеніе и способно было возбудить въ нихъ дурные инстинкты, а Григорію напомнить о прошломъ, къ которому ему никогда больше не суждено было вернуться.

Подъ конецъ вечера, а иногда и раньше, приходилъ изъ кабинета Сергѣй Владиміровичъ, и при его появленіи маленькое общество оживлялось. У него всегда находилось о чемъ поговорить съ дочерьми и Гришей; онъ умѣлъ и старика француза вызвать на интересную и остроумную болтовню, умѣлъ также возбудить откровенность и въ молодежи.

Съ матерью дѣвочки были сдержаннѣе. Если-бъ не мужъ, никогда не узнала бы Людмила Николаевна, что Соня черезчуръ мечтательна, а сестра ея расположена черезъ мѣру увлекаться новизной и непостоянна въ своихъ вкусахъ.

Если-бъ не мужъ, она не ознакомилась бы такъ хорошо съ успѣхами Григорія въ наукахъ и съ быстрымъ, хотя и своеобразнымъ развитіемъ его ума и способностей.

Предсказаніе Сергѣя Владиміровича сбылось насчетъ интереса, возбужденнаго появленіемъ Григорія на петербургскомъ горизонтѣ. Интересъ этотъ не только охладѣлъ, но даже превратился въ недоброжелательное равнодушіе. О немъ теперь вспоминали не иначе какъ съ презрительной усмѣшкой и къ его претензіи на имя и состояніе покойнаго Воротынцева относились болѣе чѣмъ критически, претензію эту находили дерзкой и смѣшной.

Такой поворотъ въ общественномъ мнѣніи свершился постепенно и подъ вліяніемъ упорно распространяемыхъ разсказовъ про участіе, которое будто бы принимаютъ члены императорской фамиліи къ семьѣ умершаго Воротынцева.

Увѣряли, что Марта останется фрейлиной при большомъ дворѣ и, по окончаніи траура, снова будетъ являться на интимныхъ вечерахъ у великихъ княженъ; повторяли милостивые отзывы о ней императрицы, и превозносить на всѣ лады ея тактъ, самоотверженіе и дѣловитость вошло въ моду.

Съ какимъ достоинствомъ переноситъ она свое несчастье, какъ благоразумно устроила она свою жизнь!—повторяли со всѣхъ сторонъ. Всецѣло посвятила себя воспитанію маленькихъ братьевъ, никуда не выѣзжаетъ и принимаетъ только самыхъ близкихъ друзей покойнаго отца, и не иначе, какъ съ утренними визитами, причемъ держитъ себя такъ сдержанно и осторожно, что заговорить съ нею о томъ, что она не желаетъ знать, нѣтъ никакой возможности.

Поселилась она на половинѣ отца, выходившей окнами въ садъ, а парадныя комнаты оставила запертыми и съ заколоченными ставнями, такъ что съ набережной домъ казался бы необитаемымъ, если-бъ ворота изрѣдка не отпирались для посѣтителей, пріѣзжавшихъ навѣщать ее.

Время отъ времени выѣзжала также съ этого двора и карета съ гербомъ Воротынцева на дверцахъ, съ траурными кистями и прислугой въ черныхъ ливреяхъ съ серебряными галунами: это Мароа Александровна ѣхала въ церковь съ своими маленькими братьями.

Прохожіе съ любопытствомъ всматривались въ строгое и задумчивое лицо красавицы, казавшееся еще блѣднѣе и интереснѣе отъ обрамлявшихъ его складокъ чернаго, крепового вуаля. Рядомъ съ бѣлокурыми головками голубоглазыхъ мальчугановъ, тоже одѣтыхъ въ глубокій трауръ и выглядывавшихъ изъ оконъ высокой четырехмѣстной кареты, дѣвушка производила трогательное впечатлѣніе.

— Она ѣздитъ въ Казанскій соборъ или въ Александро-Невскую лавру или въ женскій монастырь, въ церковь однимъ словомъ,— разсказывали про нее, описывая ея туалетъ, перемѣну, происшедшую въ ея наружности, материнскую заботливость къ братьямъ.

— Только въ церковь и выѣзжаетъ. Князь Владиміръ Андреевичъ просилъ у нея позволеніе представить ей своего племянника, сына графини Варвары Павловны, она отказала подъ тѣмъ предлогомъ, что молодежи съ нею не можетъ быть весело, и что, пока мать ея въ деревнѣ, она новыя знакомства заводить считаетъ неумѣстнымъ.

— Предостойная особа.

— Кто бы могъ подумать, что изъ нея выйдетъ такая забот-

ливая сестра и отличная хозяйка? Помните, какая она была легкомысленная при жизни отца?

— Еще бы! Да ужъ одна ея исторія съ Фреденборгомъ чего стоитъ! Водила, водила за носъ, а когда онъ сдѣлалъ предложеніе, отказала, да еще на смѣхъ подняла.

— Баронесса не то разсказываетъ, она увѣряетъ, что они сами отказались. Она запретила сыну думать про Марту съ той самой минуты, какъ разнеслись по городу слухи про то, будто у Воротынцева есть сынъ отъ перваго брака.

— Это она говоритъ, а мы знаемъ изъ вѣрнаго источника, что дѣло было иначе...

— Разумѣется. Марта не съ однимъ барономъ кокетничала, за нею тогда и Араповъ ухаживалъ.

— А также Панинъ и мало ли кто еще!

— А теперь-то, теперь! Это изумительно, какъ она перемѣнилась. Князь Владиміръ не дальше какъ третьяго дня говорилъ моей belle soeur: я преклоняюсь передъ нею, такая умница!

— А я слышала, что императрица про нее сказала, что она примѣрная сестра и дочь.

— Да, да, и я слышала то же самое.

— И я тоже,—подхватывали со всѣхъ сторонъ.

Отнять у такой дѣвушки, какъ Марта, имя и состояніе, чтобъ отдать и то и другое какому-то проходимцу, подкидышу изъ воспитательнаго дома, сыну неизвѣстной, темнаго происхожденія дѣвчонки,—это казалось невозможнымъ.

Ратморцевыхъ за то, что они покровительствовали Григорію, единогласно осуждали. Увѣряли, что они это дѣлаютъ, чтобъ отличиться, а также изъ ненависти къ дѣтямъ Александра Васильевича, съ которымъ были въ ссорѣ.

Нельзя сказать, чтобъ эти толки и сплетни не производили тяжелаго впечатлѣнія на Сергѣя Владиміровича съ Людмилой Николаевной, но они продолжали исполнять то, что считали своимъ долгомъ, и давали Григорію то воспитаніе, какое, по ихъ понятіямъ, онъ долженъ былъ получить, какъ законный сынъ и наслѣдникъ Воротынцева.

Но кого особенно угнетала неопредѣленность положенія и неблагопріятный оборотъ, принимаемый его дѣломъ, это самого Григорія.

По пріѣздѣ въ городъ дня не проходило, чтобъ онъ такъ или иначе, отъ того или отъ другаго, не слышалъ подтвержденія злѣйшихъ опасеній, смутно терзавшихъ ему душу въ Святскомъ, гдѣ, даже въ минуты величайшаго блаженства, въ обществѣ Сони съ Вѣрой, среди цвѣтущей природы, у него тоскливо сжималась сердце и глаза затуманивались слезами при мысли, что ему, можетъ быть, придется еще многіе годы ждать осуществленія своихъ надеждъ.

А между тѣмъ никто еще не смущалъ его сомнѣніями, никто не говорилъ ему про могущество его враговъ, здѣсь же то являлся Бутягинъ, разстроенный, упавшій духомъ, и, таинственно понижая голосъ, подозрительно оглядываясь по сторонамъ, спрашивалъ у него:

— Что, батюшка Григорій Александровичъ, ничего еще не слыхать про ваше дѣло?

— Ничего еще,—отвѣчалъ Григорій.

— Эхъ!

И, помолчавъ немного, Алексѣй Петровичъ объявлялъ съ глубокимъ вздохомъ:

— Надо это батюшкѣ отписать.

То подслушивалъ нечаянно Григорій толки прислуги на его счетъ, прерываемые восклицаніями въ родѣ: «Гдѣ ужъ!... Подкупили всѣхъ, поди чай... Она и до самого царя можетъ дойтить. И даже очинно просто, потому что фрейлина... а нашъ Григорій Александровичъ, кабы не призрѣли его господа, хотя опять въ слесаря иди... Потянется еще дѣло-то... можетъ, лѣтъ двадцать, а то и больше... Достанутся бѣлкѣ орѣшки, когда ихъ ужъ нечѣмъ и грызть-то будетъ»...

И, поспѣшно отходя отъ двери, чтобъ не слышать этихъ рѣчей, Григорій часто натыкался на изъявленія участія, еще болѣе оскорбительныя для его самолюбія, отъ учителей, дававшихъ уроки въ лучшихъ петербургскихъ домахъ, гдѣ они слышали про Воротынцевыхъ и про скандальное дѣло, поднятое Григоріемъ противъ нихъ, а въ особенности отъ новой учительницы музыки m-lle Ожогиной, которая ихъ знала лично, бывала у нихъ въ домѣ и слышала отъ нихъ самихъ про ихъ опасенія и надежды. Она также много разъ видѣла его отца, говорила съ нимъ и была свидѣтельницей переполоха происшедшаго въ домѣ при первомъ извѣстіи о дѣлѣ, поднятомъ Бутягинымъ. Ужъ по одному этому Григорій не могъ относиться къ ней, какъ къ первой встрѣчной, смущался болѣе обыкновеннаго въ ея присутствіи и спѣшилъ уходить въ свою комнату тотчасъ послѣ урока, въ полной увѣренности, что она только этого и ждетъ, чтобъ заговорить про него съ m-r Vaillant, Людмилой Николаевной и даже съ Соней и Вѣрой, которыя нѣсколько разъ увѣряли его, что m-lle Pauline имъ чрезвычайно интересуется.

Разъ какъ-то, проходя въ сумеркахъ черезъ большую залу, Григорій услышалъ шорохъ въ темномъ углу за кадками съ лимонными деревьями и, когда подошелъ, увидѣлъ Соню съ Вѣрой. Онѣ сидѣли на полу, обнявшись, и плакали.

Горевали онѣ объ немъ.

Сказалъ ли кто имъ что нибудь, или сами онѣ додумались до печальныхъ предположеній на его счетъ, такъ или иначе, но обѣ были въ унынiи и тоскѣ.

Въ чемъ именно заключалось несчастье Гриши, онѣ врядъ ли могли понимать, но, слыша постоянно соболѣзнованія на его счетъ, онѣ тоже заразились атмосферой жалости и опасеній, которой онъ былъ окруженъ.

Высказавъ въ сбивчивыхъ выраженіяхъ и не договаривая словъ то, что давило имъ сердце, и не слыша отъ него возраженій, онѣ смолкли. И долго въ темномъ уголку за лимонными деревьями ничего не было слышно, кромѣ сдержаннаго всхлипыванья Сони и нѣжнаго шепота утѣшавшей ее сестры. Григорій угрюмо молчалъ.

— Всего хуже, — заговорилъ онъ, наконецъ, — это то, что у меня имени нѣтъ. Сегодня утромъ, за урокомъ пѣнія у синьора Р—ни, было два новыхъ ученика, братья Ахлестышевы, гвардейцы. Если-бъ вы только видѣли, съ какимъ обиднымъ любопытствомъ оглядывались они на меня каждый разъ, когда учитель обращался ко мнѣ! Да и понятно: всѣхъ онъ называетъ по фамиліи, одного только меня по имени. Имъ это казалось такъ странно, что они смотрѣли на меня, какъ на рѣдкаго звѣря какого-то. Я не пойду больше на эти курсы. Не могу я слышать равнодушно, когда меня зовутъ m-r Grégoire, мнѣ стыдно... точно мнѣ пощечину дали...

— Какъ же ты сдѣлаешь?—робко спросила Вѣра.

— Пусть m-lle Pauline объяснитъ тетенькѣ, а только я ни за что, ни за что туда не пойду,—повторилъ онъ съ возростающимъ раздраженіемъ.

— Хочешь, я ей скажу?—предложила Соня.

— Скажи, тебѣ легче, чѣмъ мнѣ, я не люблю съ нею говорить, она все любопытничаетъ...

На слѣдующій день, часу въ третьемъ, горничная вошла въ кабинетъ, куда барыня всегда уходила, когда желала быть одной, и спросила, можетъ ли къ ней придти учительша Пелагея Николаевна.

— О чемъ-то ей нужно переговорить съ вашей милостью.

— Проси,—отвѣчала Людмила Николаевна, не отрываясь отъ работы.

Она вышивала воздухи по голубому бархату въ маленькихъ, ручныхъ пяльцахъ, артистически копируя шелками живые цвѣты, стоявшіе передъ нею въ стаканѣ съ водой.

— Что вамъ, моя милая?—ласково кивнула она на почтительный реверансъ вошедшей дѣвушки.— Садитесь,— прибавила она, указывая на складной, вышитый стулъ рядомъ съ тѣмъ диваномъ, на которомъ она сидѣла.

Полинька на изысканномъ французскомъ языкѣ и въ ловкихъ выраженіяхъ передала ей просьбу Григорія дозволить ему не посѣщать больше классовъ пѣнія синьора Р-ни.

— Его положеніе тамъ дѣйствительно довольно фальшиво,— продолжала она, подождавъ съ минуту возраженій, которыхъ не послѣдовало,—курсы эти посѣщаются молодыми людьми изъ аристократіи, одного общества съ Мареой Александровной Воротынцевой.

— Да,—согласилась Людмила Николаевна.—Жаль, что мы объ этомъ раньше не подумали.

— Всего не сообразишь, Людмила Николаевна. Григорій Александровичъ въ такомъ положеніи, что нѣтъ такого общества, гдѣ можно было бы поручиться, что онъ не наткнется на какой нибудь неделикатный вопросъ или на обидное проявленіе любопытства, но у синьора Р—ни это ужъ неизбѣжно...

— Онъ не будетъ туда больше ходить, я сегодня же скажу мужу, — поспѣшила заявить г-жа Ратморцева. — Мы пригласимъ Р—ни для него на домъ.

— Позвольте вамъ предложить... я устроила у себя классы пѣнія по воскресеньямъ, по совѣту Р—ни, который самъ предложилъ мнѣ свое содѣйствіе по этому дѣлу,—не найдете ли вы удобнымъ, чтобъ Григорій Александровичъ посѣщалъ эти курсы? Я намѣрена заняться преимущественно хоровымъ пѣніемъ, а онъ въ особенности это-то и любитъ.

— Но вѣдь сами же вы находите, что въ обществѣ ему заниматься неудобно?

— О! у насъ никто не посмѣетъ его оскорбить!

Она произнесла это такъ стремительно и съ такою самоувѣренностью, что Людмила Николаевна съ любопытствомъ на нее взглянула, прежде чѣмъ сказать:

— Хорошо, я скажу Сергѣю Владиміровичу. Я думаю, что онъ согласится.

Ободренная удачей, Полинька рѣшилась спросить, не слышно ли чего новаго про дѣло Григорія Александровича.

— Ничего нѣтъ новаго. Слѣдствіе давно кончено. Надняхъ мужъ мой получилъ увѣдомленіе объ этомъ изъ Москвы, но здѣсь особенное стараніе прилагаютъ къ тому, чтобъ тормозить это дѣло и не давать ему ходу. Три раза назначалось оно къ докладу въ сенатѣ и три раза откладывали. У Воротынцевыхъ очень ловкій повѣренный.

— Я его знаю, — замѣтила Полинька. — Это нѣкто Лебедевъ. Онъ служитъ въ казенной палатѣ. Надняхъ у Голицыныхъ я слышала, будто дѣло это протянется до тѣхъ поръ, пока Мареа Александровна не выйдетъ замужъ.

— Очень можетъ быть.

— Но она и не думаетъ выходить замужъ,—продолжала съ возростающимъ одушевленіемъ Полинька. — Я знаю, я вижу ее часто...

И, замѣтивъ удивленный взглядъ, съ которымъ Людмила Николаевна встрѣтила это заявленіе, она поторопилась прибавить:

— Мароа Александровна присылаетъ за мною почти каждую недѣлю... Она привыкла, чтобъ я исполняла ея порученія... Мнѣ это не всегда удобно, но отказать я не могу, я ей многимъ обязана.

— Само собою разумѣется, — сдержанно замѣтила Людмила Николаевна.

И, откинувшись на спинку дивана, чтобъ издали судить объ эффектѣ вышитаго цвѣтка, она прибавила:

— Друзья познаются въ несчастьѣ.

Полинька усмѣхнулась.

— Какой же я ей другъ, она такъ горда!

— Въ ея положеніи это очень понятно, — возразила на это г-жа Ратморцева.

Наступило молчаніе. Полинька ждала, чтобъ ей дали понять, что аудіенція кончена, но Людмила Николаевна не проявляла желанія остаться одной, и, переждавъ съ минуту, m-lle Ожогина рѣшилась снова заговорить про Григорія.

— Неужели нѣтъ никакой возможности довести до свѣдѣнія тѣхъ, отъ кого это зависитъ, про это несчастное дѣло?— проговорила она вполголоса и какъ бы про себя.

Г-жа Ратморцева усмѣхнулась.

— Про что же именно?—спросила она, не отрывая глазъ отъ работы.

— Про эти возмутительныя проволочки. Вѣдь Григорій Александровичъ требуетъ должнаго. Его несправедливо всего лишаютъ—имени, состоянія, положенія въ свѣтѣ...

— Кому же жаловаться?—прервала ее Людмила Николаевна.

— Государю. Онъ такъ добръ, такъ справедливъ.

— Правда, но развѣ государь можетъ все знать?

— Отчего же ему не скажутъ?

— Кому же сказать?

И, угадывая отвѣтъ, готовый сорваться съ губъ ея собесѣдницы, она продолжала со вздохомъ:

— Намъ впутываться въ эту печальную исторію невозможно. Всѣмъ извѣстны наши отношенія къ покойному Александру Васильевичу. Способствовать тому, чтобъ Григорій выигралъ дѣло, поднятое противъ его дѣтей, это было бы съ нашей стороны болѣе чѣмъ неблаговидно, это было бы неприлично.

— Стало быть, все несчастье Григорія Александровича заключается въ томъ, что некому напомнить о немъ царю? — спросила Полинька.

— Отчасти и отъ этого,—отвѣчала Людмила Николаевна.

И, чтобъ дать понять, что больше распространяться на эту

тему она не желаетъ, г-жа Ратморцева объявила, что сегодня же переговоритъ съ мужемъ насчетъ Григорія.

И, отвѣтивъ привѣтливымъ кивкомъ на почтительный реверансъ дѣвушки, она прибавила:

— Я думаю, что Сергѣй Владиміровичъ ничего не будетъ имѣть противъ того, чтобъ Гриша занимался у васъ.

Н. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ДО И ПОСЛѢ[1].

(Изъ бурсацкихъ воспоминаній).

XIX.

Конецъ путешествія.

Великодушная продѣлка моего друга удалась какъ нельзя лучше. Въ этомъ мы убѣждались на каждомъ шагу, на всѣхъ тѣхъ пунктахъ, которые были обозначены въ маршрутѣ. Такой идеальной исправности не встрѣчалъ, вѣроятно, еще ни одинъ архіерей при объѣздѣ своей епархіи. Что книги церковныя были въ полномъ порядкѣ, церкви выглядѣли нарядно, попраздничному, были побѣлены, выметены, въ иныхъ даже успѣли заново выкрасить и просушить полы,— это еще не такъ было удивительно; естественно также было и то, что духовенство вело безусловно трезвый образъ жизни,—великъ ли трудъ воздержаться на какихъ нибудь три недѣли, пока пройдетъ гроза? Но любопытно, что духовныя лица какъ будто боялись показаться своему высшему начальству бѣдными, какими были въ дѣйствительности, по всей вѣроятности, предполагая, что и за это можетъ послѣдовать строгое внушеніе. Въ самыхъ жалкихъ приходахъ, гдѣ причтъ еле-еле перебивался изо-дня въ день, духовен-

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLVIII, стр. 341.

ство являлось передъ лице архіерея въ новенькихъ рясках и кафтанахъ и свои жилища приводило въ такой видъ, будто и не было знакомо съ бѣдностью.

Архіерей былъ доволенъ. Онъ высказывалъ вслухъ:

— Злонамѣренные люди многія клеветы изводятъ на духовныхъ лицъ. И пьяницы они, и буяны, и безпорядочно содержатъ храмы и прочее. А я ничего такого не наблюдаю. Не вижу блеска или какихъ либо драгоцѣнныхъ украшеній въ храмахъ, но всюду чистота и благолѣпіе. И пастыри ведутъ себя пристойно. Все это доставляетъ мнѣ истинное удовольствіе!...

Однако-жъ, о. Петръ опытнымъ окомъ проникъ, что тутъ дѣло не чисто. Въ первое время въ немъ только замѣчалось нѣкоторое безпокойство. Всякое новое посѣщеніе какого нибудь прихода видимо ставило его втупикъ, и онъ инстинктивно хватался за правую сторону груди, гдѣ у него былъ карманъ, въ которомъ помѣщался маршрутъ. Но далѣе онъ началъ высказывать свое изумленіе вслухъ.

— Что за чудасія въ самомъ дѣлѣ?—восклицалъ онъ, обращаясь ко всѣмъ пѣвчимъ:—съ которыхъ это поръ наша братія такая благоприличная стала? Ни въ чемъ ни соринки, ни задоринки... Просто непостижимо!...

Наконецъ, его удивленіе дошло до того, что онъ не стерпѣлъ и въ какомъ-то плохенькомъ приходѣ спросилъ самаго захудалаго батюшку:

— Скажите, батюшка, какимъ это родомъ у васъ все такъ распрекрасно? Вамъ ангелъ во снѣ явился, или какъ? Можетъ, гласъ съ неба былъ? а?

Батюшка растерялся.

— Да мы такъ и считаемъ, что это ангелъ...—отвѣтилъ онъ.— Кто же больше, какъ не ангелъ?...

— Ну? Что же именно? Вы, батюшка, меня не бойтесь... Я никому не скажу...

Только послѣ этой фразы батюшка понялъ, что оно какъ будто и не слѣдуетъ говорить. Но и скрыть у него уже не было силы. Регента онъ считалъ очень важной спицей въ архіерейской колесницѣ и потому боялся, какъ бы не вышло хуже.

— Да вотъ письмецо получили!...—нѣжно объяснилъ онъ.

— Письмецо? Какое письмецо? А ну, покажите!

Батюшка письмецо показалъ, а о. Петръ вырвалъ у него изъ рукъ этотъ предательскій документъ. Началась цѣлая исторія. О. Петръ явился къ намъ съ раскраснѣвшимся лицемъ, съ гнѣвнымъ взглядомъ и громоносно спросилъ:

— Какая это шельма написала?

Въ первую минуту и я, и Пичужко поблѣднѣли. Но противъ насъ, за спиной о. Петра, стоялъ протодіаконъ и ободрительно мор-

галъ намъ своими большими глазами. Это придало намъ храбрости. Пичужко мигомъ пришелъ въ себя и первый обратился къ о. Петру съ чрезвычайно правдоподобнымъ любопытствомъ:

— Что тамъ написано, о. Петръ?

О. Петръ взглянулъ на него крайне недовѣрчиво.

— Что тамъ написано? — саркастически переспросилъ онъ. — А ты не знаешь?

— Ей-ей, я не знаю, о. Петръ!...

— Не знаешь? А вотъ я преосвященному покажу, такъ онъ и разберетъ, кто знаетъ, а кто не знаетъ!... Другаго шельмы такого нѣтъ, какъ ты... А по рукѣ видно, что это дѣтское дѣло... Признавайся, а не то хуже будетъ!...

Лице Пичужки опять выразило тревогу, но онъ быстро овладѣлъ собой и сказалъ очень твердо:

— Въ чемъ же мнѣ признаваться, о. Петръ? Я не знаю, о чемъ вы говорите!...

О. Петръ, очевидно, былъ глубоко убѣжденъ, что это Пичужкино дѣло, и поэтому естественно его бѣсилъ столь увѣренный тонъ Пичужки.

— Такъ ты не хочешь признаваться? Ну, ладно же, пойдемъ къ преосвященному! Пойдемъ сейчасъ!

И о. Петръ взялъ его за шивороть. Всѣ знали, что о. Петръ не любилъ шутить, зналъ это и Пичужко, и на этотъ разъ струсилъ основательно. Но за него вступился протодіаконъ.

— Ну, что вы, о. Петръ, зачѣмъ вы это?... Преосвященный обезпокоится, что-жъ тутъ хорошаго? Во гнѣвѣ, сами знаете, онъ со всѣхъ взыскиваетъ... Ну, дѣла не разберетъ, а на всѣхъ накричитъ... Эхъ, ей-Богу... Что вамъ за охота кашу заваривать?...

— Ну, нѣтъ ужъ... Извините!... — возразилъ расходившійся о. Петръ:—мнѣ довѣрили, потомъ узнается, съ меня же взыщется!... Я за все отвѣчать долженъ!... Нѣтъ, пойдемъ, пойдемъ!...

Такъ какъ дѣло приняло явно серьезный оборотъ, то Пичужко ударился въ слезы. Тутъ всѣ бросились къ о. Петру и стали уламывать его.

— Ну, полно, что вы? Охота вамъ...

Довольно единодушно высказывалось мнѣніе, что въ сущности въ этомъ нѣтъ ничего дурнаго.

— Оно даже къ лучшему! — говорили пѣвчіе:—сколько ѣздимъ, а преосвященный владыка ни разу никого не бранилъ. Это на рѣдкость!

О. Петръ началъ сдаваться.

— Нѣтъ, мнѣ главное дѣло узнать, какъ онъ этого добился? Вѣдь бумага всегда при мнѣ... Это просто непостижимо!

Шиворотъ Пичужки былъ оставленъ. Но дѣло въ томъ, что хотя о. Петръ говорилъ въ такомъ тонѣ, будто уже навѣрное было

извѣстно, что письма писалъ Пичужко, самъ виновникъ зла ни разу не подтвердилъ этого. Такъ это и осталось подъ сомнѣніемъ.

Но въ маршрутъ вошли только тѣ пункты, которые стояли на главной дорогѣ. Эти и оказались счастливцами. Было, однако-жъ, не мало приходовъ, лежавшихъ въ сторонѣ. Тамъ впродолженіе всего нашего путешествія испытывали непрерывный страхъ. И здѣсь нерѣдко духовныя лица попадались въ своемъ натуральномъ видѣ. Одного батюшку встрѣтили въ курткѣ, съ лопатой въ рукѣ, очищавшаго свой огородъ.

— Что это ты дѣлаешь, отецъ? И куда дѣвалъ свой кафтанъ?— спросилъ его архіерей.

— Работаю, ваше преосвященство!—отвѣтилъ нисколько не оробѣвшій батюшка:—въ потѣ лица моего снѣдаю хлѣбъ мой!

— Гм... Да... да!... Работать необходимо... Это такъ!... Ну, а какъ же ты безъ кафтана? Развѣ духовному лицу это полагается?

— Не полагается, ваше преосвященство. Да когда-жъ неудобно въ кафтанѣ лопатой ворочать!...

Архіерей и съ этимъ согласился. Вообще онъ любилъ, когда ему отвѣчали резонно, и въ такихъ случаяхъ не сердился, если даже были упущенія.

Помню одинъ почти трагическій случай, окончившійся, впрочемъ, благополучно. Мы внезапно посѣтили одно малое сельцо, довольно далеко отстоявшее отъ нашего главнаго пути. По всей вѣроятности, тамъ не ждали насъ, а, можетъ быть, и вовсе не слыхали объ архіерейскомъ путешествіи. Мы въѣхали прямо во дворъ, архіерейская карета впереди, а мы вслѣдъ за нею. Посреди двора стоялъ столикъ, накрытый бѣлой скатертью, съ посудой и шипящимъ самоваромъ, а за столикомъ сидѣли два старца, повидимому, батюшка и матушка. Мы очень скоро выпрыгнули изъ экипажей и окружили архіерея, который тоже вышелъ изъ кареты, и всѣ направились прямо къ столику.

Къ нашему удивленію, старый батюшка не только не бѣжалъ навстрѣчу архіерею, а даже не сдвинулся съ мѣста.

— Ты здѣшній священникъ, отче?—спросилъ архіерей старца.

Тотъ смотрѣлъ на него выпученными глазами и молчалъ, точно окаменѣлъ.

— Что это съ нимъ? Отецъ протодіаконъ, поговори-ка съ нимъ!...

Вдругъ матушка стремглавъ бросилась въ ноги архіерею и заговорила съ рыданіями.

— Это онъ со страху, ваше преосвященство, потерялся! Никогда этакого съ нимъ не бывало!... Единственно со страху...

Протодіаконъ, между тѣмъ, приблизился къ окаменѣвшему батюшкѣ и конфиденціально уговаривалъ его:

— Ну, какъ же это можно, батюшка! Вѣдь это преосвященный!

Самъ преосвященный! А вы даже не встанете!.. Встаньте-ка да возьмите благословеніе...

Но это было напрасно. Батюшка ничего не понималъ, а матушка рыдала.

— Ты, протодіаконъ, приведи его въ разумъ, а мы покамѣстъ въ церкви побываемъ! — сказалъ архіерей, и мы всѣ двинулись за нимъ къ церкви.

Церковь показывалъ расторопный дьякъ, державшійся передъ архіереемъ на вытяжку, какъ солдатъ передъ генераломъ. Порядокъ оказался такой, какой можно было бы застать и во всѣхъ остальныхъ церквахъ, если бы ихъ заблаговременно не пообчистили. Архіерей хмурился, но сдерживалъ себя, встревоженный состояніемъ батюшки. По временамъ онъ спрашивалъ:

— А что? Не пришелъ протодіаконъ?

Но ни батюшки, ни протодіакона не было. Архіерей окончательно встревожился:

— Ужъ не умеръ ли онъ тамъ? Это, однако, мы страхъ наводимъ!

Не окончивъ осмотра, онъ повернулъ обратно. Оказалось, что старый батюшка пришелъ въ себя, но былъ до того слабъ, что пришлось уложить его въ постель. Онъ лежалъ въ маленькой комнаткѣ, уставленной образами, на кожаномъ диванѣ, прикрытый одѣяломъ. При появленіи архіерея, онъ попытался приподняться, но это ему не удалось.

— Лежи, лежи, старче! Господь съ тобою!—ласковымъ тономъ заговорилъ архіерей.—Что это съ тобой приключилось? а?

— Это отъ внезапности! единственно отъ внезапности! — объяснила за него матушка, все еще проливавшая слезы.

— Да что же я звѣрь, что ли? Развѣ я кусаюсь? — шутливо продолжалъ архіерей.—Развѣ ты не видалъ архіереевъ?

— Съ того дня, какъ рукоположенъ въ іереи, и не видалъ болѣе, ваше преосвященство! — слабенькимъ голосомъ отвѣтилъ старый батюшка.—Городъ отъ насъ далеко, кляузъ не имѣю... Такъ и просидѣлъ свой вѣкъ все на одномъ приходѣ...

— А сколько лѣтъ священствуешь?

— Сорокъ четыре года служу Господу Богу!

— Почтенно, очень почтенно! А дѣти есть?

— Какъ же! четырехъ сыновей выростилъ. Трое священствуютъ, а одинъ по свѣтской части пошелъ. Двухъ дочерей замужъ выдалъ! Внуковъ имѣю...

— Ну, храни тебя Богъ! Поправляйся, старче, поправляйся! Только архіреевъ не бойся!

Архіерей поблагословилъ батюшку и матушку и вышелъ изъ комнаты.

— Почтенный старецъ, только трусъ большой руки! — сказалъ

онъ намъ. — И въ церкви все также разваливается, какъ и онъ самъ. Ну, да ужъ Богъ съ нимъ! Что съ него возьмешь?..

На обратномъ пути мы, наконецъ, попали въ наше село. Нечего говорить, что наше письмо было получено, и архіерей нашелъ во всемъ образцовый порядокъ. Пичужко былъ приглашенъ въ отдѣльную комнату, и здѣсь моя мать трогательно поблагодарила его за услугу и сунула ему въ карманъ два рубля, — цѣлое богатство для Пичужки, никогда не имѣвшаго денегъ.

Такъ какъ это была послѣдняя остановка передъ городомъ, то намъ—мнѣ и Пичужкѣ—было разрѣшено остаться въ деревнѣ на три дня.

Опять я видѣлъ Пичужкинъ восторгъ. Опять онъ обнимался съ телятами, неистово прыгалъ по полю, катался по зеленой травѣ и горько плакалъ, когда пришлось уѣзжать въ городъ.

Между тѣмъ, въ городѣ ожидалось событіе, приближеніе котораго привело въ движеніе всю бурсу.

XX.

Приготовленія къ событію.

Когда мы, возвращаясь изъ деревни, проѣзжали мимо дома Працовскаго, насъ удивило очень странное явленіе, какого мы еще ни разу не наблюдали. На крышѣ длиннаго зданія, въ разныхъ пунктахъ, стояли какіе-то замазанные люди и дѣятельно красили крышу въ зеленый цвѣтъ. Къ стѣнамъ были приставлены лѣстницы, а по нимъ ползали штукатуры. Половина дома Працовскаго была уже побѣлена. Бурса, очевидно, чистилась и наряжалась, и мы сразу поняли, что это не спроста. Працовскій не любилъ дѣлать расходовъ, безъ которыхъ можно было обойтись. Когда мы на другой день побывали въ самой бурсѣ, то убѣдились, что и извнутри она уже не та, что была прежде. Полы начисто вымыты, стѣны выбѣлены, изъ угловъ убрана паутина. Бурсакамъ строго-настрого запрещено сорить, бросать на полъ бумагу и проч. Мы даже замѣтили, что какъ будто уменьшилось движеніе и не было слышно такого неистоваго шума, какой обыкновенно былъ слышенъ во дворѣ и въ помѣщеніи бурсы.

На наши вопросы намъ объяснили, что въ скоромъ времени пріѣдетъ ревизоръ, и что его ждутъ со дня на день.

Ревизоры посѣщали бурсу нерѣдко. Они пріѣзжали изъ Петербурга, являлись въ классы, молча все слушали, на все смотрѣли, все записывали и затѣмъ уѣзжали. Къ ихъ пріѣзду все улучшалось, но никакой паники они не вызывали. Это было такое же обычное явленіе, какъ гроза среди лѣта, хоть одна большая гроза съ трескучими раскатами грома, отъ которыхъ всѣ прячутся, но

больше по инстинкту, чѣмъ отъ сознанія дѣйствительнаго вреда. Всѣ знаютъ, что она кончится благополучно — развѣ свалитъ гдѣ нибудь въ лѣсу два-три дерева... И затѣмъ все пойдетъ постарому, но это, должно быть, былъ какой нибудь особенный ревизоръ, потому что приготовленія дѣлались серьезныя, и даже о. инспекторъ, когда сѣкъ кого нибудь въ классѣ, приказывалъ запирать окна. Одно только нельзя было поправить — это одежду бурсаковъ. На это не было рѣшительно никакихъ средствъ. Бурсакамъ было велѣно «штопаться», т. е. вооружиться иголками и по мѣрѣ силъ уменьшить дырки на платьѣ. Что же касается безнадежныхъ, т. е. такихъ, которые ходили совсѣмъ въ рубищахъ, а также «безсопахинно», то имъ было сдѣлано приказаніе — во время посѣщенія не показываться на глаза. Имъ было предоставлено прятаться куда угодно, только бы ихъ не видѣли. Говорили, что ревизоръ занимаетъ какой-то необыкновенно высокій постъ, котораго не называли. Бурсаки рѣшили, что пріѣдетъ самъ министръ.

Ревизоръ, однако, не торопился, благодаря чему времени оказалось совершенно достаточно, чтобъ покрасить крышу, побѣлить стѣны и вообще придать зданію бурсы такой видъ, какъ будто это была не бурса, а какое нибудь болѣе покровительствуемое судьбой мѣсто.

Потому ли, что у бурсаковъ было достаточно досуга, или потому, что до нихъ долетали обрывки какихъ-то слуховъ, они создали сотни болѣе или менѣе невѣрныхъ объясненій ожидавшемуся событію. Тѣ, кому особенно досадили экзекуціи отца инспектора, говорили, что ревизія назначена съ единственною цѣлью — уничтожить эти экзекуціи. Наиболѣе проголодавшіеся на скудныхъ хлѣбахъ Працовскаго объясняли дѣло тѣмъ, что злодѣянія Працовскаго вопіяли къ небу, и они-то и подлежатъ разслѣдованію. Но были и болѣе рѣшительныя и мрачныя толкованія.

— Бурсу уничтожить хотятъ!.. Вотъ оно что!

— Какъ уничтожить? — спрашивали другіе: — а какъ же мы? Насъ же куда дѣнутъ?

— Куда? А никуда! куда хочешь, туда и дѣвайся!

— Въ солдаты будутъ отдавать! Вотъ куда!..

— А я слышалъ, будто будетъ во всемъ облегченіе!

— Ну? какъ же, дожидайся! Какое тамъ облегченіе!?

— А такое! Теперь вездѣ облегченіе! Даже мужиковъ не сѣкутъ!..

— То мужиковъ! А чтобы бурсаковъ не сѣкли, этого никогда не будетъ!...

— А я слышалъ, что будутъ отбирать, кто повыше ростомъ, и въ гвардію, въ солдаты!...

Словомъ сказать, фантазія работала усердно, и каждый старался внести что нибудь въ общее рѣшеніе важнаго вопроса.

Замѣчено было, что только одинъ Дерюжкинъ не принималъ въ этомъ никакого участія, точно это до него и не касалось.

Дерюжкинъ былъ ученикъ низшаго отдѣленія, т. е. мой одноклассникъ, но, не смотря на это, ему шелъ уже девятнадцатый годъ и говорилъ онъ басомъ. Въ низшемъ отдѣленіи онъ просидѣлъ уже шесть лѣтъ (три курса) и теперь сидѣлъ седьмой, не теряя надежды когда нибудь подняться выше. Впрочемъ, едва ли онъ когда либо лелѣялъ какую нибудь надежду или вообще думалъ о будущемъ. Трудно представить себѣ болѣе беззаботнаго человѣка. Бьютъ ли его, жалуютъ ли, сытъ ли онъ, голоденъ ли, будетъ ли онъ жить завтра, или въ эту ночь помретъ,—ему было рѣшительно все равно. Въ свое время онъ былъ казеннокоштнымъ, но потомъ, по безуспѣшности въ наукахъ, былъ лишенъ этого преимущества, и вотъ уже третій годъ онъ донашивалъ казенныя вещи, которыя и тогда уже, въ послѣдній годъ его казеннокоштности, были въ конецъ изношены. Родни у него никакой не было. Помѣщеніе ему давали въ бурсѣ изъ милости, кормился онъ остатками отъ бурсацкаго обѣда, а одѣвался буквально въ рубища. Зачѣмъ онъ столь безнадежно сидѣлъ въ бурсѣ, неизвѣстно. Пробовали гнать его — не идетъ. Отецъ инспекторъ не разъ говорилъ ему:

— Ты бы въ пономари просился, что ли! Всетаки хлѣбъ. А то вѣдь жалко смотрѣть на тебя, а толку все равно изъ тебя никакого не будетъ.

Дерюжкинъ выслушивалъ этотъ благой совѣтъ и оставался на своемъ положеніи. Это было совершенно исключительное положеніе, это былъ, можетъ быть, единственный случай, гдѣ бурса проявляла жалость. Быть можетъ, тутъ было инстинктивное сознаніе, что Дерюжкинъ есть полностью продуктъ бурсы, которая своимъ суровымъ до дикости режимомъ у однихъ закаляла характеръ, дѣлая ихъ упорными, непоколебимыми, стойкими, а другихъ совсѣмъ лишала воли. Но надо же было куда нибудь дѣваться такому человѣку, какъ Дерюжкинъ, котораго допустили сидѣть въ низшемъ классѣ семь лѣтъ, не прививъ ему ни малѣйшаго вкуса къ ученью и не науча ничему другому. Ему бы ремесло какое нибудь было какъ разъ подстать. Но онъ въ девятнадцать лѣтъ, обладая большимъ ростомъ и крѣпкими мускулами, ничего не зналъ и ничего не умѣлъ. Онъ не съумѣлъ бы правильно занести топоръ надъ полѣномъ, чтобъ нарубить дровъ, или вбить гвоздь въ стѣну. Такіе ребята, послѣ того, какъ рано или поздно покидали бурсу, роковымъ образомъ попадали въ ряды темныхъ личностей; иные еще въ бурсѣ понемногу обозначали свое поприще. Изголодавшіеся, износившіе въ конецъ свою одежду, они попадались въ кражѣ какихъ нибудь старыхъ дырявыхъ сапогъ или черстваго куска хлѣба. Ихъ за это сѣкли вдвое больше, чѣмъ обыкновенно, отчего, разумѣется, они не дѣлались ни счастливѣе, ни лучше. Въ самыхъ

рѣдкихъ случаяхъ они попадали въ пономари, но и пономари изъ нихъ выходили плохіе. Не имѣя вкуса ни къ какому труду, они начинали пьянствовать, безобразничать на всю губернію, и зачастую случалось, что такихъ питомцевъ бурсы, уже въ почтенномъ возростѣ, встрѣчали гдѣ нибудь на улицѣ разбивающими камни для мостовой, подъ хорошимъ конвоемъ, въ качествѣ питомцевъ «арестантской роты», а то и еще гдѣ нибудь похуже.

Дерюжкину было съ особенной строгостью приказано отнюдь не попадаться на глаза. Было предположено, что его на нѣсколько дней запрутъ въ укромное мѣсто и не будутъ выпускать оттуда. Ему это очень понравилось, такъ какъ съ одной стороны онъ избавлялся отъ хожденія въ классъ, которое для него выражалось не въ чемъ иномъ, какъ въ полученіи побоевъ отъ всѣхъ, за все и во всѣ мѣста, сообразно вкусу господъ наставниковъ, а съ другой стороны—ему будутъ давать пищу.

Что касается собственно насъ, населявшихъ архіерейскій домъ, то мы смотрѣли на всѣ эти торопливыя приготовленія немного свысока. Это какъ будто насъ и не касалось. Предполагалось, что стоитъ только ревизору заявить, что «это пѣвчіе», и этого совершенно достаточно, чтобъ онъ прошелъ мимо насъ, не тронувши насъ ни однимъ вопросомъ. Повидимому, это было извѣстно всему міру, что пѣвчіе ничего не знаютъ и ничего не должны знать, и что это не мѣшаетъ имъ переходить изъ класса въ классъ. Со стороны отца инспектора были, впрочемъ, приняты кой-какія мѣры. Онъ поставилъ намъ въ обязанность сидѣть на самой задней скамейкѣ, но при этомъ прибавилъ:

— А самое лучшее было бы, ежели бы вы совсѣмъ не приходили въ классъ.

Онъ даже обратился къ о. Петру, нельзя ли устроить какія нибудь утреннія спѣвки или что нибудь въ такомъ родѣ. Но о. Петръ нашелъ это невозможнымъ, такъ какъ у него были еще обязанности соборнаго дьякона.

Ревизоръ пріѣхалъ какъ разъ во время. Працовскій пережилъ, быть можетъ, не одну минуту унынія, вынимая изъ своего скареднаго ящика скопленныя кредитки, но зато къ потребному моменту бурса выглядѣла такъ, какъ будто она была не бурса, а какое нибудь приличное мѣсто.

Первые признаки того, что онъ пріѣхалъ, мы увидѣли въ классѣ на урокахъ. О. инспекторъ обошелъ классы и никого не высѣкъ. Впрочемъ, онъ тутъ же отмѣтилъ тѣхъ, кого слѣдовало высѣчь, и сказалъ:

— Я потомъ выдеру васъ, молодцы! А то вы теперь знаете, что ревизоръ пріѣхалъ, и подымете такой крикъ, будто васъ рѣжутъ!

На томъ же основаніи и всѣ другіе учителя на время оставили

свои привычки. Въ классахъ все было чинно, тихо и благородно. Никто не плакалъ, «ословъ» не трогали, а спрашивали только надежныхъ учениковъ, благодаря чему дѣло имѣло такой видъ, будто въ бурсѣ наука шла, какъ слѣдуетъ. Словомъ, бурса не походила сама на себя. Учителя пришли въ черныхъ сюртукахъ, тщательно вычищенныхъ, только о. инспекторъ явился въ своей неизмѣнной сѣренькой рясѣ самаго будничнаго вида, и только у него одного въ лицѣ не замѣчалось никакой перемѣны. Онъ по обыкновенію шутилъ и острилъ, и вообще, какъ видно, нимало не струсилъ. Онъ былъ человѣкъ весьма твердыхъ принциповъ и если поролъ нещадно бурсаковъ, то отнюдь не по жестокости, а единственно по глубокому убѣжденію, что другими болѣе мирными способами отъ бурсака ничего не добьешься.

— Такъ ли еще драли въ наше время?—говаривалъ онъ:— васъ по крайности за провинности бьютъ, а насъ драли такъ, для удовольствія. Насъ по очереди били!.. да!

И онъ любилъ разсказывать объ учителѣ латинскаго языка того времени, когда онъ, о. инспекторъ, еще былъ бурсакомъ. Этотъ-то именно учитель «дралъ по очереди». Приходилъ въ классъ, бралъ въ руки журналъ и читалъ пятнадцать фамилій по алфавиту. Люди, обладавшіе этими фамиліями, выходили на средину класса и поочередно ложились подъ розги. Въ журналѣ карандашемъ дѣлалась отмѣтки, чтобъ знать, съ котораго мѣста начинать завтра, а завтра назывались слѣдующія пятнадцать фамилій, и такъ дальше. Когда алфавитъ кончался, начинали его опять сначала. Въ объясненіе своего педагогическаго метода учитель говорилъ: «да вѣдь все равно всѣ вы мерзавцы и негодяи и равно заслуживаете дранья! Ну, такъ что-жъ тутъ еще разбирать!..».

Слушая этотъ разсказъ, можно было подумать, что мы учились въ гуманное время, или, по крайней мѣрѣ, что нѣтъ такой жестокости, хуже которой нельзя было бы ничего придумать.

Наконецъ, мы увидѣли и самого ревизора. Это былъ человѣкъ очень маленькаго роста, худощавый, съ морщинистымъ лицомъ и, какъ выразился тутъ же кто-то изъ бурсаковъ, бритый съ головы до ногъ. Лице у него было начисто выбрито, а сѣдые волосы на головѣ такъ низко острижены, что казались подбритыми. Онъ былъ необыкновенно миніатюренъ. Остаповъ рѣшилъ, что онъ могъ бы сложить его втрое и положить въ жилетный карманъ. На лицѣ его нельзя было прочитать ни строгости, ни надменности, ни сознанія собственнаго достоинства. Напротивъ, оно выражало открытое добродушіе и привѣтливость. Что больше всего насъ поразило, такъ это то, что онъ обращался къ бурсакамъ, какъ къ людямъ, и говорилъ имъ «вы». Этого бурсаки никогда еще не слышали. Никогда никто не говорилъ имъ «вы», даже отставной солдатъ, наблюдавшій за чистотой въ бурсѣ и отчасти за бурсац-

кой нравственностью, и тотъ обращался къ нимъ прямо: «эй, ты, безштанько». Или «ну, голодная команда, поворачивайся живѣе!» А тутъ вдругъ этакое важное лицо и говоритъ бурсаку «вы»...

Бурсаки не ощущали никакого страха передъ ревизоромъ. Онъ былъ слишкомъ важное лицо, а они чувствовали себя слишкомъ ничтожными. Разстояніе было такъ велико, что не было никакихъ точекъ соприкосновенія. Что можетъ онъ сдѣлать бурсаку? Инспекторъ можетъ высѣчь его, всякое другое начальство можетъ причинить ему боль какимъ угодно способомъ, а этотъ драться, разумѣется, не станетъ. Что за охота ему марать руки? Отнять у бурсака нечего, потому что у него ничего нѣтъ. И вообще бурсакамъ жилось такъ скверно, что они могли ожидать со стороны только чего нибудь лучшаго, ибо худшаго, чѣмъ то, чѣмъ пользовались бурсаки, нельзя было ничего придумать.

На немъ былъ черный фракъ съ металлическими пуговицами, подъ мышкой онъ носилъ маленькій портфельчикъ, но никогда ничего не записывалъ. Онъ такъ добродушно смотрѣлъ на все, такъ мягко звучалъ его голосъ, такая улыбка удовольствія свѣтилась на его устахъ, что казалось, будто ему все нравится и онъ находилъ бурсацкіе порядки и обстановку превосходными.

Между прочимъ, мы присутствовали при рѣдкомъ зрѣлищѣ. Вдругъ среди урока ревизоръ сдѣлалъ какое-то замѣчаніе полатыни. О. инспекторъ отвѣтилъ ему тоже полатыни, и между ними завязался латинскій разговоръ. Лица обоихъ стариковъ какъ-то просвѣтлѣли, оба они оживились и, должно быть, вспомнили тѣ времена, когда оба они еще были бурсаками и въ головы ихъ внѣдряли латынь нещадными побоями. Между ними тотчасъ же установилась какая-то таинственная связь. Латинскій разговоръ длился съ полчаса, а въ заключеніе ревизоръ съ большимъ чувствомъ пожалъ руку о. инспектору.

— Я радъ встрѣтить въ васъ человѣка нашего времени, нашей старой школы!—сказалъ онъ.—Суровыя были времена, но по крайней мѣрѣ польза была. А нынче суровость осталась прежняя, а пользы нѣтъ. Какія употребляете мѣры воздѣйствія? — спросилъ онъ.

Намъ показалось, что о. инспекторъ немного смутился. Мой сосѣдъ шепнулъ мнѣ: «вотъ увидишь, онъ скажетъ: по головкѣ гладимъ!» Но мы ошиблись. О. инспекторъ, нимало не задумавшись, отвѣтилъ:

— Сѣчемъ, ваше превосходительство! Другихъ мѣръ не имѣемъ.

— Н-да... Да, да! — загадочно отвѣтилъ ревизоръ:— старинная мѣра... старинная!.. сѣкли и насъ!..

Изъ этого мы заключили, что ревизоръ одобряетъ эту мѣру, и что, пожалуй, теперь еще горше будутъ сѣчь. Иные догадывались даже, что ревизоръ попросилъ устроить при немъ примѣрное сѣ-

ченіе, и Остаповъ уже заранѣе почесывался, вполнѣ справедливо полагая, что другаго столь подходящаго экземпляра для сѣченія, какъ онъ, въ цѣлой бурсѣ не сыщется.

Обѣдалъ ревизоръ у архіерея, и было замѣчено, что они долго и горячо о чемъ-то бесѣдовали. А передъ вечеромъ именитый гость посѣтилъ помѣщеніе бурсы.

Давно бурсаки не видали Працовскаго въ такомъ торжественномъ видѣ, какъ въ этотъ день. Обыкновенно онъ ходилъ въ истрепанномъ и засаленномъ пиджачишкѣ, въ широкихъ штанахъ изъ той самой матеріи, изъ которой дѣлаются тюфяки. На этотъ разъ онъ облачился въ длинный черный сюртукъ, сшитый лѣтъ тридцать тому назадъ, что, однако-жъ, не мѣшало ему быть новымъ, такъ какъ Працовскій за все это время надѣвалъ его раза три-четыре. Онъ самъ водилъ ревизора по всѣмъ бурсацкимъ помѣщеніямъ. Не смотря на усиленныя провѣтриванія, бурсацкій запахъ, впившійся въ стѣны и полы, разилъ всюду, и ревизоръ покручивалъ носомъ. Но Працовскій, привыкшій къ этому запаху, ничего этого не замѣчалъ. Жалкіе костюмы бурсаковъ, къ которымъ онъ приглядѣлся за нѣсколько десятковъ лѣтъ, тоже казались ему превосходными, тѣмъ болѣе, что отъявленные оборванцы были удалены. Въ самомъ дѣлѣ, куда они дѣвались? Ни лохмотниковъ, ни безсапожныхъ не было видно. Працовскій подыскалъ для нихъ какую-то конуру и всѣхъ ихъ загналъ туда.

Ревизоръ попалъ въ столовую во время обѣда и попробовалъ пищу. Нечего и говорить, что въ этотъ день пища была лучше обыкновенной, но усердіе Працовскаго не дошло до того, чтобы она была хороша, и ревизоръ, попробовавъ щей, тихонько, осторожно выплюнулъ ихъ.

И опять же онъ ничего не записывалъ, а только зорко присматривался ко всему и все подмѣчалъ. Повидимому, мрачная обстановка бурсацкой жизни производила на него безотрадное впечатлѣніе. Съ каждымъ шагомъ онъ становился все мрачнѣе и серьезнѣе, но вотъ случился эпизодъ, который поставилъ его втупикъ.

Бурсаки были во дворѣ, когда ревизоръ осматривалъ ихъ жилье. Съ нимъ ходили Працовскій и Василій Макарычъ. Въ мрачныхъ комнатахъ была тишина. Ревизоръ проходилъ и осматривалъ ихъ быстро, повидимому, подгоняемый спертымъ воздухомъ, отъ котораго ему, свѣжему человѣку, становилось дурно.

Прошли рядъ комнатъ съ раскрытыми настежъ дверями и вдругъ наткнулись на одну дверь, плотно прикрытую.

— А тамъ что?—спросилъ ревизоръ, обращаясь къ Василію Макарычу.

Василій Макарычъ не зналъ, что тамъ, и почему дверь закрыта. Въ обычное время тамъ было то же, что и здѣсь, то-есть помѣщались бурсаки. Но Працовскій, очевидно, что-то зналъ.

— Тамъ такъ себѣ кладовая, ваше превосходительство,—отвѣтилъ онъ.

По всей вѣроятности, у ревизора явилось любопытство узнать, какая такая кладовая можетъ помѣщаться рядомъ съ обиталищемъ бурсаковъ. Онъ подошелъ къ двери и взялся за ручку.

— Можно посмотрѣть?—спросилъ онъ.

— Тамъ заперто, ваше превосходительство! — сказалъ Працовскій, и его деревянный голосъ слегка задрожалъ.

Но каковъ былъ его ужасъ, когда его превосходительство нажалъ ручку двери, и дверь оказалась незапертой. Ревизоръ тихонько, безшумно открылъ дверь и въ первую минуту даже отступилъ на шагъ, до того сильно было его изумленіе.

Въ ярко освѣщенной солнечными лучами комнатѣ, гдѣ у стѣнъ стояло нѣсколько кроватей, на кровати сидѣлъ самый жалкій изъ бурсаковъ, котораго изъ жалости держали седьмой годъ въ низшемъ отдѣленіи и которому о. инспекторъ совѣтовалъ проситься въ пономари. Рослый дѣтина сидѣлъ лицомъ къ окну, а спиной къ ревизору; его костлявая спина была обнажена, а въ рукахъ онъ держалъ изодранную, до послѣдней степени грязную рубаху и, внимательно заглядывая въ каждую складку, розыскивалъ тамъ своихъ враговъ, ежесекундно досаждавшихъ ему. Онъ до того былъ погруженъ въ свое занятіе, что не слышалъ ни скрипа двери, ни шума шаговъ.

— Хм... хм...—громко кашлянулъ Працовскій, совершенно растерявшійся.

Дѣтина обернулся и, увидавъ вошедшихъ, бросилъ рубашку и вытянулся во весь свой большой ростъ. Ревизоръ отступилъ въ другую комнату и захлопнулъ дверь.

— Что это такое?—спросилъ онъ, сдвинувъ брови, и въ голосѣ его не было слышно ни привѣтливости, ни добродушія.

— Это... это, ваше превосходительство, больной... Онъ немного не въ своемъ умѣ...—отвѣтилъ Працовскій.

— Зачѣмъ же вы его здѣсь держите? И какая же это кладовая?..

Послѣ этого эпизода ревизоръ ничего больше не осматривалъ и ушелъ къ себѣ въ гостинницу, разстроенный. Неизвѣстно, какими путями бурсаки пробрались къ окнамъ его квартиры. Но многіе изъ нихъ въ качествѣ очевидцевъ разсказывали, что вечеромъ онъ нѣсколько часовъ подрядъ что-то писалъ быстро и усердно. Очевидно, это были его безотрадныя впечатлѣнія.

Дня черезъ три онъ уѣхалъ. Скоро начались экзамены, а затѣмъ наступили и каникулы. Архіерей уѣхалъ куда-то лѣчиться, и потому насъ безпрепятственно распустили по домамъ. Мы съ Пичужкой поѣхали въ деревню.

Когда мы покидали бурсу, въ ней было все постарому, и не было рѣшительно никакихъ признаковъ того, что въ близкомъ

будущемъ могутъ произойти перемѣны. Въ послѣдній день, когда о. инспекторъ прощался съ нами и въ послѣдній разъ заходилъ въ классы, онъ высѣкъ Остапова, который собирался идти пѣшкомъ за семьдесятъ верстъ къ своимъ роднымъ. При этомъ онъ сказалъ:

— Это тебѣ на дорогу, чтобы не заблудился въ пути!..

А между тѣмъ, въ то время, какъ мы съ Пичужкой беззаботно бѣгали по полямъ и болтались въ теплой водѣ сильно подогрѣтой солнцемъ нашей деревенской рѣченки, надъ бурсой висѣлъ уже мечъ...

И. Потапенко.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ А. И. МИХАЙЛОВСКАГО-ДАНИЛЕВСКАГО[1].

1823 годъ.

I.

Рожденіе сына Леонида.—Возвращеніе императора Александра въ Петербургъ изъ Вероны.—День моего дежурства во дворцѣ.—Разговоры царедворцевъ предъ государевымъ кабинетомъ.—Отмѣтка императора на заставѣ.—Соблюденіе великими князьями военныхъ уставовъ.—Нѣкоторыя подробности о пребываніи государя за границей. — Стоимость царскаго стола въ Петербургѣ. — Госпожа Питтъ.—Балы, спектакли и вечернія собранія при дворѣ.—Воскресенья у императрицы Маріи Ѳеодоровны въ Павловскѣ.—Вліяніе на императрицу княгини Ливенъ.—Нерасположеніе императора Александра къ театральнымъ представленіямъ.—Образъ жизни государя.—Милостивое обращеніе его со мной.—Разсказъ о звѣздѣ.—Званые обѣды во дворцѣ.—Музыкантъ Буше.—Нѣкоторыя изреченія государя.

НАЧАЛЪ пріятно 1823 годъ въ ожиданіи видѣть скоро приращеніе моего семейства. 16-го января Богъ даровалъ мнѣ сына Леонида, которому дано сіе имя преимущественно въ воспоминаніе бывшаго тогда возстанія грековъ. Черезъ четыре дня, то-есть 20-го января, императоръ возвратился изъ Вероны въ Царское Село, гдѣ никого изъ императорской фамиліи не находилось; высочайшее отсутствіе изъ столицы продолжалось пять мѣсяцевъ и восемнадцать дней. На другой день его величество прибылъ въ Петербургъ, и такъ какъ я въ сей день былъ дежурнымъ, то и опишу подробно, что происходило во дворцѣ.

21-го января, государь прибылъ изъ Царскаго Села въ столицу въ часъ по полудни прямо въ Казанскій соборъ для слушанія молебна. Полиція не впускала народа въ оный, но го-

---

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», 1892 г., май, стр. 360.

сударь, узнавъ о семъ запрещеніи, отмѣнилъ его, и вскорѣ храмъ наполнился любопытными. Послѣ молебна его величество поѣхалъ въ Зимній дворецъ и остановился у подъѣзда вдовствующей государыни, пробылъ у нея съ часъ и пошелъ потомъ къ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Проходя къ ней большимъ темнымъ коридоромъ, государь встрѣтилъ меня въ ономъ, поцѣловалъ меня два раза и, между прочимъ, сказалъ:

— Дорогою холодъ простирался до двадцати шести градусовъ, но, не взирая на таковую стужу, я все ѣхалъ въ открытыхъ саняхъ.

Послѣ свиданія съ Елисаветою Алексѣевною, его величество поѣхалъ къ великому князю Николаю Павловичу въ Аничковскій дворецъ и возвратился около трехъ часовъ, въ каковое время пошелъ вмѣстѣ съ супругою своею кушать къ вдовствующей императрицѣ; тамъ былъ фамильный столъ, только для императорской фамиліи, а изъ подданныхъ находилась одна княгиня Ливенъ, которой, какъ воспитавшей великихъ княгинь и другу императрицы Маріи Ѳедоровны, всѣ оказывали особенное величайшее уваженіе. Въ пять часовъ императоръ возвратился въ свой кабинетъ и принималъ слѣдующихъ особъ: графа Аракчеева, который пробылъ въ кабинетѣ двадцать минутъ, послѣ него с.-петербургскаго генералъ-губернатора, графа Милорадовича, который былъ у императора тридцать пять минутъ; за нимъ позванъ былъ главнокомандующій первою арміею, графъ Сакенъ, на четверть часа, послѣ него петербургскій комендантъ Башуцкій, на двѣ минуты, а въ заключеніе статсъ-секретарь по иностранной части, графъ Нессельроде, съ бумагами, который пробылъ въ кабинетѣ полчаса. Я именно означаю минуты, потому что я нарочно смотрѣлъ на часы. Въ восемь часовъ вечера всѣ особы, представлявшіеся императору, разъѣхались, и такъ какъ никого не оставалось въ секретарской комнатѣ, то и я ушелъ въ дежурную горницу, и что императоръ дѣлалъ въ кабинетѣ, никому, кромѣ камердинера, не извѣстно.

Между тѣмъ какъ вышеозначенные чиновники ожидали въ секретарской, пока ихъ позовутъ въ кабинетъ, происходили между ними разные разговоры. Графъ Милорадовичъ разсказывалъ, что онъ во всю свою жизнь былъ долженъ, приводилъ нѣкоторые забавные анекдоты о выгодахъ имѣть долги и присовокупилъ, что онъ не понимаетъ, какъ можно жить безъ оныхъ. Это лучшая сатира на наши кредитные законы, думалъ я, что первые государственные люди передъ кабинетомъ монарха забавляются на счетъ своихъ заимодавцевъ. Когда графъ Сакенъ вынулъ изъ кармана строевой рапортъ четырехъ-сотъ-тысячной арміи, состоявшей подъ начальствомъ его, то графъ Нессельроде просилъ, смѣючись, позволенія его пріобщать копію съ сего рапорта къ каждой изъ дипло-

матическихъ нотъ, посылаемыхъ имъ къ иностраннымъ дворамъ: «вѣрно,—сказалъ онъ,—депеши мои въ семъ случаѣ будутъ имѣть несомнѣнный успѣхъ».

На другое утро, то-есть 22-го числа, былъ разводъ, на которомъ государь присутствовалъ, не взирая на то, что было семнадцать градусовъ мороза. По окончаніи онаго, его величество принималъ министровъ и членовъ государственнаго совѣта; ни одинъ изъ нихъ не пробылъ въ кабинетѣ болѣе пяти минутъ, а черезъ недѣлю императоръ уѣхалъ въ Царское Село, гдѣ провелъ шесть дней въ совершенномъ уединеніи.

Когда государь по прибытіи съ конгресса подъѣхалъ къ заставѣ, то, остановясь у оной, приказалъ караульному офицеру написать, что его величество прибылъ изъ Венеціи; на слѣдующее утро комендантъ по обыкновенію подалъ рапортъ о пріѣзжающихъ, въ которомъ сказано было: «Ваше величество изволили пріѣхать изъ Венеціи». Привожу сіе обстоятельство примѣромъ, сколь государю угодно было, чтобы военныя постановленія соблюдаемы были съ точностію. Также поступали тогда и великіе князья, во всемъ подражавшіе императору. Одинъ изъ нихъ, командуя тогда бригадою, выступалъ съ оною въ лагерь и на заставѣ подалъ рапортъ плацъ-маіору, но сей улыбаясь не хотѣлъ онаго принять, къ чему его великій князь, кажется, Николай Павловичъ, принудилъ однако же, говоря: «что онъ знаетъ, что онъ братъ царевъ, а не простой бригадный начальникъ, но что примѣромъ своимъ желаетъ показать, какъ должно служить».

Чиновники, пріѣхавшіе изъ Вероны, сказывали мнѣ, что императоръ жилъ тамъ въ большомъ уединеніи, обѣдалъ почти всегда одинъ и только изрѣдка съ австрійскимъ императоромъ и съ королемъ прусскимъ; главное удовольствіе его состояло въ прогулкахъ пѣшкомъ и верхомъ. Вѣрно, подумалъ я, онъ посѣщалъ и поле Аркольскаго сраженія. Какими мыслями должна быть исполнена душа его при воспоминаніи о томъ человѣкѣ, который на сихъ поляхъ пожиналъ лавры и который на ужасной скалѣ св. Елены воздавалъ должную похвалу государю. Никто не могъ сказать мнѣ, почему государь не поѣхалъ въ Римъ; причиною же, что онъ не былъ въ Миланѣ, полагаютъ, что въ семъ городѣ открытъ былъ заговоръ противъ австрійскаго правительства, въ которомъ участвовали люди знатныхъ фамилій, взятые посему подъ стражу, и что вслѣдствіе сего происшествія предположенная поѣздка въ Миланъ была отмѣнена. Когда государь возвращался въ Россію, то въ Ченстоховѣ встрѣтила его депутація, посланная изъ Варшавы, которой онъ сдѣлалъ строжайшій выговоръ за опозиціонныя рѣчи, произнесенныя различными членами въ послѣднемъ засѣданіи сейма. Сказывали мнѣ близкіе къ государю люди, находившіеся при немъ въ семъ путешествіи, что во время онаго здоровье его

очевидно ослабѣло, ибо замѣтили, что императоръ, который прежде переносилъ бури и непогоды, какъ бы не примѣчая оныхъ, началъ укутываться шубами и даже на голову надѣвалъ казачій башлыкъ.

Собственный столъ императора стоилъ въ Петербургѣ ежедневно тысячу сто рублей, или сто голландскихъ червонныхъ, и приготовлялся не болѣе, какъ на двадцать человѣкъ. Имѣвъ случай обѣдать у многихъ государей въ Европѣ, я долженъ сознаться, что ни одинъ не имѣлъ столь вкуснаго стола, какъ нашъ монархъ; однажды въ семъ году покупали для обѣда его величества бобы, за фунтъ которыхъ платили по сту рублей. Отъ сего стола отпускали также кушанья госпожѣ Питтъ, вдовѣ англійскаго пастора, которая жила во дворцѣ и была настоящимъ другомъ государя и императрицы Елисаветы Алексѣевны. Мужъ ея былъ нѣкогда пасторомъ англійской церкви, находившейся въ Царскомъ Селѣ при Екатеринѣ Второй, и тогда государь, бывши великимъ княземъ, не рѣдко посѣщалъ его во время своихъ прогулокъ, а по смерти его пригласилъ вдову его жить къ себѣ во дворецъ; она каждый вечеръ проводила съ императрицею Елисаветою Алексѣевною. Сынъ госпожи Питтъ, обучавшійся богословію въ Оксфордскомъ университетѣ, пріѣзжалъ въ 1822 году навѣстить мать свою и не согласился на блестящія предложенія остаться въ Россіи, а предпочелъ возвратиться въ отечество, чтобы тамъ посвятить себя духовному званію.

Въ сію зиму при дворѣ много веселились: каждое воскресенье происходили балы у вдовствующей императрицы, а по четвергамъ спектакли въ комнатахъ ея же величества, гдѣ играли русскія, но большею частію французскія піесы; однажды такъ долго танцовали на одномъ изъ ея баловъ, что сѣли за ужинъ въ три часа по полуночи. Я не пропустилъ ни одного бала и ни одного театральнаго представленія; величайшая непринужденность сопряжена была съ такою благопристойностью, что собранія сіи можно было назвать образцомъ для нравовъ. Въ комнатный театръ пріѣзжали обыкновенно часу въ восьмомъ; вскорѣ подавали чай, а потомъ гофъфурьеръ отворялъ двери и объявлялъ, что время идти въ театръ; тогда каждый или шелъ одинъ, или выбиралъ сосѣда, съ которымъ желалъ провести вечеръ, и чрезъ нѣсколько минутъ входила императорская фамилія, при появленіи которой оркестръ начиналъ играть увертюру, а вслѣдъ за оной поднимался занавѣсъ. По окончаніи представленія, всѣ отправлялись въ столовыя комнаты и садились за круглые столы, накрытые обыкновенно особъ на двѣнадцать. Мужчины, которые не хотѣли ужинать, не садились. Въ срединѣ залы былъ особенный столъ, назначенный для императорской фамиліи, для статсъ-дамъ и для чиновниковъ первыхъ двухъ классовъ. Императрица Марія Θеодоровна и великіе князья Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ никогда не ужинали, а ходили по залѣ и разговаривали съ гостями самымъ ми-

лостивымъ образомъ. Вдовствующая императрица бывала въ угащиваніи не подражаема. Къ симъ театрамъ и обыкновеннымъ еженедѣльнымъ баламъ приглашаемы были министры, члены государственнаго совѣта, придворные чины первыхъ трехъ классовъ, генералъ и флигель-адъютанты, дежурные камергеры и камеръ-юнкеры и нѣсколько сенаторовъ, служившихъ въ заведеніяхъ, состоявшихъ подъ начальствомъ императрицы Маріи Θеодоровны, равно почетнѣйшіе изъ армейскихъ генераловъ, пріѣзжавшихъ въ Петербургъ въ отпускъ; изъ чего видѣть можно, что здѣсь соединялось самое отборное общество, и такъ какъ сіи балы и театры бывали каждую недѣлю по два раза, то мнѣ не доставало времени для посѣщенія частныхъ праздниковъ. Большіе же балы были рѣдки, они случались въ торжественные дни рожденія государя и императрицы; тогда число гостей простиралось до нѣсколькихъ сотъ, между коими находился и дипломатическій корпусъ.

Лѣтомъ вдовствующая императрица проживала въ Павловскѣ, коего сады украшены изображеніями особъ, близкихъ ея сердцу. Генералъ и флигель-адъютанты приглашены были туда однажды навсегда по воскресеньямъ, и для каждаго изъ насъ была тамъ особо назначенная комната. Пріѣзжали обыкновенно изъ Петербурга къ обѣднѣ, потомъ представлялись государынѣ, цѣловали ея руку, а въ два часа шли за столъ, за который садилось человѣкъ сто, послѣ обѣда играли въ карты или гуляли по саду, а въ восемь часовъ слѣдовалъ балъ, на которомъ царствовала такая непринужденность, какъ бы въ частномъ домѣ. Послѣ ужина иные оставались на ночь въ Павловскѣ, а другіе возвращались въ Петербургъ.

Говоря о веселостяхъ при дворѣ, коихъ императрица Марія Θеодоровна была душею, можно ли не упомянуть о ея благодѣяніяхъ, за которыя Россія должна будетъ ей воздвигнуть памятникъ. Втеченіе полвѣка она являла примѣръ женскихъ добродѣтелей и управляла множествомъ человѣколюбивыхъ заведеній, которыя она возвела на такую степень совершенства, что они далеко превосходятъ всѣ подобныя учрежденія въ Европѣ. Намъ должно будетъ всегда благоговѣть къ памяти ея за нѣсколько тысячъ просвѣщенныхъ матерей и супругъ, образованныхъ подъ непосредственнымъ, неусыпнымъ ея надзоромъ.

Ежели что либо отчасти затмеваетъ великія ея заслуги, Россіи оказанныя, то это предпочтеніе ея нѣмцевъ передъ русскими. Къ сему способствовала. особенно другъ ея и воспитательница дѣтей ея, княгиня Ливенъ; она жила подлѣ комнатъ императрицы и была женщина умная, но скупая и въ душѣ нѣмка. Не оправдывая императрицы въ предубѣжденіи ея противъ русскихъ, полагаю, что онаго бы не существовало, ежели бы нашлась изъ русскихъ барынь таковая, которая бы вмѣсто княгини Ливенъ была употре-

блена при воспитаніи великихъ княгинь и овладѣла бы сердцемъ государыни; но гдѣ таковую сыскать? а особенно, когда уважимъ превосходнѣйшее образованіе и добродѣтели великихъ княгинь, которымъ единодушно вся Европа удивлялась.

Государь, со времени возвращенія своего изъ Вероны, не присутствовалъ ни на одномъ театральномъ представленіи и только однажды посѣтилъ балъ, да и на ономъ пробылъ не болѣе двухъ часовъ; равно и императрица Елисавета Алексѣевна весьма рѣдко присутствовала на балахъ. Вообще его величество не жаловалъ театровъ; говоря объ нихъ, онъ мнѣ сказалъ однажды: «по мнѣ хотя бы ихъ и въ вѣкъ не было». Образъ жизни императора былъ въ сію зиму столь же уединенъ и единообразенъ, какъ и прежде; онъ вставалъ въ семь часовъ, а въ восемь принималъ князя Волконскаго, потомъ великихъ князей, въ девять часовъ два раза въ недѣлю графа Нессельроде, а въ прочіе дни графа Аракчеева, котораго вліяніе на всѣ дѣла государственныя было сильнѣе, нежели когда либо. Въ началѣ одиннадцатаго часа призывали въ кабинетъ с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, въ половинѣ одиннадцатаго императоръ выѣзжалъ къ разводу и училъ баталіонъ, вступавшій въ караулъ, послѣ чего заходилъ непремѣнно каждый день къ вдовствующей императрицѣ, а отъ нея иногда къ княгинѣ Ливенъ. Въ половинѣ втораго государь гулялъ пѣшкомъ по набережнымъ Невы и Фонтанки, что называли le tour impérial; многіе изъ желавшихъ обратить на себя высочайшее вниманіе являлись въ сіе время на набережныхъ, и государь удостоивалъ разговорами почти всѣхъ тѣхъ особъ, которые ему были знакомы. Онъ гулялъ, не смотря ни на какую погоду, возвращался во дворецъ въ три часа и обѣдалъ большею частію вдвоемъ съ своею супругою; званые столы бывали раза два въ недѣлю. Въ шесть часовъ послѣ обѣда пріѣзжали съ докладами министры или находившіеся въ Петербургѣ генералъ-губернаторы. Въ двѣ недѣли одинъ разъ государь отправлялся въ Царское Село и проводилъ тамъ въ уединеніи дня по три и по четыре; кромѣ князя Волконскаго, никто въ Царское Село не сопутствовалъ его величеству, и весьма рѣдко министры или другіе особы были приглашаемы пріѣзжать туда съ бумагами, да и то на самое короткое время.

По званію моему флигель-адъютанта, мнѣ надлежало всякій день бывать во дворцѣ, куда обыкновенно я являлся часу въ десятомъ, находилъ тамъ самое отборное общество, бывалъ ежедневно на разводахъ и видалъ всегдашнюю неподражаемую любезность государя, возлѣ котораго было мое мѣсто, потому что я былъ въ семъ году старшимъ изъ флигель-адъютантовъ. Нерѣдко государь удостоивалъ меня какимъ нибудь благосклоннымъ вопросомъ, а всякій день милостивымъ взглядомъ, поклономъ или улыбкою.

Въ одинъ день, это было въ февралѣ мѣсяцѣ, государь сказалъ мнѣ на разводѣ:

— Ты насъ всѣхъ перещеголялъ.

Я отвѣчалъ, что не понимаю сего вопроса.

— Тѣмъ,—продолжалъ императоръ,—что я, встрѣтя тебя вчера на набережной, видѣлъ, что у тебя на сюртукѣ была звѣзда.

Государь, улыбнувшись, замолчалъ, а я, пойдя въ тотъ день гулять, не надѣлъ звѣзды, но, нечаянно встрѣтясь съ императоромъ, былъ имъ остановленъ, и онъ меня спросилъ:

— Зачѣмъ безъ звѣзды?

— Отъ того,—сказалъ я,—что вы сегодня на этотъ счетъ шутили.

— Подлинно,—отвѣчалъ государь,—это была шутка, не сердись на меня, надѣнь звѣзду и не снимай ея болѣе.

— Государь,—возразилъ я,—я потому ее ношу на сюртукѣ, хотя сіе и не въ обыкновеніи, что я былъ одинъ изъ первыхъ полковниковъ, коимъ вы оную пожаловали, и много цѣню вашу милость.

Когда я бывалъ дежурнымъ при его величествѣ, что случалось недѣли черезъ двѣ, то долженъ былъ и ночевать во дворцѣ; весь день тогда я обыкновенно проводилъ въ Эрмитажѣ, въ разсматриваніи произведеній изящныхъ искусствъ, коими онъ наполненъ. Дежурство сіе было болѣе для формы, потому что, находясь болѣе семи лѣтъ флигель-адъютантомъ, я на дежурствѣ былъ посылаемъ государемъ только три раза, да и то съ самыми ничтожными порученіями. Пріятнѣе же всего бывало, когда въ сей день случался званый обѣдъ, тогда и дежурнаго флигель-адъютанта всегда къ оному приглашали, и мѣсто его за столомъ было противъ императора на концѣ стола, ибо государь садился всегда на одномъ концѣ; по лѣвую сторону его находилась супруга, а подлѣ нея и по правую сторону императора гости по чинамъ ихъ. За столомъ, кромѣ придворныхъ официантовъ, подававшихъ кушанья, служили арапы; въ числѣ ихъ находился одинъ негръ, бывшій нѣкогда въ услугѣ у генерала Моро и пріѣхавшій съ нимъ изъ Америки. Государь въ день званыхъ обѣдовъ обыкновенно по утру высылалъ записку, на которой означалъ собственноручно имена приглашавшихся къ столу. Заглавную литеру моей фамиліи государь писалъ всегда слѣдующимъ образомъ: *Д* ; я съ того времени взялъ за правило подписываться такимъ образомъ, хотя прежде писалъ свою фамилію, начиная съ латинскаго D. Ежели сіи записки дойдутъ до моихъ сыновей, то прошу и ихъ въ память незабвеннаго Александра подписываться такимъ же образомъ. Эта литера въ глазахъ ихъ, увѣряю ихъ въ томъ, должна быть для нихъ не хуже никакого другаго дворянскаго диплома или грамоты.

Кстати опишу здѣсь одинъ подобный обѣдъ, при которомъ случилось мнѣ быть во время дежурства моего въ февралѣ мѣсяцѣ. За столомъ находилось четырнадцать особъ, а именно:

1) Государь.
2) Императрица Елисавета Алексѣевна.
3) Графъ Милорадовичъ.
4) Министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей.
5) Князь Волконскій.
6) Министръ просвѣщенія князь Голицынъ.
7) Московскій генералъ-губернаторъ князь Голицынъ.
8) Рижскій генералъ-губернаторъ маркизъ Паулучи.
9) Рязанскій генералъ-губернаторъ Балашевъ.
10) Генералъ-адъютантъ Орловъ.
11) Гофмаршалъ Нарышкинъ.
12) Генералъ-маіоръ Бистромъ.
13) Полковникъ Шиповъ, учившій въ тотъ день баталіонъ, вступившій въ караулъ, коимъ императоръ былъ очень доволенъ.
14) Я.

Сначала говорили о музыкѣ; графъ Милорадовичъ сказалъ, что изъ Москвы ожидали славнаго музыканта Буше, и присовокупилъ, что публика съ нетерпѣніемъ желаетъ его видѣть, потому что онъ очень похожъ на Наполеона. Я нарочно въ сіе время посмотрѣлъ на государя, думая, не скажетъ ли онъ чего либо о старинномъ своемъ союзникѣ, однако же онъ промолчалъ. Впослѣдствіи же, когда Буше былъ въ Петербургѣ, его призывали къ императору, гдѣ его заставляли копировать Наполеона, потому что дѣйствительно сходство между нимъ и бывшимъ обладателемъ Франціи было необыкновенное, и сверхъ того Буше умѣлъ подражать тѣлодвиженіямъ, поступи и даже взглядамъ Бонапарте.

— Я видѣлъ вашего брата въ Венеціи,—сказалъ государь маркизу Паулучи.—Австрійцы взяли въ Венеціи три линейныхъ корабля. Вообще флоты италіанскихъ государей ничего не значатъ, напримѣръ, у неаполитанскаго короля было прежде три линейныхъ корабля, а теперь остался у него только одинъ, называемый Капри.

Это знакъ хорошей памяти. Государь отзывался съ самой выгодной стороны о военныхъ поселеніяхъ, изъ которыхъ недавно возвратился.

— Молодыя солдатскія дѣти, — сказалъ онъ, — тамъ учащіяся, если не превзойдутъ нашихъ офицеровъ изъ дворянъ, то вѣрно имъ не уступятъ.

Когда подали кофе, государь сказалъ, кушая оный:

— Прежде мнѣ подавали кофе, когда я выходилъ изъ-за стола, но я этого не велѣлъ дѣлать, потому что, стоя съ чашкою въ рукахъ, имѣемъ всегда очень неловкій видъ.

Эти слова служатъ новымъ доказательствомъ, сколько импера-

торъ во всѣхъ своихъ поступкахъ, даже и въ самыхъ ничтожныхъ, старался соблюдать наружную красоту, или то, что французы называютъ les graies.

Вотъ какъ государь провелъ весь этотъ день, въ который я былъ дежурнымъ и слѣдственно очевидцемъ. По утру съ девятаго часа до десяти занимался съ графомъ Нессельроде, въ десять принималъ графа Милорадовича и до двѣнадцати училъ баталіонъ гвардейскаго полка. Въ полдень принималъ пріѣхавшихъ изъ отпуска одного генерала и одного флигель-адъютанта, потомъ съ часъ работалъ съ начальникомъ морскаго штаба Моллеромъ; отъ двухъ до трехъ ходилъ гулять пѣшкомъ; отъ трехъ до пяти обѣдъ; за столомъ мы сидѣли съ часъ, а прочее время былъ такъ называемый cercle, то-есть императоръ ходилъ по комнатѣ и разговаривалъ съ каждымъ изъ находившихся въ оной, а отъ семи до половины девятаго у его величества былъ съ докладами генералъ-губернаторъ Балашевъ.

II.

Сокращеніе арміи.—Неудовольствіе государя на князя Волконскаго.—Отъѣздъ Волконскаго за границу.—Мое объясненіе съ нимъ.—Назначеніе вмѣсто Волконскаго начальникомъ главнаго штаба Дибича.—Его первый докладъ государю.—Немилость императора къ князю Меншикову.—Свиданіе государя съ Волконскимъ передъ отъѣздомъ послѣдняго за границу.—Забавное приключеніе съ австрійскимъ посланникомъ Лебцельтерномъ.—Столкновеніе графа Милорадовича съ Аракчеевымъ.—Камергеръ Майковъ.—Анекдотъ о петербургскомъ оберъ-полицеймейстерѣ Гладковѣ.—Мои дружескія отношенія къ графу Милорадовичу.—Неудачная попытка писать его біографію.—Характеристика графа Милорадовича.—Анекдоты о немъ.—Его письмо къ Кутузову.—Записка, поданная государю Уваровымъ.—Каламбуры.—Развитіе въ обществѣ картежной игры.—Графъ Воронцовъ.—М. А. Нарышкина.—Графъ де-Бальменъ.

Въ сіе время приступили къ уменьшенію арміи; въ конныхъ полкахъ въ каждомъ взводѣ уничтожили по четыре ряда, посредствомъ чего убавилось пятнадцать тысячъ лошадей; людьми же, кои остались безъ лошадей, пополнили полки, въ коихъ солдаты сіи прежде находились. Въ каждой артиллерійской ротѣ, вмѣсто двѣнадцати орудій, назначено только по восьми пушекъ; уничтожили корпусъ не служащихъ и, должно прибавить, вовсе не нужныхъ инвалидовъ, и велѣно было давать отпуски третьей части арміи. Изъ сихъ мѣроположеній, причиною коихъ было разстройство финансовъ, можно было заключить, что насъ избавятъ на нѣкоторое время отъ рекрутскаго набора и что, вѣроятно, долго не предвидѣлось войны.

Вслѣдъ за симъ, въ исходѣ марта, возвратился императоръ изъ Царскаго Села, гдѣ онъ былъ четыре дня съ княземъ Волконскимъ,

и немедленно разнесся слухъ во дворцѣ, что князь ѣдетъ въ отпускъ; дѣйствительно, въ непродолжительномъ времени узнали о справедливости сего слуха. Можно вообразить, съ какимъ любопытствомъ всѣ желали узнать причину его немилости, а еще болѣе имя того, кто заступилъ его мѣсто, какъ начальника главнаго штаба, а особенно какъ лица, приближеннѣйшаго къ монарху, и кому суждено будетъ имѣть не только ежедневный, но почти каждочасный доступъ до императора.

Удаленіе князя Волконскаго приписывали слѣдующему обстоятельству. По военному министерству требовалась на 1823 годъ весьма значительная сумма, почему государь приказалъ князю найти средства уменьшить оную. Онъ занимался симъ предметомъ нѣкоторое время съ директорами разныхъ департаментовъ военнаго управленія и нашелъ, что можно убавить восемью стами тысячъ требуемое количество; но такъ какъ сіе показалось императору мало значащимъ, то его величество передалъ это дѣло графу Аракчееву, который, призвавъ къ себѣ генералъ-кригсъ-комиссара Татищева, работалъ съ нимъ пять дней и сбавилъ изъ смѣты восемнадцать милліоновъ. Когда государь о семъ узналъ, то сказалъ князю Волконскому, что «послѣ сего онъ видитъ, что князь окруженъ или дураками, или плутами, которые или не умѣли, или не хотѣли найти средствъ сбавить смѣты». Сей упрекъ заставилъ князя ѣхать въ отпускъ, а Татищева сдѣлали военнымъ министромъ.

Со времени Ахенскаго конгресса князь Волконскій отъ меня примѣтно удалялся, что я приписываю наушникамъ, воспользовавшимся слабостію его характера; однако же, такъ какъ я провелъ нѣсколько лѣтъ подъ непосредственнымъ его начальствомъ, причемъ онъ мнѣ оказывалъ неограниченное довѣріе, то я, узнавъ о скоромъ отъѣздѣ его за границу, желалъ съ нимъ объясниться для спокойствія совѣсти моей. Когда онъ былъ въ милости, то я всякое оправданіе съ моей стороны передъ нимъ почиталъ за низость; но когда онъ удалялся отъ двора, то я хотѣлъ быть правымъ въ глазахъ его, какъ частнаго человѣка. Для сего я пошелъ къ нему и сказалъ послѣ первыхъ привѣтствій, что, дорожа его мнѣніемъ, я желаю, чтобы, уѣзжая изъ Петербурга, онъ сохранилъ ко мнѣ то доброе расположеніе, которымъ прежде меня удостоивалъ. Послѣ сего начала, которое его удивило, я продолжалъ: «Я содержу въ памяти безпредѣльное ваше ко мнѣ довѣріе и ласковое обращеніе впродолженіе шести лѣтъ, сіе подало мнѣ поводъ удивляться холодности вашей въ послѣднее время, я приписываю оную какому либо неудовольствію съ вашей стороны и прошу васъ сказать мнѣ оному причину, дабы я могъ оправдаться». Князь отвѣчалъ, что я ошибаюсь, что онъ ко мнѣ остается таковъ же, какъ прежде, что служба моя обращала всегда на себя его вниманіе и тому подобное. Я возразилъ, что клеветы одного приближеннаго къ нему чинов-

ника, разумѣя князя Меншикова, могли ему внушить невыгодныя обо мнѣ мнѣнія. Онъ старался меня разувѣрить, и мы разставаясь обнялись.

На мѣсто его назначенъ былъ генералъ Дибичъ начальникомъ главнаго штаба его величества, который не умедлилъ пріѣхать изъ Могилева въ Петербургъ. Когда я представлялся ему вмѣстѣ съ офицерами генеральнаго штаба, то онъ сказалъ, что мы должны всегда сохранять въ памяти, что сдѣлалъ для сей части князь Волконскій, что онъ не можетъ безъ сожалѣнія помышлять объ удаленіи его, причемъ у него навернулись на глазахъ слезы, хотя плакать было не о чемъ, и заключилъ привѣтствіе свое сими словами:

— Я постараюсь оправдать довѣріе государя, въ усердіи къ службѣ я никому не уступлю, прошу и васъ служить такъ же, какъ и прежде.

Когда Дибичъ пошелъ въ первый разъ съ докладами къ государю, то хотѣлъ пройти въ кабинетъ черезъ комнаты камердинера, куда имѣли свободный ходъ только четверо, а именно: Уваровъ, князь Волконскій, графъ Аракчеевъ и лейбъ-медикъ Вилліе, но долженъ былъ возвратиться и идти, какъ прочіе докладчики, чрезъ секретарскую комнату. Кто знаетъ придворные обычаи, тотъ легко догадается, что сіе малозначащее обстоятельство подало поводъ къ тайнымъ насмѣшкамъ надъ новымъ царедворцемъ, ибо явно всѣ наперерывъ старались снискать благорасположеніе его.

Послѣ словъ, сказанныхъ государемъ князю Волконскому, что онъ окруженъ или дураками, или плутами, нельзя было болѣе оставаться директоромъ канцеляріи начальника главнаго штаба князю Меншикову, тѣмъ болѣе, что императоръ, свѣдавъ о необыкновенной страсти его къ интригамъ и пронырствамъ, сказалъ въ Веронѣ, «что душа Меншикова чернѣе его сапога». На мѣсто его городская молва назначала меня; многіе меня поздравляли: спасибо за доброе мнѣніе публики, думалъ я, которое мнѣ дороже, нежели другая всякая почесть. Благосклонный отзывъ публики мнѣ лестенъ, потому что его купить нельзя, а всякое мѣсто можно пріобрѣсти нерѣдко подлостью. Въ сіе время поздравляли меня также, что къ Пасхѣ меня произведутъ въ генералы, и за сіе благодарилъ я мысленно, потому что мнѣ пріятнѣе было, чтобы меня спрашивали, зачѣмъ я не генералъ, нежели бы дѣлали вопросъ, по какой причинѣ меня въ сей чинъ произвели.

Князь Волконскій уѣхалъ изъ Петербурга лѣтомъ. За нѣсколько времени до его отправленія, императоръ прислалъ ему на дорогу пятьдесятъ тысячъ рублей, которыхъ князь не принялъ; вмѣсто того пожалована ему табакерка съ портретомъ, стоящая той суммы, отъ которой онъ отказался. Въ день своего отъѣзда онъ обѣдалъ въ Царскомъ Селѣ вдвоемъ съ императоромъ, а послѣ стола ушелъ въ свои комнаты; но въ шесть часовъ государь прислалъ за нимъ, и они

провели двое вмѣстѣ весь вечеръ до часа по полуночи. Это тѣмъ примѣчательнѣе, что его величество для князя Волконскаго сдѣлалъ изъятіе въ образѣ жизни своемъ, ибо постоянно ложился почивать въ одиннадцатомъ часу и даже въ сіе время уходилъ съ баловъ.

Зимою случилось слѣдующее забавное происшествіе съ австрійскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ, Лебцельтерномъ, во время свадьбы его съ графинею Лаваль. Въ день бракосочетанія камердинеръ его испросилъ у него позволеніе отлучиться на вечеринку къ пріятелю своему, на что господинъ его согласился съ тѣмъ, однако же, чтобы онъ его напередъ раздѣлъ, а потомъ бы уѣхалъ. Когда посланникъ возвратился домой отъ вѣнца, то, проведя молодую жену свою въ спальную, находившуюся въ верхнемъ этажѣ, самъ пошелъ раздѣваться въ свой кабинетъ, бывшій въ нижнемъ этажѣ; камердинеръ, окончивши туалетъ его, заперъ по прежнему обыкновенію на замокъ горницу своего барина, отправился на вечеринку и возвратился домой въ четыре часа утра. Можно легко себѣ представить, въ какомъ положеніи находился посланникъ, запертый въ своемъ кабинетѣ, между тѣмъ какъ новобрачная ожидала его до пятаго часа утра въ своей постелѣ.

Въ великій постъ, какъ извѣстно, не принято у насъ обыкновенія танцовать, не взирая на то, госпожа Свистунова, извѣстная богомолка, дала вечеринку, о которой полиція немедленно извѣстила генералъ-губернатора графа Милорадовича. Мнѣ случилось быть у него въ этотъ день, и онъ велѣлъ написать письмо къ госпожѣ Свистуновой слѣдующаго содержанія: «Вы знаете, что великимъ постомъ у насъ не бываетъ баловъ; полиція же мнѣ донесла, что у васъ вчера танцовали, я сему не вѣрю и почитаю сіе клеветою, но, не менѣе того, покорно прошу васъ меня увѣдомить, что могло подать поводъ къ подобной клеветѣ».

Около сего времени произошелъ споръ между графомъ Аракчеевымъ и графомъ Милорадовичемъ, который потому болѣе обращалъ на себя общее вниманіе, что первый изъ нихъ былъ тогда въ такой силѣ, что никто не смѣлъ ему противорѣчить, что министры и царедворцы ему потакали и всѣ готовы были исполнять каждое изъ его приказаній. Строеніе Исаакіевской церкви производилось подъ начальствомъ графа Головина, послѣ смерти коего назначенъ на его мѣсто графъ Милорадовичъ. Нѣкто подалъ доносъ, что во время управленія графа Головина происходили различныя злоупотребленія по суммамъ, отпускаемымъ на строеніе храма. Государь приказалъ препроводить дѣло на разсмотрѣніе комитета министровъ, а сей потребовалъ свѣдѣній отъ коммиссіи, учрежденной для сооруженія Исаакіевской церкви. Графъ Милорадовичъ, какъ предсѣдатель оной, подалъ вмѣстѣ съ членами объясненіе, но графъ Аракчеевъ, не находя онаго удовлетворительнымъ, предложилъ въ коми-

тетѣ министровъ, чтобы нарядить особеннаго чиновника для подробнѣйшаго разсмотрѣнія дѣла. Графъ Милорадовичъ оскорбился симъ и возразилъ ему, что онъ сего не позволитъ, ибо, сказалъ онъ, «я пріобрѣлъ службою чинъ и вѣсъ, которые буду умѣть поддерживать, равно я долженъ вступиться за честь одного генералъ-лейтенанта и одного сенатора, засѣдающихъ со мною вмѣстѣ въ коммиссіи». Графу Аракчееву, привыкшему къ безпрекословному повиновенію отъ всѣхъ чиновниковъ въ государствѣ, было сіе возраженіе неожиданнымъ, но онъ умѣлъ скрыть свою досаду и сказалъ только графу Милорадовичу, что «ему удивительно, что они въ семъ случаѣ разнствуютъ въ мысляхъ, ибо прежде бывали во всемъ согласны». О семъ обстоятельствѣ доведено было до свѣдѣнія государя, и онъ сказалъ на другой день графу Милорадовичу, который мнѣ передалъ тогда же собственныя слова императора немедленно по выходѣ своемъ изъ кабинета его величества:

— Я слышалъ о непристойности поступка комитета министровъ и самъ разберу сіе дѣло.

Любопытство знать окончаніе сего спора возбуждаемо было болѣе отъ того, что за недѣлю передъ тѣмъ происходило также неудовольствіе между сими двумя генералами по слѣдующему поводу. Управлявшій театральными зрѣлищами камергеръ Майковъ былъ представленъ графомъ Милорадовичемъ къ чину и къ десяти тысячамъ ежегоднаго жалованья. Государь, получа сію бумагу, велѣлъ графу Аракчееву предварительно переговорить съ Майковымъ и сказать ему, что его величество въ такомъ только случаѣ согласенъ утвердить вышеупомянутое представленіе, когда Майковъ приметъ на себя обязанность выплатить театральные долги изъ экономическихъ суммъ, въ чемъ Майковъ отказалъ. «Въ такомъ случаѣ,— сказалъ графъ Аракчеевъ,—вамъ не будетъ ни чина, ни жалованья». Когда о семъ узналъ графъ Милорадовичъ, особенно расположенный къ Майкову, то пошелъ къ государю и доложилъ ему, «что въ его волѣ состоитъ не давать чина, но что навѣрное его величество не захочетъ Майкова, обремененнаго большимъ семействомъ и не имѣющаго никакого состоянія, оставить безъ пропитанія». Вслѣдствіе чего государь велѣлъ Майкову производить по десяти тысячъ жалованья.

Вотъ еще анекдотъ, который разсказывалъ мнѣ графъ Милорадовичъ. Государь, въ присутствіи его и петербургскаго оберъ-полицеймейстера Гладкова, началъ говорить о существовавшей зимою дороговизнѣ на сѣно, на что Гладковъ сказалъ, что полезно было бы отправить въ уѣзды губерній чиновниковъ для закупки сѣна. Графъ Милорадовичъ, бывъ давно недоволенъ Гладковымъ, человѣкомъ ничтожнымъ и пьянымъ, командовавшимъ въ Твери внутреннею стражею, который покровительствомъ Уварова былъ назначенъ оберъ-полицеймейстеромъ и началъ интриговать противъ Милора-

довича, прервалъ его рѣчь сими словами: «У васъ есть генералъ-губернаторъ, имѣющій достаточную власть посылать чиновниковъ въ уѣзды», давая Гладкову симъ выговоромъ чувствовать, что онъ докладывалъ императору о такихъ предметахъ, которые зависятъ отъ разрѣшенія графа. Когда Гладковъ вышелъ изъ кабинета, то графъ сказалъ императору: «Есть нѣчто въ петербургскомъ воздухѣ, что портитъ людей». На сіе государь отвѣчалъ, что онъ хорошо сдѣлалъ, напомнивъ оберъ-полицеймейстеру о его обязанностяхъ, и присовокупилъ: «этого старика должно разбудить».

Говоря о графѣ Михаилѣ Андреевичѣ, могу ли не вспомнить, что я въ семъ году проводилъ съ нимъ почти ежедневно нѣсколько часовъ, что герой сей ни съ кѣмъ въ Петербургѣ не былъ такъ друженъ, такъ откровененъ, какъ со мною, что довѣріе его ко мнѣ простиралось до такой степени, что каждый разъ, когда онъ выходилъ изъ кабинета государева, то прямо шелъ ко мнѣ и пересказывалъ мнѣ, что тамъ происходило, что почти ежедневно увозилъ онъ меня изъ дворца къ себѣ домой, гдѣ мы съ нимъ вдвоемъ курили табакъ, и въ дружескихъ сихъ бесѣдахъ я узнавалъ душу и свойства сего необыкновеннаго, безпримѣрнаго человѣка. Думалъ ли я, что такъ скоро настанетъ время, когда я долженъ буду оплакивать потерю его?

Когда я узналъ о его смерти, то тотчасъ отнесся къ его родственникамъ и просилъ ихъ о сообщеніи мнѣ бумагъ, оставшихся послѣ него, чтобы написать его исторію. Усиленныя просьбы мои были тщетны; одинъ изъ близкихъ къ нему людей отвѣчалъ мнѣ, какъ вандалъ, что графъ столь извѣстенъ, что не стоитъ издавать его жизнеописаніе. Жаль, ежели дѣянія его и характеръ не будутъ переданы потомству; онъ имѣлъ столько отличительныхъ свойствъ и такъ мало походилъ на другихъ людей, что ежели кто не зналъ его коротко, тотъ и съ самыми лучшими матеріалами никогда не представитъ вѣрнаго изображенія. По моему мнѣнію, только одинъ Ѳедоръ Глинка, который долгое время былъ его адъютантомъ и пользовался его довѣренностью, могъ бы сдѣлаться его біографомъ, но, къ сожалѣнію, Глинка, со времени заточенія своего въ Петрозаводскѣ, занялся какими-то мистическими и аллегорическими стихотвореніями и, кажется, не думаетъ о славѣ героя, который нѣжно его любилъ. Я писалъ къ Глинкѣ, спрашивая его, намѣренъ ли онъ сочинить исторію Милорадовича, а буде нѣтъ, то чтобы сообщилъ мнѣ воспоминанія свои о немъ; но письмо мое осталось безъ отвѣта, и я не знаю, получилъ ли онъ его, ибо оно пришло въ Петербургъ, когда его судили за участіе въ государственномъ заговорѣ.

Я здѣсь помѣщу нѣсколько анекдотовъ о графѣ Милорадовичѣ и изреченій его, за справедливость коихъ я ручаюсь.

Не было въ арміи нашей генерала, коего военное поприще ознаме-

новано было болѣе блистательнѣйшими подвигами; слава Милорадовича возростала безпрерывно, начиная отъ Италійскаго похода, содѣлавшаго его любимцемъ арміи и народа, которые безпредѣльно привержены къ тѣмъ, коихъ отличалъ Суворовъ. Можно сказать, что описывать черты удивительной храбрости и хладнокровія его въ огнѣ значило бы безъ всякаго преувеличенія приводить всѣ тѣ сраженія, въ которыхъ онъ находился. Кто изъ насъ не видалъ его въ каждомъ дѣлѣ, разъѣзжавшаго въ стрѣлкахъ и отдававшаго приказанія съ такимъ спокойствіемъ, какъ бы онъ находился въ комнатѣ. Сколько разъ окружавшіе его убѣждали его отъѣхать назадъ, видя, что непріятели въ него цѣлили, ибо онъ въ сраженіяхъ бывалъ всегда въ мундирѣ, въ орденахъ и въ шляпѣ съ султаномъ. Въ Италіи онъ переправлялся на паромѣ въ виду непріятеля и, замѣтя, что французы на него особенно наводили ружья, нарочно надѣлъ орденскую ленту черезъ плечо. Одинъ турокъ, выскочивъ изъ рядовъ, мѣтилъ въ Милорадовича, который, стоя впереди колоннъ, обернулся къ казакамъ, находившимся въ его конвоѣ, и сказалъ, чтобы они продали ему лошадь сего турка. Въ Бородинскомъ сраженіи, видя стоявшаго въ весьма опасномъ мѣстѣ генерала Барклая-де-Толли, который, какъ извѣстно, искалъ смерти, онъ сказалъ: «Барклай хочетъ меня удивить»,—и поѣхалъ между нашихъ и французскихъ батарей и довольно долго стоялъ подъ ужасными перекрестными ихъ выстрѣлами. Теперь должно жалѣть, что непріятельскія ядра и пули его щадили, ибо въ исторію нашу не включили бы пятна, что герой сей палъ отъ руки подлаго убійцы.

Онъ имѣлъ особенный даръ говорить съ солдатами и воспламенять ихъ. Ежели бы тысячи изреченій его, въ пылу сраженій произнесенныхъ, были сохранены, то ихъ, конечно, приводили бы во всѣхъ сочиненіяхъ о военномъ краснорѣчіи. Какъ было солдатамъ и не любить его, ибо онъ не довольствовался называть себя другомъ ихъ: это было любимое его слово,—но пекся о нихъ съ величайшимъ стараніемъ, дѣлилъ съ ними всѣ труды, непогоды и опасности; они видали его всегда впереди, а съ офицерами онъ обращался самымъ ласковымъ и привѣтливымъ образомъ. Я никогда не забуду наставленій его при отъѣздѣ моемъ въ армію насчетъ поведенія моего съ солдатами. «Не заставляйте ихъ,—говорилъ онъ мнѣ, — никогда васъ дожидать, ни на учебномъ мѣстѣ, ни въ походѣ, будьте всегда на лошади, чтобы васъ солдатъ ежеминутно могъ видѣть, старайтесь о продовольствіи ихъ и спокойствіи во время войны, не изнуряя пустыми тревогами, будьте щеголемъ во фронтѣ и первымъ въ огнѣ». Въ Бауценскомъ сраженіи онъ повелъ баталіонъ на штыки и сказалъ: «помните, что государь на васъ смотритъ». Въ семъ же дѣлѣ непріятельскія ядра начали долетать до той горы, гдѣ стоялъ императоръ, и Милора-

довичъ, обратясь къ солдатамъ, сказалъ: «неужели вы потерпите, чтобы французскіе выстрѣлы доходили до государя», и батарея была прогнана. Въ Красномъ онъ проѣзжалъ мимо войскъ, которыя поздравляли его съ именинами его. «Благодарю васъ,—сказалъ онъ,—и дарю вамъ сіи непріятельскія колонны», которыя и были мгновенно истреблены. 6-го октября, при Лейпцигѣ, императоръ рано пріѣхалъ къ войскамъ, когда ихъ ставили въ боевой порядокъ, дѣло еще не начиналось, какъ вдругъ послышался первый непріятельскій выстрѣлъ. «L'ennemi salue l'arrivée de Votre Majesté»,—сказалъ Милорадовичъ государю. Однажды, по обыкновенію, здоровался онъ съ однимъ полкомъ, находившимся долгое время въ авангардѣ. «У насъ нѣтъ хлѣба»,— закричали солдаты. «Чѣмъ меньше хлѣба, тѣмъ больше славы»,—отвѣчалъ Милорадовичъ, и громкое «ура!» раздалось въ рядахъ.

Онъ имѣлъ обширную память и изящнѣйшій вкусъ, былъ страстный охотникъ до картинъ и статуй. Умъ его былъ быстръ и проницателенъ, онъ имѣлъ особенный даръ съ перваго взгляда обнимать вещи, а иногда по цѣлымъ днямъ занимался сущими бездѣлицами. Онъ любилъ крайности и въ мысляхъ, и въ дѣяніяхъ: на войнѣ всякаго рода трудности и опасности дѣлали его веселѣе, въ проливные дожди и бури, когда всѣ кутались, мы видали его въ мундирѣ, какъ, напримѣръ, въ сраженіи при Дрезденѣ; ни холодъ, ни зной, ни стужа, не имѣли на него вліянія; но въ другое время онъ иногда роскошествовалъ, какъ сибаритъ.

Честолюбіе было господствующею его страстію; онъ пламенѣлъ къ славѣ, какъ молодой человѣкъ къ первому предмету своихъ восторговъ; онъ видѣлъ въ ней идеалъ, къ которому стремился путями чести; онъ былъ врагъ такъ называемыхъ угожденій и никогда не знавалъ переднихъ своихъ начальниковъ, а когда достигъ до высшихъ чиновъ, то ненавидѣлъ подлость и униженіе въ тѣхъ, которые имѣли къ нему дѣла, или принуждены были обращаться къ нему съ просьбами. «Могъ ли быть Багратіонъ моимъ другомъ, — сказалъ онъ мнѣ однажды, — когда я видалъ его нерѣдко, жавшаго руку у камердинера Суворова, Прошки?» «Подлецъ не будетъ никогда героемъ»,—говорилъ онъ часто. Можетъ быть, онъ не любилъ Багратіона и за то, что сей былъ его соперникомъ, а соперниковъ онъ не могъ терпѣть. Вражда между ними, извѣстная всей арміи, началась въ Италійскомъ походѣ благороднымъ поступкомъ Милорадовича, который, узнавъ, что непріятель сильно тѣснилъ князя Багратіона при Лекко, посадилъ отрядъ свой на повозки, прилетѣлъ къ нему на помощь, разбилъ французовъ и не присвоилъ себѣ побѣды, имѣя на то полное право, какъ старшій въ чинѣ, но уступилъ ее князю Багратіону, какъ вступившему прежде него въ дѣло. Князь Багратіонъ не почувствовалъ благородства такого поведенія, и они навсегда остались

врагами. Смерть князя Багратіона произвела, однако же, на него сильное впечатлѣніе; онъ узналъ о ней во время аріергардскаго дѣла, въ коемъ онъ командовалъ, и, не дождавшись конца онаго, уѣхалъ съ поля сраженія.

Будучи еще гвардіи офицеромъ, онъ узналъ, что одного изъ его товарищей называли лучшимъ танцоромъ; онъ немедленно нанялъ балетмейстера, заперся на нѣсколько недѣль въ своей комнатѣ и не прежде оставилъ оную, пока не превзошелъ въ танцахъ своего соперника.

Онъ былъ великій охотникъ до праздниковъ и баловъ; не взирая на разстроенное свое состояніе, давалъ великолѣпные пиры и былъ обремененъ долгами. «Я не могу постигнуть, какъ можно жить безъ долговъ»,— говаривалъ онъ часто. Послѣ Кульмскаго сраженія государь пожаловалъ ему пятьдесятъ тысячъ рублей. «Эти деньги, — сказалъ онъ императору, — будутъ худо употреблены, потому что я завтра на нихъ дамъ балъ». «Чего стоятъ сіи антики?» — спросилъ онъ въ Италіи у одного купца, который, объявивъ цѣну, сказалъ, что они, вѣроятно, слишкомъ дороги для русскаго генерала. «Я за нихъ заплачу вдвое»,— отвѣчалъ Милорадовичъ и отдалъ ему деньги. Находясь въ Бухарестѣ, онъ купилъ за 600 червонцевъ двѣ шали, подарилъ одну изъ нихъ одной дамѣ, обѣщая отдать другую той особѣ, которая ему на другой день встрѣтится съ пріятнымъ лицемъ, и, дѣйствительно, встрѣтя назавтра на улицѣ прекрасную молдаванку, вовсе ему незнакомую, онъ остановилъ ее и сказалъ ей, что долженъ сдержать слово, данное самому себѣ, и просилъ ее принять отъ него шаль. «Я послалъ къ ней шаль,—сказалъ онъ,—и болѣе никогда сей женщины не видалъ». «Для чего сія роскошь?» — спросилъ я его, увидя у него янтарную трубку, украшенную алмазами, въ то время какъ я зналъ, что у него не было въ домѣ рубля, чтобы купить лекарства, ибо онъ былъ тогда нездоровъ. «Это послѣдняя мода въ Царьградѣ», — отвѣчалъ онъ. Однажды онъ приказывалъ къ вечеру приготовить великолѣпный балъ, на что казначей его сказалъ ему, что не только нѣтъ денегъ для бала, но что даже не на что купить въ домѣ хлѣба. «Я не о деньгахъ говорю, — отвѣчалъ графъ,— но о балѣ, который я сегодня даю и на который я уже пригласилъ весь городъ». Греки, которымъ онъ былъ долженъ, приступали къ нему, прося объ уплатѣ долга. «Я вамъ отдамъ, — сказалъ онъ, — когда возьму Константинополь». Въ Парижѣ въ 1814 году онъ крайне нуждался въ деньгахъ и, не зная, какимъ образомъ ихъ достать, испросилъ у государя повелѣніе, чтобы ему выдали за три года впередъ жалованье его и столовыя деньги.

Слѣдующее происшествіе, о которомъ я слышалъ отъ него и отъ его адъютантовъ, можетъ убѣдить, сколь пламенно было его воображеніе. Онъ подверженъ часто бывалъ глазной болѣзни, и

почувствовалъ весьма сильный припадокъ оной въ Калугѣ въ 1812 году, въ то время, какъ онъ тамъ формировалъ резервныя войска. Два дня онъ сидѣлъ въ совершенно темной комнатѣ, какъ вдругъ доносятъ ему, что пріѣхалъ къ нему курьеръ съ весьма важными бумагами. Не будучи въ состояніи ихъ читать лично, онъ приказалъ, чтобы ему объяснили содержаніе оныхъ, заключавшееся въ томъ, что Барклай-де-Толли извѣщалъ его изъ окрестностей Вязьмы о предстоявшемъ генеральномъ сраженіи и заклиналъ его именемъ отечества поспѣшать къ арміи съ своими резервами. Услыша сіе, Милорадовичъ приказываетъ отворить ставни, которыми окна его комнаты были закрыты, срываетъ съ глазъ своихъ повязку, начинаетъ диктовать различныя приказанія и чрезъ сутки отправляется къ арміи. «Глазная боль моя мгновенно исчезла»,—присовокупилъ онъ.

Въ 1819 году производился надъ волынскимъ губернаторомъ Комбурлеемъ судъ въ государственномъ совѣтѣ, который присудилъ его устранить отъ службы. Приговоръ сей показался императору слишкомъ снисходительнымъ, и онъ велѣлъ вновь перерѣшить сіе дѣло. Всѣ члены совѣта остались, однако же, при своемъ мнѣніи, кромѣ графа Аракчеева и Кампенгаузена, которые, между прочимъ, приговорили Комбурлея лишить чиновъ и знаковъ отличія, полученныхъ имъ во время управленія имъ Волынскою губерніею. «Поэтому,--сказалъ Милорадовичъ,— надобно и съ жены его снять Екатерининскій орденъ, который ей былъ пожалованъ, когда мужъ ея былъ губернаторомъ».—«Какое различіе полагаете вы между Суворовымъ и Кутузовымъ?»—спросилъ я его.—«Вотъ оно,— сказалъ мнѣ графъ съ обыкновенною своею живостью.— Когда меня отрядили съ половиною арміи отъ Малаго Ярославца для преслѣдованія непріятеля, то я, видя возможность пересѣчь ему отступленіе близь Вязьмы, отважился на сіе движеніе, хотя не имѣлъ предписанія отъ Кутузова; я донесъ ему, что иду на Вязьму, и объяснилъ всѣ причины, меня къ тому побуждавшія; но, зная его нерѣшительный характеръ, я заключилъ донесеніе сими словами: «могу увѣрить вашу свѣтлость, что отъ сего движенія не предстоитъ никакой опасности». Если бы Суворовъ былъ на мѣстѣ Кутузова, то я не сказалъ бы ему ни слова объ опасности, а написалъ бы просто: «я иду на Вязьму!» а онъ бы мнѣ отвѣчалъ: «благословляю!».

Вотъ разница, найденная Милорадовичемъ между россійскою арміею въ Италійскомъ походѣ и въ 1812 году. «Первая,—сказалъ онъ мнѣ, — была отмѣнно храбра, но дисциплиною подобна туркамъ, а вторая, имѣя ту же храбрость, была армія, устроенная совершенно на образецъ европейской».

Петербургскій комендантъ Башуцкій представилъ ему о награжденіи какого-то доктора; графъ Милорадовичъ ему отказалъ,

чѣмъ комендантъ былъ очень недоволенъ; графъ, замѣтя сіе, подошелъ ко мнѣ и сказалъ, между прочимъ: «Я не понимаю, какъ можно требовать награжденій въ мирное время; когда мнѣ государь пожаловалъ въ прошломъ году алмазные знаки ордена святаго Андрея Первозваннаго, то я былъ пораженъ, j'ai été confondu; я не смѣлъ объ этомъ никому сказать ни слова, даже я не говорилъ о семъ графинѣ Потоцкой, у которой я бывалъ ежедневно, какъ совершенно домашній; для меня непостижимо было получить награду за службу, которую я отправляю въ халатѣ, куря трубку и сидя передъ каминомъ».

Что онъ былъ не нечувствителенъ къ наградамъ за военные подвиги, то видѣлъ я во время Отечественной войны. За Бородинское сраженіе, въ которомъ онъ поступалъ, по обыкновенію своему, какъ истинный герой, и гдѣ онъ, командуя центромъ, дѣлалъ самыя благоразумныя распоряженія, онъ надѣялся получить орденъ святаго Георгія второй степени, къ которому былъ представленъ, но вмѣсто того дали ему алмазные знаки ордена св. Александра Невскаго, чѣмъ онъ весьма былъ недоволенъ. Однажды, разсказывая при мнѣ о Бородинскомъ сраженіи, онъ говорилъ: «тамъ сыпались на насъ ядра, картечи, пули, бриллiанты».

— «Ваше величество, меня обидите,— сказалъ онъ недавно государю,— ежели чѣмъ либо изволите меня наградить; обращеніе ваше со мною дѣлаетъ меня счастливымъ; вы мнѣ не отказываете ни въ чемъ, награждаете тѣхъ, о которыхъ я представляю, и мнѣ пріятнѣе давать ленты, нежели получать оныя».

Я отъ него слышалъ, что въ 1812 году на цесаревича Константина Павловича было отъ многихъ генераловъ неудовольствіе, и что государь не хотѣлъ давать его высочеству особенныхъ командъ, чтобы тѣмъ не оскорбить генераловъ. Графъ Ростопчинъ предлагалъ государю отправить его высочество въ Казань для формированія какого-то войска, но, услыша сіе, цесаревичъ сказалъ: «Пусть меня прежде повѣсятъ, а я туда не поѣду».

Во время сраженія при Феръ-Шампенуазѣ графъ Милорадовичъ, замѣтя, что нѣсколько французскихъ колоннъ отступали въ безпорядкѣ, и что легко можно было ихъ разбить, подъѣхалъ къ цесаревичу, съ которымъ онъ съ Италійскаго похода былъ отмѣнно друженъ, и сказалъ ему: «Ваше высочество, можете сдѣлать отличный подвигъ, ударьте съ конницею на сихъ отступающихъ непріятелей, вы ихъ навѣрное разобьете». Цесаревичъ послушалъ его совѣта и истребилъ непріятеля, а графъ отъѣхалъ въ сторону во время атаки, чтобы успѣха не приписали ему. Великій князь столь былъ тронутъ симъ благороднымъ поступкомъ, что разсказалъ оный всѣмъ, присовокупя: «Родной братъ не могъ сдѣлать для меня болѣе».

Въ походѣ 1813-го года назначено было по росписанію войскъ царевичу находиться подъ начальствомъ Милорадовича, который, извѣстясь о семъ, тотчасъ поѣхалъ къ государю сказать, что онъ на сіе никакъ не согласится, и просилъ, чтобы его подчинили цесаревичу. Императоръ исполнилъ его желаніе, и Милорадовичъ немедленно явился съ рапортомъ къ великому князю, который, бросясь къ нему на шею, сказалъ ему: «Vous m'avez ennobli».

— «Зачѣмъ не были вы на маневрахъ?» — спросилъ великій князь Николай Павловичъ у графа Милорадовича.—«Я не привыкъ,— отвѣчалъ онъ,— видя войска, быть зрителемъ; ибо всегда былъ дѣйствующимъ лицомъ».

За столомъ у вдовствующей императрицы зашелъ разговоръ о теперешней военной службѣ и военномъ уставѣ. Великій князь Михаилъ Павловичъ чрезвычайно выхваливалъ оные, а графъ Милорадовичъ былъ противнаго мнѣнія и привелъ примѣръ, что многія новыя учрежденія безполезны и даже вредны. Великій князь сильно его опровергалъ, изъ чего произошелъ довольно жаркій споръ. Находившаяся тутъ же великая княгиня Марія Павловна, желая оный прекратить, сдѣлала сіе слѣдующимъ образомъ: она спросила графа, во многихъ ли походахъ онъ бывалъ. Онъ отвѣчалъ ей, что въ генеральскомъ чинѣ былъ во всѣхъ войнахъ, начиная съ италійской. — «А ты,— продолжала она, обратясь къ великому князю,—во скольких походахъ бывалъ ты?» Разумѣется, великій князь замолчалъ, понявъ ея вопросъ, что его высочеству, не бывшему еще на войнѣ, неприлично спорить о военномъ ремеслѣ съ столь опытнымъ генераломъ, каковъ графъ Милорадовичъ.

Во время Люценскаго сраженія онъ находился въ двадцати верстахъ отъ мѣста битвы при городѣ Цейцѣ, гдѣ его оставили подъ предлогомъ наблюдать за непріятелемъ, но на самомъ дѣлѣ для того, чтобы не подчинить ему графа Витгенштейна, младшаго его въ чинѣ и командовавшаго въ Люценѣ. На другой день послѣ сраженія меня послали къ нему съ повелѣніемъ государя принять начальство надъ аріергардомъ и прикрывать отступленіе арміи. Я засталъ его въ совершенномъ разстройствѣ; оставшись наединѣ со мной, онъ сказалъ: «Я вчера плакалъ, какъ ребенокъ, потому что я въ первый разъ въ жизни слышалъ пушечные выстрѣлы и не участвовалъ въ дѣлѣ. Доложите государю,— продолжалъ онъ,— что я буду служить, подъ чьею командою онъ прикажетъ; ежели не ввѣряютъ мнѣ арміи, то пусть мнѣ дадутъ баталіонъ или роту, мнѣ все равно».

Извѣстно, съ какимъ искусствомъ онъ прикрывалъ отступленіе арміи до Бауцена, во время котораго Наполеонъ, не довольный своими маршалами, противъ него находившимися, самъ взялъ команду авангарда и не могъ получить никакого успѣха. Графъ

Витгенштейнъ, какъ главнокомандующій, присылалъ ему въ это время приказанія одно съ другимъ несообразныя, и Милорадовичъ сказалъ его адъютанту: «Объявите графу, что когда онъ бывалъ у меня подъ начальствомъ, то я не давалъ ему противорѣчащихъ повелѣній»,—и, обратясь ко мнѣ, онъ сказалъ въ полголоса: «voila toute ma vengence».

Я провелъ однажды весь вечеръ съ графомъ Милорадовичемъ вдвоемъ; мы курили трубки и разговаривали отъ 9-ти часовъ до полуночи. Странный непонятный человѣкъ! «Васъ ласкаютъ при дворѣ,—сказалъ я ему,—государь, императрицы и великіе князья обходятся съ вами какъ нельзя лучше, публика васъ боготворитъ, армія имѣетъ къ вамъ неограниченное довѣріе, иностранцы васъ уважаютъ,—чего же вамъ надобно болѣе?» —«Я не могу, однако же,— отвѣчалъ онъ,—перенести того, что мнѣ предпочли въ начальствѣ арміи Витгенштейна и Сакена, c'est une mortification que j'emporterai au tombeau. Вы знаете,—продолжалъ онъ,—что по окончаніи путешествія по полуденной Россіи съ государемъ въ 1818 году я уѣхалъ изъ Воронежа въ малороссійскую деревню, потому что обѣ арміи отдали въ команду генераловъ, младшихъ меня; а что меня чрезмѣрно ласкали во время крымскаго путешествія, то это происходило отъ того, что хотѣли позолотить пилюлю. Ко мнѣ въ деревню прислали фельдъегеря, и я отправился въ Петербургъ. Здѣсь я имѣлъ продолжительный разговоръ съ императоромъ; я сперва не соглашался на принятіе мѣста с.-петербургскаго генералъ-губернатора, что государю до того было непріятно, что онъ ходилъ въ сердцахъ взадъ и впередъ по комнатѣ и, наконецъ, сказалъ пофранцузски: «Развѣ ты хочешь меня испугать? знай, что если бы ты былъ и самъ великій Моголъ, то я бы тебя не испугался». Но когда мнѣ императоръ сказалъ, что отъ мѣста с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора можетъ иногда зависѣть и самая жизнь императорской фамиліи, чему были примѣры, тогда я принялъ сіе званіе съ тѣмъ, однако же, чтобы, исправляя оное не болѣе года, доказать, что я и сіе мѣсто могу занимать съ честью, aussi je ne dors ni la nuit, ni le jour. Я другъ всѣхъ несчастныхъ и притѣсненныхъ, всякій имѣетъ ко мнѣ свободный доступъ, я бываю въ тюрьмахъ, предупреждаю ссоры, оберегаю честь фамилій, словомъ я такъ поступалъ втеченіе года, что преемнику моему, по человѣчеству судя, невозможно будетъ замѣнить меня, cela lui sera humainement impossible; теперь же я скоро оставлю сіе мѣсто и удалюсь въ деревню. А что я могу быть счастливъ безъ двора, то докажу вамъ тѣмъ, что меня всякая бездѣлица занимаетъ».

При сихъ словахъ онъ повелъ меня по всѣмъ своимъ комнатамъ, которыя похожи были на магазинъ мебели или изящныхъ художествъ, по великому множеству разнообразныхъ предметовъ и вещей, въ нихъ находившихся; я не видалъ нигдѣ подобнаго убран-

ства: это былъ совершенный безпорядокъ, соединенный съ утонченнѣйшимъ вкусомъ, напримѣръ, тутъ стояли картины Тиціана, Вернета, Сальватора Розы, Гвидо Рени, а подлѣ нихъ книги, планы, птицы, трубки, янтарные мундштуки и два фортопіана, на которыхъ графъ очень порядочно игралъ. Почти каждая горница имѣла свое собственное освѣщеніе, въ одной свѣтъ происходилъ отъ восковыхъ свѣчей, въ другой отъ алебастровыхъ лампъ, въ третьей свѣчи были приспособлены такимъ образомъ, что ихъ было не видно, и онѣ освѣщали только однѣ картины. Одна комната была вся зеркальная, не только стѣны, но и потолокъ состоялъ изъ зеркаловъ; другая комната убрана была диванами на турецкій манеръ, и въ ней повѣшены были самыя сладострастныя картины. Посреди библіотеки былъ птичникъ; прекрасныя мраморныя статуи находились повсюду. «Гдѣ же ваша спальня?»—спросилъ я его.—«У меня нѣтъ спальной комнаты,—отвѣчалъ онъ,—я провожу ночь, гдѣ мнѣ вздумается». Въ одной залѣ, гдѣ находились прекрасныя картины и статуи, я увидѣлъ черную мраморную вазу, возлѣ которой стоялъ горшокъ съ увядшимъ кипарисомъ, и на вопросъ мой, что сіе значитъ, хозяинъ отвѣчалъ мнѣ: «что это памятникъ его потеряннаго счастія». Въ сей же горницѣ лежалъ на диванѣ сюртукъ, о которомъ онъ мнѣ сказалъ, что онъ купилъ оный для того, чтобы гулять въ немъ въ своей деревнѣ, когда будетъ жить въ отставкѣ. Его пріятнѣйшее занятіе и любимая мечта была думать объ украшеніи Воронковъ, села, находящагося въ Полтавской губерніи; множество плановъ, дѣланныхъ лучшими архитекторами Италіи, Франціи и Нѣмецкой земли, заказаны имъ были для дома и для бесѣдокъ его имѣнія. Я не полагалъ тогда, что судьба приведетъ меня столь скоро увидать Воронки и услышать о ранней кончинѣ героя, коему они принадлежали. Я думаю, что онъ былъ одинъ въ свѣтѣ царедворецъ, который, пользуясь отличными милостями или лучше уваженіемъ и пріязнію государя и царской фамиліи, говаривалъ имъ въ глаза, что ему скучно въ Петербургѣ, и что онъ тогда только будетъ счастливъ, когда будетъ жить въ Воронкахъ.

Такимъ образомъ за обѣдомъ государя зашла рѣчь о видахъ честолюбія и о томъ, что каждый человѣкъ болѣе или менѣе имѣетъ что либо въ предметѣ. При семъ случаѣ графъ Милорадовичъ сказалъ: «Знаете ли, ваше величество, чѣмъ я ограничиваю теперь мои желанія?—тѣмъ, чтобы въ деревнѣ дышать чистымъ воздухомъ».

Между портретами, кои я видѣлъ у графа, было много изображеній Суворова, который былъ его кумиръ; онъ увидѣлъ однажды изображеніе сего героя у великаго князя Николая Павловича и поздравилъ съ симъ его высочество; при семъ случаѣ онъ совѣтовалъ ему вникать въ духъ великаго полководца и принять его за

образецъ. Портретовъ Кутузова у него не было, потому что онъ его не любилъ и называлъ подлымъ придворнымъ, пролазомъ и неспособнымъ генераломъ; но что и графъ былъ не послѣдній царедворецъ, то доказывали видѣнные мною у него портреты двухъ фаворитовъ того времени графа Аракчеева и княгини Ливенъ. Бывая часто у графа Милорадовича, я замѣчалъ, что мебель нерѣдко переставляема была съ одного мѣста на другое, и, спросивъ причину сего, получилъ отвѣтъ: «когда мнѣ скучно, то я приказываю передвигать мебель и переставляю картины, это меня тѣшитъ и разсѣиваетъ».

Графъ показалъ мнѣ однажды очень любопытное письмо, писанное имъ къ князю Кутузову послѣ похода 1805 года; я съ позволенія его взялъ съ онаго копію, которую здѣсь помѣщаю. Изъ сего письма можно, кажется мнѣ, видѣть причины, отчего Милорадовичъ, пламенѣвшій къ славѣ, ненавидѣлъ князя Кутузова, который съ своей стороны равномѣрно не отдавалъ ему справедливости. «Кутузовъ жаждетъ только награжденій», —говорилъ Милорадовичъ.— «Зачѣмъ не представили вы списка объ отличившихся?» — сказалъ мнѣ Кутузовъ по окончаніи одного аріергардскаго дѣла.— «Потому что не почиталъ его довольно важнымъ»,—отвѣчалъ я.— «Vous gatez le metier»,—возразилъ фельдмаршалъ».

«Pétersbourg, le 16 juin 1806.

«Mon Général.

«Ne connaissant d'autre ambition que l'honneur, d'autre désir que mériter la haute approbation de mon auguste souverain, j'ai eu constamment le bonheur de voir mes services recompensés avec cette bienveillance, qui caracterise le règne glorieux de S. M. Impériale. Cependant je ne puis cacher à Votre Excellence ma juste et vive sensibilité en apprenant qu'aucun détail de mon service dans la dernière campagne sous Vos ordres, marqué dans mes rapports, n'a paru dans les rélations. C'est avec la conviction dans la verité de ma cause, c'est avec le témoignage public de toute l'armée que j'ose m'adresser à Vous, mon Général, en Vous rappelant ici des faits échappés à la publicite par des raisons qui me sont inconnues.

«Après l'affaire d'Amstetten, où j'avois eu du succès, qui a été quoique légérement mentionné dans une rélation, j'ai commandé l'arriergarde et j'ai couvert la retraite de l'armée jusqu'à Crems où j'ai brulé le pont, ayant eu dans cette retraite plusieurs affaires d'avants postes et ayant reussi de n'être coupé, ayant devancé l'ennemi d'une demi heure: ceci n'a été cité nulle part. A Crems j'ai commandé une colonne du flanc gauche, et comme l'autre, sous les ordres du général Doctouroff, qui devoit prendre l'ennemi en flanc et l'attaquer, suivant la disposition, à sept heures du matin, n'a pu arriver qu'à cinq heures

du soir, jeme suis trouvé attaqué par toutes les forces ennemies à sept heures et un quart; l'affaire a été très vive, j'ai été repoussé trois fois, mais rattaquant toujours l'ennemi, j'ai pris sa position et la victoire devint complete quand l'autre colonne arriva. Cette affaire qui a duré depuis sept heures et un quart du matin jusqu'à cinq heures du soir avec ma colonne, ayant été très opiniâtre, est mise dans une rélation sans que mon nom s'y trouve. A Austerlitz j'ai commandé quatre régiments et quand deux bataillons qui étaient en avant, se sont trouvés surpris en marche par l'ennemi, j'ai avancé avec le reste contre les français et j'ai soutenu le combat jusqu'à ce que les autrichiens eussent pris leur position derrière moi. M'étant ensuite retiré sur un village, ils ont quitté leur position et mes gens s'étant dispersés, j'avais toute la peine possible à les rassembler, et je n'ai pas quitté ma place avant que je n'eusse réussi à les réunir devant les yeux de l'ennemi et sous leur feu de mitraille. C'est alors que je reçus de S. M. Impériale personnellement l'ordre d'occupper Austerlitz, et m'y ayant pourvu de cartouches, je fis passer toute l'armée et me suis joint à l'arriergarde, avec laquelle par un ordre de Sa Majesté, écrit par le C-te Lieven, j'ai fait la marché jusqu'à Holitsch. Dans cette affaire je ne suis nullement cité et je me flatte d'avoir personnellement fait mon devoir.

«En mettant sous les yeux de Votre Excellence cet exposé fidéle de mes services, rendus sous Vos ordres, je suis persuadé qu'en appréciant les motifs, qui me l'ont dicté, Vous voudrez bien ne pas me laisser dans l'ignorance sur les raisons qui auraient pu faire cacher au public des faits, que je dois ambitionner et où l'honneur de Votre commandement même est interessé réellement. J'ai l'honneur etc».

Петербургъ, 16-го 1806 г.

«Генералъ! Не зная другаго честолюбія, кромѣ чести, другаго желанія, кромѣ того, чтобы заслужить одобреніе моего высокаго повелителя, я имѣлъ счастье постоянно видѣть свою службу награжденною съ тою благосклонностью, которая характеризуетъ славное царствованіе его императорскаго величества. Однако я не могу скрыть отъ вашего превосходительства мою справедливую и живую чувствительность, узнавъ, что никакая подробность моей службы, въ послѣдній походъ подъ вашимъ начальствомъ, означенная въ моихъ рапортахъ, не появилась въ реляціяхъ. Съ увѣренностью въ справедливости моего дѣла и съ публичнымъ свидѣтельствомъ всей арміи, я смѣю обратиться къ вамъ, генералъ, напоминая вамъ здѣсь факты, ускользнувшіе отъ гласности вслѣдствіе причинъ, мнѣ неизвѣстныхъ.

«Послѣ дѣла при Амштетенѣ, гдѣ я имѣлъ успѣхъ, который былъ упомянутъ, хотя вскользь, въ одной реляціи, я командовалъ арріергардомъ и прикрылъ отступленіе арміи до Кремса, гдѣ сжегъ мостъ, имѣя при этомъ отступленіи нѣсколько аванпостныхъ стычекъ и достигнувъ того, что не былъ отрѣзанъ, опередивъ непріятеля получасомъ; все это нигдѣ не было обозначено. Въ Кремсѣ я командовалъ колонною лѣваго фланга, а такъ какъ другая,

подъ начальствомъ генерала Дохтурова, который долженъ былъ ударить непріятелю во флангъ и аттаковать его, согласно диспозиціи, въ 7 часовъ утра, прибыла только въ 5 часовъ вечера, я оказался аттакованнымъ всѣми непріятельскими силами въ $7^{1}/_{4}$ часовъ. Дѣло было горячее, я три раза былъ отброшенъ, но, снова аттакуя непріятеля, я овладѣлъ его позиціями, и побѣда сдѣлалась полною, когда прибыла другая колонна. Это дѣло, продолжавшееся съ моей колонною съ $7^{1}/_{4}$ часовъ утра до 5 часовъ вечера и бывшее очень упорнымъ, внесено въ одну реляцію, но при этомъ мое имя тамъ не находится.

«При Аустерлицѣ я командовалъ четырьмя полками, а когда 2 батальона, находившіеся впереди, были настигнуты, во время движенія, непріятелемъ, я подоспѣлъ съ остальными противъ французовъ и поддержалъ сраженіе, пока австрійцы не заняли своей позиціи позади меня. Когда я затѣмъ отступилъ въ одну деревню, они оставили свою позицію, а такъ какъ мои люди разсѣялись, я употребилъ всевозможное усиліе ихъ собрать и до тѣхъ поръ не оставилъ своего мѣста, пока мнѣ не удалось ихъ соединить въ виду непріятеля и подъ его картечью. Тогда я лично получилъ отъ его императорскаго величества приказаніе занять Аустерлицъ и, запасшись зарядами, я пропустилъ всю армію и присоединился къ арьергарду, съ которымъ, по распоряженію его величества, написанному графомъ Ливеномъ, сдѣлалъ переходъ до Голича. Въ этомъ дѣлѣ я вовсе не упомянутъ и льщу себя тѣмъ, что лично исполнилъ свою обязанность.

«Представляя на усмотрѣніе вашего превосходительства это вѣрное изложеніе моихъ заслугъ, совершенныхъ подъ вашимъ начальствомъ, я увѣренъ, что, оцѣнивъ побужденія, которыя мнѣ его продиктовали, вы не захотите оставить меня въ невѣдѣніи о причинахъ, которыя могли скрыть отъ публики факты, которыми я долженъ гордиться и гдѣ дѣйствительно заинтересована честь ваша, какъ главнокомандующаго.

«Имѣю честь» и т. д.

Генералъ Депрерадовичъ, извѣстный при дворѣ своею честностью и прямотою, сказалъ мнѣ, что генералъ Уваровъ подалъ записку государю о бѣдственномъ положеніи Россіи, описывая въ оной, что всѣ состоянія вообще недовольны, что довѣріе исчезло, что налоги обременительны, что нѣтъ правосудія и что промышленность годъ отъ года упадаетъ.

Отъ бывшей весною бури снесло съ дома министра финансовъ часть кровли; при семъ случаѣ сказали: «le ministre des finances sera chapeau bas dans sa maison».

Вотъ еще каламбуръ, въ это же время сказанный: «les grands ducs font maneuvrer les soldats, le comte Miloradovitch les ponts, et le maître de police le pavé». Это относится къ тому, что великіе князья безпрестанно занимались ученіемъ солдатъ, графъ Милорадовичъ часто наводилъ и разводилъ мосты, а оберъ-полицеймейстеръ заставлялъ ежедневно чистить улицы къ большому отягощенію хозяевъ домовъ.

Карточная игра распространилась въ Петербургѣ до невѣроятной степени; конечно, изъ ста домовъ въ девяноста домахъ играютъ, и хотя въ семъ году кругъ моихъ знакомствъ сдѣлался весьма обширенъ и я часто выѣзжалъ, но не видалъ, чтобы гдѣ нибудь за-

нимались чѣмъ либо другимъ, кромѣ картъ. Если приглашали на вечеръ, то это значило играть, и едва я успѣвалъ поклониться хозяйкѣ, карта уже находилась въ моей рукѣ. Обыкновенная и всюду принятая игра была въ вистъ, цѣною отъ пятидесяти до двухсотъ пятидесяти рублей роберъ и, сверхъ того, держали заклады. Даже на балахъ императрицы Маріи Өеодоровны играли по сей высокой цѣнѣ, не взирая на то, что всѣ жаловались на недостатокъ въ деньгахъ. Когда государыня подходила къ карточнымъ столамъ и спрашивала, почемъ играютъ роберъ, то ей отвѣчали, что по десяти или по двадцати рублей, хотя дѣйствительно играли по двѣсти пятидесяти рублей. На званыхъ обѣдахъ передъ столомъ садились за вистъ, и игрою занимались не только люди въ лѣтахъ, но и молодые.

Я думаю, что сіе происходило частію отъ недостатка въ образованіи, вообще примѣтнаго въ Россіи, ибо когда воспитаніе кончится въ семнадцать лѣтъ, то какого запаса идей и познаній и какой страсти къ наукамъ можно ожидать у людей въ возмужалыя лѣта; частію же и оттого, что изъ разговоровъ изгнаны были всѣ политическіе предметы; правительство было подозрительно, и въ рѣдкомъ обществѣ не было шпіоновъ, изъ коихъ, однако же, большая часть были извѣстны. Иные изъ нихъ принадлежали къ стариннымъ дворянскимъ фамиліямъ, были украшены орденами и носили камергерскіе мундиры. Въ это время была въ Петербургѣ тройная полиція, а именно: генералъ-губернатора, министра внутреннихъ дѣлъ и графа Аракчеева, но что она не принесла пользы, это, къ несчастію, доказалъ 1825 годъ. Въ сію эпоху, когда повсемѣстно господствовала страсть къ картамъ, одинъ государь ни въ какую игру не игралъ, равно и оба великіе князя, ему во всемъ подражавшіе.

На бывшемъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ ученіи саперного баталіона, изъ котораго человѣкъ двадцать были посыланы въ Варшаву для обученія тамошнему военному артикулу, баталіонъ учился поваршавски, и государь сказалъ, что нѣкоторыя перемѣны ему понравились, и что его величество намѣренъ ввести оныя и у насъ. Признаюсь, что мнѣ прискорбно было слышать сіи слова, помысля, что поляки должны теперь служить образцомъ для русскихъ.

На семъ же разводѣ государь хвалилъ мнѣ свою верховую лошадь; я спросилъ:—А гдѣ сѣрыя лошади вашего величества, которыя были въ походѣ?

— Иныя устарѣли,—отвѣчалъ императоръ,—другія во блаженномъ успеніи.

Я привожу сію бездѣлицу только для словъ государя.

Когда государь былъ въ 1820 году въ Полтавѣ и присутствовалъ при разводѣ одного полка, находившагося за нѣсколько лѣтъ во Франціи въ корпусѣ графа Воронцова, то, подозвавъ къ себѣ генералъ-адъютанта графа Комаровскаго, сказалъ ему:

— Нельзя не отдать справедливости графу Воронцову, что онъ одинъ изъ отличнѣйшихъ генераловъ; но онъ смотритъ на солдатъ и на выправку ихъ совсѣмъ съ другой точки зрѣнія, нежели мы. Напримѣръ, этотъ полкъ, коего разводъ мы теперь видѣли, пришелъ уже нѣсколько лѣтъ изъ Франціи, а солдаты, не взирая на всѣ прилагаемыя старанія, смотрятъ мужиками.

Это мнѣ пересказывалъ самъ графъ Комаровскій.

Генералъ-маіоръ графъ Сухтеленъ, женатый на племянницѣ князя Зубова, сказывалъ мнѣ, что онъ, разбирая бумаги, оставшіяся послѣ смерти сего любимца императрицы Екатерины, нашелъ, между прочимъ, письма Маріи Антоновны Нарышкиной, также волоса ея и подвязки, служащіе виднымъ доказательствомъ связей ихъ. Судя по числамъ, когда письма сіи были писаны, выходитъ, что интрига сія существовала въ то время, какъ Марія Антоновна была любима государемъ.

Графъ Сухтеленъ нашелъ также между бумагами князя Зубова письма и донесенія его государю, писанныя во время послѣдняго похода, которымъ Сухтеленъ отдаетъ большую похвалу.

Товарищъ мой, флигель-адъютантъ графъ де-Бальменъ, находившійся четыре года коммиссаромъ на островѣ св. Елены и возвратившійся въ семъ году изъ Англіи, со мной очень подружился; я отъ него узналъ, что онъ на островѣ св. Елены былъ въ безпрестанныхъ распряхъ съ губернаторомъ Гудсономъ Ловомъ. Австрійскому и французскому коммиссарамъ велѣно было отъ дворовъ ихъ непремѣнно одинъ разъ въ мѣсяцъ видѣть Наполеона; но когда сей не согласился принять ихъ къ себѣ въ званіи коммиссаровъ и сказалъ, что можетъ допустить до себя только въ качествѣ частныхъ людей, то Стюрмеръ и Моншеню (такъ звали вышеупомянутыхъ коммиссаровъ), испросивъ у губернатора роту солдатъ, намѣревались увидѣть Наполеона вооруженною рукою. Генералъ Гурго (Gourgaud) пересказывалъ графу Бальмену, что Наполеонъ, узнавъ о семъ предположенномъ насильственномъ посѣщеніи, зарядилъ пистолеты, чтобы убить перваго, кто безъ воли его войдетъ въ его кабинетъ. Графъ Бальменъ умѣлъ уговорить французскаго и австрійскаго коммиссаровъ, чтобы они не ходили такимъ образомъ съ военною силою въ Лонгвудъ, и получилъ за сіе благодарность отъ государя и отъ Наполеона. Въ инструкціи, данной графу Бальмену при отправленіи его на островъ св. Елены, не было говорено ничего утвердительнаго насчетъ того, какъ ему тамъ вести себя должно было, это предоставлялось его благоусмотрѣнію; но, однако же, между прочимъ собственною рукою государя написано было, чтобы въ обращеніи съ Наполеономъ показывать уваженіе, должное его званію. Графъ Бальменъ не былъ ни одного раза у Наполеона, но состоялъ въ частыхъ сношеніяхъ съ нимъ посредствомъ французскихъ генераловъ, которые сообщали ему подробности, касающіяся до Напо-

леона, а сей присылалъ къ нему копіи съ бумагъ, которыя онъ писалъ губернатору острова или англійскому правительству. Наполеонъ предложилъ однажды тайное свиданіе нашему коммиссару, котораго, однако же, онъ не принялъ, опасаясь поссорить лондонскій кабинетъ съ петербургскимъ.

— Какъ же вы женились на дочери Гудсона-Лова, бывая съ нимъ всегда въ ссорѣ?—спросилъ я у графа Бальмена.

— Въ официальныхъ отношеніяхъ нашихъ, — отвѣчалъ онъ, — мы были во враждѣ, но какъ частный человѣкъ я былъ пріятелемъ съ нимъ и съ семействомъ его.

Сія женитьба кажется мнѣ дѣйствіемъ англійской политики, которая не пренебрегаетъ никакими средствами для достиженія своей цѣли, и, выдавъ дочь своего губернатора за коммиссара Александрова, англичане удалили его отъ всякаго вліянія на Наполеона и заставили дѣйствовать его сообразно своимъ видамъ. Вообще я нахожу весьма неосновательнымъ, что у насъ выбираютъ большею частію чужеземцевъ въ представители нашего правительства при иностранныхъ дворахъ; человѣкъ, рожденный не русскимъ, не въ состояніи имѣть настоящихъ понятій о достоинствѣ и величіи Россіи; напримѣръ, если бы на островѣ св. Елены вмѣсто графа Бальмена былъ истинный русскій, то какой бы англійскій губернаторъ могъ удержать его видѣть Наполеона и находиться съ нимъ въ сношеніяхъ?

А. Михайловскій-Данилевскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОЕННАЯ ГРОЗА[1].

ПОВѢСТЬ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.

СЛѢДУЯ за французскими войсками въ обозѣ Даву, Балашовъ былъ привезенъ въ Вильну, въ ту же Ковенскую заставу, изъ которой онъ выѣхалъ четыре дня назадъ. На слѣдующее утро къ нему явился графъ Тюренъ и пригласилъ его отправиться къ императору Наполеону.

Балашова подвезли къ тому дому, который при его отъѣздѣ охранялся часовыми Преображенскаго полка. Теперь тутъ стояли два французскихъ гренадера въ синихъ похожихъ на фраки мундирахъ, высокихъ ботфортахъ и огромныхъ мохнатыхъ шапкахъ съ блестящими бляхами. У воротъ выстроился конвой изъ гусаръ и уланъ. Пестрая свита, адъютанты, пажи, генералы, тѣснились у крыльца, ожидая выхода императора и развлекаясь видомъ осѣдланной для него статной вороной лошади, которую держалъ подъ узцы мамелюкъ Рустанъ.

Наполеонъ расположился въ домѣ, который занималъ императоръ Александръ и откуда онъ отправилъ Балашова.

Графъ Тюренъ ввелъ его въ большую пріемную, гдѣ находилось много камергеровъ и польскихъ магнатовъ, изъ которыхъ

---

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLVIII, стр. 635.

большую часть Балашовъ видѣлъ при русскомъ дворѣ. Оберъ-гофмаршалъ Дюрокъ подтвердилъ, что императоръ приметъ русскаго генерала передъ прогулкой.

Черезъ нѣсколько времени вошелъ дежурный камергеръ и пригласилъ Балашова слѣдовать за собой. Они вступили въ маленькую комнату, примыкавшую къ тому кабинету, въ которомъ занимался Александръ. Послышался шепотъ, половинки двери безшумно распахнулись, и на порогѣ показался Наполеонъ. Онъ былъ въ синемъ мундирѣ, изъ-подъ котораго виднѣлся бѣлый жилетъ. Узкія свѣтлыя лосины, заправленныя въ лакированныя ботфорты, обтягивали его ляшки. Пухлая шея рѣзко выступала изъ-подъ чернаго воротника. Короткіе волосы его были гладко причесаны, но одна прядь въ видѣ клина спускалась на средину его широкаго лба. Прозрачные, сѣрые, большіе глаза его смотрѣли зорко и проницательно. На моложавомъ полномъ лицѣ, съ острымъ выступавшимъ впередъ подбородкомъ, было выраженіе милостиваго и величественнаго привѣтствія. Видно было, что онъ находился въ хорошемъ расположеніи духа.

— Здравствуйте, генералъ!—сказалъ онъ почтительно поклонившемуся Балашову:—я получилъ письмо императора Александра и очень радъ васъ видѣть.

Равнодушный тонъ его голоса противорѣчилъ этому заявленію. Онъ мелькомъ взглянулъ на Балашова и продолжалъ:

— Я не желалъ и не желаю войны. Меня вынудили къ ней. Я и теперь готовъ принять всѣ объясненія, которыя вы можете дать.

И онъ распространился, почему недоволенъ русскимъ правительствомъ.

Балашовъ въ свою очередь сказалъ, что императоръ Александръ не считаетъ достаточною причиною для войны требованія кредитивныхъ грамотъ княземъ Куракинымъ, который былъ въ то время русскимъ посломъ въ Парижѣ, и прибавилъ, что государь тоже желаетъ мира, но начнетъ переговоры только тогда, когда французскія войска отступятъ за Нѣманъ.

— Только за Нѣманъ!—насмѣшливо перебилъ Наполеонъ, сдѣлавъ быстрый жестъ маленькой, пухлой, бѣлой рукой:—я желаю мира не менѣе императора Александра. Восемнадцать мѣсяцевъ я дѣлаю все, чтобы получить его. Восемнадцать мѣсяцевъ я жду объясненій.

Онъ горячился все болѣе и болѣе.

— Вы говорите, что отъ меня требуютъ теперь отступленія за Нѣманъ для начатія переговоровъ. Но два мѣсяца назадъ отъ меня требовали отступленія за Одеръ и Вислу. Такія предложенія можно дѣлать принцу Баденскому, а не мнѣ. Если бы вы дали мнѣ Петербургъ и Москву, я не принялъ бы этихъ условій. Вы говорите, я началъ войну. А кто прежде пріѣхалъ къ арміи? Императоръ

Александръ, а не я. И вы предлагаете мнѣ переговоры, когда я издержалъ сотни милліоновъ, когда ваше положеніе дурно, когда вы въ союзѣ съ враждебной мнѣ Англіей? Говорятъ, вы заключили миръ съ турками?

Балашовъ утвердительно наклонилъ голову.

— Да, знаю, вы заключили миръ съ турками, не получивъ Молдавіи и Валахіи. А я бы далъ вашему государю эти провинціи, какъ далъ ему Финляндію,—продолжалъ раздражительно Наполеонъ, забывая, что Финляндія шагъ за шагомъ была уже завоевана русскими войсками:—а теперь онъ не будетъ имѣть этихъ прекрасныхъ областей. Въ одно царствованіе онъ могъ бы расширить Россію отъ Балтійскаго моря до устьевъ Дуная. Екатерина Великая не могла бы сдѣлать болѣе. И всѣмъ этимъ онъ былъ бы обязанъ моей дружбѣ. Чего онъ могъ бы желать и не найти въ ней? Но нѣтъ, онъ счелъ лучшимъ окружить себя моими врагами. Онъ призвалъ Штейна, Армфельда, Бенигсена, Винценгероде. Штейнъ—прогнанный изъ своего отечества измѣнникъ, Армфельдъ—развратникъ и интриганъ, Бенигсенъ—нѣсколько болѣе военный, чѣмъ другіе, но, всетаки, неспособный и ничего не могъ сдѣлать въ 1807 году. Барклай, говорятъ, дѣльнѣе всѣхъ, но я этого пока не вижу. А что они дѣлаютъ, эти придворные? Глупецъ Пфуль предлагаетъ, Армфельдъ споритъ, Бенигсенъ разсматриваетъ, Барклай не знаетъ, на что рѣшиться. И что за роль играетъ вашъ молодой государь въ этой безобразной оравѣ? Его компрометируютъ и на него сваливаютъ всю отвѣтственность!...

Наполеонъ перевелъ духъ и отчеканилъ:

— Государь только тогда долженъ находиться при арміи, когда онъ полководецъ (онъ зналъ, какъ Александръ желалъ быть полководцемъ). Уже недѣля, какъ началась кампанія. Вы не съумѣли защитить Вильны. Вы разрѣзаны надвое и прогнаны изъ литовскихъ провинцій. И армія ваша ропщетъ.

— Ваше величество, армія горитъ желаніемъ сразиться... началъ было Балашовъ, но Наполеонъ перебилъ его:

— Я все знаю, я знаю число вашихъ батальоновъ такъ же вѣрно, какъ и своихъ. У васъ нѣтъ двухсотъ тысячъ войска, а у меня втрое больше. Даю вамъ честное слово, что у меня 530 тысячъ человѣкъ по эту сторону Вислы. Турки вамъ не помощь. Шведы тоже. Ихъ король былъ безумный. Они перемѣнили его и взяли Бернадота, который немедленно сошелъ съ ума, потому что, будучи шведомъ, только сумасшедшій можетъ заключать союзы съ Россіей.

Наполеонъ вынулъ золотую табакерку.

— Да что мнѣ эти ваши союзники,—говорилъ онъ:—вотъ у меня союзники—это поляки. Ихъ 80 тысячъ, они дерутся, какъ львы. Ихъ скоро будетъ 200 тысячъ.

Сознавая, что увлекся, и въ досадѣ на ту покорность, съ какою Балашовъ слушалъ его окрики, Наполеонъ внезапно воспламенился и съ блѣднымъ, искаженнымъ отъ злобы лицемъ воскликнулъ:

— Знайте, если вы возмутите Пруссію, я сотру ее съ карты Европы. Я заброшу васъ за Двину, за Днѣпръ, и возстановлю ту преграду, которую Европа въ преступномъ ослѣпленіи позволила вамъ разрушить.

Онъ положилъ табакерку въ карманъ и прошелся по комнатѣ.

Балашовъ, чувствуя необходимость возражать, сказалъ, что въ Россіи не думаютъ, чтобы дѣла были такъ плохи. Наполеонъ снисходительно кивалъ головой, какъ бы говоря:

— Возражайте, это ваша обязанность, но вы сами этому не вѣрите.

Когда тотъ кончилъ, Наполеонъ стукнулъ ногою въ полъ. Появился камергеръ и подалъ императору перчатки и шляпу.

Наполеонъ обратился къ Балашову.

— Увѣрьте отъ моего имени императора Александра, что я ему преданъ попрежнему. Я его знаю и высоко цѣню его качества. Не удерживаю васъ болѣе, генералъ. Вы получите мое письмо къ своему государю.

И онъ быстро пошелъ изъ комнаты. Все бросилось впередъ, внизъ по лѣстницѣ.

Такъ кончилась эта достопамятная аудіенція.

II.

Въ сопровожденіи блестящей свиты Наполеонъ отправился верхомъ на прогулку по Вильнѣ. Это была веселая прогулка. Толпы народа съ восторгомъ встрѣчали его. Въ окнахъ домовъ были выставлены ковры, флаги, вензеля. Польскія дамы, привѣтствуя императора, махали платками и бросали цвѣты.

Въ семь часовъ у Наполеона былъ назначенъ обѣдъ. Къ нему былъ приглашенъ Балашовъ. Послѣ того, что при свиданіи наговорилъ ему Наполеонъ, Балашовъ былъ увѣренъ, что императоръ не пожелаетъ болѣе его видѣть, и потому это приглашеніе было для него неожиданностью.

На обѣдѣ присутствовали Бертье, Коленкуръ и Бессьеръ. Наполеонъ встрѣтилъ Балашова съ веселымъ, ласковымъ видомъ и посадилъ его около себя.

Онъ заговорилъ о Москвѣ. На его вопросы Балашовъ старался давать точные отвѣты.

— Сколько тамъ жителей?—спрашивалъ императоръ.

— Триста тысячъ.

— А домовъ?

— Десять тысячъ.

Услышавъ, что въ Москвѣ болѣе двухсотъ церквей, онъ удивился:

— Къ чему такое множество церквей?

— Русскіе очень набожны.

— Полноте, какая теперь набожность. Впрочемъ большое количество церквей и монастырей всегда есть признакъ отсталости народа.

— У каждой страны свои нравы,—возразилъ Балашовъ:—можетъ быть, въ Германіи и Италіи мало набожныхъ, но ихъ еще много въ Испаніи и Россіи.

Наполеонъ, недовольный намекомъ на Испанію, гдѣ маршалы его терпѣли неудачи, замолчалъ, потомъ, снова обращаясь къ Балашову, спросилъ:

— По какой дорогѣ можно пройти въ Москву?

— Ваше величество, это затруднительный вопросъ. Есть пословица: всѣ пути ведутъ въ Римъ. Въ Москву тоже можно пройти разными дорогами. Карлъ XII шелъ на Полтаву.

Наполеонъ нахмурился, французы молча переглянулись.

Послѣ обѣда перешли въ кабинетъ Наполеона пить кофе. Императоръ, сохраняя хорошее расположеніе духа, продолжалъ бесѣду съ Балашовымъ.

— Вотъ комната,—говорилъ онъ:—въ которой, кажется, жилъ императоръ Александръ. Какъ это странно, не правда ли, генералъ? Да, здѣсь четыре дня назадъ совѣщались Винценгероде и Штейнъ. Зачѣмъ вашъ государь приблизилъ моихъ личныхъ враговъ? Но вѣдь и я могу сдѣлать то же.

Воспоминаніе объ утренней вспышкѣ проснулось въ немъ. Онъ всталъ, порывисто отодвинулъ стулъ и сказалъ:

— Но я сдѣлаю больше. Я выгоню изъ Германіи всѣхъ его родныхъ, баденскихъ, веймарскихъ, виртембергскихъ!... Пусть онъ готовитъ для нихъ убѣжище въ Россіи.

Балашовъ опять покорно склонилъ голову, показывая, что тутъ нечего возражать.

— Зачѣмъ императоръ Александръ принялъ начальство надъ войсками? Война мое ремесло, а его дѣло царствовать, а не командовать арміями.

Наполеонъ молча сталъ ходить по комнатѣ. Порывъ его прошелъ. Онъ подумалъ, что ему слѣдуетъ обласкать человѣка, на котораго безъ всякаго повода обратилась его запальчивость. Онъ подошелъ къ Балашову и взялъ его за ухо, слегка дернулъ, привѣтливо улыбнувшись. Быть выдраннымъ за ухо императоромъ считалось большой честью при французскомъ дворѣ.

— Готовы ли лошади для генерала? — спросилъ Наполеонъ:— дайте ему моихъ, ему **далеко ѣхать**,—насмѣшливо подчеркнулъ онъ, намекая на поспѣшное отступленіе русскихъ войскъ.

Балашовъ откланялся.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

I.

Занявъ Вильну, Наполеонъ устремилъ главныя силы свои для разобщенія русскихъ войскъ, а самъ съ гвардіей остался въ Вильнѣ. Тамъ онъ пробылъ восемнадцать дней, занимаясь собираніемъ свѣдѣній о невѣдомой ему Россіи и вооруженіемъ Литвы и Польши. Желая привлечь польское и литовское дворянство, онъ принималъ знатныхъ магнатовъ, являлся на балы, стараясь выказывать ласковость и любезность.

Чрезъ нѣсколько дней по его прибытіи въ Вильну ему представилась депутація, присланная изъ Варшавы. Депутаты надѣялись, что онъ обнаружитъ свои намѣренія насчетъ Польши, но вмѣсто того услыхали вызовъ къ вооруженію противъ Россіи съ обѣщаніемъ покровительства въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Не думая, чтобъ Польша была способна къ обновленію, Наполеонъ считалъ поляковъ пригодными къ дѣлу лишь въ качествѣ «пушечнаго мяса».

Да онъ и не могъ бы поступить иначе. Если-бъ онъ положительно объявилъ о возстановленіи Польши, Австрія направила бы ему въ тылъ всѣ свои вооруженныя силы.

Онъ сказалъ депутатамъ:

— Въ Варшавѣ есть сеймъ для избранія короля. Быть можетъ, спросятъ, гдѣ же королевство. Оно явится, если вы захотите. Не расчитывайте на Галицію. Я не могу вредить интересамъ моихъ двухъ союзниковъ, императора австрійскаго и короля прусскаго. Чтобы возстановить независимость, поляки должны надѣяться только на себя. Въ исторіи Польши я прочелъ, что въ крайнихъ случаяхъ прибѣгали къ собранію Рѣчи Посполитой, поднятію всего дворянства на войну.

Когда литовское дворянство представлялось ему, онъ спросилъ:

— Я полагалъ, что взятіе Вильны обойдется мнѣ въ тридцать тысячъ человѣкъ. Почему русскіе не захотѣли дать сраженія? Всѣ выгоды были на ихъ сторонѣ.

Одинъ изъ присутствовавшихъ отвѣтилъ:

— Вы, ваше величество, внушаете имъ страхъ.

II.

Князь Сигизмундъ и Казиміра, застигнутые въ Вильнѣ нашествіемъ французовъ, вскорѣ примирились со своимъ положеніемъ. Князь, вращаясь въ кругу польскихъ магнатовъ, выставлялъ себя горячимъ сторонникомъ Наполеона. Княжна окружила себя французскими офицерами, изъ которыхъ ея расположеніемъ больше всѣхъ пользовался виконтъ де-Гріе.

Однажды, ночью, она была разбужена принесенной повѣсткой, въ которой предписывалось литовскимъ дамамъ явиться на другой день во дворецъ для представленія императору. Оскорбленная этимъ требованіемъ, она рѣшила не ѣхать, но князь объявилъ, что это невозможно.

Въ большой залѣ собрались г-жи Биго, Гедройцъ, графини Софія Тизенгаузъ, Потоцкая, Огинская, Абрамовичъ и другія.

Въ залѣ находился виленскій епископъ. Тутъ стоялъ налой съ зажженными свѣчами, и все было приготовлено для отправленія божественной службы.

Дамы сидѣли въ разныхъ мѣстахъ и оглядывали туалеты. Почти всѣ были знакомы между собой или состояли въ родствѣ. Въ ихъ внимательныхъ взорахъ сказывалось опасеніе показаться хуже другихъ. Послѣ молчаливаго обзора, длившагося нѣсколько минутъ, послышался сдержанный шепотъ удивленія. Взгляды всѣхъ устремились на дѣвицу Тизенгаузъ: на ея бѣломъ платьѣ красовался фрейлинскій шифръ русскаго двора. Явиться для представленія могущественному императору со знакомъ отличія отъ его врага—сочли неслыханной дерзостью. Но молодая графиня казалась спокойною. Незадолго передъ вступленіемъ французовъ она была пожалована званіемъ фрейлины вмѣстѣ съ четырьмя другими знатными польскими дѣвицами: Доротеей Морикони, графиней Маріанной Грабовской, графиней Мишелиной Віельгорской и княжной Кунигундой Гедройцъ. Только она одна осмѣлилась пріѣхать съ шифромъ.

Дядя ея, графъ Коссаковскій, съ нахмуреннымъ испуганнымъ лицемъ подошелъ къ ней и сказалъ:

— Ты поступила очень опрометчиво. Я не хочу знать тебя. Ты мнѣ болѣе не племянница.

Графиня рѣшительно отвѣтила:

— Я знаю, что я дѣлаю.

Для успокоенія дамъ старый графъ, ея отецъ, обратился къ приближеннымъ Наполеона, графамъ Тюрену и Нарбонну, которые сказали ему:

— Не безпокойтесь, это очень милое придворное украшеніе и не имѣетъ ничего оффиціальнаго.

Стоявшій у дверей камеръ-лакей провозгласилъ:

— Императоръ!

Наполеонъ въ зеленомъ раскрытомъ на груди мундирѣ и бѣломъ жилетѣ быстро вошелъ въ залу, въ сопровожденіи своихъ маршаловъ, и сѣлъ на кресло предъ налоемъ. Служба началась. Едва только она успѣла окончиться, императоръ также поспѣшно удалился, какъ и вошелъ.

Тогда стали по очереди пропускать дамъ въ пріемную комнату, гдѣ ихъ представляла императору, по его назначенію, г-жа Абрамовичъ.

Ни одна изъ дамъ не хотѣла идти первой. Онѣ молча переглядывались. Камеръ-лакей выразительно держался за ручку двери. Графъ Тюренъ, чтобы разсѣять маленькое замѣшательство, ободрялъ дамъ словами и улыбкой. Наконецъ, выступила графиня Коссаковская и скрылась за дверью.

Когда она приблизилась къ Наполеону, окинувшему ее бѣглымъ взглядомъ, г-жа Абрамовичъ назвала ея фамилію.

— Урожденная Потоцкая, — прибавила графиня.

Наполеонъ спросилъ:

— Какого изъ Потоцкихъ? Ихъ вѣдь безчисленное множество.

— Сестра Владиміра Потоцкаго.

— А, знаю, онъ давно служитъ у меня,—сказалъ императоръ, вспомнивъ о польскомъ полкѣ Потоцкаго, который былъ еще въ знаменитой битвѣ у пирамидъ.

Наступила очередь графини Тизенгаузъ. Устремивъ свой орлиный взоръ на ея шифръ, Наполеонъ спросилъ:

— Какой знакъ отличія надѣтъ на васъ?

— Фрейлинскій шифръ двора ихъ величествъ государынь императрицъ всей Россіи.

— Слѣдовательно, вы русская?

— Нѣтъ, я только имѣю фрейлинскій знакъ.

Наполеонъ улыбнулся.

— У васъ братъ служитъ въ легкой кавалеріи?

— У меня два брата, ваше величество, но они нигдѣ не служатъ.

— Полноте, они давно у Латуръ-Мобура.

Графиня не возражала, хотя не знала привычки Наполеона всегда настаивать на вѣрности своего мнѣнія.

Княжна Казиміра, не обративъ особаго вниманія императора, отошла къ окну, съ любопытствомъ наблюдая за продолжавшимся представленіемъ дамъ. Мало по малу пріемная наполнилась ими.

Г-жѣ Огинской Наполеонъ предложилъ свой любимый вопросъ:

— Есть ли у васъ толстыя и большія дѣти?

На что она въ замѣшательствѣ не дала никакого отвѣта. Императоръ, повернувшись къ остальнымъ дамамъ, смѣясь сказалъ:

— Императоръ Александръ очень любезный государь. Онъ всѣхъ васъ тутъ расположилъ въ свою пользу. Настоящія ли вы польки?

Ему отвѣчали кто улыбкой, кто наклоненіемъ головы.

Послѣ того началось представленіе членовъ академіи (университета).

Наполеонъ сказалъ ректору Снядецкому:

— Вы всѣ католики. А благоволитъ ли къ вамъ императоръ Александръ?

Ректоръ началъ восхвалять щедрость государя и покровительство, которое онъ оказывалъ всѣмъ ученымъ, художественнымъ и благотворительнымъ учрежденіямъ.

— Да,—перебилъ Наполеонъ:—онъ добрый государь, онъ философъ на тронѣ.

На слѣдующій день князь Сигизмундъ имѣлъ аудіенцію, испрошенную для него Тюреномъ у Наполеона. Императоръ былъ весьма милостивъ съ нимъ. Старый князь черезъ это свиданіе хотѣлъ выиграть во мнѣніи придворнаго круга. Вообще онъ старался нигдѣ не упускать своихъ выгодъ.

Аудіенція, какъ и множество ей подобныхъ, прошла въ хожденіи по залѣ и стремительныхъ вопросахъ императора.

— Дѣйствительно ли императоръ Александръ желаетъ лично командовать своими войсками? Признаюсь, это было бы очень не дурно для меня.

— Про это ничего здѣсь не слышно.

— Велика ли власть сената въ Россіи?

— Онъ повинуется своему государю.

Наполеонъ усмѣхнулся.

— Я желалъ бы избѣгнуть кровопролитія, но императоръ Александръ принуждаетъ меня къ тому несоблюденіемъ Тильзитскаго договора. Почему его армія удалилась столь поспѣшно?

— Безъ сомнѣнія, она была поражена быстротою шествія вашего величества.

— Быстротою, о нѣтъ! Много времени было потеряно въ ожиданіи провіанта. Мясо и хлѣбъ слѣдуютъ за войсками, но вотъ фуражъ такъ приходится отыскивать. Васъ, можетъ быть, удивляетъ блестящая обстановка, въ которой я нахожусь. Что дѣлать, французамъ всегда нужна представительность. Я говорилъ это и моему тестю, императору австрійскому, который тоже этому изумлялся. Послушайте, простота нейдетъ къ человѣку, выслужившемуся изъ солдатъ. Она годится только природному государю. Кстати о наслѣдственности. Можете ли вы повѣрить: разговаривая съ императоромъ Александромъ, я долженъ былъ защищать преимущества наслѣдственности престола. Конечно, это гораздо лучше случайности избранія. Польша доказала это отлично.

Князь Сигизмундъ былъ совершенно пораженъ подобными рѣчами въ устахъ такого человѣка. Онъ не догадывался, что Наполеонъ весьма мало заботился о своихъ собесѣдникахъ, и разъ ему хотѣлось говорить, онъ говорилъ и разспрашивалъ, не стѣсняясь.

III.

Герцогъ Бассано предложилъ графу Пацу дать балъ, чтобы отпраздновать обнародованіе Наполеономъ акта конфедераціи. Въ тотъ же день въ соборѣ было отслужено молебствіе, на которомъ всѣ присутствовавшіе имѣли кокарды изъ трехъ національныхъ польскихъ цвѣтовъ: синяго, краснаго и бѣлаго. Вечеромъ городъ освѣтился иллюминаціонными огнями.

Огненные вензеля красовались предъ домомъ Паца. На одномъ изъ транспарантовъ былъ изображенъ, и очень похоже, Наполеонъ, снимающій оковы съ Польши, которая была представлена въ видѣ прекрасной женщины, на половину лежавшей въ разверстой могилѣ. Внизу была сдѣлана надпись: «Мститель здѣсь! о, трепещите!»

Среди другихъ изображеній, сіявшихъ на Замковой и Большой улицахъ, особенно еще выдавался золотой орелъ, среди молній соединявшій гербы Литвы и Польши.

Улицы были переполнены народомъ. Солдаты и горожане бродили толпами, любуясь эффектнымъ зрѣлищемъ. У дома Паца была давка. Мюратъ, высунувшись изъ окна своего помѣщенія, въ пестрой мантіи, со смѣхомъ, бросалъ въ толпу лакомства.

Князь Сигизмундъ и Казиміра пріѣхали къ началу бала. Бжостовскій встрѣтилъ ихъ и сообщилъ, что графъ Гюнтеръ присоединился къ авангарду французской арміи. Это извѣстіе было принято княземъ съ чрезвычайной радостью.

Между тѣмъ съѣхались всѣ приглашенные, и начались танцы. Вдругъ разнесся слухъ, что прибылъ самъ императоръ. Это была милость, которою онъ рѣдко дарилъ частныхъ лицъ.

По первому знаку всѣ маршалы, генералы и магнаты бросились внизъ съ озабоченными лицами. Дамъ въ роскошныхъ бальныхъ платьяхъ поставили въ четыре ряда вдоль лѣстницы, не заботясь объ ихъ декольте и сквозномъ вѣтрѣ, и такимъ образомъ вышли живописныя шпалеры.

Наполеонъ прибылъ въ каретѣ, въ сопровожденіи своего шталмейстера Коленкура, ѣхавшаго верхомъ возлѣ кареты. Императоръ поднялся на лѣстницу при крикахъ «vive l'empereur», которыми провожали его до самой залы. Тутъ оркестръ заигралъ его любимую арію Гретри: «Ou peut-on être mieux qu'au sein de sa famille?»

Танцы возобновились. Императоръ сѣлъ на кресло, имѣвшее видъ трона и поставленное на пышный коверъ. Для ногъ была положена малиновая бархатная подушка. Императоръ тотчасъ отпихнулъ ее ногой и откинулся на спинку съ лѣнивой властной осанкой. Маршалы и прочіе сановники стояли вокругъ кресла.

Послѣ танцевъ послѣдовалъ роскошный ужинъ, тѣмъ болѣе замѣчательный, что голодъ въ Вильнѣ постоянно давалъ себя чувствовать. Но пока страдали лишь нисшіе классы населенія. По словамъ современниковъ, во время этого ужина предъ домомъ Паца упалъ человѣкъ и умеръ отъ голода.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

I.

Послѣ отъѣзда Зайцева, Засыпкинъ остался полнымъ хозяиномъ его дома, богатаго магазина и амбаровъ, наполненныхъ товарами. Проводивъ его, онъ съ щемящимъ чувствомъ на сердцѣ вернулся въ магазинъ.

Онъ былъ того типа, который съ давнихъ поръ установился для большихъ магазиновъ въ провинціальныхъ городахъ, гдѣ обыкновенно всякимъ товаромъ торговали лишь двѣ, три крупныя фирмы. Въ одной части магазина былъ модный отдѣлъ. Тутъ собраны были матеріи, зонтики, шляпки, бѣлье, туалетныя принадлежности на ряду съ ботинками, перчатками и вѣерами. Въ другомъ отдѣленіи торговали мѣдными и стальными вещами, посудой, стекломъ. Въ третьемъ былъ гастрономическій отдѣлъ—колбасы, рыба, заливное, консервы и фрукты. Въ четвертомъ—часы, золотыя и серебряныя вещи. Словомъ, тутъ можно было найти все, что было нужно.

Помня данное Зайцеву слово беречь его добро, Засыпкинъ приказалъ жившему у Зайцева мальчику никуда не отлучаться изъ лавки и обошелъ опустѣвшій хозяйскій домъ, находившійся рядомъ съ каменнымъ помѣщеніемъ магазина. Тамъ занимался уборкой раскиданныхъ вещей кучеръ и работникъ Зайцева, Ерема. Это былъ сильный, коренастый мужикъ съ рябоватымъ добродушнымъ лицемъ. Засыпкинъ сказалъ ему, чтобы онъ заперъ ворота и не уходилъ бы со двора.

— Помилуйте, развѣ такія теперь времена, чтобы гулять,— отозвался Ерема:—того и гляди, супостатъ нагрянетъ.

Засыпкинъ собралъ отчетныя книги и заперъ ихъ въ сундукъ. Въ конторкѣ онъ нашелъ незадолго передъ тѣмъ составленную вѣдомость товарамъ съ обозначеніемъ цѣнъ, одну изъ тѣхъ, кото-

рыя разсылались покупателямъ. На сѣровато-синей толстой бумагѣ было напечатано по-русски и по-польски слѣдующее:

«Въ городѣ Вильно, на Большой улицѣ, въ собственномъ домѣ, въ овощной лавкѣ моей продаются: Лучшій сахаръ рефенадъ 84 р. пудъ; 2-го сорта 80 р.; мелюсъ (песокъ) 73 р. пудъ. Кофе лучшій 80 р.; 2-го сорта 75 р. пудъ. Чай сквозникъ 9 р. и 7 р. 50 к. за фунтъ. Ординарный чай 3 р. 50 к., маюконъ 4 р., зеленой 4 р. 50 к. за фунтъ. Варенье разное фруктовое по два рубля за фунтъ, ягодное по 1 р. 30 к., сухое фруктовое по 2 р. 50 к., мармеладъ 2 р., конфекты французскія 2 р. 50 к. за фунтъ, пастила муфтовая 2 р. фунтъ, въ ящикахъ сахарная по 1 р. 40 к. фунтъ, сыропы разные по 2 р. бутылка.

«Сыръ пармезанъ и швейцарскій по 3 р. 50 к. фунтъ, одесскій по 1 р., зеленый сыръ по 2 р. 50 к. фунтъ, колбасы духовыя 45 к. фунтъ, масло прованское по 4 р. штофъ, горчица дѣланная по 1 р. банка, каперсы 1 р. фунтъ, оливки по 2 р. фунтъ, уксусъ острагонъ по 1 р. бутылка, уксусъ ординарной ведрами 2 и 3 р. ведро.

«Шоколадъ съ ванилью по 3 р. 50 к. фунтъ. Санте—2 р. 50 к. Лимоны соленые[1]) по 3 р. десятокъ. Слива соленая по 1 р. 50 к.—сто.

«Въ оной же лавкѣ продаются разныя виноградныя вина и водки по сходной цѣнѣ. Все вышеозначенное отпущаемо будетъ за словомъ. Съ почтеніемъ Т. Зайцевъ».

Тутъ же въ конторкѣ Засыпкину попался и прейсъ-курантъ винамъ.

Въ то время, какъ цѣны на колоніальные товары, благодаря введенной Наполеономъ континентальной системѣ, были чрезмѣрно высоки, цѣны винъ отличались сравнительной умѣренностью, чему, можетъ быть, способствовало отсутствіе акцизныхъ сборовъ. На прейсъ-курантѣ значилось:

«Ромъ американскій душистой, съ зеленцой, перваго сорта 5 р., 2-го сорта 3 р. 30 к. Малага старая, дреймадера, шато-марго и медокъ французскій по 3 р. бутылка. Мадера, бишовъ, старое французское и бѣлое горское по 2 р. Шампанское нѣмецкое по 9 р., полушампанское 4 р. Донскіе выморозки, бѣлые и красные и съ цигрой по 1 р. 50 к. бутылка. Водки кизлярская и нахичеванская по 35 к. бутылка. Голицынская сладкая разныхъ спецій по 4 р. штофъ».

II.

Весь день продолжалась въ городѣ суматоха. Опасаясь безпорядковъ, Засыпкинъ послѣ обѣда заперъ магазинъ. На слѣдующее утро улицы представляли пустынный видъ. Съ минуты на минуту

---

[1]) Иныхъ тогда въ продажѣ не встрѣчалось. Быть можетъ, во время продолжительной перевозки по тогдашнимъ дорогамъ свѣжіе лимоны портились. Апельсины тоже не продавались.

ждали появленія французовъ. Все замкнулось и попряталось въ тревожномъ ожиданіи.

Засыпкинъ вышелъ и сѣлъ на крыльцо. Зловѣщее спокойствіе царило на Большой улицѣ. Невысокіе дома ея, крытые красноватой черепицей, выкрашенные въ сѣрый и желтый цвѣтъ, отдѣлялись небольшими садами и только въ центрѣ города, по Замковой улицѣ, составлявшей продолженіе Большой, тѣснились другъ около друга.

Булыжная мостовая, окаймленная узкими тротуарами, имѣла опрятный видъ. Вывѣски на лавкахъ были незатѣйливы. По большей части на нихъ стояли краткія надписи, указывавшія на спеціальность торговли. На одной значилось «PIWO», на другой по красному полю бѣлыми буквами «WUDKA», на третьей «RÓZNE TOWARY», на четвертой, голубой—«CIGARY». Фамилій владѣльцевъ лавокъ не значилось вовсе.

Громкіе трубные звуки и грохотъ барабановъ возвѣстили о вступленіи французовъ. Первая минута страха прошла. Городъ зашевелился. Солдаты вели себя чинно и пристойно. Офицеры разводили ихъ по квартирамъ. Безпорядковъ не было, кромѣ суматохи около зажженнаго русскими Зеленаго моста, но огонь тамъ былъ скоро потушенъ.

Домъ Зайцева былъ предоставленъ виконту де-Гріе, одному изъ приближенныхъ герцога Бассано, прибывшаго съ французскимъ дипломатическимъ корпусомъ въ Вильну. Молодой, блестящій, вліятельный офицеръ недавно пріѣхалъ въ великую армію и былъ назначенъ на одну изъ видныхъ административныхъ должностей въ завоеванномъ городѣ.

Ненавидя Наполеона и считая его въ душѣ антихристомъ, Засыпкинъ счелъ, однако, за лучшее примѣниться къ обстоятельствамъ. Первымъ дѣломъ онъ постарался пріобрѣсти расположеніе своего квартиранта. Виконтъ одно время находился въ Петербургѣ и нѣсколько освоился съ русскимъ языкомъ. Познакомившись съ Засыпкинымъ, онъ нашелъ, что тотъ можетъ быть ему полезенъ, такъ какъ отлично знаетъ городъ и жителей. Въ то же время Засыпкинъ могъ быть удобнымъ поставщикомъ. Все это побудило де-Гріе отнестись къ нему со вниманіемъ. Онъ нерѣдко призывалъ его къ себѣ и разспрашивалъ о разныхъ дѣлахъ. Прямодушіе и добросовѣстность Засыпкина понравились виконту, и онъ сталъ рекомендовать его другимъ офицерамъ. Засыпкинъ получилъ извѣстность среди французовъ, и ихъ золото обильно полилось въ его выручку.

Прежде всего онъ значительно повысилъ цѣны на съѣстные припасы. Особенно поднялась цѣна на рыбу, шедшую изъ внутреннихъ губерній. Многіе сорта ея были вовсе неизвѣстны французамъ, между тѣмъ какъ, попробовавъ ее, они брали ее нарасхватъ. Сибирская нельма, стоившая 12 р. за пудъ, поднялась до 50 р.;

«архангелогородскія сельди», вмѣсто 8 р. за сотню, продавались по 20 р.; лаборданъ, стоившій 12 р. пудъ, «бѣлая рыбица» въ 3 р. фунтъ, «духовыя стерляди подъ желе» въ четырехрублевыхъ пятифунтовыхъ банкахъ, бекетовская черная икра въ 70 к. фунтъ, красная семга въ 2 р. 50 к. — продавались по той цѣнѣ, какую купцу угодно было запросить.

Также возвысились въ цѣнѣ мука, масло, вина и сахаръ. Впрочемъ, цѣны сильно колебались въ зависимости отъ подвоза припасовъ, подвергавшагося всякимъ случайностямъ. То, что сегодня стоило рубль, завтра продавалось за нѣсколько копѣекъ и наоборотъ. Но, тѣмъ не менѣе, съ теченіемъ времени, цѣны все возвышались, и къ концу войны достигли крайней степени.

III.

Опираясь на покровительство своего квартиранта, Засыпкинъ сталъ менѣе сдерживаться и нерѣдко въ увлеченіи произносилъ рѣзкія сужденія, порицая Наполеона и его погоню за военной славой. Въ то же время онъ, при всякомъ случаѣ, открыто заявлялъ себя русскимъ патріотомъ, особенно находясь въ обществѣ французскихъ офицеровъ, нерѣдко собиравшихся у де-Гріе и охотно издѣвавшихся надъ «русскими варварами» и ихъ вѣрой.

Однажды, вечеромъ, онъ отправился въ Святодуховъ монастырь. Это была одна изъ древнѣйшихъ обителей въ Литвѣ. Треугольный участокъ земли, на которомъ располагался со своими постройками монастырь, примыкалъ одной стороной къ улицѣ Субочъ, съ двухъ другихъ онъ былъ ограниченъ, какъ и теперь, Никодимскимъ переулкомъ и Сиротской улицей, причемъ вершина треугольника была обращена къ востоку, на Зарѣчье. Вильна и тогда тянулась болѣе съ сѣвера на югъ—въ длину, чѣмъ въ ширину. По этому направленію пересѣкала ее Большая улица, которая въ сѣверной части называлась Замковой и упиралась въ конусообразную песочную, покрытую мягкой зеленой травой Замковую гору. На верху ея и по скатамъ оставались развалины построекъ Гедимина. За горой у подножья ея, образуя дугообразный изгибъ, протекала мелкая, быстрая Вилія. Притокъ ея, Вилейка, со множествомъ рукавовъ и канавокъ, прорѣзывалъ восточную часть города. За нимъ находилось Зарѣчье. Тѣнистыя деревья, густые кусты склонялись надъ неглубокой, а нынѣ обратившейся въ простую канавку, Вилейкой. Сады подходили къ самому Святодухову монастырю, окруженному каменной оградой.

Въ то время не было величественнаго крестообразно расположеннаго бѣлаго храма съ отдѣльной стройной трехъэтажной колокольней, которая украшаетъ монастырь нынѣ. Всѣ постройки его-

рѣли въ 1749 году, и отъ церкви остались однѣ стѣны. Въ эти тяжелыя для православія времена въ Литвѣ, когда храмы и обители подвергались постояннымъ поруганіямъ со стороны католиковъ и уніатовъ, православныхъ было немного, и ихъ жертвованій часто оказывалось недостаточно для построекъ, требовавшихъ большихъ затратъ.

Засыпкинъ, сквозь узкую желѣзную калитку, охраняемую инокомъ-привратникомъ, вступилъ на просторный монастырскій дворъ. Тутъ возвышались тамъ и сямъ маленькіе и длинные, похожіе на бараки, домики, крытые черепицей. Иные располагались попарно и имѣли общія ворота. Небольшія окна ихъ были снабжены крѣпкими ставнями. Стройные пирамидальные тополи, пышные каштаны украшали обитель. Дворъ почти весь заросъ травой, пробивавшейся изъ-подъ камней.

Въ монастырѣ, во временной церкви, устроенной надъ развалинами храма, уничтоженнаго пожаромъ, совершалась служба. Кромѣ братіи, собравшейся почти въ полномъ составѣ, тутъ находилось много городскихъ обывателей. Такого скопленія молящихся Засыпкинъ не видѣлъ еще въ монастырѣ.

Благообразный, сѣдой настоятель самъ отправлялъ всенощную. Стройное пѣніе иноковъ, проникновенный голосъ пастыря, возвышенное молитвенное настроеніе присутствовавшихъ трогали душу и возбуждали умиленіе.

Неожиданно въ серединѣ и не въ порядкѣ службы, которую Засыпкинъ твердо зналъ наизусть, инокъ вынесъ скамеечку и поставилъ ее передъ царскими вратами. Вышелъ настоятель, оправилъ волосы и всталъ на колѣни. Всѣ сдѣлали то же. Знали, что сейчасъ будутъ читать разосланную синодомъ молитву о спасеніи Россіи отъ вражескаго нашествія.

Настоятель началъ:

— «Господи Боже силъ, Боже спасенія нашего! Призри нынѣ въ милостяхъ и щедротахъ на смиренные люди Твоя и человѣколюбно услыши и пощади, и помилуй насъ. Се врагъ, смущай землю Твою и хотяй положити вселенную всю пусту, возста на ны, се люди беззаконніи собрашася, еже погубити достояніе Твое, разорити честный Іерусалимъ Твой, возлюбленную Твою Россію: осквернити храмы Твои, раскопати алтари и поругатися святынѣ нашей. Доколѣ, Господи, доколѣ грѣшницы восхвалятся? Доколѣ употребити имать законопреступный власть?

«Владыко Господи! Услыши насъ, молящихся Тебѣ, укрѣпи силою Твоею благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго великаго государя нашего императора Александра Павловича, помяни правду его и кротость, воздаждь Ему по благости Его, ею же хранитъ ны Твой возлюбленный Израиль. Благослови Его совѣты, начинанія и дѣла; утверди всемогущею Твоею десницею царство Его и подаждь

Ему побѣду на врага, яко же Моисею на Амалика, Гедеону на Мадіама и Давиду на Голіафа».

Тутъ слезы застлали глаза Засыпкина, и онъ склонился ницъ:

— Доколѣ, Господи,—думалъ онъ:—терпѣть намъ владычество супостатовъ?

Настоятель продолжалъ читать далѣе. Молитва была длинная. Въ ней призывался Господь укрѣпить сердца православнаго воинства и поразить въ прахъ враговъ, «чтобы увидѣли всѣ страны благость Всевышняго къ уповающимъ на Него».

Въ томъ возбужденномъ состояніи, въ какомъ находился тогда Засыпкинъ, чтеніе этой молитвы произвело на него глубокое впечатлѣніе. Ему представилось, что онъ не долженъ находиться въ бездѣйствіи среди враговъ, а долженъ сражаться съ ними и пролить свою кровь за отечество.

Всенощная кончилась, но настоятель захотѣлъ отслужить молебенъ надъ гробницей трехъ св. мучениковъ Антонія, Іоанна и Евстафія, мощи которыхъ составляли главную святыню обители.

Нынѣ они хранятся въ подземной церкви, устроенной подъ алтаремъ.

Темный иконостасъ, сверху ограниченный ступенеобразными возвышающимися къ серединѣ частями, со Всевидящимъ Окомъ надъ вратами, закрываетъ одну стѣну. Предъ нимъ стоитъ массивная золоченная гробница съ мощами мучениковъ съ четырьмя серебряными подсвѣчниками. Предъ гробницей находится налой. Въ разныхъ мѣстахъ со свода церкви спускаются красныя и синія лампады.

Но далеко не такой видъ имѣло это хранилище въ описываемое время.

При Алексѣѣ Михайловичѣ воевода Шаховской правилъ городомъ Вильной. При немъ мощи вынесли изъ Троицкой церкви и положили въ Святодуховомъ монастырѣ, въ подалтарной пещерѣ, которая тогда была простымъ тѣснымъ склепомъ. Потомъ ее нѣсколько расширили, равно какъ и спускъ въ нее. Мощи святыхъ хранились въ деревянномъ гробѣ, по преданію, сдѣланномъ изъ того дуба, на которомъ святые страдальцы были замучены и повѣшены. Такимъ склепъ оставался и теперь.

Сойдя сюда по узкой деревянной лѣсенкѣ, настоятель началъ служить молебенъ. Молившіеся въ церкви тоже послѣдовали сюда, наполнили пещеру, заняли лѣстницу и столпились у входа на нее. Засыпкинъ однимъ изъ первыхъ спустился внизъ и весь отдался молитвѣ.

Послѣ службы настоятель пригласилъ нѣкоторыхъ изъ обывателей къ себѣ на вечернюю бесѣду. Тутъ онъ высказалъ, что хотя отовсюду приходятъ неутѣшительныя вѣсти, однако падать духомъ не слѣдуетъ.

— А главное,—заключилъ настоятель:—мы должны тѣсно соединиться и не говорить, а дѣйствовать. Подобно тому, какъ вѣра безъ дѣлъ мертва есть, такъ и наша любовь къ царю и отечеству должна выражаться въ подобающихъ дѣяніяхъ.

Вдохновенный видъ настоятеля, блиставшіе глаза его, звучный голосъ произвели сильное неотразимое впечатлѣніе на слушателей.

При послѣднихъ словахъ его возбужденный Засыпкинъ всталъ и, наскоро распрощавшись съ присутствующими, вышелъ. Голова его горѣла. Къ глазамъ подступали слезы. Жертвы, подвига, требовало все существо его.

IV.

Была черная ночь. Шагая по грязной дорогѣ, предавшись овладѣвшимъ имъ мыслямъ, Засыпкинъ не замѣтилъ, какъ очутился у дверей ресторана, ярко освѣщеннаго фонарями. Прежде вывѣска на немъ гласила: «Restaurant de S.-Pétersbourg». Теперь слово «Петербургъ» было замазано краской, а вмѣсто того наскоро написано «Parisien». Изъ общей залы неслись звуки органа и хохотъ подгулявшихъ французовъ. Засыпкинъ поднялся по лѣстницѣ и вошелъ въ трактиръ. Въ залѣ среди зелени красовался увѣнчанный лавровымъ вѣнкомъ бѣлый гипсовый бюстъ Наполеона, работы, проживавшаго въ то время въ Вильнѣ, итальянца Андріоли. Этотъ оборотливый скульпторъ бойко торговалъ незадолго передъ тѣмъ изображеніями императора Александра и великаго князя Константина, популярнаго среди поляковъ. Но къ приходу французовъ онъ заблаговременно заготовилъ множество бюстовъ Наполеона. Они покупались на перебой и появились во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ въ городѣ.

Зная уже нѣсколько французскихъ словъ, Засыпкинъ подсѣлъ къ французамъ, среди которыхъ нашлись его знакомые, и вступилъ съ ними въ бесѣду. Вино лилось рѣкой. Засыпкинъ не отставалъ отъ другихъ въ требованіи новыхъ бутылокъ, но самъ почти не касался къ вину. Недавняя рѣчь настоятеля звучала въ его ушахъ. Постоянные тосты за Наполеона были послѣдней каплей, переполнившей чашу его сдержанности. Онъ всталъ изъ-за стола и поднялъ бокалъ съ шампанскимъ.

— Vive l'empereur Alexandre!—крикнулъ онъ на всю залу.

Воцарилось гробовое молчаніе. Неслыханная дерзость поразила всѣхъ.

— Молчать! — гаркнулъ порусски одинъ изъ улановъ князя Радзивилла.

— Allez au diable avec votre Alexandre! — раздалось съ другой стороны.

— Bois à la santé de Napoleon! Autrement tu ne sortiras pas vive d'ici (пей за Наполеона, иначе не выйдешь отсюда живымъ)!— кричали французы, хватаясь за оружіе.

Засыпкинъ вспыхнулъ. Глаза его засверкали.

— Ура! батюшка, царь Александръ!— воскликнулъ онъ и кинулся къ бюсту Наполеона. Послышался мощный ударъ, черепки бюста полетѣли на полъ...

Неистовые вопли и ругательства полились со всѣхъ сторонъ. Сабли заблистали въ рукахъ солдатъ. Безпорядочной толпой, горя жаждой мести, они бросились на Засыпкина, который, схвативъ грузный стулъ, опрокинулъ первыхъ изъ нападавшихъ и отступилъ въ уголъ залы, размахивая своимъ грознымъ оружіемъ.

Послышалось щелканіе пистолетныхъ курковъ, но въ эту минуту въ дверяхъ показался де-Гріе, привлеченный необычайнымъ шумомъ.

— Остановитесь!—крикнулъ онъ:—французы не нападаютъ на одного.

Изступленный видъ Засыпкина, покрытаго кровью, и обломки бюста объяснили ему тотчасъ, въ чемъ дѣло. Гордый, самоувѣренный тонъ его голоса и блестящій мундиръ охладили пылъ возбужденныхъ солдатъ.

— За свой поступокъ виновный будетъ наказанъ по закону,— сказалъ виконтъ, обратившись къ толпѣ, и приказалъ взять Засыпкина подъ стражу.

Перепуганный трактирщикъ поспѣшно убралъ злополучные черепки, и прерванная попойка возобновилась съ прежнимъ жаромъ

V.

Тягостную ночь провелъ Засыпкинъ на гауптвахтѣ. Мысль о смерти не страшила его. Но то, что онъ не сдержалъ слова и не сберегъ ввѣреннаго ему имущества, было для него мучительнѣе всего. Тусклый утренній свѣтъ пробился сквозь узкое съ толстой желѣзной рѣшоткой окно. Засыпкинъ поднялся съ наръ, окинулъ безнадежнымъ взоромъ мрачный казематъ и задумался. Шумъ отворенной двери заставилъ его очнуться. Два солдата, стукнувъ въ полъ прикладами, остановились у порога. Разводящій вошелъ къ Засыпкину и сказалъ, что его требуетъ комендантъ. Неясная надежда вспыхнула въ его душѣ. Въ сопровожденіи конвойныхъ онъ отправился, къ своему удивленію, въ домъ Зайцева. Войдя въ знакомыя комнаты, онъ перекрестился на оставленную хозяиномъ икону и сталъ ожидать выхода коменданта.

Генералъ скоро вышелъ. Потомъ появился де-Гріе. . За нимъ бѣжалъ маленькій бульдогъ, подаренный ему Засыпкинымъ. Лице коменданта было нахмурено.

— Господинъ Засыпкинъ, — сурово произнесъ онъ: — какимъ образомъ вы, человѣкъ спокойный и разсудительный, дерзнули на такой неслыханный поступокъ? Что побудило васъ къ тому?

— Поношеніе славнаго имени моего государя. Всякій русскій долженъ былъ сдѣлать то же, что я, — смѣло отвѣтилъ Засыпкинъ.

Лице генерала потемнѣло.

— Не забывайтесь! Государь вашъ теперь не Александръ, а Наполеонъ. Оскорбленіе его величества наказуется смертью. Знаете это?

— Воля ваша, но позвольте доложить, что я, какъ уроженецъ города Вязьмы, коренной русскій, проживающій въ Вильнѣ лишь по торговымъ дѣламъ, никакъ не могу считаться французскимъ подданнымъ. Что же касается моего поступка, то, сознаюсь, можетъ быть, я дѣйствовалъ опрометчиво. Однако не думаю, чтобы изъ-за разбитой глиняной фигуры, да еще стоявшей въ кабацкомъ заведеніи, слѣдовало лишать жизни человѣка. Впрочемъ, я въ вашей власти, вы все можете сдѣлать со мной. Лучше же мнѣ умереть вѣрнымъ слугой царю, чѣмъ слыть гнуснымъ измѣнникомъ отечеству.

Столь рѣшительный отвѣтъ нѣсколько озадачилъ генерала. Но онъ былъ человѣкъ добрый и извѣстный своею снисходительностью. Сердце его смягчилось.

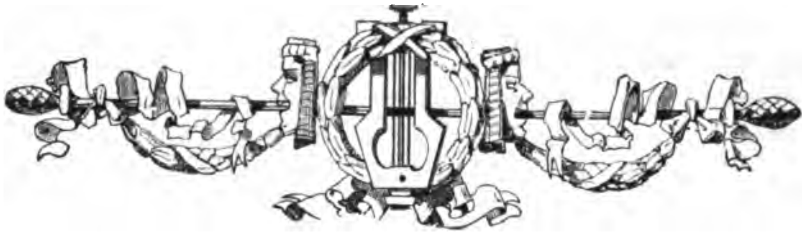
— Одна только ваша національность и возбужденное состояніе, въ которомъ вы находились въ трактирѣ, отчасти уменьшаютъ вашу вину. Принимая это въ соображеніе, а также ваше безукоризненное прошлое и ручательство за васъ виконта де-Гріе, я приговариваю васъ къ штрафу въ двѣсти франковъ, которые вы и уплатите трактирщику за разбитый бюстъ, но помните, что впредь подобныя пьяныя шутки не пройдутъ вамъ такъ легко. Ступайте.

Задѣтый за живое послѣдними словами коменданта, Засыпкинъ хотѣлъ было возражать, но генерала и виконта уже не было, и только маленькій бульдогъ вертѣлся у ногъ своего бывшаго хозяина.

Исторія о разбитомъ бюстѣ разнеслась по городу и сослужила Засыпкину хорошую службу. Всѣ хотѣли видѣть русскаго смѣльчака, поэтому въ магазинъ приходило много народу, и торговля тамъ шла бойко. Не смотря на это, смутно было на душѣ у Засыпкина. Мысль о хозяинѣ и его семьѣ не выходила у него изъ головы. Онъ старался забыться за работой.

Анатолій Леманъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).



ВОСПОМИНАНІЯ АРТИСТА ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ А. А. АЛЕКСѢЕВА [1].

IX.

Въ городѣ Николаевѣ.—Бенкендорфъ.—Моя антреприза на его средства.—Антрепренеръ Жураховскій и Елизаветградскій театръ. — Судбище съ Жураховскимъ.—Непріятности съ Бенкендорфомъ.—Служба въ Одессѣ и Кишиневѣ.—М. А. Максимовъ. — Скандалъ на сценѣ и въ партерѣ. — Отъѣздъ въ Ставрополь къ Зелинскому. — Антрепренеры сороковыхъ годовъ.—Первое жалованье П. А. Стрепетовой.

ЕНИВШИСЬ, я набрался нѣкоторой солидности и сталъ считать себя установившимся на твердой почвѣ. Зелинскій мною былъ очень доволенъ и, во вниманіе къ моему усердію и серьезному отношенію къ дѣлу, сдѣлалъ крупную прибавку. Это было въ городѣ Николаевѣ, тогда густо населенномъ и имѣвшемъ большое портовое значеніе.

Въ Николаевѣ проживалъ въ то время нѣкто Бенкендорфъ, по слухамъ, очень богатый господинъ. Онъ былъ неравнодушенъ къ одной изъ актрисъ нашей труппы, а именно къ А. Н. Колумбъ, которая хотя и была однофамилицей великаго человѣка, открывшаго Америку, но изъ ряда полезностей не выдавалась и новой Америки за театральными кулисами не открывала.

Когда Зелинскій объявилъ, что посѣщаетъ Николаевъ въ послѣдній разъ, такъ какъ имъ снятъ ставропольскій театръ, и онъ

---

[1]) Продолжаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLVIII, стр. 675.

долженъ уѣзжать туда совсѣмъ, Бенкендорфъ зазвалъ меня въ свободную минуту къ себѣ и предложилъ стать во главѣ театральнаго предпріятія въ Николаевѣ, но съ тѣмъ, чтобы я непремѣнно убѣдилъ Колумбъ нарушить контрактъ съ Зелинскимъ, причемъ обусловленную неустойку какъ за нее, такъ и за меня онъ взялся выплатить нашему антрепренеру самолично.

— Я дамъ вамъ заимообразно нужную для дѣла сумму,—сказалъ онъ,—а вы распоряжайтесь ею, какъ вамъ будетъ угодно. Въ ваши дѣла я соваться не буду, но вы со временемъ, когда съ моей легкой руки разживетесь, возвратите долгъ. Итакъ, дай вамъ Богъ сдѣлаться извѣстнымъ и богатымъ антрепренеромъ.

Такія выгодныя условія меня соблазнили, и я, сговорившись съ Колумбъ, отказался отъ дальнѣйшей службы у Зелинскаго, который, къ слову сказать, на насъ не разсердился, разошелся съ нами потоварищески и, кажется, искренно желалъ мнѣ успѣховъ на новомъ, антрепренерскомъ поприщѣ.

— Я противъ васъ, господа, ничего не имѣю,—сказалъ онъ въ заключеніе и подобралъ мѣткую пословицу: — рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человѣкъ—гдѣ лучше.

Набралъ я труппу и распахнулъ врата храма Мельпомены. Благодаря участію Бенкендорфа, муссировавшаго мои спектакли, дѣла пошли очень хорошо, но когда почувствовалось колебаніе сборовъ, я воспользовался примѣромъ Зелинскаго и совершилъ нѣсколько поѣздокъ въ Полтаву и Екатеринославль.

Во время своихъ путешествій узнаю, что въ Елизаветрадѣ предстоитъ сборище войска. Въ это время, по моимъ соображеніямъ, театръ тамошній долженъ былъ дѣлать блестящіе сборы. Не теряя ни минуты времени, отправляюсь въ Елизаветградъ съ цѣлью овладѣть мѣстнымъ театромъ, но, увы! онъ оказался уже въ рукахъ севастопольскаго антрепренера Жураховскаго. Это, однако, меня не разочаровало окончательно: я задумалъ побывать у Жураховскаго и предложить ему свои услуги въ качествѣ компаніона. Онъ согласился. Мы покончили на томъ, что соединимъ обѣ труппы наши и будемъ играть вмѣстѣ, причемъ и весь доходъ станемъ дѣлить по ровной половинѣ. Заключили между собой контрактъ, назначили сроки и порѣшили насчетъ репертуара.

Тотчасъ же послалъ я женѣ своей, находившейся съ труппой въ Екатеринославлѣ, денежный пакетъ на проѣздъ всѣхъ служащихъ къ мѣсту назначенія. Но такъ какъ въ то время желѣзныхъ дорогъ еще не существовало, то письмо мое шло неимовѣрно долго, что-то около трехъ недѣль, и, кромѣ этого, почему-то сердившійся на меня екатеринославскій почтмейстеръ умышленно продержалъ его въ своей конторѣ еще съ недѣлю, благодаря чему я оказался въ критическомъ положеніи: условные сроки подступали, пріѣздъ труппы не предвидѣлся, а Жураховскій приставалъ ко

мнѣ съ претензіями. Я посылалъ эстафету за эстафетой, но никакихъ отвѣтовъ не получалъ. Недоумѣніе было полнѣйшее. Жураховскій, понадѣявшійся на комплектъ моей труппы, изъ своей выписалъ только главный персоналъ, остальныхъ оставилъ продолжать спектакли въ Севастополѣ. Выписанныхъ персонажей его, разумѣется, было не достаточно для театра, а моихъ не было, и сидѣли мы сложа руки, незная, за что ухватиться, что предпринять. Наконецъ, почти къ самому разъѣзду войскъ, прибыла моя труппа, и мы кое-какъ успѣли поставить нѣсколько спектаклей. Вмѣсто ожидаемыхъ большихъ барышей оказались крупные убытки. Въ этой неудачѣ Жураховскій, обвинивъ всецѣло меня, захватилъ себѣ безраздѣльно всѣ сборы и, кромѣ того, подалъ на меня жалобу главнокомандующему графу, Остенъ-Саксену, очень мило разыгравшему роль судьи, которая, какъ оказалось, ему очень нравилась и тѣшила его безконечно. Не входя въ подробности дѣла и не выслушивая оправданій, онъ рѣшилъ, что контрактъ мною нарушенъ самопроизвольно (даже чуть ли не съ намѣреніемъ), почему все мое имущество должно подлежать описи, дабы вознаградить убытки истца, уже праваго тѣмъ, что онъ первымъ обратился къ посредничеству высокопревосходительнаго судьи...

Все, что я имѣлъ, даже то, что было нажито мною до моей злосчастной антрепризы, поступило въ продажу съ молотка. Оставшись яко нагъ, яко благъ, я принужденъ былъ распустить труппу и возвратиться въ Николаевъ, гдѣ въ театрѣ оставался еще кое-какой хламъ, за который можно было выручить нѣсколько цѣлковыхъ и пропитаться ими до мѣста.

Придетъ бѣда—раскрывай ворота. Бѣда идетъ и за собой другую бѣду ведетъ. Не успѣлъ я вздохнуть и опомниться отъ Елизаветградской катастрофы, какъ въ Николаевѣ пришлось встрѣтиться тотчасъ же по пріѣздѣ съ новою непріятностью. Бенкендорфъ, для котораго Колумбъ уже потеряла свое очарованіе, сталъ наступать на меня съ требованіемъ тѣхъ денегъ, которыми онъ снабдилъ меня на театральное предпріятіе.

— Такъ и такъ, объясняю ему, потерпѣлъ крушеніе. Повремените. Сейчасъ ломаной копѣйкой не обладаю, поправлюсь—выплачу... Честное слово, въ долгу не останусь!...

— Кто васъ просилъ соваться въ товарищество съ Жураховскимъ,—замѣтилъ онъ мнѣ съ раздраженіемъ,—у васъ и такъ повсюду были роскошныя дѣла.

— Погнался за большимъ и потерялъ маленькое!

— Послужитъ вамъ это наукой!... Вы, пожалуйста, озаботьтесь относительно денегъ, теперь я въ нихъ самъ крайне нуждаюсь...

— Хорошо-съ! Я поѣду куда нибудь служить и даю клятвенное обѣщаніе высылать вамъ половину моего содержанія до полной уплаты долга...

— Чтобъ не пришлось только ждать долго,—сострилъ Бенкендорфъ, и мы съ нимъ разстались. Впослѣдствіи я выслалъ ему деньги, но онъ ихъ возвратилъ мнѣ при любезномъ письмѣ, въ которомъ сознавался, что въ наше послѣднее свиданіе онъ чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ, почему и позволилъ себѣ грубый тонъ, порожденный болѣзненною раздражительностью. Въ концѣ онъ приписалъ, что въ моихъ деньгахъ не нуждается и никакого долга за мной не считаетъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ моего прибытія въ Николаевъ, туда же пріѣхалъ изъ Одессы Михаилъ Андреевичъ Максимовъ спеціально затѣмъ, чтобы пригласить меня на службу въ труппу князя Гагарина. Я съ радостью согласился и переправился въ Одессу.

Князь Гагаринъ тоже не довольствовался однимъ городомъ, а дѣлалъ періодическіе переѣзды въ Кишеневъ. Дѣла его были очень не дурны, артистамъ жалованье выплачивалъ не скупо, впрочемъ, и антрепренерствовалъ-то онъ не изъ-за барышей, а просто изъ любви къ искусству. Въ старое время такихъ меценатовъ было много. Баре не гнушались иниціативой театральнаго дѣла, и провинціальная сцена тогда выглядывала какъ-то благороднѣе, порядочнѣе, опрятнѣе. Это были сороковые года, а если мы пойдемъ немного дальше и возьмемъ двадцатые—десятые года, то увидимъ, что антрепренеровъ-коммерсантовъ не существовало тогда вовсе, что театромъ тогда не эксплоатировали, что сцена тогда для нашего помѣщичьяго барства была шалостью, развлеченіемъ, блажью. Да и настоящихъ, то-есть профессіональныхъ, актеровъ тогда не существовало: труппы состояли почти исключительно изъ крѣпостныхъ, которыхъ не только можно, но и должно признать родоначальниками провинціальныхъ актеровъ. Меценаты-помѣщики, усматривавшіе въ своихъ крѣпостныхъ дарованіе, очень часто давали имъ вольную и благословляли на актерскій путь. Съ этого и начинается исторія провинціальнаго театра...

Въ Кишеневѣ у меня съ Максимовымъ, главнымъ режиссеромъ труппы князя Гагарина, произошло крупное недоразумѣніе, послужившее причиной моего ухода изъ одесскаго театра. Максимовъ никакъ не могъ примириться съ тѣмъ, что публика симпатизировала мнѣ больше, нежели ему. Онъ постоянно злился на это и волновался, придумывая какія нибудь новыя интриги и подводя меня подъ различныя каверзы. Не въ осужденіе Михаила Андреевича я упоминаю это, а потому, чтобы быть послѣдовательнымъ и не пропускать фактическихъ сторонъ моей театральной жизни. Прежде всего ужъ потому бы я не былъ судьей дѣйствій Максимова, что самъ актеръ, самъ сжился съ кулисами и отлично понимаю, какое у актера самолюбіе, развитое до нестерпимыхъ предѣловъ, въ особенности же у актеровъ, не щедро надѣленныхъ талантомъ, а Михаилъ Андревичъ именно къ такимъ и принадлежалъ. Впо-

слѣдствіи съ Максимовымъ меня сталкивала судьба на сценѣ Харьковскаго и Петербургскаго Александринскаго театра, и мы были съ нимъ въ хорошихъ товарищескихъ отношеніяхъ. Это тотъ самый Максимовъ, который въ отличіе отъ Максимова 1-го, 2-го, 3-го, 4-го и 5-го, служившихъ одновременно на Александринской сценѣ, назывался на афишахъ М. Максимовымъ.

Наша ссора въ Кишеневѣ произошла изъ-за пустяковъ. Въ водевилѣ «Купеческая дочка или чиновникъ 14-го класса», Максимовъ требовалъ сокращенія моей роли. Въ другое время, можетъ быть, я и согласился бы, но передъ открытіемъ занавѣса никакихъ куторъ дѣлать не позволилъ. Разговоръ у насъ завязался крупный и окончился довольно несдержанной перебранкой, которая достигла до слуха зрителей. Не понимая, въ чемъ дѣло, но тревожась закулиснымъ шумомъ, нѣкоторые изъ публики обратились за разъясненіемъ къ сторожу.

— Что это у васъ тамъ такое?

— Да чему тамъ быть? — отвѣтилъ сторожъ, любившій иногда пофилософствовать: — ужъ коли такой крикъ, такъ, стало быть, драка, а, можетъ быть, и пожаръ.

По обыкновенію, нечаянно пророненное слово пожаръ облетѣло съ быстротою молніи весь театръ, и поднялась суматоха. Всѣ бросились къ выходу, началась давка, въ воздухѣ повисъ крикъ, пискъ, слезы. И, не смотря на заявленіе со сцены, что все обстоитъ благополучно, публика поспѣшила оставить театръ, и на представленіе водевиля не осталось ни души...

На другой день рано утромъ пріѣхалъ въ театръ полицеймейстеръ Ѳедоровъ, собралъ всѣхъ насъ, нашелъ виновниковъ происшествія—меня и Максимова, и велѣлъ ѣхать извиняться во всѣ семейные дома, которые были наканунѣ въ театрѣ. Онъ вручилъ намъ списокъ адресовъ, и мы отправились на наемномъ извозчикѣ визитировать театраловъ. Будучи въ размолвкѣ, мы умѣстились на дрожкахъ такъ: Максимовъ отвернулся вправо, я—влѣво, и во все время нашихъ разъѣздовъ не проронили другъ съ другомъ ни слова. По этому поводу очень мѣтко сострилъ нашъ возница:

— Чего это вы такъ сидите,—словно орелъ на печати?

Это ловкое сопостановленіе сердитыхъ сѣдоковъ съ двуглавымъ орломъ такъ разсмѣшило насъ, что мы повернулись другъ къ другу и заключили миръ, продолжавшійся до самой смерти Михаила Андреевича.

Однако, принудительные визиты и извиненія меня обидѣли такъ, что я не хотѣлъ болѣе играть въ Кишеневѣ. Написалъ письмо въ Ставрополь къ Зелинскому, который черезъ проѣзжаго купца прислалъ мнѣ денегъ на дорогу, и я отправился къ нему.

При переѣздѣ изъ Керчи въ Екатеринодаръ, проѣзжая черезъ

Перекопскій перешеекъ, лежащій между Азовскимъ и Чернымъ морями, я со всѣмъ своимъ семействомъ чуть не погибъ. Вѣтеръ, вьюга невообразимые. Моя малютка, дочь Анна, перепуганная этимъ страшнымъ путешествіемъ, первая вспомнила о Всевышнемъ и перекрестилась... Когда добрались мы до берега, перевозчикъ отказался наотрѣзъ взять съ меня условленную сумму за перевозъ.

— Почему ты отказываешься отъ денегъ?—удивился я.

— Не возьму и не возьму,—заладилъ онъ одно слово.

— Съ какой же радости ты будешь всѣхъ перевозить даромъ?

— Не всѣхъ, а только васъ...

— Насъ? Почему?

— Потому что мы должны были бы погибнуть, ужъ никакъ бы намъ не спастись, да вотъ молитва вашего ребеночка намъ помогла. Кабы не она, не видать бы намъ свѣта Божьяго...

Вся остальная дорога была благополучна, и мы спокойно добрались до Ставрополя...

Кстати упомяну имена нѣсколькихъ антрепренеровъ того времени: по западному краю разъѣзжалъ Штейнъ, у котораго была большая, но не выдающаяся труппа; Ромны, Кременчугъ, Ставрополь, Кавказъ и нѣсколько ярмарокъ были въ рукахъ Зелинскаго; въ нѣсколькихъ центральныхъ губерніяхъ антрепренерствовалъ Азбукинъ; Нижній-Новгородъ и Макарьевская ярмарка принадлежали Смолькову, нажившему отъ театровъ очень приличное состояніе; Жураховскій былъ въ Севастополѣ; въ Одессѣ — Иванъ Лукичъ Мочаловъ, а вслѣдъ за нимъ князь Гагаринъ; на Волгѣ, въ Костромѣ и Твери—Н. И. Ивановъ; въ Ярославлѣ—Смирновъ. Всѣ эти антрепренеры были людьми денежными, жалованье актерамъ выплачивали честно и аккуратно. Гонораръ въ тѣ времена былъ не великъ, а въ сравненіи съ нынѣшнимъ такъ и просто мизерный, но актеры тогда такой вопіющей нужды даже не видали, какую испытываютъ теперь.

Для характеристики тогдашнихъ жалованій, разскажу эпизодъ изъ моей поѣздки на гастроли въ Рыбинскъ, уже съ вторичной службы на императорской сценѣ.

Пріѣхавъ въ Рыбинскъ за нѣсколько дней раньше перваго своего выхода, я попалъ на какой-то обыденный спектакль, въ концѣ котораго шелъ водевиль Куликова: «Средство выгонять волокитъ». Роль горничной Лизы очень мило играла какая-то юная актриса.

— Кто это играетъ Лизу? — спросилъ я рядомъ сидѣвшаго со мной антрепренера Смирнова.

— Стрепетова,—отвѣтилъ онъ.

— Съ воли?

— Нѣтъ, ея тетка и мать у меня актрисами служатъ...

— А вѣдь она очень недурно играетъ?

— Совсѣмъ хорошо.

— Какое же вы ей жалованье платите?

— У, батенька, лучше и не спрашивайте!—со вздохомъ произнесъ Смирновъ.—Всѣ-то нынче норовятъ денежки получать...

— Помилуйте, кто же станетъ даромъ работать.

— Работали-съ! Бывало, если родители служатъ, такъ дѣти-то всѣ безвозмездно чего хочешь тебѣ наизображаютъ...

— То—дѣти, а это настоящая актриса... Что же рублей пятьдесятъ ей даете?

— Экъ тоже хватили! Семь цѣлковыхъ...

Вотъ какое жалованье получала въ молодости наша талантливая актриса Полина Антипьевна Стрепетова.

Это служитъ достаточнымъ образцомъ размѣровъ вознагражденія за артистическій трудъ еще въ недалекое отъ насъ время. Нынѣшніе актеры, не имѣющіе ни школы, ни традиціи, засмѣяли бы такого антрепренера, который сталъ бы отсчитывать имъ жалованье десятками рублей,—они привыкли оцѣнивать свое непризнанное дарованіе прямо сотнями и чуть-чуть не тысячами. Вотъ въ этомъ-то и заключается паденіе театровъ въ провинціи, обмеленіе талантовъ и побѣги антрепренеровъ...

X.

Служба въ Ставрополѣ.—Харьковъ.—Д. Я. Петровскій.—Харьковская труппа.—Режиссеръ Милославскій. — Анекдоты про него. — Поѣздка въ Чугуевъ. — Гастроли Н. В. Самойловой. — Актеръ Кучеровъ. — Старый знакомый Прохоровъ. — Гастроли В. В. Самойлова, В. И. Живокини. — К. Т. Соленикъ, извѣстный провинціальный актеръ. — Анекдоты про него. — Пріѣздъ въ Харьковъ Борщова.— Вторичное поступленіе на Петербургскую императорскую сцену.

Въ первый разъ передъ ставропольской публикой выступилъ я въ роли Хлестакова. Публика приняла меня радушно, и за мной навсегда въ труппѣ Зелинскаго осталось амплуа jeune comique. Въ этотъ разъ я прослужилъ у Зелинскаго четыре года подрядъ, все время безъ перерыва получая жалованье и имѣя два бенефиса въ году, что въ общемъ составляло солидную сумму, такъ какъ бенефисы бывали всегда почти полны и, кромѣ того, отъ богатыхъ театраловъ перепадала премія[1]) и очень часто цѣнные подарки. Служить долгое время у одного антрепренера я предпочиталъ потому, что жизнь на одномъ мѣстѣ или въ одномъ раіонѣ (изъ Ставрополя мы иногда ѣздили на ярмарки и въ сосѣдніе города) напоминала осѣдлость, свой очагъ, родное гнѣздышко... Но, какъ ни было хорошо въ Ставрополѣ, а, всетаки, долго заживаться въ немъ не было никакого расчета. Публикѣ я приглядѣлся, даже, можетъ

---

[1]) Плата за билетъ больше его стоимости.

быть, наскучилъ (провинціалы-театралы любятъ разнообразіе), мнѣ публика тоже приглядѣлась, и я сталъ замѣтно портиться: появилась слишкомъ большая развязность, смѣлость, никакой робости не сталъ ощущать передъ ставропольцами, тогда же какъ передъ всякой другой новой публикой эта неувѣренность проявлялась бы и заставляла бы меня относиться къ себѣ строже, принудила бы работать и совершенствоваться...

На мое счастье подвернулся благопріятный случай уѣхать изъ Ставрополя и перекочевать въ любимый мною Харьковъ, гдѣ служба была тоже постоянная, слѣдовательно, и жизнь осѣдлая, со своимъ очагомъ. Я получилъ очень лестное приглашеніе отъ директора харьковскаго театра, Дмитрія Яковлевича Петровскаго, который звалъ меня на мѣсто умершаго бывшаго артиста императорскихъ театровъ, Дранше, приходившагося какимъ-то образомъ родственникомъ В. В. Самойлову. Сперва меня это мѣсто смутило, такъ какъ Дранше былъ чудеснѣйшимъ комикомъ и пользовался большимъ успѣхомъ, но, послѣ нѣкотораго раздумья, рѣшилъ ѣхать въ Харьковъ. Я задумалъ отвоевать себѣ въ Харьковѣ самостоятельность и стараться избѣгать тѣхъ пьесъ, въ которыхъ для публики было возможно сравненіе меня съ покойнымъ комикомъ.

Мой прощальный бенефисъ въ Ставрополѣ привлекъ много публики. Этотъ вечеръ никогда не изгладится изъ моей памяти. Испытывая неподдѣльную любовь публики, видя ея ко мнѣ расположеніе, мнѣ вдругъ и самому взгрустнулось и жаль стало покидать Ставрополь, въ которомъ я провелъ четыре года спокойно и хорошо. Что встрѣчу я тамъ? Найдутся ли симпатизирующіе люди? Буду ли имѣть успѣхъ или забьетъ меня равнодушіе харьковцевъ, которые, впрочемъ, когда-то относились ко мнѣ хорошо? Но вѣдь я уже ими, вѣроятно, забытъ; и до и послѣ меня перебывала тамъ масса актеровъ, упомнить которыхъ у кого же хватитъ возможности?... Во все время спектакля мучили меня эти убійственные вопросы, и я былъ готовъ отказаться отъ новой службы; слезы подступали къ горлу, и сердце тревожно билось. Это рѣдкія и дорогія минуты въ жизни актера. Юбилейныя чествованія и публичныя прощанія всегда вызываютъ эти мучительныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и безконечно сладостныя чувства... Во время самаго трогательнаго прощанія въ послѣднемъ антрактѣ, изъ литерной ложи кто-то бросилъ къ моимъ ногамъ кошелекъ съ деньгами. Я отступилъ отъ нихъ и смутился. Изъ публики послышался голосъ:

— На дорогу!

Я поднялъ кошелекъ и прослезился. Такихъ откровенныхъ подарковъ мнѣ получать еще не случалось. Въ сороковыхъ годахъ о бросаніи денегъ на сцену не было слышно; это напоминало первые годы русскаго драматическаго театра, относящіеся къ царствованію Екатерины Великой...

Первымъ моимъ дебютомъ въ Харьковѣ былъ «Стряпчій подъ столомъ». Публикою принятъ я былъ на столько хорошо, что передъ вторымъ выходомъ я уже не ощущалъ въ себѣ нисколько робости. Для дебютанта это имѣетъ громадное значеніе: иногда робость такъ забиваетъ новичка, что у него языкъ къ гортани прилипаетъ и каждое слово имъ выжимается изъ себя такъ, какъ будто бы онъ не знаетъ своей роли и, не уяснивъ характера изображаемаго лица, играетъ безъ всякой типичности, безъ всякаго смысла. Это первое впечатлѣніе обыкновенно долго не изглаживается изъ памяти публики, и такому актеру она всегда будетъ не довѣрять. Публика не чутка: явится передъ нею какая нибудь бездарность, не знающая мѣры своему нахальству, она сразу расположится къ ней и хотя потомъ убѣдится въ своей судейской близорукости, но первое время будетъ рукоплескать и провозглашать эту бездарность геніемъ. За кулисами такія недоразумѣнія случаются часто...

Тогдашній харьковскій генералъ-губернаторъ Кокошкинъ былъ страстный театралъ и покровитель искусствъ. Почти на каждомъ спектаклѣ онъ присутствовалъ и былъ строгимъ цѣнителемъ актеровъ, которые при немъ сдерживали себя и не позволяли излюбленныхъ «отсебятинъ» и шутовскихъ выходокъ. Всѣ прилаживались къ его вкусу и на перебой старались заслужить его лестную похвалу. Такимъ образомъ благотворное вліяніе Кокошкина на сцену было неизмѣримо: таланты находили поддержку и имѣли возможность развиваться, контингентъ исполнителей образовывался исключительно изъ людей способныхъ, а бездарности, какъ нибудь нечаянно попавшія на харьковскую сцену, быстро уясняли свою безполезность и незамѣченными испарялись въ другія, болѣе удобныя для нихъ провинціи. Во все время губернаторства Кокошкина харьковская труппа славилась ансамблемъ, считавшимся равнымъ казеннымъ театрамъ.

Въ мое время служили въ Харьковѣ: Елизавета Николаевна Ѳедорова, артистъ императорскихъ театровъ Кравченко, комическая старуха Ладина, Бобровъ, знаменитый въ провинціи Карпъ Трофимовичъ Соленикъ, Бабанинъ, Микульская, Гончарова, Пронскій (впослѣдствіи поступившій въ Александринскій театръ), Николай Карловичъ Милославскій и, наконецъ, мой старый и неугомонный сослуживецъ М. А. Максимовъ. Гастролировали: Павелъ Васильевичъ Васильевъ, В. В. Самойловъ, Н. В. Самойлова, Живокини.

Семья моя съ каждымъ годомъ увеличивалась; одного жалованья мнѣ стало недостаточно, пришлось «подкармливаться» приватными доходами. Я принялся за преподаваніе бальныхъ танцевъ въ семейныхъ домахъ, въ пансіонахъ и даже въ университетѣ. Это давало мнѣ отличный заработокъ, и я жилъ припѣваючи. Не безъ удовольствія вспоминаю то время: это лучшая пора моей жизни...

Режиссеромъ у насъ былъ Милославскій, извѣстный своими

продѣлками и находчивостью, часто дерзкою, но всегда остроумною. Въ памяти театраловъ и сослуживцевъ онъ оставилъ по себѣ не одну сотню анекдотовъ, правда, мало говорящихъ въ его пользу, но вѣрно его обрисовывающихъ. Для него не существовало затрудненій, онъ все легко преодолѣвалъ и постоянно выходилъ сухимъ изъ воды. Онъ не могъ бы похвастаться любовью товарищей, но имѣлъ бы право выставить на первый планъ то удивленіе его уму и изобрѣтательности, которое онъ непроизвольно внушалъ всѣмъ и каждому. Николай Карловичъ вообще былъ не изъ конфузливыхъ и никогда ни съ кѣмъ не стѣснялся; съ не-театральными людьми держался онъ бариномъ и такъ ловко обставлялся, что всѣ считали его богачемъ и не безъ удовольствія водили съ нимъ дружбу.

Какъ-то Петровскій рекомендуетъ ему юнаго дебютанта, мѣстнаго любителя драматическаго искусства изъ купеческихъ сынковъ.

— Хорошо! — отвѣтилъ Милославскій, смѣривъ взглядомъ робкаго молодаго человѣка такъ, что у того поджилки затряслись.— Подебютируйте!... А играли ли вы когда нибудь?

— Никогда, — сознался дебютантъ.

— Это бываетъ, — иронически замѣтилъ режиссеръ и освѣдомился: — а въ чемъ бы вы хотѣли выступить?

— Въ «Гамлетѣ»,—выпалилъ новичекъ и сконфузился.

— Въ хорошенькой ролькѣ!... Ну, хорошо, въ «Гамлетѣ» — такъ въ «Гамлетѣ»... Приходите завтра въ театръ и почитайте его монологи...

На другой день юноша торжественно явился въ театръ во время репетиціи.

— Ну, вотъ и отлично!—встрѣтилъ его Николай Карловичъ.— Пожалуйте на аванъ-сцену и декламируйте.

Милославскій поставилъ его на мѣсто и велѣлъ начать чтеніе. Не успѣлъ дебютантъ произнести пяти стиховъ, какъ вдругъ полъ подъ нимъ проваливается, и онъ оказывается подъ сценой. Николай Карловичъ раньше сговорился съ машинистомъ и поставилъ юношу на условное мѣсто съ умысломъ его провалить. Случилось это въ присутствіи почти всей труппы.

Оскорбленный и гнѣвный дебютантъ выбѣгаетъ изъ машинной и съ угрожающей жестикуляціей направляется къ Милославскому.

— Милостивый государь!—говоритъ на ходу запыхавшійся купеческій отпрыскъ. — За это вѣдь...

— Тише—люкъ!—останавливаетъ его Милославскій.

Тотъ, какъ змѣею ужаленный, отпрыгиваетъ въ сторону и опять начинаетъ прерванную фразу:

— Милостивый государь! За это...

— Люкъ!—снова перебиваетъ его Николай Карловичъ, указывая на то мѣсто, гдѣ стоитъ взволнованный дебютантъ.

— Ай!—и опять прыжокъ въ сторону.—Милостивый государь! Я вамъ достался не для...

— Люкъ! Люкъ! Осторожнѣе!...

— Ай!—снова прыжокъ въ сторону.

И такъ Милославскій довелъ этого горячаго поклонника искусства до самаго выхода, заставивъ его проскакать всю сцену при общемъ смѣхѣ актеровъ.

«Отсебятины» и шалости на сценѣ были страстью покойнаго Николая Карловича, не отдѣлявшаго, въ угоду невзыскательной «райской» публикѣ, классической трагедіи отъ вздорнаго водевиля. Это было ему непростительно, и тѣмъ болѣе, что пользовался онъ репутаціей талантливаго артиста.

Помнится мнѣ, какъ въ какой-то раздирательной драмѣ или трагедіи Милославскому надлежало умереть. Онъ и умеръ, грохнувшись на полъ, но такъ не расчитанно, что пришелся какъ разъ подъ декораціею, которою слѣдовало сдѣлать чистую перемѣну [1]).

— Николай Карловичъ, — шепнулъ ему изъ-за кулисъ его помощникъ, — занавѣсъ нужно спустить...

— Почему? — такъ же тихо, незамѣтно для публики, спросилъ Милославскій.

— Вы подъ чистой перемѣной лежите.

— Пустяки! —сказалъ онъ и, къ изумленію публики, воскресъ, всталъ, спокойно перешелъ на другое мѣсто и снова умеръ, крикнувъ за кулисы: «давай».

Николай Карловичъ былъ неуживчивъ, характеромъ обладалъ безпокойнымъ, такъ что имѣлъ много враговъ и окружалъ себя вѣчными непріятностями. Съ Петровскимъ у него бывали частыя недоразумѣнія, проходившія почти безслѣдно, но однажды вышла у нихъ такая жестокая ссора, что Петровскій наотрѣзъ отказался отъ дальнѣйшихъ услугъ Милославскаго. Не дослуживъ сезона, Николай Карловичъ отправился въ Москву. Его режиссерскія обязанности были временно поручены одному изъ актеровъ. На другой сезонъ Петровскій взялъ къ себѣ режиссеромъ актера Дмитріева, котораго и послалъ въ Москву пополнять труппу.

— Кого знаешь, бери, — вмѣсто напутственнаго слова сказалъ ему Петровскій,—но только съ Милославскимъ не свяжись. Даромъ служить пойдетъ—не бери...

Пріѣзжаетъ Дмитріевъ въ Москву, заключилъ нѣсколько контрактовъ съ актерами и передъ самымъ отъѣздомъ встрѣчается съ Николаемъ Карловичемъ.

— Что дѣлаешь въ Москвѣ?—спросилъ онъ Дмитріева.

— Для Харькова труппу набираю...

---

[1]) Чистая перемѣна—моментальная, безъ антракта и на глазахъ публики, перемѣна декораціи.

— А! Такъ это тебя прислалъ Петровскій.

— Меня.

— Ну, такъ ты-то мнѣ и нуженъ...

— Не въ Харьковъ ли хочешь? Тю-тю!.. Дмитрій Яковлевичъ не велѣлъ мнѣ ни подъ какимъ видомъ съ тобой возжаться...

— Дуракъ ты, какъ я погляжу! Какъ же не велѣлъ, если онъ мнѣ сегодня телеграмму прислалъ, чтобы я розыскалъ его повѣреннаго и покончилъ съ нимъ...

— Врешь!

— Поѣдемъ ко мнѣ, и я тебѣ покажу ее...

— Сейчасъ не могу, а къ вечеру буду. Ожидай!

— Хорошо! Кстати и контрактъ съ собой прихвати.

Милославскій вручилъ ему свой адресъ, а самъ отправился домой и написалъ на старой телеграфной бланкѣ себѣ приглашеніе отъ имени Петровскаго. Когда вечеромъ явился къ нему Дмитріевъ, Милославскій вручилъ ему депешу; тотъ наивно повѣрилъ ей, вынулъ изъ кармана контрактъ и подписалъ его.

— Удивительно!—сказалъ Дмитріевъ, заключивъ съ Николаемъ Карловичемъ условіе. — Передъ отъѣздомъ ужъ какъ мнѣ строго наказывалъ директоръ, чтобы я тебя остерегался, а теперь вдругъ самъ съ тобой въ переписку вступилъ.

— Есть много, другъ Горацiо, на свѣтѣ необъяснимаго,—отвѣтилъ Милославскій словами Гамлета.

Черезъ нѣсколько дней двинулись изъ Москвы въ Харьковъ новые актеры во главѣ съ Дмитріевымъ и Милославскимъ.

Петровскій, встрѣчая въ Харьковѣ, у городской заставы, труппу, натыкается на перваго Милославскаго. Съ нимъ дѣлается чуть не ударъ.

— Вотъ и я!—весело заявилъ ему Николай Карловичъ.—Хоть вы и не велѣли меня брать, но я, всетаки, изъ состраданія къ вамъ пріѣхалъ, потому что харьковскій театръ безъ Милославскаго существовать не можетъ...

Нечего было дѣлать, помирились враги, и остался Николай Карловичъ служить у Петровскаго.

Въ 1854 году, въ городѣ Чугуевѣ (уѣздномъ, Харьковской губерніи) былъ назначенъ сборъ войска. Дмитрій Яковлевичъ воспользовался этимъ и выхлопоталъ себѣ манежъ, въ которомъ устроилъ сцену и очень вмѣстительный партеръ. На это время мы покинули Харьковъ и поселились въ Чугуевѣ. Спектакли были часты и удостоивали ихъ своимъ посѣщеніемъ великіе князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ.

Въ Чугуевъ приглашена была Петровскимъ на гастроли Надежда Васильевна Самойлова, сдѣлавшаяся въ самое короткое время такою любимицею публики, что на спектакли съ ея участіемъ не хватало билетовъ.

Послѣ представленія водевиля «Бѣдовая дѣвушка», въ которомъ я игралъ вмѣстѣ съ Самойловой, ихъ высочества очень лестно отозвались обо мнѣ, а на другой день прислали въ театръ два цѣнныхъ подарка: Надеждѣ Васильевнѣ—бриллiантовыя серьги, а мнѣ—бриллiантовый перстень. Кромѣ этого, приказали спросить меня, не желаю ли я поступить на сцену Александринскаго театра. Я, разумѣется, съ необъяснимою радостью отвѣтилъ утвердительно...

Войска разошлись. Мы перебрались въ Харьковъ, вмѣстѣ съ нами и Самойлова для продолженія гастролей. Въ Харьковѣ ея успѣхъ былъ тоже огромный...

Изъ пребыванія Надежды Васильевны въ Харьковѣ помнится мнѣ одинъ анекдотъ. Шла «Дочь Втораго Полка», ансамбль былъ изумительный, роли распредѣлены были превосходно, словомъ, прошла пьеса, какъ говорится, «на ура!». Губернаторъ велѣлъ Петровскому изъявить благодарность всѣмъ участвовавшимъ, что исполнить тотъ и не замедлилъ по отношенію къ солистамъ. Небольшой актеръ Кучеровъ, принимавшій участіе въ хорѣ, подходитъ къ директору и обиженнымъ голосомъ говоритъ:

— Дмитрій Яковлевичъ, а намъ-то что же вы ничего не скажете? Вѣдь мы тоже пахали...

— Нѣтъ, вы орали,—соткровенничалъ Петровскій при дружномъ хохотѣ окружающихъ.

Въ это же время прибылъ въ Харьковъ мой старый сослуживецъ по Александринскому театру, Прохоровъ, спившійся, оборвавшійся, совершенно опустившійся. Общими усиліями стали помогать ему опериться, но, увы! съ нимъ ничего нельзя было подѣлать. Петровскій принялъ его къ себѣ въ труппу, но онъ недолго продержался въ ней, благодаря своей пагубной страсти, доводившей его до безпамятства. Любимымъ его занятіемъ въ пьяномъ видѣ сдѣлалось кормленіе уличныхъ собакъ. Накупитъ хлѣба и раздаетъ его частями собакамъ, которыя постоянно окружали его стаями, стоило только показаться ему на улицѣ. Долго ли онъ послѣ этого жилъ и гдѣ умеръ, я не знаю, да и врядъ ли кто другой знаетъ. Такъ безслѣдно и погибъ этотъ способный актеръ...

Послѣ Надежды Васильевны въ Харьковъ пріѣхалъ ея знаменитый братъ Василій Васильевичъ Самойловъ. Его успѣхъ сравнительно былъ слабѣе, но за то разовая плата превышала гонораръ сестры: онъ получалъ сто рублей за каждый спектакль. Послѣ Самойлова, державшагося большимъ бариномъ, пріѣхалъ не менѣе его знаменитый Василій Игнатьевичъ Живокини, полнѣйшій контрастъ Василія Васильевича. Простой, невзыскательный, обходительный, любезный...

Я только одинъ разъ видѣлъ Живокини разсерженнымъ, но и то такъ, что онъ не позволилъ себѣ ничего оскорбительнаго по

адресу его разсердившаго, а ограничился однимъ тихимъ замѣчаніемъ. Другой бы гастролеръ, будучи на его мѣстѣ, такую бы бурю поднялъ, что всѣмъ бы не поздоровилось, всѣмъ бы наговорилъ массу непріятныхъ истинъ и вообще каждому бы далъ почувствовать, что̀ онъ за персона. «Геркулесъ, а вы пигмеи; столичная знаменитость, а вы бродячіе комедіанты». Манера извѣстная...

Вотъ единственное столкновеніе Живокини съ актеромъ на сценѣ. Карпъ Трофимовичъ Соленикъ, о которомъ я упоминалъ выше въ перечнѣ харьковской труппы, обладая крупнымъ дарованіемъ и достойно считаясь провинціальною извѣстностью, имѣлъ отвратительную привычку—не учить ролей. Бывало, прочтетъ онъ свою роль разъ-другой и идетъ смѣло играть: онъ передавалъ ее своими словами, но такъ, что незнающій хорошо пьесы и недогадается объ его импровизаціи, всегда вѣрной типу, намѣченному авторомъ. Разумѣется, этому значительно способствовало его солидное образованіе и богатыя умственныя способности. Его находчивость и остроуміе на сценѣ заслуживали вниманія и выдѣляли его изъ толпы актеровъ-зубрилъ. Не терпя паузъ во время хода пьесы, Соленикъ въ состояніи былъ говорить хоть часъ подрядъ, однако, не удаляясь отъ сути дѣла, пока его не перебьетъ дѣйствующее лице. Съ одной стороны это не дурно, безостановочные разговоры придаютъ живость дѣйствію, но съ другой — очень скверно, мѣшаетъ другимъ, лишая ихъ возможности рельефнѣе оттѣнить свою роль, а въ особенности тѣмъ, кто знаетъ свои слова по пьесѣ наизусть, тѣхъ онъ просто сбивалъ.

На репетиціи водевиля «Въ тихомъ омутѣ черти водятся», въ которомъ Живокини игралъ полковника Незацѣпина, а Соленикъ—Весельева, послѣдній, по своему обыкновенію, такъ разговорился, что Василій Игнатьевичъ замолчалъ совсѣмъ и съ удивительнымъ хладнокровіемъ сталъ наблюдать за увлекшимся актеромъ. Живокини прекомично сложилъ на груди руки крестомъ и долго смотрѣлъ въ упоръ Соленику.

Наконецъ Карпъ Трофимовичъ опомнился, перебилъ самъ себя и спросилъ терпѣливаго гастролера:

— Что же вы не говорите, Василій Игнатьевичъ?

— Ожидаю, когда вы замолчите!

— Такъ нельзя-съ!—сердито замѣтилъ Соленикъ.

— Чего это нельзя?

— Да заставлять меня одного все время разговаривать, глотка сохнетъ.

— Скажите, пожалуйста, откуда всѣ эти разсужденія вы берете? Я много разъ игралъ этотъ водевиль со Щепкинымъ и тотъ никогда ничего подобнаго не говорилъ, чего наговорили вы.

— Значитъ, онъ съ пропусками игралъ,—не задумываясь, отвѣтилъ Соленикъ,—а я по пьесѣ валяю.

— Помилуйте-съ, въ пьесѣ этого нѣтъ: я пьесу наизусть знаю...

— Нѣтъ, есть...

— А я вамъ говорю, нѣтъ!... Вотъ что: если вамъ угодно играть со мной, то потрудитесь роль выучить, въ противномъ же случаѣ передайте ее другому.

Присутствовавшій тутъ же Петровскій пріостановилъ репетицію, отобралъ отъ Соленика роль и передалъ ее Боброву.

— Ну, и слава Богу!—сказалъ Карпъ Трофимовичъ, ни чуть не обидѣвшись этимъ обстоятельствомъ. — А то бы на спектаклѣ Живокини замучилъ бы меня своимъ упорнымъ молчаніемъ...

А вотъ еще образчикъ импровизаторской способности Соленика.

Шелъ водевиль «Зятюшка», въ которомъ онъ игралъ заглавную роль. Есть сцена, когда онъ выходитъ усмирять разсвирѣпѣвшаго извозчика, на которомъ пріѣхала къ нему теща. Возвращаясь обратно послѣ объясненія, зятюшка появляется въ помятомъ цилиндрѣ.

— Что съ вами, зятюшка? — спрашиваетъ его по ходу пьесы теща, которую изображала комическая старуха Ладина.

— Маменька, — отвѣчаетъ онъ ей, — не связывайтесь въ другой разъ съ извозчикомъ: посмотрите, что онъ сдѣлалъ съ моей шляпой.

— Утѣшьтесь, зятюшка, я вамъ куплю новую шляпу, поярковую,—слѣдовало сказать Ладиной, а она переврала послѣднее слово и сказала «фаянсовую».

Публика разразилась страшнымъ хохотомъ, бывшіе на сценѣ— тоже, кромѣ Соленика, который какъ ни въ чемъ не бывало, точно по пьесѣ, вышелъ на аванъ-сцену и прочелъ цѣлый монологъ на тэму о «фаянсовой шляпѣ».

— А вѣдь маменька права, — сказалъ онъ, — что фаянсовая шляпа съ успѣхомъ замѣнитъ цилиндръ. Фаянсовая шляпа имѣетъ массу преимуществъ, и отчего на самомъ дѣлѣ не изобрѣтутъ таковой! Во-первыхъ, она не боялась бы дождя, во-вторыхъ, не требовала бы ремонту, въ-третьихъ, всегда бы была чиста. Положимъ, ея хрупкость требовала бы большой осторожности, но это отлично, мы стали бы ее класть на безопасныя мѣста, и ея долговѣчность такимъ образомъ была бы гарантирована. Мы бы не ставили ея на стулья, какъ дѣлаемъ съ этими шляпами, на которыя садятся и мнутъ, да и извозчики обходились бы съ нами деликатнѣе: разбей-ка онъ на мнѣ фаянсовую шляпу, я его, каналью, въ кварталъ съ поличнымъ, ну, а съ смятымъ цилиндромъ какъ его притянуть? Скажетъ: «таковъ и былъ». Чѣмъ я докажу его свѣжесть?... Итакъ, маменька, закажите-ка на заводѣ мнѣ фаянсовую шляпу, — я быстро введу ее во всеобщее употребленіе, и ваше имя мудрымъ изобрѣтеніемъ будетъ прославлено; благодарные потомки воздвигнутъ вамъ памятники и монументы.

Въ это время всѣ, что называется, «отхохотались», и водевиль пошелъ своимъ чередомъ.

Теперь о переходѣ моемъ на казенную сцену.

Прихожу обѣдать къ Петровскому, у котораго я бывалъ часто для «преферанса» (я былъ его любимымъ партнеромъ), и застаю нѣкоторыхъ изъ нашихъ театральныхъ. Дмитрій Яковлевичъ увелъ меня въ свой кабинетъ и таинственно сказалъ:

— Къ сегодняшнему спектаклю ты хорошенько приготовься.

— Что такъ?

— Тебя будетъ смотрѣть петербургское театральное начальство...

— Кто?

— Управляющій конторой императорскихъ театровъ Павелъ Михайловичъ Борщовъ... Мнѣ бы, разумѣется, не слѣдовало тебѣ говорить объ этомъ, ну, да Богъ съ тобой: я желаю тебѣ добра!

Тутъ ужъ было не до обѣда. Поспѣшно отправился я домой и старательно подготовился къ вечеру. Однако, при мысли, что меня будетъ смотрѣть такая важная особа, какъ Борщовъ, пользовавшійся расположеніемъ министра двора графа Адлерберга и поэтому имѣвшій большую силу въ театральномъ мірѣ, меня одолѣвала робость. Весь небольшой промежутокъ отъ обѣда до спектакля мнѣ казался вѣчностью, и я съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать конца моимъ душевнымъ терзаніямъ... Наконецъ, наступило время моего выхода въ водевилѣ «Утка и стаканъ воды». Я почувствовалъ такой страхъ, о которомъ ранѣе и понятія не имѣлъ. Помню, какъ передъ выходомъ на сцену перекрестился, какъ вышелъ, но какъ игралъ, не помню, я даже публики передъ собой не видѣлъ, ощущая не вдалекѣ отъ себя грознаго судью и рѣшителя.

По окончаніи входитъ ко мнѣ въ уборную Петровскій.

— Ступай,—говоритъ,—на сцену: его превосходительство тебя зоветъ.

Я вышелъ.

— Хочешь служить въ императорскомъ театрѣ?—спросилъ меня Борщовъ, принимая важный и покровительственный тонъ и говоря прямо на «ты».

— Сочту за честь...

— Ну, еще бы!... Приходи завтра ко мнѣ часовъ въ двѣнадцать. Я остановился въ Петербургской гостиницѣ.

На другой день онъ выдалъ мнѣ 300 рублей подъемныхъ и велѣлъ выѣзжать въ столицу.

Распродалъ я лишнее свое имущество, сыгралъ прощальный бенефисъ, нанялъ почтовый дилижансъ и отправился по направленію къ Петербургу.

XI.

Москва. — Бенефисъ Садовскаго. — Первый дебютъ И. Ф. Горбунова. — Петербургъ.—Первый выходъ.—Служба.—Поѣздки на гастроли.—Трагикъ Ольриджъ.—Его участіе въ моемъ бенефисѣ и русская пѣсня, имъ исполненная. — Анекдотъ про Садовскаго. — Поѣздка въ Рыбинскъ. — Вехтерштейнъ. — Рыбинскій антрепренеръ Смирновъ.

Въ Москвѣ я сдѣлалъ себѣ трехъ-дневный отдыхъ. Всѣ три вечера провелъ въ драматическомъ театрѣ. Подивился необычайно-стройному ансамблю и сборищу талантовъ. Дѣйствительно было что посмотрѣть и было у кого поучиться. Хотя въ тѣ поры и Александринскій театръ могъ щегольнуть кое-чѣмъ, но, всетаки, далеко ему было до Москвы.

Былъ на бенефисѣ П. М. Садовскаго и умилялся пріему публики, радушно чествовавшей своего любимца. Шла пьеса Владыкина «Образованность». Этотъ бенефисный спектакль [1]) мнѣ памятенъ особенно тѣмъ, что въ «Образованности» выступалъ первый разъ въ жизни И. Ф. Горбуновъ, въ томъ же году поступившій на петербургскую сцену и занявшій тамъ одно изъ видныхъ мѣстъ. Въ Александринскомъ театрѣ онъ дебютировалъ въ «Ночномъ» (роль Вани) и въ «Охотникѣ въ рекруты» (роль Емельяна)—обѣ роли ему удались какъ нельзя лучше, но имя себѣ онъ сдѣлалъ своими знаменитыми народными разсказами, оставшимися безъ подражанія.

Въ уборной Прова Михайловича я познакомился съ дебютантомъ.

— Теперь вы куда?—спросилъ меня, между прочимъ, Садовскій.

— Въ Петербургъ.

— А вотъ вамъ и попутчикъ,—указалъ онъ на Горбунова.—Онъ тоже въ Петербургъ ѣдетъ. Дебютировать тамъ будетъ и, вѣроятно, останется служить. Малый-то съ огонькомъ...

На другой день я смотрѣлъ «Ворону въ павлиньихъ перьяхъ». Въ театръ шелъ я съ предубѣжденіемъ. Въ роли маркера Антона Шарова я помнилъ Мартынова и не ожидалъ въ лицѣ Сергѣя Васильевича Васильева встрѣтить опаснаго конкурента моему любимцу, геніальному комику, но съ перваго же акта я сталъ втупикъ, не зная, кому отдать предпочтеніе: Мартынову или Васильеву. Оба играли посвоему, но такъ, что до сихъ поръ я помню малѣйшія детали и того и другаго въ этой водевильной роли. Это были маркеры, схваченные прямо изъ билліардной скверненькаго трактира...

Пріѣзжаю въ Петербургъ.

Справляюсь, пріѣхалъ ли Борщовъ. Пріѣхалъ, говорятъ. Отправляюсь къ нему.

---

[1]) 16-го ноября 1856 г.

— А! Прикатилъ? Отлично! — встрѣтилъ онъ меня. (Такая встрѣча съ его стороны считалась очень любезной и радушной).— Ну, присядь, пожалуй! я сейчасъ дамъ тебѣ писулю къ Павлу Степановичу Өедорову. Онъ у насъ начальникъ репертуара и въ его вѣдѣніи дать тебѣ дебютъ.

Прихожу къ Өедорову.

— Вѣдь вы нашъ старый?—спросилъ онъ меня.

— Да, служилъ съ 1839 по 1843 годъ.

— И опять къ намъ вознамѣрились?

— Да, по приглашенію Павла Михайловича Борщова.

— А не по собственному разочарованію провинціальными подмостками?

— Нѣтъ!

— Такъ отчего-жъ бы вамъ и не остаться тамъ?... Впрочемъ, я напишу записку къ режиссеру. Отправьтесь къ нему, онъ назначитъ вамъ дебютъ. Это въ его распоряженіи.

Отправляюсь къ режиссеру, моему школьному товарищу Александру Александровичу Яблочкину, который и завершилъ своей резолюціей мои мытарства по начальству. Черезъ нѣсколько дней назначенъ былъ для моего дебюта «Стряпчій подъ столомъ».

Чѣмъ больше я служилъ на сценѣ, тѣмъ большую ощущалъ къ себѣ недовѣрчивость. Проявленіе трусости стало обычнымъ явленіемъ, на этотъ разъ превзошедшимъ всѣ мои ожиданія. Помѣстившись въ отведенной мнѣ уборной, я испытывалъ такое томленіе, что готовъ былъ отказаться отъ дебюта, отъ казенной службы и снова возвратиться въ нѣдра провинціи. Но незабвенный Мартыновъ явилъ мнѣ свою товарищескую помощь. Онъ позвалъ меня къ себѣ въ уборную и дружески сказалъ:

— Прикажи-ка перенести твой атрибутъ сюда—вдвоемъ-то, пожалуй, веселѣй будетъ... Да ты, другъ, чего такой пасмурный?

— Страхъ одолѣваетъ.

— Это хорошо, когда трусишь не на сценѣ, а за сценой...

— Вотъ тутъ-то и штука, что я не могу поручиться за свою храбрость передъ публикой...

— Вздоръ! Страхъ передъ выходомъ—это гарантія смѣлости на сценѣ... Вся прелесть актерства для меня и заключается именно въ этомъ страхѣ: если бы не онъ, такъ бы и зажирѣлъ, какъ свинья на помояхъ; страхъ-то энергію и дѣятельность возбуждаетъ, при немъ чувствуешь по крайней мѣрѣ, что живешь... Ты вотъ у насъ почти новичекъ, твой страхъ объяснимъ, а обрати-ка вниманіе на меня—чуть не родился въ Александринкѣ, а вѣдь передъ каждымъ выходомъ такая лихорадка трясетъ, что, кажется, такъ бы и убѣжалъ изъ театра...

— Я никогда такъ не робѣлъ, какъ нынче...

— Очень понятно! Ты дорожишь успѣхомъ, который долженъ

обезпечить тебя и семью твою, а вѣдь наши кулисы хоть и поганыя, но, всетаки, казенныя... Впрочемъ, тебѣ безпокоиться объ успѣхѣ очень-то не нужно: ты съ протекціей и уже, я такъ слышалъ, принятъ, а этотъ дебютъ больше для проформы назначенъ...

Я расположился въ уборной Александра Евстафьевича. Онъ все время смотрѣлъ за моими приготовленіями и, наконецъ, самъ вызвался меня загримировать.

— Ты, поди, наше освѣщеніе-то забылъ,—сказалъ Мартыновъ,—я тебя самъ загримирую.

Потомъ перекрестилъ меня, поцѣловалъ и выпустилъ изъ уборной.

Передъ самымъ выходомъ, когда сценаріусъ приказалъ мнѣ готовиться, я оробѣлъ неимовѣрно и не шутя сказалъ помощнику режиссера П. П. Натарову:

— Я уйду! Я не могу! Боюсь!

— Что вы! Что вы!—замѣтилъ онъ мнѣ съ укоризной.

«Вашъ выходъ!»—крикнулъ сценаріусъ. Я было попятился назадъ, Натаровъ схватилъ меня за руки и вытолкнулъ на сцену. Оркестръ далъ аккордъ и я запѣлъ свой входный номеръ. Публика заставила повторить, я окончательно вошелъ въ роль и провелъ ее, какъ говорили, даже съ воодушевленіемъ.

Для проформы я еще сыгралъ два спектакля. Послѣ третьяго пришелъ ко мнѣ въ уборную П. С. Өедоровъ.

— Завтра въ 10 часовъ утра,—сказалъ онъ,—васъ ожидаетъ къ себѣ Борщовъ.

Въ назначенный срокъ я былъ у Павла Михайловича, встрѣтившаго меня словами:

— Ты принятъ... Съ сегодняшняго дня начинается твоя служба...

Я счелъ долгомъ его поблагодарить.

— Погоди благодарить-то,—перебилъ онъ меня,—можетъ быть, въ душѣ-то тебѣ выругаться надо. Жалованье малое назначаемъ: шестьсотъ рублей въ годъ и три цѣлковыхъ поспектакльно, да еще полъ-бенефиса. Согласенъ ли?

— Безусловно.

— Ишь вы къ намъ какъ охотно идете, — казенный хлѣбъ вкуснѣе что ли?

— Сытѣе, ваше превосходительство.

— Да вѣдь въ провинціи-то жалованья больше даютъ...

— За то какая перспектива старости? Здѣсь какъ бы то ни было—это все равно, я обезпеченъ буду пенсіей, а тамъ безпріютность, голодъ и холодъ...

— Вотъ то-то и оно!—глубокомысленно замѣтилъ Борщовъ и безцеремонно сказалъ:—прощай!

Съ этого времени началась моя служба, окончившаяся въ 1882 году. О событіяхъ этого времени буду говорить въ слѣдующихъ

главахъ, а теперь въ послѣдній разъ упомяну о провинціяхъ, по которымъ я продолжалъ разъѣзды уже съ казенной службы.

Послѣ двухъ-лѣтняго безпрерывнаго пребыванія моего въ столицѣ, я получилъ приглашеніе гастролировать къ Харьковѣ. Отпускъ доставать въ то время можно было легко, и я отправился въ вояжъ. Харьковскіе гастроли прошли очень благополучно, и я привезъ домой хорошій заработокъ, соблазнившій меня и на послѣдующее время совершать артистическія экскурсіи, соединявшія пріятное съ полезнымъ.

На слѣдующій годъ я совершилъ прогулку въ Кіевъ, тоже по приглашенію, но встрѣтилъ тамъ для своихъ гастролей очень неблагопріятное обстоятельство. Послѣ втораго моего спектакля пріѣзжаетъ въ Кіевъ знаменитый трагикъ Ольриджъ, родомъ негръ, совершавшій въ то время въ компаніи съ какимъ-то предпріимчивымъ импрессаріо разъѣзды по русской провинціи и пожинавшій въ большомъ избыткѣ лавры и деньги.

Мы съ нимъ играли черезъ спектакль, по очереди, и очень понятно, что его участіе дѣлало громадные сборы, а мое—привлекало очень небольшое количество публики.

Сознавая свою безполезность для антрепренера, я вскорѣ отказался отъ дальнѣйшихъ гастролей, но съ условіемъ, чтобы въ возмѣщеніе моихъ расходовъ данъ былъ мнѣ бенефисъ. Впрочемъ онъ и такъ приходился на мою долю, но по окончаніи извѣстнаго числа сыгранныхъ мною спектаклей, а такъ какъ онъ являлся преждевременнымъ, то и приходилось измѣнять условіе. Антрепренеръ согласился и разрѣшилъ поставить, что мнѣ угодно и съ кѣмъ мнѣ угодно. Согласно такому разрѣшенію, я, разумѣется, обратился къ Ольриджу съ просьбою принять участіе въ моемъ бенефисѣ.

— Хорошо,—отвѣтилъ онъ мнѣ черезъ переводчика,—я сыграю и даже спою. У васъ, русскихъ, есть какой-то переводный водевиль, въ которомъ имѣется роль негра,—онъ, кажется, выведенъ лакеемъ.

— Да, есть,—отвѣтилъ я радостно.

— Такъ вотъ я и сыграю этого негра.

— А что пѣть будете?

— Я вставлю русскую пѣсню, которую ужъ давно выучилъ «во пиру была, во бесѣдушкѣ».

Участіе Ольриджа въ водевилѣ да еще исполненіе имъ русской пѣсни собрало на мой бенефисъ столько народу, что буквально не было мѣста, куда бы могло упасть яблоко. Русскую пѣсню Ольриджъ исполнялъ потѣшно, характерныя ея особенности, которыя очевидно онъ изучалъ, передавалъ уморительно. Публика бисировала безъ конца, онъ повторилъ пѣсню болѣе десяти разъ.

Говоря объ Ольриджѣ, я кстати разскажу объ анекдотическомъ

знакомствѣ его съ Провомъ Михайловичемъ Садовскимъ въ Москвѣ. Ольриджъ бывалъ въ русскомъ театрѣ и восторгался художественною игрою Садовскаго. Въ свою очередь и Провъ Михайловичъ смотрѣлъ на англійскаго трагика съ благоговѣніемъ.

Въ «Артистическомъ кружкѣ» ихъ познакомили. Садовскій пригласилъ подать вина. Къ нимъ было подсѣлъ и переводчикъ, но Провъ Михайловичъ его прогналъ.

— Ты, нѣмецъ, проваливай,—сказалъ онъ ему:—мы и безъ тебя въ лучшемъ видѣ другъ друга поймемъ.

И поняли!

Садовскій ни слова не зналъ поанглійски, Ольриджъ столько же порусски. Однако, они просидѣли вмѣстѣ часа три и остались другъ другомъ очень довольны, хотя впродолженіе всего этого времени не проронили ни одного звука.

Они пристально уставились другъ на друга. Садовскій глубоко вздохнетъ и качнетъ головой, какъ бы умиляясь своимъ талантливымъ собутыльникомъ,—то же продѣлаетъ и Ольриджъ. Потомъ Ольриджъ возьметъ руку Садовскаго и крѣпко пожметъ ее,—Садовскій тотчасъ же отплачиваетъ тѣмъ же. Улыбнется одинъ— улыбается и другой. И опять глубокій вздохъ, рукопожатіе и улыбки. Такъ все время и прошло въ этихъ наружныхъ знакахъ благоволенія и уваженія другъ къ другу.

Требованіе вина, для поддержки этой краснорѣчивой бесѣды совершалось ими поочередно и тоже мимикой. Указывая лакею на опорожненную бутылку, Садовскій или Ольриджъ какъ-то особенно многозначительно подмигнетъ, и на ея мѣстѣ появляется другая.

Наконецъ, созерцательное ихъ положеніе кончилось, они встали, троекратно облобызались и разошлись.

Кто-то изъ знакомыхъ останавливаетъ Прова Михайловича у выхода и спрашиваетъ:

— Ну, какъ вамъ нравится Ольриджъ? О чемъ вы долго такъ говорили съ нимъ?

— Человѣкъ онъ хорошій, доброй души, но многословія не любитъ... Это мнѣ нравится!

Эта сцена какъ нельзя лучше характеризуетъ артистовъ, артистовъ не по званію, а по призванію.

Послѣ Кіева я гастролировалъ въ Рыбинскѣ. Сперва одинъ, потомъ вмѣстѣ съ покойнымъ Степановымъ и здравствующимъ Стрѣкаловымъ. Первая поѣздка, примѣчательная встрѣчей съ начинавшей тогда свою артистическую карьеру П. А. Стрепетовой, упомянута въ IX главѣ, а о второй поѣздкѣ, тоже памятной по одному обстоятельству, разскажу сейчасъ.

Тогда еще не было Рыбинско-Бологовской желѣзной дороги, а существовало отъ Твери до Рыбинска пароходное сообщеніе пс

Волгѣ. Время было жаркое, взобрались мы на палубу парохода и благодушествовали. Къ намъ подсѣлъ какой-то молодой человѣкъ, одѣтый очень неизысканно, и сталъ пытливо наблюдать за нами. Въ свою очередь и мы, смущенные его пристальнымъ взглядомъ, стали за нимъ присматривать. Онъ нѣсколько разъ порывался вступить съ нами въ разговоръ и, наконецъ, робко спросилъ:

— Не въ Рыбинскъ ли на гастроли ѣдете?

— Да, въ Рыбинскъ и на гастроли.

— Вы петербургскіе, императорскіе артисты?

— Да,—отвѣтилъ я и удивленно спросилъ совершенно неизвѣстнаго намъ собесѣдника:—а вы какимъ образомъ это знаете?

— Я не знаю, а догадываюсь... Отчасти по внѣшнему виду, отчасти по разговору вашему, можно предполагать въ васъ дѣятелей сцены.

— А вы кто?—спросилъ Степановъ.

— Пока никто, но до этого былъ аптекарь, а теперь хочется быть актеромъ.

— Куда же вы ѣдете?

— Въ Рыбинскъ же... дебютировать... Я списался съ Смирновымъ, онъ велѣлъ мнѣ пріѣхать для дебюта, я бросилъ службу въ аптекѣ и ѣду пробовать свои силы.

— А вы раньше не играли?

— Немного и неудачно,—откровенно признался онъ,—но сцену люблю больше всего на свѣтѣ... Я съ вами заговорилъ нарочно, чтобы попросить при случаѣ содѣйствія и заступничества. Ахъ, какъ хорошо, что я встрѣтился съ вами: мнѣ о васъ писалъ Смирновъ, упоминалъ, что ожидаетъ къ себѣ петербургскихъ гастролеровъ...

Мы обѣщали принять въ немъ участіе и по пріѣздѣ въ Рыбинскъ сдержали свое слово. На первомъ своемъ дебютѣ онъ провалился такъ, что антрепренеръ не хотѣлъ ни подъ какимъ видомъ допускать его до втораго, но мы общими усиліями упросили Смирнова смиловаться и выпустить еще разъ, мотивируя неудачный первый выходъ его робостью, присущей всякому начинающему актеру. Смирновъ согласился, и мы сообща позанялись съ юнымъ дебютантомъ, прошли съ нимъ вторую дебютную роль и приготовили его на столько старательно, что онъ оказался довольно сноснымъ исполнителемъ, послѣ чего Смирновъ переложилъ гнѣвъ на милость и принялъ его въ свою труппу на маленькое жалованье.

Впослѣдствіи этотъ нашъ случайный protégé оказался талантливымъ актеромъ и сталъ извѣстнымъ въ провинціи подъ именемъ Вехтера (его настоящая фамилія Вехтерштейнъ). Теперь онъ и самъ благополучно антрепренерствуетъ и нѣсколько лѣтъ тому назадъ справлялъ въ Пензѣ двадцатипятилѣтній юбилей своей провинціально-артистической дѣятельности, на которомъ, по его пригла-

шенію, участвовалъ и я. На этотъ торжественный спектакль я пріѣзжалъ нарочно изъ Москвы и не забуду никогда того пріема и публики, и самого юбиляра, которымъ былъ встрѣченъ я, его мимолетный учитель...

Въ Рыбинскъ къ Смирнову я пріѣзжалъ еще нѣсколько разъ гастролировать и хорошо изучилъ этого типичнаго антрепренера, почему и не могу удержаться, чтобы хотя коротко его не охарактеризовать.

При своей потѣшной наружности, онъ обладалъ забавнымъ косноязычіемъ, выражавшимся въ безпрестанномъ повтореніи одной и той же фразы: «да, потому-что, да», что въ общемъ дѣлало его такимъ чудакомъ, на котораго всѣ невольно обращали вниманіе. У него была привычка каждую минуту подбѣгать къ кассѣ и освѣдомляться о сборѣ, что ужасно надоѣдало кассиру, говорившему обыкновенно цифры наобумъ.

— Да, потому что, да... ну, что... да, потому что, да... какъ идетъ торговля?

— Одиннадцать рублей и тридцать копѣекъ!

— Ай-ай-ай! Съ голоду... да, потому что, да... съ голоду умрешь... да, потому-что, да... продавай лучше...

Черезъ пять минутъ опять подбѣгаетъ къ кассиру.

— Да, потому-что, да... ну, что?

— Одиннадцать рублей и сорокъ копѣекъ!—отчеканиваетъ тотъ, хотя въ этотъ промежутокъ времени рублей на пять билетовъ взяли.

— Ай-ай-ай! — ужасается Смирновъ. — Да, потому-что, да... я тебя другимъ кассиромъ замѣню... да, потому что, да... вѣрно, съ публикой ладить не умѣешь...

И опять скроется на пять минутъ.

— Ну, что?

— Одиннадцать рублей и пятьдесятъ копѣекъ!

— Ай!—взвизгиваетъ антрепренеръ.—Гастролеръ сегодня... да, потому-что, да... тридцать стоитъ...

Снова подбѣгаетъ къ кассѣ:

— Да, потому что, да, не подбавляется?

— Какъ не подбавляться—подбавляется: одиннадцать сорокъ,—промолвился кассиръ.

— Какъ сорокъ? — кричитъ Смирновъ. — Да, потому-что, да... сейчасъ пятьдесятъ говорилъ...

Входитъ въ кассу и, не смотря на протесты кассира, начинаетъ повѣрять билетную книгу. Насчитываетъ проданныхъ билетовъ на восемнадцать рублей и накидывается на кассира:

— Да, потому что, да... врешь... на восемнадцать... мошенникъ... да, потому что, да... гибели моей хочешь...

— Обсчитался я, значитъ...

— Обсчитался!... Да, потому что, да... хозяйскіе доходы просчитываешь... я тебя на четвертакъ штрафую...

— Помилуйте, за что же?

— Да, потому что, да... у меня порядокъ такой...

Скупъ былъ Смирновъ необычайно. Гвозди на сцену давалъ по счету, и бѣда, если плотникъ во время спектакля, при недохваткѣ, спроситъ еще.

— Воруешь! — закричитъ на него Смирновъ. — Да, потому что, да... всегда восемь гвоздей идетъ, а нынче девять просишь... мошенникъ...

Когда по ремаркамъ пьесъ на сцену требовалось вино, фрукты,— Смирновъ приказывалъ вливать въ бутылки спитой чай, отъ котораго, если бывало актеры по забывчивости проглотятъ на сценѣ по ходу пьесы хоть глотокъ, дѣлалось тошно и дурно. Вмѣсто фруктовъ, даже такихъ дешевыхъ, какъ яблоки, на сцену подавался бѣлый хлѣбъ, нарѣзанный круглыми кусочками, что̀ вынуждало исполнителей покупать на свой счетъ всякія бутафорскія вещи, которыя приходилось ѣсть или пить. Помню, для какой-то пьесы я пріобрѣлъ десятокъ яблоковъ и сдалъ ихъ бутафору, который и подавалъ ихъ на сцену. Изъ нихъ осталось штукъ семь. Послѣ спектакля подбѣгаетъ къ бутафору расчетливый антрепренеръ съ приказаніемъ:

— Яблоковъ не лопать!... Да, потому что, да... завтра вѣдь опять комедія съ яблоками будетъ... Пригодятся...

При такихъ экономическихъ условіяхъ, говорятъ, Смирновъ накопилъ много денегъ.

А. Алексѣевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ОЧЕРКИ БУХАРЫ.

I.

Происхожденіе и родословная династіи Мангытъ. — Эмиръ Мозафаръ-Эддинъ и его семья.—Положеніе Бухарскаго ханства передъ водвореніемъ на его престолѣ Сеидъ-Абдулъ-Ахата.—Онъ дѣлается эмиромъ. — Церемонія восшествія на престолъ.—Первыя реформы и преобразованія.—Дѣтство и отрочество эмира.—Его жизнь въ Кармине и управленіе бекствомъ.—Наружность Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ-хана.—Его характеръ, привычки, образъ жизни.—Семья и гаремъ. — Состояніе эмира.—Высшая администрація ханства.—Представители духовенства и арміи.—Придворный штатъ.—Значеніе для Бухары русскаго политическаго агентства.—Внѣшнія сношенія эмира.

МИРЪ Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ-ханъ — седьмой государь изъ династіи Мангытъ [1]), утвердившейся на бухарскомъ престолѣ послѣ смерти Абуль-Гази, послѣдняго эмира изъ дома Аштарханидовъ, въ 1795—1796 году [2]).

Узбекскій родъ Мангытъ и, въ частности, отдѣленіе его Тукъ уже давно приблизились къ верховной власти и фактически управляли страной еще съ начала XVIII столѣтія [3]). Въ 1784 г. энергичный и талантливый представитель этого рода Шахъ-Мурадъ устраняетъ отъ власти слабаго и неспособнаго Абуль-Гази и дѣлается верховнымъ правителемъ ханства. Его сынъ, Миръ-Гайдеръ, по смерти Шахъ-Мурада, послѣдовавшей въ 1802 г., принимаетъ титулъ эмира. Нынѣ царствующій въ Бухарѣ эмиръ Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ-ханъ—правнукъ этого государя.

---

[1]) Первымъ властителемъ Бухары изъ дома Мангытъ былъ Шахъ-Мурадъ (1784—1802 г.). Ему наслѣдовали: Миръ-Гайдеръ (1802—1825 г.); Хуссейнъ-ханъ и Омаръ-ханъ (1825—1826 г.); Насръ-Уллахъ (1826—1860 г.); Мозафаръ-Эддинъ (1860—1885 г.).

[2]) Вамбери: «Исторія Бухары», переводъ Павловскаго, Спб., 1873 г., т. II), стр. 120. Мирза-Шамси-Бухари: «Записки», Казань, 1861 г., пр. I, стр. 41—42.

[3]) Буквальное значеніе слова «узбекъ»—самостоятельный. Вамбери: «Исторія Бухары», т. II, пр. II, стр. 2. Слово «мангытъ» означаетъ густой лѣсъ. Абуль-Гази: «Родословная тюркскихъ племенъ», переводъ Саблукова, Казань, 1854 г., стр. 27. Слово «тукъ»—отрядъ воиновъ въ 100 человѣкъ. Марко Поло, переводъ Шемякина, Москва, 1863 г., стр. 184.

Династія Мангытъ ведетъ свой родъ по мужской линіи отъ Узбека, девятаго государя изъ дома Джюджи, по женской — отъ Чингисъ-хана.

Мангыты были приведены на берега Оксуса Чингисъ-ханомъ съ сѣверо-востока Монголіи еще въ началѣ XIII столѣтія и, на ряду съ кунгратами, считались храбрѣйшимъ и знаменитымъ родомъ изъ всѣхъ узбекскихъ племенъ, кочевавшихъ въ предѣлахъ Хивинскаго ханства. Въ XVI столѣтіи Шейбани-Магометъ-ханъ призвалъ часть изъ нихъ въ Бухару, гдѣ предоставилъ имъ Каршинскія степи [1]). Въ настоящее время они кочуютъ частію въ окрестностяхъ этого города, частію въ Бухарскомъ округѣ [2]). Оставшіяся въ Хивѣ племена мангытовъ населяютъ верховья лѣваго берега Сыръ-Дарьи и состоятъ въ подданствѣ хивинскаго хана.

Бухарскіе узбеки первоначально составляли собой военно-служилое сословіе. Политическое вліяніе ихъ росло по мѣрѣ ослабленія внутренняго строя ханства подъ скипетромъ слабыхъ и бездарныхъ Аштарханидовъ. Во второй половинѣ XVIII столѣтія оно достигаетъ своего апогея, и Шахъ-Мурадъ уже свободно овладѣваетъ древнимъ престоломъ Трансоксаніи; женившись, затѣмъ, на внучкѣ эмира Абуль-Феизъ-хана [3]), Шемсъ-Бану-Аимъ [4]), послѣдней представительницѣ рода Аштарханидовъ, онъ узаконяетъ захваченную имъ верховную власть и права основанной имъ династіи на престолъ Чингисидовъ [5]).

Эмиръ Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ-ханъ родился въ Кермине въ 1857 года. Онъ былъ четвертый сынъ эмира Сеидъ-Мозафаръ-Эддина, умершаго въ Бухарѣ 31-го октября 1885 года. Мать эмира, персіянка, изъ рабынь, по имени Шамшатъ, отличалась рѣдкимъ умомъ и была любимой женой Мозафаръ-Эддина. Она умерла въ Кермине въ 1879 году, проживая у сына, котораго почти не оставляла со времени назначенія его бекомъ въ этотъ городъ. Кромѣ сына, у нея была одна дочь, Салиха, которую Мозафаръ-Эддинъ выдалъ замужъ за своего племянника Амандъ-Улла.

---

[1]) Вамбери: «Исторія Бухары», т. II, стр. 116.

[2]) Ханыковъ: «Описаніе Бухарскаго ханства», Спб., 1843 г., стр. 58—66.

[3]) Абуль-Феизъ-ханъ царствовалъ въ Бухарѣ съ 1705—1747 г. Онъ былъ умерщвленъ своимъ мятежнымъ министромъ Рахимомъ-Би, захватившимъ въ свои руки верховную власть и истребившимъ все прямое потомство Абуль-Феиза. Мирза-Шамси-Бухари, пр. VIII, стр. 55—58. Послѣдній эмиръ изъ дома Аштарханидовъ, Абуль-Гази, былъ двоюродный племянникъ Абуль-Феиза.

[4]) Малькольмъ и Изетуллахъ считаютъ ее дочерью Абуль-Феиза, причемъ первый придаетъ ей имя Елдузъ-Бегюмъ.

Мы даемъ преимущественную вѣру свѣдѣніямъ о ней въ статьѣ Гребенкина: «Родословная династіи Мангытъ» («Ежегодникъ Туркестанскаго края», вып. III, стр. 338—339).

[5]) Аштарханиды были прямыми потомками Чингисъ-хана. Они, вмѣстѣ съ тѣмъ, происходили отъ изгнанныхъ изъ Россіи астраханскихъ хановъ. Вамбери: «Исторія Бухары», т. II, стр. 67—69.

Извѣстно, что покойный Мозафаръ-Эддинъ былъ большой поклонникъ женской красоты. Пользуясь двойными правами мусульманина и средне-азіатскаго властителя, онъ имѣлъ, кромѣ четырехъ законныхъ женъ, еще обширный гаремъ, состоявшій изъ 150—200 женщинъ. Старшей его женой считалась дочь шахрисябзскаго бека, Даніаръ-аталыка, но отъ нея у него не было дѣтей. Отъ другихъ же женъ у него было слѣдующее потомство [1]): Каты-Тюра-Абдулъ-Маликъ, рожденный отъ одной изъ четырехъ законныхъ женъ эмира, персіянки, по имени Хаса-Зумратъ, родившійся въ 1848 году; Сеидъ-Нуръ-Эддинъ, бывшій бекъ Чаруджуйскій, родился въ 1851 году, умеръ въ концѣ семидесятыхъ годовъ; Сеидъ-Абдулъ-Мумминъ, родившійся въ 1852 г., еще при жизни Мозафаръ-Эддина былъ назначенъ гиссорскимъ бекомъ; Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ, недовольный его управленіемъ бекствомъ, перевелъ его въ 1886 г. сначала въ Байсунъ, а затѣмъ отозвалъ въ Бухару, гдѣ онъ теперь и проживаетъ съ своимъ семействомъ; Сеидъ-Абдулъ-Феттахъ, родился въ 1857 г., умеръ вскорѣ послѣ своей поѣздки въ Петербургъ, для представленія покойному государю императору, въ 1869 г.; Сеидъ-Абдулъ-Саммадъ, бекъ чиракчинскій; Сеидъ-Садыкъ, покойнымъ эмиромъ былъ назначенъ бекомъ чарджуйскимъ послѣ смерти Нуръ-Эддина; по восшествіи на престолъ Абдулъ-Ахата былъ отозванъ въ Бухару, гдѣ теперь проживаетъ; Сеидъ-Акрамъ, бекъ гузарскій; Сеидъ-Миръ-Мансуръ, родившійся въ 1863 г., поручикъ 3-го драгунскаго Сумскаго полка, служитъ и проживаетъ въ Москвѣ. Кромѣ того, у покойнаго эмира было нѣсколько сыновей, умершихъ еще при его жизни и не оставившихъ о себѣ историческихъ воспоминаній въ бухарскомъ народѣ.

Порядокъ престолонаслѣдія въ точности не установленъ бухарскими законами. Каждый властитель Бухары можетъ завѣщать свой престолъ «достойнѣйшему», но обыкновенно эмиры передавали его старшимъ сыновьямъ, которые, еще при жизни ихъ, носятъ титулъ каты-тюра, равносильный титулу наслѣдника.

Обстоятельства, послужившія причиной изгнанія изъ страны каты-тюра Абдулъ-Малика, достаточно извѣстны, и мы не будемъ во всей подробности воспроизводить ихъ, напомнивъ лишь читателю, что этотъ бухарскій принцъ стремился къ овладѣнію престоломъ еще при жизни отца. Въ 1868 г., когда войска Мозафаръ-Эддина были окончательно разбиты русскими въ сраженіи при Зера-Булакѣ и вся страна возстала противъ него, Абдулъ-Маликъ, подстрекаемый фанатическимъ духовенствомъ и англичанами, обѣщавшими ему помощь оружіемъ и деньгами, открыто становится

[1]) Свѣдѣнія о семьѣ эмира Мозафаръ-Эддина обязательно сообщены намъ проживающимъ въ Ташкентѣ двоюроднымъ братомъ эмира бухарскаго, Миръ-Сеидъ-Ахатъ-ханомъ.

во главѣ бунта и съ оставшимися въ Бухарѣ войсками выступаетъ противъ отца, который въ эту критическую минуту обращается за помощью къ своимъ недавнимъ врагамъ, русскимъ, съ которыми онъ только что заключилъ миръ. Помощь эта ему была немедленно дана, и генералъ Абрамовъ, разсѣявъ войска каты-тюра въ стычкахъ при Джамѣ и Карши, принуждаетъ его самого бѣжать сначала въ Хиву, а затѣмъ въ Индію, гдѣ онъ до сихъ поръ проживаетъ въ Пешаверѣ, на пенсіи англійскаго правительства [1]).

Оскорбленный и разгнѣванный отецъ навсегда лишаетъ Абдулъ-Малика правъ на бухарскій престолъ и предполагаетъ назначить наслѣдникомъ послѣ себя третьяго своего сына, бека чарджуйскаго Нуръ-Эддина, но этотъ умный и талантливый принцъ вскорѣ умираетъ. Та же участь постигла и юнаго Абдулъ-Феттаха, котораго Мозафаръ-Эддинъ прочилъ себѣ въ наслѣдники, отправивъ его въ 1869 году въ Россію, для представленія императору Александру II, котораго намѣревался просить объ утвержденіи Абдулъ-Феттаха въ званіи каты-тюра еще при своей жизни [2]).

Потерявъ этихъ двухъ сыновей, эмиръ передаетъ права на бухарскій престолъ своему пятому и любимому сыну, Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ-хану. Въ 1883 году онъ отправляетъ его въ Россію для представленія императору Александру Александровичу и для присутствованія на священномъ короновaніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эмиръ проситъ объ утвержденіи Россіей Сеидъ-Абдулъ-Ахата въ званіи наслѣдника Бухарскаго ханства. Государю императору было угодно исполнить просьбу эмира, и молодой принцъ увозитъ въ Бухару прочныя гарантіи своей будущей власти, оставивъ повсемѣстно въ русскомъ обществѣ симпатичныя воспоминанія, созданныя его простотой, умомъ и красивой наружностью [3]).

Лѣтомъ 1885 года Мозафаръ-Эддинъ находился въ Карши, гдѣ заболѣлъ эпидемической малярной лихорадкой. Осенью того же года онъ переѣхалъ въ Бухару, гдѣ болѣзнь усилилась, и 31-го октября, на разсвѣтѣ, онъ скончался на 62-мъ году отъ роду. Послѣдніе дни своей жизни Мозафаръ-Эддинъ провелъ въ своемъ любимомъ загородномъ дворцѣ Ширѣ-Баданѣ. Но приближенные эмира, и во главѣ ихъ 72-хъ-лѣтній кушъ-беги Мулла-Мехмедъ-Бій, предвидя скорую кончину своего властителя и опасаясь народныхъ безпорядковъ, ночью перевезли его во дворецъ, въ цитадель Бухары, гдѣ собственно онъ и умеръ.

---

[1]) Вамбери почему-то считаетъ его умершимъ («Исторія Бухары», т. II, стр. 195). Между тѣмъ, Абдулъ-Маликъ, по оффиціальнымъ и частнымъ свѣдѣніямъ, обрѣтается въ полномъ здоровьѣ, роскошно живя въ Пешаверѣ, на большую субсидію, отпускаемую ему англичанами.

[2]) «Русскій Инвалидъ», 1869 г., №№ 116, 125 и 128.

[3]) «Новое Время», 1883 г., № 2637; «Правительственный Вѣстникъ», 1887 г. № 89 и др.

Въ тѣхъ же видахъ отъ народа была скрыта смерть Мозафаръ-Эддина до прибытія изъ Кермине Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ-хана, за которымъ былъ немедленно посланъ одинъ изъ наиболѣе преданныхъ ему мирахуровъ.

До прибытія новаго эмира, въ комнату, гдѣ помѣщалось тѣло покойнаго Мозафаръ-Эддина, никто не входилъ, кромѣ кушъ-беги и его сына Мухаметъ-Шерифа-Диванъ-беги, которые время отъ времени отдавали разныя приказанія отъ имени эмира, какъ бы еще живаго.

Получивъ извѣстіе о смерти отца, Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ-ханъ немедленно выѣхалъ изъ Кермине, въ сопровожденіи 1.000 нукеровъ, и утромъ 1-го ноября былъ уже въ кишлакѣ Богаеддинъ, мѣстѣ упокоенія знаменитаго средне-азіатскаго святаго Богаеддина-ходжи, отстоящемъ отъ Бухары на разстояніи 8 верстъ. Совершивъ молебствіе на могилѣ святаго и раздавъ милостыню, онъ, въ сопровожденіи выѣхавшей къ нему на встрѣчу огромной свиты бухарскихъ сановниковъ, войска, при огромномъ стеченіи народа, торжественно въѣхалъ въ Бухару.

Въ тотъ же день, въ 11 часовъ утра, тѣло Мозафаръ-Эддина было предано землѣ на кладбищѣ Хазретъ-Имля, гдѣ погребенъ весь родъ династіи Мангытъ.

4-го ноября состоялось восшествіе Сеидъ-Абдулъ-Ахата на бухарскій престолъ. Церемонія эта, совмѣщающая въ себѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и коронованіе, состоитъ въ томъ, что въ тронной залѣ древняго бухарскаго замка на Регистанѣ, при собраніи всѣхъ находящихся въ Бухарѣ придворныхъ, военныхъ, духовныхъ и гражданскихъ чиновъ, высшіе представители узбекскихъ родовъ, правительственной власти и духовенства торжественно сажаютъ новаго эмира на бѣлую кошму, разостланную у подножія трона, и, поднявъ кошму, опускаютъ ее, вмѣстѣ съ эмиромъ, на тронъ, представляющій собой большой, гладко отшлифованный, сѣро-синеватый мраморный камень, съ тремя ведущими къ нему ступенями, устланный семью покровами изъ дорогихъ бухарскихъ и индійскихъ тканей [4]).

---

[4]) Церемоніалъ этотъ установленъ со временъ Рахима-Би, насильственно захватившаго власть послѣ умерщвленія Абуль-Феиза. Прежніе эмиры бухарскіе совершали свое коронованіе въ Самаркандѣ, восходя на знаменитый тронъ Тимура-кокъ-ташъ. Жители Самарканда отказались впустить въ городъ Рахима-Би. Чтобы совершить коронованіе, онъ, по совѣту приближенныхъ и какъ самъ родовитый узбекъ, принялъ символомъ коронованія чисто узбекское произведеніе, составляющее въ ихъ быту самый необходимый предметъ — кошму, а для обозначенія чистоты его намѣреній, происхожденія и богатства рода, кошма была выбрана бѣлая. Обрядъ коронованія былъ совершенъ узбеками, подобно только что описанному. Гребенкинъ: «Родословная династія Мангытъ» («Ежегодникъ Туркестанскаго края», вып. III, стр. 337).

Мирза-Шамси-Бухари («Записки», стр. 2) говоритъ, что Миръ-Хайдеръ, при

Затѣмъ произносятся привѣтствія, послѣ которыхъ присутствующіе присягаютъ эмиру, поочередно цѣлуя у него руку, которую, въ знакъ покорности и вѣчнаго повиновенія, прикладываютъ къ своему лбу и глазамъ. Первымъ подходитъ ходжа-калянъ (глава духовенства), вторымъ—накибъ (слѣдующій за нимъ духовный чинъ), третьимъ—кушъ-беги, четвертымъ—диванъ-беги и т. д. Этотъ обрядъ присяги называется «дастбейгатъ».

Послѣ этого эмиръ удаляется во внутренніе покои, а присутствующимъ раздается сахаръ, и они разъѣзжаются по домамъ [1]).

Восшествіе на престолъ новаго эмира сопровождалось рядомъ празднествъ, устроиваемыхъ для народа, и обычной раздачей подарковъ, состоящихъ изъ дорогихъ халатовъ, лошадей и проч., приближеннымъ эмира, духовенству, войскамъ и чиновникамъ.

Эмиръ Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ-ханъ вступилъ на бухарскій престолъ съ самыми широкими планами относительно реформъ и преобразованій, которыя онъ намѣревался ввести въ странѣ своихъ предковъ. Онъ еще, видимо, находился въ то время подъ вліяніемъ впечатлѣній, вынесенныхъ имъ изъ поѣздки въ Россію, и не могъ не сознавать, что государственный и общественный строй его отечества является совершеннымъ анахронизмомъ среди охватившей его со всѣхъ сторонъ европейской цивилизаціи.

Положеніе дѣлъ въ ханствѣ, въ моментъ водворенія на его престолѣ Сеидъ-Абдулъ-Ахата, представлялось дѣйствительно серьезнымъ. Покойный эмиръ Мозафаръ-Эддинъ, не смотря на свой своеобразный умъ и рѣдкую проницательность, являлся представителемъ стараго, отжившаго свой вѣкъ, исламо-іерархическаго режима, упорно отстаивавшаго страну отъ какихъ бы то ни было нововведеній въ духѣ времени. Духовной жизнью народа всецѣло руководило фанатическое духовенство, которое захватило также въ свои руки воспитаніе и образованіе юношества и судебную власть, рѣшая всѣ дѣла на основаніи постановленій алкорана и шаріата. Проведеніе какихъ бы то ни было реформъ путемъ законодательства было чрезвычайно затруднительно, такъ какъ всякій новый законъ, даже самый незначительный, становился въ разрѣзъ съ священными книгами мусульманства, вызывая горячій протестъ со стороны духовенства и солидарной съ нимъ консервативной партіи.

На ряду съ этимъ хищеніе и лихоимство администраціи были доведены до высшей степени. Съ народа не бралъ только тотъ изъ чиновниковъ, кто не хотѣлъ. Фактическаго контроля надъ дѣй-

---

восшествіи на престолъ, возложилъ на голову вѣнецъ, украшенный драгоцѣнными камнями, но этого не было исполнено при коронованіи Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ-хана.

[1]) «Правительственный Вѣстникъ», 1887 г., № 89.

ствіями администраціи почти не существовало, да онъ и не могъ быть съ успѣхомъ примѣненъ на практикѣ, такъ какъ эмиру пришлось бы выбирать контролирующихъ лицъ изъ того же тѣсно сплоченнаго и одушевленнаго одной общей идеей сословія сипаевъ, которое представляло собой правильно-организованную и созданную историческимъ путемъ прочную систему взяточничества, лихоимства и хищеній.

Между тѣмъ, цѣлый рядъ войнъ, веденныхъ въ первый періодъ царствованія Мозафаръ-Эддина, значительно подорвалъ экономическое благосостояніе страны. Бухарскій народъ бѣднѣлъ съ каждымъ днемъ, торговля падала, и цѣлыя области пустѣли, будучи оставляемы жителями, которые эмигрировали въ предѣлы Русскаго Туркестана, въ Кашгарію, Авганистанъ, или просто бросали свои земли, переселяясь въ города, гдѣ являлись первыми піонерами нарождающагося въ странѣ народнаго пролетаріата.

Наряду съ этимъ, Бухара сдѣлалась опорнымъ пунктомъ для эмиграціи изъ Русскаго Туркестана всѣхъ вредныхъ элементовъ общества, въ видѣ фанатическаго духовенства и дервишества, не желавшаго примириться съ новымъ порядкомъ вещей, а также остатковъ бухарской и кокандской арміи и ханскихъ чиновниковъ, которымъ новый порядокъ не оставлялъ мѣста. Весь этотъ сбродъ, очистивъ Русскій Туркестанъ, потянулся въ священную Бухару, которая гостепріимно отворила ему свои ворота, удручая въ то же время страну содержаніемъ цѣлыхъ тысячъ непроизводительныхъ и безпокойныхъ тунеядцевъ.

Содержаніе бухарской арміи, которую Мозафаръ-Эддинъ упорно отказывался распустить, или сократить хотя на половину, тяжелымъ бременемъ лежало на финансахъ страны. Представляя собой подобіе опереточнаго войска, совершенно непригоднаго для боевыхъ цѣлей, армія эта, въ то же время, поглощала милліоны на свое содержаніе.

Торговля невольниками процвѣтала въ Бухарѣ, наряду съ системой всевозможныхъ административныхъ и судебныхъ злоупотребленій, произвола, доносовъ, пытокъ и звѣрскихъ казней.

Семья покойнаго эмира враждовала между собой, ожидая лишь его смерти, чтобы начать цѣлый рядъ интригъ и междоусобій, предотвратить которыя могло только могущественное вліяніе Россіи, а жемчужина бухарскихъ владѣній Шахризябзъ грозилъ отложеніемъ, открыто выражая желаніе лучше перейти въ русское подданство, чѣмъ подвергаться разорительному и угнетающему режиму.

Задавленный, обобранный и обращенный въ какое-то вьючное животное, народъ глухо роптать. Приносившее когда-то колоссальныя выгоды земледѣліе, промышленность и торговля падали съ каждымъ днемъ. Всякій спѣшилъ скрыть свой достатокъ отъ хищническихъ взоровъ ханскихъ чиновниковъ, или переселялся въ

другія страны, увозя съ собою нажитое состояніе. Только духовенство и солидарная съ нимъ администрація торжествовали повсюду, будучи вполнѣ увѣрены, что въ лицѣ эмира Мозафаръ-Эддина они имѣютъ могущественный оплотъ отъ ненавистныхъ нововведеній, навязываемыхъ русской цивилизаціей.

Въ такомъ положеніи обстояли дѣла страны, когда на престолъ ея взошелъ 28-милѣтній Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ-ханъ.

Безспорно, положеніе молодаго эмира, какъ и положеніе всей страны, являлось чрезвычайно серьезнымъ. Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ не могъ не сознавать, что могущественная поддержка Россіи была ему оказана отнюдь не съ платонической цѣлью, и что, преслѣдуя свою цивилизаторскую задачу на дальнемъ Востокѣ, сѣверный колоссъ потребуетъ отъ него цѣлаго ряда широкихъ реформъ и преобразованій въ пользу народа и упорядоченія экономическаго и административнаго положенія страны.

На точкѣ, діаметрально противоположной этимъ требованіямъ, стояли фанатическое духовенство и консервативная старо-бухарская узбекская партія, стремившаяся къ упроченію существующаго порядка вещей и даже мечтавшая о возстановленіи ханства въ прежнихъ границахъ.

Многочисленная родня эмира почти поголовно была къ нему враждебно настроена, недовольная его возвышеніемъ помимо старшихъ братьевъ. Беки гиссарскій и чарджуйскій скрытно волновали народъ, распуская сенсаціонные слухи, а бывшій каты-тюра Абдулъ-Маликъ ожидалъ лишь удобнаго случая вторгнуться въ страну и поднять знамя мятежа противъ младшаго брата, котораго онъ считалъ похитителемъ власти.

При всемъ томъ, молодой эмиръ твердой рукой берется за кормило правленія и въ короткое время успѣваетъ возстановить въ странѣ относительный порядокъ и спокойствіе.

Первымъ закономъ, который онъ издаетъ по восшествіи своемъ на престолъ, былъ законъ объ освобожденіи рабовъ и объ отмѣнѣ навсегда рабства въ Бухарскихъ владѣніяхъ.

Безъ сомнѣнія, законъ этотъ, возвратившій свободу и человѣческія права десяткамъ тысячъ невольниковъ преимущественно изъ персіянъ, явился мѣрой чрезвычайно смѣлой по отношенію къ привиллегированнымъ классамъ ханства, видѣвшимъ въ немъ актъ стѣсненія своихъ вѣковыхъ, освященныхъ исламомъ правъ и подрывъ экономическаго благосостоянія [1]).

---

[1]) Невольничество существовало въ Трансоксаніи еще со временъ глубокой древности. Оно особенно усилилось съ начала XVII столѣтія, когда невольничество шіитовъ было оффиціально санкціонировано фетвой муллы Шемсетдинъ-Магомета въ Гератѣ, въ царствованіе султана Гуссейнъ-Байкеро, въ 1611 году. (Вамбери: «Путешествіе по Средней Азіи», Спб., 1865 г., стр. 213; Веселовскій: «Русскіе невольники въ средне-азіатскихъ ханствахъ», Матеріалы для описанія Хивинскаго похода 1873 года, вып. III, стр. 1—4).

Мѣрой этой Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ создалъ и для самого себя весьма немаловажныя затрудненія, ибо значительная часть бухарской арміи и почти весь штатъ мелкихъ придворныхъ чиновниковъ и дворцовой прислуги состоялъ изъ рабовъ. Получивъ свободу, всѣ эти люди поспѣшили вернуться на родину, а на ихъ мѣсто пришлось набирать неизвѣстныхъ наемныхъ людей, содержаніе которыхъ вызвало новыя значительныя затраты.

Слѣдующей реформой эмира было сокращеніе штата бухарской арміи, которую онъ довелъ до 13-титысячнаго состава [1]).

Въ 1886 году Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ издалъ распоряженіе объ уничтоженіи во всемъ ханствѣ зиндановъ (подземныхъ тюремъ-клоповниковъ).

По его же приказанію была засыпана и замурована находившаяся въ бухарскомъ аркѣ [2]) знаменитая подземная государственная тюрьма, называемая Сіахъ-чаръ (черный колодецъ) или Кенне-хане (клоповникъ). Предки эмира бросали въ эту тюрьму преимущественно государственныхъ преступниковъ, гдѣ, послѣ всевозможныхъ истязаній, ихъ заживо съѣдали разводимые съ этой цѣлью миріады клоповъ, клещей и другихъ паразитовъ.

Вслѣдъ затѣмъ были отмѣнены пытки, а примѣненіе смертной казни ограничено случаями крайней необходимости.

Осенью 1886 года, по желанію и ходатайству эмира, въ городѣ Бухарѣ было учреждено русское политическое агентство. Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ предоставилъ въ распоряженіе агентства одно изъ лучшихъ казенныхъ зданій города Бухары, и по его настоянію все содержаніе агентскаго дома, прислуги и казачьяго конвоя до переѣзда нашей миссіи во вновь отстроенный въ 1891 году посольскій домъ производилось изъ ханской казны. Повидимому, эмиръ былъ чрезвычайно доволенъ поселеніемъ въ его столицѣ представителя императорскаго правительства, значительно облегчившаго сношенія Бухары съ Россіей по политическимъ, торговымъ и другимъ дѣламъ. Въѣздъ нашего агента г. Чарыкова въ столицу ханства былъ обставленъ чрезвычайной пышностью, и вскорѣ между нимъ и эмиромъ установились наилучшія отношенія.

Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ, высоко цѣня покровительство, оказанное ему государемъ императоромъ, неоднократно заявлялъ, что считаетъ державнаго отца русскаго народа и своимъ вторымъ отцомъ, а Россію—своимъ вторымъ отечествомъ. Эти слова сдѣлались лозунгомъ

---

[1]) Штатъ бухарской арміи состоитъ въ настоящее время изъ 13-ти баталіоновъ пѣхоты по 1.000 человѣкъ въ каждомъ, 800 человѣкъ артиллеристовъ при 155 орудіяхъ, 2.000 иррегулярной конницы и одного кавалерійскаго 4-хъ-сотеннаго полка. Пѣхота содержится въ сокращенномъ составѣ, вслѣдствіе чего общая цифра арміи не превышаетъ 13.000 человѣкъ.

[2]) Аркъ—укрѣпленный замокъ, съ дворцомъ эмира, внутри Бухары.

его внутренней и внѣшней политики по отношенію къ Россіи, повидимому, вполнѣ искренней и сердечной.

Вскорѣ по восшествіи на престолъ, эмиръ издалъ цѣлый рядъ постановленій съ цѣлью поднятія общественной нравственности. Употребленіе опіума, наши и кунара[1]) было строго воспрещено, такъ же какъ и публичные танцы бачей, скабрезныя пантомимы и проч. Удвоена была строгость законовъ, карающихъ за продажу женъ, за взяточничество, лихоимство и проч. Чиновниковъ и другихъ должностныхъ лицъ эмиръ всѣми силами старался отучить отъ поборовъ съ народа и вымогательствъ, безпощадно смѣняя съ должностей и наказывая провинившихся.

Преслѣдуя эту послѣднюю задачу, онъ измѣнилъ систему зякетнаго сбора, а съ цѣлью поощренія торговли значительно понизилъ таможенныя пошлины на ввозъ и вывозъ товаровъ.

Одновременно съ этимъ эмиръ дѣлаетъ попытку эмансипировать женщину въ своей странѣ, подавъ этому примѣръ устройствомъ нѣсколькихъ праздниковъ въ своемъ дворцѣ, на которые высшіе офицеры и чиновники столицы были приглашены вмѣстѣ съ своими женами. Въ то же время онъ упрощаетъ стѣснительный придворный этикетъ, стараясь измѣнить его примѣнительно къ видѣнному имъ въ Петербургѣ и Москвѣ во время поѣздки на коронацію. Обѣ эти мѣры встрѣчаютъ, однако, горячій протестъ со стороны духовенства и окружающихъ эмира царедворцевъ, вызывая сенсаціонные слухи въ народѣ, которые заставляютъ Сеидъ-Абдулъ-Ахата отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ въ этомъ направленіи.

Въ настоящее время, какъ мы слышали, эмиръ занятъ проектомъ устройства грандіознаго оросительнаго канала изъ Аму-Дарьи, съ цѣлью орошенія безплодныхъ степей сѣверо-западной части ханства. Работы эти, по смѣтѣ инженеровъ, производившихъ изысканіе, будутъ стоить до 6.000.000 рублей, но польза ихъ для народа будетъ колоссальна, такъ какъ вода въ Средней Азіи составляетъ все. Открытіе этихъ работъ эмиръ ставитъ въ зависимость отъ своей поѣздки въ Петербургъ, которую, по слухамъ, намѣревается предпринять въ непродолжительномъ времени.

Мы далеки отъ мысли писать хвалебный панегирикъ дѣятельности Сеидъ-Абдулъ-Ахата. Періодъ правленія его ханствомъ еще

---

[1]) Употребленіе этихъ наркотически-снотворныхъ веществъ въ большомъ ходу въ Средней Азіи и въ особенности въ Бухарѣ. Дѣйствіе опіума общеизвѣстно. Что касается наши и кунара, то они производятъ ощущеніе равносильное гашишу. Эти вредныя вещества нашли распространеніе въ Средней Азіи со временъ глубокой древности. Уже въ 1091 году извѣстный Старецъ Горы (Гассанъ-бенъ-Али), основатель династіи Ассасиновъ въ горахъ Рудбара, Ливанѣ и Сиріи, пользовался ими, какъ вспомогательнымъ средствомъ для достиженія своихъ политическихъ цѣлей. Впослѣдствіи дервишество распространило эти вещества по всему Туркестану. (Марко Поло, стр. 97—100).

на столько коротокъ, что о немъ трудно составить какую бы то ни было общую характеристику. Задачу эту мы предоставляемъ времени, выразивъ лишь надежду, что молодой эмиръ не остановится въ своей дальнѣйшей дѣятельности на первыхъ шагахъ по пути улучшенія экономическаго, общественнаго и административнаго строя ввѣренной его попеченію обширной и богатой дарами природы страны.

Но, на ряду съ этимъ, мы не можемъ не воздать должной справедливости тѣмъ добрымъ сѣменамъ, которыя, при данныхъ обстоятельствахъ, уже брошены рукой Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ-хана въ заглохшую почву страны.

Огромное большинство нашего общества убѣждено въ томъ, что бухарскіе эмиры, какъ и вообще всѣ средне-азіатскіе властители, представляютъ собой олицетвореніе всемогущества относительно подчиненныхъ ихъ власти народовъ, что стоитъ имъ только захотѣть, чтобы все совершилось ихъ подданными немедленно, безпрекословно, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла. На самомъ дѣлѣ это далеко не такъ. Едва ли есть другая конституція на свѣтѣ, которая такъ стѣсняла бы законодательную дѣятельность государей, какъ та конституція, которую представляетъ собой коранъ и шаріатъ. Будучи вольны въ жизни, смерти, имуществѣ отдѣльныхъ лицъ, въ своей внѣшней политикѣ и во всѣхъ частныхъ мѣропріятіяхъ, восточные правители оказываются подчасъ совершенно безсильными измѣнить законодательнымъ путемъ самое ничтожное условіе общественнаго и государственнаго механизма, существованіе котораго обусловлено кораномъ и шаріатомъ. Эти двѣ книги составляютъ всю сущность жизни, весь кодексъ средне-азіатскаго мусульманства. Онѣ исчерпываютъ собой правила общественной и частной жизни, народное образованіе, главнѣйшія черты финансовой системы, судопроизводство, правила владѣнія собственностью, словомъ, всю жизнь мусульманина, которая собственно и состоитъ изъ безконечнаго повторенія, изъ поколѣнія въ поколѣніе, изъ вѣка въ вѣкъ, тысячелѣтнихъ правилъ, завѣщанныхъ ему аравійскимъ пророкомъ. Исторія востока представляетъ намъ многочисленные примѣры паденія не только отдѣльныхъ правителей, но и цѣлыхъ династій, рѣшавшихся начать открытую борьбу съ установившимся исламо-іерархическимъ режимомъ.

Могущественное духовенство стоитъ во всеоружіи на защитѣ народной жизни отъ какихъ бы то ни было нововведеній внѣ этого законодательнаго круга, и власть всякаго мусульманскаго правителя только до тѣхъ поръ и сильна, пока она солидарна съ этимъ сословіемъ и не становится въ разрѣзъ съ каноническимъ мусульманскимъ правомъ.

Этой идеи, повидимому, придерживаемся и мы, предоставивъ въ нашихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ туземному населенію авто-

номію народнаго образованія, народнаго суда, и создавъ законодательство, приноровленое къ шаріату и вытекающимъ изъ него народнымъ обычаямъ.

Другимъ не менѣе сильнымъ двигателемъ народной жизни въ Средней Азіи и въ особенности въ Бухарѣ является обычай. Онъ

Эмиръ бухарскій Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ-ханъ.

также почти силенъ, какъ и законъ. На стражѣ его стоитъ самъ народъ. Безспорно, все это отжило свой вѣкъ и совершенно не вяжется съ окружающей Бухарскія владѣнія современной обстановкой. Но темныя народныя массы далеки отъ сознанія дѣйствительнаго положенія вещей, и эмиру, не смотря на его кажущееся неограниченное могущество, не только приходится считаться со

всѣмъ этимъ въ своей дѣятельности правителя страны, но и подчинять свою личную жизнь той обстановкѣ и тѣмъ условіямъ, которыя повелѣваетъ ему коранъ, диктуетъ шаріатъ и указываетъ народный обычай.

Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ-ханъ родился въ Кермине въ 1857 году, когда бекствомъ этимъ управлялъ, въ качествѣ наслѣдника престола, его покойный отецъ Мозафаръ-Эддинъ.

Дѣтство и первые годы юности эмиръ провелъ при дворѣ отца. Онъ получилъ обычное воспитаніе, которое дается бухарскимъ принцамъ: кромѣ грамоты, его научили персидскому и арабскому языкамъ, заставили вызубрить наизусть коранъ и шаріатъ, познакомили съ нѣкоторыми образцами восточной литературы, на чемъ курсъ ученія и былъ законченъ. Въ тринадцать лѣтъ отецъ уже женилъ его на одной изъ своихъ племянницъ, которая и по сіе время считается старшей женой Сеидъ-Абдулъ-Ахата. Однако же, воспитателю принца, Хаметъ-Максулю, удалось привить своему питомцу наклонность къ научнымъ занятіямъ. Эмиръ чрезвычайно любитъ литературу и въ особенности поэзію. Онъ считается большимъ знатокомъ восточныхъ поэтовъ и, какъ говорятъ, самъ недурно пишетъ стихи. Порусски онъ знаетъ лишь нѣсколько словъ, но изъ газетъ и журналовъ ему обыкновенно переводятъ все то, что касается политики, извѣстій отъ высочайшаго двора, Бухарскаго ханства и въ частности его самого.

Въ 18-ть лѣтъ Мозафаръ-Эддинъ назначилъ его бекомъ въ Кермине [1]), гдѣ эмиръ и жилъ до смерти отца, вдали отъ дѣлъ и политики, пользуясь лишь правами обыкновеннаго бека. Управляя бекствомъ, онъ сумѣлъ заявить себя, какъ способный, дѣятельный, справедливый и добрый правитель. Населеніе любило его за его простоту, набожность, доступность и привѣтливое обращеніе. Проживая въ Кермине, эмиръ велъ самый простой образъ жизни: вставалъ обыкновенно съ восходомъ солнца, цѣлый день занимался дѣлами, а въ свободное время обучалъ войска, читалъ, или работалъ надъ дворцовыми или городскими постройками, не гнушаясь иногда собственными руками брать топоръ и ломъ, чтобы принять непосредственное участіе въ производимой постройкѣ. Его любимымъ развлеченіемъ были поѣздки въ сосѣднія Нуръ-Аттинскія горы, откуда онъ обыкновенно возвращался во главѣ цѣлаго транспорта арбъ, нагруженныхъ камнемъ для городскихъ построекъ.

Преобладающей страстью эмира была любовь къ спорту и лошадямъ. Онъ считался и до сихъ поръ считается однимъ изъ

---

[1]) Городъ и округъ Кермине отстоятъ отъ Бухары въ 80-ти верстахъ желѣзно-дорожнаго пути. Въ нѣсколькихъ верстахъ далѣе начинаются Нуръ-Аттинскія горы. Округъ этотъ издавна составляетъ удѣлъ бухарскихъ наслѣдниковъ.

лучшихъ ѣздоковъ въ ханствѣ. Проживая въ Кермине, онъ принималъ всегда непосредственное участіе во всѣхъ кокъ-бури [1]) устроиваемыхъ узбеками въ окрестностяхъ этого города.

Извѣстно, съ какимъ пыломъ предаются средне-азіатцы этой ихъ любимой игрѣ, доводящей ихъ иногда до полнаго неистовства и забвенія всего окружающаго. Дѣло доходитъ весьма нерѣдко до убійствъ, но обычай, переходящій въ законъ, не позволяетъ родственникамъ убитаго требовать возмездія, если погибшій нашелъ смерть въ кокъ-бури. Даже сами эмиры, принимая участіе въ этой игрѣ, не обижаются, если кто нибудь толкнетъ ихъ, или даже въ пылу схватки свалитъ съ лошади.

Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ считался въ свое время однимъ изъ самыхъ ловкихъ и смѣлыхъ любителей кокъ-бури, но это не спасло его отъ опаснаго паденія съ коня, послѣдствія котораго онъ, какъ говорятъ, испытываетъ до сихъ поръ, вслѣдствіе чего и не позволяетъ себѣ больше принимать непосредственное участіе въ конныхъ ристалищахъ, ограничиваясь лишь ролью наблюдателя.

Домашняя жизнь Абдулъ-Ахата, въ бытность его бекомъ въ Кермине, отличалась скромностью и простотой. Онъ совсѣмъ не пилъ вина, не курилъ и довольствовался обычной скромной пищей. Его гаремъ состоялъ лишь изъ двухъ его законныхъ женъ.

Поѣздка молодаго принца въ Петербургъ и Москву въ 1883 году произвела на него глубокое впечатлѣніе.

Милостивое обращеніе съ нимъ государя императора и августѣйшей семьи глубоко запало въ душу молодаго узбека, а культурная жизнь русскаго общества внушила ему горячее желаніе перенести все видѣнное имъ на почву своей родной страны.

Сеитъ-Абдулъ-Ахатъ до сихъ поръ вспоминаетъ о своемъ пребываніи въ Россіи, какъ о лучшемъ времени своей жизни, и любитъ при всякомъ удобномъ случаѣ говорить о немъ.

Все это создало ему огромную популярность, и народъ съ нетерпѣніемъ ждалъ минуты, когда бразды правленія перейдутъ отъ престарѣлаго Мозафаръ-Эддина въ руки столь много обѣщавшаго въ будущемъ его молодаго наслѣдника. Тѣмъ болѣе невѣроятными казались проникшіе вскорѣ по воцареніи эмира въ общество и даже печать сенсаціонные слухи о гаремныхъ и другихъ излишествахъ, которыя будто бы дозволяетъ себѣ Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ въ своей частной жизни,—излишествахъ, сдѣлавшихся предметомъ общественныхъ толковъ и народнаго неудовольствія.

---

[1]) Кокъ-бури, такъ же какъ и байга, состоитъ въ конной игрѣ, во время которой принимающіе въ ней участіе всадники на полномъ скаку выхватываютъ другъ у друга изъ рукъ убитаго козла. Побѣдителемъ считается тотъ, кто успѣетъ ускакать отъ товарищей и увезти съ поля состязанія остатки разорванной добычи.

Мы позволимъ себѣ усомниться, однако же, въ справедливости большей части такого рода извѣстій и объяснить ихъ, съ одной стороны, происками враждебныхъ эмиру консервативныхъ элементовъ, старающихся всѣми силами подорвать обаяніе его въ народѣ, а съ другой—наклонностью самого бухарскаго народа къ политиканству, всевозможнымъ сплетнямъ, судамъ и пересудамъ, предметомъ которыхъ главнымъ образомъ является всегда ихъ эмиръ, а затѣмъ наиболѣе близкія къ нему окружающія лица. Эта черта въ таджикскомъ народѣ до такой степени сильна, что даже кровавый терроръ, посредствомъ котораго управляли страной предки эмира, не могъ удержать словоохотливыхъ обывателей священной Бухары отъ вмѣшательства въ семейную и частную жизнь ихъ повелителей. Подозрительный и свирѣпый Насръ-Уллахъ, доведшій полицейскую систему шпіонства въ странѣ до высшей степени, десятками рубилъ головы своихъ подданныхъ, уличенныхъ въ недоброжелательныхъ и неодобрительныхъ отзывахъ о его личности. Но это лишь раздувало пламя, которое онъ старался потушить, и до крайности трусливый и робкій во всѣхъ другихъ случаяхъ жизни таджикъ смѣло являлся на мѣсто только что совершенной казни, чтобы громогласно выразить свое порицаніе эмиру за его дѣйствія.

Безъ сомнѣнія, относительно мягкій и гуманный образъ дѣйствій Сеидъ-Абдулъ-Ахата, ссвершенно игнорирующаго сенсаціонные народные толки о его личности, оставлялъ широкій просторъ для всякаго рода недоброжелательныхъ слуховъ, о немъ распускаемыхъ лицами, заинтересованными въ дѣлѣ охлажденія къ нему народной симпатіи, почему къ такого рода слухамъ мы и относимся съ крайней осторожностью.

Другой несимпатичной чертой характера эмира считаютъ его крайнюю скупость и допускаемые имъ чрезвычайные поборы съ народа. Но и въ этомъ отношеніи центръ тяжести лежитъ, по нашему мнѣнію, главнымъ образомъ въ самомъ народѣ. Общія статистическія цифры правительственныхъ сборовъ въ ханствѣ, пропорціонально числу душъ населенія, поражаютъ своею незначительностью [1]). Если же на самомъ дѣлѣ эти сборы и достигаютъ большихъ размѣровъ, то это происходитъ главнымъ образомъ вслѣдствіе вымогательства администраціи, представляющей изъ себя правильно организованную шайку взяточниковъ. Администрація эта выходитъ изъ того же народа. Она есть продуктъ его корыстныхъ побужденій, и въ этомъ отношеніи всѣ мѣропріятія

---

[1]) Общая цифра сборовъ съ населенія на содержаніе центральной администраціи, двора эмира, арміи и высшаго духовенства, не превышаетъ 3.500,000 рублей въ годъ. Цифра народонаселенія ханства въ точности не опредѣлена но она во всякомъ случаѣ не менѣе полутора милліона душъ.

эмира, клонящіяся къ уничтоженію взяточничества и лихоимства въ странѣ, оказываются до сихъ поръ палліативами.

Эмиръ Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ-ханъ нѣсколько выше средняго роста, крѣпкаго и сильнаго тѣлосложенія. Онъ безспорно одинъ изъ самыхъ красивыхъ мужчинъ ханства. Правильныя, пропорціонально-тонкія черты лица, обрамленнаго черной, какъ смоль, бородкой, матово-прозрачный цвѣтъ кожи, правильный овалъ глубокихъ, съ оттѣнкомъ мечтательности, черныхъ, какъ агатъ, глазъ, не напоминаютъ въ немъ ничего узбекскаго и являются античнымъ образцомъ аристократическаго таджикскаго типа. Красивые бѣлые зубы, маленькая рука и нога, мягкій и пріятный тембръ голоса и изящная простота манеръ дополняютъ симпатичный портретъ властителя священной Бухары.

Въ настоящее время эмиру 35 лѣтъ, но на видъ онъ кажется гораздо моложе.

Эмиръ, повидимому, сознаетъ, что природа не обидѣла его своими дарами. Онъ занятъ своею наружностью, старается одѣваться всегда къ лицу, а въ разговорѣ съ новыми лицами видимо бываетъ заинтересованъ впечатлѣніемъ, которое произведетъ на посѣтителя его внѣшній обликъ.

Обычная одежда Сеидъ-Абдулъ-Ахата состоитъ изъ національнаго таджикскаго костюма, то-есть изъ бешмета, шелковаго халата и такихъ же чамбръ, заправленныхъ въ мягкіе кожаные ичиги. На головѣ носится вышитая шелками тюбитейка, а при выходахъ изъ дворца и во время молитвы поверхъ тюбитейки надѣвается еще бѣлая чалма. Въ торжественныхъ случаяхъ эмиръ надѣваетъ военную форму, состоящую изъ вышитаго золотомъ суконнаго двубортнаго мундира до колѣнъ, такихъ же рейтузъ на выпускъ, съ раструбами внизу, опушенными короткимъ мѣхомъ, и сапогъ со шпорами европейскаго образца. Поверхъ параднаго мундира надѣваются густыя эполеты и осыпанный драгоцѣнными камнями широкій поясъ, къ которому пристегнута кривая хоросанская шашка въ дорогихъ ножнахъ.

При этомъ одѣяніи, составляющемъ полную парадную форму эмира, онъ носитъ всѣ свои орденскіе знаки, а именно: ленту и осыпанный бриллiантами орденъ Бѣлаго Орла, пожалованный ему государемъ императоромъ въ 1886 году, такой же орденъ св. Станислава 1-й степени, полученный имъ ранѣе, въ бытность на коронаціи. Осыпанную огромными бриллiантами «Восходящую звѣзду священной Бухары», составляющую орденъ его дома [1]), эмиръ но-

[1]) Орденъ «Восходящей звѣзды священной Бухары» былъ учрежденъ эмиромъ Мозафаръ-Эддиномъ въ 1881—1882 г. Онъ имѣетъ пять степеней и жалуется эмиромъ только военнымъ и иностранцамъ. Кромѣ того, на офицерахъ и солдатахъ бухарской арміи мы видѣли какіе-то орденскіе знаки другаго образца, выдаваемые имъ эмиромъ за особыя заслуги.

ситъ обыкновенно рядомъ съ Бѣлымъ Орломъ а затѣмъ еще идутъ какіе-то украшенные драгоцѣнными камнями орденскіе знаки, повидимому, турецкіе или персидскіе. Головной уборъ эмира, при этой формѣ, составляетъ бѣлая кашемировая, или индійской кисеи, пышная чалма[1]).

Въ этомъ европейско-азіатскомъ одѣяніи, засѣдая на своемъ обычномъ тронѣ, состоящемъ изъ рѣзнаго деревяннаго кресла съ низенькой спинкой туземной работы, посреди ковровъ и всевозможныхъ восточныхъ орнаментовъ, Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ-ханъ является типомъ средне-азіатскаго властителя современной, переходной, формаціи.

Въ менѣе торжественныхъ офиціальныхъ случаяхъ эмиръ надѣваетъ цвѣтной бархатный мундиръ, съ русскими генеральскими погонами, при орденахъ, но безъ ленты.

По общимъ отзывамъ, Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ-ханъ отъ природы справедливъ, добръ и мягкосердеченъ, но подозрителенъ, вспыльчивъ и упрямъ. Относительно окружающихъ его должностныхъ лицъ администраціи онъ проявляетъ иногда крайнюю требовательность, доходящую до педантизма: онъ во все вмѣшивается, входитъ во всѣ мелочи правленія страной и, по выраженію бухарцевъ, хочетъ командовать и распоряжаться всѣми, отъ кушъ-беги до послѣдняго нукера. Въ особенности вызываетъ неудовольствіе лѣнивыхъ и неподвижныхъ азіатцевъ то, что эмиръ, просыпаясь обыкновенно съ восходомъ солнца, тотчасъ же принимается за дѣла и требуетъ, чтобы всѣ должностныя лица администраціи находились къ тому времени уже на опредѣленныхъ для нихъ мѣстахъ. Замѣтивъ какое нибудь злоупотребленіе или упущеніе, онъ круто распоряжается съ виновными и, въ припадкахъ вспыльчивости, собственноручно расправляется иногда съ нарушителями изданныхъ имъ постановленій. При всемъ этомъ, эмиръ отнюдь не жестокъ, не злопамятенъ, привѣтливъ и ласковъ съ народомъ и вообще съ тѣми, кого онъ считаетъ безупречно исполняющимъ свои обязанности.

Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ-ханъ проводитъ въ своей столицѣ не болѣе полугода. Зимой онъ уѣзжаетъ обыкновенно на нѣсколько мѣсяцевъ, въ Шахризябзъ и Карши, гдѣ климатъ гораздо умѣреннѣе, чѣмъ въ Бухарѣ, а іюнь и іюль проводитъ въ Кермине[2]),

---

[1]) Чалма изображаетъ собою саванъ, или покровъ, который каждый мусульманинъ долженъ имѣть на головѣ, какъ напоминаніе о смерти. Коранъ опредѣляетъ длину чалмы въ 7 аршинъ, но мусульманское благочестіе увеличиваетъ ее до 14, 28 и даже 42.

[2]) Эти ежегодныя поѣздки бухарскихъ эмировъ по своей странѣ съ теченіемъ времени пріобрѣли традиціонное значеніе. По всей вѣроятности, онѣ заимствуютъ свое историческое начало изъ эпохи Чингизидовъ, имѣвшихъ обыкновеніе проводить разные періоды года въ разныхъ провинціяхъ своей имперіи. (Марко Поло, стр. 208).

которое особенно любитъ, какъ родину и свой бывшій удѣлъ. Въ этихъ поѣздкахъ его обыкновенно сопровождаетъ большая свита и значительный конвой, но семья эмира и высшіе чины администраціи остаются въ Бухарѣ. Возвращаясь въ столицу, эмиръ рѣдко занимаетъ большой дворецъ на Регистанѣ, а проживаетъ, большею частью, въ загородномъ замкѣ Ширъ-Баданѣ, снабженномъ всѣми удобствами и комфортомъ европейской жизни.

Но гдѣ бы ни проживалъ эмиръ, режимъ его жизни остается всегда одинъ и тотъ же. Вставая съ восходомъ солнца, онъ посвящаетъ нѣсколько минутъ своему туалету, затѣмъ совершаетъ краткую молитву и выходитъ въ пріемную залу, гдѣ его ожидаетъ завтракъ и собравшіеся уже къ тому времени, съ докладами, сановники и царедворцы.

Помѣстившись на диванѣ, передъ которымъ ставится небольшой столъ, эмиръ поочередно выслушиваетъ доклады собравшихся должностныхъ лицъ. Въ это время ему подаютъ завтракъ, меню котораго ежедневно состоитъ изъ восьми блюдъ. Выбравъ одно-два блюда, онъ приказываетъ подать остальное присутствующимъ лицамъ. Послѣ этого подается чай. Выслушавъ доклады, эмиръ принимаетъ просителей и занимается судебными дѣлами. Отъ 11 до 2 часовъ онъ отдыхаетъ; въ 2 часа обѣдаетъ, послѣ чего опять принимаетъ просителей и разбираетъ тяжебныя дѣла. Окончивъ это, онъ просматриваетъ донесенія бековъ и вообще всѣ поступающія втеченіе дня бумаги. Передъ закатомъ солнца совершаетъ намазъ и въ третій разъ принимаетъ всѣхъ имѣющихъ къ нему какое нибудь дѣло. Въ 8—9 часовъ вечера онъ удаляется во внутренніе покои дворца, гдѣ ужинаетъ и предается гаремнымъ развлеченіямъ.

Разъ въ недѣлю, по пятницамъ, около 12 часовъ по полудни, эмиръ отправляется, съ большой торжественностью, на молитву въ главную соборную мечеть того города, гдѣ онъ находится. Его сопровождаютъ обыкновенно всѣ высшіе сановники и блестящая свита. Впереди ѣдутъ удайчи, съ длинными жезлами въ рукахъ, которые призываютъ благословеніе Божіе на главу своего повелителя. Тутъ же ѣдутъ казначеи эмира, которые раздаютъ милостыню нищимъ.

Эмиръ совершаетъ эти выѣзды всегда верхомъ.

Вообще Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ не любитъ экипажей и чрезвычайно рѣдко пользуется ими.

Кстати сказать, что ѣзда въ придворныхъ бухарскихъ экипажахъ производится совсѣмъ инымъ способомъ, чѣмъ у насъ. Козлы обыкновенно остаются незанятыми, а кучера помѣщаются верхомъ на лошадяхъ, запряженныхъ попарно въ 1, 2 и 3 пары. На каждой парѣ помѣщается одинъ ѣздовой, управляя своей и сподручной лошадью съ помощью уздечки.

Въ теплую и сухую погоду эмиръ совершаетъ по улицамъ болѣе или менѣе длинныя прогулки верхомъ, посѣщаетъ байгу, кокъбури и скачки.

Изрѣдка это однообразное препровожденіе времени нарушается поѣздками эмира въ гости къ высшимъ сановникамъ ханства, совершаемыми всегда съ большой пышностью. Эта высоко цѣнимая бухарцами честь обходится имъ обыкновенно очень дорого, ибо, по установившемуся издревле обычаю, сановникъ, удостоившійся такой чести, долженъ поднести эмиру не менѣе 9 бакчей халатовъ, 9 лошадей въ полномъ уборѣ и 9 мѣшечковъ серебряныхъ монетъ разной стоимости [1]); кромѣ того, одарить и угостить всю свиту эмира, а путь его отъ дворца до воротъ посѣщаемаго жилища осыпать серебряными монетами (теньга 20 коп.), а отъ воротъ до входа въ домъ золотыми тиллями (золотая бухарская тилля стоитъ 6 руб.) [2]).

Богатые увеличиваютъ эти подарки вдвое, иногда втрое, сдирая при удобномъ случаѣ съ народа затраченныя суммы.

Посѣщеніе эмира, кромѣ угощенія, сопряжено съ устройствомъ томаши, на которой подъ звуки туземной музыки пляшутъ бачи, показываютъ свое искусство акробаты и фокусники, а странствующіе поэты и сочинители читаютъ свои произведенія.

Кухня Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ-хана состоитъ исключительно изъ азіатскихъ блюдъ, между которыми первое мѣсто принадлежитъ палау. Вина онъ совсѣмъ не употребляетъ и не куритъ. Въ пищѣ соблюдаетъ большую умѣренность, придерживаясь убѣжденія, что это лучшее средство сохранить здоровье.

Заболѣвъ, эмиръ пользуется совѣтами туземныхъ врачей, и мы не слыхали, чтобы онъ обращался когда нибудь къ совѣтамъ проживающаго въ Бухарѣ русскаго доктора.

Гаремная жизнь эмира составляетъ тайну даже для близкихъ къ нему людей, и о ней можно судить лишь по слухамъ. На востокѣ вообще неприлично говорить о женщинахъ, о семейной жизни того или другаго лица, такъ что выяснить обстоятельно семейный бытъ повелителя Бухары рѣшительно не представляется возможности даже путемъ разговоровъ объ этомъ съ приближенными Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ-хана [3]). Что же касается до такъ на-

---

[1]) Въ тюркскомъ народѣ издавна укоренился обычай приводить всякое дѣло къ цифрѣ 9. Это употребленіе числа 9 произошло отъ первыхъ 9 монгольскихъ хановъ, отъ Монголъ-хана до Иль-хана (Абуль-Гази, стр. 12).

[2]) Этотъ древній обычай установленъ въ Бухарѣ со временъ Чингисидовъ. Безъ сомнѣнія, при настоящемъ положеніи вещей онъ представляетъ одно изъ золъ, съ которымъ Сеидъ-Абдулъ-Ахату давно слѣдовало бы покончить.

[3]) Согласно съ правилами ислама неприлично говорить о чьей нибудь женѣ, и потому на востокѣ употребляются метафоры для выраженія идеи супружества. Такъ, турокъ въ обществѣ называетъ свою жену гаремомъ, персіянинъ — выраженіемъ, подразумѣвающимъ домъ, хозяйство, туркменъ—палаткой, а житель

зываемыхъ «базарныхъ» слуховъ, то имъ отнюдь нельзя придавать серьезнаго значенія.

Тѣмъ не менѣе, извѣстно, что новый эмиръ втеченіе своего семилѣтняго правленія успѣлъ обзавестись значительнымъ гаремомъ. Время отъ времени онъ устроиваетъ въ немъ праздники для своихъ женъ, разрѣшаетъ имъ прогулки въ окрестностяхъ столицы и въ горы, въ закрытыхъ туземныхъ экипажахъ, посѣщеніе родныхъ, и нѣсколько разъ въ годъ открываетъ внутри дворца базары, на которыхъ онѣ могутъ покупать нужные для нихъ предметы.

У Сеидъ-Абдулъ-Ахата было всего пять сыновей, изъ которыхъ остались въ настоящее время въ живыхъ только два: Сейдъ-Миръ-Алемъ—13 лѣтъ и Сеидъ-Миръ-Хуссейнъ—9 лѣтъ. Старшій сынъ эмира Сеидъ-Миръ-Абдуллахъ долженъ былъ сдѣлаться наслѣдникомъ Бухарскаго ханства. Эмиръ уже намѣревался отправить его въ Россію, съ цѣлью дать ему европейское образованіе, но въ 1889 году онъ потерялъ этого сына, вмѣстѣ съ двумя младшими, погибшими отъ дифтерита или эпидемической малярной лихорадки.

Теперь наслѣдникомъ Абдулъ-Ахата считается 13-ти-лѣтній Сеидъ-Миръ-Алемъ, котораго эмиръ намѣревается везти въ Россію, гдѣ оставитъ до окончанія курса въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Бухарцы разсказываютъ чудеса о колоссальныхъ богатствахъ эмира, заключающихся въ наличныхъ деньгахъ, драгоцѣнностяхъ, золотой и серебряной утвари и проч.

По ихъ словамъ, одни наличные капиталы эмира достигаютъ 100 милліоновъ рублей. Но это, безъ сомнѣнія, составляетъ выдумку. Состояніе эмира едва ли превышаетъ цифру 12—15 милліоновъ. Что же касается его сокровищъ, то и онѣ едва ли такъ значительны, какъ объ этомъ думаютъ. Бухара—страна подарковъ и, безъ сомнѣнія, если бы эмиры только одной династіи Мангытъ вздумали сохранять всѣ драгоцѣнные предметы, присланные имъ разновременно въ подарокъ русскими государями, турецкими султанами, персидскими и другими сосѣдними властителями, а за послѣднія 25 лѣтъ—туркестанскими генералъ-губернаторами, то это, вмѣстѣ съ подношеніями ихъ подданныхъ и коронными драгоцѣнностями, составило бы при переводѣ на деньги огромную цифру. Между тѣмъ, мы знаемъ, что предки эмира до Мозафаръ-Эддина включительно имѣли обыкновеніе сохранять изъ этихъ цѣнностей только тѣ предметы, которые имѣли историческое значеніе или оказывались нужными въ ихъ домашнемъ обиходѣ. Остальное, не желая продавать и находя въ то же время излишнимъ сохранять въ своихъ подвальныхъ кладовыхъ, они переливали въ монету.

Средней Азіи—балашака (дѣти). Вамбери: «Путешествіе по Средней Азіи», приложеніе I, стр. 51.

Эта своего рода похвальная щепетильность была, однако, причиной варварскаго истребленія массы драгоцѣнныхъ по работѣ издѣлій изъ серебра и золота, цѣлыми ворохами привозимыхъ и присылаемыхъ въ подарокъ эмирамъ изъ Россіи и другихъ странъ. Запасъ драгоцѣнныхъ камней въ казнѣ эмира также едва ли значителенъ. Мы знаемъ, что Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ весьма нерѣдко покупаетъ бриллiанты и жемчугъ для подарковъ своимъ женамъ, чего онъ, вѣроятно, не дѣлалъ бы, если бы увѣренія бухарцевъ о томъ, что въ кладовыхъ Регистанскаго дворца хранятся цѣлые ящики того и другаго, были справедливы.

При всемъ томъ, личное состояніе Сеидъ-Абдулъ-Ахата, заключающееся въ принадлежащихъ ему земляхъ, капиталахъ и драгоцѣнностяхъ, конечно, относительно громадно. А такъ такъ, по общему отзыву, эмиръ чрезвычайно расчетливъ и далеко не проживаетъ всѣхъ своихъ доходовъ, то, безъ сомнѣнія, со временемъ богатство его достигнетъ дѣйствительно колоссальной цифры.

Упомянувъ выше о подаркахъ, мы считаемъ необходимымъ выяснить ихъ историческое происхожденіе въ Бухарскомъ ханствѣ и вообще на востокѣ.

Законъ Магомета повелѣваетъ каждому мусульманину съ честью принять гостя, кто бы онъ ни былъ, угостить его, дать ему возможность отдохнуть, если онъ путешественникъ, а отпуская—позаботиться о его одеждѣ и конѣ. Вслѣдствіе этого, еще со временъ утвержденія ислама, въ странѣ вошло въ обычай, что эмиры бухарскіе щедро одаряли всѣхъ путешественниковъ и вообще всѣхъ посѣщающихъ ихъ пріѣзжихъ лицъ. Предметъ подарка составляла обыкновенно лошадь въ полномъ уборѣ, полный комплектъ одежды и нѣсколько кусковъ различныхъ тканей туземной работы. Болѣе значительныя лица получали нѣсколько лошадей, нѣсколько комплектовъ одежды и т. д.

Въ свою очередь, эмиры не гнушались подарками, которые имъ приносили иноземные и свои пріѣзжіе посѣтители, и принимали ихъ.

Съ теченіемъ времени этотъ обычай взаимнаго одариванія сдѣлался съ одной стороны какъ бы синонимомъ дружбы и расположенія эмира къ посѣтителю, а съ другой—знакомъ вниманія и уваженія къ нему.

Впослѣдствіи вошло въ обычай, при отправленіи изъ Бухары пословъ къ союзнымъ и дружественнымъ государямъ, тоже посылать при нихъ подарки. Это, разумѣется, вызвало взаимность.

Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ придерживается этого древняго обычая, щедро одаряя всѣхъ вновь представляющихся къ его двору.

Мы уже упомянули выше, что эмиръ есть глава ханства, но ограниченный каноническимъ мусульманскимъ правомъ, то-есть кораномъ и шаріатомъ.

Его ближайшимъ помощникомъ по управленію ханствомъ дол-

женъ быть аталыкъ. Должность эта остается, однако, не замѣщенной со временъ Насръ-Уллаха, назначившаго въ послѣднiй разъ аталыкомъ владѣтеля шахризябзскаго—Данiара.

Ближайшимъ помощникомъ эмира въ настоящее время является 40-ти-лѣтнiй кушъ-беги Ша-Мирза. Должность кушъ-беги, по своему внутреннему значенiю въ Бухарскомъ ханствѣ, можетъ быть приравниваема къ должности вице-канцлера. Кромѣ того, она сопряжена съ должностями коменданта арка, дворца на Регистанѣ, губернатора города Бухары, хранителя государственной печати и казны эмира. Эту послѣднюю обязанность Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ-ханъ передалъ, впрочемъ, другому лицу, поручивъ, взамѣнъ ея, Ша-Мирзѣ завѣдыванiе таможенными сборами въ столицѣ.

Ша-Мирза родомъ персiянинъ. Еще ребенкомъ онъ былъ захваченъ въ плѣнъ туркменами, которые продали его въ рабство Мозафаръ-Эддину, при которомъ онъ и состоялъ въ услуженiи. При переселенiи Сеидъ-Абдулъ-Ахата въ Кермине, покойный эмиръ назначилъ Ша-Мирзу къ нему казначеемъ, а затѣмъ бекомъ въ Хатырчи. Абдулъ-Ахатъ перевелъ его оттуда бекомъ въ Шахризябзъ, а послѣ смерти Муллы-Мехмедъ-Бiя, въ 1889 году, назначилъ на должность кушъ-беги.

Ша-Мирза обладаетъ красивой наружностью типичнаго персiянина, чрезвычайно словоохотливъ, простъ и веселъ. Эру его жизни составляетъ поѣздка въ Петербургъ въ 1888 году во главѣ посольства, которому было поручено повергнуть предъ государемъ императоромъ благодарность эмира за проведенiе чрезъ его владѣнiя Закаспiйской желѣзной дороги. Онъ до сей минуты вспоминаетъ съ живѣйшимъ восторгомъ обо всемъ видѣнномъ въ Россiи, о милостивомъ прiемѣ государя императора, съ благоговѣнiемъ показывая всѣмъ своимъ новымъ знакомымъ подаренную ему при этомъ богатую шашку и орденскiе знаки св. Станислава 1-й степени, которыми чрезвычайно гордится.

Кушъ-беги живетъ всегда въ Регистанскомъ дворцѣ, гдѣ для помѣщенiя этого сановника со всей его семьей, чадами и домочадцами имѣется отдѣльный домъ и дворъ. Особенность его положенiя состоитъ въ томъ, что, по законамъ страны, во время отлучекъ эмира изъ Бухары онъ не имѣетъ права оставлять дворецъ и живетъ тамъ безвыѣздно до возвращенiя въ столицу своего повелителя.

Эмиръ цѣнитъ въ Ша-Мирзѣ его честность и преданность, будучи совершенно покоенъ за управленiе столицей во время своихъ отлучекъ оттуда.

Вторымъ сановникомъ въ ханствѣ послѣ Ша-Мирзы является молодой Астанакулъ-парваначи, исполняющiй обязанности главнаго зякетчiя (нѣчто въ родѣ министра финансовъ) въ Бухарскомъ ханствѣ. Этотъ молодой и способный сановникъ представляетъ собой

нарождающійся типъ бухарца современной формаціи, сложившейся подъ вліяніемъ отношеній къ русской цивилизаціи.

Онъ не пользуется, какъ говорятъ, личными симпатіями эмира, но Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ, цѣня службу его престарѣлаго дѣда и отца, а также подъ вліяніемъ симпатій къ нему русскихъ властей, справедливо предоставляетъ ему значительную долю вліянія въ дѣлахъ ханства.

Слѣдующими затѣмъ наиболѣе вліятельными лицами при дворѣ эмира являются: начальникъ артиллеріи бухарской арміи Топчибаши-Мулла-Махмудъ, совѣтникъ эмира Дурбинъ-бій и начальникъ ширъ-баданскаго гарнизона Халъ-Мурадъ-Бекъ.

Всѣ эти лица имѣютъ, такъ сказать, лишь мѣстное значеніе, ибо во главѣ арміи и администраціи стоитъ самъ эмиръ, непосредственно всѣмъ распоряжаясь путемъ прямыхъ сношеній съ беками (губернаторами провинцій), съ начальниками отдѣльныхъ частей войскъ, а по дѣламъ внѣшней политики—съ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ, съ политическимъ агентомъ въ Бухарѣ и съ сосѣдними владѣтелями.

Только въ отношеніи церковныхъ дѣлъ эмиръ не предпринимаетъ ничего помимо шейхъ-уль-ислама и ходжа-каляна, являющихся представителями высшей духовной власти въ странѣ.

При особѣ эмира состоитъ совѣтъ изъ духовныхъ, гражданскихъ и военныхъ лицъ, который онъ собираетъ для обсужденія всякой предполагающейся важной реформы. По обычаямъ страны, онъ не можетъ предпринять ничего рѣшительнаго безъ предварительнаго обсужденія этимъ совѣтомъ проектируемой реформы.

Мы не будемъ утомлять вниманіе читателя подробнымъ перечисленіемъ всѣхъ чиновъ и должностей сложной бухарской администраціи и укажемъ лишь на особенно выдающіеся.

Изъ нихъ по духовной части наиболѣе важными являются: шейхъ-уль-исламъ, ходжа-калянъ, накибъ и раисъ.

Всѣ эти лица обязательно происходятъ изъ сословія сеидовъ и ходжей [1]). Они являются ближайшими совѣтниками и помощниками эмира въ судебныхъ дѣлахъ, вѣдаютъ церковныя дѣла, засѣдаютъ въ ханскомъ совѣтѣ и вообще пользуются широкими правами и большимъ вліяніемъ. Ходжа-калянъ есть единственное лице, при встрѣчѣ съ которымъ эмиръ цѣлуется и которое имѣетъ право вхо-

---

[1]) Сеидами называются всѣ вообще потомки первыхъ четырехъ халифовъ, преемниковъ Магомета: Абу-Бекра, Омара, Османа и Али, женатаго на любимой дочери пророка Фатимѣ. Титулъ ходжей носятъ потомки Магомета отъ другихъ его дочерей. Въ Туркестанскомъ краѣ принято называть также ходжами всѣхъ тѣхъ мусульманъ, которые совершили паломничество въ Мекку на поклоненіе гробу Магомета.

Остальной бухарскій народъ раздѣляется на два сословія: сипаевъ—служащихъ и фукара—неслужащихъ.

дить къ нему неподпоясаннымъ. Раисъ—есть блюститель общественной нравственности и исполненія правовѣрными внѣшнихъ правилъ мусульманской обрядности.

Высшими представителями гражданскаго управленія считаются кушъ-беги, главный зякетчій и беки—губернаторы областей. Имъ за особыя заслуги придаются иногда званія диванъ-беги (нѣчто въ родѣ званія статсъ-секретаря), парваначи, инаковъ и біевъ. Есть и такія лица, которыя носятъ только одни эти званія, не занимая опредѣленныхъ должностей и лишь состоя при дворѣ и при особѣ эмира.

Старшимъ лицемъ въ арміи эмира считается топчи-баши, за нимъ слѣдуетъ чинъ-датха (бухарскій генералъ) и токсаба (полковникъ); чинъ мирахура равняется чину капитана.

Придворный штатъ эмира состоитъ изъ гражданскихъ и военныхъ лицъ. Между первыми считаются наиболѣе важными удайги (церемоніймейстеры) и мехремы (камергеры). Адъютанты эмира числятся въ званіяхъ мирахуровъ и иногда біевъ.

Изъ этой послѣдней категоріи лицъ наибольшимъ расположеніемъ эмира пользуются почтенный и представительный старецъ удайги Яхши-бекъ, ведущій свой древній родъ отъ арабовъ-завоевателей; Насръ-Улла-бій, узбекъ, бывшій воспитатель и наставникъ брата эмира Сеидъ-Миръ-Мансура; молодой и красивый мирахуръ-баши Юнусъ-Магометъ, завѣдывающій конюшнями и экипажами эмира; мирахуръ Мирза-Джалялъ и персіянинъ токсаба Абдулъ-Кадыръ, командующій коннымъ ханскимъ конвоемъ. Двое послѣднихъ назначаются обыкновенно эмиромъ въ качествѣ посланцевъ для доставленія особо важныхъ писемъ и подарковъ туркестанскимъ генералъ-губернаторамъ.

Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ чрезвычайно твердъ въ своихъ симпатіяхъ и отношеніяхъ къ людямъ. Опала при его дворѣ вещь вообще рѣдкая, и въ этомъ отношеніи онъ отнюдь не подражаетъ своимъ капризнымъ, жестокимъ и деспотическимъ предкамъ, каждый отдѣльный порывъ гнѣва которыхъ навлекалъ на провинившагося полнѣйшую опалу, конфискованіе имущества, а иногда и смерть. До сихъ поръ не слышно было, чтобы Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ смѣщалъ съ должностей или налагалъ взысканіе на служащихъ и придворныхъ лицъ за что либо другое, кромѣ злоупотребленій по службѣ, взяточничества или общихъ преступленій, предусмотрѣнныхъ мусульманскимъ кодексомъ.

При всемъ томъ, сила привычки къ наружному низкопоклонству и раболѣпію въ бухарскомъ народѣ на столько велика, что едва ли мы найдемъ другой дворъ на востокѣ, кромѣ развѣ персидскаго, гдѣ личность правителя пользовалась бы наружнымъ поклоненіемъ въ такой степени, въ какой пользуется въ Бухарѣ личность эмира. При видѣ своего повелителя каждый бухарецъ, какъ бы онъ ни

стоялъ высоко въ общественной или служебной іерархіи, буквально, обращается въ ничто. Эта черта низкопоклонства наиболѣе присуща высшимъ придворнымъ и административнымъ сферамъ, тогда какъ духовенство и простой народъ выражаютъ, по отношенію къ эмиру, болѣе самостоятельности и чувства собственнаго достоинства.

Бухара живетъ почти исключительно своей внутренней, самобытной жизнью. Поэтому ея внѣшнія сношенія отнюдь не сложны. Они заключаются главнымъ образомъ въ сношеніяхъ съ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ, который, по дѣламъ международнымъ, торговымъ и политическимъ, является главнымъ посредникомъ между эмиромъ и нашимъ центральнымъ правительствомъ. Политическое агентство въ Бухарѣ имѣетъ цѣлью охраненіе на мѣстѣ нашихъ политическихъ и торговыхъ интересовъ въ ханствѣ, а также является наблюдательной инстанціей по отношенію къ проживающимъ въ Бухарѣ русскимъ подданнымъ.

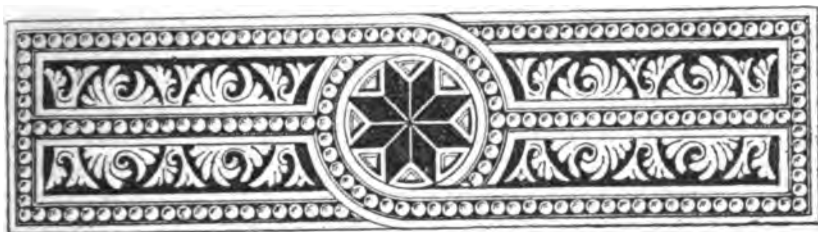
Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ, сознавая всю важность для страны такого мѣстнаго представительства, пользуется имъ, какъ совѣщательнымъ рессурсомъ, во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ не только внѣшней, но и внутренней политики. Разумѣется, это не составляетъ ошибки правленія молодаго эмира, ибо въ лицѣ нашего политическаго агента въ Бухарѣ, П. М. Лессара, онъ находитъ не только олицетвореніе прямаго, честнаго и открытаго образа дѣйствій Россіи къ покровительствуемому ею маленькому государству, но и высоко образованнаго человѣка, имѣющаго возможность принести существенную пользу странѣ своими обширными научно-практическими познаніями, спеціализированными на почвѣ Средней Азіи.

Два раза въ годъ, зимой и въ началѣ лѣта, между эмиромъ и туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ происходитъ обмѣнъ привѣтствій посредствомъ небольшихъ посольствъ. Этотъ обмѣнъ посольствъ сопряженъ съ обычнымъ на востокѣ обмѣномъ подарковъ.

Въ чрезвычайныхъ случаяхъ эмиръ высылаетъ посольства къ высочайшему двору, какъ это было въ послѣдній разъ въ 1888 году, по случаю открытія Закаспійской желѣзной дороги.

П. Шубинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).



ЯСНОВЕЛЬМОЖНЫЙ ПАНЪ ЯНЪ САПѢГА.

(Опытъ исторической характеристики).

Эпоха смутнаго времени является въ нашей отечественной исторіи своего рода откровеніемъ. Послѣ страшнаго, почти полувѣковаго царствованія Грознаго, который загородилъ народную жизнь отъ наблюденій историка, выдвинувъ на первый планъ свою загадочную личность съ ея причудливыми и странными проявленіями, — эпоха смутнаго времени вдругъ срываетъ завѣсу съ этой народной жизни и даетъ намъ возможность заглянуть въ нее глубоко, подробно, внимательно... Личность одного всемогущаго главы государства отстраняется, стушевывается, и на сцену историческую выступаютъ десятки болѣе или менѣе крупныхъ дѣятелей, изъ которыхъ каждый рисуется намъ ясно, отчетливо, живо, со всѣми своими достоинствами и недостатками, со всѣми подробностями своего нравственнаго облика. Братья Шуйскіе и братья Ляпуновы, Гермогенъ и Филаретъ, Пожарскій и Томило-Луговской, Салтыковъ и Андроновъ, Голицынъ и Палицынъ — все это живые люди, открыто передъ нами дѣйствующіе и не скрывающіе отъ насъ ни своихъ побужденій, ни своихъ цѣлей...

Но рядомъ съ этими «живыми» людьми, рядомъ съ этими представителями древней Руси XVII вѣка мы видимъ гораздо менѣе знакомыхъ намъ и гораздо менѣе понятныхъ дѣятелей историческихъ, вышедшихъ изъ среды современнаго польскаго общества и принявшихъ на себя незавидную роль сподвижниковъ Тушинскаго

вора. Всѣ эти Рожинскіе, Морхоцкіе, Сапѣги, Валавскіе, Лисовскіе, Олесницкіе, Зборовскіе и Выламовскіе—довольно темны для насъ; не вполнѣ понятны намъ ни побужденія, ни цѣли, ни ихъ нравственная личность. Не смотря на несомнѣнную и весьма значительную разницу въ характерахъ этого легіона польскихъ «добровольцевъ», слетѣвшихся на русскую смуту, какъ вороны на падаль,—они представляются намъ въ своихъ дѣйствіяхъ такою сплошною безличною массою, что угадыванье отдѣльныхъ типовъ и личностей въ этой средѣ «ляховъ» и «литовскихъ людей» представляется довольно затруднительнымъ.

Историки смутнаго времени не только не помогаютъ намъ въ этомъ угадываніи и выясненіи личности польскихъ выходцевъ, подвизавшихся въ Тушинскомъ станѣ, но даже еще затемняютъ намъ значеніе этихъ дѣятелей своими произвольными характеристиками или (что еще хуже) буквальнымъ повтореніемъ того, что сообщаютъ о нихъ польскіе историки и писатели. Особенно грѣшитъ въ этомъ отношеніи извѣстный историкъ смутнаго времени, покойный Н. И. Костомаровъ, который иногда не только рабски слѣдуетъ польскимъ характеристикамъ польскихъ дѣятелей, но даже рѣшается ихъ повторять дословно, безъ всякой оговорки и пояснительнаго комментарія. Однимъ изъ поразительныхъ образчиковъ такой «польской» характеристики является отзывъ Костомарова объ одномъ изъ главныхъ враговъ Руси XVII вѣка—о Янѣ-Петрѣ Сапѣгѣ, «котораго имя (по справедливому замѣчанію Соловьева), вмѣстѣ съ именемъ Лисовскаго, получило такую черную знаменитость въ нашей исторіи...» [1]). Съ невольнымъ изумленіемъ читаемъ мы у Костомарова въ его «Смутномъ времени» (II, 127): ...«Войско (Тушинскаго) вора каждый день усиливалось новыми охотниками, приходившими изъ польскихъ владѣній... Наконецъ, разнесся слухъ, что идетъ въ Тушино на помощь и Янъ-Петръ Сапѣга, староста усвяжскій, знаменитый богатырь и воитель (!). Его осудили въ отечествѣ за буйство; а онъ, не подчиняясь приговору суда, набралъ толпу вольницы всякаго рода и повелъ ее въ Московское государство», и т. д. И вслѣдъ за этою вступительною тирадою, на всемъ пространствѣ II и III томовъ «Смутнаго времени», авторъ разсказываетъ намъ о цѣломъ рядѣ грубыхъ насилій, разбойничьихъ подвиговъ, наглыхъ обмановъ и насилій «знаменитаго богатыря и воителя»!... Этотъ лестный эпитетъ, придаваемый Костомаровымъ Яну Сапѣгѣ, въ прямомъ смыслѣ слова, безъ малѣйшаго оттѣнка ироніи или насмѣшки, много разъ смущалъ насъ при чтеніи его книги о смутномъ времени. Какъ объяснить себѣ, какъ оправдать такой отзывъ историка о разбойничьемъ атаманѣ, достойномъ позорнаго столба и висѣлицы за совер-

[1]) Соловьевъ, VIII, 212.

шенные имъ подвиги? Но дѣло объяснилось очень просто, и сомнѣнія наши разрѣшились съ неожиданною легкостью, когда мы случайно заглянули въ польскую энциклопедію (Encyclopedia Powszechna), и тамъ подъ именемъ Яна-Петра Сапѣги нашли и Костомаровскую характеристику этого дѣятеля, котораго авторъ статьи называетъ именно «znakomity bohater a woyownik». Характеристика понравилась Костомарову, и онъ дословно внесъ ее въ свою книгу... «И вотъ какъ иногда пишется исторія!»—можемъ мы добавить съ грустью. Попытаемся же нѣсколько иначе охарактеризовать Яна-Петра Сапѣгу, справляясь съ его историческимъ формуляромъ, а не съ отзывами авторовъ польскаго энциклопедическаго словаря.

Сапѣга, Янъ-Петръ, происходилъ изъ древней и знатной фамиліи Сапѣгъ, хотя и не принадлежалъ къ наиболѣе старой и богатой линіи этого рода. Отецъ Яна-Петра, Павелъ Сапѣга, былъ каштеляномъ кіевскимъ, почему сынъ его Янъ-Петръ въ русскихъ актахъ постоянно величается «Яномъ-Петромъ Павловичемъ Сапѣгой, каштеляновичемъ кіевскимъ».

Янъ-Петръ родился въ 1569 г. и рыцарское воспитаніе (по выраженію польскихъ источниковъ) получилъ въ домѣ отца. Ему было уже за 30 лѣтъ, когда ему удалось въ Волощинѣ выказать первые опыты храбрости. Затѣмъ онъ сражался въ королевскомъ войскѣ, въ Инфлянтахъ; въ качествѣ ротмистра, при взятіи Вольмара, въ 1601 г., онъ подвергался даже большой опасности и чуть не былъ убитъ. Затѣмъ, онъ отличился мужествомъ подъ стѣнами Дерпта, подъ командою гетмана Хоткевича, а въ 1605 г. у Каргольма начальствовалъ правымъ крыломъ польскаго войска и на столько храбро дѣйствовалъ со своею кавалеріею, что способствовалъ одержанію побѣды. Затѣмъ, во время «рокоша» Сапѣга снарядилъ на свой счетъ двѣ хоругви, гусарскую и казацкую, а по окончаніи «рокоша», скучая праздною жизнью большинства безпокойной и непосѣдливой польской шляхты, рѣшился принять участіе въ тѣхъ смутахъ, которыя волновали нашу Сѣверщину на самомъ рубежѣ Литвы и Польши. Это участіе сулило рядъ приключеній, богатую добычу, а, можетъ быть, и блестящую карьеру, въ случаѣ, если бы удача выпала на долю втораго Лжедимитрія... «Или панъ, или пропалъ!» Притомъ, рѣшиться на рискъ побуждалъ даже простой практическій расчетъ: дома приходилось отвѣчать за разныя пьяныя буйства, расчитываться съ кредиторами, путаться въ долгахъ и процессахъ... А стоило только собрать тысячную шайку отчаянныхъ головорѣзовъ, коими тогда кишмя-кишѣла Польша, и панъ Янъ-Петръ Сапѣга уже становился за рубежомъ Польши важнымъ дѣятелемъ, нужнымъ человѣкомъ, въ которомъ Самозванецъ и его сторонники будутъ, конечно, заискивать и для котораго не будутъ жалѣть чужой, даромъ доставшейся казны. И вотъ Янъ-Петръ рѣшился именно на эту разбойничью карьеру авантюриста и кон-

дотьера, за рубли предлагающаго свои услуги дѣлу, въ которое не вѣрилъ и надъ которымъ нахально смѣялся! Онъ собралъ отрядъ въ 7,000 человѣкъ, насулилъ имъ всякихъ благъ и наживы въ близкомъ будущемъ, и, не смотря на увѣщанія своего дяди, канцлера Льва Сапѣги, перешелъ за русскій рубежъ, чтобы, по увѣренію поляковъ, «мужественно защищать дѣло Дмитрія Самозванца (т. е. втораго Лжедимитрія)». Въ какой степени мужественно и вѣрно защищалъ онъ это дѣло, увидимъ далѣе, но теперь же не можемъ не замѣтить, что за вышепомянутые подвиги, совершенные Яномъ-Петромъ Сапѣгою до его появленія въ Тушинѣ, нѣтъ ни малѣйшаго основанія называть его ни «знаменитымъ богатыремъ», ни «знаменитымъ воителемъ». Посмотримъ, въ какой степени заслужилъ онъ этихъ лестныхъ эпитетовъ своею дальнѣйшею дѣятельностью, при «мужественной защитѣ дѣла Димитрія Самозванца».

Янъ-Петръ Сапѣга явился въ русскихъ предѣлахъ какъ нельзя болѣе кстати и вò время для того, чтобы совершить быструю и блестящую карьеру авантюриста. Едва только успѣлъ онъ перейти со своимъ семитысячнымъ отрядомъ черезъ русскую границу, какъ вступилъ въ переговоры съ Тушинскимъ воромъ и извѣстилъ его, что идетъ къ нему на помощь. Дѣйствительно онъ двинулся по дорогѣ къ Тушину въ то самое время, когда Марина Мнишекъ, ея отецъ и всѣ поляки, задержанные въ Московскомъ государствѣ съ мая 1606 г., были отпущены по настоянію присланныхъ Сигизмундомъ новыхъ пословъ. По соглашенію съ Тушинскимъ воромъ, Сапѣга перехватилъ Марину и ея отца на пути къ рубежу, доставилъ ихъ въ Тушинскій лагерь и затѣмъ принялъ живѣйшее участіе въ томъ гнусномъ подлогѣ, который былъ такъ нагло подстроенъ продажнымъ Мнишкомъ и посломъ Олесницкимъ. Достовѣрно извѣстно, что Сапѣга настоятельно уговаривалъ Марину признать втораго Лжедимитрія своимъ мужемъ и сыграть жалкую роль московской царицы, будто бы отыскавшей своего супруга, случайно избѣгнувшаго убійцъ... 10-го сентября 1608 г. Сапѣга торжественно, съ барабаннымъ боемъ и распущенными знаменами, привезъ Марину въ Тушинскій лагерь, видѣлъ, какъ она бросилась въ объятія своего лже-супруга, и нѣсколько дней подъ-рядъ праздновалъ это событіе пышными пирами, происходившими въ Тушинскомъ лагерѣ. И въ этомъ заключался его первый подвигъ!

Затѣмъ, въ началѣ сентября того же 1608 г. Сапѣга, не поладивъ съ главнымъ начальникомъ тушинской рати, гетманомъ Рожинскимъ, задумалъ совершить другой великій подвигъ: овладѣть Троицкимъ монастыремъ, къ которому сильно привлекали его богатства и неистощимые запасы... И вотъ, соединивъ свой отрядъ съ отрядомъ Лисовскаго и разбивъ по дорогѣ къ Троицѣ наскоро собранную московскую рать (при д. Рохлюшцахъ), Сапѣга уже съ 23-го сентября приступилъ къ осадѣ Троицкаго монастыря. Съ вой-

скомъ, въ которомъ было 15—20 тысячъ ратниковъ, а иногда даже и около 30.000, Янъ-Петръ Сапѣга втеченіе 16-ти мѣсяцевъ осаждалъ обитель св. Сергія, въ которой засѣло не болѣе 1.000 человѣкъ монаховъ, стрѣльцовъ и монастырскихъ крестьянъ. Осаждалъ— и вынужденъ былъ отступить со срамомъ и позоромъ послѣ того, какъ троицкіе «сидѣльцы» много разъ разбивали сапѣжинцевъ на вылазкахъ и отразили храбро всѣ ихъ приступы. Въ неудачѣ своихъ дѣйствій противъ Троицкой обители панъ Янъ Сапѣга, правда, утѣшался разбойничьими набѣгами на волжскіе города, которые покорялъ именемъ Лжедимитрія, а грабилъ, при помощи своихъ пособниковъ, за свой счетъ и для своей пользы. Эти грабежи и насилія сапѣжинцевъ, посаженныхъ правителями городовъ отъ Сапѣги, доходили до того, что даже Тушинскій воръ находилъ себя вынужденнымъ вступаться въ защиту мѣстныхъ крестьянъ и горожанъ (см., напр., Акты Истор., II, стр. 135, № 105).

Подвиги «знаменитаго богатыря и воителя» подъ Троицей закончились тѣмъ, что онъ дважды былъ жестоко разбитъ Скопинымъ и шведами (подъ Калязинымъ и при Александровской слободѣ), послѣ чего 12-го января 1610 г. былъ окончательно вынужденъ снять осаду съ Троицкой обители.

Послѣ снятія осады Сапѣга сунулся было къ Тушину, но, узнавъ о страшной неурядицѣ, происходившей въ Тушинскомъ станѣ, вслѣдствіе пріѣзда королевскихъ комиссаровъ, Сапѣга благоразумно воздержался отъ соединенія съ войскомъ Рожинскаго и Лжедимитрія. Немного спустя, когда онъ убѣдился, что Тушинское гнѣздо отжило свой вѣкъ и что на Димитрія болѣе расчитывать нельзя, онъ сталъ даже уговаривать поляковъ, бывшихъ въ Тушинѣ, чтобы они шли подъ Смоленскъ къ королю; однако же самъ не пошелъ съ войсками ни туда, ни въ Калугу къ Тушинскому вору, а остался выжидать у моря погоды, подъ Дмитровымъ. Временно онъ даже далъ здѣсь пріютъ Маринѣ, бѣжавшей изъ Тушина, и хотѣлъ удержать ее при себѣ на всякій случай... Но Марина не поддалась на его хитрыя и лукавыя обѣщанія и черезъ тысячу опасностей пробралась къ мужу въ Калугу. Сапѣга, побитый подъ стѣнами Дмитрова ратью Скопина и шведовъ, почти осажденный въ этомъ городѣ, не рѣшился оставаться въ немъ надолго и отступилъ къ Волоку. Отсюда вошелъ онъ въ сношеніе съ королемъ Сигизмундомъ, даже съѣздилъ къ нему на поклонъ, но опять вернулся къ своимъ сапѣжинцамъ и продолжалъ до поры до времени держать сторону Тушинскаго вора, играя въ какую-то крайне неблаговидную двойную игру. Онъ уклонился отъ соединенія съ королевскими силами, двинутыми къ Москвѣ подъ начальствомъ гетмана Жолкевскаго; а когда русскіе воеводы были такъ жестоко разбиты подъ Царевымъ Займищемъ и (вслѣдствіе измѣны шведовъ) подъ Клушинымъ, Сапѣга соединился со скопищемъ Тушинскаго вора и

двинулся подъ Москву, надѣясь въ общей суматохѣ поживиться на счетъ чужаго горя и погрѣть руки чужимъ добромъ.

Подъ Москвою, вслѣдствіе тѣхъ хитрыхъ уловокъ Жолкѣвскаго, которыя привели къ избранію королевича Владислава на московскій престолъ, Сапѣгѣ чуть было не пришлось столкнуться съ гетманомъ. Между поляками, бывшими на сторонѣ тушинцевъ, и поляками въ войскѣ Жолкѣвскаго чуть было не произошло междоусобной распри... Но Сапѣга нашелъ для себя такое столкновеніе невыгоднымъ и, пренебрегая всѣми правами и выгодами Тушинскаго вора, которому «онъ служилъ такъ вѣрно и мужественно», вступилъ въ соглашеніе съ Жолкѣвскимъ, и при этомъ соглашеніи заботился исключительно о томъ, чтобы король выплатилъ ему и его сапѣжинцамъ все то жалованье, которое они сами себѣ насчитали за свою службу Тушинскому царьку.

Но Жолкѣвскій ловко обманулъ Сапѣгу: переманивъ его обѣщаніями выгодъ на сторону короля Сигизмунда, Жолкѣвскій недопустилъ, однако же, его въ Москву, занятую поляками Жолкѣвскаго. Онъ воспользовался корыстолюбіемъ «знаменитаго богатыря и воителя», выдалъ ему подачку изъ царской казны и разрѣшилъ ему отправиться пограбить въ Сѣверщинѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что Сѣверщина еще держалась на сторонѣ Тушинскаго вора и ее слѣдовало будто бы привести въ подданство королю Сигизмунду. Здѣсь Сапѣга и его достойные сподвижники расположились въ уѣздахъ Мещовскомъ, Воротынскомъ и Перемышльскомъ и такъ ужасно грабили, разоряли и неистовствовали, что даже русскіе измѣнники и польскіе историки-очевидцы съ омерзѣніемъ говорятъ о ихъ подвигахъ.

Но вотъ въ разоренной, ограбленной, униженной Русской землѣ нашлись люди, которые рѣшились спасти ее отъ смуты и измѣны, а главное—избавить отъ друзей-поляковъ. Случайная гибель Тушинскаго вора, развязавшая руки многимъ русскимъ людямъ, въ значительной степени способствовала умиротворенію смуты и возсоединенію разоренныхъ русскихъ областей. Поднялся Ляпуновъ, стали собираться къ нему отовсюду ополченія; поляки вступили въ борьбу съ москвичами въ самой Москвѣ и очутились въ осадѣ; Сигизмундъ тщетно осаждалъ Смоленскъ, который и не думалъ ему сдаваться... Дѣло складывалось далеко не въ пользу польскаго короля и королевича! Тогда ясновельможный панъ Янъ-Петръ Сапѣга пустился на хитрости, чтобы случайно не проиграть своей запутанной игры... «Двойной присягою играя», онъ рѣшилъ отложиться отъ короля и предложить свои услуги на *службу русскому дѣлу*! Но хитрости эти были шиты бѣлыми нитками, и Ляпуновъ съ калужскими боярами и воеводами предложилъ Сапѣгѣ такія условія, на которыя тотъ, очевидно, не могъ согласиться: отъ него требовали лучшихъ людей въ заложники, требо-

вали, чтобы его войско было отдѣльно отъ русскаго ополченія и отдѣльно отъ него становилось таборомъ, и т. д.

Не войдя въ соглашеніе съ русскими воеводами и не принятый ими на службу русскому дѣлу, Сапѣга временно какъ будто думалъ даже отшатнуться отъ своей шайки и ея подвиговъ. Онъ переговаривался и съ Гонсѣвскимъ, осажденнымъ въ Кремлѣ и Китай-городѣ, и съ Сигизмундомъ, все еще стоявшимъ подъ стѣнами Смоленска, а затѣмъ, подступивъ къ Москвѣ, вступилъ въ переговоры съ вождями русскаго ополченія, заботясь только о томъ, чтобы продать свои услуги какъ можно подороже [1]... Но ему не везло: никто не придавалъ особенной цѣны услугамъ этого предателя. Наконецъ, послѣ долгихъ колебаній, панъ Янъ Сапѣга принялъ-таки сторону поляковъ, нѣсколько разъ вступалъ въ битву съ русскимъ ополченіемъ, но не особенно удачно, и наконецъ взялся доставить запасы осажденнымъ въ Москвѣ полякамъ Гонсѣвскаго и Струся. Онъ ушелъ отъ Москвы въ началѣ іюля, и вернулся мѣсяца полтора спустя, разоривъ на обратномъ пути Александровскую слободу и наведя ужасъ на жителей въ окрестностяхъ Переяславля, гдѣ сапѣжинцы позволяли себѣ неслыханныя насилія надъ стариками, женщинами и дѣтьми: отрѣзывали имъ носы, уши, отрубали руки и ноги, жарили ихъ на угольяхъ и т. д. Вернувшись къ Москвѣ съ запасами, Сапѣга провезъ эти запасы въ Москву, и то бился съ русскими войсками, то вступалъ опять въ переговоры съ вождями русскаго ополченія, пока злой недугъ не скрутилъ его такъ, что онъ окончательно переѣхалъ на житье въ Кремль, гдѣ и умеръ. Н. И. Костомаровъ заключаетъ свой разсказъ о Сапѣгѣ словами... «Съ 14 на 15-е сентября (1611 г.) скончался храбрый вождь»... Въ какой степени панъ Янъ-Петръ Сапѣга заслуживаетъ этого почетнаго отзыва со стороны нашего историка, это изъ предыдущаго, кажется, слишкомъ ясно [2].

Лучшимъ комментаріемъ къ историческому формулярному списку Сапѣги, приведенному нами выше, можетъ служить тотъ снимокъ съ рѣдкой гравюры Хондіуса, который былъ обязательно сообщенъ редакціи «Историческаго Вѣстника» нашимъ неутомимымъ собирателемъ П. Я. Дашковымъ. На этой гравюрѣ «знаменитый

---

[1] Къ крайнему нашему удивленію, мы находимъ у Н. И. Костомарова повтореніе польской басни о томъ, что Сапѣга въ это время надѣялся быть избраннымъ въ цари московскіе («Смутное Время», III, 143). Повтореніе подобной басни, противорѣчащей всякому здравому смыслу, извинительно только для авторовъ польской энциклопедіи, которые утверждали даже, что «бояре предлагали Сапѣгѣ тронъ», и что «это предложеніе служитъ яснымъ доказательствомъ уваженія къ его дѣяніямъ» (?!)...

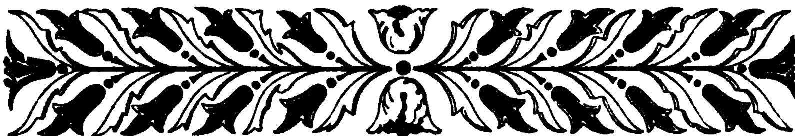
[2] Въ прославленія Яна Сапѣги дальше Н. И. Костомарова пошли только авторы энциклопедіи, которые къ подвигамъ его относятъ и осаду Троицы, и даже битву при Колязинѣ, въ которой онъ былъ разбитъ на голову Скопинымъ и шведами.

богатырь и воитель» представленъ намъ въ полномъ рыцарскомъ вооруженіи, закованнымъ въ тяжелыя нѣмецкія латы, съ какимъ-то шарфомъ черезъ плечо. Вдали движется войско, какъ бы наступая на какую-то твердыню, вовсе не похожую по внѣшнему виду на обитель св. Сергія, но подъ этою твердынею всеже красуется въ небѣ картины надпись Troica (Троица). Есть основаніе думать, что самый портретъ былъ исполненъ въ началѣ осады Троицкой обители, когда ея взятіе предполагалось возможнымъ, а не тогда, когда храбрый вождь отступилъ отъ Троицкихъ стѣнъ съ унынiемъ и позоромъ...

Чрезвычайно характерно на гравюрѣ лице Яна-Петра Сапѣги. Не смотря на все желаніе художника прикрасить его и сгладить слишкомъ рѣзкую опредѣленность чертъ, онъ не могъ ни уничтожить жестокихъ продольныхъ складокъ на лбу пана Яна, ни придать иное выраженіе его большимъ глазамъ, съ высоко поднятыми бровями... Эти глаза такъ и напоминаютъ глаза хищной ночной птицы! Не могъ художникъ измѣнить и нижней части лица Сапѣги, съ срѣзаннымъ подбородкомъ и выдавшеюся впередъ челестью. Эта нижняя часть лица свидѣтельствуетъ прямо о томъ лукавствѣ и хитрости, которыя составляли существеннѣйшую сторону характера знаменитаго сподвижника Тушинскаго вора...

Припоминая всѣ «подвиги» Сапѣги и вглядываясь въ его портретъ, мы, кажется, безъ большой ошибки можемъ сказать, что видимъ въ немъ прототипъ тѣхъ людей, которые своею шатостью, своимъ двоедушіемъ, своимъ непомѣрнымъ корыстолюбіемъ и полнымъ отсутствіемъ прочныхъ нравственныхъ основъ, погубили Польшу и отняли у нея всякую возможность дальнѣйшей самостоятельной жизни...

П. Полевой.



ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I ВЪ ГОРОДѢ УФѢ ВЪ 1824 ГОДУ [1].

I.

Въ АПРѢЛѢ 1824 года оренбургское губернское начальство [2]) получило отъ оренбургскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта Эссена, увѣдомленіе о предстоящемъ путешествіи императора Александра I по Оренбургскому краю.

Начались обычныя приготовленія къ пріему дорогаго гостя. Начальство усиленно спѣшило исправлять дороги, гати, мосты, которые находились въ то время въ самомъ жалкомъ состояніи; сгоняло со всѣхъ концовъ губерніи крестьянъ, башкиръ, казаковъ, исправлять почтовые тракты и проселочныя дороги, по которымъ предполагался путь слѣдованія государя. Особенно заботились подчистить и убрать г. Уфу, который и въ настоящее время, даже съ проведеніемъ дороги, вслѣдствіе черноземной почвы, во время дождей представляетъ непроходимое болото, а въ то блаженное время, когда здѣсь и понятія не имѣли о какихъ либо мостовыхъ и тротуарахъ, имѣлъ пе-

---

[1]) Замѣтку эту предполагалось включить въ статью «Императоръ Александръ I въ Оренбургскомъ краѣ» (см. «Историческій Вѣстникъ», томъ XLV, 709—719), но за неимѣніемъ точныхъ данныхъ о пребываніи его величества въ городѣ Уфѣ пришлось отложить это описаніе и приступить къ нему только теперь, благодаря указаніямъ секретаря уфимскаго статистическаго комитета, д. с. с. Н. А. Гурвича.

[2]) Городъ Уфа былъ центромъ гражданскаго управленія Оренбургской губерніи (см. «Историческій Вѣстникъ», томъ XLV, 716).

чальный видъ захудалаго уѣзднаго городишка, не смотря на то, что въ немъ сосредоточивалось все управленіе губерніей.

Правящій должность гражданскаго губернатора, Хирьяковъ, потребовалъ отъ уфимской «градской» думы приведенія города въ надлежащій видъ. Но городскіе управители на столько, должно быть, облѣнились, что пальцемъ не пошевелили для облагороженія грязныхъ улицъ и головоломныхъ подъемовъ на пристаняхъ у р. Бѣлой, такъ что, по приказанію Эссена, очищать городъ пришлось самому губернскому начальству за счетъ городскаго головы, Подъячева, и членовъ городской думы.

Усиленное исправленіе проѣзжихъ дорогъ по различнымъ трактамъ также вызывало массу довольно сложныхъ недоразумѣній. Генералъ-адъютантъ Эссенъ требовалъ съ населенія отбыть эту повинность натурой; но никто—ни удѣльныя конторы, ни помѣщики, ни войсковое казачье сословіе, не соглашались работать даромъ. Принимались, конечно, самыя крутыя мѣры, которыя порождали неудовольствіе жителей и кипы безплодной переписки.

О такихъ распоряженіяхъ какимъ-то образомъ дошелъ слухъ до Петербурга. Государь, заботясь о благосостояніи народа, поручилъ графу Аракчееву провѣрить слухи и разузнать обо всемъ подробнѣе.

Аракчеевъ не замедлилъ исполнить повелѣніе государя и письмомъ изъ с. Грузина, отъ 24-го іюня 1824 года, потребовалъ отъ оренбургскаго гражданскаго губернатора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Г. В. Нелидова, объясненія: «по какому случаю производится исправленіе дорогъ въ губерніи—обыкновенное ли то ежегодное исправленіе, или предпринятое по случаю полученныхъ свѣдѣній о путешествіи его величества; сколько впродолженіе лѣта на какой дорогѣ употреблено было работниковъ и конныхъ подводъ и съ какого количества душъ то и другое приходилось, и если въ какихъ мѣстахъ дороги исправлялись наймомъ, то сколько именно издержано денегъ и по сколько пришлось заплатить съ ревизской души».

Требуя этихъ свѣдѣній, графъ, между прочимъ, просилъ, чтобы составленная тому вѣдомость, для большаго удостовѣренія, была подписана губернскимъ предводителемъ дворянства.

Григорія Васильевича Нелидова и губернскаго предводителя дворянства Мордвинова не было въ то время въ г. Уфѣ, и за нихъ вице-губернаторъ Хирьяковъ и уфимскій уѣздный предводитель дворянства Баранцовъ дали такія объясненія, которыя, казалось, удовлетворили требованіе графа, а между тѣмъ работы по исправленію дорогъ продолжались тѣмъ же порядкомъ, какъ и прежде, только въ предупрежденіе какихъ либо пререканій со стороны мѣстнаго дворянства или жалобъ на обременительность работъ въ самую тяжелую страдную пору генералъ-адъютантъ Эссенъ поспѣшилъ

издать циркулярное предписаніе [1]), въ которомъ, между прочимъ, писалъ: «въ ожиданіи того счастливаго случая, который доставитъ видѣть въ Оренбургской губерніи всемилостивѣйшаго государя нашего, хотя я остаюсь въ полной увѣренности, что чиновники, обя-

Храмъ св. Александра Невскаго въ Уфѣ.

занные службой, дворянство, благонамѣренные граждане, равно и каждый вѣрноподданный и усердный сынъ отечества не оставить пещись единодушно о всевозможномъ спокойствіи его вели-

[1]) См. въ дѣлахъ 1824 г. оренбургскаго центральнаго архива предписаніе оренбургскому губернскому правленію отъ 11 августа, за № 1758.

чества во время пребыванія его въ здѣшней губерніи; но какъ опытомъ узнано втеченіе семилѣтняго моего здѣсь начальствованія, что простолюдины «по невѣжеству своему» привыкли обременять главное начальство ненужными, прихотливыми и съ порядкомъ и законами несовмѣстимыми просьбами, то нужнымъ нахожу посредствомъ градскихъ и земскихъ полицій опубликовать, что строго запрещается всякаго класса людямъ обременять подобными жалобами государя императора какъ въ пути, такъ и на ночлегахъ»...

Увы! желанія начальника края не осуществились. Присланная вскорѣ послѣ этого гражданскому губернатору изъ Петербурга копія съ высочайшаго указа, даннаго еще 6-го января 1819 года на имя министра полиціи, графа Вязьмитинова, положила предѣлъ требованіямъ оренбургскаго военнаго губернатора. Въ указѣ ясно обозначались заботы императора Александра о своемъ народѣ.

«Я узнаю,—говорилось въ немъ,—что полиціи во время моихъ путешествій чрезъ мѣста ихъ вѣдомства воспрещаютъ поданіе прошеній ко мнѣ въ собственныя руки. Такое дѣйствіе полицій, въ нѣкоторой мѣрѣ удаляющее отъ моего свѣдѣнія нужды жителей обозрѣваемыхъ мною частей государства, никогда не могло быть согласнымъ съ моимъ желаніемъ»...

Такимъ образомъ, во время слѣдованія Александра Павловича по краю всѣмъ былъ данъ свободный доступъ къ его величеству. Народъ толпами стекался на встрѣчу обожаемому государю, стремясь получить и на свою долю частицу монаршихъ милостей.

Жители съ нетерпѣніемъ ждали того желаннаго дня, когда его величество вступитъ въ предѣлы оренбургской территоріи.

Первымъ городомъ обширнаго Оренбургскаго края, удостоившимся принять царственнаго путешественника, была Самара [1]), куда Александръ Павловичъ прибылъ вечеромъ 8-го сентября изъ города Ставрополя на катерѣ по Волгѣ.

Толпы народа, блиставшія для такого торжественнаго дня нарядными костюмами, далеко за городомъ встрѣтили дорогаго гостя, расположившись длинной цѣпью по всему лѣвому берегу рѣки Волги и оглашая воздухъ радостными и несмолкаемыми «ура».

У пароходной пристани государя уже дожидалась приготовленная дворянами коляска, сѣвъ въ которую, его величество направился сначала въ соборъ, откуда по выслушаніи молебна, при несмолкаемыхъ кликахъ народныхъ, прослѣдовалъ на квартиру, въ домъ генералъ-майора Струкова, начальника солянаго правленія, бывшаго флигель-адъютанта государя, гдѣ его уже дожидались: дворянская депутація, выборное купечество и депутація отъ казаковъ Самар-

---

[1]) Самара, въ то время уѣздный городъ, входила въ составъ Оренбургской губерніи.

ской станицы съ хлѣбомъ-солью. Казаки, кромѣ того, поднесли его величеству аршинную стерлядь собственнаго улова.

На другой день Александръ Павловичъ, послѣ напутственнаго молебна, отбылъ по тракту въ Оренбургъ, куда прибылъ 11-го сентября.

Путь слѣдованія государя императора по Оренбургскому краю имѣлъ направленіе отъ Самары черезъ Бузулукъ на Оренбургъ, оттуда на Стерлитамакъ и Уфу, съ которой поворачивалъ на заводы Саткинскій, Златоустовскій и Міясскій до города Челябинска, а отъ этого послѣдняго уже въ Екатеринбургъ, такъ что его величество только по одной Оренбургской губерніи сдѣлалъ около 1.500 верстъ пути.

Во время этого путешествія, кромѣ мѣстныхъ властей, императора сопровождали: начальникъ главнаго штаба, баронъ Дибичъ (впослѣдствіи фельдмаршалъ и графъ Забалканскій), генералъ-адъютантъ графъ Ожаровскій и полковникъ Соломка. Кромѣ того, въ императорскомъ поѣздѣ были лейбъ-медикъ Вилліе и метръ-д'отель Миллеръ.

Для удобства путешествія, а больше всего, чтобы для населенія не было обременительно выставлять лошадей, весь императорскій поѣздъ дѣлился на три отдѣленія, изъ которыхъ каждое отправлялось вслѣдъ за другимъ не ранѣе 24 часовъ «на тотъ конецъ, дабы лошади одного отдѣленія могли служить и для другаго».

Поѣздъ двигался въ такомъ порядкѣ. Въ первомъ отдѣленіи находились коляски камердинера его величества и метръ-д'отеля, каждая шестерикомъ, и коляска подъ канцеляріей начальника главнаго штаба, въ четверку лошадей. Во второмъ отдѣленіи шли коляски государя императора, полковника Соломки, другаго камердинера его величества, барона Дибича и Вилліе, въ шестерку лошадей каждая, и отдѣленіе третье составляли только коляска графа Ожаровскаго и запасный станокъ, обѣ шестерикомъ, и фельдъегерская телѣжка четверикомъ.

II.

Прибытія его величества въ Уфѣ ждали съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Не говоря уже о массѣ простаго люда—крестьянъ, башкиръ, казаковъ, сюда со всей губерніи съѣхались дворяне, чтобы видѣть своего монарха и засвидѣтельствовать ему свои вѣрноподданническія чувства.

Шестнадцатое сентября, день пріѣзда Александра Павловича, было полно тревогъ и волненій. Весь городъ съ ранняго утра пришелъ въ движеніе. Дома горожанъ и зданія присутственныхъ мѣстъ убрались флагами и вензелями. Тѣ улицы, по которымъ долженъ былъ проѣзжать императоръ, декоративно украсились гирляндами

изъ разноцвѣтныхъ матерій и зелени. Народъ, разодѣтый попраздничному, чтобы не пропустить царскаго поѣзда, толпами двигался къ рѣкѣ Бѣлой. Глаза ожидающихъ были устремлены на Стерлитамакскую дорогу, откуда ожидался царственный путешественникъ. Колокольни городскихъ церквей переполнились горожанами.

Наконецъ, вдали, за рѣкой, бѣлымъ столбомъ поднялась густая пыль. Потомъ загудѣли колокола уфимскихъ церквей, и радостный благовѣстъ полился неудержимымъ призывомъ, возвѣщая жителямъ приближеніе дорогаго и давно жданнаго гостя. Нѣсколько минутъ прошло въ томительномъ ожиданіи, и вотъ коляска государя, вздымая облака пыли, показалась на Бѣлорѣченскомъ мосту. Съ южныхъ фасовъ крѣпости св. Петра грянулъ оглушительный залпъ орудій; колокола ударили трезвонъ, и государь ровно въ 7 часовъ вечера въѣхалъ въ городъ.

Александръ Павловичъ, сопровождаемый радостными кликами народа, направился прямо на приготовленную для него квартиру, въ домъ атамана уфимской станицы Патранина, гдѣ отдохнулъ немного, а затѣмъ поѣхалъ въ Смоленскій соборъ [1]). Народъ толпами устремился туда. Преосвященный Амвросій, епископъ оренбургскій и уфимскій, съ синклитомъ уфимскаго духовенства ожидалъ его величество въ церкви. Всѣ военные и гражданскіе чины г. Уфы были также тамъ.

Отслуживъ благодарственный молебенъ о благополучномъ путешествіи и приложившись къ животворящему кресту, его величество отбылъ изъ собора на квартиру губернатора Нелидова, гдѣ былъ уже приготовленъ обѣдъ.

Народъ, не смотря на позднее время, столпился передъ губернаторскимъ домомъ, оглашая воздухъ радостнымъ «ура», которое, сливаясь съ гуломъ колокольнаго звона, волнами расходилось по городу; всѣ улицы освѣтились плошками, шкаликами и разноцвѣтными фонариками. Кажется, не осталось ни одного дома, который не былъ бы освѣщенъ. Жители всю ночь не смыкали глазъ. Торжество было полное. Утро слѣдующаго дня застало горожанъ еще на улицахъ.

Солнце высоко стояло надъ горизонтомъ, переливаясь радужными лучами на крестахъ уфимскихъ церквей, колокола которыхъ оглашали окрестность призывнымъ звономъ. По улицамъ Уфы снова началось необычайное оживленіе. Народъ двигался къ Смоленскому собору. Тамъ и сямъ мелькали красные мундиры башкирскихъ вѣстовыхъ и эполеты гарнизонныхъ офицеровъ. Передъ домомъ Нелидова толпились военные и гражданскіе чины. Императоръ еще почивалъ.

---

[1]) Теперь церковь св. Троицы на углу Большой Казанской и Посадской улицъ, на Троицкой площади.

Часовъ около семи утра его величество проснулся и, позавтракавъ, принималъ у себя духовенство уфимское, военныхъ чиновъ мѣстныхъ войскъ и чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ. Слѣдомъ за ними представлялись дворяне и купцы, удостоившіеся поднести хлѣбъ-соль. Государь принималъ всѣхъ ласково и многихъ удостоилъ разговоромъ.

Послѣ этого, Александръ Павловичъ, отслушавъ въ Смоленскомъ соборѣ божественную литургію, отправился производить смотръ войскамъ уфимскаго гарнизона, которыя были выстроены въ одну линію трехшереножнымъ строемъ за городомъ, въ полѣ, верстахъ въ двухъ, правѣе старой Сибирской дороги, ведущей на городъ Златоустъ.

Едва его величество въ сопровожденіи свиты показался изъ города, музыка уфимскаго гарнизоннаго полка грянула «Боже, Царя храни». Государь поздоровался съ войсками. Громкое восторженное «ура» было отвѣтомъ на привѣтствіе обожаемаго монарха.

Осмотрѣвъ войска—гарнизонный полкъ съ гарнизонной артиллеріей и легко-конныя башкирскія и казачьи сотни, государь пропустилъ ихъ церемоніальнымъ маршемъ и остался вполнѣ доволенъ выправкой и солдатъ, и башкиръ, и казаковъ, благодарилъ полки, а нѣкоторыхъ изъ офицеровъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ.

Слѣдуя обратно въ городъ, Александръ Павловичъ посѣтилъ городскую больницу и тюремный зàмокъ.

Къ обѣду его величества, бывшему часовъ въ 7 вечера, кромѣ лицъ свиты, были приглашены еще преосвященный Амвросій, оренбургскіе губернаторы: военный генералъ-адъютантъ Эссенъ, сопровождавшій государя изъ Оренбурга, и гражданскій—Нелидовъ, а также губернскій предводитель дворянства Мордвиновъ, послѣ чего въ 9 часовъ вечера государь посѣтилъ балъ, данный въ честь его уфимскимъ дворянствомъ, гдѣ много танцовалъ съ женами и дочерьми помѣщиковъ, и, своимъ милостивымъ обхожденіемъ обворожив всѣхъ, бывшихъ тамъ, часамъ къ одиннадцати онъ возвратился на квартиру.

На другой день, 18-го сентября, въ 7 часовъ утра, государь послѣ литургіи присутствовалъ при закладкѣ храма въ честь своего ангела, во имя св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго, воздвигаемаго на деньги, пожертвованныя дворянами Оренбургской губерніи, въ память посѣщенія имъ этого края. Здѣсь Александръ Павловичъ собственноручно положилъ въ основаніе его первый камень изъ бѣлаго известняка съ надписью года, мѣсяца, числа и причины заложенія храма.

Храмъ этотъ возвышается теперь въ Уфѣ, на одной изъ людныхъ частей города, на площади, получившей впослѣдствіи названіе Александровской.

Храмъ довольно красивъ и обширенъ: можетъ вмѣстить болѣе

тысячи молящихся. Построенъ онъ въ видѣ креста объ одной главѣ съ однимъ придѣломъ. Длина его съ алтаремъ и колокольней имѣетъ 16 саженъ, высота до карниза 4 сажени и ширина между стѣнъ 11 саженъ. Надъ западнымъ входомъ устроена колокольня 17 саженъ высоты, считая съ крестомъ. Съ южной и сѣверной сторонъ входные навѣсы поддерживаютъ по четыре, въ обхватъ толщины, изящныя колонны изъ бѣлаго известняка.

Когда его величеству былъ поднесенъ проектъ фасада и плана церкви, онъ былъ очень радъ оставить такой красивый памятникъ среди возрождающагося города и благодарилъ дворянъ за придуманное доброе дѣло.

Вскорѣ послѣ этого Александръ Павловичъ, провожаемый должностными лицами и массой горожанъ и пришлаго люда, напутствовавшими дорогаго гостя сердечными благопожеланіями, выѣхалъ изъ Уфы, изъявивъ свою благодарность начальству и народу и «обѣщаясь еще разъ посѣтить Уфу».

Императорскій поѣздъ двинулся въ г. Бирскъ, куда прибылъ въ 6 часовъ по полудни того же дня.

Государь, посреди восторженныхъ кликовъ народа, посѣтилъ соборъ, а оттуда проѣхалъ на приготовленную квартиру въ домъ коллежскаго секретаря Брудинскаго.

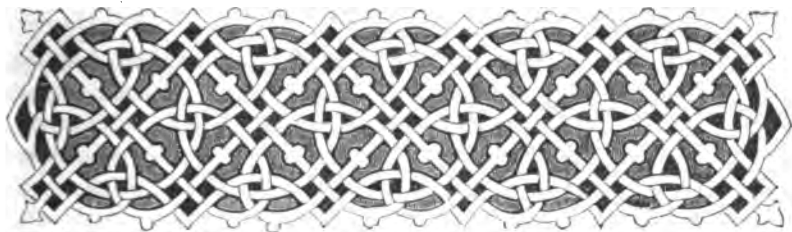
Народныя оваціи не знали границъ. Городъ былъ вычищенъ точно на смотръ. Вечеромъ улицы блистали разноцвѣтными огнями.

На другой день, принявъ уѣзднаго предводителя дворянства подполковника Панкова съ выборными дворянами, чиновниковъ и купечество, его величество, по отслушаніи литургіи, прямо изъ собора въ 8 часовъ утра отбылъ по тракту на Златоустовскій заводъ.

Маленькій чистенькій городокъ Бирскъ очень понравился Александру Павловичу. Онъ изъявилъ монаршее благоволеніе властямъ и горожанамъ, а хозяину квартиры Брудинскому на прощаньѣ подарилъ бриллiантовый перстень.

Дворяне и чиновники были въ восторгѣ отъ ласковаго обращенія государя и въ знакъ глубочайшей признательности тотчасъ же рѣшили открыть подписку для сооруженія обелиска вблизи собора, на горѣ, съ надписью дня этого радостнаго событія.

П. Юдинъ.



ЭЧМІАДЗИНСКІЙ ПАТРІАРШІЙ ПРЕСТОЛЪ И АРМЯНСКІЕ КАТОЛИКОСЫ.

ЕРВОПРЕСТОЛЬНАЯ армянская церковь въ Эчміадзинѣ, имѣющая столь выдающееся значеніе среди армянъ всего земнаго шара, араратскій патріаршій престолъ армянскихъ католикосовъ [1]), была основана св. Григоріемъ, просвѣтителемъ Арменіи, по внушенію съ неба, какъ говоритъ преданіе, и армянскимъ царемъ Трдатомъ Аршакуни въ 307 году. Со времени основанія Эчміадзина прошло 1585 лѣтъ, втеченіе которыхъ на престолѣ св. Григорія просвѣтителя перебывало 136 архипастырей. По удостовѣренію армянскихъ историковъ, эчміадзинскій патріаршій престолъ, до эпохи подпаденія подъ власть иновѣрныхъ державъ, обладалъ значительными угодьями: онъ имѣлъ до 800 деревень, которыя со временемъ были отняты восточными властелинами.

Во времена суроваго восточнаго владычества надъ Арменіей армяно-григоріане, искони отличающіеся искренней набожностью и преданностью своей церкви, поддерживали патріаршій престолъ, а также монастыри, церкви, учебныя и богоугодныя заведенія добровольными пожертвованіями.

Находясь много вѣковъ подъ владычествомъ мусульманъ, армянская церковь, вслѣдствіе царившихъ въ ней безпорядковъ, пришла мало-по-малу въ совершенный упадокъ. Главною тому причиною слѣдуетъ считать вліяніе персидскаго шаха и въ особенности эри-

---

[1]) То-есть вселенскихъ патріарховъ, которыхъ у армянъ одинъ,—въ Эчміадзинѣ.

ванскихъ хановъ на верховное управленіе армянскою церковью. Эчміадзинскіе патріархи потеряли свое значеніе, а высшее армянское духовенство болѣе думало объ удовлетвореніи своекорыстныхъ видовъ, чѣмъ о благѣ паствы. Низшіе же чины пребывали въ полномъ невѣжествѣ, и народъ терялъ уваженіе къ своимъ духовнымъ пастырямъ.

Наконецъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, во время раздраженныхъ споровъ за первенство двухъ патріарховъ, Даніила и Давида, турецкіе армяне, составляющіе почти половину всего гайканскаго народа [1]), отдѣлились отъ эчміадзинскаго престола и объединились подъ духовною властью своего особаго патріарха константинопольскаго.

Въ это смутное, тяжелое для армянской церкви время многіе эчміадзинскіе католикосы должны были, спасаясь отъ преслѣдованій, скитаться по разнымъ областямъ и подвергаться всевозможнымъ опасностямъ и случайностямъ.

Со времени присоединенія Араратской области къ Россіи, для Эчміадзина наступили лучшія времена. Эчміадзинскій престолъ сталъ пріобрѣтать все большее и большее вліяніе и значеніе, при наступленіи мира и тишины, въ армянской церкви, на сколько, разумѣется, это можетъ быть примѣнимо къ армянамъ, вѣчно безпокойнымъ, раздѣленнымъ на разныя, враждебныя другъ другу партіи, постоянно чѣмъ нибудь недовольнымъ и витающимъ въ несбыточныхъ мечтахъ и неосуществимыхъ надеждахъ.

Первымъ католикосомъ, по присоединеніи Эчміадзина къ Россіи, былъ патріархъ Давидъ, низверженный Даніиломъ, который и возведенъ былъ въ санъ верховнаго патріарха.

Затѣмъ слѣдовали патріархи-католикосы: Іоаннесъ до 1842 г., Нерсесъ съ 1843 до 1857 г., Матсосъ съ 1858 до 1865 г., Кеворкъ съ 1866 до 1882 г., Макарій съ 1885 до 1891 г. и, наконецъ, новоизбранный патріархъ-католикосъ Мкртичъ (Никита) Хриміанъ.

Согласно Положенію 1836 года объ управленіи армянскою церковью, избраніе католикоса всегда производится въ Эчміадзинѣ духовными и свѣтскими делегатами отъ армяно-григоріанскихъ эпархій въ Россіи, Турціи, Персіи, Индіи, Румыніи и Болгаріи. Въ избраніи должны участвовать 121 делегатъ, духовные и свѣтскіе, а именно: изъ Россіи 27 (6 свѣтскихъ и 21 духовныхъ), изъ Персіи и Индіи 4, изъ Турціи 88 и изъ Румыніи и Болгаріи 2 делегата.

Въ послѣднихъ выборахъ патріарха, состоявшихся въ началѣ минувшаго мая, принимали участіе всего 72 делегата; нѣкоторые

---

[1]) Армяне называютъ себя **гайками**, народомъ **гайканскимъ**. Это названіе офиціально сохраняется за ними въ титулѣ эчміадзинскаго патріарха, который именуется патріархомъ католикосомъ гайканскаго народа.

епархіи совсѣмъ не прислали своихъ делегатовъ, а нѣкоторыя ограничились посылкою письменныхъ заявленій.

Не смотря, однако, на неполный комплектъ делегатовъ, послѣдніе выборы численностью избирателей превзошли всѣ прежніе, на которыхъ бывало отъ 30 до 35 избирателей, не больше.

На основаніи вышеупомянутаго Положенія, собравшіеся въ Эчміадзинѣ делегаты должны избрать двухъ кандидатовъ на патріаршій престолъ, изъ коихъ одинъ утверждается католикосомъ Высочайшею волею.

На послѣднихъ выборахъ кандидатами избраны: бывшій константинопольскій армяно-григоріанскій патріархъ, проживающій въ настоящее время, на покоѣ, въ монастырѣ св. Іакова, въ Яффѣ, архіепископъ Мкртичъ Хриміанъ, какъ уже было сказано, единогласно, 72 голосами, и вторымъ кандидатомъ бывшій египетскій епархіальный начальникъ, нынѣ скутарійскій, въ Константинополѣ, проповѣдникъ, епископъ Матеосъ Измирліанъ, 56 голосами.

Какъ тотъ, такъ и другой избранникъ пользуются большой симпатіей и уваженіемъ среди русскихъ и заграничныхъ армянъ.

Особенной популярностью пользуется Мкртичъ Хримiанъ, котораго армяне всего свѣта называютъ не иначе, какъ хайрикъ, то-есть отецъ, батюшка, желая показать этимъ свою любовь къ нему и величайшее уваженіе и почтеніе. Если вы услышите въ разговорѣ армянъ слово «хайрикъ», то будьте увѣрены, что рѣчь идетъ не о комъ иномъ, какъ объ архіепископѣ Мкртичѣ Хримiанѣ. Можно смѣло сказать, что нѣтъ такого армянина, который не зналъ бы знаменитаго хайрика! Мало того, это почетное и характерное прозвище до такой степени укоренилось за Хримiаномъ, такъ сроднилось съ нимъ, что даже турки и греки называютъ его не иначе, какъ «армянскимъ хайрикомъ».

Хримiанъ родился въ 1820 году (теперь ему 72 года) въ г. Ванѣ, въ турецкой Арменіи. Не смотря на преклонный возростъ, Хримiанъ весьма бодръ и энергиченъ, и на видъ ему нельзя дать болѣе 50—55 лѣтъ, какъ могутъ видѣть читатели изъ прилагаемаго портрета.

По окончаніи богословскаго образованія въ Ахтамарскомъ монастырѣ, онъ, въ 1854 году, постригся въ монахи, а въ 1868 г. посвященъ былъ въ Эчміадзинѣ бывшимъ тогда католикосомъ, Кеворкомъ IV-мъ, въ епископскій санъ. Втеченіе періода времени отъ 1854 до 1890 г. онъ занималъ слѣдующія должности: настоятеля Варагскаго монастыря, при которомъ завелъ училище съ пансіономъ, епархіальнаго начальника Мушской епархіи, въ 1862 г., константинопольскаго армяно-григоріанскаго патріарха (1863—1867 г.), епархіальнаго начальника Ванской епархіи и предсѣдателя константинопольскаго патріаршаго синода. Нѣкото-

рое время онъ былъ также учителемъ армянскихъ народныхъ школъ въ Ванѣ, Константинополѣ и Киликіи.

Въ 1890 году архіепископъ Мкртичъ отправился въ Іерусалимъ на поклоненіе святымъ мѣстамъ, гдѣ остается и до сихъ поръ, въ армяно-григоріанскомъ монастырѣ св. Іакова, какъ сказано выше.

Впродолженіе всей своей долголѣтней и разнообразной духовно-административной дѣятельности онъ отличался неутомимой энергіей, умѣлой распорядительностью и силой воли.

Радѣя главнымъ образомъ постоянно о народномъ образованіи, онъ во многихъ мѣстностяхъ завелъ образцовыя школы, и армяне должны быть ему благодарны за его старанія о поднятіи у нихъ просвѣщенія и сельской промышленности.

Народныя школы всегда были любимымъ дѣломъ просвѣщеннаго «хайрика». Въ 1857 году онъ затѣялъ въ г. Ванѣ изданіе газеты «Ардзу Васпураканъ» (Ванскій Орелъ),—первой армянской газеты въ этой области. Эта газета была, главнымъ образомъ, его органъ въ полномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ почти всѣ статьи писались самимъ неутомимымъ редакторомъ. Въ нихъ онъ краснорѣчиво ратовалъ за народное образованіе, за насущную потребность въ поднятіи его уровня среди армянъ и въ укрѣпленіи въ ихъ средѣ правильно и глубоко понимаемыхъ основъ христіанства.

Въ 1860 году Хриміанъ совершилъ путешествіе по Кавказу и всюду, по пути, былъ горячо привѣтствованъ мѣстнымъ армянскимъ населеніемъ. Изъ этой поѣздки онъ вынесъ самое лучшее мнѣніе о положеніи армянъ въ Россіи, пользующихся у насъ такими правами и покровительствомъ, о которыхъ не имѣютъ никакого понятія армяне въ Турціи и Персіи. Россію считаетъ онъ единственною истинной покровительницею армянъ и вообще всѣхъ восточныхъ христіанъ.

Во время Берлинскаго конгресса, Хриміанъ, по просьбѣ своихъ единоплеменниковъ, ѣздилъ въ Берлинъ, въ качествѣ негласнаго делегата отъ турецкихъ армянъ. Ему поручено было ходатайствовать передъ европейскими дворами объ улучшеніи участи армянъ въ Турціи. Онъ посѣтилъ тогда почти всѣ столицы Западной Европы и вездѣ энергически хлопоталъ о дорогомъ ему національномъ дѣлѣ.

Не задаваясь никакими политическими задачами и держась въ сторонѣ отъ всевозможныхъ происковъ и интригъ армянъ-фанатиковъ, которыхъ не мало въ гайканскомъ племени, Хриміанъ, безъ всякихъ заднихъ мыслей, прилагалъ всѣ усилія единственно къ тому, чтобы многочисленному армянскому населенію Турціи предоставлена была свобода исповѣданія христіанской вѣры и чтобы оно избавлено было отъ преслѣдованій и стѣсненій всякаго рода со стороны мусульманъ.

Европа произвела на «хайрика», какъ и слѣдовало ожидать, сильное впечатлѣніе.

Въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ говоритъ, что прогрессъ, достигнутый европейскими государствами, является желаннымъ и благотворнымъ результатомъ свободы христіанскаго принципа, вносящаго въ жизнь миръ, спокойствіе и благоденствіе.

Будучи исключительно человѣкомъ дѣла, добрымъ пастыремъ, всегда находившимся «на дѣйствительной службѣ» на благо паствы, какимъ мы видимъ его, напримѣръ, въ 1879 году, во время страшнаго голода въ Ванскомъ вилаетѣ, вызвавшимъ, благодаря своей энергіи и громадной популярности, откликъ всѣхъ армянъ въ пользу голодающихъ, — Мкртичъ Хриміанъ можетъ считаться въ то же время и однимъ изъ лучшихъ богословскихъ писателей своего племени. Онъ написалъ не мало ученыхъ сочиненій, изъ которыхъ нѣкоторыя пользуются большою популярностью среди армянъ. Имъ составлено, кромѣ того, множество брошюръ для народнаго чтенія религіозно-нравственнаго характера. Изъ нихъ особеннымъ успѣхомъ, по простотѣ, живости и силѣ изложенія, пользуются «Райская семья» и «Сирокъ и Самуэль», въ которыхъ затронуты вопросы объ обществѣ, семьѣ и воспитаніи. Эти повѣсти выдержали два изданія, что̀ бываетъ очень и очень рѣдко съ армянскими книгами. Въ настоящее время въ Тифлисѣ готовится къ выходу въ свѣтъ полное собраніе его многочисленныхъ ученолитературныхъ произведеній. Заранѣе можно предвидѣть, что это изданіе будетъ имѣть среди армянъ несомнѣнный успѣхъ.

Религіозная терпимость и широта философскихъ воззрѣній почтеннаго архіепископа составили ему славу либерала. Пожалуй, дѣйствительно, онъ и является такимъ въ глазахъ сторонниковъ фанатической вѣроисповѣдной розни, такъ какъ для него не существуетъ никакой разницы между армяно-григоріанами, армяно-католиками и армяно-лютеранами. Являясь проповѣдникомъ христіанскихъ началъ въ самомъ широкомъ, возвышенномъ и гуманномъ значеніи этого слова, архіепископъ Мкртичъ требуетъ отъ армянина прежде всего, чтобы онъ былъ истиннымъ христіаниномъ.

Такова, въ самыхъ общихъ чертахъ, симпатичная личность Мкртича Хриміана, этого замѣчательнаго и лучшаго представителя армянской національности въ настоящее время.

Въ трудныя минуты армяне всегда обращаютъ взоры на своего любимаго «хайрика», слова котораго всегда имѣютъ безповоротное и рѣшающее значеніе. Онъ никогда не признавалъ и не признаетъ никакихъ партій, а ихъ среди армянъ великое множество, и, благодаря этому, нѣтъ ни одного армянина (даже въ средѣ самыхъ отчаянныхъ и непримиримыхъ сепаратистовъ), который не преклонялся бы предъ нравственнымъ авторитетомъ этого всѣми единогласно признаннаго духовнаго армянскаго вождя!

Его доброта, щедрая благотворительность и искреннее желаніе помочь ближнему извѣстны всѣмъ и каждому и привлекаютъ къ нему сердца его безчисленныхъ поклонниковъ. О немъ, какъ о популярной личности, сложилось у армянъ множество разсказовъ, въ которыхъ выставляется, главнымъ образомъ, на видъ его удивительная доброта и трогательное простосердечіе. Такъ, напримѣръ, о немъ ходитъ слѣдующій разсказъ.

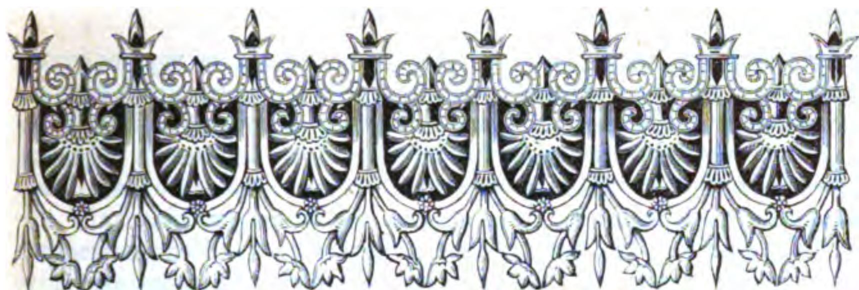
Однажды «хайрикъ», который, раздавая всегда всѣ свои деньги нуждающимся, одѣвается до крайности просто, почти даже бѣдно, во время одной изъ своихъ поѣздокъ по Мушской епархіи, получилъ въ подарокъ отъ прихожанъ богатой церкви одного большаго селенія роскошную бархатную рясу. Онъ благодушно ее принялъ, поблагодарилъ и обѣщалъ носить на память о подарившихъ ее. Но обѣщанію не суждено было сбыться! Чрезъ какой нибудь часъ архіепископъ былъ уже въ другомъ селеніи, съ бѣдной церковью, неимущимъ причтомъ и священникомъ, бѣдно одѣтымъ. «Хайрикъ» растрогался и тутъ же отдалъ священнику только что подаренную ему бархатную рясу.

Подобнымъ разсказамъ нѣтъ числа!

Что касается отношеній Мкртича Химіана къ Россіи, то они наилучшія, и его можно, поистинѣ, считать самымъ искреннимъ и убѣжденнымъ руссофиломъ. Какъ уже было сказано, на Россію смотритъ онъ, какъ на единственную и самую вѣрную и сильную защитницу восточныхъ христіанъ, и это дѣлаетъ его ея горячимъ поклонникомъ.

Въ довершеніе портрета архіепископа Химіана скажемъ еще, что, при всей своей глубокой любви къ Арменіи, онъ всегда строго порицалъ и порицаетъ неумѣстные политическіе происки той партіи армянъ, которая мечтаетъ о несбыточномъ возстановленіи Армянскаго царства. Какъ человѣкъ большаго ума и тонкаго практическаго смысла, Хриміанъ не одобряетъ сепаратистскихъ стремленій, которыя никогда не найдутъ себѣ въ немъ сторонника.

Можно думать, что въ Мкртичѣ Хриміанѣ наше правительство встрѣтитъ человѣка, котораго никогда не видѣло еще на патріаршемъ престолѣ католикосовъ, — умнаго и сильнаго волею архипастыря, сочувственно относящагося къ Россіи и пользующагося вполнѣ заслуженной громадной популярностью среди всего многомилліоннаго армянскаго племени и нравственнымъ обаяніемъ и авторитетомъ, которые дадутъ ему полную возможность управлять армянскою церковью въ Россіи согласно видамъ правительственной власти и гуманнымъ началамъ христіанскаго міровоззрѣнія, столь дорогимъ его сердцу.



НАРОДНАЯ СМУТА НА ВЯТКѢ ИЗЪ-ЗА „КОРМЛЕНІЯ" ВОЕВОДЪ.

(Очеркъ изъ жизни XVII вѣка) [1].

I.

Въ НИКОЛЬСКОМЪ соборѣ города Хлынова (какъ тогда называлась Вятка) шла, 20-го декабря 1635 года, обѣдня. По случаю воскреснаго дня церковь была полна молящихся. Толпа богомольцевъ состояла главнымъ образомъ изъ служилыхъ людей, а посадскихъ почти не было видно. На почетномъ мѣстѣ, у праваго клироса, стоялъ воевода Григорій Ивановичъ Волынской, недавно назначенный въ Хлыновъ на смѣну воеводы Василія Чевкина. Его окружали «начальные люди» города и старшіе подьячіе «съѣзжей избы». Всѣ они были чѣмъ-то смущены, взволнованы, о чемъ-то перешептывались другъ съ другомъ, вздрагивая каждый разъ, какъ въ растворявшіяся церковныя двери, впускавшія новыхъ богомольцевъ, доносился съ площади гулъ человѣческихъ голосовъ... Всѣ невольно тогда оборачивались къ дверямъ, стараясь разсмотрѣть, что дѣлалось за ними, и разгадать смыслъ такъ волновавшаго ихъ шума... Нѣкоторые не выдерживали охватывавшаго ихъ волненія и торо-

[1]) Очеркъ основанъ на «сыскѣ» о вятскомъ бунтѣ, производившемся на мѣстѣ въ 1636 г. «сыщиками» кн. Ив. Андр. Дашковымъ и дьякомъ Дм. Карповымъ. «Сыскъ» хранится въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. См. Сибирскаго приказа столбцы № 174, лл. 1—413, и № 177, лл. 1—129.

пливо уходили изъ храма. Подымалось движеніе въ церкви, голоса чтецовъ и пѣвцовъ обрывались, священнослужители испуганно посматривали изъ алтаря... Воевода быстро оглядывался назадъ, и подъ его строгимъ взглядомъ волненіе затихало на время, и служба возобновлялась до новаго перерыва. Напряженное ожиданіе было написано на всѣхъ лицахъ и искало какого нибудь выхода...

Сумрачнѣе всѣхъ выглядывалъ самъ воевода. Его энергичное, еще не старое лице не выдавало испытываемаго имъ волненія, но молиться онъ не могъ: недвижно и задумчиво стоялъ онъ на своемъ мѣстѣ, и только временами поднимавшееся въ церкви движеніе заставляло его нервно вздрагивать и оглядываться назадъ...

А ему было отчего задумываться... Въ городѣ и уѣздахъ [1]) было неспокойно: посадскіе и «земскіе» люди явно волновались и выходили изъ повиновенія... Волненіе росло, и чѣмъ могло закончиться— Богъ вѣсть!.. Отсутствіе посадскихъ въ церкви сразу бросилось воеводѣ въ глаза, какъ только онъ вошелъ туда. А теперь этотъ шумъ толпы на площади, и гдѣ, очевидно, собираются посадскіе,—что онъ значитъ? что затѣваютъ эти «воры» и «мятежники»?..

Волненія ихъ начались недавно, и воевода не могъ не сознаться, что именно онъ самъ и далъ къ тому поводъ. Явившись на воеводство, Волынской, слѣдуя примѣру своей братіи, московскихъ воеводъ, сталъ требовать у посадскихъ и земскихъ людей обычныхъ даней, шедшихъ съ города и уѣзда на «кормленіе» воеводъ. Онъ потребовалъ себѣ такъ называемаго «въѣзжаго» [2]) 500 р., «посошнаго хлѣба» [3]), «празнишныхъ денегъ» [4]), «всядневныхъ харчей», «пивныхъ варь» и «винныхъ брагъ», «конскаго корму», дровъ и пр., и пр.

Никакими законами не были установлены эти дани съ населенія въ пользу воеводъ, но онѣ вошли въ обычную практику жизни, и народъ привыкъ къ этимъ поборамъ, возмущаясь только тогда, когда требовательность воеводъ переходила мѣру. И вятчане съ незапамятныхъ временъ вносили, что слѣдуетъ, на «кормленіе» своихъ воеводъ, конечно, не съ легкимъ сердцемъ, но и безъ видимаго протеста... Такъ повелось изстари, и новый воевода, Волынской, считалъ себя вправѣ требовать обычныхъ воеводскихъ даней... Но вышло иначе...

Надоѣло ли вятчанамъ это безконечное воеводское «кормленіе», или ихъ взорвала чрезмѣрная требовательность Волынскаго, но они

---

[1]) Кромѣ города Хлынова съ его уѣздомъ, вятскому воеводѣ были подчинены еще пригороды Орловъ и Котельничъ съ ихъ уѣздами.

[2]) То-есть денежный подарокъ воеводѣ по случаю его въѣзда въ городъ.

[3]) Такъ назывался хлѣбъ, собиравшійся съ крестьянскихъ «сохъ», на которыя дѣлились крестьянскія земли извѣстной волости или стана, въ цѣляхъ податнаго обложенія и друг.

[4]) На большіе праздники воеводы «правили» себѣ съ посадскихъ людей по 10—20 р. «празнишныхъ» денегъ.

задумали отдѣлаться отъ воеводскаго нахальства. Они хорошо знали, что законъ и правда на ихъ сторонѣ, что не для того шлетъ къ нимъ «великій государь» своихъ воеводъ, чтобы тѣ грабили «государевыхъ сиротъ»... Они понимали, что и воеводское «кормленіе», освященное не закономъ, но безобразною практикою жизни, есть тотъ же грабежъ, терпимый населеніемъ до поры до времени... И вятчане порѣшили сдѣлать попытку и освободиться отъ этого грабежа. Но какъ всегда бываетъ въ народныхъ движеніяхъ, слабо дисциплинированныхъ и мало обдуманныхъ, начавъ съ мирныхъ и законныхъ шаговъ, вятчане не долго выдержали въ этомъ направленіи и скоро перешли въ открытый «мятежъ», со всѣми его насиліями, вплоть до пролитія человѣческой крови...

Какъ давно началось это движеніе на Вяткѣ, «сыскъ» не говоритъ. Но несомнѣнно, что осенью 1635 г. у вятчанъ организовался, по выраженію «сыска», «воровской заводъ», то-есть заговоръ, поставившій цѣлью умѣрить противозаконную алчность воеводъ. Во главѣ «завода» стоялъ орловскій «земскій староста» Трифонъ Перетолчинъ, проживавшій въ это время въ Хлыновѣ по дѣламъ своей службы. Ревностными его помощниками были хлыновскій староста Ѳедоръ Вшивцовъ и «земскій дьячекъ» Петръ Руской. Хотя вся исторія «мятежа» разыгралась въ Хлыновѣ, но всѣмъ дѣломъ верховодили не мѣстныя земскія власти—Вшивцовъ и Руской, а именно Перетолчинъ, староста хлыновскаго пригорода Орлова, какъ человѣкъ болѣе энергичный и пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ среди вятскаго «міра». «Сыскъ» отмѣчаетъ, что вятчане называли Перетолчина «балашемъ» (большакъ, набольшій, старшій...) и преимущественно «съ тѣхъ мѣстъ (то-есть съ той поры), какъ учинился на Вяткѣ мятежъ»... Впрочемъ, другіе свидѣтели утверждали, что Перетолчинъ «давно» уже величается въ народѣ «балашемъ», но «сколь давно зовутъ» его такъ, не могли сказать.

Кромѣ Перетолчина, Вшивцова и Рускаго, видную роль среди «заговорщиковъ» играли еще «земскіе старосты» Иванъ Суетинъ и Денисъ Шерстеновъ.

Но не всѣ «лутчіе люди» земскіе и посадскіе примкнули къ «воровскому заводу» Перетолчина съ товарищи. Отъ дѣятельнаго участія въ «заводѣ» уклонились преимущественно богатые люди, боявшіеся потерять свои «животы» въ смутное время ожидавшихся волненій. Таковъ, напримѣръ, былъ богатый посадскій человѣкъ Хлынова Козьма Нестеровъ, который вмѣстѣ съ своими «товарищи» наканунѣ волненій «разбѣжалися», боясь «убивства». Вообще многіе земскіе люди находились въ это время «въ хоронѣхъ» (хоронились, прятались).

Но среди земскихъ людей явилась и явная оппозиція начинавшемуся движенію, руководимому «балашемъ» Перетолчинымъ. Про-

тивникомъ его выступилъ посадскій человѣкъ Хлынова Данило Калсинъ, трагически погибшій во время смутныхъ событій 20-го декабря, и именно за противодѣйствіе «земскому дѣлу»... Нельзя сказать, чтобы за нимъ стояла извѣстная партія земскихъ людей, противодѣйствовавшихъ Перетолчину во имя какихъ либо принциповъ Нѣтъ, это просто была группа случайныхъ людей, дѣйствовавшихъ единственно во имя личныхъ интересовъ... Какъ Калсинъ, такъ и его единомышленники, по своимъ торговымъ и промышленнымъ предпріятіямъ, стояли довольно близко къ мѣстной администраціи. Одни изъ нихъ снимали въ городѣ и уѣздѣ государевы оброчныя статьи, другіе брали на себя подряды по доставкѣ въ сибирскіе города собираемаго съ вятчанъ «посошнаго хлѣба», по доставкѣ туда же «горячаго вина» и проч. Получая отъ мѣстныхъ властей разныя потачки и льготы по своимъ предпріятіямъ, эта группа земскихъ людей естественно льнула къ властямъ, ухаживала за ними всячески и ради личныхъ интересовъ вступила въ борьбу съ интересами своего же «земскаго міра»...

Когда Волынской поднялъ вопросъ о полученіи съ вятчанъ «въѣзжаго» и другихъ воеводскихъ даней, переговоры по этому предмету съ «міромъ» пришлось прежде всего вести именно при посредствѣ Данилы Калсина съ товарищи. Они постоянно вертѣлись около съѣзжей избы и воеводскаго двора. Калсинъ принялъ требованія воеводы, какъ вполнѣ законныя и обязательныя для населенія, и сейчасъ же передалъ о томъ «міру». Но, къ его крайнему удивленію, земскіе старосты, всегда въ прежнее время выражавшіе полную готовность немедленно удовлетворить воеводскій аппетитъ и даже благодарившіе Калсина за его хлопоты въ подобныхъ случаяхъ, на этотъ разъ не только не поблагодарили Калсина, но даже прямо заявили ему, чтобы онъ не мѣшался въ мірское дѣло, что они «подумаютъ съ міромъ» и мірской приговоръ сами передадутъ Волынскому. Этотъ приговоръ: не давать воеводѣ «въѣзжаго» и другихъ даней, они давно уже постановили, но остерегались сказать всю правду Калсину, потому что «онъ, Данилко, былъ ябедникъ» (какъ называютъ его въ «сыскѣ» многіе свидѣтели).

Какъ ни поразили Калсина слова старосты, онъ и мысли не допускалъ, чтобы подъ этой отсрочкой крылось желаніе міра совсѣмъ отказаться отъ взноса даней. Онъ допускалъ только одно, что міръ желаетъ договориться на счетъ размѣра «въѣзжаго» и проч. Желая помочь міру въ этомъ важномъ вопросѣ, Калсинъ сталъ требовать, чтобы «въѣзжее» было поднесено Волынскому въ размѣрѣ 500 рублей. Онъ доказывалъ, что это человѣкъ родовитый—меньшей де суммы и не возьметъ... Говорилъ о его крайней строгости и требовательности, словомъ распинался за интересы воеводы, какъ за свои собственные.

Толпа молча слушала «ябедника» и не противорѣчила ему, зная, что мірскими интересами Калсина не прошибешь, и что въ данномъ случаѣ онъ дѣйствительно стоялъ и за свои личныя выгоды. Съ давнихъ поръ установилось, что переговоры о «въѣзжемъ» и т. п. незаконныхъ поборахъ велись властями чрезъ Калсина и чрезъ него же передавались мірскія деньги. На «сыскѣ» многіе показывали (не только земскіе люди, но и служилые и духовенство и проч.), что Калсинъ всегда «воеводамъ и посланникамъ [1]) и подьячимъ засуливалъ посулы великіе, безъ мірскаго совѣту, сулилъ въѣзжее по 400 и по 500 рублевъ, и сошной хлѣбъ, и повсядневные харчи, и съ ними дѣлился»... Слѣдовательно, чѣмъ больше получали воеводы, тѣмъ больше перепадало и на долю «ябедника»...

Не понявши молчаливаго протеста толпы, Калсинъ доложилъ Волынскому, что онъ получитъ 500 р. «въѣзжаго», будетъ получать всякій «кормъ», «празнишныя» деньги и проч. Воевода не замедлилъ передать объ этомъ кое-кому изъ близкихъ себѣ служилыхъ людей, а отъ нихъ вѣсти о новыхъ «великихъ посулахъ» Калсина воеводѣ распространились по городу. Міръ страшно негодовалъ на Калсина и порѣшилъ, что «ябеднику» слѣдуетъ дать хорошій урокъ...

II.

Воевода Волынской былъ такъ увѣренъ въ словахъ Калсина, что черезъ нѣсколько дней потребовалъ въ съѣзжую избу земскихъ старостъ, чтобы окончательно порѣшить съ вопросомъ о «въѣзжемъ». Кромѣ Перетолчина, Вшивцова и другихъ старостъ, народу собралось около избы болѣе 200 человѣкъ. Всѣ они вели себя очень чинно: никакого «насильства мы не видали» отъ нихъ, показывали впослѣдствіи на «сыскѣ» подьячіе.

Воевода вышелъ къ народу и, обратясь къ старостамъ, спокойно сталъ «просить у нихъ въѣзжаго и кормового и посошного хлѣба»... Спокойный и даже просительный тонъ воеводы придалъ смѣлости міру, и Перетолчинъ, выступивъ впередъ, обратился къ Волынскому съ прямымъ вопросомъ:

— Почему тебѣ давать въѣзжее и кормъ и посошной хлѣбъ?

— По государеву наказу...—солгалъ Волынской.

— А прикажи вычитать міру государевъ наказъ,—настаивалъ Перетолчинъ.

Воевода повернулся и ушелъ въ съѣзжую избу, откуда черезъ нѣсколько минутъ выслалъ подьячаго Петра Агѣева дѣйствительно съ «воеводскимъ наказомъ» въ рукахъ.

Трудно допустить, чтобы воевода не зналъ своего «наказа» и не сознавалъ своей лжи, когда дѣлалъ ссылку на этотъ документъ!..

---

[1]) То-есть лицамъ, посылавшимся изъ Москвы на Вятку съ особыми порученіями,—разнымъ «сыщикамъ» и проч.

Что же дало ему такую нахальную смѣлость—позволить «вычесть» народу наказъ, въ которомъ, онъ зналъ, ни слова нѣтъ о «въѣзжемъ»? Не расчитывалъ ли онъ на «темноту» народа, на то, что земскіе люди не поймутъ письменной рѣчи? Врядъ ли! онъ хорошо зналъ, что въ его время приказные документы писались на томъ же ясномъ и простомъ разговорномъ языкѣ, на какомъ объяснялись въ своемъ быту всѣ русскіе люди. Это не былъ варварскій языкъ канцелярщины XVIII в. (да и позднѣйшей), дѣйствительно убійственный для пониманія не одного простонародья...

Скорѣе всего слѣдуетъ допустить, что Волынской просто хотѣлъ нагло продолжать свою ложь и дальше: возможно, что онъ приказалъ подьячему Агѣеву вставить въ наказъ прибавку о «въѣзжемъ» и проч. По крайней мѣрѣ, на это наводитъ дальнѣйшее поведеніе земскихъ людей, собравшихся у съѣзжей избы.

Не успѣлъ еще Агѣевъ развернуть столбецъ, на которомъ былъ написанъ государевъ наказъ, какъ Перетолчинъ остановилъ его и потребовалъ, чтобы наказъ читалъ ихъ «земской дьячекъ» Петръ Руской... Агѣеву ничего не оставалось дѣлать, какъ передать наказъ Рускому.

Долго вычитывалъ Руской длинный государевъ наказъ Волынскому, а когда все было прочтено, міръ вполнѣ убѣдился, что ни о «въѣзжемъ», ни о «посошномъ хлѣбѣ», ни о другихъ даняхъ воеводѣ въ наказѣ ничего «того не написано»... Загудѣлъ отъ радости міръ, подтвердилась правда Перетолчина и другихъ знающихъ людей, давно уже увѣрявшихъ, что все это выдумки воеводъ!... Всѣ облегченно вздохнули, почуявъ подъ собой почву правды и законности...

Когда на этотъ шумъ вышелъ изъ съѣзжей избы воевода и снова заговорилъ о «въѣзжемъ», «старосты и мірскіе люди въ томъ ему отказали»... Растерявшійся воевода поспѣшилъ скрыться въ избу, а народъ спокойно сталъ расходиться. Взбѣшенный Калсинъ, все время находившійся тутъ же и получившій отъ воеводы большой нагоняй за лживые свои «посулы», посылалъ въ догонку уходившимъ кучу угрозъ и брани. Но народъ не обращалъ на него вниманія, и только немногіе оборачивались и грозили Калсину кулаками.

Волынской былъ взбѣшенъ не меньше Калсина и сейчасъ же распорядился энергично: «велѣлъ приставомъ на старостахъ и на земскихъ людяхъ править въѣзжаго себѣ 500 рублевъ и сошного хлѣба, и празнишного, и за харчи деньги»... А чтобы придать этой мѣрѣ видъ законности, онъ связалъ свое личное требованіе со взысканіемъ «государевыхъ доходовъ — данныхъ и оброчныхъ денегъ»...

«Пристава» немедленно взялись за дѣло, и къ вечеру того же дня у съѣзжей избы стояло «на правежѣ» нѣсколько мірскихъ

людей, преимущественно «земскихъ цѣловальниковъ» (помощники старостъ, завѣдывавшіе главнымъ образомъ разными денежными и другими сборами съ міра). Но самихъ старостъ воевода не трогалъ. Нѣкоторые пристава съ тою же цѣлью выѣхали изъ Хлынова въ Орловъ и Слободской пригороды. Въ слѣдующіе дни число лицъ, стоявшихъ «на правежѣ», увеличилось. А извѣстно, что это положеніе было не изъ пріятныхъ: стоявшихъ «на правежѣ» упорно били, пока они не уплатятъ взыскиваемыхъ съ нихъ денегъ... Волынской же приказывалъ «бить на правежѣ на смерть»...

Земскіе старосты бросились къ съѣзжей избѣ выручать своихъ «цѣловальниковъ» и другихъ земскихъ людей, очутившихся на правежѣ. Волынской жаловался впослѣдствіи, будто земскіе старосты Трифонъ Перетолчинъ, Иванъ Суетинъ и Денисъ Шерстеновъ «съ шумомъ» приходили «съ своими заговорщики» къ его воеводскому двору и къ съѣзжей избѣ, и «тѣхъ людей, которые поставлены на правежѣ, сильно емлютъ», то-есть насильно и самовольно сводятъ ихъ «съ правежа». Но на «сыскѣ» эти обвиненія не подтвердились. Самые близкіе свидѣтели дѣла, подьячіе съѣзжей избы, единогласно показывали, что дѣйствительно земскіе старосты, «по мірскому велѣнью», приходили въ съѣзжую избу бить челомъ воеводѣ, «чтобъ онъ пожаловалъ—велѣлъ съ правежу свесть цѣловальниковъ и мірскихъ людей», но сами старосты не сводили стоявшихъ тамъ людей и къ воеводскому двору «съ шумомъ не прихаживали»... Напротивъ, самъ воевода, по усиленному челобитью старостъ, отпустилъ «съ правежу» взятыхъ людей.

Воевода вынужденъ былъ пойдти на такую уступку вслѣдствіе особаго обстоятельства, ясно показавшаго, что у земскихъ людей начинаютъ разгораться страсти, и что мѣры строгости только ухудшаютъ обострившееся положеніе...

Предмѣстникъ Волынскаго, воевода Василій Чевкинъ, еще не уѣхалъ изъ Вятки, такъ какъ былъ занятъ сдачею воеводства преемнику. По тому же поводу оставался на Вяткѣ и «товарищъ» Чевкина по воеводству подьячій Дорогой Одинцовъ[1]), также отслужившій свой срокъ и собиравшійся вернуться съ Чевкинымъ въ Москву. Оба они, достаточно уже «покормившіеся» отъ вятчанъ, съ негодованіемъ смотрѣли на начинавшееся волненіе народа и сочувственно относились къ требованію Волынскимъ «въѣзжаго» и къ постигшей его неудачѣ. Но никогда не ожидали они, что народное волненіе коснется и ихъ интересовъ...

Страшно пораженъ былъ Чевкинъ, когда однажды утромъ увидѣлъ на своемъ дворѣ большую толпу хлыновскихъ, орловскихъ

---

[1]) По всей вѣроятности, это былъ «подьячій съ приписью», то-есть съ правомъ подписывать бумаги за воеводскаго товарища. Въ небольшихъ городахъ роль воеводскихъ товарищей играли дьяки или подьячіе съ приписью, а особыхъ «товарищей» не было.

и котельницкихъ земскихъ людей, предводимыхъ старостами Перетолчинымъ и Вшивцовымъ. Познакомившись съ воеводскимъ «наказомъ» и убѣдившись, что никакого «въѣзжаго» и проч. по закону не полагается, міръ порѣшилъ истребовать у Чевкина и Одинцова незаконно взятое ими «въѣзжее», когда они вступали на воеводство.

Явившись къ Чевкину, старосты «прошали» у него «своихъ земскихъ въѣзжихъ денегъ 400 рублевъ, что они (Чевкинъ съ Одинцовымъ) не по государеву указу доправили себѣ на земскихъ людяхъ»... Чевкинъ безпрекословно отдалъ старостамъ 200 рублей, а объ остальныхъ деньгахъ сказалъ, что ихъ взялъ Одинцовъ. Воевода былъ радъ, что отдѣлался такъ дешево, и что старосты не потребовали большаго. Земскіе люди впослѣдствіи показывали на «сыскѣ», что они дѣйствительно вернули съ Чевкина и Одинцова свое «въѣзжее», «а что они доправливали на насъ» сошной хлѣбъ, «празнишное», «за харчи», и тѣхъ денегъ воевода съ подьячимъ «земскимъ людямъ не отдали»... Однако ни откуда не видно, чтобы земскіе люди требовали у Чевкина и Одинцова денегъ за хлѣбъ и другія воеводскія дани. По крайней мѣрѣ, ни сами земскіе люди, ни другіе свидѣтели ни слова о томъ не говорятъ, тогда какъ о требованіи въѣзжаго у Чевкина и Одинцова всѣ единогласно свидѣтельствуютъ.

Отъ Чевкина толпа направилась ко двору Одинцова. Самого подьячаго не было дома (или онъ скрылся), но жена его тотчасъ вынесла 200 рублей и отдала старостамъ.

Эта удача сильно подняла духъ земскихъ людей, и они начали дѣйствовать смѣлѣе. По городу пошли преувеличенные толки о замыслахъ Перетолчина съ товарищи. Ходили слухи, что народъ собирается «побить» стараго воеводу Василія Чевкина, подьячаго Дорогаго Одинцова, служилаго человѣка Матвѣя Рябинина и протопопа Ивана Бекетова, а «животы ихъ пограбить», о чемъ будто бы бунтовщики даже какую-то «запись межъ себя писали»... Разсказывали, что народъ какъ-то «безчестилъ», встрѣтивши на улицѣ жену и сына Чевкина и жену Одинцова... Особенно пугала всѣхъ та «вѣсть», которую будто бы «земской дьячекъ» Петръ Руской сообщилъ Матвѣю Рябинину, именно, что «по приказу земскихъ людей идутъ» къ Вяткѣ Каринскіе татары и остяки, болѣе 500 человѣкъ, и хотятъ побить Чевкина, Рябинина, Одинцова, а животы ихъ пограбить...

Всѣ эти слухи тѣмъ болѣе должны были волновать служилыхъ людей, что они не имѣли возможности провѣрить основательность ходившихъ «вѣстей». Калсину съ товарищи нельзя было довѣрять, такъ какъ они сами стали «хорониться» отъ остальныхъ земскихъ людей. А послѣдніе, видимо, сторонились отъ служилыхъ людей и не выдавали своихъ намѣреній. Впослѣдствіи, на «сыскѣ», подьячіе, пристава и др. служилые люди объясняли свое невѣдѣніе мно-

гихъ фактовъ бунта именно тѣмъ, что они въ «совѣтъ къ мірскимъ людемъ не ходили», или, какъ еще яснѣе выражались пристава и пушкари, «въ совѣтъ насъ мірскіе люди не пущали», да притомъ «мы и сами отъ мірской молвы убѣгали»...

III.

Раннимъ утромъ, 20-го декабря, воевода Волынской по обыкновенію зашелъ до обѣдни въ съѣзжую избу, чтобы заняться отчасти разными текущими дѣлами, но, главнымъ образомъ, чтобы выслушать подьячихъ и приставовъ, не узнали ли они за ночь какихъ новыхъ «вѣстей» о замыслахъ земскихъ людей... Не успѣлъ воевода расположиться за своимъ столомъ, какъ на площадкѣ передъ съѣзжею избою появилась толпа народа, состоявшая главнымъ образомъ изъ орловскихъ крестьянъ, предводительствуемыхъ Перетолчинымъ. Староста и нѣсколько крестьянъ вошли въ избу и стали у воеводы «прошати, чтобы далъ имъ приставовъ—итти-де имъ ко двору къ Матвѣю Рябинину, для того, что-де онъ съ мірскихъ людей будтось по счету ималъ деньги, а про то-де имъ невѣдомо, за что ималъ, и имъ-де о томъ его допросити»... Воевода далъ имъ пристава Андрея Самсонова. Толпа тотчасъ ушла, а воевода съ подьячими пошелъ къ обѣднѣ въ соборъ.

Кто такой былъ Матвѣй Рябининъ, игравшій не послѣднюю роль въ смутѣ 20-го декабря? «Сыскъ» ни однимъ словомъ не обмолвился о его должности: онъ называетъ Рябинина общимъ именемъ—«служилой человѣкъ». Но по нѣкоторымъ намекамъ можно предположить, что Рябининъ былъ «товарищемъ» воеводы Волынскаго, то-есть, что онъ смѣнилъ прежняго воеводскаго «товарища» подьячаго Дорогаго Одинцова.

По порученію Волынскаго, Рябининъ производилъ «счетъ» (то-есть учетъ) земскихъ старостъ и цѣловальниковъ за предыдущіе годы, за время воеводства Чевкина и Одинцова. Именно ради этого «счета» проживали на Вяткѣ въ описываемое время орловскій староста Перетолчинъ и другія земскія власти вятскихъ уѣздовъ. Учитывая старостъ по различнымъ денежнымъ и натуральнымъ повинностямъ вятчанъ, Рябининъ взыскалъ съ нихъ слѣдуемыя «будтось по счету» въ государеву казну какія-то «начетныя деньги», именно 300 рублей. Справедливо ли поступилъ Рябининъ, взыскавши эти деньги, неизвѣстно. Но мірскіе люди считали этотъ начетъ незаконнымъ поборомъ Рябинина въ собственную пользу... Они пришли къ нему на дворъ именно съ требованіемъ возврата міру «начетныхъ денегъ».

У Рябинина, собиравшагося идти къ обѣднѣ, сидѣлъ «ябедникъ» Данило Калсинъ. Присутствіе его подлило масла въ огонь... Толпа, давно уже точившая зубы на Калсина, естественно посмотрѣла на Рябинина, какъ на единомышленника Калсина, несомнѣннаго врага

міру. Вмѣсто того, чтобы чинно «допросити» Рябинина о «началеныхъ деньгахъ», какъ Перетолчинъ обѣщалъ Волынскому, народъ съ крикомъ и бранью подступилъ къ Рябинину и сталъ требовать немедленной отдачи денегъ, не слушая никакихъ объясненій и оправданій Рябинина.

Калсинъ молчалъ, но по его адресу изъ толпы неслись такія угрозы и проклятія за измѣну міру, что несчастный «ябедникъ» понялъ близость расплаты съ нимъ міра и сталъ подумывать о спасеніи жизни... Онъ шепнулъ Рябинину, что нужно спасаться въ соборъ, подъ покровительство воеводы... Рябининъ сразу сообразилъ всю опасность своего положенія и, прикрикнувъ на толпу, наполнявшую весь его дворъ, сталъ прочищать себѣ дорогу на улицу. Толпа невольно разступилась передъ нимъ... Слѣдомъ за Рябининымъ двигался блѣдный и трепещущій Калсинъ, въ смертельномъ ужасѣ хватаясь дрожащими руками за платье Рябинина... Изъ толпы протягивались руки, пытавшіяся схватить Калсина, но шедшій сзади его приставъ Андрей Самсоновъ энергично отбивалъ нападавшихъ и далъ возможность отступавшимъ выбраться за ворота. Здѣсь Рябининъ и Калсинъ не выдержали и стремглавъ бросились бѣжать къ находившемуся невдалекѣ собору... Пока толпа, сдерживаемая приставомъ, выбралась на улицу, бѣглецы были уже далеко. Толпа стала посылать въ догонку имъ брань и угрозы, а затѣмъ и сама двинулась туда же, къ собору. На этотъ шумъ выбѣгали изъ домовъ посадскіе и присоединялись къ толпѣ. Скоро вся соборная площадь покрылась шумѣвшимъ народомъ. Этотъ-то шумъ проникалъ въ соборъ и волновалъ воеводу и всѣхъ молившихся тамъ...

IV.

Обѣдня подходила къ концу, когда церковныя двери съ шумомъ растворились, и въ соборъ влетѣли перепуганные Рябининъ и Калсинъ. Матвѣй Рябининъ былъ одѣтъ «въ ферезяхъ, а подпоясана сабля, и въ рукахъ у него пистоль и съ лядункою»... Они ворвались такъ стремительно и шумно, что стоявшіе въ церкви невольно шарахнулись отъ нихъ въ стороны, а многіе побѣжали въ боковые придѣлы собора и въ алтарь. Служба оборвалась, богомольцы шумно загалдѣли, съ ужасомъ спрашивая другъ друга, что случилось... Всѣ испуганно посматривали на блѣдныя лица Рябинина и Калсина. Послѣдній втерся въ толпу и прерывающимся шепотомъ, заливаясь слезами, сталъ что-то говорить окружающимъ. Не менѣе его взволнованный Рябининъ пробился сквозь толпу къ воеводѣ Григорью Волынскому и, бросившись предъ нимъ на колѣни, сталъ «плакаться».

— Не подай-де меня, Григорей, смерти!... Пришли-де ко мнѣ, Матвѣю, во дворъ невѣдомо какіе люди воровскіе и хотятъ побить!...

Обливаясь слезами, Рябининъ въ своихъ праздничныхъ «ферезяхъ» повалился въ ноги воеводѣ...

«И воевода Григорей отъ него отшелъ и не сказалъ ему ничего»...—разсказывали впослѣдствіи на «сыскѣ» служившіе обѣдню соборные попы Семенъ Юферовъ и Иванъ Вычегжанинъ и др. лица.

Что заставило Волынскаго такъ холодно отнестись къ слезнымъ мольбамъ своего товарища, трудно сказать. Возможно, что Волынской былъ возмущенъ нарушеніемъ святости мѣста и времени, и хотѣлъ дать понять Рябинину неумѣстность произведеннаго имъ шума въ храмѣ, прервавшаго церковную службу... Возможно и другое предположеніе, что воевода просто щадилъ себя, не желая брать подъ свою охрану человѣка, скомпрометированнаго передъ земскимъ міромъ. Защищая Рябинина, воевода могъ ожидать, что тѣмъ самымъ еще болѣе возбудить міръ противъ себя... Отношенія его къ міру были уже испорчены, и онъ боялся еще болѣе ухудшить ихъ...

Какъ бы то ни было, но когда воевода молча «отшелъ» отъ Рябинина, послѣдній поднялся съ полу и шатаясь побрелъ изъ главнаго храма въ боковой придѣлъ Алексѣя, человѣка Божія. Слѣдомъ за нимъ пробѣжалъ туда и Калсинъ...

Волненіе въ церкви нѣсколько улеглось. Попы кое-какъ «отпѣли обѣдню», и народъ сталъ расходиться. Первымъ вышелъ изъ собора воевода, усѣлся въ поданный возокъ и поѣхалъ на свой воеводскій дворъ. Стоявшая на площади толпа умолкла на время и дала дорогу воеводѣ.

Слѣдомъ за воеводою вышли изъ церкви служилые люди и другіе богомольцы. Служилые быстро проходили площадь и скрывались въ сосѣднихъ улицахъ, а жилецкіе люди присоединялись къ толпившемуся на площади народу, снова загомонившему, какъ только проѣхалъ воевода.

Вышли, наконецъ, изъ собора и попы: они «услышали про тотъ мятежъ и убоялись—ушли»... Въ соборѣ остались Рябининъ съ Калсинымъ да церковные сторожа Максимъ Онтипинъ и Антонъ Банниковъ.

Только что попы пришли домой, какъ съ соборной колокольни раздался колокольный звонъ «сполошнымъ обычаемъ»... Попы побоялись, однако, идти къ собору и остались дома выжидать событій. Служилые люди также не показывались на площади. Но посадскіе и земскіе люди со всѣхъ сторонъ бѣжали туда, и скоро вся площадь была сплошь покрыта шумѣвшимъ народомъ, который толпился особенно у собора.

V.

Соборъ былъ запертъ. Заперъ его сторожъ Максимъ и самъ остался въ «трапезѣ», а «ключи маленькимъ окномъ изъ трапезы опустилъ во храмъ». Сдѣлалъ онъ это для того, чтобы толпа не нашла у него ключей и не вошла бы въ соборъ, гдѣ хоронились Рябининъ, Калсинъ и другой церковный сторожъ Антонъ. Максимъ думалъ, что толпа не посмѣетъ разбить церковныхъ дверей, и что спрятавшіеся въ соборѣ уцѣлѣютъ, пока не придетъ на помощь имъ воевода съ ратными людьми...

Но сами Рябининъ и Калсинъ уже не расчитывали на помощь воеводы и рѣшились ухорониться въ соборѣ до вечера, а затѣмъ подъ покровомъ темной ночи собирались ускользнуть изъ города... Но вышло не такъ...

Рябининъ спрятался «подъ престоломъ» боковаго придѣла во имя Алексѣя, человѣка Божія, а Калсинъ — въ главномъ храмѣ «подъ образы, за Николиными пеленами». Но лучше всѣхъ ухоронился, «убоясь смерти», сторожъ Антонъ: онъ взлѣзъ «на олтарную подволоку и заползъ за тябла вверхъ».

Едва успѣлъ Максимъ запереть двери, а ключи перебросить въ соборъ, какъ въ трапезу ввалилась толпа, во главѣ которой шли старосты Трифонъ Перетолчинъ и Өедоръ Вшивцовъ и «лутчіе» посадскіе люди Остаөей Васнецовъ, Софронъ Суетинъ, Василій Буторинъ и др. На требованіе — отдать ключи отъ церковныхъ дверей, Максимъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ, что ключей у него нѣтъ... Толпа не повѣрила и начала Максима бить и «за волосы драть». Но Максимъ продолжалъ стоять на своемъ, требуя, чтобы его обыскали. Нѣсколько человѣкъ старательно обыскали его и, конечно, ключей не нашли. Не понимая, что это значитъ, толпа оставила Максима въ покоѣ и была въ нерѣшительности, что ей дѣлать дальше. Болѣе умѣренные совѣтовали оставить попытку, но большинство потребовало разбить церковныя двери... Всѣ хорошо знали, что Рябининъ и Калсинъ хоронятся въ соборѣ, и никому не хотѣлось упустить ихъ...

Пока шли эти споры, нѣсколько человѣкъ нашли гдѣ-то и притащили въ трапезу толстый дубовый «кряжъ». Нѣсколько энергичныхъ ударовъ этимъ «кряжемъ» разнесли церковныя двери, и хитрость Максима не помогла... Толпа разлилась по собору... Всюду «лазали» по храму и никого не находили... Наконецъ, болѣе опытные люди догадались заглянуть подъ престолы главнаго храма («великаго чудотворца Николы Великорѣцкаго») и Алексѣевскаго придѣла. Изъ-подъ престола послѣдняго и вытащили Рябинина...

Рябининъ попробовалъ было сопротивляться, но толпа живо смяла его, скрутила руки и поволокла вонъ изъ храма. Весь на-

родъ повалилъ за Рябининымъ, котораго повели въ «земскую избу».

Калсинъ вздохнулъ, считая себя спасеннымъ. Но вскорѣ онъ опять услышалъ подозрительный шумъ около собора... Часть земскихъ людей оставила шествіе съ Рябининымъ и вернулась, съ цѣлью «въ другой рядъ» обыскать соборъ. Толпу вели посадскіе люди Василій Ярковъ и Иванъ Кормщиковъ, «прозвищемъ Удалой».

Поиски на этотъ разъ были удачнѣе. Ярковъ искалъ Калсина «въ обоихъ олтаряхъ» и скоро нашелъ его въ главномъ храмѣ «подъ образы, за Николиными пеленами»...

Раздирающій душу крикъ раздался, когда Калсина вытащили изъ-подъ образовъ... Несчастный «ябедникъ» понялъ, что начинается расплата за его измѣну земскому дѣлу... Въ судорожныхъ движеніяхъ валялся Калсинъ въ ногахъ у толпы, вымаливая пощаду и каясь въ своихъ грѣхахъ предъ «міромъ»... Но міръ, уже заранѣе рѣшившій казнить его, былъ глухъ ко всѣмъ мольбамъ и воплямъ Калсина... Нѣсколько рукъ съ угрозами потянулось къ Калсину, казнь могла совершиться тутъ же, въ святомъ мѣстѣ... Но Ярковъ и другіе опомнились, прикрикнули на толпу и велѣли тащить Калсина вонъ изъ храма.

Толпа поволокла Калсина. Но въ трапезѣ произошло какое-то замѣшательство: Калсина сбили съ ногъ... Сторожъ Максимъ показывалъ впослѣдствіи, что онъ видѣлъ, какъ выволокли Калсина въ трапезу и здѣсь «надъ нимъ многіе люди толпились и кричали», хотѣли убить... Однако, горячія головы опять были удержаны. Калсина вытащили «жива» изъ трапезы, затѣмъ «свели съ паперти на землю и тутъ его били»...

Толпа била его съ остервенѣніемъ... Неистово кричавшій сначала Калсинъ скоро умолкъ... Полуживаго, истекавшаго кровью Калсина толпа потащила съ соборной площади и, «выволокши изъ города, съ мосту въ ровъ бросили»... Калсинъ расшибся на смерть...

Тѣло его лежало здѣсь во рву цѣлыя «сутки»... Никто, даже родные не рѣшались въ первое время прибрать трупъ: такъ велико было народное озлобленіе противъ «ябедника»... Калсина похоронили только на вторыя сутки, когда народное волненіе нѣсколько улеглось.

Замѣчательно, что воевода и другія власти пальца о палецъ не ударили, чтобы остановить эту дикую расправу вятчанъ съ Калсинымъ! Никого изъ властей не было видно ни у собора, ни на улицахъ, гдѣ тащили Калсина, ни на мосту... Всѣ власти попрятались, не сдѣлавши ни одной попытки освободить изъ рукъ разъяренной толпы того человѣка, который всегда радѣлъ за интересы властей и изъ-за нихъ и погибъ!... А вѣдь воевода не былъ

безоруженъ: въ городѣ находился значительный отрядъ ратныхъ людей.

Что же заставило Волынскаго прятаться и прятать свою силу? Очевидно—«политика благоразумія», предписывающая не трогать разъяреннаго звѣря и не становиться на его пути... Своими ратными воевода могъ бы спасти Калсина, но это спасеніе обошлось бы не дешево: земскіе люди не отдали бы молча Калсина, произошло бы кровавое столкновеніе обѣихъ сторонъ, а при этомъ явилось бы не мало жертвъ... Предоставленная же самой себѣ толпа принесла только одну жертву и на ней успокоилась, удовлетворилась... Казнь Калсина явилась поворотной точкой въ настроеніи вятчанъ: съ этого момента народное волненіе ослабѣваетъ, и оппозиція правительственнымъ властямъ принимаетъ болѣе мягкія формы... Толпа поняла, что она слишкомъ зарвалась, «согрѣшила передъ Богомъ и великимъ государемъ» и пошла на уступки...

VI.

Пока происходила расправа съ Калсинымъ, Рябининъ сидѣлъ въ «земской избѣ». По однимъ показаніямъ (на сыскѣ), онъ просидѣлъ здѣсь 5 дней, по другимъ (болѣе вѣроятнымъ)—только 3 дня. Нѣкоторые свидѣтели утверждали потомъ, что, по приказанію земскихъ властей, Рябининъ былъ «скованъ», и что «по ночамъ къ пыткѣ его приводили», а на его дворѣ пограбили всякіе «животы», «и запись на него въ дву тысячахъ рубляхъ взяли въ томъ, что ему на нихъ о томъ (о пыткѣ и проч.) государю не бить челомъ»... Но большинство свидѣтелей показывало, что Рябинина держали въ избѣ не скованнымъ, а только «за сторожи» (подъ арестомъ), и что по ночамъ къ пыткѣ его не приводили. Пристава и пушкари «видѣли (Рябинина) въ земской избѣ за сторожи—изъ окошка глядитъ»...

Во все время ареста земскіе старосты и другія земскія власти требовали у Рябинина возврата «начетныхъ денегъ», которыя онъ на земскихъ людяхъ «доправливалъ и ималъ себѣ», когда «считалъ старостъ земскихъ и цѣловальниковъ». Земскіе люди при этомъ ссылались на какой-то «государевъ указъ», по которому «тѣ начетныя деньги велѣно отдать земскимъ людямъ».

Три дня крѣпился Рябининъ, наконецъ, не выдержалъ и, вызвавши къ себѣ жену, велѣлъ ей принести изъ дому 300 рублей и отдать Перетолчину. Получивши деньги, «земскіе люди его, Матвѣя, изъ земскіе избы и отпустили».

Изъ «сыска» не видно, чтобы воевода Волынской дѣлалъ какія либо попытки къ освобожденію Рябинина изъ-подъ караула у земскихъ людей... Не было ли у Волынскаго личной непріязни къ Рябинину?... Иначе трудно объяснить его полное равнодушіе къ

положенію своего товарища... Послѣ убійства Калсина земскіе люди стали спокойнѣе и уступчивѣе, такъ что если бы воевода энергично потребовалъ у нихъ освобожденія Рябинина изъ-подъ незаконнаго ареста, они уступили бы Волынскому. Но онъ не сдѣлалъ и попытки къ тому...

Изъ событій, случившихся въ первый день смуты—20 декабря, можно отмѣтить еще одно.

У соборнаго протопопа Ивана Бекетова были какіе-то счеты и неудовольствія съ посадскими людьми, такъ что когда начался «мятежъ», протопопъ, опасаясь «убивства», куда-то исчезъ изъ города вмѣстѣ съ подьячими съѣзжей избы Сидоромъ Лаженицынымъ и Петромъ Агѣевымъ. Поэтому-то онъ и не служилъ 20 декабря обѣдни въ соборѣ.

«Подъ трапезою» собора протопопъ Бекетовъ хранилъ разные хозяйственные запасы. Ожидая «мятежа», онъ перевезъ къ себѣ во дворъ большую часть припасовъ. Но часть ихъ, около 15 ведеръ вина и около 15 пудовъ меду, перевезти не успѣлъ. Эти-то оставшіеся подъ соборною трапезою припасы и пострадали немного отъ народа въ смуту 20-го декабря.

Когда послѣ взятія Рябинина, часть толпы вернулась въ соборъ на вторичные поиски Калсина, кто-то обратилъ вниманіе на протопоповъ погребъ и посовѣтовалъ тамъ поискать Калсина. Часть народа направилась туда, вышибла «кряжемъ» запертыя двери и принялась шарить въ погребѣ. Но вмѣсто Калсина толпа нашла только бочки съ виномъ и медомъ... Нашлись охотники выпить на даровщину и закусить медомъ. Вскрыли бочки, и народъ выпилъ вина «съ ведро», да меду было «почато» около полпуда... Такъ именно показали на «сыскѣ» лучшіе свидѣтели—соборные попы, которые, явясь въ соборъ на вечерню, 20-го декабря, нарочно заходили осмотрѣть вскрытый народомъ погребъ протопопа. Самъ же протопопъ увѣрялъ потомъ, что народъ разграбилъ всѣ его «животы» подъ соборною трапезою. Но соборные попы рѣшительно утверждали, что, кромѣ 15 ведеръ вина и 15 пудовъ меду, всѣ остальные припасы протопопъ перевезъ къ себѣ во дворъ еще до «мятежа»...

Кромѣ тронутыхъ у протопопа припасовъ, народъ не учинилъ въ дни смуты никакого другаго «безчинства». Правда, вятскія власти жаловались впослѣдствіи, будто народъ пограбилъ «животы» воеводы Чевкина, Рябинина и подьячаго Дорогаго Одинцова, и что вообще вятчане якобы чинили «иныя многія воровства, татьбы и розбои, и душегубства, и пожегъ, и грабежъ»... Но на «сыскѣ» ничѣмъ не подтвердились эти голословныя увѣренія озлобленныхъ властей...

Послѣ освобожденія Рябинина волненіе вятчанъ понемногу улеглось, и все вошло въ обычную колею: власти опять подняли

головы, въ Москву полетѣли воеводскія «отписки», на Вяткѣ ждали «сыщиковъ» изъ Москвы... Народъ притихъ, чуя, что наступаетъ періодъ «возмездія»...

VII.

Эпилогъ Вятскаго бунта 1635 г. разыгрался въ пригородѣ Котельничѣ.

Народная смута 20-го декабря заставила стараго воеводу Василія Чевкина и подьячаго Дорогаго Одинцова поторопиться отъѣздомъ въ Москву. Они поспѣшили закончить свой воеводскій «счетъ» съ Волынскимъ, «во всемъ съ нимъ росписатца», и уѣхали изъ волновавшейся Вятки.

Когда по дорогѣ въ Москву они «прибѣжали» въ Котельничъ, тамошній земскій староста Спиридонъ Волковъ съ товарищи, «съ посадскими и уѣздными людьми», «въ колокола били», собрали народъ и, задержавъ Чевкина и Одинцова, 4 дня держали ихъ «за приставы».

Сами котельничане (духовенство, посадскіе люди, крестьяне и проч.) такъ объясняли на «сыскѣ» свое самоволіе надъ Чевкинымъ и Одинцовымъ.

Когда они пріѣхали въ Котельничъ, «мірскіе люди били имъ челомъ» о выдачѣ «платежныхъ памятей», которыя Чевкинъ и Одинцовъ давно уже должны были передать котельничанамъ, но до сихъ поръ не отдавали. А котельничанамъ необходимо было имѣть у себя эти оправдательные документы во взносѣ ими разныхъ денежныхъ сборовъ за время воеводства Чевкина: имъ важно было знать, «сколько (за это время) съ Котельнича государевыхъ данныхъ и оброчныхъ и всякихъ четвертныхъ денежныхъ доходовъ въ Хлыновѣ въ съѣзжую избу плачено»...

Забыли ли Чевкинъ и Одинцовъ отослать въ свое время эти «платежныя памяти» въ Котельничъ, или почему либо не хотѣли ихъ отсылать, неизвѣстно. Но когда котельницкій староста Спиридонъ Волковъ съ товарищи справедливо потребовали у Чевкина возврата незаконно удержанныхъ документовъ, воевода не могъ имъ отказать. Онъ немедленно послалъ обратно въ Вятку своего «человѣка» Мартіяна съ грамотой къ воеводѣ Волынскому, въ которой просилъ отыскать въ съѣзжей избѣ котельницкія «платежныя памяти» и выслать ихъ съ Мартіяномъ въ Котельничъ.

Черезъ 5 дней вернулся Мартіянъ и «платежныя памяти въ Котельничъ привезъ, и Василій Човкинъ да Дорогой Одинцовъ тѣ памяти намъ, мірскимъ людямъ, отдали, и мы имъ изъ Котельнича на волокъ къ Яранскому дали провожатыхъ для береженья»...

VIII.

Явившись въ Москву, Чевкинъ и Одинцовъ подняли тамъ не малую тревогу своими разсказами и отписками Волынскаго о крупномъ якобы «мятежѣ» на Вяткѣ и о существованіи тамъ настоящаго «воровскаго завода» (заговора)... Изъ Москвы были отправлены туда «сыщики»: князь Иванъ Андреевичъ Дашковъ и дьякъ Димитрій Карповъ.

Они прибыли на Вятку въ августѣ 1636 года и въ первыхъ числахъ сентября начали свой «сыскъ», продолжавшійся до конца года. Въ самой Вяткѣ были допрошены—духовенство [1]), служилые люди (подьячіе, пристава, пушкари и проч.), таможенныя власти [2]) и посадскіе люди, съ ихъ властями («сотники», «пятидесятники» и «десятники»). Затѣмъ сыщики допросили крестьянъ Хлыновскаго уѣзда [3]).

Точно также были допрошены духовные, служилые («городовые прикащики» и другіе) и жилецкіе (посадскіе и крестьяне) люди вятскихъ пригородовъ, съ ихъ уѣздами, Орлова, Слободскаго, Шестакова, Котельнича.

Жители Слободскаго отозвались полнымъ невѣдѣніемъ о событіяхъ вятскаго бунта, «а вѣдають или нѣтъ про то хлыновскіе посадскіе люди и уѣздные крестьяне, а у насъ, въ Слободскомъ, былъ въ то время особной воевода—Борисъ Приклонской»... Тоже показали и жители Шестакова: «жили мы съ слобожаны (то-есть съ жителями Слободскаго) подъ однимъ присудомъ и о хлыновскихъ дѣлахъ ничего-де не вѣдаемъ»...

Особенно уклончивые отвѣты давали иноки вятскихъ монастырей. Такъ, «строитель» Слободскаго Богоявленскаго монастыря «старецъ» Діонисій и 12 человѣкъ «братіи» заявили сыщикамъ, что «монастырь-де стоитъ отъ города (Хлынова) далеко, въ міръ ходимъ мало, а про то дѣло (бунтъ) не вѣдаемъ — не слыхали, а явокъ-де къ намъ не бывало»... Монастырскіе «дѣтеныши», «половники» и «бобыли» (10 человѣкъ) говорили тѣ же рѣчи: «въ міръ-де мы ходимъ мало, живемъ на работѣ, а мірскаго дѣла не вѣдаемъ»...

Любопытны также «сыскныя рѣчи» татаръ и остяковъ [4]),

---

[1]) Соборнаго храма во имя св. Николая Великорѣцкаго и городскихъ церквей — Воскресенской, Покровской, Срѣтенской, Никольской, Вознесенской и Спасской.

[2]) «Таможенный и кабацкій голова» Иванъ Шубинъ, «ларешные цѣловальники», «кабацкіе старосты», таможенный подьячій и др.

[3]) Во главѣ крестьянъ стоятъ «тяглыхъ сохъ цѣловальники». Уѣздъ дѣлился на слѣдующіе станы: Спенцынскій, Быстрицкій, Великорѣцкій, Чепецкій, Березовскій, Бобинскій и др.

[4]) Въ Каринской и Ворхочепецкой волостяхъ допрошено было 86 татаръ и остяковъ. Во главѣ ихъ стояли 2 «цѣловальника»—татарскій и остяцкій.

засвидѣтельствованныя ихъ «знаменами». Какъ мы знаемъ, во время декабрьскихъ волненій 1635 года на Вяткѣ прошелъ слухъ, очень взволновавшій населеніе, будто Каринскіе татары и остяки, «по приказу земскихъ людей», идутъ на Вятку, гдѣ хотятъ убить воеводъ, пограбить ихъ «животы» и проч. Но слухъ оказался вздорнымъ. Всѣ «сыскные люди» единогласно показали, что никакого «приказа» отъ земскихъ людей не было, что татары и остяки «скопомъ» не собирались и то никто «не слыхалъ» объ ихъ замыслахъ убить воеводъ и приказныхъ людей и проч.

То же утверждали и сами татары и остяки «по своей вѣрѣ, по шерти»: про вятскій бунтъ они ничего не вѣдаютъ, «а то мы вѣдаемъ, что къ намъ, къ Каринскимъ татарамъ и остякамъ, приказу отъ земскихъ людей не бывало и не слыхали ни отъ кого... И мы, татаровя и остяки, въ скопу не бывали и къ намъ такого воровского приказу ни отъ кого не бывало, что воеводъ и приказныхъ людей, скопясь, пришедъ на Вятку, побить, а животы ихъ пограбить»...

«Сыщики» особенно пытались разузнать у земскихъ людей, существовалъ ли у нихъ «воровской заводъ» и кто были въ немъ главарями. Ко всѣмъ сыскнымъ людямъ они обращались съ такими вопросами: «по чьему заводу и умышленью» учинился бунтъ? «и какими обычаи у нихъ такой воровской заводъ и мятежъ на «Вяткѣ учинился?»... Но всѣ единогласно увѣряли, что «заводу и умышленья воровскаго никакого не бывало», хотя большинство не отвергало, что главнымъ руководителемъ земскихъ людей во дни смуты былъ орловскій земскій староста Трифонъ Перетолчинъ...

Въ отвѣтъ на обвиненія воеводъ земскіе люди оправдывались, что «многіе воровства, татьбы и розбои, и душегубства, и пожегъ, и грабежъ чинитца отъ воровъ и отъ разбойниковъ», а не отъ «мірскихъ людей». Если же разбои за послѣднее время усилились, то это оттого, что «многіе воры и разбойники въ воровскихъ дѣлахъ сидѣли въ Хлыновѣ въ тюрьмѣ, и воеводы тѣхъ воровъ изъ тюремъ роспущали для своей корысти»...

А что вятскіе воеводы описываемаго времени дѣйствительно были далеко не безъ грѣха, это убѣдительно доказываетъ то обстоятельство, что въ одно время съ сыскомъ о вятскомъ бунтѣ 1635 года тѣ же сыщики, князь И. А. Дашковъ и дьякъ Д. Карповъ, производили еще два сыска, именно о злоупотребленіяхъ вятскихъ воеводъ... Въ мартѣ и февралѣ 1637 года происходилъ «сыскъ» о различныхъ злоупотребленіяхъ (лихоимство и проч.) того самаго вятскаго воеводы Григорія Ивановича Волынскаго, который и былъ главною причиною возникновенія вятскаго бунта 1635 года [1]). Но въ этомъ сыскѣ вопросъ о бунтѣ не поднимался.

---

[1]) «Сыскъ» о Волынскомъ см. Сибирск. приказа столбецъ № 173, лл. 1—245.

Другой «сыскъ», производившійся княземъ Дашковымъ и дьякомъ Карповымъ осенью 1636 года, касается злоупотребленій шестаковскихъ и слодобскихъ воеводъ Алексѣя Борзецова, Петра Волынскаго (братъ Григорія?), Ѳедора Челюсткина и Ивана Кожина [1]), сидѣвшихъ въ этихъ городахъ (оба города одновременно имѣли одного общаго воеводу) съ 1627 года. Остановлюсь нѣсколько подробнѣе на этомъ «сыскѣ», потому что онъ имѣетъ близкое отношеніе къ исторіи вятскаго бунта: «сыскъ» объ А. Борзецовѣ съ товарищи занимается главнымъ образомъ разслѣдованіемъ тѣхъ именно злоупотребленій, которыя и на Вяткѣ подняли народный бунтъ 1635 года, то-есть злоупотребленій воеводскаго «кормленія»...

Оказывается, что слободско-шестаковскіе воеводы «кормились» такъ усердно, что «посадскіе люди и уѣздные крестьяне, пометавъ дворы свои и деревни впустѣ, врознь «розбрелись»... Воеводы «имали» себѣ «въѣзжаго» по 300 рублей, «да посошного хлѣба по 300 куницъ ржи и овса», да «харчи на себя всядневные имали», да «конскаго корму, и дрова, и лучину, сѣно и овесъ, и свѣчи восковыя и сальныя» и проч. Воеводы заставляли земскихъ людей варить на себя вино и пиво по 50—60 «ставокъ» на годъ, каждая же «пивная варя ставилась» (обходилась) по 2—3 рубля и больше, а «винная брага» по 5—6 рублей и больше... «На владычни празники» воеводы «правили» себѣ «рублевъ по 10-ти и по 20-ти» и проч., и проч.

Въ свое оправданіе воеводы увѣряли, что посадскіе люди и уѣздные крестьяне подносили имъ все вышеуказанное «въ почесть» (то-есть какъ почетный подарокъ), но сами посадскіе и крестьяне рѣшительно опровергали это и доказывали, что «въѣзжее» и другія дани воеводы «доправливали сильно», чрезъ подьячихъ, приставовъ и пушкарей, «сажая въ тюрьму» протестующихъ и «бивъ на правежѣ»... При этихъ взысканіяхъ и пристава съ братіей пользовались поборами въ свою пользу: брали съ земскихъ людей по 2—3 рубля и больше.

Каринскіе остяки показали, что когда они были подчинены слободско-шестаковскимъ воеводамъ, то воевода Борисъ Приклонской, уже собравшій «въѣзжаго» съ посадскихъ и уѣздныхъ людей (300 рубл., да посошной хлѣбъ, «и сверхъ того всего 150 рублевъ денегъ»...), «на Каринскихъ татарахъ и на насъ, остякахъ, възжаго себѣ доправилъ 200 рублевъ. Да онъ же, Борисъ, доправилъ на насъ насильствомъ 100 рублевъ деньгами, да во 100 рублѣхъ взялъ кабалу, и по той кабалѣ ему, Борису, деньги мы платили, и онъ намъ противъ той кабалы далъ отпись, а кабалы не отдалъ»... и проч., и проч.

---

[1]) См. Сибирск. приказа столбецъ № 175, лл. 1—205.

Такимъ образомъ, «въѣзжее» и другія воеводскія дани по безобразной практикѣ жизни были «въ порядкѣ вещей», такъ что возмущеніе вятчанъ изъ-за воеводскаго кормленія естественно казалось мѣстнымъ властямъ дерзкимъ «мятежомъ» и неслыханнымъ «воровскимъ заводомъ». Но центральная московская власть очевидно относилась къ воеводскому кормленію иначе, если дѣлала его предметомъ особаго «сыска» (объ А. Борзецовѣ съ товарищи).

Несомнѣнно, что дѣло о вятскомъ бунтѣ 1635 года, начатое княземъ Дашковымъ на Вяткѣ, было перенесено въ Москву, въ одинъ изъ центральныхъ приказовъ. Къ сожалѣнію, въ Сибирскомъ приказѣ не сохранилось никакихъ слѣдовъ дальнѣйшаго движенія этого любопытнаго дѣла. Могу отмѣтить только слѣдующій фактъ, касающійся судьбы главнаго руководителя бунта орловскаго старосты Трифона Перетолчина.

Въ «окладной книгѣ» посадскихъ людей города Илимска, 1684 года [1]), въ числѣ первыхъ, то-есть «лутчихъ людей», послѣ Богдана Безсоновскаго и Гаврилы Оглоблина (платившихъ по 2 рубля «годоваго оброку»), третьимъ стоитъ посадской «Васька Трифоновъ сынъ Перетолчинъ, оброку 1 рубль» (л. 249 об.).

Несомнѣнно, Васька былъ сыномъ «балаша» вятскаго бунта 1635 года Трифона Перетолчина, сосланнаго въ Илимскъ и здѣсь поверстаннаго въ число посадскихъ людей... Отсюда слѣдуетъ заключить, что и другіе дѣятеля бунта понесли «должное возмездіе» за свои и за чужіе грѣхи....

Н. Оглоблинъ.

---

[1]) Сибирск. приказа книга № 780, л. 249.

УЦѢЛѢВШЕЕ ГЕРЦОГСТВО.

(Одинъ изъ германскихъ дворовъ въ 1892 году).

СРЕДИ государствъ Германіи, находящихся подъ далеко не мягкою гегемоніею Прусскаго королевства, и теперь еще остаются небольшіе сравнительно уголки, уцѣлѣвшіе пока отъ пангерманскихъ апетитовъ стариннаго маркграфства Бранденбургскаго, столь быстро и неожиданно разростающагося въ цѣлую имперію. Къ числу такихъ не подвергшихся еще окончательной политической нивеллировкѣ государствъ, славныхъ богатымъ историческимъ прошлымъ, но нынѣ почти сведенныхъ на скромную роль прусской провинціи, только по внѣшности сохраняющей слабую тѣнь самостоятельности, принадлежитъ, между прочимъ, находящееся въ самомъ географическомъ центрѣ новой имперіи, великое герцогство Саксенъ-Веймарское. Если оно при тѣхъ коренныхъ передѣлкахъ, какимъ подвергалась вся германская территорія послѣ австрійской и французской войнъ 1866 и 1870 годовъ, не было поглощено Пруссіей на ряду съ другими государствами, гораздо болѣе значительными и могущественными, это, конечно, слѣдуетъ объяснить исключительно тѣмъ, что правящій нынѣ герцогъ Карлъ-Александръ— родной братъ покойной императрицы Августы, супруги основателя имперіи Вильгельма I. Послѣдній, не смотря на всѣ представляемые ему прусскими политиками доводы, рѣшительно отклонилъ предложеніе «медіатизировать» Саксенъ-Веймарское герцогство, и оно до поры до времени уцѣлѣло, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ гео-

графическаго термина, такъ какъ право считаться самостоятельною политическою единицею, конечно, имъ уже утрачено. Съ этимъ-то государствомъ и его правителемъ мы хотимъ нѣсколько познакомить читателей, тѣмъ болѣе что нынѣшній великій герцогъ представляется личностью весьма симпатичною, заслуживающею полнаго вниманія.

Владѣнія его величиною всего съ хорошій уѣздъ одной изъ нашихъ губерній и имѣютъ до 300,000 подданныхъ, исключительно лютеранскаго вѣроисповѣданія, кромѣ нѣсколькихъ сотенъ католиковъ въ столичномъ городѣ Веймарѣ, гдѣ они имѣютъ единственную въ герцогствѣ церковь своего культа. Изъ остальныхъ городовъ слѣдуетъ назвать Іену и Эйзенахъ, съ десятками двумя тысячъ жителей въ каждомъ. Герцогство имѣетъ свой парламентъ, гдѣ 32 депутата мирно и неторопливо обсуждаютъ дѣла государства, направляемыя министерствомъ изъ трехъ отвѣтственныхъ министровъ, подѣлившихъ между собою портфели иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ, исповѣданій и юстиціи. Высшій для всего государства аппелляціонный судъ находится въ Іенѣ, администрація же считаетъ въ своихъ рядахъ пять окружныхъ начальниковъ, по количеству административныхъ единицъ, на которыя дѣлится герцогство, и шесть или семь сотенъ бургомистровъ и ихъ помощниковъ, завѣдующихъ отдѣльными городками и деревнями. Словомъ весь государственный апаратъ устроенъ такъ скромно и спокойно, какъ это возможно только у добродушно-апатичныхъ и тяжеловато-глубокомысленныхъ сыновъ нѣмецкаго «фатерланда».

Но государство герцога Карла-Александра имѣетъ двѣ особо его характеризующія, глубоко симпатичныя черты. Во-первыхъ, государственнаго долга страна не имѣетъ вовсе, а, во-вторыхъ—вещь необычайно рѣдкая, если не единственная—монархъ ни копѣйки не стоитъ своему народу и, напротивъ того, чрезвычайно полезенъ подданнымъ въ финансовомъ отношеніи. Саксонскіе герцоги Веймаръ-Эйзенахской линіи еще въ эпоху средневѣковой Германіи принадлежали къ числу самыхъ крупныхъ и богатыхъ землевладѣльцевъ. Нынѣшній правитель Карлъ-Александръ всю совокупность личныхъ своихъ наслѣдственныхъ владѣній передалъ въ собственность государству, а владѣнія эти представляютъ собою весьма значительную стоимость, особенно при дороговизнѣ земли въ заселенной до тѣсноты Германіи. Цѣнность этихъ владѣній увеличивается еще тѣмъ, что въ составъ ихъ входитъ до 100,000 гектаровъ лѣсной площади, а лѣсовъ нынче и у нѣмцевъ «не густо», хотя тамъ нѣтъ ничего подобнаго нашей россійской сельско-хозяйственной распущенности, которую, повидимому, безъ большихъ результатовъ стараются обуздывать лѣсоохранительными законами и другими мѣрами.

Государство завѣдуетъ переданными ему герцогомъ землями на правахъ хозяина, эксплуатируетъ ихъ, получаетъ доходы и только

ежегодно изъ этихъ доходовъ выдаетъ великому герцогу сумму около 500,000 рублей, что̀ и составляетъ его «цивиль-листъ», сверхъ котораго онъ отъ націи не имѣетъ болѣе ни одного крейцера. Такимъ образомъ, какъ сказали мы выше, правомъ имѣть своего повелителя страна пользуется совершенно даромъ и, мало того, употребляетъ на собственныя, государственныя надобности остальную, и очень крупную, часть дохода съ переданныхъ герцогомъ земель. Да и тѣ деньги, что̀ герцогъ получаетъ отъ націи, какъ «содержаніе по чину», тратятся имъ исключительно на расходы двора, представительства, вообще на предметы, обусловливаемые долгомъ и положеніемъ монарха, на личныя же свои издержки, напримѣръ, на путешествія, пріобрѣтеніе произведеній искуства и т. п. и герцогъ и его супруга употребляютъ исключительно проценты съ лично имъ принадлежащихъ, значительныхъ капиталовъ. Свое же отреченіе отъ всѣхъ правъ на уступленныя владѣнія герцогъ Карлъ-Александръ, съ характеризующею его истинно-джентльменскою щепетильностью, доводитъ до того, что даже для охоты въ подаренныхъ имъ націи лѣсахъ беретъ себѣ и своей свитѣ ежегодные билеты за плату установленную лѣснымъ вѣдомствомъ.

Министровъ въ герцогствѣ, какъ мы сказали, трое. Въ числѣ ихъ—увы!—не имѣется военнаго, и въ этомъ заключается самое существенное ограниченіе державныхъ правъ великаго герцога: отдѣльной независимой арміи государство не имѣетъ. Вотъ какъ устроено дѣло въ военномъ отношеніи. Великій герцогъ числится командиромъ одного изъ кавалерійскихъ полковъ имперской арміи, именно 8-го кирасирскаго, стоящаго гарнизономъ въ Дейтцѣ, около Кельна. Въ главѣ этого полка герцогъ парадируетъ иногда передъ императоромъ во время производимыхъ имъ смотровъ войскъ, но собственно командуетъ полкомъ старшій полковникъ, а герцогъ только отъ времени до времени является въ стоянку полка, производитъ небольшое ученье и затѣмъ обѣдаетъ съ офицерами въ ихъ военномъ клубѣ. Вотъ и всѣ отношенія герцога къ своему полку, если къ этому еще прибавить, что герцогъ нерѣдко изъ собственной своей шкатулки оплачиваетъ расходы на украшеніе полка или улучшеніе обстановки и содержанія нижнихъ чиновъ.

Что же касается до военныхъ силъ самого герцогства, то онѣ, въ количествѣ 3.000 человѣкъ, составляютъ пѣхотный полкъ, входящій подъ № 94 въ общій составъ германской имперской арміи. Полкъ этотъ расквартированъ въ самомъ герцогствѣ: по батальону въ городахъ Веймарѣ, Эйзенахѣ и Іенѣ, а четвертый и резервный батальоны въ селеніяхъ и мѣстечкахъ. Въ обмундировкѣ своей полкъ носитъ цвѣта страны—черный, желтый и зеленый, и солдаты на погонахъ имѣютъ вензель герцога, буквы К. А. Но командиромъ полка назначается неизмѣнно полковникъ прусской службы и въ военное время полкъ причисляется къ одной изъ прусскихъ дивизій, при-

чемъ великій герцогъ никакого вліянія на дѣйствія этого полка не имѣетъ.

Зато, какъ бы въ вознагражденіе этой совершенно несостоятельной роли въ военномъ и политическомъ отношеніяхъ, полкъ великаго герцогства Саксенъ-Веймарскаго пользуется репутаціею аристократическаго и чрезвычайно труднаго для доступа. Общество офицеровъ полка удержало за собою, нынѣ уже отнимаемое и выходящее изъ обычая, право принимать въ свою среду новыхъ служащихъ не иначе, какъ по приговору и согласію всего наличнаго офицерства; отсюда, во-первыхъ, составъ офицеровъ является чрезвычайно дружнымъ, крѣпко между собою сплоченнымъ и нерѣдко доставляющимъ себѣ платоническое удовольствіе отвергать желающихъ поступать туда офицеровъ прусскихъ и бранденбургскихъ фамилій, а во-вторыхъ, при этой строгости выбора и значительномъ въ Германіи числѣ представителей титулованнаго дворянства, полкъ № 94 едва ли имѣетъ офицера, который не былъ бы графомъ или барономъ. И это изобиліе титуловъ повело даже къ тому, что въ противность общему правилу называть офицеровъ въ служебныхъ объясненіяхъ по чинамъ, въ строю, на ученьяхъ полка, постоянно раздается: «точно такъ, баронъ», «никакъ нѣтъ, графъ»,—точно присутствуешь не на плацу, а въ бальной залѣ или великосвѣтской гостиной.

Веймарскій полкъ со славою принималъ участіе въ франко-прусской кампаніи: онъ оставилъ на поляхъ Франціи до 800 человѣкъ и потерялъ убитыми послѣдовательно двухъ командировъ, не считая значительнаго количества своихъ «графовъ» и «бароновъ».

Обратимся, однако, къ самому властителю этого маленькаго, скромнаго и симпатичнаго государства. Великій герцогъ Карлъ-Александръ, глава старшей линіи всѣхъ саксонскихъ, столь значительно развѣтвившихся, домовъ, прямъ, строенъ и по исполненному достоинства, внушительному виду заслуживалъ бы быть повелителемъ страны гораздо болѣе крупной и могущественной. По наружности, ему лѣтъ около шестидесяти, на самомъ же дѣлѣ ему исполнилось уже 74 года, такъ какъ онъ родился въ 1818 году. Однако, онъ до сихъ поръ неутомимъ въ прогулкахъ и далеко оставляетъ за собою бодростью и подвижностью многихъ изъ лицъ свиты и приближенныхъ, даже и значительно моложе его по возросту. Онъ сынъ великаго герцога Карла-Фридриха, которому наслѣдовалъ престолъ въ 1853 г., и великой княгини Маріи Павловны. Воспитанный послѣднею, онъ пріобрѣлъ подъ ея вліяніемъ тѣ симпатичныя качества, которыя его отличаютъ и внушаютъ общее къ нему уваженіе. При этомъ надо замѣтить, что воспитаніе его, какъ и сестры его принцесы Августы, впослѣдствіи императрицы германской, велось на французскомъ языкѣ, и потому этотъ языкъ сдѣлался для него привычнымъ, такъ что на немъ онъ говоритъ

почти исключительно, употребляя нѣмецкій только въ чисто офиціальныхъ сношеніяхъ. Знаменитый Гете, какъ извѣстно, пользовавшійся громаднымъ значеніемъ при дворѣ Карла-Августа, дѣда нынѣшняго герцога, также принималъ участіе въ его воспитаніи, внушивъ ему любовь къ искуствамъ и склонность къ путешествіямъ, отличавшую и самого поэта. Герцогъ Карлъ-Александръ и до сихъ поръ съ неослабѣвающимъ интересомъ слѣдитъ за успѣхами цивилизаціи, занимается и самъ историческими изысканіями, тонко цѣнитъ искуство во всѣхъ его проявленіяхъ. Нерѣдко, съ цѣлью посѣщенія какого нибудь музея или библіотеки, онъ безъ всякой свиты навѣщаетъ сосѣднія страны, особенно Францію, которой принадлежатъ всѣ его симпатіи, такъ что многіе ученые и художники не разъ принимали у себя являвшагося совершенно запросто властителя, чтобъ получить нужную ему историческую справку или взглянуть на новую картину. Разсказываютъ, что наивная прислуга одного французскаго ученаго, ранѣе, впрочемъ, никогда не видавшая высокаго посѣтителя, изъ осторожности не впустила его въ прихожую, пойдя докладывать хозяину о несказавшемъ своего имени гостѣ, и ученый, только выглянувъ на лѣстницу, съ понятнымъ ужасомъ узналъ великаго герцога въ оставленномъ за дверями и скромно дожидавшемся посѣтителѣ.

Вообще Карлъ-Александръ славится своей безпредѣльной вѣжливостью со всякимъ, кто имѣетъ къ нему какое нибудь дѣло, и получилъ въ Германіи названіе «послѣдняго рыцаря», хотя, строго говоря, именно это названіе и не подходило бы въ данномъ случаѣ, потому что, какъ свидѣтельствуетъ исторія, рыцари-то и отличались особою грубостью нравовъ и совершенною, съ нынѣшней точки зрѣнія, неблаговоспитанностью.

Великій герцогъ не дѣлаетъ никакого различія въ рангѣ и общественномъ положеніи людей, къ нему обращающихся: со всѣми онъ одинаково любезенъ и предупредителенъ.

— Позвольте мнѣ имѣть честь представить вамъ моего адъютанта,—обыкновенно своимъ изящнымъ французскимъ языкомъ говоритъ онъ при началѣ аудіенціи, даваемой въ своемъ дворцѣ какому нибудь просителю или просто любопытному туристу.

Во время одной изъ такихъ аудіенцій, какой-то французъ, забывъ, что великій герцогъ во все время войны 1870 года слѣдовалъ при главномъ штабѣ короля прусскаго, необдуманно спросилъ его: принималъ ли онъ участіе въ названной кампаніи?

— Въ этомъ году,—любезно отвѣчалъ герцогъ, стараясь скрыть невольную улыбку,—я довольно долго жилъ въ Версали. Особенно понравился мнѣ Тріанонъ: я изучалъ его внимательно.

Нельзя, разумѣется, вѣжливѣе и добродушнѣе отвѣтить на безтактный вопросъ и дать понять собесѣднику его промахъ, пощадивъ въ то же время національное чувство француза.

И эта вѣжливость по отношенію даже къ самымъ скромнымъ изъ своихъ случайныхъ собесѣдниковъ, эта безграничная снисходительность, стараніе быть пріятнымъ каждому, по возможности заставить забыть высоту своего ранга—все это объясняется не однимъ только природнымъ тактомъ и привычкою обращаться съ представителями самыхъ разнообразныхъ житейскихъ сферъ, но истекаетъ прежде всего изъ добраго сердца герцога, который только искренно сожалѣетъ, что историческія судьбы отвели ему слишкомъ скромную роль полуфиктивнаго властителя, далеко не имѣющаго возможности дѣлать окружающимъ все то добро, какое бы ему желалось.

Супруга великаго герцога, Вильгельмина-Софія, также какъ и самъ онъ, родственница нашему царственному дому: она дочь короля Вильгельма II Нидерландскаго и великой княгини Анны Павловны. Родившись въ 1824 году, она 18-ти лѣтъ сочеталась бракомъ съ герцогомъ Карломъ-Александромъ и въ нынѣшнемъ же году, 8-го октября, эта достойная чета будетъ праздновать свою золотую свадьбу. Великая герцогиня, подобно своему супругу, говоритъ, пишетъ, думаетъ пофранцузски. Нѣмецкій языкъ служитъ ей только для совершенно офиціальныхъ случаевъ, но къ мужу, дѣтямъ, къ дамамъ своего двора, она обращается не иначе какъ пофранцузски. Цѣлыми днями при этомъ нѣмецкомъ дворѣ не слышится ни одного нѣмецкаго слова, не видно никакихъ книгъ, кромѣ французскихъ, и можно подумать, что находишься не въ сердцѣ Германіи, но въ уголкѣ Франціи, какими-то судьбами отъ нея отторгнутомъ и перенесенномъ въ чуждую сторону. Не должно, однако, думать, что такое предпочтеніе всего французскаго заставляетъ царственныхъ супруговъ въ чемъ нибудь забывать ихъ обязанности къ своимъ нѣмецкимъ подданнымъ: оба они только являются симпатичными доказательствами того, вѣрнаго въ основѣ, хотя еще далеко не всѣми сознаннаго, положенія, что для сердецъ, истинно возвышенныхъ, для умовъ, правильно и широко развитыхъ, не существуетъ узкихъ національныхъ дѣленій и перегородокъ.

Великой герцогинѣ 68 лѣтъ, и хотя волосы ея совершенно бѣлы, но взглядъ ясенъ, разговоръ оживленъ, къ окружающимъ она относится съ присущимъ ей добродушіемъ. Она имѣетъ только невинную слабость въ точности соблюдать и настаивать на соблюденіи другими всѣхъ требованій придворнаго этикета; въ этомъ видитъ она оплотъ противъ вкрадывающихся всюду и зачастую слишкомъ рискованныхъ и развязныхъ манеръ «конца вѣка». Серьезная и сдержанная, герцогиня Вильгельмина-Софія не допускаетъ, напримѣръ, чтобы дамы ея свиты курили, носили слишкомъ яркіе и шумные туалеты, но никому не придетъ въ голову объяснять это ея гордостью или сухостью сердца, такъ какъ, напротивъ, доброта и благотворительность великой герцогини всѣмъ

хорошо извѣстны. Въ качествѣ приданаго получила она обширныя земли въ Силезіи, и доходъ съ нихъ, какъ и значительную часть принадлежащихъ ей капиталовъ, тратитъ исключительно на добрыя дѣла, на поддержку разныхъ благотворительныхъ учрежденій, которыхъ не мало основала и сама. Не разъ случалось ей отказывать себѣ въ исполненіи какого нибудь желанія, въ пріобрѣтеніи произведенія искуства, чтобы деньги эти внести въ кассу, нуждающагося въ поддержкѣ, пріюта или богадѣльни. Когда надъ Саксенъ-Веймарскимъ герцогствомъ разразился однажды экономическій кризисъ, нерѣдко въ послѣднее время навѣщающій германскія государства, великая герцогиня цѣлый годъ не сдѣлала себѣ ни одного новаго туалета, довольствуясь освѣженіемъ прежнихъ, какъ самая экономная и стѣсненная въ средствахъ хозяйка, и всѣ скопленныя этимъ путемъ деньги пожертвовала нуждающимся рабочимъ, помимо, конечно, того, что̀ ежегодно отдавала на благотворительныя цѣли.

Особенно она интересуется успѣхами и развитіемъ ею же основанной общины сестеръ милосердія, оказавшей во время франко-прусской войны неоцѣненныя услуги, но щедрость герцогини простирается также и на покровительство литературѣ. Такъ, на ея исключительный счетъ печатается въ настоящее время въ Веймарѣ роскошное, классическое изданіе произведеній Гете, тѣмъ болѣе драгоцѣнное, что въ составъ его входитъ значительное количество рукописей великаго поэта, доселѣ еще неизвѣстныхъ и неизданныхъ.

И если эта женщина, дѣлающая такъ много добра единственно по влеченію своего сердца, является требовательною на счетъ всякихъ придворныхъ правилъ и дворцовыхъ церемоній, то можно ли ставить ей въ серьезную вину это маленькое увлеченіе? Вѣдь и здѣсь герцогиня исходитъ изъ добраго, моральнаго основанія, думая бороться съ «духомъ времени», одинаково разрушающимъ своимъ вліяніемъ какъ прежнія условныя требованія общественной вѣжливости, такъ и старинныя лойяльныя чувства простыхъ смертныхъ по отношенію къ своимъ властителямъ. И этому противостоять безсильны всѣ старанія отдѣльныхъ личностей; «конецъ вѣка» неудержимо сказывается въ томъ, что люди становятся все грубѣе и рѣзче, хоть, можетъ быть, оттого и правдивѣе, а, съ другой стороны, престижъ всякой власти, и особенно политической, идетъ замѣтно на убыль, подъ вліяніемъ развивающейся любви къ свободѣ и привычкѣ къ самоуваженію...

Великогерцогская чета имѣетъ троихъ дѣтей: сына, наслѣдника престола Карла-Августа, родившагося въ 1844 году и женатаго на Полинѣ, принцесѣ Саксенъ-Веймаръ-Эйзенахской, и двухъ дочерей, Марію и Елизавету, выданныхъ замужъ: первая за князя Генриха VII Рейсъ-Шлейцскаго и вторая за Іоганна-Альбрехта, герцога Мекленбургъ-Шверинскаго.

Резиденціею двора въ Веймарѣ служитъ обширный дворецъ въ три величественныхъ, расположенныхъ «покоемъ» флигеля, съ четвертой стороны замыкаемыхъ высокой, изящной рѣшеткой, украшенной фигурами золотого сокола, гербовой птицы Веймаръ-Эйзенахской династіи. Сзади дворца раскидывается обширный паркъ, разбитый по рисункамъ Гете и безусловно доступный для публики. Паркъ орошается красивою, прихотливо извивающеюся рѣкою Ильмъ и славится какъ одинъ изъ красивѣйшихъ въ Германіи. Самый же дворецъ, перестроенный послѣ бывшаго въ началѣ нынѣшняго столѣтія пожара, также по указаніямъ и подъ наблюденіемъ Гете, заключаетъ въ себѣ рядъ роскошныхъ залъ, наполненныхъ произведеніями искуства, къ которымъ великогерцогская династія имѣетъ, какъ извѣстно, историческую склонность. Можно указать, между прочимъ, какъ на рѣдкое сокровище, на оригинальныя, прекрасно сохранившіяся картины «Тайной вечери» Леонардо да-Винчи, украшающія большой залъ на половинѣ герцогини, и на небольшую, но прекрасно составленную колекцію картинъ старыхъ итальянскихъ мастеровъ, въ которой нѣтъ ни одного сомнительнаго или слабаго произведенія. Богатое собраніе рѣдкаго стариннаго оружія, гдѣ выдаются великолѣпные доспѣхи, подаренные королемъ Людовикомъ XIII герою Тридцатилѣтней войны герцогу Бернгарду Саксонскому, помѣщается въ пріемной передъ кабинетомъ великаго герцога; цѣлая комната, убранная серебряными чашами, братинами, кубками, привлекаетъ вниманіе также и по соединеннымъ съ нею историческимъ воспоминаніямъ. Здѣсь Наполеонъ послѣ Іенской битвы имѣлъ свиданіе съ герцогиней Луизою, матерью нынѣшняго герцога. Разгнѣванный побѣдитель обрекъ Веймаръ пожару и разграбленію и по политическимъ соображеніямъ и въ видѣ награды солдатамъ за ихъ боевые труды, что онъ нерѣдко допускалъ, какъ средство привязать къ себѣ армію прочными узами корысти. Но герцогинѣ удалось уговорить его отмѣнить это намѣреніе, и городъ былъ спасенъ.

Обращаетъ еще вниманіе во дворцѣ главная парадная зала— огромный, математически точный, квадратъ съ богато орнаментованными хорами, и небольшая дворцовая церковь, впрочемъ, нѣсколько грустная, по образцу всѣхъ протестантскихъ храмовъ.

Кромѣ этой главной резиденціи, веймарскій дворъ имѣетъ еще нѣсколько дворцовъ вблизи столицы, въ которые иногда и переселяется на лѣтнее время. Главные—Этерсбургъ, Бельведеръ, Тифуртъ. Послѣдній изъ нихъ во вкусѣ Тріанона, среди безъискуственнаго парка, скорѣе въ лѣсу; здѣсь и до сихъ поръ сохранился открытый садовый театръ, въ которомъ подъ руководствомъ Гете нерѣдко давались спектакли для двора и самаго избраннаго общества. Поэтъ для этихъ спектаклей самъ сочинялъ или передѣлывалъ піесы съ дѣйствіемъ непремѣнно въ лѣсу или саду, сообразно условіямъ окружающей обстановки.

Помимо названныхъ дворцовъ есть резиденціи, и более удаленныя отъ столицы: въ Тюрингіи зàмокъ Вильгельмсталь на берегу озера, въ тихія воды котораго смотрятся его гордыя, старинныя стѣны, и знаменитый Вартбургъ, жемчужина великаго ѓерцогства. Построенный на склонѣ высокаго лѣсистаго холма, окруженный моремъ зелени, Вартбургъ выноситъ къ голубому небу величественные контуры своихъ башенъ и готическія стрѣлки остроконечныхъ крышъ. Легенда и исторія смѣшиваютъ свои воспоминанія въ его сводчатыхъ залахъ, въ его мрачныхъ подземельяхъ и залитыхъ солнечнымъ свѣтомъ галереяхъ. Здѣсь въ XIII вѣкѣ герцоги Тюрингенскіе созывали пѣвцовъ всей Германіи и устроивали состязанія «мейстерзенгеровъ», память о которыхъ жива въ народѣ, связанная съ легендарнымъ именемъ Тангейзера. Теперь въ той самой залѣ, гдѣ по преданію происходили эти состязанія, эфектно исполненныя на стѣнахъ фрески Швинда возобновляютъ предъ зрителемъ полную картину поэтическаго турнира.

Въ день свадьбы своего сына, наслѣднаго герцога, Карлъ-Александръ въ Вартбургскомъ замкѣ устроилъ празднество съ точнымъ соблюденіемъ всей средневѣковой обстановки, и особо приглашенными оперными пѣвцами въ роскошныхъ костюмахъ эпохи устроено было пѣвческое состязаніе, послѣ котораго присутствующіе гости, также разодѣтые рыцарями и старогерманскими вельможами, присуждали въ награду побѣдителямъ дорогіе чеканные кубки и лавровые вѣнки. Слѣдомъ за этимъ единственнымъ въ своемъ родѣ концертомъ шли танцы, затѣмъ ужинъ, и все при этомъ — музыка, костюмы, прислуга, кушанья за столомъ, сервировка, было точнѣйшею копіею того, какъ подобные праздники происходили въ XIII—XIV столѣтіяхъ.

Вартбургъ освящается еще воспоминаніемъ о жившей здѣсь св. Елизаветѣ Венгерской, которая выросла въ зàмкѣ, привезенная изъ Венгріи четырехлѣтнимъ ребенкомъ въ качествѣ невѣсты тюрингенскаго герцога. Наконецъ, здѣсь же, во флигелѣ замка, жилъ Мартинъ Лютеръ, скрывшійся сюда съ Вормскаго сейма, гдѣ его начинавшаяся борьба съ католицизмомъ не увѣнчалась еще успѣхомъ и грозила его жизни опасностью. Живя въ Вартбургѣ, Лютеръ переводилъ на нѣмецкій языкъ библію, а въ свободное время бесѣдовалъ съ чортомъ, который посѣщалъ его, чтобъ потолковать о богословскихъ вопросахъ. Въ одинъ изъ такихъ диспутовъ, не будучи въ состояніи опровергнуть доводовъ своего собесѣдника, раздраженный Лютеръ запустилъ, какъ извѣстно, въ чорта чернильницей, разбившейся объ стѣну и оставившей на ней большое пятно. Протестанты, хотя и издѣвающіеся надъ «идолопоклонствомъ» католиковъ съ ихъ статуями и образами въ церквахъ, ходятъ, однако, и до сихъ поръ на поклоненіе этому чернильному пятну, считая его одною изъ своихъ религіозныхъ реликвій.

Во всѣхъ этихъ замкахъ и дворцахъ великій герцогъ проводитъ жизнь въ избранномъ кругу приближенныхъ лицъ скорѣе добрымъ семьяниномъ, чѣмъ коронованнымъ властителемъ. Онъ чрезвычайно дорожитъ всѣми семейными интересами и привязанностями и до сихъ поръ, по желанію герцога Карла-Александра, внучка его, юная королева голландская, приготовляетъ сама и посылаетъ ему какое-то особенное сухое печенье, которое она умѣетъ дѣлать по вкусу своего дѣда. Герцогъ очень любитъ свою семью и въ тѣсномъ кругу жены, сына съ женою и двухъ внуковъ проводитъ цѣлые дни, забывая о тягостяхъ своего высокаго поста, которыя, впрочемъ, и перешли уже съ его плечъ: по внутреннему управленію къ палатѣ депутатовъ, а по внѣшней политикѣ къ Пруссіи, стремящейся единолично распоряжаться судьбами всей Германіи.

Однако простота и скромность жизни великогерцогской четы не исключаютъ, какъ мы говорили, требованій строгаго придворнаго этикета. Едва переступивъ за рѣшетку веймарскаго дворца, вы встрѣчаете на главномъ дворѣ почетный караулъ лейбъ-гусаровъ, впрочемъ не несущихъ прямой военной службы, а просто назначенныхъ для исполненія обязанностей дворцовой прислуги и полиціи. Они одѣты въ фантастическій гусарскій костюмъ, точно взятый изъ «Герцогини Герольштейнской», съ расшитыми, опушенными мѣхомъ ментиками и помпонами на высокихъ, въ видѣ усѣченныхъ конусовъ, киверахъ. Въ покояхъ дворца многочисленная прислуга въ свѣтло-синемъ сукнѣ съ гербовымъ галуномъ и серебряными пуговицами, а старшій разрядъ слугъ въ черныхъ фракахъ съ вышитыми золотомъ воротниками. Наконецъ за столомъ кресло герцога охраняетъ его любимецъ негръ въ восточномъ костюмѣ, а за кресломъ герцогини стоитъ придворный егерь въ зеленомъ съ золотомъ мундирѣ.

Высшій придворный штатъ тоже многочисленъ: гофмаршалъ, церемоніймейстеръ, комендантъ дворца, начальникъ охоты, шталмейстеръ, камергеры, адъютанты, секретари герцога и герцогини, придворныя дамы,—все это составляетъ значительную толпу народа; по штату имѣется даже шесть пажей, но ими лишь номинально, не принимая никакого участія въ придворной жизни, числятся сыновья нѣкоторыхъ изъ приближенныхъ къ герцогу лицъ. Вся эта свита, не смотря на обширность веймарскаго дворца, въ немъ не живетъ, а помѣщаясь на своихъ квартирахъ въ городѣ, является во дворецъ лишь по дежурству, для исполненія своихъ обязанностей. Это очень благоразумно устроено, уменьшая стоимость содержанія дворцоваго персонала, такъ какъ при помѣщеніи его въ самомъ дворцѣ расходы придворнаго вѣдомства были бы гораздо значительнѣе.

Обѣды во дворцѣ, кромѣ особо праздничныхъ случаевъ, происходятъ пунктуально въ 6 часовъ. Когда великому герцогу и су-

пругѣ его доложено, гофмаршалъ шествуетъ впереди, за нимъ идетъ герцогъ объ руку съ супругою. Дамы слѣдуютъ однѣ, и кавалеры замыкаютъ шествіе. Если къ обѣду приглашенъ кто либо не изъ обычнаго придворнаго персонала, самъ герцогъ указываетъ ему мѣсто за столомъ. Герцогиня надѣваетъ къ обѣду тѣ или другія изъ своихъ драгоцѣнностей, славящихся рѣдкимъ подборомъ и высокою стоимостью; герцогъ обыкновенно съ орденомъ Золотаго Руна на шеѣ, придворные въ мундирахъ и съ великогерцогскими орденами Бѣлаго Сокола, красивый крестъ котораго имѣетъ темнокрасную ленту. Первую степень этого ордена имѣютъ всѣ государи Европы, а изъ особъ некоронованныхъ глава Орлеанской династіи, графъ Парижскій. Остальныя степени насчитываютъ около 1.300 кавалеровъ: 240 въ самомъ герцогствѣ, 760 въ Германіи и почти 300 въ другихъ странахъ, преимущественно во Франціи, для которой герцогъ, по своей привязанности ко всему французскому, особенно щедръ на выраженіе знаковъ своего расположенія. Маршалъ Мак-Магонъ, композиторъ Сен-Сансъ, маркизъ Клермон-Тоннеръ, Поль Віардо, маркизъ де-Бовуаръ—наиболѣе выдающіеся изъ французскихъ кавалеровъ этого ордена.

Возвращаясь къ великогерцогскому обѣду, слѣдуетъ сказать, что онъ проходитъ такъ чинно и торжественно, что имѣетъ видъ какого-то священнодѣйствія, а не скромнаго, прозаическаго акта насыщенія пищею, какъ у всѣхъ простыхъ смертныхъ. Никакихъ, тѣмъ болѣе громкихъ разговоровъ; отвѣчаютъ только на обращенные герцогомъ или его супругою вопросы, и лакей, предлагая послѣ супа традиціонный вопросъ: «мадера или хересъ?», шепчетъ это каждому на ухо такъ таинственно, какъ будто передаетъ важнѣйшую государственную тайну. При общительномъ характерѣ великаго герцога, онъ долженъ съ трудомъ выносить величавую неподвижность этихъ обѣдовъ, и дѣйствительно, обѣденная пора, повидимому, единственное время дня, когда онъ скучаетъ. Но онъ геройски мирится съ этою скукой, не желая противорѣчить вкусамъ великой герцогини, которая, при всей своей добротѣ, не согласилась бы поступиться малѣйшимъ требованіемъ придворнаго церемоніальнаго устава.

Послѣ обѣда герцогиня обыкновенно переходитъ въ гостиную и нѣкоторое время проводитъ въ кругу своихъ дамъ; здѣсь разговоры нѣсколько оживленнѣе, однако, все же безъ громкаго смѣха и повышеній голоса, чего герцогиня положительно не выноситъ. Но уже въ 8 часовъ она поднимается съ кресла, дѣлаетъ общій поклонъ и удаляется во внутренніе покои въ сопровожденіи дежурныхъ статс-дамы и фрейлины.

Великій герцогъ, съ своей стороны, приглашаетъ обѣдавшихъ мужчинъ курить въ зимній садъ, расположенный во второмъ этажѣ дворца. Здѣсь разносятъ кофе, а самъ хозяинъ угощаетъ гостей

превосходными, огромной величины сигарами, по особому его заказу приготовляемыми въ Гаваннѣ. Герцогъ оживляется, очаровываетъ всѣхъ любезностью и вниманіемъ, и вообще старается вознаградить собесѣдниковъ за холодную принужденность обѣда. Но въ десятомъ часу и его любезность начинаетъ изсякать: 74 года берутъ свое и зовутъ къ отдыху, и присутствующіе милостиво отпускаются.

Этикетъ не воспрещаетъ герцогу посѣщать своихъ подданныхъ и принимать ихъ приглашенія. Герцогъ охотно обѣдаетъ иногда у нѣкоторыхъ изъ своихъ приближенныхъ и высшихъ сановниковъ, гдѣ, онъ знаетъ, ему не будетъ скучнѣе, чѣмъ у себя во дворцѣ. Нерѣдко онъ вечеромъ неожиданно посѣщаетъ кого либо изъ придворныхъ, являясь безъ свиты, часто пѣшкомъ, чтобъ выпить чашку чая. Онъ охотно вступаетъ въ бесѣду съ присутствующими, и о высокомъ рангѣ посѣтителя напоминаетъ лишь то, что хозяинъ, по церемоніалу, обязанъ встрѣтить герцога на нижней ступени лѣстницы и проводить до дверей своего дома.

Бываютъ при дворѣ и офиціальныя празднества, причемъ тогда на балы и ужины приглашаются, кромѣ министровъ, президентъ и вице-президентъ палаты, лица высшей администраціи и всѣ свободные отъ службы офицеры расположеннаго въ Веймарѣ полка. Дипломатическій корпусъ дополняетъ составъ приглашенныхъ. Пруссія, Россія, королевство Саксонское, имѣютъ при веймарскомъ дворѣ своихъ представителей; это не значитъ, конечно, чтобы названныя государства преувеличивали политическое значеніе великаго герцогства Саксенъ-Веймарскаго, но просто служитъ доказательствомъ уваженія къ личнымъ качествамъ герцога Карла-Александра.

Кромѣ того, и это для герцога лучшій родъ развлеченій, приглашаются нерѣдко во дворецъ посѣщающіе Веймаръ, а иногда и спеціально выписанные, извѣстные ученые, писатели или путешественники. Тогда въ кругу приглашенныхъ произносится лекція о послѣднихъ открытіяхъ въ той или другой наукѣ, читается новая повѣсть или поэма, выслушивается разсказъ объ интересной поѣздкѣ, предпринятой съ научной или художественной цѣлью. Въ другой разъ берется имѣвшая успѣхъ въ Германіи или за границей пьеса, почти всегда французская, но непремѣнно серьезнаго репертуара, совершенно приличная, а не съ какого нибудь «Théâtre libre» въ Парижѣ. Вошедшихъ почему-то въ моду норвежцевъ Ибсена и Біорнсона герцогъ также совершенно не признаетъ и рѣшительно отказывается выслушивать ихъ курьезныя произведенія. Выбранную пьесу обыкновенно читаютъ нѣсколько участвующихъ, взявшихъ на себя каждый отдѣльную роль; и если въ этомъ принимаетъ участіе и самъ герцогъ, то читаетъ съ большимъ увлеченіемъ, выказывая всѣ качества прекраснаго декламатора.

По обычаю всѣхъ властителей и вообще великихъ сего міра,

герцогъ Карлъ-Александръ считаетъ себя обязаннымъ содержать цѣлый штатъ придворной охоты, съ егерями, собаками и лошадьми, но самая охота интересуетъ его очень мало, да не привлекала и ранѣе, когда не столь преклонный возрастъ и сохранившіяся еще силы позволяли ему пользоваться этимъ развлеченіемъ. Дѣйствительно, при добромъ, сочувствующемъ всему страдающему сердцѣ герцога, охота, конечно, должна казаться ему удовольствіемъ безцѣльно и преступно жестокимъ, а широкое умственное развитіе позволяетъ ему правильно смотрѣть на это варварское развлеченіе, какъ на печальный остатокъ отъ прежнихъ, малокультурныхъ эпохъ, когда и самъ человѣкъ, пожалуй, мало чѣмъ разнился отъ звѣря, за которымъ охотился. Отъ этого любопытнаго образчика такъ называемаго «переживанія» естественно сторонятся люди тихихъ, цивилизованныхъ привычекъ и обычаевъ, соглашаясь допускать охоту только въ видѣ ремесла или необходимой борьбы съ вредными въ данной мѣстности звѣрями, но отнюдь не какъ игру, какъ унизительную забаву, гдѣ толпа вооруженныхъ людей со сворою собакъ храбро преслѣдуетъ и побѣдоносно растерзываетъ какого нибудь совсѣмъ оглупѣвшаго отъ ужаса зайчишку.

Однако изрѣдка, чтобы охотничьи лошади не застаивались и егеря не слишкомъ заплывали жиромъ отъ бездѣйствія, герцогъ назначаетъ парадный выѣздъ куда нибудь въ окрестности Веймара. Охотники одѣваютъ свои красивые зеленые мундиры, лосины и ботфорты, породистыя собаки лаютъ отъ радости на сворахъ, герцогъ въ сопровожденіи свиты садится верхомъ на коня и всѣ шумной, нарядной толпой выѣзжаютъ изъ дворца, возвращаясь только къ ночи и обѣдая въ лѣсу или въ полѣ передъ разложенными по охотничьему обычаю кострами. Можно, пожалуй, подумать, что къ подобнымъ поѣздкамъ герцогъ прибѣгаетъ время отъ времени только какъ къ предлогу ускользнуть лишній разъ отъ дворцоваго обѣда; во всякомъ случаѣ приближенные отлично знаютъ, что самую милостивую улыбку во время охоты получаетъ отъ герцога тотъ изъ егерей, который доложитъ, что обойденной лисѣ или другому звѣрьку удалось спасти свою шкуру и скрыться отъ преслѣдованія.

Гораздо бо́льшее удовольствіе, нежели охота, доставляютъ герцогу лошади, которыхъ онъ очень любитъ. Онъ обладаетъ собственнымъ конскимъ заводомъ, который получилъ высшую почетную награду на бывшемъ недавно въ Берлинѣ конкурсѣ и славится во всей Германіи, хотя лошади съ этого завода идутъ только ко двору герцога, да иногда въ подарокъ приближеннымъ его или родственникамъ изъ царствующихъ германскихъ домовъ. Для своихъ личныхъ потребностей и надобностей двора герцогъ Карлъ-Александръ держитъ 60 прелестныхъ коней исключительно вороныхъ или рѣдкаго цвѣта «изабелла», составляющаго чрезвычайно удачный оттѣнокъ соловой масти. Лошади эти помѣщаются недалеко отъ дворца въ

роскошныхъ конюшняхъ, устроенныхъ со всѣмъ возможнымъ комфортомъ и изяществомъ. Герцогъ часто навѣщаетъ своихъ любимцевъ и самъ любитъ править экипажемъ въ запряжкѣ четвернею, по двѣ въ рядъ. Этотъ выѣздъ хорошо извѣстенъ Веймару, хотя герцогъ, по обыкновенію своему, катается безъ всякой свиты, лишь съ егеремъ на запяткахъ дог-карта или легкаго тильбюри.

Очеркъ нашъ былъ бы не полонъ, если-бъ мы не упомянули еще о веймарскомъ театрѣ, который въ одно и то же время и городской и придворный, такъ какъ зданіе принадлежитъ городу и посѣщеніе спектаклей совершенно доступно за плату малую почти до смѣшного, но всѣ расходы по театру, плата артистамъ, оркестру, всему служебному персоналу, производится изъ личныхъ средствъ герцога, и самъ онъ принимаетъ непосредственное участіе въ управленіи театромъ. Этотъ театръ достойно поддерживаетъ ту славу, какою онъ пользовался еще сто лѣтъ тому назадъ при великомъ герцогѣ Карлѣ-Августѣ и подъ управленіемъ Гёте, въ то время, когда Веймаръ былъ Аѳинами сѣвера. Драматическою труппою театра превосходно разыгрываются пьесы серьезнаго, классическаго репертуара и отъ времени до времени ставятся оперы, преимущественно Моцарта, которому поклоняется герцогъ Карлъ-Александръ; тогда для главныхъ партій приглашаются съ другихъ сценъ выдающіеся солисты, а хоръ и окрестръ имѣются при веймарскомъ театрѣ постоянные. Даже и въ театрѣ герцогъ, по доброму своему обычаю, избѣгаетъ стѣснять присутствующихъ и въ своей парадной ложѣ появляется лишь въ экстренныхъ случаяхъ, напримѣръ, вмѣстѣ съ посѣщающими Веймаръ высокопоставленными лицами; обыкновенно же онъ скромно занимаетъ закрытую ложу бенуара, гдѣ пріѣздъ и пребываніе его проходятъ незамѣтно и откуда онъ слѣдитъ за спектаклемъ со всѣмъ вниманіемъ тонкаго цѣнителя и серьезнаго критика.

Кромѣ этого храма музъ, въ Веймарѣ, по части искуствъ, имѣется еще картинная галлерея, богатая произведеніями Рубенса, Гольбейна, Рюисдаля и съ извѣстнымъ цикломъ фресокъ талантливаго современнаго художника Преллера, илюстрирующимъ содержаніе Одиссеи. Съ 1868 года существуетъ и довольно успѣшно развивающееся высшее училище живописи и ваянія и, наконецъ, въ недавнее время открылся интересный культурно-историческій музей, основаніе которому положилъ опять-таки великій герцогъ, передавъ въ него значительное собраніе любопытныхъ и цѣнныхъ предметовъ изъ своихъ богатыхъ дворцовыхъ колекцій преимущественно по средневѣковому искуству и культурѣ того времени. Всѣ эти учрежденія герцогъ навѣщаетъ довольно часто, живо интересуясь ихъ развитіемъ и не жалѣя денежныхъ средствъ для ихъ поддержки.

Такъ, примирившись съ скромнымъ своимъ политическимъ положеніемъ, какъ подчинился онъ и скукѣ придворныхъ обѣдовъ, истымъ философомъ, сочувствующимъ всему прекрасному, идущимъ на помощь всякому хорошему начинанію, тихо доживаетъ великій герцогъ Карлъ-Александръ дни своей спокойной, безупречной жизни. Въ могилу съ нимъ сойдетъ о немъ память, какъ о человѣкѣ истинно добромъ и достойномъ, который, въ другихъ историческихъ условіяхъ своего государства, съумѣлъ бы оказать сильное, благотворное вліяніе на судьбы родины уже однимъ своимъ миролюбіемъ, гуманностью и полнымъ отвращеніемъ отъ «милитаризма», причинявшаго столько зла Германіи и нравственнаго, и экономическаго, и въ которомъ вся нація, рано или поздно, легко можетъ найти могилу своему эфемерному могуществу и случайно добытому политическому преобладанію.

В. З—въ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

А. Н. Пыпинъ. Исторія русской этнографіи. Томъ IV. Бѣлоруссія и Сибирь. Спб. 1892.

ЕТВЕРТЫЙ и послѣдній томъ почтеннаго труда А. Н. Пыпина состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, изъ которыхъ первый посвященъ Бѣлоруссіи, а второй—Сибири.

Когда впервые появилось названіе «Бѣлой Руси», съ точностью неизвѣстно. Въ царскомъ титулѣ оно употребляется съ литовскаго похода Алексѣя Михайловича; но въ латинскихъ документахъ Alba Russia встрѣчается уже въ XVI вѣкѣ. Это названіе не всегда прилагалось къ одной опредѣленной мѣстности. Такъ, въ иноземныхъ актахъ еще Иванъ III называется царемъ Бѣлой Россіи. Татищевъ этимъ именемъ обозначаетъ области Ростовскую и Суздальскую. Географическое опредѣленіе Бѣлоруссіи не установлено до сихъ поръ. Въ «Географическомъ словарѣ» П. Семенова говорится, что «подъ именемъ Бѣлоруссіи разумѣютъ губерніи Витебскую и Могилевскую»; а на картѣ географическаго общества (1875), кромѣ того, указано распространеніе бѣлорусскаго племени въ губерніяхъ Виленской, Гродненской, Минской, Сувалкской, Смоленской, Черниговской, Псковской и небольшими поселками даже въ Ковенской, Тверской, Московской и др. По своимъ племеннымъ свойствамъ, бѣлоруссы стоятъ ближе къ великороссамъ, чѣмъ къ малороссамъ, съ которыми втеченіе многихъ вѣковъ дѣлили общую историческую судьбу. «Еще на первыхъ ступеняхъ историческаго развитія, разобщенный отъ той вѣтви русскаго народа, въ средѣ которой создалось государство, бѣлорусскій народъ извѣстнымъ образомъ тяготѣлъ къ нему по вѣрѣ и, вѣроятно, также по племенному инстинкту, но, соединившись съ Литвой и Польшей, повелъ иное политическое существованіе и иное культурное развитіе и понесъ на себѣ ихъ послѣдствія—

тяжелое положеніе русской народности, которая подпала польскому и католическому вліянію, а также и притѣсненію; вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, его культурныя пріобрѣтенія помогли ему въ борьбѣ за свою народную личность и старое церковное преданіе, и въ XVI—XVII столѣтіи Москва могла воспользоваться плодами западнаго и южнаго русскаго просвѣщенія, хотя эти страны еще находились подъ польскимъ владычествомъ. Великорусская вѣтвь племени образовалась мимо юга и запада, и эта отдѣльность, не смотря на упомянутыя общія симпатіи, чувствовалась въ старину съ обѣихъ сторонъ: для Москвы бѣлоруссы стали «литовскіе люди»; на западѣ, какъ и на югѣ, «москали» часто бывали антипатичны по сложившемуся различію характеровъ и по особому политическому складу москвичей. Тогда какъ Малороссія подпала возсоединенію еще съ половины XVII вѣка, бѣлоруссы вошли въ составъ Русской имперіи почти на полтора вѣка позднѣе; даже долгое время по присоединеніи они продолжали оставаться фактически подъ польскимъ владычествомъ, какъ крѣпостные польскихъ помѣщиковъ, и полонизація въ высшихъ классахъ бѣлорусскаго народа подъ русской властью за это время шла, какъ говорятъ, даже сильнѣе прежняго... Истинное положеніе вещей стало выясняться лишь въ послѣднія десятилѣтія. Освобожденіе крестьянъ въ первый разъ открыло для русскаго общества въ полной мѣрѣ вопросъ о **бѣлорусскомъ народѣ**, съ которымъ, однако, еще предстояло познакомиться, потому что о немъ не доставало иногда даже элементарныхъ свѣдѣній. Польское возстаніе усилило интересъ враждою къ Польшѣ, но и спутало правильное пониманіе дѣла: патріотическіе публицисты внезапно узнали о существованіи русскаго народа въ Западномъ краѣ и, сознаваясь, что русское общество забыло или не знало о немъ, съ одной стороны, объявляли Западный край чисто русскимъ, съ другой — говорили о необходимости его «обрусенія». Съ этого же времени, т. е. съ 60-хъ годовъ, начинается и первое серьезное изученіе края, выразившееся затѣмъ нѣсколькими замѣчательными трудами, хотя до сихъ поръ существуетъ много немаловажныхъ пробѣловъ, «какъ подобные пробѣлы остаются и въ цѣломъ пониманіи положенія этого края». Обзоръ всего хода бѣлорусской этнографіи, начиная съ трудовъ польскихъ ученыхъ эпохи присоединенія и кончая новѣйшими изслѣдованіями, и составляетъ содержаніе перваго отдѣла разсматриваемаго тома (стр. 1—173).

Во второмъ отдѣлѣ этого тома (стр. 175—462) излагается постепенное развитіе изслѣдованій, посвященныхъ Сибири почти съ перваго занятія ея русскими, по описанію ея территоріи, по ея исторіи и этнографіи. Первыя розысканія о Сибири представляютъ прямой захватъ земель. Конецъ XVI и XVII вѣковъ ознаменованы смѣлыми предпріятіями этого рода, которыя вмѣстѣ съ расширеніемъ государственной территоріи расширяли и область географическаго знанія: открытія искателей новыхъ земель, доходя до западно-европейскихъ ученыхъ, дѣлаются достояніемъ науки. Новая эпоха сибирскихъ и среднеазіатскихъ открытій начинается съ Петра Великаго, когда правительство снаряжаетъ ученыя экспедиціи, положившія первое основаніе географическому опредѣленію Сибири и сосѣднихъ земель. Съ XVIII же вѣка начинаются и первыя правильныя работы по сибирской исторіи, хотя только въ новѣйшее время возникаютъ изслѣдованія о внутреннихъ отношеніяхъ Сибири, ея этнографическомъ составѣ, условіяхъ быта и свойствахъ народнаго характера.

Сибирская этнографія естественно распадается на инородческую и русскую. Первая должна объяснить составъ, исторію и особенности инородческихъ племенъ Сибири; задача второй — указать особенности русскаго племени въ Сибири,— особенности, возникшія подъ вліяніемъ почвы этой страны, ея климата, племенныхъ смѣшеній и исключительныхъ историческихъ и бытовыхъ условій. «Если въ первомъ отдѣлѣ,— говоритъ авторъ,—научное рѣшеніе затруднено большою сложностью данныхъ и отчасти трудностью ихъ изслѣдованія, то во второмъ оно замедляется недостаточностью фактовъ, какіе были до сихъ поръ собраны, потому что этнографія русскаго племени въ Сибири едва только теперь привлекаетъ серьезное вниманіе изыскателей. На этомъ основаніи особливо по первому отдѣлу трудно дать послѣдовательную исторію изученій, какъ это было возможно въ другихъ областяхъ русской этнографіи, и мы должны будемъ большею частью только указывать поставленные вопросы, отмѣчать связь вопросовъ сибирской этнографіи съ общимъ положеніемъ азіатскихъ изученій и археологіи. До сихъ поръ ни въ томъ, ни въ другомъ отдѣлѣ сибирской этнографіи нельзя указать ни одного труда, который обнималъ бы предметъ во всей широтѣ его сложнаго объема или, по крайней мѣрѣ, намѣтилъ бы полную програму его изслѣдованія: всего чаще мы имѣемъ передъ собой массу детальныхъ изслѣдованій, едва одолимыхъ для одного изыскателя, который хотѣлъ бы свести ихъ въ одно цѣлое».

Въ предисловіи къ III тому «Исторіи русской этнографіи» авторъ обѣщалъ разобрать возраженія, вызванныя первыми томами этого сочиненія. Но, какъ видно изъ предисловія къ настоящему тому, онъ «отложилъ это намѣреніе». Мотивируя свой отказъ отъ полемики, онъ замѣчаетъ: «По сущности предмета, по связи этнографіи съ развитіемъ понятій о народной жизни и народности, я долженъ былъ коснуться теорій этого рода, философско-историческихъ и общественныхъ, которыя въ разное время излагагались и получали то или другое значеніе въ нашей литературѣ; встрѣтиться съ противорѣчіемъ, особливо съ предвзятыми мнѣніями, было здѣсь неизбѣжно. Спорить съ такими мнѣніями—дѣло неблагодарное, потому что безплодное; внимательный читатель сумѣетъ разобраться въ замѣчаніяхъ критики по предметамъ, имѣющимъ цѣлую обширную литературу и о которыхъ мнѣ также случалось говорить подробнѣе въ другихъ работахъ». Указывали, напримѣръ, на то, что «народничество» при извѣстныхъ условіяхъ можетъ составить гораздо болѣе значительное движеніе, чѣмъ онъ полагаетъ... Упомянувъ затѣмъ о «примѣси абскурантизма», свойственной указанному направленію, авторъ продолжаетъ: «Великое значеніе науки, въ томъ числѣ и этнографическаго знанія, состоитъ въ томъ, что, собирая и анализируя точные факты, она устраняетъ построенія, хотя бы продиктованныя наилучшими побужденіями, но произвольныя или даже фантастическія, и правильной критической оцѣнкой фактовъ открываетъ путь здоровому идеализму, который можетъ жить только въ союзѣ съ этой наукой и просвѣщеніемъ».

Въ концѣ тома приложенъ указатель собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ книгѣ. С—кій.

Русская Историческая Библіотека, издаваемая археографической коммиссіею. Томъ тринадцатый. Спб. 1892.

Настоящій томъ «Русской Исторической Библіотеки» заключаетъ въ себѣ очень любопытный и важный для характеристики смутнаго времени матеріалъ, именно — сказанія и повѣсти, относящіяся къ этому времени. «Большая часть этихъ памятниковъ,— говоритъ въ предисловіи профессоръ С. Ѳ. Платоновъ, — составлена современниками смутъ или въ самую Смутную эпоху, или же вскорѣ послѣ возстановленія государственнаго порядка, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Во всю первую половину XVII вѣка литературные интересы московскаго общества въ значительной мѣрѣ направлены были на изображеніе и обсужденіе того государственнаго кризиса, который угрожалъ ниспроверженіемъ политической самостоятельности и религіозной свободы великорусскаго племени. Большое количество произведеній посвящалось описанію или общаго хода смуты, или отдѣльныхъ ея фактовъ, или подвиговъ лицъ, руководившихъ русскимъ обществомъ въ трудные для него годы. Подчиняясь литературнымъ пріемамъ своего времени, писатели о смутѣ придавали своимъ произведеніямъ обычную для XVII столѣтія форму повѣстей и сказаній, житій и чудесъ, словъ, плачей, видѣній, наконецъ, лѣтописцевъ и хронографовъ. Во вторую половину XVII вѣка, когда на смѣну современникамъ смуты явилось поколѣніе людей, знавшихъ только по преданію времена самозванщины, интересъ къ событіямъ смутной эпохи не изсякъ, но выражался уже не въ созданіи литературно-самостоятельныхъ произведеній, а въ многочисленныхъ компиляціяхъ изъ болѣе раннихъ сказаній съ примѣсью къ нимъ легендарныхъ подробностей, далеко отступавшихъ отъ исторической истины». Значеніе этого матеріала какъ для общей исторіи, такъ и для исторіи русской литературы, очевидно и было оцѣнено уже въ концѣ прошлаго вѣка Татищевымъ, Щербатовымъ, Г. Ф. Миллеромъ, которые, однако, пользовались имъ очень мало. Болѣе поздніе историки Н. М. Карамзинъ, С. М. Соловьевъ и др. уже въ значительномъ количествѣ вводятъ въ свои изслѣдованія извѣстія о смутѣ изъ сказаній и повѣстей, но почти не подвергая ихъ критической оцѣнкѣ, вслѣдствіе чего добрая половина данныхъ, заключавшаяся въ матеріалѣ, терялась, многое представлялось иначе, многое совершенно ускользало. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ профессоръ Платоновъ, заинтересовавшійся исторіей смутнаго времени, ознакомившись съ положеніемъ этого вопроса, пришелъ къ убѣжденію, что «дальнѣйшая разработка исторіи смутной эпохи можетъ идти съ надлежащимъ успѣхомъ только путемъ критической оцѣнки ея источниковъ». Результатомъ такого убѣжденія явилось извѣстное изслѣдованіе г. Платонова «Древнерусскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ». Авторъ его собралъ всѣ извѣстныя рукописи, находившіяся въ разнаго рода архивахъ, какъ монастырскихъ, такъ и частныхъ, критически анализировалъ ихъ, произвелъ оцѣнку всѣхъ вмѣстѣ и каждой въ отдѣльности и въ концѣ концовъ установилъ «общее представленіе объ исторической пригодности всего матеріала». Въ настоящее время проф. С. Ѳ. Платоновъ издалъ и самый матеріалъ. Такимъ образомъ, благодаря трудамъ профессора С. Ѳ. Платонова, вполнѣ приготовлена почва для изслѣдованія смутной эпохи — матеріалъ не только собранъ, но и оцѣненъ. Все главное, значитъ, сдѣлано, остается только воспользоваться.

Число отдѣльныхъ памятниковъ, изданныхъ въ этомъ томѣ, равняется 19-ти. На первомъ мѣстѣ поставлено «Иное сказаніе», затѣмъ слѣдують: «Повѣсть, како восхити неправдою на Москвѣ царскій престолъ Борисъ Годуновъ», «Повѣсть о видѣніи нѣкоему мужу духовну», «Новая повѣсть о преславномъ Россійскомъ царствѣ и великомъ государствѣ Московскомъ», «Плачъ о плѣненіи и конечномъ разореніи Московскаго государства», «Повѣсти о чудесныхъ видѣніяхъ въ Нижнемъ Новгородѣ и Владимірѣ», «Повѣсть о видѣніи мниху Варлааму въ Великомъ Новгородѣ», «Повѣсть о нѣкоей брани, належащей на Великую Россію», «Временникъ дьяка Ивана Тимоѳеева», «Сказаніе Авраамія Палицына», «Повѣсть кн. Ивана Хворостинина», «Повѣсть кн. Ив. Мих. Катырева-Ростовскаго» (въ двухъ редакціяхъ), «Сказаніе о Гришкѣ Отрепьевѣ», «Сказаніе о царствѣ царя Ѳедора Іоанновича», «Повѣсти кн. Семена Ивановича Шаховскаго», «Житіе царевича Димитрія Іоанновича, внесенное въ Минеи Германа Тулупова», «Житіе царевича Димитрія Іоанновича, внесенное въ Минеи Іоанна Милютина» и «Исторія о первомъ патріархѣ Іовѣ московскомъ». Кромѣ самаго матеріала, здѣсь же приложены очень тщательно составленное описаніе рукописей, по которымъ напечатанъ матеріалъ (I—XXXII стр.), и два указателя—именъ личныхъ и географическихъ (стр. 955—982), значительно облегчающіе пользованіе огромнымъ томомъ. **В. Б.**

В. Я. Стоюнинъ. Педагогическія сочиненія. Спб. 1892.

Среди высокопросвѣщенныхъ и даровитыхъ дѣятелей, выдвинутыхъ общественнымъ движеніемъ конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ принадлежитъ В. Я. Стоюнину. Онъ былъ,—говоритъ г. Сиповскій въ біографическомъ очеркѣ, помѣщенномъ въ началѣ настоящаго изданія,—«выдающимся явленіемъ нашей жизни. Рѣдко, очень рѣдко, встрѣтишь такую чистую, цѣльную, содержательную личность. Это былъ человѣкъ высокообразованный, эстетически уравновѣшенный, серьезно думающій, любящій, глубоко убѣжденный, искренне вѣрующій и въ то же время въ высшей степени непритязательный, скромный, даже нѣсколько застѣнчивый». Какъ педагогъ, В. Я. имѣлъ громадное и въ высшей степени благотворное вліяніе на учениковъ. «Идеалистъ въ душѣ, проникнутый благородными принципами, готовый твердо отстаивать ихъ, неспособный ни въ какомъ случаѣ поступаться своими убѣжденіями, онъ представлялъ такую опредѣленную, характерную личность, которая уже сама по себѣ должна была облагораживать молодыхъ людей, находящихся подъ его вліяніемъ. Понятно, что для учащейся чуткой молодежи онъ былъ не только прекраснымъ преподавателемъ, но и воспитателемъ или наставникомъ въ высшемъ смыслѣ этого слова». Но вліяніе Стоюнина не ограничивается узкимъ кругомъ его учениковъ. Педагогическая дѣятельность его выразилась также въ его статьяхъ, разсѣянныхъ въ журналахъ: «Вѣстникѣ Европы», «Древней и Новой Россіи», «Историческомъ Вѣстникѣ», «Русскомъ Педагогическомъ Вѣстникѣ», «Современникѣ» и др.

Часть этого литературно-педагогическаго наслѣдства Стоюнина, въ видѣ наиболѣе капитальныхъ статей его, и составляетъ содержаніе настоящаго изданія. Именно, здѣсь помѣщены: I) «Наша семья и ея историческія судьбы» (1884 года), II) «Развитіе педагогическихъ идей въ Россіи въ XVIII столѣ-

тія» (1857—1858 гг.), III) «Изъ исторіи воспитанія въ Россіи въ началѣ XIX столѣтія (1878 года), IV) «Мысли о нашихъ гимназіяхъ» (1860 года), V) «О частной педагогической предпріимчивости» (1865 года), VI) «Мысли о нашихъ экзаменахъ» (1870 года), VII) «Замѣтки о русской школѣ» (1881 года), VIII) «Педагогическіе вопросы. Гдѣ же гнѣздилось наше зло?» (1875 года) и IX) «Педагогическія задачи Пирогова» (1885 года).

Будучи собраны вмѣстѣ, эти статьи даютъ возможность познакомиться съ воззрѣніями автора по всѣмъ главнымъ вопросамъ воспитанія и образованія, съ его педагогическимъ міровоззрѣніемъ. Притомъ онѣ имѣютъ и современное значеніе: взгляды Стоюнина на воспитаніе и образованіе на столько замѣчательны и оригинальны, что съ ними долженъ основательно ознакомиться каждый серьезный педагогъ. Задача школы, по Стоюнину, воспитаніе человѣка и гражданина. Ея средство — наука. «Истинная нравственность крѣпка и сильна только убѣжденіями человѣка, а здравыя человѣчныя убѣжденія выработываются только на основаніи познаній, добытыхъ наукою, когда человѣкъ на нихъ развиваетъ свой умъ и ихъ беретъ матеріаломъ для своихъ думъ о жизни. Они зарождаютъ въ насъ сочувствіе къ интересамъ человѣческимъ и гражданскимъ, которые направляютъ наши нравственныя силы и въ связи съ ними дѣлаютъ человѣка героемъ; когда потребуется этотъ героизмъ въ жизни». Въ другомъ мѣстѣ: «развивать правильныя понятія научными знаніями, какъ основу вѣрныхъ сужденій, и въ связи съ ними вызывать любовь къ истинѣ и стремленіе къ ней; пробуждать прекрасныя чувства, любовь и стремленія ко всему прекрасному; доводить до вѣры въ нравственные идеалы, связанные съ высшими интересами жизни,—вотъ идеальныя черты истиннаго педагога».

Въ концѣ книги приложенъ библіографическій указатель сочиненій Стоюнина и статей о немъ (1848 — 1891 гг.), составленный г. Витбергомъ. Вся сумма, которая получится отъ продажи настоящаго изданія, предназначается въ помощь пострадавшимъ отъ неурожая. С.

Исторія англійскаго народа Джона Ричарда Грина. Томъ второй. Монархія 1461—1540. Реформація 1540—1603. Переводъ съ англійскаго П. Николаева. Москва. 1892.

Предпринятое К. Т. Солдатенковымъ изданіе перевода исторіи Грина быстро подвигается впередъ: прошло немного мѣсяцевъ послѣ выхода перваго тома, и уже поступилъ въ продажу второй и начато печатаніе третьяго. Содержаніе настоящаго тома составяетъ, обнимающій немного менѣе полутораста лѣтъ, періодъ времени, продолжавшійся отъ конца войны Бѣлой и Алой Розъ до начала правленія Стюартовъ и дѣлимый англійскимъ историкомъ на двѣ части, въ первой изъ которыхъ, какъ основной фактъ, усматриваетъ онъ развитіе монархическаго принципа, во второй—появленіе реформаціи со всѣми ея послѣдствіями. До войны Розъ Англія, по словамъ современниковъ, являлась страною, «гдѣ общественныя дѣла лучше устроены и гдѣ насиліе наименѣе царитъ надъ народомъ»; «здѣсь,—говорили наблюдатели,—король не можетъ предпринять чего либо важнаго, не созвавъ своего парламента, который есть самое мудрое и святое учрежденіе, и потому-то эти короли сильнѣе и имъ лучше служатъ, чѣмъ деспотичнымъ государямъ континента». Долговременная, кровопролитная и братоубійственная война

за престолонаслѣдіе все это уничтожила. Парламентская жизнь почти прекратилась, свобода личности, благодаря системѣ шпіонства и арестовъ, почти исчезла, правосудіе было отнято у народа перенесеніемъ юрисдикціи въ королевскій совѣтъ, рабской покорностью судей и насиліями надъ присяжными, налоги налагались не съ соизволенія парламента, а по личному произволу и путемъ принудительныхъ мѣръ. Такова была Англія, которою привелось править Тюдорамъ, и они, дѣйствуя на такой почвѣ, легко могли достигнуть осуществленія своихъ абсолютистическихъ идеаловъ. На народѣ сказался неизбѣжный послѣ страшнаго напряженія во время борьбы упадокъ силъ, страна испытывала реакцію чувства, ужасъ къ гражданской войнѣ, что въ совокупности неминуемо должно было сдѣлать Тюдоровъ сильными, непоколебимыми въ ихъ власти. Сюда же присоединилось и умѣнье, руководившее Тюдорами въ выборѣ слугъ и пособниковъ для исполненія ихъ цѣлей. Государственные таланты Вольсея организовали новый монархическій режимъ въ обширную и всеобъемлющую систему, а Томасъ Кромвель, способный ученикъ Маккіавелли, своимъ безпощаднымъ систематичнымъ терроромъ «съ топоромъ въ рукѣ, точно дроворубъ, прокладывающій себѣ дорогу», уничтожилъ послѣднія преграды, представлявшіяся неограниченной монархіи. «Въ моментъ смерти Кромвеля успѣхъ его системы былъ полнымъ; монархія достигла апогея своего могущества; старая англійская свобода попиралась ногами; лорды были трусливы и покорны королевской волѣ; палата общинъ была наполнена креатурами двора и превратилась въ орудіе тираніи; королевскія прокламаціи замѣнили парламентскіе законы; королевскія беневоленціи все болѣе и болѣе нарушали право парламента вотировать налоги; правосудіе въ обыкновенныхъ судахъ сдѣлалось прислужницей королевской воли, а безграничныя произвольныя полномочія королевскаго совѣта постепенно замѣняли болѣе медленную процедуру обоихъ судовъ... Генрихъ былъ главой церкви... Голосъ проповѣдниковъ былъ простымъ выраженіемъ его воли... Небывалое концентрированіе властей въ рукахъ одного человѣка поражало воображеніе подданныхъ и переполняло ихъ благоговѣніемъ. Они смотрѣли на своего государя, какъ на высшее существо, стоявшее выше всѣхъ законовъ, управляющихъ простыми смертными... Абсолютная преданность къ его личности замѣнила прежнюю преданность закону». Но опасность была близка для этого горделиваго зданія, и явилась она со стороны, съ которой носители власти менѣе всего ее ожидали—отъ пробудившагося религіознаго сознанія народа. Еще въ концѣ правленія Генриха религіозное настроеніе народа оставалось вполнѣ консервативнымъ, и самъ король считалъ, что все религіозное движеніе заключено въ его рукахъ, и устроенный имъ религіозный миръ покоится исключительно на его волѣ. Возникшая, однако, тотчасъ же послѣ его смерти ожесточенная борьба партій изъ-за власти неминуемо должна была возбудить къ жизни и всѣ элементы религіозныхъ раздоровъ, которые на время удалось усилить Генриху. Правительственныя преслѣдованія то одной, то другой религіозной партіи сильно содѣйствовали ускоренію политической зрѣлости народа. Преслѣдованія протестантовъ при Маріи Кровавой дали только лишнюю силу этой партіи и увеличили нерасположеніе народа къ деспотизму правительства. «Число протестантовъ увеличивалось съ каждою казнью во славу католицизма, и, тѣмъ не менѣе, они оставались въ меньшинствѣ въ королевствѣ. Большинство англичанъ не думало измѣнять свою вѣру, зато, благо-

даря преслѣдованіямъ, оно начало желать религіознаго мира и такой системы правительства, которая, не разрушая духовнаго единства націи, сдѣлала бы возможнымъ религіозный миръ». Ту же услугу народному самосознанію оказало отношеніе къ католикамъ при Елизаветѣ. «То, что сдѣлалъ при Маріи протестантизмъ, то теперь при Елизаветѣ сдѣлалъ католицизмъ... Онъ разрушилъ чары, производимыя монархіею на воображеніе народа. Корона перестала представляться народу божествомъ, когда «дѣти и женщины» осмѣлились противиться ей; она утратила свой мистическій ореолъ святости, когда половина подданныхъ начала смотрѣть на государя, какъ на еретика... Божественное право королей, божественное право епископовъ встрѣтилось лицомъ къ лицу съ страстью къ религіозной и политической свободѣ,—страстью, порожденной какъ въ темницѣ католическаго священника, такъ и въ темницѣ протестантскаго фанатика». Такъ готовилось въ Англіи великое дѣло политическаго освобожденія народа. Для характеристики этого подготовительнаго движенія однимъ изъ наиболѣе яркихъ знаменій времени является случай, имѣвшій мѣсто въ 1566 г., когда былъ созванъ парламентъ для обсужденія вопроса о субсидіяхъ. «Нижняя палата въ самомъ началѣ своихъ засѣданій рѣшила, что вопросъ о субсидіяхъ долженъ идти рядомъ съ обсужденіемъ вопроса о престолонаслѣдіи. Подобное рѣшеніе палаты было такимъ притязаніемъ съ ея стороны, какого корона не слыхала отъ парламента со временъ войны Алой и Бѣлой Розъ. Палата не хотѣла ограничивать свою дѣятельность сопротивленіемъ политикѣ королевы; она осмѣливалась предписывать ей свою политику. Гнѣвъ Елизаветы на палату доказываетъ, что она понимала всю важность подобнаго рѣшенія. «Они дѣйствуютъ, какъ бунтовщики,—говорила королева,—они обращаются со мною, какъ не посмѣли бы обращаться съ моимъ отцомъ!»—«Я не могу понять, — гнѣвно воскликнула она въ разговорѣ съ испанскимъ посланникомъ, — чего нужно этимъ дьяволамъ?» — «Имъ нужно свободы, — отвѣтилъ испанецъ,—и если государи не подумаютъ объ этомъ хорошенько и не будутъ совокупными силами подавлять такихъ господъ, то имъ скоро придется понять, о чемъ идетъ дѣло!» Система управленія еще оставалась тою же, еще сильна и непоколебима была власть королевы, но народъ уже не безмолвствовалъ, и для проницательнаго наблюдателя уже не составляло тайны, что дастъ англійскому народу XVII-й вѣкъ.

А. Л—нъ.

Костромская старина. Сборникъ, издаваемый Костромскою губернскою ученою архивною коммиссіею. Выпускъ второй. Кострома. 1892.

Второй выпускъ «Костромской старины», заключающій въ себѣ до 300 страницъ текста, очень разнообразенъ по своему содержанію. Наряду съ сырымъ матеріаломъ встрѣчаются и нѣкоторыя статьи, представляющія обработку этого матеріала. Какъ на болѣе интересную изъ такихъ обработокъ, можно указать на статью г. Коробицина — «Опытъ комментарія къ драмѣ «Гроза» Островскаго». Автору удалось найдти въ архивѣ костромскаго окружнаго суда дѣло о найденномъ въ рѣкѣ Волгѣ мертвомъ тѣлѣ костромской мѣщанки Александры Клыковой. Авторъ подробно пересказываетъ это дѣло, сличаетъ съ «Грозой» Островскаго и приходитъ къ заключенію, что оно послужило основой «Грозы». Дѣло Клыковыхъ, начавшееся въ 1859 году,

надѣлало много шуму въ Костромѣ и могло, конечно, привлечь также и вниманіе Островскаго, который часто бывалъ въ Костромѣ, а лѣтомъ подолгу живалъ здѣсь въ своемъ Кинешемскомъ имѣніи. Очень можетъ быть, что Клыковское дѣло и послужило точкой отправленія для «Грозы». Двѣ другія статьи: «Краткія свѣдѣнія о Кажирской пустынѣ» г. Дементьева и «Новыя свѣдѣнія о древностяхъ Костромскаго края» г. Миловидова не такъ интересны, особенно вторая, заключающая въ себѣ внѣшнее описаніе городищъ, насыпей, кургановъ, плитъ, камней, пещеръ и т. д.

Изъ напечатаннаго матеріала особенно любопытны «Рукописи изъ архива Макарьева Унженскаго монастыря», собранныя г. Херсонскимъ, и «Рукописи изъ архива Ермоловыхъ», изданныя гг. Преображенскимъ и Миловидовымъ. Въ первыхъ находится много интересныхъ данныхъ для характеристики быта нашего духовенства конца прошлаго и начала нашего вѣка. Изъ этихъ грамотъ видно, что матеріальная обстановка нашихъ священниковъ очень мало измѣнилась съ того времени, какъ Посошковъ жаловался на ихъ печальное положеніе. Въ указѣ 1801 года о томъ, чтобы священники имѣли приличную одежду, между прочимъ, говорится: «сіе небреженіе столь укоренилось во многихъ сильно, что едва ли многіе особенно изъ сельскихъ священнослужителей имѣютъ рясы, а о подрясникахъ и говорить нечего; опасаясь денежнаго штрафа, ко мнѣ (епископъ Евгеній) нынѣ хотя и приходятъ въ рясахъ, но въ чужихъ, которыя на часъ берутъ у здѣшнихъ священнослужителей или по знакомству, или за нѣкоторую плату, и даже одинъ другому въ сѣняхъ у меня передаютъ, чтобы, прикрывши подлую гуню (верхній полушубокъ, крытый простымъ холстомъ) чужою рясою, можно было явиться ко мнѣ безъ взысканія» (стр. 38). Здѣсь же напечатаны указъ 1771 года о сообщеніи въ Вольное россійское собраніе при Московскомъ университетѣ—«россійскихъ рукописныхъ лѣтописей и другихъ до россійской исторіи касающихся рѣдкихъ извѣстій въ точныхъ спискахъ или подлинникѣ» (стр. 8), указъ 1792 года относительно веденія при церквахъ и монастыряхъ записей «о случающихся достопамятностяхъ, потребныхъ къ продолженію исторіи отечества» (стр. 25).

Рукописи изъ архива Ермоловыхъ относятся къ XVII вѣку и только нѣсколько документовъ къ началу XVIII в. Здѣсь есть нѣсколько документовъ, говорящихъ о стрѣлецкомъ хлѣбѣ, ямскихъ и полоненичныхъ деньгахъ.

Всѣ остальныя замѣтки и документы ничего интереснаго собой не представляютъ и особеннаго значенія не имѣютъ. Нѣкоторые изъ нихъ даже совершенно свободно могли оставаться въ рукописяхъ. Такъ, напримѣръ, положительно нельзя понять, какое значеніе могутъ имѣть «Выдержки изъ дневника, полученнаго изъ архива усадьбы Ермоловыхъ», состоящія почти цѣликомъ изъ записей такого рода: «Пожалованъ Иванъ Ивановичъ Киленинъ вахмистромъ», «Государыня изволила поѣхать» (?), «Пожалованъ Василій скороходъ въ камеръ-лакеи» и т. д. В. Б.

Самоучитель чтенія рукописей XVII столѣтія. Москва. 1892.

«Самоучитель» имѣетъ цѣлью сберечь трудъ и время человѣку, который начинаетъ работать надъ подлинными рукописями XVII в. Дѣйствительно, всякій, кому только приходилось читать старинное русское скорописное

письмо въ разныхъ его формахъ и видоизмѣненіяхъ, знаетъ, на сколько трудно дѣлать это вначалѣ. Нельзя поэтому не назвать удачной мысли дать въ руки такого начинающаго пособіе для первоначальнаго руководства. Подобныя пособія, въ видѣ христоматій, составленныхъ изъ снимковъ разнаго рода старинныхъ почерковъ, издавались еще П. М. Строевымъ, М. П. Погодинымъ, П. И. Ивановымъ и др., но всѣ они въ настоящее время сдѣлались рѣдкостью, да притомъ и не отличались необходимой полнотой. Изданный теперь «Самоучитель» восполняетъ недостатки своихъ предшественниковъ. На 32 страницахъ мы находимъ чрезвычайно полно составленную азбуку, въ которой буква «а», напримѣръ, представлена въ 23-хъ видахъ, затѣмъ снимки съ цифръ и отдѣльныхъ словъ, наконецъ снимки съ документовъ. Для облегченія на другой сторонѣ страницы напечатано, какъ слѣдуетъ читать то или другое слово, тотъ или другой документъ. Пользы такого пособія нельзя не признать. Жаль только, что издатель ограничился лишь XVII вѣкомъ.

В. Б.

Владимірское православное братство святаго благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго. Отчетъ о дѣятельности братства за 1890—91 годъ. Владиміръ. 1892.

Братство св. Александра Невскаго въ г. Владимірѣ-на-Клязмѣ, учрежденное въ 1879 году, начало свою дѣятельность организаціей публичныхъ религіозно-нравственныхъ чтеній и внѣбогослужебныхъ собесѣдованій въ разныхъ мѣстахъ епархіи. Поставивши главною цѣлью своей дѣятельности духовно-нравственное просвѣщеніе народа въ духѣ православной церкви, братство, впродолженіе всего двѣнадцати-лѣтняго своего существованія, стремилось къ достиженію этой цѣли разными средствами, постепенно расширяя свою дѣятельность. Въ настоящее время въ кругъ попеченія и дѣятельности братства входятъ: 317 церковно-приходскихъ школъ, 244 школы грамотности, двѣ школы иконописи, училище церковнаго пѣнія съ двухлѣтнимъ обученіемъ, годичные курсы церковнаго пѣнія, чтенія и устава, школа пчеловодства, братская библіотека, имѣющая до 23 тысячъ томовъ, церковно-историческое древлехранилище, церковноприходскія и противораскольническія библіотеки, 28 отдѣленій для противодѣйствія расколу и при нихъ 6 миссіонеровъ, публичныя религіозно-нравственныя чтенія и внѣбогослужебныя собесѣдованія, центральный иконо-книжный складъ, съ годовымъ оборотомъ до 10 тысячъ рублей, и 130 отдѣленій его въ разныхъ мѣстахъ епархіи.

Л.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Толки иностранной печати о Л. Н. Толстомъ.—Его враги и поклонники. —Письма графа и графини въ органахъ западной публицистики. — Нѣмецкій защитникъ Толстого противъ русскихъ и англійскихъ клеветниковъ.—Исторія Мидіи. —Вавилонская легенда, разобранная въ клинообразныхъ письменахъ.—Исторія японской женщины.— Похожденія нѣмецкаго графа.— Морская стратегія.—Новооткрытыя письма Генриха IV и Маргариты Валуа.

АШЪ даровитый писатель и общественный дѣятель Л. Н. Толстой продолжаетъ служить предметомъ разнообразныхъ толковъ въ иностранной журналистикѣ. Было бы понятно, если бы она обсуждала хотя бы и съ ошибочной точки зрѣнія литературную, публицистическую, даже реформаторскую дѣятельность этого передового лица, но, къ сожалѣнію, органы общественнаго мнѣнія на Западѣ собираютъ такія свѣдѣнія о нашемъ романистѣ, что остается только удивляться, откуда является такое множество сплетней и невѣроятныхъ извѣстій. Такъ серьезный журналъ «Revue politique et litteraire», припомнивъ старое обвиненіе г. Ясинскаго въ томъ, что этотъ писатель вывелъ въ своемъ романѣ одного кіевскаго профессора въ такомъ жестокомъ, но правдивомъ видѣ, что профессоръ умеръ отъ горя,—утверждаетъ теперь, что тотъ же писатель вывелъ графа Толстого въ романѣ, напечатанномъ въ «Новой Жизни», въ лицѣ геніальнаго скрипача Алызина, бросившаго свое искуство для того, чтобы пойдти въ народъ. Но народъ не хочетъ знать его, и онъ опять берется за свою скрипку, чтобы выразить на ней свое разочарованіе. Только добрый попъ Виссаріонъ возвращаетъ его къ православію и вмѣстѣ съ тѣмъ къ оптимизму. По счастію,— прибавляетъ французскій критикъ,— романъ

этотъ не подѣйствовалъ ни на здоровье, ни на убѣжденія и идеи графа Толстого. Но онъ очень огорченъ появленіемъ другого романа, напечатаннаго въ «Русскомъ Вѣстникѣ», подъ названіемъ «Вокругъ истины». По словамъ русскаго кореспондента англійскаго журнала «Review of reviews», романъ этотъ написанъ извѣстнымъ авторомъ, два года тому назадъ принявшимъ ученіе Толстого и присоединившимся къ кружку его приверженцевъ съ единственною цѣлью разгласить потомъ всѣ ихъ комическія выходки. Но въ романѣ кружокъ этотъ представленъ не только въ смѣшномъ, а и въ ненавистномъ видѣ. Авторъ позволилъ даже себѣ насмѣшки надъ самыми близкими лицами къ графу, что дѣлаетъ поступокъ его возмутительнымъ. Французскій журналъ находитъ, что консервативный «Русскій Вѣстникъ» долженъ быть проникнутъ глубокимъ негодованіемъ къ моральнымъ доктринамъ Толстого, чтобы помѣстить на своихъ страницахъ такой памфлетъ. Далѣе журналъ разсказываетъ о какой-то княгинѣ, писавшей изъ Петербурга Толстому до того восторженныя письма, что онъ пригласилъ ее въ Ясную Поляну. Но за обѣдомъ старый апостолъ началъ упрекать княгиню, что она носитъ корсетъ, употребляетъ косметики и притворяется, будто стремится въ жизни къ истинѣ, тогда какъ ее нисколько не интересуютъ никакія добрыя дѣла. Княгиня вернулась къ себѣ, негодуя «на дерзость этого ложнаго мудреца, серьезно вѣрящаго въ высказываемые имъ парадоксы». Затѣмъ журналъ приводитъ письмо графини Толстой, напечатанное въ разныхъ періодическихъ органахъ, въ опроверженіе слуховъ о преслѣдованіяхъ, какимъ будто бы подвергается писатель со стороны администраціи. Графиня говоритъ, что, напротивъ, власти всегда приходятъ къ нему на помощь въ его стараніяхъ облегчить положеніе голодающихъ. Сплетни распускаетъ только горсть его враговъ, въ главѣ которыхъ стоятъ «Московскія Вѣдомости». Онѣ исказили смыслъ одной статьи его, написанной для русскаго изданія, но переведенной кѣмъ-то на англійскій языкъ также въ искаженномъ видѣ. Высшія сферы, напротивъ, всегда благосклонно относились къ графу. Самъ графъ Толстой объясняетъ также въ письмѣ, что не посылалъ никакой статьи въ англійскія газеты, а появившаяся въ нихъ цитата взята изъ его статьи, напечатанной еще въ прошломъ году въ Москвѣ, но совершенно искаженной въ переводѣ, въ смыслѣ діаметрально противоположномъ тому, въ какомъ она написана.

По поводу этого искаженія, въ которомъ «Московскія Вѣдомости» виноваты гораздо болѣе англичанъ, московскій кореспондентъ журнала «Das Magazin für Litteratur» помѣстилъ обширное разсужденіе, подъ названіемъ «Толстой, его противники и голодовка» (Tolstoi, seine Widersacher und Hungernoth). Авторъ говоритъ, что европейская печать была сильно занята ролью, какую игралъ графъ Толстой во время голода, и доносомъ «Московскихъ Вѣдомостей» на писателя. Газета «Standard», распространяющая, по словамъ нѣмецкаго кореспондента, самые нелѣпые слухи о Россіи, сообщила, что, «по рѣшенію мрачнаго врага графа, его стерегутъ въ деревнѣ кровожадные казаки, вслѣдствіе чего онъ и не можетъ больше показываться въ Москвѣ въ живописномъ мужицкомъ нарядѣ». Если бы сотрудникъ «Standard»'а потрудился съѣздить въ Хамовническій переулокъ, гдѣ живетъ графиня, онъ не сообщилъ бы такихъ глупыхъ слуховъ въ англійскую газету. Нѣмецкій кореспондентъ разсказываетъ о своемъ посѣщеніи графа въ деревнѣ Бѣгичевкѣ, лежащей въ суточномъ разстояніи отъ

Москвы. Онъ совершенно здоровъ и работаетъ цѣлый день и половину ночи, какъ молодой человѣкъ. Каждое утро съ 8-ми до 9-ти часовъ его передняя наполняется крестьянами сосѣднихъ деревень, являющимися за совѣтами и помощью. Просятъ дровъ для избы, сѣна для скота, одежды для дѣтей, разсказываютъ о своихъ дѣлахъ, требуютъ даже, чтобы онъ наказалъ ихъ враговъ, и хотя графъ объясняетъ имъ, что можетъ помочь имъ только въ устроенныхъ для нихъ столовыхъ, они не перестаютъ требовать отъ него невозможнаго. Часто онъ уѣзжаетъ въ отдаленныя деревни, чтобы открыть тамъ новыя столовыя. По ночамъ, вмѣсто отдыха, онъ сидитъ за своими статьями, литературная обработка которыхъ стоитъ ему не малаго труда. Всѣ слухи о какой-то сектѣ, основанной Толстымъ, чистая нелѣпость. Все его ученіе заключается въ словахъ: любите своихъ братьевъ, а этими братьями должны быть всѣ люди, безъ различія званія, вѣрованій, возраста, національности. Давнымъ давно уже сказано, что нѣтъ любви выше той, чтобы отдать жизнь за брата. Помочь ему въ физическомъ, нравственномъ, умственномъ развитіи—наша прямая обязанность. За зло мы должны платить добромъ. Если ближній впалъ въ проступокъ, надо предоставить его собственной совѣсти, которая накажетъ его сильнѣе приговора судьи (такъ ли это?). Земля, которую мы обработываемъ, не принадлежитъ намъ; завладѣть ею можно только насиліемъ, а всякое насиліе нарушаетъ законъ любви. Чистота, кротость, любовь представляютъ троичное основаніе нашей жизни. Этотъ нравственно-юридическо-экономическій символъ толстовской вѣры не разъ высказывался имъ въ соединеніи съ его религіозными убѣжденіями. Московскій авторъ въ нѣмецкомъ журналѣ, говоря также о попыткахъ г. Ясинскаго представить въ своемъ романѣ толстовскія убѣжденія въ карикатурномъ видѣ, осмѣиваетъ карикатуриста и не менѣе рѣзко отзывается о г. Щегловѣ, авторѣ разсказа въ «Русскомъ Вѣстникѣ», вполнѣ заслуживающемъ осужденія. Напрасно только нѣмецкій авторъ говоритъ, что всѣ сборники, изданные въ помощь голодающимъ, полны страшныхъ, грустныхъ и нелитературныхъ статей; онъ, очевидно, вовсе не видалъ этихъ сборниковъ, въ которыхъ много слабыхъ вещей, но нѣтъ ничего ужаснаго и нелитературнаго. Что разсказъ самого Толстого «Емельянъ», относящійся къ современной злобѣ дня, очень слабъ,—это справедливо. Корреспондентъ «Daily Telegraph» Дильонъ, помѣстившій въ этой газетѣ искаженіе мыслей Толстого, напрасно оправдывается послѣ его объясненій. Писатель имѣлъ основаніе сказать, послѣ подвиговъ одесскаго Дрейфуса, петербургскаго Яблонскаго и либавскаго Пухерта: «каждый перекупщикъ хлѣба чувствуетъ себя лучше, по мѣрѣ того какъ цѣны на муку поднимаются и народъ отъ этого больше голодаетъ», даже, что массы находятся у насъ въ состояніи полуголода (the masses are always kept by us in a state of semi-starvation), но никогда писатель, проповѣдующій непротивленіе всякому злу, не будетъ возбуждать народъ къ неповиновенію, и въ этомъ отношеніи безукоризненно-честная, высоко-свѣтлая личность графа Толстого стоитъ неизмѣримо выше всѣхъ его клеветниковъ, доносчиковъ и «мрачныхъ» враговъ.

— Исторія древнихъ азіатскихъ царствъ уже давно изслѣдуется по первобытнымъ источникамъ, а не по легендамъ, оставленнымъ намъ греческими писателями. Открытіе клинообразныхъ надписей эпохи Набонида и Кира бросило новый свѣтъ на эти полумиѳическія времена, и теперь идетъ

только споръ между археологами, возстановляющими исторію древней Азіи на основаніи новыхъ документовъ, и историками, желающими соединить греческіе источники съ клинообразными памятниками. Послѣдній историкъ Мидіи, Делатръ, изслѣдовавшій особенно эпоху вторженія скиѳовъ въ западную Азію, пришелъ, однако, къ такимъ фантастическимъ выводамъ, что новое изученіе этого времени сдѣлалось необходимымъ, и докторъ Пражекъ издалъ обширный этюдъ подъ названіемъ «Мидія и домъ Ціаксара» (Medien und das Haus des Kyaxares). Авторъ начинаетъ съ обзора свѣдѣній о Мидіи, сообщаемыхъ Геродотомъ, мало знакомымъ съ положеніемъ Мидіи, хотя и сравнивающимъ столицу ея Экбатану съ Аѳинами. Но въ своемъ разсказѣ греческій историкъ беретъ сторону мидянъ, особенно въ описаніи покоренія Малой Азіи Гарпагосомъ, предводителемъ мидянъ. Но далѣе Геродотъ передаетъ событія уже по персидскимъ источникамъ, неблагопріятнымъ мидянамъ. Онъ не зналъ отношеній Кира къ мидійскому царю и представляетъ Астіага молодымъ человѣкомъ, тогда какъ онъ былъ старикъ. Но Геродотъ сохранилъ древнія мидійскія преданія, хотя и въ персидской окраскѣ. Пражекъ представляетъ вѣрную оцѣнку свѣдѣній, сообщаемыхъ Ктезіемъ, соперникомъ Геродота, врачомъ изъ Книда, долго жившимъ при персидскомъ дворѣ и знакомымъ съ архивами страны. Свѣденія эти, дошедшія до насъ въ искаженныхъ отрывкахъ, противорѣчатъ во всемъ показаніямъ Геродота. Свои изслѣдованія Пражекъ основываетъ преимущественно на клинообразныхъ памятникахъ. Глиняные цилиндры съ гвоздеобразными надписями приводятъ новыя имена и новыя данныя для этой темной исторической эпохи. Такъ, Кистаритъ, предводитель киммерійцевъ и мидянъ, вторгнувшихся въ Ассирію при Эссаргаддонѣ, сынѣ Сеннахериба, несомнѣнно, Ціаксаръ, упоминаемый греками. Имя это похоже на Кшатрита (персидская форма произношенія), который провозгласилъ себя, при Даріи, мидійскимъ царемъ. Но Ціаксаръ былъ предшественникъ Астіага, а этотъ послѣдній — царь племени номадовъ монди, а не мидійцевъ. Все это доказываетъ, что, не смотря на множество новыхъ именъ, приводимыхъ клинообразными письменами, исторія древнихъ азіатскихъ царствъ все еще очень неясна и не полна.

— Въ Британскомъ музеѣ разобрана недавно цѣлая серія клинообразныхъ надписей на цилиндрахъ и глиняныхъ плиткахъ, заключающая въ себѣ древнюю вавилонскую легенду, слѣды которой сохранились и въ греческихъ преданіяхъ. Легенда начинается жалобой змѣи богу Самасу: орелъ разорилъ змѣиное гнѣздо и съѣлъ дѣтенышей. Змѣя проситъ, чтобы Самасъ поймалъ орла и наказалъ его, но богъ научаетъ змѣю, какъ ей самой легко поймать врага: ползи въ горы, найди тамъ остовъ быка и устрой въ немъ приманку для птицъ; заползи въ желудокъ быка и выжидай тамъ орла. Змѣя слѣдуетъ этому совѣту, но орлы осторожны и не совѣтуютъ птенцамъ спускаться на этотъ остовъ. Одинъ проницательный орленокъ видитъ даже змѣю, спрятавшуюся въ быкѣ. Но тутъ разсказъ прерывается, въ немъ недостаетъ нѣсколькихъ плитокъ, и продолжается посылкою Самасомъ принца Этана въ горы, къ орлу. Этанъ говоритъ, что боится довѣриться птицѣ, но орелъ успокоиваетъ его и берется доставить на небо, если онъ только будетъ крѣпко держаться на его спинѣ. Они летятъ. Черезъ каждые два часа орелъ обращаетъ вниманіе Этана на живописные виды земли и моря. Міръ, по вавилонской космологіи, представляется горою, окруженною со всѣхъ

сторонъ океаномъ. Чѣмъ выше поднимается Этанъ на орлѣ, тѣмъ мельче кажутся разныя страны въ видѣ садовъ, окруженныхъ оросительными канавами, какъ это было вездѣ въ Вавилонѣ. Конца этого воздушнаго путешествія также нѣтъ на глиняныхъ цилиндрахъ, но найденъ относящійся къ нему рисунокъ, илюстрирующій эту легенду: изображенъ человѣкъ, сидящій на орлѣ и держащійся за его шею; внизу—двѣ собаки, смотрящія вверхъ, и пять фигуръ, одна съ корзиной, другая ведетъ трехъ козъ, третья держитъ письмо, стоя на одномъ калѣнѣ, остальные двое сидятъ, раздѣленные большою вазою. Гарперъ и Пинчесъ, разобравшіе эту легенду на цилиндрахъ, находятъ въ ней первообразъ преданія, сохраненнаго Эліаномъ: въ царствованіе Сакхара маги предсказали этому вавилонскому царю, что его свергнетъ съ престола сынъ, рожденный его дочерью. Чтобы избѣгнуть этой участи, Сакхаръ заперъ свою дочь въ башню, гдѣ она, всетаки, родила мальчика отъ неизвѣстнаго отца. Тогда царь приказалъ стражѣ сбросить ребенка съ башни, что они и исполнили, но это видѣлъ орелъ и во время паденія мальчика принялъ его на свою спину и отнесъ къ одному садовнику, воспитавшему ребенка, который впослѣдствіи овладѣлъ Вавилономъ. Эліанъ называетъ этого царя Гильгамомъ, а не Этаной, и вообще между легендами трудно найти сходство, хотя преданіе о ребенкѣ, спасенномъ орломъ, одно изъ древнѣйшихъ и, разобранное Гарнеромъ, является въ одной изъ своихъ первобытныхъ формъ.

— Японія обращаетъ на себя вниманіе всего цивилизованнаго міра. Неудачный опытъ введенія въ ней парламентскаго образа правленія поднимаетъ снова вопросъ: способно ли желтое азіатское племя къ такому же развитію, какъ его бѣлые европейскіе собраты? Въ болѣе скромномъ объемѣ, но въ вопросѣ, имѣющемъ широкую будущность, именно въ вопросѣ о роли женщины въ странѣ, новая книга Гоуза касается развитія японокъ; она называется—«Дитя Японіи, или исторія Іоне Санто» (A child of Japon or the story of Ione Santo). Цѣль книги, по словамъ автора: представить характеристику японской дѣвушки въ связи съ окружающими ее общественными и моральными условіями и въ соприкосновеніи съ умственнымъ развитіемъ ея народа. Книгу свою Гоузъ называетъ «полемическимъ изслѣдованіемъ въ формѣ романа», но это скорѣе идеализація японской женщины и разоблаченіе неприглядныхъ поступковъ американскихъ мисіонеровъ. Всѣ они представлены грубыми, самолюбивыми и трусливыми невѣждами. Жены ихъ и дочери отличаются безсердечіемъ и жестокостью, какія выказала миссъ Филипсонъ, подвергая тяжелой нравственной пыткѣ больную Іоне даже въ послѣдніе дни передъ ея смертью. Когда исторія этой дѣвушки появилась первоначально въ журналѣ «Atlantic Monthly», мисіонеры завязали полемику съ авторомъ, но побѣда осталась не на ихъ сторонѣ, и они оказались такими же односторонними, мелочными, фанатическими педантами, какими выведены въ книгѣ Гоуза. Но героиню свою, простодушную дѣвушку изъ высшаго японскаго общества, онъ рисуетъ симпатичными чертами. Потерявъ состояніе при уничтоженіи феодальныхъ правъ, Іоне хотѣла ознакомиться съ европейскою наукою, но ей не позволила этого ея бабка, обращавшаяся съ нею деспотически, что, впрочемъ, совершенно въ правахъ японской семейной жизни. Іоне настояла, однако, на томъ, чтобы посѣщать школу, основанную мисіонерами, гдѣ больше всего подверглась преслѣдованіямъ за то, что у нея красныя руки. Жалуясь на свою бѣдность, бабка Іоне поспѣ-

шила, впрочемъ, выдать ее за необразованнаго строителя лодокъ. Она покоряется своей участи, но въ нее влюбляется американецъ Мильтонъ, не желающій, однако, освободить ее отъ тяжелой жизни, хотя въ Японіи легко получить разводъ. Онъ рѣшается на это, но уже поздно, когда Іоне, измученная жизнью, умираетъ, высказавъ нѣсколько размышленій объ этой жизни, которыя скорѣе могли придти въ голову европейской женщинѣ, чѣмъ дочери японскаго самураи.

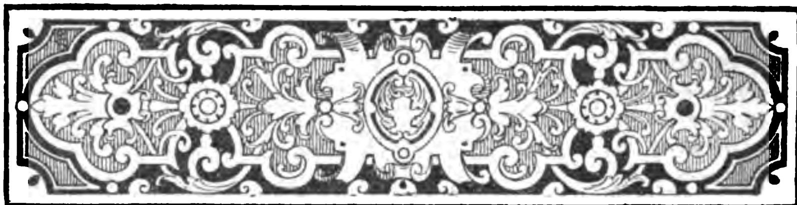
— Дочь королевы Викторіи, принцеса Беатриса, занимающаяся литературой, перевела съ нѣмецкаго «Приключенія графа Георга-Альберта Эрбахъ» (The adventures of count George-Albert of Erbach). Эта исторія, почерпнутая Эмилемъ Краузомъ изъ архивовъ Эрбахъ-Шенгаузенскаго дома, описываетъ романтическое событіе — возвращеніе съ острова Мальты нѣмецкихъ путешественниковъ, взятыхъ въ плѣнъ мавританскими корсарами. Еще болѣе романтичнымъ, почти неправдоподобнымъ въ этой исторіи является эпизодъ любви къ христіанскому плѣннику дочери туниссѣаго бея, выпрашивающей даже у своего отца разрѣшеніе играть въ шахматы съ графомъ Эрбахомъ. Онъ относился, однако, къ Селимѣ съ рыцарскою вѣжливостью и даже скрылъ отъ нея свое званіе, впрочемъ, для того больше, чтобы, узнавъ его положеніе, родитель мавританской принцесы не потребовалъ слишкомъ большого выкупа со своего плѣнника. Георгъ былъ младшій сынъ графа Эрбаха, но по смерти старшихъ братьевъ сдѣлался родоначальникомъ нынѣшняго стариннаго дворянскаго дома. Онъ началъ свою карьеру въ 1614 году путешествіемъ со своимъ гувернеромъ по владѣтельнымъ дворамъ нѣмецкихъ князей, принимавшихъ его съ почетомъ. Онъ былъ въ Страсбургѣ, Греноблѣ, Парижѣ, Римѣ, Неаполѣ. Изъ послѣдняго города онъ отправился съ большою свитою на островъ Мальту, наслышавшись о подвигахъ рыцарей, мужественно бившихся съ пиратами варварійскихъ владѣній. Не смотря на то, что Георгъ Эрбахъ былъ лютеранинъ, гроссмейстеръ Виньякуръ принялъ его въ Лавалеттѣ съ особымъ уваженіемъ. Но при возвращеніи съ острова, у береговъ Сициліи, на нихъ напали тунисскіе пираты и, не смотря на отчаянное сопротивленіе пасажировъ, захватили ихъ въ плѣнъ. Обращались съ ними, впрочемъ, весьма гуманно не только на разбойничьемъ кораблѣ, но и въ Тунисѣ. Бей подозрѣвалъ, что плѣнники — знатнаго рода, но Эрбахъ выдавалъ себя за студента и твердо стоялъ на своемъ, не смотря на то, что его начали подвергать лишеніямъ всякаго рода, чтобы добиться правды. Слухъ о его плѣнѣ проникнулъ въ Германію и его семья стала хлопотать о выкупѣ плѣнника. Бей потребовалъ огромную сумму, но Эрбахъ захворалъ оспою, и его поспѣшили полумертваго отправить въ Мальту за дешевую цѣну. Но свобода и хорошій уходъ за больнымъ возстановили его здоровье, и онъ, вернувшись на родину, принималъ дѣятельное участіе въ тридцатилѣтней войнѣ. Похожденія его читаются съ большимъ интересомъ.

— Въ послѣднее время появилось нѣсколько сочиненій о морской стратегіи, которую хотятъ возвести въ положительную науку особенно американскіе моряки. Лучшее сочиненіе по этой части принадлежитъ, однако, англійскому адмиралу Коломбу и издано имъ подъ названіемъ «Морская война, ея основные принципы и практика, разсмотрѣнные исторически» (Naval warfare, its ruling principles and practice historically treated). Авторъ ставитъ себѣ главною цѣлью доказать, что существуютъ

законы веденія морской войны, которые не могутъ быть нарушаемы безнаказанно и не должны отмѣняться. Онъ основывается преимущественно на историческихъ данныхъ, изъ которыхъ почерпаетъ уроки для дѣйствій въ будущемъ. Взглядъ этотъ особенно важенъ, въ виду того, что и у насъ есть школа, отвергающая всѣ указанія опыта и утверждающая, что историческіе примѣры морскихъ битвъ могутъ быть интересны только для археологіи, а практическіе моряки не найдутъ въ нихъ ничего, чѣмъ бы могли воспользоваться. Адмиралъ говоритъ о борьбѣ за обладаніе моремъ, о раздѣленіи судовъ на классы, о нападеніи на сушу съ моря. Обо всемъ, что относится къ тактикѣ открытаго моря, о блокадѣ, нападеніи на морскую торговлю и о защитѣ ея авторъ обѣщаетъ поговорить въ слѣдующемъ сочиненіи. Подробнѣе всего авторъ разбираетъ, въ девяти послѣднихъ главахъ своей книги, условія, при которыхъ нападенія на землю съ моря бываютъ успѣшны или неуспѣшны. Причины неудачи экспедиціи Армады сходны съ причинами неудачъ Наполеона въ Египтѣ и итальянцевъ въ сраженіи при Лиссѣ. Какъ примѣръ неправильной стратегіи, авторъ приводитъ вторженіе французовъ въ Египетъ и въ Крымъ, за то взятіе Бомарзунда произведено по всѣмъ правиламъ морского военнаго искуства. Высадка въ Крымъ совершена съ самымъ отчаяннымъ и безплоднымъ рискомъ. 14-го сентября 1854 года погода къ вечеру была такъ дурна, что пріостановили выгрузку артиллеріи. Тридцатитысячная французская армія была высажена на непріятельскомъ берегу только съ 24-мя орудіями, съ трехдневною провизіей, но безъ палатокъ и какого бы то ни было лагернаго снабженія, даже безъ запаса воды, безъ всякаго укрытія, въ сосѣдствѣ сильнаго непріятеля. Страшно подумать, каковъ могъ быть результатъ, если бы вся русская армія отъ Альмы двинулась на десантъ ночью, когда защита его огнемъ съ судовъ не могла быть дѣйствительною. Подобныхъ мѣткихъ выводовъ не мало въ книгѣ Коломба, интересной не для однихъ моряковъ.

— Шарль Юрбенъ нашелъ и издалъ въ послѣднее время нѣсколько неизвѣстныхъ писемъ Корнеля, Барклая и Теофиля де-Віо. Теперь онъ напечаталъ брошюру съ пятью письмами Генриха IV и тремя—Маргариты Валуа, подъ названіемъ «Lettres oubliées, remises en lumière». Особаго историческаго интереса письма эти не имѣютъ, но прибавляютъ нѣсколько новыхъ чертъ къ характеристикѣ лицъ, игравшихъ такую значительную роль въ свое время. Въ одномъ письмѣ 1603 года король Франціи рекомендуетъ королю Шотландіи везонскаго епископа, отправляющагося въ Шотландію на свиданіе съ родными. Другое письмо адресовано іезуиту Гонтерри, автору книги «О поклоненіи образамъ». Король проситъ, чтобы іезуитъ остался подольше въ Діеппѣ, гдѣ его проповѣди приносятъ большой плодъ (grand fruict). Третье письмо, на латинскомъ языкѣ, касается также религіозныхъ вопросовъ и адресовано монахамъ сѣверной Германіи, посвятившимъ ему коментаріи на сочиненія Кирилла Александрійскаго. Генрихъ хвалитъ труды монаховъ и обѣщаетъ всякое покровительство ихъ ордену во Франціи. Изъ всѣхъ этихъ заботъ о католицизмѣ мы видимъ, что бывшій гугенотъ-король, сдѣлавшійся папистомъ, старался всѣми мѣрами выказать усердіе къ своей новой религіи. Два послѣднія письма Генриха къ королевѣ Маргаритѣ и Комартену относятся къ 1599 году и касаются развода. Этого же предмета касаются и два письма Маргариты, но третье имѣетъ литературное значеніе. Іезуитъ Лоріо издалъ въ 1614 году брошюру, подъ

названіемъ «Моральныя тайны, касающіяся страстей человѣческаго сердца». Въ ней авторъ разбиралъ, между прочимъ, вопросъ: почему мужчина почитаетъ такъ женскій полъ? Королева нашла аргументы іезуита слишкомъ слабыми и, какъ говоритъ Лоріо, продиктовала: «причины уваженія, оказываемаго женщинамъ, гораздо болѣе убѣдительныя и доказательныя». Онѣ изданы теперь подъ названіемъ «Ученая и тонкая рѣчь, продиктованная экспромтомъ королевою Маргаритою и посланная автору моральныхъ тайнъ».



ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Молитвенныя собранія сектантовъ квасниковъ.

Къ числу разновидныхъ раскольническихъ сектъ, распространенныхъ въ Оренбургскомъ краѣ среди казачества и крестьянства, принадлежитъ секта квасниковъ. Они получили это названіе отъ того, что совершенно не употребляютъ спиртныхъ напитковъ и даже не пьютъ пива, какъ хмѣльнаго, а только одинъ квасъ. Но прозваніе квасниковъ, данное имъ народомъ, считаютъ для себя оскорбительнымъ и нерѣдко дѣлаютъ по этому поводу слѣдующія возраженія: «какіе мы квасники, мы Божьи люди и ничего предосудительнаго за собою не знаемъ, и про насъ говорятъ напраслину. Мы такіе же крещеные, какъ и всѣ православные. Также, какъ и они, ходимъ въ церковь, угождаемъ Богу, ставимъ свѣчи передъ иконами, ежегодно бываемъ на исповѣди и у святаго причастія и готовы умереть за православную вѣру и ни на какую вѣру ея не промѣняемъ. Какіе мы квасники?»

Такъ говорятъ квасники, но поступаютъ они иначе. Они не соблюдаютъ никакихъ постовъ и ѣдятъ яйца и рыбу даже въ страстную пятницу. Хотя они по праздничнымъ днямъ ходятъ въ церковь, однако-жъ, помимо этого, собираются на свои тайныя моленья къ своимъ же сектантамъ и оправдываютъ эти сборища тѣмъ, что у древнихъ христіанъ, терпѣвшихъ гоненіе за вѣру, существовали вечери любви, на которыхъ читалось священное писаніе и пѣлись псалмы, ирмосы и прочее. Основы вѣроученія у квасниковъ не совсѣмъ тождественны во всѣхъ сектахъ. Многія секты подходятъ очень близко къ скопцамъ и даже избираютъ себѣ вожаковъ попреимуществу изъ скопцовъ. Вотъ въ какомъ видѣ является обрядовая сторона квасниковъ.

Чаще всего наканунѣ праздника квасники собираются по очереди къ одному изъ сектантовъ, изъ всѣхъ ближайшихъ селеній верстъ на 50 въ

окружности. На сборищахъ этихъ, въ одномъ домѣ нерѣдко бываетъ болѣе 80 человѣкъ. Соблюдая строжайшую тайну о мѣстѣ своихъ сборищъ, во избѣжаніе судебныхъ преслѣдованій, они предпочитаютъ сходиться въ домахъ богатыхъ, вліятельныхъ сектантовъ, пользующихся довѣріемъ начальства и общества. Нерѣдко они устроиваютъ также свои сборища тамъ, гдѣ бываетъ или храмовой праздникъ или ярмарка, и гдѣ они, одѣтые попраздничному, могутъ пройти незамѣченными. Собравшись въ одной комнатѣ и крѣпко-на-крѣпко запершись на замокъ, они приставляютъ къ дверямъ караулъ. Оставшись одни, квасники надѣваютъ на себя чистыя, бѣлыя рубахи особеннаго покроя, очень длинныя, похожія на женскія рубашки. Послѣ того мужчины садятся въ однѣхъ рубахахъ на скамейки, а женщины размѣщаются противъ нихъ въ своихъ богатыхъ праздничныхъ нарядахъ и начинается пѣніе стиховъ. Каждый сектантъ имѣетъ непремѣнно въ рукѣ бѣлый платокъ, которымъ онъ въ тактъ машетъ все время, пока продолжается пѣніе. Такъ проходитъ весь вечеръ и часть ночи въ пѣніи стиховъ, притоптываніи каблуками и помахиваніи платками. Въ стихахъ нерѣдко упоминается о государѣ батюшкѣ искупителѣ. Слово «искупитель» извращается у нихъ въ «оскопитель». Подъ этимъ словомъ они подразумѣваютъ Іисуса Христа, котораго представляетъ собою наставникъ общины, скопецъ Букинъ, человѣкъ, по мнѣнію квасниковъ, святой. Упоминается часто въ молитвахъ и объ Акулинѣ Ивановнѣ, царицѣ небесной, и о какомъ-то великомъ пророкѣ Александрѣ Ивановичѣ. Музыкальное ухо не затрудняется отличить съ перваго раза, что мотивы этихъ напѣвовъ мало походятъ на церковные. Они начинаются andante и переходятъ въ allegro vivasso. Вотъ образецъ самаго текста:

«Милосердна наша отрадушка,
Искупитель, родимый батюшка!
Ты, свѣтильникъ всему моленію,
Призываешь души къ воскресенію!
Ты, со всѣми лично бесѣдуешь,
Путь ко царствію всѣмъ показывашь,
Похожденія страды сказывашь,—
Какъ прошелъ отецъ всю вселенную:
«Въ кругу былъ со мной мой сердечный другъ,
«Свѣтъ Мартынушка, сынъ наслѣдничекъ,
«Былъ пророкъ, громкій проповѣдничекъ.
«Онъ оставилъ свое вельможество,
«Съ искупителемъ за едино жилъ,
«А свое сердце въ небеса вложилъ,
«Генеральскій чинъ онъ съ себя сложилъ,
«Нарушилъ фамилію Дашкова,
«Онъ садился на коня царскова».
А Мартынъ-пророкъ воинъ храбрый былъ,
Лицомъ—агница онъ, красавица;
Въ любви съ Господомъ онъ спасается,
Ко всей Троицѣ поклоняется;
Благословилъ его царь Израильскій,
Чтобъ Мартынушкѣ первогласному
Вострубить трубой живогласною,
Возбуждать души отъ сна крѣпкаго,
Отъ сна крѣпкаго, житья лѣпкаго:
«Вы вставайте-ка, пробуждайтеся,
«На жизнь слабую устрашайтеся,
«Въ рѣчку огненну не мечитеся,
«Сыну Божьему поклонитеся».

Тутъ сошелъ отецъ съ неба на землю,
Съ нимъ державная права ручушка;
Еще два лица съ нимъ страдаючи,
Кровавыя раны принимаючи,
За чистой законъ умираючи,
А молитвенички вселенскіе
Заливали огни геэнскіе;
Протекали тутъ святы рѣчушки,
Засвѣтилися у всѣхъ свѣчушки,
Дай намъ, Господи, свѣтъ! Іисусъ Христосъ,
Государь, сынъ Божій, помилуй насъ!»

Почетное присутствіе искупителя и его приказанія на радахъ намекаютъ на то, что скопчество не менѣе аристократическая секта, нежели хлыстовщина, и что оскопленіемъ не брезгуютъ не только крестьяне и казаки, но даже и родовитые дворяне, слагающіе съ себя чины и почетные титулы и присоединяющіеся къ сектѣ скопцовъ. Въ награду за это они получаютъ даръ пророчества и стараются всячески уклонить людей отъ семейной жизни, увлекая ихъ перспективой похода на седьмое небо, на царскомъ конѣ. Подъ именемъ вселенскихъ молитвенничковъ скопцы разумѣютъ самихъ себя съ возженными свѣтильниками, поспѣшающихъ поклониться сыну Божьему. Они себя добровольно обрекаютъ на полную готовность принять всякаго рода страданія, искуплять или крестить огнемъ и кровію взрослыхъ и младенцевъ (посредствомъ кастраціи) впредь до восполненія заповѣднаго числа скопцовъ между живыми. Слова: «какъ прошелъ отецъ всю вселенную», составляютъ отрывокъ изъ любимой пѣсни ссыльнокаторжныхъ: «милосердные наши батюшки», напѣваемой ими и въ настоящее время на пути на островъ Сахалинъ. Восхваляемое въ этихъ стихахъ «лѣпкое житье», — иначе сказать «слѣпость» половая, первая добродѣтель скопцовъ. Слова: «еще два лица съ нимъ страдаючи», намекаютъ на ученіе раскольниковъ, что Христосъ соцарствуетъ Св. Троицѣ, какъ Богъ особый.

При поступленіи въ секту квасниковъ, заклинанія состоятъ въ слѣдующемъ: новичекъ долженъ отречься отъ отца и матери, жены, дѣтей, родныхъ и друзей и подъ страхомъ смерти не открывать никому тайны секты. Въ народѣ есть повѣрье, что кто, выйдя изъ этой секты, откроетъ тайны условій ея жизни, тотъ долго не проживетъ, такъ какъ квасники очень мстительны и они или изведутъ его, или онъ умретъ отъ ихъ заклинаній. Поступающій въ секту квасниковъ, хотя бы и новобрачный, обязанъ отречься отъ плотской жены и пріобрѣсти себѣ жену духовную, то-есть или вступить въ незаконное сожительство съ молодою черничкою или соблазнить въ расколъ крестьянскую или казачью дѣвушку. Подъ диктовку одного изъ молодыхъ казаковъ, бросившаго раскольническія заблужденія и возвратившагося въ православіе, я записалъ стихъ, употребляемый при совращеніи въ эту секту молодыхъ дѣвицъ. Вотъ онъ:

«Гдѣ ты, агница, сокрылась,
Я которую люблю?
Отъ пастыря отлучилась:
О душѣ ея скорблю.
Вы, луга, лѣса и рѣчки,
Рцыте Вышнему Творцу!
Не видали-ль вы овечки?
Гдѣ овечку я сыщу?
Агница моя, найдися!
Тебя пастырь ищетъ твой,

И къ тому ты возвратися,
Съ неба сшелъ кто за тобой.
Кто стези твои направитъ
За собою вслѣдъ идти,
Тотъ во вѣки не оставитъ
Безутѣшну на пути.
Не могу уже съ тобою
Долго я въ разлукѣ быть.
Услаждевна ты собою
Хочешь меня позабыть?
Ты не будешь услажденна
Внутреннею тишиной,
Коль не будешь сопряженна
Сердцемъ искреннимъ со мной.
Зри, какъ агницы другія
Всѣ пасутся у меня,
Провождая дни златые,
Не вздыхая, не стеня.
Утружденныхъ я покою,
Всѣмъ болящимъ жизнь даю:
Соединись скорѣй со мною—
Тѣмъ спасеши жизнь свою.
Моя агница не внемлетъ,
Отъ меня дальше бѣжитъ.
Но ея пастырь не дремлетъ,
Возвратиться ей велитъ.
Возвратись къ тому началу,
Ты изъ коего течешь,
Вѣнецъ-радость ты не малу,
Кромѣ меня, не найдешь!
Иль тебя мой вопль не тронетъ,
Раздающійся въ лѣсахъ!
Иль не чувствуешь, какъ стонетъ
На крутыхъ пастырь горахъ?
Тверже камней ты, конечно,
Кои силенъ я смягчить,
Но люби меня сердечно.
Что мнѣ дѣлать? Слезы лить.

Услышавъ гласъ пастыря, агница, наконецъ, откликается:

Чьи слова теперь въ пустынѣ
Возмущаютъ весь мой духъ?
Кто зоветъ ко стаду нынѣ?
Знать, какой нибудь пастухъ?
Возвратиться онъ внушаетъ:
Видно, я не на пути,
Все крушитъ меня, смущаетъ...
Я не знаю, какъ идти.
«Приклони, простру я руки,
«Къ персямъ я тебя прижму,
«Всѣ твои окончу муки,
«На плеча свои возьму».
— Я на гласъ твой поспѣшаю,
О любезный пастырь мой,
Всю себя тебѣ вручаю,
Коль пріятенъ призывъ твой.
Ты съ овечками другими
И меня совокупи,
Со избранными твои
Славословить укрѣпи.

А. Ж.

СМѢСЬ.

ЕВЯТИСОТЛѢТІЕ православія на Волыни. Съ 10-го мая Волынскій край праздновалъ втеченіе трехъ дней введеніе православной вѣры, совершившееся девять столѣтій назадъ, а также 900-лѣтіе учреждения первой епископской каѳедры. Первымъ святителемъ Владиміра-Волынска былъ епископъ Стефанъ († 1001). Политическое значеніе православнаго торжества было пріурочено ко дню Кирилла и Меѳодія, славянскихъ первоучителей, и въ этомъ нельзя не видѣть указанія на духовную связь, соединяющую какъ Россію вообще, такъ и нашихъ южноруссовъ, съ остальнымъ славянствомъ. Связь эта на столько сильна, что слухи о торжествѣ побудили нашихъ австрійскихъ соплеменниковъ стремиться на поклоненіе святынѣ, и вслѣдъ затѣмъ получилась телеграма о задержаніи, съ возмутительнымъ насиліемъ, богомольцевъ-простолюдиновъ, которые хотѣли проникнуть въ наши предѣлы съ этою цѣлью. Перешедшіе въ православіе чехи выражаютъ, по данному случаю, сочувствіе событію, разъясняютъ въ особыхъ брошюрахъ значеніе, какое имѣетъ единая старая вѣра для разрозненныхъ вѣтвей славянства. Но враждебный всему русскому лагерь въ послѣднее время проявляетъ необычайное движеніе: кромѣ насилій паломникамъ, являются въ польской Галиціи анти-русскія возванія, наполненныя бранью противъ русской вѣры и исходящія будто бы отъ лица южноруссовъ, а галиційская польская печать сыплетъ громами, указывая на мнимыя опасности для славянства отъ «схизматиковъ». Если прибавить, что въ наше время русскій юго-западъ привлекъ къ себѣ множество инородцевъ для поселенія (что вызвало даже особыя правительственныя мѣры), и что тамъ же находится одинъ изъ главныхъ очаговъ нашего штундистскаго сектантства, то понятна большая государственная важность такого выдающагося событія въ жизни края, которое можетъ послужить исходнымъ пунктомъ дальнѣйшихъ мѣръ къ упроченію нашего юго-запада за русской народностью и къ упроченію, рядомъ съ этимъ, нравственныхъ связей съ «закордонными» славянскими братьями. Связь эта зависитъ не отъ пропаганды православія, которой искренно или неискренно такъ боятся

австрійско-польскія власти и печать, но отъ той притягательной силы, какую православныя торжества имѣютъ для заграничныхъ славянъ. Эту силу безполезно отрицать: она подтверждается постояннымъ, даже въ обычное время, паломничествомъ богомольцевъ въ Почаевскую лавру съ австрійской стороны. Симпатія эта подтверждается самыми усиліями противниковъ подѣйствовать именно въ настоящій моментъ изъ-за границы на настроеніе южно-русскаго народа. Волынь, благодаря своему географическому положенію, издавна составляла предметъ иноплеменныхъ притязаній и долго должна была бороться противъ чужеземнаго вліянія, направленнаго главнымъ образомъ къ искорененію православія и русской народности и водворенію единовѣрія. И теперь Волынь представляетъ арену горячей культурной борьбы и служитъ центромъ столкновенія православнаго Востока съ католическимъ и лютеранскимъ Западомъ; православный народъ въ этой окраинѣ до сихъ поръ окруженъ иновѣрцами и иноземцами, всегда стремящимися подрывать въ немъ основы православной вѣры и чувства національнаго самосознанія. Вотъ почему торжество 900-лѣтія православія на Волыни получаетъ особенное значеніе. Собственно христіанство по восточному обряду проникло въ Волынскій край нѣсколько ранѣе княженія просвѣтителя Русской земли. Несомнѣнно, что страна между Бугомъ и Стырью, то-есть значительная часть нынѣшней Волыни, еще въ IX вѣкѣ входила въ составъ епархіи Мееодія, отъ котораго и получила христіанство. Окончательно оно упрочивается, однако, на Волыни только въ X вѣкѣ, при князѣ Владимірѣ. Распространяя христіанскую вѣру на Волыни, великій князь построилъ здѣсь первые православные каменные храмы: Успенія Пресвятыя Богородицы и св. Василія (христіанское имя великаго князя)—въ Владимірѣ-Волынскомъ, св. Василія—въ Овручѣ, св. Дмитрія—въ Луцкѣ и др. Основавъ первую волынскую іерархію, Владиміръ въ томъ же году прибылъ на Волынь, посѣтилъ города Овручъ, Луцкъ, Владиміръ и въ этомъ послѣднемъ положилъ основаніе первому на Волыни народному училищу. Чего только не пережила православная церковь въ Волынскомъ краѣ! Тяжелыя смуты княжескихъ междоусобицъ удѣльнаго времени, жестокое татарское иго и не менѣе жестокія и невыносимыя преслѣдованія со стороны поляковъ и іезуитовъ,—все выпало на долю церкви въ первые восемь вѣковъ господствованія ея на Волыни. Мечомъ и кровью приходилось нашимъ предкамъ отстаивать свою національность, свою вѣру. Ничто не заставило, однако, ихъ поддаться иновѣрческимъ и иноплеменнымъ теченіямъ и измѣнить своей вѣрѣ и народности; ни презрѣніе и ненависть польскихъ пановъ ни горячія проповѣди ксендзовъ въ защиту католицизма, ни притѣсненія и угрозы—ничто не заставило волынскій русскій народъ сдѣлаться отступникомъ родной вѣры. Преслѣдованіе православія и всего русскаго имѣло послѣдствіемъ переходъ значительной части коренныхъ русскихъ дворянскихъ фамилій въ католицизмъ. Простого народа католицизмъ коснулся гораздо менѣе, чѣмъ дворянъ; русскіе крестьяне рѣдко принимали католичество; масса ихъ перешла, правда, въ унію, но какъ только измѣнилось католическое положеніе края, всѣ они сейчасъ же возвратились въ православіе. Спасая свое достояніе, а нерѣдко и самую жизнь, многіе древнерусскіе роды на Волыни малодушно отступили отъ вѣры своихъ предковъ и, ополячившись съ переходомъ въ католицизмъ, стали чуждыми всему русскому и православному. Славныя знатныя фамиліи русскія, предки которыхъ еще до XVIII столѣтія были извѣстны своими подвигами и преданностью русской народности, оставаясь донынѣ католиками и считая себя почему-то поляками, отлично знаютъ, что они по происхожденію своему чисто русскіе; только гордость и тщеславіе служатъ преградою возврату ихъ въ лоно забытой, оставленной ими православной церкви. Сангушко, Потоцкіе, Острожскіе, Радзивиллы, Валевскіе, Четвертинскіе, Яблоновскіе,

Вишневецкіе, Сапѣги, Ходкевичи, Рудницкіе, Гулевичи, Тычинскіе, Ярoцкіе, Сбаражскіе, Трипольскіе, Колосовскіе, Рогозинскіе, Любомірскіе, Подлевскіе, Сосницкіе и проч.,—все это древне-русскія дворянскія фамиліи. Предки всѣхъ ихъ исповѣдовали православную вѣру, и многіе изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Острожскіе, Четвертинскіе, Радзивиллы, Сангушки и др., извѣстны даже какъ усердные и достойные ревнители православія. И что же? Теперь всѣ перечисленныя фамиліи, не смотря на то, что въ жилахъ ихъ течетъ русская кровь, считаются не только «добрыми католиками», но даже поляками.

Памятникъ Александру II въ Москвѣ. 10-го мая, съ большою торжественностью, въ присутствіи московскаго генералъ-губернатора и великой княгини Елисаветы Ѳеодоровны, состоялось въ Москвѣ открытіе памятника императору Александру II, сооруженнаго въ паркѣ пріюта Фридрихъ-Вильгельмъ-Викторія, на Новой Божедомкѣ. Мысль о сооруженіи памятника возникла въ 1891 г. и принадлежитъ бывшему въ то время товарищу предсѣдателя, а нынѣ уполномоченному общества германскихъ подданныхъ для оказанія помощи нуждающимся соотечественникамъ, состоящаго подъ покровительствомъ германскаго императора, г. Келлеру. Послѣдній пожелалъ на собственныя средства соорудить памятникъ Александру II, которому германская колонія въ Россіи обязана своимъ процвѣтаніемъ. Послѣ разрѣшенія на сооруженіе памятника, въ іюнѣ прошлаго года была совершена закладка его, а къ осени того же года онъ былъ уже готовъ. Памятникъ сооруженъ по образцу памятника императору Вильгельму I въ томъ же паркѣ и представляетъ бронзовый бюстъ Александра II, на гранитномъ темно-сѣраго цвѣта пьедесталѣ, прекрасно исполненный по модели академика Чижова. На пьедесталѣ надпись: «Alexander II». Высота памятника вмѣстѣ съ пьедесталомъ и гранитными ступенями достигаетъ почти 8-ми аршинъ. Памятникъ сооруженъ въ правой нижней части парка, на искуственно поднятомъ возвышеніи.

Трехсотлѣтіе города Березова. Городъ Березовъ праздновалъ 9-го мая трехсотлѣтіе со дня своего основанія казаками. Къ этому же дню пріурочены и празднованія столѣтія существованія Березовскаго собора и 180-лѣтія со дня учрежденія Березовской и Обдорской православныхъ миссій. Програма празднества была исключительно церковнаго характера. Въ Никольскомъ придѣлѣ мѣстнаго Воскресенскаго собора хранится образъ Николая Чудотворца, принесенный въ Березовъ казаками въ 1592 году. Въ обѣихъ церквахъ города совершено торжественное богослуженіе съ провозглашеніемъ, между прочимъ, вѣчной памяти царю Ѳеодору Іоанновичу, въ царствованіе котораго основанъ городъ, основателямъ города—казакамъ и воеводѣ Никифору Траханіотову. Послѣ богослуженія изъ собора состоялся крестный ходъ вокругъ города; на кладбищѣ и на историческихъ могилахъ князей Меньшиковыхъ и Долгорукихъ отслужены литіи. Вечеромъ устроилась бесѣда, предметомъ которой была исторія города Березова и описаніе его достопамятностей.

Археологическія находки въ Кіевѣ. Въ великокняжескій періодъ часть площади нынѣшняго Старокіевскаго участка являлась средоточіемъ всего Кіева. Здѣсь находилась крѣпость, здѣсь помѣщались великокняжескіе дворцы, церкви и монастыри. Большинства изъ этихъ свидѣтелей сѣдой старины не сохранилось до нашихъ дней. Историческія невзгоды, выпавшія на долю Кіева, повлекли за собою разрушеніе памятниковъ великокняжеской столицы, и теперь только случайныя археологическія находки, дѣлаемыя время отъ времени въ усадьбахъ нынѣшнихъ старокіевскихъ домовладѣльцевъ, напоминаютъ о нихъ и даютъ поводъ къ разнаго рода догадкамъ, болѣе или менѣе вѣроятнымъ. Каждая усадьба нынѣшняго Стараго города хранитъ въ своихъ нѣдрахъ не мало драгоцѣнныхъ предметовъ, принадлежащихъ древнему періоду кіевской исторіи. Болѣе любопытной въ этомъ отношеніи

является мѣстность, находящаяся между церквами Трехсвятительской, Андреевской и Десятинной. Предполагають, что въ этой именно мѣстности проходилъ городской валъ, обнесенный частоколомъ, иначе—древняя кіевская крѣпость, что здѣсь стояли и великокняжескіе дворцы и монастыри. Особый интересъ археологовъ возбуждаетъ расположенная въ этой мѣстности усадьба князя Трубецкого, въ которой много лѣтъ назадъ уже открытъ фундаментъ старинной церкви,—по предположенію, церкви монастыря Янчи, построеннаго въ 1086 году Всеволодомъ Ярославичемъ для своей дочери Яньки, постригшейся въ монашество. Въ этой же усадьбѣ нѣкогда находился дворецъ Ярослава и помѣщалось монастырское кладбище. Въ минувшемъ февралѣ, въ усадьбѣ князя Трубецкаго сдѣланы новыя любопытныя находки. Такъ, въ одной части усадьбы шли паралельно два вала, раздѣленные рвомъ. При раскопкѣ валовъ открыты остатки сгнившаго частокола; очевидно, эти валы, частоколъ и ровъ—остатки древне-кіевской крѣпости. Ровъ былъ переполненъ человѣческими костями, набросанными въ безпорядкѣ и затѣмъ засыпанными землею. Въ другомъ мѣстѣ усадьбы найдено цѣлое кладбище съ 50 могилами; здѣсь костяки лежали болѣе правильно. Это, очевидно, монастырское кладбище, на которомъ хоронили инокинь монастыря. Затѣмъ найдены кирпичи древняго типа, остатки фресковъ, византійскія монеты, куски смальта, амфора, теракоты, топоры, замки, ключи, кафели, стеклянная посуда, стеклянные браслеты, наконечники стрѣлъ. Изъ другихъ болѣе цѣнныхъ вещей слѣдуетъ указать на находку двухъ крестовъ (энколпіоны) съ мощами: одинъ изъ нихъ золотой, съ греческой надписью, другой—бронзовый.

Сорокалѣтіе учено-литературной дѣятельности С. И. Пономарева. Въ маѣ исполнилось сорокъ лѣтъ учено-литературной дѣятельности извѣстнаго библіографа и журналиста, Степана Ивановича Пономарева (род. 27-го декабря 1830 г.), который по окончаніи полнаго курса въ университетѣ св. Владиміра, по историко-филологическому факультету, получилъ степень кандидата за ученое изслѣдованіе, одобренное тогда же (31-го мая 1852 г.) професоромъ русской исторіи П. В. Павловымъ. Вскорѣ затѣмъ С. И. былъ назначенъ преподавателемъ русскаго языка, исторіи и географіи, въ полтавскій кадетскій корпусъ и классическую гимназію, но въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ вынужденъ былъ, вслѣдствіе ослабленія органа слуха, оставить педагогическія обязанности и государственную службу и предаться исключительно кабинетному труду и учено-литературнымъ занятіямъ, плодомъ коихъ были многія статьи С. И. какъ въ періодическихъ изданіяхъ Кіева, такъ и въ столичныхъ органахъ, а также въ «Извѣстіяхъ академіи наукъ», по II отдѣленію, членомъ-кореспондентомъ котораго давно уже состоитъ С. И. Неоднократно онъ исполнялъ и приватныя порученія вице-президента по разбору и приведенію въ порядокъ библіотекъ, оставшихся послѣ кончины того или другого выдающагося дѣятеля въ русской наукѣ и литературѣ; за особыя же занятія свои по рецензіямъ сочиненій, представляемыхъ въ академію на конкурсы для соисканія премій, С. И. Пономаревъ получилъ академическую медаль, установленную для рецензентовъ. Не уклонялся С. И. и отъ общественной дѣятельности въ цѣляхъ исключительно филантропическихъ, какъ, напримѣръ, по сбору пожертвованій въ пользу пострадавшихъ жителей во время самарскаго голода, затѣмъ въ пользу братьевъ-славянъ (герцеговинцевъ, сербовъ, болгаръ, галичанъ и угро-руссовъ) и въ пользу общества «Краснаго Креста», членомъ-соревнователемъ котораго онъ также состоялъ. Кромѣ нѣсколькихъ сочиненій историко-біографическаго характера, ему принадлежатъ: редакція «Сочиненій Некрасова» (первое изданіе послѣ смерти поэта), сборникъ «Москва въ родной поэзіи», указатель сочиненій о Палестинѣ, дополненіе къ «Словарю русскихъ писательницъ», систематическій очеркъ о псевдонимахъ русскихъ пи-

сателей («Русскій Календарь» А. Суворина, за 1880 г.) и много другихъ трудовъ, всегда исполненныхъ съ необыкновенною добросовѣстностью и глубокимъ, всестороннимъ знаніемъ предмета. С. И. въ особенности потрудился на поприщѣ библіографическомъ, справедливо считаясь въ числѣ лучшихъ библіографовъ. Наконецъ, С. И. Пономареву не чуждъ и поэтическій даръ, плодомъ котораго появилось въ печати множество стихотвореній въ строгорелигіозномъ духѣ; въ особенности этотъ талантъ обнаружился въ С. И. послѣ двукратнаго путешествія его въ Палестину, Іерусалимъ и на Аѳонскія горы. Стихотворная дѣятельность С. И. длится уже четверть вѣка, послѣ того какъ, оставивъ службу въ Полтавѣ, онъ переселился на жительство въ Кіевъ и затѣмъ въ Конотопъ, Черниговской губерніи.

Докторскій диспутъ въ Петербургскомъ университетѣ. 17-го мая приватъ-доцентъ Новороссійскаго университета Г. Е. Афанасьевъ защищалъ представленное имъ на соисканіе степени доктора всеобщей исторіи сочиненіе: «Условія хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII вѣкѣ». На диспутѣ присутствовали ректоръ университета проф. Никитинъ, деканъ историко-филологическаго факультета проф. Помяловскій, нѣкоторые профессора и немногочисленная публика. Докторантъ въ 1865 году кончилъ курсъ въ университетѣ по историко-филологическому факультету, въ 1872 г. получилъ степень магистра всеобщей исторіи, былъ учителемъ всеобщей исторіи въ одесской женской гимназіи и комерческомъ училищѣ, въ 1887 г. назначенъ приватъ-доцентомъ Новороссійскаго университета и въ 1888 г. ѣздилъ въ Парижъ, гдѣ занимался собираніемъ въ архивахъ матеріала для своей докторской дисертаціи. Возражали офиціальные опоненты: ординарный профессоръ всеобщей исторіи Карѣевъ, доцентъ по финансовому праву Кауфманъ и приватъ-доцентъ по политической экономіи Яроцкій. Проф. Карѣевъ призналъ за работой докторанта большія научныя достоинства и, какъ на недостатки, указалъ на нѣсколько одностороннюю специализацію матеріала и предпочтеніе авторомъ архивныхъ источниковъ другимъ. Остальные 2 опонента, указавъ на нѣкоторые детальные недостатки, въ общемъ отозвались похвально о работѣ докторанта. Факультетъ призналъ Г. Е. Афанасьева вполнѣ заслуживающимъ степени доктора всеобщей исторіи.

Историческое общество. Въ послѣднемъ засѣданіи историческаго общества г. Шафрановъ прочелъ докладъ объ экономическомъ бытѣ Выгорѣцкаго старообрядческаго общежительства въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія. Во второй половинѣ XVII столѣтія два безпоповца раскольника, Данило Викулинъ и Андрей Денисовъ, основали на берегахъ рѣки Выгры, въ нынѣшнемъ Повѣнецкомъ уѣздѣ, Олонецкой губерніи, небольшое общежитіе, куда принимались мужчины и женщины. Съ теченіемъ времени населеніе общежитія увеличилось, явилась необходимость выдѣлить женщинъ изъ общежитія въ особый скитъ. Получилось, такимъ образомъ, два общежитія—мужское «Даниловка» и женское «Лекса». Первое осталось на берегахъ Выгры съ населеніемъ отъ 70—120 мужчинъ, а второе было отнесено верстъ за 20 отъ перваго, за озеро, и считало въ себѣ отъ 500 до 700 женщинъ. Сначала главнымъ источникомъ существованія общины было земледѣліе и скотоводство, но потомъ, съ увеличеніемъ населенія и потребностей, дѣятельность общины въ хозяйственномъ отношеніи расширилась. Кромѣ землепашества, скотоводства, молочнаго и квасного хозяйства, община занималась рыбными и тюленьими промыслами на Ледовитомъ океанѣ. При общинѣ заведены были школы: грамотности, рукодѣлій, ремеслъ, а также школы раскольничьихъ начетниковъ, были устроены больницы. Громадное и образцовое хозяйство общины привлекало и молодое населеніе, которое, считаясь тысячами, научилось въ общинѣ грамотѣ и ремесламъ и образцовому хозяйству. Населеніе же окрестныхъ селъ и дере-

вень имѣло постоянный заработокъ на обширныхъ земляхъ общежительства. Вліяніе Выгорѣцкаго общежительства распространилось въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія на весь Олонецкій край и приносило ему несомнѣнно большую пользу въ экономическомъ отношеніи. Безпоповскій Іерусалимъ, какъ прозывалось Выгорѣцкое общежительство, наибольшимъ процвѣтаніемъ пользовался въ царствованіе Екатерины II и Александра I. Затѣмъ въ началѣ 40-хъ годовъ настало тяжелое время безпоповскаго Іерусалима. Признанное вреднымъ въ религіозномъ и экономическомъ отношеніяхъ, Выгорѣцкое общежительство мѣрами правительства въ 20 лѣтъ было почти совершенно уничтожено и въ началѣ 70-хъ годовъ представляло изъ себя полнѣйшее запустѣніе.

Общество любителей древней письменности. Въ общемъ собраніи секретарь общества Хр. М. Лопаревъ, доложивъ о выходѣ въ свѣтъ LXXXVI выпуска Памятниковъ Древней Письменности, именно повѣсти о Борисоглѣбскомъ монастырѣ (около Ростова), XVI вѣка, сдѣлалъ докладъ объ іерусалимскомъ архіепископѣ Модестѣ, который будто бы жилъ во времена язычества и прославился даромъ цѣленія скота. Разсмотрѣвъ различныя редакціи житія, московско-аѳонскую, минейно-проложную, стишно-проложную или синаксарную и іерусалимскую или пападопуло-керамевсову, докладчикъ пришелъ къ заключенію, что ни одна изъ нихъ не даетъ надлежащаго понятія о Модестѣ, а найдя полное соотвѣтствіе житія съ житіемъ Власія, убѣдился, что житіе Модеста, имени котораго не встрѣчается въ древнихъ іерусалимскихъ патріаршихъ каталогахъ, не отличается и самостоятельностью, а потому есть подложный памятникъ византійской литературы. Вслѣдъ затѣмъ А. П. Барсуковъ сдѣлалъ сообщеніе о челобитной князя Гр. Ромодановскаго, который въ 1675 г. просилъ у царя Алексѣя Михайловича позволенія попрежнему именоваться Ромодановскимъ-Стародубскимъ: «не вели, государь,—писалъ онъ,—моей честишки отнять», и царь уважилъ его просьбу. Отнятіе титула докладчикъ объяснялъ причинами внутренними, но С. Ѳ. Платоновъ ставилъ это обстоятельство въ связь съ пребываніемъ Ромодановскаго вблизи Малороссіи, гдѣ титулъ Стародубскаго князя могъ имѣть политическое значеніе. Тотъ же г. Барсуковъ подѣлился далѣе добытыми имъ новыми матеріалами о Турчаниновѣ, извѣстномъ соликамскомъ фабрикантѣ прошлаго столѣтія, посудная фабрика котораго славилась по всей Европѣ и который былъ пожалованъ императрицею Елизаветою въ титулярные совѣтники. Въ годину Пугачевскаго бунта Турчаниновъ оказалъ весьма сильное сопротивленіе самому Пугачеву и за эту заслугу былъ пожалованъ Екатериною II въ потомственные дворяне. Въ заключеніе Н. П. Барсуковъ прочелъ документъ о заслугахъ О. Н. Князева, извѣстнаго дѣятеля по вопросу о дарованіи дворянской грамоты. И. А. Бычковъ прочелъ замѣтку о найденномъ имъ въ одномъ рукописномъ сборникѣ конца XVI или начала XVII вѣка лѣтописномъ отрывкѣ, сообщающемъ извѣстія, относящіяся частью до Новгорода частью до Торжка, и нѣкоторыя изъ нихъ не встрѣчаются въ изданныхъ лѣтописяхъ. Помѣщенное въ началѣ отрывка извѣстіе, сообщающее о хожденіи 40 новгородскихъ каликъ въ Іерусалимъ во время архіепископства Іоанна (во второй половинѣ XII вѣка), любопытно по своему соотношенію съ памятниками народной словесности. А. П. Барсуковъ прочелъ отрывокъ изъ 6-й, приготовленной къ печати книги «Родъ Шереметевыхъ», въ которомъ разсказывается о плѣнѣ В. В. Шереметева у крымскихъ татаръ въ 1667 г. Заключеніе это продолжалось свыше семи лѣтъ. Много любопытныхъ подробностей тайной переписки боярина съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и стольникомъ Тяпкинымъ, извлеченной авторомъ изъ Московскаго архива иностранныхъ дѣлъ, придаютъ изложенію свѣжесть и новизну. Въ заключеніе секретарь общества доложилъ собранію о выходѣ въ свѣтъ LXXXIV

выпуска Памятниковъ Древней Письменности «Слова о погибели Рускыя земли», и о разныхъ приношеніяхъ, поступившихъ въ музей и библіотеку общества. Секретарь Хр. М. Лопаревъ, доложивъ собранію о выходѣ въ свѣтъ перваго тома составленнаго имъ «Описанія рукописей общества», сдѣлалъ докладъ о вновь найденномъ памятникѣ древне-русской литературы — «Посланіи русскаго митрополита Климента къ смоленскому пресвитеру Ѳомѣ въ истолкованіи монаха Адамая» (XII вѣка). Посланіе это написано митрополитомъ въ отвѣтъ на рѣзкое письмо Ѳомы, обличавшаго Климента за исканіе имъ славы и власти, за гордость и философское направленіе его литературной дѣятельности, равно какъ за неправильное пониманіе нѣкоторыхъ текстовъ св. писанія. Климентъ, съ вѣдома великаго князя Изяслава Мстиславича, написалъ отвѣтъ Ѳомѣ, въ которомъ сознавался въ пользованіи Гомеромъ, Платономъ и Аристотелемъ, но отрицалъ какое бы то ни было домогательство со своей стороны власти и почестей; напротивъ, не разъ отказывался отъ принятія даже митрополичьей каѳедры. Люди, — писалъ Климентъ, — ищущіе славы и власти, пріобрѣтаютъ дома, села, борти, сябры и ляды, а отъ всего этого я свободенъ; я думаю лишь о смерти и многіе уже знаютъ мою могилу, которую я ежедневно навѣщаю. Вторая часть посланія, въ которой излагается толкованіе библіи и статей апокрифическаго характера, хотя и вышедшая изъ-подъ пера митрополита, имѣетъ, по мнѣнію докладчика, слабое отношеніе къ главной части и къ тому же встрѣчается въ буквальномъ видѣ въ Словесахъ Григорія Ѳеолога. Указавъ на присутствіе въ Посланіи сильнаго вліянія болгаризма, референтъ сдѣлалъ догадку, что русскій памятникъ подвергся чьей-то внѣшней обработкѣ, быть можетъ, того таинственнаго монаха Адамая, который коментировалъ самое Посланіе и сдѣлалъ приписку, что Климентъ въ глубокой старости написалъ 16 дивныхъ и сокровенныхъ словесъ, не преданныхъ церковному почитанію за величество и глубину разума. Оппонентомъ докладчику выступилъ проф. духовной академіи Н. К. Никольскій, который нашелъ означенное посланіе въ другой рукописи и имѣлъ возможность основательно ознакомиться съ памятникомъ. Онъ точнѣе опредѣлилъ источники второй части Климентова сочиненія, именно творенія Ѳеодорита Кирскаго, Шестодневъ Василія великаго, избранныя словеса Григорія Ѳеолога, Богословіе Іоанна Дамаскина и слова ираклійскаго митрополита Никиты, и въ виду существованія 16 словъ Никиты сдѣлалъ догадку, что въ Посланіи разумѣются именно эти слова, а не утраченныя сочиненія Климента; равнымъ образомъ и разгадку личности Адамая (въ его рукописи Аѳанасія), по его мнѣнію, слѣдуетъ искать въ той группѣ обширной литературы, которая носитъ заглавіе: «Вопросы и отвѣты Аѳанасія къ Антіоху князю». Вслѣдъ затѣмъ тотъ же Хр. М. Лопаревъ прочелъ о флорентійской мистеріи Вознесенія Господня, описанной, какъ обыкновенно полагаютъ, Авраміемъ Суздальскимъ. По поводу этого академикъ Л. Н. Майковъ сдѣлалъ замѣчаніе, что новый найденный списокъ мистеріи Вознесенія является желаннымъ въ виду нѣкоторыхъ нерѣшенныхъ вопросовъ, поставленныхъ издателемъ мистеріи академикомъ Н. С. Тихонравовымъ.—Въ торжественномъ годовомъ собраніи, послѣ прочтенія секретаремъ отчета Общества за истекшій годъ, Вс. С. Соловьевъ познакомилъ присутствующихъ съ неизвѣстнымъ доселѣ сочиненіемъ С. М. Соловьева: «Ѳеософическій взглядъ на исторію Россіи». Докладчикъ предпослалъ чтенію небольшое вступленіе, изъ котораго видно, что это сочиненіе написано будущимъ историкомъ по окончаніи Московскаго университета въ 1841 г., когда автору исполнился 21 годъ, и находилось въ бумагахъ С. П. Шевырева. Статья эта «интересна, какъ новое свидѣтельство той коренной идеи, съ которою историкъ вступалъ на свое поприще и которую онъ донесъ до могилы; его убѣжденія заключались именно въ ѳеософическомъ взглядѣ на русскую исторію, въ признаніи, что Россія

имѣетъ великую судьбу, назначенную ей провидѣніемъ, и что она совершитъ ее не иначе, какъ оставаясь непоколебимо вѣрной православной церкви и своимъ естественнымъ вождямъ, истинно-православнымъ царямъ». Раздѣленіе Россіи на удѣлы, по мнѣнію С. М. Соловьева, не было ея раздробленіемъ, но средствомъ къ ея единенію, которое инымъ образомъ произойти не могло: междоусобія заставили насъ сплотиться для общаго дѣла Россіи; монгольское нашествіе привело насъ къ сознанію своей національности и единовластія; смутное время заставило насъ сознательно повиноваться царю, сознать свою форму жизни, полюбить самодержавіе: петровская реформа не была кореннымъ превращеніемъ (мы остались попрежнему русскими и православными), — она была лишь переодѣваніемъ насъ; нашествіе двадесяти языковъ принесло намъ сознаніе, что духъ Россіи вѣчно юнъ и неизмѣненъ, вмѣстѣ съ чѣмъ Россія убѣдила Европу, что христіанство и цивилизація ея вѣчны подъ эгидою вѣчнаго, зиждительнаго начала Россіи. Вслѣдъ затѣмъ С. Ѳ. Платоновъ сдѣлалъ сообщеніе о происхожденіи московскихъ четвертныхъ приказовъ, финансоваго учрежденія XVI вѣка. Приказы вообще или имѣли опредѣленныя функціи (какъ, напр., посольскій), или вѣдали опредѣленный кругъ лицъ (холопій, стрѣлецкій), или, наконецъ, ихъ вѣдѣнію подлежали опредѣленныя мѣстности и удѣлы (Владимірскій, Рязанскій). Приказъ Большого Дворца вѣдалъ личную царскую казну. Большой Приходъ почти вполнѣ соотвѣтствовалъ нынѣшнему министерству финансовъ. Для чего же собственно существовали четверти или чети? Милюковъ, смѣшивая ихъ съ Большимъ Приходомъ, объяснялъ возникновеніе ихъ естественнымъ путемъ диференціаціи доходовъ, Середонинъ же видѣлъ начало четвертей въ поступленіи особыхъ оброковъ, наложенныхъ Грознымъ на разныя волости. Находя неудовлетворительность или неточность обѣихъ теорій, докладчикъ, путемъ разбора грамотъ одной мѣстности въ хронологическомъ порядкѣ, пришелъ къ выводу, что четверти имѣли близкое соприкосновеніе съ Большимъ Дворцомъ (отсюда дворцовый четвертной приказъ), были сначала подчинены разряднымъ приказамъ, а потомъ выдѣлились въ особые четвертные приказы.—Въ послѣднемъ засѣданіи Н. К. Никольскій сдѣлалъ докладъ по вопросу о времени написанія царемъ Іоанномъ IV Васильевичемъ обличительнаго посланія въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Это знаменитое посланіе было пріурочиваемо къ разнымъ годамъ: къ 1578 (Карамзинъ, Костомаровъ), къ 1574—75 (А. Барсуковъ), но теперь референтъ нашелъ въ рукописи Петербургской духовной академіи, XVI вѣка, прямое и ясное указаніе даты: посланіе написано 23-го сентября 1573 года. Докладчикъ подробно остановился на этой цифрѣ и нашелъ, что она одна не противорѣчитъ дѣйствительности. Въ этомъ же засѣданіи Н. П. Барсуковъ прочелъ три главы приготовляемой къ печати шестой книги «Жизнь и труды М. П. Погодина», въ которыхъ изложено путешествіе Погодина по Новгородской, Тверской, Ярославской и Владимірской губерніямъ въ 1841 г. и въ 1842 г. отъ Москвы до Радзивилова черезъ Харьковъ, Полтаву и Кіевъ. Въ заключеніе Н. И. Барсовъ изложилъ содержаніе одного дѣла XVIII вѣка, изъ рукописи синодальнаго архива, о русскихъ заклинаніяхъ XVII вѣка. Н. П. Лихачевъ сдѣлалъ докладъ о научномъ значеніи бумажныхъ водяныхъ знаковъ (филиграни). Прослѣдивъ вкратцѣ вопросъ о пониманіи самаго термина и о родинѣ бумаги, референтъ пришелъ къ заключенію, что такою страною былъ Туркестанъ, откуда бумага распространилась по Сиріи, Египту, Персіи и перешла въ Европу. Бумага представляетъ два періода въ своемъ развитіи: бомбицинъ и собственно бумагу. Бумажные знаки появляются лишь съ XIII столѣтія и есть изобрѣтеніе европейское. Въ виду того, что фабричныя формы держались весьма недолго (одинъ или два года), а съ перемѣною ихъ измѣнялся и водяной бумажный знакъ, становится понятною важность знанія этихъ филиграней, по той или другой формѣ которыхъ весьма легко

и точно можно опредѣлить время появленія самой бумаги; съ другой стороны, такъ какъ бумаги одной формы производилось сравнительно немного и вскорѣ появлялась новая, то понятно, что и въ смыслѣ опредѣленія даты рукописи водяной знакъ есть самый существенный и вѣрный критерій, благодаря которому ошибка въ опредѣленіи даты возможна лишь на 5—10 лѣтъ. У насъ бумажное производство началось съ половины XVII столѣтія, а до того времени была въ употребленіи бумага преимущественно голландская, итальянская и французская, на которой напечатанъ и «Московскій Апостолъ» 1564 года. Въ приказахъ тратилось бумаги болѣе, нежели въ монастыряхъ, и потому приказные документы можно хронологически опредѣлить точнѣе, нежели рукописи монастырскія. Въ заключеніе секретарь Общества доложилъ собранію о выходѣ въ свѣтъ выпуска «Памятниковъ древней письменности»: Житія преподобнаго Стефана Комельскаго, доселѣ остававшагося неизданнымъ.

† 2-го мая, **Александръ Сергѣевичъ Пензинъ.** Онъ окончилъ курсъ въ петербургской гимназіи съ золотой медалью, поступилъ въ университетъ, затѣмъ посвятилъ себя литературной дѣятельности, и съ тѣхъ поръ трудился неутомимо болѣе 30-ти лѣтъ, помѣщая свои статьи и замѣтки въ журналахъ и газетахъ. Ему принадлежитъ нѣсколько стихотвореній, напечатанныхъ въ 60-хъ годахъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. За одно изъ стихотвореній, поднесенное Александру II, Пензинъ получилъ подарокъ. Въ 60-хъ годахъ онъ былъ помощникомъ редактора «Вѣсти» Скарятина, затѣмъ корректоромъ «Голоса» и съ 1876 г.—«Новаго Времени», завѣдуя одновременно отдѣломъ провинціальныхъ извѣстій. Обладая прекраснымъ здоровьемъ, онъ съ утра и до поздняго часа ночи трудился. Какъ человѣкъ, онъ отличался добротою, сердечностью, скромностью и готовностью помочь всякому, кто къ нему обращался. Пензину было съ небольшимъ 50 лѣтъ.

† Одна изъ скромныхъ, но весьма полезныхъ труженицъ литературы, **Екатерина Андреевна Краснова,** рожденная Бекетова, старшая дочь ботаника, профессора Петербургскаго университета. Она родилась въ 1855 г. и получила воспитаніе въ петербургской женской гимназіи, затѣмъ слушала лекціи на женскихъ курсахъ. Вращаясь въ литературной сферѣ, подъ вліяніемъ своей матери, тоже писательницы, Е. А. рано почувствовала влеченіе къ литературѣ. Она прекрасно владѣла языками французскимъ, англійскимъ, нѣмецкимъ, итальянскимъ, испанскимъ и помѣщала свои переводы беллетристическихъ произведеній въ изданіяхъ, ежемѣсячныхъ и еженедѣльныхъ. Ей принадлежитъ нѣсколько разсказовъ для взрослыхъ и для дѣтей, и цѣлый рядъ стихотвореній, преимущественно переводныхъ, печатавшихся въ «Вѣстникѣ Европы», «Заграничномъ Вѣстникѣ» В. Ѳ. Корша, «Наблюдателѣ», «Всемірной Иллюстраціи», «Дѣтскомъ Чтеніи» и др. Е. А. была дѣятельной сотрудницей «Огонька» и одно время почти одна наполняла весь журналъ своими разсказами, стихотвореніями и переводами беллетристическихъ и научныхъ произведеній. Стихотворенія Е. А. не отличались особеннымъ блескомъ, но въ нихъ было много теплоты и чувства; переводя иностраннаго поэта, она умѣла отлично передать смыслъ и духъ подлинника.

† 9-го мая отъ паралича сердца **Левъ Константиновичъ Ивановскій,** пользовавшійся извѣстностью не только опытнаго врача, но и своими археологическими изслѣдованіями. Онъ родился въ 1845 г., медицинское образованіе получилъ въ Петербургской медико-хирургической академіи, въ которой кончилъ въ 1869 г. курсъ съ золотой медалью и съ преміей Иванова. Врачебная дѣятельность Л. К. началась въ клиникѣ военнаго госпиталя, въ качествѣ ординатора. Въ 1872 г. онъ былъ приглашенъ руководить практическими упражненіями (по анатоміи) слушательницъ женскихъ врачебныхъ курсовъ. Съ 1883 г. Л. К. служилъ военнымъ врачомъ. Въ 70-хъ годахъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ раскопкахъ кургановъ Новгородской губерніи

и собралъ интересные матеріалы для антропологіи жальниковыхъ (курганныхъ) череповъ. Эти матеріалы были напечатаны въ трудахъ археологическаго съѣзда въ 1872 г. Въ прошломъ году покойный раскопалъ по порученію археологической комисіи около 860 кургановъ въ Петербургской губерніи и нашелъ много древнихъ монетъ, мечей, кольчугъ и другихъ вещей, колекцію которыхъ представилъ Государю. Изъ остальныхъ научныхъ работъ его важно изслѣдованіе толевыхъ бараковъ вообще и приспособленій ихъ для чумныхъ больныхъ. Онъ состоялъ членомъ Московскаго археологическаго и многихъ медицинскихъ обществъ.

† Въ Саратовѣ отъ чахотки 12-го мая **Николай Елпидифоровичъ Петропавловскій**, извѣстный въ литературѣ подъ именемъ Каронина (псевдонимъ). Онъ выступилъ на литературное поприще въ 70-хъ годахъ. Его первые небольшіе разсказы были напечатаны въ «Отечественныхъ Запискахъ». Въ этихъ разсказахъ авторъ рисовалъ, избѣгая обобщеній, картинки народной жизни и деревенскихъ нравовъ. Въ послѣднее время онъ сотрудничалъ въ «Русской Мысли», гдѣ напечатаны его разсказы: «Мой міръ» (1888 г.), «На границахъ человѣка» (1889 г.), «Барская колонія» (1890 г.) и «Учитель жизни». Кромѣ того, поселившись въ 1890 г. въ Саратовѣ, онъ работалъ въ мѣстныхъ газетахъ. Н. Е. постоянно нуждался въ заработкѣ и оставилъ послѣ смерти семью, ничѣмъ не обезпеченную.

† 21-го мая, отъ разрыва сердца инспекторъ перваго кадетскаго корпуса, **Павелъ Игнатьевичъ Роговъ.** Онъ родился въ 1833 г., воспитывался сперва въ третьей классической гимназіи, затѣмъ въ Петербургскомъ университетѣ. По окончаніи курса П. И. посвятилъ свои силы дѣлу воспитанія и обученія. Около 30 лѣтъ занимался онъ педагогическою дѣятельностью въ качествѣ преподавателя исторіи въ частныхъ пансіонахъ, инспектора орловскаго женскаго института, 3-й военной гимназіи, воспитателя и инспектора перваго кадетскаго корпуса. Всегда готовый оказать помощь всѣмъ, П. И. пользовался симпатіями своихъ сослуживцевъ и воспитанниковъ. Онъ много также работалъ для женскаго патріотическаго общества и педагогическаго музея, въ которомъ былъ товарищемъ предсѣдателя. Постоянно оставаясь вѣрнымъ взглядамъ и убѣжденіямъ, съ которыми онъ выступилъ на тяжелое педагогическое поприще, онъ съ энергіею и послѣдовательностью проводилъ принципы, всегда проникнутые гуманностью и любовью къ истинѣ. Широкіе педагогическіе взгляды, строгая требовательность къ самому себѣ, прямота и честность въ отношеніяхъ къ окружающимъ—вотъ характерныя черты личности П. И. Рогова. Онъ не только былъ добросовѣстнымъ исполнителемъ своихъ обязанностей, но сроднялся съ каждымъ дѣломъ, за которое брался, принималъ близко къ сердцу его интересы. Какъ учитель и воспитатель, онъ постоянно внушалъ своимъ ученикамъ любовь къ знанію, развивалъ въ нихъ чувство долга и предостерегалъ ихъ отъ легкомыслія, верхоглядства и стремленія къ карьерѣ; какъ сослуживецъ, былъ живымъ примѣромъ честнаго отношенія къ дѣлу; какъ общественный дѣятель, являлся стойкимъ борцомъ за идею. Немного такихъ людей, и память о нихъ должна сохраняться въ исторіи тѣхъ учрежденій, съ которыми связано ихъ имя. Заботясь о распространеніи историческихъ свѣдѣній среди простого народа, онъ издалъ нѣсколько брошюръ по отечественной исторіи. Одна изъ нихъ «Смутное время» составляетъ интересное чтеніе для народа.

† 28-го мая, на 82-мъ году, адмиралъ **Семенъ Ильичъ Зеленый**, пользовавшійся большою извѣстностью въ 40-хъ годахъ своими учеными трудами. Сынъ дворянина Псковской губерніи, онъ образованіе получилъ въ морскомъ корпусѣ, откуда съ производствомъ въ мичманы перешелъ въ офицерскіе классы корпуса. По окончаніи курса, въ 1832 г. отправленъ на казенный счетъ въ Дерптъ слушать лекціи практической астрономіи, которыя читались извѣстнымъ въ то время профессоромъ Струве. Возвратившись въ

Петербургъ, Зеленый получилъ приглашеніе преподавать астрономію и навигацію въ морскомъ корпусѣ и назначенъ помощникомъ инспектора при офицерскихъ классахъ. С. И. издалъ лекціи по алгебраическому анализу и представилъ ихъ академіи наукъ, которая въ 1837 г. присудила автору Демидовскую премію. Осенью того же года совѣтъ Петербургскаго университета предложилъ ему занять каѳедру астрономіи, отъ которой С. И. отказался черезъ два года. Другое сочиненіе подъ заглавіемъ «Астрономическія средства кораблевожденія» получило также въ 1842 г. демидовскую премію. С. И. составилъ въ 1838 г. «Бесѣды съ дѣтьми объ астрономіи и небѣ». Эта книга имѣла большой успѣхъ, и авторъ ея получилъ бриліантовый перстень Съ 1850 по 1855 годъ С. И. былъ директоромъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ и съ 1855 г. директоромъ гидрографическаго департамента морского министерства. При немъ былъ совершенъ рядъ капитальныхъ гидрографическихъ работъ и составлены цѣнныя карты Балтійскаго и Каспійскаго морей, Ладожскаго озера и Восточнаго океана. Въ 1861 г. онъ былъ предсѣдателемъ морского ученаго комитета, въ 1866 г. предсѣдателемъ ученаго отдѣленія морского техническаго комитета и въ 1877 г. предсѣдателемъ главнаго военнаго морского суда. С. И. принималъ участіе въ трудахъ географическаго общества, членомъ котораго онъ былъ съ 1845 г. Произведенный въ адмиралы въ 1877 г., въ послѣднее время онъ состоялъ почетнымъ членомъ Николаевской морской академіи и морского техническаго комитета.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Письмо въ редакцію.

М. Г., господинъ редакторъ! Очень многіе обращаются ко мнѣ по дѣламъ редакціи «Русской Старины»; поэтому считаю необходимымъ заявить, что я не принимаю и не буду принимать никакого участія въ изданіи и редактированіи этого журнала, а также не нахожу возможнымъ быть въ немъ и сотрудникомъ. Такъ какъ въ вашемъ журналѣ было помѣщено извѣстіе о переходѣ «Русской Старины», по смерти моего брата М. И. Семевскаго, въ мои руки, то не откажитесь напечатать и настоящее заявленіе.

Василій Семевскій.

27-го мая 1892 г.

Въ Москвѣ печатались книги въ 77 типографіяхъ, и по числу вышедшихъ изъ-подъ ихъ станковъ втеченіе года сочиненій онѣ группируются такъ:

Печаталось сочиненій	Число типографій.
Отъ 1 до 10	47
» 11 » 20	13
» 21 » 30	5
» 31 » 40	1
» 41 » 50	1
» 51 » 60	2
» 61 » 70	2
» 81 » 90	2
» 101 » 120	1
» 141 » 150	1
» 161 » 170	1
» 241 » 260	1

Чтобы не утомлять однообразіемъ, мы не будемъ дѣлать группировки типографій по числу печатавшихся въ нихъ экземпляровъ и только переименуемъ тѣ изъ нихъ, въ которыхъ было напечатано болѣе сочиненій, указавъ при этомъ и число экземпляровъ. Первенствующее мѣсто принадлежитъ типографіи Сытина, напечатавшей 254 сочиненія и 2,742,630 экземпляровъ, а затѣмъ будутъ слѣдовать: Лиссенера—169 сочиненій и 332,950 экземпляровъ, Кушнерева—120 сочиненій и 439,855 экземпляровъ, Университетская—150 сочиненій и 171,824 экземпляра, Разсохина — 88 сочиненій и 8,374 экземпляровъ, Волчанинова — 83 сочиненія и 445,502 экземпляра, Левенсона — 65 сочиненій и 210,010 экземпляровъ, Вильде—63 сочиненія и 47,912 экземпляровъ, Мамонтова — 59 сочиненій и 125,135 экземпляровъ, Ефимова — 51 сочиненіе и 326,020 экземпляровъ, Бончъ-Бруевича — 46 сочиненій и 20,672 экземпляра, Снегирева—32 сочиненія и 157,055 экземпляровъ, Гатцука—30 сочиненій и 966,145 экземпляровъ и Іогансона—29 сочиненій и 130,700 экземпляровъ.

II.

Періодическая печать.

Ежегодно нарождается у насъ десятка три-четыре новыхъ періодическихъ изданія, но и ежегодно же не мало умираетъ ихъ. Эта смертность, какъ мы думаемъ, главнѣйшимъ образомъ происходитъ, съ одной стороны, отъ того, что предложеніе превышаетъ спросъ, а съ другой,—что многія изъ вновь рождающихся повременныхъ изданій носятъ въ себѣ зародышъ недолговѣчности. Появленіе въ свѣтъ послѣднихъ изданій, конечно, не приноситъ никакой пользы обществу, и потому они представляются далеко нежеланными сочленами русской литературной семьи, а нѣкоторыя изъ нихъ даже и не имѣютъ никакого права претендовать на это званіе. Кромѣ того, въ настоящее время русскій читатель

начинаетъ предъявлять къ печати уже болѣе строгія и болѣе серьезныя требованія, но издательская горячка не обращаетъ на это должнаго вниманія и продолжаетъ преподносить ему разнаго рода газетки и листки, въ которыхъ вмѣсто серьезно обдуманной програмы царитъ какой-то венигретъ. Изъ приводимаго нами ниже указателя разрѣшенныхъ въ минувшемъ году періодическихъ изданій можно видѣть, что все вышесказанное приложимо къ нимъ, на этотъ разъ, только отчасти и что, напротивъ, 1891 годъ далъ намъ больше серьезныхъ изданій, чѣмъ его предшественники. Выраженное же нами мнѣніе есть общее и сложилось оно изъ ряда тѣхъ явленій, за которыми мы слѣдимъ уже нѣсколько лѣтъ и которыя при годичномъ обзорѣ не всегда вырисовываются на столько отчетливо, чтобы, руководствуясь ими, можно было замѣтить что либо несоотвѣтствующее современности, а тѣмъ болѣе сдѣлать точную характеристику.

Втеченіе 1891 года было разрѣшено въ Россіи, за исключеніемъ Финляндіи, 42 новыхъ періодическихъ изданія и возобновлено одно старое—«Техникъ и иллюстрированный техническій обзоръ». Всѣ эти изданія выходятъ на русскомъ языкѣ, исключая одного, временнаго и уже прекратившагося, которое издавалось на русскомъ и французскомъ языкахъ. По програмамъ новыя изданія распредѣляются такъ: литературныхъ—2, литературно-политическихъ—4, промышленныхъ и другихъ разныхъ спеціальностей—13, медицинскихъ—3, юридическихъ—1, библіографическихъ—1, духовныхъ—4, изящныхъ искусствъ—2, дѣтскихъ—1 и справочныхъ—10. Духовныхъ новыхъ изданій, строго говоря, слѣдуетъ считать три, такъ какъ одно изъ нихъ переименовано, но мы показываемъ его въ числѣ новыхъ только потому, что ему дана другая програма. По времени выхода въ свѣтъ тѣ же изданія распредѣляются такимъ образомъ: выходящихъ ежедневно—3, нѣсколько разъ въ недѣлю—9, еженедѣльно—7, нѣсколько разъ въ мѣсяцъ—6, ежемѣсячно—10, нѣсколько разъ въ годъ—4, для остальныхъ же 3-хъ изданій, при разрѣшеніи ихъ, срокъ не опредѣленъ. По мѣсту изданія: въ Петербургѣ—12, въ Москвѣ—14 и въ провинціальныхъ городахъ—16; по условіямъ самаго изданія: выходящихъ съ разрѣшенія предварительной цензуры—38 и безъ цензуры 4.

Нѣкоторымъ отличіемъ для прошлаго года отъ предъидущихъ лѣтъ является значительное уменьшеніе выпуска изданій въ Петербургѣ и такое же увеличеніе ихъ въ Москвѣ и еще большее въ провинціальныхъ городахъ. Кромѣ того, нельзя не обратить вниманія на число изданій цензурныхъ сравнительно съ безцензурными, но мы объясняемъ себѣ это обстоятельство тѣмъ, что съ недавняго времени стало входить въ обыкновеніе помѣщать въ текстѣ изданій иллюстраціи, а при этомъ по нашимъ законамъ цензированіе становится обязательнымъ; изъ общаго же числа новыхъ изданій 17-ть будутъ выходить съ иллюстраціями.

Въ отношеніи изданій прежнихъ лѣтъ отмѣчаемъ слѣдующіе случаи: совершенно прекратилось—15 изданій; стали выходить по новой програмѣ—3; расширили прежнюю програму—11; получили право помѣщать иллюстраціи—3 и прекратили ихъ—1; разрѣшено изданіе отдѣльныхъ приложеній—11; измѣнили названіе 13-ть изданій; утверждены новыя лица редакторами въ 30-ти изданіяхъ; перемѣнились издатели въ 31-мъ изданіи; измѣнили срокъ выхода 10-ть изданій; измѣнили подписную цѣну 18-ть изданій; журналъ «Природа и Охота»

и «Охотничья Газета» соединены въ одинъ органъ подъ обоими названіями; газету «Сынъ Отечества», начиная съ настоящаго года, разрѣшено выпускать двумя изданіями: одно съ приложеніями «Книги романовъ и повѣстей», «Воскресныя приложенія съ иллюстраціями» и «Моды и рукодѣлья», а другое изданіе безъ приложеній; журналъ «Вѣстникъ Птицеводства» и листокъ «Спасаніе на водахъ» разрѣшено выпускать безъ предварительной цензуры и, наконецъ, журналъ «Вѣстникъ опытной физики и элементарной математики» перемѣщенъ изъ Кіева въ Одессу. Подробности о большей части указанныхъ здѣсь перемѣнъ въ періодическихъ изданіяхъ приводятся ниже.

Теперь обращаемся къ общимъ даннымъ и посмотримъ, какое состояніе представляла періодическая печать къ концу истекшаго года, на сколько она обогатилась или оскудѣла въ сравненіи съ прошлымъ и чего можно ожидать въ будущемъ.

Чтобы осуществить эту задачу и тѣмъ дать полное представленіе современнаго состоянія періодической печати въ Россіи, мы должны нѣсколько раздробить статистическія о ней свѣдѣнія и прибѣгнуть къ сравненію, оговариваясь при этомъ, что располагаемъ для того самымъ незначительнымъ періодомъ времени. Статистика печати въ Россіи составляетъ новинку, въ нѣсколько отдаленномъ отъ насъ прошломъ она совершенно не велась, и потому на этотъ счетъ почти не имѣется никакихъ указаній, а если и встрѣчаются, то отрывочныя и не послѣдовательныя.

Общее пространство, занимаемое Россіею, исключая Финляндію, которой мы не касаемся, составляетъ 18.699,983 квадратныхъ версты съ населеніемъ почти въ 120 милл. душъ обоего пола. Въ этихъ предѣлахъ насчитывается у насъ 1281 городъ и есть мѣстности, числомъ 983, съ которыми и въ настоящее время почтовое сношеніе производится довольно рѣдко, такъ: въ 865 мѣстностей почта приходитъ два раза въ недѣлю, въ 115 мѣстностей—одинъ разъ въ недѣлю, въ 7-мъ мѣстностей—два раза въ мѣсяцъ, въ 3 мѣстности—одинъ разъ въ мѣсяцъ и, наконецъ, существуютъ еще два пункта: Гижигинскъ и Петропавловскій портъ, обитатели которыхъ только одинъ разъ въ годъ получаютъ вѣсти не только изъ какого либо уголка міра Божьяго, но и изъ своего любезнаго отечества.

Вотъ на этой-то громадной территоріи и для населенія въ 120 милліоновъ душъ въ 1891 году выходило, если не принимать во вниманіе разрѣшенныхъ втеченіе двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ этого года, 727 періодическихъ изданія, или одно изданіе на пространство въ 25.722,1 квадрат. верстъ и на 165.061,8 душъ населенія. Дѣлая такой же выводъ для каждой части Имперіи въ отдѣльности, получаемъ: въ предѣлахъ Европейской Россіи—672 періодическихъ изданія, или одно изданіе на 6,473,4 квадратныхъ версты и на 148,809,4 душъ населенія, полагая послѣднее въ 100 милліоновъ; въ предѣлахъ Кавказскаго края—28 періодическихъ изданій, или одно изданіе на пространство въ 18,261,6 квадратныхъ верстъ и на 321,428,5 душъ; въ предѣлахъ Сибири—21 періодическое изданіе, или одно изданіе на пространство въ 520,118 квадратныхъ верстъ и на 285,714,2 душъ и, наконецъ, въ предѣлахъ средне-азіатскихъ владѣній — 6 періодическихъ изданій, или одно изданіе на пространство въ 502,665 квадратныхъ верстъ и на 833,333,3 души населенія.

Оказывается, слѣдовательно, что простору повсюду еще такъ много, что въ нѣкоторыя мѣста, вѣроятно, печатные газетные листы систематически не попадаютъ и заносятся туда только случайно, и что не для одного настоящаго, но и для будущаго остается еще много потребителей. Имѣется также достаточно мѣста, гдѣ можетъ и должна будетъ появиться періодическая пресса, и это совершится тѣмъ скорѣе, чѣмъ скорѣе настанетъ время, когда провинціальная печать будетъ поставлена въ одинаковыя условія съ столичной. Въ настоящее время наши періодическія изданія печатаются въ 112 городахъ, въ Россіи же считается ихъ, какъ сказано, 1.281; теперь печать эта преимущественно ютится въ столицахъ, имѣя конечными пунктами своего пребыванія для востока и юговостока: Владивостокъ, Иркутскъ, Тобольскъ, Томскъ, Баку, Карсъ, Самаркандъ и Ташкентъ, въ будущемъ же она перейдетъ этотъ рубежъ и разсѣется еще болѣе. Строящаяся нынѣ сибирская желѣзная дорога современемъ окажетъ въ этомъ отношеніи не малое содѣйствіе, она оживитъ край, возбудитъ въ немъ общественные интересы, и въ бѣдной, въ настоящемъ, на мѣстные органы печати Сибири она появится. И, въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли удовлетворять интересъ къ текущимъ событіямъ только столичная печать тѣхъ интеллигентныхъ читателей, которые живутъ, напримѣръ, во Владивостокѣ, Большерѣцкѣ и т. п., вѣдь эти мѣста отстоятъ отъ нея на десятокъ тысячъ верстъ, и потому пока придетъ туда какая либо столичная газета, сообщаемыя ею новости давнымъ давно поростутъ быльемъ.

Если бы у насъ существовала статистика печати, то ея данными мы положительно могли бы доказать, что, не смотря на ежегодно увеличивающееся число періодическихъ изданій въ столицахъ, печать эта, и въ настоящемъ, поступательно идетъ въ провинцію и если не такъ быстро, то все же развивается въ ней, что она водворилась тамъ, гдѣ о ней прежде и помину не было, а это подтвердило бы все высказанное выше о ея будущемъ. Впрочемъ, приведемъ нѣсколько имѣющихся у пасъ на этотъ счетъ свѣдѣній, хотя они и недостаточно для того вѣски.

Двадцать лѣтъ тому назадъ, т. е. въ 1871 году, выходившія въ Россіи, безъ Кавказа и Финляндіи, періодическія изданія печатались въ 83-хъ городахъ, а въ 1891 году такихъ городовъ, какъ мы уже сказали, было 112-ть, а вотъ и сравненіе, къ сожалѣнію, только небольшое, числа изданій, печатавшихся въ нѣкоторыхъ изъ этихъ городовъ:

	Выходило періодическ. изданій: Въ 1871 году.	Въ 1891 году.
Въ Петербургѣ	131	219
» Москвѣ	39	87
» Варшавѣ	33	71
» Ригѣ	14	23
» Кіевѣ	13	22
» Одессѣ	16	19
» Казани	6	10
Всего изданій	376	741

Но и изъ этой маленькой таблички видно, что, за исключеніемъ столицъ, на долю провинцій приходилось въ 1871 году 206 изданій, а черезъ двадцать

лѣтъ, въ 1891 году, уже насчитывается ихъ тамъ 435, т. е. болѣе чѣмъ вдвое. Продолжая это сравненіе, но относя его къ болѣе ближайшему къ намъ времени, мы, конечно, не встрѣтимъ столь рѣзкой разницы, какъ въ первомъ случаѣ, тѣмъ не менѣе она, всетаки, будетъ существовать и выражать то же направленіе, т. е. стремленіе въ провинцію. Беремъ 1888 годъ и видимъ, что въ этомъ году въ обѣихъ столицахъ выходило—269 изданій и въ провинціальныхъ городахъ—329, а въ 1891 году число такихъ изданій увеличивается для столицъ на 32 и для провинціи на 34 изданія. Всѣ выходящія у насъ періодическія изданія могутъ быть раздѣлены на четыре большихъ группы: изданія правительственныхъ учрежденій, общественныхъ учрежденій, ученыхъ обществъ, къ которымъ мы причисляемъ академію и высшія учебныя заведенія, и изданія частныхъ лицъ. Между этими четырьмя группами періодическія изданія, выходившія въ 1891 г., будутъ распредѣляться такъ:

	Число изданій.
Правительственныхъ	173
Общественныхъ учрежденій . . .	29
Ученыхъ обществъ	91
Частныхъ лицъ	434

Остановимся нѣсколько на этихъ цыфрахъ. Реформы, распространеніе грамотности и вообще весь режимъ прошлаго царствованія были, конечно, главнѣйшими причинами развитія у насъ періодической прессы. Но и въ дѣлѣ печати, какъ почти и во всемъ другомъ, правительство наше было иниціаторомъ и сначала шло впереди частной предпріимчивости. Были, конечно, и неблагопріятныя условія для печатнаго слова, когда цензора не рѣшались пропускать ариѳметическихъ задачниковъ, въ которыхъ рядомъ съ цыфрами стояли точки; могутъ, отчасти, существовать такія условія и теперь, или возникнуть впредь, но это нисколько не измѣнитъ сущности—фактъ останется фактомъ. Даже и теперь, когда частныя періодическія изданія захватили, такъ сказать, всю область, принадлежащую прессѣ, число такихъ же правительственныхъ изданій не только не уменьшается, но и прогрессируетъ, подобно первымъ. Чтобы подтвердить сказанное, приводимъ данныя, относящіяся къ 1871 и 1891 годамъ, изъ которыхъ оказывается, что въ это время выходило:

	Въ 1871 г.	Въ 1891 г.
Правительственныхъ изданій . .	103	173
Ученыхъ обществъ	100	91
Частныхъ лицъ.	173	434

Если же къ первымъ присоединить еще изданія общественныхъ учрежденій, т. е. городскихъ думъ, земствъ и проч., то ихъ будетъ 202.

Не забудемъ также и того, что правительство субсидируетъ не только большинству изданій ученыхъ обществъ, но иногда и частнымъ, а потому ему въ отечественной прессѣ, по праву, принадлежитъ весьма видное мѣсто.

Вмѣстѣ съ увеличеніемъ въ настоящее время періодической печати на русскомъ языкѣ увеличилось число ея и на иностранныхъ языкахъ. Такъ изъ

727 изданій въ 1891 г. и 412-ти въ 1871 году, считая въ послѣднихъ и тѣ, которыя къ слѣдующему году прекратились, но безъ Кавказа,—выходило на языкахъ:

	Въ 1891 г.	Въ 1871 г.
Русскомъ	572	327
Польскомъ	68	31
Нѣмецкомъ	44	33
Французскомъ	9	7
Эстонскомъ	11	5
Латышскомъ	7	4
Грузинскомъ	3	?
Армянскомъ	5	?
Еврейскомъ	2	3
Финскомъ	1	1
Латинскомъ	—	1
Татарско-русскомъ	1	—
Польско-русскомъ	1	—
Сартско-русскомъ	1	—
Польско-нѣмецк.-русск.	1	—
Французско-русскомъ	1	—

Изъ этого перечня видно, что изъ числа всѣхъ народностей, населяющихъ Россію, въ дѣлѣ развитія повременной печати, поляки опередили другихъ, а за ними слѣдуютъ нѣмцы и эсты.

Всѣ 727 періодическихъ изданій 1891 г. по ихъ программамъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Политическо-литературныхъ	62
Общественно-литературныхъ	174
Литературныхъ	81
Научно-спеціальныхъ	244
Историческихъ	8
Духовныхъ	87
Дѣтскихъ	12
Справочныхъ	67

Распредѣленіе тѣхъ же изданій по времени выхода въ свѣтъ было слѣдующее:

Ежедневныхъ	104
Нѣсколько разъ въ недѣлю	86
Еженедѣльныхъ	212
Нѣсколько разъ въ мѣсяцъ	105
Ежемѣсячныхъ	151
Нѣсколько разъ въ годъ	48
Ежегодныхъ	1
Выходящ. неопредѣленно	28

Было бы интересно опредѣлить, къ какого рода изданіямъ, сравнительно съ прошлымъ, возросъ общественный интересъ, но по неимѣнію для того дан-

ныхъ мы не можемъ этого сдѣлать. Если же судить объ этомъ по сравненію съ ближайшимъ временемъ, напримѣръ, съ 1888 г., то надо сказать, что изданія съ политическою програмою начинаютъ все болѣе и болѣе интересовать общество, такъ какъ увеличеніе числа изданій, преслѣдующихъ иную цѣль, почти ничтожно, если не считать справочныхъ. Что же касается послѣднихъ, то число ихъ втеченіе двухъ лѣтъ увеличилось на 33 наименованія; за то они, на сколько быстро нарождаются на свѣтъ, на столько же скоро и исчезаютъ.

Но вотъ что нѣсколько странно, почему общее развитіе журналистики почти не отражается на нашей дѣтской литературѣ, и ея періодическія изданія втеченіе двадцати лѣтъ ни на шагъ не подвинулись впередъ.

Казалось бы, что при настоящихъ педагогическихъ пріемахъ и условіяхъ воспитанія вообще можно было бы ожидать совершенно противнаго, а между тѣмъ періодическая печать, посвященная дѣтскому возросту, отличается крайнею неустойчивостью, и притомъ говорящею не въ ея пользу; такъ, этихъ изданій было: въ 1876 г.—5, въ 1878 г.—6, въ 1880 г.—19, въ 1888 г.—13, а теперь—12.

Мы сказали выше, что выходившія въ 1891 г. изданія печатались въ 112 городахъ, теперь приводимъ распредѣленіе ихъ между этими городами.

Печаталось изданій:	Число городовъ.
По 1-му въ	40
Отъ 2 до 5	55
» 5 » 10	8
» 10 » 15	2
» 15 » 20	2
» 20 » 25	2
Свыше 70	1
Въ столицахъ	306

Сравнительно съ 1888 годомъ число періодическихъ изданій увеличилось только въ Петербургѣ на 19 и въ Москвѣ на 17; въ Варшавѣ же оно уменьшилось на 4, а въ другихъ городахъ осталось безъ перемѣны. Но сколько было бы этихъ изданій теперь, если бы всѣ прежде выходившія продолжали существовать? Картина получилась бы нѣсколько иная, и мы имѣли бы: въ Петербургѣ не 219, а 266 изданій, въ Москвѣ 109, а не 87, и т. д.

Если распредѣлить всѣ вообще выходящія въ настоящее время въ Россіи періодическія изданія по продолжительности ихъ существованія, взявши ее по пятилѣтіямъ, то получится такой выводъ:

Продолжительность изданія:	Число изд.	Продолжительность изданія:	Число изд.
Отъ 1 года до 5 лѣтъ	185	Отъ 51 года до 55 лѣтъ	51
» 6 лѣтъ » 10 »	141	» 56 лѣтъ » 60 »	4
» 11 » » 15 »	69	» 61 года » 65 »	3
» 16 » » 20 »	70	» 66 лѣтъ » 70 »	8
» 21 года » 25 »	81	» 76 » » 80 »	5

Продолжительность изданія:	Число изд.	Продолжительность изданія:	Число изд.
» 26 лѣтъ » 30 » . .	66	» 81 года » 85 » . .	3
» 31 года » 35 » . .	27	» 115 лѣтъ » 125 » . .	1
» 36 лѣтъ » 40 » . .	5	» 125 » » 135 » . .	1
» 41 года » 45 » . .	6	» 136 » » 140 » . .	1
» 46 лѣтъ » 50 » . .	6	» 161 года » 165 » . .	2

Перемѣна, происшедшая въ этомъ отношеніи сравнительно съ 1888 годомъ, не особенно велика, и касается она первыхъ трехъ пятилѣтій, такъ какъ изъ числа 69-ти изданій, выбывшихъ втеченіе этихъ трехъ лѣтъ изъ литературной семьи, только 3 перешли этотъ рубежъ, т. е. просуществовали болѣе 15 лѣтъ.

Ниже слѣдуютъ свѣдѣнія, касающіяся исключительно изданій истекшаго года.

III.

Изданія, вновь разрѣшенныя въ 1891 году.

Число вышедшихъ въ этомъ году періодическихъ изданій было болѣе, чѣмъ въ 1890 году, и большая часть изъ нихъ задается болѣе или менѣе серьезною програмою. Но такъ какъ мы даемъ здѣсь только общій обзоръ и приводимъ ниже эти програмы подробно, то считаемъ излишнимъ дѣлать критическую оцѣнку каждаго изданія въ отдѣльности: ее легко установитъ самъ читатель, ближе ознакомившійся съ приводимыми свѣдѣніями.

«Анонсъ». Разрѣшеніе на изданіе этой газеты въ городѣ Тифлисѣ послѣдовало 15-го декабря. Газета эта спеціально справочнаго характера, издается на русскомъ языкѣ, подъ цензурою и выходитъ ежедневно; редакторъ-издатель ея Тигранъ Назарьянъ. Программа: Телеграммы. Справочные отдѣлы: торговый, полицейскій, судебный, безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній, и театральный бюллетень. Либретто піесъ, рецензіи, фельетонъ, анекдоты, смѣсь, куплеты, разсказы. Объявленія, афиши, програмы, рекламы, рекомендаціи и отвѣты.

«Библіографическія Записки». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ городѣ Москвѣ послѣдовало 25-го октября. Журналъ спеціальный, ученый и иллюстрированный, издается подъ цензурою и выходитъ ежемѣсячно; издатель журнала корсунскій мѣщанинъ Павелъ Петровичъ Шибановъ, редакторъ губернскій секретарь Александръ Николаевичъ Соловьевъ. Программа: Библіографія. Памятники древней письменности и печатныя произведенія русской и иностранной литературы, представляющіе матеріалъ для библіографіи. Библіографическія монографіи по научнымъ и литературнымъ вопросамъ. Библіографія сочиненій русскихъ и иностранныхъ писателей. Исторія библіографіи. Біографіи и некрологи библіографовъ, библіофиловъ и ревнителей просвѣщенія. Обозрѣніе общественныхъ и частныхъ книгохранилищъ, библіотекъ и архивовъ въ Россіи и за границей. Обозрѣніе монастырскихъ и церковныхъ книгохранилищъ въ Россіи. Описаніе древнихъ манускриптовъ, старопечатныхъ и рѣдкихъ книгъ, гравюръ, картъ и т. п. Критика. Отзывы ученыхъ учрежденій и обществъ о произ-

веденіяхъ печати. Книжное дѣло. Типографское, издательское и книжно-торговое дѣло, его прошлое и настоящее. Обозрѣніе дѣятельности и успѣховъ въ литературномъ, граверномъ, фотографическомъ и другихъ искусствахъ, имѣющихъ отношеніе къ печати. Извѣстія и замѣтки о различныхъ событіяхъ и случаяхъ въ книжномъ мірѣ, о дѣятельности ученыхъ обществъ, о съѣздахъ, ученыхъ экспедиціяхъ и т. п., протоколы засѣданій ученыхъ обществъ. Смѣсь. Мелкія замѣтки, имѣющія отношенія къ книжному дѣлу и библіографіи. Вопросы и отвѣты. Приложенія: капитальныя изслѣдованія по библіографіи. Лѣтописи русскаго книгопечатанія: распоряженія правительства по дѣламъ печати, списокъ русскихъ книгъ и указатель статей въ періодическихъ изданіяхъ за истекшій мѣсяцъ, rossica. Книжныя новости магазина Шибанова и друг. книгопродавцевъ. Иллюстрація въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ: портреты, рисунки, снимки съ рукописей, книгъ, гравюръ, древнихъ картъ и т. п. Объявленія о книгахъ и предметахъ, имѣющихъ отношеніе къ печати.

«Богословскій Вѣстникъ». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ Москвѣ, вмѣсто «Твореній Святыхъ Отцовъ», послѣдовало отъ святѣйшаго сѵнода 30-го октября. Журналъ этотъ спеціально духовный, ежемѣсячный, издается при духовной академіи; редакторъ профессоръ академіи Павелъ Ивановичъ Горскій. Програмиа: Отд. 1. Творенія св. отцовъ, въ русскомъ переводѣ. Отд. 2. Изслѣдованія и статьи по наукамъ богословскимъ, философскимъ и историческимъ. Отдѣлъ 3. Изъ современной жизни: обозрѣніе заслуживающихъ вниманія православнаго христіанина событій и мѣропріятій въ церковной и гражданской жизни, наблюденія надъ направленіемъ нравственной жизни современнаго общества, сужденія о духовныхъ потребностяхъ настоящаго времени, свѣдѣнія о внутренней жизни академіи. Отд. 4. Критика, рецензія и полная по возможности библіографія по богословскимъ наукамъ. Отд. 5. Приложенія: диссертаціи на ученыя степени, протоколы засѣданій совѣта академіи, систематическіе и повременные катологи академической библіотеки и по истеченіи нѣкотораго времени библейско-богословскій словарь.

«Бюллетени Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства». Разрѣшеніе на это изданіе въ городѣ Новороссійскѣ послѣдовало 23-го января, выходитъ оно ежедневно и подъ цензурою; редакторъ-издатель Петръ Викторовичъ Науменко. Програмиа: Телеграммы сѣвернаго телеграфнаго агентства. Свѣдѣнія о времени прихода въ гор. Новороссійскъ и отхода пароходовъ и поѣздовъ желѣзныхъ дорогъ. Объявленія.

«Велосипедъ». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ С.-Петербургѣ послѣдовало 16-го декабря. Журналъ спеціальный, цензурный, выходитъ еженедѣльно; редакторъ-издатель губернскій секретарь Владиміръ Эдуардовичъ Саксъ. Програмиа: Распоряженія правительства и статьи, касающіяся велосипеднаго спорта. Внутренняя и внѣшняя корреспонденція о велосипедномъ спортѣ. Велосипедная техника и ея новости съ чертежами и рисунками. Путешествія на велосипедахъ. Фельетонъ о спортѣ. Хроника велосипеднаго спорта. Отчеты о велосипедныхъ состязаніяхъ, клубахъ и кружкахъ любителей. Услуги велосипеда почтѣ, торговлѣ и вообще какъ средства удобнаго и скораго сообщенія. Библіографія о вышедшихъ у насъ и за границей книгахъ и повременныхъ изда-

ніяхъ, трактующихъ о велосипедномъ спортѣ и о техникѣ. Служба велосипеда въ войскахъ. Вопросы и отвѣты и почтовый ящикъ. Объявленія.

«Велосипедистъ и рѣчной яхтъ-клубъ». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ Москвѣ послѣдовало 21-го октября. Журналъ спеціальный, отчасти литературный и иллюстрированный, цензурный, выходитъ еженедѣльно; редакторъ-издатель губернскій секретарь Станиславъ Павловичъ Яновскій. Програма: Исторія возникновенія и постепеннаго развитія велосипеднаго спорта. Біографіи и портреты знаменитыхъ велосипедистовъ и членовъ рѣчныхъ яхтъ-клубовъ, а также описаніе совершенныхъ ими путешествій. Уставы русскихъ и заграничныхъ велосипедныхъ обществъ и рѣчныхъ яхтъ-клубовъ. Описаніе велосипедныхъ состязаній и гребныхъ гонокъ. Разсказы, относящіеся къ велосипедному спорту и гребнымъ гонкамъ. Смѣсь: отвѣты на задаваемые редакціи вопросы по велосипедному спорту и рѣчному яхтъ-клубу; различныя усовершенствованія велосипеда и гребныхъ судовъ; свѣдѣнія о состязаніяхъ, имѣющихъ цѣлью достиженіе быстроты, какъ-то: конскіе бѣга, скачки, гребныя гонки, катанья на конькахъ и т. п. Иллюстрація по всѣмъ отдѣламъ програмы. Объявленія.

«Вологодскій Листокъ объявленій». Разрѣшеніе на изданіе этой газеты въ Вологдѣ послѣдовало 15-го марта. Газета справочная, цензурная, выходитъ отъ одного до трехъ разъ въ недѣлю; редакторъ-издатель коллежскій секретарь Павелъ Александровичъ Обнорскій. Програма: Свѣдѣнія мѣсяцесловныя, извѣщенія о праздновании торжественныхъ дней, объ усопшихъ, о прекращеніи довѣренностей, объявленія о продажѣ и покупкѣ недвижимой и движимой собственности, товаровъ и проч., о публичныхъ и частныхъ торгахъ, о наймѣ и отдачѣ въ аренду имѣній, домовъ, квартиръ; предложенія личнаго труда, объявленія присутственныхъ мѣстъ, должностныхъ лицъ, частныхъ обществъ и компаній; объявленія объ изданіяхъ, книгахъ, учебныхъ пособіяхъ, о произведеніяхъ промышленности и искусствъ, о театральныхъ зрѣлищахъ и другихъ разрѣшенныхъ начальствомъ увеселеніяхъ и общественныхъ и частныхъ предпріятіяхъ; письма частныхъ лицъ (напримѣръ, отвѣты шахматныхъ игроковъ въ партіяхъ по перепискѣ), свѣдѣнія о пріѣхавшихъ и выѣхавшихъ; адресы лицъ, желающихъ обозначить мѣсто жительства или же профессію; биржевыя цѣны, денежный курсъ (по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ) и мѣстныя цѣны на жизненные продукты.

«Вѣстникъ золотопромышленности и горнаго дѣла вообще». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ городѣ Томскѣ послѣдовало 16-го декабря. Этотъ журналъ спеціальный, цензурный, выходитъ два раза въ мѣсяцъ; редакторъ-издатель инженеръ надворный совѣтникъ Вячеславъ Степановичъ Реутовскій, его соредакторы инженеры: д. с. с. Н. С. Боголюбскій, с. с. Г. М. Яцевичъ, надв. совѣтн. В. А. Таскинъ, титул. совѣт. В. Д. Коцовскій, губернск. секрет. Э. К. Фрейманъ и горный инженеръ В. Е. Власовъ. Програма: Общее обозрѣніе. Разъясненіе или указаніе особенно выдающихся фактовъ горно-заводской промышленности или особенно интересныхъ и цѣнныхъ статей журналовъ. Горное и заводское дѣло. Прикладныя минералогія, геологія, геогнозія. Изложеніе свойствъ минераловъ, горныхъ породъ и рудъ, съ цѣлью объясненія характера мѣсторожденія и законовъ его образованія. Детальное изложеніе рудныхъ мѣсторожденій, съ указаніемъ ихъ распространенія, происхожденія и развитія. Исторія, хозяйство и ста-

тистика золотопромышленности и горнаго дѣла вообще. Механика золотаго дѣла. Горное законовѣдѣніе. Узаконенія и распоряженія правительства, касающіяся преимущественно золотопромышленности и отчасти горнаго дѣла. Новости и извѣстія, относящіяся какъ къ золотопромышленности, такъ и другимъ отраслямъ горнаго дѣла. Финансовое положеніе пріисковъ и золоторуднаго дѣла. Рыночная цѣна золота и серебра, также припасовъ и товаровъ, употребляемыхъ въ золотопромышленномъ дѣлѣ. Корреспонденціи, касающіяся горнопромышленности. Почтовый отдѣлъ. Отвѣты на предложенные вопросы техники, хозяйства и офиціальной стороны золотопромышленнаго дѣла преимущественно и горнаго дѣла вообще. Библіографія. Перечень вновь вышедшихъ журналовъ и книгъ, преимущественно по золотопромышленному дѣлу. Рецензіи на нихъ. Справочный листокъ. Личный составъ управленій золотыхъ пріисковъ и рудниковъ. Свѣдѣнія о пріискахъ, зачисленныхъ въ казну, назначенныхъ къ торгамъ и объявленныхъ свободными для новыхъ заявокъ (въ Сибири и на Уралѣ). Объявленія. Литографированные чертежи.

«Вѣстникъ иностранной литературы пчеловодства». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ С.-Петербургѣ послѣдовало 25-го ноября. Журналъ спеціальный, цензурный, выходитъ восемь разъ въ годъ, съ сентября 1892 г. по май 1893 года; редакторъ-издатель главный режиссеръ русской оперы Геннадій Петровичъ Кондратьевъ. Программа: Отъ редакціи: замѣтки по поводу печатаемыхъ передовыхъ статей и извлеченій по пчеловодству изъ заграничныхъ книгъ, журналовъ и газетъ, съ рисунками и объяснительными при надобности чертежами. Переводныя статьи по пчеловодству. Критическія замѣтки на эти статьи. Смѣсь и мелочи по пчеловодному дѣлу. Пчеловодная хроника собственныхъ пасѣкъ. Новости пчеловодной литературы. Объявленія.

При журналѣ могутъ выходить въ свѣтъ отдѣльныя приложенія въ видѣ статей, портретовъ извѣстныхъ пчеловодовъ, видовъ пасѣкъ и проч.

«Вѣстникъ правленія V съѣзда Общества русскихъ врачей, въ память Н. И. Пирогова». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ С.-Петербургѣ послѣдовало 20-го ноября. Журналъ спеціальный, цензурный, выходитъ неопредѣленно; редакторъ-издатель профессоръ Кронидъ Ѳедоровичъ Славянскій. Программа: Протоколы засѣданій V-го съѣзда общества русскихъ врачей, въ память Н. И. Пирогова. Мѣропріятія и предположенія правленія, касающіяся организаціи предстоящаго съѣзда. Предназначаемые для съѣзда доклады въ цѣломъ или сокращенномъ видѣ и статьи по вопросамъ, входящимъ въ кругъ дѣятельности съѣздовъ общества. Корреспонденціи. Относящіяся къ съѣзду извѣстія и справочныя свѣдѣнія. Объявленія.

«Вѣстникъ Винодѣлія». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ С.-Петербургѣ послѣдовало 13-го сентября. Журналъ спеціальный, иллюстрированный, безцензурный, выходитъ ежемѣсячно; редакторъ-издатель колл. ассесс. Василій Егоровичъ Таировъ. Программа: Виноградарство. Американскія лозы и гибриды. Болѣзни винограда и ихъ лѣченіе. Филоксера и борьба съ нею. Винодѣліе и погребное хозяйство. Побочные продукты винодѣлія и утилизація ихъ. Фальсификація винъ. Обзоръ иностранной винодѣльческой литературы. Хроника: корреспонденціи, доклады, статистическія данныя и разныя другія свѣдѣнія, касаю-

щіяся виноградарства и винодѣлія въ Россіи и за границею. Учебныя заведенія, опытныя станціи и курсы по виноградарству и винодѣлію. Плодовое и ягодное винодѣліе. Правительственныя постановленія, касающіяся виноградарства, винодѣлія и виноторговли. Библіографія. Вопросы и отвѣты. Объявленія. Рисунки и чертежи.

«Голосъ Землевладѣльцевъ». Разрѣшеніе на изданіе этой газеты въ С.-Петербургѣ послѣдовало 19-го августа. Газета политико-литературная и экономическая, безцензурная, выходитъ два раза въ мѣсяцъ; редакторъ-издатель полтавскій уѣздный предводитель дворянства Александръ Петровичъ Величковскій. Програма: Руководящія статьи по разнымъ вопросамъ, преимущественно по вопросамъ, касающимся дворянства, провинціи, деревни, земледѣлія и сельскаго хозяйства. Двухнедѣльный обзоръ иностранной политики. Такой же обзоръ внутренней жизни государства. Распоряженія правительства. Дворянское дѣло: обзоръ дѣятельности дворянскихъ собраній и другихъ дворянскихъ учрежденій; перемѣны въ личномъ составѣ этихъ учрежденій; свѣдѣнія о жизни и дѣятельности выдающихся дворянъ, потрудившихся на пользу отечества и своего сословія; свѣдѣнія объ иностранномъ дворянствѣ. Статьи по сословнымъ, экономическимъ, сельско-хозяйственнымъ и желѣзно-дорожнымъ вопросамъ; статьи о народномъ образованіи, школѣ, волостномъ судѣ, губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ и т. д. Обзоръ печати, преимущественно сельско-хозяйственныхъ журналовъ русскихъ и иностранныхъ. Мѣстный отдѣлъ: корреспонденціи изъ провинціи, обзоръ дѣятельности земскихъ учрежденій, сельско-хозяйственныхъ и другихъ обществъ. Беллетристика. Новыя книги, критика и библіографія. Столичная жизнь, театръ, музыка, моды. Смѣсь, мелочи. Биржа, цѣны хлѣбовъ, скота и другихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ; дѣятельность рынковъ и портовъ. Объявленія.

«Дерптскій Листокъ». Разрѣшеніе на изданіе этой газеты въ городѣ Дерптѣ послѣдовало 16-го марта. Газета политическо-общественная, литературная и иллюстрированная, цензурная, выходитъ еженедѣльно; издатель Адольфъ Ивановичъ Грендштейнъ (онъ же издатель-редакторъ эстонской газеты «Олевикъ»), редакторъ учитель Иванъ Алексѣевичъ Юркатамъ. Програма: Вопросы изъ области языка. Свѣдѣнія и извѣстія о школьной жизни. Свѣдѣнія и сообщенія о сельскомъ и городскомъ общественномъ управленіи. Судебныя извѣстія, безъ обсужденія рѣшеній. Свѣдѣнія о сельскомъ хозяйствѣ и промышленности. Свѣдѣнія изъ области художествъ и наукъ. Краткія извѣстія о важнѣйшихъ политическихъ событіяхъ. Беллетристика. Иллюстраціи. Объявленія.

«Другъ Животныхъ». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ городѣ Ревелѣ послѣдовало 15-го марта. Журналъ спеціальный, сельско-хозяйственный, цензурный, выходитъ ежемѣсячно; редакторъ-издатель ревельскій гражданинъ Евгеній Юльяновичъ Блокъ. Програма: Популярныя и научныя статьи: по коневодству со свѣдѣніями о конскомъ спортѣ, скотоводству, овцеводству, свиноводству, птицеводству, спеціально пчеловодству и рыбоводству; по разведенію породистыхъ охотничьихъ собакъ. Фермерское или молочное хозяйство, зоологія, орнитологія; анатомія и лѣченіе домашнихъ животныхъ; результаты вскрытій; способъ приготовленія и набивки чучелъ. Статьи, касающіяся покровительства

животныхъ, разныя сообщенія и свѣдѣнія, совѣты и рецепты. Повѣсти и разсказы изъ жизни животныхъ. Почтовый ящикъ. Объявленія на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

«Духовный Вѣстникъ Грузинскаго экзархата». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ городѣ Тифлисѣ дано святѣйшимъ сѵнодомъ; журналъ началъ выходить съ 1-го марта, но сроки выпуска его въ свѣтъ при разрѣшеніи не были опредѣлены; редакторы: ректоръ семинаріи архимандритъ Николай и законоучитель протоіерей Хелидзе. Программа: Часть оффиціальная: указы святѣйшаго правительствующаго сѵнода; опредѣленія и распоряженія высшаго духовенства и мѣстнаго епархіальнаго начальства; свѣдѣнія о дѣятельности общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ и отчеты онаго; отчеты епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ и духовно-учебныхъ заведеній экзархата по хозяйственной части; разрядные списки учениковъ семинаріи и духовныхъ училищъ и воспитанницъ женскаго епархіальнаго училища. Часть неоффиціальная: Слова, поученія и рѣчи, также и внѣцерковныя собесѣдованія; жизнеописаніе святыхъ угодниковъ православной церкви вообще и грузинской въ особенности и назидательные примѣры изъ ихъ жизни; біографіи и некрологи замѣчательныхъ современныхъ церковныхъ дѣятелей; статьи, очерки и разсказы, преимущественно касающіеся Грузіи, религіознаго, историческаго и описательнаго характера; лѣтописи церковной жизни Грузинскаго экзархата и корреспонденціи изъ епархій онаго о выдающихся явленіяхъ этой жизни; разрѣшеніе недоумѣнныхъ вопросовъ изъ пасторской практики; отвѣты и объясненія на разныя журнальныя статьи, касающіяся Грузинскаго экзархата; общедоступныя и наиболѣе полезныя свѣдѣнія по народной медицинѣ; разныя интересныя извѣстія и замѣтки; объявленія.

«Журналъ французской выставки въ Москвѣ—Journal de l'exposition française à Moscou». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ Москвѣ, на время французской выставки, было дано 11-го апрѣля. Журналъ издавался на русскомъ и французскомъ языкахъ, подъ цензурою, иллюстрировался и выходилъ отъ одного до двухъ разъ въ недѣлю; редакторомъ и издателемъ журнала былъ Теофилъ Ивановичъ Гагенъ. Программа: Часть оффиціальная: распоряженія и объявленія комитета выставки, относящіяся до выставки и экспонентовъ. Правительственныя распоряженія и приказы полиціи, касающіеся до выставки и экспонентовъ. Часть неоффиціальная: Подробности и описанія выставки. Коммерческія и промышленныя свѣдѣнія. Мѣстная и выставочная хроника. Объявленія о зрѣлищахъ и концертахъ и критика объ оныхъ. Виды выставки и Москвы и ихъ описаніе. Обзоръ и выдержка изъ другихъ журналовъ по поводу выставки. Разныя извѣстія и телеграммы, исключая политическихъ. Рекламы и объявленія съ иллюстраціями и безъ оныхъ. Росписаніе поѣздовъ желѣзныхъ и конныхъ дорогъ; свѣдѣнія о нихъ и тарифы.

«Итоги». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ городѣ Москвѣ послѣдовало 15-го декабря. Журналъ литературный, философскій, критическій и общественный; издается подъ цензурою и выходитъ еженедѣльно; редакторъ-издатель приватъ-доцентъ титулярный совѣтникъ Петръ Евгеньевичъ Астафьевъ. Программа: Руководящія статьи по поводу явленій, характеризующихъ нашу духовную жизнь, преимущественно нравственно-философскаго характера. Ориги-

нальныя произведенія русской изящной литературы въ прозѣ и стихахъ. Литературное обозрѣніе выдающихся явленій русской и западной текущей литературы. Литературная критика, подробно оцѣнивающая болѣе важныя и характерныя изъ явленій литературы. Біографія и біографическіе матеріалы, относящіеся къ современной литературѣ. Наше искусство, его идеалы и пріемы. Научный отдѣлъ: оригинальныя и критическія статьи по основнымъ нравственно-философскимъ, эстетическимъ и философскимъ вопросамъ. Хроника общественной жизни въ Россіи и на Западѣ, отмѣчающая въ этой жизни то, что или характеризуетъ современную духовную жизнь, или на нее рѣшительно вліяетъ. Лѣтопись, содержащая простой перечень происшедшаго за недѣлю въ общественной жизни. Библіографическій листокъ. Объявленія.

Въ случаѣ особенно важныхъ выдающихся событій, при этомъ журналѣ предположено издавать отъ одного до двухъ разъ въ недѣлю приложенія, въ которыхъ будутъ помѣщаться руководящія статьи, телеграммы, дѣйствія и распоряженія правительства и объявленія.

«Конская Охота. Коннозаводскій, скаковой и рысистый журналъ. Органъ Тульскаго общества конскихъ испытаній». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ городѣ Москвѣ послѣдовало 22-го февраля. Журналъ спеціальный, цензурный, ежемѣсячный; издатель штабсъ-ротмистръ Александръ Іосифовичъ Мордвинъ-Щедро, редакторъ статскій совѣтникъ князь Дмитрій Дмитріевичъ Оболенскій. Программа: Правительственныя распоряженія. Статьи передовыя о коннозаводствѣ. Скачки. Бѣга. Коннозаводство, коневодство и иппологія. Ветеринарная хроника. Портреты дѣятелей конскаго спорта и коннозаводства и замѣчательныхъ лошадей, печатаемые въ текстѣ и отдѣльными приложеніями. Корреспонденціи внутреннія и заграничныя. Спортивный фельетонъ: хроника, разсказы и описанія. Выдержки изъ русскихъ и иностранныхъ газетъ и журналовъ. Програмы, уставы и постановленія мѣстныхъ и заграничныхъ спортивныхъ и коннозаводскихъ обществъ. Мелкая хроника и извѣстія по всѣмъ отраслямъ спорта и охоты. Телеграммы. Отвѣты отъ редакціи. Объявленія.

«Листокъ объявленій и спорта». Разрѣшеніе на изданіе этой газеты въ городѣ Москвѣ послѣдовало 3-го января. Изданіе это цензурное, выходитъ четыре раза въ недѣлю; редакторъ-издатель купецъ Владиміръ Гиляровскій. Программа: Объявленія, справочный отдѣлъ, спортъ, свѣдѣнія о театрахъ и торговыя вѣсти.

«Лодзинская Газета объявленій». Разрѣшеніе на изданіе этой газеты въ городѣ Лодзи послѣдовало 8-го августа. Газета эта издается на русскомъ, польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; справочная, цензурная, выходитъ три раза въ недѣлю; редакторъ-издатель содержатель типографіи Рудольфъ Фридриховичъ Лютеръ. Программа: Полицейскія распоряженія и объявленія президента и полицеймейстера города Лодзи. Рекламы о театральныхъ, концертныхъ и другихъ увеселительныхъ представленіяхъ. Денежный курсъ. Всякаго рода объявленія. Мѣстныя городскія происшествія. Чрезвычайныя происшествія и телеграммы, не имѣющія никакой связи съ политическими дѣлами.

«Міръ Божій». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ С.-Петербургѣ послѣдовало 28-го іюня. Журналъ для юношества, цензурный, ежемѣсячный; изда-

тельница вдова дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александра Аркадьевна Давыдова, редакторъ статскій совѣтникъ Викторъ Петровичъ Острогорскій. Програма: Беллетристика: отечественная. Перепечатки въ цѣломъ, въ выборахъ, сокращеніяхъ и пересказахъ безусловно художественныхъ произведеній (стихотворенія, драматическія произведенія, романы, повѣсти, разсказы) русскихъ писателей старыхъ и новыхъ. Иностранная: Переводы, пересказы и обработки эпизодовъ, или цѣликомъ или въ необходимыхъ сокращеніяхъ, произведеній древняго и новаго народнаго эпоса (сказанія, древнія баллады) всѣхъ народовъ; стихотворенія величайшихъ міровыхъ поэтовъ, древнихъ и новыхъ; драматическія произведенія, въ отрывкахъ или цѣломъ; романы, разсказы и проч. классическихъ писателей всего міра, а также и переводы подходящихъ хорошихъ произведеній текущей иностранной литературы. При произведеніяхъ народныхъ и классическихъ писателей—свѣдѣнія о происхожденіи и значеніи памятника, или о жизни автора. Біографіи русскихъ и иностранныхъ, древнихъ и новыхъ, людей науки и искусства. Путешествія, преимущественно русскія. Очерки изъ отечественной исторіи, древней и новой, выборки изъ мемуаровъ и записокъ современниковъ, а также очерки изъ исторіи всеобщей. Этнографическіе очерки (промыслы, торговля), преимущественно отечественные. Критика и библіографія: эстетическіе разборы лучшихъ произведеній литературъ и искусствъ отечественныхъ и иностранныхъ; разборъ выдающихся, интересныхъ для юношества, картинъ на художественныхъ выставкахъ, а также пьесъ классическихъ; библіографія, въ смыслѣ ознакомленія съ содержаніемъ и указанія на лучшія книги русскія, а иногда и иностранныя, какъ старыя, такъ и новыя. Очерки изъ области науки о природѣ и человѣкѣ, имѣющіе популярный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и образовательно-воспитательный характеръ. Разныя разности (смѣсь): краткія свѣдѣнія о новыхъ открытіяхъ, изобрѣтеніяхъ, необыкновенныхъ событіяхъ, некрологи русскихъ и иностранныхъ замѣчательныхъ людей, свѣдѣнія практическаго характера, уходъ за растеніями, животными, устройство сада, огорода и проч. Музыкальныя приложенія. Объявленія.

«Наша пища». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ С.-Петербургѣ послѣдовало 3-го апрѣля. Журналъ спеціальный, цензурный, выходитъ ежемѣсячно, издатель коллежскій ассессоръ Дмитрій Васильевичъ Каншинъ, редакторъ магистръ ветеринарныхъ наукъ коллежскій ассессоръ Михаилъ Александровичъ Игнатьевъ. Програма: Правительственныя распоряженія, касающіяся области питанія (законы, обязательныя постановленія въ Россіи и за границею). Общественное питаніе и общественныя столовыя въ Россіи и за границею. Припасовѣдѣніе (мясо, рыба, живность, молочные продукты, овощи, фрукты, мука и друг. лабазные продукты и проч., вина, воды и друг. напитки; консервы и способы сохраненія съѣстныхъ припасовъ; анализы съѣстныхъ припасовъ, фальсификація ихъ, общедоступные способы распознаванія ея и проч.) Кулинарный отдѣлъ. Отдѣлъ хозяйства (молочное хозяйство, животноводство, огородничество, садоводство и проч., какъ средства къ улучшенію пищевыхъ продуктовъ; домоводство, или разумная экономія въ хозяйствѣ). Статистика припасовъ (состояніе рынковъ: мяснаго, молочнаго и друг., цѣны припасовъ, количество подвоза и проч. въ С.-Петербургѣ и другихъ мѣстностяхъ). Пищевой календарь. Библіографія. Смѣсь. Вопросы и отвѣты. Объявленія.

«Новгородскій Листокъ объявленій». Разрѣшеніе на это изданіе въ городѣ Новгородѣ послѣдовало 22-го февраля. Газета цензурная, выходитъ два раза въ недѣлю, редакторъ-издатель коллежскій ассессоръ Михаилъ Павловичъ Бернардскій. Въ «Листкѣ» могутъ быть помѣщаемы только разнаго рода объявленія.

«Оренбургскій Край». Разрѣшеніе на изданіе этой газеты въ городѣ Оренбургѣ послѣдовало 21-го октября. Газета политическая, общественная и литературная, цензурная, выходитъ три раза въ недѣлю; редакторъ-издатель губернскій секретарь Николай Алексѣевичъ Боратынскій. Программа: Правительственныя распоряженія. Телеграммы сѣвернаго телеграфнаго агентства, политическія и внутреннія извѣстія. Общая и мѣстная хроника. Статьи по всѣмъ отраслямъ мѣстнаго сельскаго хозяйства, торговли и промышленности. Обозрѣніе литературы по сельскому хозяйству и промышленности. Корреспонденціи изъ городовъ и поселеній края и торговыя извѣстія изъ важнѣйшихъ по торговлѣ хлѣбомъ городовъ и портовъ. Промышленно-экономическая исторія Оренбургскаго края. Замѣтки по мѣстному городскому хозяйству и благоустройству. Фельетонъ: вопросы мѣстной жизни, статьи по исторіи и этнографіи, повѣсти, бытовые очерки, разсказы, стихотворенія, рецензіи книгъ и журналовъ. Смѣсь. Справочный отдѣлъ.

«Орловскія Епархіальныя Вѣдомости». Разрѣшеніе на изданіе этихъ вѣдомостей въ городѣ Орлѣ дано святѣйшимъ сѵнодомъ въ минувшемъ году, но выпускъ ихъ обусловлено начать съ 1892 года.

«Офицерскій Сборникъ. Досуги Марса.» Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ С.-Петербургѣ послѣдовало 12-го апрѣля. Журналъ научно-литературный, цензурный, выходитъ отъ четырехъ до двѣнадцати разъ въ годъ, редакторъ-издатель подполковникъ Леонидъ Викторовичъ Евдокимовъ. Программа: Сообщенія: статьи научнаго содержанія оригинальныя и переводныя, рисунки, чертежи, планы. Беллетристика: оригинальныя и переводныя произведенія; иллюстраціи. Научная хроника: новости наукъ и искусствъ въ Россіи и за границей; конкурсы, рисунки, чертежи, портреты. Военная хроника: военно-организаціонныя, бытовыя, техническія новости въ Россіи и за границей; конкурсы; рисунки, чертежи, портреты. Біографіи. Некрологи. Библіографія: русская и иностранная, общая и военная; отзывы иностранной прессы о русской военной литературѣ; рисунки, чертежи, планы, портреты. Не безполезное: практическіе совѣты, замѣтки и т. п., рисунки, чертежи. Спортъ: статьи и новости по разнымъ видамъ спорта; объявленія и отчеты о состязаніяхъ, конкурсахъ и призахъ въ Россіи и за границей; уставы разныхъ обществъ спорта, литература спорта; рисунки, чертежи; біографіи и портреты спортсменовъ. Изъ писемъ въ редакцію: постоянныя и случайныя корреспонденціи; рисунки, чертежи; вопросы и отвѣты. Изъ стараго: статьи, портреты, рисунки, чертежи, планы, ноты изъ рѣдкихъ замѣчательныхъ книгъ, манускриптовъ, документовъ; снимки съ рукописей—facsimile. Календарныя военно-историческія свѣдѣнія, по мѣсяцамъ года, съ чертежами, планами, портретами. Искусства: ноты для пѣнія и игры, гравюры, фототипіи, хромолитографіи и т. п., объясненія къ художественнымъ произведеніямъ. Объявленія. Приложенія: узаконенія и распоряженія, относящіяся до службы и быта офицеровъ (извлеченія изъ законоположеній).

«Охота. Всеобщее охотничье обозрѣніе». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ С.-Петербургѣ послѣдовало 12-го іюля. Журналъ спеціальный, цензурный, выходитъ два раза въ мѣсяцъ; изданіе общества поощренія полевыхъ достоинствъ охотничьихъ собакъ и всѣхъ видовъ охоты; редакторъ надворный совѣтникъ Дмитрій Павловичъ Вальцовъ. Программа: Постановленія и распоряженія правительства касательно охоты; постановленія общихъ собраній, комитета общества и объявленія отъ общества. Общее обозрѣніе спорта всякаго рода. Псовая охота: борзыя, гончія, садки на злобу, рѣзвость и все до собакъ относящееся. Охоты. Ружейная охота: оружіе, подружейныя собаки по перу, подружейныя собаки по звѣрю, призовая стрѣльба, полевыя испытанія подружейныхъ собакъ охоты. Охотничья лошадь. Коневодство и свѣдѣнія о конскихъ ярмаркахъ. Краткія свѣдѣнія о скачкахъ и бѣгахъ. Гребля и парусъ. Рыболовство и рыбные промыслы. Хроника (смѣсь). Вопросы и отвѣты. Популярныя свѣдѣнія по ветеринаріи и медицинѣ. Объявленія. Приложенія: родословная книга охотничьихъ собакъ.

«Посредникъ печатнаго дѣла». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ С.-Петербургѣ послѣдовало 22-го февраля. Журналъ цензурный, выходитъ два раза въ мѣсяцъ; издатель купецъ Дмитрій Дмитріевичъ Ѳедоровъ, редакторъ преподаватель музыки Петръ Климентьевичъ Селиверстовъ. Программа: Важнѣйшія правительственныя распоряженія, относящіяся до печатнаго дѣла. Свѣдѣнія объ издательской, книжно-торговой и музыкально-издательской дѣятельности. Сообщенія о новыхъ книгахъ съ краткимъ изложеніемъ ихъ содержанія (безъ всякой критической оцѣнки), а также сообщенія о новыхъ музыкальныхъ произведеніяхъ. Почтовый ящикъ (сношенія съ провинціальными издателями, отвѣты на запросы по книжному и журнальному дѣлу). Объявленія.

«Радость христіанина при чтеніи Библіи, какъ слова жизни, по руководству православной каѳолической церкви». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ городѣ Москвѣ дано святѣйшимъ сунодомъ 1-го іюля. Журналъ спеціально духовный, цензурный, выходитъ ежемѣсячно; редакторъ-издатель законоучитель, протоіерей Андрей Полотебновъ. Программа: Извлеченія изъ твореній св. отцовъ и учителей церкви. Изъ трудовъ представителей церкви послѣдняго времени. Изъ памятниковъ церковнаго Богослуженія (главнымъ образомъ изъ церковно-богослужебныхъ книгъ). Истолковательное чтеніе текста Библіи. Ученіе вѣры и нравственности по указанію Божественнаго Откровенія, въ соотвѣтствіи съ требованіями современной жизни. Церковно-историческія событія, какъ руководство къ пониманію библейскаго откровенія. Библія въ школѣ. Духовныя стремленія въ свѣтскомъ обществѣ. Струи благодѣтельной жизни (изъ разныхъ записей, въ видѣ смѣси). Извѣстія и замѣтки: изъ области библейской археологіи; о распространеніи книгъ священнаго писанія въ Россіи и друг. странахъ свѣта; о выдающихся явленіяхъ въ литературѣ духовной и свѣтской, по вопросамъ библейскимъ. Запросы и отвѣты при чтеніи Библіи. Особыя приложенія къ журналу.

«Рисованіе». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ городѣ Москвѣ послѣдовало 23-го января. Журналъ цензурный, выходитъ еженедѣльно; редакторъ-издатель учитель рисованія, надворный совѣтникъ, художникъ Дмитрій Михай-

ловичъ Струковъ. Програма: Законодательство о рисованіи и искусствѣ вообще. Распоряженія правительства о рисованіи и искусствѣ. Статьи о современномъ состояніи рисованія въ средѣ русскаго общества. Историческій обзоръ рисованія въ Россіи и за границею. О приложеніи рисованія къ труду ручному и фабричному. О рисункахъ древнихъ памятниковъ. Объ искусствѣ въ церквахъ. О рисункахъ въ архитектурѣ. Копіи съ древнихъ документовъ объ искусствѣ. Біографіи учителей рисованія, рисовальщиковъ и художниковъ. Разсказы изъ жизни учителей рисованія по отношенію къ обученію рисованія. Разборъ сочиненій печатныхъ по обученію рисованію. Руководство для учителей рисованія и черченія. Объявленія. Рисунки въ текстѣ и на особыхъ листахъ.

«Русскій Художественный Архивъ». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ городѣ Москвѣ послѣдовало 26-го іюля. Журналъ историческій, цензурный, выходитъ шесть разъ въ годъ; издатель кандидатъ правъ Владиміръ Александровичъ Головинъ, редакторъ помощникъ библіотекаря россійскаго музея Алексѣй Петровичъ Новицкій. Програма: Статьи по исторіи русскаго искусства (архитектура, скульптура, живопись, гравюра). Матеріалы къ исторіи русскаго искусства: письма художниковъ, ихъ мемуары, записки, дневники, воспоминанія о нихъ, или о ихъ произведеніяхъ. Матеріалы по исторіи искусства другихъ странъ, на сколько оно отразилось на русскомъ искусствѣ. Описаніе галлерей и другихъ собраній произведеній русскаго искусства. Современная лѣтопись: краткія сообщенія о событіяхъ въ художественной жизни Россіи. Библіографія: книги по исторіи искусства, выходящія въ Россіи, и по исторіи русскаго искусства, выходящія за границей. Снимки съ произведеній русскихъ художниковъ и съ ихъ портретовъ. Объявленія.

«Рязанскій Справочный Листокъ». Разрѣшеніе на изданіе этой газеты въ городѣ Рязани послѣдовало 9-го іюля. Газета цензурная, выходитъ два раза въ недѣлю; редакторъ-издатель коллежскій ассесоръ Николай Дмитріевичъ Малашкинъ. Програма: Правительственныя распоряженія по сельскому хозяйству, промышленности и торговлѣ. Извѣщенія о перемѣнахъ въ управленіи и личномъ составѣ правительственныхъ учрежденій, ученыхъ, торговыхъ, промышленныхъ и друг. обществахъ, учрежденныхъ правительствомъ. Некрологъ. Объявленія оффиціальныя; объявленія и извѣщенія частныя. Отвѣты ученыхъ обществъ и свѣдущихъ лицъ на вопросы по сельскому хозяйству, промышленности и торговлѣ. Рыночныя цѣны на жизненные продукты и цѣнности. Статистическія свѣдѣнія: о населеніи, по учебной части, промышленной, санитарной, сельскохозяйственной, торговой и т. д. Метеорологическій листокъ. Извѣщенія о выѣздахъ изъ города Рязани и прибытіи въ Рязань должностныхъ лицъ. Приложенія: чертежи, карты и рисунки научнаго и промышленнаго содержанія.

«Рыбное Дѣло». Изданіе это разрѣшено 7-го октября и составляетъ приложеніе къ газетѣ «Астраханскій Справочный Листокъ», но такъ какъ оно имѣетъ особаго редактора, то мы и считаемъ его за особое и новое. Приложеніе это—спеціальнаго характера, иллюстрированное, цензурное и выходитъ еженедѣльно; редакторъ—магистръ зоологіи Николай Аркадьевичъ Варпахавскій. Програма: Правительственныя распоряженія. Свѣдѣнія о вновь изданныхъ законахъ и административныхъ распоряженіяхъ, касающихся рыбопромышленности и рыбнаго хо-

зяйства вообще и р. Волги, Каспійскаго и Аральскаго морей—въ особенности. Протоколы засѣданій комитета каспійскихъ рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ. Оригинальныя статьи по ихтіологіи и рыбопромышленности арало-каспійской области, имѣющія цѣлью ознакомленіе съ образомъ жизни мѣстныхъ рыбъ, способами лова ихъ и приготовленіемъ рыбныхъ продуктовъ, съ устройствомъ промысловъ, съ мѣрами охраненія рыбъ-мальковъ отъ непроизводительнаго истребленія и вообще разсмотрѣніе вопросовъ, касающихся характера и условій рыболовства въ арало-каспійской области, и мѣръ, могущихъ служить къ поднятію мѣстнаго рыбнаго промысла. Передовыя статьи—ознакомленіе съ техническими усовершенствованіями въ рыбномъ промыслѣ за границею въ примѣненіи къ мѣстному рыбному промыслу; свѣдѣнія о ловлѣ рыбъ и состояніи рыбныхъ рынковъ за границею. Спортъ. Охотничьи замѣтки объ уженіи мѣстныхъ рыбъ, о способѣ его и усовершенствованіяхъ. Свѣдѣнія объ уловахъ сельди, воблы и вообще промысловыхъ рыбъ въ мѣстномъ краѣ и другихъ бассейнахъ. Торговый отдѣлъ: свѣдѣнія о цѣнахъ на рыбный товаръ, какъ на Астраханскомъ, такъ и на другихъ главныхъ рынкахъ; фрахты и способы перевозки рыбныхъ товаровъ. Объявленія, касающіяся рыбопромышленнаго дѣла. Иллюстраціи къ статьямъ.

«Сезонный Листокъ Кеммернскихъ минеральныхъ водъ». Разрѣшеніе на изданіе этой газеты въ городѣ Ригѣ послѣдовало 11-го апрѣля. Газета цензурная, выходитъ два раза въ недѣлю и издается управленіемъ водъ; редакторъ докторъ медицины Кулябко-Корецкій. Программа: Распоряженія и установленія, касающіяся лѣчебнаго мѣста Кеммернъ. Списокъ практикующихъ въ сезонъ врачей, съ указаніемъ ихъ квартиръ и часовъ пріема. Дни и часы консультацій врачей въ «Казенномъ домѣ». Часы выдачи книгъ изъ библіотеки. Рекомендуемыя управленіемъ Кеммернскихъ минеральныхъ водъ квартиры. Состояніе погоды по наблюденіямъ на кеммернской метеорологической станціи. Популярныя медицинскія статьи, имѣющія отношеніе къ сезонному леченію. Корреспонденціи и извѣстія изъ газетъ, относящіяся къ русскимъ и заграничнымъ лечебнымъ мѣстамъ. Литературный фельетонъ. Смѣсь и текущія извѣстія всего рижскаго побережья. Списокъ сезонныхъ гостей Кеммерна, Дуббельна и Маріенгофа и указаніе мѣста жительства ихъ. Отвѣты управленія Кеммернскихъ минеральныхъ водъ на запросы публики.

«Спасаніе на водахъ». Разрѣшеніе на изданіе этой газеты въ С.-Петербургѣ послѣдовало 10-го мая. Газета цензурная, выходитъ ежемѣсячно и издается обществомъ спасанія на водахъ; редакторъ надворный совѣтникъ Николай Абрамовичъ Сытенко. Программа: Дѣятельность общества и его постановленія. Различные выдающіеся случаи спасанія на водахъ, внутреннихъ и внѣшнихъ. Дѣятельность иностранныхъ обществъ спасанія на водахъ. Разныя извѣстія, новыя изобрѣтенія спасательныхъ приборовъ и принадлежностей. Статистика происшествій на водахъ, какъ россійскихъ, такъ и чужестранныхъ.

«Торгово-промышленный Листокъ объявленій». Разрѣшеніе на изданіе этого листка въ Москвѣ послѣдовало 19-го декабря. Изданіе справочное, цензурное, выходитъ ежедневно, кромѣ воскресенья; редакторъ-издатель отставной генералъ-маіоръ Александръ Яковлевичъ Гудимъ. Программа: Телеграммы. Судебный указатель. Театры и зрѣлища. Разнаго рода объявленія.

«Филологическое Обозрѣніе». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ Москвѣ послѣдовало 25-го января. Журналъ безцензурный, выходитъ два раза въ мѣсяцъ; редакторы-издатели учителя: коллежскій совѣтникъ Андрей Адольфъ и Владиміръ Аппельротъ. Програма: Оффиціальныя извѣстія. Оригинальныя статьи и замѣтки научнаго характера по классической и русской филологіи и дидактическаго по преподаванію классическихъ и русскаго языковъ. Рецензіи и замѣтки о книгахъ и статьяхъ по классической и русской филологіи и по педагогикѣ. Краткія свѣдѣнія о статьяхъ по филологіи и педагогикѣ въ текущей журнальной заграничной и русской литературѣ. Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ и педагогическихъ обществъ. Библіографія. Объявленія.

«Харьковъ въ карманѣ». Разрѣшеніе на изданіе этого справочнаго сборника въ городѣ Харьковѣ послѣдовало 30-го марта. Изданіе цензурное, выходитъ два раза въ мѣсяцъ; редакторъ-издатель дворянинъ Дмитрій Александровичъ Севастьяновъ. Програма: Мѣсяцесловъ. Астрономическій календарь. Наименованіе правительственныхъ учрежденій и лицъ, съ обозначеніемъ адресовъ ихъ. Судебныя свѣдѣнія съ образцами разнаго рода дѣловыхъ бумагъ. Свѣдѣнія по воинской повинности. Желѣзно-дорожный отдѣлъ—справочныя свѣдѣнія. Почтово-телеграфный отдѣлъ—справочныя свѣдѣнія. Разнаго рода практическія свѣдѣнія. Торговый отдѣлъ—разнаго рода свѣдѣнія. Биржевой отдѣлъ.

«Хирургическая Лѣтопись». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ Москвѣ послѣдовало 4-го мая. Журналъ спеціальный, безцензурный, выходитъ шесть разъ въ годъ; редакторы-издатели профессоръ Николай Васильевичъ Склифасовской и приватъ-доцентъ Петръ Ивановичъ Дьяконовъ. Програма: Самостоятельныя статьи и работы по всѣмъ отдѣламъ хирургіи. Рефераты статей по хирургіи и относящимся къ ней отдѣламъ врачебныхъ знаній, съ обращеніемъ преимущественнаго вниманія на русскія работы по хирургіи. Критика и библіографія. Описаніе новыхъ хирургическихъ инструментовъ, приборовъ и повязокъ съ рисунками. Отчеты о дѣятельности русскихъ и иностранныхъ хирургическихъ обществъ и съѣздовъ. Мелкія извѣстія. Протоколы хирургическаго общества въ Москвѣ. Объявленія.

«Шашешница, ежемѣсячный журналъ, посвященный играмъ въ шашки я шахматы». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ Москвѣ послѣдовало 27-го февраля. Журналъ цензурный, выходитъ ежемѣсячно; редакторы-издатели: купеческій сынъ Давидъ Ивановичъ Саргинъ и коллежскій регистраторъ Павелъ Павловичъ Бобровъ. Програма: Теоретическія и историческія изслѣдованія по шашкамъ и шахматамъ. Шашечныя и шахматныя партіи съ примѣчаніями. Небольшіе шахматные и шашечные разсказы. Шахматныя и шашечныя задачи, концы игръ и ихъ рѣшенія. Хроника шахматной и шашечной жизни въ Россіи и за границею (отчеты о состязаніяхъ лучшихъ игроковъ, извѣстія о турнирахъ, о конкурсахъ задачъ, о клубахъ шахматныхъ и т. п.). Разновидности шашечныхъ и шахматныхъ игръ. Критика и библіографія сочиненій и статей по шашкамъ и шахматамъ. Рисунки и иллюстраціи къ шахматнымъ и шашечнымъ статьямъ. Почтовый ящикъ. Отвѣтъ на шашечныя и шахматныя письма. Объявленія.

«Южно-русская Медицинская Газета». Разрѣшеніе на изданіе этой газеты въ городѣ Одессѣ послѣдовало 15-го декабря. Газета спеціально-медицинская, цензурная, выходитъ еженедѣльно; редакторы: доктора медицины: статскій совѣтникъ Осипъ Осиповичъ Мочутковскій, Александръ Всеволодовичъ Коршъ, Николай Алексѣевичъ Строгановъ, Абрамъ Марковичъ Финкельштейнъ и Моисей Григорьевичъ Погребинскій. Програмиа: Особенно важныя въ медицинскомъ отношеніи правительственныя распоряженія и циркуляры. Статьи по всѣмъ отраслямъ медицины. Рефераты по всѣмъ отраслямъ медицины и прикладнымъ къ медицинѣ наукамъ. Медицинская библіографія и медицинскія критическія обозрѣнія. Статьи по исторіи и географіи медицины, статистикѣ и климатологіи. Отчеты о засѣданіяхъ преимущественно южно-русскихъ медицинскихъ обществъ. Врачебная корреспонденція. Практическія замѣтки только по медицинѣ. Назначенія, перемѣщенія, біографія и некрологи врачей. Мелкія извѣстія только по медицинѣ. Объявленія.

«Юридическая Газета». Разрѣшеніе на изданіе этой газеты въ С.-Петербургѣ послѣдовало 31-го іюля. Газета спеціально-юридическая, цензурная, выходитъ два раза въ недѣлю; редакторъ-издатель статскій совѣтникъ Евграфъ Васильевичъ Антоновъ. Програмиа: Внутренняя хроника. Узаконенія и распоряженія правительства. Движеніе по государственной и общественной службѣ. Рѣшенія правительствующаго сената. Отчеты судебныхъ засѣданій. Рефераты юридическихъ ученыхъ обществъ и диспуты. Обзоръ послѣднихъ важнѣйшихъ постановленій иностранныхъ законодательствъ. Выдающіеся процессы. Библіографическій отдѣлъ. Указатель и отзывы о вновь вышедшихъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ по юридической литературѣ. Справочный отдѣлъ: Списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ департаментахъ и общихъ собраніяхъ правительствующаго сената. Списки лицъ, состоящихъ подъ опекою и объявленныхъ несостоятельными должниками. Отвѣты на различные запросы подписчикамъ газеты. Корреспонденціи. Вѣсти и слухи. Объявленія.

Возобновленіе изданія.

Одиннадцатаго февраля прошлаго года разрѣшено возобновить изданіе прекратившагося журнала «Техникъ и иллюстрированный техническій обзоръ» и издавать его по прежней програмиѣ. Журналъ этотъ выходитъ въ неопредѣленное время и редакторомъ-издателемъ его состоитъ инженеръ-механикъ Петръ Энгельмейеръ.

Измѣненіе въ программахъ журналовъ.

Всѣхъ журналовъ, получившихъ въ 1891 г. право измѣнить свою програмиу, насчитывается 14-ть, но измѣненія эти, за двумя-тремя исключеніями, весьма незначительныя и существеннаго значенія не имѣющія. Приводимъ эти измѣненія въ подробности, размѣщая изданія, которыхъ они касаются, въ алфавитномъ порядкѣ. Въ журналѣ «Дневникъ Артиста», во-первыхъ, допущено помѣщать статьи, въ видѣ хроники, и корреспонденціи по вопросамъ всѣхъ

искусствъ вообще; во-вторыхъ, втеченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, по сентябрь, увеличивать свою программу добавленіемъ программы журнала «Артистъ». Въ журналѣ «Образованіе, педагогическій научно-популярный журналъ» прибавляется отдѣлъ обозрѣнія научныхъ и литературныхъ произведеній и научно-популярныя статьи, имѣющія отношеніе къ воспитанію и обученію, съ иллюстраціями, политипажами и чертежами. Въ газетѣ «Ziarno»—помѣщать: стихотворенія, юмористическія статьи и статьи о модѣ. Въ журналѣ «Историческій Вѣстникъ»—помѣщать бытовые и этнографическіе очерки, разсказы, повѣсти и романы. Въ газетѣ «Московская Иллюстрированная Газета»—помѣщать внутреннія и внѣшнія извѣстія, заимствуя ихъ изъ «Правительственнаго Вѣстника» и «Русскаго Инвалида». Журналъ «Новости иностранной литературы и собраніе переводныхъ романовъ и повѣстей»—дополнить отдѣлами: обзоръ иностранныхъ произведеній искусства въ области литературы, живописи, ваянія, зодчества и музыки; біографіи выдающихся дѣятелей въ области тѣхъ же искусствъ и гравюры, въ текстѣ и приложеніяхъ, съ объяснительными къ нимъ описаніями, и портреты выдающихся дѣятелей искусства. Журналу «Плодоводство», переименованному въ «Плодоводство, журналъ Россійскаго общества плодоводства», 17-го декабря разрѣшена слѣдующая программа: Плодоводство: пріемы разведенія плодовыхъ деревьевъ и кустарниковъ и ухода за ними; сборъ, храненіе, укупорка и пересылка плодовъ; торговля ими; переработка плодовъ; сортованіе. Огородничество, хмѣлеводство, аптекарскія травы и другія спеціальныя культуры. Обученіе плодоводству и спеціальнымъ культурамъ, а также обработкѣ продуктовъ ихъ. Корреспонденціи изъ разныхъ мѣстъ Россіи. Новости изъ садоваго міра. Библіографія. Вопросы и отвѣты. Рисунки въ текстѣ и приложеніи. Въ журналѣ «Посредникъ печатнаго дѣла»—добавленъ отдѣлъ: свѣдѣнія и сообщенія, касающіяся графическихъ искусствъ, съ рисунками, относящимися къ этому отдѣлу. Для журнала «Развѣдчикъ—журналъ военный и литературный» 13-го мая утверждена слѣдующая новая программа: Оффиціальныя извѣстія. Высочайшіе манифесты. Выдержки изъ Высочайшихъ приказовъ, приказовъ по военному вѣдомству, циркуляровъ главнаго штаба, главныхъ управленій и проч. и иныхъ правительственныхъ распоряженій. Наука и литература: стратегія, тактика, военная исторія, военная администрація, артиллерія, военная топографія, военно-историческіе документы и наука, имѣющіе отношеніе къ военному дѣлу. Разсказы, стихотворенія, фельетоны, записки (мемуары), путешествія, жизнеописанія, мелкія извѣщенія, новости, свѣдѣнія, замѣтки и проч. Обзоръ и указатель вышедшихъ и выходящихъ изданій съ отзывами о нихъ, обзоръ періодической печати отечественной и иностранной. Письма въ редакцію; телеграммы и извѣстія о замѣчательныхъ происшествіяхъ отечественныхъ и заграничныхъ. Вопросы, отвѣты, разъясненія, совѣты, практическія указанія и проч. Біографіи и некрологи. Портреты, рисунки, чертежи, виньетки. Приложенія: брошюры, книги, рисунки, чертежи. Объявленія. Въ журналѣ «Русскій Спортъ» добавленъ отдѣлъ «Фельетонъ спортивнаго содержанія»: воспоминанія, замѣтки, записки, повѣсти, разсказы, романы и т. п. Для журнала «Славянское Обозрѣніе» (бывшія «Славянскія Извѣстія») утверждена, 24-го ноября, слѣдующая новая

програмиа: Статьи по славянскимъ литературамъ, славянской этнографіи, исторіи и политикѣ. Корреспонденціи. Лѣтописи событій славянской жизни въ областяхъ: политической, религіозной, общественной и литературной. Критика и библіографія. Отчеты славянскихъ обществъ и другихъ подобныхъ учрежденій. Смѣсь. (Портреты славянскихъ дѣятелей и относящійся къ нимъ текстъ печатается съ дозволенія цензуры). Объявленія. Приложенія: переводы изъ славянской беллетристики. Въ журналѣ «Сѣверный Вѣстникъ» расширенъ отдѣлъ «Событія и Новости» помѣщеніемъ обзора такихъ событій внутренней жизни имперіи, каковы: манифесты и указы Государя Императора, распоряженія правительства, возникновеніе новыхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, какъ-то: банковъ, торговыхъ обществъ, учебныхъ заведеній, больницъ, проведеніе новыхъ путей сообщенія, юбилеи заслуженныхъ лицъ, выдающіеся судебные процессы, засѣданія разныхъ обществъ и открытіе выставокъ. Програмна польскаго журнала «Tygodnik kolojowi i ekonomiczny» (бывшій «Gospodarz i Przemyslowiec») расширена слѣдующими отдѣлами: Статьи по желѣзнодорожнымъ, финансовымъ, торговымъ, промышленнымъ и вообще экономическимъ и статистическимъ вопросамъ. Критика, хроника и вообще корреспонденціи изъ имперіи и изъ-за границы по изложеннымъ выше вопросамъ. Правительственныя распоряженія и мѣропріятія, касающіяся желѣзныхъ дорогъ, почтъ, телеграфовъ, таможенъ и таможеннаго устава, а равно устава акцизнаго и фабричнаго, и всѣ вообще узаконенія, касающіяся торговли и промышленности; правила, издаваемыя желѣзными дорогами. Юриспруденція, поясняющая желѣзнодорожныя, почтовыя, телеграфныя, фабричныя, таможенныя, торговыя и акцизныя правила и узаконенія, а также обзоръ дѣятельности банковъ и другихъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій. Свѣдѣнія о тарифахъ существующихъ, вновь опубликованныхъ, отмѣненныхъ или измѣненныхъ, какъ въ мѣстныхъ прямыхъ, такъ и въ международныхъ сообщеніяхъ. Свѣдѣнія о прекращенныхъ и вновь открытыхъ сообщеніяхъ: желѣзнодорожныхъ, сухопутныхъ и водяныхъ, а также росписанія поѣздовъ, пароходовъ и почтовыхъ дилижансовъ. Извѣщенія о торгахъ, поставкахъ и аукціонахъ, объявляемыхъ правительственными и общественными учрежденіями. Биржевые и торговые отчеты. Свѣдѣнія о протестованныхъ векселяхъ; свѣдѣнія о перемѣнахъ въ личномъ составѣ правительственныхъ и частныхъ учрежденій. Списки невостребованныхъ грузовъ и извѣщенія о наложенныхъ платежахъ. Отвѣты редакціи на полученные запросы. Объявленія.

Здѣсь будетъ кстати указать тѣ изданія, которымъ въ 1891 г. было разрѣшено помѣщать иллюстраціи. Эти изданія слѣдующія: «Дневникъ Артиста», «Ziarno» и «Одесскія Новости»; въ газетѣ же «Ардзаганъ» печатаніе иллюстрацій прекращено.

Приложенія къ журналамъ.

На выпускъ отдѣльныхъ приложеній получили право въ минувшемъ году 12-ть изданій, но только одно изъ нихъ—«Рыбное Дѣло» (къ «Астраханскому Справочному Листку»), програмну котораго мы помѣстили подъ рубрикой вновь

разрѣшенныхъ изданій, заслуживаетъ по своей серьезности особеннаго вниманія, всѣ же другія принадлежатъ къ числу обыкновенныхъ и ничѣмъ не выдѣляющихся книжекъ и т. п.

Къ «Gazeta lasovan papierów publicznych» — приложеніе подъ названіемъ «Tygodnik assekuracyjny», заключающее въ себѣ статьи о страхованіи отъ огня жизни, транспортовъ и т. п.; къ «Журналу Охоты»—газета подъ названіемъ «Дневникъ Охотника», съ политипажами въ текстѣ и отдѣльно; къ газетѣ «Заря»—только на время бывшей французской выставки въ Москвѣ, ея описаніе съ иллюстраціями; къ газетѣ «Казанскій Биржевой Листокъ»—ежедневно коммерческія телеграммы; къ газетѣ «Листокъ спорта и объявленій»—прибавленія въ дни скачекъ; къ газетѣ «Правда»—ежемѣсячныя книжки; къ журналу «Спортъ»—во время скачекъ приложеніе подъ названіемъ «Листокъ Спорта»; къ журналу «Сѣверъ»—книжки «Библіотека Сѣвера»; къ «Тобольскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ»—собраніе лучшихъ проповѣдей священниковъ Тобольской епархіи; къ журналу «Царь-Колоколъ»—книжки подъ названіемъ «Библіотека для чтенія» и къ «Юридической Газетѣ»—сборникъ кассаціонныхъ рѣшеній.

Изданія, измѣнившія названія.

Всѣхъ такихъ изданій было 12-ть и переименованія эти были слѣдующія: «Gospodarz i Przemysłowiec»—въ «Tygodnik kolojowi i ekonomiczny»; «Дневникъ Театрала»—въ «Дневникъ Артиста»; «Донское Поле»—въ «Приазовскій Край»; «Европейскій Театръ»—въ «Театральная Библіотека»; «Женское образованіе. Педагогическій журналъ для родителей, наставницъ и наставниковъ»—въ «Образованіе, педагогическій научно-популярный журналъ, посвященный вопросамъ женскаго и мужскаго воспитанія и обученія»; «Журналъ Охоты»—въ «Журналъ Охоты. Органъ Московскаго общества охоты»; «Московская Иллюстрированная Газетка»—въ «Московская Иллюстрированная Газета»; «Нижегородскій Биржевой Листокъ»—въ «Волгарь, газета политическо-общественная и литературная и Нижегородскій Биржевой листокъ»; «Плодоводство»—въ «Плодоводство. Журналъ Россійскаго общества плодоводства»; «Развѣдчикъ»—въ «Развѣдчикъ—журналъ военный и литературный»; «Семейные Вечера»—въ «Литературные семейные вечера»; «Славянскія Извѣстія»—въ «Славянское Обозрѣніе» и «Справочный Листокъ Енисейской губерніи»—въ «Енисейскій Справочный Листокъ».

Изданія, объявленныя окончательно прекратившимися.

Въ 1891 году были объявлены прекратившимися 15 періодическихъ изданій, изъ числа которыхъ только шесть имѣютъ за собою болѣе продолжительную давность, всѣ же прочія—недавно разрѣшенныя. Въ этой послѣдней категоріи, вѣроятно, найдутся и такія изданія, которыя только объявлялись, но фактически не

выходили. Приводимый списокъ прекратившихся изданій расположенъ въ алфавитномъ порядкѣ.

«Ветеринарный Врачъ», разрѣшенъ въ мартѣ 1890 г.; «Glosy koscielne w sprawie kosciola ewangelicko-augsburskiego», разрѣшены въ февралѣ 1884 г.; «Judisches Volksblatt»; «Кавказскія Объявленія», разрѣшены въ октябрѣ 1890 г.; «Кешкуль» (Суна), газета на татарскомъ языкѣ; «Klosy», разрѣшены въ іюлѣ 1871 г.; «Международная Клиника», разрѣшена въ 1881 г.; «Одесскій Листокъ Объявленій», разрѣшенъ въ январѣ 1889 г.; «Ома Маа», газета на эстонскомъ языкѣ, разрѣшена въ январѣ 1884 г.; «Прибалтійскій Край», разрѣшенъ въ октябрѣ 1889 г.; «Промышленная Россія—La Russie industrielle», разрѣшено въ іюнѣ 1890 г.; «Россія», разрѣшено въ 1881 г.; «Русскій Курьеръ», изданіе разрѣшено въ 1879 г.; «Спортъ», изданіе это было разрѣшено въ ноябрѣ 1890 г. подъ названіемъ «Лошадь», но оно въ свѣтъ не выходило; «Театръ», газета на грузинскомъ языкѣ, разрѣшенная въ маѣ 1885 года.

Утверждены новыя лица редакторами и издателями.

Редакторами: журналовъ «Артистъ», «Театральная Библіотека» и «Дневникъ Артиста» —(2-мъ) подпоручикъ Иванъ Ивановичъ Петровъ; «Wedrowiec» — Сатурнинъ Сикорскій; газеты «Волжскій Вѣстникъ» —(2-мъ) колл. секр. Николай Викторовичъ Рейнгардтъ; журнала «Вѣстникъ Взаимнаго Страхованія» —потомств. почетн. гражд. Ѳедоръ Макаровъ; газеты «Deenas Lapa» — канд. универс. Иванъ Христофоровичъ Плекшанъ; журнала «Der Anwalt der Thiere»—вдова д. с. с. Марія Андреевна Шиллингъ; журнала «Дѣтское Чтеніе»—канд. правъ Павелъ Яковлевичъ Преображенскій; журнала «Желѣзнодорожное Дѣло» —(2-мъ) Иванъ фонъ-Рихтеръ; «Записки Одесскаго отдѣленія императорскаго Русскаго техническаго общества» —штурманъ Алексѣй Петровичъ Старковъ; газеты «Заря» —двор. Николай Александровичъ Борисовъ; журнала «Колосья»—Ѳедоръ Ѳедоровичъ Трозинеръ; газеты «Land und forstwirthschaftliche Zeitung»—тит. сов. Ричардъ Вильгельмовичъ Руэцъ; журнала «Литературные семейные вечера»—двор. Адельгейдъ Германъ; газеты «Московская Иллюстрированная Газета» — колл. секр. Александръ Петровичъ Григоровъ; журнала «Нижегородскій Вѣстникъ мореходства и промышленности» —(2-мъ) механ. Владиміръ Николаевичъ Гутовскій; газеты «Новое Обозрѣніе» —кн. Василій Михайловичъ Тумановъ; газеты «Псковскій Городской Листокъ» —учит-ца Евгенія Корниліевна Раухъ; журнала «Развлеченіе» — потомств. почетн. гражд. Павелъ Щегловъ и двор. Николай Никитичъ Соѣдовъ; газеты «Rigasche Börsen und Handelszeitung» —канд. правъ Александръ Васильевичъ Крегеръ; газеты «Русская Жизнь» —издатель ея Александръ Пороховщиковъ; журнала «Свѣтъ» —(2-мъ) прапорщ. Владиміръ Алексѣевичъ Тихановъ; газеты «Смоленскій Вѣстникъ» —колл. асс. Николай Петровичъ Лесли; журнала «Сѣверный Вѣстникъ»—губ. секр. Михаилъ Альбовъ; журнала «Сѣверъ»—с. с. Всеволодъ Сергѣевичъ Соловьевъ; журнала «Tygodnik kolojowi i ekonomiczny—Стефанъ Эдуардовичъ Войзбунъ; «Тобольскія Епархіальныя Вѣдомости» — канд.

богосл. Николай Городковъ; журнала «Христіанское Чтеніе»—професс. Александръ Ивановичъ Садовъ; «Шахматный Журналъ»—(2-хъ) двор. Павелъ Отто и журнала «Электричество»—подполк. Александръ Ивановичъ Смирновъ

Издателями: журнала «Austrums»—книгопрод. Яковъ Іосифовичъ Дравилъ-Дравніанъ; газеты «Бессарабскій Вѣстникъ»—губ. секр. Иванъ Георгіевичъ Чеканъ; журнала «Wedrowiec»—Сатурнинъ Сикорскій, онъ же и редакторъ; журнала «Wisla»—книгопрод. Михаилъ Артцъ, онъ же и редакторъ; журнала «Hospodarz i Przemyslowiec»—Андрей Рагоза; газеты «Deenas Lapa»—соиздателемъ куп. Гердеръ Гедертовъ Эйленбергъ; газеты «Донское Поле»—тит. сов. Серафимъ Арутюновъ; журнала «Дѣтское Чтеніе»—учитель Яковъ Васильевичъ Борисовъ; газеты «Заря»—двор. Николай Александровичъ Борисовъ (издатели этой газеты втеченіе года перемѣнились дважды); газеты «Land und forstwirthschaftliche Zeitung»—Ричардъ Руэцъ, онъ же и редакторъ; газеты «La Russie Commerciale»—соизд. Шевель Ицковъ Соколовскій; журнала «Медицинская Бесѣда»—Анатолій Христофоровичъ Сабининъ и Всеволодъ Иринеевичъ Миропольскій; «Московская Иллюстрированная Газета»—потомств. почетн. гражд. Алексѣй и Владиміръ Семеновичи Вишняковы; журнала «Муртчъ» (армянскій)—Пилипасъ Акоповичъ Вартазарьянцъ; газеты «Новгородскій Листокъ Объявленій»—колл. асс. Александръ Ивановичъ Семеновскій, онъ же и редакторъ; газеты «Новое Обозрѣніе»—кн. Константинъ Михайловичъ Тумановъ; журнала «Пантеонъ Литературы»—Өедоръ Өедоровичъ Трозинеръ; журнала «Плодоводство»—Россійское общество плодоводства; журнала «Przegland Pedagogiczny» — с. с. Владиславъ Францовичъ Полкотыцкій; журнала «Развлеченіе» — двор. Александра Соѣдова; газеты «Санитарное Дѣло»—соиздателемъ д-ръ Василій Григорьевичъ Розенъ, а право собственности этой газеты перешло къ лѣкарю Святославу Адамовичу Марковскому и поселянину Николаю Петровичу Стернеру; газеты «St.-Petersburger Herold»—д-ръ Францъ Гезеліусъ; журналы «Семейная Библіотека»—куп. Өедоръ Васильевичъ Трозинеръ; «Славянскія Извѣстія» (нынѣ «Славянское Обозрѣніе»)—д. с. с. Антонъ Семеновичъ Будиловичъ; журнала «Сѣверный Вѣстникъ»—Любовь Яковлевна Гуревичъ; журнала «Сѣверъ»—надв. сов. Евгеній Антоновичъ Евдокимовъ; газеты «Театральный Мірокъ»—Павелъ Филиповичъ Левдикъ, онъ же и редакторъ; газеты «Шутъ»—почетн. гражд. Робертъ Голике и газеты «Юридическая Газета»—колл. сов. Давидъ Чичинадзе.

Измѣненъ срокъ выхода журналовъ.

Измѣнившія сроки своего выпуска были слѣдующія изданія: газета «Ардаганъ» вмѣсто одного—3 раза въ недѣлю; журналъ «Велосипедистъ и рѣчной яхтъ-клубъ», вмѣсто четырехъ—3 раза въ мѣсяцъ; «Журналъ Охоты» вмѣсто ежемѣсячно—6 разъ въ годъ; газета «Ziarno» вмѣсто шести—1 разъ въ недѣлю; газета «Кіевлянинъ»—выходитъ въ дни послѣ праздниковъ и воскресеній; журналъ «Лучъ» вмѣсто одного—3 раза въ недѣлю; газета «Moskauer Deutsche Zeitung» вмѣсто шести разъ въ недѣлю—ежедневно; журналъ «Посредникъ

печатнаго дѣла» вмѣсто двухъ—1 разъ въ мѣсяцъ; приложеніе къ «Всемірной Иллюстраціи» журналъ «Трудъ» вмѣсто двухъ—1 разъ въ мѣсяцъ, начиная съ 1892 года, и журналъ «Филологическое Обозрѣніе» вмѣсто двухъ разъ въ мѣсяцъ—4 раза въ годъ.

По распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ въ минувшемъ году подверглось карательнымъ мѣрамъ 12 слѣдующихъ періодическихъ изданій: 1-го февраля—пріостановлено на одинъ мѣсяцъ изданіе газеты «Курскій Листокъ»; 23-го февраля—воспрещена розничная продажа газеты «Новое Время», которая была допущена вновь 13-го марта; 27-го февраля—воспрещена розничная продажа газеты «Сынъ Отечества»; 6-го марта—воспрещена такая же продажа газеты «Гражданинъ», но воспрещеніе это было снято черезъ тринадцать дней; 13-го марта—журналу «Восходъ» и издаваемой при немъ, въ видѣ приложенія, «Недѣльной хроникѣ Восхода» было дано третье предостереженіе съ прекращеніемъ изданій на 6 мѣсяцевъ и съ примѣненіемъ къ «Недѣльной Хроникѣ», по окончаніи срока пріостановки, примѣчанія къ 144 ст. Уст. Цензурнаго. Мѣра эта, какъ объясняетъ распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ, была вызвана тѣмъ, что журналъ «Восходъ» съ издаваемою при немъ «Недѣльною Хроникою» продолжалъ, не смотря на объявленныя ему два предостереженія, упорствовать въ крайне вредномъ своемъ направленіи, доказательствомъ чего служилъ цѣлый рядъ статей, между которыми останавливаютъ на себѣ вниманіе повѣсть Абрамовича и историческая повѣсть Мордовцева подъ названіемъ: «Между молотомъ и наковальней», №№ 1-й, 2-й и 3-й. Двадцатаго марта дано было 2-е предостереженіе газетѣ «Новости и Биржевая Газета», издаваемой Нотовичемъ. Причина, вызвавшая это предостереженіе, какъ объяснялось, состояла въ томъ, что названная газета «старается постоянно изображать положеніе еврейскаго населенія въ ложномъ свѣтѣ и такимъ образомъ, безъ всякаго повода, возбуждаетъ недовольство въ его средѣ; что газета относится враждебно ко всякому проявленію русскаго національнаго чувства, а къ различнымъ мѣропріятіямъ правительства съ точки зрѣнія фальшиваго либерализма; что такое явно вредное направленіе ея выразилось, между прочимъ, въ цѣломъ рядѣ статей, посвященныхъ полемикѣ по еврейскому вопросу, а также въ статьѣ «Литература и жизнь» и въ другихъ». 17-го іюня было воспрещено на 3 мѣсяца печатаніе частныхъ объявленій въ газетѣ «Kurjer Poranny», но воспрещеніе это снято 28-го іюля; 26-го іюля—воспрещена розничная продажа газеты «Свѣтъ» и вновь разрѣшена 20-го сентября; 13-го сентября такое же запрещеніе наложено на газету «Московскія Вѣдомости» и снято съ нея 6-го октября; 30-го октября—пріостановлено на 8 мѣсяцевъ изданіе журнала «По морю и сушѣ»; 3-го ноября—воспрещена розничная продажа газеты «Русская Жизнь», а 22-го ноября опредѣлено прекратить въ этой же газетѣ печатаніе частныхъ объявленій и, наконецъ, 19-го ноября объявлено второе предостереженіе газетѣ «Русскія Вѣдомости» за то, «что въ № 311, въ отдѣлѣ телеграммъ, помѣщены тревожныя и не соотвѣтствующія дѣйствительности свѣдѣнія о положеніи продовольственнаго дѣла въ

имперіи, что служитъ новымъ доказательствомъ предосудительнаго направленія означеннаго изданія».

Такимъ образомъ въ 1891 году было: три предостереженія, изъ которыхъ одно съ пріостановленіемъ изданія, 6 случаевъ прекращенія розничной продажи нумеровъ, 2 случая пріостановки изданія безъ предостереженія и 2 случая воспрещенія печатанія объявленій. Вообще же минувшій годъ въ отношеніи каръ оказывается для періодическихъ изданій болѣе неблагопріятнымъ, чѣмъ 1890 годъ.

Л. Н. Павленковъ.

но проникающіе насквозь, точно голосъ изъ могилы, взывающій о помощи.

Онъ выпрямился и освободился изъ объятій Регины.

Онъ взглянулъ ей прямо въ лицо, точно только теперь увидалъ ее въ первый разъ и вскричалъ:

— Регина! Регина! Слишкомъ поздно! Вы меня погубили!

— Я? Да ты, очевидно, не узнаешь меня? Я тебя погубила? Мы отнынѣ принадлежимъ другъ другу.

Онъ разразился раздирающимъ душу смѣхомъ.

— Лорисъ, виконтъ де-Лорисъ... твой... говоришь ты; это ты не узнаешь меня, маркиза де-Люсьенъ, посмотри мнѣ прямо въ лицо,—развѣ ты не видишь у меня на челѣ печать подлости и измѣны?

— Жоржъ!

— Хорошенько взгляни на меня: до этой минуты ты никогда меня не видала; я былъ подлѣ тебя, я высказывалъ тебѣ мои мысли, мои надежды, мои мечты, и ты такъ мало меня понимала, что думала, что тотъ, кто тебя любитъ, сотканъ изъ той ткани, изъ которой сдѣланы мерзавцы, убійцы, Лавердьеры!

— Жоржъ! Жоржъ! опомнитесь... Боже мой! да онъ лишился разсудка!

— Лишился разсудка!... Я былъ не въ умѣ прежде, не теперь... прежде, когда я воображалъ, что существуетъ что-то, что выше отечества. Императоръ, король, якобинцы — это все не важно, это все слова, титулы дворянства или свободы. Деспотизмъ или республика,—все слова! Регина, знаешь ли ты, что значитъ отечество?...

Она отступила на нѣсколько шаговъ и съ ужасомъ смотрѣла на него.

— Отечество, Регина, это клочекъ земли, на которомъ ты родилась, на которомъ ты выросла; это наши бретонскіе лѣса, надъ которыми носились наши сны дѣтства; это Парижъ, въ которомъ я тебя любилъ, это вѣтеръ, который вѣетъ, это голосъ, который говоритъ, это слова, которыя мы произносимъ и въ которыхъ звучитъ французская прелесть... и ты допускаешь возможность того, чтобы чужеземцы потоптали цвѣты, посаженные нашими матерями, поля, засѣянныя нашими отцами, чтобы въ эту обширную страну, такъ сказать, въ нашъ родной домъ въ большомъ видѣ, вторглись эти люди, эти враги, полные ненависти, звѣрства, презрѣнія, и сказали бы: «Мы здѣсь хозяева». Но Дантонъ, котораго вы считаете за развратника, Робеспьеръ, котораго вы называете лицемѣромъ, не желали этого, а мы, честные люди, желаемъ этого!

— Жоржъ! Да ты не сознаешь, что говоришь. Эти ненавистные люди убили короля!

— Но если король напустилъ во Францію чужеземцевъ, по дѣломъ ему!

— Умоляю васъ, замолчите.

Онъ схватилъ ее за руки и привлекъ къ окну.

— Регина, прислушайтесь, тамъ вдалекѣ дерутся, убиваютъ французовъ, тамъ падаютъ наши братья, тамъ они страдаютъ. Это мы убиваемъ ихъ, Регина, мы!

У Лориса была точно галлюцинація отчаянья.

— Англичане и пруссаки бьютъ французовъ, а я тутъ! Я, виконтъ де-Лорисъ, дамскій угодникъ, кавалеръ изъ прихотей, сижу здѣсь цѣлъ и невредимъ, потому, что г-жѣ Регинѣ де-Люсьенъ угодно было сдѣлать изъ меня сообщника Бурмона, послѣдняго, низкаго труса.

Она попробовала протестовать.

— Служить королю не униженіе.

— Королю! Не срамите его имени, присоединяя его къ этому позору; вы точно не понимаете, что значитъ предательство... это самое низкое, позорное преступленіе.

Онъ вдругъ схватилъ ее въ объятія и, прижимая къ сердцу, сказалъ:

— Послушай, Регина, ты только-что говорила, что любишь меня. Я тоже люблю тебя всѣми силами души моей: вернемъ наше честное имя, умремъ вмѣстѣ; видишь ли, можно дѣлать зло, не сознавая того,—я самъ не понималъ прежде того, что понимаю сегодня... Я извиняю тебя, но я долженъ простить и себя. Регина, идемъ вмѣстѣ, прямо подъ пули, въ свалку сраженія. Крикнемъ солдатамъ Франціи: «Будьте бодры!» и если который падетъ, поднимемъ его ружье, чтобы защитить его трупъ, чтобы никто не перешагнулъ черезъ него, не проникъ въ нашу страну. Только слѣдуй за мной! Искупимъ наше преступленіе. Отечество снисходительно, оно увидитъ наше раскаяніе. Пойдемъ, Регина... Ты не согласна?

— Скажу вамъ, Жоржъ, въ свою очередь, я не могу измѣнить моимъ убѣжденіямъ, моимъ друзьямъ...

— Ваши друзья!... Фуше, Лавердьеры или Бурмоны!... Въ такомъ случаѣ оставайтесь!

И онъ со всей силой сорвалъ съ себя эполеты.

— Дезертировъ разжалываютъ! — воскликнулъ онъ.

Затѣмъ на колѣнѣ онъ сломалъ шпагу.

— Подлецовъ обезоруживаютъ, теперь мнѣ не остается ничего болѣе, какъ быть разстрѣляннымъ. Я подставлю грудь подъ пули! Прощайте!

И онъ бросился къ двери.

Но она опередила его.

— Нѣтъ, я не пущу тебя! — воскликнула она. — Жоржъ, ты обезумѣлъ, я говорю съ тобой, я! Не покидай меня, не бросай меня, ты не совершилъ никакого преступленія, ты ни въ чемъ неповиненъ,—что еще сказать тебѣ... Я люблю тебя!

Онъ снова обнялъ ее, прижалъ къ себѣ еще крѣпче и, задыхаясь отъ душившихъ его слезъ, поцѣловалъ ее долгимъ поцѣлуемъ въ уста.

— Жоржъ! — шептала она.

— Прощай! — проговорилъ удаляющійся голосъ.

Регина, оставшись одна, опустилась на колѣни въ слезахъ.

XVI.

Съ отпаденія Бурмона прошло три дня,—печальные дни, которые образуютъ одно кровавое пятно.

16-го іюня—Линьи, les Quatre-Bras; 17-го—Gemblout, la Maison-du-Roi; 18-го—Ватерлоо, пораженіе, погромъ, бѣгство!

Шарра—историкъ, Мишле и Гюго, поэты и ясновидящіе, разсказываютъ про эти ужасы.

Послѣ безумнаго сопротивленія, великаго по силѣ отчаянія, послѣ потрясающей агоніи, въ которой каждый крикъ превращался въ предсмертный хрипъ, на тысячи людей снизошло чувство ужаса, этой неизбѣжности смерти, нѣчто, напоминающее собою то, чего такъ страшились наши предки галлы: небо падаетъ!

Изступленіе страха, безуміе ужаса, бѣгство съ быстротою вихря, оторвавшаяся лавина, осколки которой въ неправильномъ коловращеніи нагоняютъ одинъ другаго, подпрыгиваютъ, разбиваются, заслоняютъ путь по скату, по которому ихъ влечетъ, разбиваются о всякое препятствіе, отскакиваютъ, чтобы упасть съ высоты въ пропасть и въ ней превратиться въ безформенную массу.

Здѣсь оторванная масса—люди, то, что несется въ этомъ обвалѣ, это живое мясо, которое чувствуетъ каждый разрывъ, страдаетъ отъ всякаго удара, обливается кровью отъ всякаго паденія. Болѣе дикій, чѣмъ ураганъ, побѣдитель цѣлымъ рядомъ жестокостей преслѣдуетъ эту толпу побѣжденныхъ, эту дичь, которую охотникъ затравляетъ, остервенѣлый побѣдитель накидывается на усталость, растерянность, боязнь, на погибшую волю, на убитую энергію, на стадо, преслѣдуемое кошмаромъ паники.

Никто ничего не видитъ, не сознаетъ, не думаетъ, и всѣ только бѣгутъ: это не трусость, это эпилепсія ужаса.

Только бы уйдти далеко, далеко; идутъ по тѣмъ, кто упалъ, роняютъ тѣхъ, кто остановился. Сзади непріятель—солдатъ, превратившійся въ мясника.

Кого настигнутъ, того саблей по головѣ, остріемъ въ бокъ, пистолетомъ въ високъ.

И обезумѣвшая толпа несется галопомъ, который ускоряли крики ненависти и рычанья, по полямъ, дорогамъ, деревнямъ...

Пять часовъ уже продолжается это бѣгство, пять часовъ уже слышится сзади преслѣдованіе смерти, раненые падаютъ, убійствомъ покончиваютъ съ ними.

Какъ при страшной боли страданій иногда все тѣло вытягивается, такъ и тутъ: люди остановились въ Жемаппѣ. Впереди Лобау. Надо образовать плотину передъ потокомъ; передъ входомъ въ деревню сваливаютъ телѣги, фургоны, толстыя доски, даже мебель, все это наваливается какъ попало, всѣ скважины заполняются трупами. И за этой импровизированной стѣной всѣ замираютъ въ ужасѣ, а солдаты погибаютъ за то, что остановились.

Но напрасная надежда—непріятель! Стрѣляютъ по смерчу, который стремительно прорывается черезъ препятствіе. Ружейные приклады поднимаются, огонь пороха мелькаетъ въ ночной тьмѣ, точно молнія, отражаясь въ свѣжей крови.

И въ этотъ ретраншементъ, который не выдерживаетъ, и который люди подпираютъ руками, врывается картечь, разрываетъ все, точно гигантскій догъ, который изорвалъ бы зубами все въ клочки.

Пощады нѣтъ! Нѣтъ и плѣнныхъ! Генералъ Дюгемъ протягиваетъ шпагу солдату, которой тотъ убиваетъ его. Приканчиваютъ раненыхъ, стонать—значитъ выдать себя. Чтобы лучше видѣть, точно на бойнѣ, разводятъ огонь. Никто не защищается, избіеніе навѣрняка. Передъ однимъ развалившимся домомъ, въ углубленіи стѣны, стоитъ человѣкъ, голова у него откинута, руки скрещены на груди. Сжатыми кулаками онъ держитъ свою широкую шинель, которая на камняхъ представляется чернымъ пятномъ, точно гигантская летучая мышь.

Старикъ. Мертвый. Его сломанная сабля у ногъ его. Все лицо испещрено, на головѣ лѣсъ сѣдыхъ, взъерошенныхъ волосъ. Величественная мрачная статуя.

Первые пруссаки убили его, слѣдующіе изрѣзали его. Этотъ трупъ, который не падаетъ, мишень для всѣхъ. Лицо разрѣзано на двое саблей. Тѣло пошатнулось, но не упало. Вторымъ ударомъ дѣлается на лицѣ крестъ. Но въ этомъ лицѣ, залитомъ кровью, предугадывается скорѣе, чѣмъ видится, физіономія, полная величія, страданія и энергіи.

Нѣтъ, однако, ничего вѣчнаго. Пруссаки прошли—ни одного человѣка не осталось на ногахъ.

Жалкая деревушка вся завалена грудами труповъ, ихъ освѣщаютъ мерцающія, безучастныя звѣзды.

Только часы на колокольнѣ, въ молчаніи ночи, продолжали свой равномѣрный говоръ. Съ первыми лучами разсвѣта, въ грудѣ труповъ, за угломъ улицы, напротивъ развалины дома, къ которому прислонившись стоялъ старикъ, что-то шевельнулось—признакъ

жизни въ этомъ царствѣ смерти. Это что-то ползло, высвобождаясь изъ-подъ подавляющей тяжести.

Высунулась голова, окровавленная, съ растерянным взоромъ, непохожая на человѣческую.

Тѣмъ не менѣе—человѣкъ, на немъ висѣли обрывки мундира, онъ имѣлъ силу раздвигать себѣ путь плечемъ. И, такимъ образомъ, мало по малу, онъ очутился на колѣняхъ, отстраняя обѣими руками съ лица волосы, которые прилипли къ щекамъ въ запекшейся крови. Онъ нѣсколько минутъ оставался неподвижнымъ, съ раскрытыми глазами, съ помутившимся взглядомъ.

Такъ какъ вокругъ него все было тихо, онъ сдѣлалъ новое усиліе, болѣе смѣлое. Онъ всталъ, шатаясь, и долженъ былъ прислониться къ стѣнѣ.

Очевидно, онъ спрашивалъ себя, какимъ образомъ онъ попалъ сюда: страшный гулъ выстрѣловъ отшибъ у него память.

День загорался, становилось свѣтло, человѣкъ этотъ попробовалъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, поднимая высоко ноги, чтобы не наступать на трупы.

Онъ казался спокойнымъ. Для того, кто видѣлъ смерть такъ близко, не существуетъ болѣе сознанія опасности. Будучи живъ, онъ заявлялъ смѣло о себѣ, не думая скрыться. Онъ выкарабкался изъ-подъ той груды, подъ которой лежалъ, и стоялъ на клочкѣ земли, гдѣ была только кровь.

На этотъ разъ человѣкъ оглядывался съ любопытствомъ воскресшаго.

Онъ увидалъ мертвецовъ и вздрогнулъ отъ ужаса, не отъ страха. Въ одну секунду у него передъ глазами, въ головѣ, промелькнула страшная картина послѣднихъ минутъ, проклятій, которыя срывались съ этихъ устъ, руки, косившія эти головы, кровь, которая лилась потоками. Вѣроятно, онъ сказалъ себѣ:

— Если я живъ, можетъ быть, и другіе живы.

И медленно, съ полнымъ хладнокровіемъ, онъ сталъ ощупывать окружающія его тѣла, онъ приподнималъ головы, раскрывалъ вѣки. Когда стеклянный взглядъ говорилъ, что все кончено, онъ тихонько опускалъ трупъ и переходилъ къ другому.

И такимъ образомъ, не наткнувшись ни на одного съ признаками жизни, онъ очутился передъ угломъ дома, гдѣ все еще стоялъ прислонившись старикъ, который осѣлъ какъ-то, но точно воля дала ему желѣзную силу и поддерживала его на ногахъ, а руки все еще держали распростертую шинель. И солдатъ, дрожа отъ невыразимаго ужаса, замеръ передъ этимъ трупомъ, прешептавъ: «Картамъ!».

Да, это онъ, старикъ, бывшій членъ конвента, въ формѣ интендантскаго офицера; зеленое сукно его сюртука закорузло отъ крови.

Слезы сжали горло молодаго человѣка, онъ набожно возложилъ руки на голову старика, голова была холодная и крѣпкая, какъ камень.

Члены окоченѣли. На изрѣзанный сюртукъ было страшно взглянуть, подъ каждымъ разрѣзомъ предугадывалась рана.

Солдатъ размышлялъ, ему не хотѣлось оставлять этого трупа.

Отчего? Инстинктивное чувство—онъ не разсуждалъ: отчасти оттого, что онъ зналъ имя этого трупа, единственнаго, который онъ призналъ въ этой безъименной толпѣ. Куда перенести его?

Въ деревнѣ ни звука. Жители бѣжали.

Безъ сомнѣнія, онъ найдетъ какой нибудь пустой домъ, какую нибудь раскрытую дверь: онъ не хотѣлъ, чтобы этотъ трупъ затерялся въ этой ужасной массѣ. Ему будетъ лучше гдѣ нибудь подъ навѣсомъ.

Онъ нагнулся, взялъ тѣло за кушакъ, приподнялъ его, нагнулъ его впередъ, чтобы приблизить къ себѣ. Но что-то держало, точно шинель сзади была прижата камнемъ, пригвождена чѣмъ-то.

Сильнымъ движеніемъ ему удалось ее освободить. Тѣло упало прямо ему въ объятія.

Изъ груди солдата вырвался крикъ испуга и удивленія.

За мертвымъ старикомъ-якобинцемъ, въ углу, который онъ защищалъ съ такимъ отчаяніемъ, лежало распростертымъ на землѣ еще тѣло!

Женщина безъ движенія, безжизненная масса. Голова, откинутая назадъ, опиралась о стѣну, точно во снѣ.

Это блѣдное лице, на которомъ отражался ужасъ, было лице Марсели,—Марсели, которую старикъ защищалъ живой, и которую мертвый онъ заслонялъ своимъ трупомъ.

— Марсель! Марсель!

Солдатъ, называвшій ее по имени, былъ Жоржъ Лорисъ, который уже три дня безумно сражался, чтобы вернуть свою честь, честь, которую ему впервые открыла та, которую онъ назвалъ сестрою.

Положивъ Картама на землю, онъ бросился къ молодой дѣвушкѣ и поднялъ ее на руки: она была не тяжелѣе ребенка.

— Мертвая! Мертвая! Она тоже убита!..

— Берегись, господинъ солдатъ,—услыхалъ за собой Лорисъ,—а вдругъ вернутся пруссаки!

Лорисъ обернулся. Съ нимъ разговаривалъ мужикъ на валлонскомъ нарѣчіи.

— Эта женщина, быть можетъ, еще жива,—обратился къ нему Лорисъ,—помогите мнѣ.

— Гм.... господинъ, это дѣло небезопасное.

Мужику этому было лѣтъ пятьдесятъ, сѣдой, съ широкой красной физіономіей.

Онъ окинулъ взглядомъ всю улицу.

— Я вернулся раньше другихъ, пожалуй, помогу тебѣ, время есть.

Онъ взялъ молодую дѣвушку за руки, руки были влажны и мягки.

— Она не мертвая, пойдемъ-ка сюда, что нибудь придумаемъ.

— А старикъ? Неужели мы его такъ и оставимъ, это ея дѣдъ?

— Ну, мсьё, сперва думай о живыхъ, а потомъ о мертвыхъ... Иди за мной...

Ничего больше не оставалось, какъ повиноваться. Лорисъ бросилъ послѣдній взглядъ на героя, который до послѣдняго вздоха, и даже послѣ смерти, остался преданнымъ дѣдушкой.

Неся на рукахъ Марсель, онъ вошелъ въ переулокъ, слѣдуя за мужикомъ.

XVII.

Съ 1-го по 22-е іюня какой поворотъ оси въ живущемъ мірѣ!

Отъ Champ de Mai, гдѣ Франція избираетъ Наполеона, до Елисейскихъ полей, гдѣ въ маленькой комнатѣ отдаленнаго дома побѣжденный Наполеонъ лихорадочно пишетъ свое отреченіе отъ власти,—какое громадное разстояніе!

Сраженіе подъ Ватерлоо было потеряно 18-го іюня, черезъ четыре дня все было кончено. Имперія, такъ шумно привѣтствованная всего мѣсяцъ назадъ, уходила такъ жалко, такъ втихомолку. Между прошлымъ и будущимъ цѣлая стѣна изъ труповъ, и любопытно, что тѣ, кто не сражался, тѣ, кто не видалъ собственными глазами ужасной дѣйствительности бѣдствія, являются самыми безпощадными судьями: Наполеонъ, который былъ все, вдругъ дѣлается ничто; они мстятъ ему за то, что еще разъ повѣрили ему; его главное преступленіе не въ томъ, что его побѣдили, но въ томъ, что на него расчитывали, какъ на возможнаго побѣдителя. Онъ долженъ платиться за ихъ обманутыя надежды.

Онъ, физически и нравственно уничтоженный, возмущается, выходитъ изъ себя, что ему не внимаютъ болѣе, какъ оракулу. Онъ, который не желалъ ничего, кромѣ благополучія Франціи,—онъ не допускалъ, чтобы сомнѣвались въ его искренности. Онъ предлагалъ стать во главѣ арміи, какъ простой генералъ.

Ему холодно отвѣтили, что подъ личиною генерала будетъ чувствоваться императоръ. Между тѣмъ, вмѣсто того, чтобы открыть ворота Парижа непріятелю, развѣ не могли еще бороться?

Восемдесятъ тысячъ людей собралось вокругъ столицъ. Груши, мнимый измѣнникъ, спасъ свои 30 тысячъ людей. Свѣжее войско и

батальоны, доведенные до отчаянія пораженіемъ, могли образовать цѣлую армію; съ Наполеономъ во главѣ, она могла бы натворить чудесъ, тѣмъ болѣе, что Блюхеръ, увлеченный своею страстью погони, отдѣленный нѣсколькими этапами отъ Веллингтона, шелъ самъ прямо въ руки дѣятельному и опытному противнику.

Кто могъ быть этимъ противникомъ? Только Наполеонъ.

Но что значило его обѣщаніе отказаться отъ власти на другой же день послѣ побѣды, даже если бы ее одержали?

Поставивъ вопросъ, приходится на него отвѣчать.

Побѣдитель при Ватерлоо, онъ не подписываетъ мира; побѣдитель въ окрестностяхъ Парижа, по возвращеніи поселился бы въ Тюльери. Это было очевидно.

Фуше, который былъ весьма предусмотрителенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ полонъ эгоистическаго честолюбія, держалъ въ своихъ рукахъ всѣ нити этихъ усложненныхъ интригъ. Онъ, какъ часовой, стоялъ передъ трономъ Франціи, готовый пропустить того, кто больше дастъ. Онъ былъ убѣжденъ, и не безъ основанія, что Наполеонъ—несомнѣнное препятствіе для мира. Будучи, кромѣ того, съ марта въ изгнаніи изъ Европы и не искупивъ этого остракизма побѣдою, онъ потерялъ свое мѣсто въ совѣтѣ королей. Кто же имѣлъ право говорить отъ имени Франціи и требовать, чтобы его слушали? Наполеонъ II—герцогъ Рейхштадтскій, который былъ только дитею—плѣнникомъ, подъ опекою неуважаемой матери? Нѣтъ Наполеона, и онъ не существуетъ.

Герцогъ Орлеанскій? Зачѣмъ прельщать младшаго и приготовлять ему подобный апоѳеозъ?

Дилемма разрѣшалась очень просто. Или Наполеонъ и война, или миръ и Бурбоны.

Изъ этихъ двухъ рѣшеній—за первое былъ народъ, возбужденный ненавистью къ чужеземцамъ, страхомъ нашествія. Въ другомъ соединялись всѣ дѣйствительные интересы, всѣ честолюбія, которыя устали ждать, всѣ подлыя чувства подъ маскою благоразумія.

Палаты, законодательный корпусъ, сенатъ, сторонники средней олигархіи, прежде всего боялись внезапнаго возстановленія самодержавія со всѣмъ звѣрствомъ Брюмера. Сопротивляясь сантиментальности, неспособные ни къ какому проявленію мужества, ни къ какой серьезной отвѣтственности, зная отечество въ опасности, они волновались, проводили время въ праздныхъ рѣчахъ, въ которыхъ прорывалось иногда коварство, внушенное Фуше.

По отношенію къ Наполеону создавалось повсюду эхо все той же пѣсни съ припѣвомъ: отреченіе!

Елисейскія поля были окружены водоворотомъ черни; толпа звала, кланялась своему спасителю, который не могъ иногда устоять отъ удовольствія показаться на террассѣ.

Ему приходило на умъ воспользоваться этой недисциплинированной силой, которой онъ всегда такъ страшился, которую онъ называлъ дикою—la sauvagerie des multitudes. Его удержала скорѣе гордость, чѣмъ разумъ.

Кто-то сказалъ то, чего онъ боялся:

Императоръ—свобода!

Нерѣшительный, стоя на дыбахъ, онъ подписалъ свое отреченіе.

25-го ему сообщили, что, такъ какъ онъ болѣе не монархъ, то долженъ покинуть Парижъ, гдѣ присутствіе его вноситъ безпокойство и волненіе, и человѣкъ, который три мѣсяца назадъ, при въѣздѣ въ Парижъ, былъ предметомъ восторженой оваціи, долженъ былъ быстро выѣхать, въ каретѣ, втихомолку, въ сопровожденіи жалкаго конвоя и закончить такимъ образомъ послѣднюю стадію своей величественной одиссеи.

Отнынѣ всемогущимъ властелиномъ былъ Фуше. Массена, который, какъ выразился Ламартинъ, «édifiait ses timidités présentes sur ces témérités d'autrefois» (былъ теперь скроменъ за всѣ свои прежнія дерзости), потерялъ вѣру и въ себя, и во Францію.

Даву находился въ повиновеніи у Фуше и дрожалъ отъ страха, когда порою чувствовалъ въ душѣ проблески героизма.

Блюхеръ съ пруссаками накинулся на Парижъ. Онъ клялся отмстить за королеву прусскую.

Старому воину захотѣлось быть рыцаремъ. Ненависть въ немъ сочеталась съ галантностью. Велингтонъ, болѣе холодный, перенеся Ватерлооское пораженіе, слѣдовалъ за нимъ слишкомъ издалека съ точки зрѣнія стратегической. Наброситься на одинокаго Блюхера, уничтожить его и дождаться запоздалаго Веллингтона было планомъ доступнымъ даже для средняго ума, при запасѣ энергіи, а главное патріотизма.

На это, однако, никто не рѣшался.

Блюхеръ былъ недалеко отъ Компіэня, въ Крейлѣ. 29-го онъ былъ въ Гонессѣ.

Пушка гремѣла въ долинѣ Сенъ-Дени.

Парижане прислушивались со страхомъ къ этому мрачному тяжелому гулу, напоминавшему имъ бѣдствія 1814 года.

Наполеонъ былъ еще въ Malmaison съ нѣсколькими преданными ему людьми.

Генералъ Бокеръ, честный человѣкъ, являлся одновременно и защитникомъ, и стражемъ, тюремнымъ стражемъ, потому что Фуше не рѣшался дать ему полной свободы.

29-го Наполеонъ выѣхалъ изъ Malmaison.

1-го іюля онъ ночевалъ въ Tours по дорогѣ въ Рошфоръ, гдѣ его ожидали англичане. Какъ разъ въ этотъ же самый день, 1-го іюля, по дорогѣ изъ Сенъ-Жермена въ Версаль мчалась почтовая карета, запряженная четырьмя сильными першеронами.

Ямщики, которымъ, вѣроятно, было заплачено поцарски, хлестали безпощадно лошадей, которыя, всѣ въ пѣнѣ, звенѣли колокольчиками. Было около семи часовъ вечера.

Весь день небо заволакивало тучами, и теперь въ воздухѣ чувствовалась тяжесть приближавшейся грозы.

Повременамъ сверкали зарницы.

Въ каретѣ сидѣло четверо.

Маркиза де-Люсьенъ, гг. Маларвикъ, отецъ и сынъ, сынъ красивый малый, слегка фатоватый, въ милости при дворѣ, кандидатъ на всякіе успѣхи; отецъ въ данное время дипломатъ и переводчикъ де-Витроля, котораго Фуше выпустилъ на свободу, и. наконецъ, статистъ—ничтожнѣйшій аббатъ Блашъ, котораго пригласили съ собой изъ любезности по дорогѣ при выѣздѣ изъ Сенъ-Жермена.

Поднимались въ гору въ Марли, гора была крутая, и, не смотря на усилія, лошади замедляли шагъ.

Мсьё де-Маларвикъ, желая блеснуть умомъ своего сына, задавалъ ему вопросы, на которые онъ зналъ заранѣе отвѣты.

— Итакъ ваши справки вѣрны?

— Наполеонъ не можетъ бѣжать.

— И, однако же, этотъ подлый Фуше далъ ему свободу?

— Ему немыслимо выбраться изъ Франціи... Наши друзья усердно его караулятъ.

— Дай-то Богъ!... Пока этотъ человѣкъ живъ, опасность для мира Европы неизбѣжна.

— Не говоря уже о тѣхъ негодяяхъ, которые стоятъ за продолженіе борьбы.

Аббатъ Блашъ на минуту точно очнулся отъ своего скромнаго оцѣпенѣнія.

— Да, я слышалъ, что будто бы солдаты, эти люди, которые готовы пожертвовать жизнью за трехцвѣтный лоскутъ, поклялись запереть ворота Парижа, чтобы не пропустить нашихъ друзей, и даже въ случаѣ нужды взорвать городъ и погибнуть вмѣстѣ съ ними.

— Вотъ настоящія-то идеи революціонеровъ! — воскликнулъ Гекторъ де-Маларвикъ.—Пускай взлетятъ на воздухъ тѣ, кто раздѣляетъ эти взгляды, а мы-то при чемъ?

— А вы просто взлетите, не въ силу убѣжденія, — замѣтилъ аббатъ,—вотъ и вся разница.

— Парижъ не принадлежитъ этимъ разбойникамъ. Парижъ принадлежитъ королю и его союзникамъ.

— То же самое говорятъ и пруссаки.

— И они правы. Пусть лучше имъ завладѣютъ пруссаки, чѣмъ якобинцы.

Въ эту минуту маркиза, которая все время дремала или, по

крайней мѣрѣ, была совершенно безучастна къ тому, что говорилось вокругъ нея, нагнулась къ окну и стала въ него смотрѣть.

При вечернемъ освѣщеніи, лице ея казалось блѣднымъ, глаза, обрамленные синевою, лихорадочно блестѣли. Она была красивѣе, чѣмъ когда либо, она казалась, такъ сказать, идеализированною, еще болѣе изящною.

Гекторъ де-Маларвикъ, молодой человѣкъ, довольно фатоватый, краснолицый, дышащій здоровьемъ, поспѣшно обратился къ ней:

— Мы въ лѣсахъ Марли, — проговорилъ онъ, — подъемы довольно крутые, но ямщики ужъ слишкомъ безцеремонны: вотъ я ихъ сейчасъ...

Она остановила его знакомъ.

— Не надо,—сказала она,—доѣдемъ и такъ.

Каковъ бы ни былъ смыслъ этой фразы, Гекторъ вообразилъ, что онъ отвѣчаетъ на нее, сказавъ:

— Король былъ 28-го въ Камбрэ, благодаря неожиданному нападенію пруссаковъ, которые повымели бонапартистовъ. Онъ долженъ скоро быть въ Парижѣ. Хорошо, если бы онъ нашелъ тамъ преданныхъ ему людей, а вы, маркиза, изъ нихъ первая.

Не отвѣчая ему, Регина сказала:

— Если лошади устали, надо дать имъ отдохнуть, а я буду рада выйдти и немного пройдтись пѣшкомъ.

— Еще нѣсколько метровъ, и подъемъ кончится, — увѣрялъ Гекторъ.

— Я желаю выйдти,—проговорила сухо маркиза.

— Вы наша королева,—замѣтилъ Маларвикъ въ восторгѣ отъ своей игры словъ, думая, что Регина ничего подобнаго никогда не слыхала.—Позвольте вамъ предложить руку.

— Маркиза уже обѣщала мнѣ свою руку, — объявилъ аббатъ, которому Регина сдѣлала знакъ. — Она, вѣроятно, не пожелаетъ измѣнить слову, данному ея покорному слугѣ.

«Странно, — подумалъ Маларвикъ, — гдѣ и когда могла она дать ему слово».

Но аббатъ уже высунулся въ окно и крикнулъ ямщику остановиться.

— Однако, маркиза...—началъ Гекторъ.

— За мсьё Блашъ право давности, — замѣтила Регина, придерживаясь за плечо аббата и выскакивая изъ кареты.

Вся въ черномъ, закутанная въ коричневое шелковое манто съ капюшономъ, который ниспадалъ на лобъ, Регина была точно въ траурѣ.

Она подхватила аббата подъ руку и увлекла его впередъ. Убѣдившись, что ихъ не услышатъ, она внезапно спросила:

— Живъ ли онъ?

— Клянусь честью, маркиза, это мнѣ неизвѣстно.

— Скажите мнѣ правду, молю васъ. Вы, конечно, получили мое письмо; разъ, что вы были въ назначенномъ мѣстѣ свиданія, вы имѣли время навести справки о немъ,—скажите мнѣ все, что вы знаете. Не буду говорить вамъ, что я тверда духомъ и что вѣсть о несчастіи перенесу спокойно, это была бы ложь, недостойная меня. Вы, мсьё Блашъ, который знали его, любили его, вы поймете меня. Живъ ли онъ?... Не...

Она не могла выговорить ужаснаго слова. Аббатъ взялъ ее за руку и, сжимая ее, проговорилъ:

— Васъ тоже я знаю лучше, чѣмъ вы сами себя знаете... такъ же хорошо, какъ я зналъ этого бѣднаго Жоржа...

— Вы говорите о немъ, точно... его нѣтъ въ живыхъ.

— Вы хотите знать правду, такъ слушайте. Съ той минуты, какъ онъ покинулъ штабъ Бурмона, этого негоднаго измѣнника...

— Что вы сказали?

Аббатъ сжалъ съ новою силою ея руку.

— Дитя мое, вы молоды и живете въ мірѣ лживыхъ и обманчивыхъ иллюзій. Мнѣ шестьдесятъ лѣтъ, я все видѣлъ и все понялъ и пришелъ вотъ къ какому выводу: «то, что справедливо, то справедливо, что несправедливо, то несправедливо». Какъ видите—банальность. А между тѣмъ изъ нея вытекаетъ, что человѣкъ, который измѣняетъ данному слову,— преступникъ. Присягалъ Бурмонъ или нѣтъ Наполеону? Да, и онъ измѣнилъ ему, онъ преступенъ...

— Ради короля!..

— Прошу васъ, замолчите, или я буду рѣзокъ. Вы были воспитаны въ особомъ почтеніи къ второстепеннымъ принципамъ, тогда какъ существуетъ только одинъ главный, несомнѣнный: это— честность. Безчестно измѣнить дѣлу, которому далъ клятву служить.

— Но вѣдь Бурмонъ не дрался противъ...

— Противъ французовъ—договорите это слово, оно просится у васъ на уста, и вы не рѣшаетесь его произнести. Онъ, дѣйствительно, не дрался. Что значитъ дезертировать наканунѣ битвы, поселить въ арміи безпокойство и отчаяніе? Это не значитъ стрѣлять по ней изъ ружья... Это болѣе подло!

— Мсьё Блашъ, зачѣмъ говорите вы мнѣ все это?

— Зачѣмъ? А вотъ зачѣмъ: если Лорисъ убитъ, бѣдный Лорисъ, котораго вы любите, человѣкъ рѣдкихъ душевныхъ свойствъ, если намъ не суждено его болѣе видѣть, его смертью мы обязаны этимъ злымъ и фальшивымъ теоріямъ. Онъ былъ наивенъ... Вспомните, онъ не хотѣлъ служить Бонапарту, вы его заставили. Онъ послушался васъ, но съ той минуты, какъ онъ взялся за шпагу, этотъ честный ребенокъ сказалъ себѣ, что онъ взялъ на себя извѣстное обязательство. Ему непонятны были эти придворныя тон-

кости, въ которыхъ вы считали его такимъ опытнымъ, а между тѣмъ вы ему вѣрили, когда онъ говорилъ вамъ, что васъ любитъ. А что если бы онъ вамъ солгалъ, что бы вы сказали?

— Я была увѣрена въ немъ.

— Хорошо, что вы къ нему справедливы. Но развѣ есть два толкованія вѣрности? Всякое слово священно. Вы хотѣли, чтобы онъ измѣнилъ только одному своему слову, и онъ на это не согласился. О, я знаю все, что тамъ происходило въ тотъ позорный часъ... и то преступленіе другихъ, въ которомъ вы, увы! виноваты болѣе всѣхъ, онъ пожелалъ искупить, пожертвовавъ своею личностью.

— Ради Бога, замолчите... вы меня терзаете...

— Онъ обѣщалъ отдать свою жизнь, и онъ рѣшилъ предложить ее не какъ офицеръ, а какъ темный солдатъ, смѣшаться съ послѣдними рядами, страшась быть узнаннымъ, страшась услыхать: «Вотъ онъ, бывшій сообщникъ Бурмона!». Его видѣли въ Quatre-Bras, его видѣли съ Неемъ въ Haie-Sainte рыдающимъ, что онъ не убитъ... Безумецъ, но благородный, честный безумецъ, котораго я люблю всею силою моего стараго сердца. Я прослѣдилъ его до деревни Женапъ, въ которой друзья короля, ваши друзья, всѣхъ перебили. Его убили въ общей свалкѣ, очень просто!...

И аббатъ остановился, вытирая слезы съ своего рукава.

Регина не плакала, съ сухими устремленными очами она внимала, сердце ея сжималось отъ боли. Она не совсѣмъ поняла, что говорилъ аббатъ... Она такъ вѣрила въ правоту своего дѣла, что ей казалось, что все, дѣлавшееся во имя его, заранѣе имѣетъ оправданіе, а между тѣмъ оно преступно, если Лорисъ умеръ изъ-за него. Замѣтивъ, что она дрожитъ точно въ агоніи, онъ продолжалъ болѣе мягко:

— Въ сущности, я ничего не утверждаю... Ничего не знаю. Какъ кажется, тѣло Лориса не найдено. Нѣсколько храбрецовъ въ Женапѣ могли и уцѣлѣть... Конечно, такихъ не много! А, можетъ быть, онъ и попалъ въ число ихъ?

— Ахъ, если бы это было такъ!—воскликнула несчастная женщина.—Я не знаю, хорошо ли я поступала, или дурно, не спорю объ этомъ, но если бы вы знали, какъ я страдаю... а между тѣмъ, вы правы, да... былъ моментъ: я думала, Лорисъ измѣнилъ данному мнѣ слову, и мнѣ казалось, я не переживу этого. Это было бы преступленіемъ съ его стороны... Конечно, преступленіемъ. И то, что вы мнѣ говорили, стало мнѣ отчасти понятно въ тотъ день, когда онъ въ Флореннѣ на меня такъ накинулся. О, я это ему, конечно, сейчасъ же простила. Но, увы! его уже не было. Другъ мой, вы, котораго Лорисъ часто называлъ отцемъ, молю васъ, продолжайте ваши поиски его... Представьте себѣ—вдругъ онъ раненъ, умираетъ, призываетъ меня. Я спасу его. Вы его най-

дете, не правда ли? И тогда призовите меня. Какъ бы далеко мнѣ ни пришлось бѣжать для этого, я всюду приду. Вамъ, какъ духовному лицу, которому исповѣдуются, я могу сказать, какъ я его люблю!

Мсьё Маларвикъ подошелъ и, остановясь на почтительномъ разстояніи, снявъ шляпу, замѣтилъ учтиво:

— Маркиза, время дорого, гроза быстро приближается.

И дѣйствительно начинали капать крупныя капли дождя.

Регина прикрыла своимъ манто руку аббата.

— Не забудьте, — прибавила она тихо, сжимая ему руку изо всей силы.

— Расчитывайте на меня. Дайте мнѣ руку и сядемте въ карету.

Черезъ нѣсколько минутъ всѣ четверо снова сидѣли въ каретѣ, которая быстро помчалась въ Rocquencourt.

Регина молчала, отдаваясь вся своему молчаливому горю.

Надо сознаться, что она по натурѣ была искренняя, хорошая: она это доказала.

Брошенная въ жизнь безъ всякой подготовки, не руководимая никѣмъ, только злобою близкихъ людей, не сознавая себя женщиною, а только воительницею, она шла прямо безъ отклоненій къ тому идеалу, который она сама себѣ создала и который казался ей великимъ. Ради своей цѣли она всѣмъ пожертвовала, забывъ себя, не поддаваясь ни первымъ проблескамъ разума, ни первымъ біеніямъ сердца. Она замкнулась въ своемъ вѣрованіи, какъ въ монастырѣ, мечтая о мученичествѣ. Явился Жоржъ Лорисъ, такой же наивный, но съ большею страстью. То, что влекло ее къ нему, какъ ей казалось, были только ихъ обѣщанія, надежды и честолюбіе. Но вотъ однажды, по откровенію, которое природа хранитъ для самыхъ безсознательныхъ натуръ, ея глаза раскрылись; надо было, чтобы она случайно встрѣтилась на своемъ пути съ другою женщиною.

Отчего вдругъ такъ больно сжалось ея сердце отъ ревности? Значитъ, Лорисъ для нея не только товарищъ по оружію, союзникъ, случайно избранный среди столькихъ другихъ. Она прислушивалась точно къ эху непонятныхъ прежде словъ, къ словамъ любви, которыя онъ сказалъ ей на ухо, и во всемъ ея существѣ зазвучала мелодія, къ которой прежде она была глуха!

И вотъ въ первый разъ она созналась ему въ этомъ, и онъ ее оттолкнулъ! Голосъ его, прежде столь нѣжный, вдругъ сталъ жесткимъ, мстительнымъ.

Она умоляла его остаться, слѣдовать за нею,—онъ уѣхалъ!

А между тѣмъ онъ любилъ ее, она это чувствовала, ей говорилъ это внутренній голосъ... Какая сила вдругъ оказалась сильнѣе ея любви?—допрашивала она себя.

На другой день кто-то сказалъ при ней:

— Мсьё де-Лорисъ безчеститъ себя,—онъ дерется за Бонапарта.

Она вздрогнула, удивляясь, что не можетъ присоединить своего голоса къ голосу его порицателей. Она сознавала только одно, что Лорисъ дерется, что пули свистятъ надъ нимъ, что его убьютъ!

Какія это были мученія страха!

Когда разнеслась вѣсть о пораженіи подъ Ватерлоо, побѣда противъ Бонапарта, за короля, у Регины, среди ликованія царедворцовъ, изъ которыхъ ни одинъ не читалъ въ ея сердцѣ, была одна только мысль, живъ ли онъ.

Когда до нея доходили разсказы ужасающіе, съ перечисленіемъ гекатомбъ мертвецовъ, она замирала въ ужасѣ; она ожидала услышать каждую секунду его имя, и вмѣстѣ съ надеждою, казалось ей, вырвутъ и сердце изъ груди ея. Тамъ въ Gand, куда она послѣдовала за генераломъ Бурмономъ, ее окружало всеобщее поклоненіе. Какой-то любезникъ назвалъ ее m-me Варвикъ, дѣлательницей королей, и это названіе обошло всѣ салоны.

Король не былъ неблагодарнымъ: она была возведена въ званіе фаворитки... политической. Онъ публично благодарилъ ее за оказанныя услуги, посматривая при этомъ въ сторону Маларвика. Послѣ свадьбы—важное положеніе при дворѣ, право возсѣдать на табуретѣ при королѣ. Вокругъ нея теперь восторги и зависти.

Она, улыбающаяся, чувствовала, какъ плачетъ ея сердце.

Нѣтъ вѣстей: о Жоржѣ Лорисѣ ни слова, хоть бы дурное что кто сказалъ. Онъ былъ забытъ. Она нашла возможность черкнуть словечко аббату Блашу и открыть ему свою тайну.

И добрый старикъ храбро отправился на поиски, всюду бѣгая, всѣхъ разспрашивая, вездѣ розъискивая. Въ Женапѣ всякій слѣдъ Лориса исчезаетъ. Тогда Регина пожелала вернуться во Францію. Отецъ и сынъ Маларвикъ вызвались ее сопровождать. Ей было такъ безразлично, кто бы съ ней ни ѣхалъ. Аббатъ находился на мѣстѣ заранѣе назначеннаго свиданія, и теперь несчастная женщина, уткнувшись въ уголъ кареты, зажимала себѣ ротъ платкомъ, чтобы не разразиться рыданіями.

— Кто ѣдетъ?

Раздался вдругъ французскій возгласъ.

Оба Маларвикъ вздрогнули: французы на этомъ пути!... Они избрали именно его потому, что, по полученнымъ свѣдѣніямъ, онъ долженъ быть занятъ пруссаками. Аббатъ Блашъ высунулся въ въ окно.

— Друзья,—отвѣтилъ онъ,—французы.

— Выходите.

— Ямщикъ, хлестни-ка хорошенько по лошадямъ!—крикнулъ Маларвикъ.

— Извините: французскимъ законамъ повинуются,— замѣтилъ аббатъ тономъ, который не особенно понравился его спутникамъ.

Онъ открылъ дверцу и вышелъ.

Тутъ былъ взводъ стрѣлковъ съ унтеръ-офицеромъ; всѣ были при ружьяхъ.

— Кто вы такіе,—спросилъ унтеръ-офицеръ,—и зачѣмъ вы здѣсь?

— Мы—французы, говорю вамъ, и ѣдемъ въ Версаль.

— Въ Версаль нельзя проѣхать иначе, какъ съ саблей въ рукѣ, тамъ пруссаки. Ваши фамиліи?

Не смотря на воркотню Маларвика, впрочемъ, довольно умѣренную, аббатъ удовлетворилъ любопытство унтеръ-офицера.

— Гм!... — воскликнулъ тотъ, — племя эмигрантовъ! Извольте сойдти и слѣдовать за мной.

— Вы забываете, сержантъ,—замѣтилъ аббатъ, — что съ нами дама, съ которой вы должны быть учтивы.

— Дама? Ахъ, да! Маркиза!

— Отчего вы не позволяете намъ продолжать нашъ путь?

— Пускай мужчины выйдутъ,—отвѣтилъ онъ,—а дама можетъ остаться въ каретѣ. Васъ проводятъ къ капитану, и вы объяснитесь съ нимъ.

Изъ лѣска вышли еще солдаты; они заговорили съ сержантомъ.

— Хорошо,—сказалъ онъ аббату,—капитанъ самъ сейчасъ придетъ. Все и уладится.

Аббатъ зналъ военные порядки, онъ понималъ, что они попали во французскую засаду. Быть можетъ, какая нибудь отчаянная попытка со стороны патріотовъ. Но къ чему задавать вопросы, когда знаешь навѣрно, что на нихъ не отвѣтятъ. Прошло еще нѣсколько минутъ; солдаты съ поднятыми ружьями прислушивались къ ночной тиши.

Наконецъ, въ тѣни обрисовалась группа, и показалась высокая фигура капитана: это былъ Жанъ Шенъ.

Аббатъ Блашъ направился къ нему.

— Капитанъ, — началъ онъ, — мы не знали, что этотъ путь закрытъ. Нельзя ли намъ проѣхать въ Версаль?

— Вы не можете ѣхать въ Версаль. Тамъ дерутся. Вамъ придется вернуться или взять на Парижъ по Булонской дорогѣ. Есть у васъ паспорты?

Жанъ Шенъ сталъ читать ихъ и вдругъ вскричалъ:

— Не правда ли, дама, которая васъ сопровождаетъ...

— Маркиза де-Люсьенъ.

— Гдѣ она?

И, подойдя къ каретѣ и снявъ шляпу:

— M-me де-Люсьенъ,—проговорилъ онъ.

Регина услыхала голосъ и быстро высунулась въ окно. Она узнала капитана и не могла скрыть своего неудовольствія.

— Что вамъ отъ меня нужно? — спросила она.

Онъ заговорилъ тихо:

— Второй разъ случай насъ сталкиваетъ. Второй разъ я возвращу вамъ свободу. Постарайтесь не забыть, что капитанъ Жанъ Шенъ былъ къ вамъ дважды великодушенъ.

Вся гордость Регины поднялась въ ней.

— Великодушенъ? Кому нужно ваше состраданіе? Развѣ наши паспорты не въ порядкѣ?

Жанъ Шенъ замолкъ, онъ зналъ, какую измѣнническую интригу вела маркиза противъ отечества; онъ зналъ ея участіе въ измѣнѣ Бурмона.

— Бѣдная женщина!—сказалъ онъ только.

Второй разъ эти слова, сказанныя тѣмъ же голосомъ, поразили слухъ Регины.

— Съ чего вы взяли жалѣть меня? — спросила она съ гнѣвомъ:—по какому праву?

— По какому праву?—повторилъ Жанъ Шенъ, смотря на нее въ упоръ,—по праву, данному мнѣ одной умершей.

Затѣмъ, не прибавивъ ни слова, обратился къ солдатамъ:

— Двое изъ васъ будутъ конвоировать эту карету до Булонскаго тракта. Если бы ямщикъ вздумалъ повернуть назадъ,—пулю ему въ лобъ! Поняли?

Онъ отошелъ, а солдаты взяли лошадей подъ уздцы и повернули ихъ въ обратную сторону.

Чтобы посвѣтить имъ, Жанъ Шенъ приподнялъ фонарь, который онъ держалъ въ рукѣ.

Въ это время около него появилась женская фигура.

— Отецъ,—проговорилъ молодой, свѣжій голосъ,—я пришла съ тобой проститься.

Регина ничего не слыхала, но она видѣла эту женщину, она узнала въ ней Марсель, и въ одну секунду ей вспомнилась вся ея злоба на нее со всею силою, со всею болью.

Новая мысль промелькнула у нея въ головѣ: а что если Лорисъ отказался отъ идеи, которой служилъ, если онъ оттолкнулъ отъ себя ее, свою невѣсту, свою жену, во имя тѣхъ взглядовъ, которые проповѣдывалъ отецъ Марсели, человѣкъ, который неизвѣстно отчего осмѣливается выражать ей участіе. Почемъ знать, можетъ быть, эта дѣвчонка, эта якобинка приворожила его, заколдовала, и онъ проникся ихъ взглядами.

Ей казалось, она разомъ все поняла.

Лорисъ повиновался не своему разуму, а вліянію этой дѣвушки. Если онъ поступилъ въ армію Наполеона, то для того, чтобы доставить удовольствіе отцу ея...

Ей казалось теперь, что она нашла въ этомъ почти отвлеченномъ образѣ Марсели тайный отвѣтъ на ея страхи, указаніе самой судьбы забыть о Лорисѣ...

И въ то время, какъ отецъ и сынъ Маларвикъ распространялись въ злобныхъ выраженіяхъ о якобинцахъ, отъ которыхъ, наконецъ, Франція будетъ освобождена, Регина старалась отогнать отъ себя воспоминаніе о Лорисѣ—она меньше плакала и больше страдала.

XVIII.

Изъ всѣхъ кофеенъ, которыя были въ модѣ въ эпоху Реставраціи, ни одна не пользовалась такой популярностью современниковъ, какъ знаменитый кабачекъ извѣстный подъ именемъ Mille-Colonnes. Если Regence впродолженіе болѣе 60 лѣтъ была мирнымъ пріютомъ игроковъ въ шахматы, а кофейня de Foy—мирныхъ капиталистовъ, Caveau—политическихъ болтуновъ, Café Lemblin—воинства, Tortoni—биржевиковъ, кофейня Chéron, кофейня Touchard—актеровъ, то Mille-Colonnes была эклектическимъ сборнымъ пунктомъ, выражаясь поспѣшнымъ анахронизмомъ,—всего Парижа 1815 года.

Хроникеры того времени величаютъ это заведеніе однимъ словомъ, которое заключаетъ въ себѣ всѣ хвалебные эпитеты: это—храмъ, говорятъ они.

Въ галлереѣ Пале-Рояля входъ его обозначался огненными буквами, которыя горѣли, точно лампады на паперти. Съ первыхъ ступенекъ—чудеса: въ стѣнѣ прихожей такое прекрасное зеркало, говоритъ добрякъ де-Жуи, что онъ чуть не прошибъ себѣ голову, думая пройдти сквозь него. Почтенный отшельникъ Chaussée d'Antin, да и другихъ мѣстъ, съ трудомъ сдерживаетъ свои порывы восторга передъ главнымъ заломъ, который носитъ важное названіе троннаго зала. Ничто не можетъ сравниться по блеску, по роскоши,—говоритъ онъ. Колонны изъ зеленаго пиринейскаго мрамора, карнизы, арабески изъ золота, украшенія изъ бронзы и хрусталя повторяются и множатся въ зеркальныхъ простѣнкахъ, въ которыхъ глазъ теряется и не можетъ ни сосчитать предметовъ, ни измѣрить пространства.

Тамъ, на массивной эстрадѣ краснаго дерева, отдѣланной бронзой, возсѣдаетъ на настоящемъ тронѣ, пріобрѣтенномъ съ молотка, какая нибудь новоявленная королева—лимонадчица, съ діадемою на головѣ изъ драгоцѣнныхъ камней, и съ невозмутимомъ достоинствомъ священнодѣйствуетъ на жертвенникѣ, чтобы не сказать ужаснаго слова—за прилавкомъ, заставленнымъ хрустальными, серебряными и эмальированными сосудами, предназначенными для возліянія винъ.

И въ какое отдаленное прошлое переноситъ насъ это возліяніе! Все, что тутъ предлагалось, а въ особенности пуншъ, было, кажется, отвратительно.

Любители одиночества могли спасаться въ другихъ залахъ отъ толпы, которая, 3 іюля 1815 года, наполнила биткомъ кофейню, чтобы понабрать вѣстей: дѣло въ томъ, что ожидали, кто со злобою, кто съ нетерпѣніемъ, подписанія капитуляціи въ выраженіяхъ, которыя, какъ говорили, были рѣшены наканунѣ въ военномъ совѣтѣ de la Villette.

Волненіе было всеобщее; весь Пале-Рояль былъ полонъ любопытныхъ, и въ открытыя окна, выходящія въ садъ, слышался шумъ толпы, которая передавала свои впечатлѣнія, подъ-часъ поясняя ихъ серьезными тумаками.

Надо правду сказать, возмущенныхъ было немного; довольныхъ цѣлые легіоны. Наполеонъ до того утомилъ Францію, что она желала только одного—уснуть: точно странникъ, ищущій себѣ пріюта, все равно каковъ бы онъ ни былъ.

Днемъ разнесся слухъ, что два дня назадъ кирасиры Эксельмана напали на пруссаковъ по пути въ Версаль и разбили ихъ. Какъ разъ, среди группы людей, стоя на стулѣ, какой-то господинъ, въ уланскомъ мундирѣ, ораторствовалъ:

— Ихъ было болѣе полуторы тысячи, они вышли изъ лѣсовъ Verrieres съ крикомъ: «Парижъ! Парижъ!».... Надо было видѣть, что это было, когда бригада генерала Венсена напала на нихъ. Они не продержались и пяти минутъ, за ними гнались и рубили ихъ. Они промчались мимо Версаля галопомъ, по направленію къ Rocquencourt; но игра не прекратилась; тамъ былъ генералъ Пире съ своими кроликами... и почтенная компанія du Gui... и началась снова свалка... На помощь подоспѣли крестьяне и искрошили этихъ пруссаковъ! Ахъ! Если-бъ генерала Эксельмана поддержали... Но и тутъ было повтореніе того же самаго, что и въ Louveciennes: онъ наткнулся на главную часть прусской арміи, и пришлось поскорѣе убраться...

— Измѣна, какъ всегда.

— Стоило раздражать непріятеля.

— Увидятъ, на кого все это рушится.

Замѣчанія такъ и перекрещивались, въ общемъ не особенно лестныя для нашихъ послѣднихъ защитниковъ.

За молчаніемъ, которое послѣдовало, изъ одного залитаго свѣтомъ окна кофейной раздался крикъ, который точно долженъ былъ разсѣять всѣ опасенія:

— Да здравствуетъ король!

Послышался ропотъ, который, однако, быстро затихъ.

— Король—значитъ миръ! Да здравствуетъ миръ!—раздались голоса.

Между группами уже нѣсколько минутъ бродилъ маленькій человѣчекъ, проскальзывая въ толпу, прислушиваясь къ разговорамъ, ловя слова на лету.

На немъ былъ сюртукъ коричневаго сукна, черные панталоны обхватывали его худыя ноги; никто его не замѣчалъ, никто не обращалъ на него вниманія, и онъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ могъ заниматься собираніемъ новостей. Иногда онъ обращался къ кому нибудь съ вопросомъ самымъ вкрадчивымъ голосомъ, ему отвѣчали рѣзко или поворачивали спину. Онъ не настаивалъ и отправлялся дальше, пробираясь повсюду, какъ тѣнь.

Въ ту минуту, какъ раздался голосъ за короля, онъ быстро поднялъ голову и въ освѣщенной рамѣ окна онъ увидалъ высокаго господина въ военномъ мундирѣ, гордой осанки.

Онъ невольно на минуту остановился отъ удивленія.

Аббатъ Блашъ,—это былъ онъ,—свято исполнялъ обѣщаніе, данное маркизѣ де-Люсьенъ. Онъ всюду искалъ, прислушиваясь ко всѣмъ отголоскамъ извѣстій о виконтѣ Лорисѣ. Никто не слыхалъ этого имени, даже изъ солдатъ, вернувшихся въ Парижъ; никто не могъ ничего ему отвѣтить. Частенько приходилось ему натыкаться даже на грубость, но онъ не унывалъ.

Тотъ, кто такъ внезапно привлекъ къ себѣ всеобщее вниманіе своею особою любовью къ королевскому сану, былъ не кто иной, какъ Лавердьеръ. Нечего говорить, что онъ былъ симпатиченъ почтенному аббату, который зналъ его только какъ одного изъ тѣхъ «bravi» на всѣ руки, которымъ суждено рано или поздно печально кончить.

Надо замѣтить, что онъ ничего не зналъ о послѣднемъ превращеніи авантюриста. Но ему вспомнилось, что онъ слышалъ объ исторіи на почтовомъ дворѣ, о дуэли между Лавердьеромъ и Лорисомъ; исторія сама по себѣ не важная и, вѣроятно, забытая, но въ данномъ случаѣ тѣмъ знаменательная, что Лавердьеръ зналъ Лориса и, слѣдовательно, лучше всякаго другаго могъ дать какія нибудь о немъ указанія.

Допуская даже, что онъ сохранилъ противъ виконта зубъ, можно было найдти возможность умиротворить его и воспользоваться имъ.

Всѣ эти соображенія промелькнули въ головѣ аббата въ одну секунду, и онъ остановился на томъ, что тутъ нѣтъ выбора въ средствахъ.

И потому онъ рѣшился перейдти порогъ пресловутаго «храма» и, предоставивъ себя теченію толпы, скоро добрался до окна, гдѣ только что парадировалъ храбрый капитанъ, который въ данную минуту, довольный произведеннымъ эффектомъ, заслужившій аплодисменты внутри кофейни отъ шайки франтовъ и дворянчиковъ, которые подогрѣвали свое рвеніе пламенемъ пунша, важно разсѣвшись, съ гордо закинутой головой, съ самоувѣренностью глядѣлъ въ глаза

будущему. Дѣйствительно, на его горизонтѣ всходило солнце. Рана, полученная во время служенія у генерала Бурмона, сразу поставила его въ ряды героевъ, сразу дала ему мѣсто среди правовѣрныхъ—это было посерьезнѣе новой формы: тутъ обновилась сама кожа.

Зато Кейразъ и поторопился въ Парижъ, чтобы поскорѣе приняться за хлопоты по важному вопросу объ обѣщанномъ вознагражденіи. Надо было пользоваться первыми порывами благодарности, первыми изліяніями радости, которая всегда смягчаетъ душу.

Король не замедлитъ вернуться въ свой милый городъ; чтобы запастить терпѣніемъ, бывшій авантюристъ, убѣжденный, что теперь насталъ конецъ всѣмъ его мытарствамъ, подкрѣплялъ себя усиленно пуншемъ.

И вотъ онъ увидѣлъ, что къ нему подходитъ, улыбаясь, со шляпою въ рукѣ маленькій аббатъ. Къ бульдогу, зубовъ котораго боятся, обыкновенно подходятъ съ кускомъ пирога.

Не потому, чтобы аббатъ Блашъ былъ не изъ храбраго десятка: въ былое время онъ служилъ во французской гвардіи, но здѣсь вѣдь дѣло шло не о сраженіи.

Не безъ презрѣнія смотрѣлъ Лавердьеръ на этого приближающагося фантоша. Какое-то смутное воспоминаніе пробудилось въ немъ при видѣ его. Гдѣ могъ онъ его видѣть?... Чортъ возьми! У маркизы де-Люсьенъ, которая была съ нимъ весьма любезна. Какъ разъ послѣ происшествія во Флореннѣ она какъ будто стала избѣгать его, Лавердьера: его это отчасти безпокоило, такъ какъ на нее онъ расчитывалъ болѣе, чѣмъ на кого нибудь изъ своихъ покровителей.

— Мсьё де-Лавердьеръ, если не ошибаюсь, — обратился аббатъ самымъ учтивымъ образомъ.

Лавердьеръ хотѣлъ было протестовать, отказаться отъ своего настоящаго имени, но тотъ не далъ ему времени.

— Позвольте мнѣ обратиться къ вамъ за одной услугой.

«Прекрасно,—рѣшилъ Лавердьеръ,—я ему нуженъ, посмотримъ, въ чемъ дѣло».

Онъ приподнялъ шляпу и указалъ ему на мѣсто подлѣ себя на бархатной скамейкѣ.

— Къ вашимъ услугамъ, господинъ аббатъ.

— Вы меня знаете?

— Какъ одного изъ преданныхъ людей, если не ошибаюсь, m-me де...

И онъ на ухо шепнулъ ему имя маркизы.

— Дѣйствительно, я одинъ изъ ея преданныхъ слугъ, и я обращаюсь къ вашей любезности отчасти отъ ея имени...

— Въ такомъ случаѣ, я счастливъ служить вамъ. Въ этой

груди,—и онъ ударилъ себя кулакомъ по ней,—бьется преданное сердце, испытайте его.

— О, наше дѣло небольшой важности... мнѣ нужна одна справка, которую вы можете добыть мнѣ скорѣе, чѣмъ кто нибудь другой.

— Прикажите.

— Предупреждаю васъ, что дѣло касается лица, съ которымъ у васъ были непріятности, положимъ, пустяшныя, но я бы просилъ васъ забыть о нихъ.

— Если бы я долженъ былъ помнить всѣхъ тѣхъ, кому отъ меня доставалось, у меня не стало бы памяти запомнить только ихъ имена.

— Того имени, которое я вамъ назову, вы, вѣроятно, не забыли.

— Скажите.

— Виконтъ Жоржъ де-Лорисъ.

Лавердьеръ не сплоховалъ: онъ выпилъ порядочный залпъ пунша и сумѣлъ не поблѣднѣть.

Какъ разъ это имя было единственное, впрочемъ, нѣтъ, было и еще одно, котораго онъ не могъ слышать безъ пѣны у рта.

Три раза онъ чуть не держалъ этого человѣка на концѣ своей шпаги, и три раза онъ самъ былъ уничтоженъ имъ, опозоренъ, оскорбленъ. Это былъ не только его противникъ, но врагъ.

Лавердьеръ кашлянулъ еще разъ, чтобы дать себѣ время успокоиться.

— Да,—замѣтилъ онъ равнодушно,—помню, дѣйствительно помню. Такъ дѣло касается этого милѣйшаго виконта?

Не смотря на всю свою сообразительность, аббатъ, которому были неизвѣстны приключенія въ улицѣ Erégon и въ Флореннѣ, по крайней мѣрѣ, на сколько они касались Лавердьера, попался въ западню.

— Да, и я счастливъ, что вы такъ сочувственно отнеслись къ моей просьбѣ. Вотъ въ чемъ дѣло: мсьё Лорисъ былъ моимъ воспитанникомъ, и я къ нему сердечно привязанъ. Не скрою отъ васъ, что я въ настоящее время смертельно о немъ безпокоюсь. Вамъ, можетъ быть, неизвѣстно, что мсьё Лорисъ отказался слѣдовать за Бурмономъ.

«Знаю я это,—подумалъ Лавердьеръ.—Это тоже записано ему на счетъ».

— Не мнѣ судить объ его поведеніи, — продолжалъ аббатъ. — Въ мои годы человѣкъ дѣлается снисходительнымъ. Я слышалъ, что онъ, повинуясь, можетъ быть, идеальнымъ принципамъ честности, желалъ довести до конца то, что онъ считалъ своимъ долгомъ, какъ солдатъ. Его видѣли подъ Ватерлоо, затѣмъ въ Жемапѣ, куда ихъ загналъ непріятель, и съ этой минуты никакихъ извѣстій, никакихъ слѣдовъ, погибъ ли онъ, лежитъ ли онъ гдѣ нибудь ра-

ненный, умирающій; я искалъ, разспрашивалъ и ничего не узналъ, я уже отчаивался, какъ вдругъ я узналъ вашъ голосъ, когда вы крикнули...

— Да здравствуетъ король!—добавилъ Лавердьеръ:—это вырвалось у меня отъ чистаго сердца.

— Я знаю... Вотъ я и рѣшилъ: капитанъ Лавердьеръ знаетъ массу людей, быть можетъ, онъ самъ или черезъ своихъ друзей найдетъ возможнымъ раздобыть мнѣ кое-какія справки. Увѣряю васъ, что вы бы оказали мнѣ этимъ настоящую услугу, и не мнѣ одному, а, можетъ быть, и еще одной особѣ, которая сумѣла бы васъ отблагодарить.

Безспорно, аббатъ былъ слишкомъ откровененъ. Лавердьеръ ни на минуту не былъ одураченъ имъ. Было ясно, какъ день, что аббатъ розыскиваетъ Лориса не для себя лично. Маркиза достаточно компрометировала себя съ этимъ ферлакуромъ, чтобы теперь узнать, освободилась ли она отъ него, или нѣтъ.

— Зачѣмъ таить отъ меня правду,—замѣтилъ онъ подмигнувъ.— Сознайтесь прямо, что вы посланы маркизою...

— Но...

— Я вѣдь тотъ чортъ, который не такъ черенъ, какъ его малюютъ. Вполнѣ понимаю, въ чемъ тутъ дѣло. Маркиза поссорилась съ этимъ голубчикомъ на смерть. Я къ нему, признаюсь, особой симпатіи не чувствую, охотно бы не имѣлъ съ нимъ никакого дѣла... но, съ другой стороны, онъ можетъ выплыть, когда это можетъ быть менѣе всего желательно, и потому лучше знать напередъ, чего ожидать отъ него.

Какое было дѣло аббату до предположеній этого человѣка. Намѣренія Жоржа и Регины были достаточно выяснены, чтобы лишнее слово могло имъ какъ нибудь повредить. Капитанъ ошибался относительно чувствъ маркизы, и прекрасно.

— Я не имѣю права отвѣтить вамъ категорически, любезный капитанъ, но не вправѣ и разувѣрять васъ въ вашихъ предположеніяхъ... главное, могу ли я на васъ расчитывать?

Конечно, никогда еще Лавердьеръ не брался за порученіе съ бо́льшимъ удовольствіемъ. Ему и въ голову не пришло бы теперь розыскивать виконта, предоставивъ случаю возможность столь желаннаго возмездія, но разъ, что эта возможность представлялась сама собой, смѣшно было бы ею не воспользоваться.

Найдетъ ли онъ его, или нѣтъ, но онъ сумѣетъ нанести ему все зло, котораго онъ ему желаетъ уже цѣлый мѣсяцъ, все равно— ему ли лично, или его памяти, и онъ сталъ разсыпаться въ увѣреніяхъ.

— Сколько времени потребуется вамъ?

— Времени? да нѣсколько часовъ.

— Такъ что завтра утромъ вы надѣетесь узнать...

— Всю правду.

Аббатъ призадумался: Регина убивалась, ея безпокойство доводило ее до отчаянія, она положительно теряла разсудокъ, она страдала и отъ безпокойства, и отъ подозрѣнія. Надо было положить конецъ ея пыткѣ.

— Послушайте,—началъ аббатъ,—если вы узнаете что нибудь вѣрное, явитесь завтра въ отель маркизы Люсьенъ, тамъ вы меня найдете.

— Развѣ маркиза вернулась?

— Я не говорю ни «да», ни «нѣтъ»; постарайтесь добиться толку, докажите ваше рвеніе и добрую волю. Я думаю, что вамъ не придется раскаиваться.

— До завтра!—сказалъ Лавердьеръ,—и сдѣлайте мнѣ честь не сомнѣваться въ моей преданности вамъ... и маркизѣ.

Въ общемъ, аббатъ былъ въ восторгѣ отъ своего договора. Спеціалистъ въ дѣлахъ шпіонства, Лавердьеръ являлся лучшей гончей, чтобы напасть на слѣдъ.

Аббатъ вложилъ свою руку въ протянутую руку капитана и снова исчезъ въ толпѣ.

— Чортъ возьми, гдѣ же искать этого проклятаго виконта?— воскликнулъ Лавердьеръ почти вслухъ.

— Если позволите, я вамъ помогу,—проговорилъ чей-то голосъ почти около него.

Лавердьеръ быстро обернулся.

Онъ узналъ барона Гектора Маларвика и на этотъ разъ, проникнутый чувствомъ истиннаго уваженія,—онъ зналъ, въ какой милости эта семья была у короля,—онъ выпрямился и почтительно снялъ шляпу. Странная была физіономія у этого молодаго человѣка, цвѣтущаго, въ полномъ расцвѣтѣ физическихъ силъ, если хотите, красиваго, но въ немъ было что-то, что вносило въ васъ какую-то тревогу, безпокойство: впалые глаза никогда не глядѣли прямо, а если онъ рѣшался посмотрѣть въ глаза другому, то въ нихъ было видно столько наглой дерзости, что-то жесткое, что поражало и отъ чего становилось жутко.

Онъ былъ одѣтъ по послѣдней модѣ того времени.

Всего два дня въ Парижѣ, и онъ успѣлъ уже одѣться по модѣ завтрашняго дня: на немъ былъ рединготъ синевато-сѣраго камлота съ бархатнымъ воротникомъ, высокая съ полями пуховая шляпа, стеганный муаръ-жилетъ, какъ выражались тогда, «съ тучками», панталоны изъ кутиля, пуховые сапоги; въ цѣломъ онъ олицетворялъ собою идеалъ дурнаго вкуса. Въ довершеніе всего лорнетъ, который онъ, разговаривая, постоянно вертѣлъ, точно желая сдѣлать еще болѣе замѣтнымъ яркій, желтый, шафранный цвѣтъ своихъ перчатокъ.

— Я бы желалъ переговорить съ вами,—началъ онъ,—пріютимтесь въ одномъ изъ этихъ маленькихъ кабинетовъ.

— Весь къ вашимъ услугамъ, баронъ.

Они направились въ глубину залы, приподнявъ портьеру.

— Вотъ здѣсь, напримѣръ, чудесно, — сказалъ онъ, указывая на маленькую комнату, всю обитую сѣрымъ сукномъ съ золотомъ,—настоящій будуаръ счастливыхъ минутъ. Извините, пожалуйста, я только скажу одно слово мѣстной богинѣ.

Лавердьеръ видѣлъ, что онъ подошелъ къ королевѣ-лимонадчицѣ и сталъ съ ней говорить въ полголоса.

Ему отвѣтили любезнымъ кивкомъ головы.

— Я ожидаю одного господина,—сказалъ онъ, возвращаясь.—Щербетъ съ киршемъ, не правда ли? Мой любимый напитокъ. Садитесь же, пожалуйста, мсьё де-Кейразъ, вотъ здѣсь, напротивъ меня.

Имъ подали то, что было спрошено.

— Итакъ, любезный мсьё де-Кейразъ,—началъ онъ, обмакивая эмалевую ложку въ замороженную смѣсь,—маркиза де-Люсьенъ желаетъ знать, куда дѣвался маленькій виконтъ-де-Лорисъ...

— Вы знаете...

— Знаю много чего... Странными дѣлами занимается этотъ аббатъ... не будемъ на этомъ останавливаться. Конечно, я менѣе, чѣмъ кто нибудь, имѣю права на вашу любезность, такъ какъ мы съ вами почти не имѣли случая встрѣчаться, тѣмъ не менѣе, если вы позволите, я буду откровененъ съ вами...

— Баронъ, вы окажете мнѣ честь, которой я постараюсь быть достойнымъ.

Лорнетка запрыгала въ тактъ.

— Долженъ вамъ сказать, мсьё де-Кейразъ, что вы чрезвычайно мнѣ нравитесь.

— Вы слишкомъ добры ко мнѣ, баронъ.

— Да, я знаю, что вы энергичный человѣкъ, и не любите останавливаться передъ мелочами, а идете напроломъ къ цѣли.

Кейразъ посмотрѣлъ на него и не встрѣтился съ его взглядомъ. Чортъ возьми! Куда клонилось это нѣжное предисловіе?

— Въ наше время такіе люди, какъ вы, дороги, мсьё де-Кейразъ: нѣтъ цѣны ихъ услугамъ. Вы мастерски владѣете шпагою, не правда ли?

— Совершенно вѣрно, баронъ.

— Мнѣ извѣстно изъ достовѣрныхъ источниковъ,—продолжалъ Маларвикъ,—что его величество, который, между прочимъ, черезъ четыре дня будетъ въ Тюльери, имѣетъ въ виду преобразовать роты мушкетеровъ, по примѣру прошлаго года.

Лорнетка на рукѣ закачалась теперь равномѣрно, покойно.

— Что бы вы сказали, мсьё де-Кейразъ, о чинѣ капитана, на этотъ разъ дѣйствительномъ?

Не останавливаясь на загадочномъ смыслѣ послѣдней части фразы, Лавердьеръ не могъ удержаться отъ радостнаго восклицанія. Капитаны мушкетеровъ, по этикету двора, стояли выше самыхъ старшихъ чиновъ дѣйствующей арміи. По своей службѣ, они были приближенными короля, имъ предоставлено было широкое поприще для удовлетворенія тщеславія, имъ давались милости щедрою рукою. Для Кейраза это было нѣчто неожиданное, осуществленіе самаго блестящаго сна, а главное съ этимъ замолкали всѣ воспоминанія прошлаго.

— Итакъ, что вы на это скажете?—повторилъ баронъ.

— Скажу только, что за такую милость тотъ, кому бы я былъ ею обязанъ, имѣлъ бы право потребовать у меня жизнь.

— И даже жизнь другихъ,—замѣтилъ спокойно Гекторъ.

У Кейраза пробѣжала дрожь по тѣлу. Если это была шутка, то она была скорѣе острая, чѣмъ тонкая.

Онъ еще разъ взглянулъ на Маларвика; на этотъ разъ глаза ихъ на мгновеніе встрѣтились, точно двѣ шпаги.

Очевидно, шелъ торгъ. Прекрасно! Онъ рисковалъ собою не разъ и за меньшую плату.

Онъ слегка поклонился.

— Баронъ, — проговорилъ онъ тономъ, которому желалъ придать значеніе,—ожидаю вашихъ приказаній.

— О, скажите, нѣкоторыхъ совѣтовъ,—замѣтилъ баронъ, снова не глядя ему въ лице. — Прежде всего сообщу вамъ нѣкоторыя новости. Рѣшите сами, на сколько онѣ вамъ могутъ быть полезны.

Кейразъ не ошибся, надо было слушать между словъ.

— Прежде всего знайте, что капитуляція подписана...

— Да, ходятъ слухи...

— Какое намъ дѣло до слуховъ, — прервалъ Маларвикъ сухо, недовольный, очевидно, что его прерываютъ.—Я знаю, что она подписана на довольно удовлетворительныхъ условіяхъ. Завтра это будетъ объявлено парижанамъ. Сегодня же вечеромъ, въ полночь, будутъ прекращены всѣ непріятельскія дѣйствія.

Минутная пауза. Кейразъ повторилъ себѣ слышанныя слова.

— Итакъ, съ двѣнадцати часовъ,— продолжалъ Маларвикъ,— солдаты Бонапарта должны будутъ воздерживаться отъ всякаго проявленія вражды къ нашимъ союзникамъ. Блюхеръ будетъ продолжать идти впередъ, прибываетъ Велингтонъ, французскія войска должны выступить раньше ихъ. Во что бы то ни стало слѣдуетъ избѣгать столкновеній. Всѣ мѣры къ тому приняты, разосланы офиціальныя приказанія... или будутъ разосланы для того, чтобы войска узурпатора сложили оружіе и дали свободный пропускъ нашимъ союзникамъ. Не правда ли, все это чрезвычайно интересно?

— На столько интересно, что я не проронилъ ни слова, могу васъ увѣрить.

А про себя онъ думалъ:

«Къ чему все это клонится?»

Лорнетка была совсѣмъ забыта, она совсѣмъ перестала раскачиваться.

— Понятно,—продолжалъ Маларвикъ,—что эти приказанія, значеніе которыхъ вамъ ясно, въ рукахъ вѣрныхъ людей. Посудите сами, на сколько все это важно, напримѣръ, въ Saint-Cloud, у подошвы Montretout разставлены по квартирамъ роты генерала Пире, тѣ, которыя два дня назадъ сражались въ Версали и въ Rocquencourt. Отчаянныя головы, проклятые якобинцы, которыхъ сама капитуляція можетъ не остановить, а тѣмъ болѣе, если они не получатъ предписанія своевременно, они въ состояніи будутъ стрѣлять по прусскимъ или англійскимъ войскамъ, и тогда это будетъ имѣть характеръ настоящей ловушки, которая подлежитъ по законамъ войны рѣшенію военнаго суда; какъ вы знаете, рѣшеніе это короткое.

— Я знаю,—сказалъ Кейразъ, все еще ожидающій слова разгадки.

— Я жду сюда,—замѣтилъ равнодушнымъ тономъ баронъ Маларвикъ,—офицера, которому будетъ поручено доставить генералу Пире то приказаніе, о которомъ я вамъ говорилъ. Для большей вѣрности я рѣшилъ самъ заняться этимъ дѣломъ. Вотъ приказаніе.

И онъ положилъ бумагу на столъ.

«Хорошо,—подумалъ Кейразъ,—вотъ она въ чемъ штука-то... Этотъ офицеръ — это я. Но зачѣмъ барону нужно, чтобъ эта бумага была доставлена позже?»

И невольнымъ движеніемъ онъ протянулъ руку за бумагой.

— Что вы, милѣйшій мсьё Кейразъ!—проговорилъ Маларвикъ, положивъ всю свою руку на бумагу:—я вамъ сказалъ, что ожидаю одного господина. Съ этимъ порученіемъ могутъ быть связаны опасности, и я бы не рѣшился дать его вамъ.

— Такъ въ чемъ же дѣло?—спросилъ наивно Кейразъ.

Маларвикъ вынулъ часы.

— Онъ будетъ тамъ въ десять съ половиною часовъ. Еще четверть часа.

Затѣмъ, когда, казалось бы, все было уже сказано, Маларвикъ прибавилъ:

— Я чуть было не забылъ сообщить вамъ о мсьё де-Лорисѣ...

— Ахъ, да.... извините.

Дѣло въ томъ, что Кейразъ рѣшительно былъ сбитъ съ толку. Или этотъ баронъ былъ очень простъ, или очень хитеръ.

— Надо сознаться,— заговорилъ Маларвикъ: — что m-me де-Люсьенъ,— вамъ, какъ ея лучшему другу, я могу сказать это совершенно прямо,—проявляетъ къ этому виконту больше снисхожде-

нія, чѣмъ бы слѣдовало. Онъ измѣнилъ королю; этого мало, онъ сражался противъ нашихъ союзниковъ, противъ защитниковъ трона.

Онъ перевелъ духъ, лорнетка снова запрыгала.

— M-me де-Люсьенъ, кажется, придаетъ значеніе нѣкоторымъ обязательствамъ, которыя теперь сами собой уничтожены. Король желаетъ, чтобы гербъ рода де-Люсьенъ соединился съ какимъ нибудь другимъ гербомъ одинаковаго достоинства. И потому желательно, чтобъ этотъ Лорисъ, недостойный, не вздумалъ разстроивать планъ, которому его величество придаетъ значеніе.

«Гербъ! гербъ!—подумалъ Лавердьеръ:—прекрасно, ты желаешь, жениться на маркизѣ, а Лорисъ тебѣ на пути, но что же дальше?»

Онъ начиналъ относиться нетерпѣливо къ этимъ расчитаннымъ недомолвкамъ, къ этому лицемѣрію: оно только его раздражало.

— А затѣмъ?—началъ было онъ.

Въ эту минуту раскрылась портьера, и на порогѣ появился офицеръ.

Лице у него было загорѣлое, не привѣтливое, типъ стараго ворчуна.

Онъ обратился къ Маларвику:

— Не правда ли, мнѣ приходится обращаться,—онъ точно старался припомнить фамилію,—къ барону Маларвику?

— Совершенно вѣрно, милѣйшій. Вамъ извѣстно, въ чемъ дѣло?

— Доставить депешу въ Siant-Cloud.

— Вѣрно... Генералу Пире. Герцогъ Отрантскій, вручая мнѣ ее, объяснилъ мнѣ все ея значеніе. Надо, чтобы она была доставлена до двѣнадцати часовъ... Понимаете... до двѣнадцати часовъ...

Старый офицеръ разсматривалъ съ удивленіемъ странную личность, которую начальству было угодно избрать въ посредники, тогда какъ обыкновенно всѣ приказанія шли іерархическимъ путемъ.

Но ему были даны оффиціальныя распоряженія. Нечего было разсуждать.

Маларвикъ замѣтилъ въ немъ нѣкоторую нерѣшительность.

— Вотъ печать министра,—сказалъ онъ.—Маршалъ Даву придаетъ особое значеніе этому порученію... Отъ него зависитъ жизнь нѣсколькихъ тысячъ людей...

— Генералу Пире, въ Saint-Cloud, — читалъ офицеръ: — прекрасно, надо часъ времени... У меня хорошая лошадь, она меня ждетъ на углу улицы de la Loi.

— Вы хотите сказать, улицы Richelieu. Итакъ, отправляйтесь и да хранитъ васъ Богъ!

Офицеръ нахмурилъ брови. Видно было, что нѣтъ Наполеона, и такіе ферлакуры смѣютъ давать приказанія! Странное было отношеніе къ военному дѣлу.

Онъ ничего не сказалъ, повернулся на каблукѣ и вышелъ.

— Милѣйшій мсьё де-Кейразъ,—началъ Маларвикъ:—я совсѣмъ позабылъ... Еще одно слово. Вы хотѣли знать, гдѣ находится мсьё де-Лорисъ: въ шестой ротѣ стрѣлковъ, капитана Жана Шена, у генерала Пире; они разставлены по квартирамъ въ Saint-Cloud... Хорошо, что эта депеша получится во время, иначе съ нимъ могло бы приключиться несчастье.

Кейразъ разомъ соскочилъ съ мѣста.

Ему вдругъ стало все ясно.

Онъ надѣлъ шляпу.

— Роту мушкетеровъ,—заявилъ онъ, протягивая руку Маларвику.

Маларвикъ вложилъ свою руку въ его.

— Даю честное слово,—отвѣтилъ онъ.

Кейразъ слегка поклонился: другаго поклона сотоварищъ этотъ не стоилъ.

Затѣмъ онъ быстро вышелъ.

XIX.

Марсель жила точно въ какомъ-то кошмарѣ, въ какомъ-то болѣзненномъ возбужденіи, вслѣдствіе всѣхъ пережитыхъ страховъ и ужасовъ.

Послѣ смотра Champ de Mai рота Жана Шена получила предписаніе немедленно выступить. Картамъ, получившій назначеніе, благодаря протекціи Карно, который зналъ его лично и отвѣчалъ за него, долженъ былъ выступить на сѣверную границу.

Онъ имѣлъ намѣреніе оставить Марсель въ Парижѣ, но молодая дѣвушка такъ умоляла его! Какимъ опасностямъ подвергалась она? Развѣ мало женщинъ шло въ сестры милосердія, въ летучіе отряды? Она чувствовала въ себѣ достаточный запасъ силъ и не боялась утомленія,—неужели дѣдушка считаетъ ее за пустую, свѣтскую барышню?

Старикъ долго не соглашался, а между тѣмъ, при настоящемъ положеніи дѣлъ, оставаться въ Парижѣ развѣ было менѣе опасно? Ужъ лучше пусть она остается подъ его охраною. Ему не придется быть въ дѣлѣ, такъ какъ служба его только по организаціи. Онъ будетъ благоразуменъ, это являлось его долгомъ, разъ на немъ отвѣтственность за нее.

Тутъ была и своя доля эгоизма. Развѣ не она была солнечнымъ лучемъ его сердца, развѣ не ею была полна половина его души, вторая половина которой принадлежала отечеству? Картамъ любилъ Марсель, какъ свою кровную дочь; онъ говорилъ, что она родилась изъ слезъ его: развѣ ея не пріютила, не спасла единственная женщина, которую онъ любилъ, единственное существо, которое было другою половиною его души? Въ этой молодой дѣ-

вушкѣ оживала для него его Марсель, которая вдохнула въ нее свою жизнь, вселила въ нее свою доброту и душевныя свойства. Чтобы отказаться отъ выраженія такой преданности, надо было не желать ея. Онъ сдѣлалъ видъ, что сдается на ея уговоры. И вотъ они оба отправились вмѣстѣ,—Марсель совершенно счастливая отъ сознанія, что она нужна, въ душѣ не особенно довѣряя своимъ собственнымъ доводамъ, Картамъ же, нервно возбужденный, неспокойный, сомнѣвающійся въ Наполеонѣ, сомнѣвающійся въ людяхъ и во всемъ.

Но въ подобныхъ кризисахъ, когда васъ уже подхватитъ колесо, всѣ страхи быстро исчезаютъ: лихорадочная дѣятельность возбуждаетъ всѣ свойства души и тѣла.

Къ Картаму вернулась его свѣтлая голова, его непреклонная энергія. Ему казалось, что за нимъ опять конвенція, со всею своею страстью къ общественному благу.

Было рѣшено, что Марсель будетъ сопровождать его до границы, образовавшейся изъ французской арміи. Отступать не будутъ, думалъ онъ. Тамъ, гдѣ остановится арріергардъ, тамъ остановится и она.

Дѣйствительно, она слѣдовала за обозомъ даже дальше Ligny, дальше Gembloux.

Картамъ, весь поглощенный своими дѣлами, не имѣлъ времени передать своей дочкѣ тайну, которую онъ вывѣдалъ отъ Жана Шена. Тутъ было не до личныхъ дѣлъ! Съ каждой минутой опасность отечества становилась все ужаснѣе, все болѣе и болѣе грозною.

— Уйди,—говорилъ онъ ей:—я боюсь только за тебя.

Но она осталась.

И вотъ однажды, вечеромъ, она почувствовала, что вокругъ нея точно поднялся какой-то ураганъ, что она попала точно въ смерчъ.

И въ тотъ моментъ, когда ему предстояло быть убитымъ, ея имя было на его устахъ. Она была всего въ четверть лье, и все это разбитое войско должно было двинуться на нее, раздавить ее.

Плача, безъ слезъ, своими старческими слезами, весь окровавленный, измученный, Картамъ изъ Ватерлоо прискакалъ, какъ Данте изъ ада, схватилъ молодую дѣвушку, уложилъ ее поперегъ лошади и, увлеченный общимъ потокомъ, понесся вмѣстѣ съ нею, думая только о томъ, чтобы ее спасти. Только бы знать, что она внѣ опасности, и онъ вернется — тогда ему будетъ не для чего дорожить жизнью.

Но отдыха все нѣтъ. Картамъ все несется, какъ призракъ среди другихъ призраковъ, которыхъ пришпоривала паника своими окровавленными ремнями.

Онъ остановился въ Женапѣ; была секунда надежды.

Когда баррикада была разрушена, онъ заслонилъ собою моло-

дую дѣвушку, въ обморокѣ, и съ саблей въ рукѣ, съ распростертой шинелью, чтобы ее спрятать, онъ желалъ одного только, чтобы его не опрокинули.

Его изрубили: онъ все еще стоялъ, защищая ее, свою дочь.

Съ послѣднимъ вздохомъ, онъ мечталъ спасти ее и съ этою надеждою онъ умеръ.

Марсель была жива, она очутилась въ хижинѣ одного крестьянина, она не лишилась разсудка, но была подавлена, загипнотизирована этимъ круговоротомъ смерти.

Подлѣ нея Жоржъ де-Лорисъ.

Сперва она его не узнала.

За эти нѣсколько дней онъ видѣлъ такъ близко смерть, что пересталъ быть молодымъ человѣкомъ.

Слѣдовало бы измѣрять года тѣмъ временемъ, какое осталось жить; сколько разъ за эти три дня онъ былъ старше всякаго старика!

Послѣ той позорной сцены во Флореннѣ, когда онъ съ отчаянья пришелъ къ окончательному рѣшенію, когда онъ постигъ разомъ все презрѣніе, какого заслуживаетъ измѣна, и сталъ презирать самого себя за свое безсознательное сообщничество, когда онъ пережилъ всю боль встрѣчи съ этой атмосферой позора, съ женщиною, которую онъ, любя, такъ идеализировалъ,—у него была одна только мысль: забыть, искупить, умереть! Что значитъ онъ — единица? Ничего. Сражаясь въ послѣднихъ рядахъ, неизвѣстный, онъ одинъ будетъ знать, какому долгу онъ повинуется, и умирая онъ себя проститъ.

И тогда, въ минуту смерти, онъ назоветъ ея имя, въ порывѣ всепрощающей любви, и затѣмъ—всему конецъ! Три дня лихорадки, три дня отчаянной борьбы. Надо же, чтобы въ сраженіи подъ Ватерлоо его рота, въ которой никто не зналъ его имени, была разбита по одному на десять человѣкъ, и потому должна была слиться на самомъ полѣ сраженія съ другою ротой. Этой другой командовалъ Жанъ Шенъ.

Они оба едва успѣли перекинуться словомъ.

— Браво, виконтъ! — сказалъ капитанъ du Gui: — итакъ, вы нашъ!

Затѣмъ сраженіе. До послѣдней минуты, съ изогнутымъ штыкомъ, со сломаннымъ ружьемъ въ рукахъ, Жоржъ все еще держался, затѣмъ, при разрывѣ картечи, онъ услыхалъ: «Спасайся кто можетъ!» и вдругъ онъ понесся въ водоворотѣ бѣжавшихъ людей.

Сто разъ онъ оборачивался, чтобы наносить удары, убивать, быть убитымъ.

Въ Женапѣ Лобау крикнулъ:

— Баррикады!

Усиліе нечеловѣческое: наваливались груды камней, всякаго де-

рева; затѣмъ ударъ въ голову, и только ощущеніе какого-то отупѣнія, и онъ сталъ точно погружаться въ море, волны котораго были трупы. На самомъ же дѣлѣ полученная рана не была опасна, лезвіе сабли, которая скользнула по его волосамъ, сдѣлала разрывъ на черенѣ.

Но вотъ онъ всталъ и увидалъ Картама, потомъ Марсель, и онъ понялъ безграничную преданность, которая связывала старика съ этой юной дѣвушкой, до послѣдней минуты его жизни.

Онъ спасъ Марсель: пролежавъ 40 часовъ въ безсознательномъ состояніи, она пришла въ себя.

Картамъ! Жанъ Шенъ! Ихъ не было. Но вотъ заговорилъ Лорисъ. Между ними сейчасъ же установились товарищескія отношенія, какъ между собратьями по сраженію. Онъ разсказалъ ей всю правду, безъ фразъ, безъ прикрасъ, во всемъ ея ужасѣ.

Какъ горько она оплакивала Картама, вмѣстѣ съ тѣмъ, слушая Лориса. Какъ она восхищалась его доблестью, она чувствовала, что въ ней бьется его сердце, наслѣдіе, которымъ она могла такъ гордиться!

Она не сказала, что жалѣетъ, что не умерла съ нимъ вмѣстѣ ея задача не была еще выполнена: былъ еще человѣкъ, для котораго она была надеждою.

Куда же дѣлся Жанъ Шенъ, ея отецъ?

— Отправимся въ Парижъ!

Лорисъ не имѣлъ ничего противъ: за эти послѣднія событія онъ точно пересталъ принадлежать себѣ. Всѣ обязанности, отъ которыхъ онъ прежде отклонялся въ силу эгоизма своей безполезной жизни, казались ему неизбѣжными, роковыми. Марсель была его сестрою. Онъ былъ нуженъ ей. Дальше этого онъ не шелъ. Въ немъ вдругъ зародилось чувство солидарности: быть полезнымъ казалось единственною, доступною ему, радостью.

Къ счастью, при немъ оказалось нѣсколько золотыхъ. Онъ могъ нанять почтовую карету и при содѣйствіи крестьянъ опередить непріятеля.

22-го они были въ Парижѣ.

Они отправились въ улицу Epéron.

Они узнали, что Жанъ Шенъ былъ тамъ—значитъ, онъ живъ! Онъ только зашелъ мимоходомъ, освѣдомился о Марсели; получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ сказалъ, что спѣшитъ на аванпостъ. Стали его разыскивать и нашли. Онъ дѣйствовалъ съ своею ротою между Севромъ, Билланкуромъ, Версалемъ и Сенъ-Жерменомъ. Они нашли его на посту. Онъ сгруппировалъ около себя «Compagnons du Gui», которые уцѣлѣли послѣ Ватерлооскаго сраженія. Онъ имъ далъ одно только приказаніе:

— До тѣхъ поръ, пока будетъ хоть одинъ изъ васъ въ живыхъ, защищать свою родину!

№ 21-й.

КАТАЛОГЪ

КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ и Одесса).

ВЪ ІЮНѢ 1892 Г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

Альмедингенъ, А. На всякій случай! Научно-практическіе совѣты. Ч. II. Спб. 1892 г. Ц. 50 к.

Ан—въ, Е. П. Скаковая настольная книжка на 1892 г. М. Ц. 1 р.

* **Арсеньевъ, А. В.** Старыя бывальщины. Историческіе очерки и картинки. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Безобразова, М. В. Философскіе этюды. М. 1892 г. Ц. 80 к.

Беме, А. и Оппель, А. Compendium микроскопической техники. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бердниковъ, И. О воспріемничествѣ при крещеніи и о духовномъ родствѣ какъ препятствіи къ браку. Казань. 1892 г. Ц. 40 к.

Берендтсъ, Э., проф. Меркантилисты и физіократы въ Швеціи въ XVIII столѣтіи. Ярославль. 1892 г. Ц. 60 к.

Berkovich, S. M. Nouveau vocabulaire systematique français-russe. Одесса. 1892 г. Ц. 75 к.

Берингеръ, М. О вліяніи хозяйственныхъ мѣръ на ходъ прироста и доходность лѣсного хозяйства. Спб. 1892 г. Ц. 75 к.

Блокъ, Ю. Велосипедъ. Его значеніе для здоровья, практическое примѣненіе, уходъ и пр. М. Ц. 2 р.

Біографическая библіотека Ф. Павленкова: М. Фарадей.—Лапласъ и Эйлеръ.—Ф. Шопенъ.—Аристотель. Съ портретами. Спб. 1892 г. Ц. кажд. т. 25 к.

Біографія профессора А. П. Доброславина. Спб. 1892 г. Ц. 20 к.

Богдановъ, С. М. Иллюстрир. сельскохозяйственный словарь. Вып. VII. Кіевъ. 1891 г. Ц. 85 к.

Борисовъ, И. О главнѣйшихъ врачебныхъ растеніяхъ, находимыхъ въ дикомъ видѣ въ предѣлахъ средней Россіи. М. 1892 г. Ц. 30 к.

Бор—нъ, Мих. Всеславянское братство (панславизмъ). Спб. 1892 г. Ц. 50 к.

Бубновъ, С. Ө., д-ръ. Фотометрическія наблюденія надъ распредѣленіемъ дневного свѣта въ комнатахъ. Спб. 1892 г. Ц. 40 к.

Будринъ, П. В. Опыты съ зеленымъ удобреніемъ и замѣтки о значеніи его для русскаго сельскаго хозяйства. Спб. 1892 г. Ц. 40 к.

Буренинъ, В. Пѣсни и шаржи. Изданіе 2-е, дополн. новыми стихотвореніями. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бухаревъ, І., священ. Житія всѣхъ святыхъ, празднуемыхъ православной церковью. М. 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Бѣлозерскій, Е. Правда и вымыселъ. Разсказы. М. 1892 г. Ц. 1 р.

Васильевъ, А., проф. Изъ исторіи и философіи. Понятія о цѣломъ положительномъ числѣ. Казань. Ц. 30 к.

Васъ, Б. А. Вольно—оправиться! Сборникъ анекдотовъ изъ военнаго быта. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Веберъ, Георгъ. Всеобщая исторія. Т. XV. Ч. 1-я. М. 1892 г. Ц. 5 р.

Веберъ, Н. К. Нужды нашего народнаго хозяйства. Спб. 1892 г. Ц. 50 к.

Ведровъ, С. В., проф. Иванъ Ефимовичъ Андреевскій. Некрологъ. Спб. 1891 г. Ц. 20 к.

Вендрихъ-фонъ, А. Центральныя железнодорожныя разсчетныя конторы. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Виларе, А., д-ръ. Энциклопедическій медицинскій словарь. Переводъ подъ редакціею профес. И. Р. Тарханова. Вып. 3-й. Спб. 1892 г. Ц. 60 к.

Вилинскій, Д. А. Бытовые охотничьи разсказы. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Витбергъ, Ѳ. А. Н. В. Гоголь и его новый біографъ. Спб. 1892 г. Ц. 30 к.

Вознесенскій, Н. Къ вопросу о роли правительства и частной инициативы въ дѣлѣ устройства, оборудованія и эксплоатаціи нашихъ торговыхъ портовъ. Спб. 1892 г. Ц. 50 к.

— Портовые бассейны. 3 листа чертеж. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Воскресенскій, В. А. Педагогическій календарь на 1892—93 г. Спб. Ц. 50 к.

Газенвинкель, К. Б. Государево жалованье послужникамъ сибирскимъ. Къ исторіи Сибири XVII вѣка. Тобольскъ. 1892 г. Ц. 30 к.

Гейслеръ, Ѳ. К. Историческое развитіе ученія о болѣзнетворныхъ бактеріяхъ. Спб. 1892 г. Ц. 50 к.

Горбуновъ. Программы, учебные планы и правила реальныхъ училищъ. М. 1892 г. Ц. 35 к.

Гнѣдичъ, П. П. Семнадцать разсказовъ. Изд. 2-е. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Гринъ, Дж. Р. Исторія англійскаго народа. Т. III. М. 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

Давыдова, Софія. Русское кружево и русскія кружевницы. Изслѣдованіе историческое, техническое и статистическое. Спб. 1892 г. Ц. за 2 т. 20 р.

Давыдовъ, А. О. Краткія указанія о посадкѣ и обрѣзкѣ плодовыхъ деревьевъ и о защитѣ ихъ отъ мороза. Спб. 1892 г. Ц. 20 к.

Дементьевъ, П. М. Справочная книжка фотографическаго ежегодника. Спб. 1892 г. Ц. 60 к.

Денисовъ, Я. Дохмій. Глава изъ греческой метрики. М. 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Десницкій, Н. В. Курорты и водолечебницы. М. 1892 г. Ц. 1 р.

Добротворскій, П. Разсказы, очерки и наброски. (Мысли въ картинахъ и образахъ). М. 1892 г. Ц. 1 р.

Дьяконовъ, Д. И. и Лермантовъ, В. В. Руководство къ обработкѣ стекла на паяльномъ столѣ. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Жирмунскій, М. С., д-ръ. Краткое руководство къ ушнымъ болѣзнямъ. Съ рисунками. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 20 к.

Заводская книга русскихъ рысаковъ. Подъ редакц. Ю. И. Юрлова. Т. XIII. Спб. 1892 г. Ц. 3 р. 50 к.

Зденауеръ, Н. Ѳ., проф. О рыбномъ ядѣ. Спб. 1892 г. Ц. 20 к.

Зиминъ, Н. П. Хозяйственно-противопожарная водопроводная система. М. 1892 г. Ц. 1 р.

Знаменскій, П. На память о Николаѣ Ивановичѣ Ильминскомъ. Съ портретомъ и факсимиле. Казань. 1892 г. Ц. 1 р. 75 к.

Золя, Э. Разгромъ (La Débâcle). Романъ. Ч. 1-я и 2-я. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Золя, Э. Разгромъ (La Débâcle). Романъ, Издан. газ. «Новости». Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Историческое обозрѣніе. Сборникъ Историч. Общ. при Импер. Спб. университетѣ. Подъ редакц. Н. И. Карѣева. Т. IV. Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

* **Кайгородовъ, Дмитрій.** Изъ зеленаго царства. Популярные очерки изъ міра растеній. Съ рисунками. Издан. 2-е, исправлен. и дополнен. Спб. 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

Книга о книгахъ. Толковый указатель для выбора книгъ по важнѣйшимъ отраслямъ знаній подъ редакц. И. И. Янжула. М. 1892 г. Ц. за 2 т. 3 р.

Ковальковскій, К. П., проф. Санитарныя учрежденія Берлина, Парижа и Лондона. Спб. 1892 г. Ц. 45 к.

Коренблитъ, А. И. Нѣмецко-русскій техническій словарь. Вып. II. М. 1892 г. Ц. 40 к.

Краевскій, Д. М. Дешевыя огнестойкія краски и чернила на жидкомъ (фуксовомъ) стеклѣ приготовленныя. Спб. 1892 г. Ц. 10 к.

* **Крестовскій, В.** (псевдонимъ). Собраніе сочиненій. Т. IV. Спб. 1892 г. Ц. за 5 т. по подпискѣ 12 р.

Кривенко, Н. Бесѣды о рогатомъ скотѣ. Съ рисунками. М. 1892 г. Ц. 70 к.

Лабутинъ, И. Въ чемъ состоитъ истинное богопочтеніе по псалмамъ 49-му и 50-му? Спб. 1892 г. Ц. 10 к.

Лашковъ, Ѳ. Памятники дипломатическихъ сношеній Крымскаго ханства съ Московскимъ государствомъ въ XVI и XVII вв. Симферополь. 1891 г. Ц. 1 р.

Лендеръ, Н. Волжскій спутникъ. Съ картою. Изд. 4-е. Спб. 1892 г. Ц. 75 к.

Лейкинъ, Н. А. Наши заграницей. Юмористическое описаніе поѣздки супруговъ, Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановыхъ, въ Парижъ и обратно. Изд. 5-е. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Медаль. Шуточныя сцены въ одномъ дѣйствіи. Изд. 4-е. Спб. Ц. 25 к.

Лори, Андрэ. Наслѣдникъ Робинзона. Съ рисунками. М. 1892 г. Ц. 1 р. 60 к.

Львовъ, И. М. Значеніе игръ въ дѣлѣ физическаго воспитанія дѣтей. Казань. 1892 г. Ц. 40 к.

Любарскій, И. Цѣлебныя свойства меда. Спб. Ц. 5 к.

Мартосъ, Г. Руководство ѣзды на велосипедѣ. Спб. 1891 г. Ц. 50 к.

Маслянниковъ, Н. И. Постройка саманно-толевыхъ огнеупорныхъ зданій. Съ рисунками. Спб. 1892 г. Ц. 40 к.

Массальскій, В. И. Кн. Хлопковое дѣло въ Средней Азіи и его будущее. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Матченко, И. П. Опытъ руководства по сравнительной географіи. Кіевъ. 1892 г. Ц. 1 р. 30 к.

Медзаботта, Э. Іезуитъ. Черный папа. Историческій романъ. Пер. съ итальян. Н. А. Попова. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Миллардо, А., проф. Гибридизація виноградной лозы. Ц. 40 к.

Михайловъ, А. (Шеллеръ). Хлѣба и зрѣлищъ. Романъ. Издан. 2-е. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Моргенштернъ. Сѣра въ подвальномъ хозяйствѣ. (Изъ Магарачской лабораторіи). Ц. 20 к.

Мунтъ-Валуева, А. П. Не отъ міра сего. (Нашему юношеству. Разсказы о хорошихъ людяхъ. № 1). Спб. 1892 г. Ц. 10 к.

— Джоржъ Вашингтонъ. — Поэтъ-герой. (Нашему юношеству разсказы о хорошихъ людяхъ № 1 и № 2). Спб. Ц. каждой кн. 10 к.

Мюссе-де, Альфредъ. Мардошъ (поэма). М. 1892 г. Ц. 25 к.

Настольный энциклопедическій словарь. Издан. А. Гарбель и Комп. Вып. 44-й. М. 1892 г. Ц. выпуска 30 к., на лучш. бум. 40 к.

Новакъ, Вячеславъ. Соломонъ. Разсказъ. (Славянская библіотека № 1). Спб. 1892 г. Ц. 20 к.

Новые поборники православія на Востокѣ и во Св. Землѣ. Вып. I. М. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Нотовичъ, С. К. Спутникъ мельникамеханика. Одесса. 1892 г. Ц. 3 р.

Огіевскій, М. Новые элементы въ южно-русскомъ пѣснотворчествѣ. Спб. 1892 г. Ц. 20 к

Оже, Дюсьенъ. Семь чудесъ свѣта. Путешествіе къ семи чудесамъ свѣта съ научной цѣлью. Спб. Ц. 1 р.

Памяти Николая Ивановича Студенскаго. Сборникъ статей врачей Казанской губерн. земской больницы. Казань. 1892 г. Ц. 2 р.

Петровъ, К. П. Курсъ исторіи русской литературы. Изд. 8-е, совершенно передѣланное. Спб. 1892 г. Ф. 2 р.

* **Плутархъ.** Сравнительныя жизнеописанія. Т. III, вып. 3-й. Аристидъ и Катонъ Старшій. (Дешевая Библіотека). Спб. Ц. 15 к.

Полетаевъ, Н. Иски изъ незаконнаго обогащенія. Спб. Ц. 40 к.

Правила о торговлѣ крѣпкими напитками. Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

Предтеченскій, Е. А. На память о Волгѣ. Съ рисунк. Спб. 1892 г. Ц. 15 к.

Программа изслѣдованій по медицинской зоологіи Бланшара. Перев. и дополнилъ д-ръ Н. Слюнинъ. Спб. 1892 г. Ц. 50 к.

Путеренъ-ванъ. М. Д. Значеніе и способы искусственнаго вскармливанія дѣтей. Публ. лекція. Спб. 1892 г. Ц. 35 к.

Райтъ, Л. Практическое птицеводство. М. 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Реверсовъ, И. Очеркъ западной апологетической литературы II и III вв. Казань. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Рибо, Ш., д-ръ. Психологія вниманія. Изд. 2-е. Спб. 1892 г. Ц. 40 к.

Румъ. Р. Голодный хлѣбъ. По поводу изслѣдованія хлѣба изъ Скопинскаго уѣзда. Черниговъ. 1892 г. Ц. 20 к.

Русскіе народы. Рисунки Л. Л. Бѣлянкина. Текстъ подъ редакціею проф. Н. Ю. Зографа. Ч. I. Вып. 2-й. М. Ц. 60 к.

Сабанѣевъ, Л. П. Рыбы Россіи. Жизнь и ловля нашихъ прѣсноводныхъ рыбъ. Т. II. Издан. 2-е, передѣл. М. 1891 г. Ц. за 2 т. 6 р.

— Охотничій календарь. Справочная книга для ружейныхъ и псовыхъ охотниковъ. Изд. 2-е, дополн. Съ рисун. М. 1892 г. Ц. 5 р.

С. А. Э. Жизнь миссіонера отца Даміана Вейстеръ. Весь чистый доходъ поступаетъ на пользу прокаженныхъ Якутской области. Спб. 1892 г. Ц. 20 к.

Салтыковъ, М. Е. Дневникъ провинціала въ Петербургѣ. — За рубежемъ. (Полное собраніе сочиненій, т. VIII). Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

Сборникъ узаконеній объ охотѣ, дѣйствующихъ въ Россійской имперіи, съ разъясненіями и приложеніемъ уставовъ охотничьихъ обществъ. Спб. Ц. 1 р.

Семеновъ, А. М. Заслуги женщинъ на врачебно-фармацевтическомъ поприщѣ. М. 1892 г. Ц. 50 к.

Сениговъ, I. Народное воззрѣніе на дѣятельность Іоанна Грознаго. Спб. 1891 г. Ц. 60 к.

Скабичевскій, А. М. Очерки исторіи русской цензуры (1700—1863 гг.). Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

Слава россійская. Комедія 1724 года, представленная въ Московскомъ госпиталѣ по случаю коронаціи императрицы Екатерины I. Съ предисловіемъ М. И. Соколова. М. 1892 г. Ц. 60 к.

Ситкинъ, М. Н. Уходъ за здоровыми и больными дѣтьми. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Спб. Ц. 2 р.

Соколовъ, А. Замѣчанія на словарь русскаго языка, издаваемый Академіей. Казань. 1892 г. Ц. 15 к.

Соколовъ, В. А. Елизавета Тюдоръ, королева англійская. Сергіевъ посадъ. 1892 г. Ц. 1 р.

Сообщенія Спб. отдѣленія комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. Вып. 4-й. Спб. 1892 г. Ц. 50 к.

Сорель, А. Европа и французская революція. Перев. съ французскаго, съ предисловіемъ проф. Н. И. Карѣева. Спб. 1892 г. Ц. за 2 тома 6 р.

Спенсеръ, Гербертъ. Философія въ сокращенномъ изложеніи Г. Коллинса, съ предисловіемъ Г. Спенсера. Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

Справочная книжка велосипедиста. Спб. Ц. 50 к.

Старчевскій, А. В. Русскій морской переводчикъ во всѣхъ портахъ Азіи на 25 языкахъ. Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

Степановъ, П. В. Деревенскій домъ-дача и главнѣйшія условія постройки домовъ. Ц. 20 к.

Столповская, А. Очеркъ исторіи культуры китайскаго народа. Съ приложен. рецензіи на статью В. С. Соловьева «Китай и Европа». М. 1891 г. Ц. 3 р.

Субботинъ, А. П. Чай и чайная торговля въ Россіи и др. государствахъ. Съ приложеніемъ картъ и рисунковъ. Спб. 1892 г. Ц. 5 р.

Судейкинъ, Власій. Биржа и биржевыя операціи. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Сэломонсъ, Д. Домашнее электрическое освѣщеніе и уходъ за аккомуляторами. Съ рисунк. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Томпсонъ, Сильванусъ. Электромагнитъ и электромагнитные механизмы. Съ 210 фигурами въ текстѣ. Спб. 1892 г. Ц. 4 р.

Торнау, баронъ. Особенности мусульманскаго права. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Тутуринъ, Н. Н. Правила для изслѣдованія пчелинаго воска. Спб. 1892 г. Ц. 5 к.

* **Тьерри, Огюстенъ.** Разсказы изъ временъ Меровинговъ. Переводъ Н. Трескина. (Дешевая Библіотека). Спб. Ц. 35 к.

Указатель русской литературы по математикѣ, чистымъ и прикладнымъ естествен. наукамъ за 1890 г. Подъ редакц. В. К. Совинскаго. Годъ 10-й. Кіевъ. 1892 г. Ц. 2 р.

Утинъ, Е. И. Вильгельмъ I и Бисмаркъ. Историческіе очерки. Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

Фарина, С. Запрещенные плоды. Романъ. Перев. съ итальян. Н. А. Попова. Спб. 1892 г. Ц. 75 к.

* **Фарраръ, Ф.** Святой Василій Великій. Переводъ съ англійскаго. (Дешевая Библіотека). Спб. Ц. 15 к.

Чеховъ, Александръ. Историческій очеркъ пожарнаго дѣла въ Россіи. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Шевелевъ, А. Церковь и зрѣлища. Взглядъ на отношенія св. православной церкви къ театральнымъ зрѣлищамъ и увеселеніямъ. М. 1892 г. Ц. 40 к.

Шелонскій, Н. Н. Въ мірѣ будущаго. Фантастическій романъ. Съ рисунками. М. 1892 г. Ц. 2 р.

Шереметевъ, А. Д., гр. Краткій статистическій обзоръ пожарныхъ командъ Россійской имперіи. Спб. 1892 г. Ц. 4 р.

Шестаковъ, С. О происхожденіи и составѣ хроники Георгія Монаха (Амартола). Казань. 1892 г. Ц. 20 к.

Шимановскій, В. Садъ при народной школѣ. Кіевъ. 1892 г. Ц. 25 к.

Щербинскій, В. Въ царствѣ духовъ. (Разсказы изъ міра преданій). Спб. Ц. 25 к.

Щербинскій, Н. О. Въ XX вѣкѣ. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Спб. 1892 г. Ц. 50 к.

Эбштейнъ, проф. Объ искусствѣ продлить человѣческую жизнь. Кіевъ. Ц. 15 к.

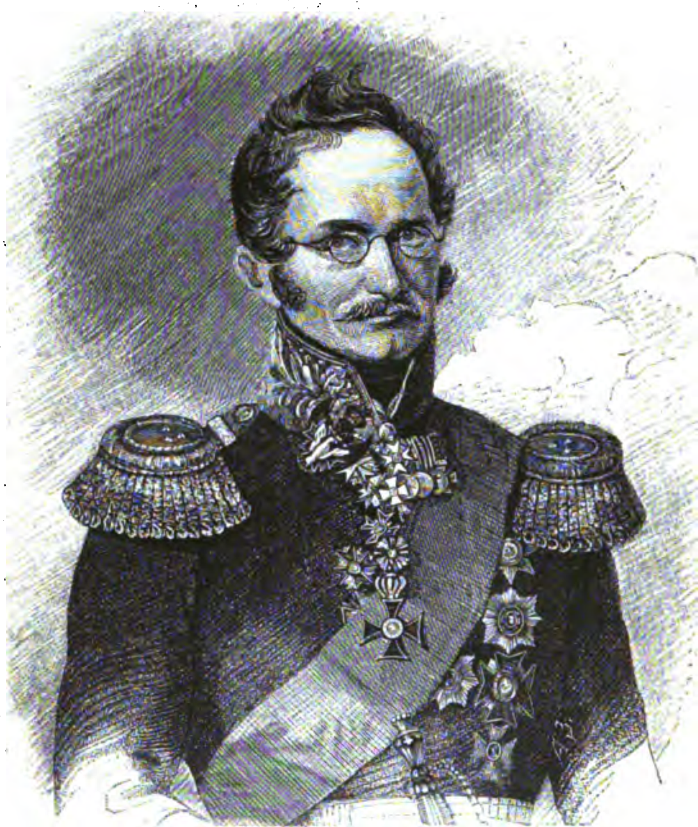
* **Эльпе.** Обиходная рецептура. Вторая серія. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 75 к.

Яроцкій, В. Г. Обезпеченіе народнаго продовольствія въ связи съ хлѣбной промышленностью. Спб. 1892 г. Ц. 30 к.

Ѳирсовъ, Н. Н. Русское законодательство о хлѣбномъ винѣ въ XVIII ст. Казань. 1892 г. Ц. 20 к.

---

*) Изданія А. С. Суворина.



А. М. МИХАЙЛОВСКІЙ-ДАНИЛЕВСКІЙ.

(Съ гравированнаго портрета Райта).

дозв. ценз. спб., 8 іюля 1892 г

ПОСЛѢДНІЙ ИЗЪ ВОРОТЫНЦЕВЫХЪ [1].

XXV.

ОЛИНЬКА правду сказала Людмилѣ Николаевнѣ: Марта часто за нею присылала.

Отношенія между ними становились со дня на день натянутѣе, холоднѣе и враждебнѣе. Марта безжалостно къ ней придиралась и на каждомъ шагу давала ей чувствовать разстояніе, раздѣлявшее ихъ, но порывать знакомства съ нею не хотѣла, и когда Полинька долго не приходила, она сама посылала за нею.

Предлоги для этого изыскивались разные, то поручала она ей найдти учителя для братьевъ, то книги или ноты въ магазинѣ, подобрать шелкъ для вышиванья, разобрать новую пьесу съ нею въ четыре руки...

Сначала Полинька не догадывалась, для чего именно Мартѣ нужно было время отъ времени ее видѣть, но когда она убѣдилась, что за нею посылаютъ для того только, чтобы узнать что нибудь про Григорія, про его надежды и про мѣры, принимаемыя его друзьями для скорѣйшаго окончанія его дѣла, она сдѣлалась очень осторожна и отвѣчала на вопросы такъ уклончиво, что ничего нельзя было отъ нея узнать.

Тогда Марта стала обращаться съ нею еще надменнѣе, и бывать у нея было для Полиньки настоящей пыткой, которую она

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIX, стр. 5.

переносила потому только, что и ее тоже влекло любопытство въ домъ Воротынцевыхъ. Марта была съ нею очень сдержанна и никогда не повѣряла ей ни заботъ своихъ, ни надеждъ, но Полинька угадывала по ея лицу, по ея улыбкѣ и по другимъ признакамъ, имѣетъ ли она причины быть довольной или нѣтъ. Когда она съ саркастической усмѣшкой спрашивала у нея, давно ли она видѣла Ратморцевыхъ, это значило, что ея повѣренному удался новый подвохъ, затѣянный противъ Григорія, и тогда Полинька возвращалась домой въ печальномъ настроеніи, а когда Марта была молчалива, когда глаза у нея были заплаканы и въ голосѣ ея прорывалась нервная дрожь, она изъ этого выводила, что обстоятельства складываются для нея неблагопріятно, и съ нетерпѣніемъ ждала появленія своего ученика, чтобы ободрить его и сказать ему, чтобы онъ надѣялся.

Со дня на день предавалась она все больше и больше семьѣ Сергѣя Владиміровича, а участіе ея къ Григорію принимало экзальтированный характеръ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ три раза въ недѣлю приходилъ къ ней пѣть.

Со всѣми былъ онъ застѣнчивъ и молчаливъ, къ ней же онъ, кромѣ того, чувствовалъ особенное недовѣріе, зная ея близость къ враждебной ему семьѣ, но ей мало-по-малу удалось побѣдить въ немъ и недовѣріе и антипатію, она сумѣла даже добиться его откровенности.

Каждый разъ послѣ урока, когда другіе ученики разъѣзжались по домамъ, Полинька задерживала Григорія на часъ или на два и бесѣдовала съ нимъ о томъ, что составляло предметъ его постоянныхъ заботъ и мечтаній. Съ особеннымъ интересомъ слушала она его разсказы про таинственную незнакомку, скончавшуюся въ Гнѣздѣ послѣ рожденія дѣвочки, которую старая барыня Мареа Александровна призрѣла и воспитала, какъ родное дитя.

Романтическая исторія этихъ двухъ существъ, матери и дочери, которымъ выпала на долю та же самая злая судьба, интересовала ее до чрезвычайности.

Сама она выросла въ чужой средѣ, въ качествѣ пріемной дочери знатной старухи, почти въ такомъ же одиночествѣ, какъ Мареинька. Сама она ждала избавителя въ лицѣ красиваго кавалера, который влюбился бы въ нее и женился бы на ней, не взирая на то, что она бѣдна и незнатнаго происхожденія. Правда, что, кромѣ двухъ-трехъ пошлыхъ эпизодовъ съ такими темными личностями, какъ племянникъ управляющаго, да сынъ жида-арендатора, предлагавшихъ ей сердце и руку, въ надеждѣ на то, что графиня наградитъ ее хорошимъ приданымъ, никакого романа въ ея жизни до сихъ поръ еще не было, но она такъ много мечтала объ этомъ, что, слушая Григорія, ей казалось, что и сама она пережила все то, что испытала несчастная жертва Александра Васильевича Воротынцева.

Съ каждымъ разомъ задерживала она все дольше и дольше Григорія въ маленькой залѣ, у клавикордъ, на которыхъ она разыгрывала разсѣянными руками сонаты Бетховена и Моцарта, ни на минуту не переставая слушать юношу, закидывая его вопросами, едва только онъ смолкалъ, и возбуждая въ его умѣ и сердцѣ новыя мечты, новыя чувства.

Никто не мѣшалъ ихъ бесѣдамъ. Слыша музыку, всѣ въ домѣ, въ томъ числѣ и Николай Ивановичъ, были увѣрены, что урокъ еще не конченъ.

Кучера, привозившаго Григорія Александровича, люди капитана угощали въ людской, лошадь съ санями ставили подъ навѣсъ, и такимъ образомъ время для всѣхъ короталось пріятно.

Мало-по-малу Григорій привыкъ къ душевнымъ изліяніямъ съ Полинькой. Она очень ловко заставила его понять, что ей все можно сказать, и не стѣсняться съ нею сдѣлалось для него потребностью. Ему здѣсь было свободнѣе, чѣмъ у Ратморцевыхъ, и пріятнѣе, чѣмъ у Бутягиныхъ. Отъ однихъ онъ ужъ успѣлъ отстать, къ другимъ еще не присталъ, а здѣсь была златая середина.

Полинька какимъ-то чутьемъ угадывала, **какъ** надо съ нимъ говорить, чтобы заставить себя понимать, и часто подсказывала она ему то, до чего онъ еще не могъ вполнѣ додуматься, на что не находилось у него словъ.

По мѣрѣ того, какъ расширялся его умственный горизонтъ, представленія, возникавшія въ его мозгу, все больше и больше принимали характеръ воспоминаній.

— Никакъ не могу я себя увѣрить, что никогда не видалъ моей матери,—говорилъ онъ Полинькѣ.—Я такъ живо воображаю себѣ ея голосъ, ея лице, ея ласки, точно на самомъ дѣлѣ это было, что я смотрѣлъ на нее и что она говорила со мной и ласкала меня. Я помню ее яснѣе и живѣе, чѣмъ отца, а между тѣмъ его я дѣйствительно видѣлъ, и очень недавно, всего только полтора года тому назадъ, но его образъ со дня на день уходитъ отъ меня все дальше и дальше, тогда какъ мать... Я даже могу сказать, на кого она похожа,—прибавилъ онъ съ улыбкой, вспоминая про Соню.

— На кого же?—спросила Полинька.

Онъ покраснѣлъ.

— У сестрицъ есть образъ... святой ликъ, точно съ нея списанъ,—отвѣчалъ онъ, запинаясь.

— Неужели съ нея никогда никто не списалъ портрета?

— Горничная тетеньки Людмилы Николаевны, Акулина Савишна, говоритъ, что когда молодой баринъ ухаживалъ за барышней, онъ рисовалъ съ нея портретъ красками въ книжку.

— Въ альбомъ, вѣрно,—подсказала Полинька.

— Да. Но врядъ ли портретъ этотъ уцѣлѣлъ.

— Непремѣнно уцѣлѣлъ,—объявила Полинька.—Все, что принадлежало Александру Васильевичу, остается въ сохранности. Онъ очень хорошо рисовалъ, и портретъ, навѣрное, вышелъ похожъ. Мареа Александровна хранитъ всѣ его работы; каждый его рисунокъ, каждая исписанная бумажка, все это у нея прибрано и заперто на ключъ, все, все, до послѣдняго силуэта.

— Хоть бы мнѣ дали взглянуть на этотъ портретъ!—сказалъ онъ со вздохомъ.

— Вамъ его совсѣмъ должны отдать. Вамъ должны отдать все, что принадлежало вашему отцу. Все будетъ ваше, домъ, со всѣмъ, что въ немъ есть... У васъ будетъ одинъ изъ красивѣйшихъ домовъ въ Петербургѣ, Григорій Александровичъ. Вамъ его, вѣрно, ужъ показывали?

— Да, мы разъ какъ-то проходили съ Бутягинымъ по набережной Мойки...

— Какъ красивъ фасадъ!—продолжала Полинька, не вслушиваясь въ его отвѣты.—Окна съ зеркальными стеклами и съ мраморными барельефами. Надъ воротами мраморный щитъ съ вашимъ гербомъ, а по обѣимъ сторонамъ крыльца бронзовые львы. Очень величественно. А если-бъ вы знали, какъ хорошъ дворъ! Посреди фонтанъ, окруженный цвѣтникомъ. Строенія всѣ, до послѣдней людской бани, каменныя. А позади чудесный садъ. Въ немъ лѣтомъ, въ самый сильный жаръ, прохладно и пахнетъ цвѣтами. И пропасть рѣдкихъ деревьевъ. Все это будетъ ваше, Григорій Александровичъ. У нихъ, говорятъ, и дача очень хороша. Она стоила больше ста тысячъ, оранжереи, теплицы...

Григорій слушалъ, какъ очарованный. Въ воображеніи его мелькали видѣнія, одно другаго обаятельнѣе. Онъ видѣлъ себя въ этомъ саду съ Соней, и все, что окружало ихъ, принадлежало имъ, все, все.

— Въ домѣ тридцать барскихъ комнатъ, — распространялась между тѣмъ Полинька.

— Больше, чѣмъ у Ратморцевыхъ,—замѣтилъ онъ раздумчиво.

— О, гораздо больше! Воротынцевы гораздо богаче Ратморцевыхъ. Я это отъ самого Александра Васильевича сколько разъ слышала. Онъ очень любилъ говорить про свой родъ, про свою прабабку Мареу Григорьевну и про то, что послѣ дѣда онъ остался единственнымъ представителемъ фамиліи. Теперь вы являетесь его замѣстителемъ, Григорій Александровичъ.

Онъ безнадежно махнулъ рукой.

— Никогда этого не будетъ,—вырвалось у него.

— Почему? Должно быть, у васъ всѣ права... это только вопросъ времени,—проговорила она.

— Человѣческая жизнь тоже вопросъ времени,—возразилъ онъ съ горькой усмѣшкой.

Она не знала, что ему отвѣтить. Слова замирали на ея губахъ передъ его отчаяньемъ и при мысли, что онъ, можетъ быть, понимаетъ свое положеніе лучше другихъ, и что въ неудачахъ, осаждающихъ его со всѣхъ сторонъ, онъ провидитъ то, что другимъ еще не ясно.

Вообще, чѣмъ ближе знакомилась она съ нимъ, тѣмъ больше терялась въ догадкахъ на его счетъ. На многихъ производилъ онъ впечатлѣніе слабоумнаго. Отецъ ея, послѣ перваго разговора съ нимъ, сказалъ:

— Юродивый какой-то, и на мужчину-то не похожъ. Гдѣ ужъ такому за себя постоять! Шелъ бы лучше въ монастырь грѣхи родительскіе отмаливать, да и дѣло съ концомъ.

Но иногда у этого юродиваго прорывались такія слова, такія мысли, до которыхъ не всякому умнику додуматься.

Иногда самыя простыя вещи трудно было объяснить ему, а иногда онъ понималъ то, въ чемъ сама Полинька не въ состояніи была дать себѣ отчета. По временамъ точно столбнякъ на него находилъ; онъ глубоко задумывался, надо было три-четыре раза его окликнуть, чтобы онъ очнулся, и тогда онъ пугался, терялся, и ему такъ трудно было собраться съ мыслями, что отъ усилій у него зубы судорожно сжимались и все лице искажалось.

«Да, такимъ, какъ другіе молодые люди, выросшіе въ нормальныхъ условіяхъ, ему никогда не быть»,—думала Людмила Николаевна, когда Полинька передавала ей свои наблюденія надъ Григоріемъ.

— Судя по тому, что извѣстно про его мать,—замѣтила г-жа Ратморцева,—онъ долженъ быть на нее похожъ и складомъ ума, и характеромъ. Та же нервность, та же болѣзненная мечтательность и экзальтація.

— Она была умна?—допытывалась Полинька.

— Богъ ее знаетъ!

И, помолчавъ немного, г-жа Ратморцева замѣтила, что во всякомъ случаѣ у этой несчастной разума не было ни капли, это очевидно.

— А какъ онъ вообще быстро развивается,—снова заговорила Полинька про Григорія.—Случается такъ: толкуешь ему, толкуешь что нибудь—не понимаетъ, и вдругъ, точно наитіемъ какимъ-то, все отлично себѣ усвоитъ.

— Вотъ эти-то скачки и опасны.

— Неужели?

— Непремѣнно опасны. Во всемъ нужна послѣдовательность, а въ умственномъ развитіи въ особенности. Мы строго держались этого правила съ дѣвочками,—продолжала она, понижая голосъ,

чтобы не быть услышанной Соней съ Вѣрой, которыя занимались рисованіемъ у окна, въ противоположномъ концѣ комнаты.—У нихъ позднее развитіе произошло отъ другихъ причинъ, чѣмъ у него, и никакимъ нравственнымъ потрясеніямъ онѣ никогда, слава Богу, не подвергались, но, тѣмъ не менѣе, мы всѣми силами старались не форсировать ихъ развитія, и вотъ видите какихъ мы, слава Богу, достигли блестящихъ результатовъ. По мѣрѣ того, какъ укрѣплялись онѣ физически, развивались въ нихъ и умъ, и способности. Не болѣе, какъ годъ тому назадъ, онѣ были совсѣмъ еще дѣти, ни надъ чѣмъ не задумывались, знали меньше своихъ сверстницъ, а теперь между дѣвушками нашего общества не всѣ такъ образованы, какъ онѣ, а у Сони къ тому же серьезный талантъ къ музыкѣ... Правда, онѣ отстали отъ другихъ въ знаніи жизни и долго еще во многихъ отношеніяхъ останутся дѣтьми, но развѣ это худо?

Съ этими словами она съ улыбкой оглянулась на своихъ дѣвочекъ. Вѣра, вытянувъ губки, усердно работала. Соня же, опустивъ кисть въ стаканъ съ водой, замерла въ напряженномъ вниманіи, съ которымъ она прислушивалась къ разговору между матерью и Полинькой. Глаза ея сверкали, на щекахъ выступалъ яркими пятнами румянецъ.

— Соня, что ты не рисуешь?—спросила Людмила Николаевна.

Она вздрогнула, судорожнымъ движеніемъ прополоснула кисть въ водѣ и, пригнувшись къ бумагѣ, съ усиліемъ проговорила:

— Я отдыхала, maman, меня утомляетъ долго сидѣть нагнувшись.

— Такъ пройдись по комнатѣ или совсѣмъ брось работу.

— Ничего, maman, я ужъ отдохнула.

У Людмилы Николаевны тревожно забилось сердце. Что это съ дѣвочкой? О чемъ она задумывается?—спрашивала она себя, не спуская глазъ съ дочери.

Еще въ деревнѣ начала она замѣчать перемѣну въ Сонѣ, ея молчаливость, разсѣянность, а также и то, что она рѣже прежняго смѣялась и полюбила сидѣть одна. По пріѣздѣ въ городъ все это прошло, и опять дѣвочки были постоянно вмѣстѣ. Обнявшись, щебетали онѣ между собой, бѣгали по длиннымъ свѣтлымъ корридорамъ, держась за руки, и искали другъ друга, чтобы дѣлиться каждой мыслью, каждымъ чувствомъ.

Людмила Николаевна такъ привыкла постоянно ихъ видѣть вмѣстѣ, что безотчетная тревога заползала ей въ душу, когда такъ случалось, что передъ нею стояла одна Вѣринька или одна Соня, и вопросъ: «гдѣ твоя сестра?» невольно срывался съ ея губъ.

Онѣ такъ хорошо это знали, что часто отвѣчали на этотъ вопросъ прежде, чѣмъ онъ былъ произнесенъ. Да имъ и самимъ было неловко другъ безъ друга.

Но съ нѣкоторыхъ поръ Соня опять стала задумываться, забиваться въ уголки съ книгой и, вотъ какъ теперь, смущаться, когда у нея спрашивали, что она читаетъ или о чемъ она думаетъ.

Не мѣняя позы, не поднимая глазъ съ работы и машинально отвѣчая на вопросы, предлагаемые Полинькой, Людмила Николаевна ломала себѣ голову надъ тѣмъ, что это дѣлается съ Соней?

Сейчасъ она солгала, объявивъ, что устала. Это случилось съ нею въ первый разъ въ жизни. Отъ Вѣры еще можно было ждать лукавства, но отъ Сони—нѣтъ. Что это съ нею дѣлается?

Людмила Николаевна стала слѣдить за нею внимательнѣе прежняго.

Нѣсколько дней спустя послѣ описанной сцены, Григорій сказалъ, что ему надо сегодня пораньше поѣхать на урокъ къ Полинѣ Николаевнѣ.

— Опять? Да вѣдь ты вчера у нея былъ! — вскричала, надувая губки, Вѣринька.

Соня не выронила ни слова, но мать ея видѣла, какъ она переглянулась съ Григоріемъ, и какъ они оба улыбнулись при этомъ.

Ужъ они понимали другъ друга безъ словъ.

Людмила Николаевна поблѣднѣла при этомъ открытіи.

Они любятъ другъ друга, и не братской любовью, а другой.

И, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, ей вдругъ всплыли на память тысячи мелкихъ случаевъ, подтверждавшихъ ея подозрѣніе. Скучать начала Соня съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ ѣздить по вечерамъ къ Полинькѣ. Оживляется она тогда только, когда онъ тутъ или когда про него говорятъ. Пѣть одна разлюбила; играть съ нею въ четыре руки сестра допроситься не можетъ. Надняхъ, передъ тѣмъ какъ ѣхать кататься въ четырехмѣстномъ возкѣ, къ m-r Vaillant кто-то пришелъ, и онъ уступилъ свое мѣсто Григорію. Соня была весела всю дорогу. Она хохотала и шалила больше Вѣры.

Да, да, она къ нему неравнодушна.

Они и сами не подозрѣваютъ, что за чувство влечетъ ихъ другъ къ другу, но чувство это уже существуетъ, это ясно какъ день.

И оно станетъ постепенно развиваться, если не задушить его въ зародышѣ.

Но какъ его задушить? Какъ сдѣлать, чтобъ оно ушло такъ же незамѣтно, какъ пришло, само собой и постепенно? А главное, какъ сдѣлать, чтобъ они оба оставались въ невѣдѣніи, чтобъ никогда не знали, что были влюблены другъ въ друга, какъ это сдѣлать?

Прежде всего нужна осторожность. Какъ поступать, Людмила Николаевна еще не знала, одно только было для нея ясно — это то, что пока для всѣхъ это тайна, опасаться особенно нечего.

Она рѣшилась даже мужу не намекать про свое открытіе и такъ слѣдить за Соней, чтобъ никто этого не замѣчалъ.

Ни минуты не оставляла она теперь дѣвочекъ наединѣ съ Григоріемъ. Она изыскивала для этого всевозможныя средства, изобрѣтала имъ новыя занятія и развлеченія, никогда съ ними не разставалась и не довольствовалась тѣмъ, что дочери сидятъ по вечерамъ у круглаго стола въ одной съ нею комнатѣ, она сама присаживалась къ этому столу и, безпрестанно обращаясь то къ Сонѣ, то къ Вѣрѣ, съ вопросами или съ замѣчаніями, держала, такимъ образомъ, ихъ умъ въ постоянномъ напряженіи.

Иногда ей казалось, что она достигаетъ цѣли: дѣвочки, повидимому, охотно поддавались новымъ впечатлѣніямъ.

Но ей этого было мало. Она возобновила знакомство съ тѣми семьями, гдѣ были взрослыя дѣти, и стала устроивать вечеринки съ petits jeux и музыкой.

Мѣра эта увѣнчалась полнымъ успѣхомъ; не избалованныя свѣтскими удовольствіями дѣвочки веселились, и Людмилѣ Николаевнѣ стало казаться, что Соня какъ будто опять ничѣмъ не отличается отъ сестры.

А Григорій все позже и позже засиживался у Ожогиныхъ.

Ему теперь только съ Полинькой и было хорошо. Когда, возвращаясь отъ нея домой, онъ видѣлъ свѣтъ въ большой залѣ, этого было достаточно, чтобъ заставить его соскочить изъ саней у чернаго крыльца и незамѣтно, темнымъ коридоромъ, пробраться въ мезонинъ, гдѣ была его комната. Тутъ онъ запирался на ключъ и весь вечеръ проводилъ за книгой, а еще чаще лежа на постели съ открытыми глазами и въ мечтахъ.

Сначала за нимъ посылали и спрашивали, почему онъ не хочетъ со всѣми веселиться, но онъ такъ упорно отказывался идти внизъ, ссылаясь на занятія, на усталость или на головную боль, что рѣшили оставить его въ покоѣ.

И Сергѣй Владиміровичъ и Людмила Николаевна, а также m-r Vaillant, понимали, что ему неловко съ дѣтьми хорошихъ фамилій. На каждомъ шагу могли его оскорбить какимъ нибудь неделикатнымъ замѣчаніемъ или неловкимъ вопросомъ. Что отвѣтитъ онъ, напримѣръ, если у него спросятъ, гдѣ его родители, или гдѣ онъ провелъ свое дѣтство, или на какую службу думаетъ онъ поступить, когда кончитъ свое воспитаніе. А что можетъ быть естественнѣе подобныхъ вопросовъ со стороны молодыхъ людей однихъ съ нимъ лѣтъ, которымъ неизвѣстно, въ какомъ онъ исключительномъ положеніи?

Людмила Николаевна думала, что сама судьба способствуетъ ея планамъ.

Соня съ Григоріемъ почти не видѣлась. Онъ самъ, по мѣрѣ того какъ сходился съ Полинькой, все больше и больше отдалялся отъ дѣвочекъ Ратморцевыхъ.

Въ немъ произошла значительная перемѣна за послѣдніе два мѣсяца. Бесѣды съ Полинькой, со дня на день, все больше и больше выясняли ему его положеніе, и безотчетная тоска, мучившая его раньше только по временамъ, перешла теперь въ постоянное уныніе.

Никогда дѣло его не кончится. Никогда не возвратятъ ему имени и состоянія; всю жизнь, долгіе, долгіе годы будетъ онъ прозябать въ жалкой роли непризнаннаго сына Воротынцева. О! ужъ лучше бы оставили его у кузнеца въ Москвѣ и не открывали бы ему тайны его происхожденія. Лучше бы ему ничего не знать и ни на что не надѣяться!

Все чаще и чаще отчаянье заглушало въ немъ всѣ прочія чувства. Ему было противно учиться, наука и искусство теряли для него всякую привлекательность, всякій смыслъ, и онъ не находилъ въ своемъ сердцѣ ни благодарности, ни любви ни къ кому, даже къ Сонѣ.

Развѣ она можетъ понимать его страданія? Съ нею даже и говорить объ этомъ нельзя. Она его любитъ и жалѣетъ, но за что— сама не знаетъ. Ей хочется къ нему прижаться, смотрѣть ему въ глаза, слушать его голосъ, и ему тоже раньше, ничего, кромѣ этого, не хотѣлось. Онъ былъ безконечно счастливъ съ нею вдвоемъ, подъ тѣнистыми сводами стараго парка въ Святскомъ, но съ тѣхъ поръ онъ нажилъ опытности, узналъ терзанія самолюбія, стыдъ и зависть, злобу на людей, преграждавшихъ ему путь къ счастью, узналъ муки безсилія и отчаянья, а она объ этомъ и понятія не имѣетъ.

Ему было съ нею даже тяжело. О чемъ имъ говорить? Ни одною изъ мрачныхъ мыслей, осаждавшихъ день и ночь его воображеніе, не могъ бы онъ съ нею подѣлиться, даже и въ такомъ случаѣ, если-бъ ихъ по цѣлымъ днямъ оставляли вдвоемъ. Онъ помнитъ ея недоумѣніе и испугъ, когда онъ пытался ей объяснить, какъ поступилъ его отецъ съ его матерью и съ нимъ самимъ. Она со слезами повторила: «Какъ же это? Какъ же?» И отъ тщетныхъ усилій понять этотъ ужасъ блѣднѣла и дрожала, какъ передъ страшнымъ призракомъ.

Какъ объяснитъ онъ ей теперь свою ненависть къ Мароѣ Александровнѣ Воротынцевой, изъ-за которой тянутъ его дѣло; держатъ его между небомъ и землей, заставляютъ задыхаться отъ отчаянья? Надо на себѣ вынести эту пытку, чтобъ ее понять, а Соня не знаетъ, что такое злоба, ненависть, зависть и отчаянье, и никогда не узнаетъ.

Вотъ Полинька, та знаетъ. Рѣдко имя Марты упоминалось между ними, но Григорій чувствовалъ, что она тоже ея не любитъ, и увѣренность эта придавала ему смѣлости въ бесѣдахъ съ дочерью капитана Ожогина.

Онъ заходилъ бы въ домикъ на Мойкѣ еще чаще и засиживался бы въ немъ еще дольше, если-бъ не сталъ замѣчать, что Николай Ивановичъ относится къ нему враждебно.

Часто во время бесѣды Полинька дѣлала ему знакъ, чтобъ онъ смолкъ, и начинала закидывать его вопросами, не вяжущимися съ предметомъ ихъ разговора, указывая ему глазами на дверь, за которой раздавалось шлепанье мягкихъ сапоговъ капитана, а вслѣдъ за тѣмъ появлялась и угрюмая фигура старика, съ неизмѣнной трубкой въ зубахъ.

— Что вамъ, папенька? — спрашивала, съ трудомъ сдерживая раздраженіе, Полинька.

— Я думалъ, ты одна. Десятый часъ, добрые люди спать ложатся,—говорилъ онъ угрюмо, искоса поглядывая на юношу.

Григорій поспѣшно поднимался съ мѣста, отыскивалъ свою шляпу и съ смущеніемъ, неловко откланивался.

— Мое почтенье-съ, милостивый государь, Григорій... Александровичъ,—съ неизмѣнной запинкой передъ послѣднимъ словомъ и не спуская съ него насмѣшливаго взгляда, произносилъ старикъ.

Оставшись наединѣ съ отцомъ, Полинька иногда не выдерживала.

— За что вы его, папенька, обижаете? — спрашивала она со слезами въ голосѣ.

— А за то, чтобъ не зазнавался. Шарлатанъ эдакій, тихоня. Когда еще дѣло-то его кончится! Можетъ, и кости-то его успѣютъ въ гробу сгнить, прежде чѣмъ въ вельможи его произведутъ, а онъ зазнаваться ужъ сталъ,—брюзжалъ старикъ.

— Да чѣмъ же онъ зазнается?—заступалась за своего ученика Полинька.

— Всѣмъ. Супротивъ всѣхъ, что сюда ѣздятъ, онъ щеголеватѣе. Какъ принцъ какой, одѣтъ въ шелки, да въ бархаты. Одинъ плащъ больше ста рублей стоитъ.

— Чѣмъ же онъ виноватъ, что Ратморцевы на него ничего не жалѣютъ?

— Ну, матушка, ты ужъ лучше молчи, да родителя своего слушай.

И, продолжая ворчать себѣ подъ носъ, капитанъ напомнилъ ей, чтобы она отъ большаго ума не забыла свѣчей загасить, да пожару бы, Боже сохрани, не надѣлала, и уходилъ къ себѣ спать.

XXVI.

Тяжелое выпало время для Григорія. Всѣ охладѣли къ нему; всѣмъ онъ въ тягость былъ. Такъ ему казалось по крайней мѣрѣ.

Дѣло въ томъ, что, дѣйствительно, длящаяся безъ конца неопредѣленность его положенія производила на окружающихъ удручающее впечатлѣніе.

Никто не надѣялся на благополучный исходъ его дѣла. Отъ Бутягиныхъ являлись рѣдко. Алексѣй Петровичъ крадучись пробирался время отъ времени въ каморку стараго камердинера и ждалъ тамъ, притаившись, чтобы Захаръ Ипатычъ удосужился къ нему выйдти, и когда тотъ приходилъ, послѣ обычныхъ привѣтствій: «Здравствуйте, Захаръ Ипатычъ».—«Мое вамъ почтеніе, Алексѣй Петровичъ. Какъ поживаете? Здорова ли Анна Васильевна? Дѣтки?» — бесѣда между ними ограничивалась двумя-тремя фразами.

— Ничего не слыхать про дѣло молодаго барина? — спрашивалъ, таинственно понижая голосъ и оглядываясь по сторонамъ, молодой Бутягинъ.

— Ничего, Алексѣй Петровичъ, ровнехонько ничего..

И, глубоко вздохнувъ, оба смолкали на минуту. Затѣмъ Бутягинъ поднимался съ мѣста и, объявивъ, печально покачивая головой: «надо тятенькѣ отписать», съ пожеланіями всего лучшаго, уходилъ, не повидавшись съ Григоріемъ Александровичемъ.

Чего на него смотрѣть? Только понапрасну и себя разстроишь, да и ему безпокойство причинишь.

Въ Людмилѣ Николаевнѣ Григорій, съ болѣзненною чуткостью измученной души, тоже подмѣчалъ перемѣну. Она и раньше большой нѣжности къ нему не проявляла и постоянно себя насиловала, стараясь побѣдить недовѣріе и брезгливость, внушаемыя ей странностями этого пришлеца въ ихъ домъ, а за послѣднее время она стала еще подозрительнѣе къ нему относиться, и, чувствуя на себѣ ея пытливый взглядъ, замѣчая, какъ сдвигаются ея брови, когда онъ подходитъ къ ея дочерямъ, и съ какимъ стараніемъ изыскиваетъ она предлоги, чтобы отдалить ихъ отъ него, онъ самъ сталъ избѣгать попадаться имъ на глаза и такъ угрюмо отвѣчалъ на разспросы Сони съ Вѣрой, что онѣ въ недоумѣніи и со слезами спрашивали другъ у друга: за что онъ ихъ разлюбилъ?

И m-r Vaillant какъ будто прискучило имъ заниматься. Потому, можетъ быть, что Григорій сталъ теперь плохо учиться?

Одинъ только Сергѣй Владиміровичъ не мѣнялся къ нему, но онъ былъ такъ занятъ и проводилъ такъ мало времени въ семьѣ, что расположеніе его не могло служить большимъ утѣшеніемъ Григорію, тѣмъ болѣе, что послѣднее время, благодаря дурнымъ отзывамъ m-r Vailiant, расположеніе это выражалось выговорами, ласковыми, правда, но, тѣмъ не менѣе, они только усиливали душевное смятеніе юноши, который со дня на день все больше и больше падалъ духомъ.

— Уйдти бы отъ нихъ, скрыться куда нибудь,—говорилъ онъ Полинькѣ.—Ну, что я тамъ у всѣхъ, какъ бѣльмо на глазу.

— Если вы отъ нихъ уйдете, ваше дѣло еще дольше протянется,—замѣчала Полинька.

— Да оно и такъ никогда не кончится,—возражалъ онъ.

И часто случалось, что бесѣда ихъ на этомъ обрывалась. У нея не находилось словъ, чтобы ободрить его и утѣшить.

Однажды, не задолго до масляницы, старикъ Ожогинъ такъ замучилъ дочь брюзжаніемъ и злыми намеками насчетъ подкидыша, какъ онъ продолжалъ называть злополучнаго претендента на имя и состояніе покойнаго Воротынцева, что она въ слезахъ легла спать.

До капитана, вѣроятно, дошли сплетни изъ людской, гдѣ кучеръ, привозившій Григорія, подъ вліяніемъ угощенія домашней брагой и пивомъ, выбалтывалъ Ожогинской дворнѣ толки, слышанные отъ Ратморцевской челяди про Григорія Александровича.

А можетъ быть, Николай Ивановичъ и самъ додумался до убѣжденія, что дружба его дочери съ Григоріемъ ничего, кромѣ вреда, принести имъ не можетъ, такъ или иначе, но онъ приказалъ Полинкѣ отвадить отъ ихъ дома подкидыша.

— Отвадь. Надоѣлъ. Дождется, что я самъ за него примусь, хуже будетъ тогда. Ты меня знаешь, я шутить не люблю,—повторялъ онъ сердито, постукивая кулакомъ по столу.—Въ своемъ домѣ отъ проходимцевъ спокойствія себѣ не могу имѣть, прошу покорно!

Онъ прерывалъ свою воркотню для того только, чтобъ прихлебывать чай съ ромомъ изъ большой чашки и попыхивать изъ трубки, исподлобья посматривая на дочь.

Полинька сидѣла передъ самоваромъ молча, съ потупленными глазами, терпѣливо выжидая конца мучительной сцены.

— Мнѣ за него платятъ,—рѣшилась она вымолвить наконецъ.

— Пусть ходитъ, какъ и прочіе ученики. Отучился, и маршъ домой, какъ и всѣ прочіе. Тебѣ деньги-то за то даютъ, чтобъ ты его пѣть учила, а не за разговоры. Онъ, поди чай, помотается, помотается въ ожиданіи наслѣдства-то, да въ пѣвчіе и опредѣлится,—злобно хихикнулъ старикъ, подливая себѣ рому въ чай.

И, помолчавъ, прибавилъ вполголоса:

— Туда ему и дорога, подкидышу.

Полинька наконецъ не выдержала. Она чувствовала, что разрыдается, если останется здѣсь дольше.

— Вы больше не будете чай кушать, папенька?—спросила она, блѣднѣя отъ усилій произносить слова съ обычною сдержанностью.

— А что тебѣ? Надоѣло сидѣть съ отцомъ?

— У меня голова болитъ, а завтра надо чуть свѣтъ ѣхать на урокъ къ Вишневскимъ: мнѣ хотѣлось бы лечь пораньше спать,—проговорила она, не подымая глазъ съ чашки, которую она перетирала.

Онъ съ минуту молча смотрѣлъ на нее, хотѣлъ что-то сказать, но только пожевалъ губами. И, протягивая ей руку для поцѣлуя, отрывисто выронилъ:

— Ступай.

Она поспѣшно удалилась. Ей хотѣлось быть одной, слезы душили ее.

Вѣдь отецъ нападаетъ на нее изъ-за Марты. Его бѣситъ, что есть человѣкъ, которому должно достаться ея имя и состояніе, и что въ человѣкѣ этомъ она, Полинька, принимаетъ живое участіе.

И не одинъ отецъ такъ судитъ. Надняхъ баронесса Медемъ спросила у нея съ презрительной гримаской:

— И Марта Воротынцева продолжаетъ васъ принимать? Она очень добра.

— Oh, Marthe est audessus de ces cancans! C'est un si noble coeur,—подхватила другая дама. И обѣ отвернулись отъ Полиньки.

И все это потому, что дѣло Григорія затягивается. Никто не вѣритъ, чтобъ оно кончилось благополучно для него. Сдѣлайся онъ вдругъ богатымъ, зовись Воротынцевымъ, и всѣ начнутъ ухаживать за нимъ и за его друзьями.

Долго металась она на постели въ тоскѣ, рыдая отъ досады, но уступить, покориться требованіямъ отца, ей и въ голову не приходило; она была изъ тѣхъ, которыхъ препятствія разжигаютъ и возбуждаютъ къ дѣятельности.

Не отстанетъ она отъ Григорія, хотя бы весь свѣтъ отъ него отвернулся: въ экзальтаціи своей она была убѣждена, что и Ратморцевы къ нему охладѣли. Чѣмъ онъ будетъ болѣе покинутъ, одинокъ и несчастенъ, тѣмъ больше она его будетъ любить, поддерживать и жалѣть. Кто знаетъ, имъ, можетъ быть, вдвоемъ и посчастливится. У нея все то, чего ему не достаетъ: она энергична, смѣла, знаетъ свѣтъ и людей...

Дерзкіе планы, одинъ другаго безумнѣе и опаснѣе, возникали въ ея мозгу, отуманивая разсудокъ, вызывая сверлящую боль въ вискахъ и лихорадочную дрожь во всемъ тѣлѣ. Каждую минуту перевертывала она подушку: такъ нестерпимо жарко нагрѣвалась она подъ ея пылающей щекой.

Наконецъ, въ третьемъ часу утра, потерявъ надежду уснуть, она сорвалась съ кровати, накинула на себя ватный капотъ, подбѣжала къ окну и, растворивъ форточку, высунулась изъ нея на улицу.

Морозный воздухъ вмигъ освѣжилъ ее; нервы успокоились.

Ночь была лунная и такъ тиха, что скрипъ полозьевъ по снѣгу, возгласы кучеровъ и форейторовъ, топотъ лошадиныхъ копытъ и веселый говоръ мчавшихся мимо въ открытыхъ саняхъ статскихъ и военныхъ, закутанныхъ въ богатыя шубы и шинели съ бобровыми воротниками, съ особенною отчетливостью долеталъ до ея ушей.

Сквозь поднятыя стекла каретъ и возковъ виднѣлись женскія головы, красиво разубранныя перьями и цвѣтами, бархатъ и дорогой мѣхъ салоповъ.

Это разъѣзжались съ вечеровъ и баловъ тѣ, которымъ не надо подниматься съ постели въ шесть часовъ утра, чтобъ торопиться на урокъ, и которымъ нѣтъ надобности раздумывать о томъ, чтобъ не истратить лишнихъ пяти рублей на перчатки. Вернувшись домой, они спокойно лягутъ спать, и къ грезамъ ихъ не будетъ примѣшиваться ничего горькаго и досадливаго, имъ будутъ сниться наслажденія, испытанныя на балѣ...

Никогда еще Полинька не была на настоящемъ, большомъ балѣ, съ оркестромъ. Ее приглашали только на маленькіе вечера, чтобъ въ случаѣ надобности она сыграла вальсъ или кадриль для молодежи, желающей запросто попрыгать, или для того, чтобъ акомпанировать дочкамъ такихъ маменекъ, которыя не упускаютъ случая похвастаться талантами своихъ дѣтей.

Не желая затмевать своихъ ученицъ, Полинька никогда не пѣла сама на такихъ вечерахъ, и ей были за это чрезвычайно благодарны. Вообще она держала себя съ большимъ тактомъ въ обществѣ, одѣвалась просто и такъ умѣла стушевываться, что про нее вспоминали тогда только, когда она была нужна.

Но чего ей стоилъ этотъ тактъ! Какъ часто, наблюдая изъ угла за дверью или изъ-за дерева за прохаживающимися по залѣ дѣвицами съ кавалерами, она съ горечью сравнивала себя съ ними! Одѣнься она только такъ, какъ онѣ, да будь у нея громкая фамилія, всѣхъ бы затмила она остроуміемъ, красотой, ловкостью, талантомъ. О, какъ она понимала муки Григорія! Какъ она ему сочувствовала! Ихъ положеніе въ свѣтѣ имѣло много общаго, оба считаютъ себя въ правѣ занимать въ немъ выдающееся мѣсто, и за обоими не хотятъ признавать этого права. Но его положеніе, всетаки, несравненно лучше, перемѣна въ его судьбѣ зависитъ отъ счастливой случайности...

Ей вспомнился разговоръ съ Людмилой Николаевной. Государь однимъ своимъ словомъ можетъ прекратить страданія Григорія, превратить несчастнаго подкидыша въ богатаго, знатнаго, блестящаго вельможу. Да, государь это можетъ сдѣлать... но для этого надо, чтобъ онъ все зналъ... а какъ это сдѣлать? Какъ до него дойти?

Иллюзій на этотъ счетъ у нея не могло быть, она знала, что это невозможно. Даже для такой знатной особы, какъ Марта, удостоиться аудіенціи у царя чрезвычайно трудно. Сколько разъ слышала она это и отъ самой Марты и отъ другихъ, знакомыхъ съ придворнымъ этикетомъ, людей.

Обыкновенно обращались для этого къ графу Бенкендорфу, и все, что этотъ послѣдній могъ обѣщать, даже и тогда, когда онъ принималъ участіе въ просителѣ, это воспользоваться благопріятной минутой, чтобъ доложить о просимой милости государю.

Если ужъ такая особа, какъ графъ Бенкендорфъ, не могъ себѣ

позволить заговаривать съ царемъ во всякое время, какъ же ей, Полинькѣ, дочери простаго армейскаго капитана, скромной учительницѣ, которую въ домахъ, гдѣ она даетъ уроки, оставляютъ обѣдать тогда только, когда нѣтъ гостей,—какъ же ей можно расчитывать на такое счастье, чтобъ государь ее выслушалъ, да еще безъ свидѣтелей?

Разумѣется, это немыслимо... немыслимо...

Но, повторяя это себѣ на тысячу ладовъ, она продолжала мечтать о томъ, что было бы, если-бъ вдругъ случилось чудо и невозможное сдѣлалось бы возможнымъ, какъ бы она тогда поступила, что сказала бы царю?

И ей казалось, что случись только такое чудо, она не оробѣла бы до потери сознанія и сумѣла бы высказать все, что у нея на душѣ, сумѣла бы такъ краснорѣчиво описать бѣдственное положеніе Григорія, что государь сжалился бы надъ нимъ и приказалъ бы кончить дѣло въ его пользу. И тогда непризнанный сынъ Александра Васильевича возстановленіемъ своихъ правъ обязанъ былъ бы ей, Полинькѣ. Она сдѣлала бы для него то, чего никто не можетъ сдѣлать. Какое торжество для нея!

Она такъ увлеклась мечтами, что не замѣчала, какъ летѣло время, и продолжала стоять передъ растворенной форточкой, не чувствуя ни холода, ни усталости.

Подъ утро луна какъ будто засвѣтила ярче. Такъ ей показалось по крайней мѣрѣ, потому ли, что это глаза постепенно привыкали къ темнотѣ, или потому, что внутренній подъемъ духа, овладѣвшій всѣмъ ея существомъ, обострилъ ея слухъ и зрѣніе, такъ или иначе, но она совсѣмъ ясно различила компанію замаскированныхъ дамъ въ каретѣ, запряженной четверкой, промчавшейся мимо окна, у котораго она стояла. За этой каретой прослѣдовало нѣсколько саней съ мужчинами, а за ними еще карета, и еще, и еще, съ чернѣвшими внутри женскими фигурами, укутанными въ кружева домино.

Полинька вспомнила про маскарадъ въ дворянскомъ собраніи. Это оттуда ѣдутъ...

И едва успѣла эта мысль мелькнуть въ ея умъ, какъ сверкнула другая.

Именно сверкнула. Какъ отъ искры, зажигающей фейерверкъ, загорѣлся въ ея мозгу неожиданный планъ дѣйствій, такой дерзскій и опасный, что ее въ жаръ бросило, а потомъ холодомъ обдало съ ногъ до головы. Зажмурившись, какъ отъ призрака, она захлопнула форточку, бросилась на постель, укуталась съ головой въ одѣяло и, замирая отъ волненія, сжимая руками бьющееся сердце, точно опасаясь, чтобъ оно не выдало ея тайны, стала обдумывать, какъ ей достать домино, какъ пробраться въ маскарадъ, какъ подойти къ царю и что ему сказать.

XXVII.

Когда впослѣдствіи Полинька припоминала ночь въ маскарадѣ, во время которой она говорила съ царемъ про Григорія, а также время, предшествовавшее этой достопамятной ночи, она никакъ не могла себя увѣрить, что все это происходило не во снѣ, а наяву.

Точно въ очарованный кругъ какой-то попала она съ той минуты, какъ задумала свой дерзкій планъ.

Кругъ этотъ, постепенно смыкаясь вокругъ нея все тѣснѣе и тѣснѣе, такъ отдалилъ ее отъ остальнаго міра, что она ни о чемъ больше не могла думать, ничѣмъ интересоваться, кромѣ какъ о средствахъ достичь намѣченной цѣли.

Изумительную находчивость проявляла она во всемъ, что касалось до этой цѣли.

Какъ будто невидимый геній какой-то подсказывалъ ей, какъ надо дѣйствовать, чтобъ никто не догадался объ ея намѣреніи.

Необходимо было прежде всего достать красивый и изящный костюмъ, чтобъ съ перваго взгляда произвести благопріятное впечатлѣніе на государя и быть принятой за особу изъ высшаго общества, а денегъ у Полиньки было всего только нѣсколько рублей.

Весь свой заработокъ она отдавала на храненіе отцу. Онъ этого требовалъ, и если-бъ она вздумала проявить самостоятельность и объявить, что желаетъ безконтрольно располагать своими деньгами, онъ запретилъ бы ей давать уроки.

Видъ денегъ, приносимыхъ ему дочерью, удовольствіе, время отъ времени, ихъ пересчитывать прежде, чѣмъ снова уложить въ потайной ящикъ стараго бюро, въ которомъ хранились сбереженія, дѣлаемыя имъ на приданое Полинькѣ, все это смягчало его и заставляло относиться снисходительнѣе къ частымъ отлучкамъ дочери изъ дому.

Потребовать у него эти деньги подъ какимъ бы то ни было предлогомъ было невозможно: онъ разозлится, станетъ допытываться, для чего онѣ ей нужны, это возбудитъ его подозрѣніе однимъ словомъ, а этого-то Полинька всего больше и боялась.

Надо было какъ нибудь иначе устроиться.

Она вспомнила про француженку, съ которой познакомилась въ прошломъ году у m-lle Lecage. Ее звали m-me Dorcy, и она жила въ качествѣ не то компаньонки, не то старшей горничной у одной изъ прелестнѣйшихъ петербургскихъ львицъ, молоденькой графини, извѣстной своимъ легкомысліемъ, жаждой сильныхъ ощущеній и близостью ко двору.

У такой особы долженъ былъ быть богатый ассортиментъ маскарадныхъ принадлежностей, которымъ, безъ сомнѣнія, завѣдуетъ ея старшая камеристка.

Полинька не ошиблась въ этомъ предположеніи; едва только заикнулась она о своемъ желаніи съѣздить въ маскарадъ, для того будто бы, чтобы поинтриговать молодаго человѣка, ухаживавшаго за одной изъ ея учениць, какъ m-me Dorcy поспѣшила предложить ей свои услуги.

— Я вамъ все это устрою, дамъ и домино, и маску, и все прочее. У насъ всего этого пропасть. У графини шкапы ломятся отъ платьевъ и всевозможныхъ костюмовъ. Она тратитъ бѣшеныя деньги на наряды,—распространялась француженка,—и надѣвши разъ, два, вещь, забываетъ про нее. Вамъ нужно домино,—продолжала она, оглядывая съ ногъ до головы взглядомъ знатока свою посѣтительницу,—j'ai justement votre affaire. Графиня на цѣлую голову ниже васъ, но у насъ есть въ гардеробной домино на всякій ростъ. Въ прошломъ году у графини была страсть ѣздить со своими пріятельницами по маскарадамъ, ни одного не пропускали. И чтобъ лучше мистифировать своихъ мужей и воздыхателей, всѣ эти дамы собирались одѣваться къ намъ и отсюда отправлялись въ дворянское собраніе. Преуморительные выходили quiprоquо. Я почти всегда должна была ихъ сопровождать, тоже въ маскѣ, конечно. И знаете, для чего?—чтобъ мѣняться костюмомъ съ графиней, когда ей нужно было окончательно сбить съ толку увивающихся за нею кавалеровъ... Мы одного съ нею роста, понимаете, и насъ принимали одну за другую. Мы всѣхъ дурачили. О! какъ мы потомъ хохотали, разсказывая другъ другу наши проказы! Графиня ужасно неосторожна, и ей плохо бы иногда приходилось, если-бъ я не выручала ея. Разъ меня чуть было не похитили, флигель-адъютантъ одинъ, parole d'honneur! Онъ безъ ума былъ влюбленъ въ графиню...

— А вы навѣрное знаете, что она сама не поѣдетъ въ маскарадъ?—спросила Полинька.

M-me Dorcy энергично замотала своей маленькой головкой съ рыжеватыми локончиками и красными, какъ румяное яблоко, щечками.

— Нѣтъ, нѣтъ. Она теперь надолго лишена этого удовольствія. Недѣли три тому назадъ съ нею случилась большая непріятность въ маскарадѣ... да неужтожъ вы не слышали? весь городъ про это говорилъ. Она подошла къ государю и сказала ему что-то такое, quelque chose de très leste, онъ разсердился.. и что всего хуже, онъ ее узналъ и сдѣлалъ выговоръ графу за то, что онъ слишкомъ распустилъ свою супругу. Ну, послѣ этого, понимаете...

Полинька притворилась изумленной.

— Неужели въ маскарадѣ всякая маска можетъ подойти къ государю и заговорить съ нимъ?—спросила она.

— Разумѣется, можетъ. Подъ маской этикета не соблюдается. Понятно, что съ глупой маской государь разговаривать не станетъ, но если заинтересовать его...

— Ни за что не рѣшилась бы я на такую штуку!—прервала ее Полинька.—Тотъ молодой человѣкъ, котораго мнѣ хочется поинтриговать, простой офицеръ Измайловскаго полка, но я въ такомъ волненіи, въ такомъ страхѣ, что не знаю, хватитъ ли у меня духу къ нему подойти.

— О! вамъ это только такъ кажется: когда вы присмотритесь къ толпѣ и приглядитесь къ маскамъ, вашъ страхъ пройдетъ, и вы будете расхаживать по заламъ, какъ у себя дома. Пойдемте въ гардеробную, вы тамъ выберете то, что вамъ надо.

Очень ловко, съ обычнымъ своимъ тактомъ, устроила Полинька, чтобъ ей предложили именно то, что ей хотѣлось надѣть—домино изъ великолѣпнаго чернаго атласа, съ кружевами шантильи; очень дорогая, но не бросающаяся въ глаза вещь, съ тѣмъ отпечаткомъ изящества въ покроѣ и отдѣлкѣ, по которому можно тотчасъ же узнать предметъ, принадлежащій женщинѣ, съ дѣтства привыкшей хорошо одѣваться.

Француженка предлагала ей костюмъ изъ бархата съ чудесными венеціанскими кружевами, соблазняла ее и бѣлыми, и розовыми домино, но Полинька остановилась на своемъ первомъ выборѣ.

M-me Dorcy посовѣтывала ей нарядиться въ домино и маску не дома, гдѣ прислуга могла за нею подсмотрѣть, а у ея знакомой модистки, рядомъ съ дворянскимъ собраніемъ.

— Пріѣзжайте къ ней въ одиннадцать часовъ, я ее предупрежу, и васъ будутъ ждать. Костюмъ ужъ будетъ тамъ, и моя пріятельница сама васъ одѣнетъ. Она вамъ и карету достанетъ и кавалера. Вѣдь у васъ, вѣрно, нѣтъ кавалера?

— Зачѣмъ кавалеръ?—испугалась Полинька.

— Какъ зачѣмъ? Кто же васъ введетъ? Безъ кавалера васъ не впустятъ. О, не безпокойтесь, мы вамъ доставимъ очень почтеннаго кавалера, и надоѣдать онъ вамъ не станетъ, за это я вамъ ручаюсь.

— Онъ будетъ знать, кто я такая? Ему надо будетъ сказать мою фамилію?

— Зачѣмъ? Фамилію вашу даже и пріятельница моя не будетъ знать,—поспѣшила успокоить ее m-me Dorcy.

— И она не найдетъ этого страннымъ? Не удивится?

— Нисколько, ей не въ первый разъ оказывать молодымъ дамамъ подобныя услуги. Ахъ, да, я забыла вамъ сказать,—спохватилась француженка, провожая Полиньку,—не покупайте ни перчатокъ, ни вѣера, ни духовъ, ни банта изъ цвѣтныхъ лентъ, все это вы найдете у моей пріятельницы и заплатите за это не много дороже, чѣмъ въ магазинѣ, правда, но... ce sont ses petits profits à cette femme, il faut bien vivre, n'est ce pas? —прибавила она съ умильной улыбкой.

Полинька поспѣшила на все согласиться.

Прошло еще нѣсколько дней, и наконецъ ожидаемый съ трепетнымъ нетерпѣніемъ вечеръ насталъ.

Но тутъ случилось происшествіе, усилившее ея волненіе и страхъ за послѣдствія задуманной затѣи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣшимость во что бы то ни стало дѣйствовать. Григорій ей разсказалъ, что у Ратморцевыхъ идетъ рѣчь о томъ, чтобъ отправить его въ Спасское съ m-r Vaillant, на первой недѣлѣ великаго поста.

— Вотъ видите, что я былъ правъ, увѣряя, что я имъ въ тягость,—повторялъ онъ съ отчаяньемъ. — Сами они, дяденька, тетенька и сестрицы, собираются ѣхать ранней весной въ то имѣніе, что̀ у нихъ близь Воротыновки, тамъ, гдѣ моя мать родилась и похоронена, гдѣ умерла моя бабушка, а меня они съ собой не хотятъ брать.

Онъ былъ блѣденъ, глаза его были красны отъ слезъ, и губы дрожали. У Полиньки сердце разрывалось отъ жалости, но она казалась такъ холодна и сдержанна, что онъ не высказалъ ей и сотой доли того, что терзало ему душу.

Ратморцевы должны были прожить въ Гнѣздѣ все лѣто. Онъ цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ не увидитъ Сони, а, можетъ быть, и дольше; вернувшись въ Петербургъ, найдутъ удобнымъ оставить его въ Святскомъ, можетъ быть. И будутъ правы, онъ играетъ такую жалкую роль въ домѣ, съ тѣхъ поръ, какъ они стали жить открыто, принимать людей, относящихся съ презрительнымъ недовѣріемъ къ его правамъ. А главное—Соня!... Ихъ такъ старательно отдаляютъ другъ отъ друга, что имъ по цѣлымъ недѣлямъ не представляется случая перекинуться словомъ, но, всетаки, онъ ее хоть изрѣдка, хоть урывками да видитъ: за обѣдомъ, за чаемъ, въ сумеркахъ, передъ тѣмъ, какъ пріѣхать гостямъ. Случается иногда, что сестры забѣгаютъ въ его комнату, на минутку, правда, но, всетаки, онъ ихъ видитъ, а въ Святскомъ онъ будетъ и этого лишенъ. И мало-по-малу онѣ отъ него отвыкнутъ, и Соня его разлюбитъ. Что-жъ тогда, для чего же жить?—думалъ онъ.

Отчаянье придало ему смѣлости.

— Давно не видѣли вы Мароы Александровны?—спросилъ онъ у Полиньки, неожиданно прерывая арію, которую она заставляла его пѣть.

И, не дожидаясь отвѣта, онъ прибавилъ торопливо и прерывающимся отъ волненія голосомъ:—Пожалуйста, съѣздите къ ней, узнайте тамъ, что случилось... Ея повѣренный сказалъ Бутягину, будто ей обѣщали выхлопотать, чтобъ ея братьевъ приняли въ пажескій корпусъ подъ именемъ Воротынцевыхъ. Если ей это удастся, мое дѣло можно считать погибшимъ, значитъ, самъ царь...

— Не сомнѣвайтесь въ справедливости царя, — съ рѣзкостью перебила его Полинька.

И, оглянувшись на дверь, за которой ей послышались шаги

отца, она приказала ему кончить арію. Когда же, краснѣя отъ смущенія, онъ запѣлъ, она сказала, понижая голосъ:

— Мы переговоримъ съ вами объ этомъ послѣзавтра.

Послѣзавтра!

Онъ надѣялся, что ему позволятъ, какъ прежде, провести здѣсь вечеръ. Домой не хотѣлось рано возвращаться. Сидѣть одному съ мрачными думами въ мезонинѣ, когда внизу Соня съ Вѣрой веселятся въ обществѣ, съ которымъ онъ не знакомъ,—какая мука!

— Отчего вы не хотите, чтобы я у васъ посидѣлъ послѣ урока, какъ бывало прежде?—спросилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, когда Полинька поднялась съ мѣста, давая ему этимъ понять, что онъ долженъ уѣхать домой.

— Да вѣдь сами же вы просили меня съѣздить къ Мареѣ Александровнѣ,—отвѣчала она.

Совсѣмъ не то хотѣла она ему сказать, слова утѣшенія рвались у нея съ языка, хотѣлось, чтобъ онъ зналъ, что она объ немъ думаетъ постоянно, что у нея не будетъ ни минуты покоя, пока судьба его не устроится. Хотѣлось намекнуть ему, что она рѣшилась для него на то, чего ни для кого бы въ мірѣ не сдѣлала, но она не поддалась порыву откровенности и, прощаясь съ нимъ, посовѣтывала ему только не отчаиваться и не считать себя совсѣмъ одинокимъ на свѣтѣ.

— Да ты вѣрно въ первый разъ въ маскарадѣ?—говорилъ молодой человѣкъ, одѣтый по послѣдней модѣ, въ свѣтлый фракъ съ узкими почти до пятъ фалдами, высокомъ батистовомъ жабо, въ которомъ сверкалъ брилльянтъ булавки, со множествомъ дорогихъ брелоковъ, свѣшивающихся съ двухъ толстыхъ золотыхъ цѣпочекъ, на груди.

Беззаботная и слегка надменная улыбка красиво очерченнаго рта, открывая бѣлые зубы, отражалась въ прищуренныхъ, веселыхъ глазахъ его, пытливо устремленныхъ на женщину въ домино и маскѣ, опирающуюся на его руку.

— Отъ кого ты прячешься? Чего ты боишься?—продолжалъ онъ закидывать ее допросами, проходя съ нею за колоннами, мимо высокихъ оконъ, въ большой, залитой блескомъ зажженныхъ люстръ и канделябръ, бѣлой залѣ.

Но маска,—это была Полинька,—продолжая внимательно вглядываться въ толпу, расхаживавшую по залѣ, не отвѣчала ему.

— Да ты, кажется, и не слышишь, что я тебѣ говорю? Для чего же тогда выбрала ты меня своимъ кавалеромъ?—продолжалъ онъ шутливо обращаться къ ней.—Ну, будь же откровеннѣе, сознайся, что ты пріѣхала сюда не для маскарада... Какъ мнѣ ни прискорбно, но я помогу тебѣ найти того счастливца, изъ-за котораго такъ дрожитъ эта прелестная ручка...

— Мнѣ жарко, здѣсь такая духота,—проговорила она, не переставая тревожно оглядываться по сторонамъ.

— Хочешь мороженаго, лимонаду? Пройдемъ въ буфетъ...

— Нѣтъ, нѣтъ,—нетерпѣливо прервала она его, раздраженная ухаживаніемъ этого незнакомца, необходимостью выслушивать его любезности, выносить нѣжное пожатіе его руки и сверкающій взглядъ, которымъ онъ впивался въ ея глаза и въ нижнюю часть ея лица, бѣлѣвшуюся сквозь черное кружево полумаски. Никогда еще не была она такъ мало расположена кокетничать, какъ въ эту минуту.

Государь вошелъ въ залу съ полчаса тому назадъ, и Полинька уже раза три успѣла пройдти мимо него такъ близко, что стоило ей только произнести вполголоса вступительную фразу, которую она мысленно повторяла ужъ много дней сряду, чтобъ онъ ее услышалъ, но у нея не хватало рѣшимости это сдѣлать; а когда она въ третій разъ поровнялась съ нимъ, онъ какъ будто обратилъ на нее вниманіе, отвернулся отъ генерала, съ которымъ разговаривалъ, чтобъ посмотрѣть на нее, и глаза ихъ встрѣтились. Это длилось одно только мгновеніе, но она такъ оробѣла, что, схвативъ подъ руку перваго проходившаго мимо молодаго человѣка, увлекла его за колонны.

— Кто это говоритъ съ государемъ? — спросила она у своего кавалера, не вслушиваясь въ его любезности.

Онъ сталъ всматриваться туда, куда она смотрѣла и гдѣ толпа почтительно разступалась передъ царемъ, оставляя на очищенномъ пространствѣ только одну даму въ маскѣ и въ черномъ домино, очень похожемъ на то, что было на Полинькѣ. Дама эта, оживленно жестикулируя миніатюрными ручками, обтянутыми черными перчатками, говорила что-то царю, забавное, должно быть, потому что онъ улыбался, смотря на нее сверху внизъ тѣмъ пронизывающимъ насквозь взглядомъ, который многіе даже изъ его приближенныхъ не могли выдерживать.

— Кто это такая?—повторила Полинька.

Спутникъ ея засмѣялся.

— Да вѣдь она въ маскѣ, какъ же ты хочешь, чтобъ я зналъ, кто она такая? Мало ли ихъ здѣсь! Многія нарочно только для того и пріѣзжаютъ въ маскарадъ, чтобъ потомъ хвастаться тѣмъ, что онѣ интриговали государя. Эта отойдетъ, другая явится на ея мѣсто. Государя постоянно осаждаютъ маски,—распространялся онъ съ спокойною развязностью человѣка, близко знакомаго съ описываемой имъ средой.—Его величество это забавляетъ. Между ними есть остроумныя, и ему часто приходится слышать здѣсь то, чего онъ нигдѣ не услышитъ.

И вдругъ, обернувшись къ своей дамѣ, онъ съ усмѣшкой заглянулъ въ ея глаза, сверкавшіе сквозь щелки маски, и протянулъ съ оттѣнкомъ ироніи:

— Можетъ быть, и ты имѣешь желаніе побесѣдовать съ государемъ?

Она утвердительно кивнула.

— Такъ торопись. Царь сегодня здѣсь не долго останется. Подойди къ нему смѣлѣе, онъ смѣлыхъ любитъ. Ты высока ростомъ и стройна, ручка у тебя замѣчательно мала, ножка тоже,—продолжалъ онъ съ безцеремонностью, допускаемой при разговорѣ съ женщиной въ маскѣ.—Голосъ у тебя чудесный, ты, должно быть, хорошо поешь, да? И хотя, кромѣ наивностей, я отъ тебя ничего не слышалъ, но мнѣ почему-то кажется, что ты должна быть умна и даже остроумна, ты имѣешь полное право подойти къ царю и выразить ему твои вѣрноподданническія чувства...

И, мѣняя тонъ, онъ прибавилъ, сдвигая брови:

— Вѣдь ты, я надѣюсь, не просьбами же будешь его утруждать? Для этого у него есть министры и коммиссія прошеній, а сюда онъ пріѣзжаетъ, чтобъ развлечься отъ дѣлъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ!—поспѣшила она его успокоить.

— Ну, такъ иди же.

И съ этими словами, не давая ей опомниться, онъ потащилъ ее впередъ.

Не переставая внимательно слѣдить глазами за высокой фигурой императора и не выпуская ея руки изъ-подъ своей, онъ выступилъ съ Полинькой на средину залы и, ловко лавируя среди толпы, пробрался къ дверямъ, раствореннымъ въ сосѣднюю комнату, у которыхъ государь, разговаривая съ маской, замедлилъ шагъ.

Сознавая, что роковая минута близка, Полинька чувствовала то, что долженъ чувствовать человѣкъ, кидающійся въ пропасть. У нея не было силъ ни думать, ни говорить, а то она, можетъ быть, стала бы умолять о пощадѣ. Ноги подъ нею подкашивались, и вся она дрожала, какъ въ лихорадкѣ. Мыслей въ головѣ не было ни одной, было только сознаніе, что вотъ сейчасъ, сію минуту, она должна просить царя за Григорія. Но что она скажетъ, какими словами, въ какихъ выраженіяхъ изложитъ она свою просьбу, ничего этого она не могла сообразить.

Среди движущагося моря черныхъ фигуръ, окутанныхъ въ домино, мелькали у нея передъ глазами концы разноцвѣтныхъ лентъ, сверкали золотые аксельбанты, густые эполеты, широкія груди, увѣшанныя орденами, бѣлыя жабо, подпиравшія гладко выбритые подбородки, старыя и молодыя лица съ усами и безъ усовъ, высоко взбитые хохлы напомаженныхъ, черныхъ, бѣлокурыхъ и сѣдыхъ волосъ.

Все это сливалось передъ Полинькой въ хаотическую фантасмагорію, подъ звуки оркестра, гремѣвшаго съ хоръ, подъ пискъ масокъ, говоръ и смѣхъ толпы, до боли раздирая ей уши и зату-

манивая умъ. Вѣки сами собою смыкались, она была близка къ обмороку.

И вдругъ, въ ту самую минуту, когда всего менѣе можно было этого ожидать, она очутилась передъ государемъ.

— Courage,—прошепталъ ей на ухо чей-то голосъ, ея спутника, вѣроятно.

— Ваше величество...

Слова эти были произнесены очень тихо, но государь ихъ услышалъ и остановился.

Тогда произошло нѣчто такое, что она послѣ, даже и тогда, когда вполнѣ овладѣла собой, никакъ не могла себѣ объяснить: точно по мановенію волшебнаго жезла, все, что было вокругъ нея, куда-то исчезло, и ей представилось, что она съ царемъ одна во всей залѣ.

Онъ пристально и повелительно смотрѣлъ на нее. Отступленіе было невозможно; что бы ни случилось, надо было дѣйствовать, и она съ отчаянною рѣшимостью высказала все, что она знала про Григорія. Слова являлись сами собою, фразы складывались безъ участія разума и воли, вполнѣ безсознательно.

Сколько времени она говорила и что именно, этого она не знала. Она только слышала звукъ собственнаго голоса, да и то невнятно, точно издалека.

Ея не прерывали.

При имени Воротынцева государь слегка сдвинулъ брови, точно припоминая что-то, а затѣмъ, приказавъ ей знакомъ слѣдовать за собой, прошелъ черезъ комнату, смежную съ залой, и остановился у окна. Кругомъ было пусто, а шумъ толпы и оркестра достигалъ сюда издалека, напоминая глухой гулъ бушующаго моря.

Царь отрывисто спросилъ:

— Онъ здѣсь?

— Въ Петербургѣ, ваше величество. У дяди своего, сенатора Ратморцева.

— Давно ли ему извѣстно, что онъ сынъ Воротынцева?

— Съ мая мѣсяца 1838 года, ваше величество.

— Сколько ему лѣтъ?

— Двадцать два года, ваше величество.

— Сними маску,—приказалъ царь.

А когда Полинька повиновалась, онъ спросилъ ея фамилію и чья она дочь.

— Капитана Ожогина.

И по какому-то наитію она прибавила:

— Въ отставкѣ съ 1826 года, раненъ при...

Лице царя сдѣлалось строже.

— Ты дѣвушка?

И не дожидаясь отвѣта:

— Съ вѣдома родителей просишь за Воротынцева?

— У меня нѣтъ матери, — вымолвила она дрогнувшимъ голосомъ, чувствуя полнѣйшую невозможность лгать въ эту минуту, даже для спасенія жизни.

— По какой причинѣ принимаешь ты такое участіе въ судьбѣ этого молодаго человѣка?—продолжалъ свой допросъ царь, не спуская пытливаго взгляда съ ея поблѣднѣвшаго лица.

Она молча опустила голову. Прошло нѣсколько мгновеній молчанія. Мгновенія эти показались ей вѣчностью.

— Ты его невѣста?—спросилъ царь.

Всего менѣе ждала она этого слова. Оно такъ изумило ее и испугало, что горло у нея сдавило спазмой, слова не выговаривались. Безсознательно опустила она голову еще ниже.

Движеніе это было принято за утвердительный отвѣтъ.

— Поѣзжай домой и скажи отцу, что дѣло твоего жениха будетъ рѣшено,—сказалъ царь.

А, можетъ быть, онъ еще что нибудь къ этому прибавилъ, но, что случилось дальше, Полинька ужъ не помнила.

Хорошо, что молодой человѣкъ, который довелъ ее до царя, стоялъ неподалеку и тотчасъ же подошелъ къ ней, когда она осталась одна, безъ него Богъ знаетъ сколько времени простояла бы она неподвижно, съ маской въ рукѣ, не замѣчая любопытныхъ глазъ, устремленныхъ на нее со всѣхъ сторонъ.

Молодой человѣкъ взялъ ее подъ руку и повелъ къ выходу.

— Съ кѣмъ вы сюда пріѣхали? Какъ найдти вашего кавалера?—спрашивалъ онъ у нея на пути.

— Не знаю, не знаю, — растерянно повторяла Полинька, продолжая держать въ лѣвой рукѣ, вмѣстѣ съ вѣеромъ, снятую, по приказанію царя, маску.

— Позвольте, господа, позвольте,—повторялъ онъ, ускоряя шагъ, торопясь ее увести дальше отъ зѣвакъ, останавливающихся передъ нею, чтобъ любоваться ея взволнованнымъ, блѣднымъ лицомъ, съ горѣвшими лихорадочнымъ блескомъ глазами.

— Это та, съ которой государь такъ долго разговаривалъ...

— Какая красавица!...

— Преинтересная...

— Она за отца просила...

— Нѣтъ, за мужа...

— За отца, я вамъ говорю, мнѣ адъютантъ графа сказалъ.

— А мнѣ Трубецкая...

— Развѣ Трубецкая здѣсь?

— Здѣсь, бархатное домино съ желтымъ бантомъ,—болтали въ толпѣ.

А покровитель Полиньки увлекалъ ее все дальше и дальше.

— Вы въ своей каретѣ? Нѣтъ? Въ такомъ случаѣ я прикажу довезти васъ въ своей, если позволите.

Отъ толпы лакеевъ, окружавшихъ вѣшалки съ шубами, отдѣлился высокій малый въ ливреѣ, которому онъ приказалъ отыскать салопъ своей спутницы, самъ помогъ ей надѣть его и свелъ ее съ лѣстницы.

Лакей же его со всѣхъ ногъ бросился звать карету.

— Васъ можно поздравить... Государь такъ милостиво васъ слушалъ... вы должны быть довольны, ваша просьба будетъ, безъ сомнѣнія, исполнена,—отрывистымъ шепотомъ говорилъ Полинькѣ ея кавалеръ, помогая ей подниматься по ступенькамъ подножки и сѣсть въ карету.

А затѣмъ онъ приказалъ отвезти барышню, куда она прикажетъ, и, низко поклонившись ей, вернулся въ собраніе.

Полинька сказала, гдѣ она живетъ, дверца захлопнулась, лакей вскочилъ на запятки, и лошади помчались.

XVIII.

У Ратморцевыхъ все шло постарому.

Дѣвочки вели жизнь разсѣянную. Даже Сергѣй Владиміровичъ надивиться не могъ непонятному пристрастію жены къ изыскиванію развлеченій для дочерей, а онъ ли не привыкъ относиться съ полнѣйшимъ довѣріемъ къ ея методѣ воспитанія, объ одномъ только моля Бога, чтобъ Соня съ Вѣрой походили во всемъ на мать.

— Не слишкомъ ли ты ихъ тормошишь, Милуша?—спрашивалъ онъ время отъ времени, видя ихъ постоянно то ѣдущими, то возвращающимися откуда нибудь и слыша въ домѣ толки про вечера, театры и концерты.

— Вы теперь ни одного вечера дома не посидите.

— Онѣ у насъ такія дикарки, Сережа, надо изъ нихъ свѣтскихъ дѣвушекъ сдѣлать,—возражала на это Людмила Николаевна.

Давно ли была она другаго мнѣнія, давно ли радовалась, что дочери ея не знаютъ свѣта и скучаютъ въ немъ. Но мужъ не настаивалъ, ей лучше знать, что для дѣвочекъ нужно.

Дня не проходило, чтобъ она не возила ихъ въ Эрмитажъ или въ кунсткамеру, или осматривать дворецъ, публичную библіотеку, чью нибудь картинную галлерею, а вечеромъ, если у нихъ не было гостей, Людмила Николаевна ѣхала съ дочерьми въ оперу, въ концертъ или къ знакомымъ и роднымъ.

Когда погода была такъ дурна, что даже въ каретѣ нельзя было выѣхать и никого нельзя было къ себѣ ждать, она проявляла раздражительность и безпокойство, ежеминутно и подъ разными предлогами отрывала дочерей отъ фортепьянъ, чтобъ заставлять ихъ читать вслухъ или разсказывать что нибудь. И при этомъ она

не столько слушала ихъ, сколько вглядывалась въ ихъ лица, съ мучительною пытливостью доискиваясь чего-то.

Иногда срывались у нея съ устъ такіе вопросы: «ты правду говоришь, Соня?». Или запальчивое восклицаніе: «не лги!» — за которымъ тотчасъ же слѣдовалъ нѣжный поцѣлуй и поспѣшное заявленіе, что она ей вѣритъ.

Придиралась она къ одной только Сонѣ, но дѣвочки были всегда вмѣстѣ, и Вѣра такъ обожала сестру, что страдала за нее отъ нападокъ матери больше, чѣмъ если-бъ нападки эти были направлены на нее.

За что ихъ мучили, онѣ не понимали. Никакой вины Соня за собой не знала и, если-бъ ей сказали, что мать ея терзается тѣмъ, что она нѣжно смотритъ на Григорія, краснѣетъ отъ радости, когда имъ удается сѣсть рядомъ за столомъ, и расцвѣтаетъ, какъ цвѣтокъ на солнцѣ, при его появленіи, если-бъ ей кто нибудь сказалъ, что именно это-то и мучитъ невыносимо ея мать, она не повѣрила бы: такъ чисто, наивно и безсознательно было чувство, влекующее ее къ юношѣ, котораго онѣ звали братомъ.

Каждый вечеръ бесѣдовала она со своимъ ангеломъ хранителемъ про это чувство, просила его на колѣняхъ сдѣлать такъ, чтобъ Гришино дѣло скорѣе кончилось и чтобъ онъ былъ совсѣмъ, совсѣмъ счастливъ. Для себя она ничего не просила. Если онъ будетъ счастливъ, то и она тоже, это само собою разумѣется, и ея ангелъ-хранитель долженъ былъ это знать лучше всѣхъ.

А Вѣра, та молилась, чтобъ Господь научилъ сестру угождать маменькѣ, и чтобъ маменька была попрежнему весела и спокойна, и чтобъ Гриша лучше учился и не огорчалъ m-r Vaillant, и чтобъ скорѣе выздоровѣла m-lle Pauline.

Мать ихъ сдѣлалась особенно раздражительна съ тѣхъ поръ, какъ Полинька написала, что она нездорова, бывать у нихъ не можетъ и курсы пѣнія у себя на дому прекратила.

Благодаря этому обстоятельству, Григорію некуда было ходить по вечерамъ, и дѣти опять проводили бы время вмѣстѣ, если-бъ Людмила Николаевна не увозила дочерей изъ дому.

Прошло такимъ образомъ недѣли двѣ, какъ вдругъ, какъ-то передъ вечеромъ, Сергѣй Владиміровичъ вошелъ къ женѣ съ письмомъ въ рукахъ и очень взволнованный.

— Меня проситъ къ себѣ графъ, — сказалъ онъ. — Вѣрно про Григорія что нибудь. Боюсь, не надурилъ ли старикъ Бутягинъ... Говорилъ я ему, чтобъ имѣлъ терпѣніе и не напоминалъ бы про Гришу ни письменно, ни словесно, но развѣ такихъ упрямцевъ можно чѣмъ нибудь вразумить! Медвѣжью услугу оказали они ему, если вздумали просить за него теперь.

— Чего же ты боишься? — спросила Людмила Николаевна.

— Мало ли чего! Его могутъ выслать изъ Петербурга подъ

тѣмъ предлогомъ, что у него нѣтъ правильнаго вида на жительство.

— А ты скажи графу, что мы хотимъ отправить его въ деревню.

— Скажу, разумѣется, и всѣ усилія употреблю, чтобъ этимъ удовлетворились. Чѣмъ онъ виноватъ, несчастный, что у его противниковъ сильныя связи и много денегъ,— продолжалъ съ негодованіемъ Ратморцевъ, большими шагами расхаживая по комнатѣ.—Это возмутительно, такое лицепріятіе!

— Когда же ты ѣдешь къ графу?

— Сейчасъ. Приказалъ заложить карету и вотъ зашелъ къ тебѣ... Вы собираетесь куда нибудь?—продолжалъ онъ недовольнымъ тономъ, оглядываясь на бархатное платье, висѣвшее на ширмѣ, и на выдвинутые ящики шифоньерки съ кружевами.

— Мы можемъ остаться,—поспѣшила она объявить.

— Пожалуйста, останьтесь. Я скоро вернусь, и нужно будетъ о многомъ перетолковать. Очень можетъ быть, что намъ придется отправить его въ Святское раньше, чѣмъ мы думали.

Людмила Николаевна ничего не возражала. Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ она была замужемъ, приходилось ей скрывать отъ мужа чувства, волновавшія ей душу, и въ первый разъ мучила ее совѣсть за эти чувства. Не могла она не сознавать, что радость, охватившая ее при мысли, что сама судьба ей благопріятствуетъ, что радость эта грѣшна и основана на чужомъ несчастьѣ, но ей такъ надоѣло себя насиловать, ей было такъ тяжело вести жизнь, противную всѣмъ ея вкусамъ и привычкамъ, ей было такъ мучительно стѣснять дочерей и отравлять имъ существованіе подозрительностью, что она не могла не радоваться при мысли, что съ отъѣздомъ Григорія изъ ихъ дома этой пыткѣ наступитъ конецъ.

Пославъ сказать дочерямъ, что онѣ сегодня никуда не поѣдутъ, она стала прохаживаться взадъ и впередъ по комнатамъ, поджидая возвращенія мужа. Отъ нетерпѣнія она ничѣмъ не могла заняться.

Наконецъ, часа черезъ полтора, Сергѣй Владиміровичъ вернулся и, обнявъ жену, торопливо увлекъ ее въ кабинетъ.

— Ну, Милуша, ни за что не отгадать тебѣ, для чего за мной присылалъ графъ,—началъ онъ, опускаясь рядомъ съ нею на широкій диванъ и устремляя на нее сверкавшій радостью взглядъ.— Дѣло Гриши, по приказанію государя, разсматривалось въ сенатѣ и рѣшено въ его пользу.

— По приказанію государя?—повторила она съ удивленіемъ.— Но кто же за него просилъ?

— Ты представить себѣ не можешь. Я ушамъ своимъ не вѣрилъ, когда мнѣ сказалъ графъ... за него просила наша учительница музыки.

— Полинька?

— Да, Полинька. Она отправилась въ маскарадъ, подошла къ царю и такъ краснорѣчиво росписала печальную судьбу Гриши и какъ ему тяжело жить въ неопредѣленномъ положеніи, благодаря проволочкамъ суда, продолжающимся болѣе двухъ лѣтъ, что царь былъ тронутъ и обѣщалъ ей приказать пересмотрѣть дѣло. Но это еще не все,—продолжалъ Ратморцевъ,— она сказала государю, что Гриша ея женихъ. Понимаешь ты тутъ что нибудь?

— Что же тутъ удивительнаго?—торопливо возразила Людмила Николаевна дрожащимъ отъ радостнаго волненія голосомъ.— Онъ бывалъ у нея почти каждый день; она красива и всегда выказывала ему много участія,— что-жъ мудренаго, что они влюбились другъ въ друга?

Но мужъ не хотѣлъ съ нею соглашаться.

— Нѣтъ, нѣтъ, тутъ что-то не такъ. Онъ такой еще мальчикъ, не могла ему понравиться такая особа, какъ m-lle Pauline, да и вообще... онъ былъ послѣднее время такъ угрюмъ и печаленъ, такіе ли бываютъ влюбленные...

— Неужто-жъ ты думаешь, что она солгала царю?—съ досадой возразила Ратморцева.

И поспѣшно прибавила:

— А графъ что на это говоритъ?

— Да они тамъ даже и мысли не допускаютъ, чтобъ Григорій могъ на ней не жениться. Вѣдь государь убѣжденъ, что за него просила невѣста.

Наступило молчаніе. Людмила Николаевна, опустивъ голову на плечо мужа, размышляла о случившемся.

— Я очень рада, что онъ будетъ, наконецъ, имѣть имя и состояніе,—проговорила она вполголоса, точно про себя.

— О, и я этому безконечно радъ!—подхватилъ ея мужъ.—Но... Что если онъ ея не любитъ, если...

Ему не дали договорить.

— Онъ *долженъ* ее любить, *долженъ*! Изъ благодарности. Она прекрасная, энергичная дѣвушка и сдѣлала для него то, чего никто бы не сдѣлалъ!—съ одушевленіемъ, почти запальчиво, вскричала Людмила Николаевна.—Ему надо это объяснить...

— Тѣмъ болѣе, что положеніе безвыходное,—согласился Сергѣй Владиміровичъ.—Я тебѣ еще не успѣлъ всего сказать: государь желаетъ его видѣть. Графъ мнѣ объявилъ, что завтра, въ десять часовъ, я долженъ быть съ Григоріемъ во дворцѣ.

Григорій Александровичъ Воротынцевъ обвѣнчался съ дѣвицей Ожогиной въ первое воскресенье послѣ Пасхи.

Свадьба была скромная, и въ тотъ же день молодые уѣхали въ ихъ родовое имѣніе, Воротыновку.

Людмила Николаевна съ дочерьми на свадьбѣ не присутствовала. Намѣреніе свое провести лѣто въ Гнѣздѣ она отложила и' не дождавшись оттепели, еще зимнимъ путемъ, уѣхала съ дочерьми за границу.

Сергѣй Александровичъ долженъ былъ пріѣхать за семьей лѣтомъ, вмѣстѣ съ m-r Vaillant, котораго г-жа Ратморцева безъ труда уговорила остаться съ мужемъ, чтобъ ему не было слишкомъ скучно въ опустѣвшемъ домѣ.

Н. Мердеръ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ДО И ПОСЛѢ [1]).

(Изъ бурсацкихъ воспоминаній).

XXI.

«Грыцько мудрый».

АНИКУЛЫ, длившіяся полтора мѣсяца, пролетѣли, какъ одна недѣля. Мы упивались свободой, не оглядываясь назадъ и не заглядывая впередъ; мы не считали дней, но они шли себѣ своей чередой. Все это время мы провели въ деревнѣ. Въ прежніе годы, до поступленія въ школу, для меня было величайшимъ наслажденіемъ быть взятымъ въ городъ, когда ѣздили туда отецъ или мать. Я плакалъ, я чувствовалъ себя самымъ несчастнымъ человѣкомъ, когда меня оставляли дома. Городъ нравился мнѣ своимъ оживленіемъ, шумомъ, многолюдствомъ, несравненно съ тѣмъ, что было у насъ въ деревнѣ. Широкія улицы, высокіе дома, разнообразные магазины, пароходы на рѣкѣ, — при видѣ всего этого у меня захватывало духъ, какое-то неясное предчувствіе болѣе широкой жизни, чѣмъ то тихое мирное прозябаніе, которое мы вели въ нашемъ скромномъ уголкѣ, охватывали меня, и я всякій разъ, когда кто нибудь ѣхалъ въ городъ, жадно стремился вновь испытать это жгучее ощущеніе.

Теперь мы не только не стремились въ городъ, а напротивъ, всякій разъ, когда насъ звали туда, чтобы купить сапоги по мѣркѣ

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIX, стр. 33.

или просто проѣздиться, мы всячески отказывались и убѣгали изъ дому. Мы соглашались лучше ходить босикомъ, оборванцами, только бы не видѣть лишній разъ этого ненавистнаго города. Впродолженіе одного только года онъ успѣлъ внушить мнѣ отвращеніе и страхъ, и до того глубоко запали въ душу мою эти чувства, что даже теперь, если мнѣ приходится въ пять лѣтъ разъ, по пути на родину, проѣзжать черезъ этотъ городъ, я какъ-то инстинктивно тороплюсь, какъ бы не задержаться и поскорѣе вырваться на свѣжій воздухъ. Я задыхаюсь въ немъ и теперь, задыхаюсь не его пылью и плохимъ воздухомъ, потому что онъ городъ какъ городъ, нисколько не хуже другихъ уѣздныхъ городовъ,—я задыхаюсь моими воспоминаніями о первомъ годѣ, проведенномъ въ бурсѣ, когда мнѣ, восьмилѣтнему ребенку, первые начатки науки были представлены въ видѣ грубаго битья со всѣхъ сторонъ и всѣми способами, дранья розгами, голода, нищеты, страшнаго невѣжества, цинизма, дѣтскаго цинизма, самаго худшаго изъ всѣхъ родовъ его, дикаго презрѣнія къ человѣческой личности... И я спѣшу стрѣлой промчаться черезъ городъ, я закрываю глаза и уши, пока не выѣду въ поле, на широкую степную дорогу, которая и теперь осталась точь въ точь такой, какой была тогда, когда Пичужко, ѣдучи по ней, подпрыгивалъ на мѣстѣ отъ неистовой радости. Я спѣшу, какъ будто за мной гонятся волки и моей жизни грозитъ опасность. И если находятся какія нибудь дѣла, задерживающія меня въ немъ, то это омрачаетъ мое путешествіе.

А городъ самъ недуренъ. Въ немъ есть мѣста, которыя могли бы оставить пріятныя воспоминанія. Онъ окруженъ прекрасными садами, внутри его много зелени, живописныхъ уголковъ, гдѣ любятъ дышать свѣжимъ воздухомъ обыватели. Онъ расположенъ на берегу широкой судоходной рѣки. Среди обитателей его есть люди, съ которыми мнѣ пріятно встрѣтиться, но я предпочитаю встрѣчаться съ ними гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ...

Когда я представлялъ себѣ, что меня опять свезли въ бурсу, въ моемъ воображеніи непремѣнно проносилась картина дранья, щипковъ, грубыхъ криковъ, безпричинныхъ обидъ и главное—безтолковаго ученья, изъ котораго я никакъ не могъ ничего взять въ толкъ. Это бурсацкое ученье для меня походило на то, какъ если бы меня привязали канатомъ къ вѣковой гранитной скалѣ и сказали бы: «тащи». Скала стоитъ на мѣстѣ, я дѣлаю безплодныя усилія, обливаюсь потомъ, изнемогаю, меня понукаютъ, бьютъ, а скала все стоитъ на мѣстѣ, и всѣ знаютъ, что она тамъ и должна стоять, что иначе и быть не можетъ...

И насталъ день, когда мы должны были собираться въ бурсу. Пичужко уже за нѣсколько дней передъ этимъ какъ бы потерялъ всякій интересъ къ играмъ и ходилъ вялый, блѣдный, разстроен-

ный. Вѣдь мы такъ хорошо привыкли здѣсь къ свободѣ, къ человѣчному обращенію...

— Нѣтъ, знаешь что?... я... я, кажется, не поѣду... я просто не могу... не могу!—говорилъ онъ мнѣ дрожащимъ голосомъ и самъ какъ-то боязливо вздрагивалъ. — Ты попроси своего отца, чтобы онъ оставилъ меня... я буду работать по хозяйству. Буду телятъ пасти, свиней, гусей... Ей-Богу же, это куда лучше, чѣмъ жить тамъ... Еще и то! я знаю, что меня изъ хора скоро выгонятъ и посадятъ въ самую бурсу... Я тамъ не выдержу... Нѣтъ, я взаправду говорю: попроси отца,—я телятникомъ буду или свинопасомъ...

И онъ смотрѣлъ на меня такимъ серьезно-просящимъ взглядомъ, что нельзя было сомнѣваться въ серьезности его просьбы. Въ послѣдніе дни онъ ходилъ задумчивый, и, очевидно, голова его работала надъ этимъ вопросомъ. И онъ пришелъ къ опредѣленному рѣшенію.

Я просто не зналъ, какъ передать своимъ роднымъ его странную просьбу, но, наконецъ, рѣшился.

— Пичужко проситъ, чтобы его оставили...—сказалъ я.

— Какъ оставили? гдѣ оставили?—въ одинъ голосъ спросили отецъ и мать.

— Здѣсь... чтобы не везти въ городъ... онъ говоритъ, что будетъ пасти свиней, телятъ, все, что угодно!...

Мои родные приняли это за шутку, смѣялись и подшучивали надъ Пичужкой. Отецъ все спрашивалъ его, какъ онъ будетъ съ свиньями разговаривать, и цитировалъ при этомъ шутливую пѣсню, сочиненную какимъ-то юмористомъ, очевидно, скептически относившимся къ бурсацкой латыни. Въ пѣснѣ разсказывалось про нѣкоего «мудраго Грыцька», который «добре учился на филозопіи», написалъ домой пятнадцать писемъ и все полатыни, а изъ шестнадцатаго письма явствовало, что онъ уже знаетъ всю псалтырь вдоль и поперегъ. Когда онъ явился домой и сталъ пасти свиней, то желая показать всю свою латинскую мудрость, обратился къ нимъ полатыни съ какой-то невѣроятной рѣчью: «Алянте, свиняньте, граденте травенте noster ѣсть нашъ». Свиньи пришли въ ужасъ отъ Грыцьковой мудрости и всѣ разбѣжались въ разныя стороны. Тогда отецъ отодралъ Грыцька «за чуприну» и внушительно велѣлъ ему «учить Отче-Нашъ».

Пичужко слушалъ, слушалъ, а потомъ ударился въ слезы. Онъ плакалъ о томъ, что его не понимаютъ, воображаютъ, что онъ боится учиться, тогда какъ дѣйствительныя причины лежали въ глубокихъ тайникахъ его души. Это были накопившіяся обиды круглаго сироты, котораго на каждомъ шагу оскорбляли упреками въ бѣдности, въ дармоѣдствѣ, понукали, заставляли нести тяжелую непосильную работу, не обращая вниманія на то, что у него было крайне слабое здоровье. Обиды эти накоплялись и таились долго,

а теперь подъ вліяніемъ деревенской свободы и порядочнаго обращенія онѣ заговорили, громко протестуя.

Пичужкины слезы встревожили отца. Онъ никакъ не расчитывалъ на такой результатъ и съ этой минуты взглянулъ на его горе серьезно. У нихъ завязался дружескій разговоръ, въ которомъ Пичужко откровенно объяснилъ всѣ свои чувства. Отецъ началъ уговаривать его. Сперва онъ стоялъ на христіанской точкѣ зрѣнія и рекомендовалъ Пичужкѣ просто терпѣть обиду. Но это для моего друга не было убѣдительно. Тогда отецъ сталъ на практическую точку и началъ выяснять ему, какова будетъ его судьба, если онъ оставитъ ученье. Судьба оказывалась самой печальной. Всю жизнь онъ долженъ будетъ пресмыкаться на самыхъ низшихъ служебныхъ должностяхъ и всю жизнь имъ будутъ помыкать. Если ему тяжело перенесть это теперь, когда онъ еще мальчикъ, то каково же это придется взрослому человѣку?

Не знаю, подѣйствовали на Пичужку эти разумные доводы, или ему просто надоѣло слушать, но онъ пересталъ плакать и болѣе не просилъ, чтобы его оставили въ деревнѣ.

Послѣ обычнаго прощанья съ осѣненіемъ крестомъ, съ маленькой напутственной рѣчью, мы отправились въ городъ.

Пичужко выѣхалъ съ опущенной головой, молчаливый, разстроенный. Но когда до города осталось уже очень немного, на него напало какое-то неистовство.

— Нѣтъ, я, всетаки, не останусь въ бурсѣ! Чортъ съ нею! Что бы тамъ ни было, а я не останусь. Я устрою какую нибудь такую штуку, чтобы меня выгнали.

— Какую штуку?—озабоченно спросилъ я, зная очень хорошо, что Пичужко былъ большой мастеръ выдумывать невѣроятныя штуки.

— Я и самъ не знаю, какую... Но только устрою! — говорилъ онъ. и при этомъ лице его было крайне возбуждено и глаза горѣли.—Я устрою такую штуку, что меня будутъ помнить... я... я.. я подожгу бурсу...

— Что ты? съ ума сошелъ!

— Нѣтъ, не съ ума сошелъ! Я подожгу бурсу и стану на улицѣ и буду кричать: вотъ это вамъ за все, за все! И всѣмъ разскажу, какъ насъ обижали!.. Что-жъ въ самомъ дѣлѣ? Ей-Богу, нигдѣ хуже не будетъ! Я думаю, что арестантамъ и тѣмъ лучше. За всякую малость и всякій тебя лупитъ, а ты терпи... Еще въ хорѣ кое-какъ можно жить, а изъ хора выгонятъ, тогда хоть бѣги вонъ. Бывшихъ пѣвчихъ о. инспекторъ терпѣть не можетъ, и ужъ онъ тогда будетъ меня сѣчь каждый день, какъ Остапова сѣчетъ. А ученье? Ты думаешь, я не хочу учиться? Нѣтъ, я очень хочу учиться, чтобъ умнымъ человѣкомъ быть. Ты не думай... Я вовсе не оселъ... Да какъ учиться, когда ничего не понимаешь? Я сто разъ

брался за книгу. Ну, думаю, буду учиться, буду учиться! Читаешь, читаешь, и ни одного слова не понять!... Какое тутъ ученье? Тотъ тебя въ зубы бьетъ, тотъ въ ухо, этотъ въ носъ щелчки даетъ, тотъ розгами сѣчетъ!... А къ тому еще живи въ проголодь и ходи ободранцемъ, такъ что весь городъ надъ тобой смѣется... Нѣтъ, я таки устрою штуку!...

Я со страхомъ смотрѣлъ на его пылающіе глаза и слушалъ его рѣзкій голосъ. Вотъ уже и городъ былъ близко. Построенный на возвышенномъ мѣстѣ, онъ вдругъ вырисовывался передъ нами весь, какъ на ладони, съ своими церквами и постройками, издали казался красивымъ и заманчивымъ, но Пичужко проклиналъ его.

— Не люблю я этого города! Противенъ онъ мнѣ, ненавистенъ! Что бы тамъ ни было, а я, если выросту, не помру раньше, буду жить въ деревнѣ...

Мнѣ пришелъ въ голову вопросъ, почему Пичужко думаетъ, что онъ можетъ не вырости, а умереть мальчикомъ. Можетъ быть, онъ и самъ не сознавалъ причины, которая заставляла его такъ думать. Но послѣ я, къ моему глубокому горю, узналъ, что причина была слишкомъ близка...

Когда мы пріѣхали въ архіерейскій домъ, то застали тамъ нѣсколькихъ мальчиковъ, уже вернувшихся съ каникулъ. Мы еще ничего не успѣли разспросить, но по выраженію лицъ, по говору, по всему замѣтили, что наши товарищи какъ-то странно настроены, чѣмъ-то удивлены, поражены, напуганы. Это не было радостное оживленіе, оно скорѣе походило на недоумѣніе. Словомъ, было ясно, что произошло нѣчто неожиданное, небывалое, невозможное. Когда же мы начали разспрашивать, въ чемъ дѣло, намъ насказали такую кучу новостей, и всѣ эти новости были до такой степени удивительны, что мы не хотѣли вѣрить.

Но пришлось повѣрить, потому что все это было неоспоримый фактъ.

XXII.

Новые порядки.

Если какому нибудь заклятому скептику нужно доказательство того, что на свѣтѣ бываютъ внезапныя, ничѣмъ необъяснимыя перемѣны, въ которыя не повѣришь, если самъ не видѣлъ ихъ воочію, то ему надо вообразить себя въ нашемъ положеніи въ тотъ періодъ нашей жизни, до котораго мы теперь дошли.

Когда мы собрались въ учебномъ помѣщеніи, то прежде всего мы подумали, что попали не въ то мѣсто: мы, ученики «низшаго отдѣленія», никакъ не могли найти этого самаго отдѣленія. Прежде все это было такъ ясно, было три надписи: «низшее отдѣленіе»,

«среднее отдѣленіе» и «высшее отдѣленіе», и каждый зналъ, куда ему идти. Притомъ всякому было извѣстно, что въ какое бы отдѣленіе онъ ни завернулъ, все равно его въ одинаковой степени прибьютъ и все равно ничему не научатъ. Теперь никакихъ отдѣленій не было, а стояли на дверяхъ надписи: «1-й классъ», 2-й, 3-й и 4-й. Какіе такіе классы? У насъ никогда никакихъ классовъ не было, и такъ какъ никто изъ насъ не считалъ себя ученикомъ какого бы то ни было класса, то мы не рѣшались войти, а толпились всѣ въ стеклянномъ корридорѣ.

Насъ была огромная толпа; здѣсь были всѣ прежніе бурсаки отъ самыхъ маленькихъ до великовозрастныхъ, а, кромѣ того, явилась добрая сотня вновь поступившихъ. Но не было ни дикаго шума, ни грубыхъ игръ, ни драки, всѣ были въ состояніи какого-то мучительнаго ожиданія. Въ особенности такія крупныя личности, какъ мой бывшій покровитель—Остаповъ, и другіе одного съ нимъ возроста, большею частью записанные въ рангъ «ословъ», вели себя необыкновенно смирно.

Мы стояли словно передъ дверьми великаго судилища, въ которомъ каждый ожидалъ услышать рѣшеніе своей судьбы. Всѣ видѣли уже, что произошла важная перемѣна, но въ чемъ она состояла, этого рѣшительно никто не понималъ еще. Остаповъ былъ печаленъ и стоялъ съ поникшей головой. Онъ тоскливо смотрѣлъ черезъ грязное стекло на улицу и, казалось, готовъ былъ заплакать.

Я подошелъ къ нему.

— Что это такое будетъ?—спросилъ я.

— А чортъ его знаетъ, что будетъ... Только ничего хорошаго не жду!—отвѣтилъ онъ очень серьезно.

— Отчего же это?

— Оттого, братъ, что новые порядки пойдутъ... Развѣ не знаешь?

— Нѣтъ, не знаю!—сказалъ я, заинтересованный новыми порядками.

— Новаго инспектора назначили... Видѣлъ?

— Нѣтъ, не видѣлъ...

— Ну, вотъ увидишь!.. Фертикъ такой!.. Вертлявый, молоденькій, съ бородкой... Рябой... И ничего нельзя разобрать, что онъ говоритъ... Косноязычный какой-то, а еще академикъ!..

Уже по этимъ словамъ было видно, что Остаповъ многое имѣетъ противъ новаго инспектора.

— А старый о. инспекторъ куда дѣнется?—спросилъ я.

— Старый? о-го-го, братъ! Фью-фью-у! стараго по-боку!..

— Какъ по-боку?

— Очень просто! Старый инспекторъ уже больше не инспекторъ!.. И сѣчь больше не будутъ... Драться воспрещено!..

— Что-о? Сѣчь не будутъ?—спросилъ я съ безконечнымъ недовѣріемъ къ словамъ Остапова.

— Говорю тебѣ: не будутъ! Теперь совсѣмъ новые порядки... Бурсы уже нѣтъ...

— Какъ нѣтъ? А что же это?—мое любопытство съ каждымъ его словомъ разгоралось. Все это были какія-то откровенія.

— А это теперь будетъ духовное училище... Слышалъ я, что и содержать лучше будутъ и кормить почеловѣчески... Будто бы казна больше денегъ отпускать будетъ... И Працовскаго, кажется, похерятъ, а купятъ домъ его въ казну... Совсѣмъ новые порядки пойдутъ...

— Да что же это значитъ?

— Дурень! Что значитъ? Одумались, вотъ и все! Ты развѣ не знаешь: теперь во всемъ новые порядки. Крѣпостныхъ уже нѣтъ, ну, а бурсакъ былъ развѣ не хуже крѣпостнаго?..

— Такъ это хорошо! Это, слава Богу! — радостно воскликнулъ я.

Остаповъ мрачно посмотрѣлъ на меня.

— Тебѣ, можетъ, и хорошо, а мнѣ... неизвѣстно!..—какъ-то загадочно отвѣтилъ онъ, отвернулся и сталъ опять глядѣть въ окно.

Но я рѣшительно не понималъ, почему Остапову не нравится, что бить больше не будутъ и станутъ хорошо кормить и одѣвать. Почему онъ недоволенъ новымъ инспекторомъ и какъ будто жалѣетъ о томъ, что прежній—уже болѣе не инспекторъ и не будетъ сѣчь его каждый день? Разговоръ мой съ нимъ слышали другіе, также какъ и я, недоумѣвавшіе, и по корридору пошли тихіе разговоры о нововведеніяхъ. Однако-жъ, надо сказать, что этимъ свѣдѣніямъ, которыя Богъ знаетъ откуда добылъ Остаповъ, никто не хотѣлъ вѣрить. Бурсаки даже боялись вѣрить имъ. Они были всѣмъ своимъ прошлымъ напуганы и привыкли думать, что каждый новый шагъ ведетъ къ худшему, и опасались, какъ бы и тутъ не было хуже.

— Что же это за классы такіе? — спрашивали мы другъ у друга. — Положимъ, что вмѣсто «отдѣленій» будутъ классы... Но отдѣленій было три, а тутъ цѣлыхъ четыре класса... И если не будутъ бить, то какъ же учить будутъ?—Намъ казалось, что двѣ эти вещи тѣсно связаны между собой и ихъ никакъ нельзя разлучить. Очень насъ безпокоила также судьба о. инспектора. Что съ нимъ будетъ? Куда онъ дѣнется и какъ онъ будетъ существовать на свѣтѣ, если не будетъ каждый день никого сѣчь? Это тоже представлялось невозможнымъ.

Но вотъ внизу раздался звонокъ. Мы поняли это такъ, что насъ призываютъ къ порядку, и еще больше присмирѣли. Наконецъ, кто-то сказалъ: «Въ первый классъ! Въ первомъ классѣ собираться!». И мы всѣ двинулись въ первый классъ, попрежнему въ «низшее отдѣленіе», которое было самое обширное, и заняли мѣста за партами, а кто стоя, гдѣ попало.

Ощущеніе было у всѣхъ насъ трепетное, какъ будто мы собра-

лись сюда добровольно затѣмъ, чтобы получить какую-то неизбѣжную казнь.

— Тс!..—раздалось по всему классу. Дверь отворилась и вошли: ректоръ, старый инспекторъ и новое лице, съ портфелемъ въ рукѣ, какъ мы сейчасъ же догадались,—новый инспекторъ.

О ректорѣ, магистрѣ академіи, протоіереѣ Михаилѣ Назаретовѣ, мнѣ до сихъ поръ не пришлось упомянуть ни разу. Это произошло оттого, что онъ совсѣмъ не вмѣшивался въ нашу судьбу, ибо былъ человѣкъ другаго міра, рѣшительно ничѣмъ не походившій на все, его окружавшее. Мы его видѣли, когда онъ служилъ въ соборѣ, гдѣ онъ занималъ мѣсто настоятеля, видѣли, когда онъ проходилъ соборной оградой, высокій, худой, блѣдный, съ длинной русой бородкой, всегда задумчивый, всегда сосредоточенный на своихъ мысляхъ. Онъ предсѣдательствовалъ на экзаменахъ, но ни о чемъ не спрашивалъ, а сидѣлъ ровно и молча, иногда заходилъ къ намъ во время урока, стоялъ минуты двѣ съ опущенными глазами и уходилъ, будто ничего не слышалъ и не видѣлъ. И, кажется, это такъ и было. Люди, знавшіе его близко, имѣвшіе возможность бывать у него въ кабинетѣ и бесѣдовать съ нимъ, отзывались о немъ съ восторгомъ. Они говорили, что онъ необыкновенно-умный, высокообразованный и замѣчательно благородный человѣкъ. Мы же имѣли о немъ самое смутное понятіе. Въ дѣла бурсы онъ совсѣмъ не вмѣшивался и, кажется, не зналъ, что̀ въ ней дѣлается. Все вѣдалъ о. инспекторъ, а его всѣ оставили въ покоѣ, ибо давно поняли, что онъ человѣкъ другаго міра. Когда его останавливали на улицѣ знакомые или приходили къ нему по какому нибудь дѣлу, онъ какъ бы просыпался отъ сладкаго сна своихъ мыслей и мучительно переходилъ къ дѣйствительности и долго ничего не понималъ. Говорили, что вся его жизнь была насиліемъ, что онъ въ противность своимъ вкусамъ и взглядамъ сдѣлался духовнымъ, настоятелемъ и ректоромъ, что его умъ постоянно виталъ въ области отвлеченныхъ вопросовъ, что даже онъ вѣчно сидѣлъ надъ книгами и совсѣмъ не духовнаго содержанія. Но для насъ все это было туманно. Ясно только было для всякаго, что жизнь въ несвойственной сферѣ была тяжела ему: это было видно по его страдальчески блѣдному, изможденному лицу. Онъ прожилъ недолго и умеръ раньше сорока лѣтъ, и мнѣ же пришлось быть на его похоронахъ. Помню, какъ архіерей въ этотъ печальный день плакалъ самыми искренними, горькими слезами и на могилѣ его сказалъ, что мы потеряли самаго благороднаго человѣка, какой только былъ среди насъ, и это было сказано до такой степени трогательно, что всѣ мы плакали.

Мы въ первый разъ жизни слышали, какъ онъ говоритъ. Онъ остановился у учительскаго столика и сказалъ слабымъ голосомъ, задумчиво глядя на насъ:

— По распоряженію высшаго начальства у насъ произошли перемѣны. Прежнее дѣленіе на «отдѣленія» уничтожено, и будетъ четыре класса, каждый съ годичнымъ курсомъ. Вслѣдствіе этого и распредѣленіе учениковъ будетъ новое. Кромѣ того, вамъ нужно знать, что прежній о. инспекторъ сложилъ съ себя это званіе, и потому на его мѣсто назначено другое лице: Андрей Сергѣевичъ Локотниковъ...

Вотъ и все, что сказалъ намъ ректоръ. Это было очень немного и, по всей вѣроятности, ему самому такъ и казалось, что вся перемѣна состоитъ въ переименованіи «отдѣленій» въ «классы» и въ замѣнѣ стараго инспектора новымъ. По крайней мѣрѣ, такъ приходится думать. Приходится думать, что ректоръ, о высокомъ развитіи котораго, глубокомъ умѣ и благородствѣ рѣшительно всѣ свидѣтельствовали да свидѣтельствуютъ и теперь (и это люди, заслуживающіе полнаго довѣрія), просто не видѣлъ, что вокругъ него дѣлалось, не замѣчалъ жалкаго вида бурсаковъ, не слышалъ ихъ криковъ и не вникалъ въ ихъ жизнь. Въ противномъ случаѣ, онъ другимъ голосомъ и въ другихъ выраженіяхъ сообщилъ бы намъ о происшедшей перемѣнѣ. Нашъ старый инспекторъ тоже былъ умный человѣкъ, и въ частной жизни своей отличался щепетильной честностью; но онъ былъ человѣкъ своего времени, жестокаго времени, не понимавшаго другой школы, кромѣ школы розогъ и линейки; были неглупые люди и наши наставники, бившіе насъ по щекамъ и дававшіе щелчки въ носъ, и никого изъ нихъ никто не могъ бы обвинить въ какомъ нибудь неблаговидномъ дѣяніи; но они были люди простые, только-что сами вставшіе изъ-подъ розогъ; они сдѣлались наставниками, не успѣвъ еще хорошенько опомниться отъ обидъ и колотушекъ, которыя въ той же школѣ имъ наносили, и слѣпо слѣдовали по разъ установленному пути. Магистръ же академіи Назаретовъ стоялъ неизмѣримо выше этого круга, и, конечно, его безучастіе можно объяснить только тѣмъ, что съ высоты своего положенія онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ...

Но для насъ уже въ этихъ немногихъ словахъ ректора заключалось очень многое. Старый инспекторъ «сложилъ съ себя званіе», значитъ, не будутъ насъ ежедневно сѣчь. Каковъ будетъ этотъ Андрей Сергѣевичъ Локотниковъ? Лице его ничего особенно-пріятнаго намъ не обѣщало. Оно было какого-то сѣраго цвѣта, съ рябинами, сухое, деревянное. А когда онъ развернулъ портфель, вынулъ оттуда бумагу и началъ читать, мы долго были въ неудомѣніи, на какомъ языкѣ онъ читаетъ. Свѣдѣніе Остапова о его косноязычіи оправдалось вполнѣ. Изъ его первыхъ словъ мы ничего не могли разобрать. Но такъ какъ намъ во что бы то ни стало нужно было разслышать то, что онъ читалъ, то мы очень скоро ознакомились съ недостатками его рѣчи и стали понимать.

То, что мы узнали, было странно, удивительно, но для иныхъ и ужасно. Если бы какой нибудь посторонній наблюдатель слѣдилъ за выраженіемъ лицъ многочисленныхъ бурсаковъ, наполнявшихъ въ это время классъ, онъ увидалъ бы такіе оттѣнки изумленія, радости, скорби, отчаянія, которые разсказали бы ему многое. Въ большой комнатѣ стояла тишина, среди которой торжественно раздавался нѣсколько глуховатый, вибрирующій голосъ новаго инспектора.

Вотъ что мы узнали.

Совѣтъ училища, при дѣятельномъ участіи новаго инспектора, усердно изучалъ состояніе заведенія и въ виду того, что изъ трехъ отдѣленій сдѣлано четыре класса, разсортировалъ всю бурсу по классамъ, сообразно успѣхамъ каждаго. Тутъ шло длинное перечисленіе того, кто въ какой классъ попалъ, и иные изъ бурсаковъ услышали неожиданныя вещи. Вдругъ какое нибудь почтенное имя, которое, по долговременности пребыванія его владѣльца въ бурсѣ, должно бы было стоять по крайней мѣрѣ въ третьемъ классѣ, упоминалось въ первомъ, и такихъ именъ было не мало, а при иныхъ еще стояло примѣчаніе: «до усмотрѣнія», т. е. въ случаѣ необнаруженія успѣховъ таковые господа заранѣе предназначались къ изгнанію. Пичужко попалъ во второй классъ, и это доставило ему великое удовольствіе, я—въ первый, что было вполнѣ справедливо, такъ какъ за годъ пребыванія въ бурсѣ я ровно ничему не научился.

Но вотъ глубокая тишина, стоявшая въ классѣ, дошла до той стадіи, когда она становится мертвой, гробовой, и посреди нея раздались страшныя слова:

«За неоказаніемъ никакихъ успѣховъ втеченіе многихъ лѣтъ и вслѣдствіе великовозрастія, достигающаго въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершеннолѣтія, слѣдующіе воспитанники увольняются: Остаповъ»...

И вслѣдъ за Остаповымъ были перечислены имена всѣхъ «ословъ» бурсы, которымъ такимъ образомъ былъ произнесенъ приговоръ—идти на всѣ четыре стороны. Это была жестокость, безъ которой, однако-жъ, обойтись было никакъ нельзя. При новыхъ порядкахъ съ этими почтенными мужами школѣ рѣшительно нечего было дѣлать, тѣмъ болѣе, что они носили въ своихъ сердцахъ всѣ традиціи старой, несчастной, лѣнивой, голодной, униженной, всесторонне битой бурсы,—традиціи, которыя теперь не могли принести никакой пользы.

Чтеніе кончилось. Мы вышли изъ класса взволнованные, сразу узнавшіе слишкомъ много новаго, неожиданнаго и не успѣвшіе еще все усвоить.

Къ моему удивленію, уволенные «ослы» не злобствовали, не бранились, не бушевали, а шли, опустивъ головы, съ видомъ покор-

ности судьбѣ, съ сознаніемъ неизбѣжности совершившагося факта. На другой день они получили увольнительныя свидѣтельства и всѣ подали просьбы, чтобъ ихъ приняли въ пономари. Это была ихъ карьера...

XXIII.

Судьба Пичужки.

Первые мѣсяцы послѣ введенія новыхъ порядковъ мы находились точно въ состояніи какого-то очарованія. Мы не вѣрили своимъ глазамъ и своимъ ушамъ. Повидимому, все было то же, что и прежде, но въ то же время все было иное. Въ учительскомъ персоналѣ произошло только двѣ перемѣны: новый инспекторъ Локотниковъ и новый учитель греческаго языка, молоденькій студентъ семинаріи Урчановъ, только что кончившій курсъ. Всѣ другіе остались прежніе, но словно они прошли сквозь какое-то очистительное горнило: они не были похожи сами на себя. Новый духъ, перестроивавшій тогда все, перестроившій и нашу бурсу, пахнулъ на нихъ и своимъ дуновеніемъ снесъ съ нихъ старую закваску жестокихъ временъ, и люди вдругъ оказались людьми настоящими, которымъ ничто человѣческое не чуждо. Тѣ самые наставники, которые прежде считали своимъ священнымъ долгомъ ежеминутно давать намъ пощечины, щелчки, толкать, сѣчь, теперь сами вздохнули съ облегченіемъ, какъ бы почувствовавъ, что съ нихъ спала тяжкая обязанность. То была дань времени, но время круто перемѣнило свой цвѣтъ, и все прежде мрачное, угрюмое, покрытое туманомъ, окрасилось въ этотъ яркій, радостный цвѣтъ восходящаго новаго дня.

Это радостное утро уже давно свѣтилось по всей Руси, надъ которой взошло солнце, но бѣдная бурса ютилась въ тѣни, она была забыта, но вотъ и для нея насталъ праздникъ.

Въ классахъ шло ученье толковое, разумное; не раздавались пощечины, никто не плакалъ, насъ старались вразумить, мы старались понять. Тѣ самые наставники, которые прежде умѣли только спрашивать уроки, ставить нули, «задавать» назавтра по книжкѣ, чинить судъ и расправу, вдругъ научились объяснять свой предметъ, такъ что мы начали понимать, въ чемъ дѣло.

И это было вовсе не потому, что начальство внушило имъ быть такими, а не иными. Никакое начальственное внушеніе не способно такъ радикально передѣлать людей. Лучъ свѣта упалъ на нашу бурсу, озарилъ и согрѣлъ ее, и она зацвѣла новой жизнью. Всѣ почувствовали новое призваніе, человѣческія сердца, бившіяся до того вяло и угрюмо, забились радостно и горячо.

Старый о. инспекторъ не покинулъ школьнаго дѣла. Онъ остался преподавателемъ латинскаго языка. Когда онъ впервые явился къ

намъ въ классъ, мы сидѣли робко, съ потупленными очами, не зная, что будетъ. У иныхъ мелькала мысль: а что, какъ онъ возьметъ, да перепоретъ весь классъ? Вѣдь намъ никто же не объявлялъ: теперь, молъ, васъ бить не будутъ!

Онъ пришелъ, перекрестился на образъ во время молитвы, сѣлъ, откашлялся, посмотрѣлъ на насъ съ усмѣшкой и сказалъ:

— Ну, займемся латынью!

И сказалъ это безъ всякой ядовитости, просто — займемся латынью, и только. И пошелъ онъ намъ разсказывать о томъ, что такое латынь, да кто такіе были римляне, какіе у нихъ были порядки, какъ они жили, и почему это латинскій языкъ, столь древній и не смотря на то, что на немъ никто не говоритъ, надо всякому образованному человѣку изучать и знать. Говорилъ онъ просто, занимательно и весело, пересыпая свою рѣчь доступными намъ шутками и остротами, вспоминалъ, какъ въ его время учили латынь, когда всѣ между собой говорили полатыни, когда цѣлыя сочиненія писались на этомъ языкѣ.

Мы слушали и дивились: онъ ли это? Не другой ли это человѣкъ? Не переродился ли онъ? Онъ говоритъ съ нами, какъ съ людьми, обращается просто, почеловѣчески; мы не замѣтили, какъ прошелъ урокъ, и сразу получили большую охоту изучать латинскій языкъ,— охоту, которая, впрочемъ, съ теченіемъ времени прошла, когда мы убѣдились, что изучать латинскую грамматику не такъ интересно, какъ слушать занимательные разсказы о жизни древнихъ римлянъ...

Проходимъ урокъ за урокомъ; старый о. инспекторъ все больше и больше дѣлался нашимъ любимымъ учителемъ. Онъ, какъ-то будто сразу, сознаіъ или почувствовалъ, что жестокое время, котораго онъ былъ невольнымъ, но вѣрнымъ жрецомъ, кануло въ вѣчность, и открылся намъ такимъ простымъ, мягкимъ и любезнымъ человѣкомъ, какимъ былъ въ дѣйствительности. Тутъ мы поняли, что въ немъ никогда не было злобы и желчи, какъ не было ея и у другихъ нашихъ наставниковъ, колотившихъ насъ, а былъ только суровый принципъ, который деспотически руководилъ имъ. Новый духъ времени коснулся его сердца, и оно откликнулось своей простотой и человѣчностью.

Онъ обращалъ все вниманіе только на сущность предмета. Онъ никогда не придирался къ пустякамъ, старался, чтобъ мы поняли духъ языка, и съ отвращеніемъ, когда уже была крайняя необходимость, ставилъ въ журналѣ плохой баллъ.

Скоро появились новые наставники, которые ядовито говорили намъ «вы» и съ наслажденіемъ сбивали учениковъ съ толку, стараясь блеснуть своими скудными познаніями, и украшали классные журналы нулями и единицами. Скоро новый духъ проложилъ прототоренные пути и пошелъ дальше вершить свое дѣло, а по про-

торенным путям задвигались мертвые формалисты, как это было и, должно быть, будет во всяком дѣлѣ... У меня и моих сверстников лучшія школьныя воспоминанія—это о тѣх самых людях, при одном взглядѣ которых мы прежде дрожали...

Мнѣ остается разсказать еще печальную судьбу моего друга Пичужки. Когда в бурсѣ была объявлена перемѣна, он как-то живѣе всѣх почувствовал какую-то непонятную радость. Его дѣйствительно, как он это и предчувствовал, скоро удалили из хора, и он поступил на казенное содержаніе. Воспитанников содержали не Бог знает как важно, но кормили сытно и одѣвали прилично. Пичужко ощутил в своей груди страстное стремленіе к наукѣ и с величайшим рвеніем стал учиться. Он не разставался с книгой и достиг того, что в половинѣ года его считали первым в классѣ. Дружба наша не ослабѣвала. Мы часто видѣлись, и он постоянно убѣждал меня побольше учиться, но я еще не умѣл тогда хорошо слѣдовать его совѣту и учился довольно лѣниво. Это его возмущало и бѣсило. У него была какая-то особенная гордость по отношенію ко мнѣ, и ему казалось, что моя лѣность близко его касается и оскорбляет его.

Но к концу года сбылось и другое предчувствіе Пичужки. Слабый от природы, страшно впечатлительный, натерпѣвшійся и настрадавшійся при прежних порядках, он не выдержал усиленных занятій и слег в больницу.

Пичужко и тут не покидал книг, стараясь идти наряду с классом и боясь потерять свое первенство. Он мечтал о том, как бы выздоровѣть к экзамену, чтоб с торжеством перейти в третій класс. Но мечты его были напрасны. Он таял с каждым днем, и мнѣ пришлось присутствовать при его послѣднем вздохѣ. Я не могу забыть того страшнаго момента, когда мой бѣдный Пичуга, до того времени все еще мечтавшій об экзаменах, говорившій с блаженной улыбкой о том, как он кончит семинарію, пойдет в академію и будет ученым человѣком, вдруг понял, что ничему этому осуществиться не суждено, понял, что всему конец, что он умирает... Его исхудалое лице выражало безсильное отчаянье, он вытянулся, откинул голову, и страшная мука изобразилась в его глазах... Я не выдержал, закрыл лице руками и зарыдал...

Мы похоронили Пичужку на Ѳоминой недѣлѣ. В эту Пасху я не ѣздил в деревню, а всю просидѣл у постели моего друга...

И. Потапенко.

ЗАПИСКИ А. И. МИХАЙЛОВСКАГО-ДАНИЛЕВСКАГО[1].

1823 годъ.

III.

Увольненіе министра финансовъ графа Гурьева.— Характеристика его тринадцатилѣтняго управленія финансами Россіи.— Выдержка изъ отчета, поданнаго имъ государю.— Назначеніе министромъ Канкрина.— Необыкновенный сенаторъ.— Нарушеніе дворянской грамоты.— Одинъ изъ дней императора Александра.— Великодушіе государя относительно графа Ростопчина и адмирала Чичагова.— Поѣздка императора на югъ.— Мой разговоръ съ нимъ.— Моя поѣздка въ Арзамасъ и Нижній Новгородъ.

Въ МАѢ мѣсяцѣ уволили министра финансовъ графа Гурьева отъ должности его, которую онъ занималъ тринадцать лѣтъ. Общій голосъ публики былъ противъ него; я же буду всегда вспоминать съ благодарностью о ласкахъ, оказанныхъ имъ мнѣ въ моей молодости, и въ оправданіе его противъ дѣлаемыхъ ему обвиненій скажу только, что нельзя ему было не изыскивать средствъ къ возвышенію налоговъ, къ займамъ и къ кредитнымъ оборотамъ, когда въ его министерство въ 1812 году разорена знатная часть Россіи непріятелемъ, когда въ 1813, 1814 и 1815 годахъ нѣсколько сотъ тысячъ нашей арміи находилось за границей, которыя надлежало содержать наличными деньгами, а съ 1815 года Россія имѣла подъ ружьемъ до милліона войскъ, и когда онъ, не взирая на стеченіе столь неблагопріятныхъ обстоятельствъ, еще уменьшилъ ассигнаціи на нѣсколько сотъ милліоновъ.

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», 1892 г., іюль, стр. 47.

Гурьевъ раздѣлялъ жребій падшихъ министровъ въ томъ, что и на него вышло послѣ отставки его нѣсколько карикатуръ и пасквилей; напримѣръ, дурную водку, смѣшанную съ водою, называли Гурьевкою. Графъ Милорадовичъ сказывалъ мнѣ, что онъ первый началъ нападать на Гурьева въ комитетѣ министровъ года за четыре. Ему отсовѣтовали сіе подъ тѣмъ предлогомъ, что императоръ поддерживалъ министра финансовъ. Милорадовичъ пересказалъ это государю, и его величество отвѣчалъ ему: «продолжайте поступать, какъ вы начали, я не поддерживаю никого». Сильнѣйшіе удары Гурьеву нанесъ адмиралъ Мордвиновъ постояннымъ и нѣсколько лѣтъ продолжавшимся опроверженіемъ его предположеній и строгимъ разборомъ его дѣяній. Я самъ весьма удаленъ отъ того, чтобы защищать послѣдній поступокъ министра финансовъ, состоявшій въ слѣдующемъ. Извѣстный столько же остроуміемъ своимъ, сколько и расточительностью, Александръ Львовичъ Нарышкинъ просилъ купить въ казну за семьсотъ тысячъ рублей дачу его, лежащую на Петергофской дорогѣ. Не взирая на истощеніе государственнаго казначейства, Гурьевъ согласился на сію покупку въ угодность Нарышкину; но, когда на другой день предложили въ комитетѣ министровъ раздать милліонъ двѣсти тысячъ рублей умиравшимъ съ голода бѣлорусскимъ крестьянамъ, то министръ финансовъ воспротивился сей мѣрѣ, утверждая, что это значитъ потворствовать лѣни крестьянъ, и что сей суммы, при разстройствѣ финансовъ, выдать нельзя. Ему возразили, во-первыхъ, что мнѣніе его не заключаетъ въ себѣ сожалѣнія къ страждущему человѣчеству, и, во-вторыхъ, напомнили ему о согласіи его выдать Нарышкину семьсотъ тысячъ рублей за дачу, вовсе ненужную казнѣ.

Я посѣтилъ графа Гурьева съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы изъяснить ему мое участіе въ его положеніи, и посѣщеніе мое было ему столь пріятно, что онъ меня нѣсколько разъ обнялъ. Онъ сказалъ мнѣ, что, бывши тринадцать лѣтъ министромъ, онъ проводилъ десять и болѣе часовъ за своимъ письменнымъ столомъ, что дѣла, его обременявшія, и лежавшая на немъ отвѣтственность были столь велики, что прерывали нерѣдко сонъ его и разстроили его здоровье, что посему онъ еще въ прошломъ году просилъ увольненія, но государь удержалъ его; что онъ потомъ возобновилъ просьбу свою и получилъ желанную отставку. «Въ доказательство довѣрія моего къ вамъ и уваженія,— сказалъ онъ мнѣ,— я вамъ прочитаю вкратцѣ отчетъ моего управленія, который извѣстенъ только одному императору». При сихъ словахъ онъ вынулъ бумагу и сообщилъ мнѣ нѣкоторыя главнѣйшія статьи изъ оной, которыя я здѣсь помѣщаю:

«При вступленіи его въ министерство было 157 милліоновъ недостатка въ расходахъ, много долговъ и до 800 милліоновъ асси-

гнацій, упадавшихъ безпрестанно въ своемъ достоинствѣ. Новый планъ финансовъ, основанный на уничтоженіи ассигнацій и погашеніи долговъ, воспріялъ свое начало съ 1-го сентября 1817 года, съ котораго времени изъято изъ обращенія до трехсотъ милліоновъ ассигнацій (которыхъ къ 1823 году оставалось до пятисотъ милліоновъ), опредѣлена, какъ сіе водится во всѣхъ государствахъ, гдѣ финансы учреждены на истинныхъ правилахъ, ежегодно постоянная сумма для уплаты долговъ, изъ коихъ погашена значительная часть, и доходы возвышены до четырехсотъ десяти милліоновъ. Сей финансовый планъ не приведенъ еще весь къ окончанію, но, ежели будутъ слѣдовать оному постоянно, то считая съ 1-го января 1823 года, въ двѣнадцать лѣтъ, то-есть до 1835 года, всѣ долги внутренніе и иностранные будутъ уплачены; и ассигнаціи уменьшены до ста семидесяти пяти милліоновъ, сумма, которая, какъ извѣстно по опытамъ, достаточна для внутренняго обращенія и не потеряетъ своего достоинства противъ серебра; тогда, то-есть въ 1835 году, доходы и расходы государственные будутъ основаны на серебрѣ. Послѣдній заемъ у Ротшильда былъ сдѣланъ на случай предполагаемой войны на югѣ». Къ сожалѣнію, чтеніе сей бумаги было прервано посѣщеніями.

Мѣсто графа Гурьева занялъ нѣкто Канкринъ, родомъ изъ Гессенъ-Касселя. Назначеніе его въ министры финансовъ послужило новымъ доказательствомъ, что въ Россіи не готовятъ людей долговременнымъ служеніемъ по одной части занять нѣкогда главное мѣсто въ оной, но полагаютъ умнаго человѣка способнымъ ко всему. Канкринъ лѣтъ за пятнадцать былъ выписанъ изъ Германіи въ помощь отцу своему, находившемуся при старо-русскихъ солеварняхъ, а потомъ былъ начальникомъ колонистовъ, живущихъ около Петербурга. Занимая сію должность, онъ написалъ проектъ о продовольствіи войскъ, который понравился бывшему тогда военному министру Барклаю-де-Толли, пригласившему Канкрина служить по провіантской части. Въ 1812 году его назначили генералъ-интендантомъ первой арміи, а въ послѣдующихъ онъ сохранилъ сіе званіе во всѣхъ арміяхъ. Благоразумныя распоряженія его и особенный отчетъ, представленный имъ о его управленіи по окончаніи войны, обратили на него вниманіе государя.

Я упомянулъ, что за нѣсколько времени до удаленія графа Гурьева отъ министерства финансовъ было разсужденіе въ комитетѣ министровъ о свирѣпствовавшемъ въ Бѣлоруссіи голодѣ. Туда былъ посланъ сенаторъ Барановъ для доставленія пособія жителямъ, и по возвращеніи его послѣдовалъ на имя его высочайшій рескриптъ, коимъ государь благодарилъ его за сдѣланныя имъ распоряженія. Вскорѣ, однако же, узнали, что голодъ и нищета вновь усились въ Могилевской и Витебской губерніяхъ; симъ предметомъ занялись въ комитетѣ министровъ и открыли, что

дѣйствія Баранова были предосудительны. Спрашивается, какъ осмѣлились поднести для подписанія императору благодарственный рескриптъ, въ то время какъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, поступки сего же самаго Баранова осуждаются. Это напоминаетъ мнѣ, что за три года пожаловали за успѣшное производство работъ по строящемуся изъ Петербурга въ Москву шоссе генералъ-маіору Вельяшеву орденъ святой Анны первой степени, а черезъ годъ его же предали суду за сіе самое шоссе.

Говоря о Барановѣ, я не могу пройти молчаніемъ, что на одномъ обѣдѣ, гдѣ между прочимъ присутствовали я и этотъ сенаторъ, рѣчь зашла о просвѣщеніи, котораго Барановъ долженъ быть врагомъ, потому что онъ не устыдился сказать при всѣхъ, что книгопечатаніе есть зло для человѣчества. Я едва повѣрилъ ушамъ своимъ, слыша подобный отзывъ изъ устъ сенатора въ XIX столѣтіи и въ царствованіе Александра. Я думаю, что французскіе либералы пожаловали бы первой степени орденъ de l'eteignoir.

По случаю бывшей тогда войны французовъ противъ испанцевъ, всѣ придворные, разумѣется, военные, потому что статскіе являлись во дворецъ только очень рѣдко, радовались успѣхамъ французскаго оружія. Это и не могло быть иначе, потому что французы дѣйствовали по повелѣнію нашего государя. Въ Испанію отправленъ былъ извѣстный военный нашъ писатель, товарищъ мой, флигель-адъютантъ Бутурлинъ, которому велѣно было находиться при главной квартирѣ герцога Ангулемскаго. Поздравляя его съ симъ назначеніемъ, я сказалъ ему, что онъ начинаетъ свое военное поприще подобно тому, какъ генералъ Римскій-Корсаковъ, который въ 1792 году былъ посланъ императрицею Екатериною въ Нидерланды къ принцу Кобургскому, но не желаю, чтобы онъ кончилъ подобно Корсакову сраженіемъ подъ Цюрихомъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ послѣдовалъ указъ, коимъ велѣно, чтобы въ Бѣлоруссіи капитаны-исправники, выбираемые на основаніи дворянской грамоты отъ дворянства, назначаемы были впредь губернаторами. Такимъ образомъ симъ указомъ нарушена въ двухъ губерніяхъ одна изъ важныхъ статей дворянской грамоты, сего кореннаго закона, могущаго нѣкоторымъ образомъ назваться палладіумомъ нашей гражданской свободы. Вообще дворяне не знаютъ еще цѣны сего закона; напримѣръ, я недавно говорилъ о немъ съ однимъ богатымъ помѣщикомъ Нижегородской губерніи, который, приводя примѣръ злоупотребленій, вкравшихся при дворянскихъ выборахъ, сказалъ, что выгоднѣе было бы отмѣнить оные совершенно. Таковое невѣжество меня изумило тѣмъ болѣе, что помѣщикъ сей принадлежитъ къ числу образованнѣйшихъ того края; каковы же должны быть другіе,—подумалъ я.

Около сего времени мнѣ случилось быть дежурнымъ при государѣ. Разсматривая, какимъ образомъ императоръ провелъ это утро,

я удивлялся, какъ можно въ одной головѣ помѣстить столько разнообразныхъ занятій. Въ восемь часовъ утра былъ у его величества со множествомъ бумагъ исправлявшій должность начальника штаба генералъ Дибичъ; въ девять часовъ вошли въ кабинетъ петербургскій генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ, комендантъ Башуцкій и оберъ-полицеймейстеръ Гладковъ; потомъ его величество принималъ генералъ-адъютантовъ и вѣстовыхъ разныхъ гвардейскихъ полковъ, въ каковое время и я, какъ дежурный, вошелъ для отданія пароля и, оглядывая кабинетъ, въ которомъ находилось пять или шесть столовъ, покрытыхъ бумагами, увидѣлъ, что тамъ было также фортепіано. Послѣ сего представлялись государю военные, не имѣвшіе входа въ кабинетъ, то-есть бригадные генералы, арміи штабъ и гвардіи штабъ и оберъ-офицеры: почти съ каждымъ изъ нихъ государь сказалъ нѣсколько словъ; это были или пріѣзжіе въ Петербургъ изъ арміи, или отъѣзжавшіе, или благодарившіе за чины. Послѣ сего, была обѣдня, по окончаніи которой представлялись дамы и статскіе чиновники, на половинѣ императрицы Елисаветы Алексѣевны. Государь возвратился оттуда въ свой кабинетъ, въ который призваны были по одиночкѣ слѣдующія особы, проводившія въономъ довольно долгое время, а именно: графъ Аракчеевъ, назначенный въ Новороссійскій край генералъ-губернаторомъ и уполномоченнымъ намѣстникомъ въ Бессарабію графъ Воронцовъ, министръ финансовъ Канкринъ, опредѣленный военнымъ губернаторомъ въ Архангельскъ Миницкій, начальникъ десятой пѣхотной дивизіи Свѣчинъ, опредѣленный въ Тулу гражданскимъ губернаторомъ Кривцовъ, а взаключеніе командиръ гвардейскаго корпуса Уваровъ вмѣстѣ съ генераломъ Дибичемъ. Разумѣется, что съ каждымъ изъ сихъ чиновниковъ надобно было говорить о довольно важныхъ предметахъ, свойственныхъ должности каждаго изъ нихъ. Сіе кончилось въ два часа; въ половинѣ третьяго императоръ уѣхалъ кушать къ вдовствующей императрицѣ на Елагинъ островъ и возвратился въ Зимній дворецъ въ восемь часовъ вечера.

Проведя весь тотъ день во дворцѣ, я услышалъ, что нѣкоторые изъ русскихъ, жившихъ въ Парижѣ, говорили явно противъ нашего правительства; въ семъ числѣ были прежній московскій главнокомандующій графъ Ростопчинъ и адмиралъ Чичаговъ. Они оба выдали дочерей своихъ за французовъ, и Чичаговъ, продавши все имѣніе свое въ Россіи, поселился навсегда въ Парижѣ. Зачѣмъ,—подумалъ я,—не принялъ онъ сего намѣренія прежде Отечественной войны; тогда, вѣроятно, Наполеонъ не перешелъ бы чрезъ Березину. Всякій другой монархъ велѣлъ бы имъ выѣхать изъ Франціи, возвратиться въ Россію и, можетъ быть, наказалъ бы за ихъ дерзость; но Александръ, которому извѣстны ихъ неблагоразумные отзывы насчетъ Россіи, оставляетъ ихъ въ покоѣ и являетъ тѣмъ новый примѣръ своего великодушія.

16-го августа назначенъ былъ отъѣздъ государя изъ Петербурга, потому что его величество обыкновенно осенью осматривалъ разныя губерніи Россіи. Вотъ маршрутъ высочайшаго путешествія: изъ Петербурга въ Тихвинъ для богомолья и поклоненія чудотворной иконѣ, изъ Тихвина въ Москву, гдѣ императоръ намѣревался пробыть отъ 24-го августа до 30-го того же мѣсяца, оттуда въ Орелъ для смотра гренадерскаго корпуса, потомъ въ Брестъ-Литовскъ, гдѣ назначено было собраться всей польской арміи, послѣ въ Тульчинъ на смотръ и маневры второй арміи, имѣвшіе продолжаться шесть дней, а взаключеніе въ Вознесенскъ, на поселеніе уланскихъ дивизій. Обратный путь опредѣленъ былъ черезъ Каменецъ-Подольскъ, и возвращеніе въ Петербургъ назначено было къ 14-му октября, то-есть ко дню рожденія вдовствующей императрицы, къ каковому числу его величество старался оканчивать свои путешествія. Графъ Аракчеевъ и генералъ-адъютанты Дибичъ и Чернышевъ сопутствовали его величеству; это было въ первый разъ, что князь Волконскій не находился въ высочайшемъ вояжѣ, и Дибичъ заступилъ его мѣсто, то-есть сидѣлъ въ одной коляскѣ съ государемъ.

Я услышалъ о семъ путешествіи въ іюнѣ мѣсяцѣ, а потому, чтобы не жить праздно въ Петербургѣ, вздумалъ ѣхать въ свои деревни въ Нижегородскую губернію со всѣмъ семействомъ; я спросилъ на сіе позволенія у государя чрезъ генерала Дибича, который, объявя мнѣ высочайшее на оное соизволеніе, сказалъ, что государь желаетъ меня видѣть передъ отъѣздомъ и назначилъ отпускную мнѣ аудіенцію 10-го іюля въ 9 часовъ утра на Каменномъ островѣ. Когда я пріѣхалъ, то меня позвали въ кабинетъ, гдѣ императоръ былъ одинъ и вступилъ немедленно со мною въ разговоръ о сельскомъ хозяйствѣ, о пашнѣ, объ оброкѣ, о количествѣ десятинъ, нужныхъ для продовольствія крестьянъ, и, между прочимъ, спросилъ, не купилъ ли я на свое имя какого имѣнія.

— У меня нѣтъ ни аршина собственной земли,—отвѣчалъ я.

— Ни аршина,— повторилъ императоръ съ выразительною улыбкою.

Открывъ ему мое положеніе, я былъ увѣренъ, что въ случаѣ нужды Александръ подалъ бы мнѣ руку помощи. Послѣ сего разговоръ зашелъ о прививаніи коровьей оспы, и когда я сказалъ, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, а именно въ Пензенской и Нижегородской, смертность отъ оной заразы бываетъ отмѣнно велика, и что даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и самое имя изобрѣтенія Дженнера неизвѣстно, то его величество крайне сему удивился, ибо онъ сказалъ, «что велѣно прививать коровью оспу по губерніямъ не только врачамъ, но даже священникамъ, уговаривать прихожанъ не бояться оной и предписано обучать прививанію

семинаристовъ въ духовныхъ училищахъ». Я отвѣчалъ, что сіи распоряженія, конечно, благодѣтельны, но что исполненіе не соотвѣтствуетъ имъ. Государь сказалъ:

— Сіе, къ несчастію, великая истина, и бываютъ примѣры тому очень часто; но меня удивляетъ, что въ Пензенской губерніи смертность отъ оспы велика, потому что прежде тамъ былъ Сперанскій, а теперь Лубяновскій, оба отличные губернаторы.

Взаключеніе государь приказалъ мнѣ заѣхать на Нижегородскую ярмарку и осмотрѣть ее.

Я въ этотъ же день выѣхалъ изъ Петербурга по прекрасному шоссе, оконченному тогда почти до Новгорода, но не встрѣтилъ на семъ пространствѣ ни одного человѣка, который бы починялъ дорогу. Ямщики и станціонные смотрители говорили единодушно, что въ послѣднія десять лѣтъ произошла великая перемѣна въ обращеніи съ ними проѣзжающихъ. Ласковыя слова заступили мѣсто прежней грубости, плетей и палокъ, и что буяны стали рѣдки. Я полагаю, что къ сей счастливой перемѣнѣ способствовало преимущественно личное обхожденіе императора, исполненное благосклонности и небывалой до того вѣжливости, просвѣщеніе, распространенное въ царствованіе его на всѣ сословія, и заграничные походы, которые подѣйствовали сильнѣе, чѣмъ наставительныя нравоученія.

Мнѣ пріятно было встрѣчать дилижансы, напомнившіе мнѣ Европу; они учреждены были за два года и возили ежегодно до трехъ тысячъ особъ изъ Москвы въ Петербургъ и обратно. Ужасныя дороги между сихъ столицъ служатъ укоромъ нашимъ инженерамъ; къ стыду ихъ, Валдайскія горы не были срыты, въ то время, какъ черезъ Альпы проложены прекраснѣйшія дороги. Невѣроятно, до какой степени земля дурно обработана отъ Петербурга до Москвы и даже до Владиміра; почти нигдѣ не видно было боковыхъ или проселочныхъ дорогъ. Проѣхавши Оку, я замѣтилъ, что почва земли становится плодороднѣе, а близь Арзамаса нашелъ столь тучныя поля, что сей край можно сравнить съ Саксоніею. Въ деревняхъ множество дѣтей обоего пола лѣтъ до тринадцати находятся въ совершенной праздности, нигдѣ не обращено вниманіе на учрежденіе школъ.

Я прожилъ шесть недѣль въ селѣ Гаряхъ недалеко отъ Арзамаса и былъ пораженъ нерадѣніемъ помѣщиковъ къ улучшенію сельскаго хозяйства. Со времени Петра Великаго все приняло въ Россіи другой видъ: армія, флоты, законодательство, торговля, художества, науки, образъ мыслей, общежитіе, самое одѣяніе наше, лишь одно хлѣбопашество осталось на той низкой степени, въ которой оно было въ варварскіе вѣка. Открытія, сдѣланныя въ просвѣщенныхъ земляхъ въ семъ полезнѣйшемъ и благороднѣйшемъ искусствѣ, остались чужды для Россіи; у насъ чрезвычайно

мало помѣщиковъ, слѣдящихъ за успѣхами сельскаго хозяйства; книги, изданныя по сей части, не совсѣмъ удовлетворительны, немногіе ихъ читаютъ, и рѣдкое сочиненіе о семъ предметѣ не заключается наставленіемъ, какъ дѣлать настойки и наливки.

Въ началѣ августа я поѣхалъ въ Нижній Новгородъ; строенія на ярмаркѣ меня удивили: это самое огромное зданіе, какое я видѣлъ въ Европѣ; римляне не производили ничего подобнаго въ отношеніи къ обширности; это достойный памятникъ царствованія Александра. Генералъ Бетанкуръ, подъ надзоромъ коего производились работы, самъ показывалъ мнѣ ярмарку; онъ родился на Канарскихъ островахъ и былъ отмѣнно свѣдущъ по своей части; онъ сказалъ мнѣ о государѣ: «c'est le seul russe qui aime son pays» (это единственный русскій, который любитъ Россію), «ибо всѣ прочіе чиновники,— продолжалъ онъ,— съ которыми я имѣлъ дѣла, управляя водяными и сухопутными сообщеніями въ Россіи, имѣютъ въ виду не пользу государства, а собственныя свои выгоды».

IV.

Пріѣздъ императора Александра въ Москву.—Восторженная встрѣча его.—Рѣчь митрополита Филарета. — Представленіе дворянства и купечества. — Мой разговоръ съ государемъ.—Смотръ пятаго корпуса.—Визиты государя. — Разсказъ Балашева о его свиданіи съ Наполеономъ въ Вильнѣ.—Маневры близь Всесвятскаго.—Аудіенція моя у графа Аракчеева.—Панихида по убіеннымъ. — Обѣдъ у московскаго генералъ-губернатора.—Мнѣніе Александра о Карамзинѣ.—Пренебреженіе графа Аракчеева къ общественному мнѣнію.—Особенное вниманіе ко мнѣ государя.—Неожиданное объясненіе съ генераломъ Дибичемъ.—Отъѣздъ государя изъ Москвы.

Проживя съ недѣлю въ Нижнемъ-Новгородѣ, я отправился въ Москву; на первой станціи отъ Нижняго опрокинули мою карету и такъ оную повредили, что я долженъ былъ ожидать два дня, пока ее вычинятъ у извѣстнаго агронома помѣщика Ребиндера, близь деревни коего меня опрокинули. Я пріѣхалъ въ Москву 24-го августа, въ самый тотъ день, когда ожидали туда высочайшаго прибытія, и я составилъ ежедневную записку о томъ, что происходило въ древней столицѣ втеченіе пяти дней, которые государь провелъ въ оной.

Императоръ пріѣхалъ въ Москву 25-го августа въ три часа по полуночи; за нѣсколько верстъ передъ городомъ, въ селѣ Преображенскомъ, его величество останавливался въ третьемъ часу утра, чтобы переодѣваться; государь въѣхалъ въ Москву въ одной коляскѣ съ графомъ Аракчеевымъ, съ которымъ ѣхалъ вмѣстѣ отъ Тихвина, а отъ Петербурга до Тихвина сидѣлъ въ одномъ экипажѣ съ генераломъ Дибичемъ. Не взирая на глубокую ночь, на-

родъ встрѣтилъ своего царя громкими восклицаніями, а въ Кремлѣ ожидали высочайшаго прибытія слѣдующія особы: московскій военный генералъ-губернаторъ князь Голицынъ, начальникъ дворцовыхъ строеній князь Юсуповъ, главнокомандующій первою арміею графъ Сакенъ и командиръ пятаго пѣхотнаго корпуса, который былъ тогда расположенъ въ Москвѣ, графъ Толстой. Поговоря съ ними нѣсколько минутъ, императоръ легъ почивать, а поутру, въ восьмомъ часу, позвалъ къ себѣ сперва графа Аракчеева, послѣ генерала Дибича, а потомъ военнаго губернатора вмѣстѣ съ комендантомъ Веревкинымъ и оберъ-полицеймейстеромъ Шульгинымъ. За симъ былъ большой выходъ прямо въ Успенскій соборъ, и едва императоръ явился на Красномъ Крыльцѣ, какъ громкое «ура!» раздалось повсюду; государь сходилъ медленно по лѣстницѣ и, останавливаясь ступени черезъ три, кланялся на всѣ стороны. Надобно видѣть нашего царя на Красномъ Крыльцѣ Кремля, сего россійскаго Капитолія, чтобы постигнуть, какая разница существуетъ между нимъ и прочими монархами Европы; я видѣлъ нарядные выѣзды австрійскаго императора въ Вѣнѣ и Людовика XVIII и Наполеона въ Парижѣ: сіи и въ самые торжественные дни являются, какъ первые чиновники своего государства, между тѣмъ какъ наши самодержцы представляются здѣсь въ необыкновенномъ величіи, которое потрясаетъ чувства сердца нашего. Передъ дверьми Успенскаго собора архіепископъ Филаретъ привѣтствовалъ государя слѣдующею рѣчью, произнесенною твердымъ голосомъ, во время которой царствовало глубочайшее молчаніе, а Филаретъ смотрѣлъ прямо въ глаза императору.

«Передъ Богомъ срѣтаемъ тебя, благословеннѣйшій государь, и благодаримъ Его, что утѣшаетъ насъ тобою, и молимъ Его, да утѣшитъ тебя нами.

«Воззри еще на сей царелюбивый народъ и утѣшься его любовью, которая и сокрываемому въ глубокой нощи пришествію твоему не допустила утаить ее и воспріяла тебя гласомъ восторга.

«Воззри еще на сей многовѣковый царственный градъ, который дано тебѣ въ краткое время изъ развалинъ и пепла возродить, и утѣшься симъ, какъ знаменіемъ того, что Богъ, посѣтившій неправды наши, сохранилъ здѣсь еще благословеніе правыхъ, ибо въ благословеніи праведныхъ возвысится градъ,—говоритъ слово правды.

«Богъ благословеній да споспѣшествуетъ тебѣ въ важнѣйшемъ царственномъ зиждительствѣ твоемъ, въ зиждительствѣ и возвышеніи нравственнаго и духовнаго порядка, въ утвержденіи вѣры и правды, которыми и цари велики, и царства не поколебимы.

«Господи, спаси царя и сохрани восхожденіе его и исхожденіе его къ спасенію царства».

Послѣ обѣдни представлялись императору губернскіе и уѣзд-

ные московскіе предводители, а послѣ нихъ купечество. Потомъ позваны были въ кабинетъ его величества генералъ-адъютанты баронъ Розенъ и Потемкинъ, которые въ 1820 году командовали гвардейскими дивизіями и по поводу происшествія, случившагося въ Семеновскомъ полку, были удалены въ армію, и съ тѣхъ поръ не видали государя. Каждый изъ нихъ, пробывъ въ кабинетѣ около получаса, выходилъ оттуда съ растроганнымъ лицемъ. За симъ камердинеръ позвалъ меня; я нашелъ государя, стоявшаго посреди комнаты, и онъ меня спросилъ съ веселымъ видомъ:

— Давно ли ты пріѣхалъ въ Москву и какъ провелъ лѣто?

Послѣ сего начался цѣлый рядъ вопросовъ о сельскомъ хозяйствѣ и объ урожаѣ.

— Въ низовыхъ губерніяхъ дурнаго урожая почти не знаютъ,— сказалъ я между прочимъ.

— Слава Богу,—отвѣчалъ императоръ,—нынѣшнимъ годомъ мы должны быть довольны; напримѣръ, овощи въ Петербургѣ продаются отмѣнно дешево: тысяча огурцовъ стоитъ одинъ рубль; намъ вообще на продовольствіе жаловаться нельзя.

— Особенно при нашемъ народѣ,- присовокупилъ я,—одаренномъ прекраснѣйшими свойствами...

— Да, что касается до русскаго народа,—прервалъ государь,— то мы предъ всѣми пощеголяемъ: онъ трудолюбивъ, уменъ, смѣтливъ и нравственъ.

— Позвольте прибавить, — сказалъ я,—и преданъ совершенно престолу вашему и особѣ вашей, и отмѣнно набоженъ.

— Конечно,—отвѣчалъ государь,—набожность его не есть самая просвѣщенная, но она у него покоится глубоко въ сердцѣ и предохраняетъ его отъ многихъ пороковъ.

Тутъ я разсказалъ нѣсколько примѣровъ добродушія нашихъ крестьянъ, что̀, кажется, весьма понравилось государю.

— Впрочемъ намъ остается еще дѣлать много,—сказалъ императоръ:—надобно идти своею дорогою и не смотрѣть ни на какіе крики, возраженія и препятствія.

— Мы имѣемъ для сего примѣръ Петра Великаго,—отвѣчалъ я:—если бы онъ обращалъ вниманіе напротиворѣчія своихъ современниковъ, то что бы мы теперь были?

— Былъ ли ты на ярмаркѣ и что тамъ замѣтилъ?—спросилъ государь.

Едва я началъ говорить, какъ государь, прервавъ меня, сказалъ, «что онъ слышалъ не оффиціально, а постороннимъ образомъ, что жалуются на дороговизну лавокъ».

— Такъ точно,—отвѣчалъ я и при семъ изложилъ всѣ тѣ замѣчанія, которыя я письменно сдѣлалъ о ярмаркѣ, и которыя императоръ слушалъ съ величайшимъ вниманіемъ. Послѣ сего я

упомянулъ о многихъ пожарахъ, бывшихъ лѣтомъ въ Нижегородской губерніи.

— Какая тому причина?—спросилъ императоръ.

— Дурной образъ строенія крестьянскихъ избъ,—отвѣчалъ я:—недостатокъ въ переулкахъ и въ пожарныхъ трубахъ,—и присовокупилъ, что я удивляюсь, какъ отъ сихъ причинъ не сгорятъ всѣ деревни.

Государь раза два спрашивалъ меня, «не были ли поджигательства весною причиною сихъ пожаровъ». Я отвѣчалъ, что сіе не доходило до моего свѣдѣнія.

За симъ его величество спросилъ меня, «не видалъ ли я въ Нижнемъ графа Кочубея и получила ли дочь его облегченіе».

— Я знаю только,—отвѣчалъ я:—что онъ выписывалъ для совѣщанія о болѣзни своей дочери изъ Арзамаса монаха Антонія, славящагося глубокими свѣдѣніями въ врачебной наукѣ.

— Я не слыхалъ никогда о семъ монахѣ,—отвѣчалъ государь:—это вѣрно было желаніе графини Кочубей, потому что мужъ ея слишкомъ просвѣщенъ.

Тутъ произошло нѣкоторое молчаніе, послѣ котораго государь, взявъ меня за руку, подвелъ къ окну и, показывая на Москву, сказалъ, «что это прекраснѣйшая картина, которую онъ видалъ въ своей жизни, и что онъ каждое утро любуется оною нѣсколько минутъ».

— Я знаю,—отвѣчалъ я,—видъ, который не уступаетъ сему: вспомните ту минуту, когда мы стояли на высотахъ Бельвиля и видѣли лежавшій у ногъ нашихъ Парижъ.

— Тогда,—прервалъ императоръ, пожавъ меня крѣпко за руку,—сердца наши были исполнены другихъ чувствъ, и посему-то мнѣ всегда пріятно разговаривать съ тѣми, которые тамъ со мною были.

Императоръ мнѣ поклонился, и я вышелъ изъ комнаты.

Послѣ сего императоръ ѣздилъ гулять по городу и сказалъ мнѣ, возвратясь: «если бы самъ не видалъ Москвы, то не повѣрилъ бы, что она такъ хорошо выстроена послѣ пожара». За симъ былъ обѣдъ, на который приглашены были чиновники первыхъ трехъ классовъ, за исключеніемъ генералъ-лейтенантовъ, состоявшихъ по арміи, которыхъ не звали на обѣдъ.

26-го августа, въ восьмомъ часу утра государь былъ у обѣдни въ придворной церкви Спаса за Золотою Рѣшеткою, а потомъ мы отправились на смотръ пятаго пѣхотнаго корпуса, состоявшаго изъ пѣхотныхъ дивизій, 13-ой генерала Турчанинова, 14-ой Кайсарова и 15-ой барона Розена, третьей уланской дивизіи князя Лопухина и артиллеріи генерала Говена; корпусъ былъ выстроенъ на равнинѣ близь Петровскаго дворца. Императоръ былъ очень доволенъ войсками, которыя дѣйствительно доведены до совершенства; во время смотра шелъ нѣсколько разъ столь сильный дождь, что лошади наши

не могли стоять на мѣстѣ и начали ворочаться, всѣ дрожали отъ холода, будучи насквозь вымочены; одинъ государь не подавалъ ни малѣйшаго вида, чтобы сей дождь имѣлъ на него вліяніе: хотя, однако же, примѣтно было, что и у него посинѣли губы. Графъ Сакенъ, подъѣхавъ къ императору, сказалъ, что онъ не удивляется, что графъ Толстой любитъ свой корпусъ, потому что сынъ его служитъ подпрапорщикомъ въ 26-мъ Егерскомъ полку, который въ сію минуту проходилъ церемоніальнымъ маршемъ. По утру заказанъ былъ обѣдъ для одного государя, но послѣ пригласили на оный графа Аракчеева, и они обѣдали вдвоемъ. Въ шесть часовъ императоръ ѣздилъ съ посѣщеніями къ графинѣ Орловой-Чесменской и къ супругѣ московскаго генералъ-губернатора и возвратился въ девять часовъ.

27-го августа государь смотрѣлъ стрѣльбу въ цѣль унтеръ-офицеровъ пятаго корпуса и произвелъ въ прапорщики сына графа Толстого, о которомъ графъ Сакенъ наканунѣ говорилъ; послѣ осматривалъ фурштадтскій баталіонъ, а въ заключеніе была пробная стрѣльба артиллеріи сперва картечью, а потомъ ядрами весьма удачно. Императоръ обѣдалъ одинъ, а вечеромъ былъ у графини Толстой, супруги корпуснаго командира.

Я имѣлъ въ этотъ день случай разговаривать съ бывшимъ министромъ полиціи Балашевымъ, который былъ отправленъ къ Наполеону съ различными объясненіями при первомъ извѣстіи о переходѣ его черезъ Нѣманъ. Маршалъ Даву, на аванпосты коего онъ прибылъ, не отпускалъ его нѣсколько дней изъ своей главной квартиры, подъ тѣмъ предлогомъ, будто бы ему не извѣстно было мѣстопребываніе Наполеона; наконецъ, черезъ нѣсколько дней увѣдомясь, что онъ вступилъ въ Вильну, Балашевъ туда поѣхалъ. Полагаютъ, что Наполеонъ долго продержалъ его у маршала Даву по той причинѣ, что желалъ принять русскаго посланника въ той самой комнатѣ, изъ которой онъ къ нему былъ отправленъ государемъ, что̀ дѣйствительно и случилось. Балашевъ сказалъ, что Наполеонъ встрѣтилъ его въ кабинетѣ императора Александра, въ которомъ не произошло никакой другой перемѣны, кромѣ того, что полъ въ ономъ былъ сдѣланъ новый, вѣроятно, потому, что французы опасались, не положено ли было подъ оный пороха. Разговоръ ихъ продолжался четыре часа, въ которые они ходили взадъ и впередъ по горницѣ. Наполеонъ привѣтствовалъ его слѣдующими словами:

— Je ne vous connois pas personellement, mais je sais que l'empereur Alexandre a beaucoup de confiance en vous et que vous êtes du nombre de ses amis; je vais vous donc parler comme à un tel et je vous charge de rapporter à l'empereur notre conversation mot à mot. (Лично васъ я не знаю, но мнѣ извѣстно, что вы пользуетесь у императора Александра большимъ довѣріемъ и принадлежите къ

числу его друзей. И, имѣя это въ виду, я буду бесѣдовать съ вами, причемъ обязываю васъ передать его величеству нашъ разговоръ дословно).

Во время разговора форточка у окна растворилась и начала стучать отъ вѣтра. Наполеонъ, подойдя къ ней, захлопнулъ ее въ сердцахъ: черезъ нѣсколько минутъ она вновь открылась, и Наполеонъ съ большею досадою, нежели прежде, подойдя вновь къ окну, сорвалъ ее съ петель, на которыхъ она висѣла, и выбросилъ ее на улицу.

Когда Балашевъ объявилъ ему требованія нашего двора, то императоръ французовъ сказалъ ему: «Je suis ici et je ne bouge pas». (Я нахожусь здѣсь и не отступлю).

За обѣдомъ находились Наполеонъ, Балашевъ, Бертье, Коленкуръ, Бессіеръ и Дюрокъ. Вотъ нѣкоторыя изъ словъ тогдашняго завоевателя:

«Votre empereur»,—обращаясь къ нашему посланному, сказалъ Наполеонъ, — «est mal conseillé; pourquoi a-t-il des conseillers? moi je n'en ai pas. Berthier par exemple ne fait qu'executer mes ordres. Pourquoi votre empereur est-il à l'armée? ce n'est pas sa place: il doit régner; pour moi, c'est autre chose: je suis soldat, et la guerre est pour moi une partie de chasse. Vous avez été lieutenant de police à Moscou. N'est ce pas, Caulincourt, il y a beaucoup d'églises à Moscou? pour quoi cela? On n'est plus dévot dans notre siècle. (Вашъ императоръ слѣдуетъ плохимъ совѣтамъ. Къ чему у него совѣтники? У меня ихъ нѣтъ. Бертье, напримѣръ, заботится только объ исполненіи моихъ приказаній. Зачѣмъ вашъ императоръ находится при арміи? Тамъ не мѣсто ему: его дѣло царствовать. Что касается меня, то это другое дѣло: я солдатъ, и война мое ремесло. Вы были начальникомъ полиціи въ Москвѣ. Не правда ли, Коленкуръ, въ Москвѣ много церквей? Къ чему онѣ? Въ наше время уже нѣтъ вѣрующихъ).

— Pardonnez moi, sire,—отвѣчалъ Балашевъ,—on l'est encore en Russie et en Espagne. (Прошу извиненія у вашего величества: они еще есть въ Россіи и Испаніи).

28-го августа, по утру, въ восемь часовъ мы поѣхали на маневры, происходившіе близь Всесвятскаго села; они продолжались четыре часа, государь былъ ими очень доволенъ, благодарилъ всѣхъ генераловъ, подъѣзжая къ каждому изъ нихъ, и сказалъ графу Толстому, что исправность и точность доведены до высшей степени и что всѣ знаютъ свое дѣло. На сіе замѣтилъ генералъ Толль:

— Прибавьте, ваше величество, къ симъ похваламъ и необыкновенное рвеніе въ войскахъ.

— Это-то меня и утѣшаетъ,— отвѣчалъ государь,—потому что я служу самъ и служу не изъ чиновъ, крестовъ и арендъ.

Послѣ сего государь сказалъ по нѣкоторомъ молчаніи:

— Теперь у насъ, кажется, все хорошо устроено; надобно только уменьшить число командныхъ словъ.

На маневрахъ графъ Аракчеевъ сказалъ мнѣ, чтобы я пріѣхалъ къ нему въ четыре часа, ибо онъ имѣетъ переговорить со мною по порученію его величества.

Въ назначенное время я пріѣхалъ къ графу Аракчееву, который былъ тогда такъ силенъ, что я дорогою приготовлялся на всѣ вопросы, которые онъ могъ, по моему мнѣнію, мнѣ предложить, съ большимъ вниманіемъ, нежели бы я ѣхалъ на аудіенцію къ государю. Адъютантъ ввелъ меня немедленно къ нему. Онъ просилъ меня сѣсть и самымъ ласковымъ образомъ началъ говорить сперва объ обыкновенныхъ предметахъ, а наконецъ о Нижегородской ярмаркѣ, сказавъ, что государь велѣлъ ему узнать мои мысли по сему предмету. Когда я ему началъ объяснять сказанное мною императору, онъ дѣлалъ мнѣ различныя возраженія. По окончаніи онъ упомянулъ о пожарахъ, бывшихъ въ Нижегородской губерніи, и домогался узнать, не было ли поджигательствъ. Наконецъ, графъ сказалъ мнѣ, что всѣ слова мои передастъ его величеству. Я пробылъ у графа Аракчеева часа съ два, въ которые онъ былъ отмѣнно учтивъ и нѣсколько разъ начиналъ даже шутить, но кто вспомнитъ, какъ ужасенъ былъ этотъ человѣкъ при Александрѣ, тотъ легко догадается, что мнѣ было не до шутокъ, сидя съ нимъ съ глазу на глазъ.

Въ сей день государь ѣздилъ послѣ маневровъ осматривать двѣ больницы, учрежденныя при съѣзжихъ дворахъ, которыя нашелъ въ большой исправности, и по этому поводу сказалъ:

— Я жалѣю, что не боленъ, чтобы въ нихъ лѣчиться.

Послѣ осматривалъ пожарную команду, обѣдалъ одинъ и потомъ былъ въ домѣ, назначенномъ для переводимаго изъ Костромы кадетскаго корпуса, и въ угодность вдовствующей императрицѣ посѣтилъ институтъ дѣвицъ ордена св. Екатерины.

29-го августа. Государь слушалъ обѣдню въ Архангельскомъ соборѣ, гдѣ, по обыкновенію нашей церкви, служили панихиду по убіеннымъ. Присутствіе императора посреди гробовъ его предковъ являло торжественный видъ; я стоялъ напротивъ его величества, часто на него смотрѣлъ, и онъ втеченіе двухъ часовъ, какъ продолжалась служба, былъ погруженъ въ глубочайшія размышленія; казалось, что онъ былъ пораженъ ничтожествомъ всего земнаго. Кто могъ тогда вообразить, видя его въ цвѣтѣ лѣтъ и во всей силѣ и красотѣ мужества, что чрезъ два года хладный прахъ его будетъ привезенъ въ сей самый храмъ? Послѣ обѣдни государь ѣздилъ съ генералъ-губернаторомъ въ военную больницу, осматривалъ модель новаго театра и суконную фабрику Кожевникова, а по возвращеніи въ Кремль принималъ старшинъ дворянскаго собранія, которые приглашали императора на балъ, имѣвшій быть на другой день, а государь съ свойственною ему вѣжливостью просилъ ихъ назначить

часъ, когда начнется балъ и когда ему пріѣхать. Разумѣется, старшины предоставили это на произволъ его величеству, на что̀ императоръ отвѣчалъ, что будетъ въ восьмомъ часу.

Послѣ сего государь поѣхалъ на большой обѣдъ къ военному генералъ-губернатору, за которымъ находилось до пятидесяти особъ, въ томъ числѣ и я. Изъ дамъ были только четыре: супруга и дочь хозяина, князя Голицына, и супруги генераловъ графа Толстого и Васильчикова. За симъ столомъ можно было видѣть, такъ сказать, представителей разныхъ царствъ; напримѣръ, тутъ были: восьмидесятилѣтній графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ, мужъ вѣка Екатерины и въ мундирѣ ея времени: это — родной братъ тѣхъ Орловыхъ, которые способствовали возведенію ея на престолъ; Обольяниновъ, вѣка императора Павла, въ царствованіе коего онъ былъ генералъ-прокуроромъ, и, наконецъ, Сакенъ, Аракчеевъ, Дибичъ, Толстой, Дмитріевъ, Уваровъ, Чернышевъ, баронъ Розенъ, люди вѣка Александрова. Передъ обѣдомъ и послѣ онаго императоръ особенно занимался разговорами съ графомъ Сакеномъ, какъ бы желая дать почувствовать присутствовавшимъ всю важность мѣста, занимаемаго симъ главнокомандующимъ. Между прочимъ, онъ подошелъ къ Дмитріеву, возлѣ котораго я стоялъ, и сказалъ ему:

— Давно ли вы получали извѣстія отъ Карамзина? Я не могу довольно васъ возблагодарить, что вы меня съ нимъ познакомили; кромѣ учености его, я нашелъ въ немъ человѣка благороднѣйшихъ правилъ.

Послѣ обѣда государь посѣтилъ генерала Васильчикова, который былъ нездоровъ, а возвратясь въ Кремль, занимался дѣлами до поздняго вечера.

30-го августа. Въ день тезоименитства государева съ ранняго утра множество народа собралось въ Кремль, и дворецъ наполнился особами, имѣвшими пріѣздъ въ оный. Всѣ поздравляли другъ друга съ высокимъ именинникомъ. Здѣсь мы узнали изъ высочайшаго приказа, отданнаго по арміи въ сей день, что полковникъ Шварцъ командовавшій въ 1820 году Семеновскимъ полкомъ, принятъ вновь на службу и опредѣленъ въ военныя поселенія. Онъ былъ судимъ долгое время и отставленъ отъ службы за то, что не явился передъ полкомъ, когда сей былъ собранъ. Участь офицеровъ и солдатъ сего полка довольно извѣстна; нѣкоторые изъ первыхъ находились еще подъ судомъ въ 1823 году, но голосъ публики обвинялъ Шварца. Не взирая на сіе, графъ Аракчеевъ принялъ его подъ свое начальство, какъ и въ прошломъ году онъ опредѣлилъ къ себѣ полковника Криднера, противъ котораго семеновскіе офицеры взволновались за нѣсколько дней до Бородинскаго сраженія. Таковые примѣры презрѣнія къ общему мнѣнію доказываютъ, что оно у насъ или еще не существуетъ, или что графъ Аракчеевъ до того онаго не уважаетъ, что ставитъ себя выше его.

Въ девять часовъ государь позвалъ въ кабинетъ графа Аракчеева, потомъ генералъ-губернатора съ комендантомъ и оберъ-полицеймейстеромъ, послѣ нихъ принималъ генералъ-адъютантовъ всѣхъ вмѣстѣ, а въ заключеніе графа Сакена и князя Юсупова, каждаго порознь. Я стоялъ съ прочими генералъ-адъютантами въ пріемной комнатѣ, и когда князь Юсуповъ вышелъ изъ кабинета, то камердинеръ, подойдя ко мнѣ, сказалъ, что государь меня зоветъ. Приближась къ его величеству, который стоялъ одинъ въ комнатѣ, я поздравилъ его съ днемъ его ангела, на что̀ государь отвѣчалъ мнѣ, обнявъ меня: «и я позвалъ тебя затѣмъ, чтобы поздравить тебя съ твоими именинами». Признаюсь, что для меня чрезвычайно было лестно, что государь удостоилъ вспомнить обо мнѣ и объ имени моемъ въ такую минуту, когда дворецъ его наполненъ былъ почетнѣйшими особами, жаждавшими его взора, и когда Кремлевскія площади усѣяны были народомъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшимъ появленія своего царя.

Едва я откланялся и вышелъ въ пріемную комнату, какъ генералъ Дибичъ пригласилъ меня пойдти съ нимъ въ другую комнату, гдѣ никого не было, и сказалъ мнѣ: «служба терпитъ, что офицеръ съ вашими способностями не употребленъ».

Сіе привѣтствіе меня удивило, потому что, не бывши никогда съ нимъ въ связяхъ, я полагалъ, что онъ меня мало знаетъ; я отвѣчалъ ему, что я принимаю слова его за комплиментъ.

— Я не съ тѣмъ намѣреніемъ вамъ это говорю,—сказалъ онъ,—но повторяю, что служба терпитъ отъ вашего бездѣйствія.

— Я не желаю ничего лучше, какъ заняться дѣломъ,—отвѣчалъ я,—и прошу васъ употребить меня, куда угодно, я постараюсь оправдать ваше довѣріе.

— Прежніе начальники ваши были вами всегда довольны,—продолжалъ онъ.

— Князь Кутузовъ, Коновницынъ, князь Волконскій, Толь, наконецъ, самъ государь, имѣли ко мнѣ великую довѣренность, которая всѣмъ извѣстна,—сказалъ я.

— Объясните мнѣ,—продолжалъ онъ,—по какой причинѣ разстались вы съ княземъ Волконскимъ; это меня очень удивило, потому что я видѣлъ въ разныхъ случаяхъ на войнѣ и во время путешествій государя, какъ вы были близки къ нему; развяжите мнѣ сію загадку.

— Я не знаю другой причины,—отвѣчалъ я,—кромѣ зависти и клеветы нѣкоторыхъ людей, опасавшихся, чтобы я не занялъ ихъ мѣста.

— Вамъ тѣмъ болѣе надобно думать,—сказалъ Дибичъ,—скоро оставить придворную службу, что вы изъ старшихъ полковниковъ и при первомъ производствѣ будете генераломъ.

При сихъ словахъ его позвали къ государю, и онъ торопясь

успѣлъ мнѣ только сказать, «что по возвращеніи нашемъ въ Петербургъ мы будемъ продолжать начатый разговоръ».

Немедленно послѣ сего государь вышелъ изъ своего кабинета и отправился въ Успенскій соборъ; мы, адъютанты, слѣдовали за нимъ по всему дворцу и между прочимъ проходили тронную, гдѣ въ 1812 году былъ кабинетъ Наполеоновъ; я взглянулъ на окно и увидѣлъ необозримыя толпы народа, наполнявшія Кремлевскія площади. Въ три часа былъ обѣдъ на сто особъ, за которымъ императоръ показалъ нѣкоторое неудовольствіе за то, что пили за его здоровье, чего онъ не пожелалъ. Въ восемь часовъ государь отправился на балъ, на которомъ, однако же, было мало гостей, и, увидя сидѣвшую въ сторонѣ жену мою, императоръ ей очень учтиво поклонился и, окончивъ польскій, прошелъ къ ней чрезъ половину залы и пригласилъ ее танцовать съ собою. Ровно въ десять часовъ его величество уѣхалъ съ бала, занимаясь до ночи отправленіемъ фельдъегеря въ Петербургъ, а на другое утро, то-есть 31-го августа, въ 7 часовъ отправился въ Тулу. При отъѣздѣ государя не было никого во дворцѣ, потому что сказано было наканунѣ, что отъѣздъ послѣдуетъ не въ семь часовъ, а въ девять. Во время пребыванія своего въ Москвѣ государь не былъ празденъ ни одной минуты, дѣятельность его заставляла меня удивляться; отъ безпрерывныхъ трудовъ онъ началъ старѣться и за этотъ годъ примѣтно похудѣлъ. Въ Москвѣ его величество ѣздилъ въ одномъ экипажѣ поперемѣнно то съ графомъ Аракчеевымъ, то съ генераломъ Дибичемъ.

V.

Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ.—Его разсказы.—Его записки.—Князь Юсуповъ.—Его картинная галлерея.—Сергѣй Николаевичъ Глинка.—Его патріотизмъ.—Его письма ко мнѣ.—Партизанъ Денисъ Давыдовъ.—Мое возвращеніе въ Петербургъ.—Великая княгиня Елена Павловна.—Ея воспитаніе и замѣчательныя способности.—Анекдоты о ней.—Придворный кружокъ.—Объясненіе мое съ Дибичемъ.—Производство меня въ генералъ-маіоры и назначеніе командиромъ бригады.

Я прожилъ въ Москвѣ еще съ недѣлю, видаясь почти ежедневно съ Иваномъ Ивановичемъ Дмитріевымъ. Я неоднократно упоминалъ о немъ въ моихъ запискахъ, и здѣсь распространюсь нѣсколько о семъ знаменитомъ мужѣ, котораго вся жизнь посвящена была служенію музъ. Онъ являлъ рѣдкій примѣръ въ Россіи государственнаго человѣка, который, удалясь отъ министерства, остался въ милости у двора, во всеобщемъ уваженіи публики и главою нашихъ литераторовъ, ибо министровъ, лишающихся у насъ мѣстъ, можно уподобить турецкимъ визирямъ, впадшимъ въ неми-

лость у султана; ихъ бѣгаютъ, какъ людей, зараженныхъ чумою, а они съ своей стороны злословятъ свѣтъ. Почти каждый вечеръ собирались къ нему писатели разныхъ состояній и возростовъ; для меня бесѣда его была очаровательна, особенно когда онъ разсказывалъ анекдоты о нашей словесности и различныя событія, случившіяся въ оной и съ питомцами музъ отечественныхъ втеченіе послѣдняго полустолѣтія. Всѣ отличные наши писатели были или пріятелями его, или друзьями. Онъ былъ домашнимъ человѣкомъ у Хераскова и у Державина, дружба его съ Карамзинымъ была самая тѣсная, Жуковскій и Батюшковъ выросли въ его глазахъ, и онъ первый обратилъ вниманіе императрицы Елизаветы Алексѣевны на Пушкина, когда сей воспитывался еще въ Царскосельскомъ лицеѣ.

— Природа, — говорилъ онъ мнѣ, — назначила мнѣ быть не поэтомъ, а живописцемъ, и я жалѣю, что не послѣдовалъ голосу ея. Часто я смотрю на облака, плавающія по небу, и помышляю, какъ бы я ихъ изобразилъ на холстѣ.

Всѣ слова его исполнены были, не взирая на преклонныя его лѣта, живописнаго воображенія. Онъ сказывалъ мнѣ, что недавно гулялъ въ Марьиной рощѣ, и описывалъ столь разительно и съ такими подробностями различныхъ людей, которыхъ онъ тамъ видѣлъ, физіогноміи ихъ, положенія, въ которыхъ иные изъ нихъ сидѣли, а другіе ходили, и самое платье ихъ, что мнѣ казалось, будто я вижу передъ собою картину Теньера.

Что онъ мечтатель, доказываетъ слѣдующее происшествіе, мною отъ него слышанное. Въ царствованіе Павла, по одному доносу, неосновательность коего въ скоромъ времени была доказана, потребовали его къ тогдашнему петербургскому военному губернатору графу Палену и посадили подъ караулъ во дворцѣ на какія-то антресоли, откуда открывался видъ на Неву. «Не зная, — говорилъ онъ, — причины, за что меня взяли, и имѣя въ виду множество примѣровъ, что въ то время отсылали въ Сибирь безъ допроса и не выслушавъ оправданія, я думалъ, что, можетъ быть, и меня туда же отправятъ. Въ такомъ положеніи, когда не всякій человѣкъ сохранилъ бы равнодушіе, я предался мечтамъ, любовался волновавшеюся Невою, блиставшимъ во мракѣ ночи шпицомъ крѣпости, повсемѣстною тишиною и размышлялъ, какъ я устрою жизнь свою въ Сибири и чѣмъ буду тамъ заниматься. Товарищъ, съ которымъ я былъ взятъ и содержался, храпѣлъ и, просыпаясь, неоднократно говорилъ мнѣ каждый разъ, зачѣмъ я не сплю; но мнѣ было не до того, ибо воображеніе мое воспламенилось будущимъ образомъ моей жизни въ неизмѣримыхъ степяхъ сибирскихъ. Когда на другой день моя невинность обнаружилась и мнѣ возвратили свободу, то повѣрите ли, что жаль было разставаться съ моими мечтами о сибирской жизни».

«Какое-то предчувствіе», — говорилъ онъ, и я привожу собственныя его слова,—«твердило мнѣ въ послѣднее время царствованія императора Павла, что оно не продлится долго. Въ одинъ зимній бурный день я ѣхалъ мимо дворца, народъ проходилъ по изданному тогда повелѣнію съ обнаженною главою, и вѣтеръ, который подымалъ и развѣвалъ волоса и бороды проходящихъ, составлялъ единственную картину, которая поселила во мнѣ какой-то ужасъ. Въ то же время я пріѣхалъ въ одно утро праздничнаго дня въ Михайловскій дворецъ; пустота, найденная мною въ огромныхъ залахъ, мрачныя лица бывшихъ тутъ особъ, словомъ все противоположное тому, что я привыкъ видѣть въ вѣкъ Екатерины, утвердило во мнѣ мысль, что таковой порядокъ вещей долго существовать не могъ; предчувствіе мое въ скорости сбылось».

Дмитріевъ составлялъ свое собственное жизнеописаніе, которое, по моему мнѣнію, будетъ образцовымъ сочиненіемъ на нашемъ языкѣ, потому что ему въ 1823 году было болѣе шестидесяти лѣтъ, и онъ сохранилъ память и свѣжесть воображенія молодости; сверхъ того, переходя разнаго рода службы, онъ занималъ важныя государственныя мѣста, былъ при дворѣ, въ связяхъ со всѣми отличными людьми своего времени, и слѣдовательно мы найдемъ въ жизни его картину отечества нашего втеченіе пятидесяти лѣтъ. Онъ не дѣлалъ тайны изъ сихъ записокъ и безъ всякаго вызова съ моей стороны предложилъ мнѣ прочесть нѣкоторые отрывки; любопытнѣйшимъ было описаніе казни Пугачева, которой онъ былъ свидѣтелемъ и которую представилъ въ самомъ живомъ видѣ, описавъ оную прекраснымъ слогомъ. Онъ раздѣлилъ жизнеописаніе свое на главы; двѣ первыя, заключающія его дѣтство и юношество, были окончены, онъ началъ уже повѣствованіе о своемъ литературномъ поприщѣ и намѣренъ продолжать записки до конца своей жизни. Императоръ Александръ читалъ его записки, и онѣ ему столько понравились, что по желанію его величества императрица Елизавета Алексѣевна дѣлала для него разныя изъ нихъ выписки.

Я засталъ его однажды за исправленіемъ его сочиненій, коимъ онъ приготовлялъ новое изданіе—сокращенное; до сихъ поръ вновь выходившія изданія бывали обыкновенно пріумноженныя.

Однажды я сказалъ Дмитріеву, что въ грустномъ расположеніи духа нельзя сочинять, съ чѣмъ онъ не согласился, и возразилъ, что онъ писывалъ даже во время болѣзни стихи, которые и понынѣ сохранили нѣкоторое достоинство. Я отвѣчалъ, что при собственномъ недугѣ можно писать, но при видѣ страданій лицъ, близкихъ нашему сердцу, воображеніе не въ силахъ заниматься чѣмъ либо другимъ, кромѣ болѣзненнаго состоянія намъ любезныхъ предметовъ. «Въ такомъ случаѣ,—возразилъ онъ,—я поступаю иначе; если кто изъ моихъ друзей или родныхъ бываетъ боленъ, то я, не будучи лекаремъ, знаю, что не могу помочь ему, и уѣзжаю, ибо

не принесу моимъ присутствіемъ страдающему никакой пользы, но могу себѣ повредить. У меня была сестра, которую я очень любилъ; она впала въ жестокую болѣзнь, родители мои были въ отчаяніи, я долженъ былъ вставать нѣсколько разъ по ночамъ, чтобы утѣшать ихъ, отъ чего произошло во мнѣ сильное волненіе въ крови, и я почувствовалъ, что я самъ началъ разнемогаться. Видя, что состояніе сестры моей не улучшалось и что мое собственное положеніе становилось часъ отъ часу хуже, я рѣшился оставить родителей, братьевъ и сестру и уѣхать въ Москву изъ Симбирска. Отецъ мой и мать согласились на мое желаніе, и я отправился въ путь, но едва я отъѣхалъ нѣсколько верстъ, какъ мнѣ представились упреки моихъ родныхъ, которыми они меня, вѣроятно, осыпали, жестокость моего поступка, что я ихъ оставилъ въ горестное для нихъ время, и я едва не возвратился; но, подумавъ, что я обязанъ сохранять свое здоровье, продолжалъ путь и, подъѣзжая къ Москвѣ, болѣе и болѣе разсѣивался, а по прибытіи въ столицу совершенно успокоился и выздоровѣлъ».

Всякій согласится, что это есть величайшій эгоизмъ, который мнѣ показался въ Дмитріевѣ, и потому только извинителенъ, что онъ не имѣлъ дѣтей, которыхъ бы страстно любилъ, хотя чувство родительской нѣжности и прекрасно выражено имъ въ семъ стихѣ:

«О боги! и дѣтей ужасно намъ желать»...

Одинъ изъ занимательныхъ людей въ Москвѣ былъ князь Юсуповъ, конечно, въ свое время величайшій любитель и знатокъ изящныхъ художествъ въ Россіи. Картинная галлерея его въ селѣ Архангельскомъ есть лучшее тому доказательство. Онъ пользовался особеннымъ расположеніемъ Екатерины и Павла, и я былъ неоднократно свидѣтелемъ, какъ Александръ обращался съ нимъ на дружеской ногѣ и оказывалъ ему такое уваженіе, какъ ни одному изъ высшихъ придворныхъ чиновниковъ. Онъ находился восемь лѣтъ посланникомъ въ Италіи, гдѣ ему было поручено покупать картины для Эрмитажа. Онъ сказалъ мнѣ, что есть частные люди въ Европѣ, коихъ галлереи превосходнѣе его галлереи, «но я одинъ,—продолжалъ онъ,—заставлялъ всѣхъ художниковъ, жившихъ въ мое время, трудиться для меня; я заказывалъ такимъ образомъ картины Вестамъ, сыну и отцу; всей фамиліи Вернетовъ, то-есть, дѣду, писавшему морскіе виды, сыну его и внуку Горацію; Менгсу, Прюдому, Герену и самому Давиду, коего только одна картина находится въ Россіи, а именно принадлежащая мнѣ. Въ семъ отношеніи одинъ только графъ Соммарива впослѣдствіи мнѣ подражалъ». Къ счастію, во время нашествія непріятельскаго, князь Юсуповъ успѣлъ вывезти свои картины. Его упрекаютъ въ скупости, но кто, подобно ему, покровительствуетъ художникамъ, тому легко извинить, что за обѣдами его гастрономы не находятъ вполнѣ удовлетворенія своимъ прихотямъ.

Я видался часто также въ Москвѣ съ Сергѣемъ Глинкою, извѣстнымъ нашимъ неутомимымъ писателемъ. Я еще не находилъ подобнаго пламеннаго энтузіаста въ любви къ отечеству и всему русскому; произведенія его плодовитаго пера суть тому очевидныя доказательства, а я, который съ нимъ коротко знакомъ, присовокуплю, что честность его равняется его патріотизму. Онъ краснорѣчивъ на словахъ и на бумагѣ, но, обремененъ будучи многочисленнымъ семействомъ и лишенный всякаго состоянія, пишетъ для снисканія пропитанія и не имѣетъ достаточно времени, чтобы исправлять слогъ свой и сочиненія свои. Не взирая на неопрятность его, наружность его выразительна; онъ обо всѣхъ предметахъ объясняется съ жаромъ, чистымъ прекраснымъ русскимъ языкомъ, который лучше его письменнаго слога. Дмитріевъ сравниваетъ его съ народнымъ римскимъ трибуномъ. Глинка мнѣ разсказывалъ, что онъ былъ свидѣтелемъ, что когда 14-го іюля 1812 года государь находился въ Москвѣ, то войдя въ дворянское собраніе, произнесъ только слѣдующія слова: «Я никогда не сомнѣвался въ усердіи дворянства; теперь время всего дороже». На другой день графъ Ростопчинъ, призвавъ Глинку, котораго онъ очень любилъ, сказалъ ему: «именемъ государя развязываю вамъ языкъ и руки, дѣйствуйте въ народѣ письмомъ и словомъ; у насъ есть триста тысячъ рублей экономической суммы, располагайте ими». Глинка, получившій въ сіе же время Владимірскій крестъ за любовь къ отечеству, ѣздилъ по деревнямъ и воспламенялъ крестьянъ, а изъ экономической суммы употребилъ только пятнадцать рублей на покупку рукавицъ и шляпы крестьянину, отпустившему сына своего въ ополченіе, но зато онъ пожертвовалъ жемчугомъ, бриліантами и всѣми золотыми вещами жены своей. Ожесточеніе его противъ французовъ было столь велико, что онъ передъ отъѣздомъ въ 1812 году изъ Москвы сжегъ всѣ свои французскія книги и даже творенія Бюффона за то только, что они писаны были на французскомъ языкѣ. Помѣщаю здѣсь нѣсколько писемъ его изъ многихъ полученныхъ мною въ разные годы. Будучи писаны безъ приготовленія, они покажутъ въ настоящемъ видѣ сего оригинальнаго человѣка.

От 27-го іюня 1823 года.

«Благодарная душа любитъ благодарить. По сему побужденію вы сами вызвались вспомоществовать бѣдному моему семейству раздачею билетовъ на мое дѣтское сочиненіе. Вы сами отецъ семейства: васъ наградитъ небесное Провидѣніе.

«Беркене, издатель «Друга Дѣтей», получилъ отъ французской академіи первый призъ. По убѣжденію совѣсти могу сказать, что мой трудъ не хуже его труда. Но болѣе всего онъ украшается вашимъ благодѣяніемъ.

«Прочитали ль письмо къ моему сопитомцу? Какъ показались вамъ мои правила о воспитаніи? Удостоили ли вниманія мой «Театръ свѣта»? Вотъ сколько предлагаю вопросовъ. За эту докучливость жалуйтесь на себя. Ваша ласка очаровала мое сердце, а сердце мое всегда отверзто предъ тѣми, кто приласкаетъ его.

«Дай Богъ, чтобъ незаходящее счастіе всегда блистало въ глазахъ вашихъ, а если же вамъ когда сгрустнется, то вы несомнѣнное ощутите удовольствіе, вспомня о добрѣ, оказанномъ моему семейству.

«Душа живетъ воспоминаніями. Вы будете вспоминать, что тою же самою рукою, которою пожинали лавры, вы раздавали и пальмы благотворенія. Это подвигъ Суворовскій».

От 23-го августа 1823 года.

«Уже мало-по-малу содѣйствіе ваше совершается. Я и мое горестное семейство, мы отъ избытка благодарныхъ душъ можемъ повторить: дорога милость въ скудости!

«Что дѣлать? Не всѣмъ блаженствовать на прахѣ земномъ:

«Но тотъ блаженъ, кто помогаетъ,
«Кто скорби ближняго внимаетъ;
«Кто въ шумѣ битвъ героемъ былъ,
«А въ мирѣ души покорилъ».

«Это вы. Да наградитъ Богъ ваше семейство за участіе въ треволненіи моего семейства. Оно плыветъ на скучной лодкѣ чрезъ бурный и безбрежный океанъ нищеты: гдѣ же будетъ пристанище, да будетъ воля небеснаго Провидѣнія.

«Дастъ Богъ, я возобновляю «Русскій Вѣстникъ». Будьте оживотворителемъ онаго! Приготовьте ваши очаровательныя статьи, и тѣмъ самымъ умножите благодѣянія ваши моему семейству».

Отъ 8-го сентября 1823 года.

«Вмѣсто хлѣба-соли въ отъѣздъ петербургскій, препровождаю вамъ книжку о музыкѣ добраго благодѣтеля моего семейства, венгерскаго уроженца Фишера. Изъ мыслей его увидите его чувства. Сорокъ лѣтъ онъ живетъ въ Россіи, и сіи сорокъ лѣтъ протекли въ безмятежныхъ наслажденіяхъ музыки и словесности. Ничто бурное не смущало ясной и кроткой его души. Послѣ пріятнѣйшаго вашего посѣщенія я былъ у него, и онъ, обремененный годами и болѣзнію, также еще ясенъ, какъ прекрасный лѣтній вечеръ.

«Я разсказывалъ вамъ, какъ и чѣмъ одолжено ему семейство мое. Провидѣніе, само Провидѣніе внушило ему желаніе отвлечь бѣдное мое семейство отъ лютой пропасти.

«Не оставляйте и вы насъ. Украшайте, обогащайте мой «Русскій Вѣстникъ», уже столь много вамъ одолженный. Если дастъ Богъ, въ январѣ будущаго года онъ возобновится, то сообщайте статьи ваши заблаговременно. Сердце мое ихъ приметъ, и въ сердцѣ моемъ запечатлѣется къ вамъ искренняя благодарность.

«Былъ бы я у васъ самъ, но за болѣзнію глаза и щеки опасаюсь вечерняго воздуха.

«Да сопутствуетъ вамъ и семейству вашему повсемѣстно благодѣтельный ангелъ!

«Обнимите за меня брата. Я все тотъ же труженикъ и неугомонный мечтатель объ отечествѣ и любитель людей».

От 11-го октября 1823 года.

«Дружеское, ласковое и благосклонное ваше письмо доставило мнѣ сердечное удовольствіе.

«Благодарю васъ за извѣстіе о братѣ Ѳедорѣ. Пора разцвѣсть снова душею. Да и о чемъ намъ, скоротечнымъ странникамъ, кручиниться на прахѣ земномъ?

«Не удивлюсь чернильнымъ распрямъ. Это пища праздности и ребяческаго самолюбія.

«Не удивлюсь, что Balzac вамъ понравился: вы имѣете умъ здравый и основательный; il n'y a rien de nouveau sur la terre (нѣтъ ничего новаго на землѣ). Наши неугомонные шалуны европейскіе повторяютъ старинныя шалости. На землѣ нѣтъ совершенства. Оно съ Богомъ, а намъ дай Богъ кое-какъ жить да быть.

«Одолжайте, оживляйте и украшайте «Русскій Вѣстникъ». Уступаю вамъ и пожаръ московскій. Первая книжка, если дастъ Богъ, выйдетъ въ январѣ.

«По вашему желанію, препровождаю къ вамъ «Исторію» (русскую) и билетъ и увѣдомленіе объ оной. Обратите вниманіе на содержаніе предварительное 4-й части.

«Спѣшу на почту. Я только что отшкольничалъ съ своими дѣтьми». Впредь буду писать пространнѣе. Мысленно васъ обнимаю».

Отъ 29-го октября 1823 года.

«Послѣднее ваше письмо наполнило къ вамъ сердце мое новыми чувствованіями благодарности. Вы правы, не перомъ, а душею писалъ я «Русскую Исторію». Ваше вниманіе къ моей безпокровной исторіи считаю наградой и это говорю не лестно. Вамъ Провидѣніе дало основательный умъ; а даровъ Провидѣнія никто не можетъ отнять. Третьяго дня изъ рукъ католическаго священника церкви Петра и Павла принялъ я ломбардный шеститысячный билетъ, завѣщанный мнѣ благодѣтельнымъ иностранцемъ Альбертомъ Фишеромъ. Принимая сей билетъ, я сказалъ католи-

ческому священнику: иностранцы почитають и говорять, что будто бы я врагъ иностранцевъ. Вы служитель алтарей Господнихъ, вы иностранецъ, и вы отъ имени умершаго иностранца подаете билетъ ко спасенію многочисленнаго разореннаго моего семейства, всѣми оставленнаго и забытаго въ той самой Россіи, которую я славлю и величаю 30 лѣтъ. Если бы кто изъ русскихъ вызвался мнѣ помочь, то-есть избавить отъ голодной смерти мою жену и шестерыхъ дѣтей, то я не принялъ бы помощи отъ иностранца. Но вопли мои, вопли бѣднаго разореннаго отца семейства, тщетно доносились къ вельможамъ государственнымъ. Никто не внималъ. Лютая бездна готовилась поглотить мое семейство, и вдругъ Провидѣніе избираетъ иностранца къ спасенію жены и бѣдныхъ моихъ шестерыхъ дѣтей! Не самъ ли Богъ возвѣщаетъ, что сердце издателя «Русскаго Вѣстника» никогда не питало и искры нелюбви и ненависти ни къ одному смертному, живущему на лицѣ земли. Да и что мнѣ любить въ Россіи? Развѣ ту сажень земли, которая успокоитъ меня отъ непрестанныхъ бурь труженической жизни?

«Такъ говорилъ я и потомъ прибавилъ: «но я истинно люблю и царя, и отечество, и соотечественниковъ. Они ближе ко мнѣ другихъ людей, имъ болѣе и добра желаю. Богъ, самъ Богъ создалъ любовь къ отечеству; сею первородною любовію крѣпитъ онъ союзъ любви сердецъ нашихъ къ человѣчеству. Но любовь искушается скорбію, злополучіемъ, несказанными бѣдствіями жизни. Любовь моя къ отечеству проходила и проходитъ еще сіе бурное поприще. Вотъ моя исповѣдь. Теперь уже ни иностранцы, ни мои неласковые ко мнѣ соотечественники не могутъ разглашать, что я будто бы подкупленъ въ любви къ отечеству. Вы, служитель алтарей Господнихъ, вы—свидѣтелемъ, что издатель «Русскаго Вѣстника» и сочинитель русской исторіи есть бѣднѣйшій отецъ семейства въ Россіи. А безъ того онъ не принялъ бы пособія, которое вы мнѣ вручаете».

«Больно, очень больно это сносить, но кто осмѣлится въ цѣлой Россіи сказать милосердому царю о состояніи того семейства, котораго мать въ 1812 году отдала и золотыя и брилліантовыя вещи, чтобы содѣйствовать къ обмундированію бѣдныхъ чиновниковъ, поступавшихъ въ ополченіе! Кто о сей жертвѣ доложитъ тому ангелу императору, который душевныя жертвы принимаетъ съ ангельскимъ чувствіемъ».

Отъ 17-го іюня 1824 года.

«Герою и генералу.

«Герой и генералъ!
«Кого люблю душею.
«За что я позабытъ тобою?
«Но я тебя не забывалъ.

«Твои я помню одолженья;
«Люблю твои произведенья;
«Люблю порывъ душевный твой,
«Порывъ къ добру и просвѣщенью,
«Порывъ къ сердечну украшенью;
«Итакъ, еще скажу, за что забыть тобой?

«Я хвораю: утѣшьте меня строкою о себѣ. Когда же получу что нибудь? Будьте счастливы со всѣмъ вашимъ семействомъ».

Отъ 22-го іюля 1824 года.

«Послѣ писемъ незабвеннаго моего друга, генерала Александра Алексѣевича Тучкова, павшаго на полѣ Бородинскомъ, ваше письмо было самымъ отраднымъ письмомъ для моего сердца. Итакъ, есть еще люди, заботящіеся о моемъ жребіи.

«Къ тому же, кто внушаетъ вамъ сладостное предчувствіе въ отношеніи къ перемѣнѣ моихъ обстоятельствъ, къ тому я писалъ еще въ маѣ мѣсяцѣ. Доселѣ безмолвіе. Торопитесь дѣлать добро! — говорилъ Суворовъ; будемъ поспѣшны въ добрѣ.

«Когда я былъ одинъ, я все отдалъ, и меня не страшили никакіе недостатки; тогда я повторялъ слова героя Кульнева, воспитавшагося въ томъ же корпусѣ, гдѣ и я: «je ne crains pas de mourir dans la grandeur de la pauvreté romaine» (я не боюсь умереть въ бѣдности, въ какой величественно умирали нѣкоторые доблестные римляне).

«Но теперь у меня семь человѣкъ дѣтей; слѣдственно, хоть невольно, да вздохнешь.

«Не чета мнѣ былъ великій Боссюэтъ, но и тотъ говорилъ, что нужда отняла бы у него половину ума.

«А мое положеніе вотъ какое: если бы жизнь моя прервалась въ тотъ мигъ, когда къ вамъ пишу, то черезъ нѣсколько недѣль жена и дѣти мои пошли бы съ сумою по тѣмъ самымъ московскимъ улицамъ, гдѣ въ 1812 году и мой усердный голосъ громко возносился во имя Бога, вѣры и царя. Въ этотъ годъ, повинуясь моимъ мечтамъ и порывамъ любви къ отечеству, жена моя пожертвовала и жемчугомъ, и бриллiантами, и серебромъ, словомъ всѣмъ, чтобы вспомоществовать недостаточнымъ чиновникамъ ополченія снаряжаться на царскую службу. Я писалъ объ этомъ: втунѣ осталось. Ужели ангелу государю, ужели отцу Россіи никто не можетъ доложить о такой жертвѣ матери семейства? Сегодня день ея ангела, я не лгу ни передъ ея ангеломъ, ни передъ истиной. И она иногда стенящимъ голосомъ говоритъ дѣтямъ о любви къ отечеству.

«Повторяю еще: если-бъ я былъ одинъ, я радовался бы, что ничего не имѣю. Я привыкъ къ трудамъ. Но что будутъ писать иностранцы, если семейство издателя «Русскаго Вѣстника», на-

гражденнаго за любовь къ отечеству, доказанную дѣяніями и сочиненіями, если бѣдныя его дѣти останутся безъ куска хлѣба?

«Съ нетерпѣніемъ ожидаю вашей статьи. Не отважусь перемѣнить ни слова. Слогъ вашъ созрѣлъ. Порусски труднѣе писать прозою, нежели стихами. Вы преодолѣли сію трудность.

«Къ 12-ти частямъ «Исторіи» моей прибавляю еще двѣ части. Тринадцатая начнется переходомъ русскихъ за границу и кончится вторичнымъ вступленіемъ въ столицу Франціи. Какое величественное зрѣлище! Александръ I ведетъ побѣдоносное войско и въ предѣлы Европы вводитъ съ собою радостную надежду спасенія царствъ и народовъ.

«14-я часть состоять будетъ изъ дополненій на исторію новѣйшихъ временъ и изъ сличенія военныхъ французскихъ и русскихъ извѣстій».

Отъ . . . . 1825 года.

«И въ горѣ, и въ радостяхъ вы не измѣняетесь въ чувствіяхъ дружбы вашей ко мнѣ. Это навсегда останется въ благодарномъ сердцѣ моемъ.

«Свыше всего дорожу вниманіемъ ангела Россіи и великодушнымъ предстательствомъ министра просвѣщенія. Вотъ все что теперь могу сказать.

«Русскій Вѣстникъ» продолжается и нетерпѣливо ожидаетъ вашей присылки. Предварительное условіе вполнѣ останется [1]). Вы, неизмѣнны сердцемъ, какое же перо отважится измѣнять вашъ слогъ? Мысленно васъ обнимаю».

Говоря о московскихъ литераторахъ, нельзя умолчать о Денисѣ Давыдовѣ, извѣстномъ партизанѣ, военномъ писателѣ, а болѣе еще прославившемся своими оригинальными стихотвореніями. Я съ нимъ нѣсколько разъ видался въ Москвѣ и всегда съ новымъ удовольствіемъ, потому что онъ столь же остроуменъ въ рѣчахъ, какъ и на бумагѣ. Однажды, общій нашъ знакомый Зыбинъ пригласилъ насъ на обѣдъ. Лишь только Давыдовъ увидѣлъ графины съ водою, то закричалъ: «прочь воду, она безобразитъ дружескую бесѣду». Обѣдъ сей онъ украсилъ чтеніемъ вдохновенныхъ своихъ стиховъ; надобно было видѣть его, имѣющаго какую-то особенную физіогномію, декламирующаго слѣдующіе стихи:

«Возьмите мечъ: онъ не достоинъ брани;
«Сорвите лавръ съ чела: онъ страстью помраченъ», и проч.

Жаль, что Давыдовъ, снѣдаемый честолюбіемъ, не доволенъ титломъ храбраго офицера и геніальнаго поэта, и слишкомъ много

---

[1]) Онъ просилъ меня прислать для напечатанія статьи въ «Русскій Вѣстникъ»; я на сіе согласился съ условіемъ, чтобы не перемѣнялъ въ нихъ моего слога, какъ сіе водится у нашихъ журналистовъ. Авт.

и часто въ прозѣ и въ стихахъ говоритъ о себѣ и подвигахъ своихъ и печатаетъ въ разныхъ видахъ свою біографію. Онъ обижается также, что публика мало обращаетъ вниманія на дѣйствія партизановъ въ войнѣ 1812 года, и безпрестанно твердитъ о партизанскихъ своихъ похожденіяхъ.

Я получалъ отъ него многократно письма; вотъ отрывокъ изъ одного:

«Надняхъ явится къ тебѣ мой «Опытъ теоріи партизанскаго дѣйствія». Онъ выходитъ изъ печати. Карай его, пожалуй, безъ пощады, этимъ меня обяжешь, ибо, пользуясь совѣтами, я намѣренъ во второмъ тисненіи перемѣнить погрѣшности. Я теперь въ деревнѣ, покоенъ и счастливъ. Какъ часто повторяю стихъ:

«Heureux qui dans le sein de ses dieux domestique,
«Se dérobe aux fracas des tumultes publiques,
«Et dans un doux abri, fuyant tous les regards,
«Cultive ses jardins, les vertus et les arts».

«Мимо меня, то-есть въ нѣсколькихъ верстахъ отъ меня, проѣхали Розенъ и Потемкинъ [1]); я въ это время копался въ огородѣ.

«Не забудь объ обѣщаніи твоемъ стараться помѣстить мою рожу въ собраніе портретовъ. А я, если на то согласятся, ручаюсь прислать самый сходный мой портретъ, только напиши, и онъ на первой почтѣ будетъ у тебя».

Либеральныя идеи болѣе и болѣе распространялись въ Москвѣ; это и неудивительно, ибо тамъ жило множество молодыхъ людей, не занятыхъ ни службою и никакимъ дѣломъ, которые, имѣя состояніе и происходя отъ старинныхъ дворянскихъ родовъ, порицали правленіе Александра, обращавшаго вниманіе на заслуги, а не на породу. Мнѣ кажется, что мѣстничество, столь гибельное въ средніе вѣка для Россіи, хотя уже давно уничтоженное, все еще существуетъ въ духѣ нашего дворянства. Сверхъ того, воспитаніе московскаго такъ называемаго благороднаго юношества было весьма пренебрежено; нравственность онаго была до такой степени испорчена, что одинъ искусный врачъ Пикулинъ сказывалъ мнѣ, что въ высшемъ классѣ университетскаго пансіона изъ сорока воспитанниковъ было заражено венерическою болѣзнію двадцать шесть.

Я возвратился въ Петербургъ 24-го сентября; въ сіе время прибыла изъ Штутгардта невѣста великаго князя Михаила Павловича, виртембергская принцесса Шарлотта, нареченная впослѣдствіи Еленою Павловною. Она, какъ феноменъ, обратила на себя единодушное вниманіе всѣхъ и болѣе мѣсяца составляла предметъ общихъ разговоровъ; я не видалъ ни одного человѣка изъ представленныхъ

---

[1]) Генералы, командовавшіе гвардейскими дивизіями и сосланные изъ Петербурга вслѣдствіе происшествія, бывшаго въ Семеновскомъ полку. Авт.

ей, который бы не отзывался съ восхищеніемъ объ умѣ ея, о свѣдѣніяхъ ея и о любезности. Не знаю, какова будетъ впослѣдствіи судьба ея въ Россіи, но во время пріѣзда ея въ наше отечество зависть и злословіе, избравшія предпочтительно пребываніе свое при дворахъ, умолкли. До возвращенія государева принцесса жила въ Гатчинѣ, куда вдовствующая императрица приглашала нѣсколько дней по очереди всѣхъ особъ, представленныхъ ко двору, дабы ознакомить съ оными будущую невѣстку свою. Она съ представленными ей особами разговаривала о предметахъ или пріятныхъ для нихъ, или составлявшихъ ихъ занятія; такимъ образомъ съ Карамзинымъ говорила о русской исторіи, съ Шишковымъ о славянскомъ языкѣ, съ генералами о сраженіяхъ и походахъ, въ которыхъ они находились или наиболѣе отличились; князю Щербатову упоминала объ осадѣ Данцига и графу Милорадовичу сказала: «on n'a pas besoin de vous connaître personnellememt pour être votre admirateur» (нѣтъ нужды лично знать васъ, чтобы восторгаться вами). Видно было, что она приготовлялась къ тому, что всякому изъ нихъ говорить приличнѣе, но и самое сіе приготовленіе доказываетъ ея благоразуміе, что она старалась въ новомъ отечествѣ своемъ снискать съ перваго шага повсемѣстную любовь. Смотря на нее, я воображалъ, что Екатерина II, вѣроятно, поступала такимъ же образомъ, когда привезена была ко двору Елисаветы Петровны.

Она, какъ извѣстно, дочь принца Павла, человѣка не уживчиваго характера, который былъ даже выключенъ изъ россійской службы и находился въ ссорѣ со всѣмъ королевскимъ домомъ. Принцъ отдалъ сію дочь въ одинъ изъ парижскихъ пансіоновъ, который содержала извѣстная писательница госпожа Кампанъ, и гдѣ она воспитывалась около четырехъ лѣтъ, слѣдовательно, имѣла счастіе, чрезвычайно рѣдкое для молодыхъ людей, происходящихъ отъ царской крови, получить образованіе свое не при дворѣ, а въ кругу частныхъ людей. Сіи обстоятельства подѣйствовали весьма удачно на развитіе умственныхъ и душевныхъ ея способностей. Она никакъ не полагала, чтобы ее избрали въ супруги россійскому великому князю, и когда она узнала о семъ, то начала съ необыкновеннымъ прилежаніемъ учиться русскому языку, что ей было отмѣнно трудно, по неимѣнію въ Штутгартѣ русскаго учителя. Получивши русскій словарь и грамматику, она занималась ими нѣсколько мѣсяцевъ одна и вскорѣ понимала уже исторію Карамзина, которую знала весьма основательно.

Сообщаю нѣсколько анекдотовъ о ней, слышанныхъ мною отъ нашего посланника при виртембергскомъ королѣ Бенкендорфа. Когда онъ вручилъ ей при всемъ дворѣ письмо отъ государя, въ коемъ его величество просилъ руки ея для великаго князя, а ей было тогда только четырнадцать лѣтъ съ половиною, то она от-

вѣчала посланнику: «Remerciez sa Majesté Impériale de ce qu'elle a daigné écrire à une enfant» (благодарите его императорское величество, что онъ удостоилъ ребенка письмомъ).

Мысль перемѣнить свой законъ на грекороссійскій долго ее озабочивала; извѣстясь, что сіе есть необходимое условіе ея брака, она горько плакала, но, прійдя въ себя, сказала съ твердостью: «Я рѣшаюсь на перемѣну религіи, потому что сіе же самое сдѣлала одна принцесса моего дома, которую можно почесть примѣромъ христіанскихъ добродѣтелей». Она разумѣла подъ симъ императрицу Марію Ѳеодоровну.

Король виртембергскій ожидалъ наслѣдника, но супруга его родила дочь, чѣмъ король былъ очень опечаленъ; однако же невѣстѣ Михаила Павловича совѣтовали идти поздравить короля съ новорожденною. «Какими глазами, — отвѣчала она, — приметъ король отъ меня поздравленіе; ему нельзя будетъ не вспомнить, что я дочь принца Павла». Для вразумленія сего надобно знать, что за неимѣніемъ у короля дѣтей мужскаго пола наслѣдникомъ престола долженъ быть отецъ ея, принцъ Павелъ.

Меня также пригласили въ Гатчину на 12-е октября, и когда великій князь Михаилъ Павловичъ представилъ меня своей невѣстѣ, то она сказала мнѣ, «что ей извѣстно, что я долгое время нахожусь при государѣ, что я бывалъ съ нимъ въ Штутгартѣ», и тому подобное, доказывающее, что она и мнѣ приготовила привѣтствіе. Послѣ представленія былъ обѣдъ и вечерній балъ, и такъ какъ съ нѣкотораго времени императрица и великіе князья смотрѣли на меня не такими глазами, какъ прежде, то я болѣе занимался съ иностранцами, бывшими въ Гатчинѣ, которые обходились со мною съ тѣмъ же уваженіемъ, которое мнѣ показывали въ тѣ годы, когда дворъ обращалъ на меня нѣкоторое вниманіе. Между иностранцами находились сынъ короля прусскаго Фридриха и нѣсколько прусскихъ и виртембергскихъ чиновниковъ.

Въ исходѣ октября государь возвратился изъ путешествія въ Петербургъ, и для меня началась обыкновенная придворная жизнь, то-есть, что мнѣ надобно было пріѣзжать ежедневно по утру во дворецъ и проводить тамъ нѣсколько часовъ въ такъ называемой секретарской комнатѣ. Насъ рѣдко бывало менѣе двадцати или тридцати человѣкъ, иногда, а особенно въ праздничные дни, собиралось и до шестидесяти. Это было самое отборное общество въ Россіи, потому что въ числѣ обыкновенныхъ посѣтителей находились именитые генералы, генералъ-губернаторы, пріѣзжавшіе въ Петербургъ, и наконецъ адъютанты императора. Тѣ, которые пожалованы были въ сіе званіе во время войны или вскорѣ послѣ оной, пріобрѣли вензеля государя, носимые ими на эполетахъ, какимъ либо отличіемъ, а другіе, которые пожалованы были въ послѣдніе годы, обязаны были за то или знатности породы, или за-

слугамъ своихъ родственниковъ, или какому либо другому счастливому для нихъ случаю. Воспоминаніе о семъ кругѣ будетъ для меня тѣмъ пріятнѣе, что я, проводя въ ономъ восемь лѣтъ почти ежедневно каждое утро нѣсколько часовъ, пользовался отъ многихъ знаменитыхъ или отличныхъ людей нашего времени пріязнію и добрымъ расположеніемъ, и положилъ основаніе прочнымъ связямъ, которыя надѣюсь сохранить на всю жизнь. Естественно было, что въ первые годы назначенія моего во флигель-адъютанты многіе меня ласкали и старались пріобрѣсти мое знакомство, ибо тогда я во всѣхъ путешествіяхъ сопровождалъ государя, который ко мнѣ былъ особенно милостивъ, но впослѣдствіи, когда фортуна при дворѣ отъ меня отворотилась, то хотя нѣкоторые изъ царедворцевъ тоже перемѣнили со мною обращеніе, но зато меня вознградило обращеніе, исполненное дружбы, многихъ достойныхъ особъ, которыя любили меня и уважали единственно для меня, а не для другихъ какихъ либо видовъ.

Со времени возвращенія моего въ Петербургъ я былъ въ какомъ-то безпокойномъ ожиданіи, потому что слова, сказанныя мнѣ генераломъ Дибичемъ въ Москвѣ, приводили мнѣ часто на мысль, что положеніе мое должно было скоро перемѣниться. Предчувствіе мое сбылось въ непродолжительномъ времени. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ генералъ Дибичъ, который игралъ тогда первую роль при дворѣ, увидя меня во дворцѣ, отвелъ меня въ сторону и началъ мнѣ говорить слѣдующее: «что государь особенно жалуетъ фронтовую службу, что его величеству пріятно будетъ, если я буду служить въ арміи, что мнѣ надобно быть военнымъ генераломъ, а не чернильнымъ» (это собственныя его выраженія), «и провести нѣкоторое время въ полѣ. Если вы возвратитесь впослѣдствіи въ Петербургъ къ какому бы то ни было мѣсту, то вы принесете съ собою совсѣмъ другое имя, нежели бы никогда не выѣзжали изъ столицы, и повѣрьте, что это будетъ пріятно государю. Что же касается до меня лично,—присовокупилъ онъ,—то я, уважая васъ и желая вамъ добра, совѣтую вамъ и прошу васъ послужить нѣкоторое время въ арміи». Поблагодаривъ его за участіе его, я ему отвѣчалъ, что я старался образовать себя такимъ образомъ, чтобы быть полезнымъ и въ полѣ, и въ кабинетѣ, и что не мое дѣло избирать родъ службы. Въ заключеніе я его просилъ мнѣ сказать, отъ своего ли имени онъ мнѣ говорилъ, или отъ лица государева. «Это моя тайна,—отвѣчалъ онъ,—я радъ, что вы соглашаетесь служить въ арміи, впрочемъ вы намъ и здѣсь скоро будете нужны». Сей разговоръ ясно мнѣ доказалъ, что императоръ назначалъ меня для полевой службы, которую я всегда любилъ и въ которой давно желалъ находиться. Слѣдуя правилу, что должно покорствовать судьбѣ, которая во всю мою жизнь мнѣ благодѣтельствовала, я съ покойнымъ духомъ ожидалъ своего новаго назначенія.

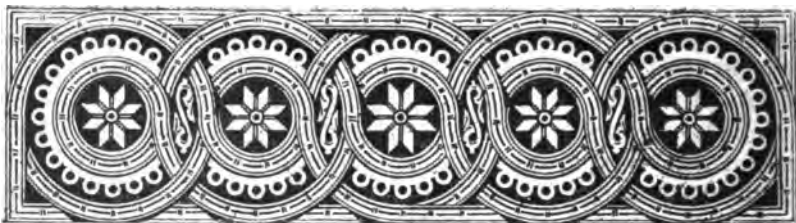
Наступило 12-е декабря, день рожденія императора, въ который обыкновенно бывали производства. Я пріѣхалъ рано по утру во дворецъ, гдѣ меня всѣ поздравляли съ генеральскимъ чиномъ, но я, не имѣя оффиціальнаго извѣщенія, не принималъ сихъ поздравленій. Мы пошли къ разводу, впродолженіе коего я, какъ старшій флигель-адъютантъ, стоялъ подлѣ государя и, догадываясь о моемъ производствѣ, былъ погруженъ въ задумчивость, помышляя, что я въ послѣдній разъ нахожусь столь близко къ Александру. По отданіи пароля, графъ Дибичъ, обнявъ меня, объявилъ о пожалованіи меня генералъ-маіоромъ съ назначеніемъ командиромъ третьей бригады седьмой пѣхотной дивизіи. Первое чувство, возродившееся въ ту минуту въ душѣ моей, было чувство признательности къ покойному отцу моему, совѣтамъ и попеченіямъ коего я былъ обязанъ всѣмъ на свѣтѣ, и что еще въ цвѣтущія лѣта пріобрѣлъ званіе, уважаемое во всѣхъ государствахъ.

Вечеромъ того же дня я поѣхалъ на придворный блестящій балъ, гдѣ, какъ водится, всѣ меня обнимали. Государь два раза подходилъ ко мнѣ съ поздравленіями и присовокупилъ, «что мнѣ должно послужить въ арміи и что, назначая меня командиромъ двухъ отличныхъ полковъ, особенно же 13-го егерскаго, онъ надѣется, что подъ моимъ начальствомъ они дойдутъ еще до большаго совершенства». Передъ окончаніемъ бала его величество подошелъ ко мнѣ въ третій разъ и съ свойственною ему одному улыбкою и неподражаемымъ взглядомъ спросилъ: «доволенъ ли ты чиномъ?»

Первые дни послѣ производства прошли очень весело; ко мнѣ пріѣзжало множество посѣтителей, изъ коихъ большая часть соболѣзновала, что мнѣ надобно будетъ оставить столицу; я вѣрилъ словамъ ихъ, потому что мой домъ былъ довольно пріятенъ, ежедневно нѣсколько особъ у насъ обѣдали и проводили вечера, но я напротивъ радовался, что оставлялъ Петербургъ, потому что мнѣ наскучило единообразіе придворной подлости, которой я былъ столь долгое время свидѣтель. Одно только обстоятельство мнѣ было непріятно, что надлежало проститься со многими отличнѣйшими людьми нашего времени, которые были ко мнѣ расположены истинно подружески.

Такимъ образомъ заключился для меня 1823 годъ и съ нимъ вмѣстѣ моя придворная жизнь.

А. Михайловскій-Данилевскій.



ВОЕННАЯ ГРОЗА [1].

ПОВѢСТЬ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

I.

ВЕЛИКАЯ армія скоро оставила Вильну, направившись въ глубь Россіи, къ Москвѣ. Шумная, оживленная внесеннымъ войсками движеніемъ, Вильна вновь опустѣла и затихла. Обыватели, окончательно успокоившись за свою судьбу, принялись за обычныя занятія. Не только открылись прежнія лавки, но и возникло много другихъ. Изъ отдаленныхъ уѣздовъ Литвы согнали сюда скотъ для продовольствія войска и расположили его на пригородныхъ мызахъ.

Хлѣбъ и всякіе припасы прибывали въ транспортахъ, приходившихъ другъ за другомъ изъ-за границы. Временное правительство наблюдало за повышеніемъ цѣнъ. Французская полиція смѣнила мѣстную и оказалась гораздо болѣе энергичною и опытною въ своемъ дѣлѣ.

Высшее общество сгруппировалось около членовъ дипломатическаго корпуса, лучшимъ представителемъ котораго былъ герцогъ Бассано. Имѣя постоянную переписку съ Наполеономъ и съ Па-

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIX, стр. 75.

рижемъ, герцогъ явился центромъ всѣхъ извѣстій о военныхъ дѣйствіяхъ и весьма любезно сообщалъ о побѣдахъ французовъ польскимъ дамамъ.

Для развлеченія ихъ подъ покровительствомъ герцога устроился кружокъ любителей сценическаго искусства. На домашнемъ театрѣ ставили комедіи «Les femmes des Desmoustiers», «La Beranche», «Les Ricochets». Чтенія, репетиціи давали возможность сановнымъ участникамъ разсѣять скуку и тревогу отъ неизвѣстности.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Наполеона, Бассано получилъ присланный императору портретъ его сына, римскаго короля. Портретъ былъ писанъ Жераромъ и отличался большимъ сходствомъ. Римскій король былъ изображенъ въ полулежачей позѣ, на зеленой бархатной подушкѣ, въ одной прозрачной батистовой рубашечкѣ, спущенной съ плечъ. Дитя забавлялось, держа въ одной ручкѣ скипетръ изъ слоновой кости и облокотившись другой на земной шаръ, возлѣ котораго виднѣлся орденъ почетнаго легіона первой степени.

Бассано показалъ этотъ портретъ польскимъ дамамъ, и онѣ восхищались имъ, украдкой перешептываясь объ игрушкахъ римскаго короля, которымъ пришлось остаться для него только лишь игрушками.

Въ другой разъ герцогъ подъ большимъ секретомъ показалъ дамамъ каррикатуру на Наполеона. Это была раскрашенная гравюра въ восьмую долю листа. Императоръ былъ изображенъ на ней въ профиль, въ своей треугольной шляпѣ. Рисунокъ заключалъ только лишь его бюстъ.

Шляпу императора представлялъ свернувшійся въ клубъ черный орелъ. Выпущенные когти его изображали волосы, какъ бы выбившіеся изъ-подъ шляпы. Глазъ представляла французская кокарда. Лице завоевателя состояло изъ труповъ, брошенныхъ въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ. Красная лента ордена почетнаго легіона, окружавшая шею императора, представляла море крови съ тонущими въ ней кораблями. И, наконецъ, часть плаща, изображеннаго на рисункѣ, была представлена въ видѣ географической карты съ изображеніемъ мѣстъ, гдѣ Наполеонъ давалъ наиболѣе кровопролитныя сраженія.

II.

Пользуясь свободой нравовъ, установленной французами, де-Гріе находилъ возможность часто видѣться съ княжной Казиміpой. Князь Сигизмундъ, узнавъ, что виконтъ принадлежитъ къ богатой дворянской фамиліи, не препятствовалъ сближенію, начавшемуся между молодыми людьми. Ловкій, любезный, элегантный де-Гріе нравился княжнѣ, которая, какъ всѣ польки, особенно цѣнила въ мужчинахъ щеголеватость и предупредительность. Де-Гріе былъ средняго роста, худощавъ. Лице его острое и блѣдное, съ веселыми сѣрыми глазами,

поставленными другъ къ другу нѣсколько ближе, чѣмъ обыкновенно, въ тѣ минуты, когда виконтъ былъ оживленъ, отличалось привлекательностью. Въ другое же время оно поражало сонливостью и брезгливой скукой. Но такимъ княжнѣ Казимірѣ никогда не приходилось его видѣть. Маленькіе каштановые усы виконтъ закручивалъ, какъ истый шляхтичъ, и въ Вильнѣ выучился такъ же лихо, такъ шляхтичъ, носить на бекрень фуражку и побрякивать шпорами.

Явившись однажды къ княжнѣ, онъ предложилъ ей принять участіе въ предполагавшейся прогулкѣ верхомъ. Княжна согласилась. Въ назначенный часъ виконтъ заѣхалъ за ней, и они присоединились къ пышной кавалькадѣ, отправившейся въ Закретъ. Она состояла изъ знатныхъ дамъ и французскихъ офицеровъ. Шталмейстеръ короля саксонскаго, князь Александръ Потоцкій, снабдилъ дамъ лошадьми и ѣхалъ во главѣ кавалькады.

Стоялъ тихій лѣтній вечеръ. Солнце садилось. Красноватые лучи его дробились въ Виліи и, падая на городъ, придавали ему нѣжный колоритъ. Старый закретскій сосновый лѣсъ зеленѣлъ вдали. Скоро миновали предмѣстье и пустились вскачь по дорогѣ.

Прибывъ въ Закретъ, общество нашло здѣсь лишь развалины. Померанцевыя деревья были опрокинуты и поломаны. Съ утонченнымъ вкусомъ меблированныя постройки были совершенно опустошены. Обширныя, наполненныя тропическими растеніями оранжереи были разрушены. Солдаты, мародеры и городскіе обыватели расхитили и растащили все. Тамъ, гдѣ красовались розы, благоухали спѣлые ананасы, теперь виднѣлись репейникъ и крапива. Высохшій каскадъ безмолвствовалъ и унылая тишина царствовала кругомъ...

Дамы въѣхали верхомъ на помостъ, на которомъ многія изъ нихъ танцовали на послѣднемъ балу. Кавалеры предложили имъ спѣшиться и пройтись по опустошеннымъ комнатамъ. Пробѣгая по длиннымъ корридорамъ и переходамъ стариннаго зданія, молодежь наткнулась на бюстъ Бенигсена, валявшійся на полу безъ головы. И все въ залахъ было перебито и уничтожено.

Когда выѣхали изъ Закрета, де-Гріе и княжна Казиміра отстали. Дорога шла лѣсомъ. Старыя высокія сосны покоились въ тишинѣ. Ихъ молчаніе навѣвало грезы. И кругомъ все было такъ безмятежно. Все дышало глубокимъ миромъ, успокоительно дѣйствовавшимъ на душу.

Княжна Казиміра задумалась. Де-Гріе ласково и нѣжно спросилъ ее:

— О чемъ мечтаете вы? Какъ будто вамъ грустно.

— Нѣтъ, я такъ. Мнѣ давно хотѣлось поговорить съ вами... Тамъ, дома, всегда мѣшаютъ... Какой чудесный лѣсъ. Мы, кажется, очень отстали.

— Ничего. Мы легко можемъ ихъ догнать.

— Виконтъ, у меня есть женихъ,—вдругъ проговорила княжна.

— Въ самомъ дѣлѣ?—мѣняясь въ лицѣ, пробормоталъ де-Гріе. Досада и огорченіе послышались въ его голосѣ. Казиміра ему очень нравилась.

— Онъ уѣхалъ въ армію и теперь сражается подъ Москвой,—продолжала она.

— Вы обручены, дали ему слово?

— Нѣтъ, я не давала слова.

Лице виконта просвѣтлѣло.

— Такъ почему же вы называете его женихомъ?

— Папа хочетъ этого брака.

Наступило молчаніе. Виконтъ задумчиво расправлялъ рукой гриву своего золотистаго коня, сдерживая его и заставляя идти рядомъ съ бѣлымъ иноходцемъ княжны.

— Война еще не кончена,—какъ бы про себя уронилъ онъ.

— Виконтъ!—съ упрекомъ сказала Казиміра.

Онъ понялъ, что его замѣчаніе слишкомъ эгоистично и грубо, и вспыхнулъ. Но ему захотѣлось оправдаться, и онъ отвѣтилъ:

— Это можетъ относиться какъ къ нему, такъ и ко всякому другому, находящемуся на императорской службѣ.

Эту маленькую размолвку прервало появленіе длинной крестьянской фуры, запряженной парой мохнатыхъ, толстоногихъ лошадей. Небольшой тучный еврей, державшій вожжи, со страхомъ смотрѣлъ на всадниковъ. Рядомъ съ нимъ виднѣлась закутанная женская фигура. Фура ѣхала по проселочному пути, пересѣкавшему здѣсь въ лѣсу большую дорогу.

— Коленда,—проговорилъ де-Гріе, узнавъ еврея, у котораго ему пришлось раза два размѣнять крупную сумму: — куда это ты собрался?

И, говоря это, онъ съ любопытствомъ поглядѣлъ на его закутанную спутницу.

— Времена нынче, ваше сіятельство, тяжелыя,—произнесъ неохотно, но нѣсколько ободрившись, жидъ:—въ городѣ много военныхъ людей. Они привыкли обижать мирныхъ гражданъ.

— Вотъ какъ. Тебя что-ль ограбили?

— Ай, нѣтъ, только зачѣмъ же оставаться, если нельзя торговать.

— Кто это съ тобой?—продолжалъ де-Гріе и, замѣтивъ нетерпѣніе, отразившееся на лицѣ княжны, тронулъ лошадь.

— Это дочь моя, Эстеръ,—пробормоталъ еврей:—мы ѣдемъ къ роднымъ въ деревню.

Но виконтъ, не дослушавъ, поскакалъ за Казиміpой, помчавшейся за скрывшейся за поворотомъ кавалькадой.

Еврей вздохнулъ, опасливо оглядѣлся по сторонамъ и стегнулъ своихъ клячъ.

III.

Лѣто скоро промелькнуло. Въ сентябрѣ разнеслась въ Вильнѣ вѣсть о «битвѣ подъ Можайскомъ». Побѣда Наполеона была пышно отпразднована. Вскорѣ послѣ того Бассано получилъ извѣстіе о взятіи Москвы. Затѣмъ пришли письма о пожарѣ, уничтожившемъ эту столицу. Слухи и толки о дальнѣйшихъ успѣхахъ Наполеона принимали сказочные размѣры. Вся Вильна съ тревогой и недоумѣніемъ ждала, что будетъ дальше. Но затѣмъ наступило затишье. Всѣ вѣсти, доходившія изъ главной квартиры, тщательно скрывались. День шелъ за днемъ, и обыватели стали вновь успокоиваться.

Между тѣмъ погода круто измѣнилась. Тихая прекрасная осень особенно долго стояла въ этомъ году. Но вотъ подулъ сѣверовосточный вѣтеръ, начались морозы, повалилъ снѣгъ, и сразу стала зима.

Наконецъ, всякое сообщеніе съ главной арміей было прервано. Во многихъ мѣстахъ, въ тылу ея, появились казачьи отряды. Тревожные, смутные слухи вновь проникли въ городъ.

Супруга маршала Удино, герцогиня де-Реджіо, пріѣхала въ Вильну, чтобы ухаживать за привезеннымъ туда своимъ раненнымъ мужемъ. Одной изъ польскихъ дамъ, у которой братья были въ великой арміи, она сказала:

— Ваше горе еще впереди. Мы разбиты.

Изъ знатныхъ поляковъ первымъ, прибывшимъ изъ дѣйствующей арміи, былъ графъ Михайло Бжостовскій. Онъ оставилъ Наполеона въ Смоленскѣ и не могъ проѣхать черезъ Минскъ, который былъ уже занятъ русскими. Онъ разсказывалъ неслыханныя вещи о великой арміи, обратившейся, по его словамъ, въ безпорядочную толпу лагернаго сброда.

— Это что-то невыразимое, въ родѣ карнавала въ Венеціи. Отъ арміи не осталось и слѣда,—говорилъ онъ.

Герцогъ Бассано попросилъ его сократить эти разсказы. Но это не помогло, потому что мало-по-малу офицеры и шляхтичи стали прибывать въ Вильну. Ихъ жалкій видъ, рваная одежда, изможденныя лица возбуждали состраданіе и невольную тревогу объ участи города. Но полиція принимала всѣ мѣры, чтобы скрыть печальную истину. Раненыхъ помѣщали въ Закретѣ, гдѣ устроили временный госпиталь. Всѣ частныя письма и сообщенія изъ арміи задерживались.

Однако наиболѣе предусмотрительные изъ передавшихся французамъ литовскихъ и польскихъ магнатовъ начали мало-по-малу уѣзжать изъ города. Большая часть направлялась въ Варшаву и Краковъ. Прощаясь, они спрашивали другъ друга: «гдѣ и какъ мы увидимся?»

Участь Польши снова стала казаться имъ сомнительной. Сколько крови они безплодно пролили, и сколько предстояло, быть можетъ, еще пролить.

Старый графъ Тизенгаузъ пріютилъ у себя нѣсколько французскихъ офицеровъ. Между ними находился генералъ Жюмильякъ, зять герцога Ришелье. Несчастья и лишенья разстроили старика.

Садясь обѣдать, онъ часто спрашивалъ:

— Неужели вы не ощущаете счастья сидѣть и ѣсть за столомъ?

Показывая свои руки, онъ говорилъ:

— Онѣ у меня чисты, но только почернѣли отъ бивачнаго огня.

И въ самомъ дѣлѣ онѣ были черны, какъ у трубочиста.

Императоръ Александръ впослѣдствіи говорилъ, что это происходило отъ неумѣнія французовъ грѣться у огня.

— Мои солдаты также сидѣли у костровъ, однако они не чернили себѣ рукъ, какъ французы,—объяснялъ онъ.

Вновь сгущались тучи, и надвигалась военная гроза. Но только наверху было движеніе и безпокойство. Внизу жизнь пока шла своимъ чередомъ, и мало кто думалъ о томъ, что предстоитъ впереди.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

I.

Сводя однажды вечеромъ счеты по книгамъ, Засыпкинъ былъ удивленъ появленіемъ незнакомаго ему еврея. Тотъ остановился посреди комнаты. Волненіе виднѣлось въ его лицѣ. Онъ торопливо сорвалъ съ себя подвязанную бороду, скинулъ долгополый жидовскій кафтанъ и воскликнулъ:

— Ваня, иль не узнаешь меня?

Засыпкинъ вскочилъ съ мѣста. Передъ нимъ находился Колесниковъ. Они отъ души обняли другъ друга и разцѣловались. Засыпкинъ приказалъ подать самоваръ, и когда товарищъ его нѣсколько отдохнулъ и оправился, то сталъ разспрашивать его, какъ онъ попалъ сюда изъ Вязьмы.

— Погоди, другъ,—отвѣтилъ Колесниковъ:—все разскажу, а вотъ, покамѣстъ, на тебѣ письмо отъ хозяина.

Съ этими словами онъ досталъ изъ-за пазухи платокъ, развернулъ его и вынулъ сложенную бумагу. Засыпкинъ бережно принялъ ее, перекрестился на икону, поцѣловалъ письмо и принялся за чтеніе.

«Дорогой другъ Ваня, пишу къ тебѣ это письмо, не зная, дойдетъ ли оно благополучно, хотя Григорій взялся его доставить жи-

вымъ или мертвымъ. Доношу тебѣ, что проклятые варвары догнали меня и въ Вязьмѣ, откуда я по постигшей меня болѣзни не могъ двинуться дальше, въ Калугу, какъ предполагалъ. Слава Богу, нашъ Кутузовъ гонитъ ихъ обратно изъ Москвы. Весь народъ поднялся, теперь не сдобровать супостатамъ. Крѣпись только, другъ Ваня, а Богъ дастъ—скоро увидимся. Объ имуществѣ моемъ не безпокойся. Если и разграбили его злодѣи, лишь бы ты былъ живъ и здоровъ, а то все дѣло наживное. Если Гриша прибудетъ, задержи его до моего пріѣзда, а пока не падай духомъ и вѣрь въ благость Божью и въ силу его помазанника, нашего батюшки царя.

«Цѣлую тебя сердечно. Твой преданный Тихонъ Зайцевъ».

— Ну, слава Богу, живъ и здоровъ, а я не зналъ здѣсь, что и думать,—сказалъ Засыпкинъ, складывая письмо и отирая навернувшіяся слезы.—Теперь о себѣ повѣдай, другъ Гриша. Чай, не легко было тебѣ въ дорогѣ? Всего, пожалуй, натерпѣлся: и голоду, и холоду?

— Что голодъ,—отвѣтилъ Колесниковъ, махнувъ рукой:—не знаю, какъ голова на плечахъ уцѣлѣла. Да Господь, вишь, по грѣхамъ терпитъ. Изволь, разскажу все, какъ было.

Онъ на минуту задумался и началъ:

— Получивъ письмо отъ хозяина, я переодѣлся евреемъ, чтобы безопаснѣе было идти мимо французовъ, и чуть стало свѣтать, пустился въ путь. Пошелъ я на Смоленскъ, Оршу, Витебскъ и другіе города, которыхъ и не помню. Сначала нѣсколько дней путешествіе мое было благополучно. На постоялыхъ дворахъ принимали меня за еврея и не обращали на меня вниманія. Приходилось мнѣ встрѣчать и отряды французовъ, но они меня не трогали. Такъ ушелъ я далеко.

Однажды иду себѣ, покуривая трубку и посматривая по сторонамъ. Вдругъ изъ кустовъ выскакиваютъ человѣкъ десять мародеровъ и хватаютъ меня. Вздохнулъ я къ Богу. Думаю, вотъ сейчасъ мнѣ и конецъ, но мародеры выпустили меня и насторожились. Послышался конскій топотъ. Изъ лѣсу выѣхало нѣсколько казаковъ. Увидѣвъ мародеровъ, казаки устремились на нихъ и, не давая пардону, положили всѣхъ на мѣстѣ. А я стоялъ на дорогѣ ни живъ, ни мертвъ.

— Ты откуда, жидъ?—спросилъ меня урядникъ и схватилъ за бороду.

Она осталась у него въ рукахъ.

— А, вотъ что! Ты шпіонъ! Ребята, на сукъ его!

— Православные христіане, что вы дѣлаете, побойтесь Бога!—прохрипѣлъ я на силу отъ душившей меня петли и распахнулъ одежду на груди:—смотрите, видите на мнѣ святой крестъ! Могу ли я быть жидомъ!

Казаки стали втупикъ и съ удивленіемъ поглядывали на меня. Урядникъ развелъ руками.

— Такъ кто же ты: дьяволъ или переодѣтый французъ?

— Ни то, ни другое, а просто настоящій русскій человѣкъ. Иду изъ Вязьмы, по приказу хозяина,— отвѣтилъ я и ободрился. Но дѣло опять приняло худой оборотъ.

— Нѣтъ, братъ, не проведешь. Мало ли васъ всякаго сброду шляется теперь по дорогамъ. Отвести его къ полковнику. Онъ разберетъ,— рѣшилъ урядникъ и, отрядивъ двухъ дюжихъ казаковъ, отправилъ меня съ ними.

На покрытой мягкимъ пушистымъ снѣгомъ полянѣ, неподалеку, въ густомъ бору, стоялъ на привалѣ партизанскій отрядъ полковника Давыдова. Гусары его, Ахтырскаго полка, сидѣли у котловъ, отъ которыхъ валилъ паръ.

Поодоль отъ нихъ находился полковникъ. Закутавшись въ длинную черкесскую бурку, онъ сидѣлъ на маленькомъ казацкомъ конѣ и очищалъ пальцами отъ изморози свои густые усы.

Любуясь этой лѣсной картиной, я совсѣмъ позабылъ про свое собачье положеніе, съ веревкой на шеѣ, и только суровый голосъ полковника напомнилъ мнѣ, гдѣ я.

— Ты кто такой?—спросилъ онъ, зорко всматриваясь мнѣ въ лице.

— Русскій, вяземскій мѣщанинъ,— отвѣтилъ я, смущаясь отъ его взора.

— Измѣнникъ, шпіонъ?

— Никакъ нѣтъ. Хозяинъ меня послалъ,— сказалъ я оробѣвъ и подалъ данное мнѣ письмо.

Полковникъ пробѣжалъ его глазами и улыбнулся. Затѣмъ тоже съ улыбкой онъ бросилъ взглядъ на мою еврейскую одежду и на фальшивую бороду, которую одинъ изъ сопровождавшихъ меня казаковъ прицѣпилъ къ лукѣ сѣдла.

— Иди съ Богомъ,— промолвилъ онъ, отдавая мнѣ назадъ письмо:—скажи товарищу своему въ Вильнѣ, что все, написанное въ этомъ письмѣ про нашихъ враговъ, сущая правда. Эй, дайте ему бутылку вина,—прибавилъ милостиво полковникъ, обращаясь къ своимъ людямъ:—ему пригодится въ дорогѣ.

Поблагодаривъ отъ души полковника, я подвязалъ опять бороду и пустился въ дальнѣйшій путь. Только теперь я больше шелъ по ночамъ, избѣгая опасныхъ встрѣчъ. Черезъ нѣсколько дней я, какъ видишь, благополучно добраться до Вильны. Отрапортовавъ тебѣ о своемъ путешествіи, скажу, другъ Ваня, что хочу уснуть. Сильно я истомился въ дорогѣ и теперь едва сижу.

Постель Колесникову была уже приготовлена. Онъ простился съ Засыпкинымъ и завалился спать.

Разставшись къ Колесниковымъ, Засыпкинъ сидѣлъ, предавшись думамъ. Онъ вспоминалъ о Зайцевѣ, о Вязьмѣ и своихъ родныхъ. Было уже за полночь.

Въ дверь къ нему тихо постучали.

— Кто тутъ?—спросилъ удивленный Засыпкинъ. Вошелъ виконтъ де-Гріе. Въ лицѣ его и движеніяхъ видно было замѣшательство.

— Извините меня, господинъ Засыпкинъ, — произнесъ онъ:— что я въ такую позднюю пору вздумалъ утруждать васъ: завтра, чуть свѣтъ, надо мнѣ ѣхать по важному дѣлу за городъ. Морозъ все усиливается. Не можете ли вы достать мнѣ гдѣ нибудь теплую шубу: моя слишкомъ легка.

— Постараюсь, но за успѣхъ не отвѣчаю. Дѣло въ томъ, что всѣ шубы, какъ и прочая теплая одежда, отобраны у жителей для вашего же гарнизона.

— Знаю, но всетаки...

— Какъ же быть? Ахъ, я и забылъ. Вотъ, если не побрезгаете, моя шуба къ вашимъ услугамъ. Не взыщите, что отдаетъ немножко русскимъ духомъ, то-есть, медвѣдемъ,— сказалъ шутя Засыпкинъ.

Съ этими словами онъ всталъ и снялъ съ гвоздя отличную пушистую медвѣжью шубу, оставленную ему Зайцевымъ.

Виконтъ, покраснѣвъ, взялъ ее, поблагодарилъ Засыпкина и, пожавъ ему руку, ушелъ къ себѣ.

Еще не свѣтало, какъ скрипъ полозьевъ на дворѣ разбудилъ чутко спавшаго Засыпкина. Выглянувъ изъ окна, онъ увидѣлъ своего квартиранта. Закутавшись до головы въ медвѣжью шубу, онъ усаживался въ сани, запряженныя парой турецкихъ лошадей, когда-то рѣзвыхъ и горячихъ, а теперь исхудалыхъ и вялыхъ. И виконтъ уѣхалъ, не сказавъ никому, куда и зачѣмъ онъ ѣдетъ.

II.

Наполеонъ, увидѣвъ, что у него нѣтъ арміи, рѣшился отправиться въ Парижъ. Прибывъ 23-го ноября въ Сморгоны, онъ призвалъ Мюрата, вице-короля, Бертье и всѣхъ маршаловъ. Онъ объявилъ имъ, что уѣзжаетъ изъ арміи, и поручилъ начальство надъ ней Мюрату.

— Оставляю васъ,—сказалъ онъ:—чтобы привести триста тысячъ солдатъ. Надо собрать средства для второй кампаніи, потому что въ первый разъ война не кончилась одной кампаніей.

Затѣмъ, излагая ходъ военныхъ дѣйствій, Наполеонъ доказывалъ, что причинами неудачи похода были пожаръ Москвы, чрезвычайная стужа, происки, ошибки и, быть можетъ, измѣна.

Въ тотъ же день Наполеонъ далъ Мюрату инструкцію, въ которой предписывалъ ему собрать армію въ Вильнѣ, а въ случаѣ невозможности оставаться тамъ отступить за Нѣманъ, а правому крылу прикрыть Варшаву. Дипломатическому корпусу приказано было переѣхать изъ Вильны въ Варшаву, куда велѣно было отправить и военную казну. Объ отъѣздѣ же императора въ Парижъ было предписано объявить не прежде, какъ черезъ пять, шесть дней.

Наполеонъ отправился изъ Сморгонъ въ полночь 23-го ноября, при двадцатиградусномъ морозѣ. Онъ ѣхалъ въ каретѣ, поставленной на полозья. Съ нимъ сидѣлъ Коленкуръ. На козлахъ помѣстились капитанъ гвардейскихъ уланъ Вонсовичъ и извѣстный мамелюкъ Рустанъ. Въ саняхъ за каретой ѣхалъ оберъ-гофмаршалъ Дюрокъ и генералъ-адъютантъ Мутонъ. Конвой состоялъ изъ небольшихъ кавалерійскихъ отрядовъ, смѣнявшихся на каждой станціи.

На пути въ Ошмяны, занятыя дивизіей Луазона, только что прибывшей изъ Вильны, Наполеонъ проѣхалъ близь биваковъ партизана Сеславина, а по прибытіи въ Ошмяны подвергался опасности отъ войскъ Луазона, состоявшихъ изъ итальянцевъ и нѣмцевъ. Дивизія его, выступивъ изъ Вильны въ числѣ десяти тысячъ, потеряла дорогой отъ морозовъ и лишеній семь тысячъ. Озлобленные солдаты и офицеры тосканскаго полка сговорились арестовать Наполеона и передаться русскимъ. Но поспѣшный отъѣздъ императора помѣшалъ осуществленію ихъ замысла.

Въ Мѣдникахъ встрѣтилъ Наполеона французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Марè. Наполеонъ, посадивъ его въ свою карету, бесѣдовалъ съ нимъ о положеніи дѣлъ и приписывалъ неудачу похода нерадѣнію интендантства. Тогда Маре въ отвѣтъ на этотъ упрекъ представилъ вѣдомость о состояніи продовольственныхъ магазиновъ въ Вильнѣ, которые содержали сорокодневный запасъ провіанта на сто тысячъ человѣкъ, кромѣ хлѣба, ожидаемаго изъ Жмуди. Маре сказалъ, что, сверхъ того, въ городѣ и въ окрестностяхъ его собраны большія стада рогатаго скота и значительные запасы оружія, одежды и обуви. Наполеонъ, очень обрадованный этими свѣдѣніями, поручилъ министру передать Мюрату, чтобы онъ держался въ Вильнѣ по крайней мѣрѣ недѣлю.

Утромъ 24-го ноября, подъѣзжая къ Вильнѣ, Наполеонъ приказалъ миновать городъ предмѣстьями и остановился близь Ковенской заставы, лишь для того, чтобы перемѣнить лошадей. Изъ Вильны выѣхали встрѣтить его герцогъ Бассано, графъ Гогендорнъ, графъ Дарю и нѣсколько адъютантовъ, въ числѣ которыхъ былъ де-Гріе.

Когда они выѣхали на Погулянку, то увидѣли нѣсколькихъ всадниковъ, сани и карету около пустаго дома. Кучера поспѣшно впрягали свѣжихъ лошадей.

Путешественники, съ ногъ до головы закутанные въ лисьи шубы, съ мѣховыми, глубоко надвинутыми на голову, шапками, не покидая своихъ мѣстъ, хранили молчаніе. Ихъ серьезныя лица имѣли озабоченное выраженіе.

По измученнымъ, наполовину загнаннымъ почтовымъ лошадямъ, которыя шатались отъ усталости, и той поспѣшности, съ какой солдаты помогали конюхамъ, можно было судить, что путешественники весьма торопились.

Это былъ Наполеонъ и его свита.

Закрывшись бобровымъ воротникомъ, чтобы не быть узнаннымъ, императоръ равнодушно глядѣлъ на покрытую снѣгомъ улицу. Блѣдно-желтое лице его напоминало мраморное изваяніе.

Увидѣвъ герцога Бассано и его спутниковъ, императоръ сдѣлалъ ему знакъ приблизиться и вступилъ съ нимъ въ непродолжительный разговоръ.

— Ну, до свиданья, герцогъ,—заключилъ императоръ.

Мамелюкъ его вскочилъ на козлы, и карета помчалась по дорогѣ къ Ковно. Тамъ Наполеонъ переѣхалъ, на разсвѣтѣ 26-го ноября, русскую границу, а черезъ два дня прибылъ въ Варшаву.

Остановившись въ Англійской гостинницѣ, онъ пригласилъ къ себѣ резидента своего Прадта и нѣсколькихъ сановниковъ.

— Вы удивляетесь,—сказалъ онъ имъ:—видя меня здѣсь. Но я былъ не въ силахъ воевать со стихіями. Я потерялъ всю кавалерію, почти всю артиллерію и всѣ обозы. Въ двѣ ночи пало три тысячи лошадей. Я убѣдился, что французы еще могутъ воевать при морозѣ въ семь градусовъ, но нѣмцы не переносятъ болѣе пяти. Меня будетъ судить потомство. Я сдѣлалъ промахъ, оставшись двѣ лишнихъ недѣли въ Москвѣ. Меня провели, увѣряя, что бояре примутъ мою сторону, и что крестьяне передадутся мнѣ, чтобы выйти изъ рабства. Все это вздоръ! Я нашелъ поселянъ вѣрными государю, а дворянство всецѣло преданнымъ правительству. Русскіе—это дикій суевѣрный народъ, изъ котораго ничего нельзя дѣлать. А въ казакахъ сидитъ самъ чортъ... Я поручилъ армію королю неаполитанскому и теперь ѣду въ Парижъ, чтобы приготовиться къ другой кампаніи.

Отдохнувъ нѣсколько часовъ, императоръ продолжалъ свой путь на Дрезденъ и Майнцъ и прибылъ въ Парижъ 7-го декабря.

III.

Между тѣмъ, бѣгущіе остатки французскихъ войскъ добрались до Вильны. Исхудалыя, изможденныя голодомъ, съ отмороженными руками и ногами, покрытыя рубищами, лохмотьями, женскими юбками, окутанныя тряпками, бродили по улицамъ странныя че-

ловѣческія фигуры, залѣзая въ дома и сваливаясь подъ заборы. Проклятія и стоны наполняли воздухъ, мѣшаясь съ воемъ жирныхъ алчныхъ собакъ, пожиравшихъ трупы. Похожія на скелеты лошади медленно влачили обледенѣлые зеленые фургоны, облѣпленные человѣческими существами въ пестрыхъ грязныхъ лоскутахъ.

Засыпкинъ не открывалъ ни воротъ дома, ни дверей магазина въ это страшное время. Однажды, сидя у окна, онъ замѣтилъ женщину, судорожно уцѣпившуюся за край фургона. Падая отъ изнеможенія, она умоляла спасти ея ребенка, прильнувшаго къ ея обнаженной груди. Но нѣмецкіе солдаты оторвали ее отъ фургона. Она упала съ болѣзненнымъ воплемъ.

Тронутый Засыпкинъ позвалъ Колесникова, и оба они перенесли несчастную въ теплую комнату, успокоили и накормили ее.

Француженка сказала имъ, что она жена офицера по фамиліи Леслинъ. При переправѣ черезъ Березину онъ пропалъ, и съ тѣхъ поръ она больше не видала его.

— Боже мой!—восклицала она, обливаясь слезами: — живъ ли онъ?

И она проклинала Наполеона, навлекшаго на всѣхъ столько несчастій.

Засыпкинъ и Колесниковъ, какъ могли, утѣшали ее.

— Не убивайтесь, сударыня. Господь милостивъ. Будетъ Его воля, вашъ супругъ вернется къ вамъ.

Француженка не знала, какъ благодарить ихъ. Особенно она была имъ признательна за попеченія о ея сынѣ. Черноглазый, красивый мальчуганъ съ перваго взгляда полюбился приказчикамъ, и они забавляли его.

Между тѣмъ, Засыпкинъ отправился къ виконту де-Гріе, который собрался уѣзжать. Войдя въ его помѣщеніе, Засыпкинъ увидѣлъ, что все уже тамъ уложено и упаковано. Виконтъ дружески обратился къ нему:

— Вы, конечно, уже знаете про наши неудачи. Я сегодня уѣзжаю за границу. Не можете ли вы оказать мнѣ небольшую услугу. Уступите мнѣ вашу шубу за цѣну, какую назначите.

— Берите, господинъ виконтъ, но денегъ я съ васъ не возьму. Вы спасли мнѣ жизнь, покровительствовали все время. Пусть моя шуба напомнитъ вамъ когда нибудь обо мнѣ.

Виконтъ былъ тронутъ.

— Позвольте вамъ оставить хоть этотъ перстень,—сказалъ онъ и подалъ Засыпкину кольцо съ бриллiантами.

Тотъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ принялъ неожиданный подарокъ, отъ котораго не могъ изъ учтивости отказаться. Виконтъ крѣпко пожалъ ему руку. Вещи вынесли, и де-Гріе уѣхалъ.

Вернувшись на свою половину, Засыпкинъ вновь предался заботамъ о спасенной женщинѣ и ея ребенкѣ.

— Не горюйте, сударыня,—говорилъ онъ ей:—скоро принесутъ вамъ новую одежду, вы поправитесь, а тамъ, можетъ быть, и супругъ вашъ найдется. Я послалъ уже двухъ евреевъ разыскивать его по больницамъ.

Поручивъ ее Григорію, Засыпкинъ вечеромъ отправился въ Святодуховъ монастырь. Здѣсь онъ разсказалъ настоятелю объ отъѣздѣ своего постояльца, о спасеніи француженки съ ребенкомъ и, наконецъ, вынувъ драгоцѣнный перстень, произнесъ:

— А теперь, батюшка, позвольте отдать вамъ этотъ вражескій подарокъ. Все время онъ мучилъ меня и не давалъ покою. Я жертвую его на церковь. Отслужите лишь панихиду по всѣмъ убіеннымъ.

IV.

Виконтъ де-Гріе, подъѣхавъ къ дому князя Сигизмунда, торопливо вышелъ изъ саней. Войдя въ комнаты, онъ замѣтилъ тамъ чрезвычайный безпорядокъ: картонки, ящики валялись на полу. Дорожные сундуки, увязанные веревками, узлы, раскиданная одежда—все краснорѣчиво свидѣтельствовало о поспѣшныхъ сборахъ въ дорогу.

Княжна Казиміра вышла въ изящномъ дорожномъ костюмѣ. Она покраснѣла при видѣ де-Гріе и протянула ему обѣ руки.

— Вотъ вы уже готовы, а мы не совсѣмъ,—сказала она.

— Ну, какъ не совсѣмъ,—проговорилъ князь Сигизмундъ, появляясь изъ сосѣдней комнаты.—Эй, люди, берите вещи, и чтобъ лошади живо были поданы!

Но вещи уже таскали на дворъ и нагружали ими сани. Выѣздной гайдукъ неподвижно держалъ въ прихожей соболій кафтанъ и чернаго медвѣдя шубу князя, готовясь по первому знаку подать ихъ.

Въ это время дверь распахнулась, и на порогѣ показался изможденный человѣкъ. Разорванный синій французскій мундиръ съ офицерскими погонами, бѣлыя запятненныя лосины, заправленныя въ истрескавшіеся ботфорты, сабля съ помятыми ножнами, волочившаяся по полу, придавали ему не воинственный, а маскарадный видъ.

— Вамъ что угодно?—сухо спросилъ князь Сигизмундъ, которому уже успѣла надоѣсть всякая благотворительность.—Панъ Бугъ, да никакъ это графъ Гюнтеръ!—воскликнулъ князь съ живостью.

Княжна Казиміра поблѣднѣла, но тотчасъ оправилась.

— Да, это дѣйствительно я,—проговорилъ, силясь улыбнуться, графъ Гюнтеръ:—кажется, обстоятельства перемѣнились. Но какъ

я радъ, князь, что вижу васъ и княжну въ полномъ здравіи. Послѣ этой ужасной Березины я пришелъ совсѣмъ въ отчаянье и думалъ, что насталъ конецъ всему свѣту. Мой полкъ истребленъ. Не знаю самъ, какъ я спасся. Но что это? Вы собираетесь уѣзжать?

— Да, графъ, — дѣловымъ тономъ проговорилъ князь Сигизмундъ, давая отчасти почувствовать, что всякія иныя отношенія теперь излишни.

Графъ Гюнтеръ понялъ это. Онъ съ мольбой взглянулъ на княжну и проговорилъ въ тоскѣ:

— И я какъ бы хотѣлъ уѣхать.

Никто не отвѣтилъ. Никто не предложилъ ему сѣсть. Онъ стоялъ какъ чужой предъ своей невѣстой. Лишенія и неудачи сломили его духъ. Онъ казался жалкимъ и робкимъ.

Князь Сигизмундъ взглянулъ на княжну, и она удалилась въ сопровожденіи виконта.

— Два слова, графъ Гюнтеръ,—сказалъ онъ:—это правда, мы сейчасъ ѣдемъ. Въ городѣ оставаться небезопасно. Но прежде чѣмъ уѣхать, я хочу кончить съ вами объ одномъ дѣлѣ. Помните, мы когда-то имѣли въ виду извѣстный планъ. Никто не предвидѣлъ того, что случилось. Надежды на Наполеона рушились. Несчастная наша Польша долго еще не будетъ возстановлена. Слишкомъ горько оставаться въ ней всякому истинному патріоту. Поэтому я уѣзжаю въ Парижъ. Графъ, я радъ былъ породниться съ вами. Но что дѣлать: судьба, видно, противъ насъ.

Гюнтеръ стоялъ какъ убитый. Онъ, какъ вошелъ сюда, уже понялъ, чего надо ждать ему. Но онъ захотѣлъ сдѣлать еще послѣднюю попытку.

— Но вѣдь я также могу уѣхать.

— Можете?—быстро перебилъ князь Сигизмундъ:—это мѣняетъ дѣло.

Лице графа Гюнтера озарилось надеждой.

— Конечно, я уѣду. Мнѣ тоже тутъ нечего дѣлать. Я имѣю чинъ полковника кавалеріи. Мои заслуги помнятъ. Меня не забудутъ въ Парижѣ.

— А ваши помѣстья, графъ?

— О, что за дѣло до нихъ! Они опустошены и, конечно, будутъ конфискованы [1]). Но я проживу и такъ. Мнѣ дадутъ жалованье...

— Жалованье, — проговорилъ ледянымъ тономъ князь Сигизмундъ:—но развѣ на это можно жить?

Гюнтеръ выпрямился.

— Но вѣдь ваши имѣнья, князь, развѣ они тоже не будутъ отобраны?

---

[1]) Помѣстья были возвращены всѣмъ полякамъ безъ различія императоромъ Александромъ по изгнаніи французовъ. Авт.

Сигизмундъ медленно улыбнулся.

— У меня нѣтъ имѣній. Я давно реализировалъ ихъ, и деньги перевелъ за границу. Признаюсь, я думалъ, что и вы это сдѣлаете, но, какъ видно, вы черезчуръ увлеклись военной славой и упустили изъ виду домашнія дѣла.

Графъ Гюнтеръ зашатался. Теперь онъ понялъ все. Бѣглецъ, нищій—развѣ онъ пара дочери гордаго магната. Передъ его глазами мелькнулъ пожаръ Москвы, грабежи, золото въ ручьяхъ крови...

— Но у меня опять будутъ деньги!—хриплымъ голосомъ воскликнулъ онъ въ безумной надеждѣ.

— Я тороплюсь, графъ, — отвѣтилъ князь Сигизмундъ и, вѣжливо поклонившись, ушелъ во внутренніе покои.

Графъ Гюнтеръ нетвердыми шагами направился къ выходу. Увидѣвъ знакомое лицо выѣзднаго гайдука, онъ машинально спросилъ:

— Гдѣ теперь панъ Бжостовскій?

— Въ прошломъ мѣсяцѣ еще изволили выбыть за границу,— почтительно отвѣтилъ служитель.

Гюнтеръ съ трудомъ влѣзъ на сѣдло и уѣхалъ.

Появленіе его привело князя Сигизмунда въ самое дурное расположеніе духа. Гнѣвно крича на слугъ, онъ приказалъ ускорить сборы въ путь. Княжна тоже была недовольна. По ея мнѣнію, графъ Гюнтеръ сдѣлалъ то, что въ свѣтѣ называется безтактностью.

Уже стемнѣло, когда они выѣхали по направленію къ Ковно.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

I.

За недѣлю до прибытія русскихъ войскъ Вильна торжествовала побѣду, будто бы одержанную Наполеономъ надъ Чичаговымъ при Березинѣ, побѣду надъ графомъ Витгенштейномъ и взятіе крѣпости Риги. Радость была общая. Городъ былъ разцвѣченъ флагами, и вечеромъ зажжена была иллюминація. Строгая французская полиція не допускала никакихъ другихъ извѣстій, кромѣ тѣхъ, которыя были выгодны для правительства.

Наполеонъ, предупредивъ всѣ толки, проѣхалъ прежде, чѣмъ заговорили о немъ. Внезапное появленіе и исчезновеніе его такъ поразило всѣхъ, что въ городѣ не хотѣли вѣрить, что онъ дѣйствительно проѣхалъ.

Въ двадцатыхъ числахъ ноября, черезъ нѣсколько дней послѣ переправы черезъ Березину, начались морозы, доходившіе до трид-

цати градусовъ. Оружіе сдѣлалось тяжкимъ бременемъ для изнуренныхъ голодомъ, полузамерзшихъ солдатъ. Всѣ части войскъ смѣшались въ безпорядочную толпу, въ которой нельзя было отличить солдатъ отъ офицеровъ. Вереницы нищихъ съ отмороженными лицами и руками, окутанныя грязными рубищами, едва тащили ноги, обмотанныя одѣялами, мѣхами и чѣмъ попало. Золото и серебро потеряли всякую цѣну въ глазахъ несчастныхъ. Воины испытанной храбрости сдѣлались малодушными. Никто не думалъ о сопротивленіи. Всѣ искали спасенія въ бѣгствѣ и не могли бѣжать отъ истощенія силъ. Въ этихъ людяхъ, обреченныхъ на гибель, исчезло все человѣческое. Каждый изъ нихъ готовъ былъ убить одинъ другаго за кусокъ хлѣба. Многіе зажигали дома только для того, чтобы погрѣться.

Появленіе въ Вильнѣ жалкихъ остатковъ войскъ Наполеона, въ числѣ которыхъ было не болѣе четырехъ тысячъ способныхъ сражаться, поразило удивленіемъ жителей города, которые не знали ничего положительнаго о неудачахъ Наполеона. Благодаря французскимъ бюллетенямъ, они считали отступленіе великой арміи только маневромъ. Предполагалось, что войска станутъ на зимнія квартиры, а весною двинутся къ Петербургу.

Въ Вильнѣ попрежнему оставались огромные магазины со всякими запасами, военная казна, около одиннадцати милліоновъ франковъ золотомъ. Никто не помышлялъ о вывозѣ ихъ.

Таково было положеніе дѣлъ, когда городъ внезапно наполнился безпорядочными толпами безоружныхъ оборванныхъ людей въ лоскутахъ и тряпкахъ. Жители встрѣтили ихъ насмѣшками и, опасаясь грабежа, поспѣшили запереться въ домахъ и лавкахъ.

Голодные солдаты бросились къ продовольственнымъ магазинамъ, и тутъ началась яростная свалка. Не смотря на изобиліе запасовъ, многимъ не удалось ничего получить отъ безпорядка въ раздачѣ. Тѣ, кто былъ въ силахъ, оставили городъ и пустились къ Ковно, уходя отъ казаковъ.

Около двухъ часовъ по полудни, 27-го ноября, въ Вильнѣ была уже слышна канонада подступавшихъ къ городу русскихъ войскъ. Наскоро составили отрядъ, подъ начальслвомъ Нея, изъ остатковъ дивизіи Луазона и баварскаго корпуса Вреде. Первымъ ворвался въ Вильну партизанъ Сеславинъ. Но онъ былъ скоро тяжело раненъ и, не имѣя пѣхоты, былъ оттѣсненъ въ поле. Между тѣмъ подошли другіе русскіе отряды и къ вечеру обложили Вильну.

При первой тревогѣ Мюратъ ушелъ со всѣмъ штабомъ въ кофейный домъ на Погулянкѣ. Остатки гвардіи, числомъ до полуторы тысячи человѣкъ, расположились около Ковенской заставы. Вечеромъ Мюратъ извѣстилъ Нея и нѣкоторыхъ польскихъ сановниковъ, остававшихся въ Вильнѣ, что онъ на слѣдующій день очиститъ городъ. Тогда же было предписано прикрыть отступленіе изъ

Вильны одиночныхъ людей и обозовъ, отправить артиллерію и казну, взорвать всѣ зарядныя фуры, которыхъ нельзя было увезти, и изломать ружья. Графъ Дарю получилъ приказаніе выслать казну и все, что можно, въ Ковно. Ночью, безъ всякихъ формальностей, отрядамъ раздавали провіантъ, одежду, обувь. Всякій бралъ, что хотѣлъ, и сколько могъ унести. Солдаты развели огонь на улицахъ и грѣлись у костровъ. Площадь городской ратуши, загроможденная фурами, грудами негодныхъ вещей, казалась адомъ. Среди пламени и искръ, летѣвшихъ въ мрачное небо, виднѣлись на мерзлой, затоптанной, обугленной землѣ тысячи разлегшихся заново обмундированныхъ солдатъ, около которыхъ корчились жалкіе полунагіе оборванцы съ изможденными лицами. Это были ослабѣвшіе больные и раненные ихъ товарищи, о которыхъ не стоило болѣе заботиться.

Кровавый отблескъ пламени падалъ на ратушу, съ ея пышной колоннадой, увѣшанной еще съ прошлыхъ дней флагами и гирляндами. Сквозь облака дыма, восходившаго къ небу, побѣдный вензель Наполеона казался задернутымъ траурнымъ крепомъ.

Впродолженіе всей ночи на дворѣ университета жгли императорскіе экипажи, мебель и всякіе громоздкіе предметы.

На другой день разнеслась вѣсть, что русскіе уже въ городѣ. Въ одиннадцать часовъ утра раздался крикъ «ура», и по высокимъ шапкамъ и длиннымъ острымъ пикамъ жители узнали казаковъ, мчавшихся по улицамъ.

II.

Графъ Гюнтеръ, снѣдаемый тоской, скитался до глубокой ночи по городу. Потрясающія картины представлялись ему на каждомъ шагу. Прислонясь къ заборамъ, сидѣли застывшіе трупы съ бѣлыми какъ снѣгъ лицами. Ихъ неподвижность наводила страхъ. Передъ домами жгли навозныя кучи для того, чтобы очистить зловонный воздухъ. Оборванные мужчины, женщины и дѣти тѣснились вокругъ нихъ, протягивая къ огню исхудалыя черныя отъ дыма руки. Въ ихъ землянаго цвѣта лицахъ рѣзко выдѣлялись огромные вращающіеся бѣлки. Иные, потушивъ пламя, разрывали окоченѣвшими пальцами навозъ и, выбирая отвратительные остатки, утоляли свой неистовый голодъ. Несчастіе этихъ страдальцевъ подавило въ нихъ сознаніе самаго ихъ существованія. На берегу Виліи отсталые развели на бревнахъ огонь. Въ непреодолимой апатіи они сѣли вокругъ костра и такъ сгорѣли.

Обыватели города сторонились отъ французовъ, но особенною жестокостью отличились жиды. Они безжалостно выбрасывали изъ своихъ домовъ раненыхъ, добивали слабыхъ, издѣвались надъ женщинами и дѣтьми.

Гюнтеръ не замѣчалъ происходившихъ ужасныхъ сценъ. Все въ душѣ его было разбито и опрокинуто. Онъ жалѣлъ, что уцѣлѣлъ отъ пуль и ядеръ. Вильна представлялась ему безотрадной пустыней.

Одинъ изъ знакомыхъ офицеровъ, Мелье, окликнулъ его. Гюнтеръ молча остановился передъ нимъ. Тотъ сообщилъ, что завтра начнется отступленіе, и, замѣтивъ удрученный видъ товарища, увелъ его къ себѣ.

На другой день до разсвѣта они поѣхали къ Ковенской заставѣ.

Вереницы конныхъ и пѣшихъ солдатъ въ безпорядкѣ тянулись по улицамъ. Изможденныя лошади, шатаясь, тащили фуры и телѣги. Сзади тянулись толпы безоружныхъ.

Человѣкъ въ коричневомъ сюртукѣ, обросшій огромной мохнатой бородой, верхомъ на сѣрой лошади, гнѣвно крича на солдатъ, приказывалъ палками гнать изъ города отсталыхъ. Но всѣ усилія его были тщетны. Мародеры разбѣгались и прятались. Схваченные упирались и отказывались идти.

Проѣзжая мимо него, офицеры отдали ему честь. Это былъ Ней, начальникъ арріергарда, послѣдній изъ маршаловъ, оставлявшій Русскую землю, храбрѣйшій изъ храбрыхъ, какъ называли его.

Обогнавъ растянувшіяся на ходу колонны, графъ Гюнтеръ и Мелье догнали карету, окруженную всадниками. Тамъ сидѣли Мюратъ и Бертье. Вице-король Іеронимъ, Даву, Лефевръ, Мортье и Бесьеръ сопровождали ихъ верхомъ. Остатки гвардіи составляли ихъ конвой.

Начинало свѣтать. Поля, засыпанныя снѣгомъ, имѣли мрачный видъ. Покрытое свинцовыми тучами небо зловѣще хмурилось. Черныя деревья по сторонамъ, походившія въ полумракѣ на призраки, были усѣяны сидѣвшими въ глубокомъ молчаніи воронами, слѣдившими зоркими, блестящими глазами за людьми.

Вдали показались холмы. Дорога стала круче. Изморенныя лошади, которыхъ французы не умѣли ковать на острые шипы, скользили и падали на каждомъ шагу. Наконецъ, карета Мюрата остановилась. Повозки и люди столпившись совершенно загородили дорогу. Далѣе путь шелъ вверхъ по крутому склону.

Это была Понарская гора. Здѣсь, полгода назадъ, въ тихое прекрасное лѣтнее утро, подъ яркимъ солнцемъ и сіяющимъ глубокой синевой небомъ, среди зелени и цвѣтовъ, пышная депутація отъ города Вильны подносила Наполеону городскіе ключи. При громѣ трубъ и литавръ онъ благосклонно принялъ ихъ.

Но теперь какъ все измѣнилось. Подъ ледянымъ дыханіемъ зимы поля и рощи покрылись бѣлымъ саваномъ. Солнце скрылось въ тучахъ—слава завоевателя померкла.

И какой рѣзкій контрастъ представляли эти изможденные, робкіе люди съ тѣми веселыми, нарядными, щегольски-воинствен-

ными войсками, которыя такъ смѣло и свободно вступали въ варварскую землю!

Голова походной колонны остановилась. Сзади подошли другія части и сбились въ кучу. Вдругъ пронесся полный отчаянія крикъ: «казаки, казаки!»

Въ толпѣ произошло движеніе. Передніе полѣзли на гору. Сзади послышались выстрѣлы.

Гюнтеръ увидалъ маленькихъ черныхъ всадниковъ, скакавшихъ по бѣлому полю, и которыхъ едва можно было различить при неясномъ свѣтѣ утра.

При первомъ крикѣ Мюратъ вышелъ изъ кареты и сѣлъ на лошадь. Бросивъ экипажи, маршалы стали пробираться черезъ примыкавшій къ горѣ лѣсъ. Ней поставилъ всѣхъ имѣвшихъ оружіе въ небольшихъ колоннахъ у подножья Понарской горы. На дорогѣ, среди обоза показался дымъ, и вспыхнуло пламя. То обозная прислуга, получивъ приказаніе жечь повозки, стала зажигать ихъ и вьючить на выпряженныхъ лошадей казну и цѣнныя вещи.

Число маленькихъ черныхъ всадниковъ увеличилось. Они остановились. Изъ кучи ихъ блеснули огни, и загремѣли пушечные выстрѣлы. Снаряды свистя пролетѣли надъ головой французовъ. Безпорядокъ усилился. Мюратъ со всей свитой, взобравшись на на гору, умчался по Ковенской дорогѣ. Ней собралъ свой отрядъ и поспѣшно отступилъ. При обозѣ осталось не болѣе сотни французовъ.

Мародеры и фурлейты, въ безумномъ ослѣпленіи, забывъ объ опасности, бросились на фуры и разбили боченки съ золотомъ. Хватая пригоршнями золотыя и серебряныя монеты, одни набивали ими сумки, насыпали карманы и шапки и бѣжали въ лѣсъ; другіе, распоровъ чемоданы, вытаскивали оттуда шитые золотомъ маршальскіе мундиры и богатые мѣха; третьи, найдя съѣстные припасы, набрасывались на нихъ съ животной яростью и, упавъ въ борьбѣ, продолжали, лежа на землѣ, пожирать схваченную пищу.

Внѣ себя отъ негодованія смотрѣлъ Гюнтеръ на этотъ разбой. Съ повелительнымъ крикомъ, размахивая саблей, онъ выѣхалъ впередъ. Двѣ переднія фуры были уже разгружены, и боченки съ казной навьючены на лошадей. Гюнтеръ подскакалъ сюда. Небольшой отрядъ, оставшійся при обозѣ, окружалъ вьюки. Въ это время въ разныхъ мѣстахъ раздалось гиканье, и казаки бросились съ пиками на перевѣсъ въ атаку. Переколовъ половину обозной прислуги, они устремились было на конвой, но, замѣтивъ въ фурахъ брошенное золото, кинулись къ нему. Спѣшившись, они ссыпали въ мѣшки золото, увязывали въ торока дорогія одежды и вещи.

Началась неописанная суматоха. Пользуясь этимъ, конвой съ вьюками взобрался на гору. Тутъ другой казачій отрядъ ударилъ на него.

Гюнтеръ увидѣлъ бородатыя лица надъ гривами лошадей, рядъ блестящихъ, острыхъ наконечниковъ на пикахъ.

Французскій уланъ тяжело повалился на него, взмахнувъ безсильно руками. Въ то же мгновеніе онъ почувствовалъ въ груди жгучую боль. Чье-то красное незнакомое, сурово нахмуренное лице, со стиснутыми зубами, мелькнуло передъ нимъ. Все закружилось и завертѣлось у него въ глазахъ. Онъ потерялъ сознаніе и повалился. Онъ былъ пораженъ пикой въ самое сердце.

Изъ офицеровъ въ живыхъ оставался одинъ Мелье. Собравъ храбрѣйшихъ, онъ отразилъ казаковъ и поспѣшно присоединился къ отряду Нея.

Такъ кончился кровавый эпизодъ на Понарскихъ горахъ, гдѣ изъ всей казны, простиравшейся до одиннадцати милліоновъ, было расхищено семь милліоновъ. Кромѣ того, донцы Платова захватили два знамени и больше тысячи человѣкъ плѣнныхъ.

III.

Въ ясную лунную ночь по дорогѣ изъ Свенцянъ въ Вильну ѣхала повозка на полозьяхъ, запряженная въ шесть лошадей. Онѣ были такъ худы и слабы, что едва тащили ее, хотя въ ней не было тяжелой клади, и сидѣли только двое мужчинъ, кромѣ почтаря-кучера. Оба путника были закутаны въ теплыя мѣховыя одежды. Лицо того, который былъ старше, заплывшее и багроворумяное съ рыжеватыми пейсами и бородой, обличало въ немъ еврейское происхожденіе. Другой, стройный и худощавый, съ орлинымъ носомъ и живыми темными глазами, походилъ на иностранца-южанина. Въ противоположность своему товарищу онъ былъ блѣденъ. Во взорахъ его изображалось волненіе, которое возростало по мѣрѣ того, какъ повозка приближалась къ Вильнѣ.

Незнакомый съ дорогой не могъ бы сбиться съ нея. Широкой черной затоптанной полосой тянулась она, пересѣкая поля, покрытыя глубокимъ снѣгомъ. Павшія лошади устилали ее. Между ними попадались и трупы людей. Но чаще всего мертвецы были сняты съ дороги и приставлены къ деревьямъ. Окоченѣлые и неподвижные, съ распростертыми руками, казалось, они сторожили путь, и въ ихъ застекленѣвшихъ глазахъ, оживленныхъ сильнымъ блескомъ луны, виднѣлось выраженіе нѣмой угрозы...

Деревни и селенія были разорены по всему протяженію дороги. Печальный видъ представляли разбитые, раскрытые и полусожженные дома безъ людей и животныхъ. На улицахъ трупы лежали, какъ падаль, неприбранные и непокрытые. При въѣздѣ въ одну изъ такихъ деревень повозка едва не опрокинулась: лошади захрапѣли и, вставши на дыбы, шарахнулись въ сторону.

Ихъ испугали не трупы, но яркія точки, мелькавшія по сторонамъ—огненные глаза жирныхъ волковъ, хозяйничавшихъ въ опустѣломъ селеніи.

На другой день съ утра стали попадаться отдѣльныя толпы плѣнныхъ, которыхъ гнали назадъ, на востокъ. Оборванные, обмерзлые и посинѣвшіе, они почти не походили на людей.

— Какой ужасъ, Коленда,— сказалъ порусски молодой иностранецъ, проводивъ глазами одну изъ такихъ партій.

Еврей отвѣтилъ неопредѣленнымъ звукомъ и еще глубже надвинулъ ушастую мѣховую шапку.

— То ли еще будетъ, панъ капитанъ, — помолчавъ, прибавилъ онъ.

На слѣдующей почтовой станціи путники не нашли лошадей. Всѣ онѣ были въ разгонѣ. Около станціонной избы стояла вереница крестьянскихъ саней. Въ нихъ одинъ на другомъ лежали больные французскіе солдаты, покрытые соломой. Конвойные, присѣвъ на облучекъ, курили трубки. Одинъ изъ нихъ нагнулся и пошарилъ въ саняхъ руками. Къ нему подошелъ унтеръ-офицеръ. Обмѣнявшись нѣсколькими словами, они сложили одного изъ больныхъ на дорогу, послѣ чего тронулись въ дальнѣйшій путь.

Капитанъ, ѣхавшій съ Колендой, поспѣшилъ къ оставленному и увидѣлъ, что онъ представлялъ давно застывшій трупъ.

— Огюстъ, бѣдный Огюстъ, о, какая встрѣча,—пофранцузски шепталъ онъ, скрестивъ руки на груди и глядя съ тоской на умершаго.

— Мы поѣдемъ дальше на этихъ лошадяхъ, господинъ Бальменъ,— сказалъ Коленда, подойдя къ капитану. Тотъ не слыхалъ его словъ. Еврей прикоснулся къ его плечу.

— А, ѣхать дальше. Хорошо. Вотъ, Коленда, храбрый капралъ моей роты,—произнесъ Бальменъ и, отвернувшись, пошелъ къ повозкѣ.

Къ вечеру Коленда и капитанъ въѣзжали въ Вильну. Тяжелый запахъ обдалъ ихъ. Улицы были наполнены смраднымъ дымомъ, такъ какъ почти передъ каждымъ домомъ горѣли костры изъ досокъ, рухляди, а чаще всего просто навозныя кучи.

— Какая ужасная иллюминація, — проговорилъ про себя при этомъ зрѣлищѣ Бальменъ.

Коленда привезъ его къ своему дому. Ставни въ немъ были забиты, ворота заперты. Еврей постучалъ въ калитку, но никто не отозвался на его стукъ. Въ безпокойствѣ онъ хотѣлъ уже отойти отъ воротъ, какъ сквозь круглое отверстіе въ заборѣ, пробитое пулей, замѣтилъ на дворѣ выглядывавшаго изъ-за угла человѣка.

— Отопри, Гершке: это я!—крикнулъ онъ.

Съ визгливымъ радостнымъ возгласомъ прятавшійся еврей кинулся къ калиткѣ встрѣчать хозяина.

Послѣ плотнаго ужина капитанъ заснулъ, какъ убитый, измученный тяжелымъ долгимъ путешествіемъ. Наступила ночь, но Коленда все не ложился. Онъ обошелъ домъ, осмотрѣлъ, что уцѣлѣло, разспросилъ Гершке о родныхъ и сосѣдяхъ и сообщилъ кратко ему, что привезъ французскаго капитана, котораго хотѣлъ отблагодарить за услугу. Онъ не сказалъ, въ чемъ заключалась эта услуга, и во сколько обошлись капитану дорожныя издержки. Онъ не любилъ непріятныхъ воспоминаній, а къ числу ихъ относилось приключеніе въ Пруцанахъ, гдѣ онъ получилъ избавленіе лишь при помощи Бальмена, а также и тѣ триста червонцевъ, которые замерзавшій капитанъ, встрѣченный имъ подъ Минскомъ, предложилъ ему за провозъ до границы.

На другой день Коленда, собравъ справки, объявилъ капитану, что надо пробыть нѣсколько дней въ Вильнѣ. Капитанъ не возражалъ. Наскучивъ сидѣть дома, онъ пошелъ пройтись по городу.

На улицахъ валялись французскія кокарды, испачканные плюмажи, разорванныя шляпы, раздавленные кивера, клочья сумокъ, поясовъ, обломки оружія. Отрепанные евреи пугливо рылись въ брошенномъ хламѣ, кидаясь въ сторону, завидѣвъ солдата. Бальменъ вышелъ изъ городскихъ воротъ и впродолженіе двухъ или трехъ часовъ бродилъ по Вилькомирскому и Ковенскому предмѣстьямъ. Слѣды разрушенія, замѣченные имъ въ городѣ, здѣсь виднѣлись на каждомъ шагу. Повсюду валялись ободранные дохлые волы, лошади и собаки. Опустѣлые дома стояли безъ половъ, съ выбитыми окнами и дверями. Отъ другихъ остались только пожарища. Между развалинами бродили, какъ тѣни, плѣнные. Кой-гдѣ брошенная сгорбленная и озябшая лошадь подбирала клочья сѣна.

Возвращаясь въ городъ, Бальменъ встрѣтилъ больше пятидесяти саней, наполненныхъ трупами. Ихъ везли, какъ дрова. Онъ содрогнулся, увидѣвъ на кожѣ несчастныхъ круглые и овальные узоры, выѣденные вшами.

На слѣдующій день яркое солнце выманило Бальмена на прогулку. Онъ вышелъ въ другія ворота и направился вдоль Виліи. Тутъ валялось множество разбитыхъ французскихъ повозокъ и лафетовъ. Трупы солдатъ и лошадей покрывали дорогу. Шляпы, кокарды пестрѣли въ снѣгу.

Вниманіе Бальмена привлекъ раненный плѣнный, согнутый и страдающій. Онъ хромая шелъ впереди. Остановившись передъ однимъ изъ труповъ, онъ тупо его разсматривалъ и потрогалъ палкой окоченѣвшую руку.

Пока французъ стоялъ у тѣла товарища, и пораженный его безучастіемъ Бальменъ смотрѣлъ на него, съ горы раздалось пѣніе, и показался гробъ, со священникомъ впереди и провожающими людьми. Они прошли, и за ними внизу, по рѣкѣ, потяну-

лись сани съ нагими трупами, головы и ноги которыхъ свѣшивались, какъ попало.

Послѣ того капитанъ забрелъ на дворъ большаго дома. Службы, высокія комнаты съ остатками дорогихъ обой, изящныхъ печей указывали, что здѣсь помѣщались богатые люди. Все внутри было поломано и перебито. Черные выжженные слѣды на полахъ свидѣтельствовали, что на нихъ прямо были разведены костры. Повсюду валялись черепки, кости, остатки амуниціи. Въ отдаленной комнатѣ у камина лежалъ обгорѣлый трупъ. Солдатъ ползъ къ огню и въ предсмертномъ забытьѣ заживо сжегъ себя. Ужасъ охватилъ Бальмена, точно онъ среди бѣла дня увидѣлъ призракъ, и онъ поспѣшилъ уйти изъ этихъ опустѣлыхъ залъ.

Но наиболѣе поразившее капитана зрѣлище представилось ему вечеромъ въ тотъ же день. Онъ вышелъ изъ дому для того, чтобы посмотрѣть на проходившихъ по городу русскихъ ополченцевъ, а также польскихъ крестьянъ и евреевъ. Услыхавъ пѣніе отъ Минскихъ воротъ, гдѣ совершалось торжественное молебствіе, онъ направился туда и, избѣгая толпы, забрелъ на кладбище, недалеко отъ воротъ. Тутъ онъ увидѣлъ церковь, съ выбитыми верхними окнами. Ниже шла какая-то странная ограда. Подойдя ближе, капитанъ убѣдился, что она состояла изъ сложенныхъ одинъ на другой замерзшихъ труповъ. Ихъ было свыше двухъ тысячъ. Глубокая тишина царила вокругъ. На кладбищѣ не было ни одной живой души. Только нѣсколько воронъ молча кружились въ воздухѣ.

Черезъ два дня поздно вечеромъ Бальменъ выѣхалъ съ Колендой въ Минскія ворота по дорогѣ къ Гродно. И здѣсь луна озаряла поле, покрытое трупами. На протяженіи версты лежали убитые и замерзшіе кучами, въ сорокъ, пятьдесятъ человѣкъ. Начавшіеся лѣса закрыли эту печальную картину.

Черезъ три дня безъ всякихъ приключеній путники достигли прусскаго городка Лыка, и здѣсь Коленда, поручивъ капитана знакомому жиду, вернулся въ Вильно. Тутъ онъ нашелъ Эстеръ, которая съ дядей и теткой поспѣшила домой при первомъ извѣстіи о минувшей опасности.

IV.

Накапунѣ выступленія французовъ, Засыпкинъ, возвращаясь домой, шелъ вечеромъ мимо Пятницкой, или, какъ говорили въ народѣ, Пятенской церкви. Она находилась неподалеку отъ его дома, на углу Большой и Андреевской улицъ. Это было одноэтажное каменное зданіе, крытое черепицей, съ усѣченными концами крыши надъ слуховыми окнами, какъ то водится въ Западномъ краю. Стѣны ея, когда-то выкрашенныя въ розовую краску,

облупились и частью разрушились. На одномъ концѣ крыши надъ трубой виднѣлся небольшой крестъ, на другомъ—развалины малой каменной надстройки. По внѣшнему виду зданіе ничѣмъ не напоминало церкви. Оно находилось въ пустырѣ, обнесенномъ полуразвалившейся каменной оградой. Дома и различныя сосѣднія постройки тѣснились вокругъ него. Печать пренебреженія и запустѣнія лежала на этихъ заброшенныхъ развалинахъ.

Когда-то эта церковь была предметомъ заботъ и попеченій. Въ ней Петръ крестилъ Аннибала, дѣда Пушкина. Но уніаты, овладѣвъ краемъ, обратили ее въ кабакъ и публичный домъ. Не поддерживаемая никѣмъ, она все болѣе и болѣе приходила въ упадокъ и, наконецъ, была обращена въ мѣсто для свалки нечистотъ [1]).

Церковный дворъ, представлявшій унылый пустырь, былъ загроможденъ теперь сломанными фурами, телѣгами, пустыми зарядными ящиками. Трупы лошадей и солдатъ, сложенные у стѣны, замерзли и обратились подъ снѣгомъ во вторую стѣну. Другіе еще свѣжіе трупы были раскиданы въ разныхъ мѣстахъ: въ фурахъ, подъ фурами, на ступенькахъ входа въ церковь, ярко освѣщенную изнутри. Огромный рыжій нѣмецкій солдатъ лежалъ на спинѣ поперекъ невысокой церковной ограды. Тѣло его, изогнувшееся въ видѣ коромысла, такъ и окоченѣло. Голова его перевѣсилась на улицу, руки были распростерты, какъ будто онъ собирался ловить прохожихъ.

Засыпкинъ, содрогнувшись, невольно остановился. Безкровное лице трупа, обращенное къ нему съ оледенѣвшими глазами, по странной прихоти случая, сохранило ироническую усмѣшку, придававшую ему какую-то ужасную жизненность.

«Господи, какъ бросили»,—прошепталъ Засыпкинъ, остановившись около лежавшаго на оградѣ солдата.

Съ этими словами онъ поднялъ трупъ и спустилъ его за ограду, на дворъ.

Необычайное освѣщеніе церкви поразило его. Онъ приблизился къ узкому стрѣльчатому окну. Внутри, на полу, пылали костры. Вокругъ сидѣли безобразно закутанные люди. Слышалось пѣнье и хохотъ. Многіе были пьяны. Черныя тѣни мелькали на красномъ фонѣ стѣнъ. Удушливый дымъ тянулся изъ дверей.

Тяжело вздохнувъ, Засыпкинъ отошелъ отъ окна. Выйдя со двора на Большую улицу, онъ встрѣтилъ двухъ солдатъ въ лохмотьяхъ, едва двигавшихся по снѣгу. Одинъ изъ нихъ, полный, высокій, среднихъ лѣтъ человѣкъ, опирался на толстую палку съ серебряными кистями, а другой, маленькаго роста, смуглый худой человѣкъ имѣлъ на плечахъ обрывки офицерскихъ погонъ. Они

---

[1]) Въ такомъ видѣ церковь находилась до 1863 г. Нынѣ она возстановлена съ подобающимъ благолѣпіемъ. Авт.

шли, понуривъ головы, въ глубокомъ уныніи. Заглянувъ черезъ ограду, они увидѣли въ церкви свѣтъ и остановились, не имѣя силъ идти прочь. Засыпкинъ приблизился къ нимъ. Быть можетъ, въ другое время онъ прошелъ бы мимо, но теперь, когда онъ былъ потрясенъ тѣмъ, что видѣлъ въ церкви, ему захотѣлось помочь этимъ людямъ. Увидѣвъ, что они почти окоченѣли отъ холода, онъ еще болѣе былъ тронутъ жалостью и заговорилъ съ ними. Отъ слабости они не могли уже говорить, и только горѣвшіе внутреннимъ огнемъ глаза свидѣтельствовали объ ихъ страданіяхъ.

Тогда Засыпкинъ взялъ ихъ подъ руки и повелъ на свою квартиру.

— Гриша, смотри, вотъ еще заполонилъ двухъ французовъ,— сказалъ онъ:—надо, братъ, помочь имъ. Богъ съ ними. Хоть они и наши враги, а все же не пропадать имъ, какъ собакѣ. Вотъ кстати у тебя и самоваръ на столѣ. Принеси-ка изъ подвала бутылочку коньяку. Мы ихъ живо обогрѣемъ.

И онъ сталъ снимать со своихъ оробѣвшихъ гостей рваныя свитки, бараньи шкуры и обрывки ковровъ, составлявшіе ихъ убогую одежду.

Затѣмъ приказчики напоили ихъ горячимъ пуншемъ и уложили спать.

— А знаешь ли, Гриша,—сказалъ Засыпкинъ, разсматривая сброшенныя французами лохмотья:—кажется, наши гости не изъ простыхъ солдатъ. Вотъ у одного офицерскій погонъ, а у другаго какая-то булава.

— Вѣрно тамбуръ-мажоръ, знаешь, что идетъ передъ музыкантами со своей булавой. Въ нашихъ полкахъ тоже есть,—проговорилъ Колесниковъ, посматривая на храпѣвшихъ французовъ.— Однако не мѣшаетъ допросить, кто они такіе.

— Завтра успѣемъ. А кстати, что наша красавица?

— Ничего себѣ. Переодѣлась, повеселѣла, ребенка обмыла. Онъ тоже словно ожилъ.

— Еще бы. Шутка сказать, все на морозѣ да на морозѣ.

И съ этими словами Засыпкинъ отправился въ комнаты, которыя занималъ де-Гріе, и расположился тамъ спать.

На другой день рано утромъ онъ пошелъ навѣстить своихъ новыхъ знакомцевъ и, къ удивленію своему, увидѣлъ, что они сидятъ передъ растопленнымъ каминомъ.

— Ну, что, господа, какъ поживаете?—обратился онъ ласково къ нимъ, вглядываясь въ ихъ лица.—Кажется, вы дешево отдѣлались. Съ нашимъ морозомъ шутки плохи.

— Да, да, мсьё,— заговорили французы, выражая жестами свою благодарность. — Пусть наградитъ васъ Богъ за вашу доброту.

— Скажите мнѣ,—продолжалъ Засыпкинъ:—кто вы такіе?

— Моя фамилія лейтенантъ Леслинъ, а это мой товарищъ тамбуръ-мажоръ Ларивьеръ,—съ живой любезностью отвѣтилъ маленькій смуглый французъ и насилу поднялся съ кресла, дружески протягивая Засыпкину руку.

— Леслинъ? Быть не можетъ! Ужъ не вы ли мужъ той дамы съ ребенкомъ, которая послѣ переправы черезъ Березину осталась совсѣмъ одна среди нѣмецкихъ солдатъ.

Французъ поблѣднѣлъ.

— Ради Бога! откуда вы знаете эти подробности?

— Отъ нея самой....

— Отъ моей жены! Но, нѣтъ, вы столь жестоко шутите надъ человѣкомъ, потерявшимъ больше, чѣмъ стоитъ самая его жизнь. О, Marie! О, мой маленькій Пьеръ! Зачѣмъ мнѣ не суждено было погибнуть съ вами!

— Постойте, не убивайтесь!—воскликнулъ встревоженный Засыпкинъ:—ваша жена и ребенокъ живы и здоровы. Они тамъ въ той комнатѣ.

И онъ повелъ его къ француженкѣ.

Трудно описать радость супруговъ. Они плакали отъ избытка чувствъ и благословляли варвара.

Они не пожелали больше вернуться во Францію. Зачисленные въ разрядъ военноплѣнныхъ, Ларивьеръ и Леслинъ приняли русское подданство. Они поселились въ Вильнѣ и были преподавателями французскаго языка въ виленской гимназіи.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

I.

Кутузовъ, 29-го ноября, въѣхалъ въ Вильну, гдѣ былъ уже два раза военнымъ генералъ-губернаторомъ. Жители встрѣтили его съ ликованіемъ. Польскія дамы махали ему платками. Городъ разцвѣтился русскими флагами.

Генералы и офицеры ожидали фельдмаршала у замка, гдѣ тотъ долженъ былъ остановиться. Чичаговъ въ флотскомъ вицмундирѣ, съ кортикомъ, держа подъ мышкой фуражку, подалъ ему рапортъ и ключи отъ города. Оба они встрѣтились съ холодной вѣжливостью, которой прикрывалась обоюдная враждебность.

Кутузовъ не пользовался расположеніемъ штабныхъ и военной молодежи, называвшей его выжившимъ изъ ума старикомъ, и осуждалъ бездѣйствіе Чичагова, благодаря чему, тотъ упустилъ Наполеона при Березинѣ. Чичаговъ зналъ это и въ свою очередь по-

рицалъ Кутузова за нерѣшительныя дѣйствія противъ турокъ, Наполеона и всѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось имѣть дѣло, что тоже было извѣстно Кутузову.

Разговаривая съ Чичаговымъ, Кутузовъ сказалъ, что отбитыя у него въ Борисовѣ французами повозки съ посудой и столовымъ серебромъ цѣлы и будутъ возвращены ему. Тотъ обидѣлся.

— Вы хотите сказать, что мнѣ не на чемъ ѣсть. Напротивъ, я могу вамъ служить всѣмъ, даже если бы вы захотѣли давать пиры,—вспыхнувъ сказалъ Чичаговъ.

Кутузовъ улыбнулся и прекратилъ разговоръ.

Въ Вильнѣ онъ остановилъ большую часть войскъ противъ воли государя, такъ какъ считалъ, что война окончена.

Въ тотъ же день, между прочимъ, призвавъ директора театра, Матвѣя Кажинскаго, фельдмаршалъ сказалъ ему:

— Знаю, что ты ярый поклонникъ Наполеона и вѣнчалъ его бюстъ на сценѣ лавровымъ вѣнкомъ при чтеніи похвальныхъ одъ, блескѣ бенгальскихъ огней и пѣніи торжественныхъ кантатъ. Но теперь, братъ, обстоятельства перемѣнились, и я надняхъ побываю у тебя въ театрѣ.

5-го декабря, въ два часа по полудни вступила наконецъ въ Вильну и гвардія подъ предводительствомъ государя цесаревича. Войска эти вошли въ городъ съ музыкой и проходили церемоніальнымъ маршемъ мимо Кутузова. «Ура» раздавалось всюду.

Стеченіе народа было чрезвычайное. На всѣхъ лицахъ блистала искренняя радость и душевное удовольствіе. Военноплѣнныхъ выставили тутъ же, нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Вечеромъ въ театрѣ былъ данъ спектакль, на которомъ была представлена опера «Добрый панъ». Послѣ спектакля, на которомъ присутствовалъ Кутузовъ, выставлена была на сценѣ прозрачная картина съ изображеніемъ побѣдоноснаго фельдмаршала и съ надписью: «избавителю отечества». Надъ изображеніемъ былъ представленъ парящій орелъ, который держалъ вензель государя Александра. Пѣтые при сей великолѣпной сценѣ стихи приняты были публикой съ живѣйшимъ восторгомъ и рукоплесканіями. Привѣтственная ода эта была сочинена профессоромъ Словацкимъ.

На слѣдующій день появились въ продажѣ бюсты государя, Кутузова и великихъ князей, вновь выпущенные оборотливымъ итальянцемъ Андріоли.

Польскіе магнаты одинъ за другимъ, наперерывъ, стали давать Кутузову балы. Развлекаясь этими празднествами, онъ, однако, принималъ мѣры, чтобы очистить городъ отъ труповъ и возстановить должный порядокъ.

По всѣмъ больницамъ и занятымъ подъ лазареты домамъ кучами лежали разлагающіяся тѣла умершихъ. Кутузовъ учредилъ

госпитальную коммиссію и назначилъ особыхъ коммисаровъ для усиленія санитарнаго надзора.

Вотъ что передавали очевидцы объ этихъ страшныхъ дняхъ гибели послѣднихъ остатковъ великой арміи.

На Атокольскомъ предмѣстьѣ было зарыто пять тысячъ жертвъ холода и лишеній. Болѣе тысячи труповъ было собрано изъ госпиталей и сожжено на кострахъ. Изъ погребовъ и подваловъ частныхъ домовъ десятками вытаскивали мерзлыя тѣла и сваливали ихъ за заставы. Повсюду на предмѣстьяхъ лежали груды умершихъ. Едва успѣвали убирать ихъ. Стаи разъяренныхъ собакъ кидались на могильщиковъ, нарушавшихъ ихъ отвратительное пиршество.

Трупы засыпали въ снѣгъ, спускали въ проруби въ Вилію, свозили въ овраги. Число ихъ превышало двадцать тысячъ.

Но самыя потрясающія сцены происходили въ госпиталяхъ среди томившихся въ агоніи раненыхъ и трудно-больныхъ. Кромѣ разсказовъ очевидцевъ, упоминанія объ этихъ ужасахъ встрѣчаются въ запискахъ современниковъ.

Въ 1804 году Петръ Франкъ устроилъ въ Вильнѣ первый «патологическій кабинетъ» въ зданіи клиники. Въ 1812 году тутъ было уже собрано множество препаратовъ, относившихся къ анатоміи. Шкапы были заставлены стеклянными банками, въ которыхъ въ спирту хранились части человѣческаго тѣла, утробные младенцы, въ различныхъ фазахъ развитія и т. д. Когда французы вступили въ Вильну, зданіе клиники было занято подъ госпиталь, и французскіе врачи хранили въ цѣлости «патологическій кабинетъ». Но во время отступленія французовъ, въ виду огромнаго наплыва больныхъ и раненыхъ, кабинетъ заставили койками.

Впродолженіе трехъ дней, во время переполоха въ городѣ, когда началось безпорядочное бѣгство французовъ, и въ первые дни занятія города русскими войсками некому было заботиться о клиникѣ. Забытые больные лежали по двое на койкахъ, устилали полы въ залахъ и корридорахъ.

Терзаемые голодомъ, томимые палящей жаждой, усиленной болѣзненнымъ жаромъ, раненые метались на постеляхъ, ползли къ дверямъ и окнамъ. Помраченные отчаяньемъ, они разбили банки, съѣли анатомическіе препараты и младенцевъ и выпили весь спиртъ. Воспламененные алкоголемъ, они въ неистовствѣ кидались другъ на друга и въ корчахъ оканчивали свою жизнь. Другіе съ дикимъ ревомъ выбрасывались въ окна, ища утоленія отъ сжигавшаго ихъ внутренняго огня. Худые, съ изувѣченными руками и ногами, окровавленными разбитыми головами, они метались въ предсмертной агоніи по всей клиникѣ и падали тамъ, гдѣ настигала ихъ смерть. Нѣкоторые вцѣплялись въ лежавшихъ въ безчувственномъ состояніи товарищей и рвали зубами ихъ лица и руки. Другіе подползали къ покойникамъ и глодали ихъ.

II.

Государь выѣхалъ изъ Петербурга 7-го декабря со своей свитой: графомъ Толстымъ, княземъ Волконскимъ, Аракчеевымъ, лейбъ-медикомъ Виллье и другими. Черезъ пять дней онъ прибылъ въ Вильну и въ дорожныхъ саняхъ въ пятомъ часу дня прямо подъѣхалъ къ замку. Тутъ, не смотря на сильный морозъ, собралось больше ста офицеровъ и генераловъ въ полной парадной формѣ. Почетный караулъ былъ выставленъ отъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка.

Курьеръ, скакавшій впереди, прокричалъ: «государь идетъ!».

Кутузовъ толстый, большой, съ шарфомъ на грузномъ брюхѣ, со всѣми орденами на груди, вышелъ на крыльцо. Желтое, пухлое лице его имѣло озабоченный видъ. Всѣ черты его были крупны и неправильны: большой мясистый носъ, широкій ротъ, плоскія жирныя уши. Онъ былъ кривъ на одинъ глазъ, но другой зорко блестѣлъ подъ клочковатой сѣдой бровью.

Государь подъѣхалъ и вышелъ изъ саней. Кутузовъ, вытянувшись, подалъ рапортъ и сталъ говорить тихимъ голосомъ.

Государь быстрымъ взглядомъ окинулъ Кутузова, на мгновеніе нахмурился, но тотчасъ подошелъ и обнялъ стараго фельдмаршала. На лицѣ Кутузова показались слезы. Государь поздоровался съ офицерами, почетнымъ карауломъ, пожалъ еще разъ руку Кутузову и пошелъ съ нимъ въ замокъ.

Войдя въ кабинетъ, государь высказалъ фельдмаршалу неудовольствіе за медленность преслѣдованія, за ошибки въ Красномъ и на Березинѣ и сообщилъ свои соображенія о походѣ за границу. Кутузовъ не дѣлалъ ни замѣчаній, ни возраженій, съ равнодушнымъ усталымъ видомъ внимая государю.

Когда онъ вышелъ изъ кабинета, графъ Толстой поднесъ ему отъ имени государя Георгіевскій крестъ первой степени за оконченную кампанію.

Въ тотъ же день, 11-го декабря, императоръ сдѣлалъ распоряженіе о переходѣ русскихъ войскъ за границу.

На другой день у фельдмаршала былъ обѣдъ и балъ, на которомъ присутствовалъ государь. Кутузову оказывались всевозможныя почести, но всякій зналъ, что его отставка рѣшена. Когда Кутузовъ, по старому обычаю Екатериненскихъ временъ, при входѣ въ бальную залу, велѣлъ повергнуть къ его ногамъ взятыя знамена, государь поморщился и проговорилъ, какъ показалось окружающимъ:

— Старый комедіантъ.

На слѣдующій день государь сказалъ собравшимся у него генераламъ:

— Вы спасли не одну Россію: вы спасли Европу.

И всякій понялъ, что война далеко еще не кончена. Но Кутузовъ не хотѣлъ понимать этого и открыто говорилъ, что новая война тяжело отзовется на государствѣ. Онъ старался доказать всю трудность новаго набора, указывалъ на истощеніе средствъ, говоря, что къ тому же новый походъ въ лучшемъ исходѣ принесетъ лишь нѣкоторую славу русскому оружію, которую не стоитъ покупать столь дорогой цѣной. При такомъ положеніи вещей, онъ представлялся препятствіемъ, которое слѣдовало удалить. Но онъ вскорѣ умеръ.

По очищеніи Вильны непріятель бѣжалъ въ Ковно. Для обороны города, снабженнаго обширными складами, оставленъ былъ 1-го декабря, арріергардъ Нея, состоявшій изъ нѣсколькихъ сотъ только что набранныхъ нѣмецкихъ солдатъ. 2-го декабря подошли къ Ковно казаки Платова и послѣ двухъ, трехъ выстрѣловъ изъ пушекъ принудили новобранцевъ Нея бѣжать.

Изъ 380.000 главной массы французской арміи, перешедшей въ Ковно русскую границу 12-го іюня, возвратилось черезъ нее въ началѣ декабря лишь четыреста человѣкъ старой гвардіи и шестьсотъ человѣкъ гвардейской кавалеріи съ 9 орудіями и около двадцати тысячъ безоружныхъ.

Въ половинѣ декабря ни одного вооруженнаго непріятельскаго солдата не оставалось болѣе въ Россіи. Великое рѣшеніе царя и народа исполнилось.

III.

Въ Святодуховомъ монастырѣ радостный звонъ колоколовъ возвѣстилъ окончаніе торжественной обѣдни съ молебномъ за спасеніе Россіи отъ нашествія Наполеона. Народъ толпою повалилъ изъ монастырской ограды. Искренняя радость и умиленіе выражались на всѣхъ лицахъ.

Въ числѣ другихъ вышли на улицу Засыпкинъ и Колесниковъ.

— А что, Гриша,—сказалъ Засыпкинъ:—зашелъ бы ты къ нашимъ французскимъ знакомцамъ. Какъ-то они устроились на своей новой квартирѣ?

— Ну, хорошо,—отвѣтилъ Колесниковъ и свернулъ въ переулокъ.

Приближаясь къ своему дому, Засыпкинъ замѣтилъ стоявшій у воротъ тарантасъ. Сердце въ немъ дрогнуло и сильно забилось. Мысль о Зайцевѣ мелькнула въ его головѣ, и онъ бѣгомъ пустился впередъ.

Предчувствіе не обмануло его. На крыльцѣ показался пожилой, привѣтливой наружности, человѣкъ, въ кафтанѣ, съ гладко зачесанными темнорусыми волосами, полнымъ добродушнымъ лицомъ съ окладистой, подернутой просѣдью, бородой. Это былъ Зайцевъ, возвратившійся съ семьей изъ Вязьмы.

— Здравствуй, мой дорогой Ваня,—съ волненіемъ проговорилъ Зайцевъ, обнимая растроганнаго до слезъ Засыпкина:—перестань плакать. Слава Богу, мы всѣ живы и здоровы.

— Ахъ, батюшка, Тихонъ Фроловичъ, не отъ горя плачу, а отъ радости, что пришлось опять увидѣться съ вами,—проговорилъ Засыпкинъ, входя въ домъ и цѣлуя руку сестры Зайцева.

— А гдѣ же Григорій?—съ тревогой спросилъ тотъ:—доставилъ ли онъ тебѣ мое письмо?

— Письмо я получилъ. Душевно за него благодарю васъ. Что же касается до Григорія, то я послалъ его навѣстить знакомыхъ французовъ.

И Засыпкинъ передалъ все случившееся съ нимъ, не умолчалъ и о разбитомъ бюстѣ.

— Молодецъ Ванюша!—съ чувствомъ проговорилъ Зайцевъ:—дай же еще разъ расцѣловать тебя. Ну, вижу, домъ цѣлъ, хотя, конечно, варвары расхитили кой-что изъ товару. Но что дѣлать: лѣсъ рубятъ—щепки летятъ.

— Нѣтъ, Тихонъ Фроловичъ. Не только все сохранилось въ цѣлости, но еще пріумножилось,—отвѣтилъ Засыпкинъ и, отвязавъ поясъ, туго набитый червонцами, подалъ его хозяину. Тотъ былъ ошеломленъ проявленіемъ такого безкорыстія и привязанности со стороны своего приказчика.

— Чѣмъ отплачу тебѣ, Ваня, за твою любовь?—сказалъ онъ, растроганный до глубины души.

— Ничѣмъ, Тихонъ Фроловичъ. Довольно мнѣ того, что вижу васъ цѣлымъ и невредимымъ.

Они вновь обнялись и прослезились.

Появленіе пришедшаго Колесникова еще болѣе расположило ихъ къ душевнымъ изліяніямъ. Они бесѣдовали о пережитыхъ тяжелыхъ временахъ, утѣшаясь мыслью, что рука Всевышняго вновь соединила ихъ.

Прошло много лѣтъ. Одно поколѣніе смѣняло другое. Вильна расширилась и обстроилась. Однѣ улицы въ ней исчезли, другія явились вновь. Только Замковая гора попрежнему покойно высится надъ городомъ, со своими молчаливыми, полными древнихъ преданій, развалинами.

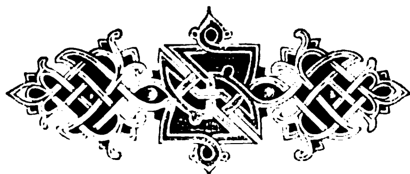
На старомъ православномъ кладбищѣ, возлѣ тракта на городъ Лиду, блеститъ золотымъ крестомъ церковь, во имя святой Евфросиніи. Кладбище обнесено прочной каменной оградой. Внутри его у паперти стоитъ скромный фамильный склепъ. Тамъ первымъ легъ строитель церкви.

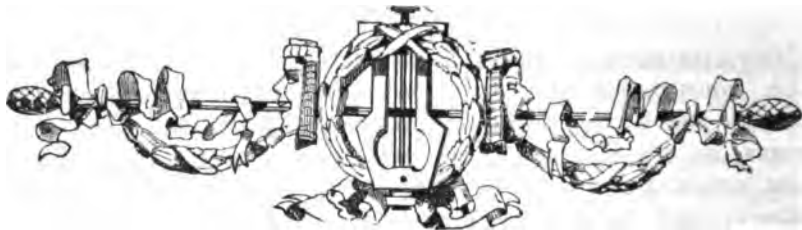
На воротахъ кладбища до сихъ поръ цѣла надпись: «сооружено все сіе иждивеніемъ Тихона Фроловича Зайцева».

Но гдѣ нашли успокоеніе его вѣрные приказчики, какъ они прошли свой жизненный путь, то осталось сокрытымъ отъ повѣствователя.

Все забывается скоро. И если удастся остановить теченіе времени, запечатлѣвъ въ правдивой картинѣ страницу минувшаго, то и этимъ уже много сдѣлано, потому что какъ бы ни мала была истина, но она всегда значительнѣе, чѣмъ кажется. Подобно каплѣ воды, отражающей міръ, она хранитъ въ себѣ незамѣтныя черты, заключающія жизнь. Но стоитъ лишь вглядѣться въ нихъ, онѣ выступятъ ярко и живо, и исчезнувшее прошлое, всегда полное глубокаго поучительнаго смысла, вновь явится передъ зрителемъ.

Анатолій Леманъ.





ВОСПОМИНАНІЯ АРТИСТА ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ А. А. АЛЕКСѢЕВА [1].

XII.

Театральное начальство. — Гедеоновъ. — Неваховичъ. — Его разсѣянность. — Куликовъ. — Яблочкинъ. — Мина Ивановна. — Мартыновъ въ драматической роли. — «Свадьба Кречинскаго». — 100-лѣтній юбилей русскаго театра. — Гастроли П. М. Садовскаго въ Петербургѣ. — Два соперника: Садовскій и Мартыновъ.

ПРИ ВТОРИЧНОМЪ поступленіи на казенную службу, въ корпораціи, какъ шутя въ то время говорили, театральнаго начальства я нашелъ нѣкоторую перемѣну, не большую численностью, но важную по обстоятельствамъ. Директорствовать еще продолжалъ присно-памятный А. М. Гедеоновъ, неохотно тянувшій свою начальническую лямку до двадцатипятилѣтняго юбилея, но его секретарь Александръ Львовичъ Неваховичъ, братъ извѣстнаго каррикатуриста М. Л. Неваховича, замѣненъ былъ Борщовымъ, а всесильный режиссеръ Куликовъ—Яблочкинымъ.

Въ послѣдніе годы своей службы Александръ Михайловичъ сталъ мало обращать вниманія на театры, всѣ свои обязанности онъ возложилъ на своихъ помощниковъ: П. М. Борщова и П. С. Ѳедорова, которые въ концѣ концовъ стали полновластными хозяевами всѣхъ столичныхъ театровъ. Гедеоновъ такъ положился на ихъ способности въ дѣлѣ управленія, что всѣ

---

[1]) Продолжаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIX, стр. 94.

подаваемыя ими бумаги, смѣты, предположенія подписывалъ, не читая и даже не освѣдомляясь, что именно они предпринимаютъ. Эта халатность не проходила для театровъ безслѣдно, и всюду можно было наткнуться на упущенія, на безобразныя послабленія или на превышенія власти. У семи нянекъ всегда дитя безъ глаза: каждый дѣйствовалъ такъ, какъ ему угодно или, вѣрнѣе, выгодно. Пошли интриги, сплетни, непріятности, образовалась какая-то сутолока, которую разбирать пришлось десятками лѣтъ...

Бывшій начальникъ репертуарной части, Неваховичъ, былъ слишкомъ бездѣльнымъ, новый—Борщовъ, наоборотъ, слишкомъ дѣловитымъ. При Неваховичѣ начальника репертуара не было совсѣмъ замѣтно, его правами неограниченно пользовался Куликовъ, умѣвшій вообще прибрать къ рукамъ все то, изъ чего онъ могъ выгадать пользу. Александръ Львовичъ былъ идеалъ доброты, любезности, обходительности, но такъ разсѣянъ и безпеченъ, что положительно ни во что не входилъ, все довѣрялъ своимъ помощникамъ и главнымъ образомъ режиссеру, который даже злоупотреблялъ его невзыскательностью и довѣрчивостью. Ко всему этому если прибавить еще то, что Неваховичъ не долюбливалъ русскаго драматическаго театра и никогда почти въ него не заглядывалъ, то получится очень интересный типъ начальника русской драмы. Впрочемъ, онъ не былъ исключеніемъ: большинство изъ начальства было именно таковыми, ни хуже, ни лучше.

Объ его легендарной разсѣянности ходитъ много анекдотовъ, живописующихъ Александра Львовича какъ нельзя вѣрнѣе. Вотъ одинъ изъ нихъ.

Разъ является къ нему канцелярскій чиновникъ, у котораго наканунѣ умеръ пятилѣтній сынъ, и проситъ (Неваховичъ, кромѣ репертуарной части, еще былъ секретаремъ директора) дать билетъ (удостовѣреніе) отъ дирекціи о смерти его сына, такъ какъ безъ этого не принимаютъ покойника на кладбище.

— Занятъ я, — говоритъ торопливо Неваховичъ, — видишь! А пришелъ... Некогда теперь, приди вечеромъ.

Чиновникъ идетъ вечеромъ на квартиру Неваховича. Тамъ ему объявляютъ, что Александръ Львовичъ въ театрѣ.

Чиновникъ отправляется въ театръ. Входитъ въ директорскую ложу.

Неваховичъ оборачивается и спрашиваетъ:

— Что тебѣ?

— Вы утромъ приказали придти за билетомъ...

— Ахъ, да, да, да... вспомнилъ... — проговорилъ Александръ Львовичъ и приказалъ капельдинеру дать ему ложу третьяго яруса.

Николай Ивановичъ Куликовъ, главный режиссеръ русской драматической сцены, въ 1851 году вышелъ въ отставку. Для Александринскаго театра это было крупнымъ событіемъ, такъ какъ

Куликовъ заключалъ въ себѣ всю силу театральной администраціи. Онъ былъ все—и директоръ, и начальникъ репертуара, и управляющій конторою и театромъ и, наконецъ, режиссеромъ. Ни до, ни послѣ него, ни одинъ режиссеръ не пользовался такою неограниченною, нераздѣльною властью. Николай Ивановичъ умѣлъ такъ оріентироваться на александринскихъ подмосткахъ, что все зависѣло отъ него, а онъ ни отъ кого. Вслѣдствіе этого авторы, актеры, весь театральный штатъ преклонялся передъ его могуществомъ и трепеталъ его резолюціи. Пьесы для театра онъ выбиралъ самъ по своему вкусу, роли распредѣлялъ по своему усмотрѣнію, бенефисы назначалъ по желанію,—все это заставляло и авторовъ, и актеровъ, и бенефиціантовъ, ходить къ нему на поклонъ и вымаливать его милостей. Впрочемъ, такіе первачи, какъ Каратыгинъ или Сосницкій, на Куликова почти не обращали вниманія, и съ ними ничего нельзя было подѣлать по причинѣ ихъ заслуженности и расположенія къ нимъ императора Николая Павловича, остальные же не могли удержать за собою самостоятельности и находились все время въ подчиненіи могущественнаго режиссера.

На смѣну Куликова явился мой однокашникъ Александръ Александровичъ Яблочкинъ, объѣзжавшій предварительно Европу спеціально для изученія режиссерскихъ обязанностей. Первою пробною пьесою его постановки была комедія П. П. Сухонина «Русская свадьба», выдержавшая безчисленное множество представленій чуть не подрядъ. Проба оказалась на столько удачною, что Яблочкинъ назначенъ былъ главнымъ режиссеромъ и занималъ эту должность до 1873 года. Моя вторичная служба началась при немъ и окончилась при Ѳедоровѣ-Юрковскомъ.

Наше многочисленное начальство не ограничивалось однѣми оффиціальными личностями мужскаго элемента, тяготѣла надъ нами еще и неоффиціальная начальница въ лицѣ извѣстной всѣмъ театраламъ пятидесятыхъ годовъ Мины Ивановны, фаворитки одного очень вліятельнаго въ театральной сферѣ лица. Ея власть надъ столичными театрами была велика и пагубна: долгое время отъ нея зависѣло все—и ангажементы артистовъ, и раздача подрядовъ, и награда бенефисами, и даже репертуаръ. Всесильный Куликовъ и тотъ предъ ней пасовалъ. Она каждый день бывала въ какомъ нибудь театрѣ, и для нея спеціально ставились ея излюбленныя пьесы. Актеры, авторы, ходили къ ней на поклонъ и наперебой старались заслужить ея вниманіе; наше начальство было съ ней предупредительно и тоже не безъ заискиванія ея расположенія; различные подрядчики и вообще лица, желавшія чѣмъ либо поживиться отъ театральной дирекціи, дѣйствовали исключительно черезъ нее, хотя это имъ и не обходилось дешево, но зато было вѣрно и прочно.

Теперь мнѣ самому кажется страннымъ, какъ могло это быть, но тогда, когда все это происходило, казалось порядкомъ вещей.

Такъ мы не были избалованы удачнымъ назначеніемъ начальства, что всякую помпадуршу, всякую безграмотную чухонку, величали представительницею русскаго театра и подобострастно прилаживались подъ ея невѣжественный вкусъ. Больно и стыдно за то прожитое время! Стыдно и за себя, и за товарищей, и за начальство, и даже за того, кто вручилъ ей судьбы роднаго искусства. И добро бы ея сила высказывалась келейно, безшумно, не выходила бы изъ предѣловъ сцены, но нѣтъ—это было нѣчто гласное, оффиціальное, что каждому постороннему бросалось въ глаза.

Эта Мина Ивановна личность достопримѣчательная, благодаря той значительной административной роли, которую привелось ей играть впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ за кулисами казенныхъ театровъ. Происхожденіе ея очень скромное: она была уроженкой петербургской чухляндіи, то-есть той ближайшей къ столицѣ мѣстности, которая расположена по Финляндской желѣзной дорогѣ и знакома обывателямъ подъ разными національными названіями, вродѣ Парголово, Токсово, Райволово, Перекіярви и т. п. Ея судьба, по разсказамъ старожиловъ того приснопамятнаго времени, такова: будучи молодой и красивой, она приглянулась одному очень незначительному чиновнику, проживавшему лѣто въ избѣ ея родителей, которые по своей простотѣ душевной величали своего временнаго постояльца дачникомъ. Въ то далекое время каждая подгородная лачуга въ лѣтніе мѣсяцы называлась дачей, а наивный горожанинъ, поселившійся въ ней,—дачникомъ. Сердце этого незначительнаго чиновника, не избалованное вниманіемъ столичныхъ дамъ, не удовлетворяющихся одними внутренними достоинствами мужчины, но требующими отъ него кое-чего посущественнѣе, вдругъ взыгралось на лонѣ чухонской природы и потребовало матеріализаціи. За отсутствіемъ болѣе подходящей партіи, Б. (съ такой буквы начиналась его фамилія) сдѣлалъ предложеніе «хозяйской дочери» и вступилъ съ нею въ бракъ. Послѣ медоваго мѣсяца, какъ и слѣдовало ожидать, онъ занялся ея воспитаніемъ и образованіемъ. Она оказалась, къ величайшему удовольствію супруга, очень воспріимчивой и быстро усвоила воспитательные уроки. Черезъ годъ она была уже терпима въ обществѣ, а черезъ три года превратилась въ такую свѣтскую даму, что никто бы не посмѣлъ заподозрѣть ее въ подгородномъ происхожденіи. Къ этому времени относится ея знакомство съ главнымъ начальникомъ мужа, который, обративъ на нее свое благосклонное вниманіе, сталъ въ широкихъ размѣрахъ протежировать Б., оказавшемуся чувствительнымъ къ благодѣяніямъ и въ благодарность уступившему свои законныя права на обладаніе Миной Ивановной. Супруги дружелюбно разошлись. Мужъ быстро пошелъ взбираться по ступенямъ служебной лѣстницы, а жена прикомандировалась надзирательницею театровъ (она, изволите ли видѣть, очень обожала сценическое искусство, а такъ какъ благодѣ-

тель ея супруга и въ театральномъ управленіи былъ многозначащимъ, то, очень естественно, прихоть ея исполнилась безъ всякаго затрудненія). Она скоро вошла въ колею закулисной жизни, быстро оріентировалась въ новой для нея сферѣ и съ такимъ достоинствомъ сумѣла занять мѣсто фальсифицированной меценатки, что никому и въ голову не пришло выказать хоть для приличія какой нибудь самый незначительный протестъ. Всѣ сразу признали ее властью. Всѣ ходили къ ней на поклоненіе, и наиболѣе унижавшихся она наиболѣе одаривала милостями, выражавшимися въ различныхъ льготахъ и прибавкахъ. По ея желанію затирались и выдвигались; произволъ былъ возмутительный. Во всѣхъ театрахъ у Мины Ивановны была своя ложа (крайняя съ правой стороны во второмъ ярусѣ). Она величаво возсѣдала на золоченомъ креслѣ и милостиво принимала во время антрактовъ всѣхъ, желавшихъ лично засвидѣтельствовать ей свое почтеніе. Такая признательность артистокъ и артистовъ возбуждала удивленіе любопытной публики, не спускавшей биноклей съ ложи театральной помпадурши, около которой постоянно толпились служители свободнаго искусства.

Б. дослужился до статскаго совѣтника и вдругъ внезапно умеръ. На Мину Ивановну внезапная кончина статскаго совѣтника произвела удручающее впечатлѣніе: она въ недалекомъ будущемъ считала себя «превосходительною» и вдругъ... Охъ, ужъ это вдругъ! Ну, чтобы протянуть ему еще хоть одинъ годъ!... Впрочемъ, удрученную вдову утѣшили—похороненнаго Б. заднимъ числомъ произвели въ дѣйствительные, и Мина Ивановна сдѣлалась генеральшею...

О дальнѣйшей судьбѣ Мины Ивановны мнѣ ничего неизвѣстно. Какъ мгновенно она появилась на театральномъ горизонтѣ, такъ мгновенно и скрылась. Да, по правдѣ сказать, не многіе ея исчезновеніемъ и интересовались. Первое время, дѣйствительно, какъ будто чего-то въ театрѣ не хватало; по привычкѣ взглянешь на крайнюю втораго яруса ложу—и вмѣсто одобрительной улыбки, которая почти никогда не сходила съ физіономіи г-жи Б., видишь чью-то постороннюю фигуру, видимо удивляющуюся особенному вниманію актеровъ, по старой привычкѣ безпрестанно заглядывавшихъ въ роковую ложу.

Отъ начальства естественный переходъ къ товарищамъ и закулиснымъ событіямъ.

Прежде всего упоминаю о Мартыновѣ, величайшемъ комикѣ, который въ 1855 году, вскорѣ по поступленіи моемъ въ составъ казенной труппы, выказалъ себя замѣчательнымъ драматическимъ актеромъ. Первая роль новаго амплуа была роль Михайлы въ драмѣ А. А. Потѣхина «Чужое добро въ прокъ нейдетъ». Передъ первымъ представленіемъ и публика и товарищи соболѣзновали о любимцѣ, выступающемъ, въ разцвѣтѣ своего могучаго комическаго

таланта, въ совершенно непосильной роли. Театралы искренно возмущались на дирекцію, разрѣшившую Александру Евстаѳьевичу выступить въ роли не его жанра, и даже подозрѣвали въ этомъ интригу со стороны начальства. На самомъ же дѣлѣ роль Михайлы Мартыновъ игралъ по собственному желанію и на всѣ дружескія отсовѣтыванія онъ категорически отвѣчалъ, что эта роль безусловно его, что она ему по душѣ, и онъ ея никоимъ образомъ не испортитъ. Всѣ въ этомъ сомнѣвались, но каково же было ихъ удивленіе, когда нашъ комикъ вышелъ побѣдителемъ драматической роли, и какимъ еще побѣдителемъ! Успѣхъ былъ колоссальный! Знатоки не знали, кому отдать предпочтеніе: комику ли Мартынову, или драматическому герою Мартынову? Александръ Евстаѳьевичъ высказалъ другую сторону своего могучаго таланта и заслужилъ такое удивленіе знатоковъ, что съ тѣхъ поръ къ нему примѣнили наименованіе генія, и его имя стало безсмертнымъ, — безсмертнымъ на столько, на сколько позволяетъ неблагодарный актерскій трудъ, не оставляющій послѣ себя вещественныхъ доказательствъ, а повѣряемый на слово современниковъ и переходящій изъ поколѣнія въ поколѣніе въ видѣ легенды. Вотъ чѣмъ обидно и тяжело актерство. Писатель, художникъ, скульпторъ, музыкантъ, изобрѣтатель—всѣ послѣ себя оставятъ произведенія, по которымъ ихъ будутъ цѣнить и знать потомки, относящіеся вообще недовѣрчиво къ восторгамъ и похваламъ своихъ предковъ, но что можетъ оставить послѣ себя актеръ? Ни къ кому такъ не примѣнимы Пушкинскія слова «слава—дымъ», какъ къ нашему брату, закулисному труженику...

Въ 1856 году, въ бенефисъ Бурдина дана была «Свадьба Кречинскаго», до представленія надѣлавшая шумъ за кулисами, а послѣ представленія — въ публикѣ. Дѣло въ томъ, что Максимовъ и Мартыновъ, которымъ предназначались самимъ авторомъ Сухово-Кобылинымъ главныя роли—Кречинскаго и Расплюева, наотрѣзъ отказались принять какое либо участіе въ этой комедіи. Свой отказъ они мотивировали «несимпатичной обрисовкой героевъ», изъ которыхъ одинъ шулеръ, другой—мошенникъ. Этой пьесѣ симпатизировалъ директоръ Гедеоновъ и лично упрашивалъ Алексѣя Михайловича и Александра Евстаѳьевича взять на себя намѣченныя авторомъ роли, но ни тотъ, ни другой, всетаки, не согласились, предвѣщая этой комедіи провалъ. Дѣлать было нечего, пришлось отдать роль Кречинскаго Самойлову, а Бурдину — Расплюева. И хотя автору это было не по душѣ, тѣмъ не менѣе комедія прошла именно съ такимъ составомъ и имѣла колоссальный успѣхъ, почти равный (по числу представленій) «Горю отъ ума».

Впослѣдствіи Мартыновъ и Максимовъ жалѣли, что во имя какого-то предубѣжденія отказались отъ этой замѣчательной пьесы, принятой публикой какъ нельзя лучше.

Личность Кречинскаго, мастерски обрисованная Сухово-Кобылинымъ, была знакома всѣмъ петербуржцамъ, которые въ сороковыхъ годахъ встрѣчали въ лучшихъ столичныхъ салонахъ ловкаго авантюриста поляка Крысинскаго, оскандалившагося именно мошеннической продѣлкой съ булавкой. Публика была крайне заинтересована этой комедіей, и мѣста въ театрѣ брались буквально съ боя.

Самойлову Кречинскій удался, про Бурдина этого сказать нельзя. Впрочемъ и Мартыновъ изъ Расплюева ничего не сдѣлалъ. Не были ли правы Максимовъ и Мартыновъ, отказываясь предварительно отъ «Свадьбы Кречинскаго»? Почемъ знать, можетъ быть, съ ихъ участіемъ комедія и не имѣла бы успѣха? Разумѣется, они бы не нарочно ее провалили,—они бы старались изъ всѣхъ силъ поддержать ее, но не дали бы той особенности, той подстрочности, какою щегольнулъ Василій Васильевичъ. Самойловъ въ этой роли былъ неподражаемъ. Послѣ него выступали въ Кречинскомъ на тѣхъ же подмосткахъ Александринскаго театра—Шумскій, Милославскій, Киселевскій, но никто изъ нихъ не могъ произвести того впечатлѣнія, какое оставилъ по себѣ талантливый Самойловъ. Это былъ чрезвычайно воспитанный, свѣтскій Кречинскій, съ изящными манерами, способный очаровать всѣхъ и каждаго своимъ мягкимъ обращеніемъ, безконечною любезностью и искусно-поддѣланной чистосердечностью. И сквозь все это проглядывала шулерская наглость, хищническія ухватки, дерзкое нахальство, замѣтное исключительно для однихъ зрителей. Игра была тонкая, построенная на деталяхъ и эффектахъ, неуловимыхъ и не передаваемыхъ. Какъ на особенную деталь, которую никто не могъ усвоить, но которая вызывала фуроръ, слѣдуетъ указать—это привислянскій акцентъ и плутовская расчитанная вспыльчивость, являющаяся продуктомъ обидчивости.

Въ декабрѣ 1856 года торжественно праздновали столѣтній юбилей русскаго театра. Для этого знаменательнаго дня были сочинены двѣ пьесы, изъ которыхъ одна принадлежала В. Р. Зотову, а другая графу В. А. Соллогубу. Представлены онѣ были на сценѣ Большаго театра при громадномъ стеченіи публики. Содержанія первой пьесы не помню, а во второй самъ принималъ участіе, и потому она еще сохранилась въ памяти. Изображены были дѣятели театра Волковъ, Третьяковскій, Дмитревскій, Сумароковъ и проч. Сосницкій—явился Пушкинымъ, Мартыновъ замѣчательно загримировался Третьяковскимъ, Максимовъ былъ представительнымъ Волковымъ, Самойловъ далъ вѣрное изображеніе Сумарокова. Публика съ наслажденіемъ просмотрѣла эту картину возрожденія россійскаго театра, мѣтко схваченную и исторически вѣрно переданную авторомъ и актерами. На этотъ юбилей закулисные труженики возлагали большія надежды. Носились слухи, что для начала

втораго столѣтія даны будутъ актерамъ преимущества и льготы, что юбилейный день ознаменуется какимъ-то особенно памятнымъ эпизодомъ для драматической сцены и ея представителей, — ожидали чего-то до послѣдняго паденія занавѣса, но, увы! все прошло благополучно! По окончаніи спектакля артисты посмотрѣли другъ на друга вопросительно, посмѣялись въ душѣ надъ своею наивностью и спокойно разошлись. Одинъ только неунывающій П. А. Каратыгинъ попробовалъ пошутить.

— Мнѣ понятно,—сказалъ онъ,—почему насъ ничѣмъ не облагодѣтельствовали...

— Почему?—спросилъ его кто-то.

— Да потому, что если бы каждое столѣтіе дѣлать намъ подарки, то дирекція просто разорилась бы. Возьмите для примѣра хоть одну тысячу лѣтъ—десять подарковъ, вѣдь это цѣлое состояніе. Кромѣ того, мы не чиновныя особы... тѣхъ нельзя обойти, между ними встрѣчаются генералы, а у насъ если и найдется какой нибудь генералъ-басъ, то онъ, во-первыхъ, фальшивый, а во-вторыхъ—мѣщанинъ...

Послѣ этого юбилея Мартынову было предписано докторами отправиться за границу для излеченія начинавшейся чахотки. Неумѣренная жизнь, погоня за разовыми, постоянные недостатки, надломили здоровье Александра Евстаѳьевича, и онъ сталъ замѣтно ослабѣвать силами. Не предпринявъ мѣръ своевременно, онъ запустилъ свою болѣзнь, и на поправленіе его была слабая надежда. Доктора прямо заявили, что объ окончательномъ выздоровленіи его не можетъ быть и рѣчи, что поддержать его кое-какъ можно, но для этого нужна со стороны Мартынова строгая діэта, умѣренность и рѣдкое появленіе на сценѣ, которая на него все время будетъ дѣйствовать разрушительно. Въ виду того дирекція распорядилась выпиской изъ Москвы П. М. Садовскаго на гастроли, долженствовавшія продлиться во все время заграничнаго путешествія Мартынова.

Это была первая поѣздка Садовскаго въ Петербургъ. Публика приняла его радушно, не смотря на то, что онъ пріѣхалъ на замѣну любимца. Выбранная имъ для перваго выхода «Бѣдность не порокъ», въ которой онъ былъ неподражаемый исполнитель Любима Торцова, прошла съ необычайнымъ успѣхомъ. Это былъ такой Любимъ, котораго и не предполагали петербургскіе театралы. Въ этой характерной роли пробовали свои силы Самойловъ и Бурдинъ, но ни у того, ни у другаго, ничего похожаго на настоящій типъ, показанный намъ Садовскимъ, не выходило. Зрители сразу поняли, какого большаго артиста они предъ собою видятъ. Его успѣхъ съ перваго же выхода былъ гарантированъ, впрочемъ и во всѣхъ остальныхъ роляхъ онъ былъ такъ недосягаемъ, что въ самое непродолжительное время завоевалъ любовь петербуржцевъ, которые охотно наполняли зало Александринскаго театра во время

его гастролей. Это обстоятельство заставляло дирекцію нѣсколько разъ и впослѣдствіи приглашать Прова Михайловича погостить въ Петербургѣ.

Между прочими ролями, Садовскій сыгралъ Расплюева. Это былъ замѣчательный Расплюевъ: мелкій шуллеръ и плутъ, у котораго природная добродушность и безобидная наивность прорывалась въ каждомъ словѣ и жестѣ. Это былъ первый и послѣдній Расплюевъ на петербургской сценѣ. Можно себѣ вообразить, что это было за концертное исполненіе, когда Самойловъ выступалъ вмѣстѣ съ Садовскимъ. На своемъ вѣку я видѣлъ много разъ «Свадьбу Кречинскаго» съ разными актерами, но такого дуэта, такой дружной игры—никогда.

М. Максимовъ въ свой бенефисъ вздумалъ поставить водевиль «Что имѣемъ, не хранимъ, потерявши—плачемъ». Роль Морковкина въ немъ онъ упросилъ сыграть Мартынова, уже давно вслѣдствіе болѣзни не появлявшагося на сценѣ и собиравшагося уѣзжать, а роль Пѣтухова передалъ Садовскому, отмѣтившему въ своихъ гастрольныхъ пьесахъ и этотъ забавный водевиль. Александръ Евстаѳьевичъ и самъ былъ не прочь помѣряться съ своимъ московскимъ соперникомъ. Онъ вышелъ на сцену совершенно больнымъ; публика, замѣтившая сразу, что ея любимецъ играетъ черезъ силу, сдѣлала ему большой пріемъ. Оба артиста разыграли этотъ водевиль такъ, что во все время дѣйствія въ публикѣ не умолкалъ хохотъ. Оба они были такъ хороши, что театралы не знали, кому отдать предпочтеніе. Овація огромная устроена была соперникамъ; они безконечное число разъ выходили раскланиваться съ публикой, на которую производили впечатлѣніе ихъ дружескія отношенія между собой. Они выходили на сцену, крѣпко держа другъ друга за руку, а за сценой, говорятъ, переполнявшія ихъ чувства выразились въ братскомъ поцѣлуѣ.

Бенефиціантъ достигъ своего — театръ былъ переполненъ, посмотрѣть на соперниковъ сошлись съ особенной охотой всѣ завсегдатаи Александринскаго театра.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого спектакля больной Мартыновъ уѣхалъ за границу лечиться.

XIII.

Возвращеніе Мартынова.—Обѣдъ въ честь Мартынова, данный литераторами.—Мартыновъ въ драмѣ «Отецъ семейства». —Послѣдній выходъ Мартынова. —Извѣстіе о его смерти.—Похороны.—Анекдоты про Мартынова.

Поѣздка и отдыхъ не подѣйствовали облегчающимъ образомъ на Александра Евстаѳьевича: возвратился онъ въ Петербургъ такимъ же хворымъ и слабымъ, какимъ и покинулъ его. Та же тяжелая

одышка, тотъ же зловѣщій кашель, та же усталость. Хотя онъ сталъ какъ будто серьезнѣе лечиться, но докторскимъ совѣтамъ и настояніямъ внималъ мало. Ему было запрещено частое появленіе на сценѣ вообще и въ сильныхъ роляхъ въ особенности, но неотложныя нужды принуждали его играть и много, и все безъ разбора. «Разовая» система для него была гибелью; погоня за лишними рублями разрушала его здоровье не по днямъ, а по минутамъ.

Вскорѣ послѣ возвращенія Мартыновъ сыгралъ новую роль—Миши Бальзаминова въ новой пьесѣ Островскаго «Праздничный сонъ до обѣда», которая представлена была въ бенефисъ талантливѣйшей комической старухи Линской, неподражаемо игравшей свахъ. Мартыновъ былъ замѣчательнымъ Бальзаминовымъ. Пьеса эта выдержала массу рядовыхъ представленій при хорошихъ сборахъ, но Александръ Евстаѳьевичъ утомлялся въ ней болѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ пьесахъ. Вслѣдъ за «Праздничнымъ сномъ» появились двѣ комедіи Чернышева: «Женихъ изъ долговаго отдѣленія» и «Не въ деньгахъ счастье». Въ обѣихъ пьесахъ игралъ Мартыновъ главныя роли—Ладыжкина и Боярышникова. Исполненіе было безукоризненное. Мартыновъ далъ такіе новые типы, выполненные имъ съ мельчайшими психологическими деталями, что обѣ пьесы сдѣлались репертуарными и даются какъ на казенныхъ, такъ и на частныхъ сценахъ до сихъ поръ. Своимъ выдающимся успѣхомъ онѣ обязаны исключительно одному Мартынову, буквально превзошедшему себя и игравшему такъ, что публика рыдала, смотря на несчастнаго Ладыжкина, поставленнаго въ положеніе комическое, но переживающаго глубоко-драматическіе моменты. Зрители видѣли, какъ подъ смѣшной оболочкой жениха изъ долговаго отдѣленія, выставленнаго въ ореолѣ глупости и трусливой неловкости, проявлялась мучительная душевная борьба. На представленія той и другой пьесы публика ломилась въ Александринскій театръ; очень многіе ходили смотрѣть Мартынова въ этихъ роляхъ по нѣскольку разъ: такое неизгладимое впечатлѣніе оставлялъ онъ своей потрясающей игрой.

Послѣ этихъ успѣховъ петербургскіе писатели, во главѣ съ Тургеневымъ и Гончаровымъ, задумали дать въ честь Мартынова обѣдъ. Этимъ обѣдомъ предполагалось устроить сближеніе литераторовъ съ артистами, которое, однако, къ глубочайшему сожалѣнію, не осуществилось, а ограничилось только этимъ товарищескимъ обѣдомъ. Контингентъ чествовавшихъ роднаго комика былъ почти исключительно литературный, а представителемъ сцены былъ, кажется, только одинъ виновникъ торжества. Обѣдъ состоялся по подпискѣ; подписавшихся было очень много, что способствовало оживленію и веселости празднества. Было произнесено безъ счету рѣчей, тостовъ и спичей, адресованныхъ Александру Евстаѳьевичу. Онъ сконфуженно откланивался и отъ полноты чувствъ не находилъ словъ

для выраженія благодарности. Очевидцы говорили, что во все время обѣда Мартыновъ, благодаря своей природной скромности, чувствовалъ себя такъ неловко, что, казалось, глядя на него, онъ не можетъ дождаться окончанія всѣхъ этихъ овацій, чтобы удрать поскорѣе домой.

Александръ Евстаѳьевичъ возвратился домой крайне растроганнымъ и нѣсколько охмелѣвшимъ. Собравъ въ кружокъ жену и дѣтей, онъ со слезами на глазахъ сталъ разсказывать имъ, какъ чествовали его знаменитые литераторы.

— Очень хорошо тамъ у нихъ, все время за мое здоровье пили,— произнесъ Мартыновъ въ заключеніе,—желали со мной въ дружбѣ быть, говорили мнѣ похвалы, но я, всетаки, сбѣжалъ отъ нихъ къ вамъ, мои дѣтки, хотѣлось скорѣе придти и повѣдать, какъ любятъ вашего отца...

И впослѣдствіи всегда вспоминалъ Мартыновъ объ этомъ обѣдѣ съ благоговѣніемъ и особою гордостью.

Авторъ удачныхъ пьесъ «Женихъ изъ долговаго отдѣленія» и «Не въ деньгахъ счастье», Иванъ Егоровичъ Чернышевъ, даровитый драматургъ и очень посредственный актеръ, написалъ новую драму «Отецъ семейства», которую взялся поставить въ свой бенефисъ Мартыновъ. Роль себѣ взялъ бенефиціантъ, не соотвѣтствующую своему амплуа, а именно Турбина, не заключавшую въ себѣ ни одного комическаго штриха, а проявлявшую въ каждомъ словѣ и жестѣ черствость, грубость, деспотизмъ. Однако, онъ ее сыгралъ такъ, что всѣ безусловно признали его большимъ драматическимъ актеромъ. При представленіи этой драмы публика забывала величайшаго комика Мартынова, — предъ нею стоялъ несимпатичный домашній тиранъ Турбинъ, мучащій всѣхъ и вся и доведшій до могилы своего сына. Самые нечувствительные зрители не могли удержаться отъ слезъ, и весь театръ рыдалъ, какъ одинъ человѣкъ, созерцая высоко-талантливую прочувствованную игру Александра Евстаѳьевича.

Это первый примѣръ въ лѣтописяхъ русскаго театра, — впрочемъ не только русскаго, но и европейскаго, — чтобы одинъ человѣкъ былъ такъ богато одаренъ талантами, противоположными другъ другу. Комикъ и трагикъ—это нѣчто несовмѣстимое, между тѣмъ Мартыновъ совмѣщалъ въ себѣ эти двѣ крайности и былъ одинаково превосходенъ какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ.

Послѣднею ролью Александра Евстаѳьевича была роль Тихона въ драмѣ Островскаго «Гроза». Послѣднимъ его выходомъ былъ первый бенефисъ Фанни Александровны Снѣтковой 3-й, состоявшійся на Ѳоминой недѣлѣ 1860 года. Въ ея бенефисъ повторялась въ одиннадцатый разъ «Гроза», надѣлавшая много шуму при своемъ появленіи на сценѣ. Бенефисъ Снѣтковой, очень талантливой актрисы и всеобщей любимицы публики, былъ удостоенъ посѣще-

ніемъ государя и почти всей царской фамиліи. Мартыновъ игралъ въ послѣдній разъ передъ отъѣздомъ своимъ на югъ: его здоровье внушало серьезныя опасенія, и доктора торопили его покинуть какъ можно скорѣе гнилую петербургскую весну и перебраться на свѣжій воздухъ. Мартыновъ превзошелъ себя въ этомъ спектаклѣ и заслужилъ шумное одобреніе зрителей. Артистъ взялъ верхъ надъ человѣкомъ: онъ пересилилъ себя, забылъ на мгновеніе свою боль, заглушилъ немощные стоны разбитаго организма сознаніемъ своего артистическаго величія и... распростился навсегда съ публикой, дорогой публикой, видѣвшей его первые шаги, зорко слѣдившей за развитіемъ его генія, оцѣнившей и любившей его. Ни самъ онъ, ни зрители не думали, что торжественный бенефисъ Снѣтковой въ одно и то же время прощальный спектакль Мартынова. Никому и въ голову не могла придти такая безобразная мысль, что онъ видитъ эту признанную красу театра въ послѣдній разъ. А если бы у кого и мелькнуло это подозрѣніе, то онъ постарался бы разогнать его, какъ нѣчто для себя крайне непріятное...

Имѣя цѣлью своего путешествія южный берегъ Крыма, Мартыновъ отправился туда по собственно начертанному маршруту, по которому предстояло околесить массу какъ бы попутныхъ городовъ. Въ этихъ, якобы, попутныхъ городахъ онъ игралъ для того, по его словамъ, чтобы окупить расходы по путешествію. И вотъ вмѣсто поправленія здоровья онъ больше его разстроиваетъ и, наконецъ, совершенно лишается силъ. Объ его артистическомъ турнэ намъ, оставшимся въ Петербургѣ, ничего не было извѣстно, и мы спокойно поджидали его возвращенія къ открытію зимняго сезона, традиціонно состоявшемуся 16-го августа. Въ этотъ самый день вдругъ приходитъ телеграмма изъ Харькова съ извѣстіемъ, что Александра Евстаѳевича не стало. Это произвело сильное впечатлѣніе на весь Петербургъ, по которому тотчасъ же разлетѣлась печальная вѣсть, и всѣ были поражены неожиданностью. Театральный мірокъ тоже проникся искреннею скорбью. Всѣ его нелицемѣрно сожалѣли и вопреки закулиснымъ нравамъ, не находили ему преемника. Александръ Евстаѳьевичъ былъ счастливѣйшимъ человѣкомъ—онъ не имѣлъ враговъ, со всѣми былъ одинаково хорошъ, и всѣ одинаково его любили и даже обожали. Въ нашемъ кругу это такая рѣдкость, которая заслуживаетъ особеннаго вниманія и требуетъ упоминанія въ театральныхъ лѣтописяхъ. Не даромъ сложилась поговорка, что актеръ безъ интригъ—это тоже, что адвокатъ безъ портфеля...

Мартынову лечиться лѣтомъ не удалось совершенно; погоня за деньгами, въ которыхъ онъ крайне нуждался для содержанія своего большаго семейства, принудила его безъ отдыха переѣзжать изъ города въ городъ на гастроли и сбирать цѣлковые. Казенное содержаніе было крайне недостаточно и не обезпечивало его, а гастрольный гонораръ былъ существенною подмогой. Поэтому необходимый

отдыхъ онъ предпочелъ приватному заработку и поплатился жизнью. Глубоко правы были тѣ, которые обвиняли дирекцію, а главнымъ образомъ всемогущаго П. С. Ѳедорова, за скаредную экономію, слѣдствіемъ которой была потеря Мартынова. Когда объ этомъ кто-то сообщилъ Ѳедорову, онъ, съ поползновеніемъ на логику, отвѣтилъ:

— А почему онъ не просилъ прибавки? Попросилъ бы хорошенько, можетъ быть, и прибавили бы...

— Да вѣдь онъ просилъ...

— Просилъ, но какъ? Нужно убѣдительно и хорошенько... Мало ли мы по просьбамъ, настоящимъ просьбамъ, прибавляемъ...

— Ахъ, Павелъ Степановичъ, это вы говорите про любимцевъ... Имъ-то, разумѣется, идутъ прибавки...

— А развѣ Мартыновъ не былъ любимцемъ? Его мы тоже любили...

— А почему же не жаловали?

— Просить не умѣлъ!

Мартыновъ занемогъ еще въ Одессѣ. Почувствовавъ себя крайне худо, онъ поспѣшилъ отправиться въ Петербургъ, но, доѣхавъ до Харькова, слегъ въ постель и умеръ 16-го августа 1860 года на рукахъ А. Н. Островскаго, случайно въ то время находившагося въ Харьковѣ.

Почти черезъ мѣсяцъ, т. е. въ срединѣ сентября, гробъ съ прахомъ Мартынова былъ привезенъ въ Петербургъ и поставленъ на сутки въ Знаменской церкви, что̀ на Невскомъ проспектѣ у вокзала Николаевской желѣзной дороги. Въ приходѣ этой церкви покойный проживалъ послѣдніе годы своей жизни.

На другой день его хоронили. Похороны были невиданные, стеченіе публики необычайное. Весь Петербургъ пожелалъ принять участіе въ погребальной процессіи, всѣ спѣшили отдать послѣдній долгъ своему незамѣнимому любимцу. На отпѣваніи были всѣ петербургскіе литераторы, въ полномъ составѣ русскіе и иностранные артисты, сановники и вельможи. Весь Невскій, вплоть отъ Знаменской церкви до Адмиралтейства, былъ такъ переполненъ народомъ, что движеніе экипажей было пріостановлено. Печальный кортежъ съ трудомъ пробивалъ себѣ дорогу, ручки отъ гроба доставались положительно съ бою. Въ шествіи приняли участіе артисты, литераторы, но главнымъ образомъ учащаяся молодежь, глубоко уважавшая и любившая покойнаго комика. Передъ гробомъ несли много вѣнковъ, — это, кажется, было впервые: до похоронъ Мартынова шествій съ вѣнками не бывало.

У Александринскаго театра процессія остановилась и настоятельно просила священника отслужить литію.

— Какъ? У театра-то?—испуганно замѣтилъ священникъ.

— Нѣтъ, у зданія, гдѣ Мартыновъ двадцать пять лѣтъ прожилъ душой и чувствами,—крикнулъ въ отвѣтъ кто-то изъ толпы.

— Я не могу,—сказалъ священникъ, — вблизи нѣтъ никакой церкви... У Казанскаго собора отслужимъ...

Поднялся крикъ: «Здѣсь! Здѣсь!»

Священникъ, знавшій лично покойнаго и относившійся съ уваженіемъ къ своему духовному сыну, былъ тронутъ общимъ единодушнымъ возгласомъ. Онъ рискнулъ строгою отвѣтственностью и отслужилъ литію.

Когда процессія двинулась далѣе, по направленію къ кладбищу, кто-то изъ драматической труппы — теперь не помню — подошелъ къ священнику и сообщилъ:

— Батюшка, вы служили литію на законномъ основаніи.

— Какъ такъ?—удивился священникъ.

— Вы служили передъ церковью театральнаго училища, гдѣ покойный воспитывался.

— Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ, — обрадовался священникъ неожиданному открытію.

Впослѣдствіи, когда пришлось этому священнику отвѣчать передъ начальствомъ за несвоемѣстную службу, то онъ очень успѣшно воспользовался важнымъ указаніемъ артиста и оградилъ себя отъ непріятностей.

При опусканіи тѣла въ могилу говорились надгробныя рѣчи, проливались слезы, раздавались истеричныя рыданія... Горе казалось глубокимъ, неукротимымъ, но, увы! прошелъ годъ-другой, и Мартыновъ оказался въ забвеніи. На его могилу въ годовщину смерти явились только вдова и дѣти... Вотъ она слава актера! Имя Мартынова теперь пустой звукъ, а вѣдь было время, когда оно произносилось съ благоговѣніемъ, чтилось наравнѣ съ знаменитыми писателями, художниками и ваятлелями земли Русской, и даже больше, потому что геній Мартынова былъ удобопонятенъ для всякаго, онъ былъ проще и доступнѣе, былъ больше на виду и болѣе возможенъ для провѣрки. Провѣрить актера не трудно— его правда сама сказывается; путемъ самыхъ незначительныхъ анализовъ, часто незамѣтныхъ самому наблюдателю, познается степень дарованія актера... Слава, даже бы жалкая слава, хотя бы въ видѣ традицій, оставшихся послѣ покойнаго и долженствовавшихъ бы переходить изъ поколѣнія въ поколѣніе, — и той нѣтъ, и та по прошествіи какого нибудь десятка лѣтъ утратилась окончательно. Что же остается послѣ актера, даже геніальнаго актера?

Посвящая эту главу Мартынову, припомню кстати о немъ два анекдота, изъ тѣхъ немногихъ о немъ анекдотовъ, которые ходили за кулисами.

Александръ Евстаѳьевичъ изрѣдка позволялъ себѣ послѣ спектакля отправиться съ пріятелями въ ближайшій ресторанъ и въ веселой бесѣдѣ провести тамъ нѣсколько часовъ. Однажды послѣ

*

представленія популярнаго водевиля Куликова «Ворона въ павлиньихъ перьяхъ», въ которомъ Мартыновъ замѣчательно хорошо игралъ маркера Антона Шарова, выигрывшаго въ польскую лоттерею 900 тысячъ злотыхъ,—собралась въ трактирѣ обычная группа пріятелей во главѣ съ Александромъ Евстаѳьевичемъ. Живительная влага дѣлала свое дѣло: развязала имъ языки и превращала ихъ первоначально-серьезный разговоръ болѣе и болѣе въ непринужденно-игривый и чрезвычайно шуточный. Пріятели острили, каламбурили и покрывали все это беззаботнымъ смѣхомъ.

Въ это время входитъ въ трактиръ провинціалъ, впервые попавшій въ столицу изъ далекаго захолустья и только что бывшій въ Александринскомъ театрѣ и до упаду хохотавшій надъ забавнымъ водевилемъ.

Увидя группу бритыхъ и весело разговаривавшихъ между собой людей, онъ освѣдомился у лакея:

— Ужъ не актеры ли это?

— Актеры-съ.

— И Мартыновъ тутъ?

— Тутъ-съ.

— Ну? — обрадовался провинціалъ. — Который же Мартыновъ?

— А вонъ тотъ!—ткнулъ рукой въ пространство лакей и позванный кѣмъ-то изъ посѣтителей отбѣжалъ отъ провинціала, которому показалось, что тотъ указалъ ему на одиноко сидящаго солиднаго господина, умѣстившагося за отдѣльнымъ столомъ неподалеку отъ актеровъ.

Провинціалъ почтительно подошелъ къ нему и съ блаженной улыбкой сталъ всматриваться въ недоумѣвающаго господина.

— Вамъ что?—наконецъ спросилъ его солидный господинъ.

— Я такъ-съ,—наивно отвѣтилъ провинціалъ, едва сдерживаясь отъ смѣха.—А какъ же Параша-то?

— Что? Какая Параша?

— Ха-ха-ха! Вотъ шутъ-то гороховый!..—неудержимо расхохотался провинціалъ. — Ахъ, чтобъ тебя!.. Ха-ха-ха!.. Много ли денегъ отъ выигрыша осталось? Все спустилъ? Ха-ха-ха!..

— Что это значитъ? Вы забываетесь! — обидѣлся господинъ и всталъ, чтобы прекратить неумѣстную сцену.

— Да, ну, тебя къ чорту! Не ерепенься! — закричалъ на него простодушный провинціалъ и насильно усадилъ его на прежнее мѣсто. — Сиди! Чѣмъ хочешь, угощу!.. Ха-ха-ха! Вотъ умора-то!

— Милостивый государь, я прикажу позвать полицію...

— Не смѣши, ей-Богу, умру!.. Ха-ха-ха!.. Вотъ чудакъ-то!.. Ишь ты какой, — сразу и не узнать тебя... Ну, и потѣшилъ же ты! Вотъ такъ маркеръ! Настоящій половой! Ха-ха-ха!

— Да вы сумасшедшій!—воскликнулъ господинъ.

— Ха-ха-ха! И сердишься-то какъ смѣшно!.. Ой, батюшки! Вотъ смѣхота-то!.. Ой, умру! Ей-Богу, умру!.. Мартыновъ, голубчикъ, не смѣши... Лопну, честное слово, лопну... Перестань!

Тутъ только господинъ понялъ ошибку провинціала и самъ такъ расхохотался, что ихъ обоихъ пришлось отпаивать водой. Актеры, свидѣтели этого недоразумѣнія, тоже примкнули къ хохотавшимъ, и стѣны трактира наполнились такимъ небывалымъ смѣхомъ, что всѣ бывшіе въ трактирѣ, не исключая и буфетчика съ лакеями, прибѣжали въ общее зало, съ цѣлью разъяснить происшествіе, но заразительный смѣхъ актеровъ, провинціала и солиднаго господина, оказавшагося извѣстнымъ петербургскимъ домовладѣльцемъ, подѣйствовалъ и на нихъ. Они тоже пришли въ веселое состояніе и, не понимая, въ чемъ дѣло, хохотали до тѣхъ поръ, пока не явился свирѣпый трактиросодержатель и не разогналъ ихъ по мѣстамъ.

Успокоившись, компанія соединилась воедино, и кутежъ продолжался до поздняго утра.

Другой анекдотъ — это острота Мартынова, къ слову сказать, чуть ли не единственная. Онъ вообще не отличался находчивостью, а тѣмъ болѣе остроуміемъ...

Подходитъ къ нему гдѣ-то въ обществѣ незнакомый невѣжа-аристократъ и говоритъ:

— Я слышалъ, что вы удачно копируете всѣхъ и каждаго. Прелюбопытно бы взглянуть, какъ бы вы меня представили?

— О, это очень нетрудно!

— Будто бы?

— Стоитъ только выглядѣть осломъ...

Аристократъ ретировался и на всѣхъ перекресткахъ разносилъ Мартынова бездарностью.

XIV.

Директоръ Сабуровъ.—Графъ Борхъ.—П. В. Васильевъ.—А. М. Максимовъ.—Случаи изъ его жизни.—Брошель.—В. А. Лядова.—Легенда о зубахъ Лядовой.—«Смерть Іоанна Грознаго».

Въ 1858 году А. М. Гедеоновъ, послѣ отпразднованнаго двадцатипятилѣтняго юбилея, покинулъ свой директорскій постъ и уѣхалъ отдыхать въ Парижъ. Директорскія треволненія, очевидно, были велики, ибо Александру Михайловичу потребовался отдыхъ въ чужихъ краяхъ продолжительный. Въ Парижѣ онъ прожилъ безвыѣздно до самой смерти, случившейся въ началѣ шестидесятыхъ годовъ.

Послѣ Гедеонова директоромъ петербургскихъ театровъ былъ Андрей Ивановичъ Сабуровъ, до этого занимавшій должность

управляющаго дворцомъ великаго князя Константина Николаевича и никогда ничего общаго съ театромъ не имѣвшій. Свое непониманіе театральнаго дѣла онъ блестяще доказалъ четырехъ-лѣтнимъ (во все время директорства) безпрерывнымъ дефицитомъ, сформировавшимся въ довольно круглую цифру. Онъ сдѣлалъ массу довольно непроизводительныхъ расходовъ, благодаря своей страсти къ перестройкамъ и ремонтамъ, а также и благодаря желанію казаться много знающимъ, при ангажементѣ артистовъ, въ особенности иностранныхъ, которымъ онъ назначалъ громадныя жалованья и которые, какъ нарочно, оказывались никуда негодными. Все это, вмѣстѣ взятое, сдѣлало то, что дирекція прибѣгла къ экстренному займу четырехъ-сотъ тысячъ изъ удѣльныхъ суммъ. Главнымъ образомъ этотъ солидный капиталъ пошелъ на совершенно безполезную перестройку Михайловскаго театра и на неудачную постройку Маріинскаго, воздвигнутаго на пепелищѣ сгорѣвшаго цирка, остатки котораго пошли въ основаніе театра, черезъ что и получилась неудовлетворительность въ архитектурномъ отношеніи.

Сабурову почему-то показалось, что Михайловскій театръ слишкомъ малъ, и онъ надумалъ его увеличить. Между тѣмъ для иностранныхъ (съ искони вѣка предназначенныхъ для него французскихъ и нѣмецкихъ) спектаклей онъ былъ совершенно достаточенъ. Прославленныя его удобства и замѣчательная акустика при перестройкѣ пропали: внутренній видъ театра получился неуклюжій, объ акустикѣ не осталось помину, такъ что только изъ первыхъ рядовъ креселъ стало слышно актеровъ, тогда какъ до перестройки самыя послѣднія, въ галереѣ, мѣста были хорошо приспособлены къ тому, чтобы съ нихъ все можно было превосходно слышать и видѣть. Надежды директора на увеличеніе сборовъ, которые, по его мнѣнію, долженствовали идти на уплату долга, оказались только надеждами. Перестроенный театръ сталъ посѣщаться публикой съ меньшей охотой, что̀ ужасно озадачило Сабурова.

Сабуровъ не былъ скупымъ: казенныхъ денегъ онъ не жалѣлъ для иностранныхъ артистовъ и, во время своихъ заграничныхъ поѣздокъ, самолично приглашалъ такихъ изъ ряда вонъ выходящихъ, по своей непригодности, исполнителей, что стыдно было выпустить ихъ на сцену. Во время своего недолговременнаго правленія Сабуровъ отбилъ охоту у публики бывать въ театрахъ. На драматическую сцену онъ не обращалъ совершенно никакого вниманія, а излюбленную итальянскую оперу своимъ усердіемъ привелъ въ такое положеніе, что въ концѣ-концовъ онъ чуть ли не единственнымъ зрителемъ остался.

Со всѣми нами, актерами, онъ былъ грубъ и надменен. Исключенія не было ни для кого. Его олимпійское величіе и неприступность, которою онъ окружилъ себя съ первыхъ же дней директорства, крайне не расположили къ нему всѣхъ, причастныхъ

къ театру. Съ видомъ знатока и авторитетно онъ дѣлалъ различныя нелѣпыя распоряженія. Званіе директора театровъ ему очень нравилось, и онъ съ излишкомъ злоупотреблялъ имъ. При немъ всѣмъ намъ жилось плохо, одному только Павлу Степановичу Ѳедорову было попрежнему хорошо. Онъ забралъ Александринскій театръ окончательно въ свои руки и былъ его полновластнымъ хозяиномъ. Это начальство, конечно, тоже не обходилось безъ злоупотребленій, о которыхъ, впрочемъ, и вспоминать-то не стоитъ по той причинѣ, что всѣмъ извѣстны эти злоупотребленія и всѣ крѣпко помнятъ Ѳедорова.

Послѣ Сабурова директорское мѣсто досталось графу Борху, который всего на всего прослужилъ два года и ничѣмъ не улучшилъ положенія петербургскихъ театровъ. На первыхъ порахъ онъ принялся было дѣятельно устранять безобразныя и явныя злоупотребленія, но, встрѣтивъ сильнѣйшій отпоръ со стороны много забравшихъ себѣ власти и обросшихъ театральною тиною подчиненныхъ, уступилъ и подпалъ подъ вліяніе Ѳедорова и другихъ. Съ отставкою графа В. Ѳ. Адлерберга покинулъ свой постъ и графъ Борхъ, а на его мѣсто явился Степанъ Александровичъ Гедеоновъ, сынъ прежняго директора Александра Михайловича. Надеждъ на него возлагалось много, но онѣ не оправдались. Степанъ Александровичъ былъ очень дѣятельнымъ и даже понимающимъ дѣло, но у него не хватило силъ побороть всѣ тѣ безпорядки, безобразія и злоупотребленія, которыя получили уже права гражданства за кулисами и для искорененія которыхъ потребовались бы терпѣливые года, а не дни, полные горячности, увѣренности и быстроты натиска. Все это обростало и накапливалось десятками лѣтъ, имѣло несомнѣнную устойчивость и находило въ окружающемъ дѣятельную подпору; нужно было подходить ко всему этому исподволь, съ дипломатическимъ тактомъ и стратегическимъ расчетомъ, а не прямо и открыто. Такія отважныя предпріятія никогда не могутъ увѣнчаться успѣхомъ. Хотя и существуетъ энергичная поговорка: «смѣлость города беретъ», но она всего болѣе примѣнима, какъ на самомъ дѣлѣ и есть, къ воякамъ, а для канцелярскихъ дѣятелей, въ особенности же театрально-канцелярскихъ, она не годна. Шансы не равны будутъ: солдатъ обыкновенно дерется съ солдатомъ, дипломатъ обманываетъ дипломата, но если солдатъ пойдетъ противъ дипломата, или дипломатъ устроитъ нападеніе на солдата, результаты получатся одинаково плачевные для солдата. Такъ разсуждали наблюдатели, слѣдившіе за лихорадочною дѣятельностью новаго директора, и они были совершенно правы: Павелъ Степановичъ и другіе были дипломаты, и побѣдить ихъ могла только дипломатія же...

При Сабуровѣ умеръ Мартыновъ и поступилъ П. В. Васильевъ. Еще Александра Евстаѳьевича не успѣли похоронить (14-го сен-

тября), какъ на его мѣсто уже заявился Васильевъ, дебютировавшій въ самомъ началѣ сентября. Будучи лѣтомъ въ Одессѣ, Мартыновъ игралъ вмѣстѣ съ Васильевымъ, который такъ понравился ему, что онъ пообѣщалъ Павлу Васильевичу свое содѣйствіе пристроить на петербургскую сцену. И дѣйствительно онъ быстро выхлопоталъ ему дебютъ, свидѣтелемъ котораго Мартынову уже не суждено было быть. Обстоятельства сложились такъ, какъ будто Александръ Евстаѳьевичъ самъ лично нашелъ себѣ преемника и передалъ ему свое положеніе, амплуа.

Васильевъ дебютировалъ въ заигранной покойнымъ комикомъ пьесѣ «Андрей Степанычъ Бука» и поэтому большаго успѣха не имѣлъ, но публика, всетаки, оцѣнила его дарованіе, которое не было, разумѣется, равнымъ или даже подходящимъ къ таланту Мартынова, но, тѣмъ не менѣе, большое и выдающееся.

Павелъ Васильевичъ не былъ положительнымъ новичкомъ для театральнаго начальства. Онъ когда-то учился въ Петербургскомъ театральномъ училищѣ и былъ исключенъ оттуда за неспособность къ драматическому искусству! Выгнанный изъ школы юношей, онъ отправился въ провинцію и въ небольшой періодъ времени выработался въ большаго актера.

Послѣ перваго дебюта входитъ къ нему въ уборную одинъ изъ бывшихъ его преподавателей, узнавшій стараго своего ученика, и говоритъ:

— Поздравляю! Поздравляю! Экъ вы выровнялись-то! Я отъ васъ этого не ожидалъ!

— А я отъ васъ всего ожидалъ!—отвѣтилъ въ тонъ Васильевъ.

Первое время Васильеву было тяжело. Мартыновъ былъ еще живъ въ памяти каждаго, и выступать въ его роляхъ была большая смѣлость и рискъ. Нужно было быть дѣйствительно очень даровитымъ, чтобы взять на себя такія отвѣтственныя роли, какъ покойнаго комика, однако Васильевъ не падалъ духомъ, трудился неустанно и въ концѣ концовъ пріобрѣлъ себѣ положеніе, симпатію публики и если не замѣнилъ Мартынова, то, всетаки, былъ лучшимъ изъ всѣхъ, бравшихся за Мартыновскій репертуаръ.

Во многихъ роляхъ Павелъ Васильевичъ былъ самостоятеленъ и незамѣнимъ. Напримѣръ, кто лучше его изображалъ Любима Торцова въ комедіи «Бѣдность не порокъ»? Кто былъ хорошимъ Расплюевымъ послѣ Садовскаго? Во многомъ ли уступалъ онъ Мартынову въ «Женихѣ изъ долговаго отдѣленія»? Былъ ли лучше его Подхалюзинъ въ комедіи «Свои люди—сочтемся», или дьячекъ Вербохлестовъ въ сценахъ Погосскаго «Чему быть, того не миновать»? Все это говоритъ въ пользу артиста, которымъ дирекція не умѣла дорожить. Павелъ Васильевичъ покидалъ казенную сцену, уѣзжалъ въ провинцію и опять, по зрѣломъ размышленіи, былъ возвращаемъ дирекціею, а въ 1874 году онъ окончательно вышелъ

въ отставку и уже болѣе на петербургской сценѣ не появлялся, хотя со стороны дирекціи и были сдѣланы первые шаги къ примиренію, но Васильевъ оказался непоколебимымъ.

Въ 1861 году умеръ отъ чахотки Алексѣй Михайловичъ Максимовъ, болѣе четверти вѣка несшій на себѣ всѣ отвѣтственныя роли любовниковъ, фатовъ (въ то время называвшихся повѣсами) и вообще молодыхъ людей. Онъ былъ очень талантливъ, и его смерть была чувствительна для театра. На замѣну его не явился никто, и амплуа, такъ называвшееся максимовское, раздробилось на нѣсколькихъ исполнителей, которые заставляли горько оплакивать смерть этого хорошаго человѣка, хорошаго товарища и хорошаго актера. Алексѣй Михайловичъ былъ крайне разнообразенъ, въ его репертуарѣ были роли совершенно непохожія одна на другую, какъ, напримѣръ: Хлестакова, Чацкаго, Молчалина, Гамлета, Ноздрева въ «Мертвыхъ душахъ», Яго въ «Отелло», Лепорелло въ «Каменномъ гостѣ», Фердинанда въ «Коварствѣ и любви», Кина, Фигаро и проч. И замѣчательно, что во всѣхъ роляхъ онъ былъ хорошъ.

Максимовъ молодость свою провелъ бурно. Его почему-то обожали купеческіе сынки, спаивавшіе его и подбивавшіе на разгульную жизнь. Вѣчные кутежи способствовали развитію чахотки и свели въ могилу этого замѣчательнаго артиста. Не смотря на свою, повидимому, безобразную жизнь, Алексѣй Михайловичъ былъ глубоко-религіознымъ человѣкомъ. У него былъ излюбленный монастырь, стоящій близъ Новгорода, на берегу Волхова, въ который онъ дѣлалъ вклады и былъ самымъ усерднымъ и частымъ его гостемъ. Въ этотъ монастырь Максимовъ уѣзжалъ обыкновенно на весь великій постъ, удѣлялъ время посѣтить его лѣтомъ; вся монашествующая братія его знала и относилась къ нему съ почтеніемъ за его религіозность, съ виду вовсе не свойственную служителямъ театра, который, по суевѣрнымъ понятіямъ народа, не болѣе какъ «утѣха чорта», бѣсовское навожденіе и т. д. въ этомъ же родѣ.

Алексѣй Михайловичъ былъ незауряднымъ анекдотистомъ и крайне счастливымъ на приключенія. Про него всегда ходила за кулисами и въ публикѣ такая масса разсказовъ, что упомнить хотя бы десятую часть ихъ не было никакой возможности, что очень жаль, такъ какъ большинство изъ нихъ характерны и обрисовываютъ Максимова со всѣми его слабостями рельефно.

Особенно забавенъ одинъ фактъ, приключившійся съ нимъ въ молодости, вскорѣ по выходѣ изъ театральнаго училища, когда онъ былъ уже отмѣченъ начальствомъ и публикой, какъ талантливый актеръ, и имѣлъ выдающійся успѣхъ.

Будучи незанятымъ въ какомъ-то спектаклѣ, Максимовъ находился въ «публикѣ». Въ одинъ изъ антрактовъ онъ пошелъ въ курильную комнату, помѣщавшуюся возлѣ буфета, чтобы затя-

нуться «жуковымъ». Спокойно усѣлся въ кресло, набилъ табакомъ трубку и сталъ поджидать кого либо съ раскуренной уже трубкой, чтобы воспользоваться огнемъ и раскурить свою.

Черезъ нѣсколько минутъ входитъ пожилой человѣкъ невзрачнаго вида и въ потертой одеждѣ. Максимовъ принимаетъ его за буфетнаго лакея и важно приказываетъ:

— Эй! Подай мнѣ огня!

— Сію минуту,—отвѣчаетъ вошедшій и скрывается за дверьми, изъ-за которыхъ почти сейчасъ же возвращается, но уже съ зажженной бумажкой.

Алексѣй Михайловичъ не торопясь раскурилъ свою трубку и сказалъ:

— Спасибо, любезный.

Мнимый лакей бросилъ бумажку на полъ, затопталъ ее и, къ удивленію Максимова, опустился на сосѣднее кресло. Алексѣй Михайловичъ хотѣлъ было сдѣлать ему внушеніе за неприличное поведеніе, но тотъ предупредилъ его, смѣло сказавъ:

— Эй, подай мнѣ стаканъ воды!

Максимовъ тутъ только понялъ, что прислуживавшій ему человѣкъ—не лакей. Онъ опѣшилъ, растерялся, но, быстро оправившись, вскочилъ съ мѣста и побѣжалъ въ буфетъ. Возвратившись черезъ мгновеніе со стаканомъ воды на подносѣ, онъ съ почтительнымъ видомъ всталъ передъ незнакомцемъ и услужливо проговорилъ:

— Пожалуйте!

Невзрачный господинъ не торопясь выпилъ воду и тономъ Максимова сказалъ:

— Спасибо, любезный.

Когда Алексѣй Михайловичъ направился съ опорожненной посудой въ буфетъ, загадочный незнакомецъ остановилъ его вопросомъ:

— Вы, вѣроятно, не откажетесь возвратиться сюда побесѣдовать со мной?

— Съ удовольствіемъ!—отвѣтилъ на ходу Максимовъ и черезъ минуту сидѣлъ уже около невзрачнаго господина, который наставительнымъ тономъ говорилъ ему:

— Очень жаль, что вы лишены воспитанія. Неужели некому было внушить вамъ правила приличія, безъ чего успѣхъ въ свѣтѣ невозможенъ? Вы, молодой человѣкъ, только-что вступаете въ жизнь, поэтому сегодняшній мой урокъ вамъ будетъ не безполезенъ. Вы занимаете извѣстное общественное положеніе (я васъ знаю, вы актеръ Максимовъ), на васъ обращаютъ вниманіе и даже нѣкоторые подражаютъ вамъ, значитъ, вы служите примѣромъ, а ужъ если быть примѣромъ, то нужно быть хорошимъ, не иначе. Слѣдовательно, вамъ надлежитъ знать деликатность болѣе, чѣмъ кому

либо. Деликатностью вы можете много одолѣть преградъ, которыя сплошь и рядомъ будутъ попадаться вамъ на жизненномъ и служебномъ пути... Если вы желаете, чтобы васъ уважали, то умѣйте и сами уважать. Это неоспоримая житейская аксіома. Кстати, запомните, что слѣдуетъ уважать человѣка, а не его платье!.. Не забывайте же всего этого, вамъ пригодится... А теперь познакомимтесь, какъ слѣдуетъ, и будемъ добрыми знакомыми... Васъ я знаю, а мнѣ позвольте отрекомендоваться: графъ Завадовскій.

Послѣ этого урока Максимовъ сталъ избѣгать графа, а если какъ нибудь неожиданно и сталкивался съ нимъ, то такъ чувствовалъ себя нехорошо, что Завадовскій даже принужденъ былъ задавать ему вопросъ:

— Здоровы ли вы?

Вскорѣ послѣ представленія «Гамлета», который въ исполненіи Максимова былъ впервые на Александринской сценѣ безукоризненнымъ, шла переводная комедія «Любовь и предразсудокъ». Главная роль въ ней актера Сюливана была поручена Алексѣю Михайловичу, поклонники котораго воспользовались одною фразою изъ его роли и устроили ему громадную овацію, совершенно неожиданную и особенно растрогавшую артиста.

Послѣ словъ:

— Я игралъ Гамлета и самъ чувствовалъ, какъ я былъ великъ въ этотъ вечеръ!

Раздались оглушительные аплодисменты и на сцену посыпались изъ литерныхъ ложъ въ безчисленномъ количествѣ вѣнки и букеты. Около четверти часа продолжались рукоплесканія и крики толпы. Другой такой оваціи въ зауряднομъ спектаклѣ я не помню...

Этотъ случай прекрасно иллюстрируетъ отношенія публики къ любимому артисту. Я съ особымъ удовольствіемъ вспоминаю старое время, когда публика умѣла выражать свои чувства не только на словахъ, но и на дѣлѣ...

9-го февраля 1864 года дебютировала въ Александринскомъ театрѣ Брошель. Первый ея выходъ былъ въ роли Лизы Ѳоминой, въ комедіи того же названія. Молоденькая и талантливая актриса сразу завоевала любовь публики. Театралы возложили на нее большія упованія и надежды, всѣ пророчили ей блестящую будущность. Она играла съ увлекательною веселостью и съ заразительнымъ юморомъ въ комедіи, а въ драматическія роли вкладывала душу и чувства. Нервы ея всегда были въ напряженіи, она жила на сценѣ жизнью дѣйствующаго лица, и это производило глубокое впечатлѣніе на зрителей. Она очень хороша была въ «Лизѣ Ѳоминой» и «Семейныхъ расчетахъ», но положительный фуроръ Брошель произвела третьимъ дебютомъ въ комедіи Островскаго «Бѣдная невѣста». Марья Андреевна въ ея исполненіи вышла вполнѣ законченнымъ типомъ, безъ малѣйшихъ недостатковъ. Послѣ

этой роли она была окончательно признана талантомъ, и всѣ лучшія роли перешли къ ней. Она тѣмъ болѣе была дорога для Александринской сцены, что задолго до ея появленія не было въ драматической труппѣ мало-мальски сносной артистки на амплуа ingenue-comique или dramatique, да и послѣ ея изчезновенія съ подмостковъ также продолжительное время не находилось подходящей артистки. На смѣну ей явилась М. Г. Савина, но черезъ восемь лѣтъ послѣ ея ухода со сцены.

Брошель была худенькая, маленькая, но подвижная и изящная. Она только два года играла, на третій, въ самый разгаръ ея дѣятельности и успѣховъ, ей было предписано докторами отказаться навсегда отъ сценической карьеры. Порокъ сердца требовалъ спокойствія и продолжительнаго леченія. Послѣдній выходъ Брошель былъ въ первое представленіе драмы Островскаго «На бойкомъ мѣстѣ». Она играла Аннушку. Это было въ концѣ 1865 года. Никто изъ публики не ожидалъ, что видитъ симпатичную артистку въ послѣдній разъ. Во второмъ представленіи «На бойкомъ мѣстѣ» ее замѣнила Струйская 1-я... Послѣ этого лѣтъ пять Брошель появлялась въ театрахъ, въ качествѣ зрительницы и, наконецъ, въ 1871 году скончалась. Похороны ея были скромные: немногіе шли за ея гробомъ.

Не смотря на кратковременное пребываніе Брошель на сценѣ и на ограниченное число сыгранныхъ ею ролей, имя ея театраламъ памятно и въ закулисной хроникѣ прошедшаго очень замѣтно.

Въ шестьдесять-пятомъ или шестомъ году балетная артистка Вѣра Александровна Лядова попробовала свои силы въ драматическомъ театрѣ и имѣла большой, вполнѣ заслуженный, успѣхъ. Она выступила въ пѣвучихъ роляхъ—Анюты («Барская спѣсь» или «Анютины глазки») и Маргариты («Мельничиха въ Марли»). Въ ней сказалась прекрасная драматическая актриса, и обнаружился симпатичный голосъ. Тогда же Лядовой было предложено начальствомъ перейти изъ балетной труппы въ Александринскій театръ, но она почему-то это предложеніе тогда отклонила и воспользовалась имъ только въ 1868 году, лѣтомъ.

Ея вступленіе въ составъ драматической труппы ознаменовалось кореннымъ преобразованіемъ серьезнаго репертуара въ каскадно-опереточный. Режиссеръ Яблочкинъ, всегда чувствовавшій склонность къ опереткѣ, былъ крайне доволенъ пріобрѣтеніемъ Лядовой, дѣйствительно очень талантливой и примѣчательной исполнительницы ролей въ каскадномъ жанрѣ. Драмы и комедіи отошли въ сторону, безъ борьбы уступивъ мѣсто глупому водевилю и безнравственной опереткѣ, которые при своемъ появленіи имѣли необычайный успѣхъ и дѣлали баснословные сборы. «Прекрасная Елена» сыграна была впродолженіе трехъ-четырехъ лѣтъ около 125 разъ, «Птички пѣвчія»—тоже что-то въ родѣ этого, «Орфей въ

аду» выдержалъ болѣе 75 представленій, «Званый вечеръ съ итальянцами» и «Всѣ мы жаждемъ любви» болѣе 50, «Фаустъ на изнанку» и «Чайный цвѣтокъ» тоже не менѣе этой цифры. Оперетоманія воцарилась полнѣйшая — и за кулисами, и въ публикѣ. Весь Петербургъ устремился въ «Александринку» послушать и посмотрѣть несравненную Лядову, которая оказалась лучше знаменитой французской опереточной звѣздочки Деверіи, гостившей въ то время въ столицѣ и выступавшей въ тѣхъ же самыхъ роляхъ, въ коихъ выступала и Вѣра Александровна. Нужно замѣтить, что первоначальный успѣхъ Деверіи былъ страшно великъ, но Лядова значительно его сократила и, въ концѣ концевъ, завладѣла имъ совсѣмъ. Прославленная Прекрасная Елена--Деверія играла почти при пустомъ театрѣ[1]), а въ Александринскій театръ билеты разбирались съ бою.

Выступая въ опереткахъ, Лядова не отказывалась и отъ водевилей и даже играла Хрущова въ сценахъ Сухонина «Русская свадьба». Она во всемъ одинаково была хороша и каждую роль проводила со всѣми характерными особенностями, присущими изображаемому ею лицу. Вѣра Александровна обладала эффектною наружностью, была замѣчательно граціозна и играла съ тѣмъ увлекательнымъ шикомъ, которымъ отличаются только французскія опереточныя дивы. Не даромъ же она была прозвана «королевой каскада».

Зубы Лядовой, которыми зрители любовались, а зрительницы завидовали, по закулиснымъ сказаніямъ, не были ея природными зубами, не смотря на то, что она сравнительно была молода. Сложилась легенда, будто бы Лядова передъ поступленіемъ въ Александринскій театръ перенесла, по собственному желанію, чувствительную операцію: вырвала всѣ свои 32 зуба, которые были значительно попорчены и черны, и замѣнила ихъ искусственною челюстью. Она не могла себя представить въ опереточныхъ роляхъ съ некрасивыми зубами и буквально изъ любви къ искусству воспріяла вѣнецъ мученицы. Вырвать 32 здоровыхъ зуба это геройскій подвигъ.

Вѣра Александровна немного покрасовалась на сценѣ: въ началѣ 1870 года ея не стало. Сильная простуда была причиною ея преждевременной смерти. По репортерскимъ отчетамъ ей привелось умереть два раза: за нѣсколько дней до ея дѣйствительной кончины въ какой-то газетѣ появился ея некрологъ и былъ перепечатанъ на слѣдующій день другими газетами. Потомъ появилось опроверженіе и опять извѣщеніе о дѣйствительной ея смерти. Почти то же случилось съ покойнымъ Бурдинымъ, который былъ похороненъ досужими репортерами года за три раньше смерти.

[1]) Михайловскомъ.

Трагедія графа А. К. Толстого «Смерть Іоанна Грознаго» при своемъ появленіи произвела большую сенсацію какъ за кулисами, такъ и въ публикѣ. Начальство приложило всѣ старанія, чтобы обставить пьесу графа какъ можно тщательнѣе, и не жалѣло денегъ на ея постановку. Положимъ, такое рѣдкое отношеніе театральнаго начальства къ автору было вполнѣ понятно: Толстой имѣлъ солидное общественное положеніе.

Всѣ декораціи и бутафорскія вещи для этой трагедіи были сдѣланы новыя, по рисункамъ извѣстнаго археолога и знатока русскихъ древностей А. В. Прохорова. Костюмы шились тоже подъ его непосредственнымъ руководствомъ. Репетицій сдѣлано было безчисленное множество. Словомъ дирекція сдѣлала все зависящее отъ нея, чтобы угодить сіятельному автору...

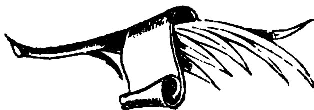
Первое представленіе «Смерти Іоанна Грознаго» прошло при торжественной обстановкѣ. Спектакль удостоили своимъ посѣщеніемъ покойный императоръ Александръ Николаевичъ, великіе князья, вельможи и сановники. Весь партеръ былъ переполненъ генералитетомъ, весь бель-этажъ занятъ былъ придворными.

Но, увы! какъ ни старалось начальство щегольнуть постановкой трагедіи, однако дальше внѣшняго блеска не пошло. Декораціи, костюмы были роскошны, а исполненіе удивительно слабое. Изъ главной роли царя Іоанна Васильевича ничего не могъ сдѣлать даровитый П. В. Васильевъ 2-й. Эта богатая эффектами роль въ его исполненіи пропала совершенно, и вмѣсто Грознаго царя зрители видѣли какого-то паралитичнаго отставнаго чиновника XIV-го класса.

Послѣ пятаго или шестаго представленія Васильева замѣнилъ Самойловъ, но и у него типъ Грознаго вышелъ блѣднымъ и неудовлетворительнымъ. Въ этой благодарной роли Василій Васильевичъ не произвелъ на публику никакого впечатлѣнія; онъ былъ слишкомъ изященъ и ловокъ для Іоанна Васильевича, фигура котораго представляется величественной и внушающей ужасъ, а вовсе не статной и красивой.

А. Алексѣевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).



ОЧЕРКИ БУХАРЫ[1]).

II.

Страдальческая черта въ исторической жизни Трансоксаніи. — Четыре главные періода ея исторіи. — Извѣстія древнѣйшихъ географовъ и лѣтописцевъ. — Владычество персовъ и македонянъ. — Появленіе варваровъ и наступившій съ нимъ темный періодъ. — Легенда объ основаніи Бухары и о первыхъ династіяхъ. — Завоеванія арабовъ и утвержденіе ислама. — Саманиды, Сельджукиды, Хорезмскіе князья. — Блестящій періодъ процвѣтанія Трансоксаніи. — Нашествіе монголовъ уничтожаетъ культуру, науки и образованность. — Чингизиды. — Бѣдствія страны въ періодъ ихъ управленія. — Усиленіе вліянія ислама. — Тимуръ искусственно возрождаетъ Трансоксанію. — Узбеки. — Шейбаниды и Аштарханиды. — Упадокъ культурной и духовной жизни таджикскаго народа. — Эпоха проявленія крайняго фанатизма и суевѣрія. — Династія Мангытъ довершаетъ распаденіе Трансоксаніи. — Стремленія Россіи возстановить прерванный международный путь. — Грандіозный замыселъ Петра Великаго и политика его преемниковъ. — Причины, вызвавшія вооруженное движеніе Россіи въ Среднюю Азію. — Результаты этого движенія. — Краткое обозрѣніе Бухарскаго ханства въ настоящемъ его объемѣ. — Что намъ обѣщаютъ въ будущемъ народности Средней Азіи.

ВЪ ИСТОРІИ народовъ едва ли найдется другая многострадательная страна, кромѣ развѣ Грузіи, которая выдержала бы столько всевозможныхъ бѣдствій, сколько выдержала ихъ древняя Трансоксанія, извѣстная со временъ порабощенія ея арабами подъ именемъ Мавероунъ-негра, — названія, которое въ позднѣйшіе вѣка было замѣнено названіемъ Бухары, или Бухарскаго ханства. Это послѣднее названіе страна заимствовала отъ своего столичнаго города, возникновеніе котораго слѣдуетъ отнести ко временамъ почти доисторическимъ.

Слово «бухара» есть туранское слово. На монгольскомъ языкѣ оно означаетъ «буддійскій храмъ, монастырь», что какъ будто намекаетъ на возникновеніе древней столицы Трансоксаніи въ эпоху утвержденія въ странѣ ученія Будды, то-есть въ первыхъ вѣкахъ по Р. Х.

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIX, стр. 118.

На самомъ дѣлѣ это далеко не такъ. Группируя извѣстныя до сего времени историческія данныя, можно съ увѣренностью сказать, что городъ Бухара носилъ ранѣе другое названіе [1]) и возникъ въ эпоху, непосредственно слѣдовавшую за вулканическимъ переворотомъ, измѣнившимъ водную систему Средней Азіи, въ періодъ времени между VIII—VII столѣтіями до Р. Х. Этотъ переворотъ служитъ исходной точкой исторіи страны, ея столицы и таджикскаго народа. Мы раздѣляемъ исторію Трансоксаніи на четыре главные періода, а именно: отъ геологическаго или вулканическаго переворота до нашествія арабовъ и утвержденія ислама; отъ этого послѣдняго до появленія монголовъ и владычества Чингиса; отъ Чингиса до Тимура; отъ Тимура до современной намъ исторіи Бухары и Туркестанскаго края. Сообразно этому, прежде чѣмъ перейдти къ описанію современнаго положенія бывшей столицы Трансоксаніи мы постараемся представить читателю въ сжатомъ очеркѣ ея историческія судьбы, въ связи съ судьбами всей страны и населяющаго ее таджикскаго народа.

Первыми извѣстіями о Трансоксаніи мы обязаны пророку Іезекіилю, который, въ XXXI главѣ своей книги, свидѣтельствуетъ что страна эта, еще до покоренія ея персами, была богата и стояла на высшей точкѣ культурнаго развитія народовъ древняго міра [2]). Даже порабощеніе ея Киромъ и вулканическій переворотъ, измѣнившій водную систему Средней Азіи и бывшій, какъ можно думать, причиной неисчислимыхъ бѣдствій для ея обитателей, не въ состояніи были подорвать экономическаго превосходства Трансоксаніи надъ остальными народами, составлявшими Персидскую монархію, такъ какъ, по свидѣтельству Геродота, 14 и 16 сатрапіи, въ концѣ VI вѣка до Р. Х., платили Дарію Гистаспу ежегодно 900 талантовъ серебра, то-есть на 200 талантовъ болѣе Египта. Тому же писателю мы обязаны извѣстіемъ, что колхидяне ѣздили въ Среднюю Азію за товарами и доставляли ихъ въ Европу [3]). Во времена Дарія Гистаспа посѣтилъ Трансоксанію Пиѳагоръ. Описанная имъ земля Зарангейская есть Трансоксанія. Онъ говоритъ, что земля эта была населена арійскимъ племенемъ и имѣла главный городъ Артоксану. Племя и городъ заимствовали свое названіе и богатство отъ рѣки Арія [4]). Въ V вѣкѣ до Р. Х. народы, населявшіе

---

[1]) Вамбери предполагаетъ, что Бухара носила первоначально иранское названіе Джему-кетъ («Исторія Бохары», т. I, стр. 15).

[2]) Пророкъ Іезекіиль, послѣ разрушенія Іерусалима Навуходоносоромъ, въ 587 году до Р. Х., въ числѣ другихъ іудеевъ былъ выселенъ въ Халдею, лежавшую на востокѣ нынѣшняго Ирана, въ близкомъ сосѣдствѣ Туркестана. Книга пророка Іезекіиля заключаетъ въ себѣ обширный историческій матеріалъ, доказывающій, что онъ основательно зналъ современную ему исторію (Чайковскій, «Туркестанъ и его рѣка по Библіи и Геродоту», 1884 г., стр. 9, 10, 13—17).

[3]) «Аму и Узбой», Самара, 1879 г., стр. 1.

[4]) Чайковскій, стр. 11.

Трансоксанію и подвластные персамъ, принимали участіе въ нашествіи Ксеркса на Грецію. Народы эти были гирканяне, бактріане, хорезміяне и заранrеяне. Въ IV вѣкѣ Трансоксанія вмѣстѣ съ прочими владѣніями персидскаго царя Дарія была завоевана Александромъ Македонскимъ. Отсюда весной 327 года онъ предпринялъ походъ въ Индію [1]). Эта эпоха находитъ себѣ описателей въ лицѣ Страбона, Плинія и отчасти Плутарха. По смерти Александра Великаго на развалинахъ созданной имъ колоссальной имперіи было основано великолѣпное Греко-Бактрійское царство, просуществовавшее до 125 года, когда оно было разрушено скиѳами или саками [2]). Съ этого момента до VII вѣка по Р. Х. непроницаемый мракъ окутываетъ втеченіе почти восьми столѣтій исторію Трансоксаніи. Мы склонны думать, что въ этотъ періодъ времени Трансоксанія не имѣла ни постоянныхъ границъ, ни прочнаго государственнаго устройства и испытывала переходное состояніе, объяснимое ея географическимъ положеніемъ въ началѣ того огромнаго пути, по которому совершалось движеніе варварскихъ народовъ съ востока на западъ. Безъ сомнѣнія, первые разрушительные удары этихъ варваровъ падали на нее. Здѣсь они совершали свой первый роздыхъ и уходили, оставивъ по себѣ неизгладимый слѣдъ.

По поводу основанія теперешняго города Бухары до насъ дошли слѣдующія преданія. Мѣстность, на которой расположенъ этотъ городъ и его окрестности, представляла собой болотистое озеро, покрытое мѣстами тростникомъ и лѣсомъ. Издавна она привлекала къ себѣ охотниковъ и рыболововъ, которые основали здѣсь четыре первыя поселенія: Таркамрудъ, Берване, Асване и Нуръ [3]). Съ теченіемъ времени болота высохли, заросли, были уничтожены и на этой мѣстности возникъ значительный городъ. Царь Ефрозіабъ основалъ въ немъ укрѣпленный замокъ, построенный имъ на мѣстѣ теперешняго арка, дворца эмира. Расширяясь и обогащаясь, городъ этотъ съ теченіемъ времени пріобрѣлъ значеніе столичнаго города окружающей его страны.

Первымъ властителемъ, управлявшимъ городомъ Бухарой, считается какой-то Аберци, свергнутый съ престола сосѣднимъ турецкимъ правителемъ Ширкишверомъ, основавшимъ династію, просуществовавшую въ странѣ до конца VIII столѣтія. Послѣднимъ представителемъ этой династіи былъ ничтожный и слабый Абуль-Изгакъ, добровольно уступившій свою власть и престолъ Измаилу Самониду. Этотъ первый періодъ исторіи Трансоксаніи былъ ознаменованъ порабощеніемъ ея арабами (672—874 гг.) и принятіемъ

---

[1]) Плутархъ, «Жизнь знаменитыхъ людей древности. Александръ Великій» Москва, 1889 г., стр. 139—140.

[2]) Шлегель, «Journal Asiatique», 1828, p. 326.

[3]) Вамбери, «Исторія Бохары», т. I, стр. 1.

ислама, который съ начала VIII столѣтія твердой ногой становится въ Бухарѣ, постепенно вытѣсняя насажденную здѣсь несторіанами религію Христа [1]), ученіе Зороастра и Будды. Съ этой эпохи, или иначе съ VIII столѣтія по Р. Х., опять начинается исторія Трансоксаніи и въ частности исторія Бухары, перенося насъ изъ міра легендъ и преданій на почву несомнѣнныхъ историческихъ фактовъ. Она завѣщала намъ многочисленныя данныя, свидѣтельствующія о томъ, что нашествіе арабовъ застало Трансоксанію страной богатой, цвѣтущей и уже довольно сильной въ военно-политическомъ отношеніи.

Выше мы указали уже на то роковое вліяніе, которое географическое положеніе Трансоксаніи, по пути переселенія народовъ съ востока на западъ, имѣло на судьбы этой страны. Причиняя ей неисчислимыя бѣдствія, положеніе это являлось, однако же, и источникомъ благосостоянія страны, такъ какъ, пропустивъ сквозь себя огромныя полчища варваровъ, оставлявшихъ за собою смерть и разрушеніе, она вскорѣ опять возрождалась подъ вліяніемъ оживленныхъ торговыхъ и промышленныхъ сношеній востока съ западомъ, въ которыхъ, благодаря своему центральному положенію, играла роль неизбѣжной посредницы. Торговый путь изъ Индіи къ Балтійскому, Каспійскому и Черному морямъ пролегалъ чрезъ нее. Обогащая страну, онъ былъ въ то же время источникомъ обогащенія Великаго Новгорода, Майнца, Трузо, Висьби, Генуи, Венеціи и многихъ другихъ городовъ [2]). Это обстоятельство, въ соединеніи съ необыкновенной выносливостью таджикскаго народа, цѣлыя тысячелѣтія поддерживавшаго въ Средней Азіи, подъ ударами варваровъ, свѣтильникъ древне-иранской культуры, было главной причиной тѣхъ быстрыхъ переходовъ отъ полнаго разгрома и разоренія къ цвѣтущему экономическому состоянію, которое мы столько разъ встрѣчаемъ на страницахъ исторіи Трансоксаніи. Въ частности это относится и къ ея столицѣ. Десятки разъ разрушаемая и сжигавшаяся почти до тла, она вскорѣ опять возрождалась изъ пепла, и терпѣливый таджикъ начиналъ снова трудиться надъ созиданіемъ роднаго города.

Блестящій періодъ правленія Саманидовъ (873—1004 гг.) доводитъ Трансоксанію до высокой степени экономическаго благосостоянія. Городъ Бухара украшается и расширяется. Воздвигается

---

[1]) Несторіанское христіанство проникло въ Среднюю Азію еще до III вѣка по Р. Х. Въ началѣ IV столѣтія оно имѣло епископскія каѳедры въ Тусѣ, Мервѣ и Самаркандѣ, а въ 1420 году Мервъ дѣлается постояннымъ мѣстопребываніемъ митрополитовъ средне-азійскихъ. Появленіе арабовъ въ Трансоксаніи нанесло христіанству первый ударъ, но оно существовало въ разныхъ мѣстностяхъ страны до конца XIV столѣтія, когда окончательно прекратило свое существованіе въ Средней Азіи.

[2]) «Аму и Узбой», стр. 2—3.

множество новыхъ мечетей, школъ, читаленъ. Проводятся новые пути сообщенія, водопроводы, а древній замокъ Ефрозіаба возобновляется и превращается въ великолѣпный дворецъ. Бухара дѣлается средоточіемъ наукъ и искусствъ, мѣстопребываніемъ знаменитыхъ ученыхъ и поэтовъ того времени[1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ скипетромъ Саманидовъ, она впервые пріобрѣтаетъ значеніе религіознаго центра средне-азіатскихъ мусульманъ суннитскаго толка, становясь убѣжищемъ такого рода ученыхъ и ревнителей вѣры, которые судорожно хватались за малѣйшую мелочь корана и шаріата, и тѣмъ высоко держали знамя суннитскаго ученія надъ шіитскимъ западомъ Азіи[2]).

Стотриддатилѣтнее правленіе династіи Сельджукидовъ (1004—1133), покорившихъ Трансоксанію по низверженіи послѣдняго Саманида[3]), было ознаменовано блестящими завоеваніями на востокѣ и западѣ. Будучи представителями исключительно военнаго дѣла, эмиры этой династіи выдѣлили изъ своей среды только одного государя—Меликъ-Шаха, прославившаго себя огромными услугами, оказанными имъ наукѣ, искусствомъ, поэзіи и промышленности. Укрѣпившаяся затѣмъ на престолѣ Трансоксаніи династія хорезмскихъ князей (1133 — 1220 г.) доводитъ Бухару до высшей степени культурнаго развитія и военно-политическаго могущества въ средѣ государствъ центральной Азіи. За четыреста лѣтъ, протекшія со времени водворенія въ странѣ первыхъ Саманидовъ, она дѣлаетъ поразительные успѣхи въ области земледѣлія, промышленности, торговли, наукъ и искусствъ. Между послѣдними въ особенности процвѣтаетъ исторія, архитектура и ирригаціонное искусство. Этотъ четырехсотлѣтній періодъ времени чрезвычайно богатъ историческими матеріалами. Исторія всегда была любимой наукой таджика, точно также какъ поэзіи онъ отдавалъ предпочтеніе передъ остальными отдѣлами литературы, соединяя весьма нерѣдко то и другое вмѣстѣ и облекая какой нибудь историческій моментъ въ жизни своего народа, или даже цѣлыя эпохи, въ поэтическія формы касыдовъ и газелей[4]).

---

[1]) Наршахи, авторъ знаменитой «Китабъ-и-Наршахи», написанной имъ по порученію эмира Нуха-Бинъ-Насра, въ 332—337 году гиджиры; Абуль-Газанъ-Рудеки, написавшій милліонъ триста двустишій, собранныхъ въ ста книгахъ, и другіе.

[2]) Сунниты есть послѣдователи трехъ первыхъ халифовъ-преемниковъ Магомета: Абу-Бекра, Омара и Османа, признаваемыхъ шіитами похитителями власти, которая, по ихъ понятіямъ, должна была быть вручена, по смерти Магомета, его зятю Алію, сдѣлавшемуся халифомъ лишь по смерти Османа. Отсюда разладъ и религіозная вражда между тѣми и другими (Поздѣевъ, «Дервиши въ мусульманскомъ мірѣ», Оренбургъ, 1886 года, стр. 17—36).

[3]) Абуль-Изгакъ Мунтасиръ, погибшій насильственной смертью въ 1004 г.

[4]) Касыдами называются стихотворенія въ 19—100 двустишій, родъ поэмы или оды; газелями—небольшія стихотворенія, состоящія изъ 7, 12 и не болѣе 19 двустишій; диваномъ—сборникъ всѣхъ произведеній извѣстнаго мусульманскаго поэта.

Въ такомъ цвѣтущемъ состояніи засталъ Трансоксанію и ея столицу 1220 годъ, имѣвшій для нея роковое значеніе.

Геніальный хищникъ Чингисъ-ханъ, изъ глубины своихъ необозримыхъ степей, давно уже обратилъ алчные взгляды на цвѣтущую и богатую Трансоксанію. Ея великолѣпные города и села несмѣтныя сокровища изъ серебра и золота, дорогія ткани, роскошная зелень садовъ и обиліе текущей воды, о чемъ онъ зналъ черезъ купцовъ и многочисленныхъ лазутчиковъ, не могли не возбудить чувства завистливой алчности въ этомъ варварѣ и его монголахъ, принужденныхъ довольствоваться скудной жизнью кочевниковъ въ безплодныхъ и сухихъ степяхъ сѣверо-восточной Азіи. Движимый этими чувствами и той страшной стихійной силой, которая, со временъ Алариха и Атиллы, толкала полчища варваровъ на путь великаго переселенія народовъ, Чингисъ выступаетъ въ 1218 году противъ Бухары съ арміей въ 600,000 человѣкъ и буквально обращаетъ этотъ городъ и всю страну въ груды развалинъ [1]). Войска эмира Магомета были почти поголовно истреблены, а самъ онъ, принужденный бѣжать изъ своихъ владѣній, кончаетъ жизнь въ сумасшествіи. Жители столицы и большей части бухарскихъ городовъ перебиты или обращены въ рабство. Ограбивъ страну почти дотла, монголы постарались, уходя обратно, истребить все то, что они не въ состояніи были захватить съ собой. Не довольствуясь этимъ, Чингисъ уводитъ въ Монголію всѣхъ жителей, которые представляли хотя какой нибудь интересъ въ его глазахъ. Уцѣлѣвшіе солдаты арміи Магомета должны были стать подъ его знамена. Искусные зодчіе, художники и садоводы отправлены на далекій востокъ, чтобы украсить монголо-китайскую резиденцію завоевателя; знаменитыхъ же ремесленниковъ, между которыми славились ткачи шелковыхъ и льняныхъ матерій, онъ раздарилъ своимъ женамъ и родственникамъ, какъ искусныхъ рабовъ. Только немногимъ удалось избѣжать плѣна или смерти, и когда одинъ изъ бѣглецовъ прибылъ въ Хорасанъ и былъ спрошенъ объ участи своего роднаго города, то онъ отвѣтилъ слѣдующимъ сжатымъ, впо-

---

[1]) Вотъ какъ описываетъ историкъ Ибнъ-Уль-Атгыръ достопамятный въ лѣтописяхъ таджикскаго народа день разрушенія Бухары войсками Чингиса, «Только и слышны были, что стоны и вопли мужей, женъ и дѣтей, на вѣки разлучаемыхъ. Варвары безчестили женъ и дѣвицъ предъ глазами ихъ родныхъ, которымъ въ безсиліи оставались оружіемъ однѣ слезы. Не только были разбиты всѣ дома и похищены огромныя сокровища, но ярость грабителей не щадила даже ничего не стоящихъ на видъ священныхъ предметовъ: кораны были изорваны и разбросаны подъ ноги вьючнымъ животнымъ, вмѣсто соломы, а изъ ларей, гдѣ сохранялись священныя книги, сдѣланы корыта для корма лошадей. Почтенные шейхи и муллы, бывшіе звѣздами учености, должны были прислуживать пирующимъ солдатамъ, или служить потѣхой для монгольскихъ мудрецовъ, а высокочтимые священники смотрѣть за мулами, какъ конюхи» (Вамбери, «Исторія Бохары», т. I, стр. 142—154).

слѣдствіи прославившимся, персидскимъ стихомъ: «они пришли, разрушили, сожгли, умертвили, ограбили и ушли» [1]).

Результаты монгольскаго погрома были, въ полномъ смыслѣ слова, гибельны для Трансоксаніи и ея столицы. Страна обезлюдѣла, и многіе ея цвѣтущіе оазисы обратились въ пустыни. Навсегда исчезло съ этого времени въ Бухарѣ производство высокоцѣнимаго оружія и нарядовъ, толстыхъ шелковыхъ тканей и драгоцѣнныхъ эмалированныхъ издѣлій изъ серебра и золота. Не менѣе чувствительный ударъ былъ нанесенъ монгольскимъ погромомъ наукѣ, искусствамъ и образованности, свившимъ, какъ казалось, прочный пріютъ въ древней столицѣ Трансоксаніи. Духовная жизнь таджикскаго народа съ этого роковаго для него момента если не окончательно погасла, то уже никогда не могла возродиться въ той мѣрѣ, въ какой она процвѣтала до нашествія Чингиса. Однимъ изъ наиболѣе существенныхъ золъ этой эпохи, навсегда оставившимъ слѣдъ въ характерѣ таджикскаго народа, была крайняя грубость и жестокость нравовъ, привитыхъ ему монголами-завоевателями. Одновременно съ этимъ усилился фанатизмъ, такъ какъ съ упадкомъ наукъ и просвѣщенія религія сдѣлалась единственной духовной пищей народа. Впослѣдствіи, съ принятіемъ магометанства правителями, она нашла себѣ еще болѣе прочную точку опоры въ лицѣ новообращенныхъ князей, сдѣлавшихся усердными ревнителями ислама.

Тщетны были дальнѣйшія усилія Тимура и его талантливыхъ преемниковъ поднять экономическій и умственный уровень народныхъ массъ. Ограбивъ чуть не половину земнаго шара для своей родной Трансоксаніи, употребляя всѣ усилія, чтобы путемъ переселенія изъ завоеванныхъ странъ знаменитыхъ ученыхъ, лучшихъ мастеровъ, зодчихъ и ремесленниковъ пересадить въ страну заглохшія сѣмена индо-иранской и отчасти европейской культуры, Тамерланъ уже не могъ вполнѣ достигнуть этого, и медленный процессъ духовнаго и экономическаго разложенія таджикской народности, тотчасъ послѣ его смерти, не замедлилъ вновь обнаружиться.

Умирая, Чингисъ, какъ извѣстно, раздѣлилъ основанную имъ колоссальную монархію между четырьми своими сыновьями. Изъ нихъ второй, Чагатай, получилъ во владѣніе весь теперешній русскій и азіатскій Туркестанъ, со включеніемъ въ него бухарскихъ владѣній, подъ протекторатомъ Монгольской имперіи [2]).

Такимъ образомъ, втеченіе стосороколѣтняго правленія Чингисидовъ (1226—1363 г.) нѣкогда могущественная Трансоксанія была низведена на степень второстепенной провинціи. Ея судьба,

---

[1]) Гаммеръ Пургсталь, «Исторія Золотой Орды», стр. 80.

[2]) Старшій сынъ Чингиса, Октай, получилъ Китай и Монголію, вмѣстѣ съ главенствомъ надъ удѣлами братьевъ: Бату-Хорезмъ и Дештъ-и-Кипчакъ, Тули-Хорасанъ, Персію и Индію.

кромѣ того, становится въ зависимость отъ переворотовъ престолонаслѣдія въ Монгольской имперіи..

По смерти Чагатая Трансоксанія дѣлается театромъ почти безпрерывныхъ междоусобныхъ, династическихъ и движимыхъ честолюбіемъ войнъ, представляя собой ужасную картину жертвы, истекающей кровью. Дикое безначаліе, разнузданное своеволіе грубыхъ тирановъ, убійства и опустошенія, смѣняютъ другъ друга. Ея когда-то многолюдныя провинціи обливаются кровью. Остатки городовъ и деревень пылаютъ въ пламени, а жители лишаются своего послѣдняго имущества, или тысячами уводятся въ рабство.

Однако же, многострадальный народъ находитъ въ себѣ еще достаточно силъ, чтобы пережить эти тяжкіе удары и заставить варваровъ принять отъ него исламъ, вмѣстѣ съ остатками древне-иранской культуры. Уже вскорѣ послѣ удаленія Чингиса изъ Трансоксаніи Бухара начала замѣтно возрождаться. Разбѣжавшіеся земледѣльцы и ремесленники возвращались на свои мѣста. Мало-помалу возобновлялись мечети и школы, и въ 1234 году столица Трансоксаніи насчитывала въ своихъ стѣнахъ уже до тысячи человѣкъ учащихся [1]).

Появленіе не всемірной сценѣ колоссальной личности Тимура [2]) и его династіи останавливаетъ на время ходъ міроваго колеса, и звѣзда таджикскаго народа загорается опять въ полномъ блескѣ. Но этотъ блескъ является уже не тѣмъ естественнымъ продуктомъ внутренней силы, экономическаго благосостоянія и образованности, какъ это было въ эпоху, предшествовавшую нашествію Чингиса, а лишь результатомъ случайнаго сочетанія геніальныхъ свойствъ великаго полководца, искусства, съ которымъ онъ успѣлъ сгруппировать и направить подъ своими знаменами не успѣвшую еще разложиться монгольскую силу, и относительной слабостью покоренныхъ имъ народовъ востока, объясняемой недавно пережитыми бѣдствіями монгольскаго владычества. Награбленныя имъ несмѣтныя богатства лишь временно обогатили Трансоксанію, а искусственно насаждаемая руками иноземцевъ культура и образованность не могли пустить глубокихъ корней въ истощенной

---

[1]) Вамбери, «Исторія Бохары», т. I, стр. 159.

[2]) Тимуръ, Тамерланъ, или Тимуръ-ленгъ (хромой), родился въ Шахрисябзѣ 7 мая 1336 г. По матери онъ происходитъ отъ Чингисъ-хана, а общимъ предкомъ этихъ знаменитыхъ завоевателей былъ сынъ монгольскаго хана Тумине (Л. Лангле, «Жизнь Тимура», пер. съ франц. Суворова, Ташкентъ, 1890 г., стр. 1).

Вамбери на стр. 181—183 «Исторіи Бохары» говоритъ, что отецъ Тимура Тургай, происходилъ изъ узбекской фамиліи Керкенъ и былъ главой узбекскаго рода Берласъ. Въ спискѣ узбекскихъ родовъ Ханыкова, приведенномъ на стр. 58—63 его книги «Описаніе Бухарскаго ханства», заимствованномъ изъ сочиненія «Нассадъ-Намяти-Узбекіа», мы не находимъ, однако же, рода Берласъ. Что же касается фамиліи Керкенъ, или Киркынъ, то у Ханыкова она означена самостоятельнымъ родомъ, 76-мъ изъ 97-ми, перечисленныхъ въ спискѣ.

почвѣ страны и вскорѣ опять заглохли, не будучи питаемы здоровыми жизненными соками. Кромѣ того, 35-ти-лѣтніе походы Тимура пагубно отразились на народонаселеніи, лишивъ его лучшихъ, наиболѣе производительныхъ силъ [1]). Относительно главнаго своего стремленія, перенесенія политическаго центра тяжести западнаго ислама въ свои владѣнія, Тамерланъ, еще при жизни, долженъ былъ испытать рядъ разочарованій. Порабощенные имъ народы западной Азіи съ отвращеніемъ отвергали эту идею; покоряясь силѣ оружія, они тотчасъ же возставали противъ нея, какъ только войска желѣзнаго завоевателя оставляли ихъ территоріи. При всемъ томъ, тридцатитрехлѣтній періодъ владычества Тимура (1369—1405 г.) представляетъ собою блестящую страницу исторіи Трансоксаніи. Страна искусственно оживилась и разцвѣла подъ вліяніемъ огромнаго наплыва золота, свезеннаго сюда завоевателемъ и его войсками со всѣхъ концовъ Малой и Средней Азіи [2]). Руками плѣнныхъ художниковъ, ремесленниковъ и мастеровъ были пущены въ ходъ всевозможныя искусства и промыслы. Наука и литература, усердно поощряемыя Тимуромъ, возродились и произвели на свѣтъ массу ученыхъ, поэтовъ и богослововъ [3]). Самъ Тимуръ подавалъ собой примѣръ литературнымъ занятіямъ, находя время, не смотря на безпрерывныя войны, создать свой огромный кодексъ—записки [4]). Но то, что составило несомнѣнную, далеко пережившую его славу,—это грандіозные архитектурные памятники, которые онъ сотнями воздвигалъ въ разныхъ пунктахъ своего отечества. Эти драгоцѣнные остатки средне-вѣковаго мусульманскаго зодчества до сей поры поражаютъ взглядъ, умъ и чувства своимъ величіемъ, изяществомъ красокъ, смѣлостью и легкостью своихъ архитектурныхъ очертаній [5]).

---

[1]) Въ періодъ времени съ 1369—1402 г. Тимуръ объединилъ подъ своей властью всю Трансоксанію, покорилъ Туркменію, Хиву, Хоросанъ, Авганистанъ, Систанъ, Белуджистанъ, Аравію, Сирію, Адербійджанъ, Грузію, Арменію, Индію, царство Золотой Орды, по пути въ которое прошелъ южную и среднюю Россію. Въ 1405 году онъ умеръ на пути въ Китай, въ городѣ Отрарѣ, 72 лѣтъ отъ роду, уже почти слѣпой.

[2]) Испанскій посолъ при дворѣ Тимура Рюи-Гонзалесъ-де-Клавихо оставилъ въ своихъ интересныхъ запискахъ многочисленныя свидѣтельства о колоссальныхъ богатствахъ, собранныхъ Тимуромъ въ его столицѣ Самаркандѣ (Клавихо, «Дневникъ путешествія ко двору Тимура», переводъ съ испанскаго, подъ редакціей Срезневскаго, стр. 186—189, 327—328 и др.).

[3]) Поэтъ Кермани, написавшій исторію Тимура въ стихахъ; составитель арабскаго словаря Джезери, мистикъ, Ходжа-Богаеддинъ и др. (Вамбери, «Исторія Бохары», т. I, стр. 235—237).

[4]) Кодексъ этотъ носитъ названіе Тюцюкатъ-и-Тимуръ, то-есть повелѣніе Тимура; состоитъ изъ 457 страницъ (тамъ же, прим. 3, стр. 183).

[5]) Изъ сохранившихся, хотя отчасти, до нашихъ дней величайшихъ памятниковъ эпохи Тимура являются: мечеть и усыпальница Хазретъ-Есеви въ Туркестанѣ, мечети Шейхъ-Зинде и Биби-Ханымъ въ Самаркандѣ, усыпальница Тимура въ томъ же городѣ и остатки его дворца въ Шахризябзѣ.

Реакція искусственно созданнаго Тимуромъ порядка вещей не замедлила проявиться почти тотчасъ послѣ его смерти. Политическое значеніе Трансоксаніи падало съ каждымъ днемъ, и отдѣльныя талантливыя личности на ея простолѣ, подобныя Улугъбегу, Миръ-Али-Ширу, Шейбани, Абдуллахъ-хану и Абдулъ-Азису, уже не могли остановить общій процессъ разрушенія, который красной нитью проходитъ сквозь всю послѣдующую исторію таджикскаго народа. Открытіе морскаго пути изъ Европы въ Китай и Индію, появленіе узбековъ и частыя перемѣны династій не мало способствовали процессу окончательнаго ослабленія ея политическаго и культурнаго организма. Отброшенные на время побѣдами Тимура, узбеки тотчасъ послѣ его смерти и распаденія Золотой Орды снова появляются у воротъ Трансоксаніи. Талантливые, но изнѣженные Тимуриды (1405—1500), витавшіе попреимуществу въ сферахъ научныхъ идей, поэзіи и искусствъ, процвѣтавшихъ въ Трансоксаніи подъ ихъ скипетромъ, какъ никогда ранѣе, оказались безсильными противостоять той грубой, стихійной силѣ, которую олицетворяли собой многочисленныя полчища узбекскихъ варваровъ. Въ то время, какъ среди всеобщаго распаденія монархіи Тимура Улугъ-Бекъ трудился надъ составленіемъ своихъ знаменитыхъ астрономическихъ таблицъ [1]), Шахрухъ-Мирза изощрялся въ поэзіи, а Абулъ-Саидъ и Миръ-Али-Ширъ, поощряя живопись и зодчество, созидали великолѣпные архитектурные памятники, узбеки желѣзнымъ кольцомъ охватывали Трансоксанію и послѣ упорной войны и политическихъ интригъ овладѣли ея престоломъ, заставивъ талантливаго Баберъ-Мирзу покинуть тронъ предковъ и искать убѣжища въ Индіи, гдѣ онъ основалъ впослѣдствіи имперію великаго Могола [2]).

Этотъ періодъ медленнаго распаденія монархіи Тимура былъ ознаменованъ въ частности для города Бухары эпохой обновленія и возрожденія.

Еще первые Чингисиды, имѣвшіе привычку кочевниковъ переѣзжать изъ города въ городъ въ раіонѣ своихъ владѣній, ли-

---

[1]) Первое извѣстіе объ этихъ таблицахъ, по словамъ Вамбери, западъ получилъ отъ профессора Оксфордскаго университета Джона Гривзи, въ 1642—1648 г. Докторъ Фома Гайдъ перевелъ и обнародовалъ ихъ въ 1665 г. Его книга, съ исправленіями Шарпа, была напечатана въ 1767 г., а позже Седилло перевелъ ее на французскій языкъ. Улугъ-Бекъ, кромѣ астрономіи и математики, занимался изящной литературой, живописью и музыкой. Онъ владѣлъ замѣчательной памятью, дававшей ему возможность знать наизусть весь коранъ въ семи различныхъ писаніяхъ (Вамбери, «Ист. Бох.», т. I, стр. 249 и 267).

[2]) Баберъ-Мирза, основатель Могульской имперіи и авторъ знаменитаго Баберъ-Наме, былъ первымъ государемъ Индіи, завязавшимъ съ Россіей дипломатическія сношенія. Въ 1534 г. его посольство, съ предложеніемъ дружбы и любви, было въ Россіи у великаго князя Василія Іоанновича, въ лицѣ Ходжи-Хуссейна («Русская лѣтопись по Никоновскому списку», изд. имп. акад. наукъ, Спб., 1790 г., ч. 6, стр. 250).

шили ее тѣснаго значенія главной столицы ханства. Тимуръ же и его потомки оффиціально перенесли столицу въ Самаркандъ, который дѣлается ихъ резиденціей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ареной всевозможныхъ интригъ, междоусобій и кровопролитій. Какъ бы забытая на время Бухара пользуется этимъ, чтобы отдохнуть и оправиться. Ея торговля, благодаря центральному положенію города въ странѣ, быстро развивается. Объ руку съ ней дѣлаютъ большой успѣхъ промышленность, ремесла и даже искусство, такъ какъ въ періодъ царствованія Тимуридовъ она пользуется извѣстностью знаменитой на востокѣ школы живописи. Благочестіе мусульманъ украшаетъ ее множествомъ прекрасныхъ архитектурныхъ памятниковъ, и къ концу XVI столѣтія она начинаетъ опять соперничать съ Самаркандомъ. Въ то же время Шейбаниды, стремившіеся къ уничтоженію въ народной памяти преданій о Тимурѣ и его потомствѣ, переносятъ свою резиденцію и столицу ханства въ Бухару.

Узбекская династія Шейбанидовъ (1500—1597 г.), кромѣ самаго ея мужественнаго и талантливаго основателя Шейбани-Магометъ-хана, подарила Трансоксанію высоко-даровитымъ государемъ Абдуллахъ-ханомъ [1]). Подъ властью этихъ двухъ эмировъ страна опять нѣсколько окрѣпла, но наступившія послѣ смерти послѣдняго изъ нихъ смуты и междоусобія уничтожаютъ всѣ ихъ благія начинанія.

Одновременно съ этимъ духъ ханжества, обрядности и суевѣрія, начинаетъ все болѣе и болѣе завладѣвать народными массами, окончательно вытѣсняя культурныя стремленія, науку и искусства. Наряду съ этимъ Трансоксанія лишается значенія главнаго торговаго рынка въ Средней Азіи и единственной посредницы въ торговыхъ сношеніяхъ Европы съ Китаемъ и Индіей. Еще разореніе Тамерланомъ Астрахани и Азова (1395—1397 г.) нанесло чувствительный ударъ международной торговлѣ черезъ Среднюю Азію. Завоеваніе Константинополя и Кафы (Ѳеодосіи) Магометомъ Великимъ причинило ей еще болѣе чувствительный ударъ, а съ открытіемъ Васко-де-Гама (1498 г.) новаго морскаго пути изъ Европы въ Индію, вокругъ Африки, средне-азіатскій сухопутный торговый путь до послѣдняго времени былъ почти совершенно оставленъ [2]). Подъ вліяніемъ этихъ причинъ общій упадокъ внутренняго и внѣшняго значенія страны продолжаетъ прогрессировать втеченіе всего почти двухсотлѣтняго правленія Аштарханидовъ (1597—1784 г.), которыхъ судьба дѣлаетъ свидѣтелями уси-

---

[1]) Абдуллахъ-хану принадлежатъ всѣ остатки великаго зодчества въ Бухарскомъ ханствѣ. Науки, земледѣліе, торговля находятъ въ немъ усерднаго покровителя. Турція, Крымъ, Китай искали союза съ нимъ (Вамбери, «Ист. Бох.», т. 2, стр. 56—61).

[2]) «Аму и Узбой», стр. 4.

ливающагося процесса разложенія Трансоксаніи. Слабые и ничтожные государи этой династіи лишь фиктивнымъ образомъ управляли страной, занимаясь на самомъ дѣлѣ богословскими преніями и религіозной казуистикой, замѣнившей собой живую науку.

Въ 1740 году Бухара переживаетъ нашествіе послѣдняго колоссальнаго варвара, въ лицѣ Надиръ-Шаха, которое застаетъ ее почти совершенно безпомощной. Ограбивъ окрестности столицы, Надиръ-Шахъ уже окружаетъ ее своими полчищами, но эмиръ Абулъ-Фаизъ [1]) успѣваетъ умилостивить его принятіемъ присяги и изъявленіемъ безусловной покорности, послѣ чего шахъ оставляетъ Трансоксанію, захвативъ съ собою огромную контрибуцію и массы сокровищъ.

Слабое правленіе Аштарханидовъ имѣло, между прочимъ, слѣдствіемъ чрезвычайное усиленіе въ Бухарѣ узбекской партіи. Призванные въ страну еще во времена Шейбани, узбеки получили сначала исключительное значеніе военнаго сословія. Съ теченіемъ времени они успѣли захватить въ свои руки всѣ высшія должности въ государствѣ и образовали могущественную партію, которая фактически управляла страной, возводя на тронъ и низвергая съ него эмировъ по своему усмотрѣнію. Въ 1784 году сынъ бухарскаго аталыка Даніалъ-бека, Шахъ-Мурадъ, устраняетъ отъ власти послѣдняго Аштарханида, Абулъ-Гази, и овладѣваетъ престоломъ Трансоксаніи, подъ именемъ эмира Маассума. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ становится основателемъ царствующей по сіе время въ Бухарѣ династіи Мангытъ. Шесть эмировъ этой династіи, до Мозафаръ-Эддина включительно, представляютъ собой вѣрнѣйшихъ выразителей своего суфически ложно-набожнаго вѣка. При нихъ погасъ послѣдній лучъ того блеска, экономическаго благосостоянія и политическаго величія, въ какомъ неоднократно являлась Трансоксанія въ счастливыя эпохи своей исторической жизни. Въ то время, какъ повсюду человѣчество дѣлаетъ гигантскіе шаги на почвѣ прогресса и цивилизаціи, правители Бухары употребляютъ всѣ усилія, чтобы искоренить въ странѣ послѣдніе остатки культурной эпохи и вдвинуть народную жизнь въ тѣсныя рамки отжившихъ свой вѣкъ бытовыхъ, общественныхъ и религіозно-іерархическихъ идей мусульманскаго законодательства. Въ ихъ эпоху прерываются

---

[1]) Абулъ-Фаизъ-ханъ былъ умерщвленъ своимъ мятежнымъ министромъ Рахимомъ-Би въ 1747 г. Той же участи подверглись наслѣдники Абулъ-Фаиза— Абулъ-Муминъ и Обейдулахъ. Принявъ затѣмъ титулъ хана, Рахимъ оставляетъ послѣ себя власть, съ званіемъ аталыка, своему племяннику Даніалъ-беку, отъ котораго она переходитъ сначала къ Девлетъ-кушъ-беги, а затѣмъ къ Шахъ-Мураду, основателю династіи Мангытъ. Втеченіе всего этого періода времени Аштарханиды были лишь фиктивными правителями Бухары, такъ какъ вся власть сосредоточивалась въ рукахъ министровъ (Мурза-Шемси-Бухари, «Записки», Казань, 1861 г., пр. I на стр. 41—42 и 8 на стр. 55—58).

почти окончательно всѣ прямыя сношенія ханства не только съ Европой, но и съ сосѣдними государствами, вслѣдствіе чего Бухара становится недоступной не только для путешественниковъ, но и для оффиціальныхъ пословъ, изъ которыхъ многіе расплачиваются жизнью за попытки ихъ государей завязать съ правителями ханства международныя сношенія [1]). Торговые обороты страны мало-по-малу сводятся исключительно къ вывозу изъ ханства сырыхъ произведеній, и лишь немногіе смѣльчаки изъ русскихъ купцовъ рѣшаются проникнуть съ своими товарами въ эту дикую, преданную фанатизму и произволу страну. Торговля невольниками усиливается и достигаетъ огромныхъ размѣровъ. Въ то же время, на ряду съ Хивой и Туркменіей, ханство дѣлается гнѣздомъ вооруженныхъ шаекъ всякаго сброда, безпрепятственно грабившихъ предѣлы сосѣднихъ странъ. Внутренній строй ханства становится въ эту эпоху на почву исключительно исламо-іерархическаго режима. Духовенство окончательно выходитъ изъ сферы посредственнаго воздѣйствія и становится активнымъ распорядителемъ народной жизни, захвативъ въ свои руки судопроизводство, народное образованіе и значительную часть административной власти. Сами эмиры, оставляя въ сторонѣ истинные интересы и нужды народа, трудятся надъ составленіемъ законовъ, воспрещающихъ, подъ страхомъ смертной казни, употребленіе табаку и вина [2]), издаютъ драконовскія постановленія объ отдѣленіи обоихъ половъ,

---

[1]) Въ 1842 г. въ Бухарѣ были публично казнены оффиціальный посолъ британскаго правительства полковникъ Стоддартъ и посолъ въ Коканѣ капитанъ Конноли. Около этого же времени тамъ нашли себѣ смерть италіанцы Орландо и Назелли, имѣвшіе, какъ можно думать, тайныя порученія отъ своего правительства къ эмиру Насръ-Уллаху. Въ 1846 г. поручикъ Вибуртъ былъ схваченъ туркменами на пути въ Хиву и послѣ продолжительнаго заключенія казненъ въ Бухарѣ. Нѣсколько ранѣе въ предѣлахъ Бухарскаго ханства было истреблено цѣлое персидское посольство. Мы указали лишь на наиболѣе выдающіяся жертвы бухарской подозрительности и неуваженія международныхъ правъ; второстепенныхъ было множество.

[2]) Очень многіе, и въ томъ числѣ сами среднеазіатцы, склонны приписывать появленіе пьянства въ Туркестанѣ русскому вліянію. Какъ видимъ, это далеко не такъ, ибо еще въ XVIII в. правительство принуждено было вступить въ борьбу съ этимъ общественнымъ порокомъ и издавать противъ него карательные законы. Кромѣ того, намъ извѣстно, что и великіе Саманиды не были чужды этому пристрастію, такъ какъ, по свидѣтельству Мирхонда, Абулъ-Али «разбилъ о стекло виннаго стакана зданіе воздержанія». Грозный Чагатай, старшій представитель Чингисидовъ, былъ формальный пьяница, а геніальный Тимуръ, какъ свидѣтельствуетъ Клавихо, любилъ и поощрялъ попойки. Delirium tremens была самой обыкновенной болѣзнью въ Средней Азіи въ XIII—XVIII столѣтіяхъ; исторической жертвой ея сдѣлался, между прочимъ, симпатичный и талантливый Баберъ-Мирза. Шейбанидъ-Бурханъ-ханъ и Аштарханидъ Вели-Мегмедъ вписали свои имена въ исторію, какъ величайшіе поклонники Бахуса. Такихъ примѣровъ можно бы насчитать сотни, но довольно и этихъ...

возстановляютъ разнаго рода уже давно забытыя въ другихъ мусульманскихъ странахъ религіозныя должности, въ родѣ «раисовъ», и т. д. Своей личной жизнью они подаютъ примѣръ фанатизма, лицемѣрія и ханжества, которое доходитъ до того, что во времена Шахъ-Мурада въ одной Бухарѣ, изъ общей 80-тысячной массы жителей, было до 30.000 учащихся въ медрессе семинаристовъ. Кромѣ того, каждый изъ нихъ стремится къ пріобрѣтенію славы завоевателя, и ихъ правленіе ознаменовано многочисленными, хотя и мелкими, войнами съ сосѣдями. Легко понять печальный результатъ всего этого. Такъ, напримѣръ, запрещеніе табаку и вина привело къ употребленію гораздо болѣе вреднаго опіума, наши и кукнара; затворничество женщины усилило проявленіе гнуснаго порока, въ особенности присущаго таджикской націи, а поощреніе ханжества до крайности размножило и усилило въ странѣ непроизводительный и безпокойный классъ мусульманскаго духовенства и дервишества. Наука и литература окончательно были подавлены въ Бухарѣ въ эту темную эпоху, точно также, какъ искусства и промышленность. Даже знаменитое когда-то въ странѣ шелководство къ концу XVIII вѣка почти совершенно уничтожается, и эмиръ Шахъ-Мурадъ принужденъ принимать искусственныя мѣры къ поддержанію этой важной отрасли промышленности [1]). Въ то же время лучшія провинціи ханства одна за другой отпадаютъ отъ него, и въ 1826 году эмиръ Насръ-Уллахъ можетъ считать себя активнымъ повелителемъ только на пространствѣ 5.600 кв. геогр. миль, изъ которыхъ лишь 500—600 обработаны и заселены осѣдлыми жителями [2]). Въ такомъ положеніи находился этотъ жалкій обломокъ монархіи Тимура, когда, по выраженію Вамбери, до воротъ Бухарскаго ханства достигли первые предвѣстники европейскаго духа и могущества, въ лицѣ Россіи и Англіи, и стали стучаться въ нихъ [3]).

Изъ всѣхъ странъ Европы Россія съ самыхъ отдаленныхъ временъ болѣе другихъ соприкасалась съ Средней Азіей и прилегающими къ ней государствами, находясь на пути прямаго сообщенія ея съ западомъ. Владычество монголовъ еще болѣе сблизило насъ, въ международномъ и торговомъ отношеніи, съ нашими ближайшими сосѣдями. Завоеванія Тамерлана, султана Магомета, открытіе новаго морскаго пути вокругъ Африки и наступившій вслѣдъ затѣмъ періодъ внутреннихъ безпорядковъ въ Трансоксаніи и прилегающихъ къ ней странахъ были причиной насильственнаго перерыва въ ходѣ этого сближенія и временнаго оставленія

---

[1]) Гребенкинъ, «Родословная династіи Мангытъ», см. Ежегодникъ Туркестанскаго края, вып. 3, стр. 338—339.

[2]) Ханыковъ, «Описаніе Бухарскаго ханства», стр. 5.

[3]) Вамбери, «Исторія Бохары», т. II, стр. 140.

созданнаго тысячелѣтіями торговаго пути изъ Западной Европы въ Китай и Индію, чрезъ Россію и Трансоксанію. Въ періодъ времени, съ конца XV столѣтія вплоть до нашихъ дней, путь этотъ, а вмѣстѣ съ нимъ и торговыя сношенія Россіи съ Средней Азіей, были почти совершенно оставлены. При всемъ томъ, русскіе государи, еще начиная съ Іоанна III, дѣлаютъ рядъ попытокъ къ возстановленію прерваннаго международнаго сообщенія. Царствованіе Грознаго и Годунова, усиленно интересовавшихся сближеніемъ русскихъ торговыхъ интересовъ съ отдаленнымъ востокомъ, было ознаменовано первой попыткой англичанъ втереться въ это зарождающееся сближеніе посредствомъ основанія торговаго товарищества Дженкинсона (1558 г.). Разныя затрудненія и наступившее въ Россіи смутное время остановили развитіе этой вредной для насъ торговли. Царь Алексѣй Михайловичъ вновь выдвигаетъ забытый на время среднеазіатскій вопросъ на почву практическаго осуществленія, а императоръ Петръ Великій ставитъ одной изъ главныхъ задачъ своего царствованія овладѣніе всѣми торговыми путями между Каспійскимъ, Чернымъ, Бѣлымъ и Балтійскимъ морями, съ цѣлью доставить русскому народу возможность сдѣлаться главнымъ посредникомъ въ обмѣнѣ произведеній востока и запада [1]). Разорительныя войны съ Турціей и Швеціей, неудачный походъ въ Хиву кн. Бековича-Черкасскаго и преждевременная смерть Петра помѣшали ему довести до конца этотъ грандіозный замыселъ, послѣдствія котораго для Россіи были бы въ полномъ смыслѣ слова необъятны. Въ то же время дѣятельное стремленіе Россіи на востокъ возбудило въ англичанахъ, уже тогда мечтавшихъ о всемірномъ торговомъ преобладаніи, сильныя опасенія. Съ той поры Англія, настойчиво и не стѣсняясь въ выборѣ средствъ, ставитъ преграды всякому предпріятію Россіи на востокѣ, въ которомъ хотя сколько нибудь проглядываетъ осуществленіе великихъ намѣреній царя-преобразователя. Весь интересъ и вниманіе ближайшихъ преемниковъ Петра I сосредоточиваются на дѣлахъ европейской политики, и созданная имъ идея находитъ себѣ ближайшую сторонницу лишь въ лицѣ Екатерины Великой, которая, равно какъ и императоръ Николай, стремится къ осуществленію ея путемъ мирныхъ переговоровъ и дружественнаго воздѣйствія на среднеазіатскихъ владѣтелей. Безъ сомнѣнія, эта медленная, но за то вѣрная система принесла бы съ теченіемъ времени свои плоды, но быстрое развитіе нашей торговли въ первой половинѣ текущаго столѣтія, необходимость сбыта товаровъ на азіатскихъ рынкахъ и негодованіе правительства и народа, вызванное постоянными набѣгами на наши восточныя границы хищныхъ ко-

[1]) Идаровъ, «Значеніе Индіи въ политикѣ Россіи съ Турціей и Англіей» («Русскій Вѣстникъ», 1883 г., № 171, стр. 491—499).—«Аму и Узбой», стр. 7.

кандскихъ, хивинскихъ, бухарскихъ и туркменскихъ шаекъ, вызвали рѣшительныя дѣйствія, окончившіяся присоединеніемъ къ нашимъ владѣніямъ Кокандскаго ханства, Самаркандской области, части Хивы и туркменскихъ кочевій.

Мы не будемъ утомлять читателей подробнымъ изложеніемъ военныхъ дѣйствій въ Средней Азіи, отсылая спеціально интересующихся этимъ вопросомъ къ прекраснымъ трудамъ Н. И. Гродекова, Д. Н. Куропаткина, г. Макшеева-Машонова и другихъ нашихъ лучшихъ военныхъ писателей, и упомянемъ лишь въ краткихъ чертахъ о ходѣ нашего поступательнаго движенія въ Средней Азіи.

Въ періодъ времени съ 1845—1864 г. Россія, воюя съ Кокаyомъ, заняла Акъ-Мечеть, Яны-Курганъ, Токмакъ, Пишпекъ и Мерке. Вслѣдъ затѣмъ представилась необходимость сомкнуть передовые посты Оренбургской и Сибирской линій, разобщенные пространствомъ въ 700 верстъ, въ которое безпрепятственно проникали шайки всякаго сброда. Съ этою цѣлью въ 1864 году были заняты Ауліе-Ата, Туркестанъ и Чимкентъ. 15-го іюня 1865 года отрядъ М. Г. Черняева занимаетъ Ташкентъ [1]). Одновременно съ этимъ бухарскій эмиръ Мозафаръ-Эддинъ открыто принимаетъ на себя неблагодарную роль защитника кокандскаго хана, стоившую ему впослѣдствіи половины владѣній, и силой задерживаетъ въ Бухарѣ наше посольство съ г. Струве во главѣ [2]). Это вынуждаетъ М. Г. Черняева предпринять въ 1866 г. рекогносцировку въ окрестности Джизака, послѣ которой онъ возвращается въ Ташкентъ. Отозванный въ томъ же году изъ Туркестанскаго края, онъ передаетъ начальствованіе надъ войсками генералу Романовскому, который, разбивъ 20-го мая 1866 г. при Ирджарѣ перешедшаго въ наступленіе эмира, овладѣваетъ Ходжентомъ, Нау, Ура-Тюбе и Джизакомъ.

15-го іюня 1867 г. было образовано Туркестанское генералъ-губернаторство, подъ управленіемъ К. П. фонъ-Кауфмана.

Первый неудачный періодъ кампаніи уже нѣсколько поколебалъ ту самоувѣренность, съ которой Мозафаръ-Эддинъ началъ непосильную для него борьбу, но, подъ вліяніемъ слѣпаго въ своемъ фанатизмѣ духовенства и населенія Бухары, онъ рѣшается продолжать войну. Весь 1867 г. эмиръ проводитъ въ сосредоточеніи

---

[1]) Занятіе укрѣпленнаго Ташкента отрядомъ М. Г. Черняева, состоявшимъ лишь изъ 1951 человѣка, при 12 орудіяхъ, имѣвшихъ противъ себя огромный городъ, защищаемый 30.000 войска, при 50 орудіяхъ и 100.000 жителей, составляетъ, безспорно, одну изъ блестящихъ страницъ нашей военной исторіи. Подробности этого дѣла изложены въ реляціи генерала Черняева отъ 7-го іюня 1865 года. См. «Русскій Туркестанъ», вып. 3, стр. 91—98.

[2]) Татариновъ, «Семимѣсячный плѣнъ въ Бухарѣ», Москва, 1867 г.; Глуховской, «Плѣнъ въ Бухарѣ», «Русскій Инвалидъ», 1868 г., №№ 97—100.

значительной арміи въ окрестностяхъ Самарканда и обдумываетъ планъ для наступленія, но генералъ Кауфманъ предупреждаетъ его въ этомъ и 8-го мая 1868 г. самъ открываетъ наступательныя дѣйствія, которыя влекутъ за собой полнѣйшее пораженіе бухарской арміи подъ стѣнами Самарканда и Зерабулака.

Ближайшимъ результатомъ этихъ событій является окончательное паденіе военно-политическаго значенія Бухарскаго ханства въ средѣ государствъ Средней Азіи. Хотя великодушный побѣдитель и оставилъ Мозафаръ-Эддину лучшую часть его владѣній, удержавъ за собою лишь Самаркандскую область, но уже самое водвореніе русской власти въ непосредственной близости владѣній эмира должно было низвести эти послѣднія на степень небольшаго, зависимаго государства, какимъ оно и является по отношенію къ Россіи въ данную минуту. Послѣдующія событія: походъ въ Хиву, присоединеніе къ нашей территоріи остальной части кокандскихъ владѣній, Ахалъ-Текинскаго и Мервскаго оазисовъ, упрочиваютъ могущество и обаяніе Россіи въ Средней Азіи, окончательно лишая призрачную идею главенства Бухары надъ народами Средней Азіи всякаго практическаго смысла и значенія.

Всѣ эти событія являются заключительнымъ актомъ и, такъ сказать, естественнымъ продуктомъ приведеннаго нами выше историческаго хода вещей.

Шести-вѣковое зданіе фанатизма, доведеннаго до изувѣрства, грубаго невѣжества, безсовѣстной тираніи, какою являлась, по отношенію къ современному европейскому порядку вещей, тогдашняя Бухара, не могло выдержать, конечно, даже и перваго натиска великой культурной сѣверной державы, рѣшившейся силой оружія проложить заграждаемый ей историческій путь къ истокамъ Окса и Яксарта. Довольно было горсти солдатъ и нѣсколькихъ пушечныхъ выстрѣловъ, чтобы это одряхлѣвшее зданіе, начало разложенія котораго было положено руками Чингисидовъ и доведено до послѣдней степени нелѣпой политикой послѣдующихъ династій, рухнуло и обратилось въ прахъ, на вѣки похоронивъ подъ своими обломками эпоху среднеазіатскаго варварства и деспотизма.

Пережитая недавно и переживаемая нами до сихъ поръ эпоха есть эпоха великаго перелома въ историческихъ судьбахъ среднеазіатскихъ народовъ, вступившихъ отнынѣ подъ покровительство могучей Россіи на путь духовнаго и культурнаго возрожденія. Въ частности для самой Россіи она ознаменована возобновленіемъ великаго международнаго прямаго торговаго пути и ея значенія главной посредницы между Европой и Азіей. Тщетными кажутся намъ, въ виду этихъ событій, усилія англичанъ создать новую плотину, преграждающую распространеніе торговаго и политическаго вліянія Россіи на восточную Азію, путемъ насильственной нейтрализаціи Афганистана, мелкихъ интригъ въ пограничныхъ

съ нами китайскихъ провинціяхъ, систематическаго заполоненія Персіи англійскими торгово-политическими агентствами и т. д. Времена, когда возможно было съ успѣхомъ эксплоатировать случайное измѣненіе торговаго пути между Россіей и Туркестаномъ, видимо прошли безвозвратно и не сдержать торгашествующему народу его золотомъ и интригами естественнаго хода міроваго колеса, съ неотразимой силой влекущаго народы востока на путь естественнаго сближенія съ могучей Россіей, подъ сѣнью которой ихъ многочисленные братья уже нашли себѣ покой и отдохновеніе. За двадцать пять лѣтъ, протекшихъ со времени присоединенія къ Россіи главныхъ частей Туркестанскаго края, древняя Трансоксанія оправилась и разцвѣла. Она перестала быть театромъ безконечныхъ кровавыхъ смутъ, и ея одичавшіе народы обращены на путь мирнаго преуспѣянія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они перестали быть сартами, киргизами, персами или туркменами, то-есть людьми съ разными политическими, религіозными и имущественными правами передъ властью и закономъ, а стали равноправными со всѣми остальными подданными великаго русскаго царя, безпристрастіе и отеческая заботливость котораго одинаково распространяется на все обширное Русское царство, отъ великорусской крестьянской избы до кибитки кочеваго узбека и нагорной сакли жителя отдаленныхъ Памирскихъ хребтовъ. Тѣнь мощной сѣверной державы, постепенно удлиняясь къ востоку, оживила и сохранившія свою автономію ханства Бухарское и Хивинское. Въ нихъ, также какъ и въ русскомъ Туркестанѣ, ощущается замѣтный поворотъ отъ тысячелѣтняго застоя къ культурной жизни. Остается лишь пожелать, чтобы они поскорѣе и окончательно сбросили опутывающія ихъ оковы средневѣковаго режима, фанатизма и суевѣрія, и еще болѣе сблизились съ нами въ международномъ и культурномъ отношеніи.

Бухарское ханство въ настоящемъ его объемѣ представляетъ собой площадь земли, равную приблизительно 5.000 кв. географическихъ миль [1]), острымъ угломъ врѣзывающуюся по направленію съ юго-востока на сѣверо-западъ въ наши среднеазіатскія владѣнія. Границы ханства чрезвычайно сложны. Съ сѣвера онѣ соприкасаются съ нашими Самаркандской и Ферганской областями; на востокѣ съ Кашгаріей и отчасти Кашемиромъ, на югѣ съ Афганистаномъ, отъ котораго отдѣляются рѣкой Аму, на западѣ и юго-

[1]) Площадь Бухарскаго ханства точно такъ же, какъ цифра его народонаселенія, въ точности не измѣрена. Среднеазіатскіе мусульмане считаютъ почему-то грѣхомъ производить такого рода измѣренія. Въ Бухарѣ, гдѣ все совершается на основаніи обычая, или религіознаго догмата, это служитъ причиной полнаго отсутствія какихъ бы то ни было вѣрныхъ статистическихъ данныхъ.

западѣ—съ Закаспійской областью и Хивинскимъ ханствомъ. Это центральное положеніе бухарскихъ владѣній дѣлаетъ ихъ чрезвычайно важными для насъ въ стратегическомъ, торгово-промышленномъ и международномъ отношеніи. Въ указанныхъ границахъ вся площадь ханства раздѣляется на три главныя части, рѣзко отличающіяся между собою во многомъ: западную, среднюю и восточную [1]). Западная часть представляетъ собой равнину, орошаемую въ срединной своей части рѣкой Заравшаномъ, истощающимъ здѣсь свое теченіе въ безчисленныхъ арыкахъ Зіауддина, Кермине, Бухарскаго и Каракульскаго округовъ. Эта равнина сливается на сѣверо-западѣ съ Кызылъ-кумами, а на востокѣ переходитъ въ травянистую степь «Карнакъ-чуль», покрывающуюся весной роскошной растительностью. Климатъ этой части ханства жаркій, континентальный, лѣтомъ + 35° до 40°, зимой —10°, способствующій развитію злокачественныхъ мѣстныхъ лихорадокъ, болѣзней желудка, глазъ и т. д. Жители занимаются земледѣліемъ, скотоводствомъ, овцеводствомъ, садоводствомъ и огородничествомъ. Воздѣлываніе хлопка, разведеніе виноградниковъ и тута для выкормки шелковичнаго червя, знаменитыхъ каракульскихъ овецъ, мѣстныхъ породъ лошадей, скота и верблюдовъ занимаетъ первое мѣсто. Второе мѣсто послѣ земледѣльческой промышленности принадлежитъ торговлѣ. Предметомъ вывоза служитъ хлопокъ, шелкъ, мерлушка, кожи, рисъ, фрукты въ сушеномъ видѣ, кошмы и ковры. Вообще это есть самая богатая и культурная часть ханства. Проведеніе Закаспійской желѣзной дороги, перерѣзавшей ее своими рельсами, и близость русской границы оживили въ ней культурную дѣятельность и, вѣроятно, недалеко то время, когда эта часть ханства окончательно утратитъ свой дикій, первобытный характеръ. Средняя часть бухарской территоріи состоитъ изъ отроговъ хребтовъ Тянь-Шаньскихъ горъ, извѣстныхъ подъ именемъ Баба-тагъ, Гази-Малекъ и Кара-тау, образующихъ площади, возвышающіяся до 4 т. ф. надъ уровнемъ моря. Эта полоса ханства густо заселена, изобилуетъ минералами, между которыми преобладаетъ каменный уголь, соль, а мѣстами попадается и золото. По мѣрѣ приближенія къ главнымъ горнымъ хребтамъ, мѣстность становится плодородной, покрывается тучной травой; горныя долины изобилуютъ рощами фисташковыхъ и миндальныхъ деревьевъ, встрѣчаются нефтяные источники, горячіе ключи и множество небольшихъ горныхъ рѣчекъ, щедро надѣляющихъ водой земледѣльческое населеніе этой живописной полосы Бухарскаго ханства. Особеннымъ плодородіемъ славится здѣсь Гиссарская долина. Низовья рѣкъ Якъ-су и Пянджа изобилуютъ тиграми, ры-

---

[1]) Остроумовъ (Н. В.), «Географія Туркестанскаго края», Самаркандъ, 1891 г., стр. 73.

сями и другими хищными звѣрями. Климатъ этой средней полосы ханства умѣренный, здоровый. Жители занимаются почти исключительно земледѣліемъ, садоводствомъ, скотоводствомъ и огородничествомъ, сбывая свои произведенія, вьючными путями, на базары Бухары, въ Дарвазъ и Афганистанъ. Восточная часть ханства, Каратегинъ и Дарвазъ, представляетъ собой дикую горную страну, перерѣзанную тремя гигантскими хребтами: Каратегинскимъ, Петра I и Дарвазскимъ, достигающими мѣстами 25 т. футовъ надъ уровнемъ моря. Долины перваго изъ этихъ хребтовъ считаются плодородными, послѣднихъ двухъ—бѣдными и безплодными. Жители Каратегина занимаются земледѣліемъ, садоводствомъ и скотоводствомъ. Тутъ съ успѣхомъ произростаетъ пшеница, ячмень, просо, ленъ, табакъ, люцерна, разнаго рода южные овощи и фрукты, а рогатый скотъ и горныя лошади славятся своей силой и крѣпостью на все Бухарское ханство. Вообще эта часть бухарскихъ владѣній можетъ быть признана относительно богатой и цвѣтущей. Совершенно противоположную картину представляетъ собою Дарвазъ. Это—мѣстность, стоящая на низшей степени культурнаго развитія народовъ, населяющихъ Бухарское ханство. Здѣсь не существуетъ ни промысловъ, ни ремеслъ. Почти единственный источникъ существованія жителей этой маленькой оригинальной страны, населенной 35 т. жителей, составляетъ разведеніе тутовыхъ деревьевъ. Ягодами этого растенія они питаются, высушивая ихъ и обращая въ муку; ими же платятъ подати и добываютъ средства къ существованію, обмѣнивая на необходимые въ общежитіи предметы домашняго обихода. Тутовое дерево составляетъ для нихъ все, даже денежный знакъ, такъ какъ тюбитейка сушеныхъ ягодъ этого растенія принимается, какъ денежная единица при расплатѣ [1]). Многіе отъ рожденія до смерти не знаютъ вкуса ржанаго или пшеничнаго хлѣба, питаясь тутовой мукой. Подъ вліяніемъ этой пищи они хилы и недолговѣчны. Климатъ Дарваза лѣтомъ жаркій, достигающій + 35°; зимой суровый, но вообще считается здоровымъ. Пути сообщенія удобны лишь для пѣшехода и всадника, но безъ вьюка.

Народонаселеніе Бухарскаго ханства въ точности не исчислено, точно такъ же какъ его площадь. Но во всякомъ случаѣ оно превышаетъ собой полтора милліона душъ обоего пола. Въ этнографическомъ отношеніи оно раздѣляется на узбековъ, составляющихъ главную массу, почти половину всего населенія, таджиковъ, жителей преимущественно городовъ, аравитянъ, персовъ, евреевъ и цыганъ. Послѣднихъ четырехъ народностей насчитывается не болѣе 20 т. душъ. Въ административномъ отношеніи ханство раздѣляется на двадцать восемь округовъ, изъ которыхъ главными

---

[1]) 45 тюбитеекъ тута составляютъ 1 теньгу = 20 коп.

считаются одиннадцать бекствъ, а именно: Кермине, Каршинское, Шаарское, Ширабадское, Гиссарское, Бальджуанское, Каратегинское, Дарвазское, Керкинское, Чарджуйское и Кабаклинское. Богатѣйшимъ изъ всѣхъ бекствъ считается бекство Гиссарское, уплачивающее ежегодно въ казну эмира около 500.000 руб. годовыхъ сборовъ; затѣмъ Чарджуйское — 200,000 рублей, Зіауддинское — 180,000 рублей; около этой же цифры, каждое въ отдѣльности, даютъ бекства Кермине, Карши, Кулябъ и Каракуль. Бѣднѣйшими считаются Килифскій и Учъ-Учакскій округа, приносящіе лишь 8—10 т. рублей; годовыхъ сборовъ. Наиболѣе значительными городами въ торгово-промышленномъ и стратегическомъ отношеніи являются, послѣ Бухары, Карши и Чарджуй[1]). Первый изъ этихъ городовъ имѣетъ до 35 т. жителей, извѣстенъ своими базарами, выдѣлкой ковровъ и богатой растительностью. Въ его обширномъ оазисѣ, имѣющемъ до 20 миль ширины, разводится превосходный каршинскій табакъ. Чарджуй, состоящій въ настоящее время изъ двухъ городовъ—русскаго и бухарскаго, представляетъ собой важный торгово-промышленный и стратегическій пунктъ на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи, являясь одной изъ первоклассныхъ станцій Закаспійской желѣзной дороги.

Главную жизненную артерію въ Бухарскомъ ханствѣ, какъ и вообще въ Средней Азіи, составляютъ рѣки. Искусственное орошеніе здѣсь также необходимо, какъ удобреніе почвы въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ. Безъ него тутъ ничего не выростетъ. Съ другой стороны, оно даетъ богатѣйшіе результаты повсюду, гдѣ представляется возможность удѣлить хотя бы нѣсколько капель воды этой плодоносной почвѣ. Значеніе воды увеличивается по мѣрѣ пониженія поверхности ханства съ юго-востока на сѣверо-западъ и пропорціональнаго съ нимъ уменьшенія атмосферной влаги, питающей землю и дающей жизнь растительности. Поэтому понятно, какое огромное значеніе представляютъ для Бухары ея двѣ главныя рѣки: Аму и Заравшанъ[2]), дающіе жизнь природѣ и

---

[1]) Законъ опредѣляетъ въ каждомъ городѣ аркъ, стѣну городскую и не менѣе 3-хъ мечетей, изъ которыхъ одна должна вмѣщать все городское населеніе.

[2]) Аму-Дарья, или древній Оксусъ. Существуетъ предположеніе, что въ древности рѣка эта впадала въ Каспійское море. Спорный вопросъ объ этомъ породилъ съ теченіемъ времени цѣлую литературу, чрезвычайно важную и интересную какъ по своимъ научнымъ выводамъ, такъ и по тому обширному историческому матеріалу, который былъ добытъ при производствѣ техническихъ разслѣдованій древнихъ руслъ Узбоя.

Перу г. Лессара принадлежитъ послѣднее слово въ этомъ вопросѣ. См. П. Лессаръ, «Оксусъ, его древнѣйшее соединеніе съ Каспійскимъ моремъ», переводъ съ французскаго Романовича, Ташкентъ, 1891 г. Это небольшое, но полное глубокаго интереса изслѣдованіе, повидимому, окончательно разрушаетъ легенду о томъ, что Узбой составляетъ древнее русло Оксуса, а также гипотезу о возможности направленія теченія Аму-Дарьи этимъ путемъ къ берегамъ Каспія.

Заръ-авшанъ означаетъ въ переводѣ на русскій языкъ «раздаватель золота».

человѣку южной и юго-западной части ханства. Быстрое развитіе земледѣлія въ Самаркандской области, обладающей верхнимъ теченіемъ Заравшана, дѣлаетъ за послѣднее время эту рѣку недостаточнымъ резервуаромъ для питанія тѣхъ обширныхъ оазисовъ, которые образовались по ея берегамъ на русской и бухарской территоріи, причемъ послѣдняя терпитъ подчасъ существенную нужду въ водоснабженіи. Что касается Аму-Дарьи, то водами ея пользуется лишь незначительная часть населенія южной и юго-западной полосы ханства, такъ какъ существовавшіе когда-то магистральные арыки, посредствомъ которыхъ вода изъ Аму достигала до центральныхъ областей страны, уже давно оставлены; проведеніе же новыхъ стоило бы колоссальныхъ денежныхъ затратъ, которыя страна едва ли въ состояніи была бы выдержать. Тѣмъ не менѣе, эмиръ Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ чрезвычайно занятъ мыслью о проведеніи воды изъ Аму въ центральныя области ханства[1]).

Крайнее разнообразіе устройства поверхности Бухарскаго ханства, представляющаго собой всѣ фазисы измѣненія земной коры, отъ величайшихъ въ мірѣ горныхъ вершинъ, покрытыхъ вѣчными снѣгами, глетчерами и перерѣзанныхъ непроходимыми стремнинами горныхъ рѣкъ и водопадовъ, до необозримыхъ низменныхъ степей сѣверо-западной полосы, породило крайнее разнообразіе производительности, климатическихъ, этнографическихъ, культурныхъ и бытовыхъ условій этой интересной страны, заключающей въ себѣ огромныя, но еще совершенно неизслѣдованныя естественныя богатства. Къ сожалѣнію, все здѣсь стоитъ еще на самой низменной первобытной ступени экономическаго развитія. Сельское хозяйство, промыслы и ремесла, торговля и финансовая система, даже народная жизнь,—все это идетъ по тѣмъ же самымъ рельсамъ, которые были установлены тысячу лѣтъ назадъ. Фабричной и заводской промышленности совсѣмъ не существуетъ, хотя нѣтъ страны, которая, по своимъ естественнымъ богатствамъ, представляла бы болѣе шансовъ на успѣшное развитіе того и другаго, какъ теперешнее Бухарское ханство. При всемъ томъ, страна можетъ считаться богатой. Огромное большинство жителей ея существуетъ безбѣдно и даже роскошно по отношенію, напримѣръ, къ нашему русскому крестьянину, тяжелымъ трудомъ добываю-

[1]) Его императорское высочество великій князь Николай Константиновичъ, трудамъ котораго Туркестанскій край обязанъ обращеніемъ въ цвѣтущіе оазисы многихъ тысячъ десятинъ пустынныхъ, запущенныхъ земель, путемъ проведенія на нихъ арыковъ (Искандеръ, Ханымъ, Урумбай и др.), предпринялъ въ послѣднее время, съ высочайшаго соизволенія, проведеніе арыка «Бухара» изъ Сыръ-Дарьи чрезъ Голодную степь по направленію къ Бухарскимъ предѣламъ. Если эта грандіозная работа будетъ доведена до конца, то вся южная часть бухарскихъ и русскихъ кызылъ-кумовъ будетъ обращена въ цвѣтущій оазисъ, а культурная полоса Бухарскаго ханства получитъ новые богатые источники для водоснабженія.

щему средства для своего сравнительно скуднаго существованія и уплаты небольшой государственной и земской подати.

Среднеазіатскій мусульманинъ, кто бы онъ ни былъ, не любитъ тяжелаго физическаго труда. Онъ всегда исполняетъ его спустя рукава и тотчасъ мѣняетъ на торговлю или какой нибудь промыселъ, какъ только представляется къ тому хотя малѣйшая возможность. Трудъ настоящій, тяжелый, въ потѣ лица, ему неизвѣстенъ. Въ прежнія времена онъ предоставлялъ его невольнику; теперь же отдается ему лишь на столько, на сколько это является для него крайней необходимостью. Постепенное развитіе торговли подъ вліяніемъ русской промышленности и относительное упорядоченіе финансовой системы въ правленіе Сеидъ-Абдулъ-Ахата, даетъ возможность народнымъ массамъ возмѣстить этимъ экономическій ущербъ, причиненный упраздненіемъ невольничества. Это наводитъ на вѣроятное предположеніе, что и дальнѣйшія экономическія улучшенія вызовутъ соотвѣтственное уменьшеніе труда со стороны туркестанскаго и бухарскаго сарта, который, по природѣ своей, есть отнюдь не труженикъ, а лишь ловкій эксплоататоръ чужаго труда. Во всякомъ случаѣ, для полнаго экономическаго возрожденія страны ей необходимы постороннія силы. Такъ сказать, вынужденнаго, принудительнаго труда однихъ туземцевъ, обращающихъ всѣ свои помыслы на торговлю и промышленность, слишкомъ недостаточно. Трудъ этотъ, не будучи спеціальнымъ трудомъ настоящей, сознательно израсходованной рабочей силы, никогда не дастъ и настоящихъ жизненныхъ и вполнѣ законченныхъ результатовъ. Съ другой стороны, въ области торговли и промышленности житель Средней Азіи и въ особенности сартъ-таджикъ не имѣетъ себѣ соперниковъ. Во всякаго рода гешефтахъ, маклерствахъ и способахъ легкой наживы денегъ, при относительно малой затратѣ труда и капитала, онъ превзойдетъ самаго опытнаго еврея, армянина или другаго, не менѣе типичнаго въ этомъ отношеніи, инородца.

Бухара ведетъ обширную торговлю съ Россіей, Персіей, Афганистаномъ, Кашмиромъ, Индіей и Кашгаріей. Предметы вывоза составляютъ: хлопокъ, шелкъ, сушеные плоды и ягоды, рисъ, сырецъ, кубовая краска, бязи, низшихъ сортовъ бирюза, мерлушки, мѣха, ковры и кошмы, предметы одежды, шали, шерстяныя и шелковыя матеріи. Предметы ввоза: изъ Россіи ситецъ, шелковыя матеріи, сукна, парчи, кожи, чугунъ, желѣзо, бакалейный товаръ и мелкіе предметы роскоши; изъ Афганистана и Кашмира: шали, индійская кисея, парчи, лекарственныя вещества, кубовая краска и индійскія варенья; изъ Персіи: шали, тармалама, высшихъ сортовъ бирюза, англійскіе ситцы, коленкоръ и кисея; изъ Кашгаріи: фарфоръ, чай, китайскія шелковыя матеріи. Всѣ эти произведенія находятъ себѣ внѣшній сбытъ, и лишь одна пятая часть

изъ нихъ дѣлается предметомъ мѣстнаго потребленія. Ежегодный ввозъ товаровъ въ Бухарское ханство, до открытія Закаспійской желѣзной дороги, то-есть до 1888 г., производился не менѣе какъ на 40.000 верблюдахъ, вывозъ—на 50.000, что̀, по словамъ компетентныхъ лицъ, должно было опредѣлить среднія цифры ввоза въ 32.000.000 и вывоза въ 45.000.000 рублей [1]).

Господствующая религія въ Бухарскомъ ханствѣ есть исламъ. Христіане, евреи и индусы составляютъ незначительную цифру (не болѣе 10 т. человѣкъ), совершенно незамѣтную въ общей массѣ бухарскаго народа.

Народное образованіе находится исключительно въ рукахъ духовенства, которое и направляетъ его въ духѣ ислама. Грамотность чрезвычайно развита между осѣдлымъ населеніемъ, и рѣдкій бухарецъ не обученъ чтенію, письму и главнымъ догматамъ вѣроученія Магомета. Высшими учебными заведеніями въ странѣ являются медрессе, гдѣ взрослые семинаристы подготовляются къ занятію духовныхъ должностей и учительскихъ мѣстъ какъ въ нихъ самихъ, такъ и въ народныхъ школахъ. Низшими являются эти послѣднія, называемыя мактабъ-хане.

Пути сообщенія совершенно первобытные. Кромѣ Закаспійской желѣзной дороги, въ ханствѣ нѣтъ ни одного правильно-разработаннаго пути. Чтобы покончить съ этимъ краткимъ описаніемъ страны, скажемъ нѣсколько словъ о населяющихъ ее жителяхъ.

Главную массу бухарскаго народа, какъ мы указали это выше, составляютъ узбеки. Типомъ лица и характеромъ они напоминаютъ монголовъ, но имѣютъ глаза больше, а черты лица красивѣе. Цвѣтъ волосъ и бороды переходитъ отъ рыжаго къ темнорусому. Ростъ средній; тѣлосложеніе крѣпкое, сильное. Въ общей массѣ они добродушны, откровенны, правдивы и честны, но лѣнивы и безпечны до крайности. Этотъ народъ еще до сей минуты сохранилъ остатокъ прежней воинственности и, будучи сплоченъ, могъ бы составлять отличный матеріалъ для военнаго дѣла. Грамотность и, слѣдовательно, фанатизмъ между узбеками развиты гораздо менѣе, чѣмъ между таджиками. Въ образѣ жизни, пищѣ и одеждѣ, они соблюдаютъ умѣренность, переходящую въ суровость. Бухарскіе узбеки раздѣляются на кочевыхъ и осѣдлыхъ. Первые занимаются исключительно овцеводствомъ и коневодствомъ, производя знаменитыхъ каракульскихъ овецъ и сильную упряжную лошадь; осѣдлые—торговлей.

---

[1]) Въ Бухарѣ нѣтъ ассигнацій, и главной денежной единицей является теньга, серебряная монета, равная 20 копѣйкамъ. 44 мѣдныя пуллы составляютъ одну теньгу. Бухарскій золотой называется тилля и равняется 6 рублямъ.

Линейную мѣру составляетъ алчинъ = одному нашему аршину, и гязъ = 1 арш. 4 вершкамъ. Фарсангъ = 8 в. 447 саж.; танапъ = 3/4 кв. десятины.

Мѣру сыпучихъ тѣлъ составляетъ батманъ = 7 п. 32 ф. 48 зол.

Таджики—жители городовъ и большихъ деревень (кишлаковъ). Это народъ арійскаго племени, сохранившій до нашихъ дней свой красивый типъ, отличающійся высокимъ ростомъ, правильными чертами лица, матово-прозрачнымъ цвѣтомъ кожи, черными волосами и глазами. Они одарены отъ природы врожденной граціей, щеголеваты и привѣтливы, но корыстолюбивы, низкопоклонны, трусливы, наклонны ко лжи и всевозможнымъ порокамъ. Отвращеніе къ физическому труду, хвастливость и нестойкость въ словѣ дополняютъ сложившійся подъ вліяніемъ тысячелѣтняго гнета несимпатичный нравственный обликъ этого народа, занимающагося исключительно внутренней и внѣшней торговлей [1]).

Арабы составляютъ небольшую группу кочевниковъ, разсѣянныхъ въ разныхъ пунктахъ ханства, преимущественно же въ окрестностяхъ Вартанзи. Этотъ народъ вполнѣ сохранилъ типъ, характеръ и обычаи своихъ отдаленныхъ соплеменниковъ въ Малой Азіи. Скотоводство и овцеводство составляютъ исключительное занятіе арабовъ. Нравы ихъ отличаются добродушіемъ, прямотой и честностью.

Евреи населяютъ особые, отведенные для нихъ, кварталы въ Бухарѣ и Карши. Они занимаются исключительно торговлей. Поселившись въ Бухарскихъ предѣлахъ съ незапамятныхъ временъ, они, подъ вліяніемъ правительственнаго и религіознаго мусульманскаго гнета, восприняли отъ бухарскаго народа образъ жизни, одежду, нравы и даже многоженство, удержавъ отъ ветхо-завѣтныхъ временъ лишь одну религію.

Персіяне составляютъ потомковъ рабовъ-отпущенниковъ и 4.000 семействъ, выведенныхъ сюда изъ Мерва Шахъ-Мурадомъ. Это народъ по большей части трудолюбивый, исполняющій наиболѣе тяжелый физическій трудъ.

Цыгане кочуютъ преимущественно въ окрестностяхъ Каракуля. Они исповѣдуютъ исламъ; занимаются барышничествомъ и ворожбой.

Условія мусульманскаго законодательства, проникающаго въ самыя мельчайшія подробности общественной жизни, уравниваютъ бытъ, нравы и обычаи этихъ разношерстныхъ племенъ, которые въ главныхъ чертахъ остаются одни и тѣ же какъ въ кибиткѣ кочеваго узбека, такъ и въ богатомъ домѣ осѣдлаго таджика или

---

[1]) Мы не желаемъ оставлять читателей при убѣжденіи, что этотъ несимпатичный портретъ одной изъ главныхъ народностей Средней Азіи созданъ исключительно нашими наблюденіями. Знаменитые оріенталисты: Борнсъ, Ханыковъ, Вамбери, Уйфальви и многіе другіе, рисуютъ эту народность еще менѣе заслуживающей симпатіи. Съ своей стороны мы не прибавимъ къ этому ничего новаго, такъ какъ наши личныя наблюденія составляютъ лишь продолженіе установившагося взгляда. См. Борнсъ, «Путешествіе въ Бухару», ч. II, стр. 50—57; Ханыковъ, «Описаніе Бухарскаго ханства», стр. 55—56; Вамбери, «Очерки Средней Азіи», стр. 318; Уйфальви, «Le Cohistan, le Ferghanah et Couldja», pp. 60—61.

въ саклѣ персіянина. Вездѣ мы видимъ буквальное исполненіе всѣхъ правилъ внѣшней обрядности, предписываемыхъ исламомъ, господство обычая, бо́льшую или меньшую грубость и жестокость нравовъ, порабощеніе женщины, полное преклоненіе передъ религіознымъ культомъ, который служитъ для бухарскаго народа единственной призмой въ его взглядахъ и отношеніяхъ къ жизни и ея проявленіямъ. Повсюду одинаковый бытъ кочевника достаточно хорошо извѣстенъ всѣмъ и каждому, и мы не будемъ останавливаться на немъ. Что же касается домашней жизни осѣдлой части бухарскаго народа, то она является образцомъ первобытной патріархальности. Устройство жилищъ, одежда, пища, все отвѣчаетъ потребностямъ крайней необходимости и указаніямъ шаріата. Обстановка богатаго бухарца мало отличается отъ обстановки бѣдняка. Болѣе состоятельные люди имѣютъ лишь большихъ размѣровъ дома, большій запасъ одежды и болѣе обильную пищу. Раздѣленіе половъ становится тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ бухарецъ важнѣе и состоятельнѣе. Постепенно ослабѣвая, оно совершенно почти уничтожается лишь въ нищенствующемъ классѣ, такъ какъ представительницы этого слоя общества наравнѣ съ киргизками и маленькими дѣвочками пользуются правомъ появляться повсюду съ незакрытымъ лицомъ. Втеченіе послѣдняго времени образовалась цѣлая группа писателей, которая, по слѣдамъ г. Миддендорфа [1]), до крайности идеализируя таджикскую народность, силится создать изъ нея нѣчто въ родѣ проводника европейскихъ стремленій въ остальныя племена Средней Азіи. Съ своей стороны мы отнюдь не раздѣляемъ этихъ увлеченій.

Центръ тяжести успѣшнаго движенія всѣхъ вообще народовъ Средней Азіи по пути прогрессивнаго развитія лежитъ главнымъ образомъ въ исламѣ. Гдѣ онъ процвѣтаетъ въ большей степени, тамъ успѣхъ этотъ менѣе вѣроятенъ, и наоборотъ. Непримиримость основныхъ принциповъ магометанства съ идеей прогрессивнаго движенія человѣчества въ области мысли и науки достаточно выяснена исторіей. Намъ кажется совершенно безполезнымъ распространяться на эту тему. Между тѣмъ мы видимъ, что ни въ одной изъ народностей Средней Азіи исламъ не пустилъ такихъ глубокихъ корней, какъ въ таджикской. Съ теченіемъ времени онъ не только овладѣлъ направленіемъ мысли, обычаемъ, складомъ характера и даже закономъ, управляющимъ жизнью сарта-таджика, но сдѣлалъ его ближайшимъ проводникомъ религіознаго фанатизма въ остальныя массы кочеваго и осѣдлаго населенія Средней Азіи. То поверхностное сближеніе таджикской народности съ русскимъ элементомъ, которое мы замѣчаемъ въ нашихъ туркестанскихъ городскихъ центрахъ, отнюдь не должно быть принимаемо, какъ знакъ готовности служить дѣлу осуществленія нашихъ культурныхъ задачъ на далекомъ

---

[1]) Миддендорфъ, «Очерки Ферганской долины», стр. 363—365.

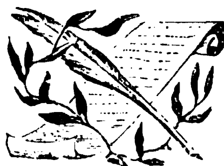
востокѣ. Сближеніе это обусловливается необходимостью, спекулятивными цѣлями и выработанной тысячелѣтіями привычкой гнуться передъ властью и закономъ. На самомъ же дѣлѣ за ней въ большинствѣ случаевъ скрытъ самый непримиримый фанатизмъ, самое упорное нежеланіе воспринять что либо отъ плодовъ европейскаго просвѣщенія.

Настоящее, здоровое ядро духовныхъ силъ Средней Азіи лежитъ въ киргизскомъ и узбекскомъ кочевомъ населеніи. Оно несравненно менѣе фанатизировано, выше въ нравственномъ отношеніи и охотнѣе усвоиваетъ отъ насъ идеи образованности и просвѣщенія. Доказательствомъ тому могутъ служить цѣлые десятки офицеровъ, чиновниковъ и учителей изъ киргизъ, съ успѣхомъ исполняющіе свои служебныя обязанности въ Туркестанскомъ краѣ. Что же касается таджиковъ, то изъ ихъ среды намъ неизвѣстно ни одного такого лица. До сихъ поръ они ограничиваются лишь выдѣленіемъ контингента мусульманскаго духовенства и дервишества.

Вотъ почему мы позволимъ себѣ выразить увѣренность, что элементъ, отъ котораго мы вправѣ ожидать наибольшихъ плодовъ въ нашихъ усиліяхъ поднять экономическій и умственный уровень Средней Азіи, заключается въ киргизахъ и узбекахъ, а отнюдь не въ таджикахъ. Что же касается этихъ послѣднихъ, то имъ всецѣло должна быть предоставлена область торговли. Въ ней они не имѣютъ себѣ соперниковъ. Дальше же этого они едва ли подвинутся когда либо.

П. Шубинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).



ГОГОЛЬ, КАКЪ ИСТОРИКЪ.

«Скажу тебѣ, что даже въ самыхъ раннихъ помышленіяхъ моихъ о будущемъ поприщѣ моемъ **никогда не представлялось мнѣ поприще писателя. Столкнулся я съ нимъ почти нечаянно**». (Письмо Гоголя къ Плетневу, «Сочиненія», изд. 10, IV, 233).

РОФЕССОРЪ В. В. Григорьевъ въ «Исторіи императорскаго С.-Петербургскаго университета», характеризуя профессорскій персоналъ университета въ первый періодъ его существованія (съ 1819 по 1835 г.), говоритъ (стр. 93):

«Для преподаванія исторіи древней и средневѣковой приглашенъ былъ въ 1834 году, съ званіемъ адъюнкта, воспитанникъ Нѣжинскаго лицея, учительствовавшій въ Патріотическомъ институтѣ, **Гоголь-Яновскій** (Николай Васильевичъ), знаменитый впослѣдствіи авторъ «Мертвыхъ Душъ», тогда же извѣстный лишь по «Вечерамъ на хуторѣ». Призваніе свое къ историческимъ занятіямъ основывалъ онъ на трехъ статьяхъ, напечатанныхъ имъ, въ томъ же 1834 году, въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія»: 1) Планъ преподаванія всеобщей исторіи; 2) Отрывокъ изъ исторіи Малороссіи и 3) О малороссійскихъ пѣсняхъ. Но статьи обнаруживали въ авторѣ ихъ художника, а не мыслителя и ученаго; къ тому же Гоголь, по незнанію классическихъ древнихъ и новыхъ европейскихъ языковъ, не обладалъ даже и средствами пріобрѣсти надлежащую начитанность, а пріемы научные были ему совершенно неизвѣстны. Опытъ годичнаго преподаванія предмета, весьма неудовлетворительный, убѣдилъ его самого, что взялся онъ не за свое дѣло, и въ 1835 году Гоголь оставилъ университетъ. Вступительная лекція его «О среднихъ вѣкахъ»

напечатана была въ томъ же году въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» [1]).

Въ этомъ сухомъ и небрежномъ по тону упоминаніи о профессорской дѣятельности Гоголя, помимо фактическихъ неточностей, которыя сами собой выяснятся въ предлагаемой статьѣ изъ дальнѣйшаго изложенія, выразилась та точка зрѣнія, которая установилась у насъ на историческія занятія Гоголя. Ихъ принято считать ничѣмъ не оправданной претензіей Гоголя на роль ученаго, для которой у него не было будто бы ни способностей, ни знанія.

Между тѣмъ, увлеченіе историческими занятіями составляетъ весьма серьезный вопросъ въ жизни Гоголя; а потому и отнестись къ этому увлеченію слѣдуетъ серьезно, не спѣша произносить приговоръ надъ занятіями, втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ поглощавшими все вниманіе Гоголя и мѣшавшими ему отдаться природнымъ поэтическимъ влеченіямъ.

Но прежде, чѣмъ приступлю къ разсмотрѣнію этого вопроса, укажу на одно весьма важное для правильнаго разумѣнія этой своеобразной личности обстоятельство.

У насъ принято, говоря о Гоголѣ, вступать съ нимъ самимъ въ полемику, придираться къ каждому его слову, отыскивая въ немъ не тотъ прямой смыслъ, какой въ немъ заключается, а какой-то другой, особенный, умышленно будто бы скрытый Гоголемъ, принято не вѣрить самымъ простымъ и искреннимъ его словамъ и считать его за человѣка неискренняго, притворявшагося, говорившаго не то, что въ самомъ дѣлѣ было у него на душѣ. Пока мы не бросимъ такого полемическаго отношенія къ Гоголю, мы никогда не въ состояніи будемъ психологически понять его; онъ останется для насъ вѣчной загадкой, человѣкомъ, исполненнымъ какихъ-то непонятныхъ странностей, противорѣчій, внезапныхъ, почти капризныхъ перемѣнъ и скачковъ въ душевной жизни. Только взглянувъ на него тѣми же простыми глазами, какими мы смотримъ на всѣхъ людей, получимъ мы возможность понять его; онъ перестанетъ быть для насъ психологической загадкой и явится передъ нами тѣмъ, чѣмъ былъ въ дѣйствительности: человѣкомъ съ высокими, идеальными стремленіями, съ геніальнымъ дарованіемъ, но съ очень неправильной нравственной подготовкой, вслѣдствіе чего долго не знавшимъ и даже не подозрѣвавшимъ настоящаго своего призванія.

Въ выбранномъ мною для настоящей статьи эпиграфѣ изъ письма его къ Плетневу (писаннаго 4 декабря 1846 г.) онъ утверждаетъ, что никогда, даже въ самыхъ раннихъ юношескихъ мечтахъ

---

[1]) Въ статьѣ своей: «Т. Н. Грановскій до его профессорства въ Москвѣ» («Русская Бесѣда», 1856 г., кн. III, смѣсь), В. В. Григорьевъ отозвался о профессурѣ Гоголя еще рѣзче (стр. 24—26). Ф. В.

своихъ, не воображалъ себя дѣятелемъ на литературномъ поприщѣ, на которое попалъ почти случайно. То же самое онъ высказалъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ статьѣ, приготовленной имъ въ видѣ предисловія для предполагавшагося имъ, но не состоявшагося, втораго изданія «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями» и появившейся впослѣдствіи подъ заглавіемъ «Авторская исповѣдь»: «Я не могу сказать утвердительно, точно ли поприще писателя есть мое поприще. Знаю только то, что въ тѣ годы, когда я сталъ задумываться о моемъ будущемъ (а задумываться о будущемъ я началъ рано, въ тѣ поры, когда всѣ мои сверстники думали еще объ играхъ), мысль о писателѣ мнѣ никогда не всходила на умъ». («Сочиненія», изд. 10, IV, 247—248).

И письмо къ Плетневу и «Авторская исповѣдь» писаны въ 1846 и 1847 гг., то-есть въ тотъ періодъ жизни Гоголя, когда, по общему мнѣнію, онъ запутался въ нравственныхъ вопросахъ и, подъ вліяніемъ этой путаницы, сталъ будто бы отрицательно смотрѣть на свою поэтическую дѣятельность и потому, какъ обыкновенно думаютъ, находилъ нужнымъ отрекаться отъ своего поэтическаго призванія. Но у насъ есть его же показаніе, относящееся къ гораздо болѣе раннему времени, свидѣтельствующее о томъ же самомъ.

За 20 почти лѣтъ до появленія «Переписки съ друзьями», въ письмѣ къ дядѣ П. П. Косяровскому (8-го сентября 1828 года), 19-ти-лѣтній Гоголь, говоря о своей рѣшимости уѣхать изъ дому, чтобы своими собственными силами пробить себѣ дорогу, возлагаетъ надежды на разныя свои «достоинства», даже на знаніе разныхъ ремеслъ, но о намѣреніи сдѣлаться писателемъ вовсе не упоминаетъ («Русская Старина», 1876, XV, 43), и не упоминаетъ, очевидно, потому, что не только въ ранней юности, еще приготовляясь выступить на поприще общественной дѣятельности, но даже и въ петербургскій періодъ своей жизни онъ еще не рѣшилъ для себя вопроса о своемъ призваніи. Хотя его поэтическая дѣятельность началась еще въ Нѣжинской гимназіи, но своимъ поэтическимъ опытамъ самъ онъ не придавалъ никакого значенія, увлекаясь преимущественно занятіями историческими. Неоднократныя заявленія его, что онъ никогда не мечталъ о поприщѣ писателя, надо понимать въ томъ смыслѣ, что, пробивая себѣ дорогу въ первые годы пребыванія своего въ Петербургѣ и отыскивая наиболѣе подходящее для себя поприще, онъ не только сознательно не останавливался на мысли сдѣлаться писателемъ, но даже и въ мечтахъ, столь свойственныхъ всѣмъ даровитымъ людямъ, не воображалъ себя въ роли литературнаго дѣятеля и долго не обращалъ вниманія на свое поэтическое дарованіе. Оно само, въ противность его собственному сознанію, неудержимо прорвалось наружу и, въ концѣ концовъ, указало ему его настоя-

щую дорогу [1]). Сознательно же Гоголь съ увлеченіемъ предавался въ эти первые годы своей петербургской жизни занятіямъ историческимъ и мечталъ сдѣлаться историкомъ Малороссіи, для чего усердно собиралъ матеріалы.

Въ объявленіи «Объ изданіи исторіи Малороссійскихъ казаковъ», напечатанномъ въ 1834 году въ «Сѣверной Пчелѣ» («Сочиненія», изд. 10, V, 107), Гоголь, сообщая о своемъ намѣреніи написать исторію Малороссіи и прося «просвѣщенныхъ соотечественниковъ» сообщать ему матеріалы, заявлялъ: «Около пяти лѣтъ собиралъ я съ большимъ стараніемъ матеріалы, относящіеся къ исторіи этого края. Половина моей исторіи уже почти готова, но я медлю выдавать въ свѣтъ первые томы, подозрѣвая существованіе многихъ источниковъ, можетъ быть, мнѣ неизвѣстныхъ, которые, безъ сомнѣнія, хранятся гдѣ нибудь въ частныхъ рукахъ» [2]).

И дѣйствительно, съ самаго пріѣзда своего въ Петербургъ (въ 1829 г.), Гоголь настойчиво проситъ мать, старшую сестру и другихъ родственниковъ и знакомыхъ сообщать ему необходимые матеріалы, относящіеся къ исторіи и быту Малороссіи. Въ письмѣ къ ней изъ Петербурга отъ 24-го іюля 1829 года онъ даже поясняетъ, для чего нужны ему эти свѣдѣнія о бытѣ Малороссіи. «Принося чувствительнѣйшую и невыразимую благодарность за ваши драгоцѣнныя извѣстія о малороссіянахъ,—писалъ онъ ей,— прошу васъ убѣдительно не оставлять и впредь таковыми письмами. Въ тиши уединенія я готовлю запасъ, котораго, порядочно не обработавши, не пущу въ свѣтъ; я не люблю спѣшить, а тѣмъ болѣе заниматься) поверхностно. Прошу также, добрая и несравненная маменька, ставить какъ можно четче имена собственныя и вообще разныя малороссійскія проименованія. Сочиненіе мое, если когда выйдетъ, будетъ на иностранномъ языкѣ, и тѣмъ болѣе мнѣ нужна точность, чтобы не исказить неправильными именованіями существеннаго имени націи» (Кулишъ, V, 88). Итакъ, Гоголь собиралъ матеріалы для какого-то сочиненія, но, очевидно, не поэти-

1) Въ этомъ рѣшеніи Гоголемъ вопроса о его настоящемъ призваніи много помогъ ему Пушкинъ. Поэтому вопросъ о вліяніи Пушкина на Гоголя пріобрѣтаетъ капитальное значеніе и заслуживаетъ сдѣлаться предметомъ отдѣльной статьи. Ф. В.

2) Объявленіе это, появившееся въ 24 № «Сѣверной Пчелы», вышедшемъ 30 января («Сочиненія» Гоголя, изд. 10, V, 556), почему-то не понравилось Погодину, какъ объ этомъ можно догадываться изъ письма къ нему Гоголя отъ 19 марта 1834 года: «Выговоры ваши за объявленіе тоже имѣлъ честь получить. Это правда, я писалъ его, совершенно не раздумавши. Впрочемъ, охота тебѣ вступаться за В.*)! Вѣдь онъ... замоталъ у многихъ честныхъ людей многіе матеріалы и рукописи» (Кулишъ, V, 202). Вѣроятно, Погодинъ указалъ Гоголю, по поводу этого объявленія, на труды Д. Н. Бантыша-Каменскаго по исторіи Малороссіи. Ф. В.

*) То-есть за Бантыша-Каменскаго. См. В. Шенрокъ: «Указатель къ письмамъ Гоголя», изд. 2-е, стр. 12. Ф. В.

ческаго, ибо затѣвать поэтическое произведеніе на иностранномъ языкѣ было бы ни съ чѣмъ не сообразно. Да и точности, о которой, какъ видно изъ приведеннаго письма, хлопоталъ Гоголь, для поэтическаго произведенія вовсе не требуется. Очевидно, матеріалы эти нужны были ему не для чего другаго, какъ для задуманной имъ исторіи Малороссіи, которую сразу же предполагалось почему-то перевести на иностранный языкъ. Наклонность къ историческимъ занятіямъ или, по крайней мѣрѣ, интересъ къ историческимъ матеріаламъ обнаруживается у Гоголя еще въ Нѣжинѣ. Сестра его, Елизавета Васильевна, разсказываетъ въ своихъ запискахъ («Русь», 1885 г., № 26, стр. 5—9), что Гоголь, пріѣзжая домой изъ Нѣжинской гимназіи, занимался по утрамъ съ сестрами и, между прочимъ, училъ ихъ исторіи и географіи. Къ этому же времени относится и возникновеніе въ немъ наклонности къ собиранію историческихъ матеріаловъ. Большинство замѣтокъ въ его записной книгѣ, помѣченной «Нѣжинъ, 1826», относится къ исторіи и, главнымъ образомъ, къ исторіи и быту Малороссіи. Среди этихъ замѣтокъ находимъ: Лексиконъ малороссійскій, состоящій изъ малороссійскихъ словъ съ русскими синонимами; виршу, говоренную гетману Потемкину запорожцами[1]); выговоръ гетмана Скоропадскаго Василію Сологубу; декретъ Миргородской ратуши 1702 г.; игры, увеселенія малороссіянъ; малороссійскія загадки; малороссійскія преданія, обычаи, обряды; обычаи малороссіянъ; пословицы, поговорки, приговорки и фразы малороссійскія; о свадьбахъ малороссіянъ. Къ русской исторіи относятся замѣтки: нѣчто о русской старинной масленицѣ; объ одеждѣ и обычаяхъ русскихъ XVII вѣка, изъ Мейрберга; карта, сдѣланная барономъ Герберштейномъ во время пребыванія въ Россіи; о старинныхъ русскихъ свадьбахъ. Къ всеобщей исторіи: архитектурные чертежи; вѣсъ въ разныхъ государствахъ; древнее вооруженіе греческое; распространеніе дикихъ деревъ и кустарниковъ въ Европѣ; нѣчто объ исторіи искусствъ; мысли объ исторіи вообще; чертежи музыкальныхъ инструментовъ древнихъ грековъ; объ одеждѣ персовъ («Записки о жизни Гоголя», I, 54—57).

По переѣздѣ въ Петербургъ, Гоголь со втораго же письма къ матери (30-го апрѣля 1829 г.) начинаетъ просить ее о сообщеніи ему всевозможныхъ свѣдѣній объ историческомъ бытѣ Малороссіи. Въ этомъ первомъ перечисленіи нужныхъ ему матеріаловъ мы находимъ: обычаи и нравы малороссіянъ; описаніе полнаго наряда сельскаго дьячка, отъ верхняго платья до самыхъ сапоговъ, съ поименованіемъ, какъ это все называлось у самыхъ закоре-

---

[1]) Этотъ Гоголевскій списокъ пасхальной вирши, сообщенный имъ впослѣдствіи (въ 1832 г.) Максимовичу (Кулишъ, V, 165), напечатанъ въ «Кіевской Старинѣ» 1882 года, т. II, № 4, стр. 168—171. Ф. В.

нѣлыхъ, самыхъ древнихъ, самыхъ наименѣе перемѣнившихся малороссіянъ; названія платья, носимаго крестьянскими дѣвками, до послѣдней ленты, также нынѣшними замужними и мужиками; точное и вѣрное названье платья, носимаго до временъ гетманскихъ; обстоятельное описаніе свадьбы, не упуская наималѣйшихъ подробностей; о колядкахъ, о Иванѣ Купалѣ, о русалкахъ, о духахъ или домовыхъ, съ ихъ названіями и дѣлами; о повѣрьяхъ, преданіяхъ, анекдотахъ (Кулишъ, V, 81). Въ слѣдующемъ письмѣ (22-го мая 1829 г.) онъ проситъ свѣдѣній о карточныхъ играхъ и о повѣрьяхъ и повѣстяхъ, въ которыхъ участвуютъ духи и нечистые (тамъ же, V, 83—84). Подобныя же просьбы попадаются отъ времени до времени и въ другихъ письмахъ (см. Кулишъ, V, 88, 99, 103, 107, 135, 140, 170, 189, 190, 197, 225, 232). Въ письмѣ отъ 2-го февраля 1830 года онъ проситъ собирать для него древнія монеты и рѣдкости, старопечатныя книги, вещи, антики, стрѣлы, записки, веденныя предками какой нибудь старинной фамиліи, рукописи стародавнія про времена гетманщины.

«Я хочу прислужиться этимъ одному вельможѣ, страстному любителю отечественныхъ древностей, отъ котораго зависитъ улучшеніе моей участи»,—объяснялъ онъ матери свою страсть къ собиранію историческихъ предметовъ (Кулишъ, V, 104). «Вельможа» этотъ былъ, по всей вѣроятности, Свиньинъ, извѣстный собиратель древностей и рѣдкостей, дѣйствительно содѣйствовавшій служебному поприщу Гоголя[1]). Но Гоголь и самъ чрезвычайно интересовался исторической стариной и съ восторгомъ увѣдомлялъ своихъ друзей о всякой интересной находкѣ. 8-го мая 1833 года онъ писалъ Погодину: «Кстати, случалось ли когда нибудь тебѣ слышать про Исторію Римской имперіи и славянскихъ народовъ? Это чудо, а не книга, типографическая рѣдкость! 1503 года и вся въ опечаткахъ, а главное, что во введеніи прежде всего говорится объ истребленіи вшей и привезенныхъ въ Германію индійскихъ клоповъ. Издана въ Оснабрюкѣ» (Кулишъ, V, 179). Въ томъ же году (23-го декабря) онъ подобной же радостью подѣлился съ Пушкинымъ: «Порадуйтесь находкѣ, — писалъ онъ ему, —я досталъ лѣтопись безъ конца, безъ начала, объ Украйнѣ, писанную, по всѣмъ признакамъ, въ концѣ XVII вѣка» («Русскій Архивъ» 1880 года, т. II, стр. 513).

Перечисленный выше матеріалъ имѣетъ, правда, не столько историческое, сколько этнографическое значеніе, почему и послужилъ обильнымъ источникомъ для малороссійскихъ повѣстей Гоголя. Тѣмъ не менѣе настойчивыя заявленія Гоголя о томъ, что

---

[1]) См. мою статью: «Н. В. Гоголь въ своихъ отношеніяхъ къ М. П. Погодину», въ газетѣ «Русская Жизнь» 1891 г., № 168. Ф. В.

сначала онъ вовсе и не помышлялъ о поприщѣ писателя, даютъ, какъ мнѣ думается, основаніе предполагать, что собирать эти матеріалы онъ началъ не для литературныхъ трудовъ, а для историческихъ. Но природное поэтическое дарованіе, о которомъ Гоголь и не подозрѣвалъ еще ничего, сдѣлало свое дѣло, и вмѣсто исторіи Малороссіи, которую сознательно задумывалъ, Гоголь написалъ «Вечера на хуторѣ» и «Миргородъ». Самый интересъ къ историческимъ и этнографическимъ бытовымъ чертамъ былъ въ немъ интересомъ литературнымъ, а не научнымъ, хотя онъ и самъ не догадывался объ этомъ, по крайней мѣрѣ, въ началѣ своей литературной карьеры. «По всему мы должны быть соединены тѣсно другъ съ другомъ,—писалъ онъ Погодину 10-го января 1833 года.—Однородность занятій, замѣтьте, и у васъ, и у меня. Главное дѣло—всеобщая исторія, а прочее стороннее» (Кулишъ, V, 166)[1]. Это непониманіе самого себя было, очевидно, одною изъ главныхъ причинъ тѣхъ душевныхъ тревогъ и волненій, которыя такъ рѣзко выражаются въ его письмахъ за время перваго пребыванія его въ Петербургѣ и которыя происходили отъ душевнаго раздвоенія: сознательно онъ стремился сдѣлаться историкомъ, безсознательно былъ поэтомъ, превращавшимъ собранный имъ историческій матеріалъ въ поэтическія созданія. Поэтому мы и видимъ, что въ первые годы его дѣятельности историческія и поэтическія занятія идутъ у него параллельно.

Напечатавъ въ 1829 году въ «Сынѣ Отечества» стихотвореніе «Италія», онъ, вслѣдъ за нимъ, переводитъ для того же журнала историческую статью «О торговлѣ русскихъ въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка»[2]. Въ концѣ 1830 года мы видимъ его учителемъ географіи[3], а въ началѣ 1831 года онъ дѣлается учителемъ исторіи въ Патріотическомъ институтѣ. И параллельно съ этими сознательными и оффиціальными занятіями у него идетъ творчество поэтическое, и втеченіе тѣхъ же 1829—1831 годовъ создаются «Вечера на хуторѣ». Эта двойственность въ его занятіяхъ продолжается втеченіе и еще нѣсколькихъ лѣтъ, до оставленія имъ профессорской каѳедры въ концѣ 1835 года.

Знакомство съ Жуковскимъ и Пушкинымъ, оказавшее въ высшей степени благотворное вліяніе на поэтическое творчество Гоголя, поддержало въ немъ интересъ и къ историческимъ работамъ. Жуковскій, поглощенный своими обязанностями воспитателя наслѣдника

---

[1]) М. П. Погодинъ преподавалъ въ это время въ Московскомъ университетѣ всеобщую исторію. Профессоромъ русской исторіи онъ сдѣланъ былъ въ 1836 году (Н. Барсуковъ: Жизнь и труды Погодина, IV, 347). Ф. В.

[2]) Статья эта, однако, не была напечатана въ этомъ журналѣ ни въ 1829, ни въ 1830 году. (См. мою статью о Гоголѣ въ «Русской Жизни» 1891 г., № 167). Ф. В.

[3]) См. тамъ же, № 168. Ф. В.

русскаго престола, занялся вскорѣ составленіемъ для своего царственнаго питомца историческихъ таблицъ, а Пушкинъ, только что окончившій и издавшій историческую пьесу: «Борисъ Годуновъ», съ 1831 года началъ работать въ архивахъ, собирая матеріалы для задуманной имъ исторіи Петра Великаго. Такимъ образомъ Гоголь могъ съ обоими вести разговоры не только о предметахъ литературныхъ, но и историческихъ. Извѣстно, какое важное образовательное значеніе придавалъ Жуковскій исторіи, которую онъ называлъ «сокровищницей просвѣщенія царскаго» и считалъ, что она «должна быть главною наукою наслѣдника престола» («Русская Старина» 1880 г., XXVII, 251). Трудно предположить, чтобы, при такомъ интересѣ къ исторіи со стороны Гоголя и Жуковскаго, между ними не происходили бесѣды на историческія темы.

Что касается разговоровъ Гоголя съ Пушкинымъ, то въ бумагахъ послѣдняго мы находимъ любопытный отрывокъ, имѣющій прямое отношеніе къ интересующему насъ вопросу. Между историческими замѣтками Пушкина попадается, между прочимъ, слѣдующая «программа»:

«Что называется нынѣ Малороссія? Что составляло прежде Малороссію? Когда отторгнулась она отъ Россіи? Долго ли находилась подъ владычествомъ татаръ? Отъ Гедимина до Сагайдачнаго, отъ Сагайдачнаго до Хмѣльницкаго, отъ Хмѣльницкаго до Мазепы, отъ Мазепы до Разумовскаго?» Въ собраніи его сочиненій программа эта отнесена къ 1825 году (см. «Сочиненія», изд. 8, V, 36), хотя Анненковъ, изъ «Матеріаловъ» котораго она перепечатывается въ сочиненіяхъ Пушкина, опредѣленнаго года и не указываетъ. Годъ, впрочемъ, и не играетъ тутъ особенной роли. Когда бы ни была написана Пушкинымъ эта программа, она показываетъ, что онъ интересовался исторіей Малороссіи, и этотъ интересъ, независимо отъ множества другихъ историческихъ темъ, представлялъ готовый матеріалъ для историческихъ бесѣдъ съ нимъ Гоголя. Вдобавокъ мы имѣемъ объ этихъ бесѣдахъ свидѣтельство самого Гоголя. Въ письмѣ его къ Пушкину отъ 23-го декабря 1833 года находимъ такія строки: «Я восхищаюсь заранѣе, когда воображу, какъ закипятъ труды мои въ Кіевѣ. Тамъ я выгружу изъ-подъ спуда многія вещи, изъ которыхъ я не всѣ еще читалъ вамъ» («Русскій Архивъ» 1880 г., II, 513). Значитъ, онъ не только бесѣдовалъ съ Пушкинымъ на историческія темы, но и читалъ ему нѣкоторые свои историческіе наброски.

Въ серединѣ 1832 года влеченіе Гоголя къ историческимъ занятіямъ нашло новую и весьма сильную поддержку со стороны историка-спеціалиста М. П. Погодина, а любовь къ малороссійской старинѣ сблизила его съ М. А. Максимовичемъ. Съ послѣднимъ знакомство началось еще въ 1829 году, «когда Максимовичъ, посѣтивъ Петербургъ, видѣлъ Гоголя за чаемъ у одного общаго ихъ

земляка, гдѣ собралось еще нѣсколько малороссіянъ» (Кулишъ: «Записки о жизни Гоголя», I, 116). Этой мимолетной встрѣчей знакомство пока и ограничилось: Гоголь до 1832 года не выѣзжалъ изъ Петербурга во внутреннія губерніи, а Максимовичъ, какъ профессоръ Московскаго университета, жилъ въ Москвѣ. Постоянныя же сношенія Гоголя съ Максимовичемъ, перешедшія вскорѣ въ тѣсную дружбу, начинаются съ осени 1832 года, когда Гоголь, на возвратномъ пути изъ деревни въ Петербургъ, проѣздомъ черезъ Москву, въ октябрѣ мѣсяцѣ, посѣтилъ Максимовича не только какъ земляка [1]), но и какъ издателя малороссійскихъ пѣсенъ [2]). Пѣсни эти и послужили ближайшимъ поводомъ къ ихъ сближенію. Для задуманнаго въ это время Максимовичемъ втораго изданія этихъ пѣсенъ понадобилась виньетка въ національномъ стилѣ, и Гоголь вызвался заказать ее въ Петербургѣ одному художнику-земляку. Письмомъ Гоголя къ Максимовичу по поводу этой виньетки начинается ихъ переписка.

Что касается до времени знакомства Гоголя съ М. П. Погодинымъ, то оно опредѣляется записью въ дневникѣ Погодина между 11 іюня—7 іюля 1832 года: «Познакомился съ Гоголемъ и имѣлъ случай сдѣлать ему много одолженія. Говорилъ съ нимъ о малороссійской исторіи. Большая надежда, если возстановится его здоровье. Онъ разсказывалъ мнѣ много чудесъ о своемъ курсѣ исторіи въ Патріотическомъ институтѣ женскомъ въ Петербургѣ. Изъ его воспитанницъ нѣтъ ни одной неуспѣвшей» [3]). По письмамъ Гоголя видно, что онъ пріѣхалъ въ 1832 году въ Москву (направляясь къ себѣ въ деревню) въ послѣднихъ числахъ іюня, а 8-го іюля онъ уже былъ въ Подольскѣ, на первой станціи отъ Москвы, по дорогѣ въ Малороссію (Кулишъ, V, 156—157). Слѣдовательно, знакомство его съ Погодинымъ состоялось въ концѣ іюня или началѣ іюля 1832 года. Изъ вышеприведенной выписки изъ дневника Погодина видно, на сколько Гоголь увлеченъ былъ въ это время историческими работами. При первомъ же знакомствѣ главной темой ихъ разговоровъ была исторія Малороссіи и курсъ исторіи, читанный Гоголемъ въ Патріотическомъ институтѣ, которымъ Гоголь на столько увлекался, что наговорилъ Погодину «много чудесъ» объ немъ. Конечно, тѣ, кто склоненъ отыскивать въ Гоголѣ разныя непривлекательныя качества, примутъ его историческіе разговоры съ Погодинымъ за хвастовство, за ничѣмъ не оправдывае-

---

[1]) М. А. Максимовичъ род. 3-го сентября 1804 года въ хуторѣ Тимковщина, близъ города Золотоноши, Полтавской губерніи. (См. С. Пономаревъ: «М. А. Максимовичъ», Журналъ Мин. Нар. Просв. 1871 г., X, 176). Ф. В.

[2]) С. Пономаревъ: «М. А. Максимовичъ» Журналъ Мин. Нар. Просв. 1871 г., X, 192—193. Сборникъ малороссійскихъ пѣсенъ изданъ Максимовичемъ въ 1827 году. Ф. В.

[3]) Н. Барсуковъ: Жизнь и труды Погодина, IV, 113—114. Ф. В.

мыя претензіи малознающаго, но много о себѣ думающаго человѣка. На мой же взглядъ, само подобное отношеніе къ Гоголю есть не что иное, какъ ни на чемъ не основанное предубѣжденіе, не находящее себѣ подтвержденія ни въ одномъ изъ дошедшихъ до насъ фактовъ, если разсматривать ихъ спокойно и безпристрастно. Было бы въ высшей степени важно разъяснить происхожденіе этихъ предубѣжденій, но для этого потребуется очень пристальный и до мелочей подробный психологическій анализъ какъ самого Гоголя, такъ и тѣхъ его современниковъ, глазами которыхъ мы до сихъ поръ смотримъ на Гоголя. Подобный анализъ, конечно, долженъ послужить предметомъ отдѣльной статьи, и поэтому я не буду здѣсь входить ни въ какія подробности по поводу существующихъ у насъ предубѣжденій относительно Гоголя и его личнаго характера, и ограничусь только категорическимъ заявленіемъ, что мое личное знакомство съ напечатаннымъ біографическимъ матеріаломъ о Гоголѣ привело меня къ положительному и опредѣленному выводу, который можно формулировать словами перваго его біографа Кулиша: «Гоголь самъ—лучшій свой біографъ, и если бы были напечатаны всѣ его письма, то не много нужно было бы прибавить къ нимъ объясненій для уразумѣнія исторіи его внутренней жизни» (Записки о жизни Гоголя, I, 87).

Къ этимъ вполнѣ вѣрнымъ словамъ Кулиша надо прибавить то, что высказали о Гоголѣ, вскорѣ послѣ его смерти, лица, короче другихъ его знавшія. Погодинъ, напримѣръ, совершенно справедливо замѣтилъ въ одномъ изъ номеровъ «Москвитянина» (1854 г., т. IV, отд. IV, стр. 35): «Мы увѣрены, что когда пройдетъ время крайнихъ взглядовъ на Гоголя, когда возьмутъ въ расчетъ, что онъ былъ высоконравственный писатель, и слѣдовательно не могъ быть дурнымъ человѣкомъ, а съ другой стороны, что онъ былъ, всетаки, человѣкъ и не лишенъ былъ человѣческихъ слабостей, какъ не были лишены ихъ Ломоносовъ, Фонвизинъ, Жуковскій, Пушкинъ и другія высокія личности, то мы будемъ имѣть настоящую біографію Гоголя». И это сказано человѣкомъ, имѣвшимъ личныя и весьма тяжелыя столкновенія съ Гоголемъ!

Другой современникъ Гоголя, С. Т. Аксаковъ, свидѣтельствуетъ въ своей «Исторіи знакомства съ Гоголемъ» («Русскій Архивъ», 1891, VIII, 12) о долговременной и тяжелой исторіи неполнаго пониманія Гоголя людьми, самыми ему близкими, искренно и горячо его любившими, называвшимися его друзьями. Эти тяжелыя недоразумѣнія, принесшія много горькихъ минутъ и Гоголю, и его друзьямъ, С. Т. Аксаковъ объяснялъ тѣмъ, что «безграничной, безусловной довѣренности въ свою искренность Гоголь не имѣлъ до своей смерти». При отсутствіи же такой безусловной довѣренности, ничего нѣтъ мудренаго, что въ отношенія къ нему его друзей впутались разныя недоразумѣнія и подозрѣнія, проистекавшія отъ не-

пониманія. А какъ велико было это непониманіе, показываетъ фактъ, что первый слухъ о сумашествіи Гоголя пущенъ былъ изъ той же, такъ горячо его любившей, семьи Аксаковыхъ (см. «Исторія моего знакомства съ Гоголемъ» С. Т. Аксакова, «Русскій Архивъ», 1890, VIII, 155)[1]).

На основаніи этихъ признаній современниковъ и друзей Гоголя, также какъ и на основаніи всѣхъ другихъ извѣстныхъ намъ фактовъ, я полагаю, что намъ пора отказаться отъ привычки заподозрѣвать всякое душевное движеніе Гоголя, пора отнестись къ нему проще, спокойнѣе и смотрѣть на него, какъ на человѣка, увлекавшагося и въ увлеченіи создававшаго себѣ грандіозныя, широкія задачи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣка вполнѣ искренняго и правдиваго, слова и поступки котораго надо понимать и принимать въ прямомъ смыслѣ, не стараясь отыскивать въ нихъ того, чего въ нихъ не было. Поэтому и на увлеченіе его исторіей надо смотрѣть не какъ на хвастовство, а именно какъ на увлеченіе, въ которомъ онъ искренно, безъ всякаго желанія хвастать и преувеличивать свои знанія и свои ученыя способности, считалъ себя способнымъ къ серьезному и небезплодному научному труду. И самъ Погодинъ такъ и взглянулъ на него при первомъ же знакомствѣ. Упомянувъ о происходившихъ между ними разговорахъ объ исторіи Малороссіи, задуманной Гоголемъ, Погодинъ прибавляетъ въ своемъ дневникѣ: «**Большая надежда**, если возстановится его здоровье». Очевидно, въ этихъ бесѣдахъ Гоголь не просто хвастался, а высказалъ свой взглядъ на историческія событія и показалъ достаточную степень ихъ пониманія.

Разсказы Гоголя о своихъ лекціяхъ исторіи въ Патріотическомъ институтѣ такъ заинтересовали Погодина, что онъ тотчасъ же обратился къ Плетневу[2]) съ просьбой прислать ему для просмотра тетради Гоголевскихъ учениц. Отвѣтъ Плетнева особенно для насъ интересенъ: «Не думаю, чтобы тетради ученицъ Гоголя могли вамъ на что нибудь пригодиться,—писалъ онъ Погодину.— **Ихъ разсказъ уроковъ его очень пріятенъ, потому что**

---

[1]) Только послѣ смерти Гоголя, въ 1852 году, ознакомившись съ оставшимися послѣ него бумагами, разборомъ которыхъ занимался С. П. Шевыревъ, С. Т. Аксаковъ понялъ все значеніе тѣхъ недоразумѣній, которыя происходили между Гоголемъ и его друзьями. «Отъ всей души благодарю васъ, — писалъ онъ Шевыреву, — за письмо ваше и за извѣщеніе о бумагахъ покойнаго друга нашего (то-есть Гоголя). Все найденное вами драгоцѣнно для насъ и все **свидѣтельствуетъ, изъ какихъ трудовъ и святыхъ стремленій состояла непорочная жизнь его!..** Его обращеніе къ друзьямъ такъ взволновало мою душу, что я не скоро пришелъ въ состояніе его дослушать. **Каждое слово въ немъ—святая правда** и священный залогъ его къ намъ дружбы» («Русскій Архивъ», 1878, т. II, стр. 53). Ф. В.

[2]) Плетневъ былъ въ это время инспекторомъ классовъ въ Патріотическомъ институтѣ. Ф. В.

Гоголь останавливаетъ вниманіе ученицъ больше на подробностяхъ предметовъ, нежели на ихъ связи и порядкѣ. Я послѣ вашего письма нарочно пересматривалъ эти тетради и увѣрился, что ученическія записки всѣ равны, то-есть съ ошибками грамматическими, логическими и пр., и пр. Что касается до порядка въ исторіи, или какого нибудь придуманнаго Гоголемъ облегченія — этого ничего нѣтъ. Онъ тѣмъ же превосходитъ товарищей своихъ, какъ учитель, чѣмъ онъ выше сталъ многихъ, какъ писатель, то-есть силою воображенія, которое подъ его перомъ всему сообщаетъ чудную жизнь и увлекательное правдоподобіе»[1]).

Письмо это вполнѣ объясняетъ намъ, чѣмъ увлекался Гоголь въ своемъ преподаваніи. По свидѣтельству непосредственнаго его начальника, отвѣты его ученицъ были «очень пріятны», отличаясь не столько стройностью и систематичностью въ изложеніи историческихъ событій, сколько картинностью, благодаря тому, что самъ Гоголь останавливался въ своемъ преподаваніи болѣе всего на подробностяхъ, при помощи которыхъ возсоздавалъ передъ своими слушательницами цѣлыя историческія картины, сообщая имъ «чудную жизнь и увлекательное правдоподобіе». Очевидно, въ немъ сказывался, незамѣтно для него самого, болѣе всего поэтъ, а не ученый. Но, конечно, его ученицы не могли въ своей передачѣ, особенно письменной, сохранить всею поэтическую прелесть Гоголевскаго повѣствованія, и записки ихъ неизбѣжно должны были представлять блѣдную и уродливую копію Гоголевскихъ лекцій, наполненную, вдобавокъ, грамматическими и логическими ошибками. Въ сущности, Гоголь ничего другаго и не могъ сдѣлать по своему предмету. Надо вспомнить, что у него въ рукахъ былъ очень скудный матеріалъ. По свидѣтельству Погодина, преподававшаго въ это время всеобщую исторію въ Московскомъ университетѣ, тогдашніе студенты, кромѣ лекцій, не имѣли возможности пользоваться никакими посторонними пособіями для науки, ибо ученая русская литература была очень бѣдна, а иностранныя книги дороги, рѣдки и часто недоступны для нихъ по незнанію языковъ, на коихъ онѣ писаны. Поэтому профессору прежде всего приходилось позаботиться объ изданіи руководства. Но при этомъ Погодинъ чистосердечно сознавался, что онъ былъ не въ силахъ написать вскорѣ такое руководство, ибо не всѣ части исторіи были ему равно знакомы[2]). Вотъ каково было въ то время положеніе даже университетскаго профессора, нѣсколько лѣтъ уже преподававшаго всеобщую исторію. Что же мудренаго, что Гоголевскіе уроки исторіи не отличались особеннымъ научнымъ достоинствомъ.

---

[1]) Н. Барсуковъ: «Жизнь и труды Погодина», IV, 114. Ф. В.
[2]) Н. Барсуковъ: «Жизнь и труды Погодина», IV, 138. Ф. В.

Знакомство Гоголя съ Погодинымъ и Максимовичемъ еще болѣе усилило въ немъ увлеченіе историческими вопросами, а это увлеченіе увеличило, въ свою очередь, ту раздвоенность въ душѣ Гоголя, о которой говорено было выше и которая причиняла ему не мало душевныхъ тревогъ и мученій: сознательно онъ увлекался исторіей, безсознательно—отдавался во власть поэтическому вдохновенію. Очевидно, эти два противоположныя настроенія, сталкиваясь въ душѣ Гоголя, взаимно мѣшали другъ другу, парализовали другъ друга, и въ результатѣ получалась мучительная бездѣйственность, на которую онъ не разъ жалуется въ своихъ письмахъ. «Вы спрашиваете о «Вечерахъ Диканьскихъ, — писалъ онъ Погодину 1-го февраля 1833 г. изъ С.-Петербурга (Кулишъ, V, 168—169). — Чортъ съ ними! я не издаю ихъ; и хотя денежныя пріобрѣтенія были бы не лишнія для меня, но писать для этого, прибавлять сказки не могу. Никакъ не имѣю таланта заняться спекулятивными оборотами. Я даже забылъ, что я творецъ этихъ «Вечеровъ», и вы только напомнили мнѣ объ этомъ. Впрочемъ, Смирдинъ отпечаталъ полтораста экземпляровъ 1-й части, потому что второй у него не покупали безъ первой. Я и радъ, что не больше. Да обрекутся они неизвѣстности, покамѣстъ что нибудь увѣсистое, великое, художническое не изыдетъ изъ меня! Но я стою въ бездѣйствіи, въ неподвижности. Мелкаго не хочется, великое не выдумывается...».

Пренебреженіе къ «Вечерамъ» и къ тѣмъ «сказкамъ», изъ которыхъ они составлены, объясняется, какъ увидимъ далѣе, тѣмъ, что въ это время въ головѣ Гоголя созрѣлъ уже сюжетъ для новаго произведенія, драматическаго («Владиміръ 3-й степени»), которое, однако, «не пошло у него изъ головы» (по выраженію Плетнева).

Въ такомъ же неподвижномъ положеніи находились и его историческія занятія, съ одной стороны — отъ той же причины, отъ которой не двигалось и его поэтическое творчество, то-есть отъ раздвоенности его влеченій; съ другой —эта научная бездѣятельность его проистекала отъ бѣдности матеріала. «Нельзя ли напечатать скорѣй афоризмы?[1]), — писалъ онъ Погодину 8-го мая 1833 года изъ С.-Петербурга. — У меня горло пересохло отъ жажды. Съ генваря мѣсяца и до сихъ поръ я не встрѣчалъ нигдѣ ни одной новой исторической истины. Набору словъ пропасть, выраженія усилены, сколько можно усилить, и фигурно чрезвычайно, а мысль, разглядишь, давно знакомая» (Кулишъ, V, 179). Единственный живой матеріалъ представляли для него народныя малороссійскія пѣсни, о которыхъ

---

[1]) «Историческіе афоризмы» Погодина вышли въ 1836 году. Ф. В.

часто и съ большимъ увлеченіемъ писалъ онъ Максимовичу. «Вы не можете представить,—читаемъ въ его письмѣ къ Максимовичу 9-го ноября 1833 г.,—какъ мнѣ помогаютъ въ исторіи пѣсни. Даже не историческія, даже пох—я: онѣ все даютъ по новой чертѣ въ мою исторію, все разоблачаютъ яснѣе и яснѣе, увы, прошедшую жизнь и, увы, прошедшихъ людей» [1]).

Въ это время между пріятелями Гоголя возникаетъ мысль о его профессурѣ въ университетѣ, и это даетъ новую пищу его увлеченію исторіей. Обыкновенно думаютъ, что мысль эта принадлежитъ самому Гоголю, и потому въ той настойчивости, съ которой онъ добивался университетской каѳедры, видятъ явное доказательство его хвастливой самоувѣренности въ своихъ историческихъ познаніяхъ и профессорскихъ способностяхъ. Въ дѣйствительности же, какъ мы сейчасъ увидимъ, дѣло было не такъ.

Первое предложеніе о занятіи каѳедры въ университетѣ (Московскомъ) сдѣлано было Гоголю еще въ 1830 или 1831 г. (см. приводимое далѣе письмо его къ Пушкину), но онъ не придалъ ему тогда никакого значенія. Въ 1833 году вновь возникаетъ мысль о профессурѣ Гоголя, но уже не въ Москвѣ, а въ Кіевѣ, и инициатива въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ опять-таки не самому Гоголю, а Максимовичу. Въ этомъ году учрежденъ былъ университетъ св. Владиміра въ Кіевѣ, и Максимовичъ, принявшись хлопотать о перемѣщеніи своемъ туда, задумалъ переманить туда и Гоголя. Въ отвѣтъ на предложеніе объ этомъ Гоголь писалъ Максимовичу:

«Благодарю тебя за все: за письмо, за мысли въ немъ, за новости и проч. Представь, я тоже думалъ: туда, туда! въ Кіевъ! въ древній, въ прекрасный Кіевъ! Онъ нашъ, онъ не ихъ, неправда? Тамъ, или вокругъ него, дѣялись дѣла старины нашей... ...Я работаю. Я всѣми силами стараюсь; но на меня находитъ страхъ: можетъ быть, я не успѣю!... Да, это славно будетъ, если мы займемъ съ тобою кіевскія каѳедры: много можно будетъ надѣлать добра... Но меня смущаетъ, если это не исполнится!.. Говорятъ, уже очень много назначено туда какихъ-то нѣмцевъ: это тоже не очень пріятно! Хотя бы для св. Владиміра побольше славянъ! Нужно будетъ стараться кого нибудь изъ извѣстныхъ людей туда впихнуть, истинно-просвѣщенныхъ и также чистыхъ и добрыхъ душою, какъ мы съ тобою» (стр. 27). Въ письмѣ къ Максимовичу отъ 12-го февраля 1834 года Гоголь опять упоминаетъ о предложеніи Максимовича насчетъ кіевской

[1]) С. Пономаревъ: «Подлинники писемъ Гоголя къ Максимовичу», въ Сборн. Отд. русск. яз. и слов. имп. акад. наукъ, т. XVIII, № 3, стр. 26. Всѣ ссылки на письма Гоголя къ Максимовичу, которыя попадутся далѣе, я дѣлаю по этому изданію Пономарева, какъ болѣе исправному, чѣмъ у Кулиша. Поэтому повторять заглавія больше не буду, а ограничусь только указаніемъ страницъ. Ф. В.

каѳедры: «Въ одномъ письмѣ ты пишешь за Кіевъ. Я думаю ѣхать» (стр. 28). Самъ Максимовичъ въ своей автобіографіи, говоря о себѣ въ третьемъ лицѣ, разсказываетъ: «Учрежденіе университета св. Владиміра въ Кіевѣ, послѣдовавшее 8-го ноября 1833 года, въ день св. Арх. Михаила, издревле принятаго въ гербъ Кіеву, повлекло его туда неодолимою силою. Туда же съ нимъ согласился было ѣхать и незабвенный землякъ его Гоголь» (Біографич. словарь професс. Московск. унив., II, 10).

Очевидно, такимъ образомъ, что первую идею о профессурѣ въ Кіевскомъ университетѣ далъ Гоголю Максимовичъ, и слѣдовательно она вовсе не была плодомъ самонадѣянности и самоувѣренности Гоголя. Окончательное и совершенно ясное подтвержденіе этого находимъ въ письмѣ Гоголя къ Максимовичу отъ 12-го марта 1834 года: «Молодецъ! меня подбилъ ѣхать въ Кіевъ, а самъ сидитъ и ни гàдки о томъ» (стр. 29)[1]).

Предложеніе Максимовича насчетъ профессуры въ Кіевѣ было, впрочемъ, уже не первое. Года за три до него Гоголю предлагали каѳедру въ Московскомъ университетѣ, но тогда министромъ народнаго просвѣщенія былъ князь Ливенъ, съ которымъ Гоголь не хотѣлъ имѣть дѣла. Кто и при какихъ обстоятельствахъ дѣлалъ ему такое предложеніе, остается неизвѣстнымъ, потому что мы имѣемъ одно только неясное упоминаніе объ этомъ предложеніи въ письмѣ Гоголя къ Пушкину. Разсказывая ему о своихъ хлопотахъ по поводу профессуры въ Кіевѣ, онъ писалъ (23-го декабря 1833 г.): «Я рѣшился, однакожъ, не зѣвать и, вмѣсто словесныхъ представленій, набросать мои мысли и планъ преподаванія на бумагу. Если бы Уваровъ[2]) былъ изъ тѣхъ, какихъ не мало у насъ на первыхъ мѣстахъ, я бы не рѣшился просить и представлять ему мои мысли, какъ и поступилъ я назадъ тому три года, когда могъ бы занять мѣсто въ Московскомъ университетѣ, которое мнѣ предлагали; но тогда былъ Ливенъ, человѣкъ ума недальняго» («Русскій Архивъ» 1880 г., т. II, стр. 512).

Но между тѣмъ какъ хлопоты Максимовича увѣнчались успѣхомъ и 4-го мая 1834 г. онъ былъ назначенъ профессоромъ русской словесности въ Кіевскомъ университетѣ[3]), домогательства Гоголя встрѣтили препятствія, виною которыхъ частію былъ онъ самъ, главнымъ же образомъ — тогдашній попечитель Кіевскаго округа Брадке, желавшій пригласить на каѳедру всеобщей исторіи въ Кіевскомъ университетѣ профессора Харьковскаго университета Цыха. «Чтò ты пишешь про Цыха?—спрашивалъ Гоголь Макси-

---

[1]) «Ни гàдки», то-есть не гадаетъ, не думаетъ. Ф. В.

[2]) Новый министръ народнаго просвѣщенія. Ф. В.

[3]) С. Пономаревъ: «М. А. Максимовичъ», Журналъ министерства народнаго просвѣщенія 1871 г., X, 198. Ф. В.

мовича 29-го марта 1834 г., — развѣ есть какое нибудь оффиціальное объ этомъ извѣстіе? Министръ мнѣ обѣщалъ непремѣнно это мѣсто и требовалъ даже, чтобъ я сейчасъ подавалъ просьбу, но я останавливаюсь затѣмъ, что мнѣ даютъ только адъюнкта, увѣряя, впрочемъ, что черезъ годъ непремѣнно сдѣлаютъ ординарнымъ; и признаюсь, я сижу затѣмъ только еще здѣсь, чтобы какъ нибудь выработать себѣ на подъемъ и раздѣлаться кое съ какими здѣшними обстоятельствами» (стр. 31).

Не смотря, однако, на обѣщаніе министра, Гоголь очень хорошо понималъ, что безъ формальнаго согласія попечителя назначеніе его врядъ ли можетъ состояться, и потому писалъ Максимовичу 20-го апрѣля 1834 г.: «Да кстати о мнѣ: знаешь ли, что представленія Брадке чуть ли не больше значатъ, нежели нашихъ здѣшнихъ ходатаевъ [1])? Это я узналъ вѣрно. Слушай: сослужи службу: когда будешь писать къ Брадке, намекни ему о мнѣ вотъ какимъ образомъ: что вы бы, дескать, хорошо сдѣлали, если бы залучили въ университетъ Гоголя, что ты не знаешь никого, кто бы имѣлъ такія глубокія историческія свѣдѣнія и такъ бы владѣлъ языкомъ преподаванія, и тому подобныя скромныя похвалы, какъ будто вскользь. Для примѣра ты можешь прочесть предисловіе къ грамматикѣ Греча, или Греча къ романамъ Булгарина. Онъ, сколько я замѣтилъ, основывается на видимомъ авторитетѣ и на занимаемомъ мѣстѣ. Ты, будучи ординарнымъ профессоромъ Московскаго университета, во мнѣніи его много значишь. Я же бѣдный — почти нуль для него: грѣшныхъ сочиненій моихъ онъ не читывалъ, имени не слыхивалъ,—стало быть, ему нечего и безпокоиться обо мнѣ. Тѣмъ болѣе мнѣ это нужно, что министръ, кажется, расположенъ сдѣлать для меня все, что можно, если бы только попечитель ему хотя слово прибавилъ отъ себя» (стр. 32). Это письмо обыкновенно приводится, какъ доказательство чуть не нахальства со стороны Гоголя, не стѣснявшагося будто бы прибѣгать къ такимъ средствамъ, какъ заказывать своимъ пріятелямъ похвалы небывалымъ своимъ достоинствамъ передъ оффиціальными лицами [2]). Но подобное пониманіе этого письма служитъ только однимъ изъ доказательствъ тѣхъ предубѣжденій противъ Гоголя, о которыхъ я упоминалъ выше. Въ дѣйствительности же это письмо

---

[1]) О Гоголѣ хлопотали передъ тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровымъ Жуковскій, Пушкинъ, кн. Вяземскій, Левашевъ, Дашковъ, профессоръ Никитенко. Ф. В.

[2]) См., напр., статью О. Ѳ. Миллера: «Гоголь въ его письмахъ, 1820—1842 г.», въ «Русской Старинѣ» 1875, т. XIV, стр. 106. Кстати сказать, вся эта статья проникнута такимъ пристрастно-враждебнымъ отношеніемъ къ Гоголю, что приходится сожалѣть, что авторомъ ея былъ многоуважаемый Орестъ Ѳедоровичъ. Я слышалъ, впрочемъ, отъ лица, близкаго къ покойному О. Ѳ. Миллеру, что онъ самъ впослѣдствіи сожалѣлъ, что написалъ ее. Ф. В.

Гоголя выражаетъ его пренебрежительный взглядъ на Брадке, котораго онъ считалъ человѣкомъ, ничего не понимающимъ, на все смотрящимъ съ формальной, чиновничьей точки зрѣнія, съ которымъ, поэтому, и разсуждать нечего, а приходится дѣйствовать на него тѣми средствами, какія казались Гоголю наиболѣе дѣйствительными. Это пренебрежительное отношеніе совершенно ясно обнаруживается въ совѣтѣ говорить съ нимъ языкомъ Булгарина и Греча. Уже одинъ этотъ совѣтъ показываетъ, что Гоголь не придавалъ никакого серьезнаго нравственнаго значенія своей просьбѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаетъ его взглядъ на тотъ чиновничій міръ, среди котораго имѣли такой успѣхъ произведенія Греча, Булгарина и Сенковскаго. До совершенства постигнувъ всю безсодержательность, все нравственное убожество этого міра и мастерски изобразивъ намъ его въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ, онъ и въ частныхъ сношеніяхъ своихъ выражалъ, конечно, тотъ же взглядъ. Сообщая, напр., Погодину о выходѣ перваго номера Смирдинской «Библіотеки для чтенія», редакторомъ которой былъ Сенковскій, Гоголь, сравнивъ Сенковскаго съ кабацкимъ забулдыгой, такъ характеризуетъ читателей новаго журнала: «Сословіе, стоящее выше Брамбеусины [1]), негодуетъ на безстыдство и наглость кабачнаго гуляки. Сословіе, любящее приличіе, гнушается и читаетъ. Начальники отдѣленій и директоры департаментовъ читаютъ и надрываютъ бока отъ смѣха. Офицеры читаютъ и говорятъ: «С—ъ С—ъ, какъ хорошо пишетъ!» Помѣщики покупаютъ и подписываются и, вѣрно, будутъ читать. Одни мы, грѣшные, откладываемъ на запасъ для домашняго хозяйства» (Кулишъ, V, 195).

Очевидно, онъ и кіевскаго попечителя относилъ именно къ числу тѣхъ начальниковъ отдѣленій и директоровъ департаментовъ, которые восхищались слогомъ Греча и Булгарина и помирали со смѣху, читая «Библіотеку для чтенія». Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ къ Максимовичу онъ очень невысоко поставилъ Брадке даже какъ чиновника: «Изъ всѣхъ открытій, сдѣланныхъ мною и другими достовѣрными людьми, оказывается, что нашъ Брадке знаетъ славно экзекуторскую должность при университетѣ; высшая же оркестровка не такъ имъ сподручна» [2]) (стр. 38). Доказательствомъ, что разсматриваемое нами

[1]) Сенковскій писалъ подъ псевдонимомъ барона Брамбеуса. Ф. В.

[2]) Должно замѣтить, что Гоголь сильно ошибался въ своемъ взглядѣ на Брадке. Напечатанныя въ «Русскомъ Архивѣ» 1875 г. (т. I, стр. 257—294) «Автобіографическія записки Егора Ѳедоровича фонъ-Брадке» рисуютъ его съ болѣе симпатичной стороны. Странно только, что Брадке вовсе не упоминаетъ о своихъ сношеніяхъ съ Гоголемъ, хотя изъ писемъ послѣдняго мы знаемъ, что въ бытность Брадке въ Петербургѣ Гоголь былъ у него по поводу своей кандидатуры на кіевскую каѳедру, а по отъѣздѣ Брадке въ Кіевъ получилъ отъ него письмо по тому же поводу.

письмо Гоголя къ Максимовичу не имѣло въ глазахъ Гоголя никакого особеннаго нравственнаго значенія, а онъ просто указывалъ въ немъ на обычный въ сношеніяхъ съ чиновниками пріемъ, служитъ письмо его къ Максимовичу отъ 1-го іюля 1834 г., въ которомъ онъ проситъ похлопотать объ опредѣленіи въ Кіевскій округъ одного изъ пріятелей своихъ, Шаржинскаго, и при этомъ даетъ точно такой же по смыслу совѣтъ о томъ, какъ надо говорить съ Брадке объ этомъ дѣлѣ (стр. 40 и 42). Въ такомъ же смыслѣ даетъ онъ совѣты и Пушкину, прося его похлопотать о кіевской каѳедрѣ передъ С. С. Уваровымъ («Русскій Архивъ» 1880 г., II, 512). Очевидно, въ совѣтахъ этихъ выразился выработанный Гоголемъ пріемъ для сношеній съ оффиціальными лицами, и слѣдовательно они не имѣютъ никакого личнаго отношенія къ самому Гоголю.

Брадке, впрочемъ, не особенно противился появленію Гоголя на кіевской каѳедрѣ. Онъ только не хотѣлъ поручить ему чтеніе всеобщей исторіи, для которой именно и пригласилъ Цыха; Гоголю же предоставлялъ лекціи по русской исторіи. Это приводило Гоголя въ отчаяніе, и онъ писалъ по этому поводу Максимовичу (28-го мая 1834 г.): «Мои обстоятельства очень странны: Сергѣй Семеновичъ (Уваровъ) даетъ мнѣ экстраординарнаго профессора и деньги на подъемъ, но, однако-жъ, ничего этого не выпускаетъ изъ рукъ и держитъ меня, не знаю для чего, здѣсь, тогда какъ мнѣ нужно дѣйствовать и ѣхать. Между тѣмъ Брадке пишетъ ко мнѣ, что не угодно ли мнѣ взять каѳедру русской исторіи, что сіе де прилично занятіямъ моимъ, тогда какъ онъ самъ обѣщалъ мнѣ, бывши здѣсь, что всеобщая исторія не будетъ занята до самаго моего пріѣзда, хотя бы это было черезъ годъ. А теперь, вѣрно, ее отдали этому Цыху, котораго принесло, какъ нарочно. Право, странно они воображаютъ, что различіе предметовъ это такая маловажность, и что кто читалъ словесность, тому весьма легко преподавать математику или врачебную науку, какъ будто пирожникъ для того созданъ, чтобы тачать сапоги. Я съ ума сойду, если мнѣ дадутъ русскую исторію» (стр. 34).

Дѣло въ томъ, что русская исторія вовсе не интересовала Гоголя, и онъ ничего въ ней не видѣлъ, кромѣ скуки. «Чортъ возьми, если бы я не согласился взять скорѣе ботанику или патологію, нежели русскую исторію,—писалъ онъ Максимовичу 10-го іюня 1834 года,—если бы это было въ Петербургѣ, я бы, можетъ быть, взялъ ее, потому что здѣсь я готовъ, пожалуй, два раза въ недѣлю на два часа отдать себя скукѣ» (стр. 36—37).

Пока шли эти переговоры о Кіевѣ, Погодинъ въ длинномъ письмѣ предложилъ Гоголю проситься адъюнктомъ исторіи въ Московскій университетъ. Но Гоголь отвѣтилъ (23-го іюня 1834 г.): «Письмо твое, противъ обыкновенія довольно обширное (вся 16-я доля листа была исписана кругомъ), я полу-

чилъ сего 20-го іюня и заранѣе догадывался, что дѣло, должно быть, важное. На предложеніе твое объ адъюнктствѣ я вотъ что скажу тебѣ. Я недавно только что просился профессоромъ въ Кіевъ, потому что здоровье мое требуетъ этого непремѣнно, также и труды мои [1]). Вотъ чѣмъ можно извинить мнѣ исканіе профессорства [2]), которое если бы не у насъ на Руси, то было бы самое благородное званіе. Прося профессорства въ Кіевѣ, я обезпечиваю тамъ себя совершенно въ моихъ нуждахъ, большихъ и малыхъ; но взявши московскаго адъюнкта, я не буду сытъ, да и климатъ у васъ въ Москвѣ ничуть не лучше нашего чухонскаго петербургскаго. Итакъ ты видишь физически невозможнымъ мое перемѣщеніе» [3]). Главная же причина отказа Гоголя отъ каѳедры въ Москвѣ заключалась, по всей вѣроятности, въ томъ, что онъ уже свыкся, такъ сказать, съ мыслію о Кіевѣ, и мечты о жизни въ этой «матери городовъ русскихъ» уже вполнѣ овладѣли его воображеніемъ. Считая свое перемѣщеніе въ Кіевъ почти уже окончательно рѣшеннымъ, онъ мечталъ даже «завестись домкомъ въ Кіевѣ» и радовался, что Максимовичъ, пріѣхавъ туда раньше его, можетъ пріискать и мѣсто для постройки дома (письма къ Максимовичу, стр. 38).

Но всѣмъ этимъ мечтамъ Гоголя о жизни на югѣ, вблизи родины, въ благодатной Украйнѣ, не суждено было сбыться, въ чемъ отчасти онъ самъ былъ виноватъ, предъявивъ требованія, которыя министръ не нашелъ возможнымъ удовлетворить (званіе ординарнарнаго профессора и шесть тысячъ рублей единовременно на уплату долговъ. См. «Дневникъ А. В. Никитенко», «Русская Старина» 1889 г., IX, 527—528). Вмѣсто экстраординарнаго профессорства въ Кіевѣ, на что уже соглашался, какъ мы видѣли, С. С. Уваровъ, онъ былъ назначенъ адъюнктомъ по всеобщей исторіи въ С.-Петербургскій университетъ, о чемъ и извѣстилъ Погодина въ письмѣ отъ 23-го іюля 1834 г.: «Я на время рѣшился занять здѣсь каѳедру исторіи, и именно среднихъ вѣковъ». Максимовичу же онъ подробно разсказалъ объ обстоятельствахъ, вслѣдствіе которыхъ ему пришлось остаться въ Петербургѣ.

«Что мнѣ было дѣлать съ вашимъ Брадке!—писалъ онъ ему 14-го августа 1834 года,—обѣщать и не исполнить обѣщаннаго—развѣ этакъ можно дѣлать? Жуковскій писалъ къ нему, что министръ наконецъ согласенъ мнѣ дать экстраординарнаго профессора и что отъ него теперь зависитъ. Въ отвѣтъ было получено письмо, что онъ, Брадке, согласенъ мнѣ дать адъюнкта (какъ будто объ адъюнктѣ его просили) и что это мѣсто для меня очень выгодное

---

[1]) То-есть занятія исторіей Малороссіи. Ф. В.
[2]) Неужели это языкъ хвастливаго и самонадѣяннаго человѣка? Ф. В.
[3]) Н. Барсуковъ: «Жизнь и труды Погодина», IV, 193. Ф. В.

(какъ будто я нищій и мнѣ оно дается изъ милости). Я заключилъ, что я не нуженъ, что я не имѣю счастія нравиться попечителю; стало быть, съ моей стороны весьма неприлично навязываться самому, а тѣмъ болѣе дѣйствовать мимо его. Я рѣшился ожидать благопріятнѣйшаго и удобнѣйшаго времени, хотѣлъ даже ѣхать осенью непремѣнно въ Гетманщину, какъ здѣшній попечитель кн. Корсаковъ предложилъ мнѣ, не хочу ли я занять каѳедру всеобщей исторіи въ здѣшнемъ университетѣ, обѣщая мнѣ черезъ три мѣсяца экстраординарнаго профессора, зане не было ваканціи. Я, хорошенько разочтя, увидѣлъ, что мнѣ выбраться въ этомъ году нельзя никакъ изъ Питера: такъ я связался съ нимъ долгами и всѣми дѣлами своими, что̀ было единственною причиною неуступчивости моихъ требованій въ разсужденіи Кіева. Итакъ я рѣшился принять предложеніе остаться на годъ въ здѣшнемъ университетѣ, получая тѣмъ болѣе правъ къ занятію въ Кіевѣ. Притомъ же отъ меня зависитъ пріобрѣсть имя, которое можетъ заставить быть поснисходительнѣе въ отношеніи ко мнѣ и не почитать меня за несчастнаго просителя, привыкшаго чрезъ длинныя переднія и лакейскія пробираться къ мѣсту» (стр. 41).

Такимъ образомъ, на службу свою въ Петербургскомъ университетѣ Гоголь смотрѣлъ, какъ на временную, не оставляя надежды перевестись впослѣдствіи въ Кіевъ. Сверхъ того, оказывается, что и на петербургскую каѳедру онъ попалъ не по собственной иниціативѣ, а по предложенію попечителя, съ которымъ сблизилъ его А. В. Никитенко («Русская Старина» 1889 г., IX, 527—528). Слѣдовательно, ни о какомъ самохвальствѣ Гоголя, ни о какомъ высокомъ его мнѣніи о своихъ ученыхъ достоинствахъ не можетъ быть и рѣчи. Самая мысль о его профессурѣ пришла въ голову не ему, а его друзьямъ-профессорамъ. Онъ только ухватился за нее и съ свойственнымъ ему увлеченіемъ стремился къ ея осуществленію. Конечно, онъ долженъ былъ думать, что университетское преподаваніе будетъ ему по силамъ, иначе онъ, безъ сомнѣнія, не сталъ бы и хлопотать. Но въ этомъ нельзя видѣть никакого самообольщенія: вѣдь сами университетскіе профессора подали ему мысль о его пригодности для университетскаго преподаванія. Какія же тутъ могли быть сомнѣнія? Профессоръ А. В. Никитенко объясняетъ, правда, свое ходатайство за Гоголя его самоувѣренностью. «Признаюсь,—писалъ онъ въ дневникѣ 21-го февраля 1835 года,— и я подумалъ, что человѣкъ, который такъ въ себѣ увѣренъ, не испортитъ дѣла, и старался его сблизить съ попечителемъ, даже хлопоталъ, чтобы его сдѣлали экстраординарнымъ профессоромъ. Но насъ не послушали и сдѣлали его адъюнктомъ» («Русская Старина» 1889 г., IX, 527—528). Но объясненіе это, какъ записанное post factum, уже по оставленіи Гоголемъ ка-

ѳедры въ университетѣ, нисколько не ослабляетъ значенія того обстоятельства, что Никитенко, вмѣстѣ съ Погодинымъ и Максимовичемъ, хлопоталъ о профессурѣ Гоголя. Неужели всѣ эти профессора, а вмѣстѣ съ ними и Жуковскій, и Пушкинъ, и кн. Вяземскій, и Дашковъ, и Левашевъ хлопотали о Гоголѣ только потому, что были введены въ заблужденіе его самоувѣренностью?! Не вѣрнѣе ли предположить, что сама эта самоувѣренность могла явиться у Гоголя именно вслѣдствіе того, что сами пріятели его, профессора, первые внушили ему мысль о профессурѣ.

Занявъ каѳедру въ университетѣ, Гоголь думалъ освободиться отъ всѣхъ другихъ занятій и потому писалъ матери 1-го августа 1834 г.: ...«Я скинулъ съ себя лишнюю обузу и отказался отъ другихъ занятій. Я теперь только профессоръ здѣшняго университета и больше никакой не имѣю должности, потому что и не имѣю желанія занять, и не имѣю времени» (Кулишъ, V, 222). Но изъ письма его къ Жуковскому, писаннаго почти черезъ годъ (15-го іюля 1835 г. изъ Полтавы), видно, что онъ не только состоялъ въ этомъ году преподавателемъ Патріотическаго института, но даже просилъ Жуковскаго похлопотать о томъ, чтобы мѣсто это осталось за нимъ и впредь, такъ какъ онъ получилъ «извѣщеніе изъ Петербурга о странномъ происшествіи», что мѣсто его въ Патріотическомъ институтѣ «долженствуетъ замѣститься другимъ» («Русскій Архивъ» 1871, № 4—5, стр. 949). Просилъ ли кого Жуковскій о сохраненіи за Гоголемъ уроковъ въ Патріотическомъ институтѣ, неизвѣстно, но съ осени 1835 г. Гоголь дѣйствительно остался при одномъ жалованьѣ адъюнкта и вслѣдствіе этого сильно бѣдствовалъ. 7-го октября 1835 г. онъ писалъ Пушкину: «Сдѣлайте милость, дайте какой нибудь сюжетъ, хоть какой нибудь смѣшной или несмѣшной, но русскій чисто анекдотъ. Рука дрожитъ написать тѣмъ временемъ комедію. Если-жъ сего не случится, то у меня пропадетъ даромъ время, и я не знаю, что дѣлать тогда съ моими обстоятельствами. Я, кромѣ моего сквернаго жалованья университетскаго 600 рублей, никакихъ не имѣю теперь мѣстъ. Сдѣлайте милость, дайте сюжетъ; духомъ будетъ комедія изъ пяти актовъ, и клянусь—куда смѣшнѣе чорта. Ради Бога: умъ и желудокъ мой оба голодаютъ» («Русскій Архивъ» 1880, II, 514). Письмо это еще разъ подтверждаетъ, что поэтическое творчество шло у Гоголя рядомъ съ занятіями исторіей.

Этимъ нѣсколько лѣтъ продолжавшимся увлеченіемъ Гоголя исторіей объясняются его широкія и хвастливыя на первый взглядъ затѣи: то написать и издать всеобщую исторію и всеобщую географію въ двухъ или трехъ томахъ, подъ названіемъ «Земля и люди»; то написать исторію Малороссіи въ шести малыхъ или четырехъ большихъ томахъ; то «дернуть» исторію среднихъ вѣковъ, которая «будетъ состоять томовъ изъ 8, если не изъ 9» (Кулишъ,

V, 168, 174, 198, 226, 231, 232). Во всѣхъ этихъ предположеніяхъ Гоголя гораздо болѣе увлеченія, чѣмъ самохвальства и самообольщенія,—увлеченія, вообще свойственнаго всѣмъ искренно и серьезно преданнымъ какому либо дѣлу. Подобныя несбывшіяся и съ виду хвастливыя намѣренія встрѣчаются въ біографіяхъ многихъ выдающихся дѣятелей. Бѣлинскій, напр., напечатавъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1841 г. (т. XV, отд. II, стр. 13—64) статью свою: «Раздѣленіе поэзіи на роды и виды», въ примѣчаніи къ ней объявилъ печатно, что онъ намѣренъ издать «Теоретическій и критическій курсъ русской литературы», и предлагаемая статья есть отрывокъ изъ этого сочиненія. Книга должна была выйдти въ началѣ 1842 года, объемомъ болѣе 30 листовъ «компактнаго изданія, въ большую осьмушку, въ два столбца среднимъ и мелкимъ шрифтомъ». Однако, не смотря на такое опредѣленное обѣщаніе, намѣреніе Бѣлинскаго такъ и осталось неисполненнымъ, и обѣщанная книга вовсе не появилась, а вмѣсто нея мы имѣемъ двѣнадцать томовъ сочиненій Бѣлинскаго.

Первое изъ поименованныхъ выше сочиненій Гоголя, представлявшее переработку его лекцій въ Патріотическомъ институтѣ, онъ уже началъ печатать (въ февралѣ 1833 г.), но, увидавъ его недостатки, остановилъ печатаніе (Кулишъ, V, 174). Исторіей Малороссіи онъ занимался довольно долго. Начавъ собираніемъ матеріаловъ, онъ приступилъ въ 1833 г. къ ихъ обработкѣ. «Теперь я принялся за исторію нашей единственной бѣдной Украйны,—писалъ онъ Максимовичу 9-го ноября 1833 года.—Мнѣ кажется, что я совершу ее, что я скажу много того, чего до меня не говорили» (стр. 26). О томъ же писалъ онъ Погодину 11-го января 1834 г. (см. далѣе).

Изъ письма къ Максимовичу отъ 12-го февраля 1834 г. узнаемъ и о размѣрахъ этого труда: «Исторію Малороссіи я пишу всю отъ начала до конца. Она будетъ или въ шести малыхъ, или въ четырехъ большихъ томахъ» (стр. 29). Изъ дальнѣйшихъ писемъ его къ Максимовичу видно, что эти занятія исторіей Малороссіи въ 1833 г. были повтореніемъ прежнихъ, начатыхъ давно, и въ 1833 г. онъ только переработывалъ написанное раньше. Сообщая ему 28-го мая 1834 г. о напечатанномъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» отрывкѣ изъ введенія въ исторію Малороссіи, онъ замѣчаетъ, что сама исторія писана «очень давно»; а въ слѣдующемъ письмѣ, писанномъ на другой день, онъ добавляетъ, что «этотъ отрывокъ не войдетъ въ цѣлое сочиненіе, потому что оно начато писаться послѣ того гораздо позже и нынѣ почти въ другомъ видѣ. Но изъ новой моей исторіи Малороссіи я никуда не хочу давать отрывковъ» (стр. 34 и 35). 23-го августа 1834 г. онъ опять писалъ ему: «Исторія моя терпитъ страшную перестройку: въ первой части цѣлая половина

совершенно новая» (стр. 42). Сообщеніе это вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что онъ писалъ въ вышеприведенномъ объявленіи объ изданіи исторіи малороссійскихъ казаковъ. Г. Тихонравовъ въ примѣчаніи къ повѣсти «Тарасъ Бульба» («Сочиненія» Гоголя, изд. 10-е, I, 569—577) указываетъ и матеріалы для исторіи Малороссіи, бывшіе въ рукахъ Гоголя, какъ-то: малороссійскія лѣтописи (рукописныя и печатныя); «Описаніе Украйны», Боплана; «Лѣтописецъ Малыя Россіи» въ журн. «Росс. Магаз.»; «Исторія Руссовъ», Конисскаго; «Малоросс. и червонорусск. народн. думы и пѣсни», сборникъ Лукашевича; «Исторія о казакахъ запорожскихъ», кн. Мышецкаго, которою онъ могъ пользоваться и въ рукописи, и въ книгѣ Шерера: «Annales de la Petite Russie»; «Истор. гос. Росс.» Стрыйковскаго. Къ этому перечню слѣдуетъ прибавить тѣ источники, указаніе на которые находимъ въ недавно напечатанной въ «Русской Старинѣ» (1892, мартъ, стр. 756—758) перепискѣ Гоголя съ извѣстнымъ славистомъ И. И. Срезневскимъ. Изъ этой переписки видно, что Гоголь довольно основательно былъ знакомъ съ тогдашней печатной и рукописной литературой по исторіи Малороссіи. Кромѣ изданнаго Срезневскимъ въ 1833 г. сборника: «Запорожская старина», Гоголь имѣлъ въ рукахъ сочиненія Конисскаго, Шафонскаго, Ригельмана; хорошо былъ знакомъ съ польскими историками, имѣлъ почти всѣ тѣ печатныя сочиненія, которыми пользовался Бантышъ-Каменскій, и, сверхъ того, работалъ въ какомъ-то петербургскомъ архивѣ. Самая переписка со Срезневскимъ возникла изъ-за напечатаннаго Гоголемъ объявленія объ «Исторіи Малороссіи». Будущій знаменитый славистъ тотчасъ откликнулся на этотъ вызовъ Гоголя и въ письмѣ къ нему выразилъ полную готовность дѣлиться съ Гоголемъ имѣвшимися въ его рукахъ матеріалами. Пока это—единственный, извѣстный намъ отвѣтъ на объявленіе Гоголя.

На сколько усердно собиралъ Гоголь матеріалы по исторіи Малороссіи и другихъ славянскихъ земель, показываетъ письмо его къ Максимовичу (23-го августа 1834 г.), въ которомъ онъ обращается къ нему съ такой просьбой: «Пронюхай, что̀ есть путнаго въ вашей библіотекѣ (въ Кіевск. унив.), относящагося до нашего края; весьма было бы хорошо, если бы ты поручилъ кому нибудь составить имъ маленькій реестрецъ, дабы я могъ все это принять къ надлежащему свѣдѣнію... Есть ли что нибудь на рукахъ у Берлинскаго? вѣдь онъ старый корпила... А у монаховъ неужели ни...? Это жаль» (стр. 42). Съ подобною же просьбою онъ обращался и къ Погодину (въ письмѣ 18-го января 1836 г.): «Не можешь ли ты чего нибудь мнѣ выкопать о славянахъ? Сдѣлай милость. Можетъ быть, ты составилъ какія нибудь выписки изъ разнаго сору, и особенно что нибудь о Галиціи древней и новой. Нѣтъ ли гдѣ какого нибудь описанія обрядовъ, обычаевъ ихъ и проч.?» (Кулишъ, V, 249). Черезъ мѣсяцъ онъ повторилъ Погодину эту

просьбу: «Не можешь ли прислать мнѣ каталога книгъ, пріобрѣтенныхъ и не пріобрѣтенныхъ, относительно славянской исторіи и литературы—очень обяжешь, и, если можно, въ двухъ-трехъ словахъ означить достоинство каждой и въ какомъ отношеніи можетъ быть полезна» (Кулишъ, V, 252). Все это свидѣтельствуетъ о серьезномъ и сильномъ интересѣ къ историческимъ сочиненіямъ и матеріаламъ со стороны Гоголя, и слѣдовательно его широкія задачи въ области исторіи не были простымъ и пустымъ хвастовствомъ. Сообщая своимъ друзьямъ о предполагавшихся имъ историческихъ сочиненіяхъ, Гоголь былъ искренно увѣренъ, что онъ дѣйствительно напишетъ всѣ эти книги, и эта увѣренность поддерживалась въ немъ всѣмъ тѣмъ психологическимъ процессомъ, который возбуждали въ немъ занятія исторіей и чтеніе историческихъ сочиненій, тѣми мыслями, образами, картинами, обобщеніями, которые у него накоплялись и которые онъ считалъ совершенно достаточными для того, чтобы сдѣлаться историкомъ. «Я весь теперь погруженъ въ исторію малороссійскую и всеобщую,—писалъ онъ Погодину 11-го января 1834 года,—и та, и другая у меня начинаетъ двигаться. Это сообщаетъ мнѣ какой-то спокойный и равнодушный къ житейскому характеръ, а безъ того я бы былъ страхъ сердитъ на всѣ эти обстоятельства. Ухъ, братъ! Сколько приходитъ ко мнѣ мыслей теперь! да какихъ крупныхъ! полныхъ, свѣжихъ! Мнѣ кажется, что сдѣлаю кое-что не общее во всеобщей исторіи. Малороссійская исторія моя чрезвычайно бѣшена, да иначе, впрочемъ, и быть ей нельзя. Мнѣ попрекаютъ, что слогъ въ ней уже слишкомъ горитъ, не исторически жгучъ и живъ; но что за исторія, если она скучна!» (Кулишъ, V, 196) [1]). Въ напечатанной вскорѣ послѣ этого письма статьѣ своей: «Планъ преподаванія всеобщей исторіи» (Журн. Мин. Нар. Пр., 1834, февраль), Гоголь высказываетъ тотъ же взглядъ на слогъ въ историческомъ изложеніи: «Слогъ профессора долженъ быть увлекательный, огненный. Онъ долженъ въ высочайшей степени овладѣть вниманіемъ слушателей... Возрастъ слушателей есть возрастъ сильныхъ впечатлѣній; и потому нужно имѣть всю силу, всю увлекательность, чтобы обратить этотъ энтузіазмъ ихъ на прекрасное и благородное; чтобъ разсказъ профессора дышалъ самъ энтузіазмомъ» («Сочиненія», изд. 10-е, V, 143—144).

Въ только что приведенномъ письмѣ Гоголя къ Погодину мы видимъ, что занятія исторіей благодѣтельно дѣйствовали на него,

---

[1]) Профессоръ Тихонравовъ въ примѣчаніяхъ своихъ къ статьѣ Гоголя «Взглядъ на исторію Малороссіи» («Сочиненія», изд. 10-е, V, 577) утверждаетъ, будто самая исторія Малороссіи вовсе не была написана Гоголемъ. Но если это такъ, то какъ же могли попрекать его за слогъ въ сочиненіи, которое вовсе не было написано? Ф. В.

сообщая ему «какой-то спокойный и равнодушный къ житейскому характеръ». То же самое находимъ и въ письмѣ его къ Максимовичу (9-го ноября 1833 г.). Оправдываясь въ томъ, что не прислалъ ничего для составлявшагося въ это время Максимовичемъ альманаха «Денница», онъ писалъ: «Я вамъ въ другой разъ непремѣнно приготовлю, что̀ вы хотите. Но не теперь. Если бы вы знали, какіе со мною происходили страшные перевороты, какъ сильно растерзано все внутри меня! Боже, сколько я пережогъ, сколько перестрадалъ! Но теперь я надѣюсь, что все успокоится, и я буду снова дѣятельный, движущійся. Теперь я принялся за исторію нашей единственной бѣдной Украйны. Ничто такъ не успокоиваетъ, какъ исторія. Мои мысли начинаютъ литься тише и стройнѣе. Мнѣ кажется, что я напишу ее, что я скажу много того, чего до меня не говорили» (стр. 26).

Эти слова Гоголя многое разъясняютъ намъ въ его неразгаданной до сихъ поръ духовной организаціи. Человѣкъ до крайности пылкій, воспріимчивый, увлекающійся, всему отдающійся вполнѣ, всѣмъ существомъ своимъ, онъ больше всего волновался во время поэтическаго творчества. Когда оно давало результатъ, волненія эти разрѣшались сильнымъ и глубокимъ чувствомъ самоудовлетворенія. Но когда творчество замедлялось, когда являлись только творческія мечты, не могшія почему либо воплотиться въ художественное произведеніе, Гоголь чрезвычайно мучился и волновался, и эти душевныя страданія, въ свою очередь, являлись помѣхой для правильнаго поэтическаго творчества. Ничего не дѣлать, сидѣть сложа руки, мучиться и ждать наступленія творческаго момента онъ не могъ. Ему надо было чѣмъ нибудь занять себя. При другомъ характерѣ, при бо̀льшей страстности, онъ могъ бы пуститься въ разгулъ. Но онъ былъ человѣкъ въ высшей степени нравственно воздержный, проникнутый высокими, идеальными стремленіями. А между тѣмъ клокотавшей въ немъ силѣ нуженъ былъ выходъ, нужно было приложеніе, занятіе. Историческія занятія по самому характеру своему удовлетворяли этой цѣли. По своему глубокому интересу, они привлекали вниманіе, заставляли на себѣ сосредоточиваться и такимъ образомъ служили матеріаломъ и для мысли, и для чувства, и для воображенія. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, по своей эпической объективности и по отдаленности отъ интересовъ минуты, отъ текущаго настроенія, они приносили душевное спокойствіе, а это спокойствіе возвращало Гоголю мало-по-малу и поэтическое вдохновеніе. Конечно, спокойствіе, навѣваемое историческими занятіями, было относительное. По самому характеру своему, Гоголь принадлежалъ къ разряду лицъ, которыя ни къ чему серьезному и важному не могутъ относиться съ «благоразумнымъ» спокойствіемъ. Дѣлаясь, подъ вліяніемъ впечатлѣній отъ историческихъ занятій, равнодушнымъ и спокойнымъ

къ «житейскому», Гоголь вовсе не спокойно относился къ самимъ этимъ занятіямъ. Всѣмъ увлекаясь, ото всего воспламеняясь, онъ увлекался до крайности и этими занятіями, и тѣмъ потокомъ идей, который они въ немъ возбуждали. Примѣромъ такого увлеченія можетъ служить то мѣсто въ вышеприведенномъ письмѣ его къ Погодину отъ 11-го января 1834 года, гдѣ онъ съ восторгомъ говоритъ о массѣ «крупныхъ, полныхъ, свѣжихъ» мыслей, порождаемыхъ въ немъ его историческими занятіями.

Уже одно это сильное и искреннее увлеченіе Гоголя исторіей лишаетъ насъ права насмѣшливо относиться къ его историческимъ занятіямъ и замысламъ. Что профессура не была его призваніемъ, это, конечно, врядъ ли можетъ подлежать какому либо сомнѣнію. Но въ его увлеченіи исторіей нѣтъ ничего смѣшнаго, а его историческія статьи (О среднихъ вѣкахъ, О преподаваніи всеобщей исторіи, Взглядъ на составленіе Малороссіи, Ал-Мамунъ, О движеніи народовъ въ концѣ V вѣка) свидѣтельствуютъ о большой начитанности и объ умѣньѣ обобщать въ одну общую картину мелкія историческія подробности,—умѣньѣ, составляющемъ одну изъ принадлежностей хорошаго профессора исторіи. Въ письмахъ же его мы находимъ и другое качество, обязательное для всякаго ученаго: способность скептически и критически относиться къ своимъ собственнымъ научнымъ взглядамъ, мнѣніямъ и мыслямъ. Сообщая Погодину (20-го февраля 1833 г.) о томъ, что онъ началъ печатать сочиненіе свое «Земля и люди», онъ пишетъ: «Но я не знаю, отчего на меня нашла тоска... Корректурный листокъ выпалъ изъ рукъ моихъ, и я остановилъ печатаніе. Какъ-то не такъ теперь работается. Не съ тѣмъ вдохновенно-полнымъ наслажденіемъ царапаетъ перо бумагу. Едва начинаю и что нибудь совершу изъ исторіи, уже вижу собственные недостатки. То жалѣю, что не взялъ шире, огромнѣй объемъ, то вдругъ зиждется совершенно новая система и рушитъ старую» (Кулишъ, V, 174).

Въ 1834 году появились въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» двѣ статьи Гоголя: «Взглядъ на составленіе Малороссіи» и «О малороссійскихъ пѣсняхъ», которыя заслужили одобрительный отзывъ со стороны Погодина. Но Гоголь не обольстился этой похвалой и отвѣтилъ своему московскому пріятелю: «Весьма радъ, что тебѣ понравились мои статьи, хотя, признаюсь, я въ нихъ, особливо въ первой, мало нахожу того, что нужно бы и что можно бы сказать объ этомъ предметѣ» (Кулишъ, V, 214). Въ письмѣ къ нему же отъ 14-го декабря 1834 года онъ выражается еще рѣзче о своихъ историческихъ занятіяхъ: «Я съ каждымъ мѣсяцемъ и съ каждымъ днемъ вижу новое, и вижу свои ошибки. Не думай также, чтобъ я старался только возбудить чувства и воображеніе. Клянусь, у меня цѣль высшая! Я, можетъ

быть, еще мало опытенъ, я молодъ въ мысляхъ[1]), но я буду когда нибудь старъ. Отчего же я черезъ недѣлю уже вижу свою ошибку? Отчего же передо мною раздвигается природа и человѣкъ» (Кулишъ, V, 228). Наконецъ, увѣдомляя (6-го декабря 1835 г.) Погодина о выходѣ изъ университета, онъ писалъ о своемъ профессорствѣ: «Въ эти полтора года я много вынесъ оттуда и прибавилъ въ сокровищницу души. Уже не дѣтскія мысли, не ограниченный прежній кругъ моихъ свѣдѣній, но высокія, исполненныя истины и ужасающаго величія мысли волновали меня» (Кулишъ, V, 247).

Скептицизмъ этотъ поддерживался въ немъ поэтической дѣятельностью, которая, сталкиваясь съ его «историческими» увлеченіями, ослабляла ихъ и сама, въ свою очередь, встрѣчала въ нихъ помѣху. Отсюда, въ связи со множествомъ другихъ частію житейскихъ, частію литературныхъ обстоятельствъ, частые періоды бездѣйствія у Гоголя въ разсматриваемую нами эпоху его жизни. Въ эти минуты бездѣйствія, апатіи, душевной пустоты и вызываемой всѣмъ этимъ раздражительности, когда человѣку ни на что смотрѣть не хочется, все кажется ему мелкимъ, ничтожнымъ, не стоящимъ вниманія, Гоголь и на свои собственныя поэтическія произведенія смотрѣлъ съ пренебреженіемъ. Мы уже видѣли выше, съ какимъ раздраженіемъ отозвался онъ Погодину (въ письмѣ отъ 1-го февраля 1833 г.) о своихъ «Вечерахъ на хуторѣ». «Да обрекутся они неизвѣстности, — писалъ онъ, — покамѣстъ что нибудь увѣсистое, великое, художническое не изыдетъ изъ меня! Но я стою въ бездѣйствіи, въ неподвижности. Мелкаго не хочется, великое не выдумывается»... Черезъ недѣлю (8-го февраля 1833 г.) онъ и матери писалъ: «Не дѣлаю совершенно ничего: можетъ быть, я изъ дому вывезъ съ собою лѣнь[2]). И досадно, а ничего не хочется дѣлать» (Кулишъ, V, 170). Объ этомъ же апатичномъ своемъ состояніи онъ писалъ въ тотъ же день и другу своему А. С. Данилевскому: «Я вывезъ, однакожъ, изъ дому всю роскошь лѣта и ничего рѣшительно не дѣлаю. Умъ въ странномъ бездѣйствіи; мысли такъ растеряны, что никакъ не могутъ собраться въ одно цѣлое» (Кулишъ, V, 171). Въ дальнѣйшихъ письмахъ его находимъ, наконецъ, и объясненіе этой апатіи. 20-го февраля 1833 года онъ сообщалъ Погодину: «Я не писалъ тебѣ: я помѣшался на комедіи. Она, когда я былъ въ Москвѣ, въ дорогѣ и когда я пріѣхалъ сюда, не выходила изъ головы моей; но до сихъ поръ я ничего не на-

[1]) Гоголю всего было въ это время 25 лѣтъ, обстоятельство, которое непремѣнно надо принимать въ расчетъ, ибо возрастъ игралъ не послѣднюю роль въ увлеченіяхъ Гоголя. Ф. В.

[2]) Вторую половину лѣта и начало осени предыдущаго 1832 года онъ провелъ у себя въ имѣніи. Ф. В.

писалъ. Уже и сюжетъ было началъ надняхъ составляться, уже и заглавіе написалось на бѣлой толстой тетради: «Владиміръ 3-й степени», и сколько злости, смѣху, соли [1])! Но вдругъ остановился, увидѣвши, что перо такъ и толкается объ такія мѣста, которыхъ цензура ни за что не пропуститъ. Чтò изъ того, когда пьеса не будетъ играна? Драма живетъ только на сценѣ. Безъ нея она—какъ душа безъ тѣла. Какой же мастеръ понесетъ на показъ народу неоконченное произведеніе? Мнѣ больше ничего не остается, какъ выдумать сюжетъ самый невинный, которымъ даже квартальный не могъ бы обидѣться. Но чтò комедія безъ правды и злости! Итакъ за комедію не могу приняться. Примусь за исторію—передо мною движется сцена, шумитъ аплодисментъ, рожи высовываются изъ ложъ, изъ райка, изъ креселъ и оскаливаютъ зубы—и исторія къ чорту! И вотъ почему я сижу при лѣни мысли» [2]).

Но хотя исторія и летѣла къ чорту, тѣмъ не менѣе цитируемое письмо оканчивается такой припиской: «Хотѣлъ было предложить два историческіе вопроса, сильно меня занимавшіе,—не разрѣшишь ли? но послѣ. Они требуютъ много бумаги. Видишь? Я, не смотря, всетаки, не могу совершенно освободиться отъ исторіи».

Сюжетъ новой комедіи на столько интересовалъ Гоголя, что онъ познакомилъ съ нимъ своихъ друзей, и одинъ изъ нихъ, Плетневъ, подѣлился этой радостью съ Жуковскимъ, находившимся въ это время въ Швейцаріи. «У Гоголя вертится на умѣ комедія,—писалъ онъ Жуковскому 8-го декабря 1832 года.—Не знаю, разродится ли онъ ею нынѣшней зимою; но я ожидаю въ этомъ родѣ отъ него необыкновеннаго совершенства. Въ его сказкахъ меня всегда поражали драматическія мѣста» (Сочиненія и переписка П. А. Плетнева, III, 522). Но черезъ два мѣсяца въ перепискѣ Плетнева съ Жуковскимъ встрѣчаемъ письмо, которое вполнѣ подтверждаетъ только что приведенное письмо Гоголя къ Погодину. 17-го февраля 1833 года Плетневъ увѣдомлялъ Жуковскаго: «У Пушкина ничего нѣтъ новаго, у Гоголя тоже. Его комедія не пошла изъ головы. Онъ слишкомъ много хотѣлъ обнять въ ней, встрѣчалъ безпрестанно затрудненія въ представленіи и потому съ досады ничего не написалъ. Еще есть другая причина его неудачи: онъ въ такой холодной поселился квартирѣ, что цѣлую зиму принужденъ былъ бѣгать отъ дому, боясь тамъ заморозить себя.. Такъ-то физическая сторона че-

---

[1]) Пьеса эта вполнѣ вовсе не была написана. Отдѣльныя сцены ея, въ переработанномъ видѣ, явились впослѣдствіи въ печати въ видѣ отдѣльныхъ пьесъ, подъ заглавіями: «Утро дѣловаго человѣка», «Тяжба», «Лакейская» и «Отрывокъ». (См. «Сочиненія» Гоголя, изд. 10, II, 733—745). Ф. В.

[2]) «Русскій Архивъ» 1872 г., 2370. Здѣсь письмо это напечатано вполнѣ, тогда какъ у Кулиша (V, 174—176) въ немъ сдѣланы довольно существенные пропуски. Ф. В.

ловѣка иногда губитъ его духовную половину со всѣми въ ней зародышами» (тамъ же, III, 528)[1]).

Это бездѣйственное или, лучше сказать, безплодное душевное состояніе продолжалось у Гоголя довольно долго. 2-го іюля 1833 года, слѣдовательно полгода спустя послѣ вышеприведеннаго письма его къ Погодину, онъ писалъ Максимовичу въ отвѣтъ на просьбу прислать что нибудь для альманаха «Денница»: «Не знаю, напишу ли я что нибудь для васъ. Я такъ теперь остылъ, очерствѣлъ, сдѣлался такой прозой, что не узнаю себя. Вотъ скоро будетъ годъ, какъ я ни строчки. Какъ ни принуждаю себя, нѣтъ, да и только» (стр. 25).

Всѣ эти жалобы Гоголя на овладѣвшую имъ бездѣйственность нельзя, конечно, принимать буквально, то-есть въ томъ смыслѣ, будто онъ дѣйствительно ничего не писалъ въ это время. Мы видѣли выше, что въ это время задумана была имъ комедія «Владиміръ 3-й степени». Въ это же время онъ занятъ былъ изданіемъ «Пестрыхъ сказокъ» кн. В. Ѳ. Одоевскаго, о которыхъ писалъ А. С. Данилевскому (8-го февраля 1833 г.): «Пушкина нигдѣ не встрѣтишь, какъ только на балахъ. Такъ онъ протранжиритъ всю жизнь свою, если только какой нибудь случай и болѣе необходимость не затащатъ его въ деревню. Одинъ только князь Одоевскій дѣятельнѣе. Надняхъ печатаетъ онъ фантастическія сцены, подъ заглавіемъ «Пестрыя сказки». Рекомендую: очень будетъ затѣйливое изданіе, потому что производится подъ моимъ присмотромъ» (Кулишъ, V, 172)[2]). Сверхъ того, въ сотрудничествѣ съ кн. В. Ѳ. Одоевскимъ и Пушкинымъ Гоголь затѣвалъ въ это время издать очень оригинальный альманахъ, о которомъ кн. Одоевскій писалъ Пушкину (28-го сентября 1833 г.): «Скажите, любезнѣйшій Александръ Сергѣевичъ, что̀ дѣлаетъ нашъ почтенный г. Бѣлкинъ (псевдонимъ Пушкина)? Его сотрудники Гомозейко и Рудый Панекъ, по странному стеченію обстоятельствъ, описали: первый гостиную, второй чердакъ; нельзя ли г. Бѣлкину взять на свою отвѣтственность погребъ? Тогда бы вышелъ весь домъ въ три этажа, и можно было бы къ тройчаткѣ сдѣлать картину, представляющую разрѣзъ дома въ три этажа съ различными въ каждомъ сценами. Рудый Панекъ даже предлагалъ са-

---

[1]) О холодной квартирѣ, измучившей Гоголя, см. также письмо его къ матери отъ 24-го іюня 1833 г. (Кулишъ, V, 182).

[2]) Сказки эти дѣйствительно вышли изъ печати въ концѣ февраля 1833 года, (цензурная помѣта 19-го февраля) подъ заглавіемъ: «Пестрыя сказки съ краснымъ словцомъ, собранныя Иринеемъ Модестовичемъ Гомозейкою, магистромъ философіи и членомъ разныхъ ученыхъ обществъ, изданныя В. Безгласнымъ», Спб., 1833 г., 16⁰. Печатались онѣ въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ и по внѣшности представляютъ вполнѣ изящное по тому времени изданіе.

ный альманахъ назвать такимъ образомъ: Тройчатка, или альманахъ въ три этажа, соч. и проч. Что на это скажетъ г. Бѣлкинъ? Его рѣшеніе нужно бы знать немедленно, ибо заказывать картинку должно теперь, иначе она не поспѣетъ и Тройчатка не выйдетъ къ новому году, что кажется необходимымъ» («Русскій Архивъ», 1864 г., стр. 814). Но Пушкинъ, находившійся въ это время въ нижегородскомъ своемъ имѣніи Болдинѣ, тоже испытывалъ состояніе бездѣйствія и потому отвѣтилъ кн. Одоевскому: «Виноватъ, ваше сіятельство, кругомъ виноватъ! Пріѣхавъ въ деревню, думалъ—распишусь, не тутъ-то было. Головная боль, хозяйственныя хлопоты, лѣнь—барская, помѣщичья лѣнь, такъ одолѣли меня, что не приведи Боже. Не дожидайтесь Бѣлкина; не на шутку, видно, онъ покойникъ, не бывать ему на новосельѣ ни въ гостиной Гомозейки, ни на чердакѣ Панька! Не достоинъ онъ, видно, быть въ ихъ компаніи. А куда бы не худо до погреба-то добраться... Кланяюсь Гоголю. Что его комедія? Въ ней же есть закорючка» («Русскій Архивъ» 1864 г.). Вопросъ Пушкина о комедіи Гоголя кн. Одоевскій отнесъ (въ примѣчаніи своемъ къ письму Пушкина) къ «Ревизору». Но профессоръ Тихонравовъ въ юбилейномъ изданіи этой комедіи справедливо замѣтилъ (стр. V), что она еще и не зарождалась въ это время въ головѣ Гоголя, и потому отнесъ вопросъ Пушкина къ «Женитьбѣ». Можно, думается мнѣ, отнести его и къ «Владиміру 3-й степени», и это даже будетъ вѣрнѣе, такъ какъ Пушкинъ могъ и не знать еще о «Женитьбѣ». Отказъ Пушкина былъ, вѣроятно, причиной, что «альманахъ въ три этажа» такъ и не появился на свѣтъ. Въ это же время начаты были Гоголемъ повѣсти «Носъ», «Старосвѣтскіе помѣщики», «Тарасъ Бульба», «Вій», «Невскій проспектъ» и комедіи «Женитьба» и «Игроки» («Сочиненія» изд. 10-е, II, 565—567, 570, 695, 715). Но Гоголь оставался недоволенъ всѣми этими сочиненіями; они, очевидно, не давались ему, и онъ ихъ безжалостно уничтожалъ. Отвѣчая (вѣроятно, въ концѣ 1833 г.) Погодину на вопросъ, что онъ пишетъ, Гоголь съ отчаяніемъ писалъ: «Охъ, братецъ! зачѣмъ ты спрашиваешь, что я пишу, что я затѣваю, что у меня написано? Знаешь ли ты, какой мнѣ дѣлаешь вопросъ, и что мнѣ твой вопросъ? Ты похожъ на хирурга, который запускаетъ адскій свой щупалъ въ пылающую рану и доставляетъ больному самую пріятную забаву: муку. Какой ужасный для меня этотъ 1833 годъ! Боже, сколько кризисовъ! Настанетъ ли для меня благодѣтельная реставрація послѣ разрушительныхъ революцій? Сколько я поначиналъ, сколько пережегъ, сколько бросилъ! Понимаешь ли ты ужасное чувство: быть недовольнымъ самимъ собою. О, не знай его! Будь счастливъ и не знай его. Это одно и то же. Это нераздѣльно. Человѣкъ, въ котораго вселилось это адъ-чувство, весь превращается въ злость, онъ одинъ составляетъ оппозицію

противъ всего. Онъ ужасно издѣвается надъ собственнымъ безсиліемъ. Боже, да будетъ все это къ добру!» [1]).

То же самое признаніе находимъ и въ письмѣ къ Максимовичу отъ 9-го ноября 1833 года, которое было уже приведено выше и въ которомъ Гоголь оправдывается въ томъ, что не могъ ничего прислать для альманаха «Денница». Въ этомъ же письмѣ онъ сообщаетъ о множествѣ начатыхъ, но неудавшихся ему произведеній: «У меня есть сто разныхъ началъ и ни одной повѣсти, и ни одного даже отрывка полнаго, годнаго для альманаха» (стр. 25—26).

Очевидно, поэтическое творчество Гоголя претерпѣвало тяжелый кризисъ, разрѣшившійся, наконецъ, отчаяннымъ воплемъ, вырвавшимся изъ самой глубины наболѣвшей души. Наканунѣ 1834 года, со страхомъ, но и съ какой-то непонятной надеждой вглядываясь въ свою будущность, Гоголь взывалъ къ своему «Генію»: «Молю тебя, жизнь души моей, мой Геній! О, не скрывайся отъ меня! Пободрствуй надо мною въ эту минуту и не отходи отъ меня весь этотъ, такъ заманчиво наступающій для меня, годъ. Какое же будешь, ты, мое будущее? Блистательное ли, широкое ли, кипишь ли великими для меня подвигами, или?... О, будь блистательно, будь дѣятельно, все предано труду и спокойствію! Что же ты такъ таинственно стоишь предо мною, 1834 годъ? Будь и ты моимъ ангеломъ. Если лѣнь и безчувственность хотя на время осмѣлятся коснуться меня,—о, разбуди меня тогда! Не дай имъ овладѣть мною!... О!... Я не знаю, какъ назвать тебя, мой Геній! Ты, отъ колыбели еще пролетавшій съ своими гармоническими пѣснями мимо моихъ ушей, такія чудныя, необъяснимыя донынѣ зарождавшій во мнѣ думы, такія необъятныя и упоительныя лелѣявшій во мнѣ мечты! О, взгляни! Прекрасный, низведи на меня свои небесныя очи. Я на колѣняхъ. Я у ногъ твоихъ! О, не разлучайся со мною! Живи на землѣ со мною хоть два часа каждый день, какъ прекрасный братъ мой! Я совершу... Я совершу. Жизнь кипитъ во мнѣ. Труды мои будутъ вдохновенны. Надъ ними будетъ вѣять недоступное землѣ божество! Я совершу... О, поцѣлуй и благослови меня!» («Сочиненія», изд. 10, V, 105—106).

Эти душевныя страданія, бывшія, очевидно, одною изъ главныхъ причинъ его неудачи, какъ профессора, должны были еще болѣе усиливаться отъ той двойственности влеченій, вслѣдствіе которой Гоголь самъ не зналъ, что онъ такое: поэтъ или историкъ? Это попеременное увлеченіе то исторіей, то поэтическимъ творчествомъ продолжалось вплоть до оставленія имъ каѳедры въ университетѣ (въ концѣ 1835 года). Объ этой перемѣнѣ въ своемъ по-

---

[1]) Н. Барсуковъ: «Жизнь и труды Погодина», IV, 145—146.

ложеніи онъ увѣдомилъ Погодина (6-го декабря 1835 года) въ такихъ выраженіяхъ:

«Я расплевался съ университетомъ и черезъ мѣсяцъ опять беззаботный казакъ. Неузнанный я взошелъ на каѳедру и неузнанный схожу съ нея. Но въ эти полтора года, годы моего безславія, потому что общее мнѣніе говоритъ, что я не за свое дѣло взялся,— въ эти полтора года я много вынесъ оттуда и прибавилъ въ сокровищницу души. Уже не дѣтскія мысли, не ограниченный прежній кругъ моихъ свѣдѣній, но высокія, исполненныя истины и ужасающаго величія мысли волновали меня... Миръ вамъ, мои небесныя гостьи, наводившія на меня божественныя минуты въ моей тѣсной квартирѣ, близкой къ чердаку [1])! Васъ никто не знаетъ, васъ вновь опускаю на дно души до новаго пробужденія, когда вы исторгнетесь съ большею силою, и не посмѣетъ устоять безстыдная дерзость ученаго невѣжи, ученая и неученая чернь, всегда соглашающаяся публика и проч., и проч. Я тебѣ одному говорю это; другому не скажу я: меня назовутъ хвастуномъ, и больше ничего. Мимо, мимо все это!» (Кулишъ, V, 246—247).

На этихъ искреннихъ, дружески-задушевныхъ строкахъ стоитъ остановиться. Въ нихъ Гоголь жалуется, что онъ остался неузнаннымъ въ роли профессора, и обвиняетъ въ своемъ безславіи ученыхъ невѣжъ, ученую и неученую чернь. На первый взглядъ, послѣ извѣстныхъ уже намъ признаній Гоголя въ своихъ собственныхъ научныхъ ошибкахъ, въ дѣтскости мыслей, ограниченности свѣдѣній, такая жалоба, конечно, кажется странной и рисуетъ Гоголя не болѣе, какъ жалкимъ хвастуномъ, что онъ самъ, какъ мы видимъ, сознавалъ. Но именно это сознаніе свидѣтельствуетъ, что онъ разумѣлъ здѣсь не свои ученыя познанія, недостаточность которыхъ самъ видѣлъ лучше всякаго другаго, а тѣ поэтическіе образы и картины, которые создавались у него изъ находившагося въ его рукахъ скуднаго историческаго матеріала и при посредствѣ которыхъ ему становился ясенъ жизненный смыслъ историческихъ явленій, ясенъ до такой степени, что ему казалось, будто онъ уже можетъ внести эту ясность и въ свои лекціи. Но такъ какъ въ данномъ случаѣ тѣ «небесныя гостьи, наводившія на него божественныя минуты», о которыхъ онъ говоритъ въ своемъ письмѣ, были плодомъ вдохновенія, а не изученія, вдохновеніе же, какъ настроеніе, измѣнчивое по существу, не всегда находится во власти поэта, то Гоголь и не смогъ справиться съ задачей, за которую взялся по увлеченію. Но онъ самъ не понималъ этого до тѣхъ

---

[1]) Онъ дѣйствительно прожилъ весь 1835 годъ «въ тѣснотѣ», вынужденный выѣхать изъ прежней квартиры по случаю передѣлки дома (Кулишъ, V, 233—234). Ф. В.

поръ, пока не оставилъ каѳедры,—не понималъ не потому, что преувеличивалъ свои ученыя познанія, а потому, что слишкомъ увлекался поэтическимъ творчествомъ, которое изъ сухихъ и скудныхъ историческихъ матеріаловъ создавало живыя и яркія картины прошлой жизни. Неопровержимымъ доказательствомъ этого служить исторія созданія Гоголемъ повѣсти «Тарасъ Бульба» и неоконченной пьесы изъ англійской исторіи «Альфредъ», подробно изложенная въ превосходныхъ примѣчаніяхъ г. Тихонравова къ 10-му изданію сочиненій Гоголя.

Не догадываясь, въ чемъ дѣло, Гоголь думалъ, что и другіе могутъ также оживить сухой историческій матеріалъ, передаваемый имъ на лекціяхъ. Но тутъ и постигла его неудача. Слушатели его, не одаренные поэтическимъ вдохновеніемъ, апатично слушали его, въ большинствѣ случаевъ дѣйствительно сухія лекціи, и это заставило его написать Погодину (14-го декабря 1834 г.): «Знаешь ли ты, что значитъ не встрѣтить сочувствія, что значитъ не встрѣтить отзыва? Я читаю одинъ, рѣшительно одинъ въ здѣшнемъ университетѣ. Никто меня не слушаетъ, ни на одномъ ни разу не встрѣтилъ я, чтобы поразила его яркая истина. И оттого я рѣшительно бросаю теперь всякую художническую отдѣлку, а тѣмъ болѣе желаніе будить сонныхъ слушателей. Я выражаюсь отрывками, и только смотрю въ даль и вижу его въ той системѣ, въ какой оно явится у меня вылитою черезъ годъ. Хоть бы одно студенческое существо понимало меня!» (Кулишъ, V, 228).

Обвиняя своихъ слушателей въ непониманіи, онъ, очевидно, не видѣлъ, что, во-первыхъ, изъ его отрывочнаго изложенія мудрено было и понять что нибудь, а, во-вторыхъ, понимать историческія данныя такъ, какъ онъ самъ понималъ, то-есть облекать ихъ въ живыя, художественныя картины и сцены, никто изъ его слушателей не могъ.

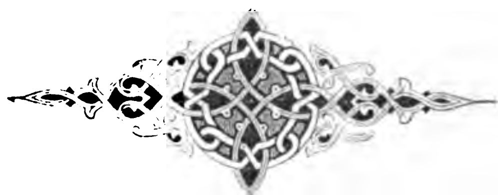
Всѣ эти тщетныя попытки Гоголя сдѣлаться историкомъ причиняли ему, конечно, весьма много душевныхъ тревогъ, огорченій, разочарованій, и когда онъ, наконецъ, отказался отъ нихъ и, вмѣстѣ съ оставленіемъ профессорской каѳедры, оставилъ навсегда и свои занятія исторіей, онъ сразу почувствовалъ облегченіе, тѣмъ болѣе, что рядомъ съ произведеніями, задуманными имъ на историческія темы («Тарасъ Бульба», «Альфредъ»), его еще сильнѣе поглощали произведенія, содержаніе которыхъ взято было имъ изъ современной дѣйствительности (Ревизоръ», «Женитьба», «Миргородъ», «Арабески»). Цитированное выше письмо его къ Погодину, съ извѣстіемъ объ оставленіи каѳедры, оканчивается такими словами:

«Теперь я вышелъ на свѣжій воздухъ. Это освѣженіе нужно въ жизни, какъ цвѣтамъ дождь, какъ засидѣвшемуся въ кабинетѣ

прогулка. Смѣяться, смѣяться давай теперь побольше. Да здравствуетъ комедія!».

Такимъ радостнымъ восклицаніемъ привѣтствовалъ Гоголь освобожденіе свое отъ нѣсколько лѣтъ продолжавшагося заблужденія. И дѣйствительно было чему радоваться: его восклицаніе возвѣстило Погодину объ окончаніи безсмертнаго «Ревизора».

Ф. Витбергъ.



ЕРМАКЪ ВЪ БЫЛИНАХЪ РУССКАГО НАРОДА.

АСТОЯЩІЙ очеркъ имѣетъ цѣлью представить эпическій образъ Ермака по былинамъ, гдѣ объ этомъ историческомъ героѣ говорится, какъ о богатырѣ, сражающемся противъ татаръ, подобно другимъ русскимъ богатырямъ. Есть нѣсколько до извѣстной степени отличающихся одинъ отъ другаго пересказовъ былинъ о томъ, какъ Ермакъ вмѣстѣ съ Ильей Муромцемъ велъ борьбу противъ татаръ. Нѣтъ необходимости для ознакомленія читателя съ эпосомъ объ Ермакѣ передавать содержаніе каждаго такого отдѣльнаго пересказа. Чтобы дать понятіе объ этомъ эпосѣ и по возможности полнѣе представить эпическій образъ Ермака, достаточно сгруппировать въ одно цѣлое всѣ характеристическія черты о нашемъ героѣ, заключающіяся въ былинахъ. Въ былинахъ такъ называемаго Владимірова цикла Ермакъ фигурируетъ въ числѣ русскихъ богатырей, окружающихъ кіевскаго князя Владиміра. По этимъ былинамъ, нашъ богатырь является однимъ изъ дѣятельныхъ защитниковъ Русской земли и ея стольнаго города Кіева отъ нашествія грозныхъ татарскихъ полчищъ. Эпитетъ «младой» (младый, молодой), придаваемый народомъ въ былинахъ Ермаку, наглядно показываетъ, что этотъ позднѣйшій народный герой, по отношенію къ эпохѣ князя Владиміра, творческой народной фантазіей отнесенъ къ разряду самыхъ младшихъ богатырей, то-есть къ поколѣнію богатырей, выступающему на поле дѣятельности уже послѣ Ильи Муромца и его старыхъ товарищей. Предлагаемый очеркъ, — считаемъ нужнымъ оговориться, — не имѣетъ

цѣлью изслѣдованія былинъ объ Ильѣ Муромцѣ и Ермакѣ Тимоѳеевичѣ, какъ таковыхъ, то-есть, какъ произведеній устной народной словесности. Такая задача не входитъ въ предѣлы настоящей статьи. Въ данномъ случаѣ насъ только интересуетъ, какой именно эпическій образъ Ермака нарисовалъ себѣ народъ въ былинахъ,— образъ, хотя бы даже и совершенно фантастическій и неисторическій, по которому, однако, можно судить о тѣхъ или иныхъ чувствахъ народныхъ по отношенію къ историческому Ермаку. Какъ извѣстно, народныя преданія и легенды о какомъ либо замѣчательномъ историческомъ дѣятелѣ могутъ до извѣстной степени служить для характеристики даннаго лица, и такого рода матеріалъ при историческихъ изслѣдованіяхъ, безъ сомнѣнія, долженъ быть принятъ во вниманіе.

Былины, въ которыхъ нашъ Ермакъ является однимъ изъ русскихъ богатырей, могутъ быть, для болѣе удобнаго обозрѣнія ихъ, раздѣлены на двѣ группы: въ нѣсколькихъ былинахъ говорится о подвигахъ богатырей, и въ томъ числѣ Ермака, въ борьбѣ съ татарскимъ царемъ Калиномъ, и въ одной былинѣ разсказывается о боѣ богатырей съ татарскимъ царемъ Мамаемъ и Бабищей Мамаишной[1]).

Прежде чѣмъ излагать, какъ, по народному представленію, нашъ Ермакъ защищалъ Русскую землю отъ татарскаго царя Калина, скажемъ, при какихъ именно обстоятельствахъ выступаетъ онъ въ роли богатыря. Въ этомъ случаѣ, какъ увидимъ, народъ рисуетъ себѣ дѣятельность Ермака въ особенно привлекательномъ свѣтѣ; народъ относится къ богатырю съ симпатіей и приписываетъ ему особенную славную роль и большое значеніе. Дѣло было такъ.

---

[1]) Былины, въ которыхъ воспѣваются богатырскіе подвиги Ермака, намъ извѣстны слѣдующія. Во-первыхъ, въ сборникѣ Рыбникова напечатано четыре былины подъ общимъ названіемъ «Объ Ильѣ Муромцѣ и Ермакѣ Тимоѳеевичѣ» (Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. Часть I. Народныя былины, старины и побывальщины. Москва. 1861. Былины: № 19, стр. 97—106; № 20, стр. 106—114; № 21, стр. 114—118, и № 22, стр. 118—119). Затѣмъ, въ сборникѣ онежскихъ былинъ, записанныхъ А. Ѳ. Гильфердингомъ, находится пять былинъ, съ одинаковымъ названіемъ «Илья Муромецъ и Калинъ царь»; изъ этихъ былинъ двѣ (Онежскія былины, записанныя Александромъ Ѳедоровичемъ Гильфердингомъ лѣтомъ 1871 года; съ двумя портретами онежскихъ рапсодовъ и напѣвами былинъ. Спб. 1873. Былины: № 92, столбцы 556 — 559, и № 121, ст. 655—659) являются варіантами двухъ былинъ, записанныхъ раньше Рыбниковымъ (№ 21, стр. 114 — 118, и № 22, стр. 118 —119), а остальныя три записаны впервые самимъ Гильфердингомъ (Онежскія былины, № 69, столбцы 372—384; № 105, ст. 599—603, и № 138, ст. 704—711). Наконецъ, одна былина объ Ильѣ Муромцѣ и Ермакѣ Тимоѳеевичѣ напечатана въ числѣ пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ (Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ; изданы обществомъ любителей россійской словесности. Изданіе 2, безъ измѣненій. Москва. 1868. Выпускъ 1, отдѣлъ V, № 1, стр. 58—66).

Татарскій царь Калинъ съ несмѣтнымъ войскомъ подступаетъ къ Кіеву, замышляя отнять у князя Владиміра его жену, «молоду Опраксу Королевичну». Царь чрезъ своего посланнаго требуетъ, чтобы князь Владиміръ приготовилъ для татарскаго войска «палату княженецкую» и «подворья богатырскія», чтобы очистилъ улицы, снялъ съ церквей кресты, чтобы курилъ «зелено вино», которое понадобится для свадебнаго пира Калина-царя. Владиміръ сильно запечалился, не видя возможности бороться съ «силой невѣрной». Князь пріужахнулся, порасплакался, закричалъ во всю голову, сталъ сзывать богатырей на думу на великую. Съѣхались въ Кіевъ на пиръ русскіе могучіе богатыри; пьютъ, ѣдятъ, веселятся, только не веселъ былъ «одинъ солнышко Владиміръ князь». Когда всѣ гости узнали, какая бѣда угрожаетъ Кіеву, тоже пріуныли. Князь спрашиваетъ богатырей: что дѣлать, какъ поступить? Илья совѣтуетъ послать царю Калину богатые дары и просить у него сроку на три (или на два) мѣсяца, чтобы имѣть время «съ силой поисправиться» и собрать «дружину хоробрую». Князь Владиміръ такъ и поступилъ. Царь Калинъ далъ сроку на три мѣсяца. Илья уѣхалъ изъ Кіева собирать богатырей. Но вотъ прошло уже три мѣсяца, а Ильи съ богатырями нѣтъ какъ нѣтъ. Пригорюнился Владиміръ и въ великомъ горѣ думаетъ, что вотъ, должно быть, придется отдать Кіевъ безбожному Калину-царю. Однако, еще не теряя надежды избавиться отъ бѣды, князь во второй разъ сзываетъ богатырей и устроиваетъ для нихъ пиръ. Собралось множество гостей, но «никто не пьетъ да не кушаетъ, а у всѣхъ повѣшены да буйны головы ай какъ ниже плечъ своихъ могучіихъ, притуплены очушки ясныи во кирпичный полъ». Не даромъ такая кручина напала на князя Владиміра и всѣхъ его гостей. По одному пересказу былины выходитъ, что Ильюша, вмѣсто того, чтобы спѣшить на помощь Кіеву, посылаетъ богатырей, своихъ «крестовыхъ, названыхъ братцевъ», сказать князю, что они ничѣмъ не могутъ помочь ему. Приходитъ, прежде всѣхъ, къ князю Владиміру Добрыня Никитичъ и заявляетъ: «Мои бѣлы ручки примахалися, бьючись татаровей поганыихъ; мои рѣзвы ножки прискакалися; мои ясны очи помутилися, глядючись на татаровей поганыихъ. Не могу больше служить-стоять за славенъ стольный Кіевъ-градъ». Точно также отказывается отъ борьбы съ татарами Потыкъ Ивановичъ и даже самъ Илья Муромецъ. Такимъ образомъ, «отперлись всѣ могучіе богатыри» защищать Кіевъ.

Итакъ, Кіеву угрожало нападеніе татарскаго царя Калина, а помощи ниоткуда не появлялось. Въ этотъ-то критическій моментъ и выступаетъ на защиту Кіева нашъ младой Ермакъ Тимоѳеевичъ. Онъ предлагаетъ свои услуги богатырскія князю Владиміру или на пиру, вторично устроенномъ княземъ, или же просто приходитъ одинъ.

На пиру, при всеобщемъ уныніи и горѣ, поднимается со своего мѣста «середняго» «молодой Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ» и говоритъ князю «таковы слова»:

«Ай же солнышко да Владиміръ, князь стольне-кіевскій!
«А спусти-тко меня да ты въ чисто̀ полё.
«Ай какъ съѣзжу я да сыщу топерь
«А какъ стараго казака да Илью Муромца
«А со всей я съ дружиной со хороброю».

Князь недовѣрчиво относится къ богатырской удали Ермака, считаетъ его молодцомъ молодёшенькимъ, молодцомъ всего «лѣтъ двѣнадцати». «Не видать тѣ, — говоритъ князь нашему богатырю, — стараго казака да Ильи Муромца: вѣдь промедлилось времечки три мѣсяца, а въ три мѣсяца, Богъ знатъ, куда у его топерь уѣхано, а какъ може уѣхано край свѣтушка край бѣлаго». Затѣмъ князь наливаетъ виномъ чару въ полтора ведра, вѣсомъ въ полтора пуда, и подаетъ ее одной рукой богатырю, который и выпиваетъ все вино «единымъ здухомъ». Послѣ этой чары, Ермакъ еще два раза обращается ко князю съ просьбой отпустить его «въ чисто̀ полё» и выпиваетъ при этомъ такихъ же двѣ чары; Владиміръ, всетаки, не соглашается отпустить богатыря въ виду его молодости. Осушивъ третью чару, Ермакъ уже не обращается съ рѣчью ко князю Владиміру, а самовольно выскакиваетъ изъ-за стола, бѣжитъ вонъ изъ княжескихъ палатъ, садится на своего коня и уѣзжаетъ, но куда—князь не знаетъ: за Ильей ли Муромцемъ, звать его со «дружиной хороброю» для защиты Кіева, или во «Елисины поля», къ татарамъ.

А Ермакъ отправился къ Елисей-рѣкѣ, на Елисины поля, гдѣ

«...стоитъ-то ужъ силушки, какъ на чисто̀мъ поли,
«А какъ мелкаго лѣсу шумячего,
«Ай не видно ни краю да ни берега,
«Ай какъ знамёньёвъ на чистомъ поли,
«Какъ сухого лѣсу жаро̀ваго».

Увидя такую «силушку», младой Ермакъ Тимоѳеевичъ «пораздумался»:

«А хошь много силы на чисто̀мъ поли,
«Ай какъ столько могу я разбить на своемъ да на добро̀мъ конѣ,
«А не захватить меня во рать во силы великіей
«А поганыимъ воинамъ,
«А потому что у м'ня подо мной да конь крылатый».

Ермакъ хотѣлъ было уже напасть на «рать—на силу великую», какъ вдругъ въ это время пріѣзжаетъ биться съ силой самъ Илья Муромецъ съ тридцатью могучими богатырями. Илья поручаетъ пятнадцати богатырямъ не пускать силы за Елисей-рѣку, а другимъ пятнадцати—не давать ей ходу «на чисто поле». Самъ Илья

отправился биться съ татарской силой на правой сторонѣ, а Ермакъ—на лѣвой. И вотъ такъ-то богатыри, въ томъ числѣ и Ермакъ, напали на силушку со всѣхъ сторонъ, и не прошло и шести часовъ, какъ богатыри «силу присѣкли до единаго». Молодой Ермакъ напалъ на самого Калина-царя, схватилъ его за желтые кудри, билъ его и при этомъ приговаривалъ:

«Ай какъ вотъ тебѣ, безбожный Калинъ-царь,
«Вотъ тебѣ улушки распаханы,
«Со тыхъ Божьихъ церквей чудны кресты сняты вѣдь,
«Ай какъ вотъ во церквахъ сдѣланы стойлы лошадиныи,
«Вотъ тѣ умыты да вѣдь палаты бѣлокаменны!
«Нѣтъ, не приписывай ерлуковъ скорописчатыхъ
«Ай ко нашему солнышку князю Владиміру
«Ай съ угровамы со великама!»

Затѣмъ Ермакъ «здынулъ» царя Калина «выше буйныя головушки» и ударилъ его о землю, такъ что «на ёмъ да кожа лопнула».

Покончивъ съ царемъ Калиномъ и съ его «силой великою», богатыри пріѣхали въ Кіевъ къ князю Владиміру съ извѣстіемъ объ этомъ. Князь на радостяхъ устроилъ для удалыхъ молодцовъ «столованье почестенъ пиръ». Народъ также не былъ забытъ: для него, по приказанію князя, были открыты всѣ «кабаки-конторы», и каждый могъ пить, что пожелаетъ — вино, пиво или медъ, и веселиться [1]).

По другому пересказу [2]), когда богатыри русскіе отказались защищать стольный градъ Кіевъ, и когда князь Владиміръ вторично обратился съ воззваніемъ о помощи къ русскимъ богатырямъ, на этотъ зовъ откликается «младъ Ермакъ Тимоѳеевичъ», и вотъ:

«Идетъ молодецъ по новымъ сѣнямъ,
«Идетъ онъ, будто подпирается,
«Ступененки, мостинки подгибаются»...

Приходитъ Ермакъ и спрашиваетъ Владиміра:

«Ай же ты, мой любимый дяденька!
«А чего кричишь, тревожишься?»

Князь объясняетъ Ермаку, что «на славный на Кіевъ градъ наѣхалъ собака сударь Калинъ-царь».

Младой Ермакъ говоритъ князю:

«Ай же ты, любимый мой дяденька!
«Я могу служить-стоять за стольный Кіевъ градъ.
«А есть ли у тебя латы-кольчуга въ сорокъ пудъ,
«Есть ли палица мнѣ въ сорокъ пудъ,
«А есть ли мнѣ добрый конь
«Возить удалаго добра молодца?»

---

[1]) Гильфердингъ. Онежскія былины. № 69, столбцы 372—384.
[2]) Рыбниковъ. Пѣсни. Часть I. Былина № 19, стр. 97—106.

Владиміръ относится съ недовѣріемъ къ словамъ Ермака и говоритъ ему, что онъ — «дитя захвастливо, заносливо, — заносливо дитя, неразумое». Богатырь настаиваетъ на своей просьбѣ и, чтобы отправиться въ походъ противъ царя Калина, проситъ князя только дать ему палицу, латы-кольчугу и коня богатырскаго.

Наконецъ, Владиміръ соглашается принять услугу Ермака и предоставляетъ ему коня и все богатырское вооруженіе. Богатырь выбралъ себѣ коня «по люби», «облатился молодецъ, окольчужился», «а латы-кольчуга призаржавѣли», но Ермакъ ударилъ ихъ о кирпичный полъ, и «слетѣла ржа отъ латъ-кольчуги».

Ѣдетъ Ермакъ по чистому полю, а на полѣ собралось тридцать богатырей безъ одного [1]), сидятъ молодцы въ бѣлополотняномъ шатрѣ, сидятъ и забавляются, «играютъ въ шашки-шахматы, во тыи велеи золоченыя»; самъ Илья Муромецъ спитъ на кровати «рыбій зубъ», подъ собольимъ одѣяльцемъ [2]). Пришелъ Ермакъ къ богатырямъ и «закричалъ во всю голову», обращаясь къ старому казаку Ильѣ:

«Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
«Спишь, молодецъ, прохлаждаешься,
«Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
«На наше на село на прекрасное,
«На славенъ на Кіевъ градъ
«Наѣхалъ собака сударь Калинъ-царь».

Илья, проснувшись, посылаетъ Ермака на какую-то высокую гору посмотрѣть «въ трубочку подзорнюю» на силу татарскую, чтобы рѣшить: «многимъ ли молодцамъ ѣхати, а двумъ ли, тремъ ли молодцамъ ѣхати, али всѣмъ русскіимъ богатырямъ».

Поѣхалъ Ермакъ посмотрѣть на силу татарскую и видитъ: эта сила такъ велика, что мать сыра-земля колеблется, погибается; нигдѣ конца не видно силѣ татарской, такъ что «померкло солнышко красное отъ того отъ пару отъ татарскаго». «Разгорѣлось сердце богатырское» у Ермака, «заѣхалъ молодецъ во середочку» силы и «началъ онъ силушку охаживать»:

«Куды махнетъ палицей, туды улица,
«Перемахнетъ — переулочекъ».

Бьется Ермакъ съ татарской силой день, другой и третій день; самъ богатырь ничего не ѣстъ, не пьетъ и коню отдыха не даетъ. Между тѣмъ Илья Муромецъ, спохватившись, что Ермакъ такъ долго не возвращается, спрашиваетъ своихъ товарищей-богатырей:

---

[1]) Гильфердингъ. Онежскія былины. № 138, столбцы 704—711: богатыри собрались на полѣ, на заставѣ великой, только въ числѣ двѣнадцати.

[2]) Ibidem: богатыри раскинули свои шатры и отдыхали у дуба Невида, у креста Леванидова, у бѣлаго камня Олатыря.

Ibidem, былина № 92, столбецъ 558: богатыри собирались на Елескинѣ полѣ, у сыра дуба Невида, у камня Латыря.

«Пріѣзжалъ ли Ермакъ Тимоѳеевичъ со тоя горы со высокія?». Богатыри отвѣчаютъ, что Ермакъ не пріѣзжалъ. Тогда Илья съ укоризной говоритъ своимъ товарищамъ: «Ахъ вы, дурни, русскіе богатыри! погубили вы головку наилучшую: бьется тамъ Ермакъ— пересядется!». Затѣмъ богатыри осѣдлали коней (стала мать сыра-земля подрагивать), пріѣхали къ силѣ татарской; оказалось, что этой силы такое множество, что богатырямъ совсѣмъ не видно сражающагося съ ней Ермака. Илья Муромецъ посылаетъ своихъ товарищей отыскивать Ермака «по крайчикамъ» силы, а самъ ѣдетъ «по середочкѣ искать млада Ермака Тимоѳеевича». А Ермакъ, между тѣмъ, не переставая, разъѣзжаетъ по силѣ татарской:

«Куды махнетъ палицей, туды улица,
«Перемахнетъ — переулочекъ».

Наконецъ, Илья отыскалъ Ермака, слѣзъ со своего коня, вскочилъ къ Ермаку на коня, схватилъ богатыря за могучія плечи и закричалъ ему во всю голову: «Ахъ ты, младъ Ермакъ Тимоѳеевичъ! укроти свое сердце богатырское, а мы нонь за тебя поработаемъ: ты бьешься, Ермакъ, самъ пересядешься!» И младой Ермакъ послушался Ильи Муромца, укротилъ свое сердце богатырское, а богатыри, съ Ильей Муромцемъ во главѣ, сдѣлали свое дѣло: «прибили они всю силу въ три часа», такъ что не оставили въ живыхъ ни одного татарина. Съ царемъ Калиномъ расправился самъ Илья Муромецъ.

По третьему пересказу былины[1]), дѣло происходило нѣсколько иначе. Когда Дунаюшка Ивановичъ отправился съ подарками къ царю Калину просить срока на три мѣсяца, чтобы «съ силой поисправиться», въ это время къ князю Владиміру является послѣ «тихаго Дунаюшки Ивановича» другой молодецъ — Ермакъ Тимоѳеевичъ[2]). Приходитъ Ермакъ, «крестъ онъ кладетъ írописаному, поклонъ ведетъ поученому», кланяется князю Владиміру и «всѣмъ его князьямъ подколѣннымъ»; затѣмъ обращается къ Владиміру:

«Дядюшка Владиміръ, князь стольно-кіевскій!
«Дай-ка мнѣ прощеньице-благословеньице
«Повыѣхать въ раздольице чисто поле,
«Поотвѣдать мнѣ-ка силушки поганаго».

Князь отказывается дать Ермаку «прощеньице-благословеньице повыѣхать въ раздольице чисто поле». «Ты, Ермакъ, младешенекъ,—говоритъ Владиміръ молодцу:—младешенекъ, Ермакъ, глу-

---

[1]) Рыбниковъ. Пѣсни. Часть I. Былина № 20, стр. 106—114.

[2]) По одному варіанту былины (Гильфердингъ. Онежскія былины. № 105, столбцы 599—603), раньше Ермака Тимоѳеевича ко князю Владиміру приходитъ Илья Муромецъ, который и отправился съ подарками къ царю Калину просить сроку на три мѣсяца, а не Дунаюшка Ивановичъ.

пешенекъ, молодой Ермакъ, ты лѣтъ двѣнадцати[1]), на добромъ конѣ ты не ѣзживалъ, въ кованомъ сѣдлѣ ты не сиживалъ, да и палицы въ рукахъ не держивалъ, ты не знаешь споноровки богатырскія». Послѣ этого богатырь проситъ у Владиміра «прощеньица-благословеньица» только посмотрѣть на силу поганую; Ермакъ обращается къ своему дядюшкѣ Владиміру съ такими словами:

«Ай же ты, дядюшка мой рòдныій,
«Владиміръ, князь стольно-кіевскій!
«Когда не дашь мнѣ прощеньица-благословеньица
«Повыѣхать въ раздольице чисто поле,
«Поотвѣдать силушки поганаго,
«Такъ дай-ка мнѣ прощеньице-благословеньице
«Повыѣхать въ раздольице чисто поле,
«Посмотрѣть столько на силушку поганую».

Князь далъ прощеньице-благословеньице Ермаку посмотрѣть на силушку поганую, и богатырь сталъ снаряжаться въ эту поѣздку[2]). Ермакъ надѣвалъ «одежицу забранную», «сѣдлалъ добра коня богатырскаго, засѣдлывалъ коня, улаживалъ, покладалъ онъ потничекъ шелковенькій, полагалъ на потничекъ сѣделышко черкасское, подтянулъ подпружики шелковыя, полагалъ стремяночки желѣза булатняго, пряжечки полагалъ чиста золота, не для красы, Ермакъ, для угожества, а для-ради укрѣпы богатырскія: подпруги шелковыя тянутся,—онѣ нѐ рвутся; стремяночки желѣза булатняго гнутся,—они не ломятся; пряжечки красна золота—онѣ мокнуть, не ржавѣютъ». Садится богатырь на коня, беретъ съ собой «палицу булатнюю» и «вострое копье муржамецкое». Снарядившись такимъ образомъ, Ермакъ выѣхалъ въ чистое поле посмотрѣть на силушку поганую и видитъ:

«Нагнано-то силушки чернымъ черно,
«Чернымъ черно, какъ чернаго ворона;
«И не можетъ пропекать красное солнышко
«Между паромъ лошадинымъ и человѣческимъ;
«Вёшніимъ долгіимъ денечкомъ
«Сѣрому звѣрю вокругъ не обрыскати,
«Меженныимъ долгіимъ денечкомъ
«Черну ворону этой силы не облаяти,
«Осенніимъ долгіимъ денечкомъ
«Сѣрой птицѣ вокругъ не òблетѣть».

Богатырь не испугался силы, въѣхалъ въ нее и сталъ колоть ее копьемъ и топтать конемъ. Бьется Ермакъ съ силой по-

---

[1]) По варіанту былины (Гильфердингъ. Онежскія былины. № 121, столбцы 655—659), князь называетъ Ермака юношею «отъ роду семнадцати лѣтъ».

[2]) По былинѣ у Гильфердинга (№ 105, ст. 601), Ермакъ проситъ у князя прощеньица-благословеньица повыѣхать на гору Латынскую, «гди свои воины тридцать безъ воина стоитъ».

ганой, ни на минуту не останавливаясь, не давая отдыха ни самому себѣ, ни своему богатырскому коню, оставаясь впродолженіе цѣлыхъ сутокъ безъ ѣды, безъ питья; но Ермакъ нисколько не ослабѣлъ, а татарской силы въ полѣ стало меньше [1]).

Въ то время, какъ Ермакъ бьется съ поганой силой,—одиннадцать богатырей русскихъ, съ Ильей Муромцемъ во главѣ, остаются на Московской заставѣ, на славной, на высокой Скатъ-горѣ [2]). «Думаемъ мы думушку великую, — говоритъ Илья Муромецъ своимъ крестовымъ братцамъ, славнымъ богатырямъ святорусскимъ,— какъ намъ приступить къ эвтой силушкѣ поганаго, а молодой Ермакъ Тимоѳеевичъ бьется онъ цѣлыя суточки, не ѣдаючись и не пиваючись, и добру коню отдŷху не даваючись». Затѣмъ Илья обращается къ Алешѣ Поповичу и посылаетъ его удержать Ермака отъ дальнѣйшей битвы съ силой. Поѣхалъ Алеша укрощать Ермака, наложилъ на его «плечики могучія» «храпы крѣпкіе», но нашъ богатырь оборвалъ трои храпы. Возвращается Алеша на Скатъ-гору, къ богатырямъ, и заявляетъ Ильѣ Муромцу, что «не могъ пріунять богатыря святорусскаго и не могъ укротить его силушки великія». Тогда Илья посылаетъ для укрощенія Ермака Добрыню Микитинца, но и этотъ богатырь, не справившись съ младымъ Ермакомъ, возвращается на Скатъ-гору. Пришлось, наконецъ, самому Ильѣ отправиться къ Ермаку, и вотъ Илья Муромецъ подъѣхалъ къ «богатырю святорусскому», наложилъ «свои храпы крѣпкіе» на его «плечики могучія», «прижималъ его къ своему ретивому сердечушку» и говорилъ ему:

«Ай же, младъ Ермакъ Тимоѳеевичъ!
«Ты, Ермакъ, повавтракалъ,
«Оставь-ка намъ пообѣдати,
«Прикроти-тко свою силушку великую».

Но въ концѣ концовъ вотъ что произошло:

«Тутъ молодой Ермакъ Тимоѳеевичъ,
«Со этыихъ побоевъ со великіихъ,
«Со этыихъ съ ударовъ со тяжелыихъ,
«Кровь-то въ немъ была очень млàдая,
«Тутъ молодой Ермакъ—онъ преставился».

---

[1]) По варіанту былины, напечатанному въ сборникѣ Гильфердинга (№ 105, столбецъ 601), когда Ермакъ выѣхалъ въ чистое поле, ему «пришло двѣ путидороженьки: одна на гору ту Латынскую, а другая къ царю Калину въ чисто поле». Ермакъ, по словамъ былины, «перекрестилъ свои глаза да на востокъ идти», причемъ богатырь разсуждалъ: «Не поѣду я на гору на Латынскую, а поѣду я во силу во поганую, попробую я своихъ плечъ богатырскіихъ, храбрости своея молодецкоей». Затѣмъ онъ приближается къ силѣ царя Калина; былина такъ изображаетъ начало битвы богатыря съ татарами: «Не ясёнъ соколъ напускается на гусей, лебедей, на сѣрыихъ малыихъ уточекъ, на татаръ да на поганыихъ напущается Ермакъ Тимоѳеевичъ. Ѣдетъ онъ —улицà валитъ, свёркнетъ—переулочкой».

[2]) По варіанту былины, помѣщенному въ сборникѣ «Онежскихъ былинъ» Гильфердинга (№ 105, столбцы 599—603), гора называется Латынской.

Послѣ этого Илья возвращается на Скатъ-гору, беретъ съ собой богатырей и разгоняетъ, при ихъ помощи, «литву поганую» [1]).

По другому пересказу былины «объ Ильѣ Муромцѣ и Ермакѣ Тимоѳеевичѣ», въ основныхъ чертахъ сходному съ вышеизложеннымъ, Ермакъ, не смотря на рѣшительный отказъ дяденьки Владиміра дать своему племяннику «прощеньице-благословеньице изъ города изъ Кіева повыѣхать», всетаки уѣхалъ изъ Кіева и прибылъ на Елискино поле, къ дубу Невиду, къ камню Латырю, гдѣ собрались русскіе могучіе богатыри. Отсюда богатыри послали Ермака посмотрѣть на «силу—войско татарское». Нашъ богатырь, вмѣсто того, чтобы только посмотрѣть на силу татарскую, вступилъ съ нею въ бой. Алеша Поповичъ и Добрыня Никитичъ ѣздили укрощать Ермака «баграмы желѣзныма», и богатырь былъ укрощенъ [2]). Что̀ было далѣе,—неизвѣстно, такъ какъ пѣвецъ (сказитель) не могъ передать конецъ пѣсни собирателю Рыбникову. Въ другихъ разнорѣчіяхъ этой былины, по словамъ собирателя былинъ Рыбникова, бой съ силой татарской оканчивается смертью Ермака: отъ истощенія силъ онъ надорвался [3]).

Въ сборникѣ «Онежскихъ былинъ» А. Ѳ. Гильфердинга находится былина объ Ильѣ Муромцѣ и царѣ Калинѣ, гдѣ роль Ермака отмѣчается нѣкоторыми оригинальными чертами, дополняющими характеристику эпической личности нашего богатыря. Богатырская дѣятельность Ермака по этой былинѣ рисуется въ слѣдующемъ видѣ [4]).

Когда всѣ богатыри выѣхали изъ Кіева, князь Владиміръ закручинился и сталъ жаловаться, что «у стольняго у города у Кіева хлѣба трёснуть-ѣсть ѐ кому, а за Кіевъ градъ по̀стоять некому». Тутъ какъ разъ появляется нашъ младой Ермакъ Тимоѳеевичъ, который «повыскочилъ зъ-за тыхъ зъ-за бочекъ зъ-за винныихъ» и говоритъ князю:

«Солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
«Ай ты, мой крестный батюшко!
«Дай-ко мнѣ коня богатырскаго,
«Поѣду въ да̀лече во чисто̀ поле,
«На эту на за̀ставу великую».

---

[1]) По варіанту этой былины, помѣщенному въ сборникѣ «Онежскихъ былинъ» Гильфердинга (№ 105, столбцы 599—603), Ермака Тимоѳеевича не могъ укротить даже самъ старый казакъ Илья Муромецъ, и Ильѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ только сражаться вмѣстѣ съ Ермакомъ Тимоѳеевичемъ противъ царя Калина и его силы татарской. Богатыри прогнали Калина, затѣмъ отправились въ Кіевъ ко князю Владиміру, который встрѣтилъ богатырей «со радостію и веселіемъ», «а въ особину мла̀да Ермака да Тимоѳеевича».

[2]) Рыбниковъ. Пѣсни. Часть I. Былина № 21, стр. 114—118. Гильфердингъ. «Онежскія былины». № 92, столбцы 556—559.

[3]) Рыбниковъ. Пѣсни. Часть I. Легенда къ былинѣ № 21, стр. 114—118.

[4]) Гильфердингъ. «Онежскія былины». № 138, столбцы 704—711.

Князь, по обыкновенію, не довѣряетъ богатырской удали Ермака: «Ты, младой вьюношъ, — говоритъ Владиміръ, — перервешься, не будешь впередъ ты богатыремъ». Ермакъ, тоже по обыкновенію, оказывается настойчивымъ и заявляетъ князю категорически:

«Дашь коня, крестный батюшка,—
«Я поѣду въ чистó поле;
«А не дашь коня, я пѣшомъ пойду».

Ермакъ всетаки выпросилъ у князя коня; вскочилъ богатырь на коня «не на сѣдланаго, не на узданаго» и быстро поскакалъ въ поле: «одна курева стоитъ во чистомъ поли отъ копытъ отъ лошадиныихъ». «Пріѣхалъ Ермакъ на заставу великую къ тому къ дубу ко Невиду, къ тому кресту Леванидову, къ бѣлому каменю къ Олатырю, оставилъ коня непривязанаго». Входитъ богатырь въ бѣлъ шатеръ къ Ильѣ, у котораго сидятъ двѣнадцать богатырей и играютъ «въ шашки—въ шахматы заморскіи». Первомъ дѣломъ Ермакъ упрекаетъ богатырей: «Во томъ во городѣ Кіевѣ хлѣба трѐснуть-ѣсть ѐ кому, а за Кіевъ градъ пóстоять некому». Въ отвѣтъ на это, Илья посылаетъ нашего богатыря на сырой дубъ и велитъ ему сосчитать силу по знаменью (знаменамъ) и посмотрѣть: «ужо ли сила на ходъ пошла». Ермакъ увидѣлъ, что сила на ходъ пошла, слѣзъ съ дуба и «съѣхалъ въ силу великую». А богатыри, между тѣмъ, все посиживаютъ въ бѣломъ шатрѣ. Наконецъ, Илья говоритъ Добрынѣ: «Сходи-ко, Добрыня, во сырой дубъ: не упалъ ли Ермакъ со сырà дуба?» Взлѣзъ Добрыня на сырой дубъ, поглядѣлъ на силу великую и видитъ: «тамъ не ясный соколъ полетываетъ, не черный воронъ попурхиваетъ, поскакиваетъ удàлой добрый молодецъ, младый Ермакъ Тимоѳеевичъ». Добрыня возвращается въ бѣлый шатеръ къ Ильѣ и доноситъ ему о видѣнномъ. Илья, получивъ извѣстіе о томъ, что Ермакъ бьется съ татарской силой, обращается къ богатырямъ съ рѣчью:

«Вы, русскіе могучіе богатыри!
«Садитесь, богатыри, на добрыхъ коней,
«Поѣзжайте въ силу великую,
«Берите храпы желѣзныи,
«Младому Ермаку Тимоѳеевичу
«Накидывайте на плечи могутніи,
«Пословесно его уговаривайте:
«Ты сегодня позавтракалъ,
«Дай ты намъ хоть пообѣдати».

Богатыри взяли желѣзные храпы (по одному варіанту, багры), накидывали ихъ на могучія плечи Ермаку и уговаривали его прекратить битву:

«Младой вьюношъ, перервешься,
«Не будешь впредь богатыремъ.
«Ай ты, младый Ермакъ Тимоѳеевичъ!
«Дай намъ хоть пообѣдати».

Богатыри укротили Ермака и вывели его изъ силы татарской. Затѣмъ они напали на татаръ съ разныхъ сторонъ — отъ Новагорода, Бѣлаозера, Кіева, Еросблима, и прибили всю силу великую. Наконецъ, богатыри съѣхались въ одно мѣсто и стали хвастать:

«Кабы была на небо лѣстница,
«Мы прибили бы всю силу небесную».

Послѣ этого, убьютъ богатыри одного татарина — вмѣсто него явится два, да три. И прибились, примучились русскіе могучіе богатыри и одинъ другаго прикололи, прирѣзали: не осталось на Руси богатырей,— остался только одинъ младой Ермакъ Тимоѳеевичъ. Послѣ такого финала, Ермакъ пріѣхалъ въ Кіевъ къ «ласкову князю Владиміру». Князь встрѣтилъ молодаго богатыря такою рѣчью:

«Ай ты, любимый мой крестничекъ!
«Чѣмъ тебя нынь мнѣ пожаловать?
«Мызами тебя, али дачами,
«Али жаловать тебя золотой казной?»

Младой Ермакъ Тимоѳеевичъ готовъ довольствоваться очень скромной наградой, онъ заявляетъ князю:

«Ай ты, крёстный мой батюшка!
«Тымъ только меня пожалуйте:
«Въ кажномъ царевомъ кàбакѣ
«Пить пивцё—винцё безденежно».

Въ сборникѣ Гильфердинга есть еще одна былина, подъ названіемъ «Илья Муромецъ и Калинъ-царь», которая, за небольшими исключеніями, сходна съ вышеизложенными былинами. По этой былинѣ [1]), когда всѣ богатыри уѣхали изъ Кіева въ чистое поле, гдѣ они расположились въ бѣлыхъ шатрахъ, приходитъ ко Владиміру нашъ Ермакъ; «онъ крестъ кладетъ railописаному, поклонъ ведетъ поученому, и на двѣ, на три, на четыре стороны поклоняется» и говоритъ князю:

«Ты, солнышко Владиміръ, князь стольне-кіевской!
«Ты дай-ко мнѣ прощеньице,
«Дай-ко мнѣ благословеньице—
«Да поѣхать къ этыимъ татарамъ ко поганыимъ,
«Да на это ли на поле да на чистое.
«Надо намъ тамъ биться да ратиться,
«Да стоять ли-то за стольный Кіевъ градъ,
«За свое ли за рòдное отечество,
«За тую ли вѣру христіанскую».

Князь не считаетъ Ермака способнымъ защитить Кіевъ и называетъ его «вьюношемъ отъ роду семнадцати лѣтъ»; но богатырь рѣшительно заявляетъ:

[1]) Гильфердингъ. «Онежскія былины». № 121, столбцы 655—659.

«Солнышко Владиміръ-князь,
«Владиміръ, князь стольне-кіевской!
«Да ты дашь ли прощеньице—поѣду,
«А не дашь ли благословенья—поѣду».

Князь, игнорируя энергическое заявленіе Ермака, обращаетъ разговоръ къ другому предмету и спрашиваетъ богатыря: «Да гдѣ же твой рòдной батюшко?» Ермакъ отвѣчаетъ:

«Мой-то рòдной батюшко ушолъ къ Герману-Сергію,
«Въ старци ушолъ постригатися,
«А я поѣду ко татарамъ ко поганымъ,
«Надо мнѣ тамъ биться-ратиться,
«А стоять-то за стольный Кіевъ градъ,
«За свое ли за рòдное отечество».

Ермакъ выѣхалъ въ поле, «и палицей булатнею поигрываетъ, а палицу булатнюю выкидываетъ, и палицу выкидываетъ подъ облаки, а палица булатняя сорока пудовъ». Нашъ богатырь пріѣхалъ къ бѣлымъ шатрамъ, гдѣ нашелъ Илью Муромца. Илья посылаетъ молодаго богатыря посмотрѣть съ «дуба широкаго», много ли татаръ у царя Калина. Этотъ царь съ громадной силой расположился у рѣки Смородины, у дуба широкаго, у камня Олатыря; привелъ съ собой Калинъ «сорокъ царей, сорокъ царевичей и сорокъ королей, королевичей; у царей силы по цѣлой есть по тысячѣ, а у королей по десяти тысячъ». Посмотрѣлъ Ермакъ съ дуба на эту силу татарскую «во трубку подзорнюю» и увидѣлъ «много множество татаръ да поганыихъ»:

«Вѣдь сѣрому-то волку въ день-то не òскакать,
«Черному ворону въ день не òблетѣть».

Затѣмъ Ермакъ спустился съ дуба и говоритъ богатырямъ:

«Русскіе, вы, могучіе богатыри,
«Ай же, вы, поляницы да удалыи!
«Не честь е вамъ—конямъ богатырскіимъ
«Въ шатрахъ да бѣлодýбовыхъ
«А ѣсть-то имъ пшёнý да бѣлоярову».

Сказавъ это какъ бы въ видѣ упрека бездѣйствующимъ богатырямъ, Ермакъ поѣхалъ на чистое поле къ татарамъ. Самъ Илья Муромецъ также съ дуба посмотрѣлъ въ трубку подзорную на войско татарское и также убѣдился, что татаръ—несмѣтное число. Вслѣдъ за Ермакомъ, Илья, вооружившись палицей вѣсомъ въ сорокъ пудовъ, также отправился въ поле къ татарамъ. И стали богатыри рубить поганыхъ татаръ, и прирубили ихъ всѣхъ. «Разгорѣлися сердца богатырскія, расходились жилы богатырскія», возъимѣлъ Илья дерзкую мысль:

«Какъ явилась бы тутъ сила небесная,
«Прирубили бы мы силу всю небесную!»

Послѣ этого, какъ разрубятъ богатыри одного татарина, сдѣлается два; разрубятъ двухъ—изъ нихъ сдѣлается четыре. Изнемогъ Илья въ борьбѣ съ татарами, «пересѣлся», и сдѣлались мощи святыя Ильи Муромца, а конь его окаменѣлъ. Что сталось при этомъ съ Ермакомъ, въ былинѣ не объяснено.

Кромѣ всѣхъ этихъ былинъ, воспѣвающихъ подвиги Ильи Муромца и Ермака въ борьбѣ съ царемъ Калиномъ, Кирѣевскимъ записана былина о битвахъ русскихъ богатырей съ царемъ Мамаемъ и Бабищей Мамаишной [1]). По этой былинѣ, въ числѣ борцовъ за Русь младой Ермакъ Тимоѳеевичъ является также дѣятельнымъ лицомъ: онъ защищаетъ Кіевъ и князя Владиміра отъ Мамая и показываетъ свою богатырскую удаль въ борьбѣ съ Бабищей Мамаишной.

Въ Кіевѣ, у князя Владиміра, собрались «думушку думати» князья, бояре и могучіе богатыри: на Кіевъ наступаетъ царь Мамай со своею невѣрною силой. Князь Владиміръ спрашиваетъ собравшихся: «Ишшо какъ-то намъ будетъ воеваться съ нимъ?» Князья и бояре совѣтуютъ строить стѣну вокругъ Кіева. Но Илья Муромецъ того мнѣнія, что нужно послать гонца къ царю Мамаю и просить у него сроку (перемирія) на три мѣсяца, «чтобы силой намъ,— говоритъ Илья, — поисправиться, а могучимъ богатырямъ посъѣхаться». Посланы были дары. Мамай далъ сроку на три мѣсяца, а Илья отправился на Куликово поле за русскими богатырями, которые всѣ тамъ были въ сборѣ, сидѣли въ бѣломъ шатрѣ и пировали. Однако, Илья Муромецъ, вмѣсто того, чтобы вести богатырей на помощь Кіеву, самъ остался у нихъ; не могъ онъ отказаться отъ угощенія богатырскаго: съ пріѣзду выпилъ онъ, по просьбѣ богатырей, «чару зелена вина въ полтора ведра»; затѣмъ Ильѣ предложили выпить другую чару; онъ и ее выпилъ, и съ этой второй чары богатыря хмель зашибъ. Захмелѣвъ, Илья легъ спать въ бѣломъ шатрѣ, но богатырскій сонъ не коротокъ— по двѣнадцати дней:

«А Владиміръ князь Илью ждетъ-пождетъ,
«Илью ждетъ-пождетъ и не дождется».

Наконецъ, князь Владиміръ посылаетъ къ Ильѣ своего племянника, молодаго Ермака Тимоѳеевича. Пріѣхалъ Ермакъ на Куликово поле и, «отмахивая плетовищемъ моложавымъ по бѣлу шатру богатырскому», сталъ говорить богатырямъ:

«Ахъ вы гой еси, могучіе богатыри,
«Алеша Поповичъ, Самсонъ богатырь,
«Святогоръ богатырь, Донъ Ивановичъ,
«Что Иванъ Колывановичъ!

---

[1]) Кирѣевскій. Пѣсни. Изданіе 2-е. Выпускъ 1. Былина № 1, стр. 58 - 66.

«Проситъ васъ Володиміръ князь
«Во Кіевъ градъ на выручку:
«Наступаетъ на Кіевъ царь Мамай
«Со своею силою невѣрною!»

Богатыри, въ отвѣтъ на это приглашеніе, просятъ Ермака «испить чару зелена вина въ полтора ведра». Но молодой богатырь не послѣдовалъ примѣру своего дядюшки, стараго казака Ильи Муромца, и сказалъ пирующимъ:

«Если выпить, какъ мой дядюшка,
«Что старый казакъ Илья Муромецъ,
«Такъ намъ не къ чему будетъ и пріѣхати».

Затѣмъ, Ермакъ оставляетъ богатырей и ѣдетъ въ Кіевъ, но Кіевъ теперь окруженъ «чужой силой», такъ что богатырю нельзя было въѣхать въ городъ. Ермакъ взобрался на крутую гору:

«И сталъ онъ силу посмѣчивать,
«Что посмѣчивать сталъ, посписывать:
«А силы-то было видимо не видимо,
«Ни смѣтить силы, ни списать нельзя».

Кромѣ этой несмѣтной силы, тутъ было тридевять вражескихъ богатырей: девять сыновей, девять дочерей да девять зятевьевъ Мамаевыхъ, а надъ всѣми набольшій царь Мамай. «Видитъ Ермакъ — дѣлать нечего: поскакалъ онъ въ силу со крутой горы, сталъ помахивать своей палицей, а палица-то въ двѣнадцать пудъ»:

«Куды ей махнетъ, тамъ и улица,
«А отмахнетъ — переулочекъ».

Бился нашъ богатырь съ силой ровно двѣнадцать дней, «побилъ онъ силы Мамаевой безъ счету, а силы все, кажись, не убыло, а Ермакъ изъ силы выбился». Богатырь въѣзжаетъ на крутую гору, раскидываетъ бѣлый шатеръ и хочетъ отдохнуть, какъ вдругъ видитъ: ѣдутъ по полю тридевять русскихъ богатырей, а впереди всѣхъ — старый казакъ Илья Муромецъ. Подъѣзжаютъ богатыри ко крутой горѣ, гдѣ отдыхаетъ Ермакъ, и говорятъ ему: «Помогай тѣ, Богъ, молодой Ермакъ, молодой Ермакъ Тимоѳеевичъ, побивать силу невѣрную!» Однако, нашъ богатырь уже утомился, и самъ дядюшка Илья Муромецъ даетъ ему совѣтъ отдохнуть: «Отдыхай теперь, молодой Ермакъ, молодой Ермакъ Тимоѳеевичъ», — говоритъ онъ. Послѣ этого, Илья сталъ разсылать богатырей въ разныя стороны побивать силу невѣрную: однихъ онъ послалъ къ синему морю, другихъ — въ поле, третьихъ — къ Почапъ-рѣкѣ удерживать татаръ, «чтобы въ нашу воду не бросалися, чтобы нашу воду не поганили». Сражались богатыри съ силой двѣнадцать дней и прибили всю силу невѣрную, въ томъ числѣ умертвили и самого царя Мамая съ его тридевятью богатырями. Рас-

правившись съ силой невѣрной, богатыри заѣхали на крутую гору къ Ермаку, взяли его съ собой, и затѣмъ всѣ направились въ Кіевъ, ко князю Владиміру. Князь встрѣтилъ ихъ съ честью, устроилъ пиръ, на который были созваны князья, бояре и всѣ могучіе богатыри. «И гуляли,—говорится въ былинѣ,—всѣ, веселилися немного, немало—ровно тридцать дней».

Отпировавъ и повеселившись, богатыри отправились опять на Куликово поле. «Вѣдь въ Кіевѣ-то нельзя имъ жить,—объясняется въ былинѣ:—разгуляются, распотѣшатся, станутъ всѣхъ толкать; а такія потѣхи богатырскія народу было не вытерпѣть: котораго толкнутъ,— тому смерть, да смерть». Богатыри, отправляясь на Куликово поле, просили князя отпустить съ ними также Илью Муромца и молодаго Ермака Тимоѳеевича, на что и дано было позволеніе. Богатырямъ хотѣлось «погулять въ полѣ, потѣшиться, богатырской удалью похвастаться». Пріѣхавъ на Куликово поле, богатыри раскинули бѣлые шатры и стали «пить, гулять и тѣшиться, богатырской удалью хвастатись», какъ вдругъ прискакала на то же Куликово поле Бабища Мамаишна. «Головища у бабы—съ доіцанище, а глазищи-то съ пивны корцы»,—говорится въ былинѣ. И повела баба такую рѣчь къ богатырямъ: «Гой еси вы, тридевять богатырей! побили вы нашу всю силу, всю силу Мамаеву; побили вы тридевять богатырей, которы сыры-матёры дубы изъ земли поволачивали, а кореньемъ кверху помётывали; убили вы моего царя! А счастье было ваше великое, что меня на бою не случилося! Выходите-ко теперь со мной битися! Выходите, поединьщики, по единому, а всѣмъ вамъ вдругъ биться нечестно!» Богатыри призадумались, но Илья Муромецъ не оробѣлъ. «Дайте-ко мнѣ, братцы,—говоритъ онъ,—съ ней расправиться!». Младому Ермаку Тимоѳеевичу обиднымъ показалось, что самъ Илья идетъ съ бабой биться. «Дайте-ко мнѣ, братцы,—заявляетъ Ермакъ,—сперва развѣдаться, а пробьюсь я съ ней двѣнадцать дней, пріѣзжайте меня провѣдати». И поѣхалъ нашъ богатырь въ чистое поле биться съ Бабищей Мамаишной. Ударились они сначала палицами, и приломали свои палицы; стали биться копьями, и приломали свои копья; затѣмъ сошли богатыри съ коней и вступили въ кулачный бой; бьются они уже двѣнадцать дней, поизмучился молодой Ермакъ Тимоѳеевичъ: стала Бабища одолѣвать его. Въ это время пріѣхалъ на поле битвы Илья Муромецъ попровѣдать Ермака. «Тебѣ Богъ помочь, молодой Ермакъ, молодой Ермакъ Тимоѳеевичъ!»—говоритъ дядюшка своему племяннику. «Ахъ ты, дядюшка Илья Муромецъ!—жалуется Ермакъ Тимоѳеевичъ:—приходитъ мнѣ скорая смерть, что отъ Бабищи отъ Мамаишны!» Старый казакъ Илья Муромецъ даетъ молодому Ермаку спасительный совѣтъ: «Молодой, ты, Ермакъ Тимоѳеевичъ!—говоритъ онъ,—видно, бабьей ухватки не знаешь ты?

Ты бери-ко ее за бѣлы груди, развернись да ударь о сыру землю!» Ермакъ сдѣлалъ такъ, какъ совѣтовалъ ему дяденька Илья Муромецъ, и убилъ Бабищу Мамаишну. Послѣ этого богатыри возвратились къ своимъ товарищамъ въ бѣлъ шатеръ и стали «пиръ вести, потѣшатися».

Изъ всѣхъ вышеизложенныхъ былинъ можно видѣть, какой полный жизни и привлекательности эпическій образъ Ермака созданъ народной фантазіей. Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какое значеніе можно придавать тому факту, что народныя былины ввели нашего Ермака въ семью древнихъ русскихъ могучихъ богатырей и дали ему видную роль среди нихъ.

Ермакъ въ былинахъ, гдѣ онъ дѣйствуетъ вмѣстѣ съ Ильей Муромцемъ, совсѣмъ не походитъ не только на историческаго (лѣтописнаго) Ермака, но и на того храбраго атамана, который воспѣвается въ историческихъ пѣсняхъ, разсмотрѣнныхъ нами въ особыхъ очеркахъ [1]). Ермакъ въ былинахъ ни по времени, ни по мѣсту, ни по средѣ его эпической дѣятельности не напоминаетъ намъ славнаго завоевателя Кучумова царства. Одно только имя «Ермакъ Тимоѳеевичъ», да еще то, что Ермакъ въ былинахъ сражается съ татарами, можетъ привесть намъ на память историческую личность покорителя татарскаго царства.

Въ былинахъ, воспѣвающихъ богатырскіе подвиги нашего Ермака, по замѣчанію О. Ѳ. Миллера, «самъ вѣчно-юный духомъ, не смотря на свою старость эпическую, глава богатырской дружины Илья Муромецъ является утомившимся, впавшимъ въ безпечность, тяжелѣющимъ на подъемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и замѣняемымъ въ свою очередь юнымъ богатыремъ, получающимъ историческое, къ поздней московской порѣ относящееся имя Ермака (притомъ даже Тимоѳеевича)» [2]). Въ былинахъ нашъ Ермакъ считается «вьюношемъ» двѣнадцати или семнадцати лѣтъ; онъ является энергичнымъ, дѣятельнымъ, рвущимся въ бой, между тѣмъ какъ Илья не отказывается иногда выпить вина и отдохнуть. Напримѣръ, когда Илья пріѣхалъ звать тридевять русскихъ богатырей для защиты Кіева, они пригласили Илью зайдти къ нимъ въ шатеръ вина испить; онъ заходитъ, и отъ поднесенной Ильѣ чары его хмель зашибъ. «Уже подобное сильное дѣйствіе на первенствующаго богатыря богатырской чары, — замѣчаетъ О. Ѳ. Миллеръ,—свидѣтельствуетъ, кажется, объ упадкѣ его тѣлесныхъ силъ (или, можетъ быть, это объясняется тѣмъ, что, такъ какъ въ числѣ угощающихъ упомянуты старшіе богатыри — Святогоръ, Сам-

---

[1]) «Ермакъ Тимоѳеевичъ въ историческихъ пѣсняхъ русскаго народа» въ «Сибирскомъ Сборникѣ» за 1886 г., кн. I, стр. 75—92, и кн. II, стр. 44—61.

[2]) Миллеръ, Орестъ. Сравнительно-критическія наблюденія надъ слоевымъ составомъ народнаго русскаго эпоса. Илья Муромецъ и богатырство Кіевское. Спб. 1869. Стр. 697.

сонъ, то и чара Ильѣ, можетъ быть, подана особенная, да и вино, можетъ быть, слишкомъ крѣпкое для богатырей того слѣдующаго поколѣнія, къ которому принадлежитъ Муромецъ» [1]). Приглашенный также испить вина, Ермакъ, въ противоположность Ильѣ Муромцу, отказался и отвѣтилъ богатырямъ: «Если выпить, какъ мой дядюшка, такъ намъ не къ чему будетъ и пріѣхати».

По объясненію О. Ѳ. Миллера, основною чертою нашихъ сказаній про Илью съ Ермакомъ является добровольная замѣна молодымъ богатыремъ стараго, — черта, служащая какъ бы опроверженіемъ тѣхъ словъ, какія говоритъ Илья въ нѣкоторыхъ былинахъ про стояніе на заставѣ: «некѣмъ мнѣ замѣнитися»; и эта черта, по словамъ того же изслѣдователя, оказывается общеэпическою (напримѣръ, она замѣчается въ юго-славянскомъ эпосѣ) [2]). Поэтому «едва ли,—говоритъ О. Ѳ. Миллеръ,—не придется намъ отдать предпочтеніе тому, хотя и единственному, пересказу, въ которомъ Ермакъ является племянникомъ Ильи, передъ тѣмъ, гдѣ онъ племянникъ Владиміра (что̀ могло произойдти чрезъ позднѣйшую примѣсь къ нему положенія Добрыни Никитича). Кромѣ того, едва ли можно считать совершенно случайнымъ то обстоятельство, что какъ въ одной изъ сербскихъ былинъ, такъ и въ германскомъ сказаніи, рвущійся въ бой за другихъ младъ глупешенекъ оказывается вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ эпическихъ бойцовъ съ отцомъ или съ дядею. Не служитъ ли и нашъ Ермакъ Тимоѳеевичъ только позднѣйшею историческою подстановкою вмѣсто того самаго сына Ильи, про бой съ которымъ сохранилось у насъ столько былинъ и трагическаго, и нетрагическаго извода? Если у насъ могли такимъ образомъ сохраниться совмѣстно два совершенно различныхъ вида одного и того же сказанія, то почему бы не могъ существовать и третій (служащій только особымъ видоизмѣненіемъ извода смягченнаго), въ которомъ Сокольничекъ, узнанный и пощаженный отцомъ, оставался бы при немъ, поступалъ бы въ его дружину богатырскую и служилъ бы ему замѣною въ старости? При этомъ онъ, по законамъ эпоса, вполнѣ могъ сохранить за собой навсегда свой двѣнадцатилѣтній возростъ, подобно тому, какъ даже въ лѣтописномъ преданіи княгиня Ольга, не смотря на историческую свою немолодость при принятіи ею христіанства, представляется способною прельстить императора Константина. Что же касается того, что Ермакъ племянникъ Ильѣ, а не сынъ, то это могло произойдти вслѣдствіе самой подстановки вмѣсто Сокольника Ермака, причемъ историческое отчество этого послѣдняго «Тимоѳеевичъ» уже не позволяло ему быть сыномъ Ильи и такимъ образомъ невольно вело къ предпо-

---

[1]) Ibidem, стр. 699.
[2]) Ibidem, стр. 708.

ложенію между ними иного родства, ближайшимъ же послѣ сына оказывается племянникъ» [1]).

Оставляя въ сторонѣ изслѣдованіе эпоса объ Ермакѣ по существу и довольствуясь тѣмъ остроумнымъ объясненіемъ его, какое дается въ почтенномъ трудѣ покойнаго профессора О. Ѳ. Миллера, мы въ настоящемъ очеркѣ желали только обратить вниманіе на фактъ эпическаго появленія сибирскаго завоевателя въ семьѣ древнихъ русскихъ богатырей. Такое народное воззрѣніе на Ермака, извѣстнаго историческаго дѣятеля, представляется для насъ, собственно съ точки зрѣнія исторіи, чрезвычайно интереснымъ и важнымъ. У народа существуетъ свой особый взглядъ на историческихъ героевъ и событія, виновниками которыхъ являются эти герои, — взглядъ, иногда несогласный съ тѣми выводами, къ которымъ приходитъ писанная исторія. Можно сказать, что у народа есть своя книга по исторіи — устная, которая слагается вѣками въ видѣ преданій, былинъ, историческихъ пѣсенъ, поговорокъ и проч. Очевидно, что всѣ подобныя народныя воззрѣнія на замѣчательныя историческія событія и ихъ виновниковъ являются важнымъ матеріаломъ для изслѣдователей минувшихъ судебъ извѣстной страны. Въ данномъ случаѣ нельзя не сдѣлать того главнаго вывода, что русскій народъ, безъ сомнѣнія, по достоинству и вполнѣ оцѣнилъ значеніе Ермака, какъ историческаго героя, какъ покорителя сибирскихъ татаръ, если въ своихъ эпическихъ сказаніяхъ причислилъ Ермака къ разряду могучихъ русскихъ богатырей, сражавшихся за родную землю противъ несмѣтныхъ полчищъ дикихъ кочевниковъ, какъ бы признавая въ то же время, что историческое завоеваніе Сибирскаго царства было также въ своемъ родѣ богатырскимъ подвигомъ Ермака Тимоѳеевича.

А. Оксеновъ.

[1]) Ibidem, стр. 709.

ПИСАТЕЛЬ ДВАДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ.

НЯЗЬ Петръ Андреевичъ Вяземскій, столѣтіе со дня рожденія котораго исполнилось 12-го минувшаго іюля, является однимъ изъ выдающихся и просвѣщеннѣйшихъ дѣятелей русской литературы. Высокообразованный и остроумный писатель, искусный и даровитый стихотворецъ, надѣленный вмѣстѣ съ тѣмъ и недюжинными критическими способностями, человѣкъ наблюдательный, чуткій и отзывчивый, онъ подвизался въ литературѣ втеченіе почти семидесяти лѣтъ, оставивъ послѣ себя обширное и любопытное литературное наслѣдіе. Это наслѣдіе собрано въ одиннадцать томовъ, которые, однако, не исчерпываютъ всего написаннаго княземъ Вяземскимъ, такъ какъ до сихъ поръ въ полномъ собраніи сочиненій не появлялись ни его стихотворенія съ 1863 по 1878 годъ, ни его литературная переписка. Современникъ трехъ царствованій—Александра I, Николая I и Александра II, князь Вяземскій оставался вѣренъ завѣтамъ своихъ славныхъ друзей, внимательно слѣдя вмѣстѣ съ тѣмъ за текущею общественною и литературною жизнью и отзываясь на каждое выдающееся событіе стихами или прозою, въ видѣ замѣтокъ въ своей «Старой записной книжкѣ». Другъ Карамзина, Пушкина, Жуковскаго и поэтовъ Пушкинской плеяды, свидѣтель литературной дѣятельности Грибоѣдова, Крылова, Гоголя и послѣдовавшихъ литературныхъ поколѣній, князь Вяземскій сохранилъ о нихъ живѣйшія воспоминанія до конца дней своихъ и посвятилъ имъ много драгоцѣнныхъ страницъ въ своихъ литературныхъ и біографическихъ очеркахъ. По складу своихъ литературныхъ и общественныхъ убѣжденій, князь Вяземскій вте-

ченіе всей своей жизни оставался человѣкомъ и писателемъ двадцатыхъ годовъ. Онъ сочувственно привѣтствовалъ появленіе Гоголя, онъ защищалъ отъ нападокъ «Ревизора», но къ послѣдователямъ Гоголя относился холодно и о новой литературной школѣ реалистовъ (Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Л. Толстой, Островскій) не сказалъ почти ни одного слова, если не считать краткихъ, въ нѣсколько строкъ, замѣтокъ въ «Старой записной книжкѣ». Для князя Вяземскаго, какъ критика, русская литература какъ бы прерывалась на Гоголѣ. Странно сказать, что онъ совсѣмъ отрицалъ какое бы то ни было полезное значеніе дѣятельности Бѣлинскаго, а людей, увлекавшихся статьями высокоталантливаго критика, считалъ глупцами. Онъ не сочувствовалъ размноженію журналовъ, которыхъ, кстати сказать, у насъ было въ сороковыхъ годахъ и теперь существуетъ весьма немного; не сочувствовалъ демократизаціи литературы, начавшейся съ появленія въ журналистикѣ Н. А. Полеваго и продолжавшейся при Бѣлинскомъ; не сочувствовалъ также и тому критическому отношенію къ авторитетамъ, которое позволяли себѣ Полевой и Бѣлинскій.

Вообще во взглядахъ князя Вяземскаго на литературу замѣчается нѣкоторый аристократизмъ, понятный и легко объясняемый, съ одной стороны, воспитаніемъ и средой, а съ другой—тѣмъ кругомъ писателей, съ которыми онъ находился въ близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ. Воспитаніе князь Вяземскій получилъ французское, не угасившее въ немъ, однако, русскихъ началъ; онъ высоко цѣнилъ дѣятельность энциклопедистовъ и, между прочимъ, Вольтера. По рожденію онъ принадлежалъ къ высшему обществу, въ которомъ выросъ и среди котораго вращался всю жизнь. Кругъ писателей, съ которыми былъ особенно друженъ князь Вяземскій, былъ воспитанъ почти такъ же, какъ и онъ, вращаясь также въ высшихъ слояхъ общества. Вся сумма этихъ обстоятельствъ не могла, конечно, не породить нѣкотораго аристократизма во взглядахъ, не могла не способствовать выработкѣ убѣжденія, что истина есть достояніе немногихъ, а толпа увлекается только односторонностями. Нельзя, разумѣется, настаивать на совершенномъ равнодушіи князя Вяземскаго къ народу; но нельзя не замѣтить, что въ отношеніяхъ къ нему нашего писателя сказывалось болѣе платоническаго покровительства, чѣмъ дѣятельной любви. Современникъ декабристовъ, со многими изъ нихъ близко знакомый, князь Вяземскій осуждалъ ихъ преступные замыслы, но нѣкоторымъ воззрѣніямъ ихъ сочувствовалъ. По политическимъ убѣжденіямъ онъ былъ просвѣщеннымъ либераломъ въ духѣ двадцатыхъ годовъ, переводя слово либерально—«законносвободно». Признавая невозможность быстрыхъ политическихъ переворотовъ, онъ былъ сторонникомъ постепенности. Строгій монархистъ, князь Вяземскій вмѣстѣ съ тѣмъ считалъ необходимою въ законныхъ предѣлахъ

общественную самодѣятельность. Свои просвѣщенные взгляды на задачи администраціи ему удалось оправдать на дѣлѣ во время двадцатипятилѣтней службы по министерству финансовъ и во время службы по министерству народнаго просвѣщенія, въ качествѣ товарища министра. Службу въ первомъ вѣдомствѣ князь Вяземскій ознаменовалъ устройствомъ первой промышленной или

Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій.

мануфактурной выставки въ Москвѣ лѣтомъ 1831 года; во второмъ вѣдомствѣ онъ оставилъ довольно яркій слѣдъ составленіемъ записки о народномъ образованіи, въ которой доказывалось, что «расходы на учебныя заведенія преимущественно расходы производительные», а также заботами объ улучшеніи цензуры, которая должна быть «сильна, но вмѣстѣ съ тѣмъ благоразумна и прозорлива, не мелочна и не придирчива».

Свою литературную дѣятельность князь Вяземскій началъ и кончилъ стихами. Несомнѣнно, онъ былъ надѣленъ стихотворческимъ, если не поэтическимъ даромъ. Поэтъ долженъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и художникомъ; онъ долженъ, по старинному выраженію, мыслить образами. Истинные поэты дѣйствуютъ на читателя картиною, которая должна воплощать въ себѣ ту и другую мысль; дѣйствуютъ лиризмомъ, находящимъ сочувственный откликъ въ душѣ читателя; дѣйствуютъ музыкою стиха, его ббразностью и пластичностью; дѣйствуютъ, наконецъ (поэты геніальные), своими типами, ихъ драматическими положеніями и столкновеніями. Князя Вяземскаго нельзя назвать поэтомъ въ настоящемъ и полномъ смыслѣ этого слова. Онъ скорѣе стихотворецъ, не лишенный подчасъ художественности и поэтическаго одушевленія,—стихотворецъ остроумный, съ сатирическимъ оттѣнкомъ. Среди поэтовъ Пушкинской плеяды князь Вяземскій занимаетъ второстепенное, хотя и совершенно самостоятельное мѣсто. Онъ дѣйствительно могъ примѣнить къ себѣ стихъ Буало: «Et mon vers, bien ou mal, dit toujours quelque chose» (и мой стихъ худо ли, хорошо ли всегда что нибудь да скажетъ), потому что никому не подражалъ. Зачастую князь Вяземскій пользовался стихомъ только какъ болѣе привычнымъ способомъ изложенія, писалъ въ стихотворной формѣ длинныя разсужденія въ видѣ посланій къ разнымъ друзьямъ или передавалъ стихами свои размышленія по поводу того или другаго вопроса. Конечно, такое преобладаніе въ стихахъ Вяземскаго ума надъ художественнымъ творчествомъ не могло не отозваться весьма невыгодно на его извѣстности, какъ поэта. Едва ли многіе въ настоящее время знакомы съ его стихотворческою дѣятельностью, кромѣ спеціалистовъ историковъ литературы; едва ли многіе помнятъ и знаютъ теперь изъ нѣсколькихъ сотенъ написанныхъ княземъ Вяземскимъ стихотвореній хотя бы пять—десять. Это забвеніе, впрочемъ, въ частностяхъ едва ли справедливо, хотя въ общемъ, конечно, для обыкновеннаго читателя не достанетъ терпѣнія перечитывать три объемистыхъ тома стиховъ и розъискивать среди нихъ вещи хорошія. Слѣдовало бы десятка два лучшихъ и наиболѣе характерныхъ стихотвореній князя Вяземскаго выпустить въ свѣтъ дешевымъ изданіемъ, чтобы спасти его поэзію отъ окончательнаго забвенія.

Самъ князь Вяземскій, повидимому, былъ склоненъ считать поэзію своимъ призваніемъ, хотя и не закрывалъ глазъ на ея недостатки. Любопытный разсказъ о началѣ своей литературной дѣятельности, а также довольно вѣрную оцѣнку своей поэзіи князь Вяземскій оставилъ въ автобіографіи, написанной на склонѣ дней, въ видѣ предисловія къ полному собранію своихъ сочиненій, предпринятому графомъ С. Д. Шереметевымъ. Такъ, о первыхъ своихъ стихотворныхъ опытахъ онъ разсказываетъ слѣдующее: «Въ 1805 году написалъ я французскіе стихи на смерть Нельсона. Нечего и

говорить, что все это было болѣе или менѣе безграмотно. Но червякъ стихотворства уже шевелился во мнѣ. Правильно, или, по крайней мѣрѣ, правильнѣе сталъ я писать гораздо позднѣе. Едва ли не со времени сближенія моего съ Жуковскимъ... Впервые слышанныя мною оды Ломоносова приводили меня въ упоеніе. Не вникалъ я въ ихъ смыслъ, но съ трепетомъ заслушивался стройныхъ и звучныхъ ихъ волнъ. Отъ Державина былъ я безъ ума... При удобномъ случаѣ, то и дѣло отпускалъ я строфы изъ Державина... Монологи и сцены изъ трагедій Расина и Вольтера, которые мнѣ давали выучивать наизусть, были для меня и прежде не уроками, а наслажденіемъ... Съ водвореніемъ Карамзина въ наше семейство, письменныя наклонности мои долго не пользовались поощреніемъ его... Карамзинъ боялся увидѣть во мнѣ плохаго стихотворца... Первые опыты мои таилъ я отъ него, какъ и другія проказы грѣшной юности моей. Уже позднѣе, а именно въ 1816 году, примирился онъ съ метроманіею моею. Александръ Тургеневъ давалъ въ Петербургѣ вечеръ въ честь его. Всѣ арзамасцы были на лицо; были литераторы и другаго лагеря. Хозяинъ вызвалъ меня прочесть кое-что изъ моихъ стихотвореній. Выслушавъ ихъ, Карамзинъ сказалъ мнѣ: «Теперь уже не буду отклонять васъ отъ стихотворства. Пишите съ Богомъ». На этомъ вечерѣ познакомился я съ Крыловымъ. Онъ также былъ одинъ изъ благопривѣтливыхъ слушателей и просилъ меня повторить чтеніе одного изъ стихотвореній, которое наиболѣе понравилось ему. Эти два знака отличія, полученныя мною на полѣ битвы, порадовали меня и польстили самолюбію моему. Они же порѣшили и, такъ сказать, узаконили участь мою».

Достоинства и недостатки своей стихотворной и прозаической дѣятельности князь Вяземскій опредѣляетъ и объясняетъ такимъ образомъ: «Въ стихахъ и въ прозѣ у меня много неровностей, и нельзя имъ не быть. Я никогда не писалъ прилежно, постоянно; никогда не изучалъ я систематически языка нашего: какъ пѣвцы-самоучки, писалъ я болѣе по слуху. Писалъ я болѣе урывками, подъ вдохновеніемъ или подъ осязаніемъ мысли и чувства. Писалъ я, когда что нибудь внутреннее или внѣшнее заживо задирало меня, когда мнѣ именно хотѣлось *сказать* или *высказать* что нибудь, такъ или сякъ, опять все равно. Натура моя довольно живучая и произрастательная, но не трудолюбивая; напротивъ, трудъ пугаетъ ее, она сжимается подъ давленіемъ его. А что ни говори, трудъ есть родникъ, двигатель всякаго положительнаго успѣха и возможнаго усовершенствованія... Никогда, или такъ рѣдко, что не стоитъ упоминать того, не велъ я жизни литературной, какъ вели ее, напримѣръ, Жуковскій, Пушкинъ. О Карамзинѣ уже не говорю: онъ былъ воплощенный трудъ, воплощенное терпѣніе... Странное дѣло: очень люблю и высоко цѣню пѣвучесть

чужихъ стиховъ, а самъ въ стихахъ своихъ нисколько не гонюсь за этой пѣвучестью. Никогда не пожертвую звуку мыслью моею... Мое упрямство, мое насильствованіе придаютъ иногда стихамъ моимъ прозаическую вялость, иногда вычурность... Въ стихахъ моихъ я нерѣдко умствую и умничаю. Между тѣмъ, полагаю, что если есть и должна быть поэзія звуковъ и красокъ, то можетъ быть и поэзія мысли. Всѣ эти свойства и недостатки побудили Пушкина, въ тайныхъ замѣткахъ своихъ, обвинить меня въ какофоніи: ужъ не слишкомъ ли?.. Малозвучность и другіе недостатки стиха моего могутъ объясниться слѣдующимъ. Я никогда не пишу стиховъ моихъ, а сказываю ихъ въ прогулкахъ моихъ. Это не вполнѣ импровизація, а что-то подобное тому, импровизація, съ урывками, съ остановками. Въ этой пассивной стихотворческой гимнастикѣ бываютъ промахи и неправильныя движенія. Послѣ выпрямлю ихъ, говорю себѣ,—и иду далѣе, а когда окончательно кладу надуманное на бумагу, бываетъ уже поздно; поправить, выпрямить не удается: поправить лѣнь, да и жаръ простылъ... Что говорю о стихахъ своихъ, могу вообще сказать и о прозѣ своей. И тутъ и тамъ замѣтенъ недостатокъ отдѣлки, оконченности... Если Карамзинъ и Пушкинъ бывали ко мнѣ строги, то порою бывали и милостивы... То же скажу о Дмитріевѣ, Жуковскомъ, Батюшковѣ, Баратынскомъ, Дашковѣ, Блудовѣ. Могу сказать, что я избалованъ былъ какъ строгими замѣчаніями ихъ, такъ и похвальными отзывами... Повѣрятъ ли мнѣ, или нѣтъ, но утверждаю, что собственно для публики я никогда не писалъ. Когда я съ перомъ въ рукѣ, она мнѣ и въ голову не приходитъ... Преимущественно писалъ я всегда для себя, а потомъ уже для тѣснаго кружка избранныхъ; въ нихъ не послѣднее мѣсто занимали мои избранницы».

Къ этому откровенному сознанію, къ этой трезвой характеристикѣ остается прибавить немногое; остается сказать нѣсколько словъ о тѣхъ стихотворныхъ произведеніяхъ князя Вяземскаго, которыя до сихъ поръ не утратили литературной цѣнности и которыя свидѣтельствуютъ, что талантъ его вспыхивалъ по временамъ священнымъ огнемъ поэзіи, освобождаясь отъ гнета мысли. Тогда обыкновенно прозаическій, вялый и неровный стихъ князя Вяземскаго пріобрѣталъ то гармоничность и музыкальность, то энергическую сжатость и силу. Онъ послушно слѣдовалъ за мыслью, которая красиво укладывалась въ соотвѣтствующій настроенію размѣръ. Образчики такихъ счастливыхъ исключеній среди множества стихотвореній князя Вяземскаго можно встрѣтить въ разные годы его долголѣтней писательской дѣятельности. Такъ, нельзя не отмѣтить поэтическаго стихотворенія «Первый снѣгъ», написаннаго въ 1817 году и заслужившаго похвалы Пушкина, который сказалъ, что «поэтъ роскошнымъ словомъ живописалъ намъ первый снѣгъ

и всѣ оттѣнки зимнихъ нѣгъ». По силѣ негодующаго чувства до сихъ поръ замѣчательно стихотвореніе 1818 года—«Негодованіе», въ концѣ котораго встрѣчаются слѣдующіе одушевленные стихи:

«Онъ загорится день—день торжества и казни,
«День радостныхъ надеждъ, день горестной боязни!
«Раздастся пѣснь побѣдъ, вамъ истины жрецы,
«Вамъ, други чести и свободы!»

Не безъ удовольствія перечитываются до сихъ поръ нѣкоторыя изъ басенъ и эпиграммъ князя Вяземскаго на-ряду со стихотвореніями шуточными, въ родѣ: «Русскій богъ» («богъ ухабовъ, богъ мятелей, богъ проселочныхъ дорогъ, богъ холодныхъ, богъ голодныхъ, нищихъ вдоль и поперекъ, богъ имѣній бездоходныхъ, богъ пришельцевъ-иноземцевъ, перешедшихъ нашъ порогъ, богъ въ особенности нѣмцевъ, вотъ онъ, вотъ онъ русскій богъ»), «Царь Горохъ», «Семь пятницъ на недѣлѣ», «Недовольный», «Пѣсня Зѣваки», а также извѣстное по христоматіямъ стихотвореніе «Нарвскій водопадъ» съ энергическими начальными стихами:

«Несись съ неукротивымъ гнѣвомъ,
«Мятежной влаги властелинъ!
«Надъ тишиной окрестной ревомъ
«Господствуй, бурный исполинъ!
«Жемчужною, кипящей лавой,
«За валомъ низвергая валъ,
«Сердитый, дикій, величавый,
«Перебѣгай ступени скалъ!»

Среди лучшихъ стихотвореній князя Вяземскаго должны быть также упомянуты: «Молитвенныя думы», «Станція», «Самоваръ», «Старое поколѣніе», «Святая Русь», которое въ цѣломъ немного растянуто, но въ частностяхъ отличается строфами весьма прочувствованными («Какъ въ эти дни годины гнѣвной ты мнѣ мила, святая Русь! Молитвой теплой, задушевной какъ за тебя въ тѣ дни молюсь! Какъ дорожу моей любовью и тѣмъ, что я твой сынъ родной! Какъ сознаю душой и кровью, что кровь твоя и духъ я твой!»), «Масляница на чужой сторонѣ», полное чисто русской размашистой удали, задорной веселости и народнаго юмора. Многіе, вѣроятно, помнятъ красивое начало этого стихотворенія:

«Здравствуй, въ бѣломъ сарафанѣ
«Изъ серебряной парчи!
«На тебѣ горятъ алмазы,
«Словно яркіе лучи.
. . . .
«Здравствуй, русская молодка,
«Раскрасавица душа,
«Бѣлоснѣжная лебедка,
«Здравствуй, матушка зима!»

Особенной гармоничностью и музыкальностью стиха отличаются—поэтическая картинка, согрѣтая теплымъ религіознымъ чувствомъ, «Сельская церковь» и «Ночь въ Венеціи», а энергическою сжатостью и патріотическимъ одушевленіемъ—написанныя во время Крымской войны стихотворенія: «Пѣснь русскаго ратника» и «Къ ружью!»

Прозаическія произведенія князя Вяземскаго несомнѣнно въ общемъ долговѣчнѣе его стихотвореній. Эти произведенія состоятъ изъ критическихъ статей, литературныхъ и біографическихъ очерковъ, писемъ и замѣтокъ въ «Старой записной книжкѣ». Къ сожалѣнію, на большей части этихъ трудовъ, какъ и на всей литературной дѣятельности князя Вяземскаго, лежитъ печать диллетантизма, случайности и любительской безсистемности. Особенно это сказалось въ критическихъ статьяхъ. Дѣло въ томъ, что князь Вяземскій былъ одаренъ недюжинными критическими способностями, которыя, однако, не достигли своего полнаго развитія, за отсутствіемъ правильнаго, систематическаго ухода за ними, за отсутствіемъ въ этомъ направленіи постоянной работы. Только разъ князь Вяземскій принудилъ себя къ усидчивому труду, и этотъ опытъ увѣнчался блестящимъ успѣхомъ, увѣнчался прекрасной біографіей Фонвизина, свидѣтельствующей, что авторъ ея обладалъ всѣми данными, необходимыми для критика: изящнымъ и тонкимъ вкусомъ, мѣткостью опредѣленія, способностью усматривать въ томъ или другомъ писателѣ его характеристическую сущность, начитанностью въ западно-европейскихъ и русской литературахъ и образованіемъ. Съ такими данными слѣдовало только работать и работать, совершенствоваться и совершенствоваться. Но, къ сожалѣнію, князь Вяземскій работалъ только урывками, какъ диллетантъ и любитель. Онъ началъ свою критическую дѣятельность въ 1816 году поминальною статьею по Державинѣ; въ началѣ двадцатыхъ годовъ, съ появленіемъ поэмъ Пушкина, князь Вяземскій становится защитникомъ новой литературной школы (романтической), неутомимо и остроумно полемизируетъ въ спорѣ о романтизмѣ и классицизмѣ съ М. Дмитріевымъ, участвуетъ въ основаніи журнала «Московскій Телеграфъ», который имѣлъ выдающійся успѣхъ и въ которомъ, по собственному признанію, князь Вяземскій «стоялъ на боевой стѣнѣ, стрѣлялъ изо всѣхъ орудій, партизанилъ, наѣздничалъ и подъ собственнымъ именемъ, и подъ разными заимствованными именами и буквами». Нѣкоторыя книжки «Московскаго Телеграфа» на первыхъ порахъ бывали наполовину наполнены статьями князя Вяземскаго или матеріалами, имъ сообщенными въ журналъ. Однако, вскорѣ обнаружился разладъ между соиздателями. Полевой печаталъ статьи и высказывалъ мнѣнія, которымъ не сочувствовалъ князь Вяземскій. «Мнѣ это не понравилось,—разсказываетъ онъ въ своей автобіографіи,—и я от-

казался отъ сотрудничества. Впрочемъ, можетъ быть, и Полевой радъ былъ моему отказу. Журналъ довольно окрѣпъ, участія моего было уже не нужно, а между тѣмъ, по условію, долженъ былъ я получать половину чистой выручки. Журналисту и человѣку коммерческому легко было расчесть, что лучше не дѣлить барыша, а вполнѣ оставить его за собою. Что же? Полевой былъ правъ, и я нисколько не виню его. Былъ правъ и я. Литературная совѣсть моя не уступчива, а щекотлива и брезглива. Не умѣетъ она мирволить и входить въ примирительныя сдѣлки. Жуковскій, а особенно Пушкинъ оказывали въ этомъ отношеніи болѣе снисходительности и терпимости. Я былъ и остался строгимъ пуританиномъ». Оставивъ «Московскій Телеграфъ», князь Вяземскій сотрудничалъ въ «Литературной Газетѣ» Дельвига и «Современникѣ» Пушкина, хотя и далеко не такъ дѣятельно, какъ въ «Телеграфѣ».

Главнѣйшимъ критическимъ трудомъ князя Вяземскаго является біографія Фонвизина, написанная въ 1831, а изданная только въ 1848 году. Приступая къ этой работѣ, авторъ пересмотрѣлъ, перебралъ и перечиталъ многіе десятки историческихъ и литературныхъ книгъ, въ томъ числѣ почти всю русскую литературу XVIII столѣтія. Князь Вяземскій разсматриваетъ литературную дѣятельность и жизнь Фонвизина на фонѣ современнаго ему общества, руководствуясь тою глубоко-вѣрною мыслью, что «исторія литературы народа должна быть вмѣстѣ исторіею и его общежитія». Этотъ взглядъ, высказанный въ началѣ тридцатыхъ годовъ, очень важенъ и знаменателенъ въ исторіи русской критики. Онъ свидѣтельствуютъ о томъ, что князь Вяземскій прекрасно понималъ значеніе здравой исторической критики и едва ли не первый удачно примѣнилъ ее въ своемъ трудѣ. Между тѣмъ, предшественники его на поприщѣ критики руководились главнымъ образомъ или личнымъ вкусомъ (Сумароковъ), или обращали вниманіе только на языкъ и слогъ писателя (Карамзинъ и Макаровъ), или, наконецъ, основывались на авторитетѣ теоретиковъ ложно-классицизма Батте, Бауло, Лагарпа (Мерзляковъ). Стоитъ только вспомнить смѣхотворные филологическіе споры разныхъ журналовъ двадцатыхъ годовъ по поводу хотя бы «Руслана и Людмилы», чтобы понять жалкое младенческое состояніе тогдашней критики и значеніе статей князя Вяземскаго, не особенно многочисленныхъ, но мѣткихъ, остроумныхъ и здравыхъ.

Разбору дѣятельности Фонвизина авторъ предпосылаетъ сжатый очеркъ литературы Екатерининской эпохи, причемъ доказываетъ ту мысль, что «между литературою нашею и обществомъ не было ничего взаимнаго, что на нее не дѣйствовали обыкновенные приливы и отливы общежитія», что литература не входила «въ составъ гражданскаго быта нашего, въ число богатствъ нашего

нравственнаго достоянія». Въ слѣдующихъ одиннадцати главахъ князь Вяземскій ведетъ разсказъ о жизни Фонвизина въ перемежку съ оцѣнкой его трудовъ—сначала переводныхъ, а затѣмъ самостоятельныхъ—писемъ изъ Франціи и произведеній драматическихъ, т. е. «Бригадира» и «Недоросля». Весьма замѣчателенъ разборъ, можетъ быть, черезчуръ строгій, писемъ, въ которыхъ Фонвизинъ, не упоминая объ этомъ, обильно пользовался книгою Дюкло: «Considérations sur les moeurs de ce siècle» (Размышленія о нравахъ настоящаго вѣка); весьма любопытенъ очеркъ русскаго театра Екатерининскаго времени до Фонвизина, а также разборъ и оцѣнка комедій послѣдняго. Вообще для характеристики жизни и дѣятельности знаменитаго творца «Недоросля» книга князя Вяземскаго является до сихъ поръ единственной и незамѣнимой по полнотѣ собраннаго матеріала, по тщательной разработкѣ его, по мѣткости оцѣнки всѣхъ произведеній Фонвизина.

Однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ не только для біографіи князя Вяземскаго, но и для исторіи русскаго общества и исторіи русскаго просвѣщенія является «Старая записная книжка», которую онъ велъ съ 1813 по 1877 годъ, т. е. почти до самой своей смерти. Въ ней можно встрѣтить любопытныя черты изъ жизни многихъ августѣйшихъ особъ, къ которымъ былъ приближенъ князь Вяземскій—Александра Благословеннаго, великаго князя Константина Павловича, Николая I; здѣсь же находятся любопытныя характеристики многихъ русскихъ и заграничныхъ государственныхъ дѣятелей; здѣсь передъ читателемъ проходитъ цѣлый рядъ русскихъ писателей начала текущаго столѣтія то въ сценахъ изъ ихъ домашняго обихода, то въ различныхъ обстоятельствахъ ихъ литературной, служебной и общественной дѣятельности; здѣсь же разсыпано множество мѣткихъ и глубокихъ мыслей по самымъ различнымъ поводамъ. Въ посланіи къ ея величеству королевѣ Виртембергской Ольгѣ Николаевнѣ, князь Вяземскій самъ опредѣлилъ значеніе и содержаніе этого важнаго памятника своей литературной дѣятельности такимъ образомъ:

«.... Годовъ и поколѣній много
«Я пережить уже успѣлъ
«И длинною своей дорогой
«Событій много подсмотрѣлъ.
«Талантовъ нѣтъ во мнѣ излишка,
«Не корчу важнаго лица:
«Я просто «Записная книжка»,
«Гдѣ жизнь играетъ роль писца.
«Тутъ всякой всячины не мало:
«Съ бездѣльемъ дѣло, грусть и смѣхъ,
«То похвала, то шутки жало,
«Здѣсь неудача, тамъ успѣхъ».

Дѣйствительно «Старая записная книжка» является обильнымъ источникомъ для нашихъ бытописателей-анекдотистовъ, которые отсюда черпали, черпаютъ и будутъ еще долгое время черпать любопытныя и характерныя свѣдѣнія о русской жизни въ разныхъ ея проявленіяхъ и представителяхъ съ начала текущаго столѣтія до восьмидесятыхъ годовъ. Князь Вяземскій не считалъ пустымъ дѣломъ своихъ разсказовъ-анекдотовъ, которые по большей части мѣтко характеризуютъ данную личность или явленіе и въ которыхъ преобладаютъ остроуміе, сатира и въ то же время живая фактическая правда, важная для изученія нравовъ и быта прежняго времени. Нельзя не согласиться со слѣдующимъ опредѣленіемъ значенія анекдота, сдѣланнымъ княземъ Вяземскимъ въ той же «Старой записной книжкѣ». «Оригинальныя личности,— говоритъ онъ,— бываютъ и анекдотическія. Человѣкъ, за которымъ нельзя закрѣпить ни одного анекдота, есть человѣкъ пропащій: это—лицо безъ образа, по выраженію поэта. Оно тонетъ въ толпѣ». Чтеніе «Старой записной книжки» въ высокой степени интересно, такъ какъ въ ней оживленный разсказъ о заграничномъ путешествіи прерывается остроумнымъ анекдотомъ, мысли по поводу того или другаго событія или общественнаго вопроса чередуются съ мѣткимъ изреченіемъ, воспоминанія о войнѣ 1812 года и о до-пожарной Москвѣ съ застольною пѣснью, которая нѣкогда пѣвалась на пирахъ московской молодежи, разсказъ о возникновеніи Арзамасскаго общества съ разсказомъ о собачкѣ графа Блудова, которой боялся Жуковскій, и т. д.

Въ числѣ прозаическихъ трудовъ князя Вяземскаго нельзя, наконецъ, не упомянуть «Писемъ ветерана 1812 года». Вынужденный обстоятельствами провести въ чужихъ краяхъ 1853—1855 годы, онъ не могъ быть равнодушнымъ свидѣтелемъ озлобленія европейскаго общества противъ Россіи какъ до начала, такъ и во время Крымской войны. Газетныя статьи заграничной печати были полны клеветами на русское правительство и на русскій народъ. Князь Вяземскій началъ писать на эти статьи опроверженія, намѣревался помѣщать ихъ во «Франкфуртской французской газетѣ» или въ одномъ изъ швейцарскихъ или бельгійскихъ періодическихъ изданій, но встрѣтилъ отказъ и вынужденъ былъ собрать свои статьи въ отдѣльную книгу и напечатать ее въ Лозаннѣ, въ 1855 году, подъ заглавіемъ: «Lettres d'un vétéran russe de l'année 1812 sur la question d'Orient, publiées par P. d'Ostafievo». По вѣрному замѣчанію переводчика этой книги г. Бартенева, «Письма ветерана», писанныя княземъ Вяземскимъ на седьмомъ десяткѣ лѣтъ, отличаются какъ свѣжестью и своеобразіемъ мысли, такъ и прелестью живаго изложенія. «Оторванный отъ родины, — говоритъ переводчикъ,—живя, по необходимости, посреди враждебно-настроеннаго противъ насъ общества, ежедневно огорчаемый и уязвляе-

мый лживыми извѣстіями о Россіи и кривыми толкованіями дѣйствій русскаго правительства, сочинитель чувствовалъ потребность, въ предѣлахъ своей возможности, послужить перомъ общему русскому дѣлу, и книга его, хотя не имѣла успѣха за границею и лишь въ небольшомъ числѣ дошла къ намъ, представляетъ собою честно и талантливо исполненный гражданскій долгъ писателя, сердечно преданнаго своему отечеству, про любовь къ которому князь П. А. Вяземскій говаривалъ, что въ ней должно быть еще болѣе свойствъ любви отеческой, нежели сыновней».

С. Трубачевъ.

ХУТЫНСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

(По поводу семисотлѣтія съ его основанія).

ВГУСТА 6-го исполнится 700-лѣтіе со дня основанія Хутынскаго монастыря, находящагося въ 10 верстахъ отъ Новгорода и пользующагося громкою извѣстностью не только въ городѣ и его окрестностяхъ, но и далеко за предѣлами Новгородской губерніи. Считаемъ не лишнимъ сообщить по этому поводу нѣкоторыя свѣдѣнія о монастырѣ и его основателѣ.

Въ Новгородѣ, на Софійской сторонѣ, недалеко отъ церкви св. Николая Кочанова, находится небольшая часовня, и подлѣ нея колодезь. Мѣсто это свято для новгородцевъ. Здѣсь въ XII вѣкѣ жили родители преподобнаго Варлаама [1]), Михаилъ и Анна, люди богатые и извѣстные въ городѣ. На этомъ мѣстѣ, въ 1156 году, у нихъ родился сынъ, названный при крещеніи Алексѣемъ. Воспитаніе его поручено было особому домашнему наставнику, подъ руководствомъ котораго отрокъ въ короткое время изучилъ всю тогдашнюю книжную премудрость, состоявшую главнымъ образомъ въ познаніи слова и закона Божія. Но, чѣмъ далѣе росъ Алексѣй, тѣмъ болѣе обнаруживалась въ немъ склонность къ аскетизму. Не смотря ни на какія увѣщанія своихъ родителей, онъ съ юныхъ лѣтъ началъ умерщвлять плоть свою строгимъ воздержаніемъ, постомъ и всевозможными лишеніями, а послѣ

---

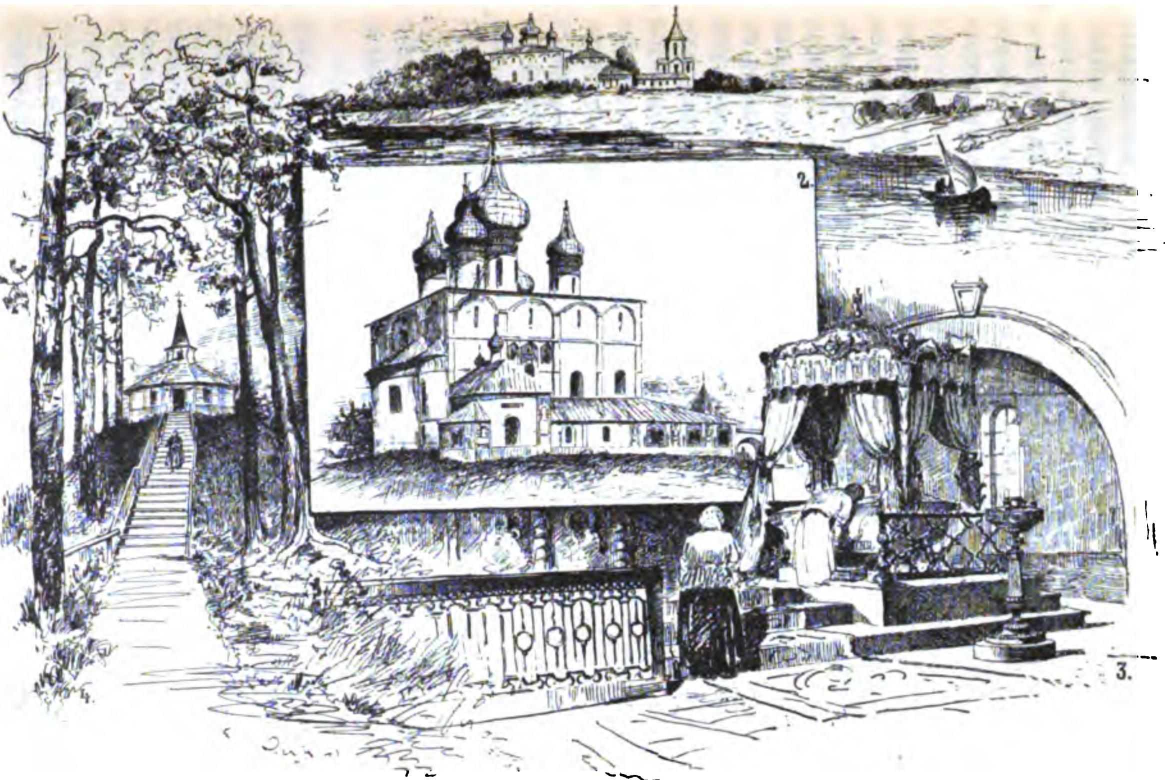
[1]) См. грамоту патріарха Никона, данную въ 1655 году на имя Ивана Андреевича Голицына, хранящуюся въ спискѣ въ ризницѣ Хутынскаго монастыря.

смерти ихъ въ скоромъ же времени принялъ постриженіе и получилъ монашеское имя Варлаама. Поселился онъ, по всей вѣроятности, въ Лисицкомъ монастырѣ, въ 7 верстахъ отъ города, гдѣ, по преданію, схоронены и его родители. Но жизнь въ обители мало удовлетворяла суроваго подвижника; онъ искалъ уединенія и, наконецъ, нашелъ его.

Верстахъ въ трехъ ниже по теченію Волхова была живописная, но пользовавшаяся дурною славою, мѣстность Хутынь, или иначе Худынь, отъ слова худой. Тамъ, по народному вѣрованію, съ незапамятныхъ временъ свила себѣ гнѣздо нечистая сила и тревожила проходящихъ разными страхами. Туда-то и направился Варлаамъ, быть можетъ, привлеченный красотою мѣстоположенія, и, поставивъ сперва крестъ, устроилъ подлѣ него небольшую келью [1]). Однажды, проходя по лѣсной чащѣ, онъ былъ пораженъ лучемъ свѣта, озарившимъ окрестность, и въ память этого небеснаго сіянія рѣшилъ поставить на томъ мѣстѣ церковь во имя Преображенія Господня. Это происходило ровно за семьсотъ лѣтъ до нашего времени, и церковь, по свидѣтельству лѣтописей, освящена 6-го августа 1192 года. Съ построеніемъ церкви Хутынская пустыня превратилась въ монастырь, и Варлаамъ былъ поставленъ игуменомъ надъ начавшею собираться сюда братіею. Такъ основалась эта древняя обитель.

Живя въ пустынѣ, управляя братіею и ведя жизнь строгаго аскета, Варлаамъ въ то же время навѣщалъ и родной свой городъ для бесѣды съ уважавшимъ его новгородскимъ архіепископомъ. Владыка жилъ на Софійской сторонѣ, и путь преподобнаго съ Торговой обыкновенно лежалъ черезъ Волховской мостъ, служившій въ то время мѣстомъ казни для преступниковъ, которыхъ отсюда бросали въ воду. Проходя однажды по мосту, онъ увидѣлъ приготовленія къ подобной казни. Когда Варлаамъ приблизился, палачъ уже схватилъ осужденнаго на руки, но преподобный остановилъ его и сталъ просить у окружавшаго народа, чтобы несчастный былъ отданъ ему на вѣчное служеніе въ монастырѣ. Народъ изъявилъ согласіе, и спасенный поступилъ въ число братіи. Вѣроятно, подобныя казни не были въ то время рѣдкимъ явленіемъ, потому что черезъ нѣсколько времени преподобный, вступивъ на мостъ, снова увидѣлъ вдали толпу народа, осужденнаго и палача. На этотъ разъ навстрѣчу ему бѣжали съ плачемъ родители казнимаго, умоляя вступиться за ихъ сына. Но, къ общему удивленію, Варлаамъ, сопутствуемый служкою, быстро прошелъ мимо, какъ бы не замѣчая окружающаго. Казнь совершилась. Нѣкоторые изъ братіи, бывшіе свидѣтелями этого, по возвращеніи въ обитель, приступили

[1]) Холмъ, на которомъ жилъ преподобный, существуетъ и понынѣ за стѣною обители.



Хутынскій монастырь.

1) Общій видъ монастыря съ Волхова.—2) Преображенскій соборъ, освященный въ 1515 г.—3) Рака надъ мощами пр. Варлаама.—4) Холмъ за монастырской оградой съ часовней на мѣстѣ бывшей кельи преподобнаго.

наединѣ къ преподобному съ просьбою объяснить его странный поступокъ. «Отцы и братія,— отвѣчалъ онъ,— судебъ Господнихъ бездна многа! Первый преступникъ былъ осужденъ справедливо, но въ сердцѣ его пробудилось чувство раскаянія, и я предвидѣлъ, что онъ можетъ добродѣтельною жизнью загладить прежніе грѣхи, второй же былъ человѣкъ невинный, но чтобы со временемъ злоба не перемѣнила разума его, и лесть не прельстила души его, промыселъ Божій благоволилъ потерпѣть ему страдальческую смерть и мученическимъ путемъ войти въ царство небесное: вотъ почему я и не могъ о немъ ходатайствовать».

Въ другой разъ, прощаясь съ новгородскимъ архіепископомъ, преподобный не мало изумилъ его обѣщаніемъ пріѣхать къ нему въ слѣдующій разъ, въ пятницу, на первой недѣлѣ Петрова поста, на саняхъ. Но пророчество не замедлило осуществиться. Въ ночь на означенную пятницу выпало столько снѣгу, что преподобный пріѣхалъ по санному пути въ городъ. Онъ засталъ владыку въ глубокой скорби о погибшихъ хлѣбахъ, которые въ это время уже начинали цвѣсти. Старецъ успокоилъ его, объявивъ, что безъ этого мороза насталъ бы голодъ, ибо всѣ хлѣбные корни были поражены червемъ, который теперь погибъ отъ холода. «Завтра же, — прибавилъ онъ: — настанетъ жара, снѣгъ растаетъ, и земля будетъ пить его, какъ изобильный, благотворный дождь». Въ память этого событія владыка установилъ на всѣ времена совершать въ первую Петровскую пятницу торжественный крестный ходъ изъ Софійскаго собора въ обитель. Постановленіе это выполняется и до нашего времени, привлекая отовсюду массу богомольцевъ.

День кончины преподобнаго Варлаама празднуется 6-го ноября [1]). Въ этотъ день, по завѣщанію его, раздаются деньги (полушки) и

---

[1]) Хотя годъ смерти угодника и не можетъ быть опредѣленъ вполнѣ точно, но болѣе вѣроятною кажется догадка, основанная на 4-й Новгородской лѣтописи, что святой скончался въ 1193 году. Этого года придерживается архимандритъ Макарій, авторъ «Археологическаго описанія церковныхъ древностей Новгорода» (т. I), и А. Ѳ. Бычковъ (въ примѣчаніяхъ къ редактированному имъ изданію 2-й и 3-й Новгородскихъ лѣтописей, сдѣланному археографической коммиссіей). Но есть и другое предположеніе, вытекающее изъ данныхъ въ житіи преподобнаго и отчасти основанное на 3-й Новгородской лѣтописи и краткомъ лѣтописцѣ новгородскихъ владыкъ, по которому годъ кончины преподобнаго слѣдуетъ отнести къ 1243 году. Этого предположенія придерживался и извѣстный составитель жизнеописаній русскихъ святыхъ Андр. Ник. Муравьевъ (см. его «Поѣздку по святымъ мѣстамъ русскимъ», т. II, и «Житіе преподобнаго Варлаама», мѣсяцъ ноябрь, 6-е число). Вслѣдствіе этого разногласія нельзя въ точности указать и архіепископа, при которомъ совершилось чудо съ саннымъ путемъ и который установилъ вышеупомянутый крестный ходъ. По словамъ «Житія» и по мнѣнію А. Н. Муравьева, это былъ Антоній (съ 1211 по 1229 г.), по мнѣнію же архимандрита Макарія—Григорій, который освящалъ храмъ въ 1192 году и самъ скончался въ одинъ годъ съ преподобнымъ.

хлѣбъ всѣмъ приходящимъ въ обитель почтить его память. Чудотворенія продолжались и послѣ смерти святаго. У гроба его изцѣлился новгородскій князь Константинъ, сынъ Димитрія Донскаго; воскресъ отъ летаргіи постельничій Василія Темнаго, Григорій; были и другія чудеса. Около половины XV вѣка св. Евфимій (II-й), архіепископъ новгородскій, въ присутствіи только игумена Тарасія и своего иподіакона Іоанна, открылъ гробъ преподобнаго и нашелъ мощи его нетлѣнными, а весь внѣшній обликъ вполнѣ соотвѣтствующимъ изображенію его на иконѣ, стоявшей надъ гробомъ святаго. Но, вѣроятно, это открытіе было тайнымъ, потому что, когда въ 1462 году (по другимъ, въ 1471) Іоаннъ III посѣтилъ монастырь, мощи преподобнаго оставались въ землѣ подъ спудомъ. «Отчего, отцы, не открываете честныхъ мощей угодника? — обратился Іоаннъ къ игумену и братіи: — у насъ на Москвѣ чудотворцы всѣ на вскрытіи: и Алексѣй, и Іона митрополиты, и Сергій преподобный». Игуменъ отозвался невѣдѣніемъ того, какъ и въ какомъ видѣ почиваютъ мощи святаго, но Іоаннъ настаивалъ на открытіи и, наконецъ, видя нерѣшительность и робость игумена, самъ приказалъ сдвинуть каменную плиту, бывшую надъ могилою, и копать землю. Но лишь только плита была снята и люди взялись за заступы, какъ изъ могилы повалилъ густой дымъ, а вслѣдъ за нимъ сверкнуло и пламя. Преслѣдуемый огнемъ, Іоаннъ бѣжалъ изъ храма, бросивъ свой посохъ, который и понынѣ хранится въ обители. Длина этого посоха 1½ аршина, толщина 1½ вершка, на верху хрустальная головка. Въ монастырѣ показываютъ также и опаленную пламенемъ дверь. Въ 1505 году случилось новое чудо, занесенное и въ лѣтопись. Жилъ въ то время въ монастырѣ понамарь, по имени Тарасій. Однажды, ночью, войдя по обязанности въ церковь передъ утреней, онъ видитъ, что въ полумракѣ, окутывающемъ храмъ, передъ иконами уже мерцаютъ огоньки въ лампадахъ и на свѣчахъ, и даже кадило дымится, распространяя кругомъ чудное благоуханіе. Не успѣлъ Тарасій придти въ себя, какъ преподобный поднялся изъ своего гроба, вышелъ на средину храма и началъ молиться. Тарасій въ страхѣ упалъ на землю предъ угодникомъ. «Дерзай, не бойся»,— сказалъ преподобный и послалъ его на церковный верхъ смотрѣть, что дѣлается надъ городомъ. Поднялся на кровлю Тарасій и остолбенѣлъ: высокою стѣною стояли надъ Новгородомъ бурныя волны Ильменя, готовыя обрушиться и мгновенно затопить все въ немъ живущее. Спустившись въ церковь, онъ передалъ о видѣніи угоднику Преподобный снова сталъ на молитву, и молитва его продолжалась около трехъ часовъ. Затѣмъ онъ опять велѣлъ Тарасію подняться и взглянуть на городъ. Теперь надъ городомъ виднѣлось множество ангеловъ, бросавшихъ огненныя стрѣлы. Вернулся въ храмъ Тарасій и повѣдалъ видѣнное преподобному, и опять старецъ на-

чалъ молиться. Послѣ моленія онъ сказалъ, что молитвою ему удалось спасти городъ отъ внезапнаго потопленія, но впродолженіе трехъ лѣтъ въ городѣ будетъ свирѣпствовать моровое повѣтріе. Затѣмъ, помолившись еще, онъ въ третій разъ послалъ понамаря смотрѣть на городъ. Страшная огненная туча приближалась къ городу съ полуденной стороны. Это видѣніе старецъ объяснилъ такъ: «черезъ три года послѣ начала мора будетъ въ городѣ великій пожаръ; сгоритъ вся Торговая сторона, и много народа погибнетъ». Сказавъ это, угодникъ снова возлегъ въ свою гробницу, а свѣчи и лампады угасли сами собою. Изображеніе этого чуда находится на большой иконѣ, помѣщающейся на паперти Преображенскаго собора. Оба предсказанныя злоключенія не замедлили разразиться надъ городомъ. «Бысть моръ въ Великомъ Новѣградѣ, — говоритъ лѣтопись подъ 1508 годомъ: — помре желѣзою по три осени, и въ послѣднюю осень умре людей 15.396 человѣкъ» [1]). А 20-го августа того же года, въ воскресенье, начался на Тóрговой пожаръ, продолжавшійся до половины слѣдующаго дня. «И погорѣла Торговая сторона вся, и многи полаты и животовъ безъ числа сгорѣло. И николиже въ Великомъ Новѣгородѣ таковъ пожаръ не бывалъ, ни въ прежнихъ лѣтехъ, но вельми бысть страшенъ, ни въ лѣтописцахъ таковаго пожара инаго не обрѣтохомъ толь злаго» [2]). Народъ цѣлыми семьями, съ женами, съ дѣтьми, съ имуществомъ, бѣжалъ въ какой-то Варбузьевскій садъ на Никитиной улицѣ, но вихремъ туда перебросило пламя, и всѣ сгорѣли. «Чаяху великія тоя бѣды избыти и не избыша»,—говоритъ лѣтописецъ, быть можетъ, очевидецъ, описывая страшную картину:—«и всѣ лежатъ, яко свиніи огорѣша: овому темя погорѣша, а иному чрево погорѣша, а иныхъ руки и ноги огорѣша; и никто же можетъ познати своего мертвеца, ни отецъ сына, ни мати дщери». Множество людей утонуло во время пожара и въ Волховѣ.

Черезъ семь лѣтъ послѣ этого событія въ лѣтописяхъ упоминается объ освященіи на Хутыни новаго Преображенскаго собора на мѣстѣ прежняго, уже приходившаго въ ветхость. Новый храмъ освященъ 6-го августа 1515 года и существуетъ до нашего времени. Храмозданная грамота была выдана, по приказанію великаго князя Василія Ивановича, московскимъ митрополитомъ Варлаамомъ, такъ какъ въ Новгородѣ не было тогда своего архіепископа. Сынъ Іоанна III глубоко чтилъ новгородскаго чудотворца и молитвамъ его приписалъ побѣду, одержанную надъ крымцами при Сурѣ въ 1521 году. По преданію, извѣщенный въ видѣніи угодникомъ о близкой своей кончинѣ, Василій Ивановичъ началъ готовиться къ

---

[1]) Лѣтописецъ новгородскій церквамъ Божіимъ, такъ называемая 3-я Новгородская лѣтопись.

[2]) 2-я Новгородская лѣтопись подъ 1508 годомъ.

смерти и принялъ при посхимленіи имя Варлаама. Такимъ образомъ, Москва, уничтоживъ Новгородъ, благоговѣла въ свою очередь предъ новгородскимъ чудотворцемъ, и изображеніе его встрѣчается на многихъ московскихъ иконахъ на ряду съ мѣстными святыми. Въ монастырѣ находится 7 подлинныхъ жалованныхъ грамотъ и около 40 грамотъ въ спискахъ, начиная отъ великаго князя Василія Ивановича до Петра Великаго.

Въ эпоху междуцарствія Хутынь на время становится главною квартирою де-ла-Гарди, осаждавшаго въ 1611 году Новгородъ, причемъ архимандриту Кипріану пришлось не мало вытерпѣть отъ шведовъ.

Въ XVII вѣкѣ, по вступленіи на престолъ дома Романовыхъ, въ день памяти святаго установлено архіерейское богослуженіе.

Крестный ходъ, совершаемый въ первую пятницу Петрова поста, въ XVII вѣкѣ раздѣлялся на двѣ части. Одна изъ нихъ отправлялась изъ города въ монастырь сухимъ путемъ, еще накануне праздника, другая же, съ архіереемъ во главѣ, плыла въ самый праздникъ Волховомъ въ особыхъ насадахъ. Во время плаванія пѣли молебенъ изъ четырехъ статей, причемъ четыре раза читалось евангеліе; затѣмъ протопопъ начиналъ чтеніе житія святаго Варлаама, которое послѣ него продолжали чтецы. На берегу крестный ходъ былъ встрѣчаемъ настоятелемъ и братіею, также съ иконами и крестами. Затѣмъ слѣдовалъ молебенъ и торжественная литургія. За трапезой, послѣ службы, были предлагаемы хлѣбъ Богородичный и чаша о государевомъ многолѣтнемъ здравіи [1]).

Въ началѣ нашего столѣтія, въ тихую іюльскую ночь, къ Хутыни, вверхъ по теченію, приближалась также небольшая флотилія, но совершенно иного характера. На первой лодкѣ, подъ балдахиномъ, окруженнымъ четырьмя массивными свѣчами, стоялъ на катафалкѣ малиновый гробъ. Передъ гробомъ на аналоѣ причетникъ читалъ псалмы по усопшемъ; въ носовой части помѣщались пѣвчіе. Вторая лодка была занята родственниками покойнаго, провожавшими его до мѣста послѣдняго упокоенія. Лодки эти шли отъ Званки, а въ гробу помѣщался прахъ пѣвца Фелицы, Гавріила Романовича Державина, скончавшагося въ Званкѣ 8-го іюля 1816 года. Поэтъ похороненъ въ соборномъ придѣлѣ Іоанна Богослова, переименованномъ, по просьбѣ его супруги, въ честь Архангела Гавріила.

Упомянемъ въ заключеніе, что извѣстный потѣшникъ Петра Великаго, Балакиревъ, до 1718 года исполнялъ на Хутыни обязанность стряпчаго.

И. Привольевъ.

---

[1]) Дальнѣйшія подробности объ этихъ обрядахъ можно найти въ сочиненіи архимандрита Макарія: «Археологическое описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ и его окрестностяхъ», изд. 1860 года, т. I, стр. 451 и сл.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

О сношеніяхъ Россіи съ Франціею. П. В. Безобразова. Москва. 1892.

ЩЕ НЕ ЗАБЫТЫ шумныя кронштадтскія манифестаціи, газеты то и дѣло сообщаютъ объ оваціяхъ, устроиваемыхъ русскимъ во Франціи, и въ такую минуту, казалось намъ, особенно интересно бросить взглядъ на наше прошлое и выяснить, каковы были наши отношенія къ Франціи въ предшествовавшіе вѣка». Такова цѣль, съ которою П. В. Безобразовъ издалъ свою книгу «О сношеніяхъ Россіи съ Франціею». Книга эта не ученое изслѣдованіе: она представляетъ собою компиляцію—сводъ ряда статей, въ прошломъ году помѣщенныхъ въ «Русскомъ Обозрѣніи» и составленныхъ на основаніи въ послѣднее время появившихся новыхъ матеріаловъ для исторіи франко-русскихъ отношеній. Количество и качество матеріаловъ обусловливаетъ и самое содержаніе книги. Для періода отъ 1586—1793 г. у автора книги находился подъ руками сборникъ инструкцій, данныхъ французскимъ посланникамъ въ Россіи, изданный подъ редакціею Рамбо («Recueil des instructions» etc., t. VIII — IX, Paris, 1890), затѣмъ для исторіи отношеній франко-русскихъ при Александрѣ I онъ имѣлъ вышедшія въ прошломъ году изслѣдованія Татищева и, главнымъ образомъ, Вандаля (Vandal, Napoléon et Alexandre I. L'alliance russe sous le premier Empire. I. De Tilsit à Erfurt. Paris, 1891), наконецъ, кое-какія добавочныя свѣдѣнія онъ почерпалъ изъ документовъ, напечатанныхъ въ «Сборникѣ историческаго общества» и въ «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева. Такимъ образомъ г. Безобразовъ даетъ намъ исторію франко-русскихъ отношеній отъ начала сношеній между Россіею и Франціею до смерти Екатерины и за первую половину царствованія Александра I (до Эрфуртскаго свиданія); на всемъ этомъ протяженіи событія пересказаны имъ довольно полно и подробно и

не безъ интереса. Къ обзору политическихъ отношеній авторъ прибавляетъ еще обзоръ отношеній культурныхъ, занимающій, впрочемъ, въ книгѣ второе мѣсто и представляющій мало новаго.

«Исторія не достигала бы своей цѣли, если бы она не искала въ прошломъ совѣтовъ и поученій для будущаго»,—писалъ въ минувшемъ году Вандаль въ предисловіи къ своему труду «о франко-русскомъ союзѣ временъ первой имперіи». Выводы и поученія, какіе можно извлечь изъ книги г. Безобразова, далеко не въ пользу alliance franco-russe. Съ конца XVII вѣка и втеченіе всего XVIII вѣка не могло быть и рѣчи о прочномъ франко-русскомъ союзѣ: до того противорѣчили другъ другу основныя цѣли обоихъ государствъ. Двѣ главныя задачи, съ давнихъ поръ преслѣдовавшіяся Россіею: проложеніе пути къ западному и южному морямъ, всегда находили отпоръ со стороны Франціи. Считая Швецію въ числѣ главныхъ своихъ союзниковъ, Франція не могла равнодушно смотрѣть на увеличеніе могущества Россіи и расширеніе ея территоріи въ ущербъ шведской; съ другой стороны, на востокѣ вліяніе Франціи было весьма сильно, французское правительство со временъ Франциска I всегда сочувственно относилось къ Портѣ и не могло допустить усиленія какой бы то ни было другой державы на счетъ Оттоманской имперіи. Все это прекрасно сознавали представители Франціи прошлаго вѣка въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ имъ приходилось имѣть дѣло съ Россіею. Даже въ 1759 г., во время Семилѣтней войны, когда, повидимому, Франція и Россія весьма сблизились, одинъ изъ представителей версальскаго двора писалъ слѣдующее: «Можно сказать, что Франція не состоитъ въ союзѣ съ Россіею. Эти двѣ державы похожи на людей, относящихся равнодушно другъ къ другу, но имѣющихъ общаго друга и дѣйствующихъ сообща въ интересахъ этого друга. Таково политическое положеніе Франціи относительно Россіи.. Россія была почти всегда врагомъ нашихъ друзей и другомъ нашихъ враговъ. Эта странность вполнѣ естественна и происходитъ отъ внезапной перемѣны нашей политической системы и оттого, что мы находимся съ Россіей только во временномъ и не непосредственномъ союзѣ; отсюда происходятъ затрудненія въ нашихъ переговорахъ съ Петербургомъ и недовѣріе обоихъ дворовъ, дружба которыхъ не имѣетъ настоящей точки опоры». Съ гораздо большей рѣзкостью и опредѣленностью выражалъ свои мысли дипломатъ временъ Екатерины II, когда блестящіе успѣхи Россіи въ первую турецкую войну сильно встревожили французское правительство. «Побѣдоносная Россія, — писалъ въ 1773 г. Брольи въ мемуарѣ, представленномъ королю,—находится въ блестящемъ положеніи, собирая плоды своего военнаго могущества и могущества, доставляемаго ей выгодными союзами. Изъ великихъ державъ одна Франція заинтересована въ томъ, чтобы помѣшать торжеству Россіи и протянуть руку несчастнымъ туркамъ, ибо съ Польшей дѣло кончено. Если судить по наружности, представляемой всегда сближеніемъ двухъ дворовъ послѣ временнаго охлажденія, по комплиментамъ, по взаимному вниманію въ церемоніалѣ и этикетѣ, можетъ показаться, что Франція и Россія не далеки отъ союза; но если поразмыслить о противоположности справедливыхъ и миролюбивыхъ видовъ короля и несправедливыхъ и честолюбивыхъ плановъ русской императрицы, которые она отчасти привела уже въ исполненіе, эта надежда должна исчезнуть». Брольи указываетъ, какъ на наиболѣе существенный пунктъ, на восточный вопросъ, который являлся камнемъ

претккновенія во всякой рѣшительной попыткѣ установленія дружественныхъ отношеній между Франціей и Россіею. Къ концу XVIII вѣка присоединилась къ этой причинѣ еще другая, сдѣлавшая на время сношенія между Россіею и Франціею совершенно невозможными — французская революція; описаніемъ этого разрыва кончается первая часть очерковъ П. В. Безобразова. Вторая часть содержитъ исторію отношеній Александра I и Наполеона I, основанную главнымъ образомъ на сочиненія Вандаля. Здѣсь опять франко-русскій союзъ потерпѣлъ неудачу, но болѣе по причинамъ чисто личнымъ. «Наполеонъ,—говоритъ П. В. Безобразовъ,—былъ олицетвореніемъ войны; такъ какъ онъ распоряжался судьбами Европы, Россія вынуждена была воевать или сражаться противъ него, или вполнѣ подчиниться ему и приносить жертвы для упроченія его могущества». Вандаль въ своемъ недавнемъ трудѣ указываетъ на то, что въ настоящее время подобная неудача въ союзѣ Россіи и Франціи едва ли повторится. «Un avenir plus normal, plus fécond,— пишетъ онъ,— semble s'ouvrir aujourd'hui aux destinées des deux peuples, telles que les ont associées le parallélisme des intérêts et la rencontre des sympathies. En s'unissant dans une politique de sagesse et de fermeté prudente, elles pourront assurer l'indépendance du continent, après avoir vainement cherché à s'en partager l'empire, et il paraît réservé à ces deux pôles de l'Europe d'exercer sur elle une influence modératrice, d'entenir d'en replacer les eléments divers dans un juste équilibre». Настоящее доказало, что надежды эти не совсѣмъ соотвѣтствовали дѣйствительности: сказалась, хотя еще не въ сильной степени, и разность интересовъ, и недостаточность и односторонность симпатій. Впрочемъ, окончательное слово принадлежитъ еще будущему.

А. Л—нъ.

Е. И. Утинъ. Вильгельмъ I и Бисмаркъ. Историческіе очерки. Спб. 1892.

Трудъ г. Утина могъ бы въ настоящій моментъ, когда престарѣлый князь Бисмаркъ вступилъ въ такую страстную борьбу съ молодымъ германскимъ императоромъ, представлять особенный интересъ, еслибъ авторъ отнесся къ своему предмету серьезнѣе и съ бо̀льшимъ знаніемъ дѣла. Къ сожалѣнію, однако, книга его составляетъ только фельетонную болтовню. Достаточно привести нѣсколько примѣровъ, чтобы въ этомъ убѣдиться. Такъ въ предисловіи авторъ пытается дать намъ характеристику императора Вильгельма II. Оказывается, что этотъ монархъ, не смотря на четырехлѣтнее свое царствованіе, все еще остается какимъ-то сфинксомъ. Думы его сплошь и рядомъ носятъ на себѣ средневѣковой характеръ... Вліяніе Фридриха III (въ смыслѣ уваженія къ общественному мнѣнію) мало отразилось на сынѣ... Новый императоръ очень скоро заявилъ себя человѣкомъ, страстно любящимъ военное дѣло, мечтающимъ о военныхъ доблестяхъ, преклоняющимся передъ эпохой «огня и желѣза» и обожающимъ «силу», какъ высшее божество... Кромѣ того, онъ совершенно забываетъ дѣйствительность, конституціонный порядокъ, вліяніе, принадлежащее народному представительству, все это какъ бы не существуетъ, онъ смотритъ на себя, какъ на абсолютнаго монарха, не знающаго никакихъ преградъ, на Германію, какъ на страну, не вышедшую еще изъ патріархальнаго быта, требующаго, чтобы все смирялось, все преклонялось передъ главою большой семьи... Воля его — вотъ единственный законъ для Германіи.

Обо всемъ этомъ мы узнаемъ на стр. XIX, XXI, XXII и XXIV; но уже съ той же XXIV стр. картина совершенно измѣняется. Тутъ оказывается, что Вильгельмъ II «не только охотно прислушивается къ общественному мнѣнію, но что онъ умѣетъ уступать и сообразовать свою политику съ желаніями и голосомъ народа», что «политика молодаго императора не сдѣлала до настоящаго времени ни одного шага, который обличалъ бы желаніе нарушить европейскій миръ»,—словомъ оказывается, что молодой германскій императоръ не только не проникнутъ средневѣковымъ духомъ, но, наоборотъ, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ проявляетъ чуткое пониманіе требованій современности: онъ заботится о рабочихъ, преисполненъ уваженія къ голосу народа, чуждъ религіозной и національной нетерпимости, воздерживается отъ протекціонныхъ увлеченій, миролюбивъ, гуманенъ и т. д. Всѣ эти черты его царствованія авторъ подкрѣпляетъ цѣлымъ рядомъ фактовъ.

Какъ же объяснить себѣ подобный противорѣчивый судъ автора надъ императоромъ Вильгельмомъ II? Г. Утинъ намъ только говоритъ, что у императора Вильгельма страстный темпераментъ и что у него «слово расходится съ дѣломъ». Вотъ и все. Но почему же слово расходится у него съ дѣломъ? Почему страстный его темпераментъ проявляется только въ его рѣчахъ, а не дѣлахъ? Этого авторъ намъ не поясняетъ, говоря только, что «тотъ, кто задался бы цѣлію въ настоящее время написать портретъ Вильгельма II, рисковалъ бы горько ошибиться». Дѣйствительно на авторѣ этотъ афоризмъ вполнѣ подтверждается. Ему не съ руки писать портреты историческихъ дѣятелей, если онъ, напримѣръ, не въ состояніи уяснить себѣ даже такой простой вещи, что мнимыя деспотическія наклонности Вильгельма II проявляются только въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ заявляетъ о своемъ твердомъ намѣреніи сломить оппозицію, мѣтя этими словами въ непокорнаго бывшаго канцлера, вступившаго, какъ теперь для всѣхъ ясно, въ рѣшительную борьбу съ молодымъ императоромъ. Впрочемъ, мы объ этомъ вопросѣ уже говорили подробно на страницахъ «Историческаго Вѣстника» (въ майской книжкѣ за текущій годъ) и считаемъ лишнимъ возвращаться къ нему здѣсь.

Что касается до знакомства автора съ историческими фактами, то достаточно будетъ упомянуть, что онъ, пытаясь дать характеристику Бисмарка, проглядѣлъ такое крупное событіе, какъ опубликованіе дневника императора Фридриха III, въ которомъ, между прочимъ, доказывается, что вовсе не князю Бисмарку принадлежитъ честь объединенія Германіи. Авторъ просто находитъ, что «Бисмаркъ имѣетъ полное право сказать: это—дѣло рукъ моихъ» (стр. 392). А между тѣмъ въ характеристикѣ, помѣщенной въ энциклопедическомъ словарѣ (трудъ г. Утина состоитъ изъ двухъ частей: характеристики Вильгельма I, появившейся первоначально въ «Вѣстникѣ Европы», и характеристики Бисмарка, вошедшей въ «Энциклопедическій словарь» гг. Брокгауза и Ефрона), слѣдовало бы бережнѣе обращаться съ историческими фактами и не признавать безспорными такихъ, которые еще далеко не могутъ считаться исторически-достовѣрными. Къ ихъ числу принадлежитъ и фактъ созданія княземъ Бисмаркомъ объединенной Германіи. Мы знаемъ, что князь Бисмаркъ, не проявляя особенной скромности, приписываетъ себѣ роль объединителя Германіи,—знаемъ, что и большинство нѣмцевъ склонны отводить ему эту почетную роль. Но въ дневникѣ императора Фридриха III приведены очень вѣскія данныя, опровергающія эту легенду,

а князь Бисмаркъ, хотя и помѣстилъ въ «Имперскомъ Указателѣ» подробное возраженіе противъ дневника покойнаго императора и пришелъ въ великій гнѣвъ по поводу опубликованія документа, лишавшаго вѣнокъ его славы главнаго лавра, не успѣлъ съ своей стороны доказать, что онъ не противился объединенію Германской имперіи, опасаясь раздоровъ между германскими монархами и народами, какъ и не успѣлъ опровергнуть, что только благодаря энергіи и рѣшительному почину тогдашняго кронпринца Фридриха-Вильгельма объединеніе Германіи состоялось вслѣдъ за побѣдоносною франко-прусскою войною. Все это необходимо было разъяснить въ спеціальномъ трудѣ, посвященномъ характеристикѣ дѣятельности князя Бисмарка, а не ограничиться голымъ восхваленіемъ государственнаго дѣятеля, заслуги котораго представляются многимъ сомнительными. Популярность и слава среди современниковъ не служатъ еще доказательствомъ дѣйствительныхъ заслугъ. Ужъ на что гремѣла слава Меттерниха, а много ли осталось отъ нея предъ нелицепріятнымъ судомъ исторіи? Быть можетъ, при объективномъ и всестороннемъ анализѣ и отъ заслугъ князя Бисмарка останется немного; но, какъ бы то ни было, отъ сколько нибудь обстоятельной оцѣнки его дѣятельности слѣдуетъ ожидать компетентной регистраціи фактовъ и данныхъ, выясняющихъ намъ его право на благодарность собственнаго народа и человѣчества, а тамъ, гдѣ игнорируются крупные факты и данныя этого рода, нельзя говорить объ историческомъ изслѣдованіи; рѣчь тутъ только можетъ идти, какъ мы выразились, нисколько не грѣша противъ истины, о фельетонной болтовнѣ, тѣмъ менѣе умѣстной, чѣмъ серьезнѣе обсуждаемый предметъ.

Р. Сементковскій.

Г. Джаншіевъ. Изъ эпохи великихъ реформъ. Москва. 1892.

Со времени освобожденія крестьянъ, отмѣны тѣлеснаго наказанія, цензурной реформы, новаго суда и проч. прошло около тридцати лѣтъ. Дѣятели того времени уже сошли со сцены, а молодое поколѣніе, не знакомое въ школахъ съ отечествовѣдѣніемъ послѣднихъ лѣтъ, судитъ о своемъ прошломъ по наслышкѣ и часто пристрастно. Вотъ почему историческія справки г. Джаншіева изъ эпохи великихъ реформъ крайне своевременны. Правда, онѣ представляютъ не болѣе, какъ извлеченія изъ спеціальныхъ книгъ о минувшемъ царствованіи: профессора Иванюкова «Паденіе крѣпостнаго права», Н. Семенова «Освобожденіе крестьянъ», воспоминаній Щербачева, Валуева, Никитенки, и разныхъ статей, посвященныхъ тому же предмету въ «Русской Старинѣ», «Историческомъ Вѣстникѣ», и т. д. Это вполнѣ компилятивная работа, достоинство которой заключается въ прекрасномъ и увлекательномъ изложеніи предмета, съ цѣлью «возобновить въ памяти общества значеніе и смыслъ недавней преобразовательной эпохи, такъ часто и такъ безцеремонно извращаемые реакціонной печатью». Въ первыхъ очеркахъ г. Джаншіева читатель знакомится съ консервативной партіей 60-хъ годовъ въ лицѣ гр. Панина, Шувалова, митрополита Филарета, Валуева и реформаторами: Я. И. Ростовцевымъ, Киселевымъ, Ланскимъ, Чевкинымъ, Милютинымъ, Д. Самаринымъ, А. Кошелевымъ, кн. В. Черкасскимъ, Я. Соловьевымъ и т. д. Извѣстно, что за нѣсколько лѣтъ до освобожденія крестьянъ въ оффиціальныхъ сферахъ никто не смѣлъ говорить о выкупѣ полевой земли, и въ дворянскихъ собраніяхъ было запрещено касаться этого вопроса. Въ пер-

выхъ рескриптахъ и разъяснительномъ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ помѣщикамъ «сохранялось право собственности на всю землю», крестьянамъ же предоставлялось пріобрѣсти въ собственность только «усадебную осѣдлость», т. е., какъ разъяснилъ министръ, «избу или хату, въ которой живетъ крестьянинъ, съ дворомъ и принадлежностями, съ огородамъ и землею подъ онымъ». Остальная земля, составляя собственность помѣщика, отдавалась лишь въ пользованіе крестьянамъ, которые должны были или отбывать натуральныя повинности, или платить оброкъ деньгами или произведеніями. Уничтоженіе крѣпостнаго права должно было совершиться не вдругъ, а постепенно, причемъ переходное состояніе могло длиться до 12 лѣтъ. За помѣщиками сохранялась вотчинная полиція. Нѣкоторые дворянскіе комитеты (какъ-то курскій, новгородскій, тамбовскій, херсонскій, виленскій и др.) истолковали намѣренія правительства въ томъ смыслѣ, что предлагали въ своихъ проектахъ вовсе лишить крестьянъ, по истеченіи переходнаго времени, земли. Вообще большинство дворянъ было противъ реформы. Въ книгѣ г. Джаншіева мы находимъ слѣдующія тому доказательства. Министръ внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланской въ своей запискѣ отъ августа 1859 г. удостовѣряетъ, что большинство дворянства не оправдало ожиданій правительства и прямо или косвенно стремилось къ сохраненію крѣпостной зависимости въ болѣе или менѣе искусно замаскированной формѣ. Въ той же запискѣ своей государю Ланской писалъ: «Въ большинствѣ проектовъ, представленныхъ комитетами, не замѣчается безпристрастнаго соблюденія интересовъ обоихъ сословій, нѣтъ даже яснаго пониманія самыхъ выгодъ помѣщиковъ; въ нихъ выражалось стремленіе къ безземельному освобожденію крестьянъ, и въ то же время затрудняются имъ переходы». Въ опубликованныхъ собственноручныхъ отмѣткахъ покойнаго государя на адресѣ одного изъ корифеевъ крѣпостнической партіи, камергера М. А. Безобразова, имѣется любопытная отмѣтка, заключающая характеристику настроенія дворянства вообще. Противъ словъ адреса, подчеркнутыхъ государемъ: «дворянство горячо сочувствуетъ государю; оно доказало готовность свою исполнить его волю»,—стоитъ собственноручная ироническая отмѣтка государя: «хорошо доказано!» Во II томѣ сочиненія Семенова, стр. 951, противъ того мѣста письма Паскевича гдѣ говорилось, что предположенія редакціонныхъ коммиссій могутъ быть введены въ дѣйствіе только силою, имѣется отмѣтка государя: «да, если дворянство будетъ продолжать упорствовать». На письмѣ къ государю противъ того мѣста, гдѣ говорится о правѣ крестьянъ отказаться отъ земли, на полѣ государь отмѣтилъ: «и тогда помѣщики будутъ гонять ихъ съ земли и пустятъ ходить по міру». Явленіе это было печально, непонятно, нежелательно, но объяснимо. Смыслъ и источникъ его очень просто и вразумительно объяснилъ Я. И. Ростовцевъ въ своемъ предсмертномъ письмѣ къ императору Александру II отъ 23 октября 1859 года. «Большинство дворянскихъ комитетовъ,—писалъ онъ,—смотрѣло на дѣло съ точки зрѣнія частныхъ интересовъ и гражданскаго права, меньшинство же съ точки зрѣнія общественной пользы, государственной необходимости и государственнаго права. Огромное число враговъ реформы, не понимая этой необходимости, придумало противъ редакціонной коммиссіи обвиненіе въ желаніи обобрать дворянъ и произвести анархію»... До такой степени у большинства депутатовъ преобладало это частно-правовое воззрѣніе на дѣло, что когда заходила рѣчь объ отчужденіи дворянской собственности для надѣленія крестьянъ землею

то многіе изъ нихъ открыто, горячо и, повидимому, bona fide заявляли и въ губернскихъ комитетахъ, и въ редакціонной коммиссіи, что за себя лично они готовы приносить жертвы, но не считаютъ себя вправѣ и уполномоченными «жертвовать интересами дворянъ, которыхъ они удостоены чести быть представителями». Такимъ образомъ, большинство дворянскихъ депутатовъ смотрѣло на себя не какъ на носителей государственно-общественной миссіи, а какъ на излюбленныхъ адвокатовъ своего сословія. До какой неразборчивости доходили противники радикальнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса, можно судить по факту, оглашенному недавно «Русскимъ Архивомъ». На одномъ обѣдѣ князь А. В. Оболенскій предложилъ тостъ за всѣхъ трудившихся по крестьянскому вопросу и въ томъ числѣ за Кавелина и Унковскаго. Булгаковъ (членъ редакціонной коммиссіи) не постѣснился прервать тостъ такимъ замѣчаніемъ: «Ужъ если пить, то лучше начать съ начала, съ перваго, кто трудился за крестьянъ... съ Пугачева!» («Русскій Архивъ», 1891 г., № 1, стр. 7).

Ю. Ѳ. Самаринъ, князь В. А. Черкасскій и А. И. Кошелевъ, какъ извѣстно, должны были принимать рядъ мѣръ предосторожности и самообороны противъ угрозъ крѣпостниковъ.

Смерть Ростовцева (6-го февраля 1860 г.), если не произвела окончательнаго перелома въ направленіи работъ редакціонной коммиссіи, то все же лишила ее важной точки опоры и окрылила надеждами реакцію, входившую въ силу уже съ конца 1859 г. На мѣсто Ростовцева въ предсѣдатели редакціонной коммиссіи былъ назначенъ николаевскихъ временъ министръ, графъ В. Н. Панинъ — «кнутофилъ». Въ книгѣ того же г. Джаншіева «Основы судебной реформы» указанъ случай, въ которомъ графъ Панинъ не согласился на сенатское ходатайство дать малолѣтнему преступнику взамѣнъ 100 ударовъ розгами—50. Будучи крѣпостникомъ по убѣжденіямъ, графъ Панинъ, занявъ постъ предсѣдателя редакціонной коммиссіи, объяснялъ это противорѣчіе тѣмъ, что по долгу вѣрноподданической присяги онъ считаетъ себя обязаннымъ прежде всего узнавать взглядъ государя императора. «Если я какимъ либо путемъ,—говоритъ онъ,—прямо или косвенно удостовѣрюсь, что государь смотритъ на дѣло иначе, чѣмъ я, — я долгомъ считаю тотчасъ отступить отъ своихъ убѣжденій и дѣйствовать даже совершенно наперекоръ съ тою и даже большею энергіею, какъ если бы я руководился моими собственными убѣжденіями». Адмиралъ Грейгъ по этому поводу замѣтилъ: «Это самая полная защита трусости, какую я когда либо слышалъ». (См. дневникъ Валуева, «Русская Старина» 1889 г., № XI, стр. 150). Такимъ образомъ графъ Панинъ, лично не сочувствуя дѣлу освобожденія крестьянъ, содѣйствовалъ ему только оффиціально и, какъ пишетъ Джаншіевъ, въ первыхъ же засѣданіяхъ редакціонной коммиссіи дѣлалъ попытки добиться отъ нея существеннаго измѣненія постановленій, принятыхъ при Ростовцевѣ; но когда такія попытки разбились о стойкое противодѣйствіе членовъ, графъ Панинъ сталъ отстаивать частичныя выгоды въ пользу помѣщиковъ въ ущербъ крестьянамъ. Видя безплодность и этихъ своихъ усилій, графъ Панинъ, у котораго отношенія съ большинствомъ членовъ дѣлались все болѣе и болѣе натянутыми, сталъ, въ качествѣ тонкаго казуиста, прибѣгать ко всевозможнымъ способамъ оттяжки дѣла. Пренія затягивались, протоколы задерживались недѣлями, засѣданія назначались въ дни, неудобные для членовъ, и даже протоколы «исправлялись» въ духѣ

предсѣдателя. Но пришлось отказаться и отъ этой системы, такъ какъ члены уклонялись подписывать протоколы, не соотвѣтствующіе дѣйствительности. Когда однажды такой маневръ былъ выведенъ Н. А. Милютинымъ на свѣжую воду, графъ Панинъ поблѣднѣлъ и задыхаясь сказалъ: «такъ это значитъ, вы выражаете сомнѣніе въ моемъ словѣ! Это случается со мной въ первый разъ моей жизни». Отъ системы проволочекъ пришлось также отказаться въ виду прямаго приказанія государя окончить работы къ октябрю 1860 г. Только впослѣдствіи, въ главномъ комитетѣ графу Панину удалось провести довольно существенныя измѣненія въ проектѣ редакціонной коммиссіи, причемъ вопреки первоначальному намѣренію допущенъ былъ даже такъ называемый сиротскій, или гагаринскій, надѣлъ.

Наблюденіе за изготовленіемъ манифеста 19-го февраля было возложено на того же графа Панина. Первоначальный проектъ манифеста былъ составленъ Ю. Θ. Самаринымъ и Н. А. Милютинымъ. Но проектъ не удовлетворилъ графа Панина, и, по его докладу, высочайше повелѣно было окончательную редакцію этого важнаго документа возложить на московскаго митрополита Филарета. Митрополитъ Филаретъ не сочувствовалъ крестьянской реформѣ. Онъ,—пишетъ г. Джаншіевъ,—по складу своего ума и по другимъ причинамъ, не сочувствовалъ рѣшительнымъ переворотамъ въ народной жизни и предпочиталъ держаться того порядка вещей, который установился издавна и пустилъ глубокіе корни.

Митрополитъ Филаретъ сократилъ почти вдвое первоначальный проектъ манифеста и измѣнилъ его значительно. 5-го февраля проектъ манифеста былъ составленъ и въ тотъ же день препровожденъ къ графу Панину при письмѣ, въ которомъ митрополитъ Филаретъ высказываетъ, что «въ исполненіе порученія его ввело вѣрноподданническое повиновеніе, а не сознаніе удовлетворить требованію». Вотъ при какихъ неблагопріятныхъ условіяхъ подготовлялась реформа 19-го февраля, и если бы обнародованіе ея было замедлено, то много вѣроятности, что возникли бы еще болѣе серьезные тормазы, и реформа была бы неузнаваема. Многіе изъ дѣятелей того времени особенно опасались искаженія реформы и ея односторонности. Въ запискѣ тверскаго комитета, составленной его предсѣдателемъ А. Унковскимъ, по этому поводу говорится: «Не смотря на все зло крѣпостнаго права, власть помѣщика, его мѣстное значеніе, его вліяніе и на крестьянъ, и на должностныхъ лицъ, служили, съ одной стороны, огромнымъ пособіемъ въ управленіи, съ другой—ограничивали произволъ чиновниковъ. Съ уничтоженіемъ ея останутся для управленія и охраненія порядка и спокойствія только два становыхъ пристава. Съ другой стороны, въ чемъ будетъ ограниченіе произвола чиновниковъ? Крѣпостное право, глубоко пустившее корни во всѣхъ сферахъ русской жизни, проникло насквозь и служебную дѣятельность: если уничтожить его только въ чистомъ видѣ, оставивъ все прежнее постарому, это не будетъ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, а только передачей его изъ рукъ помѣщиковъ въ руки чиновниковъ и расширеніемъ его предѣловъ. Это будетъ раздѣленіе всѣхъ сословій въ государствѣ на два враждебные лагеря: на лагерь полноправныхъ чиновниковъ, вооруженныхъ всею необузданностью безотвѣтственнаго произвола, и безгласныхъ жителей». Для прекращенія такого состоянія комитетъ предлагалъ положить основаніе самоуправленію, т. е. самостоятельному управленію общинъ. Впослѣдствіи, дѣйствительно, какъ мы видимъ, за освобожденіемъ крестьянъ возникли ре-

формы: земское положеніе, гласный судъ, законы о печати и цензурѣ, отмѣна тѣлесныхъ наказаній и т. д.

Каждой изъ этихъ реформъ г. Джаншіевъ удѣлилъ по отдѣльной статьѣ, полныхъ интересныхъ фактовъ и яркаго освѣщенія. **А. Фаресовъ.**

Рулетка въ Монако. Переводъ съ французскаго. Москва. 1892.

Въ прошломъ году, въ статьѣ «Послѣдній игорный притонъ въ Европѣ», «Историческій Вѣстникъ» представилъ картину настоящаго положенія позорнаго учрежденія, процвѣтающаго въ независимомъ княжествѣ Монако, но находящемся на територіи французскаго департамента приморскихъ Альпъ, на побережьѣ Средиземнаго моря. На десяткѣ страницъ мы передали исторію возникновенія этого игорнаго дома и того, что дѣлается въ немъ въ настоящее время на глазахъ международнаго общества, гордящагося своею цивилизаціей и гуманностью. Теперь въ Москвѣ вышла цѣлая книга, почти въ 200 страницъ, подробно разсказывающая всѣ продѣлки этого мошенническаго притона, всѣ убійства, кражи и грабительства, совершающіяся въ немъ и остающіяся безнаказанными. Неизвѣстный переводчикъ взялъ одну изъ многочисленныхъ брошюръ объ этомъ предметѣ и издалъ ее на русскомъ языкѣ со своими примѣчаніями и дополненіями, впрочемъ, весьма незначительными. Онъ задался благою цѣлью — уничтоженіемъ рулетки, и взялъ себѣ эпиграфомъ: «delenda Monte-Carlo!». Но, какъ говоритъ нашъ поэтъ: «и погромче насъ были витіи, да не сдѣлали пользы перомъ», и немножко странно съ какого нибудь Сивцева-Вражка упрекать Францію за то, что она «невозбранно позволяетъ этому дому дьявола заработывать свои доходы путемъ самаго постыднаго, самаго растлѣвающаго соблазна». Самъ же авторъ сознается, что трудно бороться «съ грудами золота и ниспровергнуть обманъ, приносящій ежегодно 25 милліоновъ франковъ дохода». Но находитъ, что, не смотря на трудность борьбы, бороться, всетаки, необходимо, такъ какъ нельзя позволить «шайкѣ плутовъ и бандитовъ обирать безъ помѣхи честныхъ, но легкомысленныхъ людей». Не думаетъ ли онъ своею брошюрою помѣшать крупье обворовывать игроковъ? Да и можно ли называть честными людьми тѣхъ, кто лишаетъ состоянія свои семьи и пускаетъ себѣ пулю въ лобъ, думая этимъ оправдать свой постыдный поступокъ? Это уже и не легкомысліе, а скорѣе недомысліе или просто безсмысліе. Такихъ людей жалѣть нечего, когда они самовольно разстаются съ жизнью. Ничего бы они и не сдѣлали въ ней путнаго, если бы продолжали влачить свое жалкое, никому ненужное существованіе. Въ первый день новаго 1890 года, по словамъ брошюры, въ Монте-Карло застрѣлился прилично одѣтый нашъ соотечественникъ. Въ карманѣ у него нашли записку: «проигралъ 800.000. Желаю остаться неизвѣстнымъ». Желаніе вполнѣ понятное, потому что послѣ такого нелѣпаго проигрыша совѣстно было бы смотрѣть въ глаза всякаго разумнаго человѣка. Въ книгѣ помѣщено и еще нѣсколько подобныхъ примѣровъ нравственно и умственно свихнувшихся русскихъ людей, и чѣмъ скорѣе исчезаютъ они съ земного поприща, тѣмъ чище дѣлается нравственная атмосфера въ ихъ отечествѣ. Главы о самоубійствахъ съ 1879 по 1891 годъ самыя любопытныя въ книгѣ, хотя въ нихъ мало собственныхъ именъ, и случаи смертей разсказаны безъ всякихъ подробностей, на основаніи газетныхъ статеекъ. Понятно, что управленіе игорнымъ домомъ

старается замять такіе случаи, но вѣдь невозможно же, чтобы всѣ они проходили безъ послѣдствій и безнаказанно. Судебныя власти Франціи должны же обращать вниманіе на эти преступленія, и если министры въ Парижѣ по понятнымъ причинамъ не даютъ хода прошеніямъ о закрытіи рулетки, прокуратура могла бы, во имя нравственности и гуманности, войдти съ представленіемъ объ этомъ въ палату депутатовъ или въ сенатъ. Любопытно, что авторъ брошюры совѣтуетъ самоубійцамъ стрѣляться не въ ресторанахъ и садахъ Монако, а въ самомъ притонѣ, во время игры. Для чего это? Чтобы подѣйствовать на совѣсть разбойнической администраціи, или чтобы заставить ее чаще мѣнять мебель, забрызганную кровью психопатовъ? Слишкомъ ужъ много, кажется намъ, авторъ приписываетъ злодѣяній притону, наполняя двѣ главы разсказами о его скандалахъ, кражахъ, мошенничествахъ и грабительствахъ. Разсказывается даже, что администрація произвела однажды переполохъ въ залѣ, заставивъ своихъ агентовъ кричать, что подброшены динамитныя бомбы, которыя сейчасъ взорветъ. Публика, конечно, бросилась къ выходамъ, и одни крупье остались спокойными и безстрастными, и воспользовались паникой, чтобы захватить всѣ ставки и не уплатить какому-то англичанину значительнаго выигрыша. Англичанинъ самъ разсказываетъ объ этомъ сомнительномъ происшествіи, но не протестуетъ противъ ограбленія и не возбуждаетъ судебнаго преслѣдованія противъ виновниковъ переполоха, за которымъ не послѣдовало никакого взрыва. Не слѣдуетъ сгущать краски даже при описаніи такого лупанара, какъ Монте-Карло, который авторъ напрасно называетъ «лупанаріемъ» (у Ювенала: lupanar). Преувеличеніе въ одномъ какомъ нибудь случаѣ заподозрѣваетъ правдивость и другихъ разсказовъ. Много лишняго въ первыхъ главахъ брошюры о родѣ князей Грималъди, основаніи и развитіи игорнаго дома, а послѣдняя VIII-я глава «можно ли выиграть въ Монте-Карло» просто наивна, и съ первыхъ строкъ ея авторъ сознается, что это невозможно, «даже еслибъ игра велась и вполнѣ честно». Крупье ограничиваются тѣмъ, что даютъ по временамъ возможность пріобрѣсти порядочный кушъ извѣстнымъ лицамъ, чтобы объ этомъ кричали въ газетахъ. Такъ недавно герцогъ Уэльскій выигралъ двадцать тысячъ франковъ въ рулетку. Но это едва ли не единственный случай въ послѣднее время, и на столбцахъ газетъ гораздо чаще встрѣчаются извѣстія о самоубійствахъ и проигрышахъ. Отъ этихъ сенсаціонныхъ разсказовъ, въ виду интереса, возбуждаемаго ими въ читателяхъ, газеты не могутъ воздержаться, не смотря на все желаніе не печатать ничего непріятнаго для притона, отъ котораго они получаютъ значительныя подачки, восхваляя удивительный климатъ Монако, его очаровательные пейзажи, роскошную флору и блестящіе праздники «Общества морскихъ купаній», куда собираются всѣ знаменитости Европы. О рулеткѣ при этомъ, конечно, не говорится ни слова, какъ будто ея вовсе не существуетъ въ этихъ волшебныхъ садахъ, прославленію которыхъ такъ много содѣйствовала продажная печать. Поэтому авторъ брошюры поступилъ бы гораздо цѣлесообразнѣе, если бы вмѣсто риторическихъ воззваній и обращеній къ гуманности, нравственности, цивилизаціи и правосудію, подкрѣпилъ главу о «подкупленныхъ и нанятыхъ защитникахъ игорнаго дома» болѣе вѣскими и доказательными фактами, чѣмъ извѣстіями о томъ, что «Figaro» получаетъ въ годъ отъ Монте-Карло 80.000 франковъ, а «Petit Journal» 25.000. Что это за цифры, въ сравненіи съ 2,200.000 годового дохода, получаемаго княземъ Гримальди

со своего княжества въ 21 версту, то-есть собственно съ одного игорнаго дома, съ 21 милліономъ чистой прибыли, получаемымъ въ годъ рулеткою, и съ 130 милліонами запасныхъ капиталовъ и недвижимости Монте-Карло!..

В—ъ.

Историческій очеркъ Романо-Борисоглѣбскаго училища (1787—1891 г.). Составилъ А. А. Кузнецовъ. Мышкинъ. 1892.

Очеркъ г. Кузнецова посвященъ исторіи одного только Романовъ-Борисоглѣбскаго училища, но, тѣмъ не менѣе, представляетъ интересъ. Авторъ воспользовался архивнымъ матеріаломъ, находившимся въ училищѣ, и нарисовалъ очень любопытную картину школьнаго быта того времени. Передъ читателемъ ясно рисуется вся школьная обстановка, учителя и ученики, ихъ взаимныя отношенія, занятія, отношеніе общества къ школѣ и т. д. Статистическія свѣдѣнія, собранныя авторомъ, даютъ точное понятіе о средствахъ, которыми располагало училище, о его расходахъ, количествѣ учениковъ. Любопытно, какъ отношеніе общества отражалось постоянно на количествѣ посѣщавшихъ школу мальчиковъ. Въ 1873 г. здѣсь было всего 60 мальчиковъ, въ 1874 г. уже 70, а въ 1890—114, а въ тридцатыхъ, сороковыхъ годахъ школа посѣщалась всего—30, 40 учениками. Не лишены также интереса свѣдѣнія, сообщаемыя г. Кузнецовымъ, о первой публичной библіотекѣ, открытой въ 1859 г. по распоряженію попечителя Московскаго округа. Въ публичную библіотеку была обращена школьная фундаментальная, состоявшая изъ 207 названій и 495 томовъ. За десять лѣтъ количество книгъ библіотеки увеличилось до 425 названій и 868 томовъ. Лицъ, подписавшихся на чтеніе, въ 1860 г. было—25, въ 1861—18, а въ 1870—одинъ человѣкъ. Въ 1871 г. ушелъ этотъ единственный читатель, и библіотека, не закрытая оффиціально, фактически перестала существовать, «медленно угасла за отсутствіемъ желающихъ читать». Отсутствіе это авторъ объясняетъ тѣмъ, что «въ ней нечего было читать, а наличному числу любителей чтенія было не подъ силу снабдить библіотеку болѣе интересными для любителей сочиненіями». Судя, однако, хотя бы по перечню журналовъ, выписывавшихся библіотекой, нельзя сказать, чтобы читать было нечего. Здѣсь получались, напримѣръ, «Библіотека для Чтенія», «Современникъ», «Отечественныя Записки», «Московскія Вѣдомости», «Русскій Вѣстникъ», «Рѣчь» и др. Очевидно, что читать можно было, матеріалъ для чтенія былъ и несомнѣнно увеличивался бы, если бы «любителей чтенія» было больше. Читать было некому, и потому напрасно г. Кузнецовъ оправдываетъ общество, напрасно думаетъ, что главная причина заключалась не «въ недостаткѣ любителей чтенія среди мѣстныхъ жителей». Рѣдкой библіотекѣ не приходилось, да и теперь не приходится, считаться съ этимъ индифферентизмомъ общества, съ этимъ печальнымъ «отсутствіемъ желающихъ читать».

В. Б.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Франко-русскій союзъ.—Французы и русскіе въ Крыму.— Мнѣніе Луи Леже о трудахъ русской академіи и академическомъ словарѣ.—Былъ ли Мольтке хорошимъ стратегомъ? — Республика и армія. — Записная книжка баварскаго поручика въ 1870 году.—Испанскій журналъ въ память открытія Америки.—Мазарини и Кольбертъ по новымъ изслѣдованіямъ.—Исторія Византіи.—Паденіе Константинополя по изысканіямъ сербскаго писателя.

РАНКО-РУССКОЕ соглашеніе, являющееся единственною опорою европейскаго мира, вопреки всѣмъ интригамъ тройственнаго союза, служитъ и въ литературѣ предметомъ изслѣдованій и выводовъ. Фердинандъ Гено издалъ историческій этюдъ «Двѣнадцать лѣтъ франко-русскаго союза (Douze ans d alliance franco-russe, par F. de Hénaut). Это подробное изложеніе нашихъ сношеній съ Франціей отъ 1818, по 1830 годъ. Авторъ подтверждаетъ неопровержимыми фактами, что, не смотря на преобладаніе въ это время въ политикѣ идей священнаго союза, Россія противилась всякой враждебной попыткѣ противъ Франціи и дала такимъ образомъ ей возможность сдѣлаться снова могущественною державою, не смотря на разгромъ 1815 года, на всѣ старанія Метерниха и происки Англіи. Гено доказываетъ, что и 60 лѣтъ тому назадъ французскія симпатіи были тѣ же самыя, какъ и теперь, и Россія готова была заключить формальный союзъ съ Франціей, но революція 1830 года измѣнила мысли и намѣренія Николая I. Онъ считалъ нелойяльнымъ захватъ власти Луи Филиппомъ и во всѣ 18 лѣтъ его царствованія относился къ нему сдержанно и недружелюбно. Но до 1830 года русскій императоръ считалъ процвѣтаніе Франціи необходимымъ условіемъ европейскаго мира и равновѣсія. Даже захватъ власти Луи На-

полеономъ и Крымская война не уничтожили симпатій между двумя націями. Да оно и понятно: славянской и романской расѣ нечего бояться другъ друга, но ослабѣй одна изъ нихъ, и тевтонская раса сдѣлается господствующею въ Европѣ, что̀ и случилось послѣ погрома Франціи. Народный инстинктъ болѣе, чѣмъ всѣ дипломатическіе расчеты, содѣйствуетъ соглашенію державъ, и это вполнѣ подтверждаетъ книга Гено, хотя и обнимающая небольшой періодъ времени.

— Генералъ Гербе оставилъ своему семейству письма изъ эпохи Крымскаго похода, появляющіяся теперь подъ названіемъ «Французы и русскіе въ Крыму» (Général Herbé: Francais et Russes en Crimée). Генералъ былъ тогда адъютантомъ въ 95 линейномъ полку. Онъ описываетъ живымъ литературнымъ языкомъ высадку въ Галлиполи, Константинополь, лагери въ Варнѣ, Іени-кей, Базарджикѣ, пожаръ въ Варнѣ, прибытіе въ Крымъ. Онъ участвовалъ въ сраженіи при Альмѣ и траншейныхъ работахъ противъ Севастополя, въ сраженіяхъ при Инкерманѣ и Балаклавѣ, въ осадныхъ стычкахъ при взятіи Зеленаго холма, въ неудачномъ штурмѣ 18 го іюня, въ побѣдѣ при Черной, взятіи Малахова кургана и въ Кинбурнской экспедиціи. Книга изобилуетъ анекдотами, особенно относящимися къ самымъ любезнымъ отношеніямъ между офицерами враждебныхъ армій въ короткіе промежутки перемирій. Любопытны характеристики отдѣльныхъ лицъ, какъ капитана Бирюлева, генерала Фальи, проницательность и хладнокровіе котораго авторъ уже черезчуръ превозноситъ, также какъ и Пелиссье за его энергію и твердую волю. Не думаемъ также, чтобы солдаты жалѣли и даже плакали о маршалѣ Сент-Арно, этомъ бездарномъ авантюристѣ. О принцѣ Наполеонѣ авторъ отзывается также черезчуръ снисходительно. Онъ порицаетъ его за роль фрондера, которую тотъ разыгрывалъ въ арміи, и за рѣзкое осужденіе военныхъ операцій, какое принцъ позволялъ себѣ въ присутствіи субалтернъ-офицеровъ. Гербе говоритъ даже, что если принцъ оставилъ армію, то потому именно, что ему не давали въ ней прерогативъ, приличныхъ его званію, и что всякій на его мѣстѣ поступилъ бы точно также, но что онъ храбро дрался при Альмѣ и Инкерманѣ,—послѣднее утвержденіе весьма сомнительно. Не мало разсѣяно въ книгѣ анекдотовъ и о солдатахъ; такъ, авторъ разсказываетъ, какъ маленькій, тощій капралъ Машера бросился на огромнаго, плечистаго русскаго солдата, и тотъ, обезоруживъ капрала, взялъ его подъ мышку и унесъ въ плѣнъ. Авторъ удивляется смѣлости француза, но, кажется, и смѣлость русскаго въ этомъ случаѣ не меньше. Плѣннику было разрѣшено писать къ своей семьѣ, и авторъ почему-то удивляется этой «наградѣ за его храбрость». Неужели и такое простое позволеніе надо считать необычайною наградою?

— Извѣстный знатокъ русскаго языка Луи Леже въ «Revue critique d'histoire et de littérature» разбираетъ отчетъ II отдѣленія нашей академіи наукъ за пятьдесятъ лѣтъ его существованія и первый выпускъ новаго академическаго словаря. Странно, что критикъ, составившій много дѣльныхъ статей о Россіи, высказываетъ въ своей оцѣнкѣ ошибочныя и поверхностныя сужденія. Такъ, онъ говоритъ, что «россійская академія», основанная въ 1783 году Екатериною II, была присоединена къ академіи наукъ въ 1841 г. Николаемъ I, потому что подъ предсѣдательствомъ «фантазера» адмирала Шишкова уклонилась отъ своей первоначальной цѣли и не сумѣла принять ни открыто литературнаго, ни ученаго характера. Отношенія на-

шего второго отдѣленія къ академіи вовсе не такія, какъ французской академіи къ институту. Расхваливая труды членовъ второго отдѣленія и называя только умершихъ: Жуковскаго, Крылова, Востокова, Срезневскаго, Билярскаго, Строева, Пекарскаго, Леже осыпаетъ похвалами и новый русскій словарь академіи, тогда какъ наша журналистика встрѣтила его или молчаніемъ, или не весьма одобрительными отзывами: за статьею въ нашемъ журналѣ вышла болѣе обширная и обстоятельная статья въ «Наблюдателѣ», изъ которой «Новое Время» и «Петербургская Газета» привели выписки не въ пользу изданія, а «Петербургскія Вѣдомости» доказали, что и чисто лингвистическая часть словаря сильно хромаетъ; профессоръ Казанскаго университета А. Соколовъ издалъ отдѣльной брошюрой свои «Замѣчанія на словарь», въ которыхъ приводитъ множество невѣрно опредѣленныхъ и пропущенныхъ словъ. Леже желаетъ, чтобы 80-лѣтній редакторъ словаря скорѣе окончилъ свое полезное изданіе, но утверждаетъ въ то же время, что наши писатели долгое время смѣшивали славянскій языкъ съ русскимъ, и раздѣленіе ихъ произошло только въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія. Стало быть, Кантемиръ, Державинъ, Фонвизинъ, Радищевъ и всѣ писатели вѣка Екатерины вмѣстѣ съ самою императрицею, да и всѣ авторы царствованія Александра I, писали на русско-славянскомъ языкѣ? Отъ Луи Леже можно было бы и не ожидать такого верхоглядства въ сужденіяхъ.

— Полководцевъ и стратеговъ признаютъ великими, когда они одерживаютъ побѣды, но пессимисты говорятъ, что побѣды часто выигрываются случайно и зависятъ отъ счастья и тысячи обстоятельствъ, которыхъ нельзя предвидѣть. Хотя еще Суворовъ говорилъ: сегодня счастье, завтра счастье, надо же когда нибудь и немножко ума, но нельзя не сказать, что и въ послѣднихъ войнахъ многія побѣды зависѣли отъ чисто случайной удачи. Недавно умершій фельдмаршалъ Мольтке пользуется славою знаменитаго стратега, а между тѣмъ французскій генералъ Юнгъ развѣнчиваетъ его въ своемъ сочиненіи «Мольтке и его мемуары о кампаніи 1870 года» (M. de Moltke et ses mémoires sur la campagne de 1870). Юнгъ говоритъ, что онъ совершенно разочаровался, читая эти мемуары: «это не болѣе, какъ книга акуратнаго кассира, отдающаго ежедневный отчетъ въ операціяхъ своего дома». Авторъ увѣряетъ, что Мольтке обязанъ своею военною репутаціей простой случайности; все, что онъ предписывалъ, какъ начальникъ штаба нѣмецкой арміи, могло служить и къ ея пораженію, но даже самые явные промахи его имѣли счастливый исходъ; подъ Мецомъ онъ одержалъ верхъ при самыхъ исключительныхъ обстоятельствахъ; подготовить военныя операціи онъ еще могъ, но составить планъ кампаніи былъ совершенно неспособенъ. Къ тому же, по счастливымъ шансамъ, противниками его были генералы, занимавшіеся политикою, а не войною, дѣйствовавшіе безъ всякаго плана съ своимъ ни на что неспособнымъ императоромъ. Въ какой степени правъ французскій генералъ, произнося такой приговоръ о нѣмецкомъ стратегѣ, могутъ рѣшить компетентныя лица. Авторъ былъ начальникомъ штаба во время министерства Буланже, и неудавшійся авантюристъ называлъ своего помощника «печальнымъ субъектомъ», но хорошимъ работникомъ. За то и Юнгъ выставилъ своего бывшаго министра въ другой своей книгѣ «Республика и армія» (La république et l'armée), какимъ онъ и былъ въ жизни: пустымъ фанфарономъ, нерѣшительнымъ болтуномъ,

не умѣвшимъ пользоваться обстоятельствами, не имѣвшимъ ни энергіи, ни цѣли, къ которой онъ могъ бы стремиться. Въ этой книгѣ Юнгъ изслѣдуетъ, какими способоми можно сдѣлать армію республиканскою, и рисуетъ картину, какою должна быть республика во время войны: одна палата, исполнительная власть, вооруженная всѣми полномочіями, отдѣльныя комисіи, отвѣтственные генералы, при которыхъ должны находиться комисарами народные представители. Къ диктатурѣ онъ, однако, не совѣтуетъ прибѣгать даже въ крайней опасности.

— Любопытнымъ документомъ къ исторіи войны 1870 года является изданная надняхъ «Записная книжка баварскаго офицера». Французы тотчасъ же перевели ее (Le cornet d'un officier bavarois) въ извлеченіи, потому что въ ней встрѣчаются ни для кого не интересныя подробности о томъ, какъ авторъ каждый день завтракалъ, обѣдалъ и ужиналъ, кромѣ случайныхъ угощеній, выпадавшихъ на его долю, и которыя онъ всѣ вносилъ въ свой дневникъ, приписывая особенное значеніе своему питанію. Исключены также изъ книжки амурныя похожденія, циническія разсужденія о женщинахъ и грубыя нѣмецкія ругательства, относящіяся къ начальству, но все остальное сохранено въ неприкосновенности, рисующей закулисную, неприглядную сторону войны, этого позорнаго бича, отъ котораго не можетъ избавиться человѣчество. Оригиналъ книжки, въ черномъ полотняномъ переплетѣ, хранится въ Берзасовѣ. Авторъ, поручикъ 1-й роты 10-го пѣхотнаго полка принца Лудвига, входившаго въ составъ 1-го корпуса 2-й дивизіи 4-й бригады, Эммеръ—человѣкъ ограниченныхъ способностей, но съ практическимъ смысломъ, не считающій воровствомъ присвоенія себѣ на войнѣ чужой собственности, грубый, но довольно простодушный, отличающійся сильно развитымъ апетитомъ. Онъ записывалъ день за днемъ, часто даже часъ за часомъ, все, что случалось съ нимъ во время похода отъ 30 го іюня по 9-е ноября 1870 года. Лучше всего съ содержаніемъ и тономъ его дневника, доказывающаго, какъ мало думаютъ военные на войнѣ о ея патріотическихъ цѣляхъ, о славѣ отечества, ознакомятъ выписки изъ его книжки, которыя мы и приводимъ на выдержку.

«30-го іюля. Мы оставляемъ Ингольштадтъ въ 5 часовъ вечера, а когда вернемся? Продолжительная остановка въ Виллисѣ: хорошее пиво, отличный кофе, радушный пріемъ, хорошенькія дѣвчонки. Но съ перваго же этапа изъ полка скрылось уже нѣсколько человѣкъ.

«1-го августа. Перешли Рейнъ у Шпейера, пройдя, безъ всякаго восторга маршемъ мимо прусскаго короля. Квартиру мнѣ отвели у статскаго совѣтника Миллера, очень любезнаго человѣка, но его кофе ни къ чорту не годится.

«2-го августа. Отправившись въ Гердерсгеймъ, попали не на ту дорогу, проплутали нѣсколько лишнихъ часовъ, дошли усталые, въ безпорядкѣ, изъѣденные комарами, должно быть, женскаго пола: такъ они надоѣдливы.

«5-го августа. Третій день дождь, по ужаснымъ дорогамъ пришли измученные въ Ингольсгеймъ,—и нечего съѣсть. Стрѣлки разграбили великолѣпный картофельный огородъ. Какъ бы охотно я вернулся домой, еслибъ могъ!

«6-го августа. Въ Вёртѣ пруссаки съ помощью стрѣлковъ одержали побѣду: пожаръ, стоны раненыхъ и другія пріятныя картинки.

«8-го августа. Въ Цинсвейлерѣ обобрали куръ, гусей, свиней, стащили боченокъ вина, устроили пиръ.

«13-го августа. Въ Бертельмингѣ ночевалъ у булочника; стащилъ у него двѣ бутылки вина.

«14-го августа. Въ Лагарди; воскресенье; раздавали вино; но для ночлега всѣ дома заняли раньше офицеры 3-го батальона. Насъ пріютилъ ученый, съ которымъ товарищъ мой говорилъ полатыни, и угостилъ прекрасными сосисками, но въ которыхъ было столько перцу, что даже мертвый сталъ бы пить. Поэтому мы даже кофе запивали водкой. Удивлялись моему апетиту.

«15-го августа. Хорошая новость: Наполеонъ бѣжалъ въ Бельгію, захвативъ военную казну. Стало быть, война, благодареніе Богу, окончена.

«17-го августа. Въ Домбалѣ напились страшно. Эти животныя французы, однако, богаты. Товарищъ мой оставилъ такіе слѣды въ нашей квартирѣ, что хозяину придется долго убирать ихъ.

«18-го августа. Въ Азело солдаты мои набросились, какъ звѣри, на фруктовыя деревья; я вырвалъ у одного два клока волосъ, другого отдулъ плашмя саблей, третьему надавалъ оплеухъ.

«21-го августа. Наѣлся хлѣба съ масломъ и медомъ, яицъ, ветчины, напился шеколаду и лимонаду и пошелъ въ церковь, но тамъ протестантская комедія, а я по воскресеньямъ привыкъ къ католическимъ церемоніямъ.

«23-го августа. Въ бѣдной маленькой деревнѣ Мелиньи съ бѣшеными блохами крестьяне встрѣтили вилами нашего квартирмейстера; чтобы научить ихъ жить, отняли у нихъ всю провизію, вино, сало,—все отняли и отдули палками старшину за то, что кто-то выстрѣлилъ въ капитана, чего вовсе не было.

«25-го августа. Именины нашего короля, поэтому утромъ насъ угостили парадомъ съ музыкой и безконечной проповѣдью капелана дивизіи. Въ Баръ-ле-дюкѣ беремъ реквизиціи въ третій разъ; жители жалуются, точно мы виноваты въ этомъ.

«1-го сентября. Третій день прусскія дивизіи сражаются. Мы въ резервѣ и занимаемъ горящую деревню Вазейль. Валланъ также горитъ. Мы идемъ на Седанъ. Въ $5^1/_2$ вечера крѣпость сдалась. Въ Вазейлѣ страшная картина сожженныхъ, разрушенныхъ домовъ, груды тѣлъ.

«2-го сентября. Наполеонъ отдалъ свою шпагу: стало быть, мы вернемся въ Баварію. Хоронили нашихъ убитыхъ солдатъ. Вчера разрушили бомбами деревню, изъ которой одинъ крестьянинъ выстрѣлилъ въ нашихъ солдатъ. Мы встрѣтили за столомъ, уставленнымъ бутылками, извѣстіе, что Наполеонъ сдался въ плѣнъ съ стотысячною арміею. Это великолѣпная побѣда для Германіи, отмстившей Франціи за прошлыя обиды.

«11-го сентября. Въ часъ мы отправились въ походъ по направленію къ Парижу. Я такъ скучаю, что напиваюсь всякій день вмѣстѣ съ нашимъ капельмейстеромъ.

«14-го сентября. Въ Бетанвилѣ фабрики шампанскаго. Я былъ бы очень радъ здѣсь остановиться. Въ Моранвильерѣ сталъ торговать сыръ. Съ меня запросили очень дорого, и я унесъ его, ничего не заплативъ. Надо было идти поздравить нашего генерала, получившаго крестъ (какая скука!). Что за комедія всѣ эти ордена, раздаваемые въ такомъ количествѣ!

«8-го октября. Когда же кончится эта глупая кампанія? Насъ отправляютъ противъ луарской арміи, сформированной изъ вольныхъ стрѣлковъ, національной гвардіи, безъ артилеріи.

«11-го октября. Мы идемъ къ Орлеану, непріятель преграждаетъ намъ путь, завязывается серьезное сраженіе. Меня назначили быть при батальонномъ знамени, въ помощь маіору, трусливому какъ заяцъ. Приносятъ раненаго вольнаго стрѣлка. Я обращаюсь къ нему на французскомъ языкѣ; онъ смотритъ на меня и отвѣчаетъ: monsieur! я не говорю понѣмецки! Конечно, онъ смѣется надо мною, но у него пуля въ животѣ, а я совершенно здоровъ.

«13-го октября. Въ Орлеанѣ. Пошелъ смотрѣть соборъ — не важный. Въ домѣ, гдѣ я на постоѣ, — нечѣмъ поживиться, но съ города мы взяли мильонъ контрибуціи. Поставленный на часы, я напугалъ отъ скуки одну дѣвушку, пригрозивъ взять ее подъ стражу. Всю ночь дулись въ карты, выпили 30 бутылокъ вина.

«28-го октября. Мецъ сдался съ 64 батареями, арміей въ 173 тысячи, въ которой 4,000 офицеровъ и 20.000 больныхъ. За насъ Богъ!

«9-го ноября. Въ полночь мы отправились на охоту за вольными стрѣлками къ деревнѣ Кульмье. На привалѣ мы развели огонь, при которомъ я пишу эти записки. Въ 10 часовъ мы двинулись къ деревнѣ. Началось сильное сраженіе: ядра и пули пронизывали наши полки. Въ половинѣ второго моя рота идетъ въ атаку, но у меня нѣтъ моего ординарца. Надѣюсь на успѣхъ». Это—послѣднія строки записной книжки. Успѣха поручикъ Эммеръ не дождался—онъ былъ убитъ наповалъ, и книжка его осталась въ рукахъ французовъ, когда хоронили мертвыхъ. Думалъ ли этотъ безхитростный, хоть и не симпатичный нѣмецъ, что его замѣтки, которыхъ онъ, конечно, не готовилъ для печати, черезъ двадцать лѣтъ будутъ читаться и тѣми, кто пережилъ эту страшную войну, и тѣми, которые надѣются, хотя, можетъ быть, и напрасно, что подобная безцѣльная и безчеловѣчная бойня будетъ послѣдней между цивилизованными націями.

— Готовящееся празднованіе четырехсотлѣтней годовщины открытія Америки, къ которому выставка въ Чикаго дѣлаетъ такія блестящія приготовленія, въ Европѣ послужила поводомъ къ появленію множества сочиненій, относящихся къ изслѣдованію этой эпохи. Въ Испаніи началъ выходить даже журналъ подъ очень длиннымъ заглавіемъ: «Столѣтіе, иллюстрированное обозрѣніе, офиціальный органъ распорядительной хунты, учрежденной для устройства торжествъ, имѣющихъ увѣковѣчить открытіе Америки» (El Centenario. Revista ilustrada, organo oficial de la Sunta directiva, encargada de disponer los solemnedades que han de conmemorar el descubrimiento del America). Эту годовщину Испанія намѣрена въ октябрѣ праздновать самымъ торжественнымъ образомъ: во многихъ городахъ открываются ученые и литературные конгресы, конкурсы въ стихахъ и прозѣ, освященіе памятниковъ и статуй, разнаго рода выставки, экскурсіи и т. п. Для той же цѣли правительствомъ учрежденъ особый комитетъ изъ выдающихся политическихъ, ученыхъ и литературныхъ дѣятелей Испаніи. Въ комитетѣ участвуютъ и представители американскихъ республикъ. Новый журналъ, выходящій еженедѣльно, долженъ служить органомъ для всѣхъ статей, относящихся къ юбилею, и представитъ полную програму и картину праздниковъ. Въ немъ помѣстятся также всѣ поста-

новленія, рѣчи, изысканія и пр. Редакторъ журнала Хуанъ Валера, романистъ, извѣстный своимъ талантомъ и образованіемъ, написалъ блестящую вступительную статью въ первомъ нумерѣ, въ которой въ скромномъ и меланхолическомъ тонѣ говорится о былыхъ заслугахъ Испаніи, подарившей міру новую часть свѣта. Въ первыхъ шести нумерахъ помѣщены: завѣщаніе королевы Изабеллы, представленное также въ фотографическомъ снимкѣ, изслѣдованія о каравеллахъ Колумба, о состояніи его финансовъ и др., все это любопытно, и журналъ пользуется большимъ успѣхомъ.

— Графъ де-Конакъ написалъ два тома этюдовъ о Мазарини и Кольбертѣ (Mazarin et Colbert). Трудно, казалось бы, сказать что нибудь новое объ этихъ историческихъ лицахъ, значеніе и дѣятельность которыхъ давно уже оцѣнены. Но авторъ нашелъ въ нихъ новыя характеристичныя черты на основаніи писемъ, хранящихся въ архивахъ, и рисуетъ этихъ министровъ попреимуществу въ ихъ интимной, частной жизни. Мазарини представленъ у него страстнымъ собирателемъ всякихъ рукописей, картинъ, статуй, обоевъ, рѣдкой мебели, составителемъ самой богатой библіотеки того времени. Этотъ скупой честолюбецъ награбилъ себѣ колосальное состояніе и прекрасно устроилъ всѣхъ своихъ родныхъ. Кольберта авторъ изучалъ исключительно, какъ управляющаго интендантствомъ, и изслѣдуетъ, какое вліяніе имѣлъ этотъ мало извѣстный періодъ его жизни на административныя реформы, введенныя во время его министерства. Финансовую опытность онъ пріобрѣлъ, завѣдуя имуществомъ Мазарини послѣ фронды, участвуя въ его комерческихъ и артистическихъ операціяхъ. Но министръ, сдѣлавшій столько полезныхъ экономическихъ нововведеній, не научился безкорыстію въ школѣ Мазарини и, пріобрѣтя также значительное состояніе, поминутно выпрашивалъ у короля подачки и пособія. Грубый и надутый, какъ всѣ выскочки, онъ умѣлъ дѣлаться также низкимъ льстецомъ и исполнялъ всѣ королевскія прихоти. Авторъ доказываетъ, что онъ былъ виною неправильнаго веденія многихъ дѣлъ по интендантству, а потомъ первый требовалъ наказанія бѣднаго Фуке. Обязанный всѣмъ Мазарину, Кольбертъ тотчасъ послѣ его смерти открылъ королю всѣ потаенныя мѣста, куда итальянецъ припряталъ свои капиталы, драгоцѣнности и артистическія сокровища, и Людовикъ XIV не только возвратилъ себѣ все награбленное министромъ изъ государственныхъ складовъ, но и пріобрѣтенное имъ на свои средства. Государство отъ этого, впрочемъ, ничего не выиграло, такъ какъ король вскорѣ же роздалъ своимъ фавориткамъ всѣ сокровища, скопленныя Мазариномъ въ его управленіе.

— По исторіи Византіи вышли два замѣчательныхъ изслѣдованія: Омана «Византійская имперія» (The Byzantine empire) и серба Міатовича «Константинъ, послѣдній греческій императоръ или завоеваніе Константинополя турками, по послѣднимъ историческимъ изысканіямъ» (Constantine, the last emperor of the greeks, or the conquest of Constantinople by the turks, after the latest historical researches). Книга Омана—серьезный трудъ: не легко было разсказать исторію Византіи на 350 страницахъ, передать событія 12 столѣтій такъ, чтобы они не явились сухою хроникою. Авторъ съ большимъ искуствомъ вышелъ изъ этого затрудненія: въ сжатыхъ, но вѣрныхъ очеркахъ, въ короткихъ словахъ онъ характеризуетъ лица и событія. Основателя Македонской династіи Василія онъ представляетъ «счастливѣйшимъ человѣкомъ, успѣвшимъ съ пользою употре-

бить въ дѣло «чужіе труды, когда не доставало своихъ». Алексѣя Комнена называетъ «настоящимъ византійскимъ императоромъ», придавая этому эпитету предосудительное значеніе; сына Алексѣя, Іоанна, онъ признаетъ «благоразумнымъ и экономнымъ монархомъ, отдалившимъ на много лѣтъ неизбѣжный день паденія имперіи». Но у автора, какъ у истаго англичанина, встрѣчаются странныя сравненія. Такъ, Іоанна Златоуста онъ называетъ Ѳомою Бекетомъ V столѣтія и ораторскій даръ его сравниваетъ съ проповѣдничествомъ Джона Нокса. Онъ проводитъ также паралель между Юстиніаномъ и Людовикомъ XIV, Велизаріемъ и Марльборо. На судьбу этихъ двухъ полководцевъ большое и вредное вліяніе имѣли ихъ жены, и Антонина также дѣйствовала на характеръ и намѣренія императрицы, какъ герцогиня Сара интриговала противъ королевы. А послѣ смерти Анны семья Марльборо, подвергшись опалѣ, испытала такія же несчастія, какъ Велизарій съ женою по смерти Теодоры. Сраженіе подъ Силистріей онъ сравниваетъ съ битвой при Гастингсѣ: войско Цимисхія долго не могло одолѣть дружинъ Святослава, вооруженныхъ сѣкирами, и, только осыпавъ ихъ тучею стрѣлъ, византійская конница, врѣзавшаяся въ ряды ихъ, произвела страшное опустошеніе. Очень хороши характеристики императоровъ-писателей: Льва VI и Константина VII. Авторъ возстаетъ противъ утвержденія историка Лекки, что «византійская цивилизація была самою низкою и презрительною», и противъ словъ его, что вся исторія императоровъ Византіи наполнена братоубійствами. Съ 340 года по 1453 ни одинъ императоръ не былъ убитъ своимъ братомъ, и только одинъ низвергнутъ съ престола.

— Міатовичъ написалъ исторію паденія Константинополя посербски, но такъ какъ съ этимъ языкомъ мало кто знакомъ въ Европѣ, то онъ перевелъ свой трудъ на англійскій языкъ. Хотя авторъ составилъ свою книгу по новѣйшимъ источникамъ, но онъ, очевидно, мало пользовался греческими сочиненіями, относящимися къ этой эпохѣ, и даже вовсе не упоминаетъ о трудѣ Паспатеса, безъ котораго нельзя обойтись, говоря о паденіи Византіи. Міатовичъ написалъ уже давно обширную исторію Георгія Бранковича, деспота Сербіи, и находитъ, что онъ могъ бы помочь грекамъ, пользуясь большимъ вліяніемъ на Балканскомъ полуостровѣ. Судьба турецкаго могущества не разъ зависѣла отъ потери одного сраженія и, идя на послѣдній приступъ къ городу, турецкій султанъ въ случаѣ неудачи рѣшился снять осаду, опасаясь прибытія на помощь венгерскаго короля Гуніада. И хотя огромное пространство полуразрушенныхъ стѣнъ защищало всего 9.000 грековъ, но 160-тысячное населеніе города такъ упорно отстаивало въ немъ каждый шагъ, что, не оставь осажденные, по непростительной небрежности, старыхъ воротъ Корко безъ защиты, можно было еще отбить приступъ, на которомъ императоръ палъ героемъ. Картина этой послѣдней битвы начертана авторомъ чрезвычайно драматично, хотя онъ описываетъ событія день за днемъ, какъ лѣтописецъ.

СМѢСЬ.

Дворецъ царевича Димитрія. 9-го іюня въ Угличѣ освященъ реставрированный дворецъ царевича Димитрія. Углицкія лѣтописи говорятъ, что онъ построенъ княземъ Андреемъ Васильевичемъ Большимъ въ концѣ XV столѣтія. Дворецъ этотъ горѣлъ при полякахъ, въ 1609 году, и потомъ почти полтораста лѣтъ оставался въ развалинахъ, не имѣя даже кровли. Въ 1709 г. углицкій воевода Колударовъ представилъ Петру I челобитную священника церкви Димитрія царевича «на крови» о дозволеніи произвести это возобновленіе на счетъ усердствующихъ. Дозволеніе было дано, но дворецъ остался не возобновленнымъ. Въ 1753 г. онъ пришелъ въ такую ветхость, что присланный въ Угличъ архитекторъ князь Ухтомскій нашелъ его къ возобновленію неудобнымъ. Сенатъ, однако, приказалъ углицкой провинціальной конторѣ сдѣлать надъ нимъ деревянную кровлю, подъ которою онъ и простоялъ до 1802 г. Въ это время, купецъ Александръ Кожевниковъ покрылъ его желѣзомъ и придѣлалъ каменное крыльцо. Позднѣе дворецъ былъ обнесенъ каменною оградою съ желѣзными рѣшетками и обсаженъ деревьями. По возобновленіи дворца, Кожевниковъ росписалъ внутреннія стѣны дворца живописью, весьма плохою по исполненію и по содержанію. На потолкѣ изображенъ Саваоѳъ, окруженный херувимами, а подъ потолкомъ вмѣсто карниза написанъ рядъ грубыхъ портретовъ великихъ князей, подъ портретеми, на простѣнкахъ и около двери изображены: Христосъ, благословляющій дѣтей, мироносицы при гробѣ, обращеніе Савла, убіеніе царевича Димитрія и картины изъ священнаго писанія. Прямо противъ двери, на южной части стѣны, находится образъ Спасителя, сдѣланный гораздо лучше, нежели прочая живопись. Находящаяся здѣсь надпись говоритъ, что это реставрировка древняго лица. Здѣсь же лежатъ деревянныя носилки, обитыя краснымъ сукномъ, на которыхъ въ 1606 г. несены были мощи мученика въ Москву и оттуда присланныя снова въ 1631 г. Михаиломъ Ѳедоровичемъ на память. Дворецъ въ старо-давнія времена имѣлъ деревянныя пристройки. Подъ дворцомъ въ старину существовалъ большой погребъ со сводами и

подземный ходъ. Въ 1822 г., во время большаго разлитія Волги, отъ напора воды открылись въ землѣ два отверстія: одно съ сѣверной, другое — съ западной стороны дворца, вода изъ которыхъ лилась съ необыкновенною силою. Послѣ увидѣли, что тутъ были своды, впослѣдствіи эти выходы были засыпаны землею и мусоромъ. Преданіе и до сихъ поръ передаетъ о большихъ подземныхъ ходахъ, идущихъ въ разныя стороны отъ дворца.

Десятилѣтняя годовщина смерти М. Д. Скобелева. Десять лѣтъ тому назадъ, въ ночь съ 24-го на 25-е іюня 1882 года, въ Москвѣ, неожиданно скончался генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ. Телеграма, полученная 25-го іюня, отъ его величества сестрою почившаго, княгинею Бѣлосельскою-Бѣлозерскою, была слѣдующаго содержанія:

«Страшно пораженъ и огорченъ внезапною смертью вашего брата. Потеря для арміи трудно замѣнимая и, конечно, всѣми истинно военными сильно оплакиваемая. Грустно, очень грустно терять столь полезныхъ и преданныхъ своему дѣлу дѣятелей». «Александръ».

Скорбная вѣсть о безвременной кончинѣ замѣчательнаго полководца мгновенно облетѣла всю Россію. Дѣйствительно, Скобелевъ былъ рожденъ для боевой дѣятельности, война была его стихіей. Свою боевую службу онъ началъ 26-ти лѣтъ въ Туркестанскомъ краѣ, гдѣ близко познакомился съ условіями степной войны, со свойствами среднеазіатскихъ полчищъ и сроднился съ русскимъ солдатомъ, узнавъ его боевыя качества. Въ хивинской экспедиціи подполковникъ генеральнаго штаба Скобелевъ все время шелъ впереди по безводной степи, подъ палящими лучами южнаго солнца, командуя первымъ эшелономъ, а затѣмъ авангардомъ мангышлакскаго отряда. Въ 1875 г. въ войну противъ кокандцевъ, Скобелевъ совершилъ опасныя рекогносцировки, подготовилъ штурмъ Кокана, обратилъ въ бѣгство непокорнаго Абдурахмана-Автобачи, а затѣмъ, черезъ годъ, съ 2.800 солдатами взялъ крѣпость Андиджанъ, защищаемую 30.000 вооруженныхъ жителей, и рѣшилъ такимъ образомъ участь Ферганской долины и Кокандскаго ханства, 5-го февраля 1876 года присоединеннаго къ Россіи. Въ русско-турецкую войну 1877—1879 годовъ Скобелевъ покрылъ себя новыми лаврами подъ Ловчею и на Зеленыхъ горахъ, при переходѣ зимой черезъ снѣжныя вершины Балканъ, подъ Иметли и Шейновымъ. Наконецъ, въ 1880 г., уже легендарный въ народѣ «бѣлый генералъ» появился опять въ Средней Азіи и рѣшительнымъ ударомъ уничтожилъ сопротивленіе текинцевъ, взялъ Геок-Тепе и завоевалъ Ахалъ-Текинскій оазисъ. Быстро присоединилось имя Скобелева къ самымъ славнымъ, дорогимъ именамъ для арміи и для русскаго народа. Боевые подвиги снискали ему громкую извѣстность далеко за предѣлами отечества, а его военный геній сдѣлался грозой для враговъ Россіи. Во всѣхъ войнахъ, участникомъ которыхъ приходилось быть Скобелеву, онъ проявлялъ то рѣдкое сочетаніе беззавѣтной храбрости, знанія и проницательной осторожности, которое составляетъ удѣлъ избранныхъ полководцевъ, способныхъ вести войска къ вѣрной побѣдѣ. Но, если тяжело было терять въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ такого высокодаровитаго военачальника, имя котораго сдѣлалось символомъ побѣды, то еще тяжелѣе чувствовали всѣ истинно-русскіе люди утрату, со смертью Скобелева, человѣка русскаго, исполненнаго живою вѣрою въ могущество русскаго народа. Эта вѣра всегда одушевляла его въ тяжелыя минуты, и онъ умѣлъ сообщить это одушевленіе своимъ, не забывающимъ его, сподвижникамъ.

Полувѣковая дѣятельность професора Павлова. 16-го іюня исполнилось сорокъ пять лѣтъ, какъ Платонъ Васильевичъ Павловъ состоитъ въ званіи професора, и въ нѣнышнемъ же году въ томъ же мѣсяцѣ истекло ровно полвѣка, какъ П. В. началъ трудиться на литературномъ поприщѣ. Въ 1842 году впервые появились его переводы въ «Отечественныхъ Запискахъ» Краевскаго. За-

тѣмъ П. В. помѣщалъ оригинальныя свои статьи въ «Современникѣ», «Отечественныхъ Запискахъ», подъ редакціей Некрасова, въ журналѣ «Министерства Народнаго Просвѣщенія» подъ редакціей Георгіевскаго, въ художественномъ журналѣ «Пчела», въ «Художественныхъ Новостяхъ», въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» подъ редакціей Краевскаго, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» подъ редакціей Каткова, «Костромскихъ Вѣдомостяхъ» и въ газетѣ «Кіевлянинъ». Кромѣ участія въ журналахъ и газетахъ, ему принадлежитъ много полезныхъ трудовъ: по греческой словесности, по исторіи русской и всеобщей, по статистикѣ, по части изящныхъ искуствъ. Главное его сочиненіе «Тысячелѣтіе Россіи», помѣщенное впервые въ академическомъ мѣсяцесловѣ на 1862 г., разошедшемся въ 40 тысячахъ экземпляровъ, а затѣмъ изданное отдѣльно въ 1863 г., было отмѣчено критикой и удостоилось лестныхъ отзывовъ спеціалистовъ по отечественной исторіи — Соловьева, Кавелина, Калачева, Бодянскаго и Бестужева-Рюмина. П. В. Павловъ содѣйствовалъ также возникновенію воскресныхъ школъ для распространенія просвѣщенія среди низшихъ классовъ населенія. П. В. Павловъ родился 7-го сентября 1823 г. въ Нижегородской губерніи, получилъ воспитаніе въ дворянской семьѣ, проживавшей постоянно въ деревнѣ, а высшее образованіе въ главномъ педагогическомъ институтѣ, на историко-филологическомъ факультетѣ; окончилъ курсъ въ 1844 г. съ серебряной медалью. Въ 1847 г. 22-лѣтній Павловъ былъ уже магистромъ греческой словесности Петербургскаго университета и занялъ каѳедру русской исторіи въ университетѣ св. Владиміра послѣ Н. И. Костомарова. Въ 1849 г. Московскій университетъ (въ коемъ тогда на историко-филологическомъ факультетѣ професорами были: Грановскій, Кудрявцевъ, Соловьевъ, Бодянскій, Буслаевъ, Катковъ, Леонтьевъ, Шевыревъ) былъ свидѣтелемъ блестящей защиты дисертаціи П. В. на степень доктора историческихъ наукъ, политической экономіи и статистики. По возвращеніи въ Кіевъ онъ избранъ былъ сперва (1850 г.) экстраординарнымъ, а въ 1852 г. ординарнымъ профессоромъ. Кромѣ университета, онъ преподавалъ отечественную исторію въ кіевскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ и въ 1-й и 2-й классическихъ гимназіяхъ безвозмездно. Въ 1857 г. командированъ съ ученой цѣлью на 1½ года за границу для изученія историческихъ памятниковъ, бытовыхъ и художественныхъ. Послѣ командировки П. В. одновременно съ курсомъ русской исторіи, по порученію факультета, прочелъ безвозмездно курсъ исторіи пластическихъ искуствъ, въ связи съ развитіемъ культуры (ранѣе офиціальнаго учрежденія каѳедры въ университетахъ). Сверхъ того, въ 1859 г., по порученію Н. Н. Пирогова, руководилъ впервые учрежденными тогда въ Кіевѣ, при его непосредственномъ участіи, частными воскресными школами. Въ концѣ 1859 г. П. В. переведенъ на службу въ Петербургъ членомъ археографической комисіи при министерствѣ просвѣщенія, причемъ руководилъ, съ разрѣшенія министерства и подъ его контролемъ, возникшими тогда частными воскресными школами (на подобіе кіевскихъ); къ этому же времени относится чтеніе лекцій въ старшемъ классѣ училища правовѣдѣнія всеобщей исторіи. Затѣмъ до 1861 г. П. В. Павловъ читалъ въ Петербургскомъ университетѣ всеобщую исторію (древнюю). Съ 1862 по 1875 г. унивеситетской каѳедры П. В. не занималъ, а состоялъ членомъ археографической комисіи безъ содержанія; въ 1870 г., благодаря вниманію и участію цесаревича, П. В. по службѣ его въ археографической комисіи назначено было небольшое содержаніе. Съ 1870 г. П. В. читалъ статистику въ военномъ Константиновскомъ училищѣ, русскую и всеобщую исторію въ юнкерскомъ училищѣ, русскую исторію въ Еленинскомъ женскомъ училищѣ, и былъ приглашаемъ, въ качествѣ эксперта, въ состоявшій при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній комитетъ для составленія програмъ для военныхъ училищъ. Съ 1875 г. П. В. Павловъ занималъ

вновь учрежденную каѳедру исторіи и теоріи искуствъ въ университетѣ св. Владиміра, при которой имъ устроенъ художественный музей по его плану съ спеціальной библіотекой; онъ читалъ также, безвозмездно, лекціи по части общей эстетики въ кіевскомъ музыкальномъ училищѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ содѣйствовалъ, сколько то отъ него зависѣло, успѣшному развитію мѣстныхъ хувожественныхъ учрежденій. Съ 1884 г., по приглашенію академіи художесть, П. В. читалъ публичныя лекціи по исторіи и теоріи искуствъ въ тѣхъ городахъ имперіи, гдѣ находилъ нужнымъ. За чтеніе означенныхъ лекцій П. В. была неоднократно выражаема признательность мѣстнаго интелигентнаго общества. Издательская дѣятельность П. В. ограничилась приведеніемъ въ систему и подготовкой къ изданію «Сибирскихъ лѣтописей» (съ указаніемъ реальныхъ варіантовъ для Строгоновской и Есиповской лѣтописей) по порученію археографической комисіи, въ «Лѣтописяхъ занятій» которой и помѣщена его записка о помянутыхъ лѣтописяхъ. Платонъ Васильевичъ Павловъ имѣлъ особенное вліяніе на нравственный складъ ума своихъ слушателей, они унаслѣдовали отъ него широкій и гуманный взглядъ на жизнь и исторію, который ихъ охранилъ отъ односторонности и мелочности и помогъ имъ навсегда сохранить въ борьбѣ съ грязною пошлостью ясность мысли и вѣру въ прогресъ.

Присужденіе премій Петра Великаго. Для соисканія премій императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, ученымъ комитетомъ назначена была, «по разряду гимназій» на 18 92-й годъ, группа «языки нѣмецкій и французскій, съ преимущественнымъ правомъ на премію систематической граматики нѣмецкаго языка». Къ сроку, опредѣленному: положеніемъ объ означенныхъ преміяхъ, въ ученый комитетъ представлено девятнадцать сочиненій: въ этомъ числѣ 11 печатныхъ и 8 въ рукописяхъ. Для разсмотрѣнія этихъ сочиненій образованы были при ученомъ комитетѣ двѣ особыя комисіи подъ предсѣдательствомъ членовъ ученаго комитета Ф. Ф. Гельбке и В. С. Игнатовича. На основаніи представленныхъ комисіями подробныхъ рецензій о разсмотрѣнныхъ сочиненіяхъ, съ общими о нихъ заключеніями, ученый комитетъ опредѣлилъ: преподавателю московской 2-й гимназіи «А. Еше», за «Синтаксисъ нѣмецкаго языка. Москва. 1887»,— присудить «малую» премію императора Петра великаго (въ 500 рублей). Преподавателю французскаго языка въ олонецкой гимназіи «П. Таккелля», за Dictionnaire étymologique français-russe renfermant, dans un odre graduel, tous les mots de la langue française, analysés et grouppés auprès de leurs mots racines, par Paul Tacchella» (рукопись), присудить «большую» премію (въ 2,000 рублей). Въ вознагражденіе трудовъ предсѣдателей особыхъ комисій: Ф. Ф. Гельбке и В. С. Игнатовича, и членовъ: Ф. Ф. Мазинга, Эрн. Іос. Цейдлера И. О. Бастэна, М. М. Мовера и И. И. Хрущова по разсмотрѣнію означенныхъ сочиненій, выдать имъ учрежденныя на этотъ предметъ «золотыя» медали.

Для сочиненій на соисканіе премій Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, ученымъ комитетомъ назначенъ по разряду гимназій слѣдующій порядокъ. На премію 1893 года группа: «русскій языкъ съ церковно-славянскимъ и словесностью и логика; сюда присоединяется педагогика съ дидактикою и методикою, примѣнительно къ гимназіямъ, съ предпочтительнымъ правомъ на премію по логикѣ». На премію 1894 года—группа: «исторія и географія, всеобщая и русская», съ предпочтительнымъ правомъ на премію книги для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, примѣнительно къ потребностямъ русской школы (Славяне и Византія). Сочиненія для соисканія преній должны быть представлены въ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія въ теченіе года, предшествующаго назначенію премій, но не позже 1-го ноября.

Могилы Фонвизина и другихъ писателей. 1-го декабря минетъ сто лѣтъ со дня кончины Фонвизина. Всѣмъ знакомы его произведенія, изъ которыхъ «Не-

дорсль» до сихъ поръ остается живымъ памятникомъ своей эпохи. А между тѣмъ многіе и не знаютъ, гдѣ покоится безсмертный авторъ его; а если и знаютъ кладбище, гдѣ находится его прахъ, то могила его въ такомъ забвеніи, что ее съ трудомъ можно отыскать! Похороненъ онъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры, близъ Ломоносова. Не такъ забытъ Ломоносовъ, какъ забытъ Фонвизинъ. Подойдя къ его могилѣ, глазамъ не вѣришь: почернѣвшая и растрескавшаяся плита, надпись съ трудомъ можно разобрать, вѣнковъ нѣтъ—за исключеніемъ желѣзнаго, уже заржавленнаго, вѣнка, возложеннаго года три тому назадъ «отъ филологовъ». Могила эта одна изъ худшихъ могилъ Лазаревскаго кладбища, которое не слишкомъ велико, между тѣмъ Фонвизина безъ долгихъ поисковъ нельзя отыскать. Соображаясь съ его дѣятельностью, не вѣришь найденной, покосившейся плитѣ; до того она бѣдна. Надпись, что онъ здѣсь лежитъ, едва держится, могила покосилась, осѣла въ землю, верхняя доска изъ когда-то бѣлаго мрамора, нынѣ почернѣвшая, растрескалась, надпись на ней слѣдующая: «Подъ симъ камнемъ погребено тѣло статскаго совѣтника Дениса Ивановича Фонъ-Визина. Родился въ 1745 году апрѣля 3-го дня, преставился 1792 года декабря 1-го дня, житіе его было 48 лѣтъ 7 мѣсяцовъ 28 дней». Филологи сняли ленту съ вѣнка, на которой значилось: «Отъ филологовъ». Пора бы привести въ порядокъ дорогую для просвѣщенныхъ людей могилу.

Ломоносова памятникъ, все таки, лучше. Надпись на памятникѣ на двухъ языкахъ, на русскомъ и латинскомъ:

«Въ память
Славному мужу
Михаилу Ломоносову

«Родившемуся въ Холмогорскѣ въ 1711 г., бывшему статскому совѣтнику, С.-Петербургской академіи наукъ профессору, Стокгольмской и Болонской члену, разумомъ и науками превосходному, знатнымъ украшеніемъ отечеству послужившему.

«Краснорѣчія стихотворцу и теоріи россійской учителю,
«Первому въ Россіи безъ руководства изобрѣтателю,
«Преждевременною смертью отъ музъ и отечества
«На-дняхъ Святыя Пасхи 1765 году похищенному
«Воздвигнулъ сію гробницу
«графъ М. Воронцовъ.

«Славя отечество съ таковымъ гражданиномъ и горестно соболѣзнуя о его кончинѣ.

«Возобновленъ графомъ Михаиломъ Семеновичемъ Воронцовымъ въ 1832 г».

Памятникъ отъ ветхости далъ глубокія трещины.

На Полежаевскомъ кладбищѣ покоятся Карамзинъ, Жуковскій и графъ Сперанскій. Н. М. Карамзинъ похороненъ рядомъ съ женою, надпись на могилѣ простая: «Родился декабря 1766 г. Скончался 22-го мая 1826 года». Памятникъ въ трещинахъ, а на памятникѣ лежитъ бронзовый вѣнокъ.

У В. А. Жуковскаго воздвигнутъ почитателями роскошный саркофагъ, но никогда не обметается, потому что, подойдя къ нему, захватываешь вершковый слой пыли. Вѣнковъ нѣтъ никакихъ.

У Сперанскаго могила крѣпка, но содержится въ неопрятности. На плитѣ круглый годъ лежатъ листья и пыль толстыми слоями. Да и сторожа не знаютъ, гдѣ его могила.

Когда хоронятъ человѣка, то сколько говорится пламенныхъ рѣчей о томъ, что сей великій мужъ никогда не будетъ забытъ, а между тѣмъ проходятъ года, и забывается даже то мѣсто, гдѣ погребенъ дорогой человѣкъ. Деревенскій мужикъ нерѣдко печется о могилѣ земляка, а у насъ о могилахъ великихъ мужей кто же будетъ заботиться? Хоть бы могилу Фон-

визина къ предстоящему столѣтнему юбилею привели въ надлежащій видъ. Фотографомъ любителемъ Шелеховымъ предпринято составленіе альбома фотографій могилъ и украшающихъ ихъ надгробныхъ памятниковъ общественныхъ дѣятелей, покоящихся на петербургскихъ кладбищахъ.

Археологическое общество. Въ общемъ собраніи общества, подъ предсѣдательствомъ А. Ѳ. Бычкова, К. Н. Лишинъ сдѣлалъ сообщеніе «о мѣстностяхъ нѣкоторыхъ городовъ Ѳракіи». Совершенное докладчикомъ путешествіе по берегу Эгейскаго моря намѣчаетъ теперь цѣлый рядъ пунктовъ, заслуживающихъ серьезнаго археологическаго изслѣдованія. Древности, видѣнныя нашимъ путешественникомъ и воспроизведенныя посредствомъ фотографіи, въ древнемъ Эносѣ (при устьѣ Марицы), Мароніи и Кавала (древній Неаполисъ), относятся и къ эпохѣ античной греческой культуры, и къ позднѣйшей — византійской. Докладчикъ представилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, цѣлый рядъ тщательно имъ записанныхъ древнихъ греческихъ надписей и богатую колекцію собранныхъ имъ античныхъ монетъ въ прекрасно сохранившихся экземплярахъ. Вторымъ докадчикомъ въ томъ же засѣданіи выступилъ А. Ѳ. Семеновъ, прочитавшій рефератъ «о древнихъ критскихъ клятвенныхъ формулахъ». Въ томъ же засѣданіи избраны въ почетные члены общества графиня П. С. Уварова и Н. М. Благовѣщенскій.—Въ засѣданіи древне-классическаго отдѣленія русскаго археологическаго общества, подъ предсѣдательствомъ Н. И. Стояновскаго, были прочтены рефераты Ѳ. Ѳ. Соколовымъ и С. А. Жебелевымъ. Рефератъ Ѳ. Ѳ. Соколова посвященъ вопросу «о дани союзныхъ городовъ лакедемонянамъ». Установивъ взглядъ на гегемонію надъ греческими городами, бывшую сначала въ рукахъ Аѳинъ, а потомъ упрочившуюся за Спартой, докладчикъ выяснилъ размѣры той дани (1,000 талантовъ), которая выплачивалась греческими городами, преимущественно расположенными по островамъ Архипелага, во имя гегемоніи. Вопросъ этотъ, бывшій до сихъ поръ предметомъ спорныхъ толкованій въ пользу тѣхъ или другихъ историческихъ свидѣтельствъ древности (Діодоръ, Исократъ), перешелъ теперь, какъ сообщилъ докладчикъ, на почву подтвержденія постановленіемъ аѳинскаго сената отъ 403 года до Р. Х., которое приводитъ Аристотель въ своемъ сочиненіи объ Аѳинскомъ государствѣ, сдѣлавшемся теперь вполнѣ извѣстнымъ ученому міру, благодаря вновь найденному тексту. С. А. Жебелевъ представилъ докладъ «о религіозномъ врачеваніи въ древней Греціи». Какъ это представилъ докладчикъ, опирающійся въ своихъ выводахъ на богатый эпиграфическій матеріалъ, медицина въ классической древности, освященная именемъ Асклепія-Эскулапа, была сочетаніемъ какъ религіозныхъ обрядовъ, такъ и несомнѣнныхъ терапевтическихъ пріемовъ, признанныхъ уже учеными врачами за вполнѣ раціональные и научные, и особо подробной работой по этому вопросу является изслѣдованіе французскаго врача Веркутра, появившееся въ 1885 году. Къ тому же храмы Асклепія были расположены въ мѣстностяхъ чрезвычайно благопріятныхъ въ климатическомъ отношеніи. Что же касается религіозной стороны врачеванія, то здѣсь все было основано на вѣрѣ древнихъ грековъ въ сновидѣнія, въ которыхъ, думали они, боги открывали свою волю. Соотвѣтственно этому въ леченіи больныхъ, обращавшихся въ одинъ изъ храмовъ Асклепія, играла большую роль такъ называемая инкубація: больной, заснувшій въ храмѣ, во снѣ долженъ былъ слышать волю бога, рекомендовавшаго лечебныя средства.—Въ засѣданіи восточнаго отдѣленія общества подъ предсѣдательствомъ барона В. Р. Розена доложено сообщеніе В. А. Жуковскаго «о персидской версіи легенды объ Іисусѣ и черепѣ». Докладчикъ изложилъ эту легенду по вновь открытому имъ въ рукописяхъ Публичной библіотеки (изъ колекціи Кауфмана) тексту неизвѣстнаго доселѣ произведенія одного изъ замѣчательныхъ персидскихъ поэтовъ, Феридъ-Эддинъ-Аттара. Въ томъ же засѣданіи С. Ѳ. Ольденбургъ ознакомилъ собраніе

съ такими выдающимися новостями оріенталистики, какъ только что изданное большое ученое путешествіе по Тибету Рокгиля (Rockhill The Land of the Lama), новое сочиненіе американскаго ученаго Блюмфельда по вопросу объ индійскихъ Ведахъ и новый трудъ Гольцмана о Магабгаратѣ. Въ заключеніе баронъ В. Р. Розенъ представилъ собранію полученный изъ Асхабада отъ А. Г. Туманскаго рукописный экземпляръ брошюры, распространенной теперь среди бабидовъ и заключающей въ себѣ подробный отчетъ о разбирательствѣ въ военномъ судѣ въ Асхабадѣ дѣла объ убійцахъ-фанатикахъ, ополчившихся противъ этой быстро развивающейся новой секты мусульманства.

Въ русскомъ отдѣленіи, подъ предсѣдательствомъ А. А. Бобринскаго, сдѣланы были сообщенія Г. Ѳ. Челищевымъ «объ изданіи ерминіи» и С. Ѳ. Платоновымъ «о новомъ источникѣ для исторіи московскихъ событій 1648 года». Указавъ на то, что греческія ерминіи, т. е. сборники руководящихъ указаній для иконописцевъ, требуютъ ближайшаго сопоставленія съ нашими лицевыми толковыми подлинниками, Г. Ѳ. Челищевъ заявилъ о предпринимаемомъ изданіи ерминіи по старѣйшимъ текстамъ, изъ которыхъ одинъ пріобрѣтенъ докладчикомъ въ Константинополѣ въ рукописи начала XVIII вѣка, другой относится къ 1671 г. и доставленъ докладчику въ копіи архіепископомъ Епифаніемъ Іорданскимъ. Въ докладѣ о московскихъ событіяхъ 1648 г. С. Ѳ. Платоновъ, установивъ историческій взглядъ на бывшія въ это время въ Москвѣ волненія, предшествовавшія всего на нѣсколько недѣль началу работъ по Уложенію, представилъ теперь окончательныя подтвержденія точной даты этого событія (2-го іюня 1648 г.), опираясь въ данномъ случаѣ на доставленное Г. В. Форстеномъ изъ шведскаго государственнаго архива письмо, подробно излагающее бывшее въ Москвѣ волненіе. Въ томъ же засѣданіи графъ А. А. Бобринскій представилъ на разсмотрѣніе собранія пріобрѣтенный имъ въ Спасскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи распространенный въ этой мѣстности женскій головной уборъ, украшенный мелкими раковинами.

Въ послѣднемъ засѣданіи восточнаго отдѣленія баронъ В. Р. Розенъ доложилъ собранію присланное Н. Ѳ. Петровскимъ изъ Кашгара сообщеніе о древностяхъ Кашгаріи и замѣчанія С. Ѳ. Ольденбурга относительно доставленной г. Петровскимъ индійской рукописи трудночитаемыхъ сѣверно-индійскихъ письменъ. Въ томъ же засѣданіи баронъ В. Р. Розенъ сдѣлалъ сообщеніе, касающееся «новыхъ книгъ и извѣстій о бабидахъ». Эта религіозно-политическая секта, возникшая среди персидскихъ мусульманъ въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія, когда появился объявившій себя пророкомъ Бабъ, располагаетъ въ настоящее время громаднымъ числомъ своихъ приверженцевъ, не смотря на то, что въ средѣ бабидовъ образовался уже расколъ: теперь одновременно два пророка бабизма — Бехауллахъ и Субхи-Эзель. Въ недавнее время англійскій ученый путешественникъ Браунъ посѣтилъ обоихъ этихъ пророковъ бабизма и, изучивъ это религіозно-политическое движеніе на Востокѣ во всѣхъ подробностяхъ, издалъ книгу, съ содержаніемъ которой и познакомилъ собраніе докладчикъ, присоединивъ къ этому нѣкоторыя документальныя данныя, лично имъ добытыя. Присутствовавшій въ засѣданіи генералъ А. В. Комаровъ, съ своей стороны, сообщилъ личныя свои наблюденія надъ бабидами, которыхъ въ настоящее время множество проживаетъ въ Асхабадѣ. Сущность бабизма заключается въ томъ, что сторонники этого толка изъ правовѣрныхъ послѣдовательно идутъ къ отрицанію такихъ установленій ислама, которыя являются главнымъ тормазомъ въ умственномъ и общественномъ развитіи мусульманъ. Баронъ В. Р. Розенъ представилъ текстъ одного изъ послѣднихъ такъ называемыхъ откровеній Бехауллаха, распространенныхъ среди бабидовъ, которымъ здѣсь указывается: отмѣна священной войны, разрѣшеніе жить въ мирѣ съ иновѣрцами, свобода носить какую угодно одежду и не брить головы, разрѣшеніе изучать всякія науки и искуства, требованіе усердно заниматься

какими бы то ни было промыслами и ремеслами. Бабиды въ Персіи, изъ которыхъ 9/10 тщательно скрываютъ свою принадлежность къ этому толку, составляютъ въ настоящее время передовую часть населенія. Бабиды поддерживаютъ другъ друга, располагая для этой цѣли общественнымъ капиталомъ до 40 миліоновъ рублей, находящимся въ распоряженіи избранныхъ изъ среды бабидовъ «мужей дома справедливости». Бабиды оружія при себѣ не носятъ, въ случаѣ преслѣдованія сопротивленія не оказываютъ, проявляютъ широкое стремленіе къ умственному развитію и, признавая всѣ религіи большимъ или меньшимъ откровеніемъ самого Бога, особо интересуются евангеліемъ. Бабиды, проживающіе въ Асхабадѣ, гдѣ они пріобрѣли репутацію честныхъ торговцевъ и промышленниковъ, не разъ уже просили о разрѣшеніи перейти въ русское подданство, выражая при этомъ готовность пожертвовать большія суммы на сооруженіе въ Закаспійскомъ краѣ христіанскихъ храмовъ и учрежденіе среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній.

† Въ Финляндіи, на дачѣ, гофмейстеръ **Кесарь Филиппович Ординъ**, хорошо извѣстный въ русской литературѣ, какъ авторъ историческихъ изслѣдованій о финляндской конституціи и финляндскихъ законахъ; его сочиненія по этимъ вопросамъ издавались и отдѣльными книгами и помѣщались въ цѣломъ рядѣ статей въ періодическихъ изданіяхъ, особенно въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Горячій приверженецъ русской государственной идеи, онъ не могъ равнодушно отнестись къ сепаратистскимъ стремленіямъ части шведской и финской интелигенціи, которыя начали пробивать себѣ дорогу въ современной жизни Финляндіи въ ущербъ русскому населенію и вообще русской коренной народности, находившейся въ Финляндіи въ подчиненномъ положеніи. Принявшись за изученіе исторіи Финляндіи, Ординъ, рядомъ неопровержимыхъ фактовъ, цитатами изъ подлинныхъ документовъ, доказалъ неправильныя толкованія этихъ документовъ финляндскими административными учрежденіями. Его сочиненія, надѣлавшія много шума, обратили на себя вниманіе высшихъ властей и послужили матеріаломъ для законодательныхъ работъ. Покойный воспитывался въ 3-й петербургской гимназіи, гдѣ окончилъ курсъ съ серебряной медалью, и затѣмъ поступилъ въ Петербургскій университетъ, въ которомъ кончилъ курсъ по математическому факультету. Онъ усердно занимался сельскимъ хозяйствомъ, а свою служебную дѣятельность посвятилъ благотворительнымъ учрежденіямъ, состоя сперва попечителемъ Николаевской больницы, а потомъ Ремесленнаго училища Цесаревича Николая, о которомъ дѣйствительно имѣлъ самое серьезное попеченіе и входилъ во всѣ мелочи его жизни, ходатайствовалъ и хлопоталъ и о выгодахъ училища и за его бывшихъ питомцевъ. Состоя одновременно по придворному вѣдомству, онъ послѣдовательно прошелъ всѣ стадіи придворной службы отъ камеръ-юнкера до гофмейстера.

† Въ Москвѣ **Владиміръ Михайловичъ Каченовскій**, напечатавшій рядъ ученолитературныхъ работъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, Покойный — сынъ извѣстнаго профессора Московскаго университета М. Т. Каченовскаго — родился въ 1826 г., по окончанія курса въ гимназіи поступилъ въ Московскій университетъ, уволился съ третьяго курса и уѣхалъ на Кавказъ, гдѣ зачислился въ Кабардинскій егерскій полкъ. Вмѣстѣ съ полкомъ В. М. участвовалъ во многихъ стычкахъ и схваткахъ съ горцами. Памяти своего отца покойный посвятилъ двѣ статьи, помѣщенныя въ «Русской Старинѣ» (1890 г.) и въ «Библіографическихъ Запискахъ» (1892 г.).

† Въ Тифлисѣ предсѣдатель кавказской археографической комисіи **Дмитрій Аркадьевичъ Кобяковъ**. Онъ принималъ близкое участіе въ трудахъ Берже по изданію актовъ кавказской археографической комисіи, а послѣдній XII-й томъ редактировалъ одинъ. Д. А. принималъ близкое участіе въ мѣстной періодической печати.

Когда онъ увидалъ Марсель, онъ разомъ поблѣднѣлъ, какъ смерть. Лорисъ думалъ, что онъ умираетъ, но въ немъ солдатъ спасъ отца.

— Въ такіе дни,—проговорилъ онъ улыбаясь,—не имѣешь права умереть отъ радости.

Онъ слушалъ, склонивъ голову, ужасный разсказъ о смерти Картама.

— Какъ онъ любилъ тебя! — воскликнулъ онъ, прижимая къ груди своей Марсель.—Увы! теперь, кромѣ меня, у тебя никого, а тамъ,—прибавилъ онъ, указывая на St.-Germain:—тамъ пруссаки.

Когда онъ узналъ все, что сдѣлалъ Лорисъ, онъ протянулъ ему обѣ руки.

— Мнѣ кажется, дитя мое, что надъ тобою свершилось чудо. Мсьё Лорисъ, благодарю васъ отъ имени Марсели и Франціи.

— Развѣ я не такой же французъ, какъ и вы?— воскликнулъ Лорисъ.—Неужели вы думаете, что я все еще тотъ безумецъ, тотъ неблагодарный, какимъ я былъ мѣсяцъ назадъ, когда я оспаривалъ цвѣтъ знамени? А, кромѣ того, вы не знаете...

Жанъ Шенъ прервалъ его жестомъ:

— Я все знаю: вы, ни въ чемъ неповинный, желали искупить преступленіе, совершенное въ Филипвилѣ.

— Преступленіе, которое еще не искуплено,—замѣтилъ Лорисъ.— Капитанъ, я имѣлъ честь сражаться тамъ подъ вашею командою Дайте мнѣ опять мѣстечко въ вашихъ рядахъ.

— У Франціи не много защитниковъ, я принимаю ваше предложеніе. Знаете ли вы, что здѣсь идетъ отчаянная борьба — пруссаки не берутъ въ плѣнъ.

— Я былъ въ Женапѣ.

Марсель объявила, что она не уйдетъ съ бивуака отца, но Жанъ Шенъ былъ неумолимъ. Онъ требовалъ, чтобы она вернулась въ Парижъ.

— Отецъ, вдалекѣ отъ тебя я умру отъ безпокойства и тоски. Умоляю тебя, позволь мнѣ остаться съ тобою! Мсьё Лорисъ, помогите мнѣ уговорить папу.

Жанъ Шенъ призадумался. Онъ страдалъ при мысли, что молодая дѣвушка останется безъ всякой опоры. Но развѣ онъ имѣлъ право уйти изъ борьбы? Развѣ онъ не принадлежалъ отчизнѣ, этой матери всѣхъ нашихъ матерей?

— Послушай, — сказалъ онъ Марсели: — я не могу и не хочу имѣть тебя при себѣ. Подумай только, каждую минуту насъ могутъ накрыть. Мнѣ кажется, что твое присутствіе отниметъ у меня всякую энергію. Но для тебя, какъ и для себя, я желаю имѣть тебя какъ можно ближе; для этого вотъ что мы сдѣлаемъ: при въѣздѣ въ Севръ есть небольшой постоялый дворъ, его содержитъ одинъ изъ нашихъ единомышленниковъ. Отправляйся ты къ нему. Каждое утро, пока сообщеніе будетъ свободно, одинъ изъ нашихъ

будетъ приходить за тобой и приводить тебя ко мнѣ, въ свиданіи съ тобой я буду черпать мою силу и храбрость; затѣмъ, ты будешь возвращаться къ себѣ.

Зная, что ей не вымолить большаго, Марсель съ удовольствіемъ приняла то, что ей предлагали.

— До свиданья, отецъ; до свиданья, мсьё Лорисъ, будьте вы оба живы, объ этомъ проситъ васъ ваша дочь, ваша сестра.

Между обоими молодыми людьми во все время долгихъ часовъ, какіе имъ пришлось провести другъ съ другомъ въ этой лихорадкѣ, которая слѣдуетъ обыкновенно за сильными ощущеніями, не было сказано ни одного слова, которое бы не дышало все той же простотою дружбы. Крещенье кровью превратило ихъ въ брата и сестру. Марсели казалось совершенно естественнымъ покровительство Лориса, для него все ея довѣріе казалось вполнѣ законнымъ. Три раза, по волѣ судьбы, ему пришлось быть ея защитникомъ. Это образовало между ними ненарушимую связь. Они, какъ друзья, пожимали другъ другу руки.

Онъ разсказалъ ей все свое прошлое, всю свою любовь къ Регинѣ, не скрылъ отъ нея о томъ, что они женихъ и невѣста. Если онъ горячился при воспоминаніи о Флореннѣ, она успокоивала его, защищала ее. Развѣ политика женское дѣло? Она могла ошибаться: неужели ее за это можно меньше любить? Онъ охотно соглашался и давалъ себѣ слово перевоспитать ее нравственно, какъ малое дитя, когда она станетъ его женою.

— Отчего вы не повидаете ее?—спрашивала Марсель:—можетъ быть, она уже вернулась въ Парижъ.

Нѣтъ, не теперь еще. Теперь она окружена всѣми этими лживыми льстецами, которые восхваляютъ ее, разжигаютъ въ ней тѣ страсти, которыя онъ теперь порицалъ. Развѣ потомъ. Теперь онъ еще не расчитался съ своими долгами.

— Вѣдь вы же ее все еще любите?

— Всею силою моей души.

Понятно, что Лорисъ взялъ на себя проводить Марсель до указаннаго отцемъ ея дома.

Она была принята тамъ съ распростертыми объятіями.

Хозяинъ этого постоялаго двора былъ солдатъ Республики, съ ампутированной ногой, одинъ изъ уцѣлѣвшихъ отъ первыхъ стычекъ 1792 года. Лоренъ, прозванный Лоренъ де-Вальми, въ силу предстоявшаго возврата къ прежнимъ титуламъ дворянства, занималъ маленькій домикъ на берегу Сены, близехонько отъ Севрскаго моста.

Еще совсѣмъ бодрый, преданный Жану Шену до послѣдней капли крови, онъ являлся самымъ вѣрнымъ покровителемъ для молодой дѣвушки.

Прошло нѣсколько дней безъ всякихъ новыхъ усложненій. Не-

пріятель быстро подвигался, но встрѣча состоялась только въ концѣ іюня.

1-го іюля Марсель напрасно прождала человѣка, который обыкновенно провожалъ ее. По временамъ бывали стычки, вдалекѣ раздавались выстрѣлы, которые отдавались болью въ ея сердцѣ. Наконецъ, вечеромъ ей удалось повидать отца на нѣсколько минутъ. Это было какъ разъ въ то время, когда почтовая карета маркизы остановилась у аванпостовъ.

Въ этотъ вечеръ Жанъ Шенъ прощался съ ней дольше обыкновеннаго. Лориса тамъ не было: онъ находился со своими людьми неподалеку, въ засадѣ; онъ надѣлъ опять свои поручичьи погоны.

— Говорятъ о перемиріи, о капитуляціи,—замѣтила Марсель.

Рука Жана Шена сжалась на рукояткѣ шпаги; онъ замолкъ.

Прошло еще два дня безъ особыхъ событій. Непріятельскій кругъ все суживался, и Жанъ Шенъ, со своей ротой, стоялъ теперь бивуакомъ на берегу самой Сены, въ лѣсахъ Saint-Cloud.

Слухи о капитуляціи усиливались; всѣ старые защитники страны ужасались при мысли, что близокъ часъ, когда ихъ оружіе должно сломаться въ ихъ рукахъ, и они поглядывали другъ на друга, бросая мрачные и злобные взгляды.

Въ эту ночь Марсель не ложилась. Какое-то мучительное предчувствіе щемило ей сердце.

Она открыла окно и, облокотясь, прислушивалась. Луна поздно взошла и освѣщала своимъ стальнымъ свѣтомъ ленту-Сену, за которой Марсель слѣдила взоромъ до глубины мрака лѣсовъ.

Вдругъ,—это было около одиннадцати съ половиною часовъ,—Марсель услыхала конскій топотъ по дорогѣ изъ Парижа: кто-то несся во весь опоръ, вѣроятно, эстафета. Не въ первый разъ приходилось ей это видѣть, но отчего въ этотъ разъ такъ тревожно забилось ея сердце?

Она высунулась въ окно, чтобы слѣдить за всадникомъ, думая, что непремѣнно догадается, въ чемъ дѣло.

Это былъ французскій офицеръ, при бѣломъ яркомъ свѣтѣ луны можно было разглядѣть его форму; если бы онъ не нагибался впередъ, пришпоривая лошадь, она могла бы разглядѣть даже его черты.

Онъ подъѣзжалъ къ мосту. Еще нѣсколько минутъ, и онъ въѣхалъ бы на него. Везъ ли онъ приказаніе выступать или, напротивъ, вѣсть объ окончаніи борьбы?

Въ эту минуту внезапно налетѣлъ на офицера другой всадникъ съ быстротою, возможною развѣ въ кошмарѣ. Марсель видѣла только, что этотъ другой всадникъ нагналъ офицера и слился съ нимъ въ одну общую тѣнь.

Затѣмъ раздался глухой выстрѣлъ; офицеръ пошатнулся и упалъ.

Тотъ другой выстрѣлилъ еще вторично по немъ; тѣло заколыхалось, предсмертныя судороги—и затѣмъ стало неподвижно.

Тогда тотъ другой быстро повернулъ поводъ, и въ эту минуту Марсель при яркомъ свѣтѣ луны увидала его лице, которое она узнала.

Тогда, высунувшись въ окно, съ опасностью вывалиться, она стала кричать:

— Убійца! Убійца!

Но негодяй уже исчезъ.

Марсель, обезумѣвъ, бросилась въ домъ, взывая о помощи.

Лоренъ уже былъ около нея съ ружьемъ въ рукѣ, поддерживая ее, такъ какъ она едва стояла на ногахъ.

Въ чемъ дѣло? Не было ли то нападеніе непріятеля на Севрскій мостъ? Марсель, вся запыхавшись, была не въ силахъ связать двухъ словъ, она тащила его на улицу, говоря отрывочныя безсвязныя слова.

Они вышли. Марсель бросилась бѣжать къ мосту. Она первая добѣжала до несчастнаго убитаго и опустилась около него на колѣни; испуганная лошадь умчалась, исчезнувъ въ ночной тьмѣ.

— Ахъ, несчастный!—воскликнулъ Лоренъ, — вѣроятно, упалъ съ лошади.

— Нѣтъ, нѣтъ, я сама видѣла! О, Боже, онъ умеръ!

И она приподняла голову стараго офицера, лице уже измѣнилось.

На вискѣ зіяла черная рана. Выстрѣлъ былъ сдѣланъ въ упоръ.

Лоренъ, нагнувшись на своей деревянной ногѣ, старался его приподнять.

Вдругъ раненый широко раскрылъ глаза и, со вздохомъ или скорѣе въ предсмертномъ хрипѣ, прошепталъ:

— Депеша... Генералу Пире... О!

Челюсти сжались, все тѣло вытянулось въ предсмертной мукѣ, и онъ упалъ замертво.

Марсель разрыдалась.

— Бѣдный старикъ,—проговорилъ Лоренъ,—печальный конецъ для солдата!

Марсель обернулась къ нему:

— Вы не знаете еще всего—его убили.

— Убили?

— Да, я сама видѣла.

И, сдѣлавъ надъ собой неимовѣрное усиліе, она разсказала все, какъ было.

— Чортъ возьми! — замѣтилъ Лоренъ, — онъ намъ говорилъ о депешѣ, гдѣ же она?

Онъ разстегнулъ сюртукъ несчастнаго и увидалъ на немъ кожаную сумку.

— Вернемся,—сказалъ онъ,—и посмотримъ, въ чемъ дѣло.

— Неужели же мы такъ и оставимъ здѣсь этого несчастнаго человѣка?

— Что дѣлать! На все свое время—у него теперь терпѣнія хватитъ.

Оба направились къ дому.

Дома, при свѣчкѣ, они открыли портфель.

Генералу Пире... Тамъ и была та депеша, о которой онъ говорилъ.

— Что дѣлать?—проговорила Марсель, ломая руки:—быть можетъ, въ ней какая нибудь важная вѣсть, отъ которой зависитъ благополучіе всѣхъ тамъ находящихся?..

Лоренъ призадумался.

— Очень просто, хоть я и плохой ходокъ, но что нужно, то нужно: я доставлю эту депешу.

— Прекрасно, и я пойду съ вами.

— Ужъ это извините. Я старый солдатъ и умѣю исполнять то, что мнѣ приказано; прежде всего, мы должны слушаться Жана Шена; я не могу позволить вамъ выходить безъ кого нибудь изъ его людей. Такъ было рѣшено, и вамъ придется подчиниться, мадемуазель Марсель.

— Это невозможно, говорю вамъ: тутъ вопросъ жизни или смерти.

— Тѣмъ болѣе. Вы на меня не сердитесь, вы храбрая, достойная дѣвушка, но въ моей власти только то, что вы подъ моей охраною, и то уже много, что я васъ оставлю одну... Ну, ужъ тутъ что дѣлать, но брать васъ съ собой—ни за что. Мужчина всюду пролѣзетъ, и вы меня только стѣсните.

— Милый, добрый Лоренъ.

— Нѣтъ такого... или скажемъ, я милый только, если исполняю свой долгъ, вотъ я его и исполняю; вы меня здѣсь подождете, я скоро вернусь. Мнѣ чуется, что французы недалеко, я отдамъ депешу и сейчасъ же вернусь.

Всѣ просьбы были напрасны. Старикъ былъ неумолимъ, онъ сознавалъ свою отвѣтственность и не считалъ себя въ правѣ уклониться отъ нея.

Марсели пришлось подчиниться.

— Вы правы, — сказала она, — только Бога ради поспѣшите: какой-то внутренній голосъ говоритъ мнѣ, что эта депеша большой важности; тотъ негодяй былъ, безъ сомнѣнія, заинтересованъ, чтобъ депеша не дошла.

Она чуяла въ этомъ какую-то мрачную интригу.

Лоренъ торопился, какъ могъ.

— Дождитесь меня,—сказалъ онъ ей,—обѣщаю вамъ идти какъ можно скорѣе. Отдамъ письмо, поразвѣдаю чего нибудь новенькаго, имѣйте только терпѣніе.

Марсель, не смотря на все желаніе видѣть его поскорѣе въ дорогѣ, просила, чтобъ онъ вмѣстѣ съ нею помогъ перенести несчастнаго убитаго съ большой дороги, гдѣ лошади могли его раздавить. Они вмѣстѣ дотащили его до моста и тамъ прислонили его къ камнямъ.

Лоренъ отправился наудачу въ походъ.

Марсель не вернулась домой, она облокотилась на перилы моста и силилась что нибудь услыхать, увидѣть? Чтò именно — она сама не знала.

Но отчего такъ сильно билось ея сердце? Отчего такъ стучали виски?

Понемногу у нея стали путаться мысли. Ее пробиралъ ночной холодъ, а колыханье воды убаюкивало ее. Она не сознавала ни времени, ни окружающей жизни. Какіе-то безсвязные образы носились въ ея головѣ.

Ей видѣлись взрывы, которые окружали ее своимъ краснымъ пламенемъ. Но она не двигалась, она точно замерла въ гипнозѣ.

Вдругъ она вздрогнула, кто-то схватилъ ее за руку:

— Мадемуазель Марсель, скорѣй, скорѣй домой!... Пруссаки!...

Она широко раскрыла растерянные глаза.

Но Лоренъ,—это былъ онъ,—уже тащилъ ее за собой бѣгомъ.

Они добрались до дому; когда они вошли, онъ заперъ дверь всею тяжестью своего тѣла.

— Они не увидятъ нашего барака,—пробормоталъ онъ.—Разбойники!...

— Что же случилось?

Марсель изъ кошмара сна очнулась для еще болѣе ужасной дѣйствительности.

Лоренъ началъ запыхавшимся голосомъ:

— Вы никогда не отгадаете—это по истинѣ ужасно! Едва я перешелъ черезъ мостъ, я чуть не попалъ въ прусскій отрядъ. Да, они были не въ пяти стахъ метровъ отсюда. Я пробрался черезъ полъ-лье, — знаете, на кого я натыкаюсь: на англичанъ! Какъ могло это случиться? Еще въ полдень тутъ были французы. Я не зналъ, куда идти дальше. Наконецъ, пройдя еще два лье, я встрѣчаю французовъ, я уже потратилъ болѣе двухъ часовъ на дорогу. Знаете ли, что я узналъ? Капитуляція подписана, пруссаки и англичане вступаютъ въ Парижъ, наши солдаты отступаютъ.

— Отецъ мой! Отецъ!

— Дитя мое, что дѣлать! злой рокъ!—проговорилъ Лоренъ, ударивъ кулакомъ по столу.—Генералъ Пире не былъ своевременно предупрежденъ о перемиріи и не далъ аванпосту приказанія отступить и...

— И что же?

— И рота Жана Шена, видя приближающихся англичанъ, стрѣляла по нимъ. Говорятъ, произошелъ кровавый бой: пятьдесять человѣкъ противъ тысячи.

— Убитъ! мой отецъ убитъ!

— Повидимому, нѣтъ. Говорятъ, ихъ двѣнадцать человѣкъ захватили, и такъ какъ они нарушили капитуляцію, они сегодня же утромъ предстанутъ предъ военнымъ судомъ и будутъ разстрѣлены.

— Разстрѣлены? Кто?

— Вѣроятно, не солдаты, но офицеры—ихъ двое.

— Ихъ имена... Я чувствую, что схожу съ ума.

Лоренъ склонилъ голову.

— Одинъ изъ нихъ,—проговорилъ онъ печальнымъ голосомъ:— нашъ капитанъ, нашъ братъ, Жанъ Шенъ.

— Отецъ! Отецъ! Я не хочу этого! Не хочу!

— А второй—тотъ молоденькій поручикъ, который все время былъ съ Жаномъ Шеномъ... виконтъ-де...

— Лорисъ...

— Да онъ... Взгляните... Пруссаки... О злополучная Франція!

Извнѣ слышался тяжелый топотъ всадниковъ. Нашествіе приближалось къ послѣднему этапу. Убитая горемъ Марсель опустилась на колѣни, безъ голосу, безъ мысли.

Лоренъ въ отчаяніи продолжалъ свой разсказъ. Онъ вручилъ депешу одному офицеру генеральнаго штаба, который отъ волненья вскрылъ ее.

Это было извѣщеніе о капитуляціи, приказаніе прекратить немедленно всякія непріятельскія дѣйствія. Оно должно было придти въ 12 часовъ ночи, а теперь было около пяти часовъ!

Англичане, надо полагать, подозрѣвали или дѣлали видъ, что подозрѣваютъ, тутъ западню. Пришлось сейчасъ же увѣдомить генерала Пире, который, вѣроятно, пошлетъ парламентера для объясненія этого факта, этого недоразумѣнія, но завоеватели жестоки. Чего добраго, ихъ ни въ чемъ не разубѣдишь, черезъ два часа все можетъ быть кончено!

Передъ этой ужасной катастрофой, которая была выше человѣческихъ силъ, Марсель сознавала себя уничтоженной, безпомощной, безсильной.

Что могла она придумать? Борьба была немыслима. Бѣжать въ Saint-Cloud, броситься къ ногамъ англійскаго генерала? Да будетъ ли онъ ее слушать? Допустятъ ли ее до него? На этотъ разъ отъ смерти было не уйдти.

— Если бы знать, къ кому обратиться?—плакался Лоренъ.—Въ Парижѣ есть столько людей, которые дружны съ англичанами. Вѣдь это же, наконецъ, несправедливость, подлость. Офицеровъ не убиваютъ за то, что они исполняли свой долгъ солдата.

И онъ топнулъ ногой.

— Ахъ, если бы старый Картамъ былъ живъ!

Вдругъ Марсель вскочила, вскрикнувъ:

— Къ кому обратиться? Есть къ кому! Къ женщинѣ, къ маркизѣ де-Люсьенъ. Къ невѣстѣ мсьё Лориса. Она спасетъ его отъ смерти, а съ нимъ будетъ спасенъ и Жанъ Шенъ. Надо бѣжать къ ней! Развѣ я имѣю право убиваться? Лоренъ, идемте сейчасъ въ Парижъ, тамъ мы ее найдемъ. Говорю вамъ, она любитъ одного изъ приговоренныхъ къ смерти!

XX.

Маркиза де-Люсьенъ была одною изъ героинь дня. Между крайними, которые ожили въ Парижѣ съ отъѣздомъ людоѣда съ Корсики, не было ни одного, который бы не зналъ, какое участіе она принимала въ послѣднихъ событіяхъ, какую дѣятельность она проявила, какъ всемогуще было ея вліяніе въ дѣлѣ служенія интересамъ короля.

Въ этомъ странномъ мірѣ, гдѣ идеи и мысли принимались иначе, чѣмъ простыми смертными, героями назывались Бурмоны, Блюхеръ, Велингтонъ, — всѣ тѣ, кто ускорилъ паденіе Франціи; Ватерлоо являлось побѣдою, Ней измѣнникомъ, армія Mont Saint Jean собраніемъ разбойниковъ.

Какъ только по Парижу разнеслась вѣсть о капитуляціи, произошла перемѣна въ настроеніи. Всѣ патріоты, которымъ все давно опротивѣло, позаперлись у себя, не интересуясь возвращеніемъ чужестранцевъ; на улицахъ же, на набережныхъ, на площадяхъ, въ садахъ, появились подозрительныя личности, выползшія изъ своихъ норокъ, довольные трусы, подлые даже въ минуты своихъ успѣховъ, дѣлавшіеся понемногу смѣлѣе, наглѣе: такіе люди выплываютъ обыкновенно въ дни великихъ національныхъ катастрофъ.

Убѣжденные въ невозможности всякаго возврата, они суетились теперь около своихъ друзей, нашихъ враговъ, точно въ праздничномъ шествіи. Странная то была толпа, напудренная, въ сюртукахъ à la française—иронія старой моды; женщины въ нарядныхъ платьяхъ, франты со шпагами en verrouil, въ шелковыхъ чулкахъ, съ пряжками, съ камнями.

Эти люди явились занимать завоеванныя мѣста: все было для нихъ готово. Франція принадлежала имъ. Временное правительство подало въ отставку, король былъ въ замкѣ Арнувиль, при въѣздѣ въ Парижъ.

Это было торжество, давно подготовленное Фуше, которому суждено было имъ пользоваться всего нѣсколько мѣсяцевъ.

Поговаривали, правда, объ озлобленіи, царившемъ въ предмѣстьяхъ: объ офицерахъ, которые ломали свои шпаги, о солдатахъ, которые сжигали свои знамена.

Маленькій шумокъ на окраинахъ Парижа: по словамъ Шарра— послѣдняя пульсація утомленной артеріи.

Побѣдители по довѣренности ликовали.

Зная, что маркиза начинала рано день, какъ подобаетъ начальнику партіи, самые нетерпѣливые уже съ девяти часовъ были въ отелѣ де-Люсьенъ, двери котораго были уже раскрыты.

Маркиза еще не выходила, но ея пріемныя комнаты быстро наполнялись.

Героемъ празднества былъ, безъ сомнѣнія, мсьё Маларвикъ, близость съ королемъ котораго была всѣмъ хорошо извѣстна; вліяніе его на короля давно поколебало вліяніе Блакаса. Сынъ его, Гекторъ, могъ расчитывать на самое блестящее положеніе. Тремовиль, Трезекъ, Гишемонъ прибыли въ это утро, опередивъ Бурмона, который пожелалъ остаться при королѣ. Со всѣми корифеями сатурналіи, противодѣйствовавшей прогрессу, тутъ была цѣлая масса статистовъ, всякихъ попрошаекъ мѣстъ, крестовъ, нетерпѣливо ожидавшихъ возстановленія своихъ преувеличенныхъ титуловъ и привилегій.

Кто же могъ быть лучшимъ посредникомъ между ними всѣми и королемъ, какъ не маркиза де-Люсьенъ, которая, говорятъ, наканунѣ была польщена собственноручнымъ письмомъ Велингтона.

Нѣкоторые вполголоса спрашивали Тремовиля:

— Правда ли, что этотъ маленькій Лорисъ?...

— Не говорите... Сумасшедшій какой-то! — проговорилъ Тремовиль, у котораго, не смотря ни на что, сохранилась доля привязанности къ старому пріятелю.

— Скажите лучше, глупецъ!—замѣтилъ кто-то, подмигнувъ глазомъ на Гектора Маларвика, побѣдоносные виды котораго на красавицу маркизу не были ни для кого тайною.

— Богиня храма что-то долго не появляется,—замѣтилъ какой-то селадонъ, современникъ молодости Помпадуръ.

Вошла m-me де-Люсьенъ, блѣдная, вся въ черномъ. Всѣ поспѣшили къ ней на встрѣчу: она была восходящее солнце.

Никто не замѣтилъ, что этой молодой, свѣжей женщины коснулись струи холоднаго, ледянаго вѣтра.

Съ устремленнымъ взоромъ, со сжатыми устами, она едва слушала, отвѣчая односложными словами. На почтительные поклоны, на мадригалы она отвѣчала разсѣянно, была холодно вѣжлива.

Какъ она страдала, трудно выразить: теперь она была убѣждена въ силу какого-то необъяснимаго предчувствія, что Лорисъ умеръ.

Когда она вошла, она окинула взглядомъ всѣ эти подобострастныя, пошлыя физіономіи; когда она услыхала всѣ эти безстрастные голоса, это эхо могилъ, ей стало противно. Чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе вспоминалось ей прошлое.

Ей казалось, она слышитъ искренній, задушевный голосъ того, кого ей не суждено было больше слышать. Здѣсь, въ этой самой пріемной, какъ онъ безумно, нѣтъ, великодушно клеймилъ сдѣлки съ совѣстью и интриги низкой политики... И странно, Регина видѣла его передъ собой все въ минуту той сцены во Флоренцѣ, когда въ глазахъ его засверкалъ свѣтъ, котораго она до тѣхъ поръ въ нихъ не видала и который, помимо ея, обжегъ ее своимъ огнемъ.

Конечно, она все ему простила и богохульство ея боговъ, и свою личную обиду. Она вспоминала ту фразу, за которую она когда-то его такъ бранила:

— Какое мнѣ дѣло до короля!.. Я знаю только васъ, обожаю васъ одну!

Она шепотомъ повторяла эти слова, и слезы навертывались ей на глаза.

Конечно, за то, чтобы онъ очутился тутъ, около нея, чтобы онъ снова повторилъ ей эти сладостныя революціонерныя слова, она тоже готова была на святотатство, готова была забыть и гордость Салестэновъ, и роялистскую страсть де-Люсьеновъ. Зачѣмъ такъ поздно познала она свое сердце, зачѣмъ не прислушалась она къ нему раньше!

И она допустила его идти на смерть!

Появилось новое лице—всѣ переполошились: большей чести маркизѣ не могло быть оказано.

Генералъ Кольвиль, англійскаго корпуса Гилля, явился лично благодарить вѣрную союзницу, которая облегчила задачу завоевателей.

Съ низкимъ поклономъ онъ приложился къ рукѣ Регины.

Онъ напомнилъ ей, что имѣлъ честь быть ей представленнымъ въ Лондонѣ, что онъ не забылъ этого.

— Въ Парижѣ я буду имѣть честь сдѣлать вамъ первый визитъ... Быть можетъ, у васъ найдется въ тотъ день какое нибудь приказаніе для вашего покорнаго слуги.

Весьма любезно и опредѣленно.

Въ первый разъ въ жизни, когда уста его коснулись ея руки, Регина испытала чувство отвращенія.

Лорисъ убитъ на полѣ битвы! Быть можетъ, солдаты этого человѣка убили его!

Всѣ окружили счастливаго побѣдителя съ разспросами о послѣднихъ дѣйствіяхъ.

Онъ прямо изъ Saint-Cloud. Все обстояло благополучно, за исключеніемъ одной стычки ночью. Французы нарушили капитуляцію, и дѣло будетъ разбираться военнымъ судомъ. Говорили тутъ о какомъ-то недоразумѣніи, о депешѣ, не полученной во время. Конечно, это не можетъ быть принято во вниманіе. Онъ ожидаетъ адъютанта съ отчетомъ о результатѣ суда.

Регина не слушала, она упорно смотрѣла на дверь. Она ожидала кого-то. Аббатъ Блашъ все ей сообщилъ. Почемъ знать—можетъ быть, ненависть того человѣка къ Лорису будетъ изобрѣтательнѣе ихъ симпатіи въ дѣлѣ его поисковъ?

Наконецъ, появилась ея горничная и сдѣлала ей знакъ.

Она извинилась и вышла подъ предлогомъ неотложнаго дѣла.

Въ будуарѣ ее ожидалъ Лавердьеръ.

Она умоляюще взглянула на него, не рѣшаясь спросить.

Онъ сказалъ только одно слово:

— Живъ!

Бѣдная женщина схватилась за сердце, пошатнулась, прислонилась къ спинкѣ кресла и такимъ образомъ удержалась на ногахъ.

Передъ этимъ человѣкомъ ей не хотѣлось выдать себя.

— Благодарю васъ,—сказала она только, какъ будто это одно слово не заключало въ себѣ всѣхъ ея мыслей.

Онъ тихонько пожалъ протянутую руку по всѣмъ правиламъ людей свѣта.

— Маркиза,—замѣтилъ онъ,—я сдѣлалъ все, что могъ, чтобы достойно выполнить возложенное на меня аббатомъ Блашомъ порученіе: я былъ на столько счастливъ, что мнѣ удалось получить вѣрныя свѣдѣнія... Мсьё виконтъ Лорисъ живъ!

Онъ повторилъ это съ аффектаціею. Если до этихъ поръ у него было нѣкоторое сомнѣніе насчетъ чувства Регины къ его врагу, то въ настоящую минуту всѣ эти сомнѣнія рушились.

Она любила его. Если она желала знать, что съ нимъ сталось, то совсѣмъ не для того, чтобы имѣть увѣренность въ полученной обратно свободѣ, но только для того, чтобы ожидать его, чтобы встрѣтить радостно этого счастливца ея первой любви.

Все это выяснится. Маларвикъ не имѣетъ права быть неблагодарнымъ, онъ еще не расквитался за оказанную ему услугу.

Маркиза думала, что къ ней уже вернулось ея спокойствіе, и голосомъ, который казался ей вполнѣ естественнымъ, она спросила:

— Гдѣ онъ?

— Очень близко отсюда. Онъ служитъ въ корпусѣ генерала Пире, который еще вчера вечеромъ занималъ Севръ и Saint-Cloud.

— Вы увѣрены въ вашихъ справкахъ?

— Вполнѣ: если маркизѣ угодно, я могу дать ей болѣе подробныя свѣдѣнія.

И смотря на Регину болѣе пристально, чѣмъ то позволяло приличіе, онъ началъ:

— Мсьё виконтъ де-Лорисъ снова носитъ чинъ поручика; онъ состоитъ подъ командою отъявленнаго революціонера, имени котораго маркиза, вѣроятно, не забыла.

— Это имя?

— Капитанъ Жанъ Шенъ.

Регина вздрогнула; это не могло ускользнуть отъ Кейраза.

— Жанъ Шенъ, — пробормотала она, — дѣйствительно я его помню.

Кейразъ выждалъ минуту, затѣмъ, отчеканивая по слогамъ, прибавилъ:

— Отецъ нѣкой якобинки, по имени Марсель.

— Я знаю, что же дальше?

Безъ всякаго равновѣсія по натурѣ, Регина отдавалась всецѣло всякому новому впечатлѣнію. Это имя, случайно названное, пронзило ея сердце. Она тѣмъ не менѣе овладѣла собою.

— Продолжайте,—сказала она.

— Дѣло въ томъ, что это предметъ довольно щекотливый и я боялся бы...

У людей закваски Лавердьера своя собственная психологія, грубая, безъ анализа, для всѣхъ одинаковая. По его мнѣнію, Регина была влюблена въ Лориса. Надо было ее убѣдить, что она на ложномъ пути. Большаго не требовалось.

Онъ, по своей грубости вояки, не сознавалъ даже, что клавикорды, которыхъ онъ касался своими тяжелыми лапами, были изъ такихъ чуткихъ, впечатлительныхъ струнъ, что при малѣйшемъ грубомъ прикосновеніи къ нимъ они звучали диссонансами, полными страданья. Онъ думалъ, что сердитъ ее, тогда какъ онъ убивалъ ее. Она неподвижно стояла, невозмутимая на видъ, дрожа внутреннею, невидимою дрожью.

— Я вамъ сказала, чтобы вы продолжали,—замѣтила она.

— Такъ какъ я зналъ, гдѣ находится Жанъ Шенъ, задача моя становилась не трудною.

— Отчего?

— Оттого, что зная, гдѣ одинъ, я былъ убѣжденъ, что найду и другаго.

— То-есть?

— Маркиза, скажу вамъ прямо—я солдатъ и не умѣю вилять Я выслѣживалъ его довольно давно, со встрѣчи,—это было въ послѣднихъ дняхъ мая,—мсьё Лориса съ этой подозрительной барышней, съ этой Марселью, которую онъ защищалъ по поводу, могу васъ увѣрить, самой вздорной невѣжливости,—эту дочь якобинца Жана Шена.

Онъ остановился, наслаждаясь біеніемъ сердца Регины, отъ котораго она вся трепетала.

Она сдѣлала ему знакъ рукой, чтобы онъ продолжалъ.

— Я встрѣтился въ другой разъ съ этой дѣвчонкой, вы знаете, при какихъ обстоятельствахъ, въ улицѣ Epéron; оба они были тогда арестованы и отведены въ Консьержери.

Регина не знала этого обстоятельства: убѣжденіе, которое ей хотѣлъ навязать Кейразъ, начинало уже вліять. И снова въ этой душѣ, въ которой любовь расцвѣла впервые, появилась ревность съ своимъ медленнымъ, острымъ ядомъ.

— Арестованы оба вмѣстѣ,—вы убѣждены въ этомъ?

— Я самъ имѣлъ честь ихъ провожать до дверей тюрьмы. Признаться, я никогда не думалъ, что мсьё Лорисъ до такой степени проникнутъ якобинствомъ. Онъ себя слишкомъ компрометировалъ, протежируя этой дѣвушкѣ, и я убѣжденъ, что политика тутъ играла весьма второстепенную роль.

У нея стало духу улыбнуться:

— Дальше,—замѣтила она.

— Быть можетъ, маркизѣ достаточно этихъ свѣдѣній.

Она почувствовала въ себѣ проблескъ гордости:

— Мнѣ кажется, мсьё Кейразъ, я вамъ приказала разсказать мнѣ все, что вамъ извѣстно.

— Въ такомъ случаѣ—къ вашимъ услугамъ. Лорисъ и Марсель провели всю ночь въ Консьержери. О, будьте спокойны, не въ тюремномъ заключеніи. На другой день, въ семь часовъ утра, ихъ освободили. Затѣмъ мсьё Лорисъ отправился на Champ de Mai, гдѣ «Compagnons du Gui» третировали его какъ товарища и повѣреннаго, затѣмъ онъ отправился въ армію, тогда какъ эта дѣвица, связанная не знаю какими узами со старикомъ Картамомъ, бывшимъ членомъ Конвента, другомъ Робеспьера, покинула Парижъ подъ предлогомъ слѣдованья за интендантствомъ. Правда, что виконту, состоявшему въ штатѣ Бурмона, было бы не особенно легко попасть къ ней, не случись одного обстоятельства...

Такъ вотъ оно настоящее объясненіе того порыва патріотической чести! Вотъ отчего Лорисъ измѣнилъ своимъ взглядамъ, вотъ отчего въ то время, когда она имѣла глупость признаться ему въ своей любви, въ то время, когда она старалась его всячески удержать, онъ такъ торопился, онъ спѣшилъ къ этой дѣвчонкѣ!

Душѣ ли, тѣлу ли бываетъ нанесена первая рана, но ощущеніе перваго удара ужасно. Въ Регинѣ соединились два страданія—физическое и нравственное, оба они точно тонкимъ лезвіемъ проникали ей въ сердце, въ мозгъ, заставляли ее выносить страшную пытку, доводящую до безумія. Она вся была полна стыда, гнѣва, презрѣнія, отъ которыхъ у нея ссыхались уста, сжималось горло.

— И что-жъ, они встрѣтились?—спросила она.

— Не такъ скоро, какъ онъ бы желалъ того. Маркизѣ не безъизвѣстно, какая жалкая участь постигла армію Бонапарта. Картамъ былъ убитъ, но, благодаря случайности, одной изъ тѣхъ, какія всегда имѣются про запасъ у бога любви для своихъ вѣрныхъ слугъ, мсьё Лорисъ очутился какъ разъ на лице, когда нужно было спасти отъ смерти эту дурочку. Все, что я знаю, это, что они вер-

нулись вмѣстѣ въ почтовой каретѣ, точно изъ свадебнаго путешествія. Мсьё Лорисъ, который не могъ оставить своего будущаго тестя, безумно увлеченнаго битвою, вернулся къ нему на аванпостъ. Затѣмъ могу повторить то, что я уже имѣлъ честь доложить маркизѣ: виконтъ де-Лорисъ живъ, живъ и невредимъ.

Каждое слово Лавердьера отравляло ядомъ сердце несчастной женщины! Все, что онъ говорилъ, было такъ правдоподобно! Наконецъ, какая выгода этому человѣку обманывать ее?

Истина была несомнѣнна и ужасна.

Лорисъ всегда лгалъ низко, неблагородно. У ея ногъ, нашептывая ей слова любви, онъ думалъ о другой, объ этой дѣвчонкѣ, о своей любовницѣ...

Была ли то боль?—нѣтъ. Униженіе, превратившееся въ ненависть, въ ненасытную потребность мести, наказанія. О, съ какимъ бы наслажденіемъ она пронзила имъ обоимъ сердце!

Кейразъ не злоупотреблялъ своимъ тріумфомъ. Онъ отвернулся отъ нея на половину и не смотрѣлъ на ту, которую подвергъ такой жестокой пыткѣ.

Онъ былъ доволенъ собою. Маларвику онъ угодилъ: немного правды, много клеветы, какъ все это было просто! Немножко энергіи въ трудныя минуты, какъ, напримѣръ, сегодня ночью, и цѣль была достигнута.

Регина хотѣла переломить себя, быть спокойной. Но какъ преодолѣть ту внутреннюю дрожь, отъ которой она трепетала всѣми фибрами своего существа?

Вдругъ она обратилась къ нему:

— Мсьё Кейразъ, вернемтесь въ гостинную. Прошу васъ, дайте мнѣ руку.

Она презирала этого человѣка, для нея было началомъ реванша снизойти до него, она наказывала себя этимъ униженіемъ за то, что вѣрила въ честность, въ искренность, въ честь, въ любовь. Она перестала разсуждать, она поддавалась влеченію своихъ чувствъ, моментальному проявленію инстинкта.

Де-Кейразъ гордился своимъ значеніемъ и тѣмъ, что попалъ такъ мѣтко, тѣмъ не менѣе былъ достаточно хитеръ, чтобы не злоупотребить своей побѣдой и не забыть разстоянія, ихъ раздѣлявшаго; онъ не поддался тщеславному искушенію, которое ему было предложено, и, опередивъ маркизу, онъ открылъ дверь въ гостинную и, низко ей кланяясь и отстраняясь, пропустилъ ее.

Въ эту самую минуту ея появленіе точно прервало начатый разговоръ: съ именемъ Лориса, случайно произнесеннымъ, наступило вдругъ всеобщее молчаніе.

Маркиза замѣтила это. Неужели надъ ней смѣялись?

— Вы, кажется, говорили о виконтѣ Лорисѣ?— спросила она, окинувъ гордымъ взглядомъ окружающихъ.

Всѣ взоры были направлены на англійскаго генерала, который, съ бумагами въ рукахъ, говорилъ тихимъ голосомъ съ офицеромъ, вытянувшимся передъ нимъ, держа руку подъ козырекъ.

— Прошу извиненія, маркиза, — проговорилъ Кольвиль, обращаясь къ ней:—я принялъ здѣсь адъютанта по неотложному дѣлу о двухъ военно-плѣнныхъ.

— Мсьё Лорисъ въ плѣну?

— Онъ и еще другой офицеръ, по случаю стычки, происшедшей сегодня ночью,—впрочемъ ничего серьезнаго.

Регина смотрѣла на него; быть можетъ, она догадывалась объ ужасной истинѣ.

Но кто скажетъ, что дѣлается въ душахъ страстныхъ натуръ, когда онѣ находятся еще всецѣло подъ первымъ впечатлѣніемъ отчаянья.

Она отвернулась, прекратила разспросы и опустилась на диванъ.

— Мсьё Маларвикъ,—проговорила она,—сядьте подлѣ меня.

Графъ отошелъ отъ сына, котораго Кейразъ увлекъ къ окну.

— Слышали вы новость, — началъ Гекторъ съ иронической улыбкой:—депеша съ извѣстіемъ о капитуляціи не дошла до своего назначенія, и несчастный де-Лорисъ...

— Бываютъ такія роковыя фатальности, — замѣтилъ Кейразъ, по которому тѣмъ не менѣе пробѣжала нервная дрожь: иногда отъ слишкомъ большихъ удачъ приходишь въ ужасъ.

Англичанинъ собирался уже отпустить своего адъютанта. Онъ посмотрѣлъ на часы и сказалъ тихо Тремовилю:

— Черезъ два часа... Что дѣлать! На то война!

— Подарите мнѣ минуту времени, — проговорилъ молодой человѣкъ.

— Съ удовольствіемъ, но къ чему?

Тремовиль былъ легкомысленъ, эгоистиченъ. Но онъ былъ пріятелемъ Лориса, за тотъ пассажъ въ Филипвилѣ у него не сохранилось къ нему злобы, такъ какъ онъ не сознавалъ ясно, что происходило въ то время въ душѣ молодаго человѣка. Да, наконецъ, бываютъ положенія, гдѣ надо выручать. Состраданіе бываетъ въ сердцахъ самыхъ беззаботныхъ людей.

Онъ подошелъ къ дивану, на которомъ сидѣла Регина, занятая конфиденціальнымъ разговоромъ съ мсьё Маларвикомъ.

Онъ обратился къ ней съ поклономъ.

— Смѣю ли я просить у маркизы,—прошу извинить меня, мсьё Маларвикъ,—одну минуту времени?

Она обернулась къ нему.

— Сію минуту, мсьё Тремовиль.

— Маркиза, дѣло большой важности, прошу васъ,—повторилъ Тремовиль глухимъ голосомъ.

Она слегка пожала плечами:

— Что вамъ нужно?

— Я буду просить васъ нѣсколько словъ наединѣ...

— Тайна? О, нѣтъ! говорите громко, мсьё Тремовиль. У насъ тутъ нѣтъ тайнъ другъ отъ друга.

Тремовиль выпрямился, что-то въ тонѣ Регины показалось ему обиднымъ.

— Маркиза, я желалъ говорить тихо, потому что дѣло идетъ о жизни и смерти. Но разъ вы не желаете этого, то знайте, что мой старый другъ, виконтъ де-Лорисъ...

Регина встала, вся блѣдная:

— Мсьё Тремовиль, я желаю,—проговорила она ледянымъ голосомъ:—чтобы здѣсь никогда болѣе не было произнесено имя человѣка, который измѣнилъ интересамъ короля.

Этимъ все и кончилось. Тремовиль отошелъ. Генералъ, который очень добродушно ждалъ, сдѣлалъ знакъ своему адъютанту, что онъ можетъ идти.

Знала ли Регина? Неужели гнѣвъ обманутой женщины довелъ ее до такой жестокости, что она сама произнесла приговоръ смерти человѣку, котораго она любила?

Сознавала ли она, что адъютантъ увозилъ съ собой приказаніе о казни двухъ французовъ, которые нарушили капитуляцію?

Мсьё Маларвикъ снова продолжалъ начатый разговоръ, убѣжденный, что она его слушаетъ, оттого только, что она была около него, а у нея въ ушахъ звучали только два имени: Жоржъ, Марсель.

Чтобы стряхнуть уныніе, какое овладѣло всѣми, болѣе вѣтренные снова заговорили. Велика важность въ самомъ дѣлѣ—два якобинца поплатились за свое безразсудство, и не такіе виды видали!

Вторично появилась горничная Регины съ встревоженною физіономіею.

— Что тамъ опять?—спросила Регина.—Записка?... Давайте сюда.

Она протянула руку за письмомъ.

Она развернула его и прочитала:

«M-me де-Люсьенъ.

«Умоляю васъ именемъ всего для васъ святаго дать мнѣ возможность съ вами переговорить: ради Бога, не теряйте ни минуты. Молю васъ на колѣняхъ меня выслушать.

«Марсель».

XXI.

Марсель!... Она... посмѣла явиться къ ней въ домъ. У Регины выступили на лбу капли холоднаго пота.

Конечно, она ея не приметъ, просто велитъ выгнать эту проклятую дѣвчонку.

Но вѣдь она можетъ и сама ее выгнать... Неужели она боится ея?... Что за вздоръ!

Она разомъ рѣшила: для нея будетъ удовольствіемъ швырнуть ей въ лице весь свой гнѣвъ, все свое презрѣніе.

Не обращая вниманія на присутствующихъ, она встала и безсознательно, какъ лунатикъ, направилась къ дверямъ, отстраняя тѣхъ, кто ей мѣшалъ пройти.

Она толкнула дверь.

Но едва она переступила за порогъ другой комнаты, какъ Марсель упала передъ ней на колѣни и схватила ея руки:

— Спасите ихъ... Спасите ихъ... Если бы вы знали...

Регина въ ужасѣ отступила, вырывая свои руки изъ рукъ молодой дѣвушки съ такой силой, что та почти упала.

И, не разслышавъ даже ея словъ, она ее прервала:

— Что вамъ надо? Зачѣмъ вы здѣсь? Не смѣйте дотрогиваться до меня... Не смѣйте говорить со мной... Вы посмѣли пройти сюда... Отъ такихъ нахалокъ всего дождешься...

Марсель, блѣдная, съ распущенными волосами, изнемогая отъ усталости, такъ какъ бѣжала всю дорогу, смотрѣла на нее, подпершись одною рукою, распростертая на коврѣ. Она не узнавала ея. Подъ этой искаженной маской она не узнавала той молодой, красивой женщины, которую она видѣла мелькомъ въ тотъ вечеръ, когда она явилась передъ своими противниками во всей прелести героини.

Регина продолжала, отчеканивая слова, съ трудомъ переводя дыханіе:

— Чего вы хотите отъ меня? Что общаго между вами и мною?... Убирайтесь, если не хотите, чтобы я велѣла васъ выгнать...

Но Марсель была до такой степени полна отчаянья, что могла только проговорить:

— Вы вѣрно не знаете—ихъ убьютъ... убьютъ...

Она старалась при этомъ ухватить за платье Регину, которая все отъ нея пятилась.

— Убирайтесь, слышите, убирайтесь!—повторила Регина.

Марсель вдругъ выпрямилась:

— Говорю вамъ, моего отца убьютъ... убьютъ мсьё Лориса...

Она смѣла называть это имя! Когда Регина услыхала его, у нея въ сердцѣ точно раскрылась рана.

Она вдругъ расхохоталась безумнымъ хохотомъ:

— Убьютъ мсьё Лориса! Какое мнѣ дѣло защищать его, если можете, спасайте его—на то вы и любовница его.

И въ это слово, которое никогда еще въ жизни не произнесли ея уста честной женщины, она вложила все отвращеніе, все презрѣніе.

У Марсели, ошеломленной подобнымъ оскорбленіемъ, сперлось дыханіе, но по своей непорочности она рѣшила, что тутъ, вѣроятно, какое нибудь жестокое недоразумѣніе:

— Вы не поняли меня: я говорю о мсьё Лорисѣ, о вашемъ женихѣ!

— Моемъ женихѣ?

— Неужели я ошибаюсь, о Боже! Онъ мнѣ самъ говорилъ это сто разъ. Онъ мнѣ говорилъ, что онъ васъ любитъ, что вы его любите, и что вы дали другъ другу слово.

Она говорила все это тихимъ, искреннимъ голосомъ, она желала одного только—возстановленія истины, защиты себя.

Въ ея голосѣ, въ ея глазахъ, устремленныхъ на Регину, было столько чистоты, правды, что у Регины явилось въ душѣ что-то, похожее на сознаніе своей жестокости. Но подъ вліяніемъ пароксизма страсти она не могла уже остановиться.

— Все это не правда!—воскликнула она:—правда только то, что мсьё Лорисъ вашъ любовникъ.

Марсель вскрикнула, закрывъ лице руками; это была пощечина, отъ которой у нея брызнули слезы.

Но какъ ни было велико ея страданіе, она должна была говорить, время уходило.

— Не знаю, какія ужасныя мысли преслѣдуютъ васъ, но клянусь вамъ, что я сказала вамъ сущую правду. Я здѣсь потому что мой отецъ и мсьё Лорисъ будутъ разстрѣляны... слышите? разстрѣляны. Я никого не знаю, никто не можетъ помочь имъ, вырвать ихъ изъ рукъ англичанъ, вы же, вы всемогущи... я вспомнила о васъ потому, что часто слышала отъ мсьё Лориса, что вы добры, энергичны. Я сказала себѣ, что, любя его, какъ онъ васъ любитъ, вы сдѣлаете все, чтобы спасти его, и за одно спасете и моего отца,—вы же отвѣчаете мнѣ какимъ-то ужаснымъ, непонятнымъ мнѣ вымысломъ. Ихъ убьютъ! убьютъ!...

Она рыдала, вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

— Если бы я могла вамъ повѣрить!—воскликнула Регина.

— Вы бы могли имъ помочь? Вы бы могли ихъ спасти, и вы медлите, потому что думаете, что я лгу. Боже мой! Какъ могу я вамъ доказать всю правду моихъ словъ... Говорю вамъ, что мсьё Лорисъ любитъ васъ, обожаетъ. Я ничто для него, первая встрѣчная, которую онъ не далъ въ обиду, ребенокъ, котораго онъ спасъ. Любить меня, да онъ и не подумалъ бы даже: его сердце полно вами.

Регина схватила ее за руки:

— Посмотрите мнѣ въ лице и скажите, что вы его не любите.

— Клянусь вамъ... чѣмъ угодно. О Боже! развѣ я пришла сюда ради него? Я пришла сюда ради отца моего, моего добраго, дорогаго отца, въ которомъ вся моя жизнь. Я говорю о мсьё Лорисѣ потому, что онъ любитъ васъ и вы его, но я думаю только о моемъ отцѣ.

— Любите ли вы мсьё Лориса?

— Сказать вамъ, что я его ненавижу, я не могу. Онъ былъ чрезвычайно ко мнѣ добръ, на его глазахъ умеръ мой дѣдушка Картамъ, онъ сражался подъ начальствомъ моего отца, онъ спасъ мнѣ жизнь, я зову его братомъ!

— О, если вы лжете...

— Марсель говоритъ сущую правду!—раздался вдругъ чей-то голосъ.

Вошелъ аббатъ Блашъ и, обращаясь къ Регинѣ, сказалъ:

— Несчастная женщина! Что вы дѣлаете? Развѣ Марсель способна на ложь? Взгляните на нее хорошенько... Развѣ сестра ваша Бланшъ Салестэнъ лгала когда нибудь?

— Бланшъ? Моя сестра? При чемъ она тутъ?

— Она мать Марсели, а настоящее имя отца ея Жана Шена—Жанъ де-Листаль... Я не говорилъ вамъ этого раньше, потому что зналъ, что на днѣ души вашей есть мрачная бездна ненависти и жестокости... Но вы столкнулись лицемъ къ лицу... Она умоляетъ васъ... о чемъ?... Спасти отца ея, этого героя, этого честнаго человѣка, отъ ужасной, отъ позорной смерти... А вы подозрѣваете ее въ любви къ мсьё Лорису!... Видно, что вы принадлежите къ той семьѣ, которая погубила ея мать безъ состраданья...

— Да скажите же ей, что мсьё Лорисъ любитъ ее!—воскликнула Марсель, которая по своему женскому чутью понимала, въ чемъ кроется причина всего.

— Мсьё Лорисъ умираетъ за данное имъ слово, — замѣтилъ аббатъ:—онъ не способенъ на ложь.

Регина слушала съ широко раскрытыми глазами. Въ ней точно вдругъ проснулась совѣсть. Она схватила Марсель за руку и потащила ее въ гостиную и, раскрывъ дверь:

— Генералъ,—обратилась она къ лорду Кольвилю:—вы только что говорили о двухъ плѣнныхъ: не правда ли, одинъ изъ нихъ Жанъ Шенъ, другой виконтъ де-Лорисъ?

— Совершенно вѣрно, маркиза.

— Они приговорены къ смертной казни?

— Маркиза...

— Отвѣчайте мнѣ—да или нѣтъ? Ихъ убьютъ?

— Они приговорены военнымъ судомъ.

— Какое мнѣ дѣло? Слышите, я не хочу, чтобы ихъ лишили жизни, я не хочу. Въ чемъ ихъ преступленіе?

— Они нарушили капитуляцію. Они напали на мое войско изъ засады.

— Потому, что до нихъ не дошло приказаніе объ отмѣнѣ военныхъ дѣйствій!—вмѣшался аббатъ Блашъ.—Офицеръ, который везъ депешу, былъ убитъ на Севрскомъ мосту.

— Да, да, на Севрскомъ мосту, я сама видѣла! — воскликнула Марсель.

Она вдругъ вскрикнула и бросилась къ Лавердьеру:

— Вотъ онъ, убійца, я узнала его!

— Я?—спросилъ Лавердьеръ:—это ложь!

— Ты убійца, я сама видѣла, какъ ты выстрѣлилъ сзади изъ пистолета. Вотъ, господа, виновникъ той роковой ошибки; онъ не можетъ не сознаться въ этомъ; вы всѣ знаете его: это шпіонъ Лавердьеръ.

— Меня зовутъ Губертъ де-Кейразъ, и я не знаю этой женщины.

— А! тебя зовутъ Губертомъ де-Кейразъ,—началъ аббатъ.—Въ такомъ случаѣ ты убійца; ты убилъ этого человѣка, какъ въ былое время подъ именемъ Casse-Bleu ты убивалъ и умерщвлялъ, чтобы обкрадывать. Регина де-Люсьенъ, посмотрите хорошенько на этого человѣка—онъ убійца вашей сестры, матери Марсели.

— Онъ! И онъ же только что наклеветалъ мнѣ... О, подлецъ!

— Убійца моей матери,—вскричала Марсель: — посмѣй только сказать мнѣ въ лице, что ты не убилъ того человѣка на Севрскомъ мосту.

Лавердьеръ молча оглядывался. Маларвикъ стоялъ къ нему спиной.

— Генералъ,—обратилась Регина къ генералу Кольвилю:—вы слышите, совершено звѣрское преступленіе. Тѣ люди ни въ чемъ не повинны. Спасите его, молю васъ...

И съ храбростью, доходящей до величія, она прибавила:

— Мсьё де-Лорисъ, котораго приговорили къ смерти,—мой женихъ и я люблю его...

Кольвиль обернулся къ Лавердьеру:

— Вы убили этого человѣка?

— Да, но честно... въ дуэли.

Англичанинъ перчаткою, которую держалъ въ рукѣ, коснулся его лица.

— Надѣюсь, господа, что кто нибудь изъ васъ расправится съ этимъ человѣкомъ.

Затѣмъ, обращаясь къ Регинѣ, онъ сказалъ:

— Если еще не поздно, маркиза, я постараюсь исправить то горе, какое негодяй этотъ причинилъ вамъ.

— Я послалъ за почтовою каретою, — замѣтилъ аббатъ:—она подана.

— Въ которомъ часу?—рѣшилась спросить Регина.

Кольвиль поднялъ руку, чтобы ее прервать, не рѣшаясь ей отвѣтить.

Черезъ нѣсколько минутъ карета уже неслась по дорогѣ въ Saint-Cloud, въ ней были англичанинъ, аббатъ Блашъ и обѣ женщины, которыя обнимались со слезами на глазахъ.

А вотъ что происходило въ это время въ гостиной.

Тремовиль подошелъ къ Лавердьеру со словами:

— Милордъ Кольвиль далъ вамъ пощечину: не желаете ли вы получить отъ меня удовлетвореніе за понесенное вами оскорбленіе?

Лавердьеръ, съ вытянутымъ лицемъ, походилъ на пойманнаго дикаго зрѣря.

— Мсьё Гекторъ де-Маларвикъ, — произнесъ онъ во всеуслышаніе:—какъ вы полагаете, не слѣдуетъ ли вамъ быть моимъ секундантомъ?

— Мнѣ? Что у меня общаго съ вами?

— Вы отрекаетесь, что если я убилъ этого человѣка, то по вашему приказанію?

— Господа,—спросилъ Гекторъ совершенно хладнокровно:—кто желаетъ быть защитникомъ этого господина? Я лично не унижусь до расправы съ нимъ.

— Посмотримъ!—вскричалъ Лавердьеръ.

И, набросившись на Маларвика, онъ ударилъ его по лицу.

Ихъ выпроводили въ садъ.

Началась отчаянная, дикая дуэль.

Оба противника были одинаковой силы, одинаковой ловкости.

Лавердьеръ первый былъ задѣтъ въ плечо.

Но авантюристъ со всею энергіею, чуть не ползкомъ, нанесъ Гектору Маларвику рану въ животъ, которая была смертельна.

И въ ту минуту, когда всѣ окружили умирающаго:

— Когда нибудь свидимся, но пока мой часъ еще не пришелъ,—съ этими словами Лавердьеръ однимъ прыжкомъ исчезъ, прежде чѣмъ успѣли схватить его.

XXII.

Передъ военнымъ судомъ Жанъ Шенъ и де-Лорисъ защищали себя безъ всякаго хвастовства, но и безъ униженія. Для натуръ честныхъ, проникнутыхъ истиною, отъ которой они не въ состояніи отступать, защита не сложна. Капитуляція была объявлена. Имъ это не было извѣстно; пока не было получено офиціальнаго извѣщенія на аванпостахъ, долгомъ солдатъ было не пропускать завоевателей, все равно какимъ образомъ. Въ ночное время англичане хотѣли перейдти черезъ границу, которую они охраняли, и они дрались, чтобы защитить ее.

Одинъ противъ десяти, конечно, это было безумно, но то былъ долгъ. Они исполняли службу. Спрошенные отдѣльно, Жанъ Шенъ и Лорисъ дали тѣ же отвѣты.

Приведенные на судъ, они дали тѣ же объясненія.

Жанъ Шенъ сказалъ:

— Мы не оправдываемся, мы только выясняемъ дѣло. То, что мы сдѣлали, мы были обязаны сдѣлать, иначе мы были бы измѣнниками своей страны.

— Вамъ было неизвѣстно, что капитуляція подписана?

— Полковникъ,—отвѣтилъ Жанъ Шенъ тому, кто его спрашивалъ:—вы солдатъ, я бы не усомнился въ вашихъ словахъ. Не признаю за вами права сомнѣваться и въ моихъ словахъ.

— Какое вы можете представить доказательство суду?

— Если бы у меня были доказательства, я бы зналъ, что капитуляція подписана. Я слышу это отъ васъ, я вамъ вѣрю; если вы мнѣ не вѣрите—ваше дѣло!

Члены суда были связаны закономъ.

Капитанъ Жанъ Шенъ и поручикъ виконтъ де-Лорисъ были приговорены къ смерти.

Тѣмъ не менѣе военные судьи послали рѣшеніе суда на утвержденіе лорду Кольвилю.

Совѣсть требовала его послѣдняго слова.

Обоихъ приговоренныхъ помѣстили вмѣстѣ.

Было восемь часовъ. Въ одиннадцать они должны быть разстрѣляны.

Они были одни, вдвоемъ, въ комнатѣ нижняго этажа дома, который нѣсколько лѣтъ позже по случаю убійства Кастэнга пріобрѣлъ мрачную извѣстность отеля Черной Головы.

У дверей стоялъ часовой.

Заключенные протянули другъ другу руку.

— Пришла наша смерть, — началъ Жанъ Шенъ... — Вы умираете изъ-за меня, простите.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Это часы откровенія, мсьё Лорисъ, и повѣрьте, что если я хочу воскресить въ вашей памяти нѣкоторыя обстоятельства, то только потому, что меня вынуждаетъ на это совѣсть. Мсьё Лорисъ, развѣ вы были патріотомъ?

Лорисъ вздрогнулъ. Жанъ Шенъ смотрѣлъ на него съ протянутой рукою; онъ вложилъ свою руку въ его и началъ:

— Нѣтъ. Теперь мнѣ ясно, что вы подразумѣваете. Дѣйствительно, я прозрѣлъ съ того дня, какъ я услыхалъ васъ и вашихъ сотоварищей. Но я еще не проникся тогда вполнѣ истиною. Вы говорили объ отчизнѣ, но тутъ были и побочныя соображенія— форма правленія, ваша ненависть къ Бонапарту. Вы понимали другъ друга, я васъ не понималъ. Когда во Флоренцѣ я не согласился на измѣну, это было скорѣе въ силу инстинкта, чѣмъ убѣжденія. Знаете ли, когда я понялъ, что такое отечество? Это когда при мнѣ непріятель, чужестранецъ, убивалъ одного изъ нашихъ, приговаривая: fod! caput! Можетъ быть, это были не тѣ именно слова, но они звучали такъ чуждо, дико, быть убитымъ на ино-

странномъ языкѣ,—прибавилъ онъ смѣясь,—показалось мнѣ ужаснымъ. Я познал раздѣленіе расъ, эту истребительную борьбу. Я почувствовалъ то, чего не сознавалъ раньше, я понялъ, что отечество—это большая семья, и мнѣ захотѣлось защищать Францію, какъ бы я защищалъ мою мать.

— Лорисъ,—замѣтилъ Жанъ Шенъ,—не будемъ себя обнадеживать иллюзіями, черезъ два часа насъ не будетъ. Тѣмъ не менѣе надо всегда имѣть въ виду случайность. Одинъ изъ насъ можетъ пережить другаго.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Ничего, кромѣ того, что я сказалъ. По всей вѣроятности, мы будемъ разстрѣляны оба. Вы вѣрно знаете обычай соблюденія, такъ сказать, іерархіи въ смерти. Не будьте въ претензіи: у капитана предполагается больше твердости духа, чѣмъ у поручика, сперва разстрѣливаютъ младшаго. Слѣдовательно, вы умрете раньше меня. Боятся, чтобы вы не спасовали при видѣ смерти вашего капитана. Таково правило. Не будемъ его оспаривать. Но мы имѣемъ дѣло съ англичанами: быть можетъ, у нихъ это иначе, не знаю. Допустимъ всякія гипотезы. Во всякомъ случаѣ,—прибавилъ онъ почти весело,—которому нибудь изъ насъ двоихъ придется умереть первымъ.

— Пусть это буду я.

— На вашей сторонѣ всѣ шансы, мой юный другъ. Но предположимъ даже невозможное. Между минутою взведенія курковъ и минутою, когда пуля попадетъ въ васъ, можетъ произойти... Почему знать? Одинъ можетъ пережить другаго. Кто умретъ раньше? Вы ли? Я ли? Во всякомъ случаѣ, у васъ и у меня есть привязанности, есть обязательства. Я вѣрю вамъ. Довѣрьтесь и вы мнѣ. Если вы умрете и я переживу васъ въ силу какого нибудь непредвидѣннаго обстоятельства, чтò вы мнѣ завѣщаете, какое порученіе?

— Выслушайте меня,—началъ Лорисъ.—Я достаточно открылъ вамъ свою душу, и вы поймете меня. Я былъ роялистомъ, безумнымъ, безсознательнымъ, увлеченнымъ какимъ-то мистицизмомъ законности, котораго не буду даже отстаивать. Въ настоящее время я постигъ человѣческое право. Разумъ вернулся ко мнѣ, но я не хочу и не могу вернуть моего сердца, оно не принадлежитъ мнѣ. Я люблю... поймите всю глубину, весь смыслъ этого слова, сказаннаго на порогѣ смерти, въ самомъ широкомъ его смыслѣ. Я люблю Регину де-Люсьенъ...

Жанъ Шенъ не шевельнулся.

— Продолжайте,—сказалъ онъ только.

— Если-бъ вы знали, сколько въ ней доброты, героизма, пыла страсти. За своего короля и за Бога Регина способна отдать жизнь. Она предана имъ всецѣло во имя добра, во имя идеи спра-

ведливости. Не будемъ спорить о принципахъ, скажу вамъ одно: Регина—это олицетвореніе честности. Я люблю ее всею силою души, со всѣми порывами моей молодости, со всѣми увлеченіями зрѣлаго возраста,—вы понимаете, я люблю ее. Въ этомъ словѣ все. Если я умру, скажите ей... о Боже! быть можетъ, она теперь ненавидитъ меня, объясните ей меня, объясните, какому побужденію я послѣдовалъ; я не ищу извиненій, но я хочу, чтобы она знала, что если я перестаігь служить идеѣ, которой она посвятила себя, я, всетаки, остался ея другомъ, ея любовникомъ, ея женихомъ. Какое мнѣ дѣло до короля!—сказалъ я ей однажды, но есть нѣчто, чего я не могъ сказать: это—какое мнѣ дѣло до отчизны! Пусть она мнѣ это проститъ. Простите и вы мнѣ, Жанъ Шенъ, что въ послѣднюю минуту жизни я больше думаю о ней, чѣмъ о Франціи; за Францію я умираю, пусть же ей принадлежитъ послѣдняя мысль въ моей жизни.

— Сынъ мой!—воскликнулъ Жанъ Шенъ, обнимая его:—выслушайте и вы меня въ свою очередь. Наши взгляды, Жоржъ, складываются подъ вліяніемъ времени, въ которомъ мы живемъ. Вы молоды. Я же сынъ 1792 года. Моя кровь, моя жизнь, мой мозгъ носитъ на себѣ отпечатокъ эпохъ, которыя мы называемъ великими и которыя были главнымъ образомъ ужасны. Какъ сынъ, какъ мужъ, какъ отецъ, я вижу передъ собою эту ужасную войну кастъ, которую я порицаю и изъ-за которой я такъ много выстрадалъ. Я не якобинецъ: это—глупое слово. Я защитникъ права, истины, справедливости. Гдѣ зло—тамъ и я, отстаивая добро. Эта тоже своего рода страсть, и дайте мнѣ сказать, самая достойная! Мнѣ необходима вся сила моей вѣры въ мои послѣднія минуты. Быть можетъ, я отдался ей на столько, что забылъ мои ближайшіе интересы, интересы сердечные. Что дѣлать! Дѣлиться не приходится. Но я вамъ всетаки скажу, де-Лорисъ, вы знаете, какое мѣсто занимаетъ въ моемъ сердцѣ Марсель... Я думаю о ней... Съ моею смертью она остается совершенно одинокою... Что станется съ ней? Согласны ли вы быть ей братомъ?

— Конечно, даю вамъ слово. Я люблю m-lle Марсель, какъ друга, какъ сестру. Говорю это на случай, если бы вы отъ меня потребовали большаго, чтобы я посвятилъ себя всецѣло ей. Но зачѣмъ говорить объ этомъ, развѣ что намъ обоимъ предстоитъ умереть.

— Надо, чтобы вы знали, кто я и кто она... Вы любите Регину де-Люсьенъ: знайте, что она сестра матери Марсели!

— Развѣ Марсель тоже Салестэнъ?

— Говорю вамъ—сестра Регины... Слушайте.

И въ короткихъ словахъ Жанъ Шенъ повторилъ свой разсказъ Картаму.

Слушая его, Жоржъ вспомнилъ, что Регина говорила ему однажды объ этой сестрѣ, но съ какою ненавистью!

Но, нѣтъ, она великодушна... ея глаза раскроются когда нибудь предъ свѣтомъ доброты, какъ разверзлись его собственныя очи.

И у него стало храбрости солгать:

— Регина говорила мнѣ своей сестрѣ, она будетъ любить ея дочь...

— О, какъ бы я желалъ ей этого! — воскликнулъ Жанъ Шенъ: для нея это будетъ возрожденіемъ...

— Я отвѣчаю за нее.

— Напишемъ наши завѣщанія! Намъ оставили бумагу, особаго рода состраданіе... Я завѣщаю вамъ Марсель...

— Если же я умру и вы переживете меня, чего я отъ души желаю, такъ какъ я одинокъ на свѣтѣ, я завѣщаю вамъ мою Регину... вотъ что я пишу; «Регина, я люблю васъ... сердце мое бьется только для васъ, и въ минуту смерти имя ваше будетъ на моихъ устахъ... Не проклинайте меня. Сохраните обо мнѣ добрую память... и не забудьте, что есть нѣчто, что выше всего—справедливость и доброта. Я люблю васъ».

Затѣмъ слѣдовала подпись.

Въ это же время писалъ и Жанъ Шенъ.

— Завѣщаніе уважается,—проговорилъ онъ.—Не забудьте, что вы братъ Марсели.

Они обмѣнялись бумагами.

Пробило десять съ половиною часовъ.

— Еще полъ-часа, — сказалъ Жанъ Шенъ. — Какъ мы быстро старимся! Для преступника послѣднія минуты должны быть ужасны. Я покоенъ, а вы?

— Я даже не считаю времени.

И онъ прибавилъ почти весело:

— Если бы мнѣ сказали мѣсяцъ назадъ, что я буду разстрѣлянъ, какъ солдатъ Бонапарта!

— Вы на меня за это не въ претензіи?

— Что вы!... Я умираю солдатомъ Франціи и горжусь этимъ.

Они еще разговаривали въ то время, какъ открылась дверь. Ихъ ожидалъ небольшой отрядъ.

Они поцѣловались.

Затѣмъ послѣдовали за солдатами.

На башенныхъ часахъ пробило 11 часовъ.

Въ то время рѣшетка парка была не на томъ мѣстѣ, какъ теперь. Площадь на берегу Сены была прежде гораздо обширнѣе, она простиралась до самыхъ водопадовъ.

Они шли, окруженные англійскими солдатами.

Они пришли къ набережной.

Здѣсь ихъ поставили спиною къ рѣкѣ. Три роты образовали кругъ, открытый къ мосту. Офицеръ, съ обнаженною шпагою, со-

провождалъ приговоренныхъ. Онъ говорилъ на дурномъ французскомъ языкѣ.

— Господа,—началъ онъ,—къ вамъ примѣняются законы войны. Имѣете ли вы что передать? Обѣщаю вамъ, какъ честный человѣкъ, что ваши распоряженія, каковы бы они ни были, будутъ свято исполнены.

— Мсьё,—сказалъ Жанъ Шенъ,—при насъ бумаги, не имѣющія никакого значенія... прошу васъ самихъ взять ихъ съ нашихъ труповъ и сжечь...

— Обѣщаю вамъ... Теперь, господа, разъединитесь. Вы, конечно, знаете, что поручикъ разстрѣливается первымъ...

— Отчего не капитанъ?—воскликнулъ Жанъ Шенъ:—это мое право, какъ старшаго...

— Таково правило,—отвѣтилъ офицеръ.—Мсьё де-Лорисъ, готовы ли вы?

— Къ вашимъ услугамъ.

Какова бы ни была вражда расъ, у человѣчества есть свои права, которыхъ ничто не въ силахъ превозмочь. Англичанинъ восхищался спокойствіемъ этихъ двухъ приговоренныхъ къ смерти. Быть можетъ, онъ желалъ бы не приводить въ исполненіе приговора.

Но какъ разъ въ это время подъѣхалъ адъютантъ генерала Кольвиля съ утвержденіемъ приговора военнаго суда.

Ничего больше не оставалось, какъ повиноваться. Англичанинъ вмѣстѣ съ Лорисомъ вернулись къ началу моста, и онъ попросилъ молодаго человѣка остановиться въ углу, у перилъ.

— Здѣсь,—проговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.—Я не предлагаю вамъ завязать глаза.

— Благодарю васъ, — сказалъ Лорисъ.—Будьте великодушны до конца, разрѣшите мнѣ самому скомандовать залпъ.

— Разрѣшаю, а затѣмъ, господинъ французскій офицеръ, я желалъ бы моей странѣ побольше такихъ защитниковъ.

Лорисъ протянулъ ему руку.

Тотъ пожалъ ее.

Затѣмъ, сдѣлавъ полуоборотъ, онъ направился къ взводу солдатъ и еще разъ оттуда обмѣнялся взглядомъ съ Лорисомъ.

Онъ поднялъ шпагу.

— Да здравствуетъ Франція!—воскликнулъ Лорисъ.—П-ли!

Что случилось? Между минутою, когда офицеръ отошелъ, и тою минутою, когда, обернувшись къ своей ротѣ, онъ сталъ съ поднятой кверху шпагой, на мосту показался экипажъ.

На козлахъ, рядомъ съ кучеромъ, сидѣлъ господинъ, который махалъ шляпою.

Быть можетъ, солдаты видѣли его, но дисциплина обязывала ихъ быть неподвижными.

Изъ кареты вышло нѣсколько человѣкъ; неясно обрисовывались ихъ силуэты.

— П-ли!—скомандовалъ де-Лорисъ.

— Ground arms!—кричалъ лордъ Кольвиль, но поздно: раздался залпъ, правда, нерѣшительно. На рукахъ у Лориса лежала раненная, но не на смерть, женщина.

Это была Регина де-Люсьенъ. Съ нечеловѣческимъ усиліемъ,—она такъ любила его, ей стало все такъ ясно изъ разсказа Марсели,—добѣжала она до молодаго человѣка, встала передъ нимъ, защищая его грудью. Въ это время раздался залпъ.

XXIII.

Въ комнатѣ, которая только что служила тюрьмою, на походной кровати лежала Регина.

Лорисъ около на колѣняхъ, тутъ же стоялъ Жанъ Шенъ, сидѣла на стулѣ Марсель.

Аббатъ Блашъ осторожно поддерживалъ голову раненной:

— Дитя мое...

Вошелъ хирургъ. Лордъ Кольвиль остался за дверьми.

Съ безцеремонностью, которую допускаетъ борьба со смертью, онъ обнажилъ грудь молодой женщины, эту дѣвственную грудь, это чудо человѣческой чистоты. Два зіяющихъ, черныхъ пятна.

Она лежала неподвижно, съ опущенными вѣками. Онъ покачалъ головой и сдѣлалъ отрицательный знакъ.

Наука уступала свои права смерти.

Вдругъ Регина простонала:

— Жоржъ! Жоржъ!

Лорисъ нагнулся къ ней, съ сухими глазами.

Умирающіе не должны видѣть слезъ.

— Регина! Регина!

— О, твой голосъ! Скажи еще разъ: «я обожаю тебя!»—какъ ты мнѣ сказалъ это однажды; я хочу услыхать это еще разъ.

И когда онъ, уста съ устами, повторилъ то божественное слово, она раскрыла глаза и увидала Марсель.

Она улыбнулась. О, какъ грустна была эта улыбка умирающей!

— Марсель! подойди ко мнѣ... Прости меня... твоя мать была моей сестрою... Это не моя вина... я такъ желала быть доброй... Если бы ты знала, какъ я любила мою сестру... меня заставили ее ненавидѣть... я не посмѣла сопротивляться... Ты не можешь себѣ представить, что это были за люди...

— Молю васъ не разговаривать,—проговорила Марсель...—Объ одномъ умоляю васъ—живите, мы будемъ любить другъ друга и забудемъ все прошлое...

Настало молчаніе.

— Поздно! —прошептала Регина.—Жоржъ, подложи мнѣ руку подъ голову... О, ты смѣло можешь коснуться меня... Вѣдь я твоя...

Подошелъ Жанъ Шенъ.

— Регина Салестэнъ, — проговорилъ онъ:—такъ какъ мы оба были приговорены, мы обмѣнялись завѣщаніями, прочтите это...

И онъ поднесъ ей къ глазамъ бумагу, на которой Лорисъ написалъ свою послѣднюю волю.

Умирающая, сіяя счастіемъ, прочитала по складамъ, какъ малое дитя:

«Регина, я люблю васъ, мое сердце бьется только для васъ».

У нея достало еще духу скокетничать:

— Правда?—спросила она его.

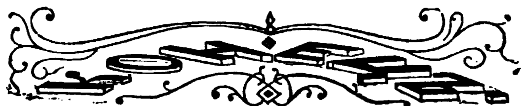
Жоржъ взялъ ее въ объятія и свято, съ благоговѣніемъ приложился устами къ ея устамъ.

Съ этимъ поцѣлуемъ она умерла.

— Не хочу жить!—воскликнулъ Лорисъ въ отчаяніи.

Жанъ Шенъ положилъ ему руку на плечо:

— Надо жить, чтобы дѣлать добро,—проговорилъ онъ.—Еще многіе будутъ страдать... Вы намъ нужны!



№ 22-й.

КАТАЛОГЪ

КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ и Одесса).

ВЪ ІЮЛѢ 1892 Г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

Альбрехтъ, В. Ф. Теорія четверной шахматной игры. Вильна. 1892 г. Ц. 50 к.

Амииторъ, фонъ, Г. Cis-moll — соната (противъ Крейцеровой сонаты Л. Толстого). Перев. съ нѣмецкаго. Спб. 1892 г. Ц. 60 к.

Аммонъ, Ф. Д-ръ. Гигіена беременности. Обязанности матери. Уходъ за маленькимъ ребенкомъ. Спб. Ц. 1 р.

Анановъ, С. І. Д-ръ. Абастуманъ и его цѣлебное значеніе. Тифлисъ. 1892 г. Ц. 1 р. 60 к.

Арнольдъ, Юрій. Воспоминанія. Вып. II. М. 1892 г. Ц. 1 р. 75 к.

Безрѣдка, Ш. М. Опытъ исторіи развитія стереохимическихъ представленій. Подъ редакц. и съ предисловіемъ Н. Д. Зелинскаго. Одесса. 1892 г. Ц. 1 р. 80 к.

Beard, G. M. и Rockwell, A. D. Половая слабость, какъ видъ нейрастеніи. Изд. 2-е. Харьковъ. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Біографическая библіотека Ф. Павленкова: Ньютонъ — Джіак. Мейербергъ. — П. К. Бомарше.—Беранже.—М. М. Сперанскій.—Д. С. Милль.—Н. Коперникъ.— М. Н. Катковъ. Съ портретами. Спб. 1892 г. Ц. кажд. кн. 25 к.

«Библіографъ». Изданіе періодическое. № 4—5. Спб. 1892 г. Ц. отд. №-ра 50 к., подписная цѣна на годъ съ перес. 5 р.

Богословскій, В. С. Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Изд. 4-е, значительно измѣнен. М. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бородинъ, Н. Весна. Русская жизнь и природа. Сборникъ для дѣтскаго чтенія. М. 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Бюхнеръ, Людвигъ. проф. Искусство долго жить (макробіотика). По современнымъ научнымъ даннымъ. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Булатовъ, П. Н. Какъ уберечься отъ холеры? Спб. 1892 г. Ц. 10 к.

Бураковскій, С. Новая русская литература отъ Ломоносова до Пушкина. Новгородъ. 1892 г. Ц. 80 к.

Василевскій, полк. Руковод. для штабъ-офицеровъ и капитановъ, подвергающихся испытанію при зачисленіи въ кандидаты на должности уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ. 3-е издан., испр. и дополн. Спб. 1892 г. Ц. 5 р.

Веберъ, К. Мукомольное дѣло. 2-е, переработ. и значичельно дополн. изданіе. Спб. 1892 г. Ц. съ атласомъ 10 р.

Виларе, А. Д-ръ. Энциклопедическій медицинскій словарь. Переводъ подъ редакц. проф. И. Р. Тарханова. Вып. 4-й. Спб. 1892 г. Ц. 60 к.

Вильчинскій. О. О происхожденіи письма. Съ рисунками. Спб. 1892 г. Ц. 40 к.

Владиміровъ, П. В. Первыя русскія писательницы XVIII вѣка и участіе русской женщины въ развитіи народной словесности и древне-русской письменности. Кіевъ. 1892 г. Ц. 40 к.

Владиміровъ, Л. Е., проф. Законъ зла. Изд. 2-е. Харьковъ. 1892 г. Ц. 20 к.

Воротинъ, А. Принципы прибалтійской жизни. Ревель. 1891 г. Ц. 75 к.

Вѣстникъ Славянства. Сборникъ, издаваемый проф. Влад. Кочановскимъ. Кн. VII. Кіевъ. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

«Въ добрый путь». Заграничный справочный календарь на 1892—93 гг. Изданіе „Русскаго Братства" въ Берлинѣ. Берлинъ. 1892 г. Ц. 2 р.

Галанинъ, М. И. Д-ръ. О холерѣ. Общедоступное разъясненіе мѣръ противъ нея, личныхъ и общественныхъ. Спб. 1892 г. Ц. 15 к.

Гинтервальднеръ, І. М. Руководство къ

составленію естественно-научныхъ коллекцій. Перев. подъ редакц. и съ приложеніемъ статьи профес. Э. Ю. Петри „Антропологическія коллекціи и наблюденія". Съ рисунками. Спб. 1892 г. Ц. 3 р.

Григорьевъ, Н. И. Мѣры для борьбы съ холерою. Спб. 1892 г. Ц. 20 к.

Дамская верховая ѣзда. Заимствовано изъ сочиненія графа К. Г. Врангеля. „Das Buch vom Pferde". Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Didon, R. P. Іисусъ Христосъ. Т. II. Спб. 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

*) **Еврипидъ.** Неистовый Гераклъ. Трагедія. Съ греческаго перевелъ В. Алексѣевъ. Съ введеніемъ и примѣчаніями. (Дешевая Библіотека). Спб. Ц. 10 к.

Жуковскій, В. П. Д-ръ. Предупрежденіе и леченіе холеры у дѣтей. (Для матерей и семействъ). Спб. 1892 г. Ц. 20 к.

Жукъ, В. Н. Что такое холера и какъ отъ нея уберечься. Спб. Ц. 15 к.

Золя, Э. Погромъ (La Debâcle). Романъ. Спб. 1892 г. Ц. 75 к.

К. Ф. П. Кто чаще у насъ горитъ и почему? Какъ помочь горю? Спб. 1892 г. Ц. 30 к.

Кирпотенко, А. П. Пришла весна, пришла красна! (Иллюстр. естественно-научная библіотека. II). Спб. 1892 г. Ц. 40 к.

Козловъ, И. И. Стихотворенія. Изд. испр. и значительно дополн. А. И. Введенскимъ. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Коренблитъ, А. И. Нѣмецко-русскій техническій словарь. Вып. III. М. 1892 г. Ц. 40 к.

Краткій очеркъ Пріамурскаго края. По офиціальнымъ даннымъ. Спб. 1892 г. Ц. 75 к.

Леопардовъ, Н. О Буддѣ въ поэмѣ Э. Арнольда: „Свѣтъ Азіи", представленномъ въ образѣ предвозвѣщеннаго Мессіи. Кіевъ. 1892 г. Ц. 75 к.

Липскій, А. А. Голодъ и вызываемыя имъ болѣзни. Спб. 1892 г. Ц. 35 к.

Maragliano, Prof. Азіатская холера 2-е русск. издан. Спб. 1892 г. Ц. 50 к.

Михневичъ, Н. П. Военно-историческіе примѣры. Издан. 3-е, исправл. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Модестовъ, В. Ученая жизнь въ Римѣ. Спб. 1892 г. Ц. 60 к.

Морозовецъ, Левъ. Единство протеиновыхъ тѣлъ. Т. I. Глобулинъ и его сочетанія. Ч. I. Зооглобинъ. М. 1892 г. Ц. 5 р.

Мордовцевъ, Д. Л. Между Сциллой и Харибдой. Спб. 1892 г. Ц. 60 к.

Мунтъ-Валуева, А. П. Друзья слѣпыхъ и глухонѣмыхъ. (Нашему юношеству разсказы о хорошихъ людяхъ. № 4). Спб. Ц. 10 к.

Настольный энциклопедическій словарь. Издан. А Гарбель и Комп. Вып. 45-й. М. 1892 г. Ц. вып. 30 к., на лучш. бум. 40 к.

Немировичъ-Данченко, В. И. Гроза. Романъ. Издан. 7-е. Кіевъ. Ц. 1 р. 50 к.

Панченко, В. К. Д-ръ. Что дѣлать при холерѣ? Спб. 1892 г. Ц. 15 к.

Перль, Л. Реформа пассажирскихъ тарифовъ. Изслѣдованіе. Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

Петровъ, В. В. Обзоръ двадцатипятилѣтней дѣятельности Московскаго земства (1865 — 1890). Попеченіе о народномъ образованіи. М. 1892 г. Ц. 50 к.

Петровъ, Н. П. Библіографическій указатель русскихъ диссертацій по медицинѣ и ветеринаріи (съ 1860 по 1-е іюня 1892 г.). 2-е дополн. издан. Спб. 1892 г. Ц. 40 к.

*) **Пирлингъ, Павелъ.** Россія и Востокъ. (Царское бракосочетаніе въ Ватиканѣ, Иванъ III и Софія Палеологъ). Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Плахова, Ф. Какъ приготовлять разные именинные пироги, бульонъ, пирожки и сладкіе блины. Варшава. 1892 г. Ц. 50 к.

Плещеевъ, Александръ. Для театра. Сборникъ пьесъ. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Покровскій, Е. А. Русскія дѣтскія подвижныя игры. М. 1892 г, Ц. 75 к.

Прессъ, А. А. Защита жизни и здоровья рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ. Вып. 2-й. Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

Программа изслѣдованія санитарнаго состоянія учебныхъ заведеній, ученія и учащихся. Спб. 1892 г. Ц. 30 к.

Путешествіе миссъ Марсденъ въ Якутскую область. М. 1892 г. Ц. 1 р.

Раскина, М. А. Д-ръ. Какъ предохранить себя отъ заболѣванія холерою? Спб. 1892 г. Ц. 15 к.

Сборникъ законовъ объ охотѣ въ Россіи и Финляндіи. Изд. 2-е, дополненное. Спб. 1892 г. Ц. 50 к.

Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго общества. Томы 71-й, 80-й, 81-й и 82-й. Спб. 1892 г. Ц. каждаго т. 3 р.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губ. Отдѣлъ хозяйственной статистики Т. X. Продовольственное дѣло. Вып. 1-й. М. 1891 г. Ц. 2 р.

Тоже. Т. X. Вып. 2 й. М. 1892 г. Ц. 50 к.

«Семейная библіотека». № 30. Шатобріанъ. Мученики или торжество христіанства. Спб. 1892 г. Ц. 25 к.

Сидоровъ, Василій. За Пиренеями. Путевыя замѣтки и впечатлѣнія по Испаніи. Спб. 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Синицынъ, А. П. Объ особенной важности ухода за полостью рта и зубами въ холерное время. Спб. 1892 г. Ц. 5 к.

Спутникъ по Россіи, соединенный съ рижскимъ спутникомъ Резлера. Рига. 1892 г. Ц. 30 к.

Спутникъ охотника. Иллюстр. справочная книга-календарь для охотниковъ. М. 1892 г. Ц. 1 р., въ перепл. 1 р. 50 к.

„Стоглавъ“. Иллюстрированный календарь на 1893 годъ. Спб. Ц. 35 к.

Столыпинъ, Д. А. Объ организаціи нашего сельскаго быта. — Теорія и практика.—Къ вопросу о высшемъ образованіи. М. 1892 г. Ц. 30 к.

„Столица Петроградъ за 20 коп.“. 3-е дополненн. и исправленн. изд. книжки „Весь Петербургъ за 20 к.“ Путеводитель по сѣверной столицѣ. Спб. Ц. 20 к.

Стэнли, Г. М. Въ дебряхъ Африки. 2 т. Спб. 1892 г. Ц. за 2 т. 3 р.

Субботинъ, А. Мальцовскій заводскій районъ. Его исторія и настоящее экономическое положеніе. Спб. Ц. 60 к.

Сычевскій, С. И. Уильямъ Шекспиръ. Лекціи. Съ портретомъ и біографіей С. И. Сычевскаго. Одесса. 1892 г. Ц. 1 р.

Сюзевъ, П. И. Безопасныя отъ пожара сельскія постройки изъ матеріаловъ малоцѣнныхъ. Пермь. 1891 г. Ц. 60 к.

— Памятная записка о томъ, какъ тушить сельскіе пожары. Пермь. 1892 г. Ц. 25 к.

Таганцевъ, Н. С. Лекціи по русскому уголовному праву. Часть общая. Вып. IV. Спб. 1892 г. Ц. 4 р.

Фалькенгорстъ, К. Важнѣйшія открытія и завоеванія испанцевъ въ Новомъ Свѣтѣ. Съ рисунками. М. 1892 г. Ц. 1 р.

*) **Фарраръ, Ф.** Святой Григорій Богословъ. Переводъ съ англійскаго. (Дешевая Библіотека). Спб. Ц. 15 к.

Федоровъ, А. И. Учебникъ химіи для техническихъ училищъ. Кіевъ. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Фофановъ, К. М. Баронъ Клаксъ. Разсказъ въ стихахъ. М. 1892 г. Ц. 60 к.

Холмскій календарь на 1893 годъ. Спб. Ц. 25 к.

Шахтъ, А. А. Пожары и страхованіе отъ огня въ Россіи. М. 1892 г. Ц. 30 к.

Шестаковъ, С. О происхожденіи поэмъ Гомера. Вып. I. Казань. 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Шохоръ-Троцкій, С. И. Цѣль и средства преподаванія низшей математики съ точки зрѣнія требованій общаго образованія. Спб. 1892 г. Ц. 60 к.

Щегловитовъ, С. Г. Судебные уставы Императора Александра II. Уставъ уголовнаго судопроизводства. Издан. 5-е, исправленн. и дополн. Спб. 1892 г. Ц. 5 р.

— Городовое положеніе съ законодательными мотивами, разъясненіями и дополнит. узаконеніями. Спб. Ц. 4 р.

Энциклопедическій словарь. Подъ редакціею К. К. Арсеньева и Θ. Θ. Петрушевскаго. Вып. 12-й. Спб. Ц. въ перепл. 3 р.

---

*) Изданія А. С. Суворина.

СОДЕРЖАНІЕ СОРОКЪ ДЕВЯТАГО ТОМА.

(ІЮЛЬ, АВГУСТЪ и СЕНТЯБРЬ 1892 года).

АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ АЛЕКСѢЕВЪ

дозв. ценз. спб., 22 августа 1892 г.

ПОСЛѢДНІЙ ИЗЪ ВОРОТЫНЦЕВЫХЪ [1].

НА БАШНѢ маленькой церкви древней архитектуры, среди площади, окруженной домами съ остроконечными, выдающимися впередъ крышами, пробило девять часовъ утра.

Не успѣлъ послѣдній ударъ колокола замереть въ воздухѣ, какъ крайнее окно въ одномъ изъ домиковъ, утопавшихъ въ зелени подъ яркими лучами солнца, растворилось, и въ немъ появилась женщина въ бѣломъ, утреннемъ капотѣ.

Ей было около тридцати пяти лѣтъ, но на видъ ей можно было дать гораздо больше. Ея большіе, сѣрые глаза, казавшіеся совсѣмъ темными отъ черныхъ рѣсницъ, впали, лобъ перерѣзался морщинами, углы поблекшихъ губъ, опускаясь, придавали горькое выраженіе ея улыбкѣ; въ густыхъ волосахъ серебрилась сѣдина, и выраженіе ея лица, когда съ нею не было ея дочерей, было такъ печально, что жители городка, въ которомъ она жила съ семьей третій мѣсяцъ, иначе какъ la pauvre dame russe, ея не называли.

Это была Людмила Николаевна Ратморцева.

— Няня, ты здѣсь?—спросила она, перегибаясь все еще стройнымъ станомъ черезъ чугунную рѣзную балюстраду въ садъ, съ миндальными, лимонными и вишневыми деревьями въ цвѣту.

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIX, стр. 233.

Отъ живой изгороди, гдѣ подъ высокимъ, развѣсистымъ каштановымъ деревомъ былъ деревянный столъ, окруженный стульями, отдѣлилась старушка, хлопотавшая у этого стола, и на столько скоро, на сколько позволяли ей старыя ноги, подбѣжала къ своей госпожѣ.

— Здѣсь, сударыня, здѣсь. Столъ для завтрака накрываю. Дѣти скоро проснутся, кушать запросятъ.

— А какъ они провели ночь? Соня не просыпалась, послѣ того какъ я ушла?

— Одинъ только разочекъ, подъ утро. Испить попросила.

— Ты ей того чаю дала, что мы для нея заварили?

— Точно такъ-съ. Выкушали полчашечки, перевернулись на другой бочекъ и непремѣнно бы заснули, кабы Вѣруша не всполошилась. Зачали промежъ себя щебетать, ну, и разгулялись. Насилу я ихъ угомонила. Почиваютъ таперича.

— Въ которомъ часу дилижансъ-то здѣсь ждутъ? — спросила Людмила Николаевна.

— Въ двѣнадцать, сударыня. Раньше двѣнадцати и ждать нечего, говорятъ.

— Успѣемъ, значитъ, до пріѣзда Сергѣя Владиміровича прибраться.

— Какъ не успѣть-съ.

— Онъ съ собой Захара привезетъ. Дѣвочки ему обрадуются.

— А ужъ пуще всего мсьё Вальяна онѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ. И вчера вечеромъ, и позавчера, все про него толковали. Вспоминали, какъ онъ съ ними, бывало, въ Святскомъ на лодкѣ катался, когда еще Григорій Александровичъ у насъ жилъ....

И, замѣтивъ тѣнь, набѣжавшую на лицѣ госпожи, она, не кончивъ рѣчи, смолкла.

— Сейчасъ одѣнусь и сойду въ садъ. Пошли ко мнѣ Акулину,— сказала Людмила Николаевна, тяжело вздохнувъ.

— Той же минутой, сударыня.

И, печально понуривъ голову, старуха побрела въ ту сторону, гдѣ находилось помѣщеніе прислуги, состоявшей изъ трехъ людей, вывезенныхъ изъ Россіи, двухъ женщинъ и молодаго лакея, да кухарки, кучера и садовника, нанятыхъ по пріѣздѣ сюда изъ мѣстныхъ жителей.

Сходя по широкимъ каменнымъ ступенямъ, спускавшимся съ терассы въ душистый, цвѣтущій садъ, подъ вѣчно синимъ, южнымъ небомъ, среди зеленѣющей кругомъ панорамы горъ, перерѣзанныхъ живописными ущельями, съ разбросанными между высокихъ тополей красивыми хижинами, Людмила Николаевна вспоминала то утро, когда она ѣхала встрѣчать мужа изъ села Святскаго въ хуторъ Сосновку, сердце у нея ныло и слезы подступали къ глазамъ.

Двухъ лѣтъ не прошло съ тѣхъ поръ, а ужъ сколько печальныхъ перемѣнъ!

Она сегодня не только не радуется пріѣзду Сергѣя Владиміровича, но со страхомъ и тоской ожидаетъ свиданія съ нимъ. Ей всей душой хотѣлось бы отдалить эту минуту. Чтобъ задержать его пріѣздъ, она все время обманывала его въ письмахъ. О, еслибъ онъ только зналъ, для чего переѣзжаетъ она съ дѣтьми изъ города въ городъ, отъ одного доктора къ другому! Если-бъ онъ зналъ, что именно погнало ихъ прошлой осенью изъ Женевы въ Парижъ, а оттуда въ Ниццу, а изъ Ниццы въ Лейпцигъ и, наконецъ, сюда! Если-бъ онъ это зналъ! Давно былъ бы онъ ужъ съ ними и тогда ей было бы такъ трудно сдерживать отчаянье, что она не въ силахъ была бы владѣть собой...

При одной мысли о томъ, что было бы тогда, она холодѣла отъ ужаса.

Всѣ доктора, къ которымъ она обращалась за совѣтами на счетъ Сони, которая чахла отъ какой-то странной, необъяснимой болѣзни, всѣ доктора, расходясь во мнѣніи относительно причины этой болѣзни, приписывая ее—одинъ слабости груди, другой—нервному разстройству, третій—малокровію, четвертый—пороку сердца, всѣ они въ одномъ только были согласны, это—въ томъ, что пока дѣвочкамъ не извѣстно, въ какомъ положеніи одна изъ нихъ, надежда на спасеніе еще не совсѣмъ угасла.

А для этого окружающимъ ихъ надо было постоянно притворяться спокойными и веселыми. Людмила Николаевна даже наединѣ съ самой собой не давала воли нервамъ и сдавливала тоску, грызущую ей сердце. До сихъ поръ ей это удавалось, но когда *онъ* тутъ будетъ, *онъ*, который привыкъ читать ея мысли и чувства въ ея взглядѣ, голосѣ, въ каждомъ ея движеніи, и самъ ничего не можетъ отъ нея скрыть,—тогда задача ея сдѣлается еще мучительнѣе и труднѣе.

Иногда ей кажется, что онъ ужъ и теперь догадывается, что она ему лжетъ. Можетъ быть, предчувствіе подсказываетъ ему то, что она отъ него скрываетъ, но въ послѣднихъ своихъ письмахъ онъ безпрестанно возвращается къ вопросу о здоровьѣ Сони и упрекаетъ жену въ томъ, что она не достаточно подробно пишетъ ему объ ней. Людмила Николаевна давно ужъ готовитъ его къ перемѣнѣ, которую онъ найдетъ въ дѣтяхъ, и не забываетъ въ каждомъ письмѣ упомянуть, что обѣ дѣвочки, особенно Соня, выросли, похудѣли и поблѣднѣли, но онъ, всетаки, испугается, когда ихъ увидитъ. И какъ скрыть отъ него истину? Зачѣмъ онъ ѣдетъ? Зачѣмъ не дастъ онъ имъ спокойно здѣсь пожить и полечиться? Людмилѣ Николаевнѣ такъ хочется вѣрить цѣлебнымъ свойствамъ здѣшняго климата и доктору, пославшему ихъ сюда изъ Лейпцига! Онъ сказалъ, этотъ милый старикъ, что у Сони никакихъ нѣтъ

серьезныхъ поврежденій, ни въ легкихъ, ни въ сердцѣ, и что въ ея лѣта природа дѣлаетъ чудеса.

Можетъ быть, онъ и правъ, этотъ докторъ, кто знаетъ! Дѣвочки стали живѣе съ тѣхъ поръ, какъ онѣ здѣсь. Онѣ не такъ блѣдны и меньше устаютъ, это фактъ. Вчера онѣ прошли съ матерью черезъ весь городъ, вплоть до виноградника m-r Lecuré, и, осмотрѣвъ виноградникъ, захотѣли идти дальше, къ тополевой аллеѣ у ручья. Когда онѣ сѣли на скамейку, у того мѣста, гдѣ ручей образуетъ водопадъ, Людмила Николаевна, отирая потъ, струившійся съ ихъ лицъ, не замѣтила ни у той, ни у другой, ни жару, ни сердцебіенія. А вернувшись домой, онѣ съ аппетитомъ выпили по чашкѣ молока. Правда, что ночью Соня проснулась отъ боли въ боку, была безпокойна и нервна, долго не могла заснуть, но это, можетъ быть, отъ волненія, отъ ожиданія отца и вѣстей изъ Россіи...

И не дойдя до каштановой аллеи, по которой она каждое утро прогуливалась въ ожиданіи пробужденія дочерей, Людмила Николаевна вернулась домой и поспѣшно прошла въ ихъ комнату, торопясь собственными глазами убѣдиться, что никакой перемѣны къ худшему не произошло съ тѣхъ поръ, какъ она ихъ не видѣла.

При первомъ взглядѣ на нихъ она успокоилась: обѣ были веселы и казались здоровыми.

— Надо сегодня нарядиться, дѣти, мы папеньку ждемъ,—объявила Людмила Николаевна, здороваясь съ дочерьми.— Надѣньте голубыя, барежевыя платья, которыя вамъ въ Парижѣ сшили.

— Мы пойдемъ къ нему навстрѣчу, маменька? — спросила Вѣра.

— О, пожалуйста, хоть до ручья!—взмолилась Соня.

Людмила Николаевна вспомнила, какъ она тяжело дышетъ, когда пройдетъ немного пѣшкомъ, и какой зловѣщій хрипъ вырывается у нея изъ груди каждый разъ, когда она пробуетъ вдохнуть въ себя полной грудью воздухъ, и поспѣшно, почти съ испугомъ, объявила, что это невозможно.

— Нѣтъ, нѣтъ, мы лучше подождемъ здѣсь.

Дочерей ея начали причесывать и одѣвать, а она сѣла на диванъ противъ окна, раствореннаго въ садъ, но прелестный пейзажъ, разстилавшійся передъ нею, не могъ приковать къ себѣ ея вниманія; безпрестанно отрывала она отъ него глаза, чтобъ взглянуть то на Соню, то на Вѣру.

И чѣмъ больше смотрѣла она на нихъ, тѣмъ худѣе онѣ ей казались. Личики осунулись. Цвѣтъ лица совсѣмъ прозрачный. Когда онѣ сняли съ себя фланелевые, бѣлые капотики, въ которыхъ горничная ихъ причесывала и подавала имъ умываться, у нея сердце болѣзненно сжалось при видѣ ихъ плечъ. Особенно худа была Соня. Платье, сшитое мѣсяца два тому назадъ, сидѣло на ней, какъ на вѣшалкѣ.

Невозможно было показать ее отцу въ этомъ платьѣ: ему тотчасъ же бросится въ глаза, какъ оно ей широко.

— Знаете что, дѣти, одѣньтесь-ка лучше, въ честь папенькинаго пріѣзда, въ бѣлое; онъ васъ очень любитъ въ бѣломъ,— сказала Людмила Николаевна. — Няня, подай имъ бѣлыя, кашемировыя платья, съ розовыми лентами, тѣ, что онѣ надѣвали прошлое воскресенье.

Дѣвочки переглянулись.

— Бѣлыя платья намъ тоже широки, маменька, — замѣтила Вѣра.

Сестра ея ничего не сказала, она только улыбнулась, и улыбка эта, точно ножемъ, рѣзанула Людмилу Николаевну по сердцу.

Онѣ угадали, для чего ихъ заставляютъ мѣнять платье!

Однако, она и виду не показала, какъ испугало ее это открытіе.

— Не бѣда, не вѣкъ же вы будете такими худыми, пополнѣете, Богъ дастъ, и тогда эти платья вамъ опять будутъ впору, а теперь пока, — весело прибавила она, — мы закутаемся въ кружевныя пелеринки съ густыми рюшами вокругъ шеи и надѣнемъ тюлевые закрытые рукава буффами, чтобъ папеньку не испугать. Вѣдь онъ васъ толстыми и краснощекими помнитъ, такими, какими вы опять сдѣлаетесь, если будете пить больше козьяго молока, ложиться рано спать и не забывать принимать лекарство.

Объ урокахъ и какихъ бы то ни было занятіяхъ музыкой или рисованіемъ давно уже не было рѣчи между Людмилой Николаевной и дочерьми.

Если она имъ теперь читала книги, то для того только, чтобъ онѣ заснули скорѣе и крѣпче послѣ катанія въ экипажѣ или прогулки пѣшкомъ. Всякое умственное напряженіе имъ было строго запрещено, точно также какъ и пѣніе, игра на фортепіанахъ и тому подобное.

. . . .

. . . .

— Имъ ужъ и теперь отъ этого режима гораздо, гораздо лучше,— говорила въ тотъ день вечеромъ Людмила Николаевна мужу, оставшись съ нимъ на терассѣ, послѣ того, какъ всѣ ушли спать.— Если-бъ ты видѣлъ Соню, когда я повезла ихъ въ Парижъ! Это былъ скелетъ. Никакого аппетита, постоянно возбуждена, спать больше десяти минутъ сряду ничѣмъ мы ее не могли заставить, но теперь, слава Богу, она чувствуетъ себя гораздо, гораздо лучше. Какъ я рада, что увезла ихъ за границу! Ну, что бы мы дѣлали съ ними въ Россіи: холодъ, сырость, и каждый день нервныя потрясенія, отъ которыхъ невозможно уберечься...

Въ волненіи своемъ она не замѣчала, что давно ужъ говоритъ одна, что ей не возражаютъ, и что слушатель ея сидитъ, опустивъ

голову на руки, избѣгая встрѣтиться съ нею взглядомъ, чтобъ она не прочла въ его глазахъ отчаянія, наполнявшаго ему душу.

И, невольно поддаваясь искушенію бередить затаенную въ глубинѣ сердца язву, она вымолвила съ горечью:

— Ужъ одна эта несчастная исторія съ Гришей сколько здоровья у нихъ отняла! Какъ онѣ за него мучились, какъ волновались!

— Кто жё могъ предвидѣть, что онѣ къ нему такъ привяжутся и такъ близко будутъ принимать къ сердцу его печали и неудачи,— замѣтилъ Сергѣй Владиміровичъ.

— Надо было это предвидѣть,—вскричала она запальчиво.

И тотчасъ же, опомнившись, перемѣнила тонъ и, сдѣлавъ надъ собой усиліе, стала разспрашивать, что о немъ слышно.

— Да почти-что ничего. Живетъ въ Воротыновкѣ какимъ-то дикаремъ. Я видѣлъ кое-кого оттуда. Говорятъ, что ни съ кѣмъ не хочетъ знакомиться... Даже и тѣхъ, кто у нихъ съ визитомъ былъ,—не принялъ. Можно себѣ представить, какъ всѣ тамъ на него бѣсятся.

— А жена его?

— Въ руки ее забралъ, говорятъ, представь себѣ! Шагу не смѣетъ ступить безъ его позволенія.

И послѣ довольно продолжительнаго молчанія, во время котораго оба сидѣли, погрузившись каждый въ свои думы, Сергѣй Владиміровичъ снова заговорилъ:

— Домъ въ Воротыновкѣ въ такую, говорятъ, пришелъ ветхость, что они въ немъ и не живутъ. Стекла всѣ выбиты, паркеты сгнили, крыша во многихъ мѣстахъ течетъ. А молодые наши о ремонтировкѣ и не думаютъ. Поселились въ одномъ изъ флигелей...

— А съ Мартой что сталось?—прервала Людмила Николаевна на полусловѣ рѣчь мужа, въ которую она, впрочемъ, и не вслушивалась, занятая другими думами.

— Да я же тебѣ писалъ, она все въ деревнѣ, съ матерью. Мальчики въ Пажескомъ корпусѣ...

— Они оба здоровы... О, счастливые!—вырвалось воплемъ изъ груди Людмилы Николаевны.

— Мнѣ говорили, будто Марта охладѣла къ братьямъ съ тѣхъ поръ, какъ имъ дали другую фамилію. Впрочемъ, это князь Петръ Андреевичъ разсказываетъ, а онъ, ты знаешь, и приврать не дорого возьметъ. Марта поручила ему пріискать для нея имѣніе въ Крыму, близь моря. Туда, кажется, думаетъ переселиться съ матерью. Марья Леонтьевна...

Его опять прервали.

— Въ Парижѣ доктора совѣтывали морскія купанья для дѣвочекъ, а нѣмцы говорятъ: Боже сохрани! Не знаешь, кому и вѣрить, — раздумчиво проговорила Людмила Николаевна, преслѣдуя

вслухъ мысль, завертѣвшуюся неотвязно въ ея умѣ, едва только напоминанiе о морѣ коснулось ея слуха.

И вдругъ натянутые сверхъ силу нервы подались, голосъ ея порвался въ рыданiяхъ и, охвативъ руками шею мужа, она простонала:

— Что намъ съ ними дѣлать, Сережа! Что намъ съ ними дѣлать! Онѣ таютъ у меня обѣ на глазахъ, какъ воскъ... и ничѣмъ, ничѣмъ не могу я имъ помочь! Неужели Господь у насъ ихъ отниметъ? Неужели? Но за что же? За что?!

— Его святая воля, Милуша,—глухо вымолвилъ ей въ отвѣтъ мужъ, сжимая ее въ своихъ объятiяхъ.

. . . .

. . . .

Въ спальнѣ дѣвочекъ тоже шла оживленная бесѣда шепотомъ, чтобъ не разбудить няню, которая спала въ горенкѣ, черезъ корридоръ.

Вѣринька припоминала происшествiя, случившiяся передъ ихъ отъѣздомъ изъ Россiи.

— Помнишь, какой Гриша былъ блѣдный, когда онъ вышелъ изъ папенькинаго кабинета? Мы въ первую минуту подумали, что съ нимъ несчастье случилось.

— Мнѣ пришло въ голову, что его ушлютъ въ деревню раньше поста,—замѣтила Соня.

— И мнѣ тоже. Онъ со мной не говорилъ съ тѣхъ поръ.

— А со мной онъ говорилъ,—сказала Соня.

— Наканунѣ нашего отъѣзда?

— Да, вечеромъ. Ты съ маменькой укладывала книги.

— Помню, помню!

Еще бы не помнить. Сколько разъ вспоминали онѣ этотъ вечеръ. О чемъ бы ни завязывался между ними разговоръ, всегда кончалось воспоминанiями про Гришу.

— M-r Vaillant говоритъ, что онъ только два раза ему писалъ съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ, и оба раза про насъ спрашивалъ,— сказала Вѣра.

— Какъ бы я хотѣла ему написать!—вздохнула Соня.

— Маменька не позволитъ,—замѣтила на это ея сестра.

— Разумѣется, не позволитъ. Ей хочется, чтобъ мы забыли про него. Я и сама этого желаю. Каждый день молю я Бога: «сдѣлай такъ, чтобъ я забыла про Гришу!» Но ничего не помогаетъ. Ничего не могу я съ собой подѣлать,—повторяла она съ отчаянiемъ.

И, помолчавъ немного, она продолжала:

— Мнѣ кажется, что если-бъ я его увидѣла, если-бъ онъ прiѣхалъ сюда, хотя бы на одинъ денекъ, и насъ оставили бы вдвоемъ, чтобъ онъ могъ поцѣловать меня и подержать мою руку въ своихъ, мнѣ кажется, я бы выздоровѣла. Все бы у меня прошло, и

боль въ боку, и слабость, и кашель, и опять я была бы, какъ прежде, веселая, сильная, живая...

— Грѣхъ объ этомъ думать, Соня.

— Я знаю, что грѣхъ, но что-жъ дѣлать! Я совсѣмъ, совсѣмъ сдѣлалась гадкая, Вѣринька.. Я даже боюсь, что Господь не захочетъ меня простить, когда я передъ нимъ предстану. А это будетъ скоро, Вѣринька, скоро.

Сестра кинулась ее обнимать.

— Не говори такъ! Не говори! Что же тогда со мной-то будетъ!—прерывающимся отъ сдержанныхъ слезъ голосомъ шептала Вѣра.

— Да, скоро,—продолжала, не вслушиваясь въ слова сестры и не замѣчая ея ласкъ, Соня.—И мнѣ все равно. Зачѣмъ жить, когда я никогда, никогда его больше не увижу? У меня одна только радость и осталась—думать объ немъ и говорить про него. Я и папеньку, и m-r Vaillant, ждала съ нетерпѣніемъ, чтобъ узнать объ немъ, вотъ я какая безчувственная сдѣлалась.

— Ну, говори, говори,—прошептала Вѣра, прижимая ея голову къ своей груди.—Вѣдь онъ сказалъ, что никогда тебя не забудетъ?

— Да. Онъ сказалъ, что никого не можетъ любить, только меня одну... и еще, что онъ самый несчастный человѣкъ на землѣ и что лучше бы ему ничего не возвращали, ни имени, ни состоянія, а позволили бы только жить съ нами, ничего ему больше не нужно, ничего. А про m-lle Pauline онъ сказалъ: «я ее ненавижу, душу отъ нея воротитъ, такъ она мнѣ противна»... А потомъ, онъ меня обнялъ крѣпко, крѣпко и поцѣловалъ, какъ тогда, въ Святскомъ, когда онъ ночью влѣзъ на дерево у нашего окна. Но тогда... ахъ, какъ было хорошо тогда! Мы были точно въ раю!!..

И въ волненіи она порывисто приподнялась съ подушекъ. Глаза ея сверкали лихорадочнымъ блескомъ, зловѣщія алыя пятна на щекахъ разгорались съ каждой секундой все ярче и ярче, а дыханіе было такъ порывисто и коротко, что слова не договаривались.

По проселочной дорогѣ, спускавшейся между полями, засѣянными пшеницей, къ быстрой рѣкѣ, за которой тянулся на необозримое пространство темный лѣсъ, шла женщина съ суковатой палкой, въ темномъ, суконномъ шушунѣ, подпоясанномъ бичевкой, и повязанная чернымъ, бумажнымъ платкомъ. Къ палкѣ, которую она держала перекинутой черезъ плечо, былъ привязанъ довольно объемистый и туго набитый узелъ, ноги были обуты въ лапти, поверхъ онучей, и, не взирая на усталость (потъ градомъ катился по ея загорѣлому лицу), она шла торопливо, съ безпокойствомъ вглядываясь въ даль, точно измѣряя глазами пространство, отдѣлявшее ее отъ намѣченной цѣли.

Попадавшіеся ей на пути мужики и бабы смотрѣли на нее съ любопытствомъ; нѣкоторые спрашивали, куда она идетъ и откуда, но она на вопросы не отвѣчала и шла все дальше, не оглядываясь по сторонамъ.

День былъ воскресный; еще за версту до села, съ бѣлѣвшейся вдали колокольней, услыхала она гулъ толпы, собравшейся у кабака, а пройдя еще шаговъ двѣсти, стала различать среди этого гула лай собакъ и визгливый смѣхъ парней и дѣвокъ, водившихъ хороводы.

Солнце начинало уже склоняться къ лѣсу. Женщина ускорила шагъ.

При ея появленіи у плетня съ растворенными настежъ воротами, между старухами, щелкавшими подсолнухи на заваленкѣ одной изъ крайнихъ избъ, произошло движеніе.

— Глянь-ка, странница божья!

— И то! Поди чай, изъ Воронежа.

— А можетъ, въ Кіевъ идетъ.

— Умаялась, видать, ночевать здѣсь попросится,—перекидывались замѣчаніями бабы, не спуская глазъ съ незнакомки.

Но странница попросила только позволенія отдохнуть на большомъ камнѣ передъ одной изъ избъ да водицы напиться. А когда ей подали жестяной ковшъ съ холодной, ключевой водой, она вынула изъ холщевой сумки, висѣвшей у нея на спинѣ, кусокъ чернаго хлѣба и принялась закусывать.

— Свѣжинки не хочешь ли, тетенька? У насъ храмовой праздникъ сегодня, пироги пекли. Бражки не попьешь ли? Да ты бы въ избу вошла, на лавкѣ бы полежала. Умаялась, поди чай? Отколева идешь-то?—закидывали ее со всѣхъ сторонъ предложеніями и вопросами.

— Спасибо, касатки, спасибо, ничего мнѣ не надо, спаси васъ Христосъ,—повторяла странница, ласково всѣмъ кивая.—Отдохнуть только маленько, да и въ путь.

— Да вѣдь ночь, тетенька, на дворѣ.

По загорѣлому лицу незнакомки проскользнула усмѣшка.

— Ничего, Господь доведетъ,—возразила она.

— Да ты куда путь-то держишь, въ Воротыновку што ли?—спросилъ кто-то изъ толпы.

— Нѣтъ, я дальше. Въ Воротыновкѣ переночевать бы мнѣ только... у кумы, — прибавила она послѣ минутнаго колебанія.— Спаси васъ Христосъ,—повторила она, поспѣшно поднимаясь съ мѣста и низко кланяясь собравшейся вокругъ нея толпѣ.

— На господскую усадьбу зайди да прикажи о себѣ барину доложить,—закричалъ ей вслѣдъ одинъ изъ парней.

— Онъ хошь самъ и не старецъ, а страсть какъ до старухъ падокъ.

Замѣчаніе это было встрѣчено дружнымъ хохотомъ.

— А что, молодки, мнѣ какъ будто лице этой богомолки знакомо,—замѣтила баба среднихъ лѣтъ, хозяйка избы, у которой присѣла отдохнуть странница.

— Да и мнѣ тоже сдается, будто я ужъ видѣла гдѣ-то ейныя буркулы,—подхватила другая женщина, постарше.

— Изъ Воротыновскихъ должна быть,—сказала первая.

— И гдѣ я эти черныя буркулы видѣла? — продолжала припоминать вторая.—А видать видала, разрази меня на семъ мѣстѣ, если вру.

Не мудрено, что жители Осиноваго поселка знали въ лице всѣхъ обитателей Воротыновки; между Осиновымъ и Воротыновкой было всего только три версты разстоянія.

Здѣсь, при старой барынѣ Марѳѣ Григорьевнѣ, былъ кирпичный заводъ, который пришелъ въ полнѣйшій упадокъ послѣ ея смерти, какъ и всѣ прочія процвѣтавшія при ней заведенія, суконная фабрика, ковровая, ткацкая.

Одинъ изъ управителей, присланный сюда покойнымъ Александромъ Васильевичемъ, затѣялъ было воспользоваться остатками кирпича для постройки винокуреннаго завода, но его смѣстили раньше, чѣмъ стѣны новаго зданія были выведены, и оно осталось недостроеннымъ.

При Александрѣ Васильевичѣ управляющіе часто смѣнялись въ Воротыновкѣ. Самъ онъ ни разу сюда не пріѣзжалъ, но присылалъ для ревизіи довѣренныхъ людей, по донесеніямъ которыхъ и совершалъ расправу, часто несправедливую и всегда неумолимую.

Но, не взирая на его строгость, а, можетъ быть, именно благодаря ей, его здѣсь и боялись, и уважали. Къ наслѣднику же его никто не питалъ ни страха, ни почтенія. Стоило только прислушаться къ тому, что говорилось о немъ въ околоткѣ, чтобъ убѣдиться въ этомъ.

Странница, направлявшаяся къ Воротыновкѣ, достаточно наслушалась этихъ толковъ и въ губернскомъ городѣ, и въ уѣздномъ, чтобъ составить себѣ понятіе о положеніи въ прадѣдовскомъ помѣстьѣ наслѣдника Александра Васильевича. Положеніе это было незавидное.

Добрела она до цѣли своего путешествія, когда уже совсѣмъ стемнѣло, но шла твердой стопой, не сбиваясь на пути между тропинками парка. А между тѣмъ паркъ заглохъ и одичалъ; на каждомъ шагу натыкалась она на кусты и молоденькія деревья, которыхъ прежде тутъ не было, но это не мѣшало ей оріентироваться.

Въ господскомѣ домѣ, на горѣ, не свѣтилось ни одного огонька. Она этому не удивилась; ей было извѣстно, что господа живутъ во флигелѣ.

Она даже знала—въ которомъ, въ томъ, гдѣ при старой барынѣ помѣщался нѣмецъ, управляющій суконной фабрикой, въ саду.

Да, странница знала, что въ господскомъ домѣ, бѣлѣвшемся на горѣ при свѣтѣ луны, никого, кромѣ крысъ и летучихъ мышей, нѣтъ, но когда домъ этотъ предсталъ передъ нею, она ужъ не въ силахъ была оторвать отъ него глазъ.

Какъ вкопанная остановилась она и долго, долго стояла неподвижно на мѣстѣ, припоминая то время, когда маленькой дѣвчонкой, а потомъ молодой дѣвкой, сбѣгала рано утромъ по дорожкамъ, что спускались между фруктовыми деревьями къ ручью, чтобъ зачерпнуть ключевой воды въ серебряный умывальникъ для барышни.

Воскресали въ ея памяти и другія сцены изъ далекаго прошлаго, при видѣ мрачнаго зданія, съ затѣйливыми выступами и башнями.

Вотъ то окно, въ которомъ Александръ Васильевичъ въ первый разъ увидалъ барышню. Стекла въ немъ почти всѣ выбиты, и страшной пастью чернѣется оно на бѣлесоватомъ фонѣ стѣны.

И странницу такъ неудержимо потянуло къ этому дому, ей такъ захотѣлось побродить по корридорамъ и покоямъ, по которымъ она ходила двадцать лѣтъ тому назадъ, что она не вытерпѣла и, вмѣсто того, чтобъ повернуть къ надворнымъ строеніямъ, гдѣ тамъ и сямъ свѣтились огоньки въ окнахъ, или къ селу, гдѣ можно было расчитывать на убѣжище до слѣдующаго утра, она побрела къ господскому дому.

Ночь была свѣтлая и теплая. Она проведетъ ее въ которой нибудь изъ многочисленныхъ комнатъ покинутаго зданія.

Быть не можетъ, чтобъ все изъ него вынесли, найдется въ какомъ нибудь уголку постилка, забытая перина, или диванъ, на которомъ можно заснуть. Всего этого было здѣсь такъ много въ прежнее время! Сколько, бывало, ни наѣхало бы гостей, на всѣхъ хватало съ избыткомъ и пуховиковъ и подушекъ. Постельнымъ бѣльемъ огромные сундуки биткомъ были набиты.

И машинально, какъ животное, влекомое инстинктомъ по знакомой тропѣ, пробралась она къ маленькой, потайной двери, скрытой за кустами старой сирени.

О, какъ знакома ей была эта дверь!

Было время, когда она по двадцати разъ въ день вбѣгала и выбѣгала изъ нея, спѣша на зовъ барышни.

Но, дойдя до этого мѣста, она въ нерѣшительности остановилась: сиреневые кусты были срублены, а передъ дверью лежалъ большой песъ, который приподнялся и тихо зарычалъ ей на встрѣчу.

Ей, значить, сказали неправду: въ домѣ живутъ; кого нибудь да стережетъ здѣсь этотъ песъ.

Отступивъ на нѣсколько шаговъ, она внимательнымъ взглядомъ окинула фасадъ дома и замѣтила, что въ одномъ изъ оконъ нижняго этажа, сквозь щель припертой ставни, пронизывается свѣтъ.

Собака продолжала подозрительно смотрѣть на незнакомку, скаля зубы и принимаясь рычать, когда она подавалась впередъ, и тотчасъ же смолкая при ея отступленіи.

Странница отказалась отъ намѣренія провести ночь въ домѣ и рѣшила искать пріюта на селѣ.

Минутъ черезъ десять она стучалась въ оконце одной изъ избъ, широко раскинувшагося среди огородовъ и садиковъ, села.

Въ избѣ завозились.

— Кто тутъ?—раздался изнутри женскій голосъ.

— Пустите переночевать, Христа ради, добрые люди,—отвѣчала странница.

Рама съ зеленымъ стекломъ приподнялась, и въ образовавшемся отверстіи высунулась женская голова, повязанная холщевымъ, бѣлымъ платкомъ.

— Отколева? Странница, што ли?

— Изъ Кіева, отъ святыхъ угодниковъ. Ночь на пути застигла. Отъ товарокъ отстала, пусти, Христа ради.

— Сейчасъ на крылечко выйду, дай только огонь вздуть.

— Да ночевать у тебя можно, что ли?

— Ночуй, мѣсто найдется.

— Спаси тя Христосъ!

Хозяйка вздула огня и зажгла лучину.

— Вотъ тутъ ложись,—указала она вошедшей въ избу незнакомкѣ на лавку у печи, съ которой она слѣзла, услышавъ стукъ въ окно.

— Чай, поѣсть хочешь?—продолжала она, съ любопытствомъ оглядывая свою гостью, въ то время какъ эта послѣдняя снимала съ себя верхнюю одежду и вмѣстѣ съ узелкомъ и котомкой складывала ее въ видѣ подушки на лавку.

— Спасибо, касатка, умаялась я, не до ѣды мнѣ. Думала было, въ господскомъ домѣ меня пріютятъ, полѣзла туда, а тамъ — ни души.

— Господа во флигелѣ живутъ,—пояснила хозяйка избы.—Не принесть ли сѣнца, чтобъ тебѣ помягче спать-то было?

У нея отъ любопытства и сонъ прошелъ. Не дождавшись отвѣта, она поспѣшно вышла на дворъ и вернулась назадъ съ охапкой сѣна, которую свалила на лавку, а затѣмъ принесла изъ чулана овчинный тулупъ и прикрыла имъ импровизированную постель.

— Спаси тя Христосъ,—повторяла странница, развязывая свой узелъ и роясь въ немъ.

Она достала изъ него финифтяный образокъ и подала его гостепріимной хозяйкѣ.

Та подарку несказанно обрадовалась и сдѣлалась еще привѣтливѣе и разговорчивѣе. Откуда? Все ли пѣшкомъ шла? По обѣщанію или такъ? Назадъ въ Питеръ вернется или дальше, въ Іерусалимъ, пойдетъ? — предлагала она нежданной посѣтительницѣ вопросъ за вопросомъ.

Одну такую богомолку она знала, отпросилась у управителя по обѣщанію мощамъ св. угодника Митрофанія поклониться, да ужъ домой оттуда и не возвращается.

— Такая ей припала охота странствовать, что и мужа, и дѣтей покинула. Посейчасъ они у насъ въ Воротыновкѣ живутъ, а про нее ужъ пятнадцать лѣтъ ничего не извѣстно. Пали было слухи, будто въ Іерусалимѣ, у гроба Господня, ее видѣли, а куда оттуда пошла, никто не знаетъ. Дѣти повыросли, поженились да замужъ повышли...

— А велико ли семейство у вашего барина?—спросила странница, снимая лапти и развивая съ ногъ онучи.

— Молодые еще, всего только второй годъ поженившись.

— Дѣтокъ нѣту?

— Нѣту.

И, помолчавъ немного, она прибавила:

— Больной онъ у насъ, баринъ-то, припадочный да слабоумный, въ родѣ какъ бы юродивый.

— Барыня, значитъ, всѣмъ орудуетъ? — допытывалась странница.

— Да, барыня. Только воли онъ ей много не даетъ. Рада бы всѣмъ завладать, да руки коротки.

— Злой онъ, значитъ?

— Это баринъ-то?

Баба даже руками всплеснула отъ изумленія: такимъ нелѣпымъ показался ей этотъ вопросъ.

— Какая же можетъ въ немъ быть злость, когда онъ Божій человѣкъ, блаженненькій?

Наступило молчаніе. Странница съ пытливымъ любопытствомъ всматривалась въ свою собесѣдницу.

— Ты, тетка, не изъ дворовыхъ ли?—спросила она, наконецъ.

— Изъ дворовыхъ. А что?

— Такъ. По разговору признала я тебя за дворовую, рѣчь у тебя не мужицкая.

Баба промолчала.

— Давно ли на селѣ живешь?

— Давно.

И, потупившись, опять смолкла.

Странница глядѣла на нее съ возрастающимъ любопытствомъ.

И вдругъ она у нея спросила:

— Ты барина Александра Васильевича помнишь?

Баба еще ниже опустила голову.

Еще съ минуту вглядывалась въ нее странница молча, а затѣмъ назвала ее по имени:

— Тебя Дарьюшкой звать?

Баба вскинула на нее недоумѣвающій взглядъ.

— Почемъ ты знаешь, какъ меня зовутъ? — прошептала она не безъ испуга.

— А потому и знаю, что двадцать годовъ мы такъ другъ дружку звали: я тебя Дарьюшкой, а ты меня Малашей.

— Маланья Тимоѳеевна! — вскричала хозяйка избы, подаваясь порывистымъ движеніемъ къ своей посѣтительницѣ.

— Она самая и есть,—отвѣчала эта послѣдняя съ усмѣшкой.

До полуночи проболтали пріятельницы.

Дарья разсказала, какъ она, послѣ отъѣзда господъ изъ Воротыновки, съ управителемъ спуталась и барской барыней жила, и какъ змѣя подколодная, Машка Ковровая, подъ нее подкопалась и заставила управителя ее за Сергуна, пьяницу, замужъ выдать, и какъ Сергунъ изъ барской конюшни сбрую укралъ да проѣзжимъ купцамъ продалъ. Его за эту продѣлку въ солдаты забрили, а ей съ сынкомъ (сынокъ-то управителевъ былъ) дозволили на селѣ въ мужниномъ домѣ жить.

— А гдѣ же таперича твой сынокъ, померъ, что ли? — спросила Маланья.

Нѣтъ, Дарьюшкинъ сынокъ не умеръ, онъ былъ взятъ на барскій дворъ при одномъ изъ управителей, присланномъ Александромъ Васильевичемъ лѣтъ шесть тому назадъ. Управительша-то форсунья была, барыню изъ себя представляла и выучила мальчишку заправскимъ лакеемъ у стола служить. Теперь онъ при господахъ. Служба не тяжелая. Баринъ невзыскателенъ, все самъ дѣлаетъ, одной только барынѣ надо служить. Гостей никогда у нихъ не бываетъ, всѣхъ отвадили. Даже и поповъ по большимъ праздникамъ перестали теперь угощать. Спервоначалу-то завели было такой порядокъ, чтобъ по воскресеньямъ, послѣ обѣдни, на пирогъ причтъ звать, ну, а потомъ зачали помаленьку и отъ этого обычая отставать.

— Неужто-жъ они и въ церковь не ходятъ?—удивилась Маланья

— Какое! Баринъ ни одной службы не пропускаетъ и рѣдкую недѣлю, чтобъ либо молебенъ, либо панихиду не велѣлъ служить. И кажинный разъ попу рубль, а причту полтину отваливаетъ. Духовенству у насъ лафа теперича. Болтаютъ, будто еще церковь хотятъ у насъ въ Воротыновкѣ строить, а ужъ не знаю, вѣрить этому слуху, или нѣтъ.

— А барыня на это согласна?

Дарья махнула рукой.

— Да что-жъ она тутъ можетъ подѣлать, нешто ее спроситъ кто? Никогда съ нею супругъ не разговариваетъ. Чудной вѣдь онъ у насъ, Григорій-то Александровичъ. Лицемъ—вылитый родитель, Александръ Васильевичъ, а нравомъ въ мать, такой же угрюмый, все молчитъ.

— Въ барышняхъ она не угрюмая была,— замѣтила Маланья.

— Да у насъ-то она здѣсь на памяти такой осталась, какой сдѣлалась послѣ того, какъ баринъ на ней женился. Веселой ее въ Воротыновкѣ никто и не помнитъ. А ужъ послѣднее-то время, сама знаешь, какая она стала.

— Въ умѣ начала мѣшаться,—подсказала Маланья.

— Ну, вотъ, а сынокъ-то на первыхъ порахъ тоже себя такимъ проявилъ и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Вздумалъ теперича по ночамъ чудить, по старому дому бродить. Митяйка мой намеднись сказывалъ: страхъ боимся, чтобъ пожару не надѣлалъ, долго-ль до грѣха!

Маланья вспомнила про свѣтъ, усмотрѣнный ею сквозь щель заколоченной ставни въ нижнемъ этажѣ стараго дома, и про собаку, сторожившую этотъ домъ.

— Что-жъ онъ тамъ дѣлаетъ одинъ, въ домѣ-то?—спросила она.

— А Богъ его знаетъ! То въ одной комнатѣ посидитъ, то въ другой. Первое время все больше въ нижнемъ кабинетѣ запирался. Бюро тамъ отперъ и всѣ письма изъ него повытаскалъ, что еще покойной старой барыней туда положены были. И вотъ разъ какъ-то припадокъ съ нимъ тамъ сдѣлался. Ужъ такъ онъ насъ тогда всѣхъ напугалъ, страсть! Двое сутокъ безумствовалъ, никого не узнавалъ, бился какъ въ падучей. И стали мы замѣчать, что съ этихъ самыхъ поръ онъ еще чуднѣе сталъ, все молчитъ, хотя ты тутъ что. Попа призывали его отчитывать. Но только нечистой силы въ немъ нѣтъ, это всѣ говорятъ, а напущена на него злыми людьми порча, языка онъ какъ будто рѣшился и, когда нужно что сказать, словъ не можетъ припомнить, потому и молчитъ. Да что! Вѣдь учили его, говорятъ, въ Питерѣ-то, воспитывали, какъ барина тоже, а теперича ни читать ни писать не умѣетъ, всю умственность растерялъ. Пыталась было барыня лечить его, докторовъ выписывала изъ города, ничего изъ того не вышло, всѣ лекарства изъ окошка повыкидалъ, а отъ разговоровъ съ ней въ лѣсъ удираетъ. Какъ увидитъ, что она къ нему идетъ, такъ сейчасъ и шасть за дверь, да въ чемъ есть, безъ шапки, и махнетъ, куда глаза глядятъ. Разъ какъ-то онъ у насъ такимъ манеромъ цѣлыхъ три дня пропадалъ,—прибавила она, таинственно понижая голосъ.

— А любитъ ли его супруга-то? — полюбопытствовала Маланья.

— Любитъ, должно. Страсть какъ убивается, по цѣлымъ ночамъ напролетъ плачетъ и всячески изловчается, чтобъ ему потрафить, но только все это ни къ чему, никогда она отъ него ни ласки, ни добраго слова не слышала, да и не услышитъ, вѣрно, никогда. Ну, а ты, Маланьюшка, какъ поживаешь? Домъ-то у васъ, въ Питерѣ, барскій, говорятъ?

Но Маланья на все отвѣчала уклончиво. Живетъ съ семействомъ, слава Богу, не то, чтобъ богато, а безъ нужды. Вольную имъ Александръ Васильевичъ, покойникъ, царство ему небесное, далъ. Вотъ за упокой его души она и ходила молиться святымъ угодникамъ, въ Кіево-Печерскую лавру. Давно ужъ ею дадено это обѣщаніе, какъ вольную получитъ, такъ въ Кіевъ пѣшкомъ сходить. А тамъ пришла охота на родинѣ побывать, по роднымъ покойникамъ панихидку отслужить. И все отъ усердія — пѣшкомъ. Потрудиться захотѣлось для Бога.

— Значитъ, завтра въ церковь пойдешь?—освѣдомилась Дарьюшка.

— Пойду, если Господь сподобитъ. Обѣдня-то будетъ, что ли?

— У насъ ранняя кажинный день для барина.

— Ладно. Не проспать бы только.

— Не бойся, разбужу. Какъ поднимусь коровушку въ поле гнать, такъ тебя и разбужу.

Не взирая на усталость, Маланья долго не могла заснуть и только подъ утро забылась, однако, едва только хозяйка избы дотронулась до ея плеча, она, какъ встрепанная, вскочила на ноги и торопливо стала обряжаться.

— Я ужъ къ попу бѣгала, сказала ему, чтобъ панихиду тебѣ послѣ обѣдни на кладбищѣ отслужилъ. Онъ говоритъ: хорошо, что предупредила, я, говоритъ, въ дальнее поле хотѣлъ ѣхать,— объявила Дарьюшка.

Чтобъ идти въ церковь, Маланья принарядилась; она вынула изъ узла черный шерстяной капотъ и платокъ, тоже черный, но изъ шелковой матеріи, съ атласными разводами и бахрамой, надѣла его на голову, аккуратно подколовъ толстой булавкой подъ подбородкомъ. Онучи съ лаптями она замѣнила бѣлевыми чулками и новыми сафьяновыми башмаками.

— Назадъ-то въ Питеръ я ужъ на лошадяхъ, съ попутчикомъ поѣду, — объявила она Дарьюшкѣ, съ любопытствомъ слѣдившей за ея превращеніемъ изъ странницы въ купчиху. — Провожать меня въ церковь не трудись, я и сама дорогу найду. Не совсѣмъ еще память-то отшибло, вчера даже въ саду не заплуталась, а ночь была; все найду, небось.

По селу ужъ разнесся слухъ объ ея появленіи; народъ выбѣгалъ за ворота и высовывался въ окна, чтобъ на нее посмотрѣть,

но никто съ нею не заговаривалъ, ждали, чтобъ она сама себя объявила.

Обѣдню служили въ придѣлѣ. День былъ будничный, и въ церкви, кромѣ толпы ребятишекъ да старухъ у входа, священника съ двумя дьячками, да высокаго, худаго молодаго человѣка въ черномъ и длинномъ кафтанѣ, никого не было.

Въ этомъ человѣкѣ Маланья съ трудомъ узнала красиваго юношу, въ элегантномъ, модномъ костюмѣ, котораго она видѣла три года тому назадъ въ Казанскомъ соборѣ, съ семьей Сергѣя Владиміровича Ратморцева. Онъ какъ будто выросъ съ тѣхъ поръ, видъ у него былъ болѣзненный, грудь ввалилась, спина сгибалась, какъ у старца, а лице обросло густой бородой. Во все время пока длилось богослуженіе, онъ стоялъ съ опущенными глазами, и когда, подходя къ кресту, поднялъ ихъ на Маланью, очутившуюся рядомъ съ нимъ, она чуть не вскрикнула отъ изумленія: такъ живо напомнили ей эти глаза взглядъ, которымъ смотрѣла на нее Марѳинька передъ смертью.

На ея низкій поклонъ Воротыновскій баринъ отвѣтилъ, не проявляя при этомъ ни удивленія, ни любопытства, точно присутствіе здѣсь этой женщины было обычнымъ явленіемъ, а когда она перешла со священникомъ въ ту часть церкви, гдѣ была плита, прикрывающая гробъ старый барыни, онъ послѣдовалъ за ними и всю панихиду простоялъ на колѣняхъ за колонной.

И такъ онъ тутъ замолился, что священникъ не сталъ его ждать съ крестомъ и, давъ къ нему приложиться Маланьѣ, спросилъ у нея вполголоса:

— На кладбищѣ желаете по родственникамъ панихиду отслужить?

— На кладбищѣ, батюшка,—отвѣчала Маланья, искоса глянувъ въ ту сторону, гдѣ чернѣлась колѣнопреклоненная фигура въ черномъ.

Кладбище отстояло на добрую версту отъ села. Когда панихида была и тамъ отслужена, Маланья опять увидала барина: онъ стоялъ на колѣняхъ, подъ березами, насаженными надъ могилой Ѳедосьи Ивановны, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ той насыпи съ деревяннымъ крестомъ, у которой Маланья молилась за упокой души своего отца, матери и другихъ вписанныхъ въ ея поминаніе покойниковъ.

И отсюда, также какъ и изъ церкви, всѣ вышли, не безпокоя барина, не дожидаясь, чтобъ онъ кончилъ молиться.

Священникъ пригласилъ Маланью Тимоѳеевну къ попадьѣ чайку чашечку выкушать и пирожкомъ закусить.

Маланья приняла приглашеніе, и то, что она услышала у попа, послужило для нея подтвержденіемъ того, что разсказывала ей Дарьюшка.

Воротыновскій баринъ совсѣмъ оглупѣлъ, и не то въ юродство не то въ младенчество впадаетъ.

Свѣтскій лоскъ, такъ старательно и любовно наведенный на него у Ратморцевыхъ, вдругъ какъ-то съ него сошелъ, едва только онъ очутился вдали отъ нихъ, и съ каждымъ днемъ становился онъ все больше и больше похожъ на полоумнаго Гришку, котораго ребятишки того села, гдѣ онъ жилъ съ мужиками, дразнили подкидышемъ.

Какъ у растенія, искусственно выгнаннаго парами въ оранжереѣ, жизненная дѣятельность прекращается, едва только оно попадетъ въ другую атмосферу, такъ и въ немъ чахло и глохло умственное развитіе, вызванное искусственнымъ напряженіемъ воли и нервъ, подъ вліяніемъ страстнаго желанія скорѣе наверстать потерянное время, чтобъ занять въ обществѣ подобающее ему по рожденію и состоянію мѣсто и приблизиться къ идеалу, воплощеніемъ котораго служили для него Соня съ Вѣрой.

Онѣ были для него тѣмъ, что солнце для цвѣтка. Ему было и темно и холодно безъ нихъ, ничѣмъ не могъ онъ согрѣться, и все то, для чего его вырвали изъ той среды, гдѣ онъ прозябалъ, богатство, знатность, власть, потеряли для него, въ ихъ отсутствіи, всякій смыслъ. Безъ нихъ, ничѣмъ не находилъ онъ въ себѣ ни силы, ни охоты пользоваться.

— Первое время они очень интересовались всѣмъ, что до ихъ покойной маменьки касалось,— разсказывалъ попъ Маланьѣ.—Розыскивали тѣхъ, кто ее здѣсь помнитъ, и разспрашивали про нее; отыскали ейныя письма въ бюрѣ, тѣ, что она супругу писала, а управитель замѣсто того, чтобъ на почту отправлять, въ бюро складывалъ...

— Съ этой поры, какъ письма эти онъ нашелъ, и зачалъ юродствовать, — вставила попадья, наливая третью чашку чаю своей гостьѣ.

— Да, да, первый припадокъ падучей съ нимъ тогда и приключился,—согласился съ нею мужъ.— Однако, они тогда еще въ умственныхъ занятіяхъ себѣ удовольствіе находили. Книжки читали, и я самъ отвозилъ отъ нихъ письмо въ Петербургъ, на почту. Но это ужъ было послѣднее, съ той поры вотъ ужъ третій мѣсяцъ, какъ не берутъ пера въ руки, отъ всякой бесѣды уклоняются и норовятъ все одни куда нибудь подальше уйдти. Докторъ, что сюда пріѣзжалъ для нихъ, говоритъ, будто имъ эти припадки на мозгъ сильно дѣйствуютъ, и что они такимъ манеромъ могутъ совсѣмъ съ ума сойтить. Пуще всего душевныхъ потрясеній должно остерегаться...

Разговоръ этотъ былъ прерванъ появленіемъ дѣвчонки съ барскаго двора.

— Ихъ барыня къ себѣ зовутъ,—объявила она, дергая попадью за юбку и указывая знаками на Маланью.

— Скажи барынѣ, что сейчасъ приду; вотъ только отдохну маленько, — важно отвѣчала эта послѣдняя, вытирая бѣлымъ платкомъ потъ, выступившій на ея лбу отъ горячаго чая въ совокупности съ сильными душевными ощущеніями.

Дѣвчонка убѣжала исполнять порученіе, а Маланья сказала попу съ попадьей, что она ее давно знаетъ, ихнюю барыню.

Гдѣ именно и при какихъ обстоятельствахъ она съ нею познакомилась, объ этомъ она умолчала, но по тому, какъ она презрительно поджимала губы, произнося ея имя, можно было догадаться, что не большимъ почетомъ пользуется въ ея глазахъ молодая Воротыновская барыня.

Выпивъ еще чашечку чаю съ медомъ и ноблагодаривъ гостепріимныхъ хозяевъ за угощеніе, она еще разспросила про кое-кого изъ дворовыхъ, не выражая, впрочемъ, желанія повидаться съ тѣми изъ старыхъ своихъ знакомыхъ, что̀ остались еще въ живыхъ, а ужъ затѣмъ, степенно и не торопясь, поднялась изъ-за стола, поправила платокъ на головѣ и медленно направилась къ усадьбѣ.

Въ маленькомъ домикѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ запущеннымъ садомъ, Маланья Тимоѳеевна застала одну только барыню.

На ея вопросъ: — а баринъ гдѣ? — молодой малый въ нанковомъ сюртукѣ отвѣчалъ:—Баринъ теперича и ночевать домой не приходятъ. Имъ въ старомъ домѣ постель постилаютъ, и они тамъ одни съ Арабкой. А барыня въ спальнѣ, приказали васъ туда провести. Вонъ дверь-то прямо, туда и идите.

Но прежде, чѣмъ послѣдовать этому совѣту, Маланья заглянула черезъ растворенную дверь въ комнату, на которую ей указывали, и увидала большую кровать краснаго дерева съ пуховикомъ, подушками и штофнымъ одѣяломъ, трюмо, швейный столикъ съ кресломъ у окна и еще нѣсколько шкаповъ, креселъ и столовъ, безпорядочно сдвинутыхъ въ кучу и покрытыхъ густымъ слоемъ пыли.

Къ посѣтительницѣ вышла навстрѣчу молодая дѣвушка, по виду горничная, и, замѣтивъ, съ какимъ любопытствомъ она заглядываетъ въ спальню, пояснила, что барыня сюда ужъ недѣлю какъ не входитъ, потому и безпорядокъ.

— Почиваютъ онѣ теперича на диванѣ въ бывшей ковровой, а кушать изволятъ въ бесѣдкѣ, что̀ у ручья.

— Ну, а всегда-то гдѣ-жъ онѣ сидятъ?—спросила Маланья.

— Да разно: одну недѣльку тутъ поживутъ, другую — тамъ. Тоска имъ на одномъ-то мѣстѣ, вотъ и мѣняютъ. И мебель постоянно чтобъ была у нихъ новая передъ глазами. Всю ужъ почти

изъ дому-то перетаскали то въ одинъ флигель, то въ другой, то въ каменную бесѣдку, то въ деревянную. Сама разставить, приберется, въ вазы свѣжихъ цвѣтовъ прикажетъ нарѣзать. Постоитъ такъ день, другой, и велитъ убрать, другую принести. А на прошлой недѣлѣ вздумала на мельницѣ ночевать, узнала, что баринъ тамъ по близости у пасѣчника поселился, ну, и она туда за нимъ поѣхала.

«Она, значитъ, всю свою жизнь проводитъ въ поискахъ за мужемъ и въ томъ, чтобъ незамѣтно слѣдить за нимъ, сладкая жизнь, нечего сказать!»—думала Маланья, слушая разсказы горничной.— «Стоило изъ-за этого Воротыновской барыней сдѣлаться!»

Размышленія эти были прерваны появленіемъ самой барыни.

Тоже перемѣнилась, постарѣла лѣтъ на десять и опустилась не менѣе мужа и дочка капитана Ожогина. Маланья не узнала бы ея, если-бъ судьба столкнула ихъ въ другомъ мѣстѣ. Одѣта она была небрежно, волосы безпорядочными кудрями выбивались изъ-подъ ночнаго чепчика, бѣлый, вышитый гладью капотъ, весь перемятый, на ногахъ стоптанныя, бархатныя туфли.

Она тотчасъ же заговорила съ Маланьей про Мароу Александровну съ большой любовью и участіемъ.

— Богъ знаетъ, что я бы дала, чтобъ знать, что она счастлива! — повторила она нѣсколько разъ съ глубокими вздохами. — Не гнѣвается она на меня за то, что я за Григорія Александровича вышла, нѣтъ?

— Чего же имъ гнѣваться, — сдержанно отвѣчала Маланья. — Судьба ваша, значитъ, такая, отъ Бога такъ было положено.

Но что всего больше удивило ее при этомъ свиданіи, это разспросы Полиньки про Ратморцевыхъ. Оказывалось, что здѣсь одно только было извѣстно, это то, что барышни Ратморцевы заболѣли, и что Сергѣй Владиміровичъ взялъ продолжительный отпускъ, чтобъ пожить съ семьей за границей. Когда Маланья сказала, что Софья Сергѣевна скончалась уже мѣсяца три тому назадъ, и что тѣло ея привезли хоронить въ Святское, и что теперь, поди чай, и Вѣра Сергѣевна умерла: безнадежна она была, когда сестрицу-то хоронили,—Полинька поблѣднѣла отъ испуга.

— Господи!—вскричала она, всплескивая руками.—Да какъ же это? Неужели? Ты это навѣрное знаешь? — безсвязно пролепетала она.

— Вѣрно, сударыня. Отъ Ратморцевскихъ людей мы это знаемъ. Похоронивши одну дочку, Сергѣй Владиміровичъ опять уѣхали за границу, въ то мѣсто, гдѣ супруга ихъ съ другой ихней барышней осталась. Очень, говорятъ, была тогда Вѣра Сергѣевна слаба, поди чай, ужъ и ее тоже въ гробу въ Спасское привезли, чтобъ рядомъ съ сестрицей похоронить...

Она хотѣла еще что-то прибавить, но смолкла на полусловѣ, замѣтивъ исказившееся отъ ужаса лице своей слушательницы, ея пристальный взглядъ, устремленный на дверь, у которой остановилась Маланья.

Эта послѣдняя невольно оглянулась и увидала барина.

Онъ стоялъ въ двухъ шагахъ отъ нея, прислонившись къ стѣнѣ, блѣдный какъ полотно, съ безсмысленно выпученными глазами; тяжелое, прерывистое дыханіе вылетало изъ его груди. И вдругъ, въ ту самую минуту, когда Полинька сорвалась съ мѣста, чтобъ кинуться къ нему, лице его исказилось, и онъ съ дикимъ воплемъ повалился на полъ.

Когда его подняли и положили на кровать, тѣло его сводило судорогами, глаза закатились, на губахъ показалась пѣна.

Чтобъ помогать Полинькѣ ухаживать за мужемъ, Маланья отложила на цѣлую недѣлю свой отъѣздъ.

Но черезъ недѣлю случилось происшествіе, вслѣдствіе котораго ей пришлось еще съ мѣсяцъ прожить въ Воротыновкѣ.

Дня три послѣ припадка, Григорій Александровичъ поднялся съ постели и сталъ бродить сначала по комнатамъ, а потомъ на террассѣ и по саду.

Онъ былъ, какъ всегда, молчаливъ и задумчивъ, но кротокъ и безъ обычнаго раздраженія выносилъ ухаживаніе жены. И вдругъ, въ одно прекрасное утро, когда вошли въ спальню, его тамъ не оказалось. Кинулись искать его въ садъ, въ лѣсъ, на мельницу, нигдѣ его не было.

Вся деревня поднялась на ноги въ поискахъ за бариномъ. Полинька каждый день увеличивала сумму, обѣщанную тому, кто найдетъ его живымъ или мертвымъ, или дастъ о немъ вѣсть; она обѣщала дать вольную тому человѣку, а также и семьѣ его, но ничего изъ этого не выходило, дни шли за днями, недѣли за недѣлями, а Воротыновскій баринъ не отыскивался.

Маланья совѣтывала Полинькѣ переѣхать на житье въ городъ.

— По безвѣстному отсутствію вашего супруга, вамъ должны дать полномочіе на управленіе его имѣніями и назначить опеку,— говорила она ей. — Вамъ и найдти-то его легче будетъ, когда губернаторъ въ это дѣло вмѣшается, онъ всюду, по всей губерніи, дастъ приказъ его искать. Можетъ, Григорій Александровичъ давно ужъ изъ нашего уѣзда отбылъ.

Полинька послѣдовала этому совѣту; всю зиму провела она въ городѣ, но и хлопоты начальства, принявшаго въ ней горячее участіе, остались также безуспѣшны, какъ и старанія Воротыновскихъ крестьянъ: баринъ не находился.

Долго спустя, лѣтъ шесть или семь, пронесся слухъ, будто видѣли барина Воротынцева въ монастырѣ близь села Святскаго, и

будто онъ тамъ постригся въ монахи, но не всѣ этому повѣрили тогда, а когда впослѣдствіи слухъ этотъ подтвердился, всѣ имѣнія его, за выдѣломъ законной части, предоставленной его женѣ, поступили въ собственность отдаленныхъ родственниковъ, изъ которыхъ ни одинъ не носилъ имени Воротынцева. Съ Григоріемъ Александровичемъ, сыномъ Мареиньки, фамилія эта угасла.

Н. Мердеръ.

ВОСПОМИНАНІЯ АРТИСТА ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ А. А. АЛЕКСѢЕВА [1].

XV.

Петербургскіе шутники.—Анекдоты.—Медвѣдь изъ «Волшебной флейты».—Степановъ.—Его слабость.—Моя вторая женитьба.

Въ СТАРОЕ время въ Петербургѣ было много милыхъ шутниковъ, которые по страннымъ стеченіямъ обстоятельствъ принадлежали къ кружку заядлыхъ театраловъ. Иногда ихъ шутки ограничивались остротой, иногда же они увѣковѣчивали свое имя въ памяти пріятелей такими школярными продѣлками, что приходилось сомнѣваться въ здравости ихъ мозговъ. О шуткахъ возмутительныхъ я не стану вспоминать, чтобы не вызывать непріятнаго ощущенія, а о безобидныхъ проказахъ упомяну. Онѣ могутъ послужить нѣкоторой иллюстраціей отжитыхъ дней, имѣвшихъ свои характеристическія особенности и рѣзко отличавшихся отъ нашего времени, серьезнаго и бичующаго, подъ личиной просвѣщенной сосредоточенности скрывающаго всѣ мельчайшія оттѣнки стараго шутовства...

Былъ нѣкій Ольдекопъ, очень веселый человѣкъ и шутникъ большой руки. Его многіе знали въ Петербургѣ, въ особенности изъ міра театральнаго и коммерческаго. Онъ имѣлъ какія-то сно-

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIX, стр. 338.

шенія съ биржей, таможней и представителями торговаго купечества.

Однажды Ольдекопъ досталъ, благодаря своему знакомству съ театральными чиновниками, цѣлый четвертый рядъ на какое-то выдающееся балетное представленіе. Многіе изъ биржевыхъ знакомыхъ, знавшіе о его связахъ съ закулисными воротилами, обращались къ нему съ просьбою раздобыть билетъ на этотъ отмѣченный спектакль.

— Да я ужъ запасся малою толикою,—отвѣчалъ каждому Ольдекопъ.—Если хотите я могу вамъ удружить однимъ, но не болѣе, билетомъ въ четвертый рядъ...

— Да вы просто благодѣтель рода человѣческаго...

— И биржеваго,—добавляетъ Ольдекопъ.

— Ну, ужъ хоть одинъ-то давайте...

Ольдекопъ продавалъ билетъ, но по номеру не слѣдующій за проданнымъ уже предыдущему, а черезъ номеръ. Такимъ образомъ, онъ ровно половину билетовъ оставилъ у себя, а половину продалъ сановитымъ купцамъ.

Наступилъ вечеръ спектакля. Театръ былъ переполненъ публикой. Является одинъ за другимъ биржевое купечество и разсаживается по мѣстамъ. Почти одновременно съ ними въ партерѣ появляются какія-то пестро-одѣтыя и безобразно-размалеванныя феи предосудительнаго поведенія и, къ всеобщему ужасу купцовъ, садятся между ними, какъ разъ черезъ человѣка. Многіе изъ публики обратили вниманіе на четвертый рядъ и стали подсмѣиваться. Купцы переглядывались и на своемъ лицѣ изображали полнѣйшую безпомощность. Такъ прошелъ первый актъ, по окончаніи котораго купцы собрались въ фойе, вызвали Ольдекопа, сидѣвшаго съ невиннымъ выраженіемъ въ шестомъ ряду, и сердито ему замѣтили:

— Ну, это свинство!

— Что такое?

— Ты насъ на смѣхъ, что ли, между кокотками посадилъ?

— Какими кокотками?

— Да что около каждаго изъ насъ помѣщаются?

— Ахъ, эти-то?.. А вѣдь я, признаться, подумалъ, что вы ихъ съ собой приволокли, и удивлялся вашей безтактности.

— Ты не финти! Дѣло на чистоту выкладывай...

— Да я-то почемъ ихъ знаю?

— Кто же, кромѣ тебя, могъ имъ билеты дать?

— Не вѣдаю! Я только тѣ билеты и пріобрѣлъ отъ дирекціи, которые вамъ продалъ...

Обиженные и сконфуженные купцы разъѣхались по домамъ, а расфранченныя дѣвицы остались въ четвертомъ ряду одинокими. Впрочемъ, и онѣ должны были вскорѣ покинуть театръ, такъ какъ ихъ положеніе оказалось тоже глупымъ.

Это оказалось, разумѣется, шуткой Ольдекопа: оставшіеся билеты онъ роздалъ первымъ встрѣтившимся на улицѣ.

Въ другой разъ, этотъ же самый Ольдекопъ пріобрѣлъ весь третій рядъ на бенефисъ Мартынова въ Александринскомъ театрѣ. Билеты доставались тоже съ трудомъ, и потому биржевики обратились къ его содѣйствію. Онъ охотно исполнялъ просьбу только тѣхъ, кто обладалъ лысою головою, всѣмъ же остальнымъ наотрѣзъ отказывалъ.

Въ спектакль получилось любопытное зрѣлище: весь третій рядъ, на подборъ, состоялъ изъ плѣшивыхъ зрителей. Посыпались со стороны публики насмѣшки. Купцы недоумѣвали и чувствовали себя крайне неловко подъ нескромно направленными на нихъ биноклями. Въ концѣ концовъ ихъ забавное положеніе выяснилось, и они поспѣшили одинъ за другимъ покинуть театръ.

И много другихъ проказъ извѣстно про Ольдекопа, но онѣ болѣе или менѣе похожи другъ на друга, такъ что можно ограничиться только этими фактами.

Въ pendant къ умышленному шутнику помянемъ шутника неумышленнаго. Въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ, была репертуарною пьесою «Волшебная флейта», въ которой, какъ извѣстно, участвуетъ медвѣдь. Однажды идетъ она въ Каменноостровскомъ театрѣ. Медвѣдя по обыкновенію изображалъ плотникъ Игнатій, уже не разъ выряжавшійся въ шкуру этого благороднаго звѣря. Въ тотъ моментъ, когда медвѣдь былъ на сценѣ и представлялъ изъ себя дѣйствующее лице, разразилась надъ Петербургомъ буря, сопровождаемая страшнымъ громомъ. Вечеръ тотъ былъ вообще пасмурный и дождливый. Громъ былъ на столько силенъ, что казалось, что онъ разразился надъ самымъ театромъ. И публика, и актеры вздрогнули отъ неожиданности, медвѣдь же не только вздрогнулъ, но даже по русскому обычаю перекрестился. Испугъ публики быстро смѣнился долго-неумолкавшимъ смѣхомъ.

Старый сослуживецъ мой, Петръ Степановъ, былъ славнымъ товарищемъ и безобиднымъ человѣкомъ. Большимъ дарованіемъ онъ не обладалъ, ничѣмъ особеннымъ не отличался и ничьего вниманія на себя не обращалъ. Жилъ онъ потихоньку, не слишкомъ замѣтно, но и не безполезно.

Слабостью его считалась манера приврать, но приврать безкорыстно, безъ всякой задней мысли, а просто къ слову. Впрочемъ, эта слабость его была понятна: онъ былъ страстный охотникъ, а страстные охотники, какъ извѣстно, лгуны по призванію. Степановъ вралъ вообще, но когда разговоръ касался его конька — охоты, то онъ являлся въ своемъ родѣ неподражаемымъ. Въ пылу увлеченія его фантазія создавала такіе необычайные факты и онъ обрисовывалъ себя такимъ необыкновеннымъ героемъ, что слушатели безъ церемоніи останавливали его въ самомъ патетическомъ

мѣстѣ и указывали на его несообразности. Въ этихъ случаяхъ онъ всегда, бывало, крякнетъ и въ оправданіе свое скажетъ:

— Н-да... Я и забылъ, что вамъ ничего разсказывать не стоитъ, — все равно не повѣрите, а между тѣмъ все это истинные факты.

Однажды Степановъ разсказывалъ на репетиціи, во время антракта:

— Лѣтъ восемь тому назадъ у меня была замѣчательно умная собака. Звали ее Тамерланъ. Ахъ, какъ хорошо онъ, подлецъ, птицу выслѣживалъ, т. е. такъ хорошо, что я постоянно былъ подвергнутъ опасности...

— Да вѣдь ты не птица,—сострилъ Каратыгинъ, — какая же опасность тебѣ могла угрожать?

— А такая, что всѣ знакомые и незнакомые охотники на собаку зубы точили и непремѣнно хотѣли ее украсть у меня... А нужно признаться, я ее самъ за смышленность у одного пріятеля стянулъ... Ахъ, какая необыкновенная собака! Бывало разнюхаетъ гдѣ либо гнѣздо,—такъ не набросится на него и не спугнетъ самку, какъ дѣлаютъ это всѣ другія собаки, а тихо, не подалеку отъ находки сядетъ на заднія лапы и передними манитъ меня... Я бывало, подкрадусь, спугну птицу самъ и близехонько ее бью... Вотъ какой удивительный пёсъ былъ! Другаго подобнаго я никогда не видалъ...

Въ другой разъ онъ такъ увлекся, что сталъ было разсказывать о томъ, какъ медвѣдь его придушилъ и началъ имъ закусывать, но онъ будто бы во время нашелся, подалъ своему кровожадному врагу флягу съ водкой, тотъ захмелѣлъ и выпустилъ изъ своихъ могучихъ лапъ бѣдную жертву. Тогда Степановъ вскочилъ на ноги, поспѣшно вынулъ изъ кармана перочинный ножъ и распоролъ брюхо медвѣдю.

— Зачѣмъ же было пороть его, ты бы застрѣлить могъ. Вѣдь ружье-то при тебѣ было.

— При мнѣ, да переломано... Вотъ я и говорю, какъ иногда бываетъ полезно на охотѣ имѣть при себѣ водку и колбасу...

— Зачѣмъ же колбасу-то?—удивились слушатели.

— На закуску.

— Такъ вѣдь она-то въ дѣлѣ съ медвѣдемъ была не причемъ...

— Нѣтъ, очень причемъ.

— Поясни.

— Извольте. Если бы я не взялъ съ собой колбасы на закуску, то не прихватилъ бы и ножа перочиннаго. Ножъ-то у меня спеціально для колбасы былъ взятъ...

Какъ-то въ уборной собралась группа актеровъ и о чемъ-то разговаривали. Между прочимъ, разговоръ коснулся одного общаго знакомаго, который не задолго до этого умеръ.

— Жаль бѣднягу,—сказалъ Самойловъ.—Не ожидалъ онъ такъ рано покинуть міръ...

— Всегда былъ здоровъ и веселъ, — замѣтилъ Яблочкинъ, — и вдругъ...

— Да, да, жаль бѣднаго...

На этотъ разговоръ входитъ въ уборную Степановъ и, услыхавъ фамилію знакомаго, какъ бы кстати замѣчаетъ:

— Ахъ, вы про него? Прелестный человѣкъ, душа-человѣкъ... Такой добрякъ, какихъ свѣтъ не создавалъ еще... Я у него третьяго дня вечеромъ былъ...

— Слышите, господа,—перебиваетъ его Самойловъ,—онъ былъ третьяго дня у него въ гостяхъ?

Всѣ присутствующіе расхохотались.

— Чего-жъ тутъ смѣшнаго?—обидѣлся Степановъ.

— Да какъ же не смѣяться надъ тобой: ты говоришь, былъ у него третьяго дня, а его недѣлю тому назадъ похоронили.

— Ну, такъ что-жъ?—хладнокровно отвѣтилъ Степановъ, быстро оправясь и найдя ловкій способъ оправданія. — Зачѣмъ вы меня перебили и не дали мнѣ договорить...

— Ну, ну?

— Прихожу я къ нему третьяго дня и звоню. Открываетъ мнѣ дверь горничная. Я спрашиваю ее: «баринъ дома?» Она отвѣчаетъ: «никакъ нѣтъ, — ихъ недѣлю тому назадъ похоронили». «Неужели?» воскликнулъ я съ горечью. Она прослезилась и сказала: «Да». Меня это крайне взволновало, и я печально пошелъ домой.

Вообще Степановъ былъ увертливъ и находчиво выходилъ изъ разныхъ неудобныхъ положеній, въ которыя онъ ставилъ себя по собственному желанію. Онъ никогда, бывало, не смутится, какими бы неотразимыми доводами его ни обличали, а наоборотъ, какъ нибудь такъ поведетъ разговоръ, что самъ обличитель смутится и чуть не сознается въ мнимой оплошности. Эта черта его характера придавала ему оригинальность и выдѣляла изъ ряда обыкновенныхъ лжецовъ по призванію.

Въ іюнѣ 1865 года я лишился жены, скончавшейся внезапно, во время моихъ гастролей въ Рыбинскѣ у Смирнова. Оставивъ ее въ Петербургѣ бодрой и совершенно здоровой, я, по полученіи изъ дома телеграммы, извѣщавшей объ ея смерти, былъ такъ ошеломленъ неожиданностью, что сразу даже не хотѣлъ вѣрить совершившемуся факту, приписывая телеграмму неблагородной шуткѣ какого нибудь столичнаго «благопріятеля». Но роковая дѣйствительность обнаружилась тотчасъ же переговоромъ черезъ телеграфъ съ дѣтьми. Разумѣется, я моментально собрался къ отъѣзду въ Петербургъ, но ко мнѣ на квартиру явился Смирновъ и категорически заявилъ, что не отпускаетъ меня.

— Да, потому что да... Вы должны еще три спектакля отыграть...

— Какіе теперь спектакли! Не до нихъ...

— У насъ съ вами условіе...

— При такихъ обстоятельствахъ оно имѣетъ маловажное значеніе...

— Да, потому что да... меня не касается смерть вашей жены. Вотъ если бы вы сами умерли, тогда бы, пожалуй, условіе нарушилось, а теперь нѣтъ... Да, потому что да... Лучше не собирайтесь,—я крикну «караулъ», прибѣжитъ полиція и васъ арестуютъ.. Да, потому что да... вѣдь это дневной грабежъ...

— Чего вы волнуетесь? Успокойтесь! Если хотите, послѣ похоронъ я пріѣду къ вамъ на три спектакля?

— Обдуете!

— Да когда же я васъ обманывалъ?

— Да, потому что да... послѣ похоронъ-то, я знаю, некогда будетъ... Играйте-ка теперь...

— Урву недѣлю и пріѣду.

— Не согласенъ!.. Да, потому что да... Отыграйте три спектакля и тогда куда хотите дѣвайтесь...

— Ну, ужъ если на зло пошло, то знайте, что играть не стану, условія не признаю и послѣ похоронъ не пріѣду...

— А я «караулъ» закричу.

— Кричите.

— Исправника приволоку,—плоше будетъ...

— Меня никто задержать не смѣетъ.

— Почему?

— Потому что я человѣкъ вольный, а если вамъ угодно искать съ меня убытки, то это можете въ гражданскомъ порядкѣ черезъ судъ.

— Ага! могу!.. Да, потому что да... Пожалуй, уѣзжайте, только отдайте хоть убытки теперь...

— Э! Такъ вотъ вы куда гнули?! Прощайте!

Этимъ я прикончилъ всякія отношенія со Смирновымъ и уѣхалъ въ Петербургъ.

На моихъ рукахъ осталось восемь человѣкъ дѣтей. Мнѣ было трудно съ ними справляться. Въ томъ же году, въ сентябрѣ я женился на Клавдіи Ивановнѣ Дмитріевой.

XVI.

Ю. Н. Линская. — Ея судьба. — П. И. Зубровъ. — Его сломанныя ноги.

Юлія Николаевна Линская во все время своей службы на императорской сценѣ пользовалась громаднымъ и вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ. Съ ея смерти прошло уже двадцать лѣтъ, а ея амплуа остается до сихъ поръ не замѣщеннымъ, — вотъ какая была она актриса. Въ бытовыхъ роляхъ Линская осталась безъ подражательницъ; комическія роли ею передавались съ художественною правдою, безъ малѣйшей утрировки; купчихи-самодурки, свахи, въ ея исполненіи выходили законченными типами, прямо выхваченными изъ жизни.

Линская училась у знаменитаго въ свое время князя Шаховскаго, который со свойственнымъ ему увлеченіемъ ошибся въ ея истинномъ призваніи и готовилъ ее на сильно-драматическія роли. Она дебютировала очень молоденькой, осенью 1841 года, въ пьесѣ Полеваго «Параша Сибирячка» и тогда же обратила на себя вниманіе людей, понимающихъ искусство, но долго не выдвигалась впередъ, пока не удалось ей сыграть комическую роль старой дѣвы въ водевилѣ «Въ людяхъ ангелъ—не жена». Тутъ только выяснилось ея настоящее амплуа, и она стала появляться въ тѣхъ роляхъ, въ которыхъ уже не имѣла соперницъ. Впрочемъ, слава Линской образовалась только въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, въ сороковыхъ же она только пользовалась успѣхомъ, потому что въ то время не всѣ хорошія роли попадались исключительно ей, а дѣлились на нѣсколько претендентокъ, болѣе заслуженныхъ... разумѣется, по возросту, а не по дарованію.

Въ 1851 году Юлія Николаевна вышла замужъ за извѣстнаго петербургскаго милліонера Громова и покинула сцену. Ея отсутствіе не было не замѣтно, хотя такъ же и не было очень ощутительно, такъ какъ Линская имѣла репертуаръ все еще ограниченный. Черезъ четыре года, то-есть въ 1854 году, она снова поступила въ составъ нашей труппы. Разумѣется, не ради денегъ пошла она снова на сцену, а изъ непреодолимой любви къ искусству. Въ деньгахъ она не могла знать нужды: у нея, какъ говорятъ, ихъ куры не клевали, а скука и однообразіе семейной жизни въ замкнутомъ ветхозавѣтномъ домѣ принудили ее вновь отдаться театру. Конечно, поступленіе на сцену для нея было сопряжено съ большими затрудненіями, но Линская ихъ всѣ благополучно преодолѣла. Вся родня мужа, во главѣ со строгою свекровью, женщиною стараго, какъ выражаются, закала, придерживавшейся старой вѣры, была противъ того, чтобы ихъ родственница, жена именитаго купца,

«играла комедь передъ людьми всякаго сословія», но Юлія Николаевна сумѣла такъ расположить къ себѣ всѣхъ и вся, что ей, «по размышленіи здравомъ», было разрѣшено вновь вступить на скользкіе подмостки сцены.

— Это бѣсовское навожденіе,—сказала свекровь,—ну, да Богъ съ тобой, дѣлай что хочешь, только въ домъ актерщиковъ не води... Ну, ихъ! Я и тебя-то не хотѣла къ намъ принимать, да ты такая хорошая оказалась...

На этотъ разъ Линская попала прямо на свое амплуа и съ перваго же выхода стала пользоваться выдающимся успѣхомъ. Четырехлѣтнее пребываніе въ купеческой средѣ послужило цѣннымъ матеріаломъ для талантливой артистки, подмѣчавшей и изучавшей типы столичныхъ дикарей, которые такъ рельефно олицетворены Островскимъ въ его картинахъ темнаго царства. Для пьесъ этого драматурга она была одною изъ лучшихъ исполнительницъ, усвоивавшихъ и отчетливо понимавшихъ выдающагося автора.

Вскорѣ умеръ ея мужъ. Она оказалась наслѣдницею его богатствъ, которыя, впрочемъ, впродолженіе очень немногихъ лѣтъ изчезли у нея безъ слѣда. Линская была необыкновенно добрая, и ея добротой злоупотребляли всѣ и каждый. Недобросовѣстные люди корыстно ухаживали за ней и выманивали, въ видѣ подарковъ, цѣнности и деньги.

— Ахъ, Юлія Николаевна! Какая у васъ хорошенькая брошка?— стоило, бывало, сказать Линской одной «изъ подругъ», какъ она отвѣчаетъ:

— А вамъ она нравится?

— Еще бы! Это роскошь!

— Ну, такъ возьмите ее себѣ...

— Ахъ, что вы, что вы! — откажется для виду подруга. — Не надо! Съ какой стати! Эта вещь очень дорогая!...

— Возьмите! У меня есть другая, почти такая же...

— Нѣтъ, ни за что не возьму...

— Я на васъ обижусь!

— Ну, ужъ если вы такъ, то... давайте! Но я непремѣнно васъ отдарю...

— Ну, вотъ еще пустяки!

И, разумѣется, тѣмъ дѣло кончалось. Никакихъ отдариваній никогда не было.

— Юлія Николаевна! Я въ страшной крайности...

— Ахъ, неужели?

— Предстоитъ опись имущества... и долженъ-то я гроши въ сущности...

— Вы не допускайте до описи... Какъ же это можно... У васъ, кажется, дѣти...

— И радъ бы не допустить, да выплатить долга нечѣмъ...

— У меня займите... Я васъ выручу... Вамъ сколько надо? Говорите, не стѣсняйтесь.

— Триста рублей.

— Ну, хорошо, завтра на репетицію привезу.

И такихъ просителей у нея было ежедневно по нѣсколько человѣкъ. Она раздавала деньги безъ счету и ни съ кого не получала долговъ. А если, бывало, и найдется человѣкъ съ честными правилами и, поправясь обстоятельствами, вздумаетъ возвратить ей долгъ, она наотрѣзъ получить его отказывалась.

— И охота вамъ помнить!... Потомъ когда нибудь отдадите...

— Зачѣмъ же потомъ? Я теперь располагаю деньгами и считаю своею нравственною обязанностью возвратить вамъ ту сумму, которой вы меня выручили тогда-то...

— Спрячьте ихъ, спрячьте! На черный день пригодятся...

Она всѣмъ напоминала черный день, а сама о существованіи такого не помнила. Юлія Николаевна полагала, что ея богатству не будетъ конца, а между тѣмъ конецъ былъ не за горами. Деньги истощались съ неимовѣрною быстротою. Къ тому же случилось ей увлечься нѣкіимъ красивымъ юношей А. и уже въ почтенномъ возростѣ выдти за него замужъ. Это была роковая ошибка Линской... Деньги проживались съ удвоенной быстротой, у супруга всплывали долги, которые покрывались послѣдними крохами этой доброй женщины, и, въ концѣ концовъ, она осталась буквально безъ всего... Семейныя огорченія и разстройство матеріальныхъ средствъ подломили ея здоровье, и весною 1871 года она скончалась въ нищетѣ. Но вѣдь она получала жалованье?—возразятъ мнѣ.—Да, получала, но оно все цѣликомъ уходило на выплату долговъ, чужихъ долговъ. Она послѣдніе мѣсяцы доживала до того, что ей нечего было ѣсть. Ея безчисленные должники объ этомъ хорошо знали, и никто не подалъ ей руку помощи. Ей не на что было купить лекарства, старые друзья великодушно подавали ей рубли... Боже! Неужели это только такъ бываетъ за кулисами?!.. Бывшую милліонершу хоронили по подпискѣ... Это ли не плачевная судьба?...

Говоря про неудачи одной, кстати вспоминаю о неудачахъ другаго. Этотъ другой — Петръ Ивановичъ Зубровъ, у котораго подъ конецъ жизни «вышла линія на поломку ногъ». Петръ Ивановичъ былъ очень хорошимъ актеромъ, всѣ мы его любили за умъ, веселость и простоту. Онъ былъ крайне покладистымъ, незлобивымъ и добрымъ. У него было нѣсколько своеобразныхъ, оригинальныхъ чертъ въ характерѣ, но онѣ не всякому бросались въ глаза, ихъ знали только нѣкоторые, ближе знакомые съ Зубровымъ, почему о нихъ никогда не было разговоровъ и въ закулисные анекдоты онѣ не входили...

Петръ Ивановичъ питалъ большую пріязнь къ актеру Семенову. Они были всегда и вездѣ вмѣстѣ, за что ихъ прозвали даже «ая-

ксами». Однажды, въ свободный отъ спектакля вечеръ, Зубровъ съ своимъ другомъ отправились въ нѣмецкій клубъ. Время провели они тамъ очень весело: встрѣтились со знакомыми, учинили попойку и разбрелись по домамъ въ достаточно-нагруженномъ видѣ, то-есть въ такомъ, когда фантазія болѣе всего разыгрывается не въ пользу своего господина и ищетъ себѣ удовлетворенія въ совершенно безполезныхъ предпріятіяхъ, которыя обыкновенно должны служить доказательствомъ (кому—неизвѣстно) вмѣняемости субъекта.

— Извозчикъ!—крикнулъ было Семеновъ, выйдя изъ клуба, но Зубровъ его остановилъ.

— Не нужно,—сказалъ онъ,—погода превосходнѣйшая... Пройдемся пѣшкомъ...

— Тяжело вѣдь...

— Ну, вотъ еще выдумалъ! Да я хоть по половицѣ пройду и не покачнусь... Кромѣ того, эта прогулка насъ освѣжитъ, и мы завтра не почувствуемъ сегодняшней выпивки.

— Ну, пойдемъ, пожалуй...

Мирно бесѣдуя, дошли они до Сѣнной площади, среди которой надъ Петромъ Ивановичемъ разразилась катастрофа. Онъ поскользнулся и такъ неудачно упалъ, что сломалъ себѣ правую ногу. Семеновъ сокрушенно покачалъ головой и произнесъ укоризненнымъ тономъ:

— Вотъ говорилъ я тебѣ: поѣдемъ да поѣдемъ, а ты: нѣтъ да нѣтъ, ну, вотъ и ори теперь...

— Судьба!—простоналъ Зубровъ.—Все судьба...

— Оно точно, а всетаки извозчика-то взять придется...

— Бери, скорѣй только...

Семенова вдругъ обуяли матеріальные расчеты, и онъ не безъ сердца сказалъ:

— И отсюда извозчикъ беретъ четвертакъ и отъ клуба взялъ бы не больше, а пѣшкомъ-то мы сколько продрали?.. Ты вотъ всегда такъ...

Привезли Зуброва домой, моментально послали за докторомъ-операторомъ Барчемъ, который умѣлою рукою вправилъ кости, сдѣлалъ повязки и, кажется, черезъ мѣсяцъ выпустилъ его на сцену. Хотя Петръ Ивановичъ немного и прихрамывалъ, но играть всетаки могъ. Въ концѣ концовъ онъ совершенно поправился и о поломѣ ноги даже забылъ. Въ ту же зиму петербургская драматическая труппа устроила большой ужинъ въ ресторанѣ Донона, на Мойкѣ, въ честь гостившаго тогда въ столицѣ Александра Николаевича Островскаго. Ужинъ этотъ затянулся далеко за полночь и имѣлъ симпатичный товарищескій характеръ. Только что мы встали изъ-за стола, какъ намъ сообщили, что неподалеку отъ ресторана пожаръ. Нѣсколько человѣкъ изъ компаніи, въ томъ числѣ я и Яблочкинъ, отправились на мѣсто печальнаго зрѣлища. Часа черезъ

да мы вернулись обратно къ Донону и наткнулись тоже на невеселую картину. Зубровъ лежалъ на диванѣ, а Барчъ что-то копошился около лѣвой ноги его. Всѣ участники ужина были встревожены и наперерывъ ухаживали за больнымъ.

— Что съ нимъ?—спросилъ я у кого-то изъ присутствующихъ.

— Опять нога треснула...

— Почему? какъ?

— Неловко упалъ.

— Что же ему помогло свалиться?

— Поспорилъ онъ о чемъ-то съ Бурдинымъ. Разговоръ завязался жаркій. Петръ Ивановичъ все шумѣлъ и налѣзалъ на своего опонента, тотъ его слегка оттолкнулъ, а онъ не устоялъ и растянулся во весь ростъ, да такъ нехорошо, что сломалъ ногу...

Пока возились съ Зубровымъ, стало разсвѣтать. Время было подъ утро. Послали въ какую-то больницу за носилками, на которыя положили Петра Ивановича и отправили съ наемными мужиками домой. Другъ его, Семеновъ, взялъ сапогъ, снятый съ больной ноги Зуброва, и торжественно понесъ его передъ носилками. Нужно замѣтить, что Семеновъ былъ нѣсколько навеселѣ и потому свои дѣйствія не подчинялъ разсудку. Многіе изъ насъ, ужинавшихъ, пошли за носилками проводить до дому товарища, во-первыхъ, чтобы смягчить впечатлѣніе его домашнихъ, которые при видѣ необыкновенной ноши вообразили бы что нибудь ужасное, и, во-вторыхъ, для предупрежденія какихъ либо недоразумѣній, возможныхъ въ дорогѣ, въ особенности же съ такимъ ненадежнымъ проводникомъ, какъ Семеновъ.

Встрѣчавшіеся намъ прохожіе съ соболѣзнованіемъ смотрѣли на нашу процессію, а многіе даже религіозно осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ, предполагая въ Зубровѣ покойника. На Невскомъ проспектѣ какая-то убогая старуха обратилась къ Семенову съ вопросомъ:

— Кого это, батюшка, хоронятъ?

— Того, бабушка, который на носилкахъ лежитъ...

— Экій ты не суразный! Я про то, кто онъ, примѣрно, будетъ?

— Актеръ Зубровъ, бабушка.

— Ну, царство ему небесное!

Петръ Ивановичъ не выдержалъ. Слегка приподнялся онъ и крикнулъ:

— Вретъ онъ, разбойникъ,—я живъ!

— Ай!—взвизгнула старуха и опрометью бросилась бѣжать въ противоположную сторону.

На этотъ разъ онъ долго вылежалъ въ постели, а когда всталъ, то принужденъ былъ ходить на костыляхъ. Это удручало его страшнѣйшимъ образомъ.

— Конецъ, всему конецъ! — повторялъ онъ, оплакивая свое прошлое. — Что я теперь? Кто? Калѣка, кандидатъ въ богадѣльню... Нѣтъ, не придется ужъ болѣе мнѣ играть! Моя пѣсенка спѣта...

Мы исправно его навѣщали, въ особенности же часто бывалъ у него неизмѣнный Семеновъ, который однажды съ тревожнымъ видомъ вбѣгаетъ въ уборную Каратыгина, передъ самымъ началомъ спектакля, и громогласно сообщаетъ:

— Съ Петромъ Ивановичемъ опять несчастье!

— Что? Что такое?

— Еще ногу сломалъ...

— Третью? — съ непритворнымъ ужасомъ воскликнулъ Петръ Андреевичъ.

— Ахъ, нѣтъ, первую,—живо отвѣтилъ Семеновъ, — только въ новомъ мѣстѣ...

Въ квартирѣ Зуброва было нѣсколько ступенекъ изъ одной комнаты въ другую, при переходѣ по нимъ онъ какъ-то неловко зацѣпилъ костылемъ за косякъ двери и упалъ. Нога переломилась въ новомъ мѣстѣ, и онъ окончательно слегъ въ постель, съ которой уже и не вставалъ до самой смерти, случившейся въ 1873 году.

XVII.

Театральные юбилеи.—Анекдоты про Сосницкаго и Самойлова.—Остроты Каратыгина.

При мнѣ справлялось четыре большихъ юбилея: Ивана Ивановича Сосницкаго за 50 и 60 лѣтъ службы, Петра Андреевича Каратыгина — за 50 лѣтъ и Василія Васильевича Самойлова — за 40 лѣтъ.

Пятидесятилѣтній юбилей Сосницкаго прошелъ безъ особенной торжественности, но за то шестидесятилѣтній, пришедшійся на святой недѣли [1]), отпразднованъ былъ блестящимъ образомъ.

Александринскій театръ былъ переполненъ изысканною публикой. Все высшее общество было на лицѣ. Государь Александръ Николаевичъ, окруженный многими членами императорской фамиліи, присутствовалъ въ большой царской ложѣ. Весь театральный и литературный Петербургъ сосредоточился въ этомъ достопамятномъ вечерѣ въ стѣнахъ Александринки.

Ветерана русской драмы публика встрѣтила съ энтузіазмомъ. Растроганный старикъ плакалъ и долго не могъ начать втораго дѣйствія «Ревизора», въ которомъ онъ игралъ городничаго.

---

[1]) 1-го апрѣля 1871 г. Прим. М. Ш.

Отрывокъ «Ревизора» на юбилейномъ спектаклѣ имѣлъ немаловажное значеніе, такъ какъ ровно за тридцать пять лѣтъ [1]) до того Иванъ Ивановичъ въ Александринскомъ же театрѣ исполнялъ роль Сквозника-Дмухановскаго при первомъ появленіи на сценѣ этой знаменитой комедіи Гоголя. Говорятъ, что по волѣ самого автора ему поручена была эта роль, съ которой онъ не разставался до самой смерти. Программа перваго представленія «Ревизора», какъ дорогая память минувшаго, сохранялась у Сосницкаго. Роли распредѣлены были такъ: городничій—Сосницкій, его жена—Сосницкая, дочь—Асенкова младшая, Хлоповъ—Хотяинцовъ судья—Григорьевъ, Земляника—Толченовъ, почтмейстеръ—Рославскій, Добчинскій—Крамолей, Бобчинскій—Петровъ [2]), Хлестаковъ—Дюръ, Осипъ—Аѳанасьевъ, Держиморда—воспитанникъ Ахалинъ, Мишка—воспитанникъ Марковецкій.

— Хорошо прежде играли «Ревизора», — говаривалъ Сосницкій,—теперь такъ его не разыграть.

— Почему?

— Потому что публика по другому настроена была. Въ тѣ-то времена эта комедія каждаго за живое хватала да на мысли наводила, а теперь-то только ради зубоскальства ее смотрѣть идутъ!

На юбилейномъ спектаклѣ шелъ только одинъ второй актъ, — одряхлѣвшему Сосницкому уже не подъ силу было сыграть всю комедію. Да и въ одномъ-то этомъ актѣ онъ путался и мѣшался, не взирая на то, что Сквозника могъ бы играть безъ суфлера: такъ сильно врѣзалась въ его память эта роль.

Въ сценѣ встрѣчи городничаго съ Хлестаковымъ, Сосницкій послѣ словъ: «извините, я, право, не виноватъ. На рынкѣ у меня говядина всегда хорошая. Привозятъ холмогорскіе купцы, люди трезвые и поведенія хорошаго»,—ни съ того, ни съ сего, сказалъ, обводя глазами потолокъ:

— Течь?

— Что?—неудомѣвающе обратился къ нему Хлестаковъ.

— Я спрашиваю, почему у васъ течь?

Публика разсмѣялась и живо вообразила себѣ фигуру начальника отдѣленія изъ сценки Щигрова «Помолвка въ Галерной гавани». Иванъ Ивановичъ забылся и началъ подавать реплики изъ этого водевиля, почему-то на пол-фразѣ вообразивъ, что онъ играетъ именно начальника отдѣленія, а не городничаго. Однако, онъ вскорѣ оправился, опять-таки незамѣтно для себя вошелъ въ роль Сквозника и окончилъ актъ благополучно.

Его юбилейный спектакль состоялъ изъ 2-го дѣйствія «Ревизора», одноактной комедіи И. С. Тургенева «Завтракъ у предво-

[1]) 22-го апрѣля 1836 г. Прим. М. Ш.

[2]) Оба въ то время воспитанники театральнаго училища.

дителя», 1-го дѣйствія оперы «Жизнь за Царя» и большаго разнохарактернаго дивертисемента, въ которомъ принялъ участіе балетъ. Этотъ сборный спектакль былъ вызванъ тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ труппы выразили желаніе непремѣнно участвовать въ шестидесятилѣтней годовщинѣ одного изъ талантливѣйшихъ представителей русской сцены.

Передъ началомъ спектакля юбиляръ былъ поздравленъ съ высочайшею милостію, и ему вручены были брилліанты на медаль, пожалованную ему въ день пятидесятилѣтняго его юбилея.

Въ одинъ изъ антрактовъ, императоръ Александръ Николаевичъ, зайдя на сцену, прошелъ въ уборную къ Сосницкому и велъ съ нимъ продолжительную бесѣду. Польщенный монаршимъ вниманіемъ, старикъ разрыдался и не могъ отвѣчать на вопросы государя.

— Ну, прощай!—сказалъ въ заключеніе императоръ.—Поговоримъ въ другой разъ на свободѣ...

Выйдя изъ уборной, Александръ Николаевичъ подошелъ къ группѣ актеровъ, ожидавшихъ его появленія.

— Старъ онъ у насъ! Нужно его беречь и холить... Да и вы, старики, себя берегите,—обратился онъ къ Каратыгину, Григорьеву и другимъ.—Я васъ, стариковъ, люблю и никогда не забуду.

Милостивыя слова государя произвели впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ. Императоръ въ то время долго пробылъ за кулисами и многихъ удостоилъ своимъ разговоромъ.

Осенью того же 1871 года Иванъ Ивановичъ выступилъ послѣдній разъ въ комедіи Минаева «Либералъ». Это была его лебединая пѣсня. Вскорѣ онъ слегъ въ постель и, послѣ трехмѣсячнаго постепеннаго угасанія, 24-го декабря вечеромъ скончался. Его кончину можно назвать кончиною праведника: онъ умеръ безъ болѣзни, страданія и агоніи.

Хоронили Сосницкаго скромно. Толпа, шествовавшая за его гробомъ въ Новодѣвичій монастырь, была не велика. Это былъ тѣсный кружокъ друзей и товарищей покойнаго.

На могилѣ его говорили рѣчи Н. А. Потѣхинъ и Ѳ. А. Бурдинъ. Послѣдній сказалъ краткое, но мѣткое слово:

«Дорогіе товарищи! Бросая послѣднюю горсть земли на эти драгоцѣнные останки артиста и человѣка, мы ничѣмъ инымъ не можемъ почтить память Ивана Ивановича Сосницкаго, какъ тѣмъ, если будемъ стараться подражать ему, какъ артисту и какъ человѣку».

Въ послѣдніе годы жизни, на восьмомъ десяткѣ лѣтъ, Иванъ Ивановичъ примѣтно одряхлѣлъ, но ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ считать себя старикомъ. Онъ бодрился и не прочь былъ отъ ролей, требующихъ исполнителя среднихъ лѣтъ. Въ свои почтенные годы онъ смѣло могъ бы играть стариковъ безъ грима,

такъ какъ и по фигурѣ и по лицу, изборожденному многочисленными морщинами, это былъ человѣкъ «древняго вида». Между тѣмъ онъ всегда старательно и долго гримировался, затушевывалъ свои собственныя морщины и выводилъ суриковымъ карандашомъ новыя. Разрисуетъ, бывало, себя самымъ неимовѣрнымъ образомъ, надѣнетъ на свою лысую голову плѣшивый парикъ и любуется собой передъ зеркаломъ вплоть до выхода.

Однажды подошла къ нему покойная артистка Громова и спросила:

— Иванъ Ивановичъ, съ чего это ты лице-то измазалъ? Все оно у тебя въ какихъ-то рубцахъ вышло...

— Дура! — не безъ сердца отвѣтилъ Сосницкій. — Развѣ не знаешь, что я старика играю?

Сосницкій плохо запоминалъ имена, фамиліи и числа. Онъ все, бывало, перепутывалъ и никогда не могъ ничего передать слушателю въ послѣдовательномъ порядкѣ. Въ обыденномъ разговорѣ онъ перепархивалъ съ предмета на предметъ безъ всякой логики и системы. Подойдетъ къ кому нибудь и заговоритъ:

— Вчера я немного гулялъ по Фонтанкѣ утромъ для моціона и встрѣтилъ у моста... у того моста... какъ его...

— Аничкинъ?—помогаетъ собесѣдникъ.

— Нѣтъ... ну, каменный еще...

— Да на Фонтанкѣ всѣ каменные...

— Теперь вотъ каменные, а я помню ихъ деревянными... Вотъ, батенька, времячко-то было: говядина стоила грошъ, хлѣбъ—грошъ, водка—грошъ, вся жизнь—грошъ... Бывало, извозчику-то дашь гривну, такъ онъ тебя везетъ—везетъ... Пріѣдешь къ Ивану, кажется, Петровичу... ахъ, фамилію забылъ... ну, какъ его... Ну, у него еще зять въ коллегіи служилъ... а у зятя отецъ сенатскимъ столоначальникомъ былъ... ну, какъ его... ахъ, Боже мой, неужели не знаете?

— Нѣтъ, не знаю...

— Жена у него такая полная дама, съ просѣдью... и у ней восемь человѣкъ дѣтей было разнаго возроста... Ну, какъ его... ахъ, Господи! Опять забылъ, надняхъ еще какъ-то припоминалъ его... Ну, тотъ самый, у котораго свояченица съ офицеромъ сбѣжала... ну, какъ его... она была хорошенькая, черненькая, съ большими глазами... Еще жилъ онъ на Петербургской сторонѣ, въ Гулярной улицѣ... да, ну, какъ же...

— Да, Богъ съ нимъ, Иванъ Ивановичъ, — не въ имени дѣло...

— Вотъ хорошій-то человѣкъ былъ! Прелесть! Хлѣбосолъ страшный...

Кто нибудь отвлечетъ Сосницкаго отъ этой бесѣды, и онъ преспокойно ее прекратитъ. Потомъ черезъ часъ или полтора подбѣжитъ онъ къ бывшему собесѣднику и торжественно объявляетъ:

— Уржумовъ!

— Что такое?—недоумѣвая, переспрашиваетъ тотъ.

— Припомнилъ, припомнилъ...

— О чемъ, про что?

— Ивана-то Петровича фамилія Уржумовъ.

— Какого Ивана Петровича?

— Да вотъ про котораго я вамъ давеча-то говорилъ...

Такія неожиданности у Сосницкаго случались довольно часто. Иногда онъ подлеталъ съ какимъ нибудь односложнымъ словомъ, что либо разъясняющимъ, черезъ недѣлю послѣ того, какъ велъ разговоръ, и весьма удивлялся, если знакомый успѣлъ уже забыть какой нибудь его совсѣмъ неинтересный разсказъ.

При упоминаніи о медали, данной Сосницкому, кстати припоминается В. В. Самойловъ, которому въ 40-лѣтній юбилей была тоже пожалована медаль. Припоминается онъ потому, что на него монаршая милость произвела впечатлѣніе далеко не такое, какъ на Сосницкаго. Иванъ Ивановичъ принялъ подарокъ государя съ благоговѣніемъ, онъ былъ въ восторгѣ отъ него и часто съ гордостью упоминалъ о «заслуженной имъ регаліи». Самойловъ же, наоборотъ, равнодушно ее принялъ и, кажется, никогда не надѣвалъ ее. Я помню, какъ подали медаль Сосницкому: онъ заплакалъ и поцѣловалъ ее.

— Не даромъ трудился я, не даромъ,—радостно сказалъ онъ,—самимъ императоромъ почтенъ и отмѣченъ.

Присутствующій при этомъ Каратыгинъ замѣтилъ:

— За Богомъ—молитва, а за царемъ—служба не пропадаетъ...

— Да, да... это ты вѣрно...

Самойлову медаль поднесена была управлявшимъ тогда театрами барономъ Кюстеромъ передъ началомъ юбилейнаго спектакля.

— Поздравляю съ монаршею милостью!—сказалъ Кюстеръ.

Василій Васильевичъ молча взялъ футляръ изъ рукъ директора и положилъ на столъ.

Такое равнодушіе артиста смутило барона, и онъ замѣтилъ Самойлову:

— Вы бы надѣли ее!

— Я знаю, что мнѣ съ ней дѣлать!

Видя, что юбиляръ не въ духѣ, баронъ поспѣшилъ ретироваться, а Самойловъ такъ и не дотронулся до царскаго подарка. Брилліантовый значекъ отъ публики онъ носилъ постоянно, этой же медали я никогда на немъ не видывалъ...

Василій Васильевичъ вообще былъ грубъ и заносчивъ. Даже шутки и остроты его всегда отзывались дерзостью, глубоко оскорблявшей того, на кого онѣ направлялись. Его манера обращенія со всѣми была важная и гордая, онъ постоянно держалъ себя неприступнымъ и ни къ кому изъ закулисныхъ товарищей не пи-

тагъ особенной пріязни: для него всѣ одинаково были ничтожны и недостойны его вниманія. Такое страшное самолюбіе и такое громадное почтеніе къ самому себѣ развила въ немъ чрезмѣрная похвала публики. Разумѣется, не на всѣхъ такъ дѣйствуютъ успѣхи, но для такихъ, какъ Самойловъ, эгоистичныхъ и до болѣзненности самомнящихъ, они являются положительнымъ зломъ, коверкающимъ нравы окружающей среды и разрушающимъ добрыя товарищескія отношенія цѣлой корпораціи...

Вотъ образцы остротъ Василія Васильевича.

Капельмейстеръ Александринскаго театра Викторъ Матвѣевичъ Кажинскій въ какомъ-то жаркомъ разговорѣ съ Самойловымъ сказалъ:

— Клянусь тебѣ честью!

— Чѣмъ ты мнѣ клянешься? — насмѣшливо переспросилъ Василій Васильевичъ.

— Честью.

— Да развѣ у васъ, поляковъ, есть честь?

Кажинскій вспыхнулъ:

— Даже больше, больше чѣмъ слѣдуетъ есть: порасчесть, такъ на васъ, русскихъ, хватитъ...

— Какъ же честь у васъ, попольски, зовется?

— Гоноръ.

— Ну, вотъ тебѣ и доказательство. Гоноръ—слово латинское, самобытнаго же польскаго слова вы не имѣете... «Честь» у васъ чужая, а своей собственной нѣтъ...

Режиссеръ Куликовъ, выходя какъ-то съ репетиціи вмѣстѣ съ Самойловымъ, съ которымъ одно время онъ былъ въ сильно натянутыхъ отношеніяхъ, обратилъ вниманіе на «собственный» экипажъ, стоявшій вмѣстѣ съ казенными каретами.

— Чей это?—обратился Николай Ивановичъ къ капельдинеру.

— Господина Самойлова,—отвѣтилъ тотъ.

— Вотъ какъ! Лошадокъ завели!—иронически сквозь зубы процѣдилъ Куликовъ.

— Да-съ, мой! — задорно отозвался Василій Васильевичъ, до слуха котораго долетѣли слова режиссера. — А вамъ что за дѣло?

— Такъ, кстати... Какъ будто вамъ не къ лицу въ собственныхъ экипажахъ разъѣзжать.

— Значитъ, такъ же какъ и вамъ не къ лицу свободно разгуливать.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— То, что вамъ не къ лицу ходить безъ кандаловъ.

Вскорѣ послѣ своей отставки, Василій Васильевичъ встрѣтился въ клубѣ художниковъ съ актеромъ N., который въ нѣкоторыхъ роляхъ пытался замѣнить его, но, разумѣется, безуспѣшно.

— Какъ живете?—спросилъ Самойловъ.

— Грустимъ,—отвѣтилъ N.

— Что такъ?

— Ваша отставка произвела на всѣхъ насъ удручающее впечатлѣніе.

— Ну? Будто бы?

— Честное слово! Вся сцена по васъ грустить...

— Ахъ, передайте сценѣ, что я тоже грущу за нее, потому что на ней остались вы!

Самойловъ почему-то терпѣть не могъ литераторовъ. Одинъ только недавно умершій Дм. Дм. Минаевъ пользовался его симпатіей.

— Ну, этотъ еще ничего!—говорилъ про него Василій Васильевичъ. — Это человѣкъ большаго ума и дарованія, кромѣ того, я люблю его за хорошій нравъ, а остальные всѣ ничтожные люди...

Когда его просили принять участіе въ вечерѣ, устроиваемомъ въ пользу «литературнаго фонда», онъ раскричался:

— Ни за что! Чтобы я сталъ участвовать для этихъ разбойниковъ,—никогда!... Лучше и не просите, пальцемъ не пошевельну для литературныхъ людишекъ... Видѣть не могу я этихъ писакъ противныхъ...

Въ силу чего Самойловъ питалъ такую ненависть къ представителямъ литературы,—рѣшить довольно трудно. Во все время его сценической дѣятельности писатели были самыми искренними его поклонниками, газеты и журналы постоянно отзывались о немъ съ энтузіазмомъ, драматурги подлаживались подъ его тонъ и дѣлали въ своихъ пьесахъ угодныя ему роли,—все это, повидимому, должно было бы служить прочнымъ фундаментомъ дружбы его съ литераторами, между тѣмъ, онъ ненавидѣлъ ихъ всей душой. Что бы это значило, для меня осталось тайной...

Часто упоминая въ своихъ воспоминаніяхъ имя своего учителя и товарища Петра Андреевича Каратыгина, я ничего не сказалъ о немъ, какъ о человѣкѣ. Это былъ замѣчательный добрякъ, всѣми любимый и уважаемый товарищъ. Его всѣ безконечно любили и, вмѣстѣ съ тѣмъ, побаивались попасть ему «на зубъ». Онъ стяжалъ себѣ славу незауряднаго остряка и каламбуриста. Петръ Андреевичъ былъ необычайно веселый и интересный собесѣдникъ; какъ бы ни было велико общество, но онъ всегда завладѣвалъ всеобщимъ вниманіемъ и составлялъ центръ. Въ немъ заключалось нѣсколько дарованій: онъ былъ хорошій актеръ, прекрасный водевилистъ (оригинальныхъ и переводныхъ пьесъ у него около сотни), не дурный стихотворецъ, искусный художникъ и превосходный преподаватель драматическаго искусства. Его бойкіе экспромты и мѣткія эпиграммы памятны многимъ до сихъ поръ.

Однажды на завтракѣ у генерала Челищева, когда подали заливнаго поросенка, Петръ Андреевичъ сказалъ:

«Ты славно сдѣлалъ милый мой,
«Что въ ранней юности скончался,
«А то бы выросъ ты большой
«И той же-бъ участи дождался».

Молоденькая Асенкова, исполняя роль мальчика-полковника въ водевилѣ «Полковникъ старыхъ временъ», на репетиціи по ходу пьесы вынула изъ ноженъ саблю и сдѣлала ею честь.

— Что вы дѣлаете?—спросилъ ее Каратыгинъ.

— Честь отдаю.

— А что же у васъ останется?

Какъ-то назначены были въ одинъ спектакль двѣ пьесы. Одна Полеваго драма «Купецъ Иголкинъ», другая Каратыгина—водевиль «Архиваріусъ». По объявленному порядку спектакля сначала долженъ былъ идти «Иголкинъ», въ которомъ одну изъ большихъ ролей игралъ актеръ Борецкій, опоздавшій къ семи часамъ, то-есть къ началу представленія. Нужно было поднимать занавѣсъ, а дѣйствующаго лица нѣтъ. Режиссеръ Куликовъ метался въ отчаяніи по сценѣ и не зналъ, кѣмъ замѣнить неисполнительнаго актера.

— Чего ты сокрушаешься? — спросилъ его Петръ Андреевичъ.

— Да какъ же, пять минутъ восьмаго, а спектакля нельзя начинать.

— Будемъ раньше играть «Архиваріуса»?

— Никакъ невозможно, по афишѣ сначала «Иголкинъ».

— Пустяки! Публика не пойметъ...

— Какъ не пойметъ?

— Да такъ: при открытіи занавѣса я сшиваю бумаги иголкой, — зрители и подумаютъ, что это и есть иносказательный Иголкинъ.

Трагедія графа А. К. Толстого «Смерть Іоанна Грознаго» долгое время держалась въ репертуарѣ Александринскаго театра и давала хорошіе сборы. Разумѣется, успѣхъ ея слѣдуетъ приписать не артистическому исполненію, а литературности произведенія, вѣрной обрисовкѣ жизни отдаленнаго отъ насъ времени и даже аксессуарамъ, которые дѣйствительно были художественны и выдерживали строгій стиль эпохи Грознаго.

Когда пріѣзжалъ гастролировать въ Петербургъ московскій премьеръ Шумскій и когда онъ сыгралъ Іоанна Грознаго въ трагедіи графа Толстого, Петръ Андреевичъ сказалъ:

— Не счастливится графу Алексѣю Константиновичу...

— А что?—кто-то спросилъ его.

— Да какъ же: въ его произведеніи мы видѣли Павла Васильевича, Василія Васильевича и Сергѣя Васильевича,—намекнулъ онъ на Васильева, Самойлова и Шумскаго, исполнявшихъ главную роль въ трагедіи,—а Ивана Васильевича (Грознаго) не видали.

Репетировали какую-то отчаянно-скучную пьесу. Къ третьему дѣйствію долженъ былъ пріѣхать Монаховъ, въ ней участвующій, но подошло время репетиціи третьяго акта, а его нѣтъ, какъ нѣтъ.

— Не пріѣхалъ?—спрашиваетъ режиссеръ Вороновъ у капельдинера, завѣдующаго «отвозомъ» и «привозомъ» артистовъ.

— Карета за ними послана.

— А возвратилась ли она?

— Должна давно здѣсь быть.

— Поди, узнай.

Возвращается капельдинеръ обратно и заявляетъ:

— Г. Монаховъ пріѣхали.

— Да гдѣ же онъ?

— Не могу знать, но кучеръ говоритъ, что привезъ.

— Иди и ищи.

Обѣжалъ капельдинеръ всѣ уборныя — нѣтъ, заглянулъ въ режиссерскую—тоже, ни въ бутафорской, ни въ костюмерной тоже его не было.

— Нигдѣ не нашелъ.

— Дѣлать нечего, господа, будемъ репетировать безъ него,— сказалъ режиссеръ,—а Ипполита Ивановича подвергнуть штрафу.

По окончаніи репетиціи, всѣ участвующіе вышли къ подъѣзду и стали разсаживаться по каретамъ. Вдругъ кто-то испуганно вскрикиваетъ.

— Что такое?

— Кто-то въ каретѣ спитъ.

Подошли, взглянули—Монаховъ. Разбудили [1]).

— Что это вы, Ипполитъ Ивановичъ?

— А ужъ развѣ пріѣхали?

— Давно.

Петръ Андреевичъ подошелъ къ Монахову и сказалъ:

— Я не дивлюсь твоему безмятежному сну. Вѣроятно, ты въ каретѣ роль изъ новой пьесы училъ?!

Какъ-то представляютъ Каратыгину провинціальнаго актера, служившаго когда-то, но не долго, на казенной сценѣ:

— Вы, вѣроятно, его помните, какъ актера.

— О, да, я злопамятенъ,—отвѣтилъ Петръ Андреевичъ, сконфузивъ бѣднаго актера, имѣвшаго было намѣреніе просить его содѣйствія къ поступленію вторично на сцену императорскаго театра.

Когда праздновали пятидесятилѣтній юбилей Каратыгина, явилась въ его уборную депутація артистовъ, и одинъ изъ нихъ сказалъ прескучную рѣчь, преисполненную чрезмѣрной лестью, которой не терпѣлъ Петръ Андреевичъ никогда.

---

[1]) Монаховъ въ послѣдніе годы жизни предавался разгулу и на этотъ разъ онъ не былъ вмѣняемъ послѣ кутежа, совершеннаго наканунѣ.

Въ самомъ концѣ рѣчи Каратыгинъ прерываетъ оратора.

— Погодите, ради Бога погодите.

Всѣ на него удивленно глядятъ. Юбиляръ взбирается на стулъ и поспѣшно захлопываетъ отворенную форточку.

— Теперь продолжайте! Я и не замѣтилъ сначала, что вы говорили на вѣтеръ.

Въ уборной Каратыгина нѣкій актеръ С. расхвастался вновь пріобрѣтенными золотыми часами.

— Часики хорошенькіе,—замѣтилъ кто-то и спросилъ:— а цѣпочка мѣдная?

— Нѣтъ, тоже золотая. У меня ничего нѣтъ мѣднаго...

— А лобъ-то?—перебилъ его Петръ Андреевичъ.

Это только тысячная доля тѣхъ анекдотовъ про Каратыгина, которыя извѣстны были его друзьямъ, знакомымъ и публикѣ.

XVIII.

Нижній Новгородъ. — Знакомство съ М. Г. Савиной. — Савина въ Петербургѣ.

Въ то лѣто, когда въ Москвѣ устроена была политехническая выставка, Н. Ф. Сазоновъ и я были приглашены нижегородскимъ антрепренеромъ Смольковымъ на гастроли. Мы пробыли почти все время ярмарки въ Нижнемъ, играя ежедневно. Репертуаръ состоялъ преимущественно изъ легкихъ комедій и оперетокъ, которыми по просьбѣ Смолькова я и режиссировалъ.

Эти гастроли для меня памятны тѣмъ, что я познакомился съ юной тогда Маріей Гавриловной Савиной, нынѣшней премьершей Александринской сцены.

Я занятъ былъ постановкой «Орфея въ аду». Всѣ роли разошлись какъ нельзя лучше, не было только Амура.

— Кому же поручить эту роль?—спросилъ я Смолькова.

— К-к-к-кому н-н-нибудь, — не долго задумываясь и возмутительно заикаясь, отвѣтилъ Смольковъ.

— Однако...

— Х-х-о-о-отъ С-с-с-са-а-авиной.

— Какой Савиной?

— А-а-актри-и-искѣ мо-о-о-ей...

— Сыграетъ ли?

— Не-е-е знаю...

Передали Амура Савиной, занимавшей у Смолькова амплуа незначительныхъ ролей. Сыграла она его очень мило, но никакъ нельзя было предполагать по исполненію этой роли, что изъ нея выработается такая большая артистка. Я тамъ же видѣлъ ее и въ нѣсколькихъ водевильныхъ роляхъ, но и въ нихъ она не про-

являла своего выдающагося дарованія, только впослѣдствіи на казенной сценѣ развернувшагося во всю.

Не задолго передъ моимъ съ ней знакомствомъ, она была повѣнчана съ провинціальнымъ актеромъ Савинымъ, подъ фамиліею котораго и стала фигурировать на сценѣ, а до этого она называлась Стремляновою. Тогда же я узналъ, что происхожденіемъ своимъ она вполнѣ театральная особа. Ея родители, что называется, «коренные» провинціальные актеры; отъ самаго рожденія она была около сцены и очень юной начала подвизаться на театральныхъ подмосткахъ.

Вторая моя встрѣча съ Маріей Гавриловной была въ Петербургѣ, въ Благородномъ собраніи. Весною 1875 года она появилась въ Сѣверной Пальмирѣ уже извѣстною провинціальною артисткою и была приглашена антрепренеромъ этого клуба С. М. Сосновскимъ дебютировать у него. Впервые выступила она въ неизвѣстной тогда столицѣ комедіи Антропова «Блуждающіе огни».

Дебютомъ этимъ заинтересованы были многіе. Всѣмъ завзятымъ театраламъ было извѣстно, что дебютантка не заурядная актриса, а талантливая артистка, и что это не та школьная знаменитость, которыя размножаются въ безсчетномъ количествѣ въ послѣдніе годы, благодаря различнымъ «драматическимъ училищамъ», представляющимъ изъ себя что-то весьма тяжелое для искусства, что-то удивительно обидное для театра, а настоящая вдохновенная артистка, самобытная и самостоятельная, систематически ничему не учившаяся, но производящая на зрителя цѣльное, неотразимое впечатлѣніе.

Все это вмѣстѣ взятое обратило вниманіе даже самой дирекціи, командировавшей нѣкоторыхъ изъ артистовъ на дебютъ Савиной. Въ числѣ прочихъ на этомъ пробномъ спектаклѣ былъ и Александръ Александровичъ Нильскій, въ свое время имѣвшій большой авторитетный голосъ за кулисами Александринскаго театра. Онъ пришелъ въ восторгъ отъ дебютантки и, разбирая ея недюжинное дарованіе, выказалъ тонкое пониманіе искусства. На другой же день онъ доложилъ начальству, что Савина представляетъ изъ себя крупный талантъ, правда не разработанный, но при извѣстныхъ благопріятныхъ для развитія условіяхъ способный занять выдающееся мѣсто на казенной сценѣ. Ей тотчасъ же было предложено попробовать свои силы въ Александринскомъ театрѣ, въ каковомъ она и выступила въ первой половинѣ апрѣля.

Для перваго выхода Марія Гавриловна не струсила взять двѣ отвѣтственныя роли: Катю изъ комедіи «По духовному завѣщанію» и Невскую изъ сцены «Она его ждетъ». Успѣхъ былъ большой, вызовамъ не было конца, однако осторожное начальство къ энтузіазму публики отнеслось недовѣрчиво и дебютанткѣ предложили еще двѣ пробы, на которыя она опять-таки охотно согла-

силась, съ полной надеждой овладѣть вниманіемъ зрителей и расположить къ себѣ всѣхъ знатоковъ театра. Наконецъ, послѣ третьяго дебюта состоялся ея ангажементъ. Она была принята на три года съ 900-рублевымъ годичнымъ жалованьемъ и десятирублевыми разовыми, однако эти условія не были долговременными: вскорѣ, въ виду блестящихъ успѣховъ, ей было увеличено содержаніе, и черезъ какія нибудь шесть-семь лѣтъ она дошла до пятнадцати-тысячнаго (въ общей сложности) оклада.

XIX.

Моя «частная» антреприза.—Начальство.—Недовольство мной.—Притѣсненія.—Отставка.—Служба въ провинціи.—Неудачи.—М. В. Лентовскій.—Мой пятидесятилѣтній юбилей.—Заключеніе.

Когда намъ, актерамъ императорской сцены, не было еще запрещено выступать въ частныхъ театрахъ, а такъ же заниматься различными театральными предпріятіями, я взялся за постановку спектаклей въ Нѣмецкомъ клубѣ, гдѣ до меня антрепренерствовалъ Стрекаловъ, тоже служившій въ нашей драматической труппѣ.

Эта антреприза для меня имѣла большое значеніе, такъ какъ, благодаря ей, я вынужденъ былъ разстаться съ казенной сценой и въ концѣ-концовъ совсѣмъ покинуть Петербургъ. Обстоятельства сложились такъ неблагопріятно.

Приглашаетъ меня къ себѣ на чашку чая литераторъ П. и проситъ взять его дочь, страстную театралку, въ составъ моей клубной труппы, въ которой принимали участіе товарищи по Александринскому театру и лучшія частныя силы.

— Съ удовольствіемъ,—сказалъ я,—для начинающей артистки на моей сценѣ откроется широкое поле дѣятельности...

— Значитъ, навѣрное она у васъ будетъ играть?

— Навѣрное, если только у нея есть хоть малѣйшіе задатки сценическаго дарованія...

— Не безпокойтесь, окажется очень полезной.

— Душевно радъ буду.

— А когда вы ей назначите дебютъ?

— Хоть въ слѣдующій спектакль... А сегодня пусть пріѣзжаетъ въ клубъ на репетицію познакомиться съ будущими сослуживцами, да кстати вѣдь и я не имѣю удовольствія ее знать.

— Сегодня ей нельзя. Вы пришлите ей роль, назначьте репетиціи и на первой же изъ нихъ съ нею познакомитесь...

— Превосходно.

Я такъ и сдѣлалъ: прислалъ ей роль (одну изъ тѣхъ, списокъ которыхъ вручилъ мнѣ при свиданіи П.) и назначилъ репетицію,

на которой она привела меня въ неописанное смущеніе. Дебютантка ни одной русской буквы не выговаривала порядкомъ; разговорную рѣчь коверкала до неузнаваемости.

Предчувствуя неудовольствіе публики, я хотѣлъ было отнять отъ нея роль и передать другой, но кто-то уговорилъ меня не конфузить «молодую дебютантку» и дать ей самой лично убѣдиться въ неспособности къ закулисной дѣятельности. Кромѣ того, ея имя стояло уже на афишѣ...

Нечего и говорить, что ея участіе въ спектаклѣ ознаменовалось полнымъ равнодушіемъ публики и протестомъ клубныхъ старшинъ, обязавшихъ меня не допускать на подмостки такихъ неудачныхъ исполнителей.

Разумѣется, этой дебютанткѣ я болѣе ролей не давалъ, что вызвало неудовольствіе чадолюбиваго П., до этого относившагося ко мнѣ благосклонно, а послѣ этого событія старавшагося мнѣ досадить елико возможно. Онъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ клубъ и прямо спрашивалъ, почему я не занимаю его дочь. Я отвѣтилъ ему откровенно, сопоставляя мнѣніе публики, рѣшеніе старшинъ и, наконецъ, очевидную нелѣпость ея артистическихъ надеждъ, которымъ никогда бы не выбраться изъ области неосуществимыхъ фантазій.

П. уѣхалъ отъ меня разсерженнымъ.

Антрепренерствовалъ я только одинъ сезонъ. Не смотря на прекрасныя дѣла, я долженъ былъ прикончить попытку давать на частной сценѣ порядочные спектакли, постановка которыхъ обходилась чрезвычайно дорого, такъ что сборы еле-еле могли покрыть расходы, а собственный трудъ не считался ни во что.

Вслѣдъ за этимъ въ императорскихъ театрахъ произошла всѣмъ памятная реформа. Явилось новое начальство, пошли новые порядки, народились новыя требованія, подробный разборъ которыхъ я считаю преждевременнымъ и обхожу молчаніемъ. Замѣчу только о той безцеремонности, какую проявило новое начальство къ нѣкоторымъ изъ насъ, на первыхъ порахъ не приглянувшимся ихъ отческому взгляду.

Первымъ своимъ долгомъ новое начальство почло укоротить содержаніе актерамъ. Были уничтожены разовыя и бенефисы, которые поступили въ общій счетъ и вошли въ составъ жалованья. Противъ этого почти никто ничего не имѣлъ, каждый благоразумно расчитывалъ, что опредѣленная цыфра получаемаго значительно выгоднѣе поденнаго (разоваго) гонорара, всегда колеблющагося и зависящаго отъ многихъ стороннихъ причинъ, на первомъ планѣ которыхъ стоятъ «лады» съ режиссеромъ, «дружба» съ могущественными товарищами, «угожденья» прямому и косвенному начальству и т. д.

Однако, нѣкоторымъ вскорѣ пришлось разочароваться въ новой системѣ, такъ какъ не всѣмъ суждено было въ новомъ на-

чальствѣ обрѣсти покровителей. Въ нашемъ театрѣ пертурбація произошла удивительная, сортировали насъ, какъ рекрутовъ: «годенъ», «не годенъ», «повышеніе», въ «отставку»... Нѣкоторые поспѣшили сами убраться по добру по здорову, нѣкоторымъ очень тонко было предложено убираться, а нѣкоторыхъ безъ всякихъ разсужденій увольняли.

Я попалъ въ категорію вторыхъ: мнѣ было предложено убираться, т. е. меня не увольняли, но поступили со мной такъ просто, что я вынужденъ былъ самъ подать въ отставку. Это обстоятельство (кто бы могъ думать) было послѣдствіемъ того неудачнаго дебюта въ нѣмецкомъ клубѣ картавой и шепелявой барышни, о которой я подробно разсказалъ въ началѣ этой главы. Тутъ пошли личные счеты и ни о какомъ поправленіи дѣла не могло быть рѣчи. На меня глядѣли косо, и я долженъ былъ повиноваться судьбѣ.

Однажды меня оффиціально вызываютъ въ контору императорскихъ театровъ.

Пріѣзжаю.

Мнѣ протягиваютъ новый контрактъ и лаконически говорятъ:

— Подпишите!

— Сперва долженъ прочитать...

— Чего читать? не торговаться же будемъ...

— Не знаю... можетъ быть...

По новому контракту мнѣ было назначено годовое содержаніе въ 1200 рублей.

— Позвольте-съ,—говорю я,—это ошибка.

— Въ чемъ?

— Я заработывалъ, какъ вамъ не безъизвѣстно, до 6000 рублей въ годъ и, думаю, приблизительно такая же цыфра должна быть мнѣ назначена жалованьемъ.

— Почему же вы такъ думаете?

— А потому, что я знаю контракты другихъ. Всѣмъ назначено жалованье, соразмѣрное съ заработкомъ каждаго въ послѣдній годъ.

— Это не наше дѣло, идите къ старшему...

Являюсь къ старшему. Принимаетъ онъ меня, какъ и слѣдовало ожидать, сухо. Впрочемъ, послѣ прошлогодняго инцидента я на другой пріемъ и не расчитывалъ.

— Вамъ что?

Излагаю свое сомнѣніе и выкладываю доводы, которые онъ резюмировалъ такъ:

— Если вамъ не угодно оставаться на назначенномъ жалованьѣ, то можете подавать въ отставку.

— Но вѣдь это не справедливо.

— Не совсѣмъ... Нужно очищать дорогу другимъ. Вы вѣдь пенсію получаете [1])...

— Да, но вѣдь и другіе получаютъ пенсію, однако имъ содержаніе не убавлено!..

— Такъ пришлось по раскладкѣ... Дирекція въ настоящее время не располагаетъ лишними деньгами...

— Въ такомъ случаѣ вамъ не слѣдовало торопиться составленіемъ моего контракта...

И въ тотъ же день я подалъ въ отставку.

Вотъ какимъ образомъ я лишился казенной службы. Ничтожное, повидимому, обстоятельство причинило слишкомъ серьезный ущербъ мнѣ...

Тотчасъ же послѣ отставки я получилъ приглашеніе изъ Гельсингфорса вступить въ мѣстную труппу на правахъ режиссера. Съ этого времени для меня начинается снова скитальческая жизнь провинціальнаго актера.

Въ Гельсингфорсѣ я провелъ всю зиму, не ознаменовавшуюся ничѣмъ особеннымъ, достойнымъ упоминанія.

На слѣдующій сезонъ я сталъ самъ во главѣ антрепризы и снялъ Рыбинскій театръ, о доходности котораго ходили легендарные слухи. Но, увы! я потерпѣлъ полнѣйшее фіаско. Дѣла шли отвратительно, мой пятисотрублевый залогъ пропалъ, всѣ бывшія у меня сбереженія пошли на покрытіе убытковъ, даже пенсія не уцѣлѣла отъ краха... Эта неудача такъ сразила меня, что я поклялся себѣ никогда болѣе не соваться ни въ какія театральныя предпріятія, въ наше время не выдерживающія порядочнаго отношенія къ нимъ, а требующія отъ иниціатора только маклаческаго задора, кулачества и какъ можно меньше совѣсти. Да, провинціальный театръ палъ и долго ему не подняться...

Слухи о моемъ крахѣ достигли Москвы и Лентовскаго, отъ котораго я получилъ приглашеніе по телеграфу вступить въ составъ его труппы. Я съ удовольствіемъ согласился и, полный разочарованія, изъ Рыбинска двинулся въ Бѣлокаменную. Съ Лентовскимъ я сошелся на 300 р. мѣсячнаго содержанія и бенефисѣ.

Первый мой выходъ у него былъ въ театрѣ Шелапутина. Я сыгралъ водевилъ «Въ чужомъ глазу сучекъ мы видимъ». Послѣ спектакля подошелъ ко мнѣ Михаилъ Валентиновичъ и сказалъ:

— А меня было напугали.

— Что такое?

— Наговорили про васъ, будто бы вы совсѣмъ одряхлѣли, и частые спектакли вамъ не подъ силу...

---

[1]) Пенсія мнѣ назначена въ 1874 году, въ размѣрѣ 900 р. въ годъ. Кромѣ того, въ 1872 г. мнѣ пожалована грамота на потомственное почетное гражданство, какъ артисту перваго разряда.

— Это не правда...

— Я и самъ вижу, что клевета. Вы еще такой молодецъ, что всѣхъ насъ запоясъ заткнете и любаго изъ молодыхъ переиграете...

— Кто же вамъ про меня наговорилъ нелѣпостей?

— Нашлись добрые люди... Одинъ изъ вашихъ старыхъ товарищей увѣрялъ меня въ вашей непригодности...

Вотъ они друзья!

Съ М. В. Лентовскимъ я оказался старымъ знакомымъ. Я вспомнилъ его по дебюту въ Александринскомъ театрѣ. Онъ когда-то давно выступалъ въ «Птичкахъ пѣвчихъ», въ партіи Пикилло. Его дебютъ врѣзался въ моей памяти по слѣдующему происшествію, имѣвшему послѣдствіемъ безконечные толки, пересуды и повліявшему, кажется, на его поступленіе въ казенную труппу.

Портной подалъ ему костюмъ, который оказался очень пригоднымъ для Михаила Валентиновича,—одна только шляпа не пришлась по вкусу дебютанта.

— Нельзя ли достать съ маленкими полями? — сказалъ онъ портному.

— Это самая форменная...

— Та еще форменнѣе будетъ...

— Другихъ нѣтъ!

— Не можетъ быть, поищите...

— И искать нечего, я хорошо весь гардеробъ знаю...

— Ну, такъ подайте мнѣ ножницы...

— Извольте!

Лентовскій мигомъ укоротилъ поля. Портной остолбенѣлъ отъ ужаса и дрожащимъ голосомъ произнесъ:

— Казенная!

— Ничего,—спокойно отвѣтилъ Михаилъ Валентиновичъ,—казенной и останется!

— Что скажетъ начальство?—съ отчаяньемъ возопилъ вѣрный служака.

— А ты прикажи своему начальству завтра мнѣ счетъ подать: я уплачу, чего эта шляпа стоитъ...

Это обстоятельство облетѣло всѣ уборныя и неблагопріятно отразилось на мнѣніи властьимущихъ о дебютантѣ, ни на что не глядя проявившемъ такія буйныя наклонности.

— Возьми такого,—разсудилъ Өедоровъ:—онъ всю казенную аммуницію переуродуетъ. Нѣтъ, дальше отъ либераловъ...

Послѣ службы у Лентовскаго я поѣхалъ въ Астрахань, но тамъ много не дополучилъ; изъ Астрахани переправился въ Кишиневъ, къ покойному Никифору Ивановичу Новикову, но и у него дѣла были не лучше астраханскихъ: послѣ полуторамѣсячнаго пребыванія въ Кишиневѣ принужденъ былъ уѣхать въ Одессу, но и Одесса не оправдала надеждъ. Нашъ антрепренеръ К—евъ,

не заплативъ никому изъ труппы, скрылся самымъ ехиднымъ образомъ, оставивъ всѣхъ насъ безъ гроша.

Вотъ положеніе театральнаго дѣла въ провинціи: крахъ за крахомъ, провалъ за проваломъ. Актерская семья съ каждымъ годомъ умножается и ширится, а дѣло съ каждымъ днемъ падаетъ и, кажется, близокъ его окончательный кризисъ. Этотъ вопросъ чрезвычайно важенъ и требуетъ серьезнаго разрѣшенія.

Изъ Одессы я перебрался въ Кіевъ. Меня пригласили занять должность преподавателя сценическаго искусства въ мѣстномъ русскомъ драматическомъ обществѣ.

Пробывъ въ Кіевѣ годъ съ лишкомъ, я соблазнился выгоднымъ ангажементомъ Лентовскаго и опять поѣхалъ въ Москву, въ которой пока и живу безвыѣздно шесть лѣтъ...

Заканчивая свои воспоминанія, не могу обойти молчаніемъ лестнаго для меня празднованія пятидесятилѣтія моей актерской дѣятельности. Оно состоялось въ пятницу, 3-го февраля 1889 года, въ театрѣ «Шелапутина». Я сыгралъ свой старый водевиль «Въ тихомъ омутѣ черти водятся». Пріемъ былъ большой. Въ день юбилея я получилъ массу поздравительныхъ телеграммъ и писемъ изъ разныхъ концовъ Россіи. Двѣ телеграммы, особенно для меня цѣнныя, позволю себѣ привести здѣсь полностью. Первая отъ покойнаго великаго князя Николая Николаевича Старшаго: «Поздравляю васъ съ юбилеемъ пятидесятилѣтней вашей артистической дѣятельности. Вспоминаю съ радостью то время, когда вы насъ тѣшили въ моемъ Красносельскомъ театрѣ. Теперь еще благодарю за тѣ веселые часы. Желаю вамъ всего лучшаго и здоровья. Николай». Вторая отъ Петербургской драматической труппы, адресованная чрезъ Владиміра Ивановича Немировича-Данченко: «Привѣтствуемъ сегодня въ васъ не только заслуженнаго юбиляра, но и дорогаго стараго друга. Пятьдесятъ лѣтъ служенія драматическому искусству—фактъ замѣчательный въ лѣтописяхъ театра, но едва ли не замѣчательнѣе то, что эти долгіе годы не помѣшали вамъ остаться такимъ же честнымъ и такимъ же правдивымъ человѣкомъ, какимъ васъ всегда знали ваши товарищи». Кромѣ этого, какой-то неизвѣстный авторъ почтилъ меня такимъ четверостишіемъ:

«Я въ васъ не вижу перемѣны:
«Все тотъ же вы на склонѣ дней.
«О, дай вамъ Богъ справлять со сцены
«И свой столѣтній юбилей».

Этимъ юбилеемъ итогъ моей дѣятельности былъ подведенъ окончательно...

Теперь въ концѣ концовъ немножко своеобразной статистики. Службу свою я началъ въ 1839 году, въ царствованіе императора Николая Павловича, служилъ при Александрѣ Николаевичѣ и

Александрѣ Александровичѣ. При мнѣ было четыре министра императорскаго двора: князь Петръ Михайловичъ Волконскій, графъ Владиміръ Өедоровичъ Адлербергъ, графъ Александръ Владиміровичъ Адлербергъ и графъ Илларіонъ Ивановичъ Воронцовъ-Дашковъ. Во время пребыванія моего на казенной сценѣ было шесть директоровъ: Александръ Михайловичъ Гедеоновъ, графъ Борхъ, А. И. Сабуровъ, С. А. Гедеоновъ, баронъ Кистеръ и, наконецъ, нынѣшній директоръ Иванъ Александровичъ Всеволожскій. Начальниками репертуарной части при мнѣ были: знаменитый Александръ Ивановичъ Храповицкій, Евгеній Макаровичъ Семеновъ, Павелъ Степановичъ Өедоровъ, Лукашевичъ и А. А. Потѣхинъ. Управляющихъ театральною конторою я знавалъ: Александра Дмитріевича Кирѣева, П. М. Борщова, А. Ф. Юркевича и Погожева. Режиссеровъ при мнѣ смѣнилось шесть: Н. И. Куликовъ, Краюшкинъ, Яблочкинъ, Е. И. Вороновъ, Лепинъ и, наконецъ, Ф. А. Өедоровъ. Вотъ при какомъ многочисленномъ начальствѣ я провелъ свою закулисную жизнь...

А. Алексѣевъ.

ОБЛОМКИ КРѢПОСТНАГО ВРЕМЕНИ.

Бабушка.

I.

Во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ мнѣ случилось попасть въ одну изъ примосковныхъ губерній. Сойдя со станціи Николаевской желѣзной дороги, я долженъ былъ проститься и со всѣми удобствами цивилизованнаго передвиженія. Пришлось пересѣсть въ тряскій тарантасишко «вольнаго» ямщика, котораго я нанялъ до ближайшаго уѣзднаго города. Бойкія малорослыя лошаденки бодро побѣжали по укатанной дорогѣ. Лѣто было знойное, сухое. Воздухъ казался наполненнымъ какой-то мглой, солнце иногда являлось простымъ краснымъ пятномъ безъ лучей. Говорили, что гдѣ-то, въ Новгородской и Тверской губерніяхъ, горѣли лѣса. Дышать и безъ того было трудно, а тутъ еще слабый попутный вѣтерокъ гналъ намъ въ слѣдъ пыль, и скоро мы всѣ: я, ямщикъ, лошади, всѣ мои вещи, покрылись сѣрымъ слоемъ. Пыль заставляла плакать глаза, хрустѣла на зубахъ, принуждала чихать и кашлять. Словомъ, пока мы добрались до первой станціи, я едва не задохнулся.

Доѣхавъ до большой деревни, мой возница «продалъ» меня другому для дальнѣйшей доставки. Пока я сидѣлъ на завалинкѣ у избы и съ наслажденіемъ пилъ холодное молоко, кругомъ насъ собралась толпа мужиковъ и ожесточенно торговалась съ ямщи-

комъ о цѣнѣ, которую онъ даетъ за остальную дорогу. Дѣло въ томъ, что, взявъ съ меня извѣстную плату за доставку до города, возница уже самъ изъ нея уплачивалъ опредѣленную сумму тому, кто долженъ былъ смѣнить его, кому онъ меня «продалъ»; тотъ въ свою очередь передавалъ свой живой грузъ еще гдѣ нибудь на дорогѣ и т. д. Первый получалъ за свой трудъ всего больше, слѣдующій бралъ уже много дешевле, а послѣднему приходились самые пустяки—какія нибудь копѣйки за десятокъ верстъ. При такомъ способѣ ѣзды на самого ѣдущаго обращалось очень мало вниманія: если его повезли со станціи въ тарантасѣ, то въ конечную точку пути онъ пріѣзжалъ уже на простой телегѣ, часто въ одну лошадь. И спорить противъ такого порядка было безполезно, но онъ освящался обычаемъ и давностью.

Послѣ долгаго спора, криковъ и крѣпкой ругани, мужики, наконецъ, сторговались съ ямщикомъ и бросили затѣмъ между собою жребій, кому я достанусь. Когда всѣ эти предварительныя операціи кончились, мой новый возница быстро подкатилъ въ маленькой тележкѣ, и я опять пустился въ дорогу.

Смѣнивъ еще разъ возницу, я, наконецъ, въѣхалъ въ улицу уѣзднаго города. Городъ широко и привольно раскинулся на берегу большой рѣки, всползая своими деревянными домишками по мѣловымъ откосамъ берега, сбѣгая въ поперечные рѣкѣ овраги и разсыпаясь кругомъ главной площади. На крутомъ берегу тянулся «бульваръ»: аллея изъ молодыхъ березокъ, въ срединѣ которой было оставлено круглое пространство, уставленное скамейками. Это было сборное мѣсто всей уѣздной аристократіи, сюда сходились вечеромъ посудачить ближнихъ и полюбоваться на песчаную косу, вытянувшуюся поперекъ рѣки и заграждавшую путь спрудившимся около нея безчисленнымъ плотамъ.

Получивъ отъ меня приказаніе везти въ гостинницу, мой возница, не колеблясь, отвѣчалъ, что гостинницы не имѣется, а есть «въѣзжая квартира», гдѣ всѣ и останавливаются. Оказалось, что квартира занимаетъ двѣ довольно большихъ комнаты въ маленькомъ домикѣ, чистыхъ и съ весьма порядочною старомодной мебелью. Я расположился въ одной изъ комнатъ и усердно занялся отмываніемъ пыли и утоленіемъ жажды чаемъ. Разспросивъ прислуживавшую бабу о тѣхъ лицахъ, которыхъ мнѣ было нужно видѣть, я собирался уже выйти, какъ къ домику подъѣхали дрожки, и въ комнату вошелъ невысокій человѣкъ и сбросилъ съ себя запыленное пальто. Входя, онъ обернулся къ бабѣ и велѣлъ ей подавать самоваръ. Увидавъ меня, онъ вѣжливо поклонился.

— Вамъ, вѣроятно, не сказали, что я уже занялъ эту комнату?— спросилъ я его, удивленный спокойствіемъ, съ которымъ онъ сталъ располагаться въ моемъ номерѣ.

— Сдѣлайте одолженіе,—отвѣчалъ онъ:—располагайтесь, какъ

вамъ угодно. Надѣюсь, что мы не стѣснимъ другъ друга. Да мнѣ завтра и ѣхать надо, я и то уже здѣсь цѣлую недѣлю проболтался.

Такимъ образомъ оказалось, что не онъ ворвался въ мой номеръ, а я занялъ чужую квартиру.

— Извините, пожалуйста,—сказалъ я съ смущеніемъ,—что я занялъ вашу комнату, но мнѣ никто не заявилъ, что она занята. Иначе я бы помѣстился гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ.

— Нѣтъ, не безпокойтесь!—добродушно разсмѣялся незнакомецъ:—поживемъ и вмѣстѣ. Вы видно не знакомы съ здѣшними обычаями? Вы пріѣзжій?

— Да, я здѣсь по дѣлу...

— Вотъ оно и видно... А у насъ тутъ только эта въѣзжая квартира и есть, и приходится жить вмѣстѣ, съ кѣмъ Богъ приведетъ. Не мудрено, что вамъ ничего не сказано обо мнѣ: считается, что наши обычаи всѣмъ извѣстны.

Слово за слово, мы разговорились. Мой собесѣдникъ былъ страховой агентъ и прекрасно зналъ всю округу. Онъ не только указалъ мнѣ: какъ, гдѣ и когда я могу найти тѣхъ, кого мнѣ нужно, но отъ него я еще узналъ, что въ уѣздѣ живетъ мой университетскій товарищъ и хорошій пріятель—Васильевъ. Я рѣшилъ воспользоваться удобнымъ случаемъ и посѣтить пріятеля.

II.

Черезъ нѣсколько дней я уже былъ у Васильева. Сергѣй Ивановичъ былъ давно женатъ, потолстѣлъ, облысѣлъ и прекрасно велъ большое хозяйство. Онъ очень обрадовался моему пріѣзду и заставилъ меня дать слово погостить у него. Его удивило только, зачѣмъ я забрался въ здѣшнюю глушь. Я ему объяснилъ, въ чемъ дѣло.

Въ то время въ Петербургѣ умеръ А*, богатый старикъ, у котораго были огромные денежные капиталы и множество имѣній въ самыхъ различныхъ углахъ Россіи. Прямыхъ наслѣдниковъ у него не оказалось, претендентами же явились двоюродные племянники, племянницы, дяди, тетки, кузины, внуки, словомъ, жаждущихъ неожиданнаго богатства набралось не мало. Въ интересахъ одного изъ отдаленныхъ родственниковъ я и заѣхалъ въ К. уѣздъ. Нужно было прослѣдить генеалогію одного изъ претендентовъ, который былъ отсюда родомъ. Когда я разсказалъ Васильеву цѣль моей поѣздки и спросилъ его, не знаетъ ли онъ здѣсь какихъ нибудь Оводовыхъ, то онъ радостно вскричалъ:

— Какіе-то Оводовы были, слыхалъ я... Да, постой, надо послать за бабушкой; она всѣхъ знаетъ и навѣрно всю родословную разскажетъ...

— За какой бабушкой?—удивился я.

— Тутъ у насъ есть такая старушка... Наша мѣстная газета и архивъ. Ужъ, конечно, ей всѣ здѣшніе Оводовы извѣстны. Александра Львовна,—обратился онъ къ женѣ:—пошли дрожки за бабушкой.

— Да развѣ она близко здѣсь живетъ?

— Верстъ 5, не больше... Усадьба тутъ у ней, въ Болотновѣ... Скорехонько здѣсь будетъ. Ужъ она, чай, и сама томится—язычекъ почесать.

Мы пили чай, когда къ крыльцу подкатили дрожки, на которыхъ сидѣла, подпрыгивая на толчкахъ и махая руками, маленькая старушка.

Выскочивъ изъ экипажа и войдя въ прихожую, старушка, еще не раздѣваясь, замахала руками и закричала нѣсколько гнусавымъ голосомъ:

— Матушка, Лександра Львовна, новостей сколько я вамъ привезла, новостей-то!

— Ну, вотъ слышишь?—обратился ко мнѣ со смѣхомъ Васильевъ:—еще войти не успѣла, ужъ о новостяхъ заявляетъ!

Черезъ минуту въ комнату вошла маленькая старушка, лѣтъ 60-ти, на коротенькихъ ножкахъ, съ коротенькими ручками, пухлые коротенькіе пальчики которыхъ растопыривались во всѣ стороны. У нея было довольно широкое лице, заостренное книзу, съ выдающимся впередъ подбородкомъ и длиннымъ носомъ, надъ которымъ почти прямо къ верху топорщились маловолосыя брови, осѣнявшія маленькіе быстрые, почти заплывшіе жиромъ каріе глазки. Ея впалыя губы были поджаты съ комичнымъ выраженіемъ недовѣрчивости и самодовольства. Изъ-подъ надѣтаго на головѣ необыкновенной величины старомоднаго чепца виднѣлись совершенно черные волосы. Впрочемъ, вскорѣ оказалось, что это не болѣе, какъ парикъ, да бабушка и сама этого не отрицала.

Подойдя къ хозяйкѣ, бабушка чмокнула ее въ плечико.

— Здравствуйте, благодѣтельница! Ужъ какъ я вамъ благодарна, что прислали лошадку... А новостей-то, новостей-то! Здравствуйте, Сергѣй Иванычъ!

— Здравствуйте, бабушка. Какъ поживаете?

— Слава Богу, батюшка, слава Богу! Ужъ и новостей я вамъ разскажу, Лександра Львовна,—куча!

— Да что же такое, бабушка?

— А вотъ погодите, все разскажу... А это кто же у васъ?—обратилась она, прерывая себя, къ хозяйкѣ, понизивъ голосъ и указывая на меня глазами.

Хозяинъ познакомилъ насъ.

— Очень пріятно, очень пріятно!—затараторила бабушка:—а позвольте узнать: вы дальніе?

— Теперь пріѣхалъ изъ Петербурга...

— Такъ-съ... Тамъ и живете?

— Тамъ и живу.

— И родились,—позвольте полюбопытствовать,—въ Петербургѣ?

Старушка выговаривала всѣ эти вопросы скороговоркой, вскидывая свои быстрые глазки, въ которыхъ свѣтилось самое яркое любопытство.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я: —родомъ изъ С. губерніи...

— Ахъ, знаю, батюшка, знаю!—вдругъ оживленно замахала бабушка ручками.—Я въ С—кой губерніи сколько времени выжила!

— Вы въ самомъ городѣ жили?

— Нѣтъ. Вотъ, видите ли... я вамъ все по порядку разскажу.

Бабушка усѣлась удобнѣе, закинула нога на ногу и стала разсказывать:

— Я только что, воображайте, вышла тогда изъ института... Я вѣдь въ Екатерининскомъ была и первый шифръ получила... При этихъ словахъ старушка приподняла и опустила плечики, закинула назадъ голову, и ея быстрые глазки обѣжали всѣхъ собесѣдниковъ.

— Все вретъ!—шепнулъ мнѣ Васильевъ:—ужъ если повела плечами, такъ и знай, что соврала. Вѣрная примѣта!

— Вышла я изъ института,—продолжала, между тѣмъ, бабушка,—дядя меня и пригласилъ жить къ себѣ. У него была дочь, мнѣ ровесница... И надо вамъ сказать, мой дядя страшный былъ богачъ: со всей знатью мы были знакомы,—бабушка съ гордымъ видомъ прищурила глазки и поджала губы.—Только у кузины здоровье разстроилось: ей и велѣли кумысъ пить. Вотъ мы и собрались въ С—кую губернію. Сколько тамъ съ нами случаевъ было!

Бабушка все это выговорила однимъ духомъ, вертя своими пухленькими пальчиками на животикѣ и пощипывая бахрому шерстянаго шейнаго платка. И также быстро, безъ перехода, она прервала сама себя и обратилась неожиданно къ хозяйкѣ:

— Ахъ, матушка, Лександра Львовна! Заболталась я, да и позабыла: вѣдь у Ольги Петровны дочь, Надю-то, просватали! Какъ же-съ, вчера, матушка, поздравлять ѣздила. Ужъ хорошо, что вы за мной прислали, а то сама бы—не утерпѣла—къ вамъ нынче какъ нибудь добралась... Невѣста, матушка, невѣста! И женихъ какой славный! Не успѣла еще хорошенько разузнать, откудова эвто она его достала. Изъ Москвы, говоритъ!

Бабушка замахала ручками и повернулась на стулѣ.

— Да что же вы, бабушка, чаю-то не пьете?

— Покорно благодарю, матушка... Ахъ, матушка! совсѣмъ было забыла поблагодарить васъ: какого вы мнѣ славнаго чаю прислали, спасибо вамъ, благодѣтельница! А ужъ женихъ славный, видный

такой изъ себя и обходительный мужчина: видно, что образованный!

Бабушка взяла въ руки блюдечко, какъ-то оттопыривъ и выгнувъ въ сторону мизинецъ правой руки, и подула на чай. Выпивъ чай и поставивъ блюдечко на столъ, она утерлась концемъ своего шейнаго платка и обратилась опять къ хозяйкѣ:

— А что эвто, матушка, я слышала: вы гувернантку отправили?

— Да молода еще очень. За ней самой-то нужно бы еще няньку. Люба вѣрно не меньше ея знаетъ...

— Гм!..—усмѣхнулась бабушка:—и что эвто нынче такое? Чему онѣ тамъ учатся!—Старушка глубокомысленно поджала губы:—учителя у насъ, я вамъ скажу, преотличные; я сама училась,—знаю.

— Вотъ вамъ и учителя!—поддразнила ее хозяйка:—нѣтъ, я свою Любу ни за что въ институтъ не отдамъ, пусть дома учится!

— Помилуйте, матушка, какъ можно дома! Вѣдь въ институтѣ-то, воображайте, шесть лѣтъ мы сидѣли. Только, конечно, коли своего старанія нѣтъ, такъ нигдѣ не выучишься. Вотъ, я вамъ скажу, у насъ одна грузинская княжна была... Привезли ее, а она, воображайте, легла на лавку, да и говоритъ: «вотъ буду лежать, а учиться не стану!» И что-жъ вы думаете? Что съ ней ни дѣлали, и пороли-то... Тогда вѣдь еще розги были!—съ ужимкой вставила бабушка:—и безъ обѣда оставляли... Нѣтъ, ничего не сдѣлали! Такъ и бросили, велѣли изъ института взять... А учителя у насъ отличные! Покорно благодарю, матушка!

Бабушка допила чай, опрокинула чашку и, вынувъ изъ рта обсосанный кусочекъ сахару, положила его на донышко и утерлась шейнымъ платкомъ.

— А, что, позвольте васъ спросить,—обратилась она ко мнѣ:—у васъ и имѣньице есть?

— Нѣтъ, такъ домишко въ С. маленькій...

— Такъ-съ... Ахъ, матушка, Лександра Львовна!—всполошилась вдругъ бабушка, вспомнивъ что-то:—вотъ ужъ я вамъ новость ужо скажу! Чудо!

— Что такое, бабушка?

— Нѣтъ, эвто я вамъ однимъ... а то тутъ посторонніе, да еще и мужчины!—бабушка выразительно повела на насъ съ Васильевымъ глазами:—вотъ дозвольте ужъ, выйдемъ къ вамъ.

Александра Львовна, улыбаясь, встала и пригласила бабушку въ свою комнату.

— Сейчасъ, матушка, сейчасъ!

Бабушка приподнялась со стула.

— А, что, позвольте полюбопытствовать...—вдругъ повернулась она ко мнѣ:—какъ ваше имя, отчество?

— Иванъ Петровичъ.

— Очень пріятно-съ... Извините, что побезпокоила...

— Какое же безпокойство...

— Какъ-же-съ! А у васъ, Иванъ Петровичъ, сродственники есть?

— Сестра одна...—отвѣчалъ я.

— А замужняя?.. Сейчасъ, матушка, сейчасъ!—и старушка на ходу, оборачиваясь ко мнѣ, побѣжала къ звавшей ее хозяйкѣ.

— Ну, что, какъ понравилась тебѣ наша бабушка?—спросилъ меня Васильевъ, когда мы остались одни.—Вотъ ужо разспроси ее: она навѣрно знаетъ все, что тебѣ нужно. Только надо непремѣнно провѣрять ее. Она большая сплетница и соврать таки любитъ. Видѣлъ, у нея уже зудъ былъ самой ѣхать къ намъ: у сосѣдей дочь просватали... И вѣдь какъ тайно все дѣлали: никто бы въ округѣ не зналъ, а она и «проздравлять» уже ѣздила... Ха, ха, ха! Тото, я думаю, одолжила!

— Да кто она такая?

— Такъ, мелкопомѣстная дворянка. Лѣтъ 30 назадъ она поселилась съ дочерью здѣсь, въ имѣніи своей тетки, да съ тѣхъ поръ и живетъ тамъ. Тетка по смерти оставила ей 5 душъ съ половиною да нѣсколько десятковъ десятинъ. Вотъ она и живетъ помѣщицей. Мужъ у нея давно умеръ, еще до переѣзда сюда, дочь выдала здѣсь за какого-то отставнаго каптенармуса—пьяницу горчайшаго. Да и дочка тоже не прочь хлебнуть. Не легко ей, въ сущности, живется... Хорошо, что характеръ у нея еще такой, что все, какъ съ гуся вода, лишь бы поболтать да посплетничать. А болтать она готова хоть круглыя сутки... Видно, впрочемъ, что она видала и лучшія времена. Жену она особенно любитъ: та ей постоянно помогаетъ, да и относится къ ней сердечнѣе, чѣмъ другіе...

— Но какъ же ее зовутъ? Ты мнѣ даже не сказалъ ея имени...

— Да едва ли когда ее и зовутъ по имени. Все—бабушка, да бабушка. Не знаю, кто ее такъ окрестилъ, но кличка къ ней крѣпко пристала. А настоящее имя ея: Олимпіада Павловна Руднева. Она и сама-то, я думаю, ужъ его забыла.

III.

Пока мы оставались въ столовой, въ «дѣвичьей» послышался оживленный говоръ.

— Хочешь посмотрѣть, какъ бабушка зубы чиститъ? — спросилъ, смѣясь, Васильевъ.

— Какъ зубы чиститъ?

— А такъ, табакомъ... Она на дню-то разъ 20 себѣ непремѣнно

зубы вычистить... Я думаю, эта процедура замѣняетъ ей и куренье и нюханье табаку.

Мы подошли къ двери, не показываясь.

Въ «дѣвичьей» у окна сидѣли за работой двѣ горничныя, а напротивъ передъ лежанкой стояла, наклонившись надъ тазомъ, бабушка. Лѣвой рукой она придерживала платье, а пальцы правой растопырила во всѣ стороны, такъ что одинъ ѣздилъ по носу, другой по подбородку, третій былъ засунутъ въ ротъ, и всѣ вмѣстѣ усердно исполняли свое дѣло.

Черезъ минуту, вытащивъ замазанный табакомъ палецъ изо рта и оставивъ его въ воздухѣ на уровнѣ лица́, бабушка обратилась къ горничнымъ:

— А что, пріѣзжій-то эвтотъ хорошій человѣкъ?

— Да кто-жъ его знаетъ!—отвѣчала одна изъ дѣвушекъ.

— Кажется, хорошій, съ состояніемъ: домъ, говоритъ, въ С. имѣетъ... И такой декательный — видно, что образованіе получилъ...

Бабушка говорила «декательный» вмѣсто «деликатный».

— Вотъ вы какъ скоро... А мы путемъ еще не узнали, какъ звать-то его,—замѣтила дѣвушка, откусывая нитку.

— Ну, вамъ гдѣ же...—сказала небрежнымъ тономъ бабушка:— а я такъ, въ разговорѣ разузнала...

И она опять принялась за прерванную операцію. Долго и тщательно возила она пальцами во рту: очевидно, это доставляло ей большое удовольствіе. Наконецъ, выполоскавъ ротъ и отерши руки, она подошла къ окну.

— Что эвто ты, Луша, шьешь?

— Платье барышнѣ подшиваю.

— А-а! Славная матерія! Поди, копѣекъ по 40 аршинъ дадена...—и бабушка нагнулась и внимательно осмо́трѣла и ощупала матерію, даже для чего-то поднесла ее къ губамъ.—А вѣрно завтра дождь будетъ...

— Что такъ вы думаете?

— Да желудокъ что-то ноетъ...

Бабушка потерла себѣ животикъ и направилась къ двери. Васильевъ пропустилъ ее и пошелъ вслѣдъ за ней, а я вошелъ въ дѣвичью.

— Никакъ вы тутъ были?—вскрикнули обѣ дѣвушки разомъ.

— Да, подслушивалъ бабушкины разговоры...

— Охъ, а намъ она ужъ, признаться, надоѣла: пріѣдетъ, тараторитъ, тараторитъ, просто, другой разъ, не отвяжешься!

— Да это еще ничего бы,—вступилась другая дѣвушка,—если бы у нея руки не чесались...

— Какъ руки не чесались?—удивился я.

— А такъ... Каждый разъ узелъ надо осматривать, какъ уѣзжаетъ... А позабудешь и не досчитаешься чего нибудь.

— Развѣ она таскаетъ?

— А вотъ, будетъ уѣзжать, такъ приходите посмотрѣть сами; мы при васъ ея узелъ разберемъ...

И дѣвушка хладнокровно, прищуривъ глазъ, надѣла иголку на нитку.

Когда я вошелъ въ гостиную, бабушка съ жаромъ что-то разсказывала хозяйкѣ, сильно жестикулируя, но, увидавъ меня, замолчала.

За обѣдомъ мнѣ удалось навести бабушку на интересовавшій меня предметъ. Услыхавъ, что я желаю знать, нѣтъ ли въ уѣздѣ какихъ нибудь Оводовыхъ, бабушка обрадованно воскликнула:

— Какъ, батюшка, не быть! Да вотъ Иванъ Васильевичъ сосѣдъ у насъ здѣсь былъ... Ужъ и разбойникъ же былъ, прости Господи! Жена отъ него сбѣжала и сынка маленькаго съ собой увела...

— Отчего же она сбѣжала?

— Видно, отъ хорошей жизни!—бабушка смѣшно сжала губы.— Помните, матушка Лександра Львовна, — обратилась она къ хозяйкѣ: — Катерину Петровну? Какая женщина была: красивая, видная, а затиранилъ вѣдь подлецъ: убѣжала.

— Такъ Иванъ Васильевичъ изъ Оводовыхъ былъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, батюшка, Иванъ Васильевичъ Гречковскій! Они всѣ безумные... вотъ братъ у него прекраснѣйшій человѣкъ, образованнѣйшій, а совсѣмъ съ ума спятилъ: стихи сталъ писать, письма къ государю посылалъ... да вотъ пріѣзжайте ко мнѣ, я вамъ его бумаги покажу... Очень антиресно!

Бабушка оживилась и подпрыгивала и вертѣлась на стулѣ.

— Да вѣдь я не про Гречковскихъ, а про Оводовыхъ хочу узнать...—замѣтилъ я.

— А за Оводовымъ сестра Ивана Василича, Павла Васильевна, была выдана! Какъ же, батюшка, въ родствѣ они... Хорошо тоже жили сперва-то, только скоро померла она! Ну-да Алексѣй-то Панкратьичъ немного тужилъ: недолго спустя и опять женился на сестрѣ Авдотьи Петровны.

— Это какой Авдотьи Петровны?—вставилъ Васильевъ:—Сторожевой? Это, что юнкера-то увезла?

— Эвта самая!

— Ну-ка, разскажите, бабушка, Ивану Петровичу эту исторію. Вѣдь, кажется, и Хваткинъ тоже Гречковскому сродни?

— Троюродный... Анна-то Власьевна, бабушка его, изъ Гречковскихъ, была выдана за Протопопова... Коницыно-то ихъ было. Только Ѳедоръ Ѳедорычъ больно заливалъ за галстухъ, вотъ имѣньице-то и—фью!

Бабушка дунула на подставленную ладонь и отмахнула ее въ сторону.

— Причемъ же юнкеръ тутъ? — съ недоумѣніемъ спросилъ я.

— Охъ, и смѣхъ же, я вамъ вотъ разскажу...

Бабушка откинулась къ стѣнкѣ кресла, но тотчасъ приподнялась опять, такъ какъ ея коротенькія ножки не хватали до пола...

— Вотъ видите, Хваткинъ то... онъ по Гречковскимъ и Оводову сродственникъ приходится... Юнкеромъ онъ тогда былъ. Дрянной такой мальчишка, по правдѣ сказать... Я его терпѣть не могла: хвастунъ и сплетникъ... а ужъ эвто самое помоему скверное въ человѣкѣ...

Мы переглянулись съ Васильевыми. Сергѣй Ивановичъ едва удерживался отъ смѣха. Бабушка между тѣмъ передернула плечиками и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжала:

— Ну, да Богъ съ нимъ... Вотъ онъ и расхвастался разъ, что онъ, такой-сякой Донъ-Жуанъ, любую де барышню увезетъ... Ну-съ, прошло съ этого разговора недѣли полторы, началъ Хваткинъ въ Москву собираться. Спросилъ позволенія у маіора, а тотъ его и не пусти! Въ эвто самое время и Авдотья Петровна, слышимъ мы, тоже сбирается ѣхать. Ну, а о Хваткинѣ ужъ и знаемъ, что не поѣдетъ. Только сидимъ мы съ Лександрой Львовной дня три послѣ эстого, вдругъ является Хваткинъ: такъ и такъ, говоритъ, пришелъ проститься... Какъ такъ? — спрашиваемъ. — Съ Авдотьей Петровной, говоритъ, ѣду... Распростился и уѣхалъ. Подивились мы, какъ эвто онъ безъ позволенія уѣдетъ. И вдругъ, воображайте, пришла мнѣ въ голову удивительная мысль. «Погодите, говорю, Лександра Львовна, дайте мнѣ только лошадку до Петра Петровича добраться, а я ужъ съ ними устрою штучку!» А надо вамъ сказать, у Петра Петровича въ Елкинѣ оба брата Михѣевы: и майоръ, и эскадронный командиръ тогда и дневали, и ночевали. А Авдотьѣ-то Петровнѣ какъ разъ ѣхать мимо Елкина, не миновать. Лександра Львовна дала мнѣ лошадку, вотъ я пріѣхала, да въ разговорѣ и говорю: «Не нужно ли вамъ, батюшка Петръ Петровичъ, въ Москву порученьице какое дать: нынче въ ночь Авдотья Петровна ѣдетъ, такъ я бы передала».—«Ахъ, говоритъ, пожалуйста, бабушка, очень даже нужно»! — «Давайте, говорю, записку»... Далъ онъ мнѣ записку, я пошла и велѣла старостѣ караульнаго поставить, чтобы, какъ поѣдетъ, остановить ее: молъ, Петръ Петровичъ имѣетъ къ вамъ дѣло черезъ Лимпіаду Павловну. Вотъ жду я часъ—нѣтъ! два—нѣтъ! а я все не сплю... только стало бить три часа, слышу: колокольчикъ... Я выбѣжала на крыльцо: ѣдетъ Авдотья Петровна. Караульный остановилъ ее, а я сейчасъ подхожу, да и говорю: вотъ вамъ, матушка Авдотья Петровна, Петръ Петровичъ велѣлъ записочку передать!—говорю

это, а сама въ тарантасъ заглядываю: сидитъ Авдотья Петровна одна, а Хваткина нѣтъ. Только вижу: сбоку что-то платкомъ накрыто... Стала эвто я записку подавать, а сама рукой-то и шарю внизу... Вдругъ что-то въ руку мнѣ попалось: глядь, а эвто нога его. Ну, стой, думаю, поймала! Стала я съ Авдотьей Петровной говорить, а ногу-то все держу, все держу, да,—нѣтъ, нѣтъ,—на платокъ-то эвдакъ взгляну... Вижу, сталъ мой Хваткинъ пошевеливаться: душно, знать, стало. Ну, думаю, отпущу душу на покаяніе. Простилась съ Авдотьей Петровной: прощайте, говорю, матушка, счастливой дороги! А намъ Хваткинъ нахвасталъ, будто съ вами ѣдетъ... — Нѣтъ, говоритъ, я одна! — Я и говорю: нахвасталъ, видно, врунишка! Мнѣ самъ Лексѣй Лександрычъ сказывалъ, что не пустилъ его. И слышу, за платкомъ-то словно урчитъ что. «А это, говорю, матушка, что у васъ платочкомъ-то прикрыто?» А сама ногу-то и прижала. — Это, говоритъ, узелъ у меня съ платьями... — Ну, прощайте, матушка Авдотья Петровна, говорю. Отошла за тарантасъ, остановилась и слушаю. Хваткинъ зашевелился.—«Слава Богу, говоритъ, кажется, не видала проклятая старуха!»—Это меня-то онъ.—«Поѣзжай, говоритъ, скорѣй, а то еще воротится!» А я-то имъ вослѣдъ: «Слава Богу, видѣла!».

И бабушка съ такимъ хитрымъ и торжествующимъ видомъ окинула насъ взглядомъ своихъ маленькихъ глазъ и такъ комично развела руками, что мы всѣ невольно расхохотались.

— Легла я спать, — продолжала она: — а надо вамъ сказать, сонъ у меня пречуткій. Слышу, бьетъ 5 часовъ, я сейчасъ вскочила и прямо къ маіору. Стучу къ нему въ дверь:—«Лексѣй Лександрычъ, Лексѣй Лександрычъ! у васъ несчастіе въ эскадронѣ случилось!»—Онъ вскочилъ, съ просонья-то не разберетъ: что такое, бабушка?—Несчастіе въ эскадронѣ, батюшка!—кричу:—покража! Онъ, какъ спалъ, такъ и выскочилъ въ неглиже.—Что такое, бабушка? Какое несчастіе?—Покража, батюшка! Авдотья Петровна юнкера увезла!—Какого юнкера?—Хваткина, батюшка, Хваткина!—Да, не давъ ему опомниться, давай другихъ будить. Вотъ смѣху-то было! Однако Лексѣй Лександрычъ какъ разсердился, хотѣлъ Хваткина на абвахту посадить, да ужъ Петръ Петровичъ упросилъ. Ну, и смѣху же было надъ эвтимъ Хваткинымъ. Куда ни покажется, всѣ: «какъ же это, г. Хваткинъ! Хвастали, что всякую барышню увезете, а замѣсто того васъ барыня увезла! А еще военный!» Да, пропекли таки его эвтими надсмѣшками.

Бабушка такъ увлеклась воспоминаніями своихъ подвиговъ, что не могла усидѣть спокойно на мѣстѣ. Чепецъ у нея съѣхалъ на бокъ, а за нимъ и парикъ, обнаживъ сѣдые волосы. Вся ея маленькая фигурка имѣла необыкновенно забавный видъ.

— Не любитъ она этого Хваткина,—замѣтилъ мнѣ вполголоса Сергѣй Ивановичъ: — враги они между собой жестокіе. Разъ мы

сидѣли за картами, бабушка тутъ же была. Хваткинъ ее въ разговорѣ и назвалъ какъ-то пиковой дамой. А потомъ къ нему пришли плохія карты, онъ и скажи: «опять ко мнѣ эта собака пиковая дама пришла!» Надо было видѣть, что стало съ бабушкой! «Вы, говоритъ, не думайте: я въ шестой книгѣ записана, я столбовая дворянка, получше васъ!» И пошла, и пошла!

Бабушка, отвлеченная какимъ-то вопросомъ Александры Львовны, прислушалась и вдругъ обернулась въ нашу сторону.

— Да какъ же, помилуйте, батюшка! Юнкеришка какой нибудь смѣетъ такъ отзываться о столбовой дворянкѣ. Пустой онъ мальчишка, больше ничего! Я всегда имѣла къ нему оттолкновеніе.

Я перевелъ разговоръ опять на семейныя отношенія Оводовыхъ.

— Вы говорили, бабушка, что за Оводовымъ, Алексѣемъ Панкратьичемъ, сестра Гречковскаго была? А были у нихъ дѣти?

— Какъ же, батюшка, дочка была, да сынокъ: красныя дѣтки. Дочка-то замужемъ была за Бербахомъ: нѣмецъ у насъ здѣсь такой былъ. Тоже, воображайте, стихи писалъ.

— Что же, этотъ тоже не въ своемъ умѣ былъ?

— Помилуйте, батюшка, совсѣмъ сумасшедшій. Ну, да у нихъ эвто въ роду вѣдь...

Бабушка передернула плечиками, закинула назадъ головку и обвела насъ хитрымъ взглядомъ.

— А сынокъ-то Павлы Васильевны, воображайте, себя великимъ ученымъ почиталъ: все машины выдумывалъ, кокелюшки эвтакія сдѣлалъ... у меня и кокелюшки-то эвти хранятся. Да ничего не достигъ. Только попалъ подъ подозрѣніе въ ниверситетѣ: его, голубчика, и засадили въ крѣпость.

Насчетъ сына Павлы Васильевны я имѣлъ основанія думать, что бабушка сочиняетъ, но она высказывала всѣ свои выдумки такъ свободно, что только предательская привычка передергивать плечиками и поводить хитро глазками изобличала ее.

Вечеромъ мы всѣ пошли гулять. Бабушка сначала отказывалась, но наконецъ рѣшилась выйдти. При этомъ она закуталась всевозможными платками до самаго носа и все боялась простудиться.

На слѣдующее утро бабушка обратилась къ Васильевой съ просьбой отвезти ее домой.

— Куда вамъ торопиться? — уговаривала ее Александра Львовна:—что вамъ дома-то дѣлать? А завтра вечеромъ мы и отвеземъ васъ.

— Нѣтъ, матушка, покорно благодарю, никакъ не могу: у меня обстоятельства такія...—съ видомъ сожалѣнія и полушепотомъ сказала бабушка и покачала головой.

— Какія тамъ у васъ обстоятельства? До вечера-то можно отложить.

— Никакъ не могу, матушка. Ужъ ежели бы можно было, я бы осталась...

— Да что у васъ такое?

— Желудокъ, матушка, очень безпокоитъ... — съ нерѣшительностью выговорила бабушка.

— Вотъ что... Съ чего же онъ васъ сталъ безпокоить?

— И сама не знаю, простудилась, видно. Вотъ вы меня вчера гулять-то потащили... Я говорила вѣдь вамъ!

— Однако, — замѣтилъ я, — вы вчера такъ закутались, что, если бы хотѣли, такъ нельзя было простудиться...

— Хорошо вамъ, батюшка, говорить, а я человѣкъ старый... У меня нервы разстроены: чуть что, желудокъ сейчасъ и заноетъ...

— Охъ, ужъ этотъ желудокъ! — засмѣялась Васильева.—Онъ у нея отъ всего болитъ: и отъ радости, и отъ горя, и отъ испуга, и отъ простуды... Что бы ни случилось, у нея прежде всего желудокъ отзовется.

— Хорошо вамъ смѣяться, а каково мое-то положеніе, воображайте!— обидѣлась бабушка. — Нѣтъ, ужъ вы, матушка Лександра Львовна, отпустите меня!

Васильева велѣла подать экипажъ, и бабушка, крехтя и охая, усѣлась въ него.

Передъ отъѣздомъ меня позвали посмотрѣть бабушкинъ узелъ. Въ немъ, среди ея принадлежностей, оказались, между прочимъ, лоскутки ситцу, полотенце, сломанная дѣтская игрушка, серебряная ложечка, шерстяной платокъ, нѣсколько пуговицъ разныхъ сортовъ, еще нѣсколько лоскутковъ какой-то матеріи и головка куклы. Все это было выбрано, а узелокъ былъ завязанъ попрежнему.

— Вотъ не погляди, и увезла бы все съ собою,—ворчала горничная Луша:—а потомъ барыня и подумаетъ на насъ. Хошь дрянь-то эта и никому не нужна, а всетаки ложечка да полотенце вещи стоющія. И вѣдь видитъ, что каждый разъ оглядываютъ, нѣтъ, такъ руки и чешутся. Тьфу ты, прости Господи!

IV.

Вспомнивъ, что бабушка обѣщала мнѣ показать какія-то бумаги Гречковскаго, я чрезъ нѣсколько дней собрался навѣстить ее. Въѣхавъ въ улицу деревни Болотнова, я затруднился, куда ѣхать далѣе, и обратился къ растрепанной бабѣ, поднимавшей бадью изъ колодца, съ вопросомъ: гдѣ мнѣ найти Олимпіаду Павловну Рудневу?

Баба медленно довертѣла колесо колодца, выставила бадью на край сруба и, придерживая ее рукой, обратилась ко мнѣ:

— Это трепалку-то?

Подумавъ, что она не поняла меня, я повторилъ свой вопросъ.

— Ну, да, я про нее тебѣ и говорю, кормилецъ, про трепалку... Ее у насъ и все такъ-то зовутъ.

— Почему же ее такъ зовутъ?

— А хто е знать! Зовутъ, да зовутъ! —философски разсудила баба.

— Такъ, какъ же проѣхать къ ней?

— А вотъ ступай улицей все прямо. Проѣдешь деревню, поверни направо: тутъ тѣ прямо и домъ ихъ будетъ.

Я поблагодарилъ бабу и тронулъ своего коня. Повернувъ по указанному направленію, я увидалъ старенькій домишко, крытый соломой, надъ которымъ возвышалось обвалившаяся труба. Окна покривились, въ нѣкоторыхъ рамахъ стекла состояли изъ нѣсколькихъ склеенныхъ замазкой кусочковъ, ставни еле держались то верхней, то нижней петлей, и каждую минуту, казалось, грозили свалиться; крыльцо тоже какъ-то осѣло и посунулось на бокъ. На лѣвой сторонѣ двора стояли двѣ плохенькія избы, за которыми виднѣлось еще какое-то дрянное строеніе съ подставленными съ боковъ подпорками; направо два сарая широко распахнули свои покривившіяся ворота. Какою-то грустью вѣяло отъ этого умирающаго жилища. Во всемъ проглядывала неряшливость, запущенность.

На дворѣ никого не было. Я привязалъ лошадь къ столбу крыльца и вошелъ въ домъ. Тамъ было все также ветхо, но чисто и опрятно.

— Кто тамъ?—послышался крикливый голосъ бабушки.

— Это я, бабушка, пріѣхалъ провѣдать васъ.

— Ахъ, батюшка, Иванъ Петровичъ, благодарю, что навѣстили старуху... Вотъ я къ вамъ сейчасъ выйду!—продолжалъ ея голосъ откуда-то изъ-за двери:—извините старуху, батюшка! Да гдѣ-жъ это дѣвка-то? Наташка! Наташка!

— Сейчасъ!—послышался откуда-то сонный голосъ.

— Поди, дура, ставь скорѣй самоваръ: гости пріѣхали! Вотъ я васъ, батюшка, огурчиками съ медомъ угощу! — обратилась она ко мнѣ опять изъ-за двери.

За дверями послышалось ворчаніе, и мимо меня шмыгнуло какое-то заспанное существо.

Наконецъ показалась и бабушка, завязывая на ходу тесемки чепца.

— Здравствуйте, родной... Спасибо, что не забыли старуху. Какъ здоровье Сергѣя Иваныча, Лександры Львовны?

— Благодарю васъ: всѣ здоровы, вамъ кланяются.

— Ну, и слава Богу!... Ахъ, батюшка, вотъ вы и кстати заѣхали. А я вамъ новость скажу: къ вамъ въ сосѣдство красавицы ѣдутъ.

— Какія красавицы?

— Авдотья Петровна, батюшка, съ дочками... Вчера староста Лотохинскій ѣхалъ въ городъ, сказывалъ, что домъ приготовляютъ, ждутъ.. Вотъ познакомьтесь... Вы человѣкъ холостой... Воображайте!—вдругъ перебила она себя:—къ вамъ скоро гости будутъ. Побѣдимовъ, Иванъ Петровичъ, тезка вашъ, присылаетъ за мной третьяго дня. Ужъ вѣрно, говоритъ, Лимпіяда Павловна, вамъ извѣстно: кто такой гоститъ у Сергѣя Иваныча?—Какъ же, батюшка, не знать, говорю: имѣла честь познакомиться... И давай ему васъ расписывать! А у него три дочери, знаете: и дѣвицы хорошія, скромницы и рукодѣльницы, а вотъ подите же — не даетъ Богъ жениховъ!

Бабушка хитро подмигнула однимъ глазомъ.

— Вотъ Иванъ-то Петровичъ какъ прослышитъ про холостаго мужчину, сейчасъ и знакомиться! Ну, только Сторожевы-то не чета его дочерямъ! Особливо средняя—Катенька. Просто писанная красавица!—бабушка съ восторгомъ чмокнула губами.

— Вѣдь это та Сторожева, про которую вы тогда разсказывали?

— Она самая, батюшка, она самая... Только теперь она уже, конечно, въ лѣтахъ. А молода была, что твоя королева! Теперь, конечно, дочки невѣсты, а пожалуй и сама она еще молодому не уступитъ. Вотъ, батюшка, я вамъ разскажу, какъ она старшую выдавала замужъ. Женихъ-то былъ не здѣшній, откуда-то перевелся въ намъ въ полкъ. И такъ эвто скоро: познакомился—и руку, молъ, и сердце предлагаю... Бабушка сдѣлала смѣшную гримасу и показала, какъ женихъ предлагалъ руку и сердце.

— И что же вы думали? Авдотья-то Петровна... Я, говоритъ, васъ мало знаю... Какъ еще вы способны къ брачной жизни... Я сперва сама васъ испытаю.

Бабушка закинула назадъ головку и, хитро прищуривъ глазки, посмотрѣла на меня.

— И вѣдь испытала!

— И что же, годенъ оказался?—спросилъ я, расхохотавшись.

— Чего ужъ! Видно, очень пригодился! Только не долго пришлось съ нимъ женѣ жить. Ужъ тамъ не знаю отчего,— бабушка прищурила лѣвый глазъ:—а только черезъ годикъ уѣхалъ онъ, да и пропалъ съ эвтихъ поръ. Письмо онъ имъ написалъ тогда... У меня и письмо-то было, да зачиталъ Хваткинъ.

— А вы, бабушка, говорили, что у васъ Гречковскаго бумаги есть?—сказалъ я къ слову.

— Есть, есть, батюшка, вотъ я вамъ сейчасъ принесу...

Бабушка оперлась своими короткими ручками о колѣни, нагнулась впередъ и наконецъ приподнялась съ кресла. Пошаривъ въ сосѣдней комнатѣ, она вытащила мнѣ связку бумагъ. Это былъ пестрый сборъ выписокъ изъ книгъ, начатыхъ трактатовъ о «важ-

ныхъ матеріяхъ», между прочимъ, была фантастическая сказка о Русскомъ государствѣ. На листѣ, озаглавленномъ «Мои замѣтки», было, напримѣръ, слѣдующее. Начинался онъ стихотвореніемъ Беранже «Hatons-nous», воспѣвающимъ Польшу. Далѣе слѣдовало: «Величитъ душа моя Господи, и возрадовася духъ мой о Бозѣ, Спасѣ моемъ». «Честнѣйшую Херувимъ и славнѣйшую безъ сравненія Серафимъ, безъ истлѣнія Бога слово родшую, сущую Богородицу, тя величаемъ».

«Господи! воздвигни силу твою и пріиди во еже спасти ны!»

«Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази его, и да бѣгутъ отъ лица его ненавидящіе его. Яко исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ».

«Ребята! Слава впереди! Въ душахъ кипятъ восторги. Ура! Пусть будетъ на груди у каждаго Георгій!»

«Наведи! до груди! Попади! Конечно, не пулей, не штыкомъ или кулакомъ, а словомъ, словомъ любви, прямо въ сердце».

«En avant! partez, camarades,
«L'arme au bras, le fusil chargé» и т. д.
(«Le vieux caporal», Беранже).

«Господи! дай намъ миръ, дружбу, согласіе и любовь».

«Научи, вразуми, просвѣти и сподоби насъ познать Тебя, милаго Отца, покажи намъ красоту Твою; дай намъ всѣмъ сердцемъ любить Тебя; чтобы мы, любя Тебя, исполняли волю Твою и любили бы другъ друга, какъ себя, какъ образъ и подобіе Твое».

«Vite en carosse,
«Vite à la noce;
«Juif ou chrétien, tout le monde est prié.
«Vite en carosse,
«Vite à la noce.
«Alliluia! le pape est marié» и т. д.
(«Le Mariage du pape», Беранже).

«Вкусите и видите, яко благъ Господь. Аллилуія, аллилуія, аллилуія!

«Сѣйте слово истины и правды, кто можетъ на большомъ, а другіе на маломъ полѣ, поощряйте къ сему другъ друга; посѣвъ можетъ сдѣлаться обширнымъ, общественнымъ. Отъ ревностнаго распространенія истины и правды долженъ произойти плодъ общественнаго мира и благоустройства». (Митр. Филаретъ, 17-го апрѣля 1858 года).

Въ томъ же родѣ «Мои замѣтки» продолжались на нѣсколькихъ страницахъ.

По разсказамъ бабушки, Гречковскій всегда былъ какой-то восторженный, держался особнякомъ и кончилъ тѣмъ, что застрѣлился, причемъ не убилъ себя сразу, а промучился еще цѣлыя сутки. Умирая, онъ повторялъ: «душно! воздуху! свѣту!». Очевидно что этотъ «сумасшедшій» былъ жертвой окружавшей среды.

Между тѣмъ, заспанная Наташка, неуклюжая, растрепанная, кривая на одинъ глазъ женщина, постоянно что-то ворчавшая себѣ подъ носъ, накрыла на столъ и подала самоваръ. Принесла она и чашку со свѣжимъ сотовымъ медомъ.

— Откуда это у васъ, бабушка, медъ такой славный?

— Собственный, батюшка. У меня вѣдь нѣсколько колодокъ есть. Ерастъ Ѳедорычъ, зятекъ-то мой, хоть и пьяница,—бабушка усмѣхнулась:—а за пчелами ходить умѣетъ. Онъ на работу всякую мастеръ, кабы только не водочка. Вотъ вчера уѣхалъ съ Лизанькой къ Роговскому батюшкѣ: именины онъ справляетъ женины, приглашалъ, теперь дня три прохороводятся...

— А вы что же, бабушка?

— Не могу, батюшка, желудокъ безпокоитъ. Вотъ ужъ какъ безпокоитъ! Хотѣлось бы, да не могу. Вотъ сижу съ вами, говорю, ничего. А если теперь сѣсть на тележку — смерть моя! версты не проѣду!

— А вы давно здѣсь живете, бабушка?

— Давно, лѣтъ тридцать, а то и больше. Къ теткѣ я сюда пріѣхала, да такъ тутъ и осталась...

— Вы, кажется, говорили, что въ С—ской губерніи жили?

— Эвто, какъ изъ института я только вышла. Я у дяди тогда жила. Весело тогда мы лѣто провели. Наняли въ степи нѣсколько палатокъ у татаръ; много было насъ: и дяди семья, и знакомыхъ понаѣхало. Богатые тамъ татары. Женъ какъ своихъ одѣваютъ— просто удивленіе! У иного женъ-то штукъ 25, а то и больше. Воображайте, какой у нихъ обычай: если сразу дичь не убьютъ на смерть, то ни за что ѣсть не станутъ. А дичи тамъ сколько! Зайцы вотъ этакіе, вдвое больше здѣшнихъ, эвтихъ козъ, куропатокъ, тетерекъ—не оберешься! — и бабушка махнула рукой. — И всѣ они князья, да князья. А я, бывало, все за князя желала выйдти, вотъ дядя и подшутилъ надо мной. «Надоѣла ты мнѣ, говоритъ, со своими князьями; нечего дѣлать, представлю я тебѣ нѣсколько— выбирай любаго!» Мы, дѣвицы, обрадовались. Дядя устроилъ у себя вечеръ. Нарядились мы, выходимъ—и что же? Полонъ домъ татаръ! Дядя ко мнѣ, взялъ за руку, вывелъ на средину: «вотъ, говоритъ, Лимпіяда Павловна, вамъ, князья, выбирайте!» Это при всѣхъ-то! Воображайте! Ну, зато уже сразу отъ князей отучилъ.

Бабушка весело разсмѣялась.

— А ужъ какъ мы эвтихъ татарскихъ бабъ злили! Бывало, такъ ихъ раздразнимъ, что они ругаться, а то и швырять, чѣмъ ни попадя, начнутъ. А мы-то радуемся!... Молодость...—бабушка меланхолически вздохнула и покачала головой:—а какъ вернулись въ Москву — никто не узнаетъ: вотъ какія сдѣлались.

Старушка широко разставила свои коротенькія ручки.

— Что же, долго вы жили у дяди?

— До самаго замужества. Весело у него жилось. Я дамскаго общества не любила, у насъ все больше мужчины бывали... И какъ меня мужчины любили! Бывало, разговариваемъ, хохочемъ... а ужъ съ визитомъ къ барынѣ какой нибудь ѣхать—эвто смерть моя!

Бабушка замолчала, какъ будто перебирая мысленно свою молодую жизнь. Ручки ея усиленно вертѣлись на животѣ, теребя бахрому платка. Устремивъ прямо впередъ свои живые глазки, она продолжала медленно:

— Ну, и общество у насъ хорошее собиралось. Вотъ эвтотъ Пушкинъ писатель часто у насъ бывалъ. Сидитъ букой въ углу, да ногти кусаетъ. Мы его всѣ очень боялись: молчитъ, молчитъ, да и осмѣетъ. Воображайте, мы его обходили на нѣсколько шаговъ...

— А какъ же вы замужъ вышли?

Бабушка какъ будто вдругъ очнулась отъ сна.

— Да какъ и всѣ, батюшка! Сдѣлалъ офицеръ предложеніе, я дала слово, вотъ и все тутъ!

V.

Мнѣ пришлось ѣхать въ городъ недѣли на двѣ. Бабушка все это время не показывалась Васильевымъ, такъ что Александра Львовна думала, ужъ не заболѣла ли она. Но какъ разъ въ день моего пріѣзда явилась и она.

Еще не успѣвъ раздѣться, бабушка замахала ручками.

— Съ прибылью, матушка, Лександра Львовна, съ прибылью поздравьте меня!

— Съ какой прибылью, бабушка?

— Съ сыномъ Михайломъ и дочерью Марьей! — со смѣхомъ отозвалась бабушка.

— Какъ съ сыномъ Михаиломъ? Откуда это?—спрашивала съ недоумѣніемъ Васильева.

— Мой благовѣрный, матушка, мнѣ презентовалъ. Что же дѣлать: съ кѣмъ грѣхъ не бываетъ! — шутила бабушка.

— Да что же, бабушка, вы не раздѣваетесь? Пойдемте въ комнаты.

Бабушка такъ увлеклась, что стояла въ передней и только вертѣла узелъ головнаго платка, не развязывая его.

— Что такое у васъ случилось? Вы больны были, должно быть, бабушка? Какая вы блѣдная.

Въ самомъ дѣлѣ бабушка поблѣднѣла и похудѣла.

— Ахъ, матушка, такое дѣло, что я чуть не умерла!—сказала бабушка, вдругъ переходя въ грустный тонъ:—вы только воображайте, что я вамъ разскажу... Изволите видѣть: у мужа моего была... какъ бы вамъ сказать... привиллегія, и отъ эвтой привиллегіи было у него двое дѣтей. Вотъ онъ и сдѣлалъ духовную эвтимъ

ѣтямъ, а привиллегію-то моимъ именемъ назвалъ и поставилъ законной женой... да про законную-то дочь мою-то даже и не помянулъ, ровно ея и нѣтъ... Воображайте, каковъ подлецъ! Хошь онъ мнѣ и мужъ былъ, а всетаки скажу: подлецъ!

— А мы, бабушка, считали васъ вдовой вѣдь, — сказалъ Васильевъ.

— Была, батюшка, и такъ вдова—соломенная, а теперь настоящая стала!—грустно усмѣхнулась бабушка.—Хорошо еще, что росписка-то эта у меня сохранилась, а то какъ бы мнѣ доказать, что у меня съ 1835 года дѣтей не было? Спасибо, что припрятала, хоть и смѣялись мнѣ, что она никуда не годится.

— Какая росписка?

— А мужъ мнѣ выдалъ. Вотъ я вамъ покажу... Я ужъ берегу ее теперь.

Бабушка вытащила изъ своего узла листъ сѣрой бумаги, на которомъ широкимъ, размашистымъ почеркомъ было написано:

«Я, нижеподписавшійся, по несостоятельности своей, не могу содержать жену свою Олимпіаду Павловну, почему и отпускаю ее, жену мою, на всѣ четыре стороны, съ тѣмъ, что она, вышерѣченная жена моя, имѣетъ право снискивать себѣ пропитаніе, гдѣ и какъ ей будетъ угодно. Отставной корнетъ Андрей Евлампіевъ Рудневъ. 26-го мая 1835 года».

Бумага была скрѣплена сургучной печатью съ изображеніемъ амура, цѣлящагося изъ лука, и надписью: «не промахнусь!»

— Ну, и у Лизаньки тоже вѣдь въ институтѣ бумага есть. А каково мнѣ, на старости лѣтъ, такое безчестіе! Пріѣзжаю я въ городъ, сродственники всѣ ко мнѣ: «Помилуйте, говорятъ, Лимпіяда Павловна, вѣдь эвто позоръ всѣмъ намъ, безчестіе нашей фамиліи»... да такъ напугали меня, что я въ постель слегла, думала—умру: цѣлую недѣлю въ ротъ ничего не брала. Головокруженіе и разстройство въ желудкѣ эвто, знаете... такъ ужъ и думала, что не встану. Только полегче стало, я къ князю: заступитесь! говорю. Онъ говоритъ: «вамъ надо доказать, что дѣти эвти не ваши, а ее, говоритъ, за это упекутъ. Если бы вашъ мужъ живъ былъ, говоритъ, его бы за эвто въ каторжную работу». Воображайте, какія дѣла!

— Чѣмъ же ваше дѣло кончилось?

— Да пока еще ничѣмъ. Только ей за эвто достанется! Я ужъ эвтаго дѣла такъ не оставлю, я ее, подлячку, въ Сибирь упеку! Вѣдь это оскорбленіе моей чести!

Бабушка разгорячилась, завязки чепца съѣхали у нея на ухо, и изъ-подъ парика высунулся клокъ волосъ.

— За что же вы на «привиллегію»-то мужнину такъ сердитесь: вѣдь мужъ вашъ виноватъ, а не она?

— Помилуйте, батюшка,—убѣдительно отвѣчала старуха:—вѣдь

я должна эвто сдѣлать, а то мнѣ и самой достанется! Вѣдь эвта дѣвка моимъ именемъ назвалась, а я за всякую шлюху отвѣчать не согласна!

— Да за что же вамъ-то отвѣчать?

— А какъ же? Эвтакая наглость! Воображайте, она моимъ именемъ вездѣ называлась, а эвто позоръ моей фамиліи. Она не смѣетъ моего имени порочить! Мнѣ и князь сказалъ, что я могу отвѣтить.

Видимо, ей крѣпко засѣло въ голову, что кто нибудь изъ нихъ двухъ долженъ «отвѣтить».

Бабушка помолчала и прибавила съ значительнымъ видомъ:

— Эвто дѣло важное и въ газетахъ будетъ публиковано. А ужъ какъ оно меня разстроило! такъ разстроило!

Бѣдная старуха дѣйствительно была видимо взволнована и почти больна. Мы, какъ могли, старались успокоить ея тревоги. Она не осталась даже ночевать, а поспѣшила домой, жалуясь на «желудокъ».

Черезъ нѣсколько дней бабушка опять завернула къ Васильевымъ. Она пріѣхала на какой-то таратайкѣ, везомой маленькой, толстой, лѣниво двигавшейся, лошаденкой. На козлахъ сидѣлъ босоногій мальчишка съ длиннымъ кнутомъ и необыкновенно тонкимъ и звонкимъ голосомъ.

Бабушка имѣла на этотъ разъ гораздо лучшій и болѣе веселый видъ.

— Здравствуйте, благодѣтельница! я къ вамъ на минуточку...

— Что такъ, бабушка?

— Никакъ не могу, матушка. Въ городъ ѣду. Все по дѣлу по своему. Не утерпѣла только завернуть къ вамъ новость сказать. Княгиня надняхъ у меня сама была, въ Корытово къ себѣ ѣхала, да и остановилась по дорогѣ чайку выпить. Говоритъ, дѣло скоро кончится. Мнѣ и хлопотать много не надо: подлячку тихимъ матомъ, да и въ полицію.

— Ну, вотъ видите, бабушка. А вы все за себя опасались.

— Да кто же зналъ, матушка? А всетаки ей достанется. Княгиня говоритъ, что дѣло мое очень важное и безпременно въ газетахъ будетъ публиковано... вотъ увидите.

И бабушка съ гордымъ и радостнымъ видомъ подняла плечи.

— А какая, матушка, дочка у княгини красавица! Вотъ ужъ красавица! И ужъ какъ одѣваются! Очень мнѣ понравилось: эвто у нихъ платья спереду не охлюснувши, а все складочки, все складочки. Такъ прекрасно: все складочки, все складочки...—повторяла бабушка, перебирая пальчиками на животикѣ.

VI.

Однако, какъ ни бодрилась бабушка, что ея «дѣло» кончилось хорошо и «будетъ въ газетахъ публиковано», «оскорбленіе ея фамиліи» сильно повліяло на старуху. Какъ бываетъ обыкновенно съ крѣпкими стариками, она вдругъ сразу опустилась и расклеилась. «Желудокъ» у нея не на шутку разстроился, и къ этому она еще сильно простудилась съ своими поѣздками въ городъ. Бабушка поскрипѣла, поскрипѣла, да и слегла въ постель, съ которой ей ужъ не суждено было встать. Мнѣ пришлось увидать ее незадолго до смерти. Видъ ея совершенно измѣнился. Исхудавшая, маленькая съ сморщеннымъ личикомъ лежала она въ своей маленькой, все также чисто прибранной комнатѣ. Ни чепца, ни парика на головѣ не было, и рѣденькіе сѣдые волосы придавали ея лицу совсѣмъ новое выраженіе. Глаза хотя и ввалились, но казались больше, и все еще временами вспыхивалъ въ нихъ огонекъ.

Подлѣ постели стояла пригорюнившись кривая Наташка и все также ворчала что-то себѣ подъ носъ. Она была такая же растрепанная и только чаще прежняго сморкалась, да единственный глазъ ея блестѣлъ больше обыкновеннаго отъ застилавшихъ его слезъ.

— Спасибо, родной,—привѣтствовала меня бабушка упавшимъ голосомъ:—старуху провѣдали. Плохо, батюшка... Ужъ я св. Таинъ пріобщалась...

— Надѣюсь, бабушка, вы еще поправитесь... Богъ дастъ, мы съ вами еще не разъ побесѣдуемъ.

Мнѣ было жаль старуху. Она, видимо, замѣтила это и сказала увѣреннымъ тономъ.

— Нѣтъ, батюшка, видно моя пѣсенка спѣта... Да я и не ропщу: довольно пожила. Всего приняла, и горя, и радости, а горя-то, пожалуй, больше... Ну, что, батюшка, какъ вамъ сосѣдки понравились?— вдругъ сдѣлала она попытку вернуться къ своей обычной манерѣ.

— Богъ съ ними, бабушка... Вотъ васъ-то жаль, что уложила васъ въ постель эта исторія...

— Богъ съ ними и взаправду!—отвѣчала она спокойно.—Спасибо вамъ, батюшка, что меня не забыли...

С. Воронежскій.

ВОСПОМИНАНІЯ ПОЛЬСКАГО ПОВСТАНЦА 1863 ГОДА.

ВДОВА Н. В. Гогеля, бывшаго съ 1863 по 1867 годъ членомъ особой Виленской коммиссіи по политическимъ дѣламъ и автора извѣстнаго сочиненіе «Іосафатъ Огрызко и Петербургскій революціонный жондъ», предоставила въ распоряженіе редакціи «Историческаго Вѣстника» сохранившіяся въ бумагахъ ея мужа воспоминанія одного изъ повстанцевъ польскаго мятежа 1863 года, г. Ягмина.

Воспоминанія эти любопытны уже потому, что авторъ ихъ былъ не только современникомъ описываемыхъ имъ событій, но и принималъ въ нихъ горячее участіе. Воспитанный, какъ и большинство поляковъ того времени, ксендзами, старавшимися, на сколько было возможно, привить своимъ питомцамъ ненависть ко всему русскому, Ягминъ въ самомъ началѣ мятежа сталъ на сторону поляковъ и поступилъ въ ряды одной изъ польскихъ шаекъ, гдѣ и оставался до своего ареста. Авторъ, быть можетъ, помимо своей воли ярко рисуетъ то настроеніе, въ которомъ находился онъ самъ и все польское общество, начиная съ крестьянъ и кончая панами, всю неподготовленность мятежа, весь недостатокъ силъ матеріальныхъ и духовныхъ не только для осуществленія стремленій вожаковъ, но даже для сколько нибудь продолжительной борьбы. Всѣ эти «довудцы» съ ихъ спорами за первенство, постоянные переходы изъ одного лѣса въ другой, кутежи и тому подобное—производятъ впечатлѣніе дѣтской забавы, но забавы жестокой, потому что нельзя безъ содроганія читать о дѣйствіяхъ жан-

дармовъ-вѣшателей и жандармовъ-кинжальщиковъ, бывшихъ одной изъ главныхъ силъ мятежа.

Любопытно также прослѣдить, какъ постепенно, незамѣтно для самого себя, авторъ началъ приходить къ убѣжденію, что онъ служитъ ложной идеѣ, что онъ обманутъ; какъ, въ концѣ концовъ, онъ изъ поляка-фанатика сдѣлался русскимъ патріотомъ и принялъ православіе. Впрочемъ, на сколько можно судить по воспоминаніямъ, авторъ никогда не отличался особеннымъ фанатизмомъ и даже увѣренностью въ томъ дѣлѣ, которому служилъ. Его колебанія, сомнѣнія, боязнь, помимо его желанія и воли, проходятъ красной нитью черезъ всѣ воспоминанія, представляющія такимъ образомъ не одинъ лишь фактическій интересъ, но и психологическій.

I.

Родъ Ягминыхъ герба «пеликана».—Наслѣдство послѣ дѣда.—Похищеніе бабки Оржешко.—Послѣдній «наѣздъ» на сосѣда.—Мужъ бабушки и его помѣстье.—Крестникъ императора Александра I.—Поѣздка за границу. — Женитьба отца и волненія въ 1831 году. — Жизнь въ Ковердзянахъ. — Посѣщенія императора Николая I.—Ксендзъ Шимковичъ.—Наши преподаватели.—Поступленіе въ корпусъ.—Русскій языкъ и польская исторія.—Переводъ въ Москву.—Борьба партій въ корпусѣ.—Возвращеніе домой.—Поѣздка въ Варшаву.—Пансіонъ Лещинскаго. — Ненависть ко всему русскому. — Погребеніе г-жи Совинской. — Демонстраціи.—Графъ Красинскій и его похороны.—Мощи св. Виктора.—Шествіе по Варшавѣ и въ Яновъ.—Окончаніе ученія.

Отецъ мой перечислялъ своихъ предковъ съ XVI столѣтія, а по герольдіи Нѣсѣцкаго родоначальникомъ нашего шляхетскаго рода былъ Ягминъ, который спасъ польскаго короля Сигизмунда III отъ смерти во время одной стычки при осадѣ Смоленска. За этотъ подвигъ Ягмины причислены къ гербу «пеликана». Но какъ возросталъ нашъ родъ и какая была судьба моихъ предковъ, мнѣ совершенно неизвѣстно. Относительно дѣда, который умеръ вскорѣ послѣ 1812 года, я знаю только, что онъ укрывалъ въ своемъ домѣ какого-то знатнаго офицера Наполеоновской арміи отъ русскихъ войскъ; впослѣдствіи этотъ офицеръ успѣлъ спастись бѣгствомъ за границу.

Мой отецъ остался сиротою въ очень молодыхъ годахъ, первоначальное образованіе получилъ въ виленской гимназіи, а по окончаніи ея поступилъ на юридическій факультетъ Виленскаго университета. Будучи еще студентомъ, онъ получилъ огромное наслѣдство отъ своего дѣда Феликса Ягмина, стражника литовскаго; наслѣдство это отецъ раздѣлилъ, по своему великодушію, съ двумя обѣднѣвшими братьями, но при всемъ томъ, съ прежде полученнымъ отъ своего отца, онъ сдѣлался богатѣйшимъ помѣщикомъ

Брестскаго уѣзда. Высокаго роста, красивый собою, мой отецъ вскорѣ женился и отъ этого брака имѣлъ дѣтей: старшаго Каликста, меня, Августа, Феликса, Генриха, Адама и дочь Еву, младшую въ семьѣ.

Мой прадѣдъ по матери былъ староста волынскій Оржешко (полонизированная фамилія Орѣшко) и считался богатымъ вельможею; у него была единственная дочь 15-ти лѣтъ Юлія, хорошо образованная дѣвушка и наслѣдница всѣхъ его богатствъ. За нею ухаживалъ съ корыстною цѣлью одинъ изъ богатыхъ сосѣдей-помѣщиковъ, Незабитовскій, который, вкравшись въ довѣріе старосты, задумалъ похитить его единственную наслѣдницу и жениться на ней. Зная, что Юлія принимаетъ охотно отъ него конфекты, Незабитовскій явился въ одинъ прекрасный день въ каретѣ и, зная, что дѣвушка гуляетъ по обыкновенію въ саду, обнесенномъ каменною стѣною, направился прямо къ ней. Послѣ первыхъ привѣтствій, онъ заявилъ, что привезъ конфекты, но забылъ ихъ въ каретѣ, а потому проситъ ее сходить за ними. Наивное дитя, она побѣжала къ садовой калиткѣ, но не успѣла подойти къ каретѣ, какъ Незабитовскій схватилъ ее на руки, сѣлъ съ нею въ экипажъ, и лошади помчались во весь опоръ. Моментъ былъ выбранъ такъ удачно и похищеніе совершено такъ быстро, что перепуганная Юлія не успѣла даже крикнуть, а домашніе и не замѣтили исчезновенія молодой барышни. Карета остановилась въ помѣстьѣ Незабитовскаго у приходскаго костела, гдѣ ксендзъ съ заранѣе приглашенными свидѣтелями ожидали прибытія жениха и невѣсты. По совершеніи обряда вѣнчанія, всѣ отправились въ замокъ новобрачнаго, который устроилъ свадебное пиршество, продолжавшееся двѣ недѣли безъ перерыва.

Легко представить себѣ, какъ потрясло старосту Оржешко извѣстіе о пропажѣ его дочери. Гонцы были разосланы во всѣ стороны, и истина не замедлила обнаружиться. Тогда староста рѣшился отомстить бывшему другу и съ этою цѣлью вооружилъ немедленно всю свою многочисленную дворню, извѣстивъ о совершившемся родственниковъ и друзей, которые не замедлили присоединиться къ оскорбленному отцу, чтобы разомъ напасть на замокъ Незабитовскаго. Этотъ «наѣздъ» въ исторіи западной Россіи считается послѣднимъ и состоялся въ 1802 году. Пока въ залахъ замка раздавалась музыка, происходили танцы и пѣнилось вино въ бокалахъ, родня Юліи нагрянула неожиданно, ворвалась въ залы и разогнала пирующихъ шляхтичей, которые не рѣшились сопротивляться. Пользуясь темнотою ночи, Незабитовскій скрылся, а староста, отыскавъ свою дочь, удовольствовался одержаннымъ успѣхомъ и болѣе не преслѣдовалъ похитителя. Юлію помѣстили для безопасности въ монастырь, гдѣ она и пробыла до смерти отца. Сдѣлавшись самостоятельною, богатая наслѣдница вскорѣ познако-

милась съ Каликстомъ Мержеевскимъ, за котораго и вышла замужъ.

Каликстъ Мержеевскій, мой дѣдъ по матери, былъ также очень зажиточный помѣщикъ; изъ его прошлаго я знаю по разсказамъ въ дѣтствѣ, что онъ принималъ горячее участіе въ возстаніи Тадеуша Костюшко, и за это его помѣстья были секвестрованы русскимъ правительствомъ. Мать его, вдова великаго стражника литовскаго, 90-лѣтняя старуха, воспользовалась проѣздомъ черезъ Брестъ императора Павла I и лично исходатайствовала у него прощеніе своему сыну въ 1797 году. Имѣніе «Непле», въ которомъ жилъ мой дѣдъ, расположено въ Польшѣ на самой границѣ съ Россіею, въ 10-ти верстахъ отъ Бреста (нынѣ въ Сѣдлецкой губерніи, Бялскаго уѣзда), и замѣчательно по своему живописному мѣстоположенію. Рѣчка Лѣсная, впадая въ Западный Бугъ, образуетъ полуостровъ, густо заросшій лѣсомъ и распадающійся на двѣ половины: гористую и низменную. Въ первой находился господскій домъ старинной архитектуры съ множествомъ позднѣйшихъ пристроекъ и огромная каменная оранжерея, гдѣ находилась единственная въ Европѣ драгоцѣнная коллекція камелій. На краю долины стоялъ небольшой, но изящный домикъ, состоящій изъ трехъ зеркальныхъ комнатъ, выстроенный для императора Александра I, который посѣщалъ «Непле», и любилъ отдыхать отъ царственныхъ трудовъ, любуясь живописною долиною съ паркомъ, переполненнымъ дикими козами и другими лѣсными звѣрями. Нельзя не упомянуть о каплицѣ (часовнѣ), выстроенной дѣдомъ въ готическомъ стилѣ и гдѣ погребены члены семейства Мержеевскихъ. Когда овдовѣвшая бабка продала «Непле» генералу Корниловичу, то каплица, согласно контракту, осталась въ семьѣ Ягминыхъ.

Горячимъ желаніемъ дѣда было имѣть сына, такъ какъ пять дочерей не могли продолжать рода Мержеевскихъ. Наконецъ, долгое ожиданіе осуществилось: у дѣда родился сынъ, и радость его была безпредѣльна. Императоръ Александръ I, проѣзжавшій въ Варшаву и Вѣну, прибылъ въ «Непле» и удостоилъ быть воспріемникомъ новорожденнаго; за парадныъ обѣдомъ, бывшимъ по этому случаю, прислуживали окрестные помѣщики, желавшіе поближе посмотрѣть на государя. Одинъ изъ этихъ помѣщиковъ, засмотрѣвшись на императора, облилъ его соусомъ съ подаваемаго блюда. Не смотря на всѣ заботы и попеченія родителей, крестникъ государя умеръ, достигнувъ двѣнадцати лѣтъ. Легко представить себѣ печаль и огорченіе моего дѣда. Чтобы отвлечь его отъ мрачныхъ мыслей, послѣ погребенія сына, рѣшено было всею семьей ѣхать за границу.

Въ тѣ времена путешествія пановъ совершались по стариннымъ обычаямъ. По заранѣе составленному маршруту, на указанные по пути постоялые дворы отправляли лошадей, затѣмъ слѣдо-

вала кухня съ съѣстными припасами и поварами, послѣ нихъ лакеи и горничныя съ коврами, чтобы убрать ими предназначенныя для господъ комнаты. Только на слѣдующій день послѣ послѣдняго транспорта, по выслушаніи напутственнаго молебствія, дѣдушка отправился въ путь съ женою и пятью дочерями въ двухъ огромныхъ каретахъ съ желтымъ кузовомъ, а сзади ѣхалъ экипажъ съ камердинеромъ и старшею горничною. «Непле» опустѣлъ!

Во время пребыванія за границею моя старшая тетка вышла замужъ за Густава Фавіуса, офицера польской арміи во времена цесаревича Константина Павловича. Послѣ дуэли со своимъ полковымъ командиромъ Фавіусъ бѣжалъ за границу, гдѣ и нашелъ себѣ жену; вскорѣ затѣмъ состоялось его назначеніе посланникомъ отъ испанскаго двора въ Америку, такъ что въ Россію онъ возвратился на жительство только въ царствованіе императора Александра II.

Возвращаясь въ 1831 году на родину, Мержеевскіе попали въ самый разгаръ революціи, и я помню разсказы моей матери, что у дѣдушки въ то время часто танцовали, такъ какъ въ домѣ были дѣвушки-невѣсты, а изъ польскихъ отрядовъ, квартировавшихъ вблизи, часто пріѣзжали офицеры. Въ числѣ гостей вскорѣ появился богачъ Ягминъ, который и женился на самой младшей Мержеевской. Отъ этого брака родился я въ 1840 году въ имѣніи «Ковердзянахъ», въ 10-ти верстахъ отъ Брестъ-Литовска. Отецъ мой принадлежалъ, по своему богатству, къ первымъ богачамъ Брестскаго уѣзда и еще въ 1830 году былъ избранъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Пользуясь своимъ вліяніемъ, отецъ много способствовалъ успокоенію умовъ въ памятный 1831 годъ, когда вспыхнуло польское возстаніе; изъ Брестскаго уѣзда очень немногіе дали себя увлечь и отправились въ Бѣловѣжскую пущу собирать банды повстанцевъ, какъ, напримѣръ, Нѣмцевичъ. Въ то время въ предѣлы уѣзда вступилъ польскій генералъ Ромарино и расположился въ 8-ми верстахъ отъ Бреста; по этому случаю у отца въ Ковердзянахъ собралось многочисленное общество сосѣднихъ помѣщиковъ, а экзальтированная тетка моя громогласно провозгласила за обѣдомъ тостъ за поляковъ и ихъ побѣду. Однако, отецъ сильно воспротивился этой выходкѣ и достигъ того, что тостъ не былъ принятъ. Когда вскорѣ за этимъ гродненскій губернаторъ М. Н. Муравьевъ пріѣхалъ въ Брестъ, моего отца арестовали, но послѣ короткаго слѣдствія немедленно освободили.

Миновалъ печальный 1831 годъ, порядокъ и спокойствіе возстановились въ уѣздѣ, и понемногу польское общество начало сближаться съ русскимъ; нашъ домъ неоднократно былъ посѣщаемъ губернаторами и другими должностными лицами. У насъ часто бывали Я. И. Ростовцевъ, начальникъ Брестскаго кадетскаго корпуса Гельмерсенъ, генералъ Денъ, строившій тогда Брестскую

крѣпость, и многіе другіе. Двухэтажный каменный домъ нашъ въ Ковердзянахъ, выстроенный въ современномъ архитектурномъ стилѣ, былъ полонъ народу; верхній этажъ занимали родители, а въ нижнемъ были расположены четыре большихъ зала, богато убранныхъ, которые открывались только во время прiѣзда знатнѣйшихъ посѣтителей. Издали красовался нашъ домъ, окруженный англійскимъ паркомъ съ его извилистыми дорожками, разбѣгавшимися во всѣ стороны; затѣмъ большой фруктовый садъ, конюшни съ дорогими и красивыми лошадями, переполненные экипажами и разнообразною упряжью сараи, псарня съ разнаго рода охотничьими собаками и, наконецъ, огромная ливрейная дворня и кухня со штатомъ поваровъ и ихъ помощниковъ, — все это представляло шумный улей, гдѣ все кипѣло жизнью и изобиліемъ. Когда приходилось православному приходскому священнику или становому прiѣзжать къ намъ по дѣламъ, то они подъѣзжали съ задняго двора къ управляющему или же къ ксендзу Шимковичу развѣдавъ тамъ, въ какомъ настроеніи находится мой отецъ, рѣшались явиться въ пріемную.

Брестъ-Литовскъ расположенъ, какъ извѣстно, на трактѣ изъ Петербурга въ Варшаву, только въ 3-хъ верстахъ отъ границы собственной Польши; поэтому императоръ, по пути въ Варшаву или за границу, всегда проѣзжалъ чрезъ Брестъ, а такъ какъ тамъ была крѣпость, помѣщались войска и кадетскій корпусъ, то императоръ Николай Павловичъ останавливался обыкновенно для осмотра. По недостатку почтовыхъ лошадей въ городѣ, вошло въ обыкновеніе, чтобы помѣщики высылали на станцію свои лучшіе экипажи для надобностей государя; высылаемые моимъ отцомъ превосходили всѣ великолѣпіемъ и достоинствомъ лошадей. Однажды родители мои, отправивъ для государя экипажъ съ русскою упряжью, сами поѣхали на смотръ войскамъ съ краковскою упряжью и кучера нарядили въ краковскій костюмъ; императоръ замѣтилъ этотъ маскарадъ и велѣлъ удалить моихъ родителей съ плаца.

Изъ воспоминаній моего ранняго дѣтства у меня уцѣлѣли въ памяти только празднества и одинъ большой съѣздъ гостей по случаю именинъ моихъ родителей. Въ числѣ гостей былъ, между прочимъ, и князь Сапѣга. Къ этому торжеству ксендзъ Шимковичъ обучалъ меня и братьевъ пѣнію оды, а затѣмъ мы приготовляли сообща транспарантъ съ вензелемъ. Когда въ большихъ залахъ нашего дома собирались гости, то мы выступали впередъ, пѣли разученную оду, причемъ ксендзъ Шимковичъ игралъ на скрипкѣ и подтягивалъ намъ довольно пріятнымъ голосомъ, и, получивъ массу конфектъ, отправлялись спать, а гости продолжали веселиться.

Упоминаемый мною ксендзъ Шимковичъ былъ уроженцемъ западныхъ губерній, получилъ воспитаніе въ виленской гимназіи и въ 1812 году поступилъ въ банду Малиновскаго, образовавшуюся

одновременно съ другими, чтобы дѣйствовать за одно съ французами противъ русскихъ. Когда Наполеонъ I принужденъ былъ покинуть неласковую для него Россію, то банды, а въ томъ числѣ и Малиновскаго, уничтожились, и Шимковичъ, не перестававшій мечтать о возстановленіи тѣмъ или другимъ способомъ всецѣлой «Рѣчи Посполитой», поступилъ въ виленскую духовную семинарію, чтобы подъ прикрытіемъ сутаны (верхняя одежда католическаго духовенства) вѣрнѣе содѣйствовать намѣченной имъ цѣли. Окончивъ съ успѣхомъ курсъ, онъ былъ посвященъ въ ксендзы и, обративъ своимъ усердіемъ вниманіе своего начальства, на 27-мъ году былъ назначенъ префектомъ (или директоромъ) вилькомірскаго училища, состоявшаго въ вѣдѣніи монашескаго ордена піаровъ. Въ должности префекта, среди неутомимой дѣятельности, съ единственною задачею въ жизни, Шимковичъ дождался возстанія 1831 года, событіямъ котораго онъ никогда не могъ достаточно нарадоваться, а будучи уже нашимъ руководителемъ, не могъ достаточно наговориться о нихъ. Послѣ возстанія былъ обнародованъ указъ императора Николая I, уничтожающій монастыри піаровъ и іезуитовъ съ ихъ школами; такимъ образомъ, вилькомірское училище было закрыто, и Шимковичъ, по особой рекомендаціи моему отцу, попалъ къ намъ въ воспитатели и руководители.

Живя у насъ, нашъ законоучитель по большимъ праздникамъ отправлялся въ одинъ изъ ближайшихъ приходскихъ костеловъ, по приглашенію мѣстнаго духовенства, чтобы прочесть проповѣдь, которыя онъ умѣлъ мастерски говорить; чаще всего онъ ѣздилъ въ Збирово, гдѣ славилась статуя Спасителя съ ростущими волосами на головѣ. Ксендзъ Шимковичъ почти всегда бывалъ доволенъ подобными поѣздками, такъ какъ набожные прихожане всегда щедро награждали ксендзовъ за ихъ молитвы и мши (обѣдни), принося въ жертву то деньги, то съѣстные припасы, то произведенія своихъ рукъ. Возвратясь съ такой поѣздки, ксендзъ Шимковичъ старательно запирался въ своей комнатѣ и наединѣ пересчитывалъ полученныя деньги, которыхъ собиралось иногда до ста рублей. Слабостью ксендза были эти деньги, хотя онъ вполнѣ былъ обезпеченъ, получая отъ моихъ родителей квартиру, отопленіе, столъ и 150 рублей жалованья.

Мнѣ было шесть лѣтъ, когда ксендзъ Шимковичъ поселился у насъ, чтобы преподавать намъ законъ Божій, мораль, польскій языкъ, исторію Польши и ариѳметику. Французъ Біере, унтеръ-офицеръ Наполеоновской арміи, выдававшій себя за гвардейскаго офицера, былъ приглашенъ для французскаго языка. Послѣ Біере былъ швейцарецъ Бонгардъ для нѣмецкаго и французскаго языковъ и парижанка Шери для повседневныхъ разговоровъ. День нашъ въ то время начинался обыкновенно обѣднею въ домашней часовнѣ, которую совершалъ ксендзъ Шимковичъ и на которой

присутствовали мои родители, вся дворня и крестьяне, присылаемые на барскій дворъ для обязательныхъ работъ. Послѣ обѣдни крестьяне шли на работу, а мы принимались за уроки, которые продолжались до полудня, а въ первомъ часу садились обѣдать за общій столъ; по окончаніи обѣда мы были свободны до трехъ часовъ, а затѣмъ снова принимались за уроки. Вечеромъ же обыкновенно ксендзъ Шимковичъ разсказывалъ намъ эпизоды изъ польской исторіи, которыми мы нерѣдко заслушивались до поздней ночи. Бонгардъ и Шери только тѣмъ и памятны мнѣ, что они, не заботясь нисколько внушать намъ пользу наукъ, любезничали между собою, а намъ внушали, что дѣтямъ богатыхъ помѣщиковъ не слѣдуетъ вовсе учиться, такъ какъ имъ никогда не придется заработывать себѣ кусокъ хлѣба. Наконецъ мы достигли такого возроста, когда родители вообще начинаютъ заботиться о помѣщеніи своихъ дѣтей въ какое нибудь учебное заведеніе. Наши родители долго не могли рѣшиться, куда именно опредѣлить насъ. Но указъ императора Николая объ обязательной службѣ для помѣщиковъ рѣшилъ нашу участь, и отецъ постановилъ довольно быстро, что я и два моихъ брата, Августъ и Феликсъ, поступятъ въ брестскій кадетскій корпусъ, что̀ и состоялось въ 1851 году. Для объясненія этого поступка со стороны отца необходимо замѣтить, что незадолго до этого мои родители познакомились у начальника кадетскаго корпуса, Гельмерсена, съ Яковомъ Ивановичемъ Ростовцовымъ, который и способствовалъ нашему поступленію въ корпусъ, къ общему удивленію поляковъ-помѣщиковъ и ксендза Шимковича. Однако, послѣдній, какъ владѣвшій немного русскимъ языкомъ, взялся подготовить насъ, по мѣрѣ возможности, къ экзамену, такъ какъ мы совсѣмъ не знали этого языка.

Передъ самымъ поступленіемъ нашимъ въ корпусъ оказалось препятствіе, такъ какъ по уставу въ приготовительный классъ принимались дѣти не старше десяти лѣтъ, а намъ съ Августомъ было по двѣнадцати (мы были съ нимъ близнецами), а въ высшій классъ мы не могли поступить по причинѣ слабой подготовки. Благодаря связямъ, это препятствіе, впрочемъ, было устранено, и мы, сдавъ экзаменъ, 1-го февраля 1851 года очутились въ нестроевой ротѣ приготовительнаго класса. Эта внезапная перемѣна въ моей жизни отразилась на мнѣ самымъ благопріятнымъ образомъ. Дѣло въ томъ, что строгость отца и его явное предпочтеніе, оказываемое нашему старшему брату, какъ-то принижали насъ, а во мнѣ охлаждали дѣтскую любовь и къ родителямъ, и къ Каликсту; я чувствовалъ какую-то пустоту, чего-то мнѣ не доставало, а потому извѣстіе о поступленіи въ корпусъ обрадовало меня, такъ какъ я расчитывалъ, что если и не верну потеряннаго, то отчасти замѣню его расположеніемъ въ кругу будущихъ товарищей и избавлюсь отъ оскорбляющей приниженности. Въ корпусѣ я быстро

освоился съ русскимъ языкомъ, сталъ свободно объясняться на немъ и накинулся съ жадностью на ученье. Новая жизнь закружила меня, образы прошлаго быстро поблѣднѣли, и я снова сталъ рваться домой къ родителямъ, которыхъ полюбилъ въ разлукѣ. Поэтому я заботился удостоиться воскреснаго отпуска и учился старательно. Но родители не измѣнили своей холодности ко мнѣ и продолжали оказывать предпочтеніе Каликсту; это меня оттолкнуло отъ дома вторично, и я пересталъ усердно учиться, не интересуясь воскресными отпусками. Въ корпусѣ насъ навѣщалъ нерѣдко ксендзъ Шимковичъ. Какъ-то разъ я спросилъ его, почему, кромѣ исторіи Польши, онъ не разсказывалъ намъ ничего о другихъ народахъ, тогда онъ отвѣтилъ мнѣ: «Дитя мое, Польша—это твое отечество, и ты раньше всего и лучше всего долженъ знать событія въ жизни своего народа, чтобы быть достойнымъ имени поляка». Зарождавшіяся во мнѣ мысли, удовлетворяемыя такими положительными отвѣтами, твердо вкоренялись въ моемъ умѣ, и когда преподаватель исторіи разсказывалъ о древней Элладѣ и Римѣ съ ихъ героями, самоотверженіе и любовь которыхъ къ своему отечеству волновали и плѣняли мое воображеніе, то я сравнивалъ ихъ обыкновенно съ Жолкевскими, Ходкевичами, Баторіями, Собѣсскими и другими представителями польской исторіи; благодаря этому, моя ненависть къ Россіи, Австріи и Пруссіи развивалась все сильнѣе. Я старался всегда принадлежать въ корпусѣ къ кружку единовѣрцевъ, потому что католическая религія отличала поляка отъ русскаго, и мы всегда почитали корпуснаго ксендза Козмяна, выражая это тѣмъ, что на перебой бросались цѣловать его руку если онъ приходилъ къ намъ.

Въ 1853 году умеръ любимый нами директоръ корпуса, генералъ-лейтенантъ Гельмерсенъ. Его заботливость, доброта и любовь къ воспитанникамъ оставили въ насъ неизгладимые слѣды благодарности. Вскорѣ послѣ его смерти нашъ корпусъ былъ переведенъ изъ Бреста въ Москву; узнавъ объ этомъ, многіе помѣщики (напримѣръ, Вислоцкій) взяли своихъ дѣтей домой, остальные же отправились въ Москву. Веселая была эта дорога для насъ! Сколько разнообразія, сколько новостей, и все это вдругъ, неожиданно! Помѣщики Минской, Могилевской и Московской губерній встрѣчали насъ то обѣдами, то завтраками. Насъ везли поротно, каждую роту отдѣльно въ шести жидовскихъ огромныхъ фурахъ, крытыхъ парусиною; внутри фуры были постланы матрацы и помѣщалось по шестнадцати кадетовъ, кромѣ прислуги. Подъ конецъ путешествія мы уже съ нетерпѣніемъ выглядывали изъ повозокъ, ожидая увидѣть бѣлокаменную, и дѣйствительно, по истеченіи мѣсяца со дня выѣзда изъ Бреста, мы поднялись на Воробьевы горы, и передъ нами развернулась древняя столица Россіи. Безчисленное множество куполовъ, сверкающихъ на яркомъ солнцѣ, заставили

насъ вскрикнуть отъ восторга; любуясь всѣми подробностями города, проѣхали мы всю Москву и достигли зданій перваго и втораго корпусовъ, гдѣ насъ ожидалъ великолѣпный обѣдъ, заготовленный нашимъ предусмотрительнымъ «отцомъ», Яковомъ Ивановичемъ Ростовцовымъ. Такъ какъ московскіе кадеты были въ лагерѣ, то, пока для насъ приготовляли Красныя казармы, мы оставались въ зданіи корпусовъ.

Въ нашемъ корпусѣ, какъ и во всякомъ собраніи, были болѣе или менѣе вліятельные кадеты, коноводы, которые всегда являлись во главѣ каждой кадетской затѣи и шалости. Во главѣ нашего кружка, такъ называемаго польскаго, стояли Домбровскій и Павловичъ; первый во время возстанія 1863 года былъ членомъ подземнаго ржонда, состоя въ то же время офицеромъ русской арміи, а второй, будучи офицеромъ, дезертировалъ въ шайку Косинскаго, волновавшую въ то время Брестскій уѣздъ. Домбровскій былъ сосланъ въ каторжныя работы, но по дорогѣ успѣлъ бѣжать за границу, а Павловичъ былъ растрѣлянъ въ Брестъ-Литовскѣ. Кромѣ этихъ, было много питомцевъ нашего корпуса, которые въ званіи офицеровъ оставляли свои ряды и переходили въ шайки. Упомянутый мною раньше ксендзъ Козмянъ, въ качествѣ законоучителя и корпуснаго капеллана, былъ душею нашей польской партіи въ корпусѣ. Когда вышло распоряженіе преподавать законъ Божій для католиковъ на русскомъ языкѣ и съ этою цѣлью изъ Петербурга были присланы литографированныя лекціи, то Козмянъ преспокойно переводилъ эти лекціи на польскій языкъ, говоря, что такъ мы легче поймемъ преподаваемое. И польскій языкъ процвѣталъ у насъ.

Наши корпусныя партіи, возникшія еще въ Брестѣ-Литовскомъ, продолжали процвѣтать и въ Москвѣ. Онѣ продолжали оспоривать между собою вліяніе и значеніе среди кадетъ, но, наконецъ, польская партія взяла перевѣсъ надъ русскою. Какъ разъ въ это время мои родители рѣшили взять меня и моихъ 3-хъ братьевъ изъ корпуса, и мы уѣхали домой, не дождавшись результата партійной борьбы, и только впослѣдствіи до меня дошли слухи, будто воспитанники гренадерской роты взбунтовались противъ своего ротнаго командира въ бытность государя въ Москвѣ, за что болѣе виновные были разжалованы въ солдаты, а менѣе виновные въ юнкера на опредѣленный срокъ. Вспоминая объ этомъ, я радуюсь, что меня въ то время уже не было въ корпусѣ, иначе пришлось бы стоять за одно со всѣми, а слѣдовательно и нести отвѣтственность наравнѣ съ остальными.

Въ августѣ 1857 года, по требованію родителей, я возвратился домой, гдѣ все было постарому, безъ измѣненій. Оказалось, что я забылъ говорить попольски до такой степени, что въ обществѣ смѣялись надъ моимъ произношеніемъ и въ глаза называли «мо-

скалемъ». Это страшно обижало меня, и я ревностно принялся возстановлять забытыя познанія въ польскомъ языкѣ. Тѣмъ временемъ наши родители на семейныхъ совѣтахъ создавали проекты насчетъ того, гдѣ кончать намъ прерванный курсъ наукъ. Предположеній было много: говорили про іезуитскую академію во Фрейбургѣ, про бельгійскій городъ Люттихъ, про гордую Генуя, но, наконецъ, остановились на мысли опредѣлить насъ въ пансіонъ Лещинскаго въ Варшавѣ. Едва вѣсть о такомъ рѣшеніи достигла до меня, то я страшно заволновался и не могъ найти себѣ мѣста. Подумайте! Быть въ Варшавѣ, столицѣ царства Польскаго, Рѣчи Посполитой, видѣть ее собственными глазами, видѣть всѣ памятники историческаго прошлаго Польши, научиться правильно говорить попольски, — все это цѣлую ночь не давало мнѣ спать и лишало меня аппетита.

Мы выѣхали въ послѣднихъ числахъ августа 1857 года, подъ надзоромъ повѣреннаго по дѣламъ родителей, Шпинка, въ бричкѣ, запряженной четверкою крестьянскихъ лошадей, по Брестскому шоссе. Только на другой день къ вечеру доѣхали мы до знаменитаго Грохова; видъ его напомнилъ намъ недавнее прошлое, битву въ 1831 году, а стоящій тамъ памятникъ настроилъ насъ враждебно противъ русскихъ. Съ этими мыслями въѣхали мы въ предмѣстье Прагу чрезъ находящуюся тамъ рогатку или заставу.

Пока мы представляли наши паспорты на заставѣ, таможенные обыскали нашу бричку. Послѣ этихъ формальностей мы перебрались по мосту, похожему на стоящій въ Бобруйскѣ чрезъ Березину, и такимъ образомъ въѣхали въ Варшаву. Первое, что бросилось намъ въ глаза, это памятникъ королю Сигизмунду III, который изъ ничтожнаго городишки, какимъ Варшава была въ его время, создалъ свою столицу. Наконецъ, мы остановились у пана Флицы, содержавшаго небольшую гостинницу на Подвальной улицѣ. Въ тотъ же вечеръ панъ Шпинка повелъ насъ въ театръ и, странное дѣло! приходилось мнѣ бывать въ московскомъ Большомъ театрѣ, тамъ понималъ я рѣшительно все, а здѣсь, или оттого, что я разучился говорить попольски, или отъ радостнаго волненія, что я наконецъ въ Варшавѣ, но я ровно ничего не понялъ изъ того, что играли на сценѣ. Я понялъ только, что шла какая-то драма. Самый театръ показался мнѣ незначительнымъ по размѣрамъ и убогимъ послѣ московскаго, и я подумалъ, что это временный. Въ этомъ смыслѣ я предложилъ вопросъ пану Шпинкѣ, и надо было видѣть его удивленіе и изумленіе, что молокососъ смѣетъ такъ профанировать варшавскій народный театръ.

На слѣдующій день панъ Шпинка повелъ насъ всѣхъ въ пансіонъ Лещинскаго, гдѣ безъ всякаго экзамена, основываясь лишь на нашемъ незнаніи польскаго языка, насъ приняли только въ третій классъ. Тамъ, среди товарищей-поляковъ, мы сдѣлались

скоро посмѣшищемъ всего пансіона и насъ называли не иначе, какъ «москалями». Вслѣдствіе этого я неоднократно пожалѣлъ въ душѣ, зачѣмъ родители не оставили насъ въ корпусѣ. Но вотъ повѣренный Шпинка уѣхалъ домой, и мы остались одни, начавъ посѣщать регулярно классы.

Подстрекаемый насмѣшками товарищей, я началъ стараться, чтобы по возможности скорѣе забыть русскій языкъ и выучиться попольски. Мои усилія мѣсяца черезъ четыре увѣнчались такимъ успѣхомъ, что изъ первыхъ учениковъ по русскому языку я сдѣлался послѣднимъ. При пансіонѣ были также постоянные гувернеры для французскаго, нѣмецкаго и польскаго языковъ; польскимъ гувернеромъ былъ Піотровскій, который часто собиралъ насъ по вечерамъ и читалъ или краснорѣчиво разсказывалъ намъ исторію Польши, какъ это дѣлалъ Шимковичъ. Къ нѣкоторымъ воспитанникамъ приходили репетиторы, чтобы помогать приготовлять уроки на слѣдующій день.

Наступилъ 1860 годъ, когда я кончилъ пятый классъ и долженъ былъ покинуть пансіонъ. Я воображалъ, что знаю очень много, и мнѣ остается только пуститься въ свѣтъ. Каждый большой праздникъ мы ѣздили домой, откуда возвращались со свѣжими силами и принимались за ученье. Въ нашемъ пятомъ классѣ была молодежь отъ 18 до 21 года, и естественно, что мы меньше учились, а больше вели пылкія, страстныя бесѣды и отличались мальчишескими продѣлками противъ начальства. Откуда-то внезапно развилась страшная ненависть ко всему русскому и нѣмецкому, такъ что даже книги на этихъ языкахъ не однократно сжигались. Что вызвало такое настроеніе, никто изъ воспитанниковъ не могъ дать себѣ вѣрнаго отчета. Но въ общемъ задоръ молодости, удаль и стремленіе къ геройству охватили насъ до такой степени, что не проходило дня безъ какой нибудь отчаянной продѣлки. А за старшими неизбѣжно потянулись младшіе, и все сходило съ рукъ. Къ концу года патріотическія пѣсни и не прекращающіеся разжигающіе разсказы про Костюшку, Килинскаго, Совинскаго и массу другихъ революціонныхъ героевъ превратили насъ совсѣмъ въ какихъ-то фанатиковъ идеи. Никто изъ насъ не могъ формулировать своихъ требованій, но всѣ сознавали, что чего-то не достаетъ. Между тѣмъ какъ въ Варшавѣ, такъ и во всемъ краѣ, было тихо и спокойно, нигдѣ не проявлялось революціоннаго движенія. Уже близился срокъ нашего выпуска, мы ожидали только экзамена, чтобы получить аттестатъ объ окончаніи пяти классовъ пансіона, какъ вдругъ мы узнали о смерти вдовы полковника Совинскаго, того самаго, который въ 1831 году защищалъ предмѣстье Волю противъ русскихъ; когда онъ остался съ небольшою горстью сподвижниковъ, то, видя безполезность борьбы, заперся въ костелѣ и стойко защищался до послѣдняго человѣка и, чтобы не сдаться,

застрѣлился, говоря: «Oto pardon polaka!». Я ложился спать, когда извѣстіе о смерти г-жи Совинской достигло пансіона. Слышу, товарищъ Бужинскій разсказываетъ въ отдаленіи какую-то исторію съ большимъ одушевленіемъ и заканчиваетъ ее словами: «Oto pardon polaka!». Крайне заинтересованный, я вскочилъ съ кровати и босикомъ подбѣжалъ къ кучкѣ, окружавшей разсказчика. Вижу, одни пріуныли, другіе громко разсуждаютъ и бранятъ русскихъ. Не успѣлъ я разспросить, въ чемъ дѣло, какъ французъ-репетиторъ всталъ съ постели и запѣлъ во все горло «Марсельезу». Почти вся спальня дружно подхватила напѣвъ и грянулъ такой хоръ, что самъ Лещинскій едва могъ успокоить насъ и уговорить идти спать. Однако, мы вынудили у него обѣщаніе, что будемъ присутствовать всѣмъ пансіономъ на похоронахъ г-жи Совинской.

На другой день, когда мы стали собираться на печальное торжество, явился посланный отъ Лещинскаго съ запрещеніемъ отлучаться кому бы то ни было изъ пансіона. Тогда мы дружно запѣли какую-то патріотическую пѣсню, и Лещинскій долженъ былъ отпустить насъ. Процессія оказалась громадною: ксендзы со всей Варшавы въ стройномъ порядкѣ, студенты-медики, гимназисты и масса женщинъ. Гробъ былъ самый простой. Полная тишина соблюдалась всю дорогу до Повонзковскаго кладбища, но когда гробъ опустили возлѣ могилы, нѣсколько ксендзовъ послѣдовательно обращались къ народу съ проповѣдями, въ которыхъ восхваляли не покойницу, а ея мужа и другихъ прославленныхъ героевъ революціи 1831 года. По окончаніи проповѣдей церемонія окончилась, и мы стали расходиться, сильно возбужденные въ нашей ненависти къ русскимъ, и что-то сильно подмывало насъ выразить наши чувства внѣшнимъ образомъ. Домой мы вернулись въ какомъ-то особенномъ настроеніи. Мысленно мы создавали уже цѣлые полки героевъ, побѣждающихъ русскихъ, и себя во главѣ этихъ патріотическихъ дружинъ. Съ этого дня мы принялись бросать изъ оконъ въ проходящихъ солдатъ скомканною бумагою, хлѣбомъ, наконецъ, чѣмъ попало. Между тѣмъ въ городѣ было все спокойно, и ничто не предвѣщало начала волненій.

Вскорѣ я побывалъ въ театрѣ и видѣлъ двѣ оперы: «Галька» и «Графиня». Національные костюмы и вооруженіе приводили зрителей въ восторгъ, а мазурка, исполняемая въ обѣихъ пьесахъ, вызывала громъ рукоплесканій, потрясавшихъ зданіе театра. Заключительная пьеска «Свадьба въ Ойцовѣ» привела публику окончательно въ экстазъ: всѣ повскакали съ мѣстъ, принялись кричать, стучать и неистовствовать. Какимъ-то чудомъ полиціи удалось водворить порядокъ. Однако, и послѣ этого въ Варшавѣ было все тихо.

Около этого времени умеръ генералъ бывшихъ польскихъ войскъ, а впослѣдствіи и русскихъ, графъ Красинскій. При его жизни польское общество было о немъ дурнаго мнѣнія, но со смертью

графа біографическія свѣдѣнія о немъ измѣнились, и онъ сдѣлался народнымъ героемъ и любимцемъ. Оказалось, что, служа въ рядахъ польской арміи, онъ все время грудью защищалъ польскую «справу», въ 1812 году былъ произведенъ въ полковники самимъ Наполеономъ за его храбрость при штурмѣ Сарагоссы, и въ русскую армію поступилъ исключительно съ цѣлью быть полезнымъ Рѣчи Посполитой; сынъ его, Казиміръ Красинскій, отчаянный патріотъ, много поработалъ дѣлу «возстановленія» своими патріотическими сочиненіями. Многаго другаго я уже не помню, хотя знаю, что передъ смертью графа говорилось совершенно другое, почти противоположное. Однако, разсуждать въ общемъ увлеченіи было некогда, надо было вѣрить безусловно.

Наступилъ день похоронъ. Прежнимъ порядкомъ мы добились отъ Лещинскаго позволенія присутствовать на нихъ. Все соединилось, чтобы придать блескъ и великолѣпіе погребенію графа Красинскаго. Богатая колесница, роскошный гробъ, залитый солнцемъ, съѣздъ аристократіи въ каретахъ, необозримые ряды духовенства, тьма народу, блестящіе жандармы, стройные ряды войскъ, военная музыка,—все это производило какое-то особое впечатлѣніе. Въ стройномъ порядкѣ достигли мы кладбища. Патріотическая рѣчь, сказанная вмѣсто надгробной рѣчи, была еще лептою въ общее чествованіе; прощальная пальба изъ орудій дала всѣмъ знать, что погребеніе генерала окончено. Это происходило 3-го октября.

Вмѣстѣ съ товарищами я возвратился въ пансіонъ. Величавое погребеніе, тысячеголосныя надгробныя пѣсни и произнесенныя рѣчи наэлектризовали меня до такой степени, что охладить и успокоить настроенное воображеніе не представлялось возможнымъ. Я былъ въ чаду. Вдругъ до насъ доходитъ извѣстіе, что каѳедральный соборъ получитъ вскорѣ для Янова, уѣзднаго города Сѣдлецкой губерніи, въ подарокъ мощи св. папы Виктора; это былъ особенный мученикъ-воинъ, который сражался за притѣсненные народы и умеръ мученическою смертью. Общія приготовленія къ принятію драгоцѣннаго подарка оживили весь городъ, и всѣ съ нетерпѣніемъ ждали назначеннаго дня. День этотъ насталъ, и улицы Медовая, Краковское Предмѣстье и Новы-Святъ были переполнены народомъ до такой степени, что дружка (извозчикъ) едва могъ пробраться. Въ отворенныхъ окнахъ виднѣлось множество народа, самыя окна были увѣшаны коврами и украшены цвѣтами. Все это придавало городу праздничный видъ. Наконецъ, показалась процессія. Въ ней участвовалъ варшавскій митрополитъ Фіалковскій, въ сопровожденіи епископовъ и католическаго духовенства, не только варшавскаго, но и изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей Польши, а впереди нихъ различные цехи со своими хоругвями, братства со свѣчами въ рукахъ, «прикоты» въ бѣлыхъ передникахъ. Среди этого шествія, возлѣ 80-тилѣтняго митрополита, подъ осо-

быиъ балдахиномъ, мощи св. Виктора. Вниманіе народа и его благоговѣніе къ мощамъ мученика придавали зрѣлищу особую торжественность и величавость.

Шествіе остановилось возлѣ костела капуциновъ на Медовой улицѣ. Мощи внесли въ костелъ и поставили на особый помостъ, причемъ проповѣди, соотвѣтствующія празднеству, закончили торжественный день очень спокойно. Вся Варшава только и толковала о невиданномъ еще зрѣлищѣ и о св. мученикѣ. Этого мученика жена графа Августа Потоцкаго выпросила у папы для любимаго ею епископа Беніамина, бывшаго капуцина (необходимо замѣтить, что Беніаминъ возведенъ въ епископы не въ примѣръ другимъ, потому что принадлежащимъ къ ордену капуциновъ нельзя быть епископомъ). Благодаря этому подарку, нелюбимая до сихъ поръ фамилія Потоцкихъ сдѣлалась крайне популярною въ народѣ, чего аристократы и добивались. Ксендзы же, въ своихъ поученіяхъ, не упускали случая расхвалить Потоцкихъ, выставляя на видъ ихъ заслуги передъ «ойчизною». Мощи простояли у капуциновъ цѣлую недѣлю. Такъ какъ погода благопріятствовала, то толпы молящагося народа переполняли все время Медовую улицу, а проповѣди говорились постоянно. Наконецъ, въ прежнемъ порядкѣ мощи были вынесены и, сопровождаемыя всею Варшавою, направились по дорогѣ въ Яновъ.

Въ толпѣ, среди которой я находился, шли разнорѣчивые толки о св. Викторѣ. Всѣхъ я не помню, но по одному варіанту св. Викторъ былъ полякъ, замученный русскими въ 1794 году. Нелѣпость очевидная, а между тѣмъ ей вѣрили.

Множество ксендзовъ, съ епископомъ Беніаминомъ во главѣ, сопровождали мощи. Набожный народъ отъ самой Варшавы участвовалъ въ процессіи, а въ томъ числѣ и графиня Потоцкая. Чѣмъ больше шествіе приближалось къ Янову, тѣмъ толпы народа все увеличивались. Крестьяне, даже изъ дальнихъ деревень, горожане и помѣщики съ непокрытыми головами провожали мощи съ особо составленною на этотъ случай пѣснею вплоть до Янова. Съ другой стороны множество ксендзовъ, помѣщиковъ изъ пограничныхъ русскихъ губерній и толпы крестьянъ стекались въ Яновъ, расположенный на Бугѣ, встрѣчать св. мученика. Впродолженіе цѣлаго мѣсяца Яновъ былъ переполненъ народомъ; безпрерывныя проповѣди слышались постоянно въ разныхъ частяхъ города и сопровождались безплатною раздачею на память крестиковъ, затѣмъ исповѣди и отпуски всѣхъ грѣховъ,—все это страшно привлекало народъ. А православные крестьяне, возвращаясь по домамъ изъ Янова, даже въ церквахъ пробовали пѣть попольски пѣсню про мученика Виктора:

«Свенты Викторже,
«Польски жолнержу»... и т. д.

Послѣ этого праздника въ Варшавѣ, въ пансіонѣ Лещинскаго вскорѣ наступили экзамены. Въ назначенный для этого день, при многочисленномъ собраніи, въ одной изъ залъ пансіона, состоялся актъ, и я получилъ дипломъ объ окончаніи пяти классовъ. Послѣ этого приходилось возвращаться домой и, подготовленный вполнѣ, съ ненавистью къ правительству и ко всему русскому, я однимъ изъ послѣднихъ распрощался съ пансіономъ и покинулъ Варшаву.

II.

Рѣшеніе родителей. — Пріѣздъ въ Варшаву. — Уличныя волненія. — «Офяры» въ костелахъ. — Мой модный костюмъ. — «Злончене» кожуховъ и чамарокъ. — Выборы въ Груецѣ. — Помѣщикъ Вильконскій. — Воспитаніе дѣтей. — Бытъ польскаго помѣщика. — Приключеніе съ гувернеромъ-лютераниномъ и патріотомъ-ксендзомъ. — Партіи среди поляковъ.

Руководясь совѣтами своихъ близкихъ, мои родители уступили настоятельнымъ предложеніямъ своего повѣреннаго Загржецкаго и директора пансіона Лещинскаго и рѣшили отправить меня и моего брата Августа въ Польшу для практическаго изученія сельскаго хозяйства. Съ этою цѣлью Лещинскій, какъ лучше всѣхъ ознакомленный съ положеніемъ дѣлъ въ царствѣ Польскомъ, отрекомендовалъ двухъ помѣщиковъ, извѣстныхъ по своему передовому хозяйству, гг. Вильконскаго и Мисуровича. Къ первому рѣшили отправить меня, а къ Мисуровичу брата. Передъ отъѣздомъ каждаго изъ насъ снабдили 150 рублями; на эти деньги слѣдовало пріобрѣсти себѣ полный гардеробъ и запасъ бѣлья. Не чувствуя особаго влеченія жить у родителей, я съ радостью узналъ о состоявшемся рѣшеніи и съ нетерпѣніемъ ожидалъ дня выѣзда въ Варшаву.

Дѣйствительно, въ августѣ 1861 года мы отправились съ Августомъ по назначенію, захвативъ третьяго брата Феликса, который возвращался въ реальную гимназію, будучи моложе насъ на три слишкомъ года. На вторыя сутки мы пріѣхали въ Варшаву, и я изумился происшедшей за наше отсутствіе перемѣнѣ. Прежней тишины и спокойствія какъ не бывало; на улицахъ, переполненныхъ народомъ, шумное оживленіе, причемъ всеобщій маскарадъ бросался въ глаза. Среди разнообразныхъ костюмовъ больше всего бросались въ глаза кунтуши, дополняемые конфедератками (четырехугольная шапка сверху, а снизу круглая, съ барашковой опушкой), лихо заломленными набекрень, причемъ наружность носителя такого костюма была нахально вызывающая. Къ этому слѣдуетъ добавить, что большинство публики было украшено различными революціонными эмблемами; то вы встрѣчаете цѣпочки, похожія на кандалы,

то перстни съ «вѣрою», «надеждою» и «любовью» или съ надписью «манифестаціи 25-го марта и 12-го апрѣля» (когда въ поляковъ стрѣляли), и многія другія. Женщины же всѣ въ траурѣ, а многія ходили съ распущенными волосами. Больше всѣхъ заставляла говорить о себѣ княгиня Четвертинская, пріѣхавшая изъ Вильны. Одѣтая во все черное, съ распущенными волосами, съ терновымъ вѣнкомъ на головѣ, босая, она собирала молодежь и отправлялась съ нею въ близь лежащій монастырь Черняны, гдѣ производили обрядъ флагеллаціи (взаимнаго бичеванія), распѣвая «Boże, coś Polska» и «Z dymem pożarów», а затѣмъ возвращались всѣ по домамъ, имѣя въ рукахъ зеленыя вѣтви, сорванныя по дорогѣ. Многія дамы носили черные кунтуши, конфедератки и украшали себя революціонными эмблемами, просиживали по цѣлымъ днямъ въ костелахъ, гдѣ устроивали пѣніе революціонныхъ гимновъ и производили денежные сборы, «офяры».

Въ особенности толпы народа любили собираться въ тѣхъ костелахъ, гдѣ предварительно особыми глашатаями объявлялось о торжественной службѣ. Вотъ тогда-то сборы денегъ и офяры, передаваемые патріотами, вызывали невольно изумленіе. Сколько разъ я видалъ, какъ, бывало, женщины снимали съ себя ожерелья, кольца, браслеты, и все это бросали на подносъ, который приходилось опорожнять по два и по три раза, пока обойдутъ всѣхъ присутствующихъ. Мѣди не было видно, но все бумажки, серебро, золото и разныя драгоцѣнныя вещи. Помню, и я какъ-то разъ, во время подобнаго сбора, бросилъ пятирублевую бумажку, о чемъ впослѣдствіи, по правдѣ сказать, сильно сожалѣлъ, такъ какъ такихъ бумажекъ у меня было не много. Во время костельнаго пѣнія патріотами назывались преимущественно тѣ, которые громче всѣхъ кричали, но вообще слова «Polska» и «wróg» произносились со страшнымъ крикомъ и съ видимымъ удовольствіемъ. Припоминая все это теперь, чувствуешь даже краску стыда на лицѣ, до такой степени оно было дико и безобразно.

По пріѣздѣ въ Варшаву, я задумался надъ своимъ костюмомъ. Общеевропейская фрачная пара была изгнана изъ употребленія и осмѣяна, ея мѣсто заступила чамарка съ конфедераткою. Пошелъ я къ портному, тотъ сразу заявилъ, что мнѣ слѣдуетъ заказать чамарку, широкія брюки и сапоги съ длинными голенищами; видя, что всѣ такъ ходятъ, я согласился скоро, только вмѣсто конфедератки взялъ черную шляпу «понятувку» (въ честь Іосифа Понятовскаго, брата послѣдняго польскаго короля, носившаго будто бы такую шляпу въ 1812 году). Разодѣвшись такимъ образомъ по послѣдней модѣ, я вышелъ отъ портнаго на улицу полюбоваться на всю сутолоку. Первымъ, что мнѣ бросилось въ глаза, это обиліе «лобузовъ» (уличныхъ мальчишекъ). Одинъ изъ нихъ подсунулъ мнѣ приглашеніе на манифестацію по Виллановской дорогѣ за Ла-

зенками, другіе совали различные плакаты и воззванія, и всѣ настойчиво требовали награды. Мнѣ надоѣли эти приставанія, и я свернулъ въ Саксонскій садъ, гдѣ увидѣлъ цѣлое зрѣлище. Главная аллея сада была переполнена народомъ: женщины въ траурѣ и съ молитвенниками въ рукахъ, мужчины въ чамаркахъ и конфедераткахъ, дѣти въ кунтушахъ; среди нихъ группы, занятыя оживленнымъ разговоромъ.

Въ одной изъ группъ я встрѣтилъ товарища по пансіону, Буржинскаго, который и взялся посвятить меня во всѣ тайны происходившаго передъ моими глазами. Начать съ того, что, по его словамъ, въ городъ пріѣхалъ инкогнито самъ Гарибальди, который приметъ диктатуру, и тогда общими усиліями, съ оружіемъ въ рукахъ, начнется изгнаніе москалей. По этой-то причинѣ народъ и собрался, но, кромѣ того, на слѣдующій день предстояла обширная манифестація по Виллановскому шоссе, цѣлью которой будетъ «соединеніе кожуховъ съ чамарками» (то-есть крестьянъ съ горожанами). При этомъ товарищъ предложилъ мнѣ принять участіе въ этомъ «злончене» (соединеніе). Давно уже мнѣ страстно хотѣлось примкнуть къ общему движенію, принять участіе въ демонстраціяхъ, а потому понятно, что отказа съ моей стороны не послѣдовало, и мы рѣшили отправиться съ Буржинскимъ вмѣстѣ.

На слѣдующій день, послѣ завтрака, мы отправились съ Буржинскимъ на назначенное мѣсто, куда сходился уже народъ со всей Варшавы; въ 11 часовъ издали раздались звуки «Boże, coś Polska» и съ двухъ сторонъ появились хоругви, сопровождаемыя толпами народа. Со стороны Вилянова приближалась толпа съ ксендзомъ Генрихомъ Скарбекомъ во главѣ, который несъ крестъ. Какой-то помѣщикъ шелъ съ нимъ рядомъ и несъ костельную хоругвь. За ними двигались крестьяне изъ сосѣднихъ деревень съ зелеными вѣтвями въ рукахъ въ знакъ ожидаемаго возрожденія.

Со стороны Варшавы подвигалась толпа въ чамаркахъ, кунтушахъ и конфедераткахъ, также съ ксендзомъ и хоругвями. Толпа около 400 человѣкъ пѣла гимны и все ближе и ближе подступала къ толпѣ, двигавшейся съ противоположной стороны. Когда ксендзы той и другой толпы слились, варшавскій ксендзъ произнесъ «Возлюбимъ другъ друга... общими силами отомстимъ за поруганіе святыни бѣдной ойчизны». Ксендзы обнялись и ихъ примѣру послѣдовали и другіе. Чамарки цѣловались и обнимались съ кожухами, помѣщики съ крестьянами. Скоро слово «панъ» замѣнилось фамильярнымъ «ты». Начались непрерывныя рѣчи, произносившіяся со ступенекъ костела. Страшныя рѣчи говорились здѣсь. Невольная дрожь пробѣгала по тѣлу. Я, находясь на демонстраціи въ первый разъ, безпрерывно оглядывался, нѣтъ ли полиціи. Я удивлялся этой смѣлости, хотя и самъ увлекся до нельзя. Рѣчи эти казались мнѣ чрезвычайно дерзкими и мятежными. И я спро-

сылъ Буржинскаго, стоявшаго возлѣ меня, какъ они не боятся говорить такія возмутительныя слова. Тотъ засмѣялся и отвѣтилъ, что это еще ничего. Манифестація кончилась тѣмъ, что крестьяне возвратились въ имѣніе, гдѣ Скарбекъ и другой помѣщикъ угощали ихъ обѣдомъ. Другіе по одиночкѣ возвратились въ Варшаву. Тяжелое впечатлѣніе произвела на меня вся эта исторія. Я замѣтилъ здѣсь первое явное желаніе сблизиться съ крестьянами, которыхъ раньше не считали даже за людей, притомъ я не могъ не видѣть, что дѣлу сближенія главнымъ образомъ помогала водка, такъ какъ, цѣлуясь съ крестьянами, я замѣтилъ, что они пьяны. Такое же тяжелое впечатлѣніе производили на меня и другія манифестаціи, устроивавшіяся патріотами. Это побудило меня уѣхать изъ Варшавы въ среду деревенскихъ образованныхъ помѣщиковъ. Съ этой цѣлью отправился я къ Лещинскому, который обѣщалъ родителямъ доставить насъ къ мѣсту назначенія. Самъ онъ былъ сильно взволнованъ послѣдними событіями, но его болѣе всего занимала варшавская делегація. Ему казалось, что прежняя Польша съ ея правами путемъ уступокъ будетъ возстановлена безъ пролитія крови. Для отъѣзда былъ избранъ день, въ который помѣщики Варшавскаго уѣзда должны были собраться для выборовъ депутатовъ, начальниковъ уѣзда и т. п.

Спустя нѣкоторое время мы, сопровождаемые Лещинскимъ, въѣзжали въ Груецъ. Конфедератки, шляхта въ кунтушахъ, улицы, заставленныя повозками, не позволили пробраться до какого нибудь заѣзжаго дома. Пришлось вылѣзть изъ брички. Узнавъ, гдѣ производятся выборы, мы отправились туда. Домъ, куда мы пришли, представлялъ собой обширную корчму, въ большой комнатѣ которой собрались люди всевозможныхъ сословій для выборовъ. Шумъ, гвалтъ невѣроятный. Толкотня и духота невысимая.

Никто никого не слушалъ и не могъ слушать. Крики, долетавшіе на улицу, собрали большую толпу. Общими усиліями коекакъ была водворена тишина; начали расходиться, и Лещинскій представилъ насъ Вильконскому и Мисуровичу. Въ тотъ же вечеръ, мы, каждый съ своимъ патрономъ, отправились къ нимъ въ имѣніе. Вильконскій показался мнѣ человѣкомъ, знающимъ свое дѣло, какъ хозяинъ. Загорѣлое лицо и черныя руки свидѣтельствовали о его агрономическихъ занятіяхъ. Дорогой онъ очень мало разговаривалъ. По временамъ только покрикивалъ на кучера, чтобы тотъ поосторожнѣе везъ и не вывернулъ. Наконецъ, поздно ночью добрались до его имѣнія Трелятки. Деревянный довольно обширный, но старый домъ принялъ насъ подъ свою крышу, и мы сѣли за ужинъ, который состоялъ изъ кислаго молока съ вареннымъ тертымъ картофелемъ и жареныхъ цыплятъ. Къ ужину вышла и его жена, женщина лѣтъ за тридцать, высокаго роста, съ добрымъ выраженіемъ лица. Мнѣ отвели комнату въ особенномъ домикѣ.

На другой день мы отправились осматривать имѣніе; разговоръ не выходилъ за предѣлы хозяйства и только изрѣдка касался варшавскихъ событій. Я могъ, впрочемъ, замѣтить, что Вильконскій горячій приверженецъ Велепольскаго. Мы вернулись въ домъ, куда къ обѣду сошлась вся его семья. Дѣти, не видавшія отца съ утра, съ радостью бросились цѣловать его руку. Изъ этого я могъ заключить, что онъ, должно быть, деспотъ въ семьѣ. За обѣдомъ много говорилось о новостяхъ изъ Варшавы и про «Dziennik Powszechny», который изъ всѣхъ выписываемыхъ журналовъ пользовался здѣсь наибольшимъ авторитетомъ. Такіе разговоры воспитывали въ дѣтяхъ сильный патріотизмъ. Дѣти очень интересовались возстаніемъ и постоянно выражали желаніе принять участіе въ немъ. По вечерамъ вся семья собиралась въ общій залъ, гдѣ старшая дочь, дѣвочка лѣтъ 15-ти, вслухъ читала какую нибудь патріотическую книгу. Изъ этихъ книгъ помню только «Воспоминанія» Руфина Піотровскаго. Книга эта, дѣйствующая сильно на воображеніе, составлена эмигрантомъ, который попалъ въ Подолію, гдѣ занимался гувернерствомъ, пропагандировалъ революціонныя идеи, за что былъ арестованъ и сосланъ въ Сибирь. Отсюда онъ бѣжалъ за границу, гдѣ и издалъ книгу. Въ ней онъ описалъ свою жизнь, исполненную невѣроятныхъ приключеній и басенъ, которыя, однако, въ то время читающему казались вполнѣ правдоподобными. Книга была издана на средства Чарторыйскихъ и произвела фуроръ въ польскихъ кружкахъ. Всѣ читали ее съ увлеченіемъ. Начиная съ Вильконскаго и кончая служанкой, штопавшей въ углу чулки, всѣ плакали, когда читали разсказъ, какъ били ксендза Сѣроцинскаго и другихъ за желаніе возмутить Сибирь и отдѣлить ее отъ Россіи, какъ за это же ксендза Сѣроцинскаго гнали сквозь строй, какъ приговоренный къ 5.000 ударовъ Сѣроцинскій будто бы выдержалъ 3.000, а 2.000 добивали на мертвомъ, такъ что послѣ казни остался одинъ скелетъ, тѣло же все избитое отпало. Нужно замѣтить, что Піотровскій не былъ на этой экзекуціи, а писалъ со словъ другихъ. Многихъ интересовали также его приключенія, когда онъ зимой, питаясь древесной корой, долженъ былъ скрываться въ лѣсахъ при своемъ побѣгѣ въ Пруссію. Послѣ чтенія «Dziennik powszechny», новыхъ прокламацій или какой нибудь патріотической брошюры и ужина, всѣ обыкновенно уходили въ комнату, гдѣ былъ устроенъ алтарь, и послѣ пѣнія патріотическихъ гимновъ «Boże coś Polskę», «Z dymem pożarów» и друг. отправлялись спать. По воскресеньямъ ѣздили въ костелъ, гдѣ проповѣдь и пѣніе тѣхъ же гимновъ возбуждали патріотизмъ богомольцевъ. Здѣсь однажды разыгрался случай такого рода. Приходилъ въ этотъ костелъ одинъ гувернеръ-лютеранинъ, но только для молитвы и всегда при началѣ проповѣди удалялся за двери и тамъ разговаривалъ съ своими знакомыми. Это не понравилось са-

колюбивому ксендзу. Разъ, во время проповѣди, когда гувернеръ по своему обыкновенію съ кѣмъ-то разговаривалъ, ксендзъ, сойдя съ амвона, подошелъ къ гувернеру, взялъ его за ухо и вывелъ изъ костела. Гувернеръ вспылилъ и началъ бить ксендза по лицу. Ксендзъ, боясь потерять доходный приходъ, постарался замять это дѣло. Скандалъ видѣли, положимъ, многіе, но, не желая потерять такого проповѣдника-патріота, приходъ рѣшилъ замолчать этотъ фактъ. Ксендзы принимали дѣятельное участіе во всякаго рода демонстраціяхъ, причемъ говорили блестящія и страстныя рѣчи. По ихъ побужденію ставились въ Варшавѣ и вдоль дорогъ кресты въ честь павшихъ повстанцевъ. Около этихъ крестовъ собирались, пѣли патріотическіе гимны, говорили о высокихъ заслугахъ павшихъ.

Вильконскій былъ, повидимому, углубленъ въ хозяйственныя занятія, однако нельзя было не замѣтить, что онъ принимаетъ близко къ сердцу также интересы «ойчизны». Онъ принадлежалъ къ одной изъ польскихъ партій. Въ это время болѣе значительными были партіи: аристократическая и демократическая. Изъ другихъ можно назвать еще—Мѣрославчиковъ, Замойскаго и Велепольскаго. Послѣдняя пользовалась симпатіей большинства поляковъ, въ томъ числѣ Вильконскаго и моей. Всѣ эти партіи хотя и объединились варшавскимъ агрономическимъ обществомъ (Towarzystwo rolnicze), однако соперничали и часто даже враждовали между собой. Я помню—разъ, въ концѣ моей агрономической практики, случилось, что пріѣхали два какихъ-то помѣщика (фамилій ихъ не помню) за «офярой». Оба принадлежали къ разнымъ партіямъ и до того поспорили, что Вильконскій долженъ былъ дать деньги обоимъ, лишь бы только помирить ихъ. Разница заключалась главнымъ образомъ въ томъ, что одни, какъ, напримѣръ, партія Велепольскаго, доказывали, что нужно стоять на легальной почвѣ и путемъ образованія, школъ, подготовить молодежь и народъ къ конституціи, другіе же требовали рѣшительныхъ и немедленныхъ дѣйствій, не смотря ни на какія препятствія. Вторая партія, преувеличивая сочувствіе народа и надѣясь на помощь Франціи, обѣщанную Наполеономъ Чарторыйскому, взяла верхъ, объявила Велепольскаго и его сторонниковъ врагами Польши и весной 1863 года подняла возстаніе.

III.

Варшава въ началѣ мятежа.—Выходки уличниковъ.—Центральный комитетъ.—Таинственность его существованія.—Занятіе Варшавы русскими войсками.—Распоряженія русскаго правительства и протестъ поляковъ.—Покушенія на жизнь намѣстниковъ.—Мой пріѣздъ въ Брестъ.—Проповѣди капуцина.—Броженіе въ провинціи.—Мировой посредникъ.—Помѣщики.—Прошлое моего отца.

Такимъ образомъ я прожилъ цѣлый годъ, не изучая хозяйства, для котораго я собственно и пріѣхалъ. Я посѣщалъ демонстраціи, пускался въ горячіе споры о возстановленіи Польши, проповѣдывалъ всякому легальность взглядовъ и основательность выжиданія Велепольскаго. Уединеніе и свобода не мало способствовали превращенію меня въ патріота. Они придавали мнѣ смѣлость, и когда на обратномъ пути домой въ Варшавѣ пришлось мнѣ говорить съ нѣкоторыми знакомыми, то я ужъ не стѣснялся и не боялся, чтобы кто нибудь не сидѣлъ за мной. Первое, что обратило мое вниманіе въ Варшавѣ, это—отсутствіе уличнаго маскарада. Всѣ смотрѣли пасмурно и недовѣрчиво. Войска, квартировавшія въ деревянныхъ баракахъ, построенныхъ на Саской, Красинской и другихъ площадяхъ Варшавы, волновали и оскорбляли поляка-патріота. Съ удовольствіемъ слушались разсказы о разнаго рода выходкахъ уличниковъ (uliczników) Варшавы противъ полиціи и войска. Выходки эти были такого рода: несетъ, напримѣръ, деньщикъ изъ кондитерской шоколадъ своему барину, одинъ изъ уличниковъ подходитъ къ нему и пальцемъ начинаетъ мѣшать шоколадъ въ чашкѣ, деньщикъ сердится и, поставивъ на тротуаръ приборъ съ шоколадомъ, бросается догонять убѣгающаго мальчишку, тогда другой подскакиваетъ и выпиваетъ шоколадъ, громко благодаритъ деньщика за угощеніе, крича во все горло: «когда Гарибальди пріійдетъ, то я попрошу его, чтобы тебя произвели въ офицеры».

Одна торговка, видя солдатъ или офицеровъ, кричала какъ можно громче, что Мѣрославскій въ Варшавѣ и что мясники наострили уже свои ножи для свѣжаго скота. Солдатъ и офицеровъ называли не иначе, какъ «капустой» (kapuśniaki). Я имѣлъ знакомыхъ и товарищей по корпусу, но стѣснялся пройти съ ними по улицѣ. Такого рода факты попадались на каждомъ шагу.

Войска, однако, очень смущали поляковъ, и маскарадъ смѣнился глубокимъ трауромъ. Центральный комитетъ, образовавшійся еще въ началѣ демонстрацій, принялъ на себя роль представительнаго правительства царства Польскаго, Западной и Южной Россіи. Мы знали о его существованіи собственно только изъ его распоряженій и прокламацій къ народу, къ которымъ прикладывалась печать съ надписью «Центральный Комитетъ» (Komitet Centralny).

Таинственность, которой комитетъ этотъ окружилъ себя, неизвѣстность его мѣстопребыванія и состава, ходившіе о немъ разсказы и нѣсколько совершенныхъ убійствъ, внушали намъ страхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заставляли благоговѣть передъ его силой. Но и русское правительство не дремало. Скоро Варшава была объявлена въ осадномъ положеніи. Варшавская цитадель была занята русской артилеріей и внушала большой страхъ самымъ завзятымъ патріотамъ. «Если бы не эта цитадель,—говорилъ мнѣ одинъ изъ нихъ,—то Варшава давно была бы свободна». Запрещено было ходить по улицамъ Варшавы ночью съ фонарями, а послѣ и совершенно показываться на улицахъ. Это распоряженіе вызвало сначала насмѣшки, и можно было видѣть, какъ днемъ, часовъ въ 10—11 утра, гуляли по улицамъ съ зажженными фонарями. Аресты, впрочемъ, прекратили эти выходки. Сходки на улицахъ были запрещены. Полиція имѣла право разгонять и арестовывать участниковъ. Въ костелахъ пѣніе прекращено, а на похоронахъ, гдѣ всегда пѣли извѣстные революціонные гимны, кромѣ родныхъ, не имѣлъ никто права присутствовать. Когда это распоряженіе только что вышло, подговоренные уличники вытащили на Краковскомъ предмѣстьѣ дохлую собаку и тащили ее по серединѣ улицы. Явилась полиція, чтобы ихъ разогнать. Уличники оставили собаку, бросились бѣжать, крича, что только родня можетъ присутствовать на похоронахъ. Каждое распоряженіе правительства встрѣчалось насмѣшками. Отъ насмѣшекъ скоро перешли къ покушеніямъ на жизнь намѣстниковъ. Когда генералъ Лидерсъ уѣхалъ за границу, чтобы лечиться отъ ранъ, нанесенныхъ ему патріотами, всѣ говорили, что будутъ до тѣхъ поръ стрѣлять, пока не наведутъ такого страха на намѣстниковъ, что ни одинъ изъ нихъ не захочетъ пріѣхать въ Варшаву. Такое настроеніе нашелъ я въ Варшавѣ на обратномъ пути въ Брестъ.

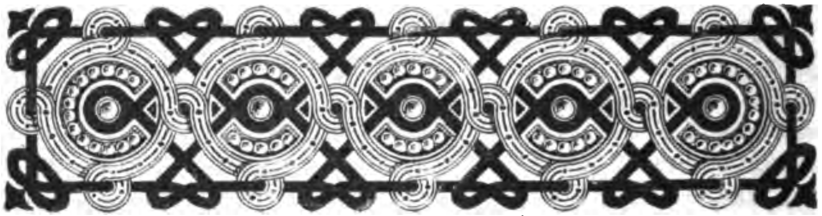
Я смотрѣлъ на дѣло Польши, какъ на выигранное. Надежда, что вскорѣ послѣднее усиліе вырветъ насъ изъ рукъ варваровъ, все болѣе и болѣе вкоренялась. Я смотрѣлъ также съ презрѣніемъ на войска и ихъ бараки. Правительственныя распоряженія служили всегда поводомъ къ саркастическимъ замѣткамъ съ угрозою, что скоро увидятъ, кто кѣмъ будетъ распоряжаться. Въ началѣ 1862 года я былъ дома. Первое, что я здѣсь услышалъ, это проповѣди какого-то пріѣзжаго капуцина, который своею патріотическою и увлекательною рѣчью собиралъ народъ въ костелъ изъ разныхъ уѣздовъ. Этотъ капуцинъ молодой, высокій, красивой наружности, впослѣдствіи, находясь въ шайкѣ Лелевеля, былъ убитъ въ одной стычкѣ. На слѣдующій же день я пошелъ послушать этого проповѣдника, хотя и не думалъ, чтобы впечатлѣніе было велико, особенно послѣ того, что я слышалъ раньше. Народу было много. Не только костелъ, но и за костеломъ было переполнено.

Ксендзъ капуцинъ, войдя на амвонъ, началъ свою проповѣдь. Народъ то падалъ, заламывая руки на колѣни, то опять вставалъ рыдая. Дѣйствительно, рѣчи его, дышавшія ненавистью къ правительству, рисовали положеніе Польши такими мрачными красками, изображали такія страданія отчизны, что, кажется, если бы онъ сказалъ: «берите ножи и приступайте къ дѣлу», я первый пошелъ бы за нимъ. Когда служба кончилась и капуцинъ выходилъ изъ костела, то женщины и мужчины бросались цѣловать его руку, а нѣкоторые обрывали его верхнюю сутану, такъ что должны были сшить ему новую. И здѣсь также, какъ и въ Варшавѣ, помѣщики, мѣщане и въ рѣдкихъ случаяхъ крестьяне пѣли гимны и носили трауръ. Броженіе было сильное. Въ деревняхъ появились какія-то неизвѣстныя и подозрительныя лица, большею частью одѣтыя покрестьянски, внушавшія вражду къ правительству, разбрасывавшія прокламаціи. Начали ходить слухи, что правительство прислало священникамъ освященные ножи для раздачи ихъ крестьянамъ, чтобы тѣ попробовали ихъ на помѣщичьихъ горлахъ. Мнѣ самому случалось подбирать посланія какого-то Янка изъ Вильны къ крестьянамъ, въ которыхъ говорилось противъ помѣщиковъ, становыхъ и другихъ правительственныхъ лицъ. По этому случаю дѣлались облавы, но безуспѣшно. Въ Брестѣ помѣщики были озабочены событіями въ Варшавѣ и крестьянскимъ вопросомъ. Губернскимъ предводителемъ дворянства былъ въ то время графъ Старжинскій. Отъ него зависѣло назначеніе мировыхъ посредниковъ на основаніи указа 19-го февраля 1861 года объ освобожденіи крестьянъ. Въ нашемъ участкѣ мировымъ посредникомъ былъ сдѣланъ Юліанъ Выгановскій, не богатый, но очень дѣятельный человѣкъ. Постоянные разъѣзды его по деревнямъ, строгое и несправедливое обращеніе съ крестьянами, сдѣлали его пугаломъ для сельскаго населенія. Преданный панскому дѣлу, онъ вездѣ защищалъ его и толковалъ крестьянамъ, что они своимъ освобожденіемъ обязаны только панамъ; часто также прибѣгалъ онъ къ розгамъ и къ вооруженной силѣ, смотря по обстоятельствамъ. Помѣщики злоупотребляли своими правами. Случалось, что они перемѣщали цѣлыя деревни съ хорошей земли на плохую, неплодородную, назначали выкупную сумму въ трое больше стоимости. Неудивительно поэтому, что крестьяне роптали; мировой посредникъ, впрочемъ, заставлялъ ихъ молчать розгами. Вообще помѣщики, пользуясь своимъ положеніемъ, употребляли всѣ средства, чтобы заставить крестьянъ почувствовать ихъ силу. Почти всѣ помѣщики нашего уѣзда состояли членами агрономическаго общества и дѣлали извѣстные взносы, назначенные для одной цѣли — oswobodzenia ojczyzny. Взносы эти въ послѣднее время сдѣлались чуть не ежедневными. Цѣль ихъ, однако, тщательно скрывалась даже отъ польской молодежи.

Вотъ въ какомъ положеніи засталъ я уѣздъ послѣ моего возвращенія изъ царства Польскаго. На лѣто 1862 года родители перебрались въ деревню. Скучно мнѣ было здѣсь, чего-то не доставало, но чего именно, я не могъ определить. Съ жадностью набрасывался я на всякаго рода извѣстія, не стараясь даже провѣрить ихъ. Мнѣ было очень непріятно слушать, когда отецъ мой смѣялся, по обыкновенію, надъ патріотическими выходками поляковъ. Меня это даже сердило, и я никогда не сообщалъ ему ничего, хотя отецъ иногда интересовался новостями. Тѣмъ болѣе непріятно мнѣ было такое поведеніе отца, что начали громко говорить про какое-то прошедшее, пятнающее его имя. Неизвѣстность мучила меня, и я рѣшилъ непремѣнно узнать, въ чемъ дѣло. Спросить отца я не могъ, такъ какъ онъ держалъ себя отъ дѣтей довольно далеко. Такъ, напримѣръ, мы должны были слушать его стоя, когда онъ говорилъ, за всякую бездѣлицу онъ кричалъ на насъ, не обращая вниманія даже на постороннихъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ прямо обратиться къ отцу мнѣ было невозможно, и я старался узнать какъ нибудь иначе. Скоро мнѣ удалось между прочимъ узнать отъ мироваго посредника Выгановскаго, что обвиняютъ моего отца за его расположеніе къ русскимъ, которыхъ онъ принималъ у себя послѣ возстанія 1831 года, и главнымъ образомъ за то, что, будучи въ 1832 году предводителемъ дворянства, подписалъ прошеніе къ государю о введеніи русскаго языка въ западныхъ губерніяхъ Россіи. Понятно, что польское общество враждебно относилось къ нему и въ случаѣ возстанія врядъ ли пощадило бы его. Мнѣ хотѣлось смыть это пятно, а также спасти отца отъ народной кары. Съ этой цѣлью я просилъ повѣреннаго Станислава Загржевскаго, чтобы тотъ уговорилъ какъ нибудь родителей моихъ оставить деревню и переѣхать въ городъ или за границу. Вскорѣ дѣйствительно мать съ моимъ братомъ Каликстомъ, отставнымъ поручикомъ Курляндскаго уланскаго полка, уѣхала за границу, а отецъ съ нами переѣхалъ въ Брестъ, гдѣ также замѣчалось большое оживленіе среди поляковъ. Около костела какіе-то люди постоянно разсказывали о случившемся въ разныхъ мѣстахъ Польши. Особенно много говорили о крестьянахъ, которыхъ боялись, и потому распускали разные слухи о ихъ патріотическихъ выходкахъ.

Ягминъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).



НАШИ ОТЖИВШІЯ И ОТЖИВАЮЩІЯ КОЛОНІИ.

I.

ТО БЫЛО весной тысяча восемьсотъ семьдесятъ... теперь ужъ не помню котораго именно года. Губернскій городъ нашъ былъ въ волненіи, которое болѣе всего замѣтно было въ низшихъ классахъ общества — въ «простонародьѣ». Въ то время, какъ «видавшая виды» «чистая публика»—наша провинціальная интеллигенція—относилась къ «злобѣ дня» довольно безразлично, интересуясь главнымъ образомъ только поглядѣть, «что будетъ», и притомъ преимущественно посмотрѣть, что станетъ сегодня дѣлать публика не чистая,—послѣдняя дѣйствительно волновалась и отнюдь не изъ-за простаго желанія поглазѣть на еще ни разу не виданное зрѣлище, отнюдь не изъ-за одного только простаго любопытства. Дѣло въ томъ, что на этотъ день ожидался приходъ въ городъ парохода съ ссылаемыми горцами, изъ числа взятыхъ въ плѣнъ на Кавказѣ. Это была еще первая ссылаемая въ нашу губернію партія «черкесовъ», за которой имѣла, по слухамъ, послѣдовать присылка новыхъ, тоже болѣе или менѣе значительныхъ партій.

Попытки возстаній кавказскихъ горцевъ во время послѣдней русско-турецкой войны, въ періодъ которой такъ много писалось о звѣрствахъ турокъ, невольно привели наше «простонародье» къ отождествленію горцевъ съ турками и создали о нихъ представленіе, какъ о людяхъ дикихъ и ужасныхъ, отличающихся

крайнимъ звѣрствомъ. Извѣстные, издавна циркулирующіе, разсказы о быломъ покореніи Кавказа, о борьбѣ съ знаменитымъ Шамилемъ, объ отчаянной храбрости и жестокости горцевъ, только подтверждали составлявшееся такимъ образомъ представленіе о имѣющихъ быть присланными въ ссылку горцахъ, какъ о людяхъ съ самыми звѣрскими наклонностями, какъ о разбойникахъ, способныхъ зарѣзать человѣка «изъ-за ничего», «здорово живешь». Неизвѣстно, съ чьей легкой руки распространился слухъ, скоро перешедшій у простонародья въ убѣжденіе, что многоженцы-горцы будутъ не только разбойничать среди бѣлаго дня, но и силой отбирать себѣ чужихъ женъ и дочерей.

Все это, вмѣстѣ взятое, произвело въ низшихъ слояхъ нашего провинціальнаго общества большую сенсацію и сильное возбужденіе, близкое даже къ переходу въ активный протестъ при маломальски благопріятныхъ къ тому условіяхъ.

Время прибытія парохода съ горцами было приблизительно извѣстно заранѣе.

Еще задолго до этого берегъ около пристани все болѣе и болѣе заполнялся народомъ, котораго въ большинствѣ тянуло сюда не праздное любопытство свободныхъ отъ дѣла людей, а желаніе, потребность, собственными глазами провѣрить представленіе, составившееся по слухамъ, и самолично убѣдиться въ вѣрности тревожной стоустой молвы.

Въ толпѣ, собравшейся на берегу, то и дѣло шли разговоры о томъ, что сейчасъ же, вслѣдъ за поселеніемъ черкесовъ, начнутся грабежи и убійства, что съ черкесомъ на улицѣ и не встрѣчайся— сейчасъ ножемъ пырнетъ, или «изъ пистолета», что черкесы будутъ уводить ихъ женъ и дочерей, причемъ на нихъ и суда не будетъ, потому что «первое дѣло—не словишь и не подступишься къ нему, второе дѣло—никакой тѣ судья дѣло не возьмется вести, потому что только возьмись—сейчасъ тебя пристручатъ, такъ что и душа вонъ изъ тѣла»!...

Были и такіе разговоры, что «черкесы» ночью дѣтей малыхъ воруютъ, чтобы кровь изъ младенцевъ пить, что съ поселеніемъ ихъ здѣсь «развратъ промежду бабъ пойдетъ», что они «ни огня, ни меча не боятся», что и пуля-то ихъ не беретъ и изъ всякихъ-то бѣдъ они чистыми выходятъ, и т. п.

Всѣ эти слухи и толки успѣли вселить во многихъ сильное неудовольствіе къ мѣстному начальству за будто бы зависящее отъ него распоряженіе о поселеніи здѣсь горцевъ. Шли даже толки о томъ, чтобы силой воспротивиться ихъ высадкѣ на берегъ, просить начальство объ отмѣнѣ распоряженія о поселеніи, теперь же при встрѣчѣ «задать черкесамъ хорошаго жару», пока они безоружны, чтобы знали впередъ, съ кѣмъ имѣть будутъ дѣло.

Чѣмъ болѣе приближался пароходъ, везшій арестованныхъ гор-

цевъ, тѣмъ сильнѣе, энергичнѣе высказывалось неудовольствіе и тѣмъ чаще можно было видѣть, какъ молодые мѣщанскіе парни, выступая немного впередъ толпы, энергично поплевывали на руки и засучивали рукава, или же, представляя, какъ они заушатъ «злодѣевъ», пробовали увѣсистость своихъ палокъ, но съ этимъ вмѣстѣ все сильнѣе и сильнѣе разгоралось любопытство и масса тѣснѣе сдвигалась къ берегу.

Между тѣмъ, маленькая, черная точка, пускавшая изъ себя струйку сѣраго, едва замѣтнаго облачка—дыма, постепенно на темномъ фонѣ зеркальной водной поверхности увеличилась въ объемѣ и приняла опредѣленныя очертанія. Маленькая точка постепенно выросла въ большой винтовой пароходъ, легкая струйка сѣраго, висѣвшаго надъ нею облака превратилась въ черные клубы дыма, выходившаго изъ пароходной трубы. Красиво разрѣзывалъ пароходъ зеркальную поверхность темныхъ водъ угрюмаго озера, оставляя за собой длинную, расходящуюся струю колеблющейся волны, въ которой игриво перебѣгали съ мѣста на мѣсто золотистые лучи яркаго солнца.

Замедляя ходъ, большой пассажирскій пароходъ приставалъ къ «конторкѣ». Пошли въ ходъ чалки, потянулись канаты, раздалась капитанская команда. Пароходъ присталъ и началъ выпускать пары; перекинули трапъ.

Между тѣмъ толпа заколыхалась и сгустилась къ конторкѣ. Тысячи любопытныхъ глазъ устремились на пароходъ, и толпа на нѣсколько минутъ совсѣмъ затихла. Но вотъ она снова загудѣла, оживилась, задвигалась, заговорила, стала тѣсниться еще больше: это на верхней палубѣ парохода показались горцы-арестанты. Сначала явились солдаты съ ружьями, потомъ и горцы: мужчины, женщины, взрослые, дѣти,—окруженные солдатами, съ скудными пожитками, по большей части въ видѣ какихъ-то отрепанныхъ узловъ, ведя подъ руку и неся на рукахъ маленькихъ дѣтей. Медленно переходили горцы-арестанты между тѣснившейся съ обѣихъ сторонъ толпой по узенькому проходу, обставленному сдерживавшими натискъ толпы солдатами.

И вотъ, пока горцы дефилировали передъ толпой, поднимаясь на берегъ, на городскую набережную, гдѣ первые изъ пришедшихъ ожидали оставшихся, чтобъ всѣмъ вмѣстѣ подъ конвоемъ солдатъ отправиться въ тюремный замокъ, толпа уже успѣла радикально измѣнить свое отношеніе къ арестантамъ. Вмѣсто прежняго недружелюбнаго и даже безусловно враждебнаго, оно само собой, невольно и быстро, почти моментально измѣнилось въ сочувственное, соболѣзнующее. Изнуренные долгимъ скитаніемъ по водамъ и дорогамъ, долгимъ сидѣніемъ въ «пересыльныхъ» и предварительнымъ содержаніемъ въ мѣстныхъ тюрьмахъ, истощенные физически и нравственно, угнетенные разлукой съ родными и ро-

диной, горцы являли видъ въ высшей степени печальный, вызывающій сожалѣніе и отнюдь ужъ не соотвѣтствующій тому представленію, какое составилось у толпы, встрѣчавшей пароходъ. Печальный видъ исхудавшихъ, унылыхъ, смуглыхъ лицъ, боязливо-тоскливое, какое-то болѣзненное выраженіе арестантскихъ физіономій, изорванная, отрепанная одежда многихъ изъ нихъ, у нѣкоторыхъ имѣвшая видъ настоящихъ лохмотьевъ, стоны больныхъ и стариковъ, плачъ дѣтей больныхъ, лохматыхъ, истощенныхъ; исхудалыя, согбенныя подъ тяжестью наваленныхъ узловъ и дѣтей женщины съ болѣзненнымъ видомъ, съ какимъ-то тупымъ отчаяніемъ на лицѣ,—все это, вмѣстѣ взятое, производило такое невыносимое, грустное впечатлѣніе, которое рѣшительно трудно, даже невозможно представить, не видя собственными глазами. Какъ только толпа вглядѣлась въ эту печальную процессію «кровопивцевъ», «убивцевъ» и «окаянныхъ нехристей, которыхъ жалѣть нечего», она тотчасъ же не только сдѣлалась снисходительною, но поспѣшила даже выразить свое соболѣзнованіе посильною фактическою помощью «несчастненькимъ», «болѣзнымъ», «арестантикамъ»,—кто гривною, кто копѣечкой, кто чѣмъ пришлось. Масса народа лѣзала другъ на друга; лѣзали, вытягивали впередъ свои лица и руки, чтобы высмотрѣть и вручить подаяніе. Чѣмъ дальше, тѣмъ отношеніе толпы дѣлалось все болѣе и болѣе сочувствующимъ. Многія бабы плакали и причитали, глядючи на «ихнихъ» истомленныхъ, испуганныхъ дѣтишекъ, «на ихнихъ» «несчастныхъ бабенокъ», на плохенькую одеженку, на больныхъ, что тряслись и стонали въ лихорадкѣ. Бабы ласкали «черкесскихъ» дѣтишекъ, совали имъ у кого что было подъ рукою,—какая пряничекъ, какая кусокъ пирога или кренделя, иная же грошикъ, гладили ихъ по всклокоченнымъ головкамъ, а тѣ, прячась за матерей, выглядывали оттуда испуганно любопытными глазками, несмѣло протягивая руки за вручаемымъ подаяніемъ.

— Ишь, чумазый, самъ-то за матку прячется, а небось рученку, всетаки, протягиваетъ.

— Чай ему пряника-то хотца,—замѣчаетъ, стоящая рядомъ съ говорившей баба, подперши голову рукою, умильно и съ любопытствомъ поглядывая на «несчастненькихъ».

— Иванычъ, солдатикъ-то нашъ, вѣдь зря, должно, говорилъ, что они кровопивцы...

— Знамо зря, развѣ кровопивцы этакіе бываютъ?!...

Проходившій мимо горецъ отвлекъ ихъ вниманіе, и разговоръ пресѣкся.

— Гляди, зенки-то [1]), зенки-то: посередкѣ черные-черные, что уголь, а вокругъ совсѣмъ-совсѣмъ бѣлые... ишь какъ ворочаетъ,

[1]) Глаза.

лохматый,—показывала баба рукой на проходившаго мимо угрюмаго «черкеса» съ котомкой за плечами.

— Что, Митревна, аль пондравился — заглядѣлась на этого чорта?...—говорилъ подошедшій «Иванычъ».

— Ты что это, Иванычъ, наболталъ намъ давече зря, будто всѣ они убивцы?! «И не подходи, говоритъ, къ нимъ, сичасъ зарѣжутъ». А они, гляди, сами-то всего боятся и такіе несчастненькіе, что даромъ что нехристи, а и то жалко становится.

— Ну, что-жъ, нешто я вралъ тебѣ! Я, чай, своими глазами, бабочка, на Капказѣ всѣхъ ихъ видѣлъ; сколько разъ въ сраженіяхъ супротивъ нихъ участвовалъ: такіе озорники—бѣда!... Право, такіе мошенники, грабители—просто страсть: никого не жалѣютъ, никому спуску не даютъ. Одинъ, бывало, изъ крѣпости въ горы и выходить не думай: того и гляди, изъ какого нибудь куста тебя пулей поддѣпятъ, али съ шашками налетятъ... Ну, а эти... эти совсѣмъ другіе; эти совсѣмъ другіе; это, значитъ, ужъ видно совсѣмъ ужъ замиренные горцы... Такихъ я отродясь совсѣмъ никогда не видывалъ, даромъ, что чуть не 15 лѣтъ на Капказѣ служилъ: этакихъ тамъ и званія нѣтъ. Что это за горцы! Это не черкесы, не горцы, это... это, тьфу! Просто дрянь, просто бараны какіе-то.... Нѣтъ, и не бараны, а... я ужъ и не знаю, что и за люди такіе! Съ виду, по обличью, они точно и впрямь будто горцы-головорѣзы: и одежа ихняя, и лица-то ихнія, и глаза, и волосы, все какъ слѣдуетъ, а не только, что никакого страху, или тамъ сердца супротивъ нихъ нѣту (потому больно я не люблю ихъ, поганыхъ), но просто даже жалостно становится... Ну, одно слово «несчастненькіе»...

Вся эта необыкновенная встрѣча, этотъ рѣзкій неожиданный переходъ отъ крайне враждебнаго настроенія въ сочувственное, отъ желанія поколотить, побить, съ перваго же разу задать «знатнаго ходу, чтобы послѣ боялись»,—къ обуявшему толпу стремленію оказать всевозможную помощь и облегченіе, хоть и нехристямъ, хоть и кровопивцамъ, а всетаки «несчастненькимъ» и «болѣзнымъ»,—эта трогательная встрѣча горцевъ на берегу, гдѣ каждый совалъ и давалъ имъ все, что могъ, что было подъ рукою, послѣ того какъ называлъ ихъ «головорѣзами» и «грабителями»,—все это не могло не произвести сильнаго впечатлѣнія, не могло не запечатлѣться въ памяти и не возбудить интереса къ судьбѣ «несчастненькихъ»... «головорѣзовъ»...

Спустя всего только два года послѣ этой встрѣчи, мнѣ случилось быть опять приблизительно въ тѣхъ же мѣстахъ и проѣзжать чрезъ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ, куда выслана была часть сосланныхъ горцевъ.

Выѣхавъ изъ города и миновавъ православное кладбище, я невольно остановилъ свое вниманіе на цѣломъ рядѣ и маленькихъ, и большихъ, обложенныхъ дерномъ могилокъ безъ крестовъ, безъ плитъ, безъ всякихъ украшеній. Могилки находились какъ разъ около кладбищенской ограды, но внѣ ея. На одной изъ нихъ, весь съежившись, уткнувъ лицо между колѣнами, сидѣлъ какой-то нищій въ лохмотьяхъ, между которыми мѣстами сквозило голое тѣло и въ громадной мѣховой шапкѣ, по которой легко было узнать «черкеса». Онъ не поднялъ головы, не оглянулся, а я не посмѣлъ нарушить его думы своимъ приходомъ, хотя и хотѣлось очень пойти, разспросить, какъ они живутъ теперь, какъ устроились, да кстати сосчитать и число могилокъ.

Разговорчивый ямщикъ, оказалось, очень мало зналъ о ихъ жизни; онъ сообщилъ мнѣ только, что «мрутъ, какъ мухи», живутъ «чѣмъ Богъ приведетъ»,—и больше ничего.

Это было въ одной изъ сѣверныхъ губерній Европейской Россіи, издавна составлявшей обычное мѣсто ссылки. Сюда высылались и покоренные горцы, и бунтовавшіе поляки, и русскіе политическіе ссыльные, и проворовавшіеся, осужденные кассиры, чиновники-взяточники и проч., и проч.

Проживъ нѣсколько лѣтъ въ предѣлахъ одной изъ такихъ— родной мнѣ—губерній, я имѣлъ нѣкоторое понятіе объ условіяхъ жизни ссыльнаго элемента (за исключеніемъ горцевъ). Невольно пришло мнѣ въ голову сравненіе положенія ссыльныхъ горцевъ съ ссыльными остальныхъ категорій,—сравненіе далеко не въ пользу положенія первыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, переселены они были съ дальнаго Кавказа съ его очаровательнымъ климатомъ, съ его своеобразною южною природою, въ совершенно невѣдомыя для нихъ условія нашего, пожалуй, даже болѣе, чѣмъ непривѣтливаго сѣвера, гдѣ и климатъ, и вся окружающая природа не имѣетъ ничего общаго съ тѣми, среди которыхъ они выросли, съ которыми они сжились, освоились. Переселены они въ совершенно незнакомую среду и иновѣрнаго, и иноязычнаго, вполнѣ чужаго имъ народа, въ совершенно неизвѣстную имъ обстановку съ совсѣмъ иными способами и условіями и жизни, и труда, которымъ имъ придется добывать себѣ средства къ существованію.

Въ то же время остальные, то-есть русскіе ссыльные нашихъ сѣверныхъ губерній, выселены, очевидно, въ сравнительно болѣе или менѣе знакомыя имъ условія, въ знакомую среду и въ климатъ, далеко не столь рѣзко отличающійся отъ того, къ которому привыкли,—и тѣмъ не менѣе, какъ я зналъ, въ громадномъ большинствѣ живутъ, всетаки, крайне скудно, нищенствуютъ, голодаютъ... Сколько же поэтому времени и какія здоровыя, крѣпкія силы нужны были горцамъ для того, чтобы хотя на столько же, какъ остальные ссыльные, освоиться съ этими совершенно незна-

комыми имъ условіями?! Сколько жизней должно было погибнуть прежде, нежели эти жизни успѣли достаточно акклиматизироваться?!..

Заинтересованный выясненіемъ всѣхъ этихъ вопросовъ, я предполагалъ сначала познакомиться съ бытомъ горцевъ въ наиболѣе удаленныхъ уголкахъ сѣвера, гдѣ, по всѣмъ соображеніямъ, положеніе ихъ должно было быть наиболѣе тяжелымъ. Но этому предположенію не суждено было осуществиться. Зато случай помогъ мнѣ познакомиться съ житьемъ-бытьемъ высланныхъ горцевъ въ одной изъ южныхъ губерній—Саратовской, гдѣ спеціально для нихъ на казенный счетъ выстроены были мечеть, дома, дворы, сараи, хлѣва, отведена была земля для занятій земледѣліемъ, давались лошади, полный рабочій инвентарь и проч., и проч. Этотъ случай представлялся для меня полною противоположностью тому, что я могъ ожидать и видѣлъ на родномъ своемъ сѣверѣ. Въ то время какъ на сѣверѣ, думалъ я, горцы вынуждены жить въ невозможномъ, невыносимомъ для нихъ климатѣ, въ уѣздныхъ городишкахъ среди совершенно незнакомаго и часто даже враждебно относящагося къ нимъ населенія, не имѣя, что называется, ни кола, ни двора,— здѣсь они живутъ сравнительно, должно быть, «какъ у Христа за пазухой», въ климатѣ, болѣе или менѣе схожемъ съ ихъ климатомъ, у нихъ навѣрное имѣется все необходимое, а главное живутъ они всѣ вмѣстѣ, цѣлымъ ауломъ, независимо отъ незнакомаго имъ окрестнаго населенія, не имѣя къ нему никакой особенной нужды, не находясь ни въ какой отъ него зависимости. Это, должно быть, почти рай, сравнительно съ тѣмъ, какъ живется горцамъ на сѣверѣ... Но если ужъ, паче чаянія, и здѣсь ихъ жизнь устроилась плохо, то, спрашивается, каково же послѣ этого живется имъ тамъ, по берегамъ Бѣлаго моря, да Ладожскаго или Онежскаго озера?..

Но, казалось, не могло быть и сомнѣнія въ томъ, что здѣсь могло быть что нибудь подобное видѣнному мною на сѣверѣ... Тамъ у Бѣлаго моря для нихъ устроена ссылка, дѣйствительная ссылка, какъ наказаніе за ихъ преступленія, здѣсь же, на югѣ,— попытка колонизаціи высланныхъ съ Кавказа горцевъ, попытка культивировать ихъ въ средѣ русскаго населенія, попытка поставить ихъ въ наилучшія, наиболѣе благопріятныя для ихъ жизни условія... Интересно, всетаки, было посмотрѣть, какъ прижились эти дикари, хотя и въ чуждыхъ условіяхъ, но въ средѣ болѣе ихъ цивилизованнаго населенія, въ какія отношенія стали они къ этому населенію, какъ устроилась ихъ жизнь на новомъ мѣстѣ, въ новыхъ жилищахъ, при новыхъ, сравнительно повидимому благопріятныхъ условіяхъ.

II.

Плѣнные горцы прибыли въ Саратовскую губернію въ 1879 году, въ іюлѣ мѣсяцѣ. Незначительная часть ихъ вскорѣ же была отправлена въ другія губерніи, а около 1,200 человѣкъ оставлены здѣсь для поселенія. По инициативѣ свыше [1]), немедленно же по ихъ прибытіи надлежало принять энергическія спѣшныя мѣры къ улучшенію ихъ положенія, къ устройству имъ жилищъ и вообще возможно болѣе удовлетворительной обстановки.

Грозная перспектива суровыхъ зимъ, къ которымъ горцы не привыкли на своей родинѣ, неизбѣжная для нихъ необходимость отрѣшиться отъ многихъ привычекъ, можно сказать, унаслѣдованныхъ вѣками, рѣзкое измѣненіе въ условіяхъ жизни и главное въ условіяхъ климатическихъ,— все это, вмѣстѣ взятое, побуждало обратить особенное вниманіе на необходимость создать для нихъ такія возможно менѣе вредныя для этихъ дикихъ дѣтей кавказскихъ горъ условія, при которыхъ мыслимо было бы ихъ дальнѣйшее здѣсь существованіе. И въ этомъ отношеніи дѣйствительно предполагалось сдѣлать все возможное. Даны были подробныя указанія даже относительно качествъ тѣхъ жилищъ, которыя должны были строиться для горцевъ. Предписаны были очень простыя, естественныя, безусловно осуществимыя, человѣчныя требованія: «чтобы жилища были теплы, сухи, по возможности соотвѣтствовали бы привычкамъ сосланныхъ горцевъ». Инструкціи и указанія свыше по части устройства быта ссыльныхъ горцевъ настаивали на непремѣнномъ исполненіи даже такихъ требованій, необходимость осуществленія которыхъ, казалось, должна была бы подразумѣваться сама собою и сознаваться каждымъ мало-мальски благоразумнымъ и порядочнымъ человѣкомъ. Но будущее показало, что подобная, повидимому, чрезмѣрная предусмотрительность была не только излишня, но въ извѣстномъ смыслѣ (при отсутствіи нѣкоторыхъ условій, обезпечивающихъ ея осуществленіе) даже не достаточна.

Высшее (петербургское) начальство торопило постройкой жилищъ, въ виду скораго приближенія осени, настаивая въ то же время, чтобы спѣшность постройки отнюдь не была въ ущербъ качеству жилыхъ помѣщеній, чтобы они были хорошо выстроены, прочны и, само собою разумѣется, вмѣстѣ съ тѣмъ, не обошлись бы казнѣ дороже того, что они дѣйствительно стоятъ.

Что же получилось въ результатѣ?

---

[1]) Въ качествѣ ссыльныхъ, горцы съ момента ареста находились въ вѣдѣніи департамента полиціи исполнительной.

Прежде всего выбрали мѣсто для горскихъ поселеній въ открытой обширной безлѣсной равнинѣ, обдуваемой со всѣхъ сторонъ вѣтрами и нерѣдкими здѣсь зимою сильными степными буранами. Наибольшій изъ поселковъ, которому дали названіе «Большаго Дагестана», будто нарочно построили на мѣстѣ возвышенномъ, безусловно подверженномъ всевозможнымъ вѣтрамъ и вьюгамъ. Мало того: выбравъ мѣсто для построекъ, выстроивъ цѣлый аулъ и помѣстивъ туда горцевъ, не подумали о томъ, откуда будутъ брать горцы воду, что они будутъ пить, живя на новой родинѣ. Только тогда, когда уже горцы поселились въ новыхъ жилищахъ, оказалось, что вода хотя и есть близко, да чужая и за чужой землей. Чтобы достать воды, надо пройти изъ «аула» черезъ сосѣдній крестьянскій надѣлъ; крестьяне же ходить за водою черезъ свой надѣлъ безусловно воспрещаютъ. И прежде всего пришлось входить въ особые переговоры и договоры съ крестьянами объ уступкѣ права на «водопой».

Пока «аулъ» строили, горцы жили въ солдатскихъ холщевыхъ палаткахъ. Если привычнаго къ нашему климату и закаленнаго въ бояхъ, буряхъ и непогодахъ русскаго солдата не считаютъ возможнымъ въ мирное время держать въ лѣтнихъ палаткахъ дальше первыхъ осеннихъ дождей, то каково же было жить въ нихъ изнѣженнымъ кавказскимъ климатомъ горцамъ, которые вынуждены были тамъ пробыть до 5-го октября! Не смотря на это, никто здѣсь въ то время не догадался позаботиться о томъ, чтобы хоть временно до постройки аула разселить ихъ по деревнямъ, или въ городѣ, хотя бы даже и въ тюрьмѣ; для нихъ и то было бы лучше! Естественнымъ послѣдствіемъ такого отношенія было появленіе и широкое распространеніе болѣзней—цынги, лихорадки, ревматизма. Названныя болѣзни послѣ этого никогда горцевъ не оставляли; впослѣдствіи къ нимъ прибавились еще: воспаленіе легкихъ и чахотка. Не помню, за какой именно моментъ, но знаю, что было время, когда по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ за извѣстный день показывалось 115 человѣкъ однихъ лишь больныхъ лихорадкой. Лѣтомъ 1880 года лихорадка была въ большей части семей. Не помню теперь, въ какомъ именно изъ трехъ ауловъ считалось къ 1883 году 62 умершихъ въ 114 семьяхъ: изъ нихъ въ 1879 году умерло 5, въ 1880 году — 12, въ 1881 году — 16, въ 1882 году — 15 и въ 1883 году—14 [1]); въ томъ числѣ дѣтей до 4 лѣтъ (вклю-

[1]) Слѣдуетъ имѣть въ виду, что съ годами % смертности не уменьшился, какъ это бы можно было думать, судя по вышеприведеннымъ абсолютнымъ числамъ. Дѣло въ томъ, что съ годами аулы все болѣе и болѣе пустѣли, помимо вліянія смертности, еще и оттого, что отсутствіе заработковъ и невозможность жить въ новопостроенныхъ домахъ заставляла горцевъ бѣжать изъ новыхъ ауловъ и съ паспортами и безъ паспортовъ, и подъ конецъ аулы сильно обезлюдѣли.

чительно) 21, отъ 4 до 12 лѣтъ—8, отъ 12 до 18 лѣтъ—2, отъ 18 до 55 лѣтъ — 19, свыше 55 лѣтъ—12; вообще мужскаго пола 27, женскаго пола 35 человѣкъ.

Не великимъ счастьемъ для горцевъ былъ и переходъ ихъ изъ палатокъ въ только что построенные дома, хотя переходъ этотъ и ознаменовался спеціальнымъ празднествомъ. Прежде всего, конечно, предстояло произвесть оффиціальную пріемку всего вновь построеннаго отъ усердныхъ строителей, взявшихъ постройку съ подряда. По этому поводу съѣхались изъ Саратова надлежащія власти, дѣлали осмотръ, затѣмъ,—говоритъ мѣстное сказаніе,—завтракали и пили шампанское. Объ этомъ событіи здѣсь составилось легендарное сказаніе, слышанное мною и отъ нѣкоторыхъ горцевъ, и отъ русскихъ изъ мѣстныхъ жителей. Самъ я при этомъ не былъ, поэтому за достовѣрность не ручаюсь и «за что купилъ, за то и продаю». Можетъ быть, все это и не правда, но эта легенда—во всякомъ случаѣ весьма характерная иллюстрація ко всей исторіи горской колонизаціи.

Говорятъ, что когда пріѣхалъ губернаторъ для осмотра и пріема строеній, то были употреблены всѣ мѣры, чтобы показать ему «товаръ лицомъ» и скрыть истинное дѣло; съ этою цѣлью старались подъ разными предлогами торопить осмотромъ, дабы при немъ не выяснились нѣкоторые существенные недостатки. Говорятъ, что въ этомъ отношеніи строителямъ оказалъ большую помощь поѣздъ желѣзной дороги, такъ какъ губернатора, во время осмотра, со всѣхъ сторонъ торопили не опоздать на ближайшую станцію къ отходу поѣзда въ Саратовъ. Говорятъ, затѣмъ, что, когда пріемщики уѣхали,—вслѣдъ же за ними потянулись обратно въ Саратовъ, съ тѣмъ, чтобы никогда уже не возвращаться, цѣлые возы желѣзныхъ и мѣдныхъ скобъ, петель, ручекъ, вьюшекъ, заслонокъ, даже цѣлыхъ дверей (снятыхъ съ петель у построенной посреди аула мечети) и пр., и пр. Все это передъ осмотромъ было привезено и временно прикрѣплено на своихъ мѣстахъ только «для видимости», лишь бы состоялась пріемка, а потомъ... «хоть трава не рости!»

Не смотря на заботы свыше о возможной, но «безъ ущерба для дѣла», конечно, экономіи въ расходованіи казенныхъ денегъ, около 200 избъ, построенныхъ для горцевъ «на манеръ крестьянскихъ», обошлись много дороже того, за сколько потомъ ихъ оцѣнили при принятія на страхъ отъ огня. Избы, стоившія казнѣ 720 рублей, были оцѣнены въ 400—450 рублей, стоившія 550 рублей—въ 330 рублей. При продажѣ этихъ построекъ только черезъ 3½ года послѣ ихъ постройки [1]), за нихъ получено лишь около 15—25% того, во что онѣ обошлись казнѣ.

---

[1]) Когда горцевъ совсѣмъ освободили и отпустили восвояси.

Мѣстные старожилы увѣряютъ, что соломенныя крыши домовъ тотчасъ по поселеніи въ нихъ горцевъ оказались не пропитанными глиной, а только слегка помазанными ею сверху для виду; крыши эти вскорѣ дали сильную течь, стропила ихъ погнулись. Печи оказались безъ вьюшекъ и постепенно одна за другой стали портиться и даже обваливаться; нѣкоторыя оказались развалившимися и негодными для топки уже въ 1880 году, то-есть только черезъ годъ послѣ постройки. Въ избахъ оказались такія щели, что ясно были видны просвѣты и, по словамъ людей, бывавшихъ здѣсь, зажженная въ избѣ лампа, нерѣдко будто бы даже гасла отъ вѣтра, проникавшаго зимой сквозь эти щели. Крыши скоро стали обваливаться и надъ избами, и надъ дворами. Достаточно сказать, что расходы на ремонтъ построекъ, возведенныхъ въ концѣ 1879 года, потребовались уже въ 1880 году. Съ полу дуло ужасно, такъ какъ подполковъ во многихъ избахъ совсѣмъ не было. Холодъ въ избахъ стоялъ не выносимый, а взятая горцами съ Кавказа одежда, конечно, совсѣмъ не была пригодна для нашего климата.

Между тѣмъ, вѣроятно, съ цѣлью дисциплинированія и пріученія горцевъ къ порядку, они поочередно высылались на ночные караулы по аулу. Одеждъ теплыхъ почти не было; на цѣлую семью, напримѣръ, всего лишь одинъ овчинный тулупъ; что оставалось дѣлать въ зимнія морозныя ночи посылаемымъ въ ночной безполезный и ненужный караулъ? Брать у своей семьи единственное мало-мальски теплое покрывало, единственную защиту отъ холода и идти караулить отсутствующее имущество, на которое никто никогда не дѣлалъ никакихъ посягательствъ, или же, изъ снисхожденія къ семьѣ, оставя ей теплую одежду, идти на морозъ и мятель или вѣрную смерть отъ замерзанія или отъ сильнѣйшей простуды? Лучшій исходъ, конечно, заключался въ томъ, чтобы согрѣваться вмѣстѣ съ семьей подъ тѣмъ же тулупомъ. Такъ, конечно, горцы и дѣлали. Но зато и платились. Ихъ наказывали розгами, записывали въ разрядъ непокорныхъ, бунтовщиковъ, не заслуживающихъ возвращенія на родину, когда бы то ни было, имѣющихъ будто бы крайне вредное вліяніе на остальныхъ.

Въ первое время по поселеніи втеченіе извѣстнаго времени на отопленіе ежедневно выдавались казенныя дрова: отъ 3—5 полѣнъ на семью, но скверныя постройки не держали въ себѣ тепла и такого количества дровъ было далеко не достаточно. Вслѣдствіе этого, разселенныя по различнымъ избамъ отдѣльныя семьи волей-неволей стали соединяться вмѣстѣ въ одну избу, къ «одной печкѣ» по 2, по 3, по 5 и даже болѣе семей вмѣстѣ. Но и это не помогало—топить, всетаки, было нечѣмъ. Естественно, что тогда горцы стали брать жерди и колья изъ собственныхъ плетневыхъ дворовъ, построенныхъ при избахъ для помѣщенія скота, котораго ни у кого изъ горцевъ сначала не было. Но эти плетни считались ка-

зеннымъ имуществомъ, и потому употребленіе ихъ въ топливо разсматривалось, какъ кража. Полицейскій урядникъ, приставленный спеціально для наблюденія за горцами, только почти и дѣлалъ, что считалъ жерди въ плетняхъ и уличалъ горцевъ въ кражѣ казеннаго имущества. Виновные судились въ волостномъ судѣ сосѣдней волости русскими мужиками[1]) и по большей части приговаривались къ сѣченію розгами отъ 10 до (преимущественно) 20 ударовъ. Это пороли тѣхъ гордыхъ горцевъ, которые у себя на родинѣ за каждое малѣйшее посягательство на ихъ честь мстили обидчику смертью! Судить о томъ, на сколько часто горцы подвергались этой расправѣ, можно уже потому, что къ срединѣ марта 1883 года у нихъ было (за 1883 годъ, то-есть за $2^1/_2$ мѣсяца) не больше не меньше, какъ уже 9 высѣченныхъ и 5 сидѣвшихъ подъ арестомъ за употребленіе казенныхъ плетней на топливо. Не однѣ только неявки горцевъ въ ночной караулъ ближайшимъ начальствомъ разсматривались, какъ неизбѣжныя проявленія ихъ бунтовщическихъ наклонностей, но и вообще, повидимому, это начальство склонно было каждое, хотя бы и невольное, уклоненіе отъ предъявлявшихся къ нимъ требованій считать чѣмъ-то въ родѣ бунта со стороны горцевъ.

Не мудрено, конечно, что при такомъ отношеніи ближайшаго начальства, въ одно прекрасное, а можетъ быть, и ненастное время, вдругъ пронесся слухъ, что всѣ горцы намѣреваются скоропостижно улетучиться обратно на Кавказъ, но предварительно сдѣлавъ вооруженное нападеніе на сосѣднія деревни. Немедленно, конечно, собираются войска, начальство; пріѣзжаютъ въ разбойничье гнѣздо, накрываютъ злодѣевъ, еще не двинувшихся съ мѣста, начинаютъ строгое разслѣдованіе и выясняютъ, что вся эта исторія не больше, какъ глупая шутка, выдуманная пьянымъ урядникомъ.

За неимѣніемъ дровъ, горцы надумали было топить кизяками, но такъ какъ навозу взять было не гдѣ, то они принялись собирать пометъ по проѣзжимъ дорогамъ и по улицамъ окрестныхъ деревень; однако, за неимѣніемъ топлива, ждать, пока онъ надлежащимъ образомъ просохнетъ, было невозможно, и топили печки собраннымъ пометомъ, лишь слегка подсушивъ его. Тѣмъ не менѣе одного помета и плетней изъ дворовъ, разумѣется, далеко не хватало, поэтому воровали соломенныя вѣхи, которыми обставляются степныя дороги въ зимнее время. Мало помогало и это, и приходилось сильно холодать. Чтобы хоть какъ нибудь помочь горю, горцы придумали суживать внутренность печки («чтобы печка

[1]) Замѣчательно, что для административнаго управленія изъ горскихъ ауловъ устроена была особая волость, въ которой былъ и свой волостной старшина — самый «благонамѣренный» изъ горцевъ; судить же горцевъ почему-то должны были русскіе крестьяне ближайшей къ ауламъ волости; они же ихъ и пороли розгами.

меньше дровъ брала») и ея входное отверстіе, а доски той части пола въ избѣ, что противъ печки, приподнимать на брускахъ къ самому отверстію печки, чтобы всѣмъ быть поближе къ огню, повыше отъ земли и подальше отъ промерзшихъ насквозь стѣнъ и угловъ избы, откуда вѣяло невыносимымъ холодомъ. Наконецъ, было употреблено и послѣднее средство. Вьюшекъ у печекъ не было, и потому трубы всегда закрывались «чѣмъ придется»; поэтому, чтобы тепло изъ печекъ не уходило, приходилось даже и во время топки затыкать трубы наглухо и постоянно держать такимъ образомъ дымъ въ избѣ.

Въ первое время по поселеніи, горцы получали отъ казны кормовое довольствіе въ размѣрѣ 10 копеекъ въ день на человѣка; оно выдавалось по 10-е, кажется, іюля 1880 года тѣмъ, которые не взяли земельнаго надѣла, и по 10-е сентября, взявшимъ надѣлъ.

Небольшая часть высланныхъ семей имѣла собственныя средства; она, конечно, не испытывала нужды. Напротивъ, имѣющіяся въ своихъ рукахъ деньги наиболѣе ловкіе изъ горцевъ (такихъ нашлось человѣкъ 5—10) скоро пустили въ ходъ съ большою пользою для себя. Горцы разсказывали мнѣ, что прежде всего имъ бросилась въ глаза бѣдность сосѣднихъ крестьянъ и нужда ихъ въ деньгахъ; воспользовавшись этимъ, зажиточные горцы стали ссужать крестьянъ деньгами изъ 120% годовыхъ. Менѣе же состоятельные стали заниматься торговлей, преимущественно краснымъ товаромъ въ разносъ, а масса остальныхъ семей постепенно стала ходить по міру, просить «Христа ради», или, кто еще могъ, пошелъ наниматься на поденныя работы по сосѣднимъ деревнямъ. Но такъ какъ очень многіе были больны и потому работать не могли, другіе работать не умѣли, а осенью 1880 года выдача кормовыхъ была прекращена, поэтому значительное большинство очень скоро стало терпѣть страшную нищету. Къ тому же въ нѣкоторыхъ семьяхъ часто не находилось даже лица, которое бы могло сходить за дневнымъ подаяніемъ «Христа ради»: одинъ, напримѣръ, былъ при смерти въ чахоткѣ, другой лежалъ въ цынгѣ, остальныхъ била жестокая лихорадка. У многихъ семей, оставшихся въ аулѣ, главною и даже почти единственною пищей стали въ концѣ концовъ однѣ только корки хлѣба, сбиравшіяся по деревнямъ; ихъ ѣли и здоровые, и больные.

Въ первое время, пока горцы не привыкли къ исполненію простыхъ земледѣльческихъ работъ, посредствомъ которыхъ можно было бы получать себѣ заработокъ,—воровать по сосѣднимъ деревнямъ приходилось многимъ. Иные попадались на мѣстѣ преступленія и получали отъ крестьянъ возмездіе въ видѣ здоровыхъ подзатыльниковъ и затрещинъ; крестьяне вообще смотрѣли сначала на горцевъ, какъ на «нехристей» и «кровопивцевъ», очень враждебно. Впослѣдствіи же только «жалѣли» ихъ. Нужда, заставляя

красть, гнала горцевъ даже въ ржаное поле. Какъ разсказываютъ мѣстные жители, бывали случаи, что, за неимѣніемъ серповъ и косъ и не умѣя съ ними обращаться, «черкесы» топорами рѣзали себѣ колосья ржи въ крестьянскихъ поляхъ. При приближеніи крестьянина, горецъ, застигнутый на мѣстѣ преступленія, или убѣгалъ и скрывался, или же, отчаянно размахивая топоромъ, давалъ этимъ знать, что постоитъ за себя и за обрубленные топоромъ колосья.

Первый годъ по поселеніи, по словамъ окрестныхъ жителей и самихъ горцевъ, ихъ не отпускали далѣе ближайшихъ окрестностей. Затѣмъ, на правахъ крестьянъ, имъ стали выдавать паспорта, и большинство изъ тѣхъ, кто былъ въ силахъ, отправилось «на сторону», такъ какъ на мѣстѣ оказалось невозможнымъ всѣмъ находить средства къ существованію. Въ то время, когда я въ мартѣ 1883 года былъ въ первый разъ въ «Большомъ Дагестанѣ», тамъ оставалось всего лишь около 30 семей; 6 семей были уже возвращены на Кавказъ, такъ какъ старшіе этихъ семей умерли, четыре семьи служили въ Саратовѣ и сосѣднихъ имѣніяхъ, а остальныя 74 семьи разошлись въ Самарскую, Саратовскую, Казанскую, Оренбургскую, Пензенскую, Тамбовскую и Уфимскую губерніи. Что дѣлали и какъ жили ушедшіе, опредѣленно неизвѣстно. Говорятъ только, что лучше другихъ устроились тѣ, которые ушли въ Казанскую губернію, къ татарамъ, которые не скупились на помощь своимъ единовѣрцамъ. Тамъ нѣкоторые нашли себѣ занятіе по своей спеціальности, напримѣръ, хорошіе муллы заняли именно эти должности; остальные же, по слухамъ, жили плохо и перебивались, то здѣсь, то тамъ, попреимуществу тѣми же занятіями, которыя были имъ наиболѣе здѣсь доступны, то-есть ходили по міру.

Болѣе или менѣе здоровые и вмѣстѣ зажиточные изъ оставшихся въ предѣлахъ Саратовской губерніи почти всѣ занялись торговлей краснымъ товаромъ, который покупали обыкновенно въ Саратовѣ въ кредитъ; продавали же по окрестнымъ деревнямъ. Оборотный капиталъ этихъ торговцевъ въ рѣдкомъ случаѣ достигалъ ста рублей, большинство же торговало на 30—40 рублей. Не многіе знали разныя мастерства, каковы: серебряки, сапожники, кузнецы и т. п. Но большинство изъ нихъ не могло примѣнить свои знанія къ дѣлу. Напримѣръ, главная спеціальность черкесовъ-серебряковъ на родинѣ заключалась въ отдѣлкѣ ружей, кинжаловъ и чашекъ—на все это спроса здѣсь не было; горцы-шерстобиты не могли заняться своей спеціальностью, потому что шерсть въ Саратовской губерніи не такая, какъ у нихъ на родинѣ; наконецъ, нѣкоторымъ изъ знающихъ ремесла заняться ими препятствовалъ недостатокъ въ умѣньѣ, напримѣръ, хорошіе кавказскіе кузнецы оказались хуже кузнецовъ изъ русскихъ крестьянъ.

Вскорѣ по окончаніи постройки «аула», поднятъ былъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ пріучить горцевъ къ земледѣлію, какимъ путемъ дикарей Кавкавскихъ горъ превратить въ мужиковъ-земледѣльцевъ. Предложили имъ безвозмездно казенный надѣлъ, кажется, по семи десятинъ на дворъ; они отказались. Стали ихъ убѣждать, что въ ихъ выгодѣ взять на себя надѣлъ, такъ какъ они будутъ имѣть тогда средства къ существованію и по прекращеніи выдачи кормовыхъ отъ казны; притомъ на обзаведеніе инвентаремъ и скотомъ тратиться не приходилось: каждому давалась лошадь, корова, соха, борона, коса и т. д., и, сверхъ того, объявлено было, что взявшіе надѣлъ будутъ получать кормовое довольствіе болѣе продолжительный періодъ времени, сравнительно съ отказавшимся отъ него. Все это показалось горцамъ подозрительнымъ; у многихъ явилась увѣренность, что тотъ, кто приметъ надѣлъ и сдѣлается земледѣльцемъ здѣсь, въ чужомъ краю, того (какъ оклиматизировавшагося) такъ навѣки и оставятъ въ «Россіи» безъ всякой надежды возврата на родину. И чѣмъ больше горцевъ уговаривали и убѣждали, тѣмъ болѣе у нихъ увеличивалось недовѣріе.

Съ осени и до весны разное начальство то и дѣло ѣздило убѣждать горцевъ взять надѣлъ и, наконецъ, послѣ продолжительныхъ и усиленныхъ хлопотъ, 23 семьи изъявили на это согласіе. Однако весной 1883 года, когда я въ первый разъ былъ въ «Большомъ Дагестанѣ», изъ всѣхъ принявшихъ надѣлъ обработывалъ свою землю лично только одинъ изъ горцевъ, остальные же обработывали ее «наймомъ», или сдавали въ аренду, лишь бы числиться земледѣльцами. Земледѣліе здѣсь совсѣмъ не привилось, хотя денежныхъ затратъ стоило немалыхъ, и въ концѣ концовъ предназначенную для горцевъ землю пришлось сдавать въ аренду...

Изъ подробныхъ разспросовъ я убѣдился, что въ данномъ случаѣ имѣли мѣсто и другія, не менѣе вліятельныя и имѣющія свое raîson d'être, причины.

Одна изъ этихъ причинъ — громадная разница въ плодородіи почвы: на родинѣ урожайность почвы была гораздо выше и требовала во много разъ менѣе тщательной обработки, къ которой горцы не привыкли. При томъ же и орудія, употребляемыя для этой обработки, здѣсь совсѣмъ не тѣ, что у нихъ на родинѣ. Другая — разница въ предметахъ культуры; тамъ горцы занимались разведеніемъ кукурузы, винограда, садоводствомъ, здѣсь должны были разводить рожь, пшеницу и другіе зерновые хлѣба. Третья причина, и, по моему мнѣнію, тоже довольно важная для такого не цивилизованнаго народа, какъ горцы, — это невозможность видѣть въ близкомъ будущемъ результаты своихъ трудовъ: «тамъ собралъ яблоки или виноградъ»,—говорили мнѣ горцы,—«пошелъ, продалъ ихъ—вотъ и деньги, а здѣсь вспаши, да еще разъ вспаши,

да взборонуй, да всю осень и зиму до весны подожди, какъ и что взойдетъ, потомъ опять подожди до осени, потомъ сожни, сложи, подожди еще, свези, снова сложи, обмолоти и ужъ послѣ того посмотри, что толку вышло; тогда опять еще повези на мельницу и потомъ уже только пеки и ѣшь».

При всѣхъ такихъ условіяхъ, при полной непривычкѣ горцевъ къ земледѣльческому труду такого характера, при неумѣньѣ обходиться съ мѣстными орудіями, при природномъ отсутствіи настойчивости въ трудѣ и т. п. трудно было и ожидать иного исхода и во всякомъ случаѣ, конечно, не слѣдовало торопиться съ подобными затратами.

Но кому-то и почему-то затраты эти были нужны, и онѣ дѣлались...

Чтобы читатель лучше могъ судить о томъ, что вышло изъ колоссальной, почти въ 260 тысячъ рублей, затраты на устройство быта горцевъ, я позволю себѣ изобразить передъ нимъ хотя бы въ блѣдныхъ чертахъ и неумѣлымъ перомъ то, что я увидѣлъ при первомъ посѣщеніи самаго крупнаго аула, и то первое впечатлѣніе, какое произвела на меня видѣнная мною картина.

Былъ весенній день. Ранняя весна давала себя знать желтизной степной травы да печальнымъ видомъ облысѣлыхъ, облѣзлыхъ кустарниковъ, ютившихся по рѣдкимъ степнымъ оврагамъ. Небо еще наканунѣ съ вечера заволакивало сѣро-свинцовыми, непривѣтными облаками, — такими, какія обыкновенно бываютъ осенью и обѣщаютъ въ результатѣ снѣгъ. Къ утру дѣйствительно выпалъ снѣгъ, подулъ не сильный, но холодный вѣтерокъ; съ ночи засвѣжѣло до того, что руки безъ перчатокъ быстро зябли на открытомъ воздухѣ, впрочемъ послѣ полудня рыхлый, мокрый, хлопьями падавшій снѣгъ, прикасаясь къ землѣ, почти моментально исчезалъ, и полотно дороги все болѣе и болѣе превращалось въ полосу липкой грязи.

Въ такой-то свѣжій, но нельзя сказать, чтобы холодный день, пріѣхалъ я впервые въ знаменитый поселокъ горцевъ съ его пустою и дырявою мечетью въ центрѣ, съ его постройкою, расположенною кругомъ на манеръ заправскаго аула. Вхожу въ первую избу. Хотя уже и полдень, но печка еще не топилась—дровъ нѣтъ. Тутъ живетъ пять семей, соединившихся для тепла воедино. Въ избѣ холодно, смрадно и сыро. Въ большомъ углу кучи тряпья и всякой одежды; на ней и подъ ней, закрывшись съ головами, лежатъ трое или четверо, а около нихъ сидитъ сѣдой-сѣдой старикъ, кряхтитъ, трясется и стонетъ. На насъ, вошедшихъ, онъ не обратилъ вниманія, пока дагестанскій волостной старшина, горецъ изъ тѣхъ же ссыльныхъ, не сказалъ ему чего-то на родномъ языкѣ. Тогда старикъ, повидимому, оживился, хотѣлъ подняться и не могъ—силъ не хватило, только глаза слегка загорѣлись лихорадоч-

нымъ блескомъ. Черезъ минуту, опустивъ глаза и кутаясь въ овчинный мѣхъ, накинутый на плечи, онъ что-то заговорилъ своимъ дребежащимъ голосомъ, шамкая, дѣлая передышки и дрожа отъ холода и лихорадки. Старшина служилъ переводчикомъ. Онъ сказалъ намъ, что старикъ проситъ посѣтителей, не могутъ ли они полѣчить лежащихъ около него больныхъ (какъ оказалось, въ лихорадкѣ и цынгѣ) — о себѣ ужъ онъ не заботился: отъ него ужъ лихорадка не отойдетъ, она мучитъ его со дня пріѣзда и ею суждено ему, старику, умереть. Онъ спросилъ также, нѣтъ ли у насъ «всего только нѣсколько копеекъ» на муку. Онъ разъяснилъ намъ также, что отсутствіе топлива объясняется уходомъ въ деревню мало-мальски здоровыхъ для выпрашиванія соломы у крестьянъ «Христа ради»,—единственныя слова, которыя онъ выговаривалъ порусски: очевидно слишкомъ ужъ часто приходилось употреблять ихъ несчастнымъ «нехристямъ» горцамъ. Оказалось, что больны рѣшительно всѣ, живущіе въ этомъ дырявомъ сараѣ, и разница лишь въ томъ, кого лихорадка или цынга обуяли сильнѣе, кого меньше, что всѣ 13 или 14 человѣкъ различнаго возроста и пола изъ собравшихся въ одну семью не въ силахъ, не могутъ, или не умѣютъ работать и живутъ теперь исключительно подаяніемъ. Раньше, вслѣдствіе крайней нужды, пробовали поворовывать у крестьянъ, «что лежало плохо», а теперь силъ и на это нѣтъ. Сообщившій это старшина-горецъ посовѣтывалъ дать имъ «копѣеекъ 15—20», потому что эти «дѣйствительно нуждаются»! Мы заговорили о лихорадкѣ, о необходимости леченія ея хиной. Старшина и старикъ, которому онъ перевелъ наши слова, отрицательно закачали головой, улыбнулись иронически и потомъ, поговоривъ о чемъ-то, стали просить, чтобы мы, если знаемъ «настоящаго доктора», попросили у него прислать сюда «настоящей хины», потому что ближайшій фельдшеръ, у котораго они берутъ хину, даетъ имъ или очень ужъ «плохую», или мѣлъ, или что нибудь въ родѣ того, притомъ же и мало, и рѣдко—«толку отъ нея нѣтъ»...

Пошли въ слѣдующую избу, тамъ пусто: часть перешла жить къ сосѣдямъ, часть куда-то на заработки и «въ кусочки». Дальше опять пустая. Еще, еще и еще—цѣлый рядъ ихъ!

Наконецъ нашли жилую избу. Входитъ. Въ избѣ пусто, «хоть шаромъ покати», только легкій дымокъ въ родѣ тумана стелется и движется подъ потолкомъ. Въ избѣ страшно холодно; кажется, гораздо холоднѣе, чѣмъ на воздухѣ. Проходимъ отъ входныхъ дверей внутрь избы, огибаемъ уголъ печки, подходимъ къ самому жерлу ея, и передъ нами цѣлая куча съежившихся, скорчившихся, другъ къ другу какъ бы притиснутыхъ людей, покрытыхъ разными лохмотьями, тряпьемъ, изорваннымъ овчиннымъ мѣхомъ— очевидно бренными остатками мужицкаго полушубка, или тулупа, Вся живая куча сидитъ у самаго огня на подмосткахъ, устроен-

ныхъ изъ досокъ, раньше служившихъ поломъ; вмѣсто подполковъ изъ-подъ этихъ приподнятыхъ досокъ пола видна только голая земля. Эти подмостки никогда не убираются. Жизнь семьи круглый годъ, кромѣ теплаго времени—лѣта, проходитъ на этихъ подмосткахъ у самаго жерла печи, потому что вездѣ въ другомъ мѣстѣ избы рискуешь замерзнуть отъ холода.

При нашемъ появленіи никто не двигается съ мѣста, только изъ-подъ тряпья и всякаго хлама куча блестящихъ глазъ устремляется на насъ; кажется, будто изъ-подъ хлама, можетъ быть, благодаря отсвѣту огня изъ печи, гдѣ горятъ тощія щепы и лучинки,—глядятъ на васъ нѣсколько паръ искрящихся живыхъ огоньковъ, перебѣгающихъ съ мѣста на мѣсто въ то время, какъ ихъ владѣльцы остаются неподвижными, только покрѣпче притискиваясь другъ къ другу и вмѣстѣ съ тѣмъ къ огню, чтобы какъ нибудь согрѣться. Тутъ и взрослые и малютки. Пробуемъ заговорить— въ отвѣтъ ни слова: они не умѣютъ говорить порусски, кромѣ «Христа ради», хотя и научились уже понимать русскую рѣчь.

Мы поинтересовались узнать, гдѣ сегодняшній запасъ пищи.

Разспросивъ своихъ соотечественниковъ, старшина указалъ намъ на лежащій вмѣстѣ съ лохмотьями мѣшокъ изъ-подъ муки; онъ взялъ мѣшокъ, приподнялъ, взвѣсилъ на рукѣ—пусто! Опустилъ руку внутрь и нащупалъ на самомъ днѣ какіе-то несчастные остатки.

— Обчистятъ его хорошенько и со дна, и съ боковъ, щепочкой, можетъ, и хватитъ на сегодняшнія лепешки,—равнодушно объяснилъ старшина, очевидно давно уже привыкшій къ подобнымъ фактамъ:—если будетъ теплѣй, сегодня же пойдутъ побираться.

— А больные есть?

— У троихъ лихорадка; въ этой семьѣ двое уже умерло.

Невольно рука моя потянулась за кошелькомъ. Вынимая его, я какъ-то случайно взглянулъ на старшину. Онъ смотрѣлъ на меня холодно-равнодушно. Повидимому, онъ понялъ въ моемъ взглядѣ вопросъ и, отвѣчая на него, произнесъ обычнымъ, равнодушнымъ тономъ:—«Дайте, дайте — они тоже очень бѣдны, не богаче другихъ... Только по многу-то не давайте, а то если всѣхъ будемъ обходить и всѣмъ давать, какъ слѣдуетъ, у-васъ, можетъ быть, совершенно ничего на обратный путь не останется и въ городъ не съ чѣмъ будетъ уѣхать».

Порывшись въ кошелькѣ, я нашъ мелочи только серебряный гривенникъ и, вынувъ, невольно остановился въ раздумьѣ: что значили мои 10 копеекъ, или даже рубль и больше, передъ этой безъисходной нуждой?!

Замѣтивъ мои колебанія, старшина взялъ этотъ гривенникъ и подалъ кому-то изъ лохматой кучи на подмосткахъ. Черезъ мгновеніе въ кучѣ что-то неожиданно задвигалось, оттуда вылѣзла

какая-то скорченная, лохматая, покрытая отребьями фигура и довольно быстро сползла съ подмостокъ на полъ.

Мелькомъ я замѣтилъ испитое, изможденное, покрытое морщинами лице мужчины лѣтъ, должно быть, подъ 50, обрамленное всклокоченною бородою съ сильной просѣдью. Этотъ трясущійся отъ лихорадки мужчина, покрытый лохмотьями, изъ-подъ которыхъ мѣстами сквозило голое тѣло, снялъ съ головы облѣзлую черкесскую шапку и со слезами на глазахъ грохнулся, буквально грохнулся передо мной на холодномъ полу въ растяжку благодарить за мой гривенникъ... Онъ давно, слишкомъ давно не видѣлъ ни отъ кого ни малѣйшаго сочувствія, ни отъ кого никакой помощи, а тутъ вдругъ... чуть не манна небесная—цѣлый гривенникъ! Для него это цѣлое богатство, о которомъ онъ давно и мечтать пересталъ!

Мы обошли еще нѣсколько избъ; почти вездѣ было холодно, въ каждой больные, въ нѣкоторыхъ совсѣмъ не было топлива, въ иныхъ ни муки, ни хлѣба—здоровые еще не возвратились со сбора за подаяніемъ. Нашли, между прочимъ, двѣ-три семьи болѣе обезпеченныя; въ ихъ избахъ значительно теплѣе, благодаря запасу дровъ пріобрѣтенныхъ за деньги. Сборомъ подаянія не занимались; въ одной семьѣ полъ поближе къ печкѣ и къ большому углу былъ покрытъ, хотя и плохимъ, но, всетаки, войлокомъ. Изба самого старшины—человѣка, по словамъ горцевъ, очень зажиточнаго, была очень опрятна и убрана съ нѣкоторой претензіей на изящество; на стѣнѣ два-три ковра, шкафъ съ посудой, столъ; имѣлись запасы провизіи и, между прочимъ, бутылка «съ сладкой водкой», ею онъ угощалъ насъ изъ серебрянаго кавказской работы стаканчика, изъ котораго, по кавказскому обычаю, прежде чѣмъ предложить намъ, выпилъ прежде всего самъ.

Отъ него мы пошли дальше. Всюду одна картина. Заколоченныя, попортившіяся избы, распатанные, частью разобранные плетни дворовъ, въ избахъ холодъ и смрадъ.

Въ одной избѣ нашелся старикъ-горецъ, порядочно знавшій по-русски. Сводной семьѣ этой избы жилось, повидимому, не лучше прочихъ. Воспользовавшись его знаніемъ русскаго языка, мы потолковали съ нимъ довольно долго. Хотя изъ разговоровъ онъ и убѣдился, что мы—только любопытствующая публика, не больше, однако въ заключеніе онъ обратился, всетаки, къ намъ съ просьбой, которую высказалъ въ длинной рѣчи. Эта рѣчь дышала такою искренностью, мѣстами такимъ неподдѣльнымъ отчаяніемъ и грустью, онъ такъ сильно волновался при этомъ и къ тому же столь рельефно выразилъ ею всѣ страданія горцевъ, что я постараюсь, на сколько сумѣю близко къ подлиннику, познакомить читателя съ полнымъ ея содержаніемъ.

«О, великіе наши начальники, добродѣтельные люди, добрые сыны солнца Востока, сжальтесь надъ нами, несчастными горцами,

на чужой сторонѣ, гдѣ свирѣпствуютъ разныя, неизвѣстныя намъ, нигдѣ небывалыя болѣзни и съ такою силою и неизлѣчимостью, какой мы никогда не слыхали, не знали на нашей благословенной родинѣ! Помогите намъ, бѣднымъ, несчастнымъ горцамъ, арестантамъ, которымъ никогда не суждено болѣе видѣть родной стороны, а многимъ и дѣтей и женъ своихъ, которыя остались тамъ, на родинѣ [1]). Мы каждый день благословляемъ имя добраго царя вашего за то, что онъ позволилъ нѣкоторымъ изъ насъ оставить нашихъ дѣтушекъ и женъ тамъ, на родинѣ, и хотя намъ никогда, никогда не придется уже ихъ увидать (при этомъ слезы брызнули изъ глазъ старика, у котораго дѣйствительно остались на родинѣ и жена и дѣти), но мы по крайней мѣрѣ рады, очень рады и очень счастливы, что ихъ нѣтъ съ нами, что имъ не приходится холодать, голодать, болѣть и страдать такъ, какъ мы, и вмѣстѣ съ нами. Мы молимъ всегда и постоянно будемъ молить Аллаха за такую доброту и милость русскаго царя, а теперь просимъ васъ объ одномъ: попросите вы кого можете и сдѣлайте такъ, чтобы добрый царь русскихъ услышалъ нашу общую молитву и, не заставляя насъ страдать, глядя здѣсь на страданіе и смерть нашихъ дѣтей, присланныхъ сюда при насъ, велѣлъ бы разлучить ихъ съ нами и послать оставшіяся еще въ живыхъ наши ни въ чемъ неповинныя семьи обратно на родину, чтобы, сидя здѣсь, быть намъ увѣренными, что онѣ живутъ тамъ счастливо, не голадаютъ, не болѣютъ, не зябнутъ и не умираютъ отъ здѣшнихъ ужасныхъ болѣзней, отъ которыхъ никому изъ насъ нѣтъ спасенія. Еще просимъ мы васъ: не дайте намъ помереть голодною смертію, попросите, пожалуйста попросите, поддерживать наше существованіе хоть зимой, когда намъ и холодно—нечѣмъ согрѣться, и голодно—нечего ѣсть, и болѣзни здѣшнія одолѣваютъ насъ больше обыкновеннаго. А главное, возьмите отъ насъ навсегда нашихъ дѣтей и отправьте на нашу родину, чтобы намъ не видѣть, не глядѣть, какъ они, безвинныя, здѣсь умираютъ, страдаютъ и мучатся... Мы все еще надѣемся, что насъ не оставятъ тѣ, кто имѣетъ вѣру въ истиннаго Бога»...

Высочайшій манифестъ по случаю коронаціи далъ всѣмъ горцамъ свободу и право возвратиться на родину...

Въ настоящее время проданы даже и постройки, въ которыхъ не жили, а страдали и умирали несчастныя жертвы пресловутой колонизаціи, о пребываніи коихъ остались одни только... къ сожалѣнію, впрочемъ, не радостныя, тяжелыя воспоминанія, какъ горькій урокъ будущему.

Л. И. Ч—ковъ.

---

[1]) Многія семьи высланы были съ Кавказа не въ полномъ составѣ: нѣкоторые члены ихъ, главнымъ образомъ дѣти и женщины, оставлены на родинѣ.

ОЧЕРКИ БУХАРЫ [1].

III.

Географическое положеніе города Бухары.—Предмѣстья, крѣпостная стѣна, ворота.—Главнѣйшіе пункты бухарской столицы.—Народонаселеніе, общественныя зданія, каналы, мосты и хаузы.—Каналъ Шахри-Рудъ и Ляби-Хаузъ-Диванъ-Беги.—Значеніе воды для городскаго населенія.—Регистанскій замокъ.—Кладбища и ихъ археологическое значеніе.—Мечеть-и-Калянъ, медрессе Миръ-Арабъ и башня Манари-Калянъ.—Нѣсколько словъ по поводу прохожденія курса мусульманскаго права.—Общій видъ на Бухару и ея окрестности съ высоты большаго минарета.—Какъ средне-азіатцы относятся къ историческимъ памятникамъ.—Главный городской базаръ.—Еще о бухарской торговлѣ.—Медрессе Гаукшонъ, Кукольташъ и Иръ-Назаръ.—Гузари-писянъ, или кварталъ прокаженныхъ.—Что такое махао и песь.—Кошъ-медрессе и Мадари-ханъ.

ОРОДЪ Бухара расположенъ въ юго-западной, равнинной, части ханства, въ восьми верстахъ шоссейнаго пути отъ станціи Закаспійской желѣзной дороги «Бухара», удержавшей за собой это древнее монголо-буддійское названіе.

Проведеніе Закаспійской желѣзной дороги положило конецъ эпохѣ, дѣлавшей эти страны и, въ частности, ихъ столичный городъ почти недоступными для туриста. Теперь всякій путешественникъ, имѣющій возможность прожить два-три дня въ образовавшемся около желѣзно-дорожной станціи русскомъ поселкѣ, нанявъ верховую лошадь и взявъ проводника, можетъ осмотрѣть, съ внѣшней стороны, всѣ достопримѣчательности недоступной, когда-то, для европейца бухарской столицы. Если, при этомъ, онъ заручится содѣйствіемъ русскаго политическаго агентства,—на сколько намъ из-

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLIX, стр. 363.

вѣстно,—охотно оказываемымъ всѣмъ тѣмъ, кто посѣщаетъ городъ и страну дѣйствительно съ серьезными цѣлями, то бухарская администрація назначитъ еще, съ своей стороны, провожатаго, который покажетъ любознательному туристу и внутреннее содержимое интересныхъ памятниковъ старины, древнихъ мечетей, общественныхъ и другихъ зданій.

Безъ этого послѣдняго условія, подробный осмотръ достопримѣчательностей Бухары является до сихъ поръ не вполнѣ безопаснымъ, ибо фанатическіе и подозрительные бухарцы крайне недовѣрчиво относятся ко всѣмъ научнымъ изысканіямъ и какимъ бы то ни было разслѣдованіямъ. Палка караулъ-бега[1]) является, однако, совершенно достаточной защитой для всякаго туриста отъ возможныхъ и вѣроятныхъ случайностей.

Городъ Бухара расположенъ на обширной равнинѣ, орошаемой водами древняго Согда, или Заравшана, подъ 39°46′ сѣв. шир., слѣдовательно, на одной широтѣ съ мѣстами, климатъ которыхъ считается въ Европѣ жаркимъ, а въ Америкѣ черезъ которыя проходитъ экваторъ—среднимъ.

Средняя температура лѣтнихъ мѣсяцевъ 32°,5, зимнихъ 9°,4, весеннихъ 12°.

Вѣтры почти постоянно сѣверные; съ наибольшей силой N-O.

Издали городъ представляется какимъ-то гигантскимъ паркомъ, такъ какъ широкая лента садовъ охватываетъ его со всѣхъ сторонъ своимъ зеленымъ поясомъ. Только огромные купола мечетей да возвышающіеся кое-гдѣ высокія башни и минареты показываютъ, что за этимъ лиственнымъ моремъ скрытъ знаменитый мусульманскій городъ.

Съ какой бы стороны вы ни подъѣхали къ Бухарѣ, вамъ придется пересѣчь линію городскихъ предмѣстій, буквально утопающую въ зелени тутовыхъ, абрикосовыхъ, гранатовыхъ и другихъ деревьевъ. Предмѣстья эти ничѣмъ не отличаются отъ обычнаго типа предмѣстій большихъ средне-азіатскихъ городовъ. Они состоятъ изъ длинныхъ и довольно широкихъ улицъ, обнесенныхъ по сторонамъ глинобитными, разной высоты, стѣнами, за которыми скрыты сады и жилища, составляющія, по большей части, лѣтнія помѣщенія столичнаго населенія. Вдоль улицъ проведены арыки и разсажены тутовыя или таловыя деревья. Изрѣдка, на этихъ однообразныхъ улицахъ, встрѣчаются небольшіе базары, торгующіе преимущественно съѣстными продуктами, съ нѣсколькими неизбѣжными чай-хана, мелочными лавочками и т. д. Проѣхавъ предмѣстьями двѣ-три версты, вы достигаете городской стѣны, за которой начинается уже настоящій городъ.

Эта историческая стѣна, по преданію, была сооружена еще ка-

[1]) Бухарскій полицейскій чиновникъ средней категоріи.

лифомъ Магди въ 830 году для защиты города отъ постоянныхъ набѣговъ турокъ. При Измаилѣ Саманидѣ она была значительно расширена и укрѣплена, а въ 1220 г. совершенно разрушена Чингисомъ. Въ 1234 г. Чагатай возстановилъ ее почти въ настоящемъ ея видѣ.

Стѣна эта имѣетъ въ вышину до 4 и въ толщину до 2 саженъ, окружая площадь въ 1.564,875 кв. саж., на протяженіи 11 верстъ 400 саж.[1]).

На всемъ протяженіи стѣна снабжена 11 воротами и 130 полукруглыми башнями (бурджами), предназначаемыми для фланговой обороны заключающихся между ними участковъ мертваго пространства.

Стѣна эта, разумѣется, не можетъ оказать почти никакого сопротивленія современному разрушительному дѣйствію артилерійской техники и имѣетъ значеніе лишь какъ образецъ крѣпостнаго строительнаго искусства временъ давно минувшихъ, но сами бухарцы придаютъ ей большое оборонительное значеніе.

Центръ города составляетъ городская соборная площадь, на которой расположена главная соборная мечеть Калянъ, медрессе Миръ-Арабъ и знаменитая круглая башня Манари-Калянъ, съ которой, еще въ царствованіе Мозафаръ-Эддина, свергали на каменный помостъ площади преступниковъ, приговоренныхъ къ смертной казни.

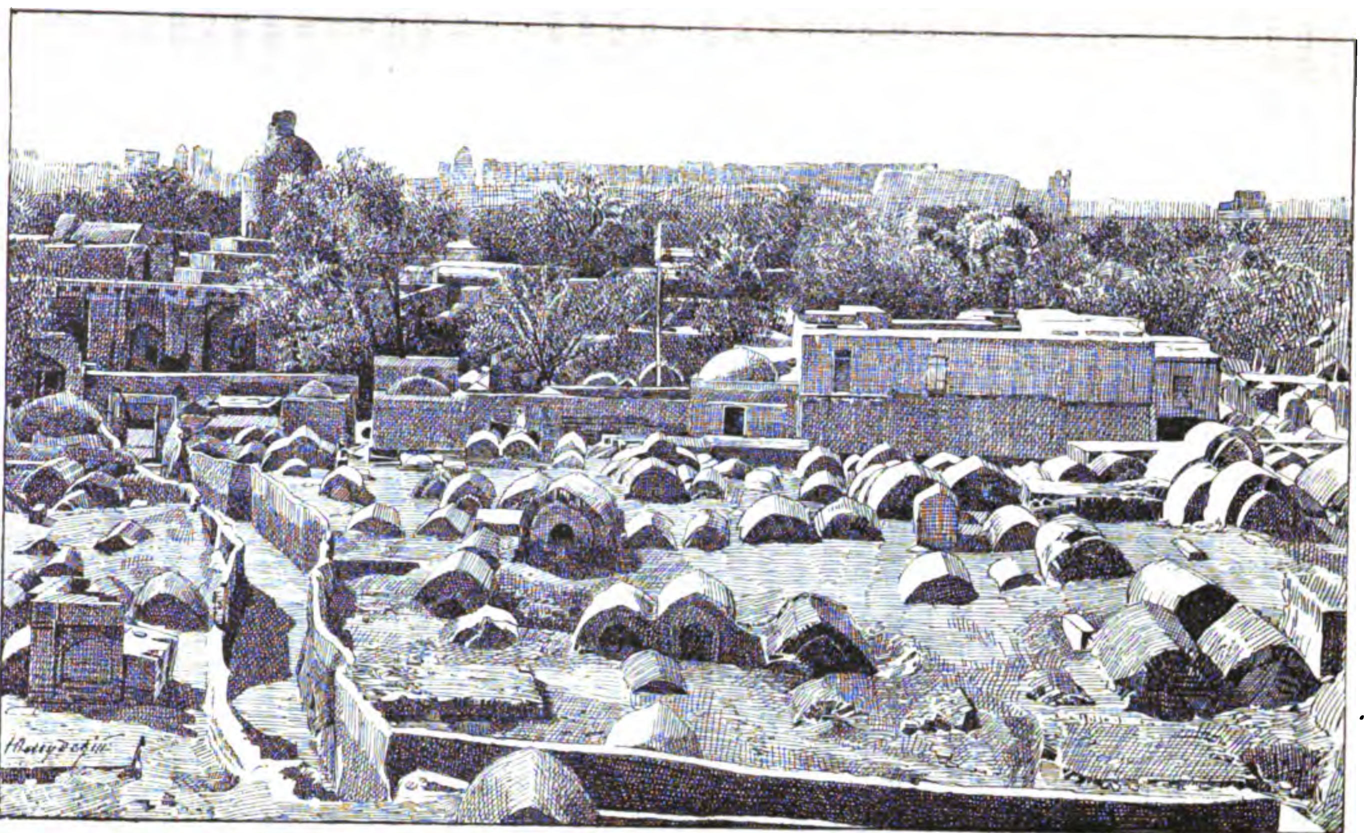
Къ этой площади отъ всѣхъ одиннадцати воротъ сходятся неправильными радіусами узкія и кривыя улицы священной Бухары[2]), образуя, вмѣстѣ съ безчисленными переулками, цѣлый лабиринтъ, свободно оріентироваться въ которомъ не всегда можетъ даже природный бухарецъ.

Единственную магистральную линію города составляетъ каналъ Шахри-Рудъ, снабжающій водой посредствомъ цѣлой сѣти малыхъ и большихъ арыковъ все населеніе бухарской столицы.

Сѣверо-восточный уголъ города занятъ кварталомъ прокаженныхъ, садами и кладбищами. Цитадель и главный городской дворецъ эмира находятся въ сѣверо-западной части. Караванъ-сараи и большой базаръ расположены въ центрѣ городской черты, по близости отъ соборной площади. Южная и юго-западная части заняты почти исключительно жилыми постройками, въ которыхъ ютится менѣе зажиточный классъ городскаго населенія; что касается богатыхъ, то они имѣютъ дома попреимуществу въ центральныхъ кварта-

[1]) Ханыковъ, «Описаніе Бухарскаго ханства», стр. 80—81.

[2]) Городъ Бухара, со временъ калифовъ-завоевателей, усвоилъ за собой названіе «Бухара-и-Шарифъ», что въ переводѣ означаетъ священная Бухара. Это названіе начинаетъ появляться на монетахъ послѣ 893 г. (Борнсъ: «Путешествіе въ Бухару», пер. съ англійск., Москва, 1848 г., ч. II, стр. 429).



Кладбище въ Бухарѣ.

лахъ города, вокругъ главнаго караванъ-сарая, соборной площади и Регистанскаго дворца эмира.

Постоянное населеніе столицы не превышаетъ 100,000 душъ обоего пола, но если бросить взглядъ на городъ съ высоты большой круглой башни, откуда онъ представляется весь какъ на ладони, то вслѣдствіе растянутости, обусловливаемой огромнымъ количествомъ садовъ, кладбищъ, мечетей, медрессе и другихъ нежилыхъ построекъ, онъ производитъ впечатлѣніе такого рода центра, въ которомъ помѣщается не менѣе 200—300 тысячъ населенія.

Бухара вмѣщаетъ въ себѣ около 365 мечетей[1]), 103 медрессе, отъ 20—150 комнатъ каждое, 13 кладбищъ, около пятидесяти базаровъ, до 150 караванъ-сараевъ, 9 тимовъ (пассажей), 16 главныхъ публичныхъ бань, 2 городскихъ тюрьмы, около 85 хаузовъ (резервуаровъ для проточной воды), 12 каменныхъ мостовъ, перекинутыхъ черезъ Шахри-Рудъ и его главные рукава, и множество разнаго рода второстепенныхъ публичныхъ зданій: торговыхъ сараевъ, монастырей дервишей (ханка) и проч.

Улицъ и переулковъ считается всего 360. Длина и направленіе ихъ различны, ширина 1—2 сажени.

Мы приглашаемъ читателя предпринять вмѣстѣ съ нами небольшую прогулку для осмотра достопримѣчательностей столицы и ея окрестностей.

Начнемъ съ главной достопримѣчательности и жизненной артеріи Бухары, съ канала Шахри-Рудъ, снабжающаго водой какъ самый городъ, такъ и его предмѣстья и окрестныя поля на большое разстояніе. Каналъ этотъ беретъ начало въ 8 верстахъ отъ города, изъ рѣки Заравшанъ. Ширина его до городскихъ предмѣстій составляетъ 10—12 саж.; при входѣ въ городъ ширина русла суживаетя и не превышаетъ 5—7 саж.; общая глубина достигаетъ 6—7 футовъ. Наполняемые имъ водоемы выложены по большей части камнемъ и имѣютъ видъ набережныхъ. Самымъ большимъ считается Ляби-Хаузъ-Диванъ-Беги, находящійся въ центральной части города.

Ляби-Хаузъ-Диванъ-Беги представляетъ собой правильный четырехугольникъ, въ 100 фут. длины и 80 фут. ширины. Глубина хауза 20 фут. Къ поверхности его ведутъ восемь широкихъ каменныхъ ступеней. Хаузъ обнесенъ широкимъ тротуаромъ, выложеннымъ квадратными каменными плитами и обсаженъ въ нѣсколько рядовъ старинными вязами. Въ тѣни этихъ деревьевъ, съ южной и восточной стороны, размѣщается множество балагановъ, чай и ашъ-хана и фруктовыхъ лавочекъ. Съ сѣверной стороны его окаймляетъ улица, а съ западной — возвышается величественная

[1]) Бухарцы особенно гордятся этой цифрой, отвѣчающей числу дней года.

мечеть Незръ-Диванъ-Беги, сооруженная этимъ сановникомъ въ 1629 г., въ эпоху правленія страной патріархальнаго и набожнаго философа-эмира Имамкули-хана. Входъ въ эту мечеть осѣненъ огромными тѣнистыми деревьями, совершенно прикрывающими ея великолѣпныя рѣзныя двери.

Набережная хауза Диванъ-Беги служитъ любимымъ мѣстомъ прогулокъ бухарскихъ жителей. Тутъ постоянно кипитъ самая разнообразная толпа средне-азіатцевъ всевозможныхъ типовъ, а чайныя лавки и харчевни буквально набиты публикой, наслаждающейся кейфомъ и чаепитіемъ въ прохладной тѣни, даваемой близостью воды и развѣсистыми вязами. Вода въ хаузѣ бываетъ, впрочемъ, по большей части, довольно грязная, въ особенности же въ лѣтніе мѣсяцы.

Мы упомянули уже въ предыдущей главѣ о томъ огромномъ значеніи, которое имѣетъ Заравшанъ для населенія западной части Бухарскаго ханства. Воды этой рѣки втеченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ буквально разбираются до послѣдней капли, служа источникомъ жизни человѣку, царству животному и растительному. Первыя воды Заравшана попадаютъ на почву Самаркандской области. Затѣмъ онѣ переходятъ въ Катта-Курганъ, Зіауддинъ, Кермине, и, уже насытивъ эти два послѣднія бекства, появляются въ Бухарѣ. Вслѣдствіе этого, въ послѣдней часто чувствуется существенный недостатокъ въ водѣ, пагубно отражающійся на населеніи и земледѣльческой производительности. Въ особенности это ощущается при пониженіи температуры, когда таяніе снѣговъ въ горахъ уменьшается, въ зависимости отъ чего уменьшается и количество воды, приносимой Заравшаномъ на оплодотворяемую имъ почву. Но даже и при нормальныхъ условіяхъ водоснабженія на долю бухарской столицы и ея округа остается весьма скудный запасъ живительной влаги. Втеченіе лѣта вода освѣжается въ ея резервуарахъ не болѣе 1—2 разъ въ мѣсяцъ, что, разумѣется, оказывается далеко недостаточнымъ, въ виду крайней скученности населенія и тропической температуры, подъ вліяніемъ которой она быстро разлагается и становится вредной при употребленіи. Понятно поэтому, съ какимъ восторгомъ встрѣчается въ Бухарѣ появленіе заравшанской воды, всегда сначала очень грязной. Всѣ жители, отъ мала до велика, спѣшатъ къ каналамъ и резервуарамъ, совершаютъ омовеніе, потомъ купаютъ лошадей, коровъ,ословъ и, наконецъ, собакъ, послѣ чего входъ въ воду запрещается. Ей даютъ пройти и затѣмъ отстояться до прозрачности.

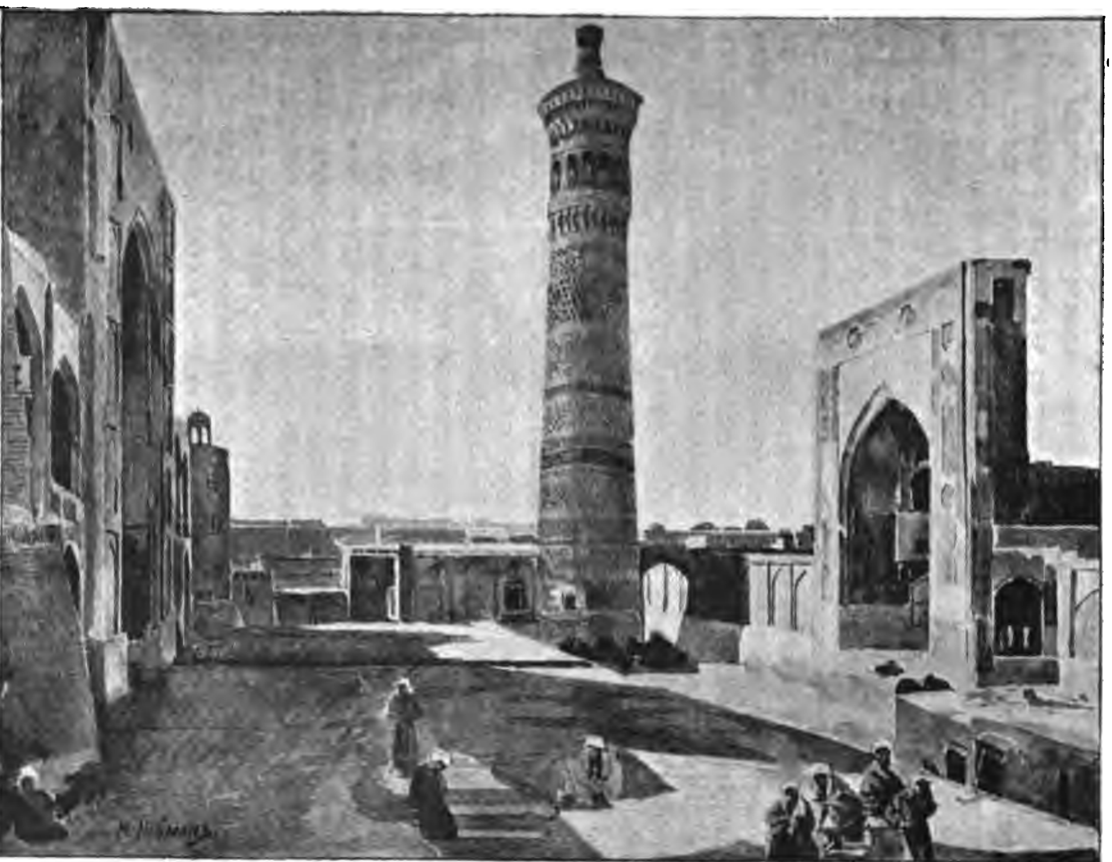
Казалось, что все сказанное должно было бы вызвать особенную заботливость по отношенію къ сохраненію постоянной чистоты воды со стороны жителей столицы и вообще бухарскаго народа. На самомъ дѣлѣ мы этого не видимъ. Напротивъ, чистоплотные только въ отношеніи своего тѣла и одежды и крайне неряшливые

во всемъ остальномъ, средне-азіатцы сплошь и рядомъ сваливаютъ въ воду разныя нечистоты, моются въ арыкахъ сами и купаютъ животныхъ. Вслѣдствіе этого арычная вода является крайне нездоровой и служитъ источникомъ распространенія всевозможныхъ внутреннихъ и наружныхъ болѣзней, какъ-то: эпидемической малярной лихорадки, болѣзней желудка, ришты, сартовской болѣзни и даже проказы (махао), распространеніе которой большинство врачей склонны приписывать зараженію во время купанья и омовенія.

Вообще, отсутствіе какихъ бы то ни было гигіеническихъ и санитарныхъ условій въ бухарской столицѣ полное, и только привычная натура таджика можетъ выносить, безъ особаго вреда для здоровья, весь этотъ смрадъ, пыль, грязь, нечистоту и отвратительную, гнилую воду.

Вторую достопримѣчательность Бухары составляетъ ея древній Регистанскій замокъ, построенный, по преданію, Афросіабомъ. То же преданіе гласитъ, что послѣ этого легендарнаго царя замокъ долго оставался въ развалинахъ и былъ вовобновленъ лишь княземъ Бендономъ, въ VII вѣкѣ по Р. Х. Въ эпоху владычества арабовъ, онъ неоднократно былъ разоряемъ и сожигаемъ почти дотла. Въ началѣ X столѣтія Измаилъ Саманидъ украшаетъ и расширяетъ замокъ, обращая его, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ главный дворецъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ запустѣнія, онъ снова былъ отстроенъ Альпъ-Арсланомъ и получилъ прежній свой видъ. Въ 1117 году, по завоеваніи Бухары шахомъ Харезмомъ, замокъ былъ разоренъ, но въ 1119 году опять возстановленъ. Нашествіе монголовъ, страшнымъ степнымъ ураганомъ пронесшееся надъ всей Трансоксаніей, оставило свой разрушительный слѣдъ и на тысячелѣтнемъ зданіи. Свирѣпый Чингисъ, при общемъ разрушеніи Бухары, въ 1220 году пощадилъ, однако же, сѣдыя стѣны Регистанскаго замка, и онъ былъ опустошенъ его войсками лишь съ внутренней стороны. Подобная судьба нерѣдко и послѣ того постигала замокъ, но его главныя части оставались неприкосновенными, вслѣдствіе чего архитектура этого зданія представляется намъ приблизительно такой, какой она была во времена великаго Саманида.

Мы уже говорили выше, что Регистанскій замокъ расположенъ въ сѣверо-западной части Бухары. Онъ построенъ на насыпномъ холмѣ, имѣющемъ въ высоту до 4 саженъ, и обнесенъ зубчатыми кирпичными стѣнами, около 3 саженъ вышины и до 2 саженъ толщины у основанія. Стѣны снабжены нѣсколькими башнями и величественными воротами, выходящими съ западной стороны на Регистанскую площадь, обстроенную со всѣхъ сторонъ медрессе, мечетями, каравань-сараями и представляющую, въ обычное время, нѣчто вродѣ толкучаго рынка, съ безчисленнымъ множествомъ раскинутыхъ на немъ балагановъ и мелочныхъ лавочекъ.



Площадь въ Бухарѣ.

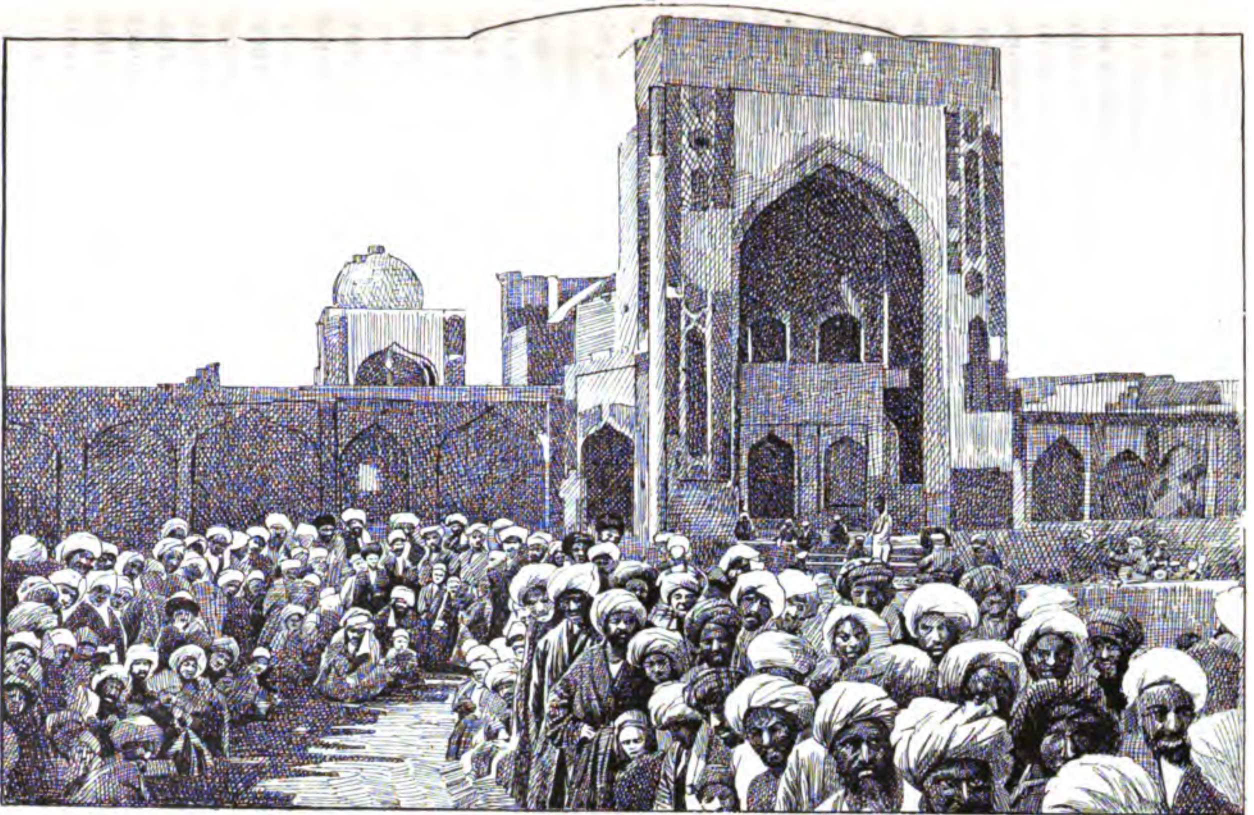
Съ площади къ воротамъ замка ведетъ довольно крутая дорога-насыпь, вымощенная камнемъ и окруженная, по сторонамъ, не высокой глинобитной баллюстрадой. Надъ воротами помѣщаются огромные круглые часы, съ курантами, бой которыхъ служитъ регуляторомъ для провѣрки часовъ жителей столицы. Передъ входомъ въ ворота, на небольшихъ площадкахъ парапетовъ, сложены трофеи прежнихъ войнъ, заключающіеся въ чугунныхъ и бронзовыхъ пушкахъ и старинныхъ мортирахъ. Пройдя въ ворота, вы входите въ длинную, широкую и высокую сводчатую тоннель, составляющую ихъ толщу. Стѣны этой тоннели увѣшаны разнаго рода средневѣковымъ оружіемъ, въ числѣ котораго первое мѣсто занимаетъ огромная, саженной величины, плеть, или нагайка, принадлежавшая, по преданію, богатырю Рустему [1]). Рядомъ помѣщается колоссальная деревянная булава, эмблема власти какого-то изъ доисторическихъ бухарскихъ владыкъ, и змѣевидный посохъ одного изъ безчисленныхъ средне-азіатскихъ святыхъ. Тутъ же виднѣются небольшіе, оправленные бирюзой, металлическіе топорики, малыхъ размѣровъ булавы и другія эмблемы власти азіатскихъ властителей, ихъ намѣстниковъ и ближайшихъ сотрудниковъ. Противоположная стѣна занята старинными оружіемъ и разными военными доспѣхами, между которыми видѣнъ огромный бубенъ, имѣющій, вѣроятно, также какое нибудь историческое значеніе. На той же стѣнѣ укрѣпленъ корень съ частью ствола святаго дерева, привезеннаго въ даръ предкамъ эмира изъ Мекки.

Внутристѣнная площадь Регистанскаго замка представляетъ правильный четырехугольникъ, имѣющій въ длину около 200 и въ ширину около 150 саженъ. Она сплошь застроена каменными зданіями разной величины и архитектуры, отдѣленными одно отъ другаго небольшими вымощенными двориками. Тутъ помѣщается дворецъ эмировъ, огромное и сложное зданіе, весьма напоминающее, по своему типу, наши до-Петровскіе дворцы и палаты бояръ. Повсюду видны крытыя галлереи, пузатыя колонки у входовъ, крутыя лѣсенки, затѣйливыя и пестрыя скульптурныя украшенія на толстыхъ стѣнахъ, глубокія ниши въ окнахъ и входныхъ дверяхъ. Внутренность этого дворца представляетъ рядъ почти совершенно пустыхъ комнатъ, все богатство которыхъ заключается въ великолѣпныхъ туркменскихъ и баширскихъ коврахъ, покрывающихъ полы, и превосходной скульптурной работѣ потолковъ, раскрашенныхъ, какъ и стѣны, альфресковой живописью, изображающей цвѣты, арабески и другіе затѣйливые рисунки въ азіатскомъ вкусѣ.

Огромный дворецъ этотъ, по большей части, остающійся пустыннымъ, такъ какъ эмиры проводятъ большую часть времени

---

[1]) Крестовскій, «Въ гостяхъ у эмира бухарскаго», Спб., 1887 г., стр. 290—291.



Мечеть-и-Калянъ.

въ загородномъ Ширъ-Баданскомъ замкѣ, не представляетъ собой ничего особенно замѣчательнаго въ архитектурномъ отношеніи и интересенъ развѣ въ смыслѣ своихъ историческихъ преданій.

Въ Регистанскомъ замкѣ, кромѣ дворца эмира и пранадлежащихъ къ нему службъ, находятся три мечети, дома кушъ-беги и топчи-баши, обширныя дворцовыя кладовыя, представляющія собой, вмѣстѣ съ тѣмъ, бухарскій эрмитажъ и государственное казначейство, такъ какъ въ нихъ хранятся всѣ капиталы и сокровища эмира; знаменитая тюрьма сіахъ-чахъ, верхній ярусъ которой занятъ обычными помѣщеніями для содержанія преступниковъ, а нижній—подвальными тюрьмами-клоповниками, теперь уже засыпанными и замурованными, по приказанію Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ-хана. По близости этой тюрьмы находится Абъ-хана, или водохранилище, для сбереженія запаса воды во время лѣтнихъ жаровъ. Темные каменные резервуары этого зданія дѣйствительно отлично сохраняютъ воду, быть можетъ, единственную чистую и не опасную для питья во всей столицѣ Бухарскаго ханства. Всѣ эти зданія построены изъ тесаннаго камня и лишены какихъ бы то ни было наружныхъ украшеній. Только мечети снабжены обычной скульптурой, арабесками и надписями, а ближайшая изъ нихъ къ входнымъ воротамъ украшена вдѣланными въ ея порталъ большими круглыми часами.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ подошвы холма, на которомъ расположенъ Регистанскій замокъ, помѣщается арсеналъ, главный артиллерійскій дворъ, съ 80 орудіями, по большой части старой конструкціи и совершенно негодными къ дѣлу, и домъ главнаго зякетчія, представляющій собой одно изъ самыхъ богатыхъ и наиболѣе удобныхъ для жизни казенныхъ зданій во всей столицѣ.

Въ общемъ, бухарскій кремль производитъ впечатлѣніе чего-то мрачнаго, гнетущаго, давящаго.

Прежде чѣмъ разстаться съ этимъ несимпатичнымъ мѣстомъ, скажемъ нѣсколько словъ о его холмѣ, или насыпи, на которой собственно помѣщается замокъ.

Безъ сомнѣнія, насыпь эта лишь отчасти имѣетъ искусственное происхожденіе, и значительная доля ея образовалась подъ вліяніемъ естественныхъ наслоеній. Какъ бы то ни было, этотъ небольшой кусокъ земли служитъ убѣжищемъ самой богатой и образованной части населенія столицы втеченіе уже трехъ тысячъ лѣтъ. Тутъ жили властители страны, высшіе сановники и ихъ семьи. Сюда свозились огромныя богатства и массы произведеній искусствъ, оружія, принадлежностей обыденной жизни, символовъ религіи и т. д. Безъ сомнѣнія, все это оставило свой слѣдъ въ наслоеніяхъ историческаго холма, въ почвѣ котораго должна быть скрыта масса интересныхъ данныхъ для исторіи страны и населявшихъ ее народовъ. Конечно, правильныя раскопки холма со-

вершенно невозможны въ настоящее время, въ виду его значенія, какъ подножія и фундамента цѣлаго маленькаго городка, но бухарскіе эмиры всеже могли бы оказать огромную услугу археологіи и исторіи своей страны, если бы даже хотя отчасти приказали изслѣдовать тѣ площади земли, которыя остаются незастроенными внутри Регистанскаго замка. Не подлежитъ сомнѣнію, что изслѣдованія эти вывели бы на свѣтъ огромные и чрезвычайно цѣнные археологическіе матеріалы.

Не меньшій интересъ для историческихъ изысканій представляютъ собой бухарскія кладбища, пріютившія въ своихъ нѣдрахъ столько поколѣній всевозможныхъ народностей, начиная отъ древнихъ персовъ, грековъ, римлянъ, скиѳовъ, арабовъ, монголовъ и разнообразныхъ тюркскихъ племенъ, до аборигеновъ страны—таджиковъ.

Кладбища эти, между которыми въ особенности замѣчательны Хазретъ-Имля, или царское и загородное, при могилѣ Ходжа-Богаеддина, усѣяны замѣчательными по своему стилю, рѣзной работѣ и надписями нагробными памятниками, разновременно сооруженными надъ прахомъ бухарскихъ владыкъ, ихъ приближенныхъ, полководцевъ и другихъ замѣчательныхъ личностей. Къ сожалѣнію, полное отсутствіе въ бухарскомъ народѣ интереса къ поддержанію остатковъ старины служитъ причиной безпощаднаго истребленія этихъ замѣчательныхъ памятниковъ прошлаго, которые, сплошь и рядомъ, лежатъ въ развалинахъ и постепенно засыпаются наноснымъ грунтомъ, навсегда унося съ собой въ землю ключи къ разгадкѣ многихъ интересныхъ историческихъ данныхъ.

Въ недалекомъ разстояніи отъ Регистанскаго дворца находится соборная площадь, на которой расположены три замѣчательные памятника древне-строительнаго церковнаго мусульманскаго зодчества—Мечеть-и-Калянъ, медрессе Миръ-Арабъ и минаретъ, или башня, Манари-Калянъ. Оба первыя зданія расположены одно напротивъ другаго, имѣя посрединѣ значительную площадь, западная сторона которой занята высоко поднимающимся къ небу величественнымъ минаретомъ.

Мечеть-и-Калянъ принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ зданій этого рода во всей Средней Азіи. Основаніе ея было положено Измаиломъ Саманидомъ, еще въ первыхъ вѣкахъ появленія ислама въ Трансоксаніи. Уже въ началѣ XIII столѣтія она считалась главнымъ городскимъ храмомъ. Отсюда въ 1220 г. Чингисъ подалъ своимъ войскамъ знакъ для всеобщаго разрушенія Бухары [1]). Тогда же она сильно пострадала отъ пожара, истребившаго почти всю столицу.

Тимуръ возстановилъ это величественное зданіе въ его перво-

[1]) Вамбери, «Исторія Бухары», т. I, стр. 142.

начальномъ видѣ[1]), и съ тѣхъ поръ оно остается достойнымъ памятникомъ великаго прошлаго Трансоксаніи.

Мечеть-и-Калянъ занимаетъ четырехугольную площадь въ 3.000 квадр. фут.; куполъ ея возвышается надъ поверхностью земли почти на 100 футовъ. Нѣсколько хорошо сохранившихся каменныхъ ступеней ведутъ къ высокому порталу этого зданія, сплошь облицованному великолѣпными эмалированными изразцами, съ неподражаемымъ искусствомъ сложенными въ форму одного общаго громаднаго рисунка, заключающаго въ себѣ многоцвѣтныя арабески, изреченія изъ алкорана, сдѣланныя куфическими письменами, переплетенныя гирляндами цвѣтовъ и другими составными частями причудливаго азіатскаго рисунка. Изящная и легкая стрѣльчатая арка ведетъ къ массивнымъ рѣзнымъ дверямъ, снабженнымъ бронзовой оковкой, пройдя которыя вы входите на квадратный дворъ мечети, обнесенный съ трехъ сторонъ крытой каменной галлереей, образующей рядъ сквозныхъ стрѣльчатыхъ арокъ, имѣющихъ назначеніе служить убѣжищемъ для молящихся въ дождливую или слишкомъ жаркую погоду. Мечеть расположена въ восточной сторонѣ зданія. Посреди двора возвышается круглая бѣлая мраморная каѳедра, съ которой произносятся проповѣди послѣ богослуженія.

Мечеть представляетъ собой совершенную копію наружнаго портала зданія. Огромная стрѣльчатая входная арка дѣлаетъ ея внутренность открытой взору молящихся со стороны двора, а такія же двѣ боковыя арки—тѣмъ, кто помѣщается въ галлереяхъ. Потолокъ и внутреннія стѣны расписаны великолѣпной альфресковой живописью мертвыхъ цвѣтовъ. Зданіе вѣнчаетъ огромный, бирюзоваго цвѣта, полусферическій куполъ. Наружныя, со стороны двора, части такъ же, какъ и арки галлерей, украшены эмалированными изразцами, образующими тотъ же рисунокъ, что и на порталѣ зданія.

Внутренность мечети, какъ и вообще всего зданія, совершенно пуста. Тутъ вы не увидите ни малѣйшаго предмета, который могъ бы развлечь впечатлѣніе величественной простоты, производимой общимъ видомъ зданія и его деталями. Только во время совершенія службы полъ мечети устилается коврами, да передъ главной молитвенной нишей раскладываются на небольшихъ столикахъ алкораны и другія священныя книги, которыя послѣ службы тотчасъ убираются.

Въ общемъ, все это массивное зданіе, съ его безчисленными рѣзными нишами, арками, пилястрами, колоннами, украшенными дивными рисунками и арабесками, представляетъ цѣлую поэму древняго средне-азіатскаго архитектурнаго творчества, умѣвшаго сочетать поражающее великолѣпіе съ простотой и изяществомъ,

---

[1]) Борнсъ, ч. II, стр. 427.

Одна изъ улицъ въ Бухарѣ.

грандіозность и массивность съ необыкновенною соразмѣрностью и легкостью общихъ очертаній.

Безъ сомнѣнія, мало однихъ денегъ и доброй воли, чтобы соорудить зданіе, подобное Мечеть-и-Калянъ. Для этого нужно еще то оригинальное творчество, которое выработывалось подъ вліяніемъ неизвращеннаго религіознаго культа первыхъ вѣковъ ислама и угасшей уже теперь въ таджикской народности, нѣкогда въ такой сильной степени присущей ей, наклонности къ искусствамъ, поэзіи и вообще ко всему эстетическому.

Мы позволимъ себѣ выразить увѣренность, что Мечеть-и-Калянъ является прототипомъ всѣхъ остальныхъ зданій этого рода въ Средней Азіи. Сооруженное рукой геніальнаго зодчаго, имя котораго осталось, къ сожалѣнію, неизвѣстнымъ для потомства, зданіе это послужило моделью для послѣдующихъ поколѣній, изъ которыхъ каждое заимствовало отъ него общія черты и отдѣльныя детали его огромнаго художественнаго цѣлаго. Изъ дальнѣйшаго осмотра архитектурныхъ памятниковъ Бухары мы увидимъ, что многимъ удавалось превзойти въ той или другой подробности этотъ древній образецъ архитектурнаго искусства, но ни одинъ изъ зодчихъ не возвышался до того секрета общей гармоніи, цѣльности, законченности, которыя были вложены въ Мечеть-и-Калянъ душой ея перваго основателя.

Соборная мечеть вмѣщаетъ въ своемъ дворѣ и галлереяхъ отъ 10 до 15 тысячъ молящихся. Бухарскіе эмиры, во время пребыванія своего въ столицѣ, каждую пятницу посѣщаютъ ее, совершая здѣсь полуденную молитву.

Противоположная сторона соборной площади занята другимъ, не менѣе замѣчательнымъ, древнимъ зданіемъ—медрессе Миръ-Арабъ, однимъ изъ тѣхъ зданій, которыя, по выраженію доктора Яворскаго, прославили Бухару и заслужили міровую извѣстность своими изразцовыми украшеніями [1]).

Медрессе Миръ-Арабъ было возведено бухарскимъ сановникомъ этого имени въ царствованіе эмира Абдуллахъ-хана, въ періодъ времени между 1575—1597 годами.

Огромное зданіе это построено изъ жженаго кирпича, облицованнаго эмалированными кафелями, преимущественно бѣлаго и синяго цвѣтовъ. Главный фасадъ его украшенъ величественнымъ порталомъ, поднимающимся на нѣсколько саженей выше его боковыхъ крыльевъ. По обѣимъ сторонамъ портала находятся двухэтажные боковые корпуса съ тремя стрѣльчатыми нишами въ каждомъ ярусѣ, надъ которыми высоко поднимаются къ небу два огромные лазоревые купола съ тамбуромъ, украшеннымъ мелкой, какъ кру-

---

[1]) Яворскій, «Путешествіе русскаго посольства по Авганистану и Бухарскому ханству», Спб., 1883 г., т. II, стр. 343.

жево, рѣзной работой и гирляндами куфическихъ надписей. Большая ниша главнаго портала и малыя—боковыхъ корпусовъ представляютъ собой какъ бы вогнутые внутрь амфитеатры, снабженные дивнаго рисунка рѣзными дверями, рѣшетчатыми окнами, баллюстрадами и другими украшеніями, дѣлающими чертежъ наружнаго фасада медрессе чрезвычайно сложнымъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, неподражаемо прекраснымъ.

Передъ входомъ въ медрессе находится возвышенная площадка, выложенная камнемъ, на которую ведетъ широкая каменная лѣстница.

Внутренній дворъ представляетъ четырехугольникъ, со всѣхъ сторонъ ограниченный стѣнами зданія, въ которыхъ устроены жилыя комнаты для обучающихся здѣсь семинаристовъ. Комнаты расположены въ два этажа. Въ нижнемъ обыкновенно помѣщаются профессора, въ верхнемъ—студенты. Стѣны зданія достигаютъ высоты 10 саженъ; порталъ и молитвенныя ниши съ арками, устроенныя по всѣмъ четыремъ сторонамъ зданія,—до 15 саженъ. Арки надъ нишами и своды ихъ также облицованы великолѣпными разноцвѣтными изразцами, сохранившими до сей поры изумительную свѣжесть красокъ; цвѣты, образованные сложной и очень тонкой мозаикой, смотрятъ живыми. Не менѣе искусно выложены на стѣнахъ и аркахъ арабскія надписи изъ алкорана.

Къ сожалѣнію, наружная отдѣлка Миръ-Арабъ пострадала болѣе чѣмъ какого нибудь другаго зданія этого рода. Эмалированная облицовка во многихъ мѣстахъ выпала, образовавъ зіяющія раны, и, вѣроятно, недалеко то время, когда она совершенно исчезнетъ, оставивъ о себѣ воспоминанія лишь въ народной памяти и въ тѣхъ немногихъ русскихъ музеяхъ, куда случайно были занесены кое-какіе обломки, подобранные руками туристовъ и путешественниковъ[1])

Прежде чѣмъ оставить медрессе Миръ-Арабъ, представляющее собой, въ бóльшей или меньшей степени, модель всѣхъ остальныхъ зданій этого рода въ Средней Азіи, скажемъ нѣсколько словъ о преподаваніи въ немъ мусульманской премудрости, условіяхъ поступленія въ него учащихся, прохожденіи курса, внутренней организаціи и проч.

Медрессе Миръ-Арабъ имѣетъ трехъ мударисовъ, или профессоровъ, преподающихъ каждый свой отдѣлъ мусульманскихъ наукъ. Старшему изъ нихъ принадлежитъ распорядительная власть и завѣдываніе вакуфными доходами, идущими на содержаніе зданія, жалованье профессорамъ, вспомоществованіе недостаточнымъ семинаристамъ и проч. Число учащихся въ медрессе достигаетъ 140 человѣкъ и опредѣляется количествомъ комнатъ, которыхъ 110.

---

[1]) Подобную коллекцію намъ удалось видѣть въ Московскомъ политехническомъ музеѣ. Безъ сомнѣнія, она не единственная въ своемъ родѣ въ Россіи.

Тридцать сверхкомплектныхъ студентовъ живутъ по двое въ одной комнатѣ съ товарищами. При поступленіи въ медрессе каждый обязанъ сдѣлать единовременный взносъ отъ 25 до 450 рублей, смотря по достатку, но за то втеченіе всего курса онъ ежегодно получаетъ изъ кассы медрессе по 40 рублей, а въ случаѣ нужды еще единовременныя пособія. Весь курсъ проходится втеченіе 10—20 лѣтъ, вслѣдствіе чего среди семинаристовъ нерѣдко встрѣчаются уже весьма почтенныя по своимъ лѣтамъ личности. Лекціи читаются каждый день съ восхода до заката солнца съ болѣе или менѣе продолжительными перерывами, необходимыми для приготовленія лекцій, отдыха и молитвы, кромѣ пятницъ и четверговъ, а также мѣсяца Рамазана и трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, составляющихъ каникулярное время.

Три главные рода наукъ: это ширгійе—теологическія, арабійе—арабскія и хикмійе—свѣтская мудрость. Весь курсъ обученія въ медрессе направленъ исключительно къ развитію и поддержанію религіозно-философскихъ идей, казуистики и весьма поверхностнаго остроумія. Положительная европейская наука остается здѣсь совершенно неизвѣстной.

Лекціи проходятся по книгамъ, которыхъ насчитывается до 137. Профессоръ, задавъ какой нибудь отдѣлъ, разъясняетъ его слушателямъ. Затѣмъ идетъ изложеніе, по выбору профессора, кѣмъ либо изъ присутствующихъ ранѣе заданнаго отдѣла. Пренія семинаристовъ, опонирующихъ отвѣчающему, завершаются заключеніемъ профессора. При этомъ выработывается искусство говорить и спорить, что имѣетъ весьма большую цѣну въ глазахъ бухарцевъ.

Научная зрѣлость кончающаго курсъ семинариста констатируется всѣми профессорами, и тогда онъ выпускается изъ заведенія съ тѣмъ или другимъ изъ духовныхъ мусульманскихъ званій, дающихъ ему право занять мѣсто муллы, казія, профессора въ медрессе или учителя въ мактабъ-хане (первоначальной народной школѣ).

Разумѣется, во всемъ этомъ не обходится безъ кумовства и послабленій подъ вліяніемъ всесильнаго на востокѣ презрѣннаго металла. Богатые кончаютъ скорѣе и съ меньшими усиліями, чѣмъ бѣдные. Что касается способностей, то высшимъ ихъ критеріумомъ считается память, дающая возможность вызубрить наизусть коранъ, шаріатъ и другія священныя книги.

Студенты живутъ вообще безбѣдно, ибо, по установившемуся издавна обычаю, эмиры бухарскіе и народъ жертвуютъ ежегодно значительныя суммы въ пользу духовенства и учащихся. Кромѣ того, они пользуются лѣтними мѣсяцами, чтобы заработать что нибудь уроками, разсыпаясь по окрестнымъ кишлакамъ и отправляясь къ кочевникамъ, у которыхъ такой посѣтитель бываетъ всегда желаннымъ гостемъ.

Бухарская торговая контора.

Что касается почтенныхъ мударисовъ, то это народъ вполнѣ обезпеченный. Ихъ матеріальному достатку можетъ позавидовать любой изъ нашихъ тружениковъ науки.

Сѣверная сторона площади занята хорошо сохранившейся башней Манари-Калянъ. Минаретъ этотъ, по свидѣтельству Борнса, построенъ въ 542 году гиджиры [1]), слѣдовательно въ правленіе Арсланъ-хана, въ 1125 году нашей эры [2]).

Манари-Калянъ представляетъ собой круглую каменную башню, имѣющую въ окружности при основаніи около 35, а въ вышину около 88 аршинъ [3]), постепенно суживающуюся къ верху, увѣнчанную изящнымъ рѣзнымъ тамбуромъ, въ видѣ высокой короны, съ прорѣзаннымъ въ ней рядомъ полукруглыхъ, глухихъ италіанскихъ оконъ. Подножіе башни вымощено плитами тесаннаго камня, а сама она сплошь облицована разноцвѣтными кафелями, образующими цѣлый рядъ сложныхъ рисунковъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго нѣсколькими широкими цвѣтными эмалированными поясами. Тамбуръ снабженъ сложными украшеніями изъ рѣзнаго камня.

Внутри башни устроена витая лѣстница, освѣщаемая небольшими, едва замѣтными снаружи, длинными и тонкими окнами, прорѣзанными въ толщѣ башни. Съ высоты этого минарета муезины сзываютъ по пятницамъ на молитву жителей столицы. Отсюда же, при прежнихъ эмирахъ, сбрасывали на каменный помостъ преступниковъ, приговоренныхъ къ смертной казни.

Съ высоты этой башни открывается роскошная панорама на городъ и его окрестности. Перемѣстивъ взглядъ съ ближайшихъ сосѣдей великана-минарета, Медрессе-Миръ-Арабъ и Мечеть-и-Калянъ, очертанія которыхъ кажутся отсюда еще изящнѣе, еще величественнѣе, вы видите подъ своими ногами цѣлое море плоскихъ земляныхъ крышъ, въ разныхъ мѣстахъ котораго высоко поднимаются къ небу грандіозные памятники историческаго прошлаго Трансоксаніи. Великолѣпныя мечети, величественныя медрессе, какъ бы висящіе въ воздухѣ огромные лазоревые купола, темныя массы Регистанскаго замка, кладбища, минареты и другіе памятники,—всѣ эти остатки сѣдой старины ярко выдѣляются своими

---

[1]) Борисъ, ч. II, стр. 427.

[2]) Вамбери, «Ист. Бух.», ч. I, стр. 112.

[3]) Путешественники, разновременно описывавшіе эту башню, придавали ей различные размѣры. Такъ, Филиппъ Ефремовъ («Странствованія въ Киргизской степи и Бухаріи», Казань, 1811 г., стр. 96) говоритъ, что башня эта имѣла въ высоту 50 и въ ширину 3 сажени, что, очевидно, невозможно. Докторъ Яворскій («Пут. по Авган. и Бух. ханству», т. II, стр. 345) опредѣляетъ ея высоту въ 25 саж. В. Крестовскій («Въ гостяхъ у эмира бухарскаго», стр. 359) говоритъ, что высота башни=$87\frac{1}{2}$ аршинъ, а окружность=35 шаговъ. Эти послѣднія цифры мы приводимъ, какъ болѣе подходящія къ нашему собственному глазомѣрному измѣренію.

изящными формами и блескомъ изразцовыхъ украшеній на общемъ глинобитномъ сѣро-пепельномъ фонѣ, стѣснившихъ ихъ со всѣхъ сторонъ, современныхъ мизерныхъ построекъ, безцвѣтныхъ и безжизненныхъ. Дивно прекрасными, но вмѣстѣ съ тѣмъ жалкими, кажутся отсюда эти полуразвалившіеся остатки минувшаго величія ислама и таджикской народности. Окружившій ихъ со всѣхъ сторонъ измельчавшій современный бухарскій людъ чуждъ ихъ великому историческому прошлому. Онъ выродился, измельчалъ, въ немъ давно погасла искра стремленія къ возвышенному, прекрасному... Идея, которая была вложена въ эти грандіозные памятники талантомъ знаменитыхъ артистовъ, непонятна и чужда ему. Толпа не только не цѣнитъ и не стремится къ поддержанію этихъ чудныхъ зданій, но увеличиваетъ ихъ разрушеніе, равнодушно отрывая отъ нихъ камень за камнемъ... [1]).

Вся сѣверная сторона застѣннаго города утопаетъ въ зелени садовъ, за которой сверкаетъ на горизонтѣ серебристая линія водъ Заравшана. На востокѣ виднѣется обширный загородный Ширъ-Баданскій замокъ эмира, а далѣе монастырь и селеніе Богаеддинъ, эта вторая Мекка мусульманъ Средней Азіи. Нѣсколько дальше и правѣе, какъ живая эмблема зарождающейся въ Бухарѣ новой жизни, видна раскинувшаяся, на значительномъ пространствѣ, желѣзно-дорожная станція Бухара, а за ней русскій поселокъ и рельсы Закаспійской дороги. Вы невольно поворачиваете вашъ бинокль то на то, то на другое изъ этихъ мѣстечекъ, стоящихъ такъ близко одно къ другому и столь далекихъ другъ другу по своему характеру и назначенію. Какъ будто нарочно судьба сблизила опорную точку культурныхъ стремленій современной жизни съ многовѣковымъ оплотомъ религіозной косности, фанатизма и тысячалѣтняго застоя, представителемъ котораго является монастырь Богаеддинъ и связанныя съ нимъ традиціи.

Къ югу и западу видны за городской стѣной обширные кишлаки, разбросанные среди садовъ и рощъ на большое разстояніе. Среди нихъ безчисленными кривыми радіусами, сходящимися къ одной общей точкѣ—городскимъ стѣнамъ, идутъ дороги изъ Пейкенда, Карки, Каракуля и другихъ мѣстностей.

Тутъ, по преданію, находились когда-то великолѣпные дворцы Моліанъ и Шемшабадъ, окруженные прекрасными садами, роскошными лугами, цвѣтниками, клумбами, ручейками и фонтанами. Тутъ же находился огромный, въ 4 мили въ окружности, зоологи-

[1]) Торговля эмалированными изразцами, которые еще не такъ давно безпощадно выламывались цѣлыми сотнями изъ наружной и внутренней облицовки древнихъ самаркандскихъ и бухарскихъ зданій, вошла въ профессію для нѣкоторыхъ туземцевъ. Въ настоящее время это возмутительное варварство строго воспрещено распоряженіями эмира Сеидъ-Абдулъ-Ахата и туркестанской администраціей.

ческій садъ, переполненный рѣдкими звѣрями и птицами, находившимися въ полуприрученномъ состояніи, а также ботаническій садъ, въ которомъ росли нынѣ совершенно неизвѣстныя въ Бухарѣ породы деревьевъ, какъ-то кедръ, вишневое, лавровое дерево и др. Нашествіе монголовъ, какъ вихрь, снесло все это съ поверхности земли, но лѣтописи и народная память сберегли до нашихъ дней воспоминаніе объ этихъ загородныхъ бухарскихъ Эльдорадо.

Въ общемъ картина представляется поразительно-прекрасной и оригинальной. Долго, долго глазъ не хочетъ оторваться отъ нея и перейти на мелкіе предметы обыденной обстановки.

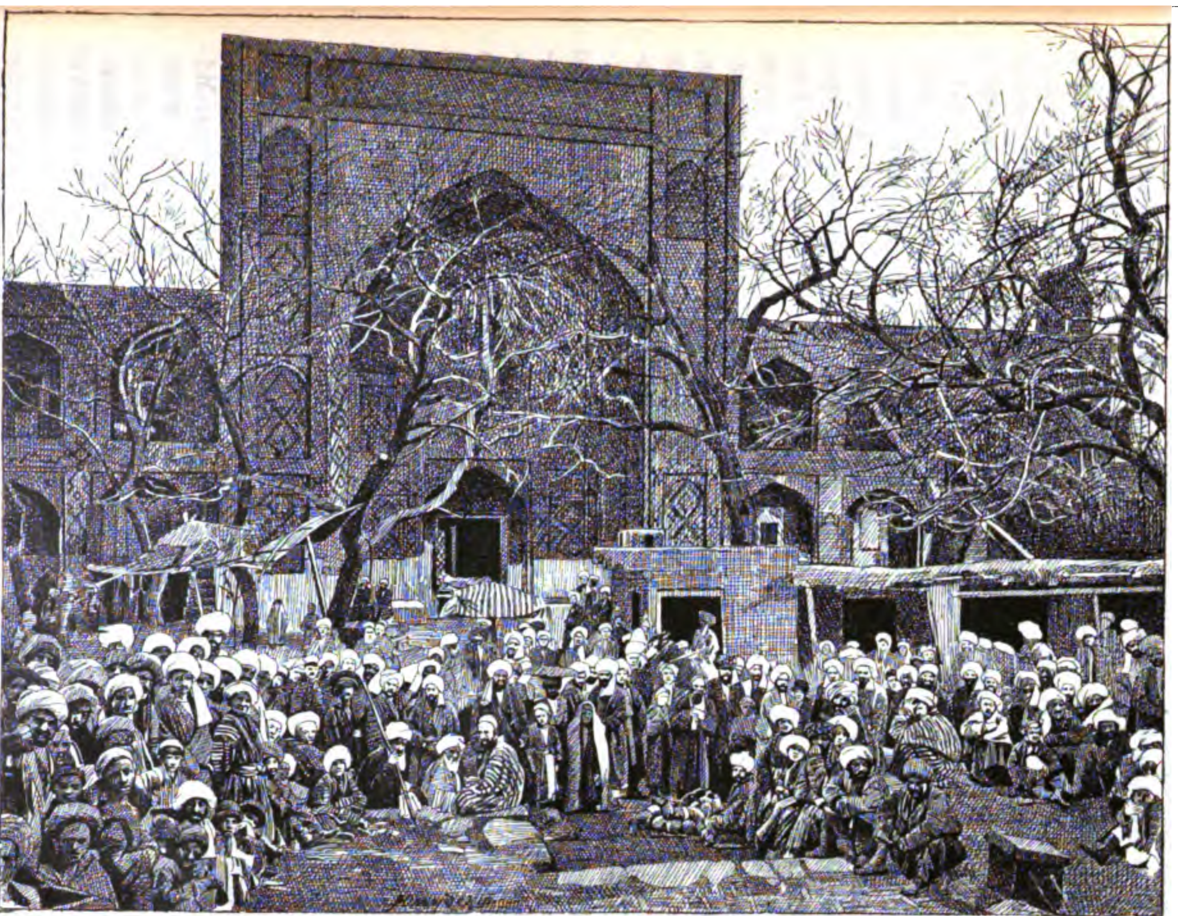
При всемъ томъ, это является положительно необходимымъ, ибо входъ на вершину минарета, съ котораго открывается видъ во внутреннія части прилегающихъ къ нему домовъ, разрѣшается лишь духовнымъ лицомъ, и позволеніе взглянуть оттуда на общій видъ города составляетъ исключительную любезность, которой не слѣдуетъ злоупотреблять.

Двигаясь отъ соборной площади къ югу, по направленію главнаго городскаго базара, вы проѣзжаете разстояніе около версты, сплошь застроенное караванъ-сараями, мечетями и медрессе, между которыми видны болѣе или менѣе замѣчательныя, по своей древности и архитектурѣ, зданія, близко подходящія къ типу только-что описанныхъ построекъ, занимающихъ соборную площадь. Между ними, съ лѣвой стороны, видны медрессе Зергирянъ, Диванъ-беги и караванъ-сарай Пирхане; справа—мечеть и медрессе Гаукшонъ, караванъ-сарай Раджабъ-бека и другія зданія.

Миновавъ рядъ кривыхъ и тѣсныхъ улицъ, вымощенныхъ кое-какъ огромнымъ булыжникомъ, заставляющимъ васъ ежеминутно подпрыгивать на подушкахъ рессорнаго экипажа, вы въѣзжаете наконецъ въ центръ городской жизни бухарской столицы, въ ея главный базаръ,—и что за пестрое, шумное зрѣлище представляется вашимъ глазамъ!

Позволяемъ себѣ воспроизвести описаніе этой картины, мастерски сдѣланное г. Яворскимъ, въ его книгѣ «Путешествіе русскаго посольства по Авганистану и Бухарскому ханству».

«Типы всѣхъ народностей Средней Азіи виднѣются тутъ одинъ возлѣ другаго. Природный бухарецъ, съ тонкими чертами лица и дѣловой физіономіей, торгуетъ рядомъ съ мѣнялой индусомъ-огнепоклонникомъ, который жаднымъ взоромъ посматриваетъ даже на свои собственныя деньги. Его продолговатая физіономія, съ суровыми, жесткими чертами лица, съ краснымъ значкомъ на лбу и высокимъ шлыкомъ на конусообразной головѣ, выражаетъ что-то дикое, надъ чѣмъ не пробудилось моральное сознаніе. Онъ самъ существуетъ для денегъ, а не деньги для него... Широкая, открытая физіономія самаркандца, пріютившагося тутъ же рядомъ съ



Медрессе Абдуллахъ-хана.

своимъ шкафчикомъ, наполненнымъ туземными шелковыми тканями, представляетъ рѣзкій контрастъ съ физіономіей тутъ же торгующаго еврея, вытянутой блѣдной, точно изъ мрамора изваянной, оживленной быстрыми, лукавыми глазами и оттѣненной завитками длинныхъ пейсовъ. Широкоскулый, плосконосый, съ лицомъ, какъ тарелка, съ узкими покосившимися внутрь глазами, обитатель киргизскихъ степей, лѣниво расхаживающій отъ одной лавки къ другой, наталкивается на хищника Туранскихъ пустынь туркмена, клинообразная физіономія котораго, мягко оттѣненная небольшой, но довольно густой бородой, не выражаетъ ни особенной свирѣпости, ни также мягкости. Его небольшіе, сѣрые, чаще каріе глаза, зорко смотрящіе изъ-подъ нахлобученной, огромной мерлушковой папахи, говорятъ о коварствѣ. Вотъ передъ вами высокая, широкоплечая фигура авганца. Смуглый цвѣтъ лица, черные блестящіе глаза, большая окладистая борода и длинные, нестриженные косматые волосы сразу выдаютъ его національность. Онъ непремѣнно мѣняла, рѣже торговецъ индійскими чаями, иногда продавецъ бирюзы, ляписъ-лазури и т. д. А вотъ длинная, поджарая, волосатая фигура персіянина. Высокая мерлушечья шапка, сдвинутая на затылокъ, длинный, слегка горбатый носъ, далеко-далеко выдающійся впередъ, украшающій его подвижную физіономію, красные ногти на пальцахъ, часто выкрашенная въ огненный цвѣтъ борода... сразу рекомендуютъ вамъ его. Онъ непремѣнно продавецъ фруктовъ или рѣже шелковыхъ матерій. Тутъ же, рядомъ съ нимъ, вы видите довольно плотную фигуру средняго роста, обладающую подвижной и выразительной физіономіей. Эта физіономія украшена большими карими, иногда черными, живыми глазами: широкій разрѣзъ вѣкъ дополняетъ образъ пешаверца. Здѣсь же вы видите и казанскаго татарина и астраханскаго калмыка, изрѣдка желто-лимоннаго китайца и даже дикаго сына Кавказскихъ горъ» [1]).

Вся эта огромная разношерстная, разноплеменная, разнохарактерная толпа сливается здѣсь въ одинъ общій потокъ, наводняющій своимъ теченіемъ безчисленные караванъ-сараи, лавки, чайханы, харчевни и узкія полутемныя улицы огромнаго базара. Мѣсто это, безспорно, является самой жизненной точкой, самымъ животрепещущимъ нервомъ не только бухарской столицы, но и всего ханства. Тутъ весь этотъ людъ находитъ удовлетвореніе своему естественному природному влеченію къ торговлѣ, къ маклерству и гешефтмейстерству; здѣсь онъ покупаетъ и продаетъ, совершаетъ всевозможныя коммерческія сдѣлки, молится, ѣстъ, пьетъ, политиканствуетъ, наслаждается въ одно и то же время душеспаси-

---

[1]) Яворскій, «Путешествіе русскаго посольства по Авганистану и Бухарскому ханству», 1883 г., стр. 341—342.

тельными проповѣдями муллъ и подвижнымъ театрамъ маріонетокъ. Здѣсь опредѣляется денежный курсъ и цѣны на товаръ, принимаемыя впослѣдствіи цѣлымъ ханствомъ; здѣсь же складываются моды и общественное мнѣніе,—словомъ, здѣсь центръ народной жизни торговой, религіозной и политической.

Все это смѣшеніе самыхъ разнообразныхъ типовъ, самыхъ яркихъ красокъ и необычайно рѣзкихъ звуковъ, порождаемыхъ многотысячной толпой, говорящей на всевозможныхъ нарѣчіяхъ, вмѣстѣ съ ревомъ верблюдовъ и ишаковъ, меланхолическимъ тренканьемъ дутары, крикливымъ, рѣжущимъ слухъ, завываніемъ дервишей и тысячью другихъ звуковъ, поражающихъ непривычное ухо европейца, образуетъ такой гамъ и шумъ, такую пеструю, своеобразную картину, которая оглушаетъ и ошеломляетъ васъ въ первую минуту. Только остановившись и давъ улечься первому впечатлѣнію, вы овладѣваете объектомъ этой картины, не лишенной оригинальной прелести и, быть можетъ, единственной въ своемъ родѣ.

Весь вообще торговый рынокъ города Бухары подраздѣляется на караванъ-сараи, тимы, чаръ-су и собственно базары. Первые изъ нихъ служатъ исключительно мѣстомъ склада привозныхъ заграничныхъ товаровъ и имѣютъ внутренніе дворы, обстроенные зданіями, нижніе этажи которыхъ заняты лавками и кладовыми, а верхніе отдаются въ наймы для помѣщенія пріѣзжихъ купцовъ.

Тимы представляютъ собой четырехугольные деревянные или каменные сараи, гдѣ производится торговля мѣстными мануфактурными и заграничными издѣліями. Лучшимъ тимомъ считается тимъ Абдуллахъ-хана—превосходно построенный, прочный каменный пассажъ, состоящій изъ цѣлаго ряда скрещивающихся между собой полукруглыхъ сводчатахъ ротондъ. Чаръ-су, это нѣчто въ родѣ отдѣльнаго небольшаго пассажа, въ которомъ продаются всевозможные предметы, преимущественно же предметы домашняго обихода, какъ-то: готовыя платья, ножевый товаръ, посуда, мыло, чай и т. д.

Базары представляютъ собой или крытые циновками торговые ряды или цѣлый рядъ балагановъ на открытомъ воздухѣ, среди площадей, подобно нашимъ толкучимъ рынкамъ.

Въ Бухарѣ считается всего до полутораста караванъ-сараевъ, девять тимовъ (изъ нихъ пять каменныхъ), шесть чаръ-су, пятьдесятъ внутреннихъ базаровъ и около двадцати пяти въ пригородныхъ слободахъ.

Мы уже имѣли случай указать въ предыдущей главѣ на глав ные предметы ввоза и вывоза изъ Бухары различныхъ товаровъ. Поэтому не будемъ утомлять читателя описаніемъ всего содержимаго огромныхъ и сложныхъ помѣщеній главнаго бухарскаго базара. Укажемъ лишь на то, что эта сама по себѣ значительная

внутренняя торговля занимаетъ лишь второстепенное мѣсто въ общемъ механизмѣ торговыхъ оборотовъ ханства, центръ тяжести которыхъ лежитъ главнымъ образомъ въ транзитной торговлѣ. Географическое положеніе Бухары на точкѣ пересѣченія путей изъ Индіи, черезъ сѣверный Авганистанъ, восточныя провинціи Персіи и юго-западныя части Кашгара, съ одной стороны, и Россіей съ другой—упрочиваютъ за ней значеніе главнаго торговаго центра между Нижегородскимъ и Пешаверскимъ рынками.

Осмотрѣвъ главный базаръ, необходимо взглянуть на медрессе Гаукшонъ, замыкающее собой юго-западную его оконечность. Это самое богатое изъ всѣхъ медрессе въ Бухарѣ, такъ какъ ректоръ его получаетъ съ его вакуфа до 7.000 рублей въ годъ на наши деньги, а семинаристы отъ 60—100 рублей каждый.

Въ полуверстѣ отсюда, по направленію къ сѣверо-востоку, одно подлѣ другаго, находятся два замѣчательныя медрессе: Кукольташъ—построенное министромъ Абдуллахъ-хана Алейке-Кукольташемъ, въ началѣ XVI столѣтія, самое большое по числу комнатъ и одно изъ самыхъ величественныхъ зданій этого рода въ Бухарѣ, и Иръ-Назаръ, сооруженное на деньги, пожертвованныя императрицей Екатериной II, въ царствованіе эмира Шахъ-Мурада, основателя династіи Мангытъ, въ періодъ времени около 1790—1793 г. [1]). Медрессе Иръ-Назаръ построено изъ сѣраго тесаннаго камня, облицованнаго по карнизамъ эмалированными изразцами, въ обычномъ стилѣ построекъ этого рода въ Средней Азіи. Оно имѣетъ болѣе 60 комнатъ для помѣщенія семинаристовъ и свой отдѣльный вакуфъ. Высокій портикъ, съ стрѣльчатой нишей, выложенной внутри бѣлымъ точенымъ мраморомъ, ведетъ во внутренній дворъ этого помѣщенія, обстроеннаго кругомъ двухъ-этажными корпусами. Въ одномъ изъ нихъ находится большая аудиторія,

---

[1]) Правленіе эмира Шахъ-Мурада было ознаменовано оживленными дружественными сношеніями Россіи съ Бухарскимъ ханствомъ. Шахъ-Мурадъ всячески стремился поддержать эти сношенія, не безъ основанія расчитывая найти въ Россіи естественную союзницу въ борьбѣ съ персидскимъ шахомъ Магометъ-Ага, заклятымъ личнымъ врагомъ Шахъ-Мурада. Около 1790 г. онъ отправилъ въ подарокъ императрицѣ Екатеринѣ II слона и восемь арабскихъ лошадей. Во главѣ посольства былъ поставленъ нѣкто Иръ-Назаръ. Результатомъ этого посольства явилось сооруженіе въ Бухарѣ, по волѣ императрицы, медрессе, названнаго «Иръ-Назаръ», или Назаръ-Ильчи.

Въ непродолжительномъ времени, мы надѣемся познакомить читателей съ интереснымъ историческимъ моментомъ сближенія Бухары съ Россіей подъ вліяніемъ политическихъ комбинацій и нравственнаго негодованія, вызваннаго личностью и дѣйствіями свирѣпаго изверга Магометъ-Ага, овладѣвшаго престоломъ Персіи послѣ смерти Шахъ-Надира.

Эпоха эта интересна еще и потому, что результатомъ ея явилось нѣсколько памятниковъ въ Средней Азіи, сохранившихся до нашихъ дней, вмѣстѣ съ именемъ императрицы Екатерины Великой, которое живо въ памяти средне-азіатскихъ народовъ.

съ плоскимъ куполомъ, стѣны и потолокъ которой сплошь покрыты изящными узорами тонкой лѣпной работы изъ алебастра.

Въ полутора верстахъ отъ этихъ интересныхъ зданій находится кварталъ прокаженныхъ и песевыхъ субъектовъ, или Гузари-песянъ. Этотъ кварталъ расположенъ въ сѣверо-восточной части города, не будучи отдѣленъ отъ послѣдняго никакими естественными или искуственными преградами. Полнѣйшее равнодушіе бухарцевъ ко всякаго рода гигіеническимъ и санитарнымъ условіямъ допускаетъ до сихъ поръ существованіе въ городской чертѣ этого лепрознаго пріюта, заразное вліяніе котораго, путемъ пользованія общей арычной водой, не подлежитъ сомнѣнію. И это тѣмъ болѣе удивительно, что нѣтъ въ мірѣ народа, который съ такимъ отвращеніемъ относился бы къ больнымъ вообще и къ прокаженнымъ въ особенности, какъ таджикскій народъ. Но такова уже сила привычки и дѣйствіе фатализма! Считая проказу въ высшей степени заразительной, бухарцы въ то же время отнюдь не думаютъ о томъ, чтобы, подобно многимъ другимъ городамъ Средней Азіи, хоть сколько нибудь изолировать прокаженныхъ путемъ выселенія ихъ за городскую черту. Они ограничиваются лишь тѣмъ, что воспрещаютъ махаонамъ оставлять раіонъ ихъ квартала и появляться въ центрѣ города, для чего содержатся небольшіе караулы, при входахъ и выходахъ изъ Гузари-писянъ. Разумѣется, запрещеніе это остается совершенно фиктивнымъ, такъ какъ мы сами неоднократно встрѣчали на улицахъ субъектовъ со всѣми признаками вполнѣ развившейся проказы.

Средне-азіатская проказа, или иначе «махао», есть не что иное, какъ одинъ изъ наиболѣе тяжкихъ видовъ болѣзни, извѣстной въ медицинѣ подъ именемъ elephantiasis graegorum. Исторія медицины относитъ появленіе этой болѣзни ко временамъ глубокой древности. Мѣсторожденіемъ ея считаются Египетъ и Индія [1]).

Причины существованія проказы въ точности не извѣстны. Зародыши ея, какъ предполагаютъ, заключаются въ лепрозныхъ палочкахъ, близко подходящихъ къ бугорковымъ. Существуетъ также предположеніе, что болѣзнь эта наслѣдственна, но иногда она щадитъ отдѣльныхъ субъектовъ и даже цѣлыя поколѣнія и

---

[1]) Эйхгорстъ, «Руководство къ частной патологіи и терапіи», пер. съ нѣм., Спб., 1888 г., т. IV, ст. 711.

Болѣзнь эта не чужда и европейскому полуострову. Перенесеніе ея изъ Малой Азіи въ Европу приписывается войскамъ Пампя, а затѣмъ крестоносцамъ. Въ настоящее время она еще изрѣдка встрѣчается въ Швеціи и Норвегіи, въ Прибалтійскихъ провинціяхъ, въ Испаніи, Португаліи, Греціи, Турціи и Испаніи, а также въ южной и юго-восточной Россіи, гдѣ она извѣстна подъ названіемъ черной немочи; у астраханскихъ киргизовъ подъ именемъ чапли; у ногайцевъ—урусъ-катуръ; у донцовъ—крымской болѣзни. Предполагаютъ, что на югъ Россіи она была занесена войсками Тамерлана, въ концѣ XIV ст.

потомъ снова появляется [1]). Степень заразительности проказы до сихъ поръ въ точности не опредѣлена. Большинство мнѣній сводится къ тому, что проказа заразительна лишь при непосредственныхъ сношеніяхъ съ зараженнымъ субъектомъ; песь же совсѣмъ не заразительна.

Огромное большинство случаевъ заболѣванія махао обнаруживается между 20—40 годами. Процентъ заболѣваемости мужчинъ значительно больше женщинъ. Болѣзнь считается до сихъ поръ неизлечимой какъ европейскими, такъ и туземными врачами [2]).

Признаки появленія и общаго теченія этой мучительной, затяжной болѣзни чрезвычайно сложны и разнообразны. Конечный результатъ ихъ заключается въ полномъ разложеніи организма снаружи и внутри, причемъ тѣло больнаго покрывается зіяющими ранами, отдѣльные суставы и цѣлые члены отпадаютъ одинъ за другимъ и человѣкъ, послѣ адскихъ страданій, погибаетъ отъ бугорчатки легкихъ, зараженія крови или задушенія.

Болѣзнь «песь» заключается въ особаго рода страданіяхъ кожи, результатомъ которыхъ являются сначала бѣлыя пятна, а затѣмъ систематическое побѣленіе всего тѣла, отъ головы до конечностей. Болѣзнь эта нисколько не заразительна и вообще не имѣетъ ничего общаго съ проказой. Тѣмъ не менѣе, бухарцы и вообще сарты считаютъ ее еще болѣе отвратительной, чѣмъ махао, будучи убѣждены, что Богъ посылаетъ проказу лишь въ наказаніе за грѣхи непосредственно пораженнаго ей субъекта, песь же является, по ихъ мнѣнію, результатомъ грѣховной жизни не только самого больнаго, но и всего его рода. Брезгливость туземцевъ къ песевымъ субъектамъ доходитъ до того, что даже прокаженные махаоны гнушаются ими, стараясь выбирать для своего жительства такія убѣжища, гдѣ по возможности меньше больныхъ песью [3]).

Гузари-писянъ образуетъ особый кварталъ въ сѣверо-восточномъ углу бухарской столицы [4]). Части города, отдѣляющія его отъ остальныхъ кварталовъ, наименѣе населены. Мнительный тад-

[1]) Нейманъ, «Руководство къ изученію болѣзней кожи», перев. съ нѣмецк. 1871 г., стр. 356—361.

[2]) Въ настоящее время проказа находитъ себѣ спеціалиста изслѣдователя въ лицѣ профессора. Кіевскаго университета св. Владиміра Г. Н. Минха, самоотверженно посвятившаго себя на пользу науки и многихъ тысячъ безпомощныхъ страдальцевъ. Результатомъ научно-практическихъ изысканій г. Минха являются изданныя имъ книги: «Проказа на югѣ Россіи», Кіевъ, 1886 г., и «Проказа и песь», 1890 г. Тотъ, кто имѣлъ случай видѣть эту ужасную болѣзнь, не можетъ не выразить уваженія трудамъ почтеннаго профессора и не пожелать ему дальнѣйшаго преуспѣянія на пути помощи страждущему человѣчеству.

[3]) Г. Н. Минхъ, «Проказа на югѣ Россіи», вып. 3, ст. 305; «Проказа и песь», т. II, вып. I, ст. 144—154.

[4]) Непосредственно за нимъ слѣдуетъ рядъ городскихъ кладбищъ, ограниченныхъ крѣпостной стѣной.

жикъ не любитъ приближаться къ этимъ мѣстамъ, которыя считаетъ опасными и какъ бы отверженными Богомъ, лишь изъ нужды поселяясь въ нихъ.

Прокаженные живутъ благотворительностью и милостыней, которую собираютъ, выходя на большія дороги и отправляясь въ сосѣдніе кишлаки. Кромѣ того, они имѣютъ свои небольшіе сады и участки земли, которые отдаютъ въ наймы, раздѣляя доходы съ нихъ между собой поровну.

У нихъ есть нѣсколько своихъ мечетей, свои бани, базаръ и училище для дѣтей, свой казій, муллы и акъ-сакалы,—все это выборные изъ прокаженныхъ же. Вообще, они образуютъ нѣчто вродѣ маленькой республики, живущей своей внутренней, самобытной жизнію.

Заболѣвшій махао субъектъ, по большей части, насильственно выселяемый въ лепрозный пріютъ, лишается, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣхъ своихъ гражданскихъ и политическихъ правъ. Онъ какъ бы умираетъ для общества и ему больше ничего не остается, какъ начать новую жизнь среди своихъ прокаженныхъ собратій. Вслѣдствіе этого многіе изъ махаоновъ женятся въ своихъ пріютахъ и производятъ на свѣтъ такихъ же несчастныхъ, какъ они сами. Замѣчательно, что дѣти у нихъ рождаются почти всегда совершенно здоровыми, безъ всякихъ признаковъ болѣзни, которая развивается лишь по достиженіи зрѣлаго возроста.

Кварталъ Гузари-писянъ, втеченіе большей части дня, остается пустыннымъ, ибо всѣ способные двигаться махаоны съ ранняго утра отправляются за сборомъ милостыни. Остальные лежатъ въ своихъ сакляхъ, будучи иногда втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ пригвождены страшной болѣзнью къ своему страдальческому ложу.

Мы оставляемъ это мѣсто скорби и несчастія и предлагаемъ читателю сдѣлать послѣдній переѣздъ внутри города, чтобы осмотрѣть два замѣчательные памятника старины: кошъ-медрессе Абдуллахъ-ханъ и находящееся противъ него медрессе Модари-ханъ (матери этого талантливаго Шейбанида), на которыхъ мы собственно и окончимъ описаніе внутристѣнной Бухары.

Оба эти зданія, возвышающіяся одно противъ другаго, не въ далекѣ отъ Талипаньскихъ воротъ, пробитыхъ въ срединѣ восточной части крѣпостной стѣны, являются достойными памятниками ихъ знаменитаго основателя эмира Абдуллахъ-хана, заслужившаго справедливое названіе «благодѣтеля бухарскаго народа». Построенныя въ одну эпоху съ медрессе Миръ-Арабъ, они по архитектурнымъ своимъ очертаніямъ представляютъ почти копіи этого послѣдняго зданія, съ той лишь разницей, что лишены его боковыхъ лазоревыхъ куполовъ. Но зато наружная облицовка и детали выполнены несравненно оригинальнѣе и богаче. Мелкій затѣйливый общій рисунокъ главныхъ порталовъ, нишъ и карнизовъ обо-

ихъ зданій, преимущественно голубой съ желтымъ цвѣтомъ, до того хорошъ, что отъ него рѣшительно не хочется оторваться, а отдѣльныя детали, въ видѣ безчисленныхъ продольныхъ и поперечныхъ бордюровъ, арабесокъ, розетокъ нишъ и такъ далѣе, представляютъ такое разнообразіе и дивное сочетаніе красокъ и рисунковъ, что нужно посвятить много часовъ, чтобы подробно разсмотрѣть каждый въ отдѣльности оригинальный уголокъ этого превосходно выполненнаго общаго гигантскаго эмалированнаго рисунка.

Внутреннія части зданій украшены превосходной альфресковой живописью, рѣзной работой по дереву и камню и весьма оригинальными, массивными бронзовыми рѣшетками. Кошъ-медрессе и Модари-ханъ сохранились лучше, чѣмъ другія зданія этого рода въ бухарской столицѣ.

П. Шубинскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ)

РОСТОВСКІЙ ТРОИЦКІЙ ВАРНИЦКІЙ МОНАСТЫРЬ—МѢСТО РОДИНЫ ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ РАДОНЕЖСКАГО ЧУДОТВОРЦА.

СЕНТЯБРЯ 25-го текущаго года Свято-Троицкая Сергіева лавра будетъ праздновать торжественный 500-лѣтній юбилей со дня кончины ея игумена-основателя преподобнаго Сергія Радонежскаго. Сердечный откликъ встрѣтитъ это торжество въ малоизвѣстномъ заштатномъ ростовскомъ Троицкомъ Варницкомъ монастырѣ, исторія котораго тѣсно связана съ именемъ преподобнаго Сергія, какъ ростовскаго уроженца.

Родъ преподобнаго Сергія происходитъ отъ коренныхъ ростовскихъ бояръ. Кириллъ и Марія, родители великаго подвижника (въ мірѣ—Варѳоломея), имѣли на окраинѣ города помѣстье, стоявшее среди дремучаго сосноваго бора, жалкіе и скудные остатки котораго коегдѣ уцѣлѣли до сихъ поръ. Въ это время Ростовомъ управлялъ намѣстникъ московскаго царя Ивана Даніиловича Калиты — Кочева, заслужившій своими темными дѣяніями недоброе имя въ исторіи Ростова. «Толикаго надъ Ростовомъ дерзновенія не содѣлаше и татарвы»,—замѣчаетъ объ этой эпохѣ современникъ лѣтописецъ, такъ что «бысть страхъ на всѣхъ живущихъ». Вѣроятно, въ виду этихъ «дерзновеній» и притѣсненій со стороны московскихъ и ростовскихъ владыкъ, родители преподобнаго и принуждены были переселиться въ городъ Радонежъ, а имѣніе ихъ было отобрано въ московскую государеву казну. Впослѣдствіи на томъ мѣстѣ, гдѣ находилось это имѣніе, и былъ воздвигнутъ Варницкій монастырь, какъ утверждаетъ одно изъ мѣстныхъ преданій.

Относительно времени пребыванія преподобнаго Сергія въ Ростовѣ сохранилось слѣдующее сказаніе. Въ дѣтствѣ Сергій росъ слабымъ малоразвитымъ мальчикомъ. Ему трудно давалось ученіе, и всѣ считали его непонятливымъ и безпамятнымъ. Это обстоятельство сильно вліяло на впечатлительную душу мальчика: во время своихъ уединенныхъ прогулокъ по прилегавшему къ дому лѣсу, онъ часто горько плакалъ и молился Богу, чтобы Тотъ даровалъ ему разумъ и память. Молитвы его были услышаны. Однажды отецъ послалъ Варѳоломея (Сергія) искать пропавшую лошадь. Идя полемъ, онъ увидѣлъ стоящаго подъ дубомъ неизвѣстнаго монаха. Разговорившись съ нимъ, мальчикъ повѣдалъ ему свое горе и просилъ помолиться за него. Инокъ, сотворивши молитву, далъ Варѳоломею часть просфоры, повелѣлъ оную съѣсть, благословилъ его и сказалъ: «Се, чадо, отнынѣ даруетъ ти Богъ разумѣти, яже требуеши, яко да возможеши и иныхъ пользовати». Тотъ исполнилъ повелѣніе старца и съ этого времени сталъ разуменъ, памятливъ и понятливъ, а монахъ (это былъ ангелъ) сдѣлался невидимъ. Это явленіе ангела Варѳоломею, издревле изображенное надъ южными вратами монастыря, и даетъ поводъ болѣе соглашаться съ другимъ преданіемъ, утверждающимъ, что на мѣстѣ монастыря произошла вышеописанная встрѣча, но не стоялъ домъ родителей преподобнаго. Во всякомъ случаѣ Варницкій монастырь является историческимъ памятникомъ, приблизительно опредѣляющимъ то мѣсто, гдѣ провелъ свое дѣтство преподобный Сергій.

Когда и кѣмъ построенъ этотъ монастырь, неизвѣстно. Можно полагать, что онъ построенъ вскорѣ послѣ обрѣтенія мощей преподобнаго. Изъ жалованной грамоты царя Михаила Ѳеодоровича 1624 г. видно, что этотъ монастырь уже существовалъ при Іоаннѣ Грозномъ и отцѣ его Василіи Ивановичѣ.

Варницкимъ монастырь называется потому, что прежде около него находились соляныя варницы, извѣстныя подъ именемъ Даниловскаго солянаго завода. Такъ, на уцѣлѣвшемъ планѣ XVII в., хранящемся въ государственномъ архивѣ, въ числѣ дѣлъ тайнаго приказа, нарисованы между озеромъ Неро, Ростовомъ и рѣками Устьемъ и Ишней, Варницкая слобода съ церковью, а на востокъ отъ нея четыре большія варницы, далѣе колодезь, къ юговостоку—большой дворъ, а къ югу отъ варницъ—старый и новый соляные амбары. Очень можетъ быть, что эти варницы находились въ распоряженіи монастыря.

Въ 1725 году Троицкій Варницкій монастырь былъ упраздненъ и обращенъ въ дѣвичій. По резолюціи архіепископа Георгія Дашкова, сюда были переведены монахини Ростовскаго Рождественскаго дѣвичьяго монастыря. Впрочемъ, пребываніе ихъ въ Варницкомъ монастырѣ продолжалось только до 1731 года, а въ этомъ году, въ мартѣ мѣсяцѣ, указомъ преосвященнаго Іоакима онѣ опять возвра-

Ростовскій Троицкій Варницкій монастырь.

щены въ свою прежнюю обитель. За этотъ періодъ монастыремъ управляли: намѣстница Мастридія Тихменева и игуменія Христофора (съ 1728 года)[1]. Къ этой же эпохѣ относится слѣдующій документъ, хранившійся въ библіотекѣ В. И. Лѣствицына.

«По указу святѣйшаго правительствующаго синода совѣтника, господина преосвященнѣйшаго Георгія, епископа ростовскаго и ярославскаго, изъ домовой его преосвященства ростовской духовной канцеляріи инструкція града Ростова церкви Вознесенія Господня старостѣ поповскому попу Леонтію: ѣхать тебѣ въ Ростовской Троицкой дѣвичъ монастырь, что у Варницъ, взявъ съ собою инквизитера и при немъ изслѣдить о обрѣтающихся въ томъ монастырѣ выскусѣ (sic) вдовѣ Ѳеклѣ и о дѣвицахъ Соломонидѣ, Стефанидѣ, Домникіѣ, Ѳеодосіи, Марѳѣ, и оныя во искусѣ имѣющіяся вдова и дѣвицы, изъ какихъ чиновъ и по какимъ указомъ и въ которыхъ годѣхъ въ тотъ монастырь пріяты или съ чьего позволенія. И оное слѣдованіе, учиня съ ясною счисткою за своею и инквизитера руками, подать въ означенной канцеляріи неукоснительно. Духовныхъ дѣлъ судія игуменъ Ааронъ. За секретаря Гаврило Гороховъ. Смотрѣлъ Василій Петровъ. 1726 года, марта въ 7-й день».

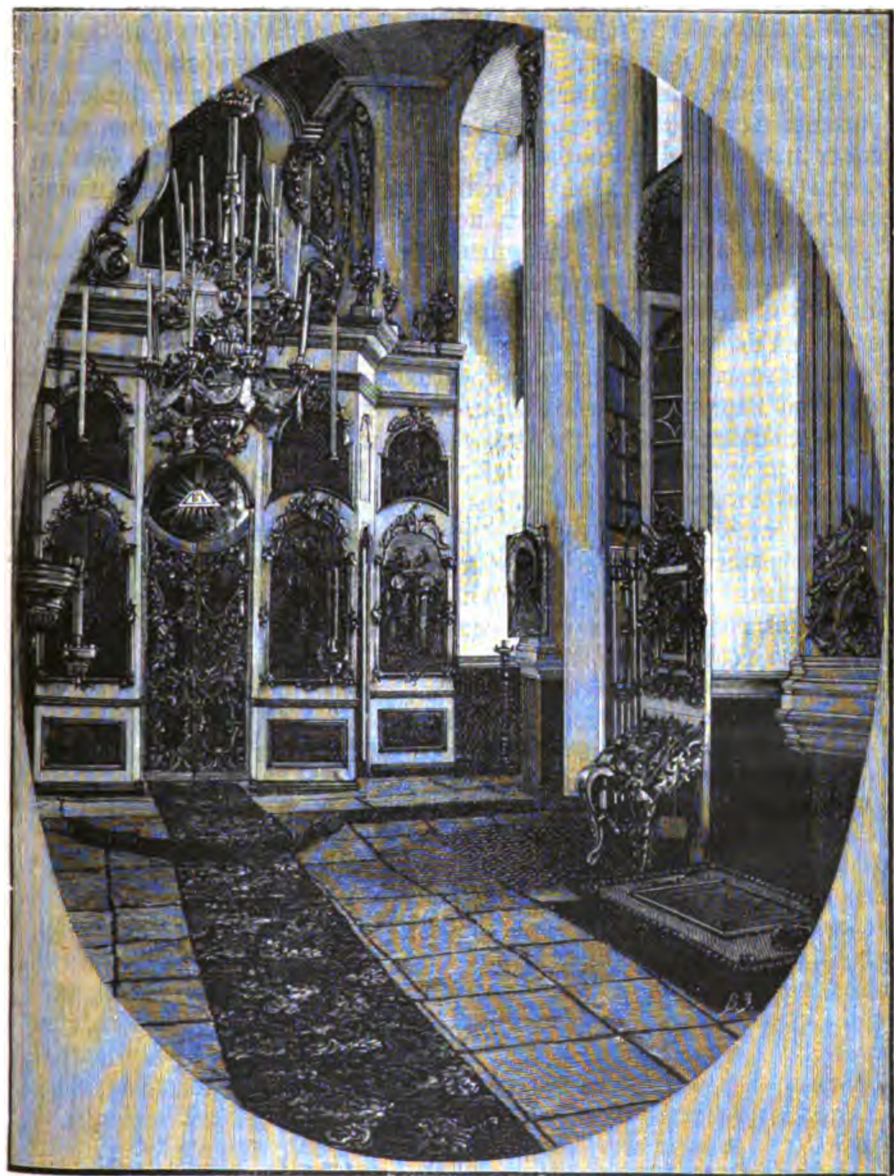
Въ 1771 году въ Варницкомъ монастырѣ былъ построенъ на собственныя средства преосвященнымъ Аѳанасіемъ, епископомъ ростовскимъ, и имъ же освященъ холодный храмъ во имя Пресвятыя Троицы и преподобнаго Сергія. Что же касается до теплаго храма, то онъ первоначально былъ освященъ во имя Николая Чудотворца, но потомъ передѣланъ и освященъ во имя Введенія Пресвятыя Богородицы.

Троицкій Варницкій монастырь никогда не былъ богатымъ. Еще въ 1764 году, при закрытіи монастырей, онъ не былъ обращенъ въ приходскую церковь единственно изъ уваженія къ мѣсту рожденія преподобнаго Сергія. Въ началѣ XIX вѣка этотъ монастырь представлялъ собою картину полной нищеты и запущенія: теплая церковь была покрыта соломой, ограды почти не было; кельи и прочія монастырскія строенія обвалились и грозили разрушеніемъ. Общее нравственное настроеніе братіи соотвѣтствовало внѣшнему состоянію монастыря. Однимъ словомъ, это былъ «дворъ овчій», лишенный пастыря.

Въ такомъ положеніи монастырь оставался до тѣхъ поръ, пока здѣсь не пожелалъ поселиться на покоѣ преосвященный Августинъ (Сахаровъ), епископъ уфимскій и оренбургскій[2]). Впродолженіе 24-хъ лѣтъ жилъ онъ здѣсь, не жалѣя силъ и трудовъ на пользу монастыря, жертвуя собственныя деньги на общее дѣло. И труды

[1]) Описаніе Ростовскаго Рождественскаго дѣвичьяго монастыря, А. Израилева, Спб., 1858 г., стр. 39, 44.

[2]) См. «Крит.-біогр. словарь», I, 46—48.



Придѣлъ въ Троицкомъ храмѣ.

его не пропали даромъ: и матеріальное благосостояніе, и нравственность значительно поднялись въ монастырѣ. Скончался Августинъ въ 1842 году и погребенъ при Сергіевскомъ придѣлѣ холоднаго храма Варницкаго монастыря. Всѣ лица, знавшія его, глубоко сожалѣли о его кончинѣ. Нерѣдко являлись прежде въ монастырь даже именитые гости (напримѣръ, Филаретъ, митрополитъ кіевскій) [1]) поклониться праху іерарха-труженика, отслужить по немъ панихиду и молебенъ преподобному Сергію. Толпы далекихъ безвѣстныхъ богомольцевъ нерѣдко толпились около его могильной плиты, не говоря уже о ростовскихъ почитателяхъ Августина.

Теперь почти всѣ современники преосвященнаго Августина, лично знавшіе его, умерли. Всесокрушающее время положило свою печать и на память этого труженика, много сдѣлавшаго и видѣвшаго на своемъ вѣку; его сочиненія лежатъ въ рукописяхъ никому неизвѣстныя, его имя забыто богомольцами, ростовцами и даже братіею Варницкаго монастыря. Монастырь уже рѣдко посѣщается богомольцами, тѣмъ болѣе, что весной и осенью къ нему и пройти нельзя за отсутствіемъ хорошей дороги. Конечно, это обстоятельство оказываетъ свое дѣйствіе и на матеріальное благосостояніе монастыря, такъ что начальство обители должно прибѣгать къ самымъ разнообразнымъ средствамъ и мѣрамъ для изысканія возможности содержанія даже малочисленной братіи. Впрочемъ, въ послѣднее время въ монастырѣ начали производиться серьезныя подѣлки на средства ростовскихъ жертвователей.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ присоединить, что одинъ изъ прилагаемыхъ къ настоящей замѣткѣ рисунковъ изображаетъ внѣшній видъ монастыря во время разлива Ишни, а другой—внутренній видъ Сергіевскаго придѣла въ холодной церкви, въ которомъ (у окна) находится могила преосвященнаго Августина.

А. Титовъ.

[1]) Преосвященный Августинъ. Критико-біографическій очеркъ, Н. Калинникова, Спб., 1866 г., стр. 48.

ОЧЕРКИ ТАМБОВСКАГО БЫТА XVII И XVIII СТОЛѢТІЙ.

Въ РАСПОРЯЖЕНІЕ Тамбовской ученой архивной коммиссіи поступило нѣсколько новыхъ документовъ, касающихся мѣстнаго быта XVII—XVIII столѣтій. Всѣ они показались мнѣ на столько интересными для уясненія нашей бытовой исторіи, что я рѣшился воспользоваться ими и дать читателямъ нѣсколько замѣтокъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ мнѣ кажется, могутъ имѣть не только мѣстный, но общерусскій характеръ.

Еще задолго до реформы 19-го февраля ожиданія ея, вызываемыя крайнею общественною необходимостію, уже бродили въ нашемъ народѣ, чаявшемъ исхода изъ великой всенародной бѣды отъ единой царской власти, сказавшей послѣднее слово свое устами Царя-Освободителя и Мученика. И эта народолюбивая власть постепенно снимала оковы. Еще въ XVII вѣкѣ разрѣшено вотчинникамъ отпускать своихъ крѣпостныхъ на волю. И многіе вотчинники по разнымъ причинамъ, преимущественно религіознаго характера, добровольно разставались съ своею челядью и домашнимъ обычаемъ, освященнымъ юридическими правами XVII вѣка, пускали холоповъ на всѣ четыре стороны. Такъ одинъ мѣстный помѣщикъ Тепляковъ въ 1667 году далъ отпускную своему человѣку Микиткѣ Аѳанасьеву слѣдующаго содержанія:

«Гдѣ хочетъ Микитка, тутъ и живетъ, а мнѣ Нестеру Теплякову и моему роду и племени до того Микитки дѣла нѣтъ. А отпускную писалъ я, Нестеръ, своею рукою».

Побрелъ послѣ того Микитка по бѣлу свѣту. Много онъ со своею семьишкою натерпѣлся горя-злосчастья, босоты и наготы,

безкормицы и всякаго безвременья. Но все это было безвременьемъ вольнаго человѣка, и сознаніе своей собственной воли дѣлало и черствый кусокъ хлѣба сравнительно сладкимъ. Бывая у разныхъ хозяевъ наймитомъ, Микитка скопилъ себѣ казну не малую— 5 рублевъ, и за тѣ деньги купилъ въ деревнѣ Погорѣлкахъ у тяглеца Пантелѣева избу съ огородомъ и зажилъ своимъ вольнымъ трудомъ хоть и нудно, за то на всей своей волѣ. Сталъ онъ землю пахать, благо порозжей дикой степи было у насъ вволю и шла она охотникамъ до нея ни почемъ, и сдѣлался нашъ Микитка, наравнѣ съ другими Микитками и Петрушками, вольнымъ государственнымъ тяглецомъ. Правда, въ деревнѣ Погорѣлкахъ не всегда было покойно. Почасту приходили къ ней, какъ и во всѣ тамбовскія мѣста, татарскіе, ногайскіе и калмыцкіе воинскіе люди. То бывало хлѣбъ потолочутъ, то скотину угонятъ, то селитьбы сожгутъ, а то и людей побьютъ и уведутъ въ неволю. Но на все это была воля Божія и отъ всего этого была на всякій случай охрана: и надолобы деревенскіе, и царскія всякія крѣпости, и служилые люди... Микитку съ его семьишкою и рухлядишкою Богъ хранилъ. Въ то время, когда набѣгали воинскіе люди, угонялъ онъ въ лѣса или степныя балки скотину свою, зàгодя хоронилъ отъ напасти въ укромныхъ мѣстахъ семью свою и по минованіи тревоги возвращался домой цѣлъ и невредимъ, съ обычнымъ своимъ крестьянскимъ достаткомъ...

Подобныхъ Микиткѣ тяглецовъ было у насъ въ XVII вѣкѣ не мало. Добрые господа въ Русской землѣ никогда не переводились и отпущенниковъ было у нихъ всегда довольно. Эти отпущенники, переходя на государственное тягло и избываючи татарской неволи, собирались у насъ сельскими и деревенскими общинами въ крѣпкихъ мѣстѣхъ, строили вокругъ своихъ избъ и огородовъ надолобы, чтобъ отъ непріятельскихъ людей жить было имъ бережно, и постепенно такимъ образомъ созидали мѣстную русскую колонизацію—военно-крестьянскую... На луга ли сѣно косить, въ лѣсъ ли дерево рубить—хоромное и дровяное, или въ поле пахать-боронить,—всюду наши тамбовцы выѣзжали осторожливо, забирая съ собой на всякій случай, кромѣ хозяйственныхъ орудій, и воинское оружіе: пики, рогатины, сабли, кистени и самопалы...

А которые крестьяне были маломочные и на себя не надѣялись, тѣ снова примыкали къ боярскимъ и монастырскимъ вотчинамъ, отбывали тамъ договорныя повинности и пользовались вотчиннымъ покровительствомъ, нерѣдко дѣлаясь впослѣдствіи настоящими крѣпостными...

Наши тамбовцы XVII вѣка были люди въ большинствѣ очень богомольные. Поэтому, лишь только собирался достаточно населенный, дворовъ въ 50, починокъ, міряне строили себѣ малыя дере-

ванныя церкви и набирали причтъ. При выборѣ членовъ причта они заботились не столько о томъ, чтобы ихъ избранники были люди книжные, сколько объ ихъ добропорядочности. Въ заручныхъ крестьянскихъ челобитныхъ епархіальному начальству обыкновенно встрѣчаются такія выраженія: «Быть ему (имя) въ нашемъ селѣ у церкви... во священникахъ (или въ иномъ чинѣ)... а къ службѣ церковной быть во всякой готовности и въ чистотѣ и трезвости; и въ церкви было-бъ благочинно по чину церковному, чтобъ во алтари надъ престоломъ, такожде на святыхъ иконахъ и на стѣнахъ, пыли и паутины нигдѣ не было-бъ. Да еще бы прекословія и мятежа никакого не чинить».

Множество новоявленныхъ памятей встрѣчается у насъ и такого содержанія: «Быть тебѣ... при церкви... и хранить себя во всякой чистотѣ и исправлять всякое божественное служеніе по преданію святыхъ апостоловъ и богоносныхъ отецъ... и содержать себя во всякомъ послушаніи и не упиватися и не безчинствовать и имѣть въ себѣ страхъ Божій и памятствовать часъ смертный и будущее воздаяніе».

Всѣ эти памяти, настойчиво и безпрерывно поучающія ставленниковъ воздержному и чиновному житію по правиламъ святыхъ отецъ, представляютъ намъ ясное доказательство того, что въ періодъ нашей усиленной колонизаціи XVII вѣка, когда сомнительные утеклецы, бродники и сходцы со всѣхъ московскихъ сторонъ собирались въ наши степи, и само духовенство наше въ большинствѣ далеко не стояло на высотѣ своего пастырскаго призванія. Рѣдко возвышалось оно надъ сбродною тамбовскою массою и умомъ, и нравами, и всѣмъ житейскимъ обычаемъ. Не потому ли въ мѣстной народно-устной литературѣ обращается такое множество острословій и сказаній, крайне нелестныхъ для духовнаго чина?...

А между тѣмъ сбродное наше населеніе глубоко сознавало потребность нормальной государственно-общественной жизни, причемъ церковные идеалы являлись, конечно, господствующими. И эти идеалы до нѣкоторой степени осуществлялись въ мѣстной жизни и укрѣпляли Тамбовскій край въ его колонизаторской роли, созидая на дико-порозжей степи и въ мордовско-мещерскихъ лѣсныхъ захолустьяхъ надежную и крѣпкую Русской землѣ московскую украйну, замѣчательно сильную въ дѣлѣ ассимиляціи разнообразныхъ мѣстныхъ инородческихъ элементовъ. Безъ всякихъ боярскихъ приказовъ, невольнымъ народнымъ тяготѣньемъ къ нашей благодатной и привольной землѣ, тихо, постепенно и безповоротно мѣстные колонизаторы строили въ Тамбовскомъ краѣ новую и крѣпкую русскую область. Во главѣ тамбовскихъ колонизаторовъ XVII вѣка стояли многочисленные мѣстные иноки. Ихъ обители всѣ до одной были болѣе или менѣе бѣдныя и, стало быть, привлекали къ себѣ поселенцевъ преимущественно дѣловаго и строго-

нравственнаго характера, чуждыхъ вожделѣній празднаго и безпечальнаго житія... Вокругъ тамбовскихъ монастырей строились обыкновенно русскія слободки, скоро превращавшіяся въ села и деревни; за монастырскими оградами въ праздничные дни собирались разные торговые люди и устроивали русскіе торги... При такихъ условіяхъ мѣстные многочисленные инородцы, присматриваясь къ дѣловитой и сравнительно культурной жизни юркихъ и смышленыхъ нашихъ русскихъ сходцевъ, постепенно перенимали русскіе обычаи, русскую рѣчь и самую вѣру... Въ этомъ послѣднемъ случаѣ важнѣйшую роль, какъ энергическіе распространители православія, исполняли, конечно, наши монастыри. Всѣмъ скромнымъ и дѣловымъ укладомъ своей жизни они производили неотразимое и благотворное вліяніе. Всѣ видѣли ихъ истовое строгочиновное богослуженіе, ихъ обыденную житейскую порядливость и хозяйственность... Несомнѣнно, что тамбовскіе монастыри XVII вѣка имѣли для всего нашего края не только религіозное, но и общественно-государственное значеніе... И если большинство нашихъ тамбовскихъ инородцевъ, въ томъ числѣ вся мещера и кадомскіе буртасы, давно забыло о своемъ инородческомъ происхожденіи и совершенно слилось съ господствующимъ населеніемъ, сохраняя въ настоящее время только нѣкоторыя особенности въ говорѣ и одеждѣ, то это преимущественно работа монастырская... Въ русскомъ религіозно-національномъ духѣ работали у насъ не одни мужскіе монастыри, но и женскіе.

Въ данномъ случаѣ я обращаю вниманіе читателей только на одинъ монастырь, на тамбовскій Вознесенскій женскій. Пусть по немъ судятъ и о другихъ монастыряхъ Тамбовскаго края, болѣе выдающихся въ церковно-историческомъ отношеніи.

Вознесенскій монастырь, основанный въ концѣ XVII вѣка тамбовскимъ епископомъ Питиримомъ на его келейныя деньги, былъ убогій монастырь. Первыя вознесенскія монахини помѣстились въ стѣнахъ своего монастыря кое-какъ. Онѣ жили въ тѣсныхъ курныхъ избахъ съ волоковыми и слюдяными окнами. Одѣвались въ грубыя самодѣльныя ткани и питались впроголодь... Но надъ этой нищетой было великое благословеніе владыки Питирима... Иные монастыри нашего края въ памятный 1764 годъ исчезали десятками, а Вознесенскій монастырь и теперь твердо стоитъ на своемъ мѣстѣ, радуя тамбовцевъ и разнообразіемъ своихъ монастырскихъ рукодѣлій, и прекраснымъ церковнымъ пѣніемъ...

Бѣдность монастыря была такова, что онъ не имѣлъ собственнаго отдѣльнаго храма. Рождественская церковь, въ которой молились вознесенскія инокини, нижнимъ своимъ ярусомъ принадлежала приходу Полковой Слободы, а верхній ярусъ былъ монастырскій. Въ обоихъ храмахъ былъ одинъ причтъ, для прихода и монастыря.

Первыя монастырскія избы-кельи строены были по старорусскому обычаю, слишкомъ тѣсно и безъ всякаго плана. Улицъ въ издавна многолюдномъ монастырѣ не было, были только узкіе и и кривые переулки.. Неудивительно поэтому, что Вознесенскій монастырь часто горѣлъ, и горѣлъ жестоко, съ полнымъ уничтоженіемъ монастырскаго имущества. Самый жестокій пожаръ случился въ 1724 году. Въ это же время горѣлъ весь нашъ городъ. При сильномъ вѣтрѣ деревянный Тамбовъ исчезалъ совершенно безпомощно. Жители безъ толку, въ ужасѣ и отчаяніи метались куда попало, наскоро захватывая хозяйственныя мелочи и забывая про болѣе цѣнное имущество. Въ это же время погибли и зданія Вознесенскаго монастыря со всѣми документами и съ одною больною монахинею, которую въ пожарной суматохѣ не успѣли выхватить изъ пламени... Но терпѣливыя монахини послѣ пожарныхъ разгромовъ снова собирались на своихъ пепелищахъ, кое-какъ ютились въ шалашахъ и землянкахъ и кропотливо обзаводились незатѣйливымъ хозяйствомъ вновь... Въ своихъ смиренныхъ хибаркахъ, вдали отъ мірскаго глаза, скромно и обильно, когда при тихомъ мерцаніи лампадъ, а чаще при трескѣ лучины, вознесенскія работницы дѣлали образцовыя работы шелками, серебромъ и золотомъ. А которыя монахини въ своемъ мастерствѣ были попроще, тѣ усидчиво ткали простыя сермяжныя сукна. Такъ и проходилъ каждый рабочій день у вознесенскихъ монахинь. То была кропотливая и неустанная работа, келейная и церковная. При такихъ условіяхъ общій итогъ монастырскаго труда все возросталъ. Возростали и симпатіи къ монастырю, въ которомъ окрестные обыватели видѣли не только училище благочестія, но и образцовую монастырскую женскаго труда...

Въ октябрѣ 1890 года Вознесенскій монастырь праздновалъ свою двухсотлѣтнюю годовщину, и по этому поводу мѣстныя симпатіи обнаружились къ нему вполнѣ...

Конечно, этотъ монастырь не можетъ претендовать на всероссійскую извѣстность. Онъ исполнялъ свое народно-религіозное назначеніе тихо и скромно. Выдающейся роли въ обще-русской церковной жизни онъ не имѣлъ. Тѣмъ не менѣе, нашъ Вознесенскій монастырь заслуживаетъ глубокое сочувствіе. Для мѣстнаго населенія онъ былъ неизмѣннымъ свѣточемъ истинно-обительской жизни, безпрерывно выражавшейся въ особенномъ келейномъ трудолюбіи монахинь, въ ихъ вообще безукоризненномъ образѣ жизни и въ примѣрномъ богослужебномъ чинѣ. Этими чертами своего быта нашъ монастырь давно уже привлекъ къ себѣ дѣятельное сочувствіе мѣстнаго и окрестнаго общества. Его посѣщали и посѣщаютъ въ праздничные дни весьма охотно, а въ день Вознесенія вокругъ монастыря, по изстари заведенному обычаю, собирается съ близкихъ и дальнихъ сторонъ многотысячная толпа. Такимъ образомъ,

нашъ тамбовскій Вознесенскій монастырь тихо и скромно дѣлалъ съ самаго конца XVII вѣка свое національно-церковное дѣло. Въ толпѣ богомольцевъ бывали ежегодно у монастырскихъ стѣнъ и наши инородцы: татары и мордва, и всѣ онѣ невольно подчинялись ассимилирующему вліянію скромной обители... Вокругъ Тамбова давно нѣтъ татаръ. Многолюдная Ценская мордва отошла въ область преданій, оставивъ намъ на память только мордовскія названія нѣкоторыхъ мѣстностей, напримѣръ, Тамбовъ, Пяшкиль, Ляда, Тригуляй, Бойкино. Кто же этихъ инородцевъ сдѣлалъ русскими? Кто претворилъ ихъ въ плоть-кровь русскую? Прежде всего и больше всего — наши монастыри и между ними Вознесенскій тамбовскій женскій монастырь. Были у насъ, разумѣется, и другіе факторы мѣстной инородческой ассимиляціи: служилые и промысловые люди, но тѣ дѣйствовали преимущественно внѣшнимъ образомъ, между тѣмъ какъ монастыри органически и безпрерывно вліяли на нашъ бытъ безъ всякаго насилія и вызывали ассимиляцію добровольную.

Не смотря на многія благопріятныя условія русской колонизаціи Тамбовскаго края XVII вѣка, общественный бытъ нашей украинной земли въ описываемое время былъ слишкомъ далекъ отъ совершенства. Къ намъ приходили отовсюду бродники, иные съ весьма сомнительнымъ прошедшимъ, и мѣстная жизнь, заново строившаяся, поэтому бродила, подготовляя элементы для будущаго. Въ нашей общественной жизни порядка настоящаго не было. Нерѣдко вольничали у насъ служилые люди, обижая маломочныхъ людей; вольничали и мірскіе, тяглые и жилецкіе люди, мало привычные къ государственно-общественной дисциплинѣ и къ уваженію права. Образованія у насъ еще не было и дикости нравовъ было вволю. Въ силу этихъ обстоятельствъ нерѣдко бывали у насъ случаи крайне непригляднаго свойства. Напримѣръ, однажды попъ села Селища Θеодосій Ермиловъ славилъ Христа въ деревнѣ Анаевѣ. Зашелъ онъ по порядку къ ясашному крестьянину Дмитрію Васильеву, и онъ, Дмитрій, далъ ему попу за то славенье копѣйку. Попъ смиреннымъ обычаемъ сталъ просить о прибавкѣ, чтобы онъ, Дмитрій, еще пожаловалъ его по возможности своей. Но Дмитрій не пожаловалъ и непотребными словами сказалъ: «васъ, поповъ, много, яко собакъ, и теперь ты ко мнѣ совсѣмъ не ходи»...

На Крещеніе о. Θеодосій опять сталъ ходить по Анаеву съ крещенской водою. За показаннымъ отказаніемъ въ домъ Дмитрея онъ не зашелъ и былъ остановленъ имъ на улицѣ. Священникъ былъ въ эпитрахили и съ крестомъ въ рукахъ, но это обстоятельство ничуть не помѣшало озлобленному ясашному крестьянину обругать своего пастыря неподобными словами и замахиваться на него кулаками. Вся деревня видѣла эту возмути-

тельную сцену, и съ Дмитреемъ могла быть большая бѣда, но ѳ. Ѳеодосій, очевидно, былъ добрый пастырь. Своего обидчика онъ простилъ и замялъ все дѣло, поговоря межъ себя и Дмитрея полюбовно...

Озорничествомъ занимались у насъ не одни грубые ясашные деревенскіе обыватели, но и горожане. Такъ, однажды пріѣхали въ городъ Кадомъ служилые люди для сыску злодѣевъ—воровскихъ и бродящихъ людей. И кадомскіе посадскіе люди сказали имъ: «вамъ за нами не досматривать и дѣла до насъ никакого не имѣть. А буде станете досматривать, и мы васъ уймемъ сами». Служилые люди стали на своемъ и приготовились къ розыскамъ. Тогда кадомцы, собравшись скопомъ въ тысячу человѣкъ и болѣе, окружили служилыхъ людей въ ихъ квартирахъ, разбили запертыя ворота и били всѣхъ смертнымъ боемъ, многихъ переувѣчили, руки и ноги перебили. Буйство городской толпы продолжалось ровно 6 часовъ, причемъ на городскихъ колокольняхъ били въ набатъ, и прекратилось только потому, что служилые люди смирнымъ обычаемъ ушли изъ города.

Подобные случаи въ XVII вѣкѣ не считались у насъ особенною рѣдкостью. То наши вотчинники, спорившіе о земляхъ, выходили другъ противъ друга воинскимъ обычаемъ и бились смертнымъ боемъ; то наша сбродная голытьба, собираясь въ разбойничьи шайки, дерзко грабила ближнія и дальнія мѣста, основывалась въ укрѣпленныхъ городкахъ и самоувѣренно вызывала на бой царскія дружины.

Съ наступленіемъ Петровскихъ реформъ просвѣтительныя начала стали проникать и въ нашу глушь. Въ началѣ XVIII вѣка и въ Тамбовѣ, при канцеляріи тамбовской провинціи, явилась цыфирная школа. Учителемъ въ ней былъ нѣкто Игнатій Ерославовъ, обучавшій дѣтей дворянъ, однодворцевъ и подьячихъ цыфири и нѣкоторой части геометріи. Курсъ обученія былъ четырехлѣтній, но иные заматорѣвшіе въ лѣни тамбовскіе юнцы засиживались въ провинціальной школѣ гораздо дольше, лѣтъ по 10 и болѣе. Какъ учились и какъ жили первые тамбовскіе школьники, про то нечего и говорить. Порядки были извѣстные: зубреніе, сѣченіе, озорство всякое съ обѣихъ сторонъ, превеликая бѣдность—вотъ и все!.. Великое школьное дѣло, эта душа всякой государственно-общественной жизни, зачиналось у насъ, какъ и вездѣ на Руси, при условіяхъ тяжелыхъ. Педагоги школили, а не учили; ученики школьничали, а не учились. Иные тамбовскіе школьники, убоясь премудрости и другихъ школьныхъ сладостей, бѣжали куда попало: домой, въ монастыри и на Донъ. Въ послѣднемъ мѣстѣ плохіе тамбовскіе школьники нерѣдко оказывались хорошими казаками и всякую казацкую службу служили обще со всѣми казаками на ряду. Физической силы и удали,

стало быть, было у насъ вволю; не доставало только охоты къ умственному свѣту и была какая-то непостижимая свѣтобоязнь. Старый тамбовскій школяръ съ утра до ночи безропотно могъ нести воловій трудъ: рубить, косить, пахать, а книжки и учительской линейки боялся пуще огня.

Бѣжали тамбовскіе школьники и въ сѣверные наши уѣзды, и въ Липецкій уѣздъ на желѣзные заводы, гдѣ охотно и не спрашивая паспортовъ принимали ихъ. А худшіе школьные элементы, случалось, попадали и въ разбойничьи шайки, которыхъ въ старое смутное и неупорядоченное время было у насъ такъ много, особенно въ Саровскихъ, Вадовскихъ и Ценскихъ лѣсахъ.

Въ 1720 году въ тамбовской провинціи полученъ былъ грозный царскій указъ объ ученіи, опричь дворянскихъ и духовныхъ дѣтей, цифири и геометріи, и подьяческихъ и всякаго чина дѣтей. Страшно было ослушаться царя, однако указъ остался безъ исполненія. Тогда всѣхъ упорныхъ въ сопротивленіи царской волѣ, заматорѣвшихъ юнцовъ стали ловить и отдавать въ солдаты, или же въ распоряженіе мѣстной подрядной канцеляріи для свайныхъ, бударныхъ и паромныхъ работъ. Но и эти суровыя мѣры не такъ пугали отжившую тамбовскую молодежь, какъ грамота и цыфирь. Умственная косность въ нашихъ краяхъ была ужасающая и повальная. Многіе недоросли не знали даже, сколько имъ лѣтъ отъ роду, и такое незнаніе простодушно объясняли въ воеводскихъ канцеляріяхъ своимъ безуміемъ... Случалось, что неграмотными бывали у насъ не только воеводы съ ихъ товарищами, но отчасти и протопопы, какъ, напримѣръ, темниковскій протопопъ Матвѣй Добронравовъ, который читалъ плохо, а писать вовсе не умѣлъ. Вообще, священники были у насъ столь безуспѣшны въ грамотѣ, что и мальчиковъ не стоили[1]).

Гораздо удачнѣе въ нашемъ краѣ оказались мѣры Петра Великаго касательно ремесленнаго и земледѣльческаго образованія. Благодаря энергіи царя-хозяина, къ концу его царствованія у насъ было не мало опытныхъ кузнецовъ, слесарей, коноваловъ, столяровъ, ткачей, косцовъ и каменьщиковъ.

Въ сравнительно лучшемъ состояніи грамотность была у нашихъ сектантовъ, нерѣдко тайно содержавшихъ въ своихъ домахъ маленькія школы. Одинъ изъ сектантскихъ наставниковъ, Тарасъ Максимовъ, пріобрѣлъ даже въ своемъ кружкѣ славу знаменитаго проповѣдника. Вотъ для примѣра одна изъ его краткихъ проповѣдей: «Не мои слова, братцы мои, слушать будете, но Христовы. Стойте въ вѣрѣ, тверди бывайте, не поступни и не слушайте суетныхъ людей, ибо мы скоро переселимся въ Персію и то — наша обѣтованная земля».

---

[1]) Слова тамбовскаго епископа Ѳеофила.

Глубокое невѣжество нашихъ тамбовскихъ предковъ выражалось, между прочимъ, въ грубѣйшемъ суевѣріи. Сельскіе и деревенскіе волхвы XVII вѣка, между которыми попадались иногда и лица духовнаго званія, лѣчили и портили людей и скотину разными заговорными травами, кореньями и сушеными птицами. Нерѣдко волхвовъ брали къ допросу, а они отвѣчали судьямъ: «въ домѣ моемъ имѣются въ лукошкахъ травы, коренья и птицы, и то для даванія хворому скоту, а не для уязвленія смертныхъ; и нѣтъ тутъ никакого волшебства или подозрительства»...

Тамбовскіе простецы всѣмъ сердцемъ вѣрили въ волшебство. Вотъ почему въ нашихъ приказахъ и канцеляріяхъ очень часто встрѣчаются дѣла волшебныя. То дѣвку Ирину обвиняли у насъ въ дачѣ разнымъ женкамъ корня-молодила, чтобъ не было у тѣхъ женокъ дѣтей; то дѣвку Авдотью винили въ разныхъ привораживаньяхъ... То тянули къ суду и слѣдствію женку Акимову за волшебныя зелья, составленныя съ тою цѣлію, чтобы господа Акимовой дворовыхъ людей своихъ любили...

Слишкомъ неохотно шли въ былыя времена наши тамбовцы въ царскую солдатскую службу. Представлялась она имъ въ такомъ ужасномъ видѣ, что они, избывая солдатчины, калѣчили себя: рубили пальцы на рукахъ и ногахъ, рвали и выбивали зубы и кололи глаза. Ихъ за это воеводы били плетьми и, всетаки, сдавали на службу, а калѣченіе и послѣ того не унималось...

Съ открытія Тамбовской епархіи (1758 г.) и тамбовскаго намѣстничества (1779 г.) мѣстныя дѣла пошли нѣсколько лучше. Между священниками Тамбовской епархіи появилось нѣсколько довольно образованныхъ, обучавшихся въ переяславской и другихъ семинаріяхъ. Эти мѣстные церковные дѣятели стали приводить своихъ прихожанъ къ повиновенію церкви. Не ограничиваясь требоисправленіемъ, они стали требовать отъ нихъ знанія нѣкоторыхъ молитвъ, символа вѣры и заповѣдей, и съ этой цѣлью учили ихъ всему тому въ церквахъ и домахъ. Но прихожане, избалованные прежними церковными непорядками, очень часто являлись къ тому весьма противны и непослушны, особливо никогда въ церковь Божію не ходившіе; поученій пастырскихъ они не слушали, не исповѣдывались и не причащались; священниковъ ругали и православныя церкви именовали мизгитами...

Ясно такимъ образомъ, что въ Тамбовскомъ краѣ уже давно была готова почва для противоцерковной пропаганды раціоналистическаго и мистическаго направленій, главнѣйшими условіями которыхъ были какъ самый характеръ мѣстнаго сброднаго, неуживчиваго населенія, такъ и нѣкоторыя внѣшнія обстоятельства мѣстной церковной жизни.

Правительственная энергія въ Тамбовскомъ краѣ съ особенною

силою и благотворными послѣдствіями обнаружилась при губернаторѣ Г. Р. Державинѣ. Энергичный насадитель тамбовскаго просвѣщенія и правосудія, онъ былъ столь же дѣятеленъ по всѣмъ дѣламъ. Въ 1787 году онъ послалъ въ Темниковскій уѣздъ своего чиновника Анкундинова съ цѣлью исправленія путей сообщенія. Анкундинову данъ былъ строгій приказъ: истребить, въ его присутствіи, мокшанскіе мосты на козлахъ и сваяхъ и построить вмѣсто нихъ живые мосты на канатахъ и плоты на арканахъ; а также очистить заколы, засоры, бичевники и колоды на 10 саженъ отъ берега... Все это было исполнено точно и быстро и подъ личнымъ надзоромъ самого Анкундинова, который очень хорошо зналъ, что его начальникъ увлекается не одною поэзіею, но и служебнымъ долгомъ...

Г. Р. Державинъ входилъ во всѣ мелочи тамбовской жизни. Онъ былъ не только начальникомъ, но и воспитателемъ жителей нашего города. Не говоря объ основанныхъ имъ тамбовскихъ школахъ, можно здѣсь съ удовольствіемъ и особеннымъ уваженіемъ къ памяти поэта-правителя вспомнить про тѣ еженедѣльныя дневныя и вечернія собранія, которыя практиковались въ губернаторскомъ домѣ въ интересахъ мѣстнаго общества. Во время этихъ собраній дѣти шутя учились танцамъ, иностраннымъ языкамъ, даже наукамъ; взрослые же тамбовцы постепенно пріучались къ такъ называемымъ порядочнымъ манерамъ. А самъ хозяинъ былъ такъ любезенъ, гостепріименъ и находчивъ, что гостямъ его всегда было весело. Повидимому, и самъ Державинъ не скучалъ въ Тамбовѣ. Это видно изъ его переписки съ друзьями и изъ его неутомимой и разнообразной тамбовской дѣятельности. Въ нашемъ городѣ знаменитый поэтъ былъ всѣмъ вся. Онъ и начальникъ, и педагогъ, и судья, и благотворитель, и защитникъ угнетенныхъ и обиженныхъ. Пописывая отъ своего имени разные стихи, онъ охотно исправлялъ проповѣди священникамъ и на всякіе торжественные случаи составлялъ разсужденія и рѣчи. Извѣстная рѣчь козловца Захарьина, сказанная при открытіи тамбовскаго главнаго народнаго училища и въ свое время надѣлавшая шуму даже въ Петербургѣ, сочинена была самимъ Державинымъ.

При случаѣ Державинъ былъ очень строгъ съ своими подчиненными. Съ особенною неумолимостію онъ преслѣдовалъ казнокрадство, мелкое и крупное, — мелкихъ и крупныхъ его представителей. Извѣстна его исторія съ вице-губернаторомъ Ушаковымъ и богатымъ купцомъ Бородинымъ.

Замѣчательна была доступность Державина. Масса тамбовской голытьбы вѣрила въ него и валила къ нему со своими слезными прошеніями, и Державинъ имѣлъ терпѣніе говорить съ каждымъ просителемъ и направлять его въ извѣстныя присутственныя мѣста отъ себя лично...

Разумѣется, въ тогдашнемъ косномъ Тамбовѣ у Державина была масса насмѣшниковъ и враговъ, желавшихъ прозябанія на прежнихъ косныхъ основаніяхъ и на почвѣ самодовольнаго ретроградства. Эти враги вредили Державину посредствомъ своихъ связей и напустили на него извѣстнаго Гудовича, бывшаго въ то время рязанскимъ и тамбовскимъ генералъ-губернаторомъ. Ретроградное ожесточеніе противъ Державина доходило до того, что нѣкоторые мѣстные магнаты грозили ему насиліями и личными оскорбленіями. Но нашъ поэтъ-губернаторъ былъ далеко не трусъ и велъ свои дѣла смѣло и увѣренно. И я думаю, что тамбовскій періодъ Державинской дѣятельности едва ли не самый блестящій. Правда, въ концѣ концовъ Доржавина, всетаки, смѣстили, и край нашъ, къ своему несчастію, лишился лучшаго изъ своихъ правителей, который искренно полюбилъ Тамбовскую землю и все свое время и весь свой умъ посвящалъ ея благу. Впослѣдствіи, вспоминая тамбовскую жизнь свою, Державинъ писалъ: «къ службѣ я былъ способенъ, неповиненъ руками и чистъ сердцемъ».

Преемники Державина уже не могли вполнѣ замѣнить его, и мѣстное общество, никѣмъ серьезно не поощряемое и не направляемое, долго представляло мало привлекательныхъ сторонъ. Дошло до того, что, когда въ Тамбовской губерніи не оказалось средствъ для поддержанія народныхъ училищъ и нужно было открыть мѣстное отдѣленіе библейскаго общества и губернаторъ А. М. Безобразовъ по этимъ поводамъ обратился за поддержкою къ богатому тамбовскому дворянству, то нѣкоторые изъ его предводителей, напримѣръ, шацкій Звегинцевъ, отвѣчали ему такъ: «вступить въ число членовъ общества никто изъ шацкихъ дворянъ не изъявилъ желанія»... Коротко и ясно!

А мѣстное духовенство въ то же время систематически укрывало дѣтей своихъ отъ школы и охотно платило за это штрафы, не смотря на просвѣтительную дѣятельность такихъ умныхъ и энергичныхъ архипастырей, какъ Ѳеофилъ и Іона... Послѣ этого о купцахъ и мѣщанахъ и говорить нечего: тѣ прямо говорили про дѣтей своихъ, что имъ ученіе не нужно и что ко оному они неспособны. Только одинъ Державинъ умѣлъ справляться съ ихъ косностію. Онъ забиралъ въ школы тамбовскихъ купецкихъ и посадскихъ дѣтей силою...., а затѣмъ старался пріохотить ихъ къ ученію дѣломъ и ласкою и успѣха добивался...

Съ развитіемъ дѣятельности мѣстной духовной семинаріи и гимназіи умственная жизнь Тамбовской земли нѣсколько оживилась. Мѣстные семинаристы и гимназисты дали Русской землѣ нѣсколько выдающихся дѣятелей. Но это были явленія одиночныя, возвышавшіяся надъ общимъ складомъ спавшей Тамбовской земли въ видѣ исключеній. Пробужденіе нашего края и несомнѣнно по-

ступательное движенiе его началось въ эпоху реформъ Царя-Освободителя и совершается теперь.

И надобно думать, что развитiе Тамбовской земли упрочено. Порукою въ этомъ могутъ служить ея естественныя богатства и многолюдное, въ огромномъ большинствѣ чисто русское населенiе.

Нѣсколько столѣтiй сряду, до начала XVIII вѣка, въ нашихъ Мещерскихъ и Мордовскихъ лѣсахъ жили изъ года въ годъ бутные многiе люди и безъ всякаго милосердiя и толку выжигали эти лѣса на поташъ, смолу и пашню. Въ нашихъ захолустьяхъ безпрерывно возникали все новые и новые майданы и боярскiя вотчины и поташнымъ и смолчужнымъ и пашеннымъ дѣломъ тѣ захолустья рубили и пустошили... А между тѣмъ и доселѣ Тамбовскiй край богатъ лѣсомъ. А еще богаче онъ своими лугами, пашнями и всякими хозяйственными угодьями. Есть къ чему приложить умѣлыя руки... Сумѣли тамбовцы ассимилировать нашъ обширный инородческiй край, сумѣютъ они устроить и свой бытъ. Лишь бы умственнаго свѣту было побольше, да труда, да покрѣпче держалась бы Тамбовская земля исконныхъ и хорошихъ русскихъ принциповъ въ духѣ истоваго православiя и любви къ Царю-надежѣ и отечеству...

И. Дубасовъ.

ВЕЛИКІЙ АДМИРАЛЪ ОКЕАНА[1]).

Ъ ПЕРВЫХЪ чиселъ августа начались и все еще продолжаются въ десяткахъ городовъ и мѣстечекъ празднества въ честь человѣка, четыре столѣтія тому назадъ прибавившаго, къ ставшему уже тѣснымъ, Старому Свѣту Новый. Мы слышимъ о съѣздахъ, конгрессахъ ученыхъ, слышимъ о выставкахъ «Колумбовскихъ», ежедневно почти телеграфъ разноситъ извѣстія о грандіозныхъ торжествахъ, передъ нашими глазами втеченіе немногихъ мѣсяцевъ выростаетъ цѣлая литература, и причиною всему одно событіе, одинъ человѣкъ.

Не много недѣль тому назадъ Уельва (Huelva), полузаглохшій городокъ юго-западнаго прибрежья Испаніи, былъ сценою необычайнаго зрѣлища. Рѣдко посѣщаемыя воды его рейда были покрыты многочисленными судами европейскими и американскими, въ воздухѣ развѣвались флаги всѣхъ существующихъ государствъ Новаго Свѣта, и громъ пушекъ привѣтствовалъ утро дня, въ который, тому назадъ четыреста лѣтъ, вышли изъ гавани, направляясь къ неизвѣстному западу, три каравелы Христовала Колона, «великаго адмирала океана», какимъ отчасти по капризу, отчасти изъ расчета, назначила его благочестивая королева Изабелла Католическая; едва ли она вѣрила много въ затѣи неизвѣстно откуда забредшаго въ Испанію авантюриста, но не могла ей и не улыбнуться мысль при помощи этого Христовала обратить для вящей славы Божіей нѣсколько лишнихъ десятковъ тысячъ невѣрныхъ въ католицизмъ, а главное, добыть золота, поболѣе золота для пополненія тощей испанской казны.

Оставимъ, однако, торжества нашихъ дней, оставимъ толки о нихъ въ газетахъ и журналахъ, и хлопоты и заботы вѣрующихъ

---

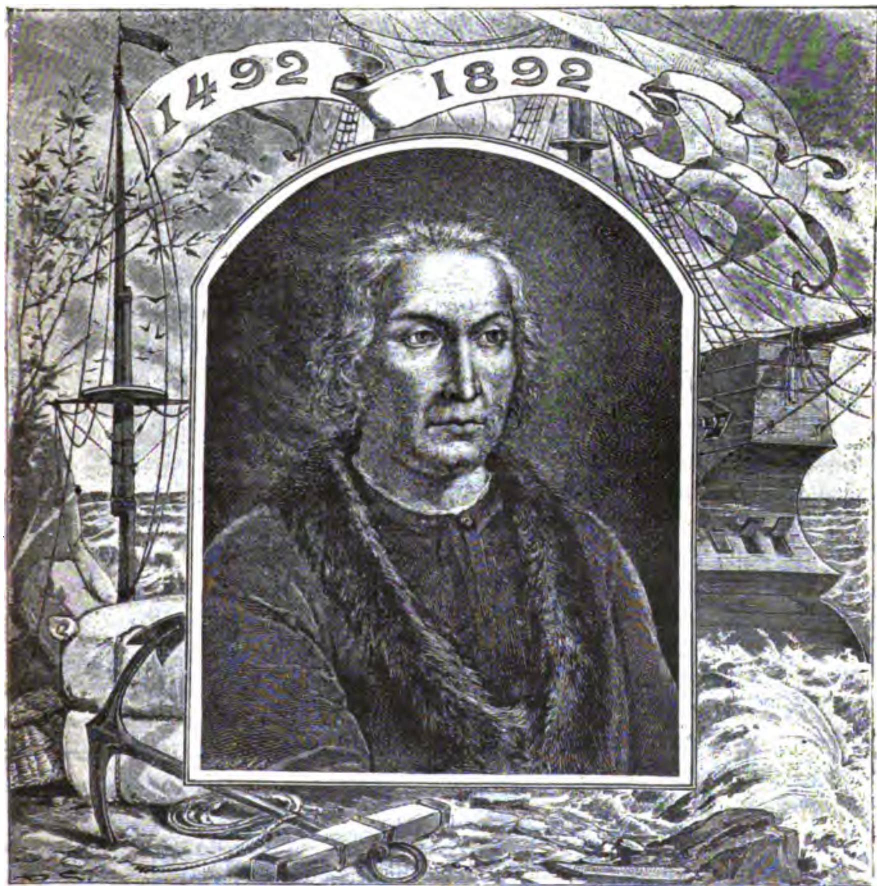
[1]) Титулъ, присвоенный себѣ Колумбомъ.

католиковъ, заинтересованныхъ въ томъ, стоитъ ли канонизаціи въ святые человѣкъ, открывшій Америку, если доказано, что онъ находился въ родственной связи съ жидовкою,—и обратимся къ тому, что было за четыреста лѣтъ до настоящихъ событій. Факты жизни великаго адмирала считаются правда общеизвѣстными, но въ нихъ и по настоящее время много загадочнаго, много неразъясненнаго, много такого, что врядъ ли когда будетъ вполнѣ извѣстно.

Пятница, 3-го августа 1492 года. Небольшой городокъ Палосъ, уже не разъ бывшій исходнымъ пунктомъ отважныхъ морскихъ экспедицій на югъ, въ землю черныхъ людей, въ тихое море и къ мысу бурь, опять полонъ оживленія. Въ гавани стоятъ оснащенныя, вполнѣ готовыя къ отплытію, три небольшихъ быстроходныхъ судна: высокая корма и носъ, не сложная оснастка въ родѣ, какъ у нынѣшнихъ каботажныхъ судовъ береговъ Испаніи и Италіи, въ заднихъ люкахъ торчащія жерла небольшихъ орудій — вотъ характеристичныя черты этихъ такъ называемыхъ каравеллъ. Часто уже раньше отправлялись подобныя суда изъ Палосской гавани, но никогда не вызывали столько толковъ, какъ теперь. Все объяснялось цѣлью экспедиціи. Суда отправлялись не въ изслѣдованныя уже моря, а туда, на западъ, куда никто еще, насколько помнили палосцы, безнаказанно не направлялся. Въ членахъ экспедиціи, по скольку она не состояла изъ выпущенныхъ на волю каторжниковъ, жители Палоса принимали большое участіе: они видѣли, какъ на вѣрную смерть увлекалъ ихъ чужеземецъ, не то итальянецъ, не то грекъ, благодаря соизволенію короля и королевы, осуществлявшій теперь свой отчаянный замыселъ.

Кто былъ онъ—этотъ Христоваль Колонъ, какъ называли его испанцы, про это очень не многіе изъ современниковъ могли бы сказать что опредѣленное. Извѣстно было, что уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ обращался то къ одному двору, то къ другому, съ тѣмъ, чтобы ему доставили возможность выполнить его авантюристическій проектъ: достигнуть по западному морю восточныхъ странъ. Извѣстно было также, что долгое время всѣ его попытки оставались тщетны. Въ 1489 году лишь наконецъ счастье ему какъ будто улыбнулось. Кастильцы осаждали городъ Бацу, одинъ изъ наиболѣе крѣпкихъ оплотовъ испанскихъ мавровъ, и уже готовы были взять его. Вдругъ въ испанскомъ лагерѣ неожиданно являются двое нищихъ монаховъ съ Гроба Господня съ письмомъ отъ султана египетскаго. Письмо было тутъ же прочитано и въ немъ нашли угрозу немедленно перерѣзать всѣхъ христіанъ въ Палестинѣ, Египтѣ и Сиріи, если католическіе короли не перестанутъ притѣснять правовѣрныхъ. Кастильцы, конечно, осады не оставили, но на благочестивую католическую королеву письмо все-

таки оказало свое дѣйствіе. Она послала богатые денежные подарки францисканскому братству, охранявшему Святой Гробъ, и стала думать о крестовомъ походѣ. Этимъ воспользовался Христоваль Колонъ, снова заговорилъ о своемъ планѣ, прибавивъ теперь къ нему еще проектъ: при помощи сокровищъ Индіи обратить въ христіанство подданныхъ великаго хана и освободить Іерусалимъ



Наиболѣе распространенный портретъ Колумба.

отъ ига мусульманъ. Королева этотъ планъ одобрила, но, всетаки, до окончанія войны съ маврами не желала предпринимать никакихъ экспедицій. Опять послѣ этого заглохли свѣдѣнія о Колумбѣ, онъ гдѣ-то скитался вмѣстѣ со своимъ малолѣтнимъ сыномъ, пока осенью 1491 года снова не отыскали его слѣдъ. Всѣмъ было извѣстно, какъ въ ненастный осенній день Колумбъ явился у воротъ

палосскаго монастыря Ла-Робида усталый, въ изорванной одеждѣ, и просилъ какъ милостыни хлѣба и глотка воды для своего десятилѣтняго сына. Извѣстно было далѣе, какъ пріоръ монастыря радушно принялъ у себя скитальца, разспросилъ его о его злоключеніяхъ, выискалъ ему могущественныхъ покровителей, доставившихъ ему расположеніе благочестивой королевы. Опять пришелъ скиталецъ къ королевскому двору, но и тутъ чуть не пришлось ему снова уйдти ни съ чѣмъ, такъ какъ не желали согласиться на то, что онъ требовалъ себѣ на случай успѣшнаго окончанія экспедиціи: онъ желалъ получить титулъ адмирала, санъ вице-короля земель, какія откроетъ, десятую часть доходовъ и дворянство для себя и своихъ потомковъ. Многіе противились этимъ притязаніямъ, но сама королева Изабелла, подъ сильнымъ впечатлѣніемъ необычайной личности Колумба, въ концѣ концовъ удовлетворила всѣмъ его требованіямъ и дала ему возможность выбраться на открытый просторъ океана для новыхъ открытій.

Таковы были факты, которые знали его современники, но всѣ они относились лишь къ тому времени, которое Колумбъ пробылъ въ Испаніи. Кто же былъ онъ самъ? откуда онъ явился? Отвѣтить на эти вопросы современники затруднились бы, и эти-то вопросы и до сихъ поръ остаются для насъ во многихъ отношеніяхъ неясными и загадочными. Сынъ адмирала, сопровождавшій съ малыхъ лѣтъ своего отца, оставилъ намъ его біографію, но уже давно было замѣчено, что она болѣе чѣмъ пристрастна и полна легендарныхъ разсказовъ. Особенно много затрудненій съ опредѣленіемъ мѣстъ и цифровыхъ данныхъ. Цифры года рожденія Колумба, даваемыя разными біографами, разнятся почти на десятки лѣтъ, о мѣстѣ рожденія его, какъ о мѣстѣ рожденія Гомера, спорятъ съ десятокъ городовъ.

Новыя данныя о происхожденіи и прежнихъ приключеніяхъ Колумба, какъ и о нѣкоторыхъ родственникахъ его, можемъ мы почерпнуть изъ актовъ древней островной республики Венеціи; болѣе достовѣрнаго притомъ источника для интересующаго насъ времени и не найдти [1]).

Колумбъ—не фамилія, а прозвище: «голубь», или вѣрнѣе «мірской голубь», имя, заимствованное великимъ мореплавателемъ отъ двухъ морскихъ разбойниковъ или корсаровъ, подъ флагомъ которыхъ онъ плавалъ, бился и грабилъ на открытыхъ моряхъ. Это было имя ненавистное одно время и страшное для всѣхъ мирныхъ мореходовъ, прозвище безсердечнаго и безпощаднаго пирата, имя, которымъ матери пугали дѣтей и отъ котораго морозъ подиралъ по кожѣ каждаго честнаго человѣка.

---

[1]) Въ дальнѣйшемъ о семьѣ Гріего слѣдую оригинальной статьѣ E. Lawrence'a, The Mistery of Columbus въ Harper's Magazine, 1892, 4.

Высадка кастальцевъ на берегъ Новаго Свѣта.

Картина Д. Пуэбла.

Въ первый разъ Колумбъ упоминается подъ 1469 годомъ. Въ Венеціи въ то время было въ обычаѣ ежегодно посылать три или четыре галеры, наполненныя всевозможными богатствами, въ Лондонъ, Брюгге и другіе торговые сѣверные города. Въ іюлѣ мѣсяцѣ на веслахъ и парусахъ онѣ выходили изъ Адріатики, затрогивали Малагу и Кадиксъ, медленно тянулись вдоль опаснаго берега Португаліи и затѣмъ двѣ изъ нихъ направлялись въ Лондонъ, а остальныя во Фландрскіе порты. Грузъ ихъ составляли несмѣтныя богатства, гордость и слава Венеціи, морской царицы того времени: шелка персидскіе и индійскіе, хлопокъ изъ Индіи, геммы и драгоцѣнные каменья, стекло и дорогія глиняныя издѣлія, золото въ слиткахъ и монеты золотыя, вина и южные фрукты—однимъ словомъ, все лучшее изъ того, что можно было встрѣтить въ торговлѣ на Средиземномъ морѣ. Но опасенъ былъ путь для этихъ судовъ: бояться должны были они и бурь и войнъ, и главное разбойниковъ, самыми предпріимчивыми изъ которыхъ были названные нами Колумбы.

Въ іюлѣ означеннаго нами года, венеціанскій сенатъ былъ оповѣщенъ своимъ агентомъ въ Лондонѣ и Брюгге, что пиратъ Колумбъ таится въ засадѣ на дорогѣ галеръ въ сѣверныя гавани. Это и есть первый случай, гдѣ мы встрѣчаемся съ именемъ Колумба, но не знаменитаго Колумба, а извѣстнаго въ то время корсара, долго наводившаго ужасъ на европейскія моря. Христофоръ Колумбъ называетъ его своимъ родственникомъ и, быть можетъ, онъ уже теперь плавалъ съ нимъ. На этотъ разъ венеціанскимъ галерамъ удалось избѣжать засады. Черезъ два года опять въ документахъ находимъ упоминаніе о «пиратѣ» Колумбѣ. Затѣмъ на 15 лѣтъ замираютъ всякія свѣдѣнія о разбойникахъ, чтобы въ 1485 году появиться снова, но зато въ тѣмъ болѣе яркомъ свѣтѣ.

На этотъ разъ венеціанскія галеры были снаряжены особенно хорошо, такъ какъ грузъ ихъ оцѣнивался свыше двухсотъ тысячъ золотыхъ дукатовъ. Были приняты всевозможныя предосторожности, чтобы въ сохранности доставить ихъ на мѣста назначенія: онѣ должны были останавливаться во многихъ портахъ Испаніи, кораблеводы должны были слѣдить за дѣятельною защитою судовъ; въ случаѣ доставленія галеръ въ сохранности, имъ было обѣщано въ награду по 3.500 зол. дукатовъ. Между тѣмъ, пиратъ уже поджидалъ свою добычу. Старшій Колумбъ къ этому времени уже успѣлъ сойдти со сцены, и ему въ той же профессіи наслѣдовалъ сынъ его, Колумбъ младшій, истинное имя котораго было Николо Гріего, или Николай Грекъ. Но вмѣстѣ съ нимъ на судахъ пиратовъ—ихъ было семь—находимъ мы на этотъ разъ другаго Колумба, именно будущаго великаго адмирала океана и вице-короля Индіи. На высотѣ мыса С. Винцентъ завязалась битва между корсарами и охраною галеръ.

Встрѣча Колумба въ Барцелонѣ 15-го апрѣля 1493 года.
Картина Р. Балака.

«18-го сентября, — читаемъ мы въ бумагахъ венеціанскаго сената,—пришли вѣсти, что 22-го августа четыре наши фландрскія галеры подъ начальствомъ капитана Бартоломео Миніо, оставивъ Кадиксъ, подверглись нападенію со стороны Коломбо, то-есть Николая Грека, капитана семи вооруженныхъ судовъ, который шелъ подъ флагомъ короля Карла Французскаго. Была ночь, когда они напали, но битва сильная завязалась лишь утромъ. Триста человѣкъ на галерахъ было убито. Бой продолжался отъ перваго до двадцатаго часа. Въ концѣ концовъ Колумбъ побѣдилъ, взялъ галеры и увелъ ихъ въ гавань Лиссабона». Дальше разсказывается, какъ корсаръ высадилъ на берегъ капитана Миніо и купцовъ, и оставилъ ихъ тамъ безъ всего; «еле, говорится въ отчетѣ, осталось у нихъ кое-какое тряпье на спинѣ». Товары Гріего перенесъ на собственные корабли и уплылъ. Но не пошло ему впрокъ награбленное добро, такъ какъ изъ дружбы къ морской республикѣ король Карлъ VIII отобралъ у него все обратно и въ слѣдующемъ году возвратилъ венеціанцамъ.

Христофоръ Колумбъ, какъ сказано было, принималъ участіе въ этомъ сраженіи. Что съ нимъ случилось здѣсь, объ этомъ намъ разсказываетъ сынъ его и притомъ до того подробно, что нельзя не предположить, что здѣсь Фернандо Колумбъ пользовался воспоминаніями отца. Галеры венеціанскія были тяжеловѣсны и неповоротливы въ сравненіи съ быстрыми, ловкими судами корсара. Крючьями и цѣпями желѣзными скоро сцѣпились и тѣ и другія, пираты пошли на абордажъ, и началась страшная рѣзня. Венеціанцы защищались храбро, не полагаясь на оружіе, старались хоть огнемъ отомстить врагу, не жалѣя собственной жизни. Такъ былъ брошенъ огонь на судно, гдѣ находился Колумбъ. Пламя скоро обвилось вокругъ снастей, дымъ застлалъ палубу, и экипажу ничего не оставалось, какъ прыгать въ воду. Колумбъ, прекрасный пловецъ, захватилъ плывшее весло и при помощи его удержался на поверхности воды. Онъ зналъ, что всего 6 миль до берега Португаліи и направился туда. Изможденный, еле дышащій отъ усталости, приплылъ онъ къ берегу, гдѣ долго не могъ прійдти въ сознаніе. Онъ былъ недалеко отъ Лиссабона и сюда теперь направилъ онъ свой путь.

Слѣдуетъ затѣмъ извѣстный разсказъ Фернандо Колумба о томъ, какъ въ Лиссабонѣ отецъ его осѣлся, бросилъ скитальческую жизнь, познакомился въ церкви съ прекрасною дѣвушкою донной Филиппой Моницъ, внучкою Перестрелло, открывшаго островъ Мадейру, какъ онъ затѣмъ занялся изученіемъ португальскихъ открытій въ отдаленныхъ моряхъ, наведшихъ его въ концѣ концовъ на мысль объ отысканіи земли по ту сторону Атлантики. Эти исторіи повторяются изъ біографіи въ біографію, особенно въ такихъ панегирикахъ или житіяхъ, какіе съ благословенія покой-

наго папы Пія IX написалъ французскій графъ Делоргъ. Но если мы ихъ отбросимъ, то опять-таки неизвѣстно будетъ, что было съ Колумбомъ отъ битвы при С. Винцентѣ до его перваго представленія ихъ королевскимъ величествамъ. Колумбъ самъ не оставилъ намъ никакихъ свѣдѣній о своей собственной ранней жизни, хотя, какъ его журналъ и письма показываютъ, онъ могъ бы написать прекрасные мемуары. Съ точностью Феннимора Купера и его же художественностью разсказываетъ онъ о буряхъ подъ тропиками, съ удивительнымъ краснорѣчіемъ, впадая иногда даже въ поэзію, говоритъ онъ о своихъ работахъ и невзгодахъ, о той неблагодарности, которою заплатили за его громадныя заслуги, но о томъ, что съ нимъ было въ ранній періодъ его жизни, о томъ онъ не позаботился написать и одной тирады, какъ будто онъ стѣснялся говорить объ этомъ, нарочно старался не допустить сюда много свѣта. Изъ-за этого-то скрытнаго желанія отца и сынъ не могъ намъ сообщить ни родины, ни родителей своего отца, и поэтому-то всѣ разсказы, какіе ходятъ о происхожденіи Колумба, одинаково неточны, одинаково недостовѣрны. Это Колумбъ легендарный, который родился въ Генуѣ, въ «семьѣ честной, но бѣдной», Колумбъ историческій извѣстенъ лишь со времени битвы при С. Винцентѣ.

Какъ явилась у бывшаго морскаго разбойника мысль объ экспедиціи? Онъ былъ человѣкъ необразованный, полуварваръ, и едва ли могъ путемъ книжнымъ дойти до этого. Но зато въ мысль его легко должны были запасть наблюденія и разсказы, собранные на далекихъ поѣздкахъ, простиравшихся, по собственнымъ его словамъ, на сѣверъ за Исландію, на югъ къ берегамъ Африки; въ Португаліи затѣмъ, гдѣ онъ жилъ сравнительно долго, онъ могъ слышать и видѣть многое въ этомъ направленіи, да—въ концѣ концовъ и, помимо знаменитыхъ поѣздокъ викинговъ, Колумбъ, если неоспоримо и открылъ—въ истинномъ смыслѣ этого слова—Новый Свѣтъ для современниковъ, то былъ, всетаки, не первый, затронувшій берега его.

Есть извѣстіе, мало до сихъ поръ обращавшее на себя вниманіе [1]). Сохранился интересный путевой журналъ чешскихъ путешественниковъ князя Льва Тецеля и Шассекъ, которые въ 1466 г. посѣтили Испанію и Португалію. Они прошли отъ Праги до Брюгге и Фландріи, прошли всю Англію, гдѣ были любезнѣйшимъ образомъ приняты и сорвали тысячи поцѣлуевъ съ устъ прелестныхъ лэди двора Эдварда IV. Изъ Лондона направились они во Францію, гдѣ видѣли Людовика XI, запуганнаго, сидѣвшаго за массою запоровъ; посѣтили благороднаго Ренé Анжуйскаго въ Сомюрѣ — артиста, который рисовалъ рябчика, когда ему донесли о потерѣ

---

[1]) H. Lawrence, l. c., p. 736, a tradition that seews to have escaped notice...

имъ Неаполитанскаго королевства, и который преспокойно продолжалъ его дорисовывать. Пришли они наконецъ и въ Испанію, видѣли ея бѣдствія и горе, ея голодающій, мрачный народъ, ея подкупныхъ поповъ и дикихъ королей, отправились поклониться Св. Іакову въ Кампостелью и, наконецъ, достигли береговъ океана. Здѣсь, въ виду загадочной развернувшейся на западъ пучины водъ, они услыхали разсказъ о трехъ корабляхъ, направившихся въ это море, изъ которыхъ лишь одинъ воротился. Посланы они были королемъ португальскимъ и три года блуждали по океану. Воротившійся корабль привезъ съ собою еле десятую часть экипажа, измученную и усталую отъ скитаній, которая разсказала странныя вѣсти о новыхъ странахъ, найденныхъ ею въ Атлантикѣ, о чудовищахъ и дикаряхъ, покрывавшихъ ихъ дальные берега. Этотъ разсказъ относится къ 1466 г. задолго до того времени, когда Колумбъ могъ задумать свою экспедицію.

Есть и другое извѣстіе, которое, однако, мало завѣрено и многими отвергается, хотя современники ему довѣряли. Разсказывали о каравелѣ, которая, на пути изъ Испаніи въ Англію, была далеко угнана въ океанъ и наконецъ пришла къ неизвѣстной странѣ. Она пришла, разсказывали, къ далекой гавани, но многіе изъ экипажа перемерли на пути; лишь рулевой и немногіе матросы спаслись и воротились обратно. Они пришли въ домъ Колумба на о-вѣ Мадейрѣ (послѣдній жилъ одно время у своего тестя) и умерли здѣсь, оставивъ будущему адмиралу свои карты, письма и записки о видѣнномъ на океанѣ.

Этихъ и подобныхъ разсказовъ сохранилось не мало и они немного уясняютъ намъ ту удивительную настойчивость, съ которою Колумбъ стремился къ осуществленію своего плана, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Фернандо и Изабелла испанскіе имъ заинтересовались, привлеченные, конечно, не въ малой степени и самой необычайной личностью этого отставнаго корсара, взявшаго на себя выполненіе одной изъ передовыхъ мыслей вѣка.

Сынъ адмирала описываетъ намъ его внѣшность въ это время. Онъ былъ высокаго роста, съ благородными тонкими чертами лица, свѣтлыми глазами, орлинымъ носомъ и волосами на головѣ и бородѣ посѣдѣвшими во время его раннихъ скитаній [1]). Это и все, что мы знаемъ о внѣшности Колумба. Въ Испаніи было много живописцевъ въ это время, достаточное количество портретовъ современниковъ сохранено ими, но никто изъ нихъ не догадался увѣковѣчить на полотнѣ черты лица замѣчательнѣйшаго человѣка той эпохи. Впослѣдствіи, конечно, и вплоть до настоящаго времени стали появляться и появляются въ довольно значительномъ коли-

---

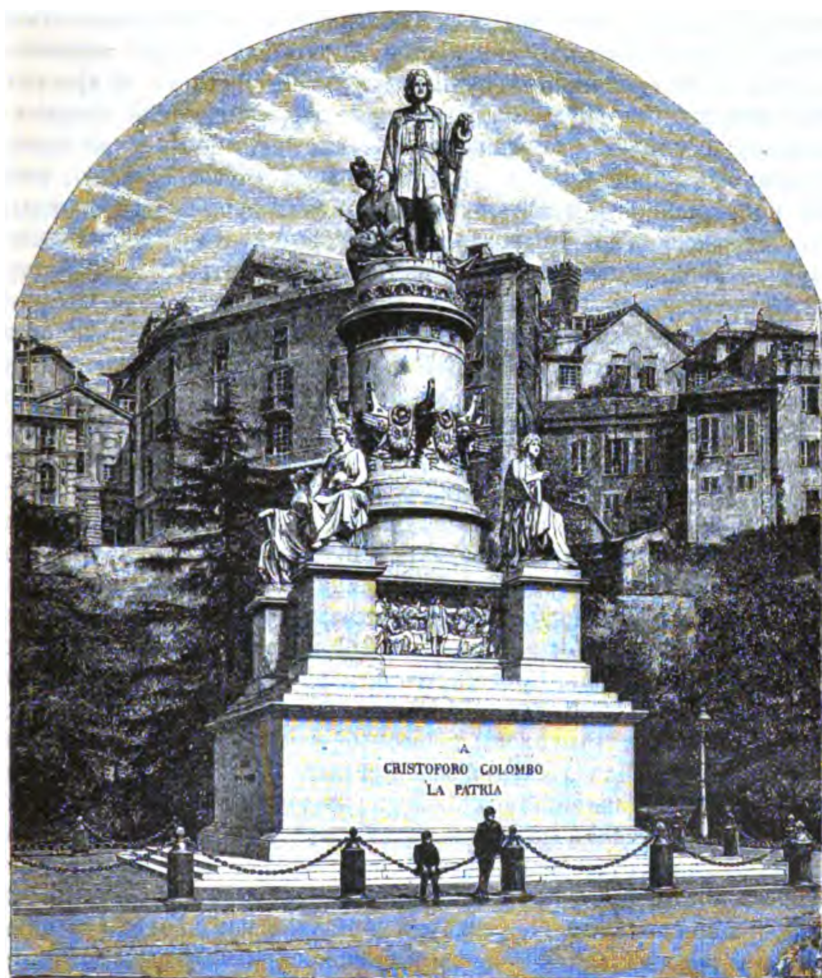
[1]) Съ послѣднимъ фактомъ, какъ увидимъ ниже, стоятъ въ странномъ противорѣчіи слова самого Колумба.

Смерть Колумба.

честве его изображенія, претендующія на сходство. Даваемый нами здѣсь портретъ, отличается лишь тѣмъ, что онъ распространеннѣе и популярнѣе другихъ: на самомъ дѣлѣ и онъ не портретъ, въ собственномъ смыслѣ, а идеальное воспроизведеніе Колумба, какимъ онъ, по представленію художника, «долженъ былъ быть». Выдаваемый за настоящій еще въ недавнее время портретъ кисти Антоніо Мора не можетъ похвастаться и этой популярностью. Что касается статуй знаменитаго адмирала, которыхъ множество и въ Старомъ и въ Новомъ Свѣтѣ, то онѣ еще менѣе могутъ претендовать на то, что представляютъ подлинныя черты Колумба. На этотъ счетъ разсказывается довольно характерный американскій анекдотъ о памятникахъ Колумбу въ Бостонѣ и С.-Луи.

Когда въ послѣднемъ городѣ происходило торжественное открытіе памятника, одинъ изъ многочисленныхъ ораторовъ выразился слѣдующимъ образомъ: «Многіе могутъ сказать намъ, что лице Колумба въ дѣйствительности было не то, какое воспроизведено нашимъ художникомъ. Это, однако, дѣло вовсе не важное. Мы съ гордостью можемъ возразить, что такимъ Провидѣніе должно было создать его, если оно имѣло въ виду, что онъ откроетъ Америку». Бостонская газета «Boston Record», воспроизводя это извѣстіе, прибавила отъ себя: «Къ сожалѣнію, мы, бостонцы, не можемъ похвастаться такимъ громаднымъ преимуществомъ. Но зато у насъ на городской площади есть статуя, представляющая Колумба, какимъ онъ былъ бы, не удайся ему открыть Америку!»

Возвратимся, однако, къ самому адмиралу. «Послѣ того какъ ваши высочества, — пишетъ онъ въ отчетѣ о своемъ путешествіи королевской четѣ,—въ настоящемъ 1492 году покончили войну съ царившими въ Европѣ маврами и заключили миръ въ великомъ городѣ Гренадѣ, я, въ томъ же году, 2-го января, видѣлъ, какъ силою оружія королевское знамя вашихъ высочествъ развѣвается надъ башнями Альгамбры и видѣлъ, какъ царь мавровъ выѣзжаетъ изъ воротъ своего города и цѣлуетъ руки вашихъ высочествъ. Въ томъ же мѣсяцѣ ваши королевскія высочества, въ качествѣ католическихъ христіанъ, цѣнителей и распространителей святой Христовой вѣры и враговъ мусульманства и всякой ереси и идолослуженія, соизволили меня, Христофора Колумба, послать въ Индійскія страны, о которыхъ я доставилъ свѣдѣнія вашимъ высочествамъ, и дать мнѣ порученія къ Великому Хану, на нашемъ языкѣ, зовущемуся царемъ царей... Ваши высочества рѣшили меня, Христофора Колумба, послать въ означенныя страны Индіи и узнать тамъ князей, народы и государства, изслѣдовать ихъ обстоятельства, ихъ обычаи и наклонности, чтобы извѣстно было, какъ поступить для введенія туда нашей святѣйшей вѣры. Вы приказали мнѣ не такъ, какъ обыкновенно, сушею отправиться на востокъ, а отыскивать Индію на западѣ по морскому пути, чего



Памятникъ Колумбу въ Генуѣ.

до сихъ поръ никто еще, на сколько извѣстно, не пробовалъ... Я оставилъ городъ Гренаду въ субботу 12-го мая 1492 года и прибылъ въ г. Палосъ, имѣющій морскую гавань, оттуда я снарядилъ три очень годныхъ для этого путешествія судна; въ пятницу 3-го августа я оставилъ гавань, снабженный провіантомъ и достаточнымъ числомъ моряковъ».

Ни одно еще судно въ предшествовавшихъ экспедиціяхъ такъ долго не оставалось на открытомъ морѣ, какъ три каравелы, великаго адмирала: прошелъ весь августъ, потянулся затѣмъ сентябрь,

начались первые дни октября и все еще не показывалось берега. Нельзя безъ сильнаго впечатлѣнія читать самый простой, безъискусственный разсказъ объ этомъ знаменитѣйшемъ изъ всѣхъ путешествій. Плохо снаряженныя для трудностей такого пути суда; экипажъ, большею частью комплектованный изъ преступниковъ и арестантовъ; начальники двухъ малыхъ каравелъ, завидующіе главному адмиралу; послѣдній, всѣмъ почти ненавистный, но въ то же время страшный бывшій корсаръ Колумбъ; а съ другой стороны: вѣчный попутный легкій вѣтеръ, смѣющаяся лазурь океана, каждый вечеръ разносящіеся съ кораблей по морской глади звуки Salve Regina, устремленный вдаль взоръ сторожеваго матроса, жадно ищущій признаковъ суши. Наконецъ въ ночь на 12-е октября стараго стиля—въ то время всѣ еще считали по старому стилю—съ высоты мачты раздается радостный кликъ матроса Родригеца Вермейо: «Земля!»

Новый Свѣтъ былъ открытъ.

... 15 апрѣля 1493 г. Христоваль Колонъ, великій адмиралъ океана и вице-король Индіи, повергалъ въ Барцелонѣ къ ногамъ Фернандо и Изабеллы сокровища новооткрытыхъ странъ и впервые взорамъ изумленныхъ государей предстали полунагіе, изукрашенные перьями дикари, новые подданные Испаніи...

Новый міръ развернулся передъ глазами кастильцевъ, которые и набросились на всѣ представлявшіяся имъ блага съ жадностью, не знавшею предѣловъ. Кастильцы застали на дѣвственномъ материкѣ роскошную природу, изобильные лѣса, изобиліе растеній, роскошнѣйшіе невиданные плоды древесные, какихъ не ожидали встрѣтить и въ раю. Ихъ гостепріимно принялъ въ свою среду народъ, правда, дикій, не знавшій успѣвшихъ уже народиться плодовъ европейскаго просвѣщенія, но зато и незлобивый, добродушный, уважавшій ихъ, какъ существа высшей породы. Что могло выйти изъ столкновенія этихъ двухъ разнородныхъ элементовъ — пришлой, жадной, лѣнивой стаи кастильцевъ и наплывшаго вслѣдъ за ними разнаго сброда съ одной стороны и безпомощныхъ американцевъ съ другой—указать легко. Началась погоня за золотомъ, за землями, за ничего не стоившими рабами для обработки полей: вѣдь унизительно же было работать самимъ гидальго, — и заглохли навсегда индѣйскія деревни, погибли ихъ своеобразныя селенія, печально покончились на Гаити ихъ веселыя пляски подъ пѣсни царицы-поэтессы Анакоаны, и водворился на мѣстѣ всего этого кнутъ испанца-рабовладѣльца. Погибли пять многолюдныхъ государствъ, исчезли кацики, всѣ вассалы древняго рода царей Испаньолы и еще раньше своего народа погибла Анакоана, Эгерія Гаити, мученіемъ, позоромъ и смертью награжденная за свое благородное довѣріе и царское гостепріимство. Безутѣшное горе и страхъ овладѣли разсѣянными остатками погубленныхъ племенъ. Сначала мас-

совыя избіенія, правильныя битвы, гдѣ вооруженные огненнымъ боемъ десятки испанцевъ бились съ сотнями и тысячами американцевъ, затѣмъ пошло медленное, ежедневное, холодное человѣкоубійство, надрывающіе силы труды въ рудникахъ и на плантаціяхъ. Падаетъ ли на великаго адмирала вина во всѣхъ этихъ насиліяхъ? Бывшій морской разбойникъ, человѣкъ съ молодыхъ лѣтъ убившій въ себѣ состраданіе, не могъ быть лучше своего вѣка, того вѣка, когда «добрый король» Luys Unze во Франціи артистически душилъ и рѣзалъ непокорныхъ, на папскомъ престолѣ сидѣлъ развратникъ и профессіональный отравитель, а равнины Англіи были свидѣтелями безчисленныхъ злодѣяній при Эдвардѣ II, Ричардѣ III и Генрихѣ Тюдорѣ. Мы и знаемъ дѣйствительно, что адмиралъ самъ показалъ примѣръ продажи людей, которыхъ онъ для почину шестьсотъ нагрузилъ на корабль, пошедшій при первомъ же сильномъ вѣтрѣ ко дну со всѣмъ своимъ живымъ грузомъ. Онъ заковывалъ ихъ въ цѣпи, рѣзалъ имъ руки и ноги за провинности, воспользовался даже измышленною басиею о людоѣдахъ-караибахъ съ тѣмъ, чтобы уже безъ всякаго стѣснѣнія продавать несчастныхъ туземцевъ на горе и гибель. Всѣхъ этихъ его поступковъ нельзя отрицать, хотя ихъ и стараются замолчать панегиристы адмирала, но тѣмъ не менѣе въ общемъ Колумбъ былъ человѣчнѣе многихъ изъ другихъ участниковъ экспедиціи, потому что былъ умнѣе ихъ. Жестокость его никогда не была безцѣльной, всегда онъ имѣлъ въ виду при этомъ успѣхъ своихъ начинаній и лишь для приведенія ихъ въ исполненіе ему ничего не значили десятки и сотни жизней. Но уже изъ современниковъ многіе осуждали Колумба, и не послѣдній изъ этихъ судей, знаменитый другъ человѣчества, Ласъ Казасъ. Въ написанной имъ біографіи адмирала онъ не находитъ достаточно словъ для осужденія великаго адмирала, и посыпавшіяся подъ конецъ жизни на послѣдняго невзгоды считаетъ должнымъ возмездіемъ за все то зло, которое этотъ человѣкъ принесъ Западной Индіи.

Сами по себѣ эти несчастія послѣднихъ годовъ одинъ изъ многихъ фактовъ, которые весьма трудно объяснить, въ біографіи перваго вице-короля Западной Индіи. Трогательная, такъ часто обработанная для дѣтскихъ разсказовъ, исторія о возмутительной неблагодарности къ человѣку, облагодѣтельствовавшему міръ расширеніемъ его предѣловъ, разсказъ о тѣхъ цѣпяхъ, которыя наложили на руки великаго адмирала и которыя тотъ позже для горестнаго воспоминанія хранилъ на стѣнѣ своей комнаты,—все это вещи не совсѣмъ ясныя, загадочныя и сильно нуждающіяся въ критической провѣркѣ. Какъ все это пришло къ такому концу, за что всѣ эти бѣдствія обрушились на голову пожизненнаго вице-короля Индіи? Фактъ лишь тотъ, что послѣднія письма Колумба полны горькихъ жалобъ

на судьбу. «Двадцать восемь лѣтъ [1]) отъ роду, — пишетъ онъ королю, въ послѣднюю свою поѣздку изъ Америки,—было мнѣ, когда я пришелъ къ вашему двору, а теперь нѣтъ волоса на моей головѣ, который бы не побѣлѣлъ уже. Я боленъ, издержалъ все, что у меня было, и къ позору нашему, у меня и братьевъ моихъ до послѣдняго плаща забрано все, продано и теперь не слыхать ни о чемъ этомъ... Я такъ несчастливъ, какъ я пишу: до сихъ поръ плакалъ я о другихъ, теперь же пусть небо умилосердится надо мною и земля обо мнѣ плачетъ. Что касается мірскаго, то нѣтъ у меня и мелкой монеты, чтобы подать милостыни, а духовнаго я также лишился, находясь въ Индіи. Одинокій въ моемъ горѣ, ежечасно ожидая смерть, окруженный милліонами дикихъ, враждебно настроенныхъ противъ меня, я такъ далекъ отъ причастія нашей святой церкви, что о моей душѣ забудется, какъ только она отойдетъ отъ моего тѣла. Стоитъ всякому, кто милосердъ и любитъ правду и справедливость, поплакать обо мнѣ». Послѣднія письма Колумба всѣ исполнены этой сдержанной желчи и горя, которыя чувствуются въ этомъ произведеніи. Его вѣчно порывавшійся впередъ, вѣчно напряженный духъ былъ надломленъ. Послѣднія его два путешествія были предприняты въ своего рода безумномъ отчаяніи. Странное впечатлѣніе остается отъ чтенія его писемъ, описывающихъ эти путешествія: кое-гдѣ блеститъ во всей своей прежней силѣ острый умъ героя новой Индіи, то, однако, цѣлыми страницами тянутся написанные какъ бы въ безумномъ бреду неправдоподобные разсказы и дикія гипотезы [2]). Ясно, что частая, подъѣдавшая сердце забота омрачила въ концѣ концовъ его дѣятельный умъ. Но тѣмъ не менѣе эти путешествія, полныя горя, страданій, невзгодъ, кораблекрушеній, предпринятыя въ преклонномъ возростѣ, кажутся еще удивительнѣе, чѣмъ первыя...

Съ надломленными силами, измученный тѣлесно и душевно, воротился Колумбъ изъ послѣдняго своего путешествія, чтобы умереть въ кругу своихъ друзей-францисканцевъ, въ орденъ которыхъ онъ поступилъ подъ конецъ жизни, 21-го мая 1506 г. До насъ дошло письмо его, написанное незадолго до смерти; замѣчательно, что въ припискѣ къ нему, выведенной дрожащими чертами нѣкогда столь могучей рукой, упоминается тотъ, именемъ котораго былъ названъ новый материкъ: Колумбъ черезъ Америго Веспуччи передавалъ небольшое порученіе своему сыну Фернандо.

Колумбъ — надо замѣтить — умеръ въ полной увѣренности, что открылъ восточные берега Индіи; нельзя поэтому назвать несправедливостью, что Новый Свѣтъ былъ названъ именемъ человѣка,

---

[1]) Вѣроятно, описка: онъ былъ несомнѣнно старше.

[2]) Напримѣръ, о грушевидности земли. Вообще объ этомъ Sophus Ruge Christoph Columbus, 1892.

впервые его хорошо изслѣдовавшаго, впервые опредѣлившаго его главныя черты. Великій же адмиралъ умеръ, не подозрѣвая того, что открылъ цѣлую новую часть свѣта, страну, откуда перешли къ намъ столь разнородныя вещи, какъ гаванскія сигары, картофель, «дурная» болѣзнь, принципы правъ человѣка и уваженіе къ доллару.

А. Л.

„БОЛЬНОЙ ЧЕЛОВѢКЪ".

(Діагнозъ его недуга).

ОСВОБОЖДЕНІЕ болгаръ привело, какъ всѣмъ еще памятно, русское общество или, по крайней мѣрѣ, часть его къ довольно неожиданному выводу. Увлеченіе наше освободительною миссіею, понятно, предполагало крайне угнетенное и бѣдственное положеніе братскаго народа; но когда мы лично ознакомились съ его житьемъ-бытьемъ, оказалось, что онъ живетъ, пожалуй, лучше нашего народа, и что поэтому о немъ особенно жалѣть не приходится. Вмѣстѣ съ тѣмъ и освободительная миссія пріобрѣтала какой-то своеобразный характеръ: живется намъ хуже, чѣмъ «братушкамъ», а мы расходуемъ кровныя русскія деньги и жертвуемъ жизнію сыновъ Россіи, чтобы помочь тому, кто счастливѣе насъ.

Выводъ этотъ значительно дискредитировалъ такъ называемую освободительную миссію въ глазахъ нашего общества, тѣмъ болѣе, что затѣмъ невѣроятная неблагодарность «братушекъ» проявилась во всемъ своемъ блескѣ,—и мы въ душѣ рѣшили, что война 1877—78 гг. была крупною національною ошибкою, и что намъ теперь благоразумнѣе всего воздержаться отъ всякаго вмѣшательства въ болгарскія дѣла и, такъ сказать, махнуть на Болгарію разъ навсегда рукою: живите, молъ, себѣ, а мы съ вами возиться уже не будемъ, да и знать васъ вовсе не хотимъ.

Получилось такимъ образомъ оригинальное, чисто-русское явленіе. Сперва мы проливали потоки крови, тратили громадныя суммы денегъ, подрывали наше благосостояніе, увлекались громкою идеею,

шумѣли, восторгались, чувствовали себя героями,—и все это вдругъ смѣнилось разочарованіемъ, апатіею, прострацiею: вчерашніе герои оказывались жалкими людишками, не умѣющими сообразить самыхъ простыхъ вещей.

Но хотя это явленіе и соотвѣтствуетъ на первый взглядъ слишкомъ хорошо извѣстной національной нашей чертѣ, оно на самомъ дѣлѣ не имѣетъ того общаго характера, который ему многіе склонны приписывать. Во-первыхъ, совершенно невѣрно, будто бы Россія легко рѣшилась на освободительную войну, увлекаясь только мыслью о несчастномъ положеніи братскаго народа; напротивъ, война эта была предпринята съ очень тяжелымъ сердцемъ, и было сдѣлано все, чтобы ея избѣгнуть. Во-вторыхъ, говорить тутъ объ увлеченіи вообще трудно: этого рода увлеченія свойственны уже русскому народу и государству на протяженіи цѣлыхъ двухъ столѣтій. Въ-третьихъ, если матеріальныя условія, въ которыхъ жилъ болгарскій народъ до освободительной войны, и были, можетъ быть, до извѣстной степени лучше, чѣмъ окружающіе нашъ народъ, то и звѣрства, совершенныя турками въ Болгаріи, засвидѣтельствованы столь авторитетно, что сомнѣваться въ нихъ нѣтъ возможности. Словомъ вопросъ рѣшается далеко не такъ просто. Въ самомъ дѣлѣ, Россія уже втеченіе двухъ вѣковъ ведетъ войны съ Турціею; каждое поколѣніе выдерживало одну, а иногда и двѣ войны съ этимъ государствомъ. Мы воевали съ нимъ и при Петрѣ Великомъ, и при Аннѣ Іоанновнѣ, и при Екатеринѣ II, и при Александрѣ I, и при Николаѣ, и при Александрѣ II,—и тѣмъ не менѣе мы все еще склонны думать, что каждая изъ этихъ войнъ вызывалась чисто-временными причинами, а не общими историческими условіями, неотразимо дѣйствовавшими при самомъ различномъ настроеніи какъ правительства, такъ и общества. Великіе преобразователи Россіи и государи, въ царствованія которыхъ происходила пріостановка въ поступательномъ ея движеніи, одинаково воевали съ Турціею, миролюбивыя и воинственныя правительства ей одинаково объявляли войну. Мало того, были періоды, когда руководящія сферы и общество, повидимому, менѣе всего увлекались восточною политикою и желаніемъ вмѣшиваться въ дѣла Балканскаго полуострова, и тѣмъ не менѣе мы начинали войну. Особенно интересно въ этомъ отношеніи славянское движеніе второй половины семидесятыхъ годовъ. Я тогда, помню, руководилъ политическимъ отдѣломъ одной изъ нашихъ большихъ газетъ и, внимательно слѣдя за ходомъ международныхъ событій, ясно видѣлъ приближающуюся грозу. Но когда я сталъ высказываться въ этомъ смыслѣ въ газетѣ и открылъ въ ней спеціальную рубрику подъ заглавіемъ «Боснія и Герцеговина» (въ 1875 г.), меня со всѣхъ сторонъ провозгласили шовинистомъ, безъ всякой надобности вызывающимъ тревогу. И неудивительно. Въ этотъ моментъ могло

казаться совершенно невѣроятнымъ, чтобы возгорѣлись серьезныя международныя замѣшательства изъ-за Bischen Herzegowina, какъ выразился князь Бисмаркъ, заинтересованный въ томъ, чтобы до поры до времени скрыть приближавшуюся опасность. Это было время разгара западническаго направленія, о славянахъ говорили съ ироніею, публика съ большимъ сочувствіемъ читала произведенія, въ родѣ остроумнаго романа П. Д. Боборыкина: «Докторъ Цыбулька». Словомъ казалось совершенно невѣроятнымъ, чтобы именно въ такой моментъ мы находились наканунѣ новой турецкой войны. Но вдругъ картина совершенно измѣнилась. Въ самомъ обществѣ къ удивленію печати, воображавшей себя его руководительницею, произошелъ внезапный поворотъ въ пользу славянскихъ увлеченій, и печати пришлось считаться съ этимъ настроеніемъ, шедшимъ въ разрѣзъ съ недавними взглядами общества, или даже подчиниться ему. Мы не думаемъ ошибиться, сказавъ, что и для руководящихъ сферъ возбужденіе восточнаго вопроса въ этотъ моментъ было неожиданностью, и что онѣ были вовлечены въ войну силою обстоятельствъ, а не собственнымъ желаніемъ: весь ходъ дипломатическихъ переговоровъ убѣждаетъ въ этомъ всякаго компетентнаго изслѣдователя тогдашнихъ событій.

Переоцѣнка собственнаго вліянія и силъ тѣмъ болѣе свойственна данному обществу, чѣмъ менѣе оно зрѣло въ политическомъ отношеніи. Забываются или игнорируются условія, въ которыя поставлена страна, вѣковыя ея историческія задачи, народныя традиціи и интересы,—словомъ вся совокупность силъ, средствъ, стремленій, создающихъ исторію, и незначительная горсть интеллигентныхъ людей воображаетъ, что она-то и дѣлаетъ исторію. Очень странное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень распространенное заблужденіе! Мы видимъ, напримѣръ, что движеніе шестидесятыхъ годовъ въ широкомъ значеніи этого слова, то-есть на сколько въ немъ приняли участіе всѣ факторы народной жизни, признается чѣмъ-то исходившимъ исключительно отъ небольшой группы лицъ, стоявшихъ во главѣ либо тогдашняго правительства, либо общества. Это особенно можно сказать о центральной реформѣ того времени: объ освобожденіи крестьянъ. А между тѣмъ компетентные историки не рѣшатся утверждать, что эта реформа, а вмѣстѣ съ нею и остальныя, менѣе существенныя, возникли вдругъ, какъ Минерва изъ головы Юпитера, а не были подготовлены втеченіе очень продолжительнаго времени смѣнявшимися поколѣніями. Не будемъ говорить уже о нашемъ правительствѣ, какъ извѣстно, озабоченномъ со временъ Екатерины болѣе или менѣе жгучимъ вопросомъ объ отмѣнѣ крѣпостнаго права. Тутъ преемственность исторической задачи бросается въ глаза. Но и общество прониклось сознаніемъ въ необходимости этой реформы только послѣ длинной подготовительной работы. Опытъ всѣхъ народовъ убѣдилъ насъ въ неиз-

бѣжности обновленія основъ нашего экономическаго и соціальнаго строя, и поэтому было бы, конечно, совершенно невѣрно смотрѣть на реформы прошлаго царствованія, какъ на произвольное и слѣдовательно отмѣнимое дѣйствіе той или другой группы общественныхъ и государственныхъ дѣятелей. То же можно сказать и о веденныхъ нами съ Турціею войнахъ. Возлагать отвѣтственность за нихъ на то или другое поколѣніе значитъ упускать изъ виду, что эти войны постоянно повторялись втеченіе двухъ вѣковъ и слѣдовательно составляютъ явленіе, обусловливаемое какими-то общими причинами, которымъ вынуждены подчиняться смѣняющіяся поколѣнія даже тогда, когда они къ этому вовсе не расположены. Это, однако, не фатализмъ. Боже, насъ избави отъ подобнаго взгляда на дѣло! Нѣтъ, мы хотимъ только сказать, что въ такихъ огромныхъ вопросахъ, какъ созданіе внѣшнихъ и внутреннихъ условій, благопріятствующихъ нормальному развитію и процвѣтанію цѣлаго народа, усилія одного поколѣнія не могутъ быть рѣшающими, что требуется дружная и цѣлесообразная работа тѣмъ большаго числа поколѣній, чѣмъ сложнѣе и труднѣе данный вопросъ. Если реформы прошлаго царствованія могли осуществиться только послѣ продолжительной работы нѣсколькихъ поколѣній, то и окончательное прекращеніе нашихъ войнъ съ Турціею состоится лишь тогда, когда усилія многихъ поколѣній, направленныя къ созданію общихъ международныхъ условій, устраняющихъ необходимость въ этихъ войнахъ, увѣнчаются успѣхомъ. Понятно, что цѣль эта тѣмъ скорѣе будетъ достигнута, чѣмъ энергичнѣе и искуснѣе примутся за ея достиженіе смѣняющіяся поколѣнія. Поэтому дѣятели, проповѣдующіе полную индиферентность въ восточномъ вопросѣ, совершаютъ крупную ошибку: они этого вопроса не устранятъ и достигнутъ только того, что мы окажемся совершенно неподготовленными въ тотъ моментъ, когда не зависящія отъ насъ событія его вновь поставятъ на очередь и выдвинутъ съ неотразимою силою. Думать же, что такихъ событій быть не можетъ, что они находятся въ нашей волѣ, — значитъ ставить всю исторію въ зависимость отъ одного поколѣнія: дескать, захотимъ, и все пойдетъ иначе. Это иначе составляетъ уже самомнѣніе, не оправдываемое ни здравымъ смысломъ, ни историческимъ опытомъ. Даже такіе крупные перевороты, совершенные однимъ поколѣніемъ, какъ великая французская революція, въ сущности подготовлялись цѣлымъ рядомъ поколѣній, а результаты ихъ оказывались устойчивыми лишь на столько, на сколько эти результаты сами встрѣчали подготовленную почву. Если основною цѣлью этой революціи считать, напримѣръ, установленіе политической свободы, то она, какъ извѣстно, не была достигнута, и потребовалась еще работа нѣсколькихъ поколѣній, чтобъ достигнуть предположенной цѣли.

Съ этой точки зрѣнія намъ представляются весьма наивными

и разсужденія лицъ, которыя, исходя изъ того факта, что «братушки» пользовались въ 1877—78 гг. бо́льшимъ благосостояніемъ, чѣмъ нашъ крестьянинъ, дѣлаютъ выводъ, что намъ нечего было оказывать помощь Болгаріи, и что тогдашняя война была крупною національною ошибкою. Еще наивнѣе представляются намъ всѣ разсужденія, въ основаніи которыхъ лежитъ мысль, что Турція въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ является государствомъ, довольно благоустроеннымъ и что мы не только не имѣемъ права гордиться передъ нею, но, наоборотъ, должны чуть ли не поучаться у нея. Эта мысль была вызвана, какъ извѣстно, тѣмъ обстоятельствомъ, что у турокъ были магазинныя ружья, да и военная ихъ организація оказалась будто бы болѣе совершенною. Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ сквозитъ все то же непониманіе общихъ историческихъ условій. Когда мы рѣшились на послѣднюю борьбу съ Турціею, мы, конечно, не наводили справокъ относительно матеріальнаго благосостоянія болгаръ,—не наводили потому, что этотъ вопросъ имѣлъ развѣ весьма отдаленное отношеніе къ истиннымъ причинамъ, заставившимъ насъ обнажить мечъ. Не задавались мы имъ и тогда, когда содѣйствовали освобожденію грековъ, румынъ, сербовъ, когда втеченіе вѣковъ освобождали постепенно отъ турецкаго владычества на собственную и чужую пользу много земель въ Европѣ и Азіи. Тутъ дѣйствовала совокупность общихъ причинъ, вызвавшихъ постепенное разложеніе или крушеніе многихъ другихъ государствъ. Ужъ на что, напримѣръ, благосостояніе Рима или Византійской имперіи было значительнѣе благосостоянія тѣхъ варварскихъ народовъ, которые вызвали ихъ крушеніе, а между тѣмъ они не уцѣлѣли и распались, не смотря на все ихъ культурное и военное могущество. Сопоставлять въ этомъ отношеніи Турецкую имперію съ Римомъ и Византіею, конечно, нельзя, но и Турція была чрезвычайно могущественнымъ государствомъ и внушала всей Европѣ страхъ своими военными подвигами. Остатки этого могущества, правда, довольно скромные, сохранились и до сихъ поръ и выразились въ силѣ сопротивленія, оказаннаго намъ во время послѣдней русско-турецкой войны. Вопросъ тутъ, понятно, далеко не исчерпывается снабженіемъ нѣкоторыхъ частей турецкой арміи магазинными ружьями на англійскія деньги. Это вопросъ сравнительно второстепенный, по своему значенію далеко уступающій вопросу о тѣхъ общихъ условіяхъ, которыя позволяютъ Россіи постепенно развивать и расширять свое государственное могущество и, наоборотъ, приводятъ Турцію роковымъ образомъ къ разложенію. Въ виду этихъ общихъ условій, конечно, болѣе чѣмъ наивно пріурочивать наши войны съ нею къ вопросу о большемъ матеріальномъ благосостояніи болгаръ, указывать на болѣе совершенную военную организацію Турціи или совѣтовать намъ брать съ нея примѣръ.

Подъ этими общими условіями скрывается прежде всего полная политическая несостоятельность Турціи, подтвержденная исторіею этого государства. Разложеніе его прогрессируетъ чрезвычайно быстро. Что сохранилось отъ прежней Турціи, владѣвшей недавно еще всѣмъ Балканскимъ полуостровомъ? Жалкіе остатки. Въ этомъ историческомъ явленіи никакъ нельзя усматривать исключительно послѣдствіе стремленія Россіи или другихъ европейскихъ державъ расширить свои територіальныя владѣнія на счетъ Турціи и приблизиться къ Константинополю. Конечно, это стремленіе существуетъ, но оно встрѣчаетъ рѣшительное противодѣйствіе не только со стороны Турціи, но и со стороны всѣхъ державъ, не принимающихъ въ данный моментъ участія въ нападеніи на Турцію. Такимъ образомъ послѣдняя всегда находитъ себѣ могущественныхъ союзниковъ, и при такихъ условіяхъ она могла бы, конечно, не только съ успѣхомъ поддерживать свое политическое существованіе, но и жить въ полной безопасности безъ особеннаго напряженія своихъ боевыхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и финансовыхъ средствъ. На самомъ дѣлѣ она истощается, потому что ей необходимы громадныя и, можно даже сказать, непосильныя военныя средства не только для отраженія внѣшнихъ враговъ, но и для огражденія внутренней безопасности противъ собственныхъ народовъ, христіанъ и мусульманъ въ равной мѣрѣ. Возмущенія, возстанія, заговоры, вооруженные безпорядки, составляютъ обычное явленіе въ Турціи и повторяются ежегодно, а иногда и два-три раза въ годъ. Приписывать всю эту внутреннюю безурядицу, всю эту административную и финансовую несостоятельность иностраннымъ наущеніямъ, подпольной интригѣ враговъ Турціи — просто смѣшно. Чѣмъ, напримѣръ, виноваты другія государства, что на островѣ Критѣ то и дѣло происходятъ безпорядки, и что Турція никакъ не можетъ съ ними справиться? Не видѣли ли мы, что въ позапрошломъ и прошломъ году, когда опять чуть было не разразилось одно изъ кандіотскихъ возстаній, всѣ кабинеты съ одинаковымъ усердіемъ совершенно искренно старались умиротворить островъ и убѣдить его несчастное населеніе въ полной безцѣльности возстанія, такъ какъ при настоящихъ обстоятельствахъ Европа заинтересована въ устраненіи всего, что только можетъ служить поводомъ къ новому возбужденію восточнаго вопроса? Тѣмъ не менѣе Портѣ пришлось послать на островъ очень значительныя военныя силы. А прошлогоднее возстаніе въ Счастливой Аравіи, въ Іеменѣ, потребовавшее также большаго напряженія военныхъ силъ Турціи и вызвавшее опасный министерскій кризисъ? А вѣчные безпорядки курдовъ, безчинствующихъ въ Арменіи? Порта рѣшительно не въ состояніи справиться съ этимъ разбойническимъ племенемъ и даже вынуждена торжественно передъ лицемъ всей Европы оправдывать въ верховномъ судѣ атамана безчинствую-

щихъ разбойническихъ шаекъ, чтобъ не вызвать общаго возстанія. Но довольно и этихъ примѣровъ, чтобы составить себѣ ясное представленіе о внутреннихъ порядкахъ, царствующихъ въ Турецкой имперіи, и убѣдиться, что если она разлагается, то далеко не только вслѣдствіе иностранной интриги, вызываемой стремленіемъ европейскихъ державъ къ завладѣнію наслѣдствомъ «больнаго человѣка».

Однако, какъ съ турецкой стороны, такъ и со стороны многихъ европейскихъ публицистовъ постоянно дѣлаются попытки изобразить дѣло въ иномъ свѣтѣ и убѣдить общественное мнѣніе Европы, что въ сущности Турція управляется прекрасно и что еслибъ не европейская, въ томъ числѣ, понятно, и русская интрига, то страна эта процвѣтала бы и оправдывала бы мнѣніе тѣхъ русскихъ публицистовъ, которые утверждали, да и до сихъ поръ склонны утверждать, что турецкіе порядки во многихъ отношеніяхъ, пожалуй, лучше нашихъ. Это стремленіе извращать истинное положеніе дѣлъ объясняется разными побудительными причинами. Съ турецкой стороны имѣется въ виду убѣдить Европу, что Оттоманская имперія представляетъ собою жизненный организмъ, вполнѣ способный къ культурному развитію, и что поэтому нѣтъ никакого основанія для посторонняго вмѣшательства въ ея дѣла. Въ Европѣ же доказываютъ полную государственную состоятельность Турціи всякій разъ, когда ожидается вмѣшательство той или другой державы въ турецкія дѣла съ тѣмъ, чтобы предупредить это вмѣшательство, пока остальныя державы не сочтутъ нужнымъ сами приступить къ дѣйствію для огражденія своихъ собственныхъ интересовъ. Наконецъ, въ Россіи, какъ мы видѣли, одобряютъ турецкіе порядки изъ желанія оказать мнимую услугу торжеству либеральныхъ началъ, не понимая, что такой образъ дѣйствій наноситъ значительный ущербъ внѣшнимъ задачамъ нашего отечества на Востокѣ. Но какъ бы ни были разнообразны побудительныя причины этого очевиднаго извращенія истины, результатъ получается одинъ и тотъ же. Европейское общественное мнѣніе сбивается съ толку, и нормальное рѣшеніе восточнаго вопроса, встрѣчающее и безъ того столь значительныя препятствія, еще болѣе затрудняется. Въ самомъ дѣлѣ, если Турція представляетъ собою жизненный организмъ, вполнѣ способный къ нормальному развитію, то, очевидно, иноземное вмѣшательство въ ея дѣла не можетъ быть оправдано ни съ точки зрѣнія справедливости, ни съ точки зрѣнія международнаго права. Въ такомъ случаѣ Европѣ не оставалось бы ничего другаго, какъ предоставить Турцію самой себѣ и избѣгать всякаго вмѣшательства въ ея дѣла. Словомъ, надъ всей восточной политикой европейскихъ державъ былъ бы произнесенъ очень жестокій приговоръ, и она должна была бы подвергнуться коренному пересмотру, потому что въ осно-

ваніи ея лежитъ именно принципъ, что съ точки зрѣнія общечеловѣческой справедливости и международнаго права Европа несетъ прямую обязанность побуждать Порту нравственнымъ воздѣйствіемъ и даже, въ случаѣ надобности, вооруженною силою къ исполненію требованій гуманности и нормальнаго управленія народами, отъ исполненія которыхъ Турція отказывается вслѣдствіе своей неспособности къ усвоенію себѣ европейской цивилизаціи. Слѣдовательно, мы имѣемъ тутъ дѣло съ вопросомъ громадной принципіальной и практической важности, и всѣ попытки освѣтить его авторитетно съ полнымъ знаніемъ дѣла и съ возможною объективностью заслуживаютъ полнаго вниманія.

Новая интересная попытка этого рода принадлежитъ сотруднику «Economiste français» и редактору издававшагося въ Парижѣ журнала: «La Turquie contemporaine», г. Дмитрію Георгіадесу, натурализованному во Франціи греку. Натурализація его состоялась отчасти вслѣдствіе горячей и умѣлой защиты интересовъ Франціи на Востокѣ, которые онъ признаетъ во многихъ отношеніяхъ совпадающими съ интересами его бывшаго отечества. Его, однако, нельзя назвать туркофобомъ; напротивъ, онъ относится къ Турціи сочувственно и очень серьезно взвѣшиваетъ тѣ реформы, которыя могли бы если не увѣковѣчить политическое существованіе Турціи, то, по крайней мѣрѣ, значительно продлить его. Книга г. Георгіадеса [1]) старается намъ выяснить, на какихъ условіяхъ могли бы быть ограждены интересы Франціи на Востокѣ помимо крушенія Турецкой имперіи, то-есть при надлежащей ея реорганизаціи. Такова непосредственная задача, которую поставилъ себѣ авторъ. Но само собою разумѣется, что онъ, обсуждая этотъ сравнительно менѣе широкій вопросъ, долженъ былъ коснуться и общаго положенія Турціи, причемъ оказалось, что послѣднее и заключаетъ въ себѣ рѣшеніе вопроса, которому онъ собирался посвятить главнымъ образомъ свою книгу. Такимъ образомъ мы въ его книгѣ находимъ много данныхъ, освѣщающихъ современное положеніе Турціи, и эти данныя тѣмъ болѣе интересны, что авторъ, какъ человѣкъ, долго жившій въ Турціи и внимательне слѣдившій за ея общественною и государственною жизнью, сообщаетъ намъ далеко не одни книжныя и газетныя свѣдѣнія.

Къ какому же онъ приходитъ выводу? Во-первыхъ, вѣритъ ли онъ въ долговѣчность Турціи, или же признаетъ ее безнадежно-больною? Повидимому, онъ не отчаивается въ возможности спасти Турцію, но, всетаки, признаетъ ее трудно больною и поэтому требуетъ радикальныхъ средствъ леченія.

Познакомимся, однако, сперва съ его діагнозомъ недуга «больнаго человѣка». Чѣмъ же онъ боленъ? Беремъ наудачу нѣкоторыя

---

[1]) Demetrius Georgiades. La Turquie actuelle. Paris. C. Lévy. 1892.

мѣста изъ книги нашего автора. «Только десятая часть плодороднѣйшихъ земель обработывается. Остальныя девять десятыхъ лежатъ впустѣ. Самая прекрасная страна въ мірѣ превратилась въ пустыню: населеніе могло бы жить въ довольствѣ и даже богатѣть, а между тѣмъ оно на самомъ дѣлѣ по большой части голодаетъ... Эта обширная имперія представляетъ собою исполинскую развалину, а ея столица безпорядочное столпотвореніе мусора, соединеніе неслыханной роскоши и полнѣйшей нищеты... Народная масса коснѣетъ въ полнѣйшемъ невѣжествѣ... Она смотритъ на трудъ, какъ на наказаніе Божіе или на безчестіе... Невѣжество турецкой женщины равняется развѣ ея фанатизму. Дѣти воспитываются рабами или наемною прислугою... Незначительная горсть людей, изучающихъ экономическое положеніе страны, одни понимаютъ, что дѣло клонится къ страшному катаклизму... Народъ, задыхающійся въ тискахъ эксплоататоровъ, не можетъ ежегодно выплачивать сотни милліоновъ піастровъ налоговъ для удовлетворенія ненасытнаго Ильдизъ-Кіоска, не получая взамѣнъ ничего въ смыслѣ поднятія экономическаго уровня страны, ни для возстановленія государственнаго кредита... Когда видишь, что банкротства безпрерывно повторяются, что во всей администраціи царствуетъ полнѣйшая анархія, а цивильлистъ султана поглощаетъ почти всѣ доходы страны; когда убѣждаешься во-очію, что жалованіе всѣхъ должностныхъ лицъ задерживается иногда цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ изъ двѣнадцати, нельзя сомнѣваться, что банкротство неизбѣжно, и на этотъ разъ банкротство самое ужасное и окончательное... Двѣ трети всего бюджета поступаютъ во дворецъ, и ежегодный дефицитъ превышаетъ половину всѣхъ государственныхъ доходовъ... Во время послѣдней русско-турецкой войны изъ дворцовой прислуги былъ образованъ цѣлый полкъ, и тѣмъ не менѣе эта громадная убыль даже не была замѣтна: такъ значителенъ дворцовый служебный персоналъ... Въ Турціи существуютъ цѣлыя провинціи, напримѣръ, Сирія, гдѣ мусульмане и христіане не задумались бы вступить въ союзъ съ европейцами, чтобы свергнуть власть султана: такъ она невыносима... Нѣтъ существа болѣе несчастнаго, чѣмъ турецкій крестьянинъ; онъ даже несчастнѣе своего товарища христіанина, потому что страдаетъ не менѣе послѣдняго, а вступиться за него некому...».

Потребовалось бы слишкомъ много мѣста, чтобъ выписать всѣ характеристическія данныя изъ книги нашего автора, свидѣтельствующія о безотрадномъ положеніи Турецкой имперіи. Но уже и сдѣланныя нами выписки убѣдятъ читателя, что Георгіадесъ правъ, утверждая, что Турція находится наканунѣ страшнаго и, быть можетъ, окончательнаго банкротства. Она, въ полномъ смыслѣ этого слова, является не только «больнымъ, но и прямо «умирающимъ» человѣкомъ, и спрашивается только, какою она страдаетъ

болѣзнею, излечимою или неизлечимою? На этотъ счетъ показанія нашего автора не вполнѣ точны и опредѣленны. Повидимому, онъ усматриваетъ источникъ болѣзни преимущественно въ организаціи и дѣятельности центральнаго правительства.

«Въ прежнее время, — говоритъ историкъ Турціи виконтъ де-ла-Жонкьеръ,—оттоманское правительство было властью, умѣряемою фетвами муфтіевъ и возстаніями арміи. Теперь шейкъ-уль-исламъ — первый изъ слугъ падишаха, а турецкая армія возвела въ основной принципъ теорію пассивнаго повиновенія. Въ прежнее время отсрочка въ уплатѣ жалованья на нѣсколько дней вызывала возмущеніе, которое колебало престолъ и заставляло султана смиряться. Теперь офицеры и солдаты испытываютъ неслыханное промедленіе въ выдачѣ жалованья уже втеченіе трехъ лѣтъ, часто даже ничего не получаютъ. Солдаты ходятъ въ лохмотьяхъ, не имѣютъ обуви, и тѣмъ не менѣе они не жалуются и повинуются безропотно. Бюрократія замѣнила собою и улемовъ, и янычаръ. Она одна стоитъ лицомъ къ лицу съ всемогущимъ султаномъ». При такой неограниченной власти можно думать, что отъ султана и зависитъ процвѣтаніе или упадокъ государства, что если оно находится въ полномъ разложеніи, то виноватъ въ этомъ преимущественно самъ султанъ, и что еслибъ онъ пожелалъ, то Турція легко и скоро вышла бы изъ своего теперешняго отчаяннаго положенія. Но нашъ авторъ этого мнѣнія не придерживается. Онъ возлагаетъ главную вину за царящія въ Турціи неурядицы на приближенныхъ султана. Эти приближенные систематически обманываютъ своего повелителя и, чтобы заручиться вліяніемъ надъ нимъ, возбуждаютъ въ немъ чувство недовѣрія постоянными указаніями на подготовляемые заговоры. Они образовали олигархію временщиковъ, фаворитовъ и тунеядцевъ, живущихъ исключительно безпощадною эксплоатаціею угнетаемыхъ народовъ. Слѣдуя ихъ примѣру, и остальная администрація представляетъ собою картину страшной продажности и неслыханнаго нравственнаго упадка. Даже лица, въ частной жизни безусловно честныя, вынуждены, когда они поступаютъ на службу, либо присоединиться къ общему теченію продажности, либо выйти въ отставку. Поэтому «турецкій чиновникъ, будь онъ турокъ, грекъ, армянинъ, еврей или европеецъ, является, вообще говоря, самымъ презрѣннымъ представителемъ рода человѣческаго». Бакшишъ, какъ извѣстно, процвѣтаетъ на всѣхъ ступеняхъ турецкой административной іерархіи. Не даромъ уже Фридрихъ Великій говорилъ, что турокъ за деньги продастъ даже своего пророка. По этому поводу разсказываютъ слѣдующій анекдотъ: Схемси-паша, потомокъ одного изъ тѣхъ сельджукскихъ князей, которыхъ османы лишили владѣтельныхъ правъ, возвращаясь однажды домой, съ радостнымъ видомъ сказалъ своему старому слугѣ: «Я отомстилъ наконецъ династіи осма-

новъ за всѣ обиды, причиненныя моей династіи, и подготовилъ ея гибель».—«Какъ же вамъ это удалось?»—спросилъ удивленный слуга.—«Я заплатилъ султану сорокъ тысячъ червонцевъ за дарованіе мнѣ одной изъ своихъ милостей. Впредь самъ султанъ будетъ подавать примѣръ продажности, и она приведетъ его къ гибели». Пророчество Схемси-паши сбылось: продажность процвѣтаетъ въ турецкой администраціи, и послѣдствія ея ужасны. «Когда открывается какое нибудь мѣсто, начинается конкурренція, а вмѣстѣ съ нею безконечныя интриги. Каждый кандидатъ запасается покровителемъ, котораго онъ подкупаетъ, и тотъ принимается за дѣло. Трудно себѣ представить, сколько хитрости и пронырливости онъ пускаетъ въ ходъ въ то время, какъ проситель осаждаетъ его съ утра до поздней ночи». Но какъ только кандидатъ получилъ мѣсто, онъ съ своей стороны принимается проводить кандидатовъ или вымогать бакшиши, а исполненіе возлагаемыхъ на него закономъ обязанностей представляется ему дѣломъ какъ бы побочнымъ, отъ котораго онъ отдѣлывается всѣми правдами и неправдами. «Нерадивость и лѣность турецкихъ чиновниковъ вошли въ поговорку,—пишетъ одинъ турецкій публицистъ:—и хорошо извѣстны всѣмъ европейцамъ, имѣвшимъ несчастіе вести дѣла въ турецкихъ присутственныхъ мѣстахъ. Турецкій чиновникъ заставитъ просителя придти къ нему десять разъ, чтобы только избавиться отъ труда написать записку въ десять строкъ. Простыя дѣла тянутся въ Турціи по цѣлымъ мѣсяцамъ и годамъ. Я лично двадцать три раза ходилъ въ одно изъ министерствъ, чтобъ добиться пустого распоряженія, которое по прошествіи тридцати мѣсяцевъ ожиданія, всетаки, не было сдѣлано». О порядкахъ въ турецкихъ таможняхъ нечего и говорить. Турецкій чиновникъ не имѣетъ понятія объ англійской поговоркѣ, что время — деньги. Сохранность имущества, довѣреннаго таможнѣ, нисколько его не заботитъ. Безъ бакшиша онъ не тронется съ мѣста и считаетъ себя вправѣ дѣлать вамъ всякія непріятности, потому что чувство долга въ немъ совершенно отсутствуетъ. Вслѣдствіе этого, чтобы получить изъ таможни какой нибудь несчастный чемоданчикъ или сундучекъ, вы должны потерять, даже щедро наградивъ чиновниковъ бакшишами, день или два. Съ товарами дѣло обстоитъ еще хуже. Сколько приходится выкурить папиросъ и выпить чашекъ кофе съ разными эффенди, прежде чѣмъ они отрѣшатся отъ своего утренняго машмурлука (заспанности), и вы будете допущены въ таможню для отысканія своего товара, сваленнаго въ полнѣйшемъ безпорядкѣ съ грудами другаго товара. Приходится съ очевидною опасностью для цѣлости своихъ костей лазить по тюкамъ и ящикамъ, нагроможденнымъ цѣлыми горами. Когда наконецъ всѣ эффенди задобрены и товаръ отысканъ, предстоитъ задобривать вѣсовщиковъ и ихъ многочисленныхъ помощниковъ, пока они наконецъ

согласятся достать и взвѣсить товаръ. Когда же вся эта процедура окончена, то-есть товаръ добытъ, свѣшанъ, оцѣненъ, начинается новая пытка. Вы попадаете въ руки новаго, неумолимаго и жестокаго начальства—артели носильщиковъ, установившихъ совершенно произвольную и баснословно высокую таксу за свое право «громадными желѣзными крюками рвать, терзать и уничтожать вашъ товаръ». Тутъ безконечные бакшиши опять необходимы, но, всетаки, вамъ приходится безропотно переносить порчу вашего товара. На всѣ ваши предостереженія вы услышите только одинъ отвѣтъ: «Зараръ йокъ» (ничего). Кромѣ таможенной пошлины, приходится уплатить восемь сборовъ: арама параси (осмотръ товара), амбаръ параси (помѣщеніе его въ складъ), чикартма параси (выпускъ его изъ склада), ачма параси (открытіе кассы), капама параси (закрытіе кассы), тартма параси (взвѣшиваніе), манела параси (дополнительный сборъ за взвѣшиваніе), наконецъ пусула параси (отпускной билетъ). И, заплативъ всѣ эти поборы, вы еще подвергаетесь непріятностямъ со стороны крючниковъ, ожидающихъ васъ у выхода изъ таможни, требующихъ, чтобы вы имъ за баснословное вознагражденіе позволили доставить вамъ товаръ на домъ, и, если вы имъ въ этомъ отказываете, осыпающихъ васъ градомъ ругательствъ, а вашъ товаръ—градомъ ударовъ крюками.

Но не будемъ останавливаться на этой картинѣ таможенныхъ порядковъ. Мы ее привели только для того, чтобы иллюстрировать турецкіе административные пріемы. Возьмемъ другую сферу. Турція является страною почти исключительно земледѣльческою. Торговля при только-что нами указанныхъ административныхъ пріемахъ, понятно, не можетъ получить сколько нибудь значительнаго развитія. Обработывающая промышленность по той же и по многимъ другимъ причинамъ также находится въ зародышномъ состояніи. Слѣдовательно, населеніе живетъ почти исключительно земледѣліемъ. И тѣмъ не менѣе Турціи приходится покупать за границею громадное количество земледѣльческихъ продуктовъ, именно на 190 милліоновъ піастровъ, что̀ составляетъ 35% всего ея привоза. Нашъ авторъ не указываетъ на этотъ фактъ, а между тѣмъ онъ чрезвычайно рельефно выясняетъ намъ положеніе турецкаго сельскаго хозяйства. Итакъ, богатѣйшая по плодородію страна, притомъ съ рѣдкимъ населеніемъ, вынуждена покупать у иностранцевъ необходимые ей жизненные припасы. Отсюда ясно видно, на какомъ низкомъ уровнѣ стоитъ ея земледѣльческая промышленность. Мы пока оставимъ въ сторонѣ личныя качества населенія, вызывающія такое печальное явленіе, и остановимся опять-таки на дѣятельности администраціи.

«Одно изъ самыхъ ужаснѣйшихъ препятствій къ процвѣтанію земледѣлія,—пишетъ нашъ авторъ,—заключается въ способѣ взиманія десятиннаго сбора. Земледѣлецъ сѣетъ, но когда онъ на-

дѣется собрать жатву, то оказывается, что это невозможно. Онъ долженъ выждать появленія сборщика десятины, ибо раньше не имѣетъ права убрать хлѣбъ. Но сборщикъ, какъ всѣ турецкіе чиновники, одолѣваемый машмурлукомъ, безпечный, нерадивый, склонный къ взяточничеству, заставляетъ себя долго ждать. Наступаетъ дождливое время, и жатва гніетъ на корню. Такимъ образомъ населеніе несетъ громадныя потери. Случается, что земледѣлецъ ожидаетъ пять и шесть недѣль появленія сборщика податей». Само собою разумѣется, что при такихъ административныхъ пріемахъ земледѣльческая промышленность должна сильно страдать, и поэтому, не смотря на плодородіе почвы, населеніе бѣдствуетъ, часто голодаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ финансы страны приходятъ въ окончательное разстройство.

Отсюда нашъ авторъ дѣлаетъ выводъ, что необходима коренная реформа центральнаго правительства, тѣмъ болѣе, что неустройство Турецкой имперіи подвергаетъ опасности престолъ султана. Недовольство царствуетъ во всей имперіи, возмущенія и вооруженныя возстанія вспыхиваютъ поминутно; кромѣ того, европейскія державы, подчиняясь отчасти чувству человѣколюбія, отчасти, стремленію обезпечить свои интересы на Востокѣ, пользуются этимъ неустройствомъ для постояннаго вмѣшательства во внутреннія турецкія дѣла и вызываютъ этимъ международныя усложненія, которыя столь же опасны для господства османовъ, какъ и поминутно вспыхивающіе внутренніе безпорядки.

Нашъ авторъ рисуетъ очень мрачную картину положенія центральнаго правительства. Султанъ постоянно опасается, что онъ будетъ свергнутъ. Поэтому онъ, сосредоточивъ въ столицѣ огромное число войскъ, не рѣшается посылать ихъ туда, гдѣ этого требуетъ безопасность государства. Когда вспыхнула революція въ Восточной Румеліи, великій визирь Саидъ-паша былъ уволенъ въ отставку за то, что посовѣтовалъ послать туда столичныя войска, а Кіамиль-паша былъ назначенъ великимъ визиремъ потому, что придерживался противоположнаго мнѣнія. Враги Саида, пользуясь вѣчными опасеніями султана, увѣрили его, что великій визирь, вступивъ въ соглашеніе съ внѣшними врагами Турціи, старается удалить войска, чтобы свергнуть султана съ престола. Этимъ же объясняется, что Турція такъ долго усмиряетъ всякаго рода возстанія: ей обыкновенно не хватаетъ вооруженныхъ силъ, удерживаемыхъ султаномъ въ столицѣ. Опасенія за прочность престола заставляютъ султана регламентировать всю жизнь своихъ подданныхъ, вмѣшиваться во всѣ ихъ дѣла, жертвовать иногда очень серьезными международными интересами ради династическихъ соображеній. Тотъ же мотивъ заставляетъ его нерѣдко прибѣгать къ жестокостямъ не только по отношенію къ той или другой части населенія, къ простымъ подданнымъ, но иногда даже и по отно-

шенію къ высокопоставленнымъ личностямъ и къ членамъ своей семьи. Извѣстна трагическая участь брата султана, несчастнаго Мурада, который признанъ помѣшаннымъ, не смотря на противоположное мнѣніе извѣстнаго вѣнскаго діагноста г. Лейдесдорфа, держится въ заточеніи и даже, какъ носятся слухи, подвергается разнымъ истязаніямъ. Турецкій посолъ при вѣнскомъ дворѣ Саадула-паша кончилъ жизнь самоубійствомъ вслѣдствіе того, что султанъ воспретилъ ему пріѣхать въ Константинополь къ умиравшимъ женѣ и дочери, подозрѣвая въ немъ сторонника своего брата. Для обезпеченія престола образовано тайное общество съ отличительными значками и сложными обязанностями. Члены этого общества клятвенно обязуются охранять личную безопасность султана. По ихъ доносу, безъ всякаго суда арестуютъ и ввергаютъ въ темницу всякое подозрительное лице, а однимъ изъ главныхъ членовъ этого общества является государственный дѣятель, поступившій на службу во дворецъ безъ гроша денегъ и имѣющій теперь состояніе болѣе чѣмъ въ десять милліоновъ франковъ.

Словомъ, надо во что бы то ни стало реорганизовать центральное правительство. Въ чемъ же, однако, должна заключаться эта реорганизація? Вотъ на этотъ счетъ соображенія нашего автора очень противорѣчивы. Пока онъ насъ знакомилъ съ настоящимъ положеніемъ Турціи, мы могли только соглашаться съ нимъ и въ свою очередь знакомить нашихъ читателей съ интересными фактами, которые онъ приводитъ въ пользу того мнѣнія, что положеніе Турціи безотрадно и угрожаетъ катастрофою. Но когда онъ отъ діагноза болѣзни переходитъ къ средствамъ леченія, онъ начинаетъ сильно себѣ противорѣчить и даже, какъ намъ кажется, предлагаетъ совершенно негодныя средства.

Тезисъ его тотъ, какъ мы видѣли, что зло заключается почти исключительно въ неудовлетворительномъ управленіи, сосредоточивающемся въ рукахъ центральной власти, которая все регламентируетъ и всѣмъ распоряжается. Читая соображенія автора по этому поводу, можно подумать, что султану стоитъ только захотѣть, и онъ будетъ назначать болѣе умѣлыхъ и честныхъ министровъ, а тѣ въ свою очередь будутъ избирать себѣ болѣе дѣльныхъ и честныхъ помощниковъ и т. д., такъ что весь составъ администраціи измѣнится, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезнутъ всѣ злоупотребленія и неустройство страны. Но допустимъ, что султанъ этого не хочетъ, хотя это гипотеза совершенно невѣроятная, потому что самъ авторъ намъ разъяснилъ, какъ опасно и тяжело положеніе султана. Какъ же его заставить захотѣть? Надо ограничить его власть,—совершенно послѣдовательно отвѣчаетъ авторъ. Прежде власть султана умѣрялась фетвами муфтіевъ и возстаніями арміи, и османы создали могущественную имперію. Но неужели отсюда слѣдуетъ, что надо возстановить прежнюю власть

духовенства и опять превратить Турецкую имперію въ царство преторіанцевъ? Понятно, что это немыслимо. Въ такомъ случаѣ какъ же быть? Повидимому, нашъ авторъ придерживается мнѣнія, что Турція должна послѣдовать примѣру западно-европейскихъ государствъ и ввести у себя конституціонную систему правленія. Но вотъ тутъ и начинается противорѣчіе автора. Онъ видимо сочувствуетъ и злополучному Мураду, о которомъ почему-то думаютъ, что онъ былъ склоненъ къ реформамъ въ либеральномъ духѣ, и не менѣе злополучному Мидхаду, кончившему жизнь такъ трагически вслѣдствіе попытки облагодѣтельствовать свое отечество парламентаризмомъ. На страницѣ 117 авторъ дѣйствительно приходитъ къ выводу, что единственное средство спасти Турцію заключается въ томъ, чтобы отнять у султана неограниченную свѣтскую власть и предоставить ее національному собранію, достойному этого названія. Собраніе это должно состоять изъ просвѣщенныхъ членовъ, избираемыхъ провинціальными совѣтами, которые въ свою очередь должны избираться населеніемъ разныхъ вилайетовъ. Исполнительная же власть, по мысли автора, должна быть ввѣрена отвѣтственнымъ министрамъ, состоящимъ подъ контролемъ народнаго представительства, но, понятно, подчиненнымъ верховному авторитету монарха, который сохраняетъ право отвергать законы.

Это, какъ видятъ читатели, буквальное воспроизведеніе западно-европейскаго конституціоннаго режима. Но вотъ что странно: въ то же время авторъ ссылается на авторитетъ историка Турціи, виконта де-ла-Жонкьера, рѣшительно заявляющаго: «Оттоманская нація еще не созрѣла для парламентскаго режима, который можетъ только стѣснить правительство, искренно и серьезно добивающееся прогресса. Въ Турціи султанъ—все; онъ можетъ съ гораздо большимъ основаніемъ, чѣмъ великій король, сказать о себѣ: государство—это я. Всякая реформа, которая не исходила бы отъ него, была бы обречена на безплодіе; но надо, чтобъ онъ серьезно *пожелалъ* реформъ и чтобы онъ примѣнилъ ихъ прежде всего къ себѣ и къ своимъ приближеннымъ». Самъ же авторъ еще рѣзче высказывается о парламентскомъ режимѣ по отношенію къ Турціи. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги онъ проводитъ мысль, что надо во что бы то ни стало избѣжать, какъ онъ выражается, «буффонады парламентаризма». Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ предоставить курдамъ и бедуинамъ избирать себѣ представителей и снабдить азіатскихъ и африканскихъ кочевниковъ правомъ всеобщей подачи голосовъ.

Итакъ, авторъ съ одной стороны не хочетъ предоставить турецкимъ народамъ представительство, а съ другой требуетъ, чтобы власть султана была ограничена народнымъ представительствомъ. Это очевидное противорѣчіе, котораго авторъ такъ-таки и не примиряетъ. Но не трудно понять, почему онъ его примирить не мо-

жетъ. Хотя онъ намъ даетъ очень обстоятельную и вѣрную картину общаго положенія Турецкой имперіи, но, какъ намъ кажется, самъ должнымъ образомъ въ эту картину нс вдумывается, не взвѣшиваетъ условій соціальной, экономической и государственной жизни, не отдаетъ себѣ отчета въ силахъ, обезпечивающихъ процвѣтаніе государствъ или вызывающихъ гибель даже весьма совершенныхъ цивилизацій. Нѣтъ спора, что то или другое политическое устройство играетъ немаловажную роль въ дѣлѣ обезпеченія процвѣтанія и могущества страны; но, къ сожалѣнію, этому фактору придаютъ по большей части чрезмѣрное значеніе, и вслѣдствіе этого вниманіе отвлекается отъ той работы, которая можетъ быть названа основною въ дѣлѣ прогресса и цивилизаціи. Нашъ авторъ останавливается не исключительно на печальной картинѣ турецкаго административнаго неустройства. Онъ часто возвращается къ вопросу о тѣхъ соціальныхъ и экономическихъ условіяхъ, которыя зависятъ отъ самого населенія. Допустимъ, что отъ правительства зависитъ очень много, но, конечно, не все. Кое-что зависитъ и отъ самого народа, и мы находимъ этому не мало доказательствъ въ самой книгѣ г. Георгіадеса.

Такъ, нашъ авторъ, перечисляя успѣхи, достигнутые греками подъ турецкимъ господствомъ, указываетъ, между прочимъ, на распространеніе среди нихъ образованія и на ихъ замѣчательные торговые успѣхи. Все это позволило имъ въ концѣ концовъ начать побѣдоносную борьбу съ бывшимъ своимъ властелиномъ и свергнуть съ себя турецкое иго. Чрезвычайно интересенъ въ этомъ отношеніи Ампелакійскій союзъ, образованный двадцатью тремя ѳессалійскими деревнями и достигшій такой степени процвѣтанія что онъ возбуждалъ зависть самыхъ крупныхъ европейскихъ фирмъ торговавшихъ на Востокѣ. Этотъ союзъ образовался въ 1795 г. съ капиталомъ въ 100,000 франковъ, а въ 1810 г. его капиталъ составлялъ уже 20 милліоновъ. Кончилось, однако, дѣло тѣмъ, что турецкое населеніе въ одинъ прекрасный день напало на эти деревни и разграбило всѣ ихъ богатства. Что касается болгаръ, то они подъ турецкимъ владычествомъ достигли матеріальнаго благосостоянія, которое, какъ мы уже напомнили читателямъ, удивило нашу армію во время послѣдней русско-рурецкой войны. Подобныхъ примѣровъ можно привести не мало. Они доказываютъ, что и подъ властью султана извѣстная степень матеріальнаго и духовнаго благосостоянія возможна, что она можетъ быть даже очень значительна и иногда заслуживаетъ прямо названія богатства. Но съ другой стороны столь же очевиденъ фактъ, что сами турки рѣшительно неспособны или проявляютъ крайнее нерасположеніе зарабатывать себѣ хлѣбъ производительнымъ трудомъ. «Люди, хорошо знакомые съ турецкимъ народомъ,—говоритъ нашъ авторъ,—признаютъ его невѣжественнымъ, лѣнивымъ и фанатичнымъ... Въ

плодородныхъ мало-азіатскихъ провинціяхъ сельское хозяйство не дѣлаетъ никакихъ успѣховъ и жатва зависитъ исключительно отъ силъ природы. Человѣкъ бездѣйствуетъ... Жить на счетъ государства—вотъ идеалъ турка. Онъ признаетъ только четыре профессіи: чиновника, солдата, священника и земледѣльца (но какого земледѣльца!). Мечта его, однако, быть чиновникомъ. Онъ знаетъ, что ему будутъ плохо платить и что ежегодно у него будутъ удерживать треть его жалованья. Но это ничего не значитъ; онъ, всетаки, стремится попасть въ администрацію изъ честолюбія и лѣни, а главнымъ образомъ потому, что, будучи чиновникомъ, онъ другимъ способомъ вознаградитъ себя сторицею за то, что ему не доплатитъ казна».

Итакъ, жить на счетъ государства—вотъ идеалъ турка! Все его прошлое пріучило его къ этому. Османы жили завоеваніями на счетъ покоренныхъ народовъ. Они никогда не могли проникнуться тѣмъ основнымъ соціальнымъ началомъ, что источникомъ благосостоянія является трудъ. Для нихъ источникомъ благосостоянія является организованный грабежъ, то-есть завоеванія и трудъ подвластныхъ гіауровъ. Отъ этого представленія турки не могутъ отрѣшиться до сихъ поръ, не смотря на всѣ превратности ихъ исторіи. Турокъ рожденъ для войны и для наслажденій. Трудъ его заключается въ военномъ ремеслѣ: тутъ онъ проявляетъ самоотверженіе, невѣроятную выносливость, мужество, отвагу. Но какъ только война кончена, онъ требуетъ добычи, плодовъ всѣхъ имъ перенесенныхъ лишеній. Государство представляется ему не иначе, какъ военнымъ станомъ, расположеннымъ среди подвластнаго народа, обязаннаго доставлять побѣдителямъ османамъ, правовѣрнымъ, средства къ наслажденію жизнію. Трудъ же во всѣхъ его формахъ, за исключеніемъ военнаго ремесла, представляется ему чѣмъ-то недостойнымъ: онъ его чуждается, онъ его всячески избѣгаетъ, трудится только подъ гнетомъ горькой нужды и предается праздности, гдѣ только возможно. Но безъ труда прогрессъ не мыслимъ; онъ обезпечиваетъ успѣхи промышленности и просвѣщенія. Тамъ, гдѣ нѣтъ труда, царитъ невѣжество и бѣдность. Турокъ же склоненъ посвящать себя только войнѣ и Богу. Путемъ завоеваній могли сложиться богатства, которыя вызвали расцвѣтъ науки и искусства. Такъ было въ Аѳинахъ, Римѣ, у арабовъ; но все это были пышные цвѣты, возросшіе на худосочной почвѣ, только временно достигшей необычайнаго плодородія путемъ искусственнаго удобренія. Плодородіе этой почвы скоро истощилось, и пышные цвѣты стали хирѣть, вянуть и засохли. Въ высушенномъ видѣ они и теперь поражаютъ своею красотою, но опытъ всѣхъ временъ и народовъ окончательно насъ убѣдилъ, что цивилизація, коренящаяся въ эксплоатаціи однимъ общественнымъ классомъ другихъ, не можетъ быть прочною, что она искусственна и недолговѣчна.

Нашъ авторъ дѣлаетъ крупную ошибку, упуская все это изъ виду и строя свой планъ спасенія Турціи на административныхъ реформахъ, на ограниченіи власти султана, на установленіи въ Турціи конституціоннаго режима по западно-европейскому образцу. Онъ самъ, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ своего труда приходитъ какъ будто къ выводу, что корень зла заключается въ соціальныхъ понятіяхъ турецкаго народа. «Что бы тамъ ни говорили нѣкоторые космолиты,—замѣчаетъ онъ мимоходомъ,—коранъ не позволяетъ предоставить христіанамъ равныя права съ мусульманами... Предразсудки, нравы, привычки турокъ втеченіе вѣковъ не подвергались никакому измѣненію, исламизмъ оказался неспособнымъ слѣдовать общему движенію цивилизованнаго міра... **Трудъ въ глазахъ турка—клеймо рабства**»...

Исламизмъ составляетъ неопреодолимое препятствіе для успѣховъ европейской культуры въ Турціи. Этотъ фактъ прекрасно отмѣченъ въ извѣстномъ трудѣ покойнаго фельдмаршала Мольтке. «Безконечный споръ между государствомъ и церковью, который тянется черезъ всю исторію Запада, менѣе всего коснулся Турціи, гдѣ глава государства—въ то же время глава церкви. Подобная борьба между свѣтскою и духовною властью была бы чрезвычайно опасна въ странѣ, гдѣ столько различныхъ народовъ: турки и арабы, курды и болгары, арнауты и славяне связаны только узами вѣры, и гдѣ половина всѣхъ подданныхъ находится въ духовномъ родствѣ съ сосѣднею державою. Султанъ, правда, въ то же время и калифъ; но именно поэтому онъ съ двойнымъ рвеніемъ долженъ поддерживать магометанскую вѣру. Какъ и законодательство Моисея, она распространяется на множество внѣшнихъ предметовъ. Полицейскія постановленія возводятся кораномъ въ религіозные догматы, препятствующіе умственному развитію, цивилизаціи народа и обезпеченію матеріальныхъ интересовъ. Вскрытіе трупа составляетъ преступленіе: хирургія, слѣдовательно, не можетъ дѣлать успѣховъ, а фатализмъ противится принятію санитарныхъ мѣръ противъ чумы и холеры. Живопись не допускается, потому что люди и даже животныя потребуютъ отчета отъ того, кто ихъ изображалъ. Роковое значеніе мѣсяца сифера и понедѣльника тяготѣетъ надъ военными предпріятіями: время года и температура не принимаются въ расчетъ. Религіозная обязанность совершать омовенія въ опредѣленное время избавляетъ мусульманина отъ необходимости исполнять служебныя обязанности, а постъ, предшествующій Рамазану, не допускаетъ заключенія какихъ либо сдѣлокъ. Мусульманинъ весьма неохотно соглашается, чтобы ему пустили кровь, а вино строго воспрещается даже выздоравливающимъ въ больницахъ. Громадное число мусульманъ слѣпнетъ, потому что правовѣрный не можетъ употреблять зонтикъ и, когда онъ молится, долженъ прикладывать лобъ къ землѣ. Обувь сол-

дата мѣшаетъ ему ходить, ибо она приноровлена къ тому, чтобъ онъ могъ ее пять разъ въ день сбрасывать для своихъ омовеній». Между тѣмъ султанъ обязанъ въ качествѣ калифа быть стражемъ всѣхъ постановленій корана. Онъ является верховнымъ его блюстителемъ и охранителемъ. Даже еслибъ онъ хотѣлъ отвергнуть тѣ постановленія корана, которыя не мирятся съ успѣхами цивилизаціи, онъ бы этого не могъ, потому что въ такомъ случаѣ дни его власти были бы сочтены. Все Турецкое государство держится кораномъ; отречься отъ него значитъ вызвать крушеніе Турецкой имперіи. Нашему автору легко провозгласить, что пока турецкій султанъ является калифомъ, истинные успѣхи турокъ въ области гражданственности немыслимы; на самомъ же дѣлѣ турецкій султанъ перестанетъ быть султаномъ въ тотъ самый моментъ, когда онъ перестанетъ быть калифомъ.

Такъ называемая Молодая Турція, съ болью въ сердцѣ присутствующая при быстромъ разложеніи своего отечества и воодушевленная горячимъ чувствомъ патріотизма, добивается коренныхъ реформъ по западно-европейскому образцу и готова жертвовать собою для достиженія высокой цѣли спасенія своего отечества. Но до сихъ поръ она ничего не достигла и врядъ ли достигнетъ. Европейскія державы даже въ тѣ моменты, когда онѣ искренно заботятся объ облегченіи участи подвластныхъ Портѣ народовъ и не преслѣдуютъ своекорыстныхъ цѣлей, тщетно стараются побудить Порту къ реформамъ. Результатъ получается, по свидѣтельству нашего автора одинъ, болѣе дѣятельное вмѣшательство Европы въ турецкія дѣла не только не исцѣляетъ «больнаго человѣка», но приводитъ его здоровье въ окончательное разстройство. Намѣренія Порты могутъ быть искренни, но она безсильна сдержать свои обѣщанія. Не даромъ у самихъ турокъ сложилась поговорка: «обѣщанія пади-шаха имѣютъ силу только втеченіе семи дней», то-есть быстро забываются. При такихъ условіяхъ ни внутреннее, ни внѣшнее давленіе не можетъ оказать существенной пользы, и всѣ реформы, какъ бы онѣ ни казались цѣлесообразны, желательныхъ результатовъ не даютъ. Онѣ встрѣчаютъ отпоръ не столько со стороны центральнаго правительства, сколько со стороны самого турецкаго населенія. Турецкая исторія знаетъ смѣлыхъ реформаторовъ. Такимъ былъ знаменитый Махмудъ II, турецкій Петръ Великій, какъ его часто называютъ; но его реформы, его стремленія пересадить на турецкую почву европейскіе порядки ограничивались преимущественно переустройствомъ турецкой арміи на европейскій ладъ, а остальныя его реформы не увѣнчались сколько нибудь замѣтнымъ успѣхомъ. Народъ не только не усвоивалъ ихъ, но оказывалъ имъ непреодолимое пассивное сопротивленіе.

Быть можетъ, ни одна страна въ мірѣ не представляетъ такого краснорѣчиваго образца безсилія центральной власти, вооруженной

неограниченными правами, какъ именно Турція. Пади-шахъ, властитель мусульманскаго міра, не въ силахъ провести самыя настоятельныя реформы. Онъ, конечно, можетъ издавать законы, какіе ему заблагоразсудится; но эти законы, когда они не соотвѣтствуютъ религіознымъ и соціальнымъ понятіямъ турецкаго народа, остаются мертвою буквою даже тогда, когда они проводятся съ неумолимою строгостью. Они напоминаютъ собою зданіе, построенное на пескѣ: велика ли сила песчинки, а она все засасываетъ, все разрушаетъ. Такъ и въ жизни народовъ: правительство, воодушевленное наилучшими намѣреніями, можетъ отстроить великолѣпное зданіе народнаго благополучія; но если почва оказывается зыбкою, если самъ народъ не въ силахъ придать ему устойчивость, то всѣ труды правительства-архитектора пропадутъ даромъ. Съ другой стороны, исторія представляетъ намъ не мало примѣровъ, что при весьма неискусномъ правительствѣ самъ народъ отстроиваетъ себѣ зданіе своего благополучія и прочнымъ образомъ обезпечиваетъ свою судьбу. Другими словами, цивилизація, прогрессъ, народное благосостояніе имѣютъ наибольшіе шансы на успѣхъ тамъ, гдѣ совмѣстное дѣйствіе обоихъ главныхъ факторовъ проявляется съ надлежащею силою и въ должной гармоніи; но центръ тяжести, всетаки, лежитъ въ самомъ народѣ. Турецкій народъ вслѣдствіе всѣхъ своихъ традицій, историческихъ, религіозныхъ, соціальныхъ, желаетъ жить на счетъ христіанъ, но теперь почти совершенно лишенъ могущества для удовлетворенія этого желанія. Вотъ почему онъ обреченъ на постепенное, но неизбѣжное государственное разложеніе, длящееся уже вѣка и прогрессирующее весьма быстро. Неизбѣжность такого исхода предвидится всѣми сколько нибудь проницательными людьми. Крушеніе Турецкой имперіи составляетъ такимъ образомъ лишь вопросъ времени, и притомъ не особенно отдаленнаго. А имперія эта имѣетъ своею столицею пунктъ, который служитъ ключемъ къ Черному морю и къ безопасности нашего южнаго прибрежья. При такихъ условіяхъ нетрудно понять, почему наше вмѣшательство въ турецкія дѣла повторяется, какихъ бы политическихъ теорій или настроенія ни придерживалась въ данное время наша интеллигенція, передовая или отсталая. Законы исторіи дѣлаютъ свое дѣло. Наше отрицательное отношеніе къ основамъ русской народной жизни, внутренней и внѣшней, наше равнодушіе къ этимъ основамъ, наша склонность жить въ мірѣ идей отвлеченныхъ и часто порожденныхъ чуждою намъ почвою, свидѣтельствуетъ только о нашей политической незрѣлости. Апатическое отношеніе къ самымъ жгучимъ вопросамъ русской дѣйствительности, въ томъ числѣ и къ восточному, навѣянное на насъ такъ называемыми передовыми и соціальными теоріями, составляетъ великое зло. Если же иноземное имѣетъ уже для насъ такую привлекательность, что мы даже хвалимъ турецкіе порядки, то вду-

маемся, по крайней мѣрѣ, серьезно въ эти порядки и извлечемъ изъ нихъ урокъ, который они содержатъ. Урокъ же этотъ заключается въ томъ, что не только правительство, но и народъ двигаетъ прогрессъ, что и онъ, слѣдовательно, несетъ отвѣтственность за его достиженіе, что необходимымъ условіемъ народнаго процвѣтанія является производительный трудъ, направленный къ обезпеченію матеріальнаго и духовнаго благосостоянія на почвѣ реальной, обнимающей всю совокупность непосредственныхъ народныхъ нуждъ, что при нормальномъ общественномъ строѣ одинъ классъ не можетъ и не долженъ жить на счетъ другаго или другихъ, отводя себѣ исключительно роль сомнительнаго двигателя идей научныхъ и художественныхъ, въ отличіе отъ народа въ тѣсномъ смыслѣ, осужденнаго на черную работу, и что общество, идеалъ котораго заключается въ томъ, чтобы жить на счетъ государства, напоминаетъ собою Турцію и обречено на безсиліе, подготовляя гибель своего отечества.

Р. Сементковскій.

ВЕЛИКІЙ СТАРИКЪ.

Историко-біографическій очеркъ.

А ЗДАВСТВУЕТЪ Гладстонъ, первый человѣкъ въ свѣтѣ!» — кричали англійскіе рабочіе во время знаменитой избирательный кампаніи Гладстона въ Шотландіи въ 1880 году, результатомъ которой было паденіе торійскаго министерства и образованіе втораго Гладстоновскаго кабинета. Прошло двѣнадцать лѣтъ, снова предпринимается Гладстономъ избирательная кампанія въ Шотландіи, и рабочіе восторженно встрѣчаютъ его съ знаменами, на которыхъ красуется надпись: «Да здравствуетъ Гладстонъ, человѣкъ Божій». И великій старикъ отвѣчаетъ на эти привѣтствія въ своей эдинбургской рѣчи 30-го іюня настоящаго года: «Будемъ идти впередъ по пути того добраго дѣла, которое мы начали, и возложимъ свои надежды не на сквайеровъ и пэровъ, не на титулы и помѣстья, скажу болѣе—не на человѣка, какъ человѣка, а на Всемогущаго Бога, который повелѣваетъ, чтобы принципы права, справедливости и свободы руководили нами и всѣми нашими дѣйствіями». Восьмидесятидвухлѣтняя жизнь и шестидесятилѣтняя дѣятельность великаго старика служатъ практическимъ осуществленіемъ этого возвышеннаго лозунга. Въ политическомъ, общественномъ и общечеловѣческомъ смыслѣ это дѣйствительно въ настоящее время первый человѣкъ въ свѣтѣ, а по чистотѣ, искренности и могучей силѣ нравственныхъ принциповъ, всегда составлявшихъ и доселѣ составляющихъ внутренній двигатель всѣхъ его дѣйствій, это въ полномъ смыслѣ Божій человѣкъ. Съ какой точки зрѣнія ни взглянуть на благороднаго стараго льва и народнаго «Вильяма», какъ

съ гордостью и любовью называетъ англійскій народъ Гладстона, онъ представляетъ необычайную, колоссальную, эпическую фигуру среди нашего мелочнаго, прозаичнаго вѣка.

Какъ великій старикъ, онъ является передъ нами легендарнымъ героемъ. Онъ пережилъ всѣхъ извѣстныхъ политическихъ стариковъ: лорда Пальмерстона, умершаго на восемьдесятъ-второмъ году и Тьера, дожившаго только до восьмидесяти лѣтъ. Достигнувъ восьмидесяти двухъ съ половиною лѣтъ, Гладстонъ сохранилъ всю силу своего ума, всю энергію своихъ юношескихъ лѣтъ и теперь кажется моложе, энергичнѣе и пламеннѣе самыхъ молодыхъ своихъ сторонниковъ. Его удивительно сохранившаяся физическая оболочка прикрываетъ еще болѣе удивительныя умственныя и нравственныя силы; его глаза блестятъ прежнимъ одушевленіемъ, его голосъ также какъ всегда держитъ слушателей подъ своей чарующей силой, и если что либо напоминаетъ о старости, то лишь нѣсколько ослабѣвшій слухъ. На этотъ первый признакъ ослабленія физическихъ силъ много расчитывали его политическіе враги, которые уже давно считаютъ главнымъ орудіемъ въ борьбѣ съ нимъ неизбѣжность его смерти, но, повидимому, имъ долго придется ждать этого радостнаго для нихъ, но печальнаго для всей Англіи событія, и, быть можетъ, осуществятся слова одного изъ его друзей, который надняхъ прямо сказалъ ему: «Вы должны прожить еще двадцать лѣтъ, потому что вы были двадцать шесть лѣтъ торіемъ, двадцать шесть лѣтъ либераломъ и только шесть лѣтъ радикаломъ, слѣдовательно, вы обязаны прожить еще двадцать лѣтъ». По остроумному замѣчанію Стэда, помѣстившаго въ послѣднихъ номерахъ своего журнала «Review of Reviews», любопытную и обстоятельную характеристику Гладстона, великій старикъ обѣщаетъ сдѣлаться безсмертнымъ старикомъ на зло зеленѣющимъ отъ злобы торіямъ, которые не понимаютъ, что въ своей безпредѣльной любви къ народу и безграничной преданности прогрессу благородный старый левъ находитъ самую надежную страховку своей полезной, благотворной жизни. Эти-то два основные фактора всей его общественной дѣятельности, любовь къ народу и преданность прогрессу, придаютъ его вѣчно юной старости ея необыкновенное величіе. Замѣчательно сохранить до глубокой старости всѣ свои силы, но еще замѣчательнѣе развивать подъ старость свои взгляды и стремленія; быть не только великимъ старикомъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, великимъ либераломъ и векимъ радикаломъ.

Какъ политическій дѣятель, Гладстонъ представляетъ невиданное доселѣ зрѣлище человѣка, начавшаго свою карьеру пламеннымъ консерваторомъ и мало-по-малу прошедшаго всѣ ступени, отдѣляющія консерватора отъ радикала. При этомъ единственнымъ руководителемъ такого длиннаго ряда постепенныхъ метаморфозъ

былъ не личный интересъ, а развитіе политическихъ идей и понятій о народномъ благѣ. «Ключемъ ко всѣмъ происшедшимъ во мнѣ перемѣнамъ,—не разъ говорилъ онъ самъ:—служитъ слѣдующая формула: я былъ воспитанъ въ понятіи, что свобода зло, а мало-по-малу научился считать ее добромъ». Руководствуясь этой идеей, онъ сдѣлался вѣрнымъ рыцаремъ свободы не только въ своей странѣ, но и во всемъ свѣтѣ. Всѣми его дѣйствіями всегда руководила самая утонченная совѣсть и, по выраженію Карлайля, ни одинъ современный человѣкъ не повиновался своей совѣсти такъ всецѣло, какъ Гладстонъ, тогда какъ у его великаго противника Дизраели никогда не было и слѣда совѣсти. Нравственная нота звучала и звучитъ во всѣхъ дѣйствіяхъ Гладстона; онъ смотритъ на людей

Благородный старый левъ.

не какъ на избирателей, работниковъ, торговцевъ и т. д., но какъ на нравственныхъ личностей. Въ постоянномъ стремленіи поставить всякій политическій вопросъ на возвышенную нравственную почву заключается главная тайна его необыкновеннаго вліянія на людей. Не менѣе вліяетъ на англійскій народъ чисто англійскія качества Гладстона: непреодолимое мужество, неутомимая энергія и постоянная готовность идти на бой противъ какого бы то ни было врага. Чѣмъ болѣе трудной представляется борьба, съ тѣмъ большимъ пыломъ бросается онъ въ нее. Послѣ смерти Брайта, онъ единственный государственный человѣкъ Англіи, руководящійся нравственными принципами, и передовой боецъ за народныя права, за оскорбленныхъ и униженныхъ во всѣхъ частяхъ свѣта. Онъ одинъ, по мѣткому выраженію Стэда, способенъ въ

Англіи на политическое самопожертвованіе, чему онъ не разъ представлялъ самые разительные примѣры, и еслибъ неожиданно потребовался въ наше время новый Квинтъ Курцій, то глаза всѣхъ обратились бы на Гладстона, зная, что онъ способенъ на подобное благородное безуміе. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ представляетъ удивительное смѣшеніе идеальныхъ стремленій и благоразумной практичности. Онъ въ одно и то же время идеалистъ и дѣлецъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Онъ политическій мечтатель, но съ подкладкой политическаго инженера. Онъ относится ко всякому крупному государственному дѣлу, какъ инженеръ къ постройкѣ, напримѣръ, моста. Рѣшивъ, что надо построить мостъ, инженеръ составляетъ планъ лучшей постройки моста изъ желѣза или камня, но если въ данную минуту нельзя достать ни того ни другаго матеріала, то онъ строитъ мостъ деревянный, не теряя ни минуты дорогаго времени. Такъ поступалъ Гладстонъ во всѣхъ проведенныхъ имъ великихъ реформахъ, которыя поэтому кажутся иногда полумѣрами, но Англія всегда шла на пути прогресса путемъ полумѣръ, и скачками въ политикѣ нельзя достичь прочнаго осуществленія великихъ цѣлей. Въ сущности вся практическая государственная дѣятельность Гладстона состоитъ только въ томъ, что онъ энергично воплощаетъ идеи и потребности своего времени. Служить общественному мнѣнію, которое управляетъ въ настоящее время каждой образованной страной, и проводить его чрезъ горнило законодательства—вотъ весь смыслъ и все значеніе политической дѣятельности Гладстона, который самъ сказалъ однажды: «убѣжденіе страны должно быть регуляторомъ правительства». Но, идя рука въ руку съ общественнымъ мнѣніемъ, честно и преданно служа ему, Гладстонъ, однако, никогда не былъ его слѣпымъ орудіемъ или рабомъ, а, напротивъ, въ мрачныя минуты, когда общественное мнѣніе Англіи временно отуманивалось, прекращало свой прогрессивный путь или сворачивало съ этого прямаго пути въ трясину личныхъ интересовъ господствующаго класса, то Гладстонъ не слѣдовалъ за нимъ, а выжидалъ, какъ вѣрный стражъ истиннаго прогрессивнаго общественнаго мнѣнія, пока страна не очнется отъ заблужденія и не вернется къ своему вѣрному, стойкому представителю. Такъ было послѣ перваго министерства народнаго Вильяма, когда Англія, уставъ отъ его лихорадочной реформаторской дѣятельности, бросилась въ объятія юркаго Дизи и нѣсколько лѣтъ находилась подъ вліяніемъ позорнаго Биконсфильдскаго кошмара; Гладстонъ терпѣливо выждалъ, пока Англія очнулась отъ этого кошмара, энергично содѣйствовалъ ея пробужденію и, едва чадъ прошелъ и общественное мнѣніе вернулось къ своему лучшему честнѣйшему истолкователю, онъ снова принялъ власть и повелъ страну по прежнему прогрессивному пути. Такъ было и шесть лѣтъ тому назадъ, когда онъ смѣло поставилъ на очередь

вопросъ объ ирландскомъ самоуправленіи; общественное мнѣніе отъ него отвернулось, и онъ не уступилъ ему ни іоты своего политическаго убѣжденія; снова онъ отошелъ въ сторону, снова разыгралась консервативная траги-комедія, а теперь снова наступила минута расчета съ временными корыстными правителями, минута торжества современнаго рыцаря безъ страха и упрека. Только что окончившіеся парламентскіе выборы краснорѣчиво доказываютъ, что общественное мнѣніе Англіи еще разъ вернулось къ своему великому старику и еще разъ великій старикъ возьметъ въ свои умѣлыя, попрежнему твердыя и, какъ всегда, честныя руки кормило правленія. Такимъ образомъ, впродолженіе полустолѣтія, Гладстонъ является полнымъ и лучшимъ выраженіемъ современной Англіи. Въ немъ, какъ въ зеркалѣ, отражается общественное мнѣніе страны въ честнѣйшемъ, лучшемъ значеніи этого слова.

Какъ историческая личность, Гладстонъ займетъ видное мѣсто въ лѣтописяхъ не только своей страны, но и всего свѣта. Сравнивая его съ величайшими англійскими министрами прошедшаго времени, безпристрастный историкъ будетъ вынужденъ признать, что онъ не уступаетъ ни одному изъ нихъ. Напротивъ, Чатамъ могъ одушевить всю націю своей энергіей, но онъ уступалъ Гладстону въ обширности знаній и въ широтѣ идей; Фоксъ болѣе всего подходитъ къ Гладстону, какъ парламентскій боецъ, но онъ никогда не имѣлъ случая доказать своихъ административныхъ талантовъ; Питъ былъ самымъ могущественнымъ министромъ, когда либо управлявшимъ Англіей, но онъ не оставилъ послѣ себя ни одного крупнаго законодательнаго акта; Каннингъ былъ великимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, и болѣе ничего; сэръ Робертъ Пиль, котораго Гладстонъ считаетъ своимъ учителемъ, былъ прекраснымъ администраторомъ и полезнымъ парламентскимъ дѣятелемъ, но онъ никогда не выказывалъ возвышенныхъ идей и стремленій Гладстона. Если нельзя сказать, что Гладстонъ соединяетъ въ себѣ всѣ достоинства своихъ предшественниковъ безъ ихъ недостатковъ, то, всетаки, онъ одинъ соединяетъ въ себѣ краснорѣчіе Фокса, государственную опытность Чатама, мужество Пита и административныя способности сэра Роберта Пиля, къ чему онъ еще прибавляетъ другія лично ему принадлежащія высокія качества и такой всеобъемлящій гуманный умъ, какимъ не обладалъ ни одинъ изъ этихъ замѣчательныхъ общественныхъ дѣятелей. Если сравнивать Гладстона съ современными ему европейскими государственными людьми, то ни одного изъ нихъ, ни Кавура, ни Тьера, нельзя поставить наравнѣ съ нимъ по широтѣ его взглядовъ и по его значенію въ современной исторіи. Что касается до Бисмарка, то нѣтъ никакой возможности сравнивать желѣзнаго канцлера съ народнымъ Вильямомъ, потому что этотъ могучій средневѣковой майордомъ, слу-

чайно попавшій въ XIX вѣкъ, всегда дѣйствовалъ внѣ конституціонной и парламентской сферы, гдѣ только и вращался великій старикъ. До сихъ поръ еще недостаточно отдаютъ справедливость Гладстону относительно великой роли, которую онъ игралъ въ международной политикѣ, но будущій историкъ, конечно, признаетъ эту роль. Гладстонъ ввелъ въ политику безкорыстные, возвышенные принципы; онъ былъ однимъ изъ создателей итальянской свободы, и его мощный голосъ послужилъ къ избавленію этой страны отъ позорнаго ига тирановъ; его же голосъ раздался впервые въ Англіи противъ турецкихъ звѣрствъ на Балканскомъ полуостровѣ и проложилъ дорогу къ независимости болгаръ; онъ мирно отдалъ Греціи Іоническіе острова; онъ въ дѣлѣ «Алабамы» создалъ прецедентъ разрѣшенія третейскимъ судомъ международной распри; онъ миролюбиво покончилъ съ авганскимъ вопросомъ, смѣло доказавъ англійскимъ джингоитамъ, что Россія не находится внѣ сферы цивилизаціи или сочувствія истиннаго либерализма. Дѣйствуя такимъ образомъ извнѣ, а во внутренней политикѣ являясь постояннымъ энергичнымъ реформаторомъ, Гладстонъ своей шестидесятилѣтней общественной дѣятельностью составляетъ живое звено между отжившимъ мертвымъ прошедшимъ, съ его исключительными кастовыми привилегіями и нарождающимся свѣтлымъ будущимъ. Уже въ этомъ одномъ отношеніи великій старикъ займетъ выдающееся мѣсто въ исторіи.

Какъ человѣкъ, Гладстонъ возбуждаетъ невольное изумленіе; просто становишься втупикъ передъ его всеобъемлющимъ умомъ, разнообразіемъ талантовъ и его кипучей лихорадочной и разношерстной дѣятельностью. Онъ въ одно и то же время великій ораторъ, геніальный финансистъ, ловкій парламентскій дѣлецъ, энергичный администраторъ, образцовый первый министръ, пламенный народный трибунъ, ученый классикъ, изучающій спеціально Гомера, серьезный богословъ и отзывчивый публицистъ, постоянно помѣщающій въ журналахъ и газетахъ статьи по всѣмъ современнымъ вопросамъ. Эта разновидная, разнообразная дѣятельность продолжается болѣе шестидесяти лѣтъ, и въ послѣднее время великій старикъ не только велъ парламентскую борьбу съ торіями и произносилъ длинныя рѣчи на избирательныхъ собраніяхъ, но печаталъ въ американскихъ журналахъ статьи объ Иліадѣ и Дневникѣ Башкирцевой, а въ англійскихъ доказывалъ рядомъ логичныхъ аргументовъ и блестящихъ ипотезъ, что Данте учился въ Оксфордскомъ университетѣ, а также сочувственно разбиралъ новую книгу «Происхожденіе и развитіе политической Платформы», утверждая, что три П—петиція, пресса и платформа, то-есть народная трибуна, составляютъ величайшія гарантіи общественной свободы, причемъ въ наше время послѣдняя взяла верхъ надъ двумя первыми. Если къ этому прибавить, что Гладстонъ искренно религіозный человѣкъ,

прямо сказавшій надняхъ на вопросъ одного репортера, въ чемъ заключается наибольшая надежда Англіи: «наша величайшая надежда на будущее—вѣра въ Бога, служащая основой цивилизаціи», что онъ высокій нравственный человѣкъ, идеальный семьянинъ и во всѣхъ отношеніяхъ достоинъ того пламеннаго культа, который питаетъ къ нему вся либеральная Англія, то получится, если не полный, то вѣрный въ главныхъ чертахъ образъ великаго старика.

Въ настоящую минуту на немъ болѣе чѣмъ когда сосредоточено общее вниманіе всей Англіи и всего свѣта. Его побѣда на парламентскихъ выборахъ полная, и онъ будетъ располагать въ новомъ

Лордъ B.—Дровосѣкъ, пощади это милое турецкое дерево.

парламентѣ большинствомъ въ 40 голосовъ, а въ результатѣ получится новое четвертое министерство Гладстона и немедленное осуществленіе его великаго плана ирландскаго самоуправленія, которое, наконецъ, примиритъ Зеленый островъ съ своей могучей сосѣдкой послѣ вѣковой борьбы, сопровождавшейся столькими несправедливостями и жестокостями со стороны побѣдителей. Трудно придумать болѣе грандіознаго окончанія шестидесятилѣтней политической дѣятельности народнаго Вильяма, какъ этотъ блестящій апоѳеозъ.

Такимъ образомъ теперь болѣе чѣмъ когда либо кстати напомнить въ главныхъ чертахъ эту замѣчательную общественную дѣятель-

ность, эту переполненную событіями жизнь, служащую какъ бы отраженіемъ исторіи современной Англіи болѣе чѣмъ за полвѣка. Гладстоновская литература, или, какъ англичане называютъ, «Гладстоніана», чрезвычайно богата и вполнѣ освѣщаетъ всѣ стороны его любопытной личности. Въ недавнее время присоединился къ этимъ обильнымъ источникамъ всевозможныхъ свѣдѣній о Гладстонѣ еще новый очеркъ его жизни, очень интересный, прекрасно составленный и близко знакомящій насъ съ малоизвѣстными доселѣ годами его дѣтства и юности, а также со многими невѣдомыми чертами его общественной и частной жизни. Эта краткая, но обстоятельная біографія, входящая въ составъ серіи «Первые министры королевы Викторіи», составлена Джорджемъ Роселемъ [1]), близкимъ другомъ и сотрудникомъ государственной дѣятельности великаго старика; всѣ англійскіе критики признали ее лучшей характеристикой Гладстона, и мы главнымъ образомъ воспользуемся ею для своего очерка.

I.

Вильямъ Эвартъ Гладстонъ родился 29-го декабря 1809 года. Это былъ критическій моментъ въ исторіи Англіи и Европы. Въ Европѣ величайшій геній, какого когда либо видывалъ свѣтъ, «самый колоссальный, могучій и удивительный умъ, когда либо обитавшій въ человѣческой головѣ», по недавнему выраженію самого Гладстона, упорно прокладывалъ себѣ дорогу къ всемірному престолу, превращая всѣ страны въ колоссальную бойню, и никто еще не выказывалъ основательнаго сопротивленія его тріумфальному шествію, угрожавшему свободѣ и независимости всѣхъ образованныхъ государствъ. Въ Англіи безумный король и развратный наслѣдникъ престола стояли во главѣ соціальной системы, гармонично соединявшей въ себѣ всевозможныя общественныя злобы. Деспотическая администрація поддерживалась такъ называемымъ народнымъ представительствомъ, столь же мнимымъ, сколько подкупнымъ, и церковью, которая, забывая о своихъ высшихъ духовныхъ цѣляхъ, служила только личнымъ интересамъ привиллегированныхъ классовъ. Аристократія и плутократія были въ полномъ разладѣ съ общественнымъ долгомъ, и даже знаніе было слугою тираніи. Священнымъ словомъ правосудія санкціонировалась система юридическаго убійства. Промышленность и торговля были парализованы запретительными пошлинами; общественный кредитъ былъ поколебленъ въ своей основѣ; первыя необходимости жизни были разорительно

---

[1]) The prime ministers of queen Victoria: The right honorable William Ewart Gladstone, by George Russell, London, 1892, 2 ed.

дороги. Бѣдность и нищета были всюду распространены и быстро развивались, благодаря войнѣ и голоду; англійскій народъ находился въ самомъ несчастномъ, безпомощномъ состояніи, не имѣя возможности искать спасенія отъ претерпѣваемыхъ страданій иначе, какъ въ заговорахъ и возстаніяхъ. Судьбы Англіи казались очень мрачными, и она, повидимому, стояла на краю общественной катастрофы. Естественно, что подобное положеніе вещей создавало опасенія среди аристократіи и буржуазіи за свою безопасность и внушало самымъ мужественнымъ ихъ представителямъ, даже съ

Выборъ между репресивными мѣрами и Ирландскимъ самоуправленіемъ.

либеральнымъ оттѣнкомъ, консервативныя и репресивныя идеи. Къ подобнымъ людямъ принадлежалъ и отецъ Гладстона, сэръ Джонъ, происходившій отъ разорившейся шотландской дворянской семьи Глэдстэновъ (глэдъ—соколъ, стэнъ—скала) и нажившій крупное состояніе хлѣбной торговлей въ Ливерпулѣ. Сдѣлавшись финансовымъ тузомъ и отличаясь холоднымъ, практическимъ здравымъ смысломъ, онъ въ виду грозныхъ условій тогдашней политической жизни въ Англіи перешелъ изъ партіи виговъ, къ которой прежде принадлежалъ, въ лагерь торіевъ, которые казались ему защитни-

ками порядка и собственности. Подружившись съ знаменитымъ Канингомъ и поступивъ въ парламентъ, сэръ Джонъ Гладстонъ сталъ оплотомъ торіизма въ Ливерпулѣ, и, конечно, его консервативныя идеи безгранично царили въ его собственномъ домѣ. Подъ вліяніемъ этихъ идей и пуританской религіозности его матери, также шотландки по происхожденію, взросъ будущій народный Вильямъ. Впослѣдствіи онъ всегда съ гордостью признавалъ свое двоякое происхожденіе изъ Шотландіи и средняго сословія, упорно отказываясь отъ всякихъ мишурныхъ титуловъ. «Если Шотландія не стыдится своихъ сыновъ,—говорилъ онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Глазго,—то и ея сыны не стыдятся Шотландіи; память о моихъ родителяхъ и многія другія причины заставляютъ меня радоваться и быть благодарнымъ, что кровь, текущая въ моихъ жилахъ, исключительно шотландская». Точно также на общественномъ митингѣ въ Ливерпулѣ въ 1872 году онъ сказалъ: «Я не знаю, почему бы въ Англіи не имѣть древнихъ родовъ, которые гордились бы тѣмъ, что они изъ поколѣнія въ поколѣніе занимались торговлей; я считаю очень грустнымъ и почти скандальнымъ фактомъ, что многія семейства, пріобрѣвъ богатство и положеніе въ свѣтѣ торговлей, отворачиваются отъ нея и, повидимому, ея стыдятся. Не такъ поступаемъ мы съ братомъ. Его сыновья идутъ по его стопамъ, а одинъ изъ моихъ сыновей,—я говорю это съ радостью,—слѣдуетъ примѣру моего отца и брата».

О дѣтствѣ Гладстона сохранилось мало свѣдѣній, и характеристичной его чертой было только, что онъ привыкъ почти съ пеленокъ принимать участіе въ горячихъ преніяхъ, имѣвшихъ чисто парламентскій характеръ. Не смотря на то, что его отецъ пользовался патріархальнымъ авторитетомъ въ своей семьѣ, онъ завелъ въ домѣ странный обычай обсуждать съ своими сыновьями всякій крупный или мелкій вопросъ, представлявшійся ихъ вниманію. По словамъ одного очевидца, въ этой семьѣ все подвергалось спору и баллотировкѣ, даже такіе предметы, какъ: надо сварить или сжарить рыбу къ обѣду, надо закрыть окно или нѣтъ, будетъ завтра хорошая погода или дурная. Каждый членъ семейства, хотя бы самый маленькій, выставлялъ свои аргументы, непремѣнно основанные на логикѣ, и споръ рѣшался голосованіемъ. Въ этой ранней школѣ Гладстонъ, вѣроятно, научился своему удивительному ораторскому искусству, непогрѣшимой аргументаціи и парламентской ловкости. По отзыву всѣхъ его біографовъ, онъ заимствовалъ у отца силу характера, стойкость въ достиженіи своей цѣли и консервативныя политическія мнѣнія, которыхъ онъ держался въ первую эпоху своей общественной дѣятельности. Матери, очень умной и образованной женщинѣ, онъ обязанъ, кромѣ искренней религіозности, своей впечатлительной, чуткой натурой, а окружавшая его въ дѣтствѣ Ливерпульская среда развила въ немъ

дѣловыя практическія способности, въ томъ числѣ финансовый геній.

Воспитаніе сначала у частнаго пастора, а потомъ въ Итонской школѣ и, наконецъ, въ Оксфордскомъ университетѣ довершили умственное и нравственное развитіе перваго государственнаго человѣка современной Англіи, а потому эта эпоха его жизни имѣетъ громадное значеніе для правильной оцѣнки его послѣдующей дѣятельности и на ней слѣдуетъ остановиться болѣе подробно, чѣмъ на многихъ фактахъ его политической карьеры, извѣстныхъ всѣмъ и каждому. На двѣнадцатомъ году поступилъ Гладстонъ въ Итонъ «самымъ хорошенькимъ мальчикомъ, когда либо видѣннымъ въ этой школѣ», по словамъ извѣстнаго англійскаго ученаго сэра Родрика Мурчисона, и оставался тамъ шесть лѣтъ. Въ то время это знаменитое учебное заведеніе было исключительно классическимъ, но Гладстонъ, серьезно занимаясь греческимъ и латинскимъ языками, такъ что его всегда вызывали для перевода особенно трудныхъ или красивыхъ мѣстъ въ Гомерѣ и Виргиліи, вмѣстѣ съ тѣмъ изучалъ по праздникамъ математику и въ свободное время основательно знакомился съ англійской литературой, которая вмѣстѣ съ новыми языками не входила въ программу ученія. Въ гимнастическихъ играхъ, занимающихъ столь важную роль въ англійскихъ школахъ, онъ не принималъ никакого участія, и если иногда катался на лодкѣ, то одинъ; но любимымъ его развлеченіемъ было гулять по окрестностямъ Виндзора съ близкими ему товарищами, изъ которыхъ впослѣдствіи стали извѣстными всей Англіи, какъ парламентскіе дѣятели: Спенсеръ Волполь, сэръ Джорджъ Корнволъ Люисъ, лордъ Елджинъ, а также, какъ свѣтила англиканской церкви, лордъ Артуръ Гарвей, епископъ батскій, Джеральдъ Вельслей, виндзорскій деканъ, и Валтеръ Гамильтонъ, епископъ салисбюрійскій. Послѣдній, считавшійся своими современниками чуть ли не святымъ, не разъ говорилъ, что благотворное вліяніе на него Гладстона спасло его въ школѣ отъ лѣни и гораздо худшихъ пороковъ. Вообще, по единогласному свидѣтельству всѣхъ знавшихъ его въ эту раннюю эпоху жизни, онъ былъ образцовымъ, способнымъ, религіознымъ, трудолюбивымъ, нравственнымъ юношей! Поэтому очень странно звучитъ данное ему въ видѣ насмѣшки надъ его трезвостью прозвище мистеръ Tipple (пьяница); впрочемъ онъ не отказывался отъ участія въ веселыхъ товарищескихъ сборищахъ и былъ членомъ маленькаго спеціальнаго клуба, собиравшагося еженедѣльно по вечерамъ въ тавернѣ Salt-Hill, чтобъ «поболтать, поѣсть хлѣба съ сыромъ и попить гоголь-моголь». Но онъ всегда велъ себя сдержанно, прилично, и когда однажды былъ предложенъ какой-то грубый, циничный тостъ, то онъ отказался его пить и опрокинулъ свой стаканъ на столъ. Подобныя мужественныя выходки только усиливали общее къ нему уваженіе, тѣмъ болѣе, что онъ не отка-

зывался кулаками поддержать свою репутацію и, напримѣръ, заступившись какъ-то за свиней, которыхъ терзали на улицѣ, и сдѣлавшись предметомъ насмѣшекъ нѣсколькихъ итонскихъ учениковъ, онъ гордо предложилъ «дать имъ отвѣтъ круглымъ почеркомъ на ихъ щекахъ». Вообще товарищи были очень высокаго мнѣнія о Гладстонѣ; одинъ изъ нихъ, Джемсъ Мильнсъ, характеристически писалъ въ то время своей матери: «Гладстонъ одинъ изъ самыхъ умныхъ и здравомыслящихъ людей, еще когда либо виданныхъ мною». Онъ же въ перепискѣ называетъ Гладстона «необыкновенной личностью, къ которой онъ всегда обратился бы за совѣтомъ въ критическую минуту»; а Артуръ Галаммъ замѣчаетъ въ своемъ школьномъ дневникѣ: «Какова бы ни была наша судьба, но я убѣжденъ, что Гладстонъ такой бутонъ, который разцвѣтетъ гораздо богаче, чѣмъ любой изъ насъ, подающій самыя большія надежды».

Это юношеское предсказаніе, оказавшееся столь справедливымъ, было внушено главнымъ образомъ необыкновенными успѣхами Гладстона въ качествѣ оратора въ преніяхъ общества подъ названіемъ «Literati», существовавшаго между итонскими учениками, и редактора основаннаго имъ журнала «Итонское Обозрѣніе». Замѣчательно, что первая рѣчь, которую произнесъ въ своей жизни будущій великій парламентскій ораторъ, именно 29-го октября 1825 г., была посвящена вопросу: «Полезно ли воспитаніе для бѣдныхъ?» и что первыя слова, произнесенныя семнадцатилѣтними устами, которымъ суждено было втеченіе болѣе полувѣка наводнять свою родину почти безпрерывнымъ потокомъ краснорѣчія, были: «Нашъ вѣкъ быстро распространяющейся цивилизаціи». Хотя въ этой дѣвственной рѣчи онъ явился пламеннымъ защитникомъ образованія и обсуждалъ животрепещущій современный вопросъ, онъ вообще, по его собственному признанію въ одной изъ послѣдующихъ рѣчей, «былъ по своимъ пристрастіямъ и предразсудкамъ сторонникъ торіевъ» и почти исключительно занимался въ Итонскомъ обществѣ обсужденіемъ историческихъ вопросовъ съ торійской точки зрѣнія. Однако пламенный торизмъ не заставлялъ его закрывать глаза на торійскія злоупотребленія и, разбирая дѣйствія министровъ королевы Анны въ послѣдніе годы ея царствованія, онъ характеристично воскликнулъ: «Благо родины для меня выше преданности партіи, и добросовѣстно я долженъ высказаться противъ людей, хотя бы и торіевъ, которые по моему твердому убѣжденію дѣйствовали противъ англійскихъ интересовъ, омрачали англійскую славу и подрывали великія и, я надѣюсь, вѣчныя основы англійской конституціи».

Самымъ пестрымъ разнообразіемъ отличалась редакторская работа Гладстона въ Итонѣ, какъ бы служа предзнаменованіемъ его будущей разновидной дѣятельности; втеченіе полугода существованія своего журнала «Itone Miscellany» онъ выпустилъ два обшир-

ныхъ тома, въ которыхъ подъ всевдонимомъ Бартоломью Бувери онъ лично писалъ о всевозможныхъ предметахъ, въ прозѣ и стихахъ. Такъ ему принадлежатъ: пламенный панегирикъ Канингу въ статьѣ «Сравненіе между древними и новыми геніями»; очеркъ парламентскаго краснорѣчія, въ которомъ характеристично говорится о трудностяхъ, заграждающихъ путь всякаго юнаго депутата, вступающаго въ залу св. Стефана съ надеждой сдѣлаться первымъ министромъ; критическая статья подъ заглавіемъ «Взглядъ

Выборъ сдѣланъ.

на Лету»; двѣ поэмы въ Байроновскомъ духѣ «Ричардъ Львиное Сердце» и «Предсмертная пѣснь Гватемазина»; саркастическая ода въ честь радикала Вата Тайлера, въ которой поднимается на смѣхъ этотъ защитникъ народныхъ правъ, конечно, съ торійской точки зрѣнія, и безконечное число мелкихъ статей. Объ этой ранней литературной дѣятельности Гладстона очень знаменательно отозвался отецъ одного изъ его товарищей и сотрудниковъ по журналу, сэра Франсиса Дойля, въ словахъ: «Я не говорю, чтобы его статьи были лучше произведеній моего сына или Галлама, но сила характера, выказанная имъ въ редакторской работѣ, умѣніе обращаться съ

сотрудниками и обнаруженныя имъ замѣчательныя способности убѣждаютъ меня, что этотъ молодой человѣкъ непремѣнно прославится впослѣдствіи». Еще знаменательнѣе въ виду будущей дѣятельности Гладстона звучатъ его собственныя слова въ предисловіи къ первому номеру журнала: «Въ моемъ предпріятіи я всего болѣе боюсь пучинъ Леты и я опасаюсь, что не выкажу способности плыть по теченію общественнаго мнѣнія, и когда надо—идти противъ него. Меня поддерживаетъ одна надежда, что въ литературѣ всегда награждается истинное достоинство, и хотя я не имѣю притязанія на подобное достоинство, но нѣчто внутри меня говоритъ, что я буду въ состояніи держаться на поверхности потока общественнаго уваженія».

Окончивъ курсъ въ Итонской школѣ и подготовившись къ университетскимъ занятіямъ у частнаго тутора, Гладстонъ поступилъ въ 1823 году въ Оксфордскую коллегію «Christ-Church», и образцовый школьникъ сдѣлался въ самое короткое время образцовымъ студентомъ. Хотя его личные вкусы влекли его къ исключительному изученію классиковъ, но, по желанію отца, онъ сталъ заниматься параллельно и математикой, а спустя три года, выдержавъ блестящимъ образомъ выходной экзаменъ, получилъ высшую награду: двойной дипломъ по классическимъ и математическимъ наукамъ. Кромѣ того, онъ серьезно изучалъ въ университетѣ и богословіе, такъ какъ его религіозныя наклонности только усилились въ оксфордской средѣ, тогда чрезвычайно религіозной, и онъ даже намѣревался посвятить себя духовному званію. Студенческая его жизнь отличалась такъ же, какъ школьная, трудолюбіемъ, порядочностью и строгой нравственностью, что̀ сильно вліяло на его товарищей, и въ сороковыхъ годахъ еще говорили въ Оксфордѣ, что студенты пьютъ меньше прежняго, потому что Гладстонъ показывалъ примѣръ трезвости въ тридцатыхъ годахъ. Естественно, что легкомысленные веселые юноши смѣялись надъ нимъ, увѣряя, что онъ и его друзья способны только бесѣдовать съ старыми дѣвами и откармливать ручныхъ кроликовъ, но лучшія силы тогдашняго Оксфорда, а въ то время тамъ находились такіе люди, какъ кардиналъ Манингъ, Робертъ Ло, Сидней Гербертъ и многіе другіе, которые впослѣдствіи сдѣлались украшеніемъ парламента и церкви, составляли тѣсный его кружокъ, считая его, по словамъ лорда Гуттона, тогда бывшаго студентомъ въ Кембриджѣ, «очень выходящимъ изъ ряда человѣкомъ». Особое впечатлѣніе производило на весь университетъ его замѣчательное краснорѣчіе въ засѣданіяхъ студентскаго общества, называвшагося его заглавными буквами W. E. G., и знаменитаго Оксфордскаго Союза, секретаремъ и предсѣдателемъ котораго онъ былъ въ послѣднее время своего пребыванія въ Alma Mater. Оставаясь вѣрнымъ своимъ торійскимъ идеямъ, онъ развивалъ въ своихъ рѣчахъ самыя консервативныя тенденціи и гово-

ріяъ противъ биля о реформѣ 1830 года, предоставленія евреямъ равноправности и немедленнаго освобожденія невольниковъ въ Вестъ-Индіи, доказывая, что гораздо лучше освободить ихъ постепенно; только въ вопросѣ о католической эманципаціи, слѣдуя по стопамъ своего кумира Канинга, онъ выражалъ болѣе либеральные взгляды. Свое тогдашнее отношеніе къ политикѣ Гладстонъ впослѣдствіи очень мѣтко объяснялъ преобладавшимъ въ Оксфордѣ «страхомъ свободы, которую нельзя было совершенно упразднить, но отъ крайностей которой слѣдовало гарантировать страну». Но каковы бы ни были политическіе принципы, защищаемые юнымъ Гладстономъ, онъ обнаруживалъ такой замѣчательный ораторскій талантъ, что слышавшій его рѣчь противъ биля о реформѣ, Чарльсъ Вордсвортъ, теперь одинъ изъ первыхъ англійскихъ епископовъ, сказалъ во всеуслышаніе: «Я убѣжденъ, что этотъ студентъ будетъ первымъ министромъ Англіи, такъ же, какъ въ томъ, что я существую».

Съ подобной громкой репутаціей вышелъ Гладстонъ изъ Оксфорда и по желанію отца не сдѣлался пасторомъ, какъ онъ этого сильно желалъ, а послѣ шестимѣсячнаго пребыванія въ Италіи, гдѣ онъ восторженно изучалъ чудеса искусства и съ не меньшимъ восторгомъ любовался чудесами природы, вступилъ на парламентское поприще, блестящимъ украшеніемъ котораго ему суждено было быть впродолженіе шестидесяти лѣтъ. Какъ и слѣдовало ожидать, онъ явился на общихъ выборахъ 1832 года кандидатомъ торійской партіи и его политическимъ крестнымъ отцомъ былъ герцогъ Ньюкастльскій, сынъ котораго былъ его университетскимъ товарищемъ. Этотъ могущественный територіальный магнатъ легко провелъ его въ депутаты принадлежавшаго ему мѣстечка Ньюаркъ, и хотя въ избирательныхъ рѣчахъ Гладстона вездѣ слышится консервативная, торійская нота, но въ нихъ замѣчаются и задатки той любви къ народу, тѣхъ заботъ о бѣдномъ классѣ и той жажды справедливости, которыя сдѣлались впослѣдствіи отличительными элементами его политической дѣятельности. «Я прошу вашихъ голосовъ,—говорилъ онъ, между прочимъ, своимъ избирателямъ,—не на основаніи того, чтобъ я поддерживалъ мнѣнія извѣстнаго лица или партіи; я не могу смотрѣть на себя, какъ на ставленника герцога Ньюкастльскаго, а являюсь къ вамъ по приглашенію многихъ почтенныхъ, интеллигентныхъ людей. Я считаю, что для устраненія общественныхъ недостатковъ необходимо принятіе не только спеціальныхъ мѣръ, но и возстановленіе болѣе здравыхъ принциповъ. Противъ нашихъ учрежденій выставляютъ принципы, и въ защиту ихъ слѣдуетъ выставить не гоненія, не подкупы, не сдѣлки съ совѣстью, не могущественныя вліянія, а также принципы, въ особенности тотъ принципъ, что обязанности правителей строго религіозны. Въ ряду первыхъ результатовъ подобной политики было бы обращеніе неусыпнаго вниманія на интересы бѣднаго класса

въ силу того принципа, что тѣ, которые могутъ менѣе всего заботиться о себѣ, должны возбуждать наибольшія заботы въ другихъ. Особливо нашъ долгъ всячески стараться, чтобъ трудъ получалъ достойное вознагражденіе, и всѣ мѣры, стремящіяся къ достиженію этой цѣли, а также къ исправленію законовъ о бѣдныхъ и отмежеванію земли подъ хижины поселянъ, заслуживаютъ самой сочувственной поддержки». Въ этихъ словахъ молодаго Гладстона, котораго Маколей при его вступленіи въ парламентъ называлъ: «восходящей надеждой упорныхъ, непреклонныхъ торіевъ», слышится какъ бы отдаленный, первый лепетъ той благородной защиты народныхъ правъ и народнаго блага, которыми дышатъ краснорѣчивыя рѣчи, произнесенныя въ послѣдніе дни съ такой удивительной энергіей восьмидесятитрехлѣтнимъ великимъ старикомъ.

В. Т.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Девятисотлѣтіе православія на Волыни. 992—1892 г. Часть I и II. Житоміръ. 1892.

О. И. Левицкій. Историческое описаніе Владиміро-Волынскаго Успенскаго храма, построеннаго въ половинѣ XII вѣка кн. Мстиславомъ Изяславичемъ. Кіевъ. 1892.

Волынь въ настоящемъ году торжественно праздновала 900-лѣтній юбилей православія. Юбилей этотъ, помимо разнаго рода корреспонденцій, статей какъ въ русскихъ, такъ и заграничныхъ журналахъ и газетахъ, вызвалъ нѣсколько довольно значительныхъ изданій, изъ которыхъ наиболѣе интересны два названныхъ нами.

Первое изъ нихъ представляетъ собою сборникъ статей, изданный по иниціативѣ волынскаго архіепископа Модеста, при ближайшемъ участіи мѣстныхъ изслѣдователей — Н. Н. Трипольскаго, К. В. Дунаевскаго и др. Авторы не задавались какими бы то ни было научными цѣлями, не имѣли въ виду дать изслѣдованія, основаннаго на самостоятельномъ изученіи источниковъ, поэтому и новыхъ какихъ нибудь выводовъ искать здѣсь нечего. Задачей своей они поставили—освѣтить нѣкоторые наиболѣе важные факты, рельефнѣе обрисовать нѣкоторыя стороны изъ исторической жизни Волыни за 900-лѣтній періодъ, указать на то, что Волынь была искони страной русской, что православіе было религіей господствующей. Цѣль эта достигается авторами вполнѣ. Приведенный длинный списокъ епископовъ, занимавшихъ волынскія каѳедры, съ небольшими ихъ біографіями, затѣмъ историческій обзоръ существовавшихъ и существующихъ монастырей, а также статья «Помянники»

(стр. 477), представляющая собой обработку и перепечатку помянниковъ, найденныхъ въ различныхъ церквахъ Волынской губерніи, даютъ, такъ сказать, фактическую подкладку для обоснованія главной тенденціи сборника. Особенно выдается въ этомъ отношеніи статья «Помянники». Авторъ ея, основываясь на перечняхъ именъ разнаго рода княжескихъ и простыхъ фамилій, пришелъ къ тому не новому, впрочемъ, заключенію, что «знатнѣйшая часть кореннаго западно-русскаго православнаго дворянства мало-по-малу отстала отъ древней вѣры своихъ предковъ и перешла въ римскій католицизмъ»... Выводъ не новъ, но обоснованъ нѣсколько иначе, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ, привлеченъ новый матеріалъ, и потому статья не лишена значенія, даже научнаго. Факты, заключающіеся въ первыхъ трехъ статьяхъ, какъ бы суммируются въ популярно и живо написанномъ очеркѣ: «Внѣшнее состояніе православія на Волыни», въ которомъ изложены судьбы православія съ 992 по 1795 годъ. Другія статьи, вошедшія въ первый отдѣлъ, носятъ болѣе эпизодическій характеръ и посвящены изображенію борьбы православія съ католицизмомъ и уніей. Сюда нужно отнести очень обстоятельный очеркъ: «Волынскія православныя церковныя братства и ихъ дѣятельность», «Древнія волынскія типографіи и ихъ изданія», «Православныя братскія школы на Волыни», «Духовно-учебныя заведенія на Волыни», очеркъ, заключающій въ себѣ исторію волынской семинаріи, духовныхъ мужскихъ и женскихъ духовныхъ училищъ, доведенную до послѣдняго времени, статья «Замѣчательные дѣятели на пользу православія на Волыни», посвященная дѣятельности князя Курбскаго и кн. К. К. Острожскаго. Особнякомъ стоятъ статьи «Благодарныя иконы въ Волынской епархіи», въ которой перечислены всѣ чудотворныя иконы, чтимыя въ Волынской губерніи, съ краткой исторіей каждой (есть, впрочемъ, очень обстоятельныя изложенія исторіи иконъ, напримѣръ, с. Пражева), и «Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ на Волыни въ 1890 году». Таково въ общихъ чертахъ содержаніе первой части. Упрекнуть авторовъ можно развѣ въ томъ, что они не вполнѣ знакомы съ литературой послѣдняго времени, что дало бы имъ возможность избѣжать нѣсколькихъ, правда, незначительныхъ неточностей. Такъ, напримѣръ, въ спискѣ луцко-острожскихъ епископовъ названы — Георгій Фальчевскій съ 1549 г. и Іоаннъ 2-й съ 1566 по 1569 г., которые не могли быть и не были въ это время самостоятельными епископами здѣсь. Произошла же эта ошибка отъ того, что время епископства ихъ предшественниковъ опредѣлено не вѣрно: Ѳеодосій Гулевичъ былъ епископомъ не до 1548, а до 1555 года, Маркъ Журавницкій не до 1566, а до 1569 года. Неточно также епископъ Гулевичъ названъ Ѳедоромъ. Это его мірское имя, въ монашествѣ же онъ былъ Ѳеодосій (Чтенія Общ. Нестора лѣтоп., 1891 г., кн. V, стр. 160). Неправильно также освѣщено удаленіе первопечатниковъ Ивана Ѳедорова и Петра Мстиславца изъ Москвы въ Литовскую Русь. Оно приписано «торгашамъ-книгописцамъ». Выходитъ, какъ будто бы древне-русскіе книгописцы изъ-за какихъ-то торговыхъ расчетовъ, изъ боязни подрыва своей торговли, взвели на первопечатниковъ ересь и постарались ихъ выжить изъ Москвы. Между тѣмъ извѣстно, что дѣло это было дѣломъ глубокой, хотя и въ высшей степени формальной религіозности переписчиковъ, которые въ большинствѣ случаевъ были монахами. Книги переписывались не столько для того, чтобы заработать деньги, сколько для спасенія души. Понятно поэтому, насколько грѣшитъ противъ истины объясненіе, данное факту авторомъ статьи

«Древнія волынскія типографіи» (стр. 225). Что касается до второй части, то въ ней заключаются простыя «Статистическія свѣдѣнія о приходахъ Волынской епархіи» (стр. 1—593), по нашему мнѣнію, совершенно излишнія при существованіи обстоятельнаго труда г. Теодоровича «Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи». Кромѣ того, къ сборнику приложено воззваніе архіепископа Модеста и карта Волынской епархіи. Было бы интересно въ такомъ изданіи видѣть статью о церковно-приходскихъ школахъ на Волыни, а также болѣе подробныя біографіи волынскихъ іерарховъ, изъ которыхъ многіе были людьми нерѣдко выдающимися, какъ, напримѣръ, Димитрій, или Агаѳангелъ (о немъ см., напримѣръ, «Критико-біографическій словарь» Венгерова, т. I).

Что касается до книжки г. Левицкаго, извѣстнаго изслѣдователя южно-русской исторіи, то она представляетъ собой строго научное и популярно, какъ и всѣ работы автора, изложенное изслѣдованіе исторіи Мстиславова храма. Авторъ приходитъ къ заключенію, что отъ эпохи Владиміра Святаго храмовъ не сохранилось на Волыни ни одного, что Мстиславовъ храмъ, будучи памятникомъ половины XII вѣка, является первой по древности святыней во всемъ Юго-Западномъ краѣ. Въ заключеніе авторъ ставитъ нѣкоторыя desiderata относительно возобновленія храма, говоритъ, что необходимо «возстановить Мстиславовъ храмъ по возможности въ его первоначальномъ видѣ, съ строгимъ соблюденіемъ особенностей древне-русскаго церковнаго стиля». В. Б.

Краткій очеркъ Пріамурскаго края. По оффиціальнымъ даннымъ. Спб. 1892.

Пріамурскій край, какъ и всякая другая далекая окраина нашего общирнаго отечества, до сихъ поръ служитъ предметомъ сужденій самыхъ противорѣчивыхъ. Одни восторженно писали о богатѣйшихъ природныхъ условіяхъ Амурскаго края и предсказывали ему блестящее будущее; другіе, напротивъ, придавали этой окраинѣ ничтожное значеніе во всѣхъ отношеніяхъ и главнымъ образомъ доказывали, что край совершенно непригоденъ для насажденія въ немъ русской колонизаціи. Конечно, и тѣ и другіе не правы. Только безпристрастное изслѣдованіе Пріамурскаго края можетъ выяснить его истинное значеніе для Россіи. «Краткій очеркъ Пріамурскаго края по оффиціальнымъ даннымъ», напечатанный по распоряженію г. пріамурскаго генералъ-губернатора, именно и имѣетъ цѣлью представить правдивое, чуждое увлеченій, сужденіе о краѣ, стремясь «обрисовать, хотя въ общихъ чертахъ, будущность этой общирнѣйшей нашей окраины и опредѣлить вѣрно ея значеніе для Россіи».

Въ составъ Пріамурскаго генералъ-губернаторства, учрежденнаго въ 1884 году, входятъ области Приморская, Амурская, Забайкальская и островъ Сахалинъ. Однако, въ «Очеркѣ» эта окраина разсматривается не по ея административному дѣленію, а нѣсколько иначе. Весь Пріамурскій край, обозрѣваемый въ «Очеркѣ», подраздѣляется на четыре части: собственно Пріамурье, затѣмъ Забайкалье, островъ Сахалинъ и, наконецъ, сѣверныя округи. Отмѣтимъ въ обзорѣ каждой изъ этихъ частей то, что представляетъ общій интересъ.

Подъ именемъ Пріамурья слѣдуетъ разумѣть Амурскую область и южную часть Приморской области. Въ «Очеркѣ» приводятся главнѣйшія данныя о флорѣ, фаунѣ и минералахъ Пріамурья, а также свѣдѣнія о рѣкахъ. Но животныя, растенія, минералы и рѣки Пріамурья достаточно описаны изслѣдователями и не возбуждаютъ споровъ; главный вопросъ объ Амурскомъ краѣ обыкновенно полагается въ томъ, возможна ли тамъ успѣшная земледѣльческая культура. Въ этомъ отношеніи мы находимъ въ оффиціальномъ «Очеркѣ» слѣдующія неутѣшительныя данныя: «Хлѣбопашество возможно только въ однѣхъ долинахъ, покрытыхъ вообще неглубокимъ слоемъ невысокаго качества чернозема. Земли, расположенныя по берегамъ рѣкъ, во время половодій, подвергаются иногда наводненіямъ, а тѣ, которыя находятся въ верховьяхъ рѣкъ, не производятъ хлѣба вслѣдствіе возвышеннаго своего положенія, при которомъ вредное вліяніе суроваго климата бываетъ особенно ощутительно. Близость Ледовитаго океана, дующіе холодные морскіе вѣтры и холодныя морскія теченія до того охлаждаютъ климатъ Пріамурья, что, напримѣръ, средняя температура Хабаровки, лежащей на одномъ градусѣ широты съ Екатеринославомъ, равняется средней температурѣ г. Вятки. Климатъ здѣсь такъ суровъ, что во всей сѣверной и сѣверо-восточной части Амурской области никогда вполнѣ не оттаивающая почва образуетъ вѣчную мерзлоту. Вслѣдствіе этихъ условій пространство годной къ хлѣбопашеству земли значительно сокращается и ограничивается лишь относительно небольшими площадями» (по верхнему и среднему теченіямъ р. Амура, по рр. Зеѣ, Завитой и Буреѣ и въ Южно-Усурійскомъ краѣ). Общій выводъ по этому вопросу получается тотъ, что «количество пригодной для сельскаго хозяйства, а слѣдовательно и для заселенія земли хотя и довольно значительно, но составляетъ лишь небольшой процентъ всей площади Пріамурья». Далѣе излагается исторія заселенія края. Здѣсь не лишне отмѣтить тѣ льготы, какія предоставляются переселяющимся въ Пріамурье. Русскіе подданные могутъ переселяться въ Амурскую и Приморскую области или отдѣльными семьями, или сельскими обществами. Каждому такому обществу отводится въ пользованіе, на первыя двадцать лѣтъ безплатно, казенная земля, не болѣе 100 десятинъ на семью. Если по истеченіи двадцати лѣтъ общество не выкупитъ отведенной ему земли, то оно должно платить за дальнѣйшее пользованіе землею оброчную подать. Если бы общество пожелало имѣть земли болѣе 100 десятинъ на семью, то оно можетъ таковую пріобрѣсть въ собственность, съ уплатою въ казну по три рубля за десятину. По этой же цѣнѣ общество имѣетъ право во всякое время выкупить землю, отведенную въ пользованіе. Переселенцы избавляются отъ податей и государственныхъ повинностей на двадцать лѣтъ, отъ земскихъ — на три года, а отъ воинской — на десять призывовъ. Благодаря такимъ льготамъ, въ Амурскую область пришло значительное число переселенцовъ, направлявшихся изъ Россіи чрезъ Сибирь. Но въ Приморскую область, вслѣдствіе большей ея отдаленности, переселенцовъ являлось мало. Поэтому для означенной области были предприняты (съ 1883 г.) особые опыты переселенія крестьянъ изъ Европейской Россіи моремъ, на пароходахъ Добровольнаго флота. Это переселеніе совершалось или всецѣло на казенныя средства, или только при извѣстной субсудіи. Послѣдній способъ оказался наиболѣе всего достигающимъ цѣли. По вопросу о крупномъ землевладѣнія въ Пріамурскомъ краѣ, возбуждавшему въ свое

время немало споровъ, въ «Очеркѣ» приводятся основательныя соображенія. «Продажа казенной земли крупными участками въ однѣ руки, по словамъ «Очерка», не соотвѣтствовала бы интересамъ Пріамурья, такъ какъ край нуждается въ возможно густомъ русскомъ населеніи, а между тѣмъ каждая тысяча десятинъ, отданная въ однѣ руки, уменьшаетъ въ десять разъ число семействъ, могущихъ поселиться на этой землѣ, и соотвѣтственно сокращаетъ въ будущемъ естественный приростъ населенія». Кромѣ того, за недостаткомъ въ краѣ русскаго рабочаго населенія пришлось бы для воздѣлыванія обширныхъ земельныхъ участковъ приглашать, въ качествѣ рабочихъ, китайцевъ и корейцевъ, а это противорѣчитъ задачѣ русской колонизаціи въ краѣ. Поэтому мѣстная администрація признала за лучшее допустить къ продажѣ въ однѣ руки участки въ размѣрѣ не болѣе 400 десятинъ, при чемъ «сравнительно крупные участки уступаются лишь тѣмъ изъ желающихъ купить ихъ, которые могутъ представить матеріальныя доказательства того, что они въ состояніи лично вести соотвѣтственное участку хозяйство». Лица служащія, какъ не имѣющія возможности непосредственно заниматься сельскимъ хозяйствомъ, не допускаются къ пріобрѣтенію земельной собственности. Наконецъ, въ статьѣ о Пріамурьѣ приводятся главнѣйшія статистическія данныя, свидѣтельствующія объ экономическомъ положеніи этого края. Напримѣръ, крупнаго рогатаго скота и лошадей на одно хозяйство приходится: у крестьянъ въ Амурской области—9,4, въ Приморской—4,8; у казаковъ въ Амурской области—14,5, въ Приморской—12,6. Въ 1884 году въ Южно-Уссурійскомъ краѣ едва возможно было накупить 50 тысячъ пудовъ разнаго хлѣба, въ 1891 году его было предложено къ продажѣ уже болѣе 800 тысячъ пудовъ, т. е. на 430% болѣе, тогда какъ въ этотъ же промежутокъ времени населеніе увеличилось всего только на 82%. Жителей было во второй половинѣ 1890 года въ Амурской области—86.893 человѣка и въ Приморской — 107.451 человѣкъ. Изъ естественныхъ богатствъ въ Пріамурьѣ особенно указывается золото, котораго тамъ добывается втеченіе года до 460 пудовъ. Каменный уголь разработывается въ незначительныхъ размѣрахъ. Лѣсной промыселъ, не смотря на обиліе лѣса, находится въ зачаточномъ состояніи. Рыболовство также еще не приноситъ краю надлежащихъ выгодъ. Добыча морской капусты по берегу Татарскаго пролива производится почти исключительно манзами (китайцами), которые и отправляютъ ее на свою родину. Въ краѣ не существуетъ не только фабричной и заводской промышленности, но даже и простой кустарной производительности. Торговля въ краѣ развивается медленно. Въ 1885 году было ввезено товаровъ, кромѣ чая, на 8 съ небольшимъ милліоновъ, а въ 1889 году — почти на 10 милліоновъ. За неимѣніемъ благоустроенныхъ дорогъ, сообщеніе во всемъ Пріамурьѣ производится только по рѣкамъ: лѣтомъ на пароходахъ, зимою на лошадяхъ по льду; во время весенняго и осенняго ледохода передвиженіе по рѣкамъ прекращается недѣль на 5—6. Обмелѣніе рр. Амура и Уссури также почти ежегодно производитъ пріостановку сообщенія въ навигаціонное время на такой же срокъ. Отсюда понятно значеніе для края желѣзнодорожнаго пути, который теперь уже и сооружается.

Послѣ Пріамурья въ «Очеркѣ» дается обзоръ Забайкалья, причемъ разсматривается составъ населенія, его занятія и экономическое положеніе На этой части «Очерка» мы особенно не останавливаемся, такъ какъ Забайкалье представляетъ одну изъ сравнительно благоустроенныхъ старин-

ныхъ областей Сибири (область эта находится во владѣніи русскихъ уже болѣе двухъ вѣковъ) и свѣдѣнія о немъ, приводимыя въ «Очеркѣ», довольно общеизвѣстны. Отмѣтимъ только указаніе администраціи на вредъ, приносимый области ссыльнымъ элементомъ. По окончаніи срока каторжныхъ работъ въ Нерчинскихъ тюрьмахъ, бывшіе преступники приписываются, въ качествѣ ссыльно-поселенцовъ, къ крестьянскимъ обществамъ. Забайкальская область теперь такъ переполнена бывшими уголовными преступниками, что на одного полноправнаго крестьянина приходится 0,13 ссыльно-поселенцевъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—даже до 0,84 человѣка. Эти поселенцы большею частью не живутъ въ мѣстахъ приписки, а разбѣгаются въ разныя стороны по области и совершаютъ всевозможныя преступленія.

Объ островѣ Сахалинѣ въ «Очеркѣ» сообщаются краткія свѣдѣнія, изъ которыхъ узнаемъ, что теперь въ тюрьмахъ острова содержится 5.600 человѣкъ. По окончаніи срока каторжныхъ работъ, преступники, переименованные въ ссыльно-поселенцовъ, водворяются на островѣ, получая ссуду на обзаведеніе хозяйствомъ. Такихъ поселенцовъ въ настоящее время считается тамъ около 4.000 человѣкъ. Невыгодныя климатическія условія Сахалина не допускаютъ развитія на немъ сельско-хозяйственной колоніи, какъ раньше предполагалось, и заставили администрацію края направить заботы къ образованію на Сахалинѣ ссыльно-поселенческой промышленной колоніи. По свѣдѣніямъ «Очерка», каменноугольныя залежи, нефтяные источники, обиліе лѣса, рыбы, морской капусты и пушнины представляютъ всѣ данныя для промысловыхъ занятій штрафнаго населенія.

Послѣдняя изъ разсматриваемыхъ частей Пріамурскаго генералъ-губернаторства обозначается въ «Очеркѣ» именемъ «сѣверныхъ округъ». Этихъ округъ пять: Охотская и Гижигинская по берегу Охотскаго моря, Петропавловская (Камчатка), Анадырская и Командорская (острова Берингъ и Мѣдный). Вся эта полоса по суровости климата совершенно непригодна для хлѣбопашества. Скотоводство также представляется невозможнымъ вслѣдствіе продолжительной зимы (девять мѣсяцевъ). Туземное населеніе состоитъ изъ якутовъ, тунгусовъ, камчадаловъ, коряковъ, алеутовъ и чукчей; русское населеніе заключается только въ нѣсколькихъ десяткахъ семей. Жалкіе обитатели этихъ округъ существуютъ звѣроловствомъ и рыбнымъ промысломъ. Жизнь тамъ ни въ какомъ отношеніи не развивается, и земли эти остаются впродолженіе цѣлыхъ вѣковъ въ одномъ и томъ же положеніи. Въ «Очеркѣ» высказывается даже безотрадный и, по нашему мнѣнію, неправильный взглядъ на эту несчастную землю и судьбу ея жителей. «Населеніе сѣверныхъ округъ,—говорится въ «Очеркѣ»,—можно было бы вызвать изъ того, такъ сказать, оцѣпенѣнія, въ которомъ оно находится; но это значило бы пробудить въ немъ стремленія и потребности, удовлетворить которыя было бы невозможно, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока эти отдаленныя мѣста не будутъ имѣть болѣе частыхъ сношеній съ остальнымъ свѣтомъ, чѣмъ нынѣ имѣютъ (одинъ или два раза въ годъ); до того же времени правильнѣе оставить ихъ въ томъ положеніи, въ какомъ они находятся въ настоящее время, тѣмъ болѣе, что, не зная лучшаго, они вполнѣ довольны своимъ положеніемъ». Но можно ли назвать довольствомъ полное лишеній существованіе тамошнихъ жителей, ихъ безсиліе въ борьбѣ съ суровой природой и другими неблагопріятными условіями?

Въ заключительныхъ страницахъ «Очерка» приводятся свѣдѣнія о на-

родномъ образованіи въ Пріамурскомъ генералъ-губернаторствѣ. Всѣхъ учебныхъ заведеній насчитывается 256. Изъ нихъ мужскихъ гимназій — 2, прогимназій — 1, женскихъ гимназій — 2, прогимназій — 4, реальныхъ училищъ — 1, уѣздныхъ училищъ — 4, городскихъ училищъ — 7, приготовительная военная школа — 1 и начальныхъ училищъ — 234. Тутъ же, въ концѣ «Очерка», дѣлается замѣчаніе, что, не смотря на сравнительно большіе оклады содержанія, пріѣзжіе чиновники долго не служатъ въ краѣ и при первой возможности покидаютъ свои мѣста. Это печальное явленіе, приносящее несомнѣнный вредъ краю, объясняется въ «Очеркѣ» дороговизной мѣстной жизни, суровымъ климатомъ и вообще разными неудобствами тамошняго обыденнаго существованія.

На счетъ того, какую вообще пользу для Россіи приноситъ и въ будущемъ можетъ принести Пріамурскій край,—въ «Очеркѣ» дѣлается слѣдующее резюме: «Нѣкоторый избытокъ населенія Европейской Россіи найдетъ въ немъ вполнѣ гостепріимный пріютъ. Полное матеріальное довольство открываетъ постепенно увеличивающійся рынокъ для сбыта мануфактурныхъ и заводскихъ произведеній Европейской Россіи. Сбытъ за границу естественныхъ богатствъ въ краѣ оживитъ и упрочитъ наши отношенія къ азіатскимъ сосѣдямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ привлечетъ къ намъ деньги изъ-за границы. Край доставляетъ государственному казначейству болѣе трети всего добываемаго въ русскихъ предѣлахъ золота. Край принимаетъ въ себя всѣхъ ссыльно-каторжныхъ имперіи. Но главную и громадную выгоду эта отдаленная окраина представляетъ въ политическомъ отношеніи». Въ послѣднемъ случаѣ имѣется въ виду, что Россія, благодаря существованію хорошихъ гаваней у береговъ Великаго океана въ предѣлахъ Пріамурскаго генералъ-губернаторства, можетъ съ успѣхомъ развить и поддержать свое торгово-политическое положеніе на водахъ Великаго океана и такимъ образомъ имѣть передовую роль среди европейскихъ государствъ, заинтересованныхъ въ торговомъ и политическомъ вліяніи въ раіонѣ Великаго океана.

Въ заключеніе намъ остается сказать, что «Краткій очеркъ Пріамурскаго края» оказывается не зауряднымъ явленіемъ въ оффиціальной литературѣ. Тутъ мы ясно видимъ искреннее желаніе главной администраціи края — уловить сущность мѣстной жизни, дать о ней правдивыя свѣдѣнія, понять дѣйствительные интересы мѣстнаго населенія и указать мѣры, могущія содѣйствовать успѣшному развитію его во всѣхъ отношеніяхъ.

А. О—въ.

К. Головинъ. Соціализмъ какъ положительное ученіе. Спб. 1892.

Знаменитые авторы утопій: Ѳ. Муръ, Кампанелла, Кабэ, находятъ въ настоящее время, какъ извѣстно, опять много подражателей. Книжный рынокъ не только за границей, но и у насъ, наводняется соціологическими романами. Очевидно, читающая публика живо интересуется этого рода литературою. Особенный же успѣхъ имѣла книга г. Эдварда Беллами: «Будущій вѣкъ», или «Черезъ сто лѣтъ», выдержавшая уже у насъ четыре изданія, а за границею, на родинѣ автора, т. е. въ Соединенныхъ Штатахъ,—даже болѣе ста. Съ этимъ явленіемъ надо считаться. Существуютъ, конечно, вѣскія причины возрожденія въ настоящее время фантастической литературы, рисующей намъ картины будущаго соціальнаго, экономическаго и государствен-

наго благополучія. Недовольство существующимъ очевидно усиливается; ослабѣваетъ вѣра въ возможность справиться съ ненормальными общественными условіями безъ кореннаго переустройства всей нашей жизни; масса читателей не особенно подготовлена или мало склонна серьезно вдумываться въ сложныя причины общественныхъ недуговъ, и такимъ образомъ создается почва, весьма благопріятная для картинъ будущаго человѣческаго счастія, имѣющихъ часто очень отдаленное отношеніе къ окружающимъ насъ реальнымъ условіямъ.

Въ виду этого нельзя не отнестись сочувственно къ изслѣдованіямъ, въ которыхъ подобныя фантастическія построенія подвергаются критикѣ съ точки зрѣнія какъ этихъ реальныхъ условій, такъ и положительнаго знанія—продукта вынесеннаго народами опыта и изслѣдованій людей науки. Такою попыткою и является трудъ г. Головина, который мы горячо рекомендуемъ вниманію читателей. Авторъ нашелъ въ книгѣ г. Беллами слѣды положительнаго соціалистическаго ученія и, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, подвергъ критикѣ вообще всѣ соціалистическія ученія, на сколько онъ усматриваетъ въ нихъ признаки положительнаго, а не фантастическаго переустройства общества. Задача, поставленная себѣ авторомъ, какъ мы видимъ, чрезвычайно обширна; но онъ, благодаря недюжинной эрудиціи, съ нею справляется весьма удовлетворительно. Съ другой стороны, однако такая постановка вопроса заставляетъ автора, какъ говорятъ французы, «выламывать открытую дверь». Дѣло въ томъ, что соціальный вопросъ и его теоретическое обоснованіе, такъ называемый соціализмъ, все еще страдаютъ однимъ капитальнымъ недостаткомъ: выяснилось вполнѣ, какія явленія они обнимаютъ, выяснился отрицательный и во многихъ отношеніяхъ крайне прискорбный характеръ этихъ явленій, но средства исцѣленія соціальныхъ недуговъ остаются туманными, неясными. Другими словами, болѣзнь констатирована, сдѣланъ довольно глубокій ея діагнозъ, но ни одинъ соціальный патологъ не можетъ указать сколько нибудь состоятельный способъ леченія. При лучшемъ желаніи найти въ книгѣ г. Беллами признаки положительнаго рѣшенія соціальнаго вопроса, мы ихъ найти не могли или, точнѣе говоря, мы въ ней нашли столько же признаковъ такого положительнаго рѣшенія, какъ въ утопіяхъ Платона, Мура, Бэкона, Кампанеллы вплоть до Кэба. Всѣ эти знаменитые составители утопій съ замѣчательнымъ единодушіемъ рѣшаютъ вопросъ о будущей организаціи человѣческаго общества. Всѣ они отвергаютъ частную собственность, провозглашаютъ принципъ обязательности труда, требуютъ общественнаго воспитанія и общественнаго устройства внѣшней жизни. Кромѣ того, всѣ они, за исключеніемъ отчасти Платона, относятся чрезвычайно равнодушно къ политическимъ учрежденіямъ, не усматривая въ нихъ никакой гарантіи болѣе совершенной организаціи человѣческаго общества. Отличіе книги г. Беллами отъ прежнихъ утопій заключается только въ томъ, что онъ свою фантастическую организацію дѣлаетъ болѣе правдоподобною, примѣшивая къ ней такія формы и установленія, которыя по сродству съ современною дѣйствительностью представляются намъ вѣроятными или возможными. Такъ, напримѣръ, устраняя частную собственность и провозглашая принципъ обязательности труда, онъ говоритъ не объ общности имущества въ грубой формѣ Ѳ. Мура или Кампанеллы, а о національзаціи поземельной собственности, крупнаго капитала и всей промышленности;

провозглашая принципъ обязательнаго труда, онъ организуетъ его на подобіе общей воинской повинности. Но прикрывать явленія личиною современности не значитъ еще измѣнять ихъ сущности. Другими словами, мы у у г. Беллами встрѣчаемъ столько же признаковъ положительнаго соціалистическаго ученія, сколько у всѣхъ его болѣе знаменитыхъ и глубокихъ предшественниковъ въ области построенія утопій. Поэтому г. Беллами вовсе не принадлежитъ, какъ это и подтверждается полу-беллестристическою формою его книги, къ теоретикамъ соціалистамъ, а къ составителямъ утопій, и г. Головинъ дѣлаетъ ему слишкомъ много чести, доказывая, что его фантастическія построенія не выдерживаютъ критики передъ лицомъ положительныхъ статистическихъ и научныхъ данныхъ. Гораздо правильнѣе и остроумнѣе поступилъ депутатъ германскаго рейхстага, г. Рихтеръ, противопоставивъ въ своей извѣстной брошюрѣ «Sozial-demokratiscke Zukunfts-Bilder» соціальному благополучію, изображенному г. Беллами, картину казарменной жизни и полнаго общественнаго разложенія, къ которому неизбѣжно приведетъ торжество принциповъ американскаго писателя; а еще остроумнѣе поступилъ англійскій писатель г. Э. Буажильберъ, написавъ романъ подъ заглавіемъ: «Caesar's Column», въ которомъ онъ въ противоположность г. Беллами доказываетъ, что современная цивилизація неизбѣжно приведетъ къ соціальному и политическому катаклизму, къ саморазрушенію, а вовсе не къ тому благополучію, о которомъ мечтаетъ г. Беллами. По крайней мѣрѣ, гг. Рихтеръ и Буажильберъ борятся съ г. Беллами одинаковымъ оружіемъ и обращаются къ той же широкой аудиторіи среднихъ интеллигентныхъ людей, не склонныхъ заниматься сухой наукой, но очень расположенныхъ знакомиться съ соціальнымъ вопросомъ изъ книгъ, легко и популярно изложенныхъ.

Невольно вспоминается по этому поводу знаменитый стихъ Пушкина:

«Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
«Насъ возвышающій обманъ».

Много «обмана» въ разныхъ соціальныхъ утопіяхъ, а въ наукѣ много «низкихъ истинъ». Правда, въ жизни безъ этихъ истинъ ничего не подѣлаешь, потому что она почти сплошь состоитъ изъ низменныхъ вопросовъ и вопросиковъ. И поэтому труды въ родѣ книги г. Головина намъ крайне нужны. Но и соціальными утопіями намъ брезгать не приходится, такъ какъ и онѣ приносятъ несомнѣнную пользу. Не все вѣдь въ нихъ одинъ «обманъ». Нѣтъ, и въ нихъ есть «истина». Но ея-то г. Головинъ не касается. Она, правда, не поддается трезвому анализу, цифрамъ и научнымъ выводамъ, но ею «живъ человѣкъ». Мы указывали уже на замѣчательное совпаденіе основныхъ выводовъ составителей разныхъ утопій. Люди, жившіе за нѣсколько вѣковъ до Рождества Христова, въ средневѣковомъ мракѣ, при яркомъ свѣтѣ современной цивилизаціи, подъ горячими лучами южнаго солнца, способствовавшаго расцвѣту чудесной классической литературы, подъ вѣчно туманнымъ небомъ Альбіона, во времена инквизиціи и подавленія всякой личной свободы, при Филиппѣ II и Людовикѣ XIV и затѣмъ въ наше время, въ свободнѣйшей изъ всѣхъ странъ, въ Соединенныхъ Штатахъ,—всѣ эти философы, ученые, государственные люди, католическіе монахи, лютеранскіе пасторы, простые публицисты, составившіе фантастическіе планы будущей общественной организаціи, пришли къ совершенно тождественнымъ выводамъ, и всѣ они говорятъ намъ съ полнымъ единодушіемъ,

что сила не въ томъ или другомъ политическомъ строѣ, а въ надлежащей соціальной и экономической организаціи, основанной на общности имущества, на обязательности труда, что основная причина невозможности достигнуть соціальнаго совершенства заключается въ эгоизмѣ, а синтезъ всѣхъ этихъ плановъ переустройства общества коренится въ этическомъ ученіи, выше котораго мы не знаемъ и которое насъ учитъ дѣлиться съ ближнимъ всѣмъ, что у насъ есть, дорожить только царствіемъ Божіимъ, а главное блюсти заповѣдь, въ которой «висятъ весь законъ и пророцы: возлюбиши искренняго твоего, яко самъ себе»,—нѣтъ, больше того: «любите враги ваша».

Это совпаденіе основныхъ выводовъ составителей соціальныхъ утопій съ совершеннѣйшимъ этическимъ ученіемъ служитъ яснымъ указаніемъ, что для водворенія рая на землѣ или, по крайней мѣрѣ, для устраненія главныхъ несовершенствъ нашей соціальной и экономической жизни необходимо обновленіе, дальнѣйшее усовершенствованіе внутренняго человѣка, и что все, что къ этому приводитъ, все, что возвышаетъ нашу душу, все, что возбуждаетъ въ насъ «добрыя чувства», хотя оно и не под давалось бы ни измѣренію, ни счисленію, ни строгому научному анализу, составляетъ также истину, а книги, возбуждающія въ насъ такія добрыя чувства, оказываютъ свою пользу и заслуживаютъ вниманія. Если насъ спросятъ, гдѣ въ нихъ истина, мы иногда затруднимся отвѣтить на этотъ вопросъ. Можетъ быть, многое, если не все, окажется въ нихъ ложнымъ, но если онѣ возбуждаютъ въ насъ настроеніе, которое заставляетъ насъ спѣшить на помощь несчастному или обездоленному, благословлять то, что въ нашихъ установленіяхъ служитъ облегченію человѣческаго горя, ужаснуться передъ послѣдствіями торжества эгоизма, — то мы, всетаки, скажемъ, что такія книги насъ приближаютъ къ истинѣ, какъ бы фантастичны онѣ ни были. Гг. Беллами и Вуажильберъ враждуютъ между собою: одинъ утверждаетъ, что современная цивилизація приведетъ насъ къ земному раю, другой не менѣе категорически утверждаетъ, что она приведетъ насъ къ взаимному истребленію, къ крушенію всей цивилизаціи, къ первобытному одичанію, къ мерзости запустѣнія. И тѣмъ не менѣе, не смотря на противоположность ихъ взглядовъ, оба возбуждаютъ въ насъ одно и то же настроеніе. Читая книги того и другаго, мы одинаково приходимъ къ выводу: необходимо подавить въ себѣ эгоизмъ, необходимо больше жить для ближняго, ибо въ этомъ и «законъ, и пророки».

Намъ кажется, что г. Головинъ, полемизируя съ г. Беллами, слишкомъ уже подчеркиваетъ неизмѣнность человѣческой природы. Неужели человѣкъ въ нравственномъ отношеніи вовсе не совершенствуется! Никто не рѣшится это утверждать. Наука, имѣющая дѣло съ положительными фактами, конечно, не можетъ не считаться съ преобладаніемъ эгоизма и упускать изъ виду вліяніе этого могущественнаго фактора, который несомнѣнно все еще требуетъ въ жизни сильнаго противовѣса. Но когда мы имѣемъ дѣло съ книгами не научнаго характера, а расчитанными на то, чтобы дѣйствовать на воображеніе и чувство, чтобы яркою картиною благотворныхъ послѣдствій торжества альтруизма или опасныхъ послѣдствій торжества эгоизма укрѣпить въ читателѣ любовь къ ближнему, несчастному, обездоленному, страждущему не по своей винѣ, то нѣтъ никакого основанія упрекать авторовъ такихъ книгъ за то, что они въ своихъ фантастическихъ картинахъ упускаютъ изъ виду вліяніе эгоизма: вѣдь они и

пишутъ свои книги для того, чтобы подавить въ насъ это чувство. Возбуждая въ насъ настроеніе, благопріятное для воспринятія основной тенденціи ихъ трудовъ, они подготовляютъ средняго интеллигентнаго читателя къ тому, чтобы серьезнѣе задуматься надъ средствами, которыми мы располагаемъ для устраненія соціальныхъ недуговъ. Книга г. Беламми вызвала книгу г. Головина, и мы можемъ только пожелать, чтобы послѣдній нашелъ себѣ у насъ столько же читателей, сколько нашелъ ихъ первый. Возбужденіе чувства состраданія къ обездоленнымъ современнаго общества и твердая рѣшимость избрать наиболѣе пригодныя средства для обезпеченія ихъ участи, голосъ сердца, глубокое состраданіе, и голосъ ума, трезвый и всесторонній анализъ, вѣрнѣе всего въ тѣсномъ союзѣ приведутъ насъ къ рѣшенію великаго соціальнаго вопроса. Р. Сементковскій.

Историческій очеркъ города Шуи. Составилъ дѣйствительный членъ Владимірскаго губернскаго статистическаго комитета Ѳ. Г. Журовъ. Владиміръ. 1892.

«Очеркъ» г. Журова обнимаетъ исторію г. Шуи съ древнихъ временъ до нашихъ дней. Интересны воспоминанія самого автора о жизни шуянъ въ 1820 годахъ. Сравнивая то время съ настоящимъ, онъ говоритъ, что теперешняя жизнь «перворазрядныхъ гражданъ г. Шуи, полная довольства и роскоши», и «въ сравненіе не можетъ быть поставлена съ жизнію ихъ предшественниковъ». «Тогдашняя жизнь была скромная, тихая, экономная. Такой роскоши, какъ нынѣ, въ домахъ не было; баловъ съ музыкой и танцами не водилось, потому что музыкантовъ не было, и танцовать граждане не умѣли. Изъ экипажей довольствовались простыми дрожками, называемыми нынѣ почему-то штарами и какихъ теперь уже не существуетъ, да и таковыхъ было не много; самовары имѣлись далеко не въ каждомъ домѣ, и чай подавался не каждый день, а лишь по праздникамъ или для гостей. Въ нѣкоторыхъ домахъ, вмѣсто свѣчъ, жгли лучину, втыкая ее въ рожки свѣтца. Одежда дѣлалась очень экономная, сравнительно съ нынѣшней даже бѣдная. Мужчины ходили въ длинныхъ сюртукахъ, называвшихся сибирками. Штаны заправляли за голенища, рубашку на выпускъ. Молодыя женщины носили платья, пожилыя—сарафаны. Шляпокъ не было. Молодыя дамы повязывались косочкомъ, что называлось повязаться по модочкѣ, а пожилыя покрывались платками на кичку. Въ волосахъ, какъ говорилось тогда, простоволосой, съ непокрытой головой ходить считалось неприличнымъ. Развлеченіе для мужчинъ въ зимнее время составляли кулачные бои, чѣмъ не считали за неприличное развлекаться и богатые фабриканты, выходя на стѣнку съ своими фабричными рабочими, предварительно подпоивъ ихъ виномъ. Другихъ развлеченій почти не было. Спать ложились всѣ рано. Обѣдали въ 11 часовъ. Столъ былъ очень умѣренный и экономный. Посты соблюдались строго. Денежной картежной игры не было, табаку не курили — считалось предосудительнымъ. Встрѣчаясь на улицѣ, знакомые или совсѣмъ незнакомые, непремѣнно раскланивались; рукопожатій не дѣлалось. Изъ опасенія воровства, окна на ночь закрывались закроями и запирались желѣзными болтами. Вороты и днемъ и ночью всегда были заперты. Дома строились не обширны, отдѣлывались скудно и съ большими неудобствами.

Крыши были деревянныя. Мостовыхъ не было; въ дождливую погоду стояла грязь непроходимая. Деньги тратились съ чрезвычайной бережливостью. Тогдашній гривенникъ, стоившій 36 коп. ассигнаціями, цѣнился не менѣе нынѣшняго рубля. На рынкѣ преобладали ассигнаціи и монета мѣдная. И первыя, и послѣдняя для пріема были обязательными. Такъ какъ послѣдняя для перевозки была очень неудобна, то кредиторы старались всегда получить сумму ассигнаціями, хотя съ нѣкоторой уступкой въ пользу плательщика. Отсюда произошелъ лажъ на ассигнаціи»...

Книги читались тогда мало, «какъ по недостатку ихъ, такъ и по недостатку желанія и по неумѣнью читать гражданскую печать. Если и читались нѣсколько поболѣе, то только людьми какъ бы исключительными, современными прогрессистами, имѣвшими торговыя дѣла съ Петербургомъ, Москвой и Украйной. Оттуда они привозили по большей части подержанные романы и исторіи въ переводахъ съ иностранныхъ писателей и, конечно, по нынѣшнему малосодержательные. Таковыя были: «Исторія о принцѣ Венеціанѣ», «Георгъ, англійскій милордъ», «Малекъ Адель», «Бова Королевичъ», «Еруслапъ Лазаревичъ» и нѣкоторыя другія; изъ русскихъ же сочиненій наиболѣе читались: «Духъ Карамзина» и стихотворенія Нахимова, пропитанныя горькою сатирой на тогдашніе суды. Немногіе читали библію, тщательно тогда распространявшуюся библейскимъ обществомъ; нѣсколько болѣе прилежали къ чтенію священныхъ книгъ: часовника, псалтыря и каноника, по которымъ эти лица учились читать. Книги же не проученныя ими читались очень тупо, по складамъ. Изъ періодическихъ изданій извѣстны были только «Московскія Вѣдомости»; но онѣ выписывались въ маломъ количествѣ и потому, какъ рѣдкость, переносились изъ дома въ домъ небольшаго числа любознательныхъ людей». Не то въ настоящее время: «въ городѣ есть довольно порядочная публичная библіотека, откуда можно пользоваться книгами и періодическими изданіями за весьма умѣренную цѣну. Однако этотъ источникъ для гражданъ оказывается недостаточнымъ, и они большое число періодическихъ изданій выписываютъ частнымъ образомъ» (130 изданій въ количествѣ 960 экземпляровъ», тогда какъ шесть лѣтъ тому назадъ выписывалось лишь 636 экземпляровъ). «Разсматривая выписываемыя изданія по ихъ направленію,—оптимистически замѣчаетъ авторъ,—мы видимъ другой характерный фактъ, что выписка увеличивается лишь тѣхъ изданій, которыя стоятъ за прогрессъ, выписка же регрессивныхъ изданій сокращается». С.

К. Плотниковъ. Исторія русскаго раскола, извѣстнаго подъ именемъ старообрядчества. Выпуски I—III. Спб. 1891—92.

Авторъ этой книги, преподаватель олонецкой духовной семинаріи, К. Н. Плотниковъ извѣстенъ въ спеціальной богословской литературѣ своимъ «Руководствомъ по обличенію раскола» (Петрозаводскъ, 1889). Содержаніе настоящаго его сочиненія слѣдующее: происхожденіе раскола; расколъ въ первыя два десятилѣтія послѣ собора 1667 г. и раздѣленіе его на секты (выпускъ I); краткій очеркъ отношеній церковнаго и гражданскаго правительства къ расколу съ XVII вѣка до настоящаго времени (выпускъ II) и исторія безпоповщинскихъ и поповщинскихъ толковъ (выпускъ III).

«Исторія русскаго раскола» написана «примѣнительно къ программѣ духовныхъ семинарій», и задачей автора не могла быть научная обработка предмета, сообщеніе новыхъ или оригинальное освѣщеніе ранѣе извѣстныхъ матеріаловъ; по самому существу дѣла, онъ долженъ былъ ограничиться группировкой извѣстнаго историческаго матеріала по опредѣленнымъ рубрикамъ программы. Тою же программою опредѣляется и самая точка зрѣнія на предметъ, такъ что свобода автора доведена здѣсь до послѣдняго minimum'a. Въ указанныхъ границахъ г. Плотниковъ справился со своею задачею вполнѣ удовлетворительно: будучи основательно знакомъ съ литературою предмета, онъ свободно оріентируется въ массѣ подлежащаго матеріала, умѣлою рукой выбирая изъ него все существенное; изложеніе у него краткое, но обстоятельное, и притомъ почти всегда чисто литературное... Словомъ, онъ обладаетъ компиляторскимъ талантомъ, и его книгу мы рекомендуемъ не только учащимъ и учащимся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, для которыхъ она предназначена, но и вообще лицамъ, желающимъ ознакомиться съ внѣшней стороной раскола и раздѣленіемъ его на секты. Конечно, при этомъ нужно имѣть въ виду, что авторъ раздѣляетъ всѣ недостатки школы, къ которой онъ принадлежитъ. По самому его положенію, для него обязательна традиціонная точка зрѣнія, значительно дискредитированная безпристрастными изслѣдованіями послѣднихъ лѣтъ. Такъ, авторъ видитъ въ расколѣ одну только церковно-обрядовую сторону, совершенно игнорируя соціальное значеніе этого явленія, односторонне освѣщаетъ дѣятельность патріарха Никона, примыкаетъ иногда къ полицейско-слѣдственному воззрѣнію на расколъ и т. п. Помимо этихъ не лично ему принадлежащихъ недостатковъ, хорошее впечатлѣніе, производимое его книгой, нарушается въ нѣкоторыхъ,—правда, очень рѣдкихъ,—случаяхъ неумѣстными замѣчаніями. Напримѣръ, во 2-мъ выпускѣ, стр. 32—33, читаемъ: «Распоряженія правительства (1860-хъ гг.) давали значительную свободу раскольникамъ, но въ дѣйствительности раскольники пользовались еще большею свободою. Въ этомъ не мало виновна (sic) свѣтская литература 60-хъ годовъ настоящаго столѣтія. Будучи недостаточно знакома съ расколомъ и его положеніемъ въ православной церкви (не А. П. Щаповъ ли мало былъ знакомъ?) и руководясь либерализмомъ (sic), она въ своихъ сужденіяхъ о расколѣ и мѣропріятіяхъ по отношенію къ нему не всегда соблюдала мѣру и осмотрительность. А между тѣмъ раскольники внимательно слѣдили за этими сужденіями и подъ вліяніемъ ихъ стали неправильно понимать свое положеніе, неправильно понимать законы о расколѣ и упрекать православную церковь за ея будто бы неправильное отношеніе къ нимъ». Подобныя выходки противъ «либерализма» литературы 60-хъ годовъ теперь въ большой модѣ, но ихъ мѣсто не на страницахъ учебниковъ... И мы совѣтовали бы автору, при слѣдующихъ изданіяхъ его руководства, выпустить такія мѣста, могущія сбить съ толку малоподготовленныхъ читателей: ученики духовныхъ семинарій не знакомы со «свѣтскою литературою» не только 60-хъ годовъ, но и съ современною, и голословныя утвержденія, въ родѣ вышеприведеннаго, могутъ внести въ нихъ понятія только путаницу.

М. С—скій.

Пермскій край. Томъ первый. Изданіе Пермскаго губернскаго статистическаго комитета. Пермь. 1892.

Громъ не грянетъ, говоритъ русская пословица, мужикъ не перекрестится, и справедливость ея какъ нельзя лучше подтвердилась въ настоящій голодный годъ. О неурожаѣ, о голодѣ у насъ начали говорить только тогда, когда онъ пришелъ, когда никакая благотворительность—ни частная, ни общественная, не смотря на всю свою щедрость, не въ состояніи была предотвратить страшнаго бѣдствія. Тутъ только начались размышленія, какъ помочь «пострадавшимъ отъ неурожая», какія причины вызвали его и какъ ихъ парализовать въ будущемъ. Результатомъ размышленій явилась масса дѣльныхъ, но запоздалыхъ, статей, книгъ, статистическихъ таблицъ, однимъ словомъ создалась цѣлая обширная литература, къ которой нужно отнести также и первый томъ «Пермскаго края».

По словамъ редактора его г. Смышляева, «теперь на очереди—вопросъ о подъемѣ экономическаго благосостоянія края, потрясеннаго постигшимъ его нынѣ бѣдствіемъ», и содержаніе сборника на половину является прямымъ отвѣтомъ на такой вопросъ. Открывается онъ статьей г. Красноперова: «Благотворительность, какъ одинъ изъ факторовъ экономическаго благосостоянія и прогресса». Статья эта начинается изложеніемъ взглядовъ на этотъ предметъ физіократовъ, Мальтуса и другихъ—изложеніемъ, составленнымъ преимущественно по книгѣ проф. Иванюкова: «Основныя положенія теоріи экономической политики», Дж. Ингрема «Исторія политической экономіи», и въ концѣ концовъ сводится къ напоминанію о прекрасномъ, чрезвычайно важномъ для края, но не осуществившемся учрежденіи, именно Пермскомъ экономическомъ обществѣ. Общество это было основано лѣтъ десять тому назадъ, уставъ его былъ утвержденъ правительствомъ, но... больше, кажется, ничего и не было. Задачъ своихъ оно не осуществило. А между тѣмъ задачи эти были очень широки. Усматривая причину неурожаевъ въ чрезвычайномъ истощеніи почвы, являющемся прямымъ результатомъ неумѣлаго и примитивнаго способа обработки земли крестьянами, которые, какъ это можно видѣть изъ помѣщенной здѣсь же статьи г. Теплоухова «О земледѣльческихъ орудіяхъ Пермской чуди», до сихъ поръ пользуются почти тѣми-же орудіями, какими пользовалось много вѣковъ тому назадъ мѣстное населеніе Пермской губерніи,—общество считало нужнымъ перевоспитать народъ, научить его вести правильное хозяйство и дать средства примѣнить къ дѣлу эти познанія. Г. Красноперовъ своей статьей напоминаетъ объ этомъ забытомъ обществѣ, но, къ сожалѣнію, не говоритъ о томъ, какъ осуществить его, какъ обойдти общественную косность, недостатокъ частной инщіативы, гдѣ взять необходимыя, несомнѣнно большія средства для того, чтобы общество не только существовало, но и дѣйствовало. А между тѣмъ указать это было бы, пожалуй, важнѣе, чѣмъ просто напомнить. Этого недостатка мы не находимъ въ слѣдующей статьѣ, которая представляетъ собой докладъ особой коммиссіи Пермскому отдѣленію императорскаго Русскаго техническаго общества: «По вопросу объ участіи Уральскихъ горныхъ заводовъ въ постройкѣ Сибирской желѣзной дороги въ связи съ послѣдствіями неурожая 1891 года». Статья эта имѣетъ въ виду главнымъ образомъ населеніе, живущее работой на заводахъ. Неурожай несомнѣнно уменьшилъ бы спросъ на предметы производства, отчего уменьшилась бы дѣятель-

ность заводовъ, а слѣдовательно и заработокъ громаднаго населенія этихъ заводовъ. Обезпечить же населеніе можно расширеніемъ дѣятельности заводовъ, если заказы на желѣзо и издѣлія, необходимыя для постройки желѣзной Сибирской дороги, давать попреимуществу Уральскимъ заводамъ, что, несомнѣнно, будетъ выгодно и для самой дороги. Такимъ образомъ здѣсь вопросъ о помощи горнозаводскому населенію рѣшается вполнѣ опредѣленно и положительно. По своему характеру сюда же относятся приложенныя въ концѣ книги свѣдѣнія г. Миропольскаго о среднихъ цѣнахъ, существовавшихъ въ 12 уѣздахъ Пермской губерніи на рожь, ячную крупу и овесъ, за послѣднія 14 лѣтъ, и здѣсь же діаграмма г. Олѣсова, показывающая количество выпавшихъ атмосферныхъ осадковъ и колебанія температуры втеченіе девятнадцати послѣднихъ лѣтъ, сдѣланная имъ на основаніи наблюденій въ Каменскомъ заводѣ Камышловскаго уѣзда. Сопоставленіе свѣдѣній г. Миропольскаго съ діаграммой г. Олѣсова наглядно указываютъ на связь между цѣнами хлѣбныхъ продуктовъ, а слѣдовательно степенью урожая, и атмосферными явленіями.

Кромѣ этихъ статей, вызванныхъ злобой дня, въ сборникѣ помѣщено нѣсколько любопытныхъ статей историко-этнографическаго характера: П. О. Чупина «По поводу поѣздки на Уралъ и въ Сибирь бригадира Бээра въ 1744—1746 гг.», написанная преимущественно по документамъ Барнаульскаго горнаго архива, чрезвычайно обстоятельная работа свящ. А. Топоркова «О Васильевско-Шапранскомъ заводѣ», въ которой, помимо обычнаго историческаго очерка, находимъ много этнографическихъ свѣдѣній и любопытныхъ статистическихъ цыфръ и выкладокъ, дающихъ точное и всестороннее понятіе о состояніи и жизни населенія этого завода. Здѣсь же сообщаются нѣкоторыя данныя относительно раскольниковъ. Объ нихъ, впрочемъ, говорится также мимоходомъ и въ статьѣ г. Чупина, изъ чего можно видѣть, что раскольниковъ здѣсь довольно много. Г. Солодовниковъ въ статьѣ «Неплательщики» сообщаетъ много новыхъ и интересныхъ фактовъ объ этой почти неизслѣдованной сектѣ, вызванной неправильнымъ толкованіемъ нѣкоторыхъ статей горнаго устава и извѣстныхъ законодательныхъ распоряженій, изданныхъ 19-го февраля 1861 г. Толкованіями этими неплательщики первоначально мотивировали свое нежеланіе платить подати, отбывать повинности и только впослѣдствіи придали своему ученію опредѣленную религіозную окраску, причемъ многое заимствовали въ готовомъ видѣ изъ раскола. Здѣсь же напечатаны небольшія статьи г. Дмитріева: «Происхожденіе названія и судьбы Бухонина волока» и г. Теплоухова «Народное празднество «Три елочки» въ Богородской волости Пермскаго уѣзда». В. Б.

А. П. Субботинъ. Чай и торговля имъ. Съ приложеніемъ картъ, діаграммъ, фототипій и гравюръ. Спб. 1892.

Книга г. Субботина представляетъ полную картину географическаго распространенія чайнаго куста, его культуры въ Китаѣ, акклиматизаціи въ другихъ странахъ (въ Индіи, Цейлонѣ, Японіи и т. д.), опытовъ насажденія его въ Россіи на Кавказѣ, фальсификаціи и суррогатовъ чая (копорскій чай, земляничный, рогожскій (спитой) и т. д.), дѣйствія чая на организмъ, соціальнаго его значенія для общественныхъ нравовъ, въ особенности въ

борьбѣ съ алкоголизмомъ, а также въ производствахъ, тѣсно связанныхъ съ потребленіемъ чая (сахарномъ, самоварномъ, посудномъ и т. д.), и международныхъ отношеній по вопросамъ о чайныхъ рынкахъ, торговыхъ путяхъ, провозныхъ платахъ, пошлинахъ, контрабандѣ и т. д. Кромѣ того, книга не лишена любопытныхъ справокъ по исторіи сношеній Россіи съ Китаемъ, исторіи Кяхтинской торговли и ея постепеннаго упадка, водворенія и усиленія контрабанды съ увеличеніемъ пошлинъ и удешевленіемъ морскаго пути внѣ Россіи и т. д. Авторъ совершенно справедливо говоритъ: «въ нашей экономической литературѣ ощущается большой пробѣлъ въ отсутствіи обстоятельной монографіи о чаѣ, такъ какъ со времени изданія книгъ Корсака и Крита, т. е. втеченіе 30 лѣтъ, когда чайное дѣло развернулось до большихъ размѣровъ и вступило въ новый фазисъ, не было ни одного спеціальнаго труда. Такія крупныя явленія, какъ развитіе морской перевозки чая, служащей залогомъ развитія нашихъ торговыхъ сношеній съ дальнимъ востокомъ, водворенія русскаго торговаго вліянія въ самомъ Китаѣ, открытіе розничной торговли крупными фирмами, закупающими чай въ Китаѣ, подчиненіе чайной торговли спеціальному надзору, появленіе на рынкѣ индійскаго, цейлонскаго, японскаго и др. чаевъ, проекты новыхъ грандіозныхъ путей, связанные съ развитіемъ чайной торговли,—все это должно обратить на себя большое вниманіе, такъ какъ имѣетъ большое значеніе для экономической жизни Россіи». Объемистая монографія г. Субботина о чайномъ производствѣ и торговлѣ чаемъ дѣйствительно захватываетъ по пути цѣлый рядъ вопросовъ, интересныхъ не только въ практическомъ смыслѣ для чаеторговцевъ, но и въ научномъ смыслѣ, какъ вспомогательный матеріалъ для разныхъ наукъ, а также и для мѣропріятій по азіатско-русской торговлѣ. Такими общественно-экономическими вопросами являются въ книгѣ г. Субботина, между прочимъ, историческая роль Кяхты въ чайной торговлѣ; обзоръ тѣхъ мѣръ (высокая пошлина и первоначальное запрещеніе торговли на деньги), которыми созданъ «рынокъ» въ Кяхтѣ и сухопутный путь для чая черезъ Кяхту; обозрѣніе новыхъ рынковъ и новыхъ путей: пароходнаго по Амуру, морскаго черезъ Суецъ и т. д. Отсюда, вслѣдствіе морскаго пути, небезъинтересна роль Кантонскихъ чаевъ, какъ конкуррентовъ сухопутнымъ чаямъ, и вліяніе запретительнаго тарифа на развитіе контрабанды и фальсификаціи чая. Чайное производство и торговля въ отличіе отъ питейной и табачной полезны во всѣхъ отношеніяхъ, особенно, если организаціей чайнаго дѣла, съ финансовой и бытовой стороны, займутся свѣдущіе люди. При удешевленіи провоза и успѣшнаго разведенія чайныхъ плантацій у насъ на Кавказѣ, чай можетъ стать предметомъ первой необходимости въ народной средѣ и мало-по-малу замѣнить собой чрезмѣрное употребленіе въ народѣ алкоголя. Къ сожалѣнію, Россія ознакомилась съ чаемъ гораздо позднѣе, чѣмъ другія страны. Въ 1638 г. посольство, отправленное изъ Москвы къ Алтынскимъ ханамъ, было угощаемо чаемъ и обдарено имъ при отъѣздѣ, въ обмѣнъ за подарки московскаго царя. Посолъ Василій Старковъ отказывался отъ такого ничтожнаго подарка, какъ чай, но когда чай былъ привезенъ въ Москву и испробованъ боярами, то очень имъ понравился и съ тѣхъ поръ вошелъ въ употребленіе. Первое время китайцы часто нарушали торговые договоры съ Россіей, и правильная торговля съ Китаемъ установилась всего нѣсколько десятковъ лѣтъ. Въ 1861 году въ Китаѣ учреждено русское посольство, а въ 1869 г. въ Петербургѣ поселилось китай-

ское посольство. Тѣмъ не менѣе потребленіе чая въ Россіи развито весьма слабо, сравнительно съ потребленіемъ его въ другихъ странахъ. Сводя цифровыя данныя о среднемъ душевомъ потребленіи въ главныхъ чайныхъ странахъ, получаемъ такую картину:

	Фунтовъ на душу.		
	1870 г.	1880 г.	1890 г.
Австралія	—	7,5	8,5
Англія	3,2	5,0	5,5
Канада	—	3,6	4,5
Соед. Штаты	1,0	1,5	1,5
Голландія	0,8	1,3	1,3
Россія	0,38	0,45	0,5

Такимъ образомъ Россія употребляетъ $^1/_2$ ф. чая на человѣка, а Англія въ десять разъ больше. Объясняется это, между прочимъ, тѣмъ, что въ европейскихъ странахъ (гдѣ, не смотря на то, что средній доходъ гражданина больше, чѣмъ у русскаго) пошлины на чай значительно меньше, чѣмъ у насъ. По тарифамъ 1862 г. и 1887 г. (съ фунта коп.) брали пошлину:

	1862 г.	1887 г.
Россія	40	$52^1/_2$
Англія	40	14
Германія	$7^3/_8$	13
Франція	$7^1/_2$—$25^1/_3$	21—27
Италія	15	21
Голландія	$5^1/_2$	
Австрія		23—27
Финляндія		32—44
Соед. Штаты	0	0

Такимъ образомъ, выше всѣхъ пошлина въ Россіи. Въ 1886—1890 гг. отношеніе пошлины къ цѣнности чайнаго ввоза равнялось 90%. Удивительно ли, что контрабанда и фальсификація чаевъ при этихъ условіяхъ были весьма прибыльнымъ ремесломъ и процвѣтаютъ до сихъ поръ во всей силѣ. Въ книгѣ г. Субботина указаны, однако, многочисленныя мѣры къ ослабленію означенныхъ золъ, равно и тѣ мѣры, которыя могли бы способствовать будущности чайнаго дѣла въ Россіи. А. Фаресовъ.

М. Грушевскій. Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія. Кіевъ. 1892.

Трудъ г. Грушевскаго входитъ въ серію областныхъ монографій по русской исторіи и написанъ на тему, предложенную профессоромъ Кіевскаго университета В. В. Антоновичемъ, по иниціативѣ котораго появился весь предшествовавшій рядъ такого рода монографій гг. Молчановскаго, Голубовскаго, Андріяшева, Багалѣя, Довнара-Запольскаго и друг. Настоящая монографія по своему значенію несомнѣнно важнѣе всѣхъ предшествовавшихъ какъ по взятой темѣ, такъ и по ея разработкѣ. Вѣдь исторія Кіев-

ской земли до XIV вѣка—это вся наша древняя исторія. Авторъ очень удачно справился со своей темой, обратилъ вниманіе не только на внѣшнюю исторію земли, но и на внутреннюю, не ограничился только сведеніемъ критически-провѣренныхъ лѣтописныхъ извѣстій, но постарался найдти въ нихъ «взаимную связь и смыслъ». Все это несомнѣнно увеличило интересъ къ этой работѣ.

Изслѣдованіе свое г. Грушевскій раздѣлилъ на четыре отдѣла. Въ первомъ собраны историко-географическія данныя, второй отдѣлъ, распадающійся на три главы, обнимаетъ обзоръ внѣшней исторіи земли до монгольскаго нашествія, третій—заключаетъ очеркъ политико-общественнаго строя и быта земли за это же время и, наконецъ, въ четвертомъ отдѣлѣ сведены всѣ вообще данныя о Кіевской землѣ отъ монгольскаго нашествія до конца XIV вѣка. Данныя эти слишкомъ незначительны, очень отрывочны, и потому автору приходилось «давать здѣсь широкую роль гипотетическому элементу», съ помощью котораго только и можно было связать ихъ въ одно цѣлое. Въ этой главѣ пришлось г. Грушевскому затронуть два спорныхъ вопроса, окончательное рѣшеніе которыхъ было бы очень интересно, а именно: вопросъ о малорусскомъ языкѣ въ Кіевѣ и вопросъ о литовскомъ завоеваніи Кіева. Первый очень рѣзко и опредѣленно былъ поставленъ еще Погодинымъ, который рѣшилъ, что Кіевская область, или, по крайней мѣрѣ, область полянъ, первоначально населена была великоруссами. Когда Кіевъ былъ разрушенъ татарами, кіевщина пришла въ запустѣніе, великороссы выселились на сѣверо-востокъ, а ихъ мѣсто заняли малороссы, пришедшіе изъ Карпатъ или Галиціи и Волыни. Недавно эту гипотезу поддержалъ г. Соболевскій, который въ своемъ рефератѣ, читанномъ въ обществѣ Нестора Лѣтописца, высказалъ мнѣніе, что малорусскій языкъ былъ принесенъ въ Кіевскую область и въ Заднѣпровье приблизительно въ XV вѣкѣ съ запада, изъ Подоліи, Волыни и Галича, колонистами, ассимилировавшими остатки стараго кіевскаго населенія. Возраженія, сдѣланныя здѣсь же послѣ прочтенія реферата, проф. Антоновичемъ, Житецкимъ и друг., а затѣмъ, такимъ компетентнымъ и совершенно безпристрастнымъ ученымъ, какъ Ягичъ, дали полное право г. Грушевскому не принять гипотезы г. Соболевскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и «запустѣнія Кіевской земли, разрѣженія населенія и т. п.» (стр. 435).

Второй спорный вопросъ—о литовскомъ завоеваніи. Профессоръ В. Б. Антоновичъ, посвятившій отдѣльную монографію первоначальной исторіи Литвы, пришелъ къ заключенію, что никакого завоеванія не было, что подчиненіе Кіевской земли литовскими князьями пришло постепенно, такъ что не произвело никакихъ рѣзкихъ перемѣнъ въ жизни земли и скоро исчезло изъ народной памяти. Противоположное мнѣніе защищалъ профессоръ Н. П. Дашкевичъ, однако В. Б. Антоновичъ, перепечатывая второй разъ свою работу, не счелъ нужнымъ сдѣлать въ ней какія нибудь измѣненія сообразно съ указаніями г. Дашкевича и тѣмъ самымъ не соглашался съ нимъ. Оставалось, значитъ, ожидать, не возьмется ли кто нибудь быть, такъ сказать, третейскимъ судьей въ ученомъ спорѣ. Г. Грушевскій, которому пришлось рѣшать этотъ вопросъ, явился въ роли такого судьи и примкнулъ къ мнѣнію профессора В. Б. Антоновича, развивая дальше его взгляды и возражая профессору Дашкевичу. Такимъ образомъ новый пересмотръ источниковъ, очень скудныхъ и въ рѣдкихъ случаяхъ вполнѣ достовѣрныхъ, привелъ къ отри-

ціанію насильственнаго завоеванія Кіевской земли Литвой. Присоединеніе же Кіева къ могущественному въ то время Русско-Литовскому государству способствовало увеличенію его значенія, отголоски котораго слышатся въ словахъ Ягайло, назвавшаго однажды Кіевъ «изначальною столицей всѣхъ русскихъ земель» (стр. 512).

Въ заключеніе пожелаемъ автору, чтобы, «времени минувшу», ему удалось выполнить свое намѣреніе, то-есть, чтобы онъ «имѣлъ возможность повести свое повѣствованіе черезъ дальнѣйшій рядъ вѣковъ до того времени, когда новыя теченія, стремленія народной жизни проявились съ полной ясностью и опредѣленностью». В. Б.

А. И. Паевская. Годъ въ Америкѣ. Изъ воспоминаній женщины-врача. Спб. 1892.

Одна изъ многочисленныхъ нашихъ соотечественницъ, ищущихъ въ чужихъ краяхъ пищи для ума и труда для приложенія своихъ способностей, г-жа Паевская, въ рядѣ довольно живо и интересно написанныхъ очерковъ, разсказываетъ о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ ею изъ пребыванія въ Америкѣ. Кончивъ въ началѣ 1875 г. курсъ медицинскихъ наукъ въ Ц., въ маѣ того же года г-жа Паевская рѣшила отправиться въ Америку, гдѣ вскорѣ же послѣ прибытія поступила студенткою въ Бостонскій New England Hospital. Здѣсь она пробыла нѣсколько времени, причемъ помимо пріобрѣтенія научныхъ знаній освоилась и съ бытомъ тамошнихъ студентокъ. «Впечатлѣніе,—разсказываетъ г-жа Паевская,—которое производили на меня американки, нельзя назвать особенно хорошимъ, хотя я не могу не сознаться, что въ общемъ нравственный и умственный уровень ихъ выше, чѣмъ у женщины европейской. Стремленія ихъ, какъ «женщинъ», взятыхъ въ совокупности, тоже выше, и достигаемые ими результаты на поприщѣ благотворительности, напримѣръ, положительно изумительны. Въ области педагогической дѣятельности онѣ трудятся далеко не безплодно, также точно и въ отношеніи завоеванія человѣческихъ правъ для женщины, какъ гражданки въ современномъ обществѣ. А между тѣмъ, при сравненіи съ русскими женщинами, особенно съ тѣми изъ нихъ, съ которыми во время моего студенчества я была особенно близка за послѣднее время, американки, отдѣльно взятыя, не выдерживаетъ критики...». Оставивъ госпиталь, А. И. Паевская поступила въ женскую медицинскую коллегію въ Пенсильваніи, которую и кончила въ 1876 г. съ дипломомъ доктора «американской» медицины. Описаніе жизни въ Бостонскомъ госпиталѣ и Филадельфійской коллегіи составляетъ главное содержаніе «Года въ Америкѣ»; мимоходомъ разсѣяны замѣтки о бытѣ американскихъ нѣмцевъ, о китайцахъ и индѣйцахъ, о женскомъ вопросѣ въ Америкѣ. Что касается послѣдняго, характерно одно замѣчаніе г-жи Паевской. «Не слѣдуетъ думать, — говоритъ она, — чтобы въ Америкѣ женщинѣ не приходилось бороться съ большими трудностями при достиженіи даже такихъ простыхъ вещей, какъ право заниматься медициной и практическимъ приложеніемъ добытыхъ знаній. Еще не далѣе какъ лѣтъ десять тому назадъ рѣдкая студентка не испытала того, чтобы какой нибудь прохожій не пустилъ въ нее гнилымъ яйцомъ, картофелиной или

просто комомъ грязи. И теперь многіе врачи-мужчины не хотятъ консультировать съ женщинами, а врачебныя мужскія общества не принимаютъ ихъ въ число своихъ членовъ; мало того, рѣдкіе медицинскіе журналы соглашаются печатать сообщенія и статьи женщинъ по медицинскимъ предметамъ, и редакторы злятся, если кому нибудь изъ женщинъ-врачей удается пробраться на страницы ихъ изданій, благодаря мужскому псевдониму» и т. д.

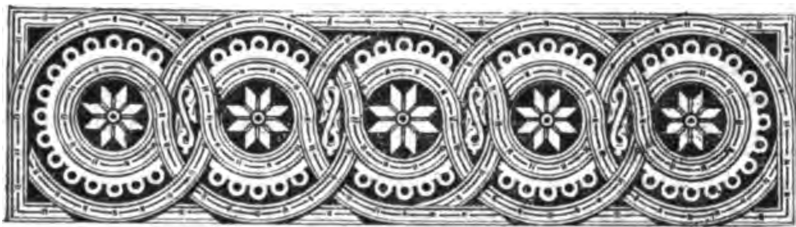
А. Л—нъ.

Холмскій народный календарь на 1893 годъ. Изданіе Холмскаго Св. Богородицкаго братства. Годъ девятый. Петроградъ. 1892.

Холмское Свято-Богородицкое братство, имѣющее своею цѣлью содѣйствіе духовно-нравственному просвѣщенію населенія, особенно возсоединившагося изъ уніи, уже девятый годъ издаетъ «Народный календарь». Календарь на слѣдующій 1893 годъ состоитъ изъ трехъ частей, изъ которыхъ первая содержитъ обычныя календарныя свѣдѣнія, какъ-то: хронологію, мѣсяцесловъ, пасхалію, метеорологическія и астрономическія наблюденія (о солнечныхъ затменіяхъ) и т. п. Во второй части (стр. 39—145) помѣщено шестнадцать статей нравоучительнаго, догматическаго, обрядоваго и церковно-историческаго содержанія, написанныхъ примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ. Недавнее прошлое и настоящее Западнаго края представлено въ статьѣ объ обновленіи ризы на холмской чудотворной иконѣ Божіей Матери въ 1891 году (протоіерея Н. Страшкевича) и въ біографіяхъ Леонтія, митрополита московскаго (М. И. Городецкаго), Флавіана, архіепископа холмско-варшавскаго (его же), и Гедеона, епископа люблинскаго; есть одна статья чисто историческаго характера: «Начало книгопечатанія на Руси», свящ. А. Медвѣдева. Наконецъ, третья часть (стр. 146 — 176) даетъ нѣсколько практическихъ свѣдѣній: о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ, объ уходѣ за больными и пр. По нашему мнѣнію, особенно удачна мысль составителей календаря познакомить читателей съ положеніемъ о крестьянскомъ банкѣ. Просто и толково написанная статья разъясняетъ какъ назначеніе банка, такъ и условія, при которыхъ можетъ быть получена изъ него ссуда.

Что касается внѣшности, то въ этомъ отношеніи календарь отличается обычными достоинствами изданій Холмскаго братства, представляя собою изящную книжку въ 176 страницъ in-8°, украшенную десятью (кромѣ изображеній двухъ храмовъ, помѣщенныхъ на оберткѣ) хорошо исполненными гравюрами.

Л.



ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Очеркъ литературной дѣятельности европейскихъ національностей отъ іюля 1891 по іюль 1892 года. — Русскій критикъ, оцѣнивающій нашу литературу съ англійской точки зрѣнія. — Польская беллетристика. — Развитіе литературы въ Чехіи: романы и повѣсти.—Отзывы французскаго еврея объ умственной и творческой дѣятельности во Франціи: историческіе труды, серьезные этюды и біографіи, обиліе разсказовъ и очерковъ.

ВЪ ПЕРВОМЪ НУМЕРѢ за второе полугодіе критическаго англійскаго журнала «Athenaeum» явился по обыкновенію, подъ заголовкомъ Continental litterature, очеркъ дѣятельности тринадцати европейскихъ литературъ за вторую половину прошлаго 1891 года и первую нынѣшняго 1892 года. Статьи, какъ всегда, составлены писателями той національности, умственная дѣятельность которой подвергается оцѣнкѣ. Мы приведемъ главные выводы этихъ критиковъ, представляющихъ картину умственной и творческой дѣятельности цивилизованныхъ націй за послѣдній годъ, расположивъ эти отзывы не въ алфавитномъ порядкѣ, какъ въ англійскомъ журналѣ, а по тремъ расамъ, населяющимъ Европу, начиная съ славянской.

Статью о Россіи написалъ г. Павелъ Милюковъ, уже года 3—4 знакомящій въ «Атенеумѣ» англичанъ съ русской литературой. Онъ начинаетъ съ того, что снимаетъ на этотъ разъ съ русскаго общества упрекъ въ безплодности (vacuity), которымъ онъ наградилъ насъ въ 1891 году. Общій тонъ соціальной розни теперь, видите ли, измѣнился, хотя не случилось ничего важнаго, «опредѣляющаго въ рѣзкихъ крикахъ новыя утраты» (г. Милюковъ, желая казаться истымъ англичаниномъ, выражается чрезвычайно темно и вычурно), но и ничего, что могло бы возбуждать горячія надежды въ будущемъ. Но онъ видитъ, всетаки, конецъ переходнаго періода въ програмѣ людей вось-

мидесятыхъ годовъ, сравнительно «съ народной програмой последней декады». Все это и туманно, и невѣрно, и напыщенно: послѣдняя декада только что началась и, толкуя объ ней, г. Милюковъ вязнетъ въ такой путаницѣ фразъ, которую мы не беремся ни приводить, ни распутывать. Приплетаетъ онъ тутъ для чего-то къ литературѣ и бывшій голодъ и увѣряетъ, что только это бѣдствіе заставило интересоваться народомъ «кружки и углы, въ которые, при нормальныхъ условіяхъ, никогда не проникла бы симпатія». Эту симпатію критикъ видитъ во множествѣ книгъ, изданныхъ въ пользу голодающихъ. Даже Л. Н. Толстого это національное бѣдствіе отвлекло отъ его «очаровательнаго» ученія о непротивленіи злу и о необходимости страданія. Онъ сталъ энергически бороться съ голодовкой и принесъ огромную помощь нуждающемуся крестьянству. Но статьи графа о голодѣ появились только въ переводѣ и въ извлеченіи въ англійскихъ журналахъ и заставили враговъ писателя обвинить его въ соціализмѣ и въ возбужденіи къ неповиновенію. (Мы уже говорили въ іюльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» о нелѣпости этихъ обвиненій). Въ то же время, въ статьяхъ о вегетаріанизмѣ, писатель проводитъ свои любимыя идеи о самоисправленіи и усовершенствованіи. Говоря далѣе объ ученіи г. Владиміра Соловьева, что осуществленіе христіанскаго идеала на землѣ составляетъ спеціальную миссію православія, но дѣйствующаго въ согласіи съ католицизмомъ, критикъ находитъ, что г. Соловьевъ сдѣлалъ теперь выводы изъ своего ученія и, превратясь въ либерала изъ славянофила, утверждаетъ, что развитіе Европы въ послѣднія три столѣтія было непрерывной секуляризаціею мысли и чувства. Чрезвычайно подробно критикъ разъясняетъ, что псевдо-философъ заявилъ на публичной лекціи: «то, что считали до сихъ поръ христіанскою точкой зрѣнія, было только компромисомъ между христіанствомъ и язычествомъ, смѣсью, свойственною среднимъ вѣкамъ, изъ которыхъ вышли догматическій формализмъ, этическій индивидуализмъ и односторонній спиритуализмъ древняго христіанства». Ничего общаго съ настоящей наукой не имѣютъ эти звонкія фразы, съ такимъ благоговѣніемъ нанизываемыя г. Милюковымъ въ свою критику. Онъ сознается, однако, что подобные мнимо-философскіе выводы возбудили сильную опозицію въ печати и обществѣ. Изъ философскихъ книгъ онъ отзывается съ похвалой о трудѣ стараго гегеліанца Б. Чичерина «Позитивная философія и единство наукъ», о диссертаціи Лопатина «Положительныя задачи философіи», о сочиненіяхъ Казанскаго объ ученіи Аристотеля, Гилярова о софистахъ, Николаева объ экономическомъ матеріализмѣ. Ограничить важное значеніе матеріализма, какъ философской и исторической теоріи, г. Николаевъ старается примѣненіемъ къ нему ученія динамической соціологіи Лейсестера Варда, къ числу ревностныхъ учениковъ котораго принадлежитъ авторъ. Въ беллетристикѣ г. Милюковъ начинаетъ съ восхваленій г. Потапенко, особенно его «Генеральской дочери», хотя сознается, что «извѣстность его не увеличивается съ числомъ его новыхъ произведеній, которыя онъ создаетъ съ изумительною плодовитостью». Къ слабымъ вещамъ его критикъ причисляетъ разсказы: «Не герой» и «Любовь», въ которыхъ характеры лицъ «блѣдны и безжизненны». Мысль послѣдняго разсказа — психологическая невозможность возрожденія негодяя любовью—критикъ также находитъ ошибочною. По его мнѣнію, романъ Боборыкина изъ купеческой жизни «Василій Теркинъ» слабъ потому, что авторъ мало знаетъ эту жизнь, что еще болѣе ошибочно. Въ этомъ ро-

манѣ нравственное возрожденіе человѣка совершается съ помощью пробудившейся въ немъ совѣсти. Процесъ возрожденія изображенъ и въ повѣсти г. Чехова «Дуэль», но причины возрожденія, основанныя на томъ, что героя всѣ презираютъ,—очень слабы. Авторъ выказалъ много наблюдательности въ своемъ разсказѣ, конецъ котораго совершенно неестественный. Расхваливаются также гг. Короленко, Гаринъ, Мачтетъ и, рядомъ съ ними, стоящая неизмѣримо выше ихъ, Н. Д. Хвощинская, къ новому изданію сочиненій которой сестра ея написала «симпатическій очеркъ несчастнаго (?) автора, бросающій яркій свѣтъ на его меланхолическую (?) домашнюю жизнь». Вышли также стихотворенія А. М. Жемчужникова, 70-ти-лѣтняго поэта, сохранившаго въ своихъ звучныхъ стихахъ теплоту чувства и вѣру въ будущее. Если онъ и впадаетъ иногда въ грустный тонъ, то сожалѣя о нынѣшней молодежи, которая скоро старится, и о томъ, что старикамъ не дожить до блестящей будущности. Говоря о новыхъ изданіяхъ Лермонтова, г. Милюковъ находитъ, что болѣе всего заслуживаетъ вниманія «удивительное критическое изданіе профессора Висковатова», когда именно въ этомъ изданіи удивительно отсутствіе всякой серьезной критики. Лучшей біографіею Лермонтова г. Милюковъ признаетъ также трудъ г. Висковатова, также самый слабый въ біографическомъ отношеніи и полный произвольными выводами и предположеніями. Для исторіи литературы очень важны изданія: «Анненковъ и его друзья», съ письмами Гоголя, Бѣлинскаго, Герцена, Бакунина и «Очерки Гоголевскаго періода литературы» Н. Чернышевскаго. Литературное движеніе обрисовано также въ «Исторіи русской этнографіи» А. Н. Пыпина. Жаль только, что этотъ даровитый, добросовѣстный ученый пишетъ тяжелымъ, неудобочитаемымъ языкомъ. Замѣчательны также этюды В. Ф. Миллера о русскихъ былинахъ, г. Батюшкова о памятникѣ древней литературы «Споръ души съ тѣломъ», Н. Покровскаго объ исторіи иконографіи, четвертый томъ «Русскихъ древностей» И. Толстого и Кондакова. Изъ историческихъ сочиненій вышли: «Исторія Кіевской земли»—Грушевскаго, «Исторія земли кривичей и дреговичей»—Запольскаго. Барбашевъ, въ очеркахъ русско-литовской исторіи XV вѣка, очертилъ послѣднія 20 лѣтъ царствованія Витовта (1410—1430). Г. Середонинъ критически изслѣдовалъ извѣстное сочиненіе о Россіи Флетчера, А. Голубцовъ—эпизодъ сватовства датскаго царевича Вальдемара за дочерью Михаила Ѳедоровича Иреною, С. Бѣлокуровъ написалъ біографію Арсенія Суханова, Н. Каптеревъ—сношенія іерусалимскаго патріарха Досиѳея съ русскимъ правительствомъ въ 1660—1707 годахъ, А. Масловскій—исторію военнаго искуства въ Россіи отъ 1683 по 1762 годъ, также и матеріалы для исторіи Сѣверной войны Петра Великаго. При этомъ г. Милюковъ считаетъ нужнымъ сообщить, что онъ самъ написалъ книгу о реформахъ Петра. О достоинствахъ этого труда авторъ, однако, скромно умалчиваетъ. Проф. Брюкнеръ издалъ небольшую біографію Потемкина, проф. Корсаковъ—сборникъ о дѣятеляхъ XVIII вѣка, г. Шумигорскій—біографію императрицы Маріи Ѳедоровны, П. Безобразовъ—о сношеніяхъ Россіи съ Франціей до Наполеона, Джаншіевъ—изслѣдованіе реформъ Александра II. Въ послѣднихъ томахъ сборника историческаго общества продолжается печатаніе дипломатическихъ документовъ 1730—39 гг., изданы также журналы комитета министровъ 1802—12 гг. Изъ книгъ по иностранной исторіи замѣчательны: этюды Карѣева объ итальянскихъ гуманистахъ вѣка Возрожденія, Виноградова объ англійскихъ вилланахъ, Шварца

о новооткрытомъ трудѣ Аристотеля и Шефферса объ аѳинскомъ гражданствѣ. Никакихъ общихъ выводовъ критикъ не представляетъ.

— Авторъ обзора польской литературы, Адамъ Бельциковскій, начинаетъ свой очеркъ съ упоминанія о празднованіи 25-ти-лѣтняго юбилея дѣятельности Элизы Оржешко. Содержаніе послѣдней повѣсти даровитой писательницы «Bene Nati» взято изъ жизни литовской деревни и основано на внутренней борьбѣ въ сердцѣ дѣвушки изъ обѣднѣвшаго дворянскаго рода, полюбившей сына крестьянина образованнаго и гордаго. Авторъ поставилъ себѣ задачею осужденіе кастовыхъ предразсудковъ, такъ какъ борьба оканчивается трагическою смертью дѣвушки. Въ разсказѣ Захаріасевича «Мое счастіе» передается исторія дочери разорившагося аристократа, съ обычнымъ мастерствомъ автора въ изображеніи характеровъ. Хоинскій написалъ психологическую повѣсть: «Поиски за золотымъ руномъ»; здѣсь тоже изслѣдуется борьба, которою страдаетъ современное общество. Говалевичъ въ разсказѣ «Ночная бабочка» передаетъ трагическую судьбу молодой, нервной, безразсудной женской натуры—съ психической и пессимистской точки зрѣнія. Такимъ же пессимизмомъ проникнуты разсказы Эстехи, къ сожалѣнію, мало обдѣланные, какъ «Паутина» и «За океаномъ». Герои послѣдняго произведенія—два брата, отправившіеся искать счастія въ Канаду. Такой же герой въ повѣсти Рояна «Тымко», молодой инженеръ, пріобрѣтя своею энергіею состояніе, употребляетъ его на развитіе бѣдняковъ. Совершенно противоположную судьбу искателя фортуны и приключеній передаетъ Цвирко въ разсказѣ «Когда счастье ускользнуло». Герой, потерявъ жену и ребенка въ Закавказьѣ, гдѣ онъ надѣялся устроиться, возвращается на родину больной и разбитый и разсказываетъ съ патетическою простотою свою исторію. Герой повѣсти Носсича «Пророкъ Янъ», политическій и соціальный мечтатель, дѣйствовавшій въ Галиціи десять лѣтъ назадъ. Въ очеркахъ Рогоша «Калейдоскопъ» печальное нравственное и національное положеніе Галиціи обрисовано мастерски. Подобныя же непривлекательныя картины другихъ частей бывшаго королевства изображаетъ Сыгетынскій въ романѣ «Выбитый изъ сѣдла». Большимъ успѣхомъ пользуются молодые новеллисты: Марене, Миріель, Соттинъ, Конаръ, Лосъ. Писатель историческихъ романовъ Креховецкій издалъ романъ изъ современной жизни «Младшій». Но польскіе читатели не забываютъ и своихъ старыхъ талантливыхъ беллетристовъ, продолжавшихъ писать и въ прошломъ году, какъ Прусъ, Остой, Говалевичъ, патріотъ Павликовскій (Марекъ Польничъ), лирикъ Лентовскій, реалистъ Нигода, Россовскій, отличающійся тонкостью чувства, Ваневская, изображающая нервичныхъ женщинъ, стремящихся къ дѣятельности и не находящихъ ей пищи, Рутковскій, Недзвецкій, подражатель французскихъ реалистовъ. Чернеда, мастерски изображавшій нравы бѣдныхъ классовъ, умеръ въ молодыхъ лѣтахъ. По смерти даровитаго поэта Богдана Залѣсскаго вышли двѣ поэмы его, написанныя еще 50 лѣтъ назадъ, но почему-то не являвшіяся въ печати; одна изъ нихъ «Збаражская битва»—вполнѣ художественное произведеніе. Изъ другихъ поэтовъ пользовались почетной извѣстностью: Тетмайеръ, Стыкъ, Россовскій, Фредро. Изъ драматическихъ произведеній драма Любавскаго «Игрушка» имѣла большой успѣхъ. Это исторія бѣдной дѣвушки, воспитанной богатою дамою для свѣтской жизни, но глубоко падающей вслѣдствіе вліянія наслѣдственности. Галицкій комитетъ Wydzial trajowy увѣнчалъ пьесы: «Отечество» Орши и «Колыбель націи» Бельси-

ковскаго. Содержаніе послѣдней — исторія миѳической королевы Ванды, убивающей себя, чтобы не выдти за чужеземца, нѣмецкаго принца. Сценическій успѣхъ имѣлъ также «Демонъ любви», Мотти. Ограничиваясь одною беллетристикой, авторъ очерка только перечисляетъ нѣсколько книгъ серьезнаго содержанія: первый томъ критическихъ сочиненій Спасовича, біографію гуманиста Андрея Нагуецкаго, составленную Моравскимъ, исторію болгарскаго языка Калины, пять томовъ исторіи гнѣзненскихъ архіепископовъ Корытковскаго, Хелмицкаго «Изъ Бразиліи»—очеркъ вопроса о современной польской эмиграціи въ эту страну, мемуары Олизара; очерки XVIII столѣтія Валишевскаго и нѣсколько изслѣдованій Вартошевича, Финкеля, Понела и Соколовскаго, относящихся къ конституціи 3-го мая.

— Чешская литература принимала большое участіе въ двухъ событіяхъ послѣдняго времени въ Прагѣ: выставкѣ, учрежденной въ память столѣтней годовщины первой выставки, открытой въ этомъ городѣ въ 1791 году, и въ основаніи чешской академіи искуствъ, наукъ и литературы. Неутомимый беллетристъ Врхлицкій издалъ любопытный «Бревіарій современнаго человѣка». Въ первой части его онъ изслѣдуетъ вопросы, волнующіе наше время: о судьбѣ, смерти, вѣчности, всѣ эти «проклятые вопросы», тревожащіе человѣчество. Во второй части авторъ возстаетъ противъ пустоты и мелочности человѣческихъ стремленій, идей, обычаевъ, обрядовъ, противъ войны и всего, что уничтожаетъ красоты идеала, справедливости, любви. Въ третьей—онъ осуществляетъ эти идеалы, представляя своихъ братьевъ-единовѣрцевъ соединенными, сильными, обновленными. Въ послѣдней части онъ прославляетъ геніевъ, открывающихъ человѣчеству новые пути къ вѣчнымъ идеаламъ. Въ такомъ же родѣ и другое его сочиненіе «Фрески и наброски», гдѣ сцены древняго міра, средневѣковыя преданія, легендарные миѳы и современные разсказы являются попремѣнно, какъ на гобеленахъ. Третья книга его, какъ и двѣ первыя, «Сонеты отшельника» также въ стихахъ; предметъ ея—размышленія о поэзіи и созданіяхъ великихъ художниковъ. Врхлицкій написалъ также, по образцу древней трагедіи, трилогію «Гипподамія»; первая часть ея—«Обѣтъ Пелопса», вторая—«Танталъ», третья—«Смерть Гипподаміи». Комедія его «Піетро Аретино» рисуетъ всѣ хорошія и дурныя стороны вѣка Льва X. Прозаическій сборникъ мелкихъ разсказовъ его не замѣчателенъ. Святоплукъ Чехъ писалъ очень мало въ прошломъ году. Его «Путешествіе Мотлея по Чехіи»—подражаніе пиквикскому клубу. Предметъ его—поѣздка современнаго чешскаго буржуа съ друзьями, причемъ осмѣиваются недостатки современнаго общества. Такимъ же направленіемъ проникнута его «Экскурсія Броусека въ пятнадцатое столѣтіе», гдѣ мастерски выставленъ контрастъ между гусситами, храбро защищающими старую Прагу противъ австрійскаго императора Сигизмунда, и нынѣшними чехами. Его «Воспоминанія о востокѣ» — превосходные очерки поѣздки по Кавказу и Черному морю. Лучшій изъ чешскихъ поэтовъ, Янъ Неруда, умеръ прошлымъ лѣтомъ, и Германнъ издалъ первый томъ собранія его сочиненій—«Мелкіе разсказы» (Drobne klepy). Юлій Зейеръ напечаталъ повѣсти изъ современной жизни: «Янъ-Марія Плойгаръ» и «Лѣтописи любви», проникнутыя глубокой меланхоліей). Зейеръ издалъ также длинный романъ въ стихахъ «Четыре сына Эймона» и восточную сказку изъ арабской жизни «Арамитъ». Сладекъ выпустилъ въ свѣтъ томъ своихъ стихотвореній. Лучшія изъ нихъ взяты изъ народныхъ легендъ. Какъ описательный поэтъ замѣча-

теленъ Кластерскій въ своемъ сборникѣ: «По полямъ и лѣсамъ». Его «Пѣсни труда» дышатъ сочувствіемъ къ рабочему классу. «Зимніе и лѣтніе сонеты» Мохара написаны въ духѣ пессимизма. Каминскій, въ серіи разсказовъ «Z prikopu», рисуетъ картины современной жизни въ Прагѣ, въ меланхолическомъ тонѣ. Ярославъ Кватель въ своей «Тихой любви» высказалъ много чувства. Ярошъ, въ поэмѣ «Слава», полной истиннаго патріотизма, чуждаго всякой сентиментальности, описываетъ дѣятельность чешскихъ писателей первой трети нынѣшняго столѣтія, когда чешская литература только начинала возрождаться. Таборскій, въ изслѣдованіи старинной комедіи, отдѣлкою стиха напоминаетъ Лермонтова. Романы и повѣсти настоящаго времени разработываютъ соціальные вопросы и чешскую исторію, но не безъ тенденціозныхъ выводовъ, какъ въ повѣстяхъ Симачека «Отецъ» и «Благополучіе». Каминскій издалъ колекцію разсказовъ «Всѣ сословія великаго народа», Ярошъ—«Публицисты и мыслители». Замѣчательны историческія повѣсти Винтера, XV и XVI вѣка. Издано много книгъ для развитія народа, особенно въ Моравіи и Силезіи, и основанъ для него новый журналъ «Ceski liud». Козмянъ написалъ нѣсколько народныхъ очерковъ и сказокъ изъ моравской жизни, Слама — изъ силезской. Драма не процвѣтаетъ въ Чехіи. Лучшія пьесы — «Войнарка» Ирасека, «Міръ мелкихъ людей» Симачека, Стольбы «Кривые пути», Струреницкаго «Выродившаяся кровь» и «Войтехъ Закъ». Чехи сбираются устроить этнографическую выставку въ 1893 или 1894 году. О серьезныхъ и научныхъ сочиненіяхъ авторъ очерка Тилле не упоминаетъ вовсе.

— Почти на двадцати одномъ столбцѣ еврей Рейнахъ говоритъ о литературѣ Франціи и больше всего расхваливаетъ произведенія своихъ единовѣрцевъ. Онъ начинаетъ съ того, что нѣтъ возможности не только прочесть, но и пересчитать всѣ книги, выходящія въ теченіе года во Франціи, а потому называетъ только сочиненія, имѣвшія большой успѣхъ въ публикѣ, начиная съ историческихъ. Мезьеръ въ «Жизни Мирабо» составилъ не обширную, но лучшую, вполнѣ безпристрастную біографію этого дѣятеля. Гораздо строже отнесся къ оратору академикъ Руссъ, либеральный роялистъ. Графъ д'Эриссонъ продолжаетъ свои этюды современной исторіи въ стилѣ Дюма—отца, съ такими же фантастическими парадоксами, умѣстными у романиста, но не у историка. Такъ онъ старается, во что бы то ни стало, оправдать маршала Базена въ книгѣ «Отвѣтственность за страшный годъ». Опроверженіемъ этихъ софизмовъ служатъ «Воспоминанія генерала Жарраса», штабнаго офицера рейнской арміи, изданныя его вдовою. Генералъ очень мягко отзывается о своемъ начальникѣ, во многомъ извиняетъ его, но, всетаки, подтверждаетъ приговоръ суда и общественнаго мнѣнія. Вышли любопытныя «Донесенія начальника полиціи д'Аржансона» государственному секретарю Поншартрену о преступленіяхъ и скандалахъ отъ 1697 по 1765 годъ. Донесенія написаны литературнымъ языкомъ, такъ какъ представлялись въ подлинникѣ Людовику XIV, интересовавшемуся особенно скандалами. Сен-Мартенъ подтверждаетъ въ своихъ изслѣдованіяхъ непорочность отношеній Петрарки къ Лаурѣ, у которой было 12 законныхъ дѣтей. Вариньи издалъ исторію американской журналистики. Первая газета явилась въ новомъ свѣтѣ гораздо позже, чѣмъ въ старомъ, гдѣ въ 1619 году вышли «Frankfurter Oberpostamts Zeitung», а въ Парижѣ «Gazette de France» въ 1631 г. Въ Бостонѣ Веніаминъ Гаррисъ началъ издавать только въ

1690 году «Публичныя Приключенія» (Public Occurences), обѣщая въ первомъ нумерѣ газеты, что будетъ самъ провѣрять всѣ извѣстія, сообщенныя въ его листкѣ и тотчасъ же опровергать невѣрныя свѣдѣнія. Леконтъ, авторъ прекрасной біографіи актера Леметра, написалъ также біографію Виргиніи Дежазе отъ ея блестящихъ дебютовъ до печальнаго конца. Лемерсье-де-Невиль издалъ «Анекдотическую исторію современныхъ маріонетокъ», въ которой подробно разбираетъ происхожденіе неаполитанскихъ пульчинелло и пупацци, французскихъ гиньолей елисейскихъ полей, англійскихъ фантошей, Понча, вѣнскаго Касперле и даже турецкаго Карагеза; только объ нашемъ Петрушкѣ нѣтъ ни слова. Говорится также и о литературныхъ маріонеткахъ, для которыхъ писали пьесы: Денойсъ, Буше, Ришпенъ, Морисъ Зандъ, поэты Ролланъ и Дюбуа. Успѣхъ «Термидора» Сарду вызвалъ появленіе множества книгъ, относящихся къ революціонной эпохѣ, и хотя Франсуа Бурнанъ въ своемъ сочиненіи «Терорь въ Парижѣ» называетъ эту эпоху грязною и кровавою и говоритъ, что Франція управлялась въ то время шайкою мошенниковъ, даже такіе мелкіе дѣятели, какъ капитанъ Куанье, сержантъ Фрикасъ, артиллеристъ Брикаръ, разсказываютъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, о подвигахъ геройства и самоотверженія, относящихся къ той эпохѣ. Огромный успѣхъ имѣли «Мемуары генерала Марбо» о кампаніяхъ Наполеона. Испанская кампанія поразительно вѣрно изображена въ «Мемуарахъ конскрипта 1808 года». Изданы воспоминанія яраго бонапартиста, генерала Рикара, подъ названіемъ «Вокругъ Бонапарта». Но и этотъ генералъ, преклоняющійся передъ всѣми дурными дѣлами Наполеона, не въ силахъ скрыть своего отвращенія отъ вестфальскаго короля Жерома, «неспособнаго ни къ чему доброму», и отъ его сына, принца Наполеона. Но гдѣ лакейство передъ властью доходитъ до крайней степени— это въ новоизданныхъ воспоминаніяхъ г-жи Госсе о Людовикѣ XV и маркизѣ Помпадуръ. Исполняя должность камер-юнгферы, эта дама безъ малѣйшихъ признаковъ сатиры и ироніи, съ самымъ наивнымъ простодушіемъ разсказываетъ возмутительные скандалы при дворѣ стараго развратника, находя совершенно естественнымъ всѣ мерзости «Оленьяго парка» и всѣ подвиги его «игуменьи» г-жи Бертранъ, завлекавшей туда молодыхъ дѣвушекъ хорошихъ фамилій, которыя, сдѣлавшись жертвами сластолюбія, нерѣдко переходили изъ королевскаго лупанара въ домъ умалишенныхъ. Новый журналъ «Revue encyclopédique напечаталъ любопытную біографію Виктора Гюго, написанную Дюма-отцомъ въ 1833 году. Хотя онъ касается только молодости поэта, но въ немъ есть много подробностей, совершенно иначе разсказанныхъ въ книгѣ, написанной въ 1863 году «однимъ изъ свидѣтелей жизни В. Гюго». Великій поэтъ не всегда говорилъ о себѣ правду, что доказалъ Бире въ своемъ памфлетѣ, но еще меньше можно вѣрить старику Дюма. Одинъ онъ говоритъ, что въ 1822 году Гюго дрался на дуэли съ офицеромъ Вашерономъ, о чемъ нѣтъ ни слова ни въ одной біографіи поэта. Кто же тутъ говоритъ неправду, Гюго или Дюма? Графъ д'Оссонвиль издалъ доставшіяся ему письма и замѣтки поэтессы Акерманъ, этой Сафо атеизма, замѣчательныя философскими выводами. Поль Бурже хочетъ, во что бы то ни стало, быть психологомъ и издалъ мнимо-философскіе этюды старинныхъ писателей, но философія его въ біографіи Луи Николардо также плоха, какъ и его послѣдніе романы, и отъ этого писателя литературѣ ждать больше нечего, какъ и отъ Пьера Лоти, хотя его и выбрали академикомъ,

предпочтя его, а потомъ сухого ученаго Лависса талантливому Эмилю Золя, романъ котораго «Разгромъ» увлекаетъ всю читающую публику и дѣйствительно вещь капитальная. Другой даровитый писатель Гюи де-Мопасанъ окончательно погибъ для литературы, и сумасшествіе его признано неизлечимымъ. Обо всемъ этомъ Рейнахъ не говоритъ почти ничего, за то распространяется о сочиненіяхъ психопата Пеладана и другихъ декадентовъ и, приводя цитату его: «любовь не болѣе, какъ форма самаго сладкаго страданія», сожалѣетъ, что вмѣсто своего туманнаго и претенціознаго мистицизма онъ не собираетъ побольше такихъ «граціозныхъ» мыслей. Похваливъ, по заслугамъ, поэму Гюго «Богъ», изданную въ числѣ его посмертныхъ, неоконченныхъ произведеній, критикъ много говоритъ о совершенно пустыхъ романахъ и повѣстяхъ Доде, Лоти, Терье, Фабра, Сильвестра, Мармье, Кларети, Рода, Лаведана, между которыми выдѣляется только оригинальный романъ Рони «Вамирехъ» изъ эпохи троглодитовъ. Статья, вообще малосодержительная, оканчивается перечисленіемъ еще менѣе интересныхъ нувелистовъ и переводчиковъ. Литературные очерки другихъ странъ мы разсмотримъ въ слѣдующей книжкѣ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Бой русскихъ съ турками въ г. Бѣлгородѣ.

Въ 1811 году, передъ Отечественной войной, Россія вела войну съ Турціей. Русскія войска подъ предводительствомъ Кутузова одерживали побѣду за побѣдой и массами брали въ плѣнъ турецкихъ солдатъ и офицеровъ. Плѣнныхъ, какъ это бываетъ обыкновенно, отправляли во внутренніе города и области Россіи. Большія партіи турокъ проходили и чрезъ Курскую губернію. Одна изъ такихъ партій, состоявшая изъ 320 унтеръ-офицеровъ и 900 рядовыхъ, всего численностью въ 1220 человѣкъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1811 года, на пути слѣдованія изъ Харькова въ Воронежъ, прибыла въ уѣздный городъ Курской губерніи, Бѣлгородъ, и остановилась здѣсь на три дня. Не смотря на то, что плѣнниковъ былъ цѣлый таборъ (турецкій полкъ), ихъ конвоировало всего 12 солдатъ и 1 унтеръ-офицеръ, подъ командой капитана Рѣзанова.

Пришли турки въ Бѣлгородъ 4-го іюля вечеромъ и, за неимѣніемъ другихъ помѣщеній, были расквартированы по домамъ обывателей, въ городѣ и слободѣ Жилой. Такъ какъ черезъ Бѣлгородъ раньше прослѣдовало нѣсколько партій турокъ, то жители уже не такъ боялись пришельцевъ, какъ раньше. Притомъ же плѣнные съ охотой располагались на ночлегъ въ усадьбахъ, гдѣ нибудь въ саду или сараѣ, не заходя въ хату, чего особенно страшились бѣлгородцы, такъ какъ думали, что пребываніе «басурманъ» въ хатѣ непремѣнно опоганитъ ее. Не смотря на наплывъ иноплеменниковъ, ночь прошла безъ всякихъ приключеній.

На утро множество крестьянскаго люда изъ Бѣлгородскаго уѣзда съѣхалось на главную городскую площадь. День былъ базарный, и начался торгъ. Вскорѣ базарная площадь запестрѣла отъ массы красныхъ фесокъ и чалмъ.

Плѣнные большими толпами явились на базаръ; ихъ окружали группы крестьянъ, дивившихся туркамъ и въ особенности черномазымъ «арапамъ». Восточные люди добродушно улыбались и «лопотали» посвоему.

Отъ нечего дѣлать часть турокъ затѣяли игру «въ ремешокъ». Образовался кругъ, который стѣснилъ торгующихъ на базарѣ. На игроковъ стали кричать, а болѣе горячіе продавцы и выпроваживать незванныхъ гостей... Тѣ не уступали.

— Ребята! — раздались крики: — гони проклятыхъ бусурманъ; ишь, гдѣ нашли они мѣсто играть... По шеямъ ихъ! Рви съ нихъ красныя ермолки!

На базарѣ поднялась суета. А тутъ, какъ на грѣхъ, нѣкоторые изъ турокъ стали продѣлывать передъ женщинами непристойные жесты и тѣлодвиженія. Мужчины вступились за нихъ, и дѣйствительно фески съ плѣнныхъ полетѣли.

Вспыхнула борьба между русскими и турками не вдали, на берегахъ голубаго Дуная, а въ центрѣ Россіи, въ мирномъ уѣздномъ городкѣ. Черезъ нѣсколько времени послѣ начала, бой уже кипѣлъ исправнѣйшимъ образомъ. Крестьяне грудью стали противъ вражескаго табора. Очевидецъ говоритъ, что турокъ было больше, чѣмъ русскихъ, но русскіе не отступили передъ врагами, и, какъ всегда на полѣ брани, разили ихъ. Крѣпостными сооруженіями и баррикадами для обѣихъ враждующихъ сторонъ были телѣги, бочки, корзины, скамейки и т. п. Турками въ ходъ были пущены ножи, русскіе сражались чѣмъ попало, и противъ ножей имъ приходилось дѣйствовать кулаками.

Нѣкоторое время бѣлгородскій базаръ представлялъ изъ себя поголовное побоище. Крики, брань, стоны раненныхъ, вопли женщинъ и дѣтей огласили весь городъ. Полицейскіе бросились за городничимъ, который поспѣшилъ на площадь. Окинувъ взоромъ театръ военныхъ дѣйствій, городничій сообразилъ, что безъ посторонней помощи нельзя удалить турокъ съ площади. Тогда онъ поскорѣе отправился въ казармы, гдѣ находилось два отряда рекрутовъ, слѣдовавшихъ изъ Курска въ Николаевъ, въ резервъ дѣйствовавшей противъ Турціи арміи, подъ командой поручика Заговорскаго. Рекруты, по требованію городничаго, явились на площадь, бросились на плѣнныхъ и не безъ труда прекратили побоище. И рекрутамъ досталось отъ турокъ на орѣхи, а о крестьянахъ, которые, выѣхавъ на базаръ, и думать не думали и гадать не гадали о томъ, что имъ придется биться съ непріятелемъ, и говорить нечего. Одни изъ нихъ пали въ бою, другіе были ранены.

Семь человѣкъ турокъ городничій посадилъ подъ арестъ, остальные разошлись по своимъ квартирамъ.

На мѣстѣ происшествія капитана Рѣзанова и его конвоя не было. Городничій послалъ къ капитану сказать о происшедшемъ и просилъ его пріѣхать въ свою квартиру.

— Ихъ благородіе,—объявилъ посланному городничаго одинъ изъ конвоировъ,—господинъ капитанъ не имѣютъ времени пожаловать къ городничему. Такъ и скажи имъ...

Выслушавъ отвѣтъ капитана, городничій самъ отправился къ нему.

— Я прошу васъ,—сказалъ онъ:—чтобы было сдѣлано строгое подтвержденіе, черезъ посредство толмача, плѣннымъ туркамъ, чтобы они безотлучно находились на своихъ квартирахъ и не ходили по улицамъ Бѣлгорода толпами.

Капитанъ Рѣзановъ очень сухо принялъ городничаго и отвѣтилъ:

— Я не мому удержать турокъ. Въ Харьковѣ они точно также подняли суматоху, и тамъ губернаторъ съ полицеймейстеромъ и войсками едва могъ усмирить расходившихся плѣнныхъ.

Городничій выслушалъ рѣчь капитана и отправился восвояси. Дѣйствительно съ 13 человѣками конвойныхъ мудрено было импонировать табору въ 1.200 человѣкъ.

13-го іюля бѣлгородскій городничій получилъ отъ Рѣзанова письмо, въ которомъ онъ сообщалъ, что во время побоища у турокъ пропало на базарѣ: сто три голландскихъ червонца, два червонца турецкихъ, десять рублей серебромъ, 260 ефимковъ, 14 шалей, стоящихъ 637 р., 11 кисетовъ и т. п. Городничій публиковалъ о пропажѣ денегъ и вещей, разыскивалъ ихъ въ городѣ и не нашелъ. 14-го іюля, пробывши въ Бѣлгородѣ 10 дней вмѣсто 3-хъ, плѣнные, въ сопровожденіи того же жалкаго конвоя вышли изъ Бѣлгорода на Воронежскій трактъ. При этомъ городничій капитану Рѣзанову передалъ и семерыхъ арестованныхъ турокъ. Слѣдствіе о побоищѣ не было произведено, и дѣло кончилось ничѣмъ. Но долго оно было памятно бѣлгородцамъ... Немногіе старожилы и теперь еще разсказываютъ о немъ, но уже съ прибавленіемъ фантастическаго элемента.

А. Т.

СМѢСЬ.

Двадцатипятилѣтіе Общества Краснаго Креста. Въ маѣ нынѣшняго года минуло 25 лѣтъ со времени утвержденія Александромъ II устава русскаго Общества Краснаго Креста. Въ «Русскомъ Архивѣ» помѣщена любопытная справка г-жи Алмазовой, основанная на оффиціальныхъ бумагахъ и касающаяся зарожденія и учрежденія этого Общества, носившаго въ первые годы своего существованія названіе «Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ». Какъ ни проста мысль объ учрежденіи у насъ общества Краснаго Креста — тѣмъ болѣе, что такое общество уже существовало на Западѣ—ей пришлось испытать разныя перипетіи, прежде чѣмъ осуществиться на практикѣ. Починъ учрежденія Общества принадлежитъ двумъ женщинамъ, г-жѣ М. С. Сабининой, одной изъ фрейлинъ покойной императрицы, и баронесѣ Фредериксъ, къ которымъ присоединились лейбъ-медики Карель и Нарановичъ. Какъ всегда, на первыхъ порахъ учредители бродили вокругъ и около, стараясь разобраться въ дѣятельности будущаго общества и въ кругѣ лицъ, изъ котораго оно должно и могло состоять. Императрица, горячо принявшая къ сердцу успѣхъ дѣла, сама руководила, называла тѣхъ лицъ, кого желательно бы пріобрѣсти; иногда получалось отъ нея по нѣскольку записокъ въ день съ вопросами, что сдѣлано, или съ совѣтомъ, что нужно сдѣлать. Вотъ образчикъ одной изъ такихъ записокъ (на французскомъ языкѣ): «Мнѣ кажется, что Аврора Карамзина была бы прекраснымъ пріобрѣтеніемъ для вашего комитета. Русское имя, богата и очень благотворительна. Я уже говорила ей объ Обществѣ мимоходомъ». Ея величество очень настаивала на томъ, чтобъ привлечь какъ можно болѣе духовенства, и по ея совѣту предложили быть членами И. В. Рождественскому и духовнику В. Б. Бажанову. Странно сказать, но дѣло было такъ ново, что точно боялись примкнуть къ нему; иначе какъ объяснить отказъ, который получили учредительницы отъ многихъ изъ нихъ, напримѣръ, отъ графини Толстой, отъ Рождественскаго, отъ Янышева? Всѣ они, какъ бы сговорившись, давали одинъ отвѣтъ: «начинайте, учреждайте, а потомъ и мы запишемся». И. А. Я—въ даже съ соболѣзнованіемъ покачалъ головой и сказалъ: «ахъ, какъ вы еще молоды!» Графъ Б—скій въ очень любезномъ письмѣ выразилъ сожалѣніе, что домашнія обстоятельства не позволяютъ ему принести свою долю труда и пользы прекрасному дѣлу

и пр., но, должно быть, отнесся къ дѣлу тоже недовѣрчиво, потому что не сдѣлалъ и не предложилъ никакого денежнаго пожертвованія, не смотря па свои богатства, а это было бы не лишнимъ для начинающаго общества. Затѣмъ много толковали объ уставѣ, объ его языкѣ, вслѣдствіе чего даже такія лица, какъ Тотлебенъ и Треповъ, пробовали сочинять статуты Общества и воззванія,—чуть-чуть не выдѣлили Москву изъ общаго дѣла вслѣдствіе соображенія Тотлебена, что Москва не любитъ Петербурга и «не довѣряетъ ему», и т. д. Митрополитъ Филаретъ отказывался писать воззваніе къ странѣ, потому что не допускалъ, чтобы въ комитетахъ «дамы засѣдали вмѣстѣ съ мужчинами», что̀ очень огорчило и обезпокоило учредительницъ. Но такъ какъ митрополитъ Филаретъ былъ сила, которому противодѣйствовать было опасно, то пришлось сдѣлать ему уступку. Явилось понятное недовѣріе между членами общества, когда узнали рѣшеніе преосвященнаго; стали подозрѣвать, не подъ чужимъ ли вліяніемъ родилось это рѣшеніе... Въ концѣ концовъ желаніе императрицы, чтобы дѣло было окончено къ 17-му апрѣлю, дню рожденія покойнаго государя, прекратило всякія недоразумѣнія и смуту: Общество устроилось и выборы главнаго управленія состоялись. Избраны: генералъ-адъютантъ Зеленый предсѣдателемъ; генералъ-лейтенантъ Баумгартенъ и въ званіи камергера д. с. с. Башмаковъ товарищами предсѣдателя; членами лейб-медикъ Ф. Я. Карель, духовникъ царской фамиліи Бажановъ, ген. Посьетъ, Морицъ, Никольскій, лейб-хир. Нарановичъ, ген. Волковъ, Сергѣй П. Боткинъ, ген. Россетъ, С. С. Воронинъ, С. С. Рорбекъ, Петлинъ, Зубаревъ, графъ Воронцовъ-Дашковъ, Ротъ, вице-адмиралъ Воеводскій, Риттеръ, Голубевъ, баронъ Остенъ-Сакенъ, ген. баронъ Фредериксъ, графъ Олсуфьевъ.

Двадцатипятилѣтіе Туркестанскаго генералъ-губернаторства. 11 іюля исполнилась четверть вѣка со дня обнародованія учрежденія Туркестанскаго генералъ-губернаторста, Туркестанскаго военнаго округа и сформированія семирѣченскаго казачьяго войска. Еще за два года передъ тѣмъ, послѣ завоеванія Ташкента съ 1865 по 1866 г., при бывшемъ тогда губернаторѣ-завоевателѣ Туркестанской области Черняевѣ, образована была комисія, которая и выработала проектъ о военномъ управленіи вновь покореннымъ краемъ и объ образованіи семирѣченскаго войска. Въ 1867 г. учреждены Туркестанское генералъ-губернаторство и управленіе военнымъ округомъ, и первымъ генералъ-губернаторомъ края и командующимъ въ немъ войсками назначенъ былъ генералъ-адъютантъ Кауфманъ, прибывшій въ Ташкентъ съ громаднымъ штатомъ служащихъ. Въ составъ новаго Туркестанскаго генералъ-губернаторства тогда входили только двѣ области: Сыр-Дарьинская и Семирѣченская, въ настоящее же время въ составъ его входитъ все бывшее Кокандское ханство, изъ котораго образована Ферганская область, половина Бухарскаго ханства, бывшій Зарявшанскій округъ, а нынѣ Самаркандская область и, наконецъ, часть Хивинскаго ханства, составляющая особый Аму-дарьинскій отдѣлъ. Въ настоящее время управленіе краемъ ввѣрено съ 28-го октября 1889 года генералу-барону Вревскому (онъ же и командующій войсками туркестанскаго военнаго округа); предмѣстниками барона Вревскаго, по управленію краемъ и командованію въ немъ войсками, были генералы М. Г. Черняевъ и Розенбахъ. Въ 1890 г. предполагалось поставить монументъ въ память завоеванія Ташкента, рисунокъ монумента былъ воспроизведенъ даже въ илюстрированныхъ журналахъ, но памятникъ этому знаменитому дѣянію и до сихъ поръ даже не заложенъ.

Пятидесятилѣтній юбилей В. А. Дашкова. 28-го іюля, исполнилось пятидесятилѣтіе служебной дѣятельности директора Московскаго Румянцевскаго музея, Василія Андреевича Дашкова. Юбиляръ посвятилъ свою полувѣковую дѣятельность разнымъ московскимъ административнымъ, научнымъ, воспитательнымъ и благотворительнымъ учрежденіямъ. Съ 1860 г. по 1867 г. онъ

былъ помощникомъ попечителя Московскаго учебнаго округа. Въ это время перенесенъ изъ Петербурга въ Москву Румянцевскій музей, и В. А. былъ назначенъ директоромъ этого музея. Съ 1868 г. В. А. Дашковъ состоитъ почетнымъ опекуномъ учрежденія императрицы Маріи. Въ настоящее время онъ предсѣдательствуетъ въ московскомъ присутствіи опекунскаго совѣта заботится въ качествѣ попечителя о пяти московскихъ женскихъ гимназіяхъ и занимаетъ должность вице-президента московскаго художественнаго общества. Во время директорства В. А. при Румянцевскомъ музеѣ открылся публичный музей, который принято называть Дашковскимъ, такъ какъ онъ своимъ открытіемъ и существованіемъ обязанъ главнымъ образомъ В. А. Дашкову.

Памятникъ женщинамъ въ Севастополѣ. Комитетъ севастопольскаго военнаго музея, желая сохранить въ памяти современниковъ и потомства воспоминаніе объ участіи женщинъ въ геройской защитѣ Севастополя и сооруженіи ими, въ 1854 году, на мѣстѣ, въ настоящее время занимаемомъ Меньковской школой, батареи, воздвигнутой собственными силами,—рѣшилъ поставить здѣсь памятникъ съ соотвѣтственною надписью. Памятникъ этотъ, теперь законченный постройкою, поставленъ во дворѣ Меньковской школы, на небольшой площадкѣ, обращенной къ Историческому бульвару. Высѣченъ онъ изъ гранита и имѣетъ пирамидальную форму. На лицевой сторонѣ колонны имѣется надпись золотыми буквами: «Мѣсто Дѣвичьей батареи», а ниже, на той же сторонѣ цоколя — «Здѣсь, въ 1854 году, была выстроена батарея женщинами».

Археологическія находки въ Рязани. Членами рязанской ученой архивной комисіи продолжаются раскопки Борковскаго могильника. Первая серія работъ производилась втеченіе 8 дней, причемъ обнаружено 33 погребенія. Найдено болѣе 500 различнаго рода предметовъ, главнымъ образомъ, бронзовыхъ украшеній. Изъ орудій попадались: желѣзные наконечники копій и дротиковъ, ножи и желѣзные боевые топоры, напоминающіе форму кельтовъ. Въ послѣднее время открыто еще 30 погребеній. Изъ найденныхъ вещей особенно любопытны двѣ серебряныя крестообразныя фибулы; подобнаго рода фибулы были находимы близь Рима. Затѣмъ, въ Борковскомъ могильникѣ найдена весьма любопытная самострѣлообразная фибула, относимая къ I—III в. Нѣкоторыя погребенія оказались весьма богатыми по качеству вещей, найденныхъ вмѣстѣ съ костями. Въ особенности одна могила отличалась множествомъ украшеній, которыя состояли въ двухъ шейныхъ гривенъ, двухъ височныхъ колецъ, двухъ также височныхъ привѣсокъ, 4 браслетовъ, 4 витыхъ колецъ, множества различной формы привѣсокъ отъ ожерелья и цѣлаго ряда привѣсокъ, составлявшихъ украшеніе одежды. Большинство вещей изъ бронзы, но попадались и серебряныя. Изъ случайныхъ находокъ особенно любопытно украшеніе въ видѣ конской головки, напоминающей фигуру кровельнаго конька на крестьянскихъ избахъ. Вообще, раскопки обѣщаютъ дать много важныхъ въ научномъ отношеніи открытій. Предположено часть могильника оставить пока нетронутою.

Открытіе подземелья въ Москвѣ. Въ Москвѣ, между жителями Дорогомиловской слободы распространились слухи о томъ, что за ея заставой, на землѣ мѣщанина Ѳомина, рабочіе, добывавшіе въ горѣ грунтъ для выдѣлки краски, которая идетъ на шпаклевку домовъ, нашли обширное подземелье. Слухъ этотъ подтвердился, и множество народа ежедневно ходитъ и разглядываетъ мѣсто, чрезъ которое открылся входъ въ упомянутыя катакомбы. Мѣсто это отстоитъ отъ Москвы рѣки не болѣе какъ въ 50 саженяхъ и находится неподалеку отъ завода Бельве и такъ называемаго «Мороваго кладбища», на которомъ хоронили москвичей когда-то во время чумы.

Многіе смѣльчаки съ фонарями, а иные, имѣя въ рукахъ свѣчки, спу-

скались въ это подземелье; они разсказываютъ, что оно тянется на далекое пространство прямыми и боковыми коридорами съ высѣченными каменными колонами; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ коридорахъ стоитъ не выше колѣнъ холодная ключевая вода; иные увѣряютъ, что въ потолкахъ коридоровъ они видѣли мѣдныя трубочки, другіе говорятъ, что въ одномъ изъ коридоровъ стоитъ деревянный сундукъ, но они боялись полюбопытствовать, что въ немъ находится. Одни изъ обозрѣвателей долго тамъ оставаться не могли, а другіе проводили тамъ время до двухъ часовъ, и сколько ни шли впередъ, а до конца того или другого коридора добраться не могли. Старики дорогомиловцы разсказываютъ, что они слыхали отъ своихъ предковъ, будто съ упомянутаго мѣста былъ въ старину подземный ходъ къ Новодѣвичьему монастырю, но относиться къ ихъ разсказамъ съ довѣріемъ нельзя. На этомъ берегу каменоломня находится съ незапамятныхъ временъ. Можетъ быть, подземелье это когда нибудь служило для добыванія камня. Во всякомъ случаѣ, слѣдовало бы археологамъ обратить вниманіе на эти катакомбы и разъяснить, что это—шахты-ли для добыванія какихъ либо матеріаловъ, или же дѣйствительно подземный ходъ. Лѣтъ тридцать тому назадъ, старожиламъ довелось быть свидѣтелемъ тому, что въ той же мѣстности, находящейся въ вѣдѣніи уѣздной полиціи, были открыты какія-то пещеры, на которыя въ то время ни полиція, ни археологи не обратили вниманія.

Могила въ Митавѣ. На митавскомъ римско-католическомъ кладбищѣ похороненъ извѣстный аббатъ Эджевортъ де-Фирмонъ, одинъ изъ любимцевъ Людовика XVIII. Тѣло аббата покоится въ небольшой изъ краснаго кирпича часовнѣ, находящейся посрединѣ кладбища. Послѣдній представитель старшей линіи Бурбоновъ, графъ Шамборъ, называвшійся монархистами Генрихомъ V, давалъ неоднократно пособія на поддержку часовни, въ которой покоится преданный слуга французскаго королевскаго дома. Внутренность часовни очень проста и даже убога. Посрединѣ стоитъ небольшой катафалкъ; спереди устроенъ родъ алтаря для совершенія службы; на стѣнахъ два-три образа. На лѣвой стѣнѣ, посрединѣ, вставлена мраморная доска, и на ней латинская эпитафія, которая, какъ видно изъ ея послѣднихъ словъ: «Ludovicus XVIII benemerenti scripsit», составлена самимъ Людовикомъ XVIII. По разсказамъ современниковъ, Людовикъ прекрасно зналъ древніе языки и даже на столько хорошо, что въ молодости приводилъ въ смущеніе Жанъ-Жака Руссо, указывая ему на неправильности въ его переводахъ Горація и другихъ классиковъ.

Какъ мы хранимъ наши памятники. Намъ уже нѣсколько разъ приходилось говорить о томъ, съ какимъ вандализмомъ относятся у насъ къ историческимъ и археологическимъ останкамъ даже офиціальныя лица. Вотъ еще нѣсколько любопытныхъ фактовъ въ этомъ родѣ, сообщенныхъ предсѣдателемъ каменецъ-подольскаго историко-статистическаго комитета, епископомъ Дмитріемъ, на котораго возложена, между прочимъ, обязанность заботиться о церковно-историческихъ древностяхъ ввѣренной ему епархіи.

«Въ католическихъ церквахъ церковные архивы находятся въ лучшемъ порядкѣ: различные старинные предметы — образа, утварь и т. п., въ этихъ святилищахъ выставляются на самыхъ видныхъ мѣстахъ. Что же касается всего русскаго, то и болѣе цѣнные документы, и болѣе оригинальные памятники, старины обыкновенно приходится разыскивать подъ слоями вѣковой пыли и всякаго мусора, то подъ спудами церквей, то на чердакахъ консисторій, то на колокольняхъ и въ другихъ мѣстахъ, куда менѣе всего заглядываетъ глазъ. Иногда случается, что особенно ревностные и усердствующіе священнослужители, случайно отыскивая весьма цѣнные акты или другіе памятники, напоминающіе при этомъ о тяжелыхъ, пережитыхъ церковью, временахъ,—предаютъ такіе предметы уничтоженію».

Къ числу такихъ не въ мѣру «ревностныхъ» и «усердствующихъ» священнослужителей принадлежитъ, между прочимъ, игуменъ одного монастыря Волынской губерніи, сдѣлавшагося изъ уніатскихъ православнымъ. Вотъ какой подвигъ совершилъ этотъ почтенный пастырь для увѣковѣченія своей дѣятельности въ должности настоятеля: онъ приказалъ затопить въ рѣкѣ весь богатѣйшій монастырскій архивъ, мотивируя свое распоряженіе тѣмъ, что архивъ этотъ относился ко временамъ уніатства. Подобные факты — не единственные, на которые можно было бы указывать, какъ на исключеніе: они повторяются довольно часто и наводятъ на грустныя размышленія. Вотъ еще одинъ изъ нихъ. Въ одной изъ церквей Воронежской губерніи (по свидѣтельству того же пр. еписк. Димитрія) хранилось евангеліе временъ царя Алексѣя Михаиловича, но мѣстному священнику такая древность показалась почему-то излишнею; вслѣдствіе этого при похоронахъ своего товарища по паствѣ онъ положилъ его съ нимъ въ гробъ, «чтобы не класть новаго евангелія».

Русская могила на Сен-Готардѣ. Г. Иліодоръ Попруженко напечаталъ въ «Новомъ Времени» слѣдующее письмо: «Я только что возвратился съ вершины Сен-Готарда и пишу подъ свѣжимъ и скорбнымъ впечатлѣніемъ видѣнной мною тамъ могилы славныхъ сподвижниковъ великаго Суворова. Представьте себѣ ветхое, некрасивое строенье изъ дикаго необтесаннаго плитняка, длиною въ $1^1/_2$ саж., шириною въ 1 саж. и въ вышину аршина $2^1/_2$, крытое тѣмъ же плитнякомъ и съ отверстіемъ вмѣсто двери. Я и мои русскіе спутники съ изумленіемъ услыхали, что это—часовня съ костями русскихъ воиновъ. Но это просто-напросто какой-то сарай для загона козъ, а не могильный памятникъ, тѣмъ болѣе, что на немъ нѣтъ и креста. Оказывается, что часовенка была построена очень давно швейцарскимъ правительствомъ, по распоряженію котораго въ нее и были сложены кости русскихъ воиновъ, погибшихъ при переходѣ черезъ Сен-Готардъ, собранныя впослѣдствіи по этому невообразимо трудному пути русской арміи. Въ настоящее время отъ массы костей осталась самая ничтожная часть, находящаяся въ разсѣлинѣ скалы, на которой построена эта часовня. Любопытствующіе туристы, въ особенности англичане, переворачивая своими палками груду костяковъ, почти всю ее растаскали по Европѣ. Внутри часовни темно, грязно, по стѣнамъ копоть; видно, что въ непогоду тамъ зажигаютъ огонь и варятъ пищу. Изъ разсѣлины фундамента торчатъ въ безпорядкѣ кости и виденъ разный соръ. Между прочимъ, фундаментъ разрушенъ съ одной изъ наружныхъ сторонъ (задней) и кости виднѣются издали. Невыразимо грустно было глядѣть на эту историческую могилу русскихъ героевъ, этихъ богатырей, создавшихъ одну изъ лучшихъ страницъ нашей исторіи. Такое запустѣніе и забвеніе бѣдной могилы мы объяснили себѣ лишь тѣмъ, что въ эту дикую, пустынную мѣстность, лежащую выше облака ходячаго и рядомъ со снѣгами, рѣдко кто изъ русскихъ заглядываетъ, что, впрочемъ, подтверждается и книгами съ именами посѣтителей, найденными нами на Сен-Готардѣ въ единственно жиломъ мѣстѣ, въ Hôtel du mont Rosa. Иначе бы о жалкомъ положеніи усыпальницы нашихъ славныхъ соотчичей узнали бы въ Россіи и, конечно, въ результатѣ явилась бы новая, прекрасная часовня, осѣненная крестомъ и вполнѣ достойная русскаго имени. «Новому Времени» не разъ принадлежала иниціатива въ дѣлахъ, затрогивавшихъ русское патріотическое чувство. Смѣю надѣяться, что редакція не откажетъ въ напечатаніи этого письма и вмѣстѣ съ нимъ откроетъ у себя сборъ пожертвованій на погребеніе нерастасканныхъ пока еще костей и для постановки приличнаго памятника на этой могилѣ. Пусть иностранцы знаютъ, что русскіе люди умѣютъ не только умирать, но также и достойно чтить память своихъ героевъ! Отъ себя и двухъ моихъ спутниковъ прилагаю при семъ посильную лепту».

Письмо прислано со станціи Айроло, у подножія Сен-Готарда. «Новое

Время» объявило, что оно принимаетъ пожертвованія на этотъ предметъ въ своей конторѣ.

† 20-го іюля, въ $8^1/_2$ час. вечера скоропостижно, отъ паралича сердца **Ефимъ Ѳедоровичъ Заринъ**. Онъ родился въ Пензенской губерніи, въ 1829 г., воспитывался въ духовной семинаріи, а потомъ — въ академіи. На литературное поприще онъ выступилъ въ пятидесятыхъ годахъ съ «Манфредомъ» Байрона, напечатаннымъ въ «Библіотекѣ для Чтенія». Около того же времени онъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ сначала работалъ въ «Библіотекѣ для Чтенія», а затѣмъ перешелъ въ редакцію журнала «Отечественныя Записки», на страницахъ котораго и вступилъ въ полемику съ лагеремъ Чернышевскаго и Писарева. Его имя не было извѣстно публикѣ, такъ какъ онъ постоянно скрывался подъ псевдонимомъ «Incognito». Когда Краевскій передалъ свой журналъ Некрасову,—Зарину пришлось прекратить въ немъ свое сотрудничество. Нѣкоторое время онъ работалъ въ газетѣ «Русскій Міръ», сотрудничалъ въ другихъ изданіяхъ и печаталъ переводы въ журналѣ «Изящная Литература». Въ послѣдніе годы онъ поступилъ на государственную службу по министерству путей сообщенія и, переутомленный работою, взялъ 10-го числа отпускъ на два мѣсяца. Судьба судила иное... Смерть его была мгновенна: онъ не успѣлъ даже сказать своимъ близкимъ послѣдняго «прости»... Покойный оставилъ напечатанными трагедіи Байрона: «Сарданапалъ», «Манфредъ», «Двое Фоскари», «Марино Фальеро», и въ портфелѣ—«Каинъ» и «Земля и Небо».

† 29-го іюля докторъ медицины **Эмануилъ Алексѣевичъ Ханъ**, 66-ти лѣтъ. Уроженецъ Остзейскаго края, онъ началъ свою литературную и издательскую дѣятельность въ 1854 г. Еще студентомъ V курса медико-хирургической академіи, онъ издалъ въ русскомъ переводѣ классическую въ то время фармакологію Эстерлейна, имѣвшую громадный успѣхъ среди студентовъ и врачей. Не меньшимъ успѣхомъ пользовалась основанная Э. Ханомъ (1858) «Библіотека медицинскихъ наукъ», сотрудниками которой состояли выдающіеся профессора и ученые: Здекауеръ, Бессеръ, Сорокинъ, Бородинъ, Хлѣбниковъ, Вреденъ, Ольхинъ и др. Удовлетворяя насущной потребности тогдашняго времени, при крайнемъ недостаткѣ оригинальныхъ медицинскихъ сочиненій, а также хорошихъ переводныхъ, «Библіотека медицинскихъ наукъ» оказала не малую услугу русскимъ врачамъ и учащимся, просуществовавъ около десяти лѣтъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ Эмануилъ Алексѣевичъ издавалъ журналъ «Популярная Медицина», затѣмъ «Всемірный Трудъ», въ которомъ участвовали выдающіеся наши писатели (Островскій, Ахшарумовъ, Мордовцевъ, Писемскій, Крестовскій и др.). Въ послѣдніе годы имъ изданы, кромѣ того, романы Вальтеръ-Скотта въ русскомъ переводѣ, «Жизнь животныхъ» — Брема и масса мелкихъ брошюръ, отчасти оригинальныхъ, отчасти компилятивныхъ и переводныхъ. Неутомимо занимаясь втеченіе почти 40 лѣтъ на поприщѣ литературы и издательства, покойный на старости лѣтъ терпѣлъ нужду: явились истощеніе силъ и изнурительная болѣзнь, которая и свела его въ могилу. Эта болѣзнь въ соединеніи съ лишеніями всякаго рода, заставила его даже покуситься—положить конецъ такой тяжелой жизни. А между тѣмъ, труды его, какъ редактора, ученаго и популяризатора полезныхъ знаній, заслуживали вниманіе общества. Кромѣ спеціально-медицинскихъ сочиненій и добросовѣстно составляемаго и редактируемаго журнала, онъ издалъ въ шестидесятыхъ годахъ много популярно-научныхъ книгъ, какъ самоучитель новѣйшихъ языковъ, «Книга природы» (четыре части, 1865 г.), «О племенахъ земнаго шара», «Дары природы», «Хищныя животныя» и др.

† Въ селѣ Александровскомъ, подъ Петербургомъ **Аркадій Дмитріевичъ Сатинъ**, защитникъ Севастополя и писатель, отставной капитанъ 1-го ранга. Потомокъ старинннаго дворянскаго рода, онъ родился въ Москвѣ, въ 1834 г.,

воспитывался въ Дерптѣ, потомъ во Франціи и изъ Петербургскаго морского корпуса вышелъ въ мичманы въ черноморскій флотъ, участвовалъ въ Синопскомъ сраженіи, былъ три раза раненъ, по окончаніи войны вышелъ въ отставку, но въ послѣднюю турецкую войну опять поступилъ на службу. Снова оставилъ ее въ 1878 году. Еще въ 1872 г. онъ напечаталъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» рядъ замѣчательныхъ очерковъ подъ заглавіемъ «Изъ записокъ черноморскаго офицера и отрывки изъ путевыхъ замѣтокъ». Живя въ Саратовѣ, онъ писалъ по сельско хозяйственнымъ вопросамъ.

† Въ Екатеринодарѣ 12-го іюля **Михаилъ Ивановичъ Бабиковъ**, драматическій актеръ и писатель 46-ти лѣтъ. Онъ воспитывался въ академіи художествъ и былъ недурнымъ живописцомъ, особенно докораторомъ. Драматическое поприще началъ въ Казани, затѣмъ перешелъ въ Москву, гдѣ скоро занялъ роль Садовскаго, былъ лучшимъ Любимомъ Торцовымъ и Расплюевымъ. Въ журналахъ онъ помѣщалъ стихи, повѣсти и разсказы подъ псевдонимомъ Горемыкина, несомнѣнно талантливые.

† **Константинъ Августовичъ Тарновскій**, въ Москвѣ 29-го іюля. Онъ въ сентябрѣ прошлаго года праздновалъ пятидесятилѣтіе своей дѣятельности на литературно-театральномъ поприщѣ. Родился онъ въ 1826 г. въ Ковенской губерніи; образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ, въ которомъ кончилъ курсъ въ 1846 г. Съ юныхъ лѣтъ К. А. чувствовалъ влеченіе къ дѣятельности драматурга. Переводъ одноактной комедіи «Le muet de St.-Malo», названной Тарновскимъ «Нѣмой по неволѣ», сдѣланъ имъ въ то время, когда онъ учился въ гимназіи, въ 1841 году. Еще студентомъ, К. А. закончилъ свое первое самостоятельное произведеніе—комедію «Испытаніе». По окончаніи курса въ университетѣ, Тарновскій служилъ сперва въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, затѣмъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и министерствѣ двора, сначала въ качествѣ секретаря въ московской дирекціи театровъ, а съ 1856 г. въ качествѣ инспектора репертуара. Выйдя въ отставку, К. А. посвятилъ себя всецѣло театру. Ему принадлежитъ болѣе сотни оригинальныхъ и переводныхъ драмъ, комедій и водевилей. Кромѣ драмъ, имъ переведено нѣсколько феерій: «Призракъ», «Нана-Саибъ», «Лѣсной бродяга» и др., также написано нѣсколько статей, посвященныхъ главнымъ образомъ театральному дѣлу и напечатанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. По иниціативѣ Тарновскаго, Н. Г. Рубинштейнъ основалъ въ Москвѣ «Артистическій кружокъ». Онъ принималъ также дѣятельное участіе въ устройствѣ московской консерваторіи и въ организаціи вспомогательной студенческой кассы при Московскомъ университетѣ, въ пользу которой устроилъ въ 1865 г. на свой рискъ три концерта, давшіе хорошій сборъ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

По поводу отчета г. Павленкова о книжномъ дѣлѣ въ Россіи.

Въ отчетѣ, о книжномъ дѣлѣ въ Россіи за истекшій годъ, напечатанномъ въ іюньской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», г. Павленковъ подчеркиваетъ тенденціи польской и нѣмецкой мѣстной печати слѣдующими словами:

«О чемъ говорится и трактуется въ этихъ тысячахъ сочиненій съ ихъ милліонами экземпляровъ? Мы можемъ отвѣтить на этотъ естественный

вопросъ, но отвѣтъ не будетъ льстивъ для русскаго чувства. Во-первыхъ, инородцы и братья славяне-поляки забыли Лермонтова, не вспомнили, что въ минувшемъ году истекло 50 лѣтъ со дня его кончины, и что потому произведенія его могъ издавать всякій, кто пожелалъ бы. Во-вторыхъ, не смотря на богатство литературъ польской и нѣмецкой, на множество переводныхъ въ ней сочиненій, особенно въ первой, вы не отыщете ни въ той, ни въ другой ни одного перевода съ русскаго языка ни по научной, ни по беллетристической и ни по какой другой части».

Г. Павленковъ заблуждается относительно польской печати, и это заблужденіе объясняется его обобщеніями, вытекающими изъ итоговъ оффиціальныхъ сообщеній, а не изъ тѣхъ заключеній, къ которымъ приходитъ наблюдатель условій мѣстной печати. Сдѣлаю два-три возраженія, такъ какъ мнѣ нѣсколько знакомо издательское дѣло въ Варшавѣ, потому что я занимаюсь собираніемъ данныхъ объ имѣющихся переводахъ нашихъ писателей въ польской печати.

Начну съ Лермонтова. Перевода сочиненій Лермонтова нѣтъ въ истекшемъ году, надо полагать, потому, что имѣется вышедшій въ 1890 году переводъ почти полнаго собранія сочиненій Лермонтова, сдѣланный Манковскимъ съ предисловіемъ Спасовича, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Wibór pism, przelożiony przez Mańkowskiego, a poprzedzony wstępem krytycznym W. D. Spasowicza. Прибавлю, что переводъ Манковскаго, за немногими исключеніями, отличается вѣрностью и изяществомъ передачи подлинника. Не привожу списка переводовъ Лермонтова на польскій языкъ въ предыдущіе годы, перечень которыхъ, хотя и не полный, имѣется въ сентябрьской книжкѣ за 1891 г. «Историческаго Вѣстника» въ статьѣ г. Драганова «Пушкинъ и Лермонтовъ во всемірной литературѣ». Въ день 50-тилѣтія памяти Лормонтова польская печать отозвалась рядомъ откликовъ, изъ которыхъ въ «Kraj'ѣ» былъ помѣщенъ довольно пространный фельетонъ.

Въ отношеніи беллетристики въ истекшемъ 1891 году было два изданія, не считая переводовъ сочиненій русскихъ писателей въ періодической печати. Вотъ эти изданія: разсказъ гр. Толстого «Смерть Ивана Ильича», печатавшійся въ «Tygodnik'ѣ Illustrowany'мъ» и имъ выпущенный отдѣльнымъ изданіемъ. Другое изданіе: переводъ стихотвореній гр. Ал. К. Толстого (Albnm z poezyi... przelożył Ant. Doliwa; Petersburg, 1891). Эти два изданія могу дополнить сообщеніемъ предположеннаго третьяго, не допущеннаго мѣстною цензурою: повѣсти гр. Толстого «Крейцерова соната», неразрѣшеннаго вслѣдствіе отсутствія «Крейцеровой сонаты» въ отдѣльномъ авторскомъ изданіи.

Еще возраженіе на обвиненіе польской печати въ замалчиваніи крупныхъ явленій, охватывающихъ интересы русскаго общества:

«Что касается періодической печати въ ея отношеніяхъ къ Россіи, то достаточно вспомнить, что печать эта даже о такомъ важномъ событіи, какъ посѣщеніе Кронштадта французской эскадрой, не обмолвилась ни единымъ словомъ отъ себя».

О посѣщеніи французскою эскадрой мнѣ самому доводилось читать въ польскихъ изданіяхъ отчеты въ видѣ перепечатокъ изъ русскихъ изданій и заключеній «отъ себя», и если польская печать, вообще, говоритъ о дѣлахъ нашей внутренней политики путемъ извлеченій изъ русскихъ изданій, то причина тому, что «отъ себя» дополнять эти извлеченія варшавская печать

не всегда можетъ по мѣстнымъ условіямъ печати. Относительное исключеніе представляетъ «Kraj», издающійся въ Петербургѣ.

Переводовъ по русской научной литературѣ въ истекшемъ году не было ни одного. Но причину этого отсутствія въ истекшемъ году и вообще ограниченной цифры переводовъ русскихъ научныхъ сочиненій слѣдуетъ искать въ прямой ограниченности спроса на переводныя русскія научныя сочиненія. Изъ имѣющихъ общественный интересъ научныхъ сочиненій переведены въ послѣдніе годы: два труда Иванюкова по политической экономіи («Główne zasady teoryi polityki ekonomicznej od Ad. Smitha do teraźniejszych czasów» и «Ekonomia polityczna jako nauka o procesie rozwoju zjawisk społecznych») и популярная брошюрка покойнаго Клейбера о солнечномъ затменіи (Co znaczy zaćmienia słońca przepowiedziane na dzień 7 sierpnia 1887 r., cena 5 cop.). Переведена также вторымъ изданіемъ полезная брошюрка покойнаго проф. А. М. Бутлерова: «Объ уходѣ за пчелами» («Jak hodować pszczoły»).

А. Лугановскій.

ВЪ ПОИСКАХЪ ПРАВОСУДІЯ.

(ИЗЪ НѢМЕЦКАГО БЫТА XVI ВѢКА)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

КЛЕЙСТА

(MICHAEL KOHLHAAS)

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1892

КОЛО середины XVI столѣтія, у береговъ Гавеля, жилъ нѣкій лошадиный барышникъ, по имени Михаэль Кольгаасъ, сынъ школьнаго учителя, одинъ изъ правдивѣйшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ чудовищнѣйшихъ людей своего времени. Этотъ необычайный человѣкъ до тридцатилѣтняго возроста могъ бы служить образцомъ добраго гражданина. Въ одной деревнѣ, до сихъ поръ носящей его имя, была у него усадьба, на которой онъ мирно жилъ своимъ промысломъ. Дѣтей своихъ, которыми подарила его молодая жена, воспитывалъ онъ въ страхѣ Божіемъ, пріучая ихъ къ трудолюбію и честности. Среди сосѣдей его не было ни единаго человѣка, который не отдавалъ бы ему чести за его благотворительность и справедливость. Словомъ сказать, міръ благословилъ бы память о немъ, если бы онъ не пересолилъ въ одной добродѣтели. Чувство справедливости сдѣлало изъ него вора и убійцу.

Однажды онъ отправился за границу съ партіей молодыхъ, сытыхъ, лоснившихся лошадокъ и по дорогѣ принялся высчитывать, какъ употребить барышъ, который надѣялся нажить на нихъ при продажѣ, причемъ, какъ добрый хозяинъ, часть этого барыша предназначалъ пустить въ новый ростъ, а на остальную потѣшить себя въ настоящемъ. Вдругъ, подъѣхавъ къ Эльбѣ, около одного великолѣпнаго рыцарскаго замка, на Саксонской территоріи, замѣтилъ онъ шлагбаумъ, котораго на этомъ мѣстѣ прежде никогда не видывалъ. Дождь лилъ, какъ изъ ведра. Кольгаасъ мгновенно пріостановилъ лошадей, крикнувъ сборщика шоссейныхъ пошлинъ, который дѣйствительно вскорѣ послѣ того высунулъ изъ окна угрюмое свое лице. Лошадиный барышникъ попросилъ пропустить его. «Что тутъ у васъ за новости?»—спросилъ онъ, когда, долгое

1*

время спустя, сборщикъ налоговъ показался изъ дому.—«Привиллегія, дарованнная землевладѣльцу, — отпирая шлагбаумъ, отвѣчалъ тотъ:—юнкеру [1]) Венцелю фонъ-Тронка».

— Вотъ оно что. Такъ юнкера зовутъ Венцелемъ?—замѣтилъ Кольгаасъ, оглядывая замокъ, блестящими зубцами своими смотрѣвшій въ поле.—Развѣ старый владѣлецъ умеръ?

— Умеръ отъ удара,—отвѣчалъ сборщикъ пошлинъ, поднимая шлагбаумъ.

— Гмъ! жаль!—продолжалъ Кольгаасъ.—Достойный былъ старикъ, находившій отраду въ сношеніяхъ съ людьми, поддерживавшій торговлю по мѣрѣ силъ, проложившій нѣкогда шоссе, только изъ-за того, что одна кобыла сломила у меня ногу въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога поворачиваетъ въ деревню. Ну, сколько же я долженъ?—спросилъ онъ, съ недовольствомъ вытаскивая потребованные сборщикомъ гроши изъ-подъ развѣвавшагося отъ вѣтра плаща.

— Да, старина, — прибавилъ онъ еще, когда тотъ, проклиная скверную погоду, бормоталъ ему: «скорѣй, скорѣй»,—если бы дерево осталось стоять на мѣстѣ въ лѣсу, было бы лучше для меня и для васъ.

Съ этими словами онъ вручилъ ему деньги и хотѣлъ продолжать свой путь. Но едва успѣлъ онъ подъѣхать подъ шлагбаумъ, какъ позади него изъ башни послышался другой голосъ: «Стой, ей ты, скребница!» и вслѣдъ затѣмъ барышникъ увидѣлъ, какъ кастелянъ, захлопнувъ окно, бросился бѣгомъ къ нему. «Ну, еще какія новости?»—спрашивалъ себя Кольгаасъ, пріостановивъ лошадей. Кастелянъ, застегивая куртку на объемистомъ животѣ, подошелъ къ нему и, повернувшись спиной къ вѣтру, потребовалъ пропускной билетъ. Кольгаасъ переспросилъ: «Пропускной билетъ?» Нѣсколько смутившись, онъ отвѣчалъ, что, на сколько ему извѣстно, никакого пропускнаго билета у него нѣтъ, прося, впрочемъ, объяснить ему, что это за штука, а то, быть можетъ, какъ нибудь случайно у него и окажется таковой.

Оглядѣвъ его сбоку, кастелянъ возразилъ, что безъ пропускнаго билета отъ курфюрста торговцы лошадьми за границу не пропускаются.

Кольгаасъ завѣрялъ, что семнадцать разъ въ жизни переѣзжалъ границу безъ такого билета, что всѣ постановленія курфюрста, касающіяся его промысла, ему въ точности извѣстны, что это навѣрное, должно быть, простое недоразумѣніе, которое онъ проситъ обдумать, и, въ виду далекаго пути, предстоявшаго ему въ тотъ день, не задерживать его долѣе понапрасну. Но кастелянъ отвѣчалъ, что въ осьмнадцатый разъ ему не удастся такъ проскольз-

---

[1]) Въ Германіи юнкеръ означаетъ дворянина, не имѣющаго никакого другаго титула.

нуть, что для того-то и сдѣлано недавно новое распоряженіе, и что онъ долженъ или сейчасъ же добыть себѣ пропускной билетъ, или же убираться туда, откуда пришелъ. Лошадиный барышникъ, нѣсколько уже озадаченный такими незаконными стѣсненіями, послѣ нѣкотораго раздумья, сошелъ съ лошади, отдалъ ее работнику и сказалъ, что самъ поговоритъ о томъ съ юнкеромъ фонъ-Тронка. И онъ отправился въ замокъ. Кастелянъ послѣдовалъ за нимъ, бормоча о скряжническомъ загребаніи денегъ и необходимости кровопусканія для подобныхъ господъ. Такимъ образомъ, измѣряя одинъ другаго взглядами, оба вошли въ зало. Такъ случилось, что юнкеръ въ это время сидѣлъ за кубкомъ съ нѣсколькими веселыми пріятелями, причемъ, по поводу какой-то шутки, они залились раскатистымъ смѣхомъ, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Кольгаасъ подошелъ къ Венцелю для принесенія своей жалобы.

Юнкеръ обратился къ нему съ вопросомъ, чего онъ желаетъ. Увидѣвъ чужаго человѣка, рыцари притихли. Но едва тотъ успѣлъ заикнуться о своей просьбѣ насчетъ лошадей, какъ вся компанія съ восклицаніями: «Лошади? гдѣ онѣ?»—бросились къ окну посмотрѣть на лошадей. По предложенію Венцеля, при видѣ отличныхъ коней, они кинулись внизъ на дворъ. Дождь пересталъ. Кастелянъ, управляющій и рабочіе столпились вокругъ нихъ и всѣ стали разглядывать животныхъ. Одинъ хвалилъ рыжечалаго коня съ бѣлымъ пятномъ на лбу, другому нравилась бурая лошадка, третій поглаживалъ пѣгашку съ черножелтыми пятнами, и всѣ сходились въ томъ, что кони напоминали собою оленей и что въ этой мѣстности лучшихъ не бывало. Кольгаасъ отвѣчалъ, что кони не лучше рыцарей, которые будутъ на нихъ ѣздить, и предложилъ имъ купить лошадей. Юнкеръ, которому рыжечалый жеребецъ пришелся особенно по вкусу, освѣдомился у Кольгааса насчетъ его цѣны. Управляющій настоятельно просилъ рыцаря купить пару вороныхъ, которыхъ, за недостаткомъ лошадей, онъ могъ бы употреблять для полеводства. «Скребница» объявилъ свою цѣну, рыцари нашли ее слишкомъ высокой, причемъ юнкеръ сострилъ, что барышнику придется ѣхать къ рыцарямъ Круглаго Стола, чтобы добиться короля Артура, если онъ такъ дорого цѣнитъ своихъ лошадей. Замѣтивъ перешептываніе кастеляна съ управляющимъ, причемъ они бросали выразительные взгляды на вороныхъ коней,—изъ какого-то темнаго предчувствія, Кольгаасъ рѣшился на все, чтобы сбыть имъ лошадей. Онъ обратился къ юнкеру со словами: «Сударь, этихъ вороныхъ коней шесть мѣсяцевъ тому назадъ я пріобрѣлъ за двадцать пять гульденовъ золотомъ; давайте мнѣ тридцать, и тогда берите ихъ себѣ». Двое рыцарей, стоявшихъ рядомъ съ Венцелемъ, довольно ясно высказались, что эти лошади, конечно, стоили этихъ денегъ. Но юнкеръ отвѣчалъ, что готовъ затратиться на рыжечалаго коня, а никакъ не на вороныхъ,

и сталъ собираться уходить, причемъ Кольгаасъ выразилъ надежду, что, быть можетъ, они сторгуются въ слѣдующій разъ, когда онъ снова будетъ проѣзжать мимо со своими лошадьми. Затѣмъ, откланявшись хозяину замка, онъ взялся за поводъ своихъ лошадей, собираясь уѣзжать. Въ это мгновеніе изъ толпы выступилъ кастелянъ и громко напомнилъ ему, чтобы безъ пропускнаго билета онъ ѣздить не смѣлъ. Кольгаасъ обернулся и спросилъ юнкера, дѣйствительно ли существуетъ такое постановленіе, разстроивающее весь его промыселъ. Венцель съ смущеннымъ видомъ, уходя, отвѣтилъ: «Да, Кольгаасъ, съ пропускнымъ билетомъ надо будетъ устроиться. Переговори съ кастеляномъ и отправляйся своей дорогой».

Кольгаасъ сталъ увѣрять его, что и въ помыслахъ не имѣетъ обходить постановленія, могущія касаться вывода лошадей, обѣщалъ, при проѣздѣ черезъ Дрезденъ, выправить билетъ въ магистратѣ и просилъ пропустить его только на этотъ разъ, въ виду полнаго его невѣдѣнія насчетъ этого требованія.

— Ну!—сказалъ юнкеръ, побуждаемый снова забушевавшей погодой, пронизывавшей его тощіе члены,—пропустите этого лизоблюда. Идемъ,—обратился онъ къ рыцарямъ, повернулся и хотѣлъ войти въ замокъ, но тутъ кастелянъ, обратясь къ рыцарю фонъ-Тронка, замѣтилъ, что Кольгаасъ долженъ, по крайней мѣрѣ, оставить что нибудь въ залогъ, въ обезпеченіе доставки пропускнаго билета. Юнкеръ снова остановился въ воротахъ замка. Кольгаасъ спросилъ, сколько же ему оставить, деньгами или вещами, въ залогъ за проводъ лошадей. Управляющій, бормоча себѣ подъ носъ, замѣтилъ, что онъ могъ бы оставить сàмыхъ вороныхъ коней. «Конечно, — замѣтилъ кастелянъ, — это самое цѣлесообразное. Какъ только онъ выправитъ билетъ, то можетъ во всякое время явиться за ними».

Изумленный такимъ нахальнымъ требованіемъ, Кольгаасъ напомнилъ юнкеру, прикрывавшему камзоломъ животъ, что вѣдь вороныхъ своихъ онъ намѣревался продавать. Но въ это мгновеніе порывъ вѣтра вогналъ подъ ворота цѣлую массу дождя съ градомъ, и, чтобы поскорѣе покончить съ этимъ дѣломъ, фонъ-Тронка крикнулъ: «Если онъ не желаетъ разставаться съ лошадьми, въ такомъ случаѣ вышвырнуть его обратно за шлагбаумъ».

Тогда барышникъ, хорошо сознавая, что ему придется уступить насилію, такъ какъ болѣе ему ничего не оставалось, рѣшился исполнить ихъ требованіе: выпрягъ вороныхъ и свелъ ихъ въ конюшню, указанную ему кастеляномъ. Онъ оставилъ при нихъ своего рабочаго, снабдивъ его деньгами, умолялъ его беречь лошадей до его возвращенія и затѣмъ, — въ полусомнѣніи, не появилось ли въ Саксоніи въ самомъ дѣлѣ такого распоряженія, въ виду разроставшагося промысла коннозаводства,—съ остальной партіей

лошадей двинулся по направленію къ Лейпцигу, куда спѣшилъ на ярмарку.

По прибытіи въ Дрезденъ, гдѣ въ одномъ изъ подгородныхъ предмѣстій у него былъ собственный домъ съ нѣсколькими конюшнями, такъ какъ съ этого именно пункта распространялъ онъ свою торговлю на болѣе мелкихъ мѣстныхъ рынкахъ,—онъ немедленно отправился въ магистратъ. Здѣсь отъ нѣкоторыхъ знакомыхъ ему совѣтниковъ онъ узналъ то, чтò и самому ему съ самаго начала приходило въ голову, а именно, что исторія его съ пропускнымъ билетомъ есть простая басня. Испросивъ отъ угрюмыхъ совѣтниковъ письменное удостовѣреніе въ неосновательности требованія пропускнаго билета, Кольгаасъ посмѣивался надъ выходкой тощаго юнкера, хотя не могъ еще вполнѣ уяснить себѣ цѣли его въ данномъ случаѣ. Нѣсколько недѣль спустя, къ великому своему удовольствію, продавъ партію приведенныхъ имъ лошадей, онъ отправился обратно въ Тронкенбургъ, безъ всякой горечи на душѣ, кромѣ мысли о всеобщей нуждѣ на свѣтѣ. Кастелянъ, которому онъ показалъ удостовѣреніе, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, на вопросъ «скребницы», можетъ ли онъ теперь обратно получить лошадей, отвѣчалъ, что проситъ его только спуститься внизъ и взять ихъ. Но Кольгаасъ, проходя черезъ дворъ, успѣлъ уже узнать о непріятномъ инцидентѣ съ его работникомъ, который, нѣсколько дней спустя послѣ поселенія своего въ Тронкенбургѣ, за «непристойное» поведеніе былъ избитъ и изгнанъ изъ замка. Онъ освѣдомился у мальчика, сообщившаго ему это извѣстіе, что же такое натворилъ его работникъ и кто же ходилъ за лошадьми въ это время. Но тотъ отвѣтилъ, что ему объ этомъ ничего неизвѣстно, и затѣмъ отворилъ конюшню передъ Кольгаасомъ, у котораго отъ недобрыхъ предчувствій заныло сердце. Каково же было его изумленіе, когда, вмѣсто двухъ гладкихъ, сытыхъ вороныхъ коней, онъ увидѣлъ пару тощихъ, изнуренныхъ клячъ. Кости торчали у нихъ, какъ колья, на которые можно было вѣшать вещи; грива и шерсть, безъ присмотра и ухода, свалялись: то была истинная картина заброшенности въ животномъ царствѣ! Лошади, слегка потоптавшись, заржали при появленіи Кольгааса, который пришелъ въ крайнее негодованіе и спросилъ, что же приключилось съ его конями. Стоявшій около него мальчикъ отвѣтилъ, что съ лошадьми ничего особеннаго не было, что и кормъ они получали, какъ слѣдуетъ, только вотъ, въ виду подоспѣвшей какъ разъ жатвы, за недостаткомъ рабочаго скота, ими слегка пользовались для полевыхъ работъ. Кольгаасъ разразился проклятіями на такое гнусное, предумышленное насиліе, но, сознавая полную свою безпомощность и затаивъ въ душѣ свою злобу, сталъ уже готовиться,—такъ какъ болѣе ему ничего не оставалось,—убраться изъ этого разбойничьяго гнѣзда со своими лошадьми, какъ вдругъ появился кастелянъ,

привлеченный крупнымъ ихъ разговоромъ, и поинтересовался узнать, въ чемъ дѣло.

— Въ чемъ дѣло?—отвѣчалъ Кольгаасъ.—А кто далъ юнкеру фонъ-Тронка и его людямъ право оставленныхъ у него моихъ лошадей употреблять на полевыя работы?

Онъ прибавилъ насчетъ безчеловѣчности такого обхожденія, попробовалъ подбодрить обезсилѣвшихъ лошадей ударомъ хлыста, но онѣ не тронулись съ мѣста.

Посмотрѣвъ на него въ упоръ нѣсколько мгновеній, кастелянъ продолжалъ:

— Скажите, какой грубіянъ! Вмѣсто того, чтобы благодарить Бога, что клячи его еще не подохли!... Небось, не спроситъ, кому же было за ними ухаживать, когда работникъ его сбѣжалъ! Развѣ не дешево отдѣлывались лошади за кормъ, отработывая его на полѣ?

Въ заключеніе онъ посовѣтывалъ барышнику лучше прекратить препирательства, иначе де онъ кликнетъ собакъ, при помощи которыхъ сумѣетъ водворить спокойствіе во дворѣ.

Сердце заколотилось у Кольгааса о фуфайку. Ему хотѣлось столкнуть этого толстопузаго въ грязь и пристукнуть ногой мѣдную его рожу. Однако, присущее ему чувство справедливости, походившее на золотые вѣсы, еще колебалось. Въ собственномъ сознаніи его не было еще увѣренности, тяготѣетъ ли вина на его противникѣ. Затѣмъ, подавивъ въ себѣ раздраженіе, онъ подошелъ къ лошадямъ и, раздумывая про себя насчетъ данныхъ обстоятельствъ, сталъ расправлять имъ гривы и упавшимъ голосомъ спросилъ, за какой проступокъ удаленъ былъ изъ замка его работникъ.

— За то, что этотъ негодяй вздумалъ ослушиваться,—отвѣчалъ кастелянъ. — За то, что онъ заортачился противъ одной необходимой перемѣны въ конюшнѣ и потребовалъ, чтобы лошади двухъ молодыхъ людей, пріѣхавшихъ въ Тронкенбургъ, изъ-за его лошадей, ночевали подъ открытымъ небомъ!

Кольгаасъ готовъ былъ пожертвовать лошадьми, чтобы имѣть работника подъ рукой и возможность сравнить показаніе его съ показаніемъ этого толстомордаго кастеляна. Онъ продолжалъ еще стоять, разглаживая лошадямъ челки и размышляя, какъ въ данномъ случаѣ слѣдуетъ ему поступить, какъ вдругъ картина внезапно измѣнилась, и юнкеръ Венцель фонъ-Тронка, съ толпой рыцарей, прислужниковъ и стаей собакъ, влетѣлъ во дворъ замка, возвращаясь съ заячьей травли. На вопросъ его, что̀ случилось, кастелянъ сталъ держать рѣчь. При видѣ чужаго человѣка, собаки залились убійственнымъ лаемъ, рыцари приказывали имъ молчать, а кастелянъ тѣмъ временемъ представилъ юнкеру дѣло въ злонамѣренно искаженномъ видѣ: какой де скандалъ подымаетъ этотъ «скребница» изъ-за того, что его вороные взяты были немного

поработать. Онъ добавилъ съ язвительнымъ смѣхомъ, что барышникъ отказывается теперь признать этихъ лошадей за своихъ.

— Это не мои лошади, сударь! Это не тѣ лошади, которыя стоили тридцать гульденовъ золотомъ! Я желаю получить обратно моихъ добрыхъ и здоровыхъ коней!

Лице юнкера покрылось внезапной блѣдностью. Онъ сошелъ съ лошади и сказалъ:

— Если этотъ дуракъ не желаетъ брать обратно лошадей, то пусть оставляетъ ихъ. Идемъ, Гюнтеръ! Гансъ! Идемъ!—крикнулъ онъ, обмахивая пыль со своихъ брюкъ.—Подайте вина!—прибавилъ онъ еще, проходя съ рыцарями въ дверяхъ, и затѣмъ вошелъ въ домъ.

Кольгаасъ объявилъ, что скорѣе готовъ призвать живодера и выбросить лошадей на живодёрню, нежели въ такомъ видѣ, какъ онѣ есть, вести ихъ въ свою конюшню въ Кольгаасенбрюкъ. Оставивъ вороныхъ безъ всякаго вниманія на томъ же мѣстѣ, гдѣ онѣ стояли, и увѣряя, что сумѣетъ найти свои права, онъ вскочилъ на своего каряго и ускакалъ оттуда.

Онъ несся уже по дорогѣ въ Дрезденъ во весь опоръ, когда при воспоминаніи о работникѣ и принесенной на него жалобѣ въ замкѣ вдругъ придержалъ лошадь и поѣхалъ шагомъ. Но едва лошадь его успѣла сдѣлать тысячу шаговъ, какъ онъ снова повернулъ ее по направленію къ Кольгаасенбрюку, рѣшившись произвести допросъ своему работнику, по собственному разумѣнію и чувству справедливости. Ибо подъ давленіемъ этого справедливаго чувства, знакомаго съ несовершеннымъ устройствомъ міра, не смотря на всѣ вынесенныя оскорбленія, барышникъ склонялся уже примириться съ утратой лошадей, какъ естественнымъ послѣдствіемъ, въ томъ случаѣ, если,—какъ утверждалъ кастелянъ, — работникъ его дѣйствительно погрѣшилъ въ чемъ бы то ни было. Но противъ этого обвиненія возставало въ немъ какое-то особое упорное предчувствіе, и это чувство укоренялось въ немъ все сильнѣе и сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ онъ подвигался впередъ и всюду на остановкахъ слышалъ о неправдѣ, творимой ежедневно въ Тронкенбургѣ, въ отношеніи ко всѣмъ путникамъ. Чувство это подсказывало ему, что если все это дѣло, какъ по всему было видно, являлось простой злоумышленностью, то онъ обязывается передъ міромъ всѣми силами добиться удовлетворенія за понесенную обиду себѣ и обезпеченія на будущее время для своихъ согражданъ.

Едва успѣлъ онъ, по пріѣздѣ въ Кольгаасенбрюкъ, обнять Лизбетту, вѣрную жену свою, и поцѣловать дѣтей, прыгавшихъ около его ногъ, какъ немедленно спросилъ о старостѣ Герзе, нѣтъ ли о немъ какихъ либо извѣстій.

— Да, дорогой Михаэль, этотъ Герзе, — отвѣчала Лизбетта, — представь себѣ, этотъ злосчастный человѣкъ недѣли двѣ тому на-

задъ явился сюда избитый до полусмерти... нѣтъ, до такой степени избитый, что онъ не могъ даже свободно вздохнуть. Мы положили его въ постель, и у него сдѣлалось сильное кровохарканье. Затѣмъ, въ отвѣтъ на наши многократные вопросы, мы услышали исторію, которую никто не можетъ понять. Онъ разсказываетъ, какъ ты оставилъ его въ Тронкенбургѣ съ лошадьми, которыхъ не пропускали, какъ его заставили уйти изъ Тронкенбурга постыднымъ нанесеніемъ побоевъ и какъ ему не было никакой возможности взять съ собой лошадей.

— Да?—сказалъ Кольгаасъ, снимая плащъ.—Что же онъ оправился уже?

— Кровохарканье почти прошло,—отвѣчала Лизбетта.—Я хотѣла немедленно послать работника въ Тронкенбургъ, который ходилъ бы тамъ за лошадьми до твоего пріѣзда. Герзе всегда казался такимъ правдивымъ и такимъ безпримѣрно преданнымъ по отношенію къ намъ, что мнѣ и въ голову не пришло усомниться въ его показаніи, подтверждавшемся притомъ столькими фактами, и заподозрѣть, что лошади пропали у него какимъ либо инымъ способомъ. Но онъ сталъ умолять меня никого не посылать туда, а прямо отказаться отъ лошадей, если ради нихъ я не хочу пожертвовать человѣкомъ.

— Развѣ онъ еще въ постелѣ?—спросилъ Кольгаасъ, развязывая свой галстухъ.

— Нѣсколько дней бродитъ онъ уже по двору,—отвѣчала она.—Да вотъ ты самъ увидишь,—продолжала она,—что все это справедливо, и что этотъ случай является однимъ изъ умышленныхъ насилій, какія съ недавняго времени допускаются въ Тронкенбургѣ по отношенію къ чужестранцамъ.

— Все это я долженъ еще разслѣдовать,—возразилъ Кольгаасъ.—Позови-ка мнѣ его сюда, Лизбетта, если онъ не лежитъ.

Съ этими словами онъ усѣлся въ кресло, а жена, очень довольная хладнокровіемъ мужа, вышла и призвала работника.

— Что такое натворилъ ты въ Тронкенбургѣ? — спросилъ Кольгаасъ, когда Лизбетта вошла съ нимъ въ комнату.—Я не особенно-то доволенъ тобой.

При этихъ словахъ хозяина, по блѣдному лицу работника пятнами разлился румянецъ. Помолчавъ нѣсколько секундъ, онъ отвѣчалъ:

— Вы правы, хозяинъ, такъ какъ сѣрная нитка, которую я, по соизволенію Божію, носилъ при себѣ, чтобы поджечь это разбойничье гнѣздо, была брошена мною въ Эльбу, когда я услышалъ тамъ плачъ ребенка. Я подумалъ: пускай испепелитъ его Божья гроза, я не хочу брать такого грѣха на себя!

Смущенный Кольгаасъ продолжалъ:

— Чѣмъ же навлекъ ты на себя изгнаніе изъ Тронкенбурга?

Утирая выступившую испарину со лба, Герзе отвѣчалъ:

— Изъ-за одной скверной штуки, хозяинъ. Но случившагося уже не вернуть. Я не хотѣлъ допустить, чтобы загубили лошадей полевой работой, и сказалъ, что онѣ еще молоды и еще не объѣзжены.

Стараясь скрыть свое волненіе, Кольгаасъ возразилъ, что въ данномъ случаѣ онъ сказалъ не вполнѣ правду, такъ какъ еще въ началѣ прошлой весны онѣ были подъ упряжью.—Ты могъ бы въ замкѣ, гдѣ до нѣкоторой степени былъ гостемъ, разокъ, а то и нѣсколько разъ проявить свою любезность, тѣмъ болѣе въ такое время, когда, вслѣдствіе усиленной ѣзды по жатвѣ, оказалась такая нужда въ лошадяхъ.

— Такъ я и сдѣлалъ, хозяинъ,—сказалъ Герзе.—Замѣтивъ ихъ недовольныя лица, я подумалъ, что лошадямъ это будетъ ни по чемъ, и на третій день до обѣда запрягъ ихъ и привезъ три фуры хлѣба.

Кольгаасъ, у котораго сердце готово было выпрыгнуть изъ груди, опустилъ глаза долу, присовокупивъ:

— Мнѣ о томъ ничего не сказали, Герзе.

Герзе увѣрялъ его, что это была истина.

— Моя нелюбезность заключалась въ томъ, — заговорилъ онъ снова: — что я не соглашался становить лошадей подъ ярмо вторично послѣ обѣда, когда онѣ только-что успѣвали поѣсть. Да еще, когда кастелянъ и управляющій предложили мнѣ давать воронымъ даровой кормъ, а деньги, которыя вы мнѣ оставили на кормъ для нихъ, положить себѣ въ карманъ, то я отвѣтилъ, что пускай этого они и не воображаютъ, а затѣмъ повернулся и ушелъ.

— Однако не изъ-за этой же нелюбезности прогнанъ ты изъ Тронкенбурга?

— Боже сохрани!—воскликнулъ работникъ,—за безчеловѣчное преступленіе! Вечеромъ того дня въ конюшню были поставлены лошади двухъ пріѣхавшихъ въ Тронкенбургъ рыцарей, а мои лошади были привязаны къ двери конюшни. Я взялъ лошадей изъ рукъ кастеляна, который самъ же и водворилъ ихъ тамъ, и спросилъ его, гдѣ же теперь имъ прикажутъ оставаться. Онъ указалъ мнѣ на свиной хлѣвъ, пристроенный къ стѣнѣ замка изъ рѣшетинъ и досокъ.

— Ты полагаешь,—перебилъ его Кольгаасъ,—что это было такое скверное помѣщеніе для лошадей, которое скорѣе походило на свинарникъ, нежели на конюшню.

— То былъ свиной хлѣвъ, хозяинъ, дѣйствительно настоящій свинарникъ, куда вбѣгали и откуда выбѣгали свиньи, и гдѣ я не могъ встать во весь ростъ.

— Быть можетъ, негдѣ было иначе пристроить вороныхъ, — возразилъ Кольгаасъ: — рыцарскіе кони имѣли до извѣстной степени преимущество.

— Мѣста было мало, — отвѣчалъ упавшимъ голосомъ работникъ. — Въ замкѣ жило въ то время семь рыцарей. Если бы то были вы, то вы приказали бы немного потѣснить лошадей. Я предложилъ пойдти посмотрѣть, нельзя ли будетъ нанять конюшни въ деревнѣ. Но кастелянъ возразилъ, что не можетъ выпустить лошадей съ своихъ глазъ, и запретилъ мнѣ выводить ихъ изъ дому.

— Гмъ! — произнесъ Кольгаасъ. — Что же ты предпринялъ далѣе?

— По словамъ управляющаго, гости должны были переночевать всего одну ночь и на другое же утро уѣхать, и потому я поставилъ-таки лошадей въ свинарникъ. Но прошелъ слѣдующій день, а гости все еще были тутъ; на третій день поутру выяснилось, что рыцари пробудутъ въ замкѣ еще нѣсколько недѣль.

— Пожалуй, въ свинарникѣ-то и не было уже такъ плохо, Герзе, какъ тебѣ это показалось съ перваго раза,—замѣтилъ Кольгаасъ.

— Это правда,—отвѣчалъ тотъ.—Я его немножечко повымелъ, и оно вышло не совсѣмъ скверно. Я далъ работницѣ на чай, чтобы она куда нибудь сунула свиней въ другое мѣсто. А на слѣдующій день я устроилъ и то, чтобы лошади могли стоять во весь ростъ, снимая сверху доски съ обрѣшетинъ съ наступленіемъ утренней зари и накладывая ихъ снова по вечерамъ. Онѣ выглядывали изъ-подъ крыши, словно гуси, озираясь на Кольгаасенбрюкъ, или вообще на болѣе привѣтливыя мѣста.

— Ну, дальше,—сказалъ Кольгаасъ,—за что же, чортъ побери, выгнали тебя вонъ?

— Скажу вамъ, хозяинъ, — отвѣчалъ ему работникъ, — потому что хотѣли отъ меня отдѣлаться, потому что, пока я былъ тамъ, они не могли доканать лошадей. Повсюду, на дворѣ и въ людской корчили они мнѣ непріятныя рожи. А такъ какъ я себѣ разсуждалъ: вытягивайте свои морды, чтобы вамъ ихъ совсѣмъ перекосило,—то они взяли, да ни съ того, ни съ сего и вышвырнули меня со двора долой.

— А поводъ къ тому!—воскликнулъ Кольгаасъ:—вѣдь они навѣрное имѣли же какой либо поводъ къ тому.

— О, безъ сомнѣнія, — отвѣчалъ Герзе, — и самый справедливѣйшій. Вечеромъ, на второй день пребыванія въ свинарникѣ, въ виду того, что лошади тамъ загрязнились, я хотѣлъ свести ихъ выкупать. И вотъ, въ тотъ самый моментъ, когда я былъ въ воротахъ замка и хотѣлъ уже выѣхать, вдругъ слышу, какъ кастелянъ и управляющій съ работниками, собаками и дубинами вылетаютъ изъ людской, какъ помѣшанные, съ крикомъ: «держите его мошенника, держите его висѣльника!». Привратникъ пересѣкъ мнѣ дорогу. Я обратился къ нему и къ неистовавшей толпѣ съ вопросомъ, въ чемъ дѣло.

— Въ чемъ дѣло?—отвѣчалъ кастелянъ, подхватывая обѣихъ моихъ вороныхъ за повода. — Куда ты собрался съ лошадьми? — кричалъ онъ мнѣ, хватая меня за грудь.

— Куда я собрался?—говорю я.—Громы небесные! Да купать ихъ хочу вести. Что же вы думаете, что я...

— Купать!—восклицаетъ кастелянъ.—Я те поучу, мошенникъ, плавать по столбовой дорогѣ въ Кольгаасенбрюкъ!

Съ этими словами, съ злостью сбрасываетъ онъ меня съ лошади, при помощи управляющаго, схватившаго меня за ногу, и я во весь ростъ растягиваюсь въ грязи.

— Живодеры! дьяволы!—восклицаю я,—въ конюшнѣ остались у меня подпруги и потники, да и узелъ собственныхъ моихъ вещей!

Но пока управляющій уводилъ лошадей, онъ съ прислужниками набросился на меня съ ногами, кнутами и дубинами, такъ что я полумертвый свалился по ту сторону воротъ. А такъ какъ я произнесъ слова: «ахъ, грабители! куда они уводятъ отъ меня лошадей?» и затѣмъ сталъ приподниматься, то кастелянъ крикнулъ: «Вонъ со двора замка! Куси, Кейзеръ! куси, Егерь! куси, Шпицъ!». Цѣлая свора собакъ, болѣе двѣнадцати штукъ, кинулась на меня. Тутъ я вырвалъ съ изгороди обрѣшетину что ли, или что-то другое, — самъ не знаю,— только трехъ собакъ укокошилъ наповалъ около себя. Терзаемый мучительными ранами, я вынужденъ былъ отступить. Вдругъ слышится рожокъ, собакъ забираютъ во дворъ, ворота затворяются на запоръ, и я безъ сознанія падаю на улицу.

— Ты ужъ и вправду не задумалъ ли дать тягу, Герзе? — съ дѣланнымъ лукавствомъ процѣдилъ поблѣднѣвшій Кольгаасъ.

Вспыхнувъ какъ зарево, Герзе опустилъ глаза.

— Признайся мнѣ,—продолжалъ барышникъ:—тебѣ не понравилось въ свинарникѣ. Ты подумалъ, что въ Кольгаасенбрюковской конюшнѣ, молъ, лучше.

— Разрази меня небо!—воскликнулъ Герзе:—да вѣдь подпруги и попоны, да и узелъ съ моими вещами я оставилъ въ свинарникѣ. Развѣ я тогда оставилъ бы тамъ три гульдена, которые я засунулъ за ясли, въ красномъ шелковомъ шейномъ платкѣ? Чортъ побери! Если и вы такъ говорите, то у меня снова является желаніе зажечь ту сѣрную нитку, которую я тогда выбросилъ.

— Ну, ну,—замѣтилъ Кольгаасъ,—успокойся. Я вѣдь сказалъ это не серьезно. Всему, что ты говорилъ, смотри, я вѣрю отъ слова до слова. Мнѣ жаль, что отъ моей службы такъ тебѣ не поздоровилось. Ступай, Герзе, ступай, ложись, да вели подать себѣ бутылку вина и не печалься, будетъ тебѣ воздана справедливость!

Съ этими словами онъ всталъ, составилъ опись вещамъ, оставленнымъ старостой въ свинарникѣ, назначилъ ихъ цѣну, спросилъ его также, во что тотъ ставитъ расходы по лѣченію, и затѣмъ отпустилъ его, еще разъ пожавъ ему крѣпко руку.

Затѣмъ онъ разсказалъ Лизбеттѣ, своей женѣ, обо всемъ случившемся и о внутренней связи всей исторіи, объявилъ ей, что рѣшилъ добиться суда, причемъ съ удовольствіемъ увидѣлъ, что она всей душой сочувствуетъ его намѣренію. Она разсуждала такъ, что черезъ этотъ замокъ можетъ проѣзжать другой какой путешественникъ, менѣе настойчивый, чѣмъ ея мужъ; что пресѣченіе подобныхъ безпорядковъ было бы дѣломъ Божьимъ, и что она уже возместитъ какъ нибудь тѣ расходы, какіе потребуются ему на веденіе процесса. Кольгаасъ назвалъ ее доброй женкой, наслаждался этотъ и слѣдующій день въ сообществѣ ея и дѣтей и, какъ только справился съ дѣлами, двинулся въ Дрезденъ для принесенія жалобы своей въ судъ.

Здѣсь съ помощью одного знакомаго ему юриста онъ составилъ жалобу, гдѣ по предварительномъ подробномъ описаніи умышленнаго злодѣянія, содѣяннаго юнкеромъ Венцелемъ фонъ-Тронка, какъ по отношенію къ нему, такъ и по отношенію къ его работнику,—онъ ходатайствовалъ о карѣ его, по закону, о возстановленіи лошадей въ прежнемъ видѣ и о возмещеніи убытковъ, понесенныхъ вслѣдствіе того какъ имъ, такъ и его работникомъ. Искъ дѣйствительно былъ вполнѣ ясный. Фактъ противозаконнаго задержанія лошадей бросалъ на все остальное рѣшительный свѣтъ. Даже въ томъ случаѣ, если бы можно было допустить, что лошади заболѣли совершенно случайно, то и тогда требованіе барышника вернуть ему ихъ здоровыми было бы, всетаки, вполнѣ справедливо.

Оглядѣвшись въ столицѣ, Кольгаасъ нашелъ тамъ не мало друзей, посуливишихъ ему горячую поддержку въ его дѣлѣ. Обширная торговля его лошадьми доставила ему многія знакомства, а честность, съ какою онъ велъ это дѣло,—расположеніе вліятельнѣйшихъ людей въ странѣ. Онъ не разъ пріятно обѣдалъ у одного адвоката, весьма почтеннаго человѣка, внесъ ему извѣстную сумму денегъ на веденіе процесса и, по истеченіи нѣсколькихъ недѣль, вполнѣ успокоенный имъ насчетъ исхода его тяжбы, вернулся къ женѣ своей Лизбеттѣ, въ Кольгаасенбрюкъ. Однако, прошли мѣсяцы, не далеко было и до года, а онъ все еще не имѣлъ изъ Саксоніи никакого объясненія, не говоря уже о рѣшеніи,—по поводу жалобы, имъ самимъ поданной въ судъ. Послѣ многократныхъ новыхъ представленій суду, онъ спросилъ своего адвоката въ интимномъ письмѣ, что̀ причиной такой чрезмѣрной затяжки, и узналъ, что въ жалобѣ его ему совершенно отказано, по высшему распоряженію Дрезденской судебной палаты. Въ отвѣтъ на удивленное письмо барышника, спрашивавшаго, чему же можно приписать такой исходъ дѣла, тотъ сообщилъ ему, что юнкеръ Венцель фонъ-Тронка состоитъ въ родствѣ съ двумя дворянами, Гинцомъ и Кунцомъ, изъ коихъ одинъ состоитъ при особѣ господина мундшенка, а другой даже камерарій. Адвокатъ посовѣто-

валъ ему, безъ дальнѣйшихъ судебныхъ проволочекъ, постараться обратно вернуть своихъ лошадей изъ Тронкенбурга, далъ ему понять, что юнкеръ, проживающій въ данное время въ столицѣ, повидимому, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы люди его выдали этихъ лошадей барышнику, и въ заключеніе просилъ послѣдняго въ томъ случаѣ, если онъ не намѣренъ на томъ успокоиться, — отъ дальнѣйшихъ порученій по этому дѣлу его избавить.

Кольгаасъ былъ въ то время въ Бранденбургѣ, гдѣ бургомистръ Генрихъ фонъ-Гейзау, въ округѣ котораго находился также и Кольгаасенбрюкъ, занятъ былъ какъ разъ устройствомъ благотворительныхъ учрежденій для больныхъ и бѣдныхъ на суммы, доставшіяся городу случайно. Въ особенности хлопоталъ онъ объ устройствѣ для пользованія больныхъ одного минеральнаго источника, бывшаго въ одной мѣстной деревнѣ, и отъ котораго ожидали бо́льшей цѣлебности, чѣмъ то оправдалось впослѣдствіи. Во время пребыванія своего при дворѣ по различнымъ дѣламъ, ему приходилось встрѣчаться съ Кольгаасомъ. Благодаря этому знакомству, онъ далъ разрѣшеніе старостѣ Герзе, страдавшему болью въ груди, съ того самаго пагубнаго дня въ Тронкенбургѣ, испробовать дѣйствіе цѣлебнаго источника, снабженнаго срубомъ и крышей. Такъ случилось, что бургомистръ, имѣя въ виду сдѣлать нѣкоторыя распоряженія, находился около углубленія, въ которое Кольгаасъ уложилъ Герзе, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда посланный отъ жены доставилъ барышнику письмо съ печальнымъ извѣстіемъ отъ адвоката его изъ Дрездена. Разговаривая съ докторомъ, бургомистръ замѣтилъ, что Кольгаасъ прослезился, вскрывъ полученное имъ письмо. Фонъ-Гейзау подошелъ къ нему и дружески, сердечно спросилъ, какое горе его постигло. Барышникъ, молча, подалъ ему письмо. Тогда почтенный бургомистръ, знавшій объ отвратительной несправедливости, какую продѣлали съ нимъ въ Тронкенбургѣ, и вслѣдствіе которой Герзе, быть можетъ, на всю жизнь долженъ былъ болѣть, потрепавъ Кольгааса по плечу, сказалъ, чтобы тотъ не отчаивался, что онъ похлопочетъ объ удовлетвореніи его претензіи. Когда, согласно его приказанію, барышникъ явился къ нему вечеромъ въ замокъ, онъ велѣлъ ему подать прошеніе на имя курфюрста Бранденбургскаго, съ краткимъ изложеніемъ случившагося, приложивъ притомъ письмо адвоката и ходатайствуя въ этомъ прошеніи о государственной защитѣ противъ насилія, учиненнаго надъ нимъ въ Саксонской землѣ. Онъ обѣщалъ передать эту просьбу вмѣстѣ съ другимъ приготовленнымъ уже пакетомъ непосредственно въ руки курфюрста, который, во имя его, при первой возможности, передастъ это прошеніе курфюрсту Саксонскому. Этого, конечно, вполнѣ будетъ достаточно, чтобы, вопреки всѣмъ кознямъ юнкера и его присныхъ, найдти правосудіе въ дрезденскомъ судѣ.

Горячо обрадованный Кольгаасъ, сердечно поблагодарилъ бургомистра за новое доказательство его благосклонности къ нему, прибавивъ, что ему жаль только одного, что вмѣсто всякихъ попытокъ въ Дрезденѣ онъ не началъ дѣла прямо въ Берлинѣ. Затѣмъ, составивъ прошеніе въ канцеляріи городскаго суда, по всей формѣ, и вручивъ его бургомистру, онъ вернулся въ Кольгаасенбрюкъ болѣе спокойный за исходъ своей тяжбы, чѣмъ когда либо. Но черезъ нѣсколько же недѣль ему пришлось узнать отъ одного помѣщика, облеченнаго судебной властью, бывшаго въ канцеляріи бургомистра въ Потсдамѣ, что курфюрстъ передалъ прошеніе его своему канцлеру, графу Калльгеймъ, а тотъ, вмѣсто того чтобы войдти непосредственно къ дрезденскому двору съ представленіемъ о разслѣдованіи и наказаніи насилія, какъ это бы казалось вполнѣ цѣлесообразнымъ, вошелъ съ представленіемъ о предварительномъ ближайшемъ опросѣ юнкера фонъ-Тронка. Вышеупомянутый помѣщикъ, остановившись въ экипажѣ около дома Кольгааса, очевидно, вслѣдствіе возложеннаго на него порученія сообщить барышнику это извѣстіе, не могъ дать удовлетворительнаго отвѣта на смущенный вопросъ Кольгааса, почему именно поступлено было такъ, а не иначе. Онъ прибавилъ только, что бургомистръ велѣлъ сказать барышнику, чтобы онъ запасся терпѣніемъ. Помѣщикъ, видимо, спѣшилъ продолжать свой путь, и лишь въ концѣ ихъ краткой бесѣды, изъ нѣкоторыхъ вскользь брошенныхъ словъ, Кольгаасъ понялъ, что графъ Калльгеймъ съ семействомъ юнкера находился въ свойствѣ.

Не находя болѣе отрады ни въ торговлѣ лошадьми, ни въ своемъ домѣ, ни во дворѣ, полуохладѣвъ къ самой женѣ и дѣтямъ, весь слѣдующій мѣсяцъ Кольгаасъ провелъ въ грустномъ предчувствіи будущаго. И не даромъ онъ ждалъ, — по истеченіи этого времени изъ Бранденбурга возвратился Герзе, нѣсколько оправившійся послѣ купанья, съ письмомъ бургомистра, приложеннымъ при большой бумагѣ и гласившимъ, что, сожалѣя о невозможности чѣмъ либо помочь въ его дѣлѣ, онъ посылаетъ ему направленную къ нему резолюцію государственной канцеляріи и совѣтуетъ взять обратно лошадей, оставленныхъ имъ въ Тронкенбургѣ, а на дѣлѣ вообще поставить крестъ.

Въ резолюціи говорилось, что де, по свѣдѣніямъ дрезденскаго суда, Кольгаасъ пустой сутяга; что юнкеръ фонъ-Тронка, у котораго онъ оставилъ лошадей, ихъ у себя не удерживаетъ; что стоитъ ему только послать за ними въ замокъ, или, по крайней мѣрѣ, дать знать юнкеру, куда онъ долженъ ихъ ему доставить, и что государственная канцелярія, во всякомъ случаѣ, проситъ избавить ее отъ подобныхъ хлопотъ и дрязгъ.

Кольгаасъ пришелъ въ ярость, получивъ это письмо. Дѣло было не въ лошадяхъ—онъ огорчился бы не менѣе, если бы оно

касалось двухъ собакъ. При малѣйшемъ шумѣ на дворѣ, онъ оглядывался на проѣзжія ворота съ такимъ непріятнымъ чувствомъ, какого никогда не знавала его грудь, въ ожиданіи, не появятся ли люди «юнкера» и, чего добраго, съ извиненіемъ возвратятъ ему голодныхъ и измученныхъ лошадей. То былъ единственный случай, въ которомъ душа его не была готова ни къ чему такому, что вполнѣ бы соотвѣтствовало ея чувству. Вскорѣ, однако, онъ узналъ черезъ одного знакомаго, проѣзжавшаго мимо, что лошади его въ Тронкенбургѣ, попрежнему, наравнѣ съ остальными лошадьми юнкера, работаютъ въ полѣ. И посреди горя, какое возбуждалось въ немъ картиной міра, представлявшагося въ такой ужасной неисправности, у барышника всплыло внутреннее удовлетвореніе, при сознаніи порядочности своей собственной души въ данномъ дѣлѣ. Онъ пригласилъ къ себѣ мѣстнаго старшину, своего сосѣда, который давно носился съ мыслью увеличить свои владѣнія прикупкой поземельныхъ участковъ, прилегавшихъ къ ихъ границамъ. Когда тотъ сѣлъ, Кольгаасъ освѣдомился у него, сколько бы онъ далъ за его бранденбургскія и саксонскія владѣнія, за домъ и дворъ, за все, гуртомъ, движимое и недвижимое. Жена его Лизбетта поблѣднѣла при этихъ словахъ. Она обернулась, подняла на руки младшаго своего ребенка, игравшаго позади нея на полу, и устремила взоры, въ которыхъ отражался смертельный ужасъ на ряду съ красными щечками мальчика, игравшаго ея ожерельемъ,— на барышника и бумагу, которую онъ держалъ въ своихъ рукахъ. Сосѣдъ, посмотрѣвъ на него съ изумленіемъ, поинтересовался узнать, что именно такъ внезапно навело его на эту мысль, на что Кольгаасъ возможно веселѣе отвѣчалъ, что мысль продать свою усадьбу на берегахъ Гавеля не такъ нова, что оба они уже давненько толковали на эту тему, что домъ его въ дрезденскомъ предмѣстьѣ, въ сравненіи съ этимъ, представляетъ простое приложеніе, которое не идетъ въ счетъ, что, словомъ сказать, если сосѣдъ согласенъ на его предложеніе взять оба поземельныхъ участка, въ такомъ случаѣ онъ готовъ заключить съ нимъ контрактъ. Съ нѣсколько натянутой шутливостью, онъ прибавилъ, что вѣдь Кольгаасенбрюкъ не включаетъ въ себѣ цѣлаго міра; что могутъ быть такія задачи, въ сравненіи съ которыми занятіе домоводствомъ, въ качествѣ порядочнаго отца семейства, является дѣломъ второстепенной важности и малозначащимъ, и что душа де направлена на высокія дѣла, о которыхъ, быть можетъ, сосѣдъ услышитъ въ недалекомъ будущемъ. Удовлетворенный этимъ объясненіемъ, старшина шутливо обратился къ женѣ Кольгааса, осыпавшей своего ребенка порывистыми поцѣлуями, и высказалъ надежду, что вѣрно отъ него не потребуютъ всѣхъ денегъ немедленно. Затѣмъ, положивъ на столъ шляпу и палку, которую держалъ между колѣнъ, онъ взялъ бумагу изъ рукъ барышника съ тѣмъ, чтобы прочесть

ее. Подойдя къ нему, Кольгаасъ объяснилъ, что то была купчая крѣпость, составленная имъ случайно, срочная на четыре недѣли, указалъ, что купчая эта сдѣлана по всѣмъ правиламъ, что не достаетъ въ ней только подписей, да не внесены суммы какъ самой запродажной цѣны, такъ и неустойки, которую онъ беретъ на себя въ томъ случаѣ, если бы втеченіе четырехъ недѣль вздумалъ отказаться отъ этой сдѣлки. Затѣмъ, еще разъ весело пригласилъ сосѣда предложить свою цѣну, увѣряя притомъ, что не будетъ дорожиться и осложнять дѣло большими хлопотами. Жена ходила по комнатѣ взадъ и впередъ. Грудь ея вздымалась такъ сильно, что платокъ, за который мальчикъ продолжалъ теребить ее, грозилъ совершенно свалиться съ ея плеча. Старшина замѣтилъ, что о цѣнности дрезденской собственности, во всякомъ случаѣ, онъ судить не можетъ. Въ отвѣтъ на это замѣчаніе, Кольгаасъ, подвигая къ нему документы, полученные имъ при ея покупкѣ, отвѣтилъ, что онъ предлагаетъ ее ему за сто гульденовъ золотомъ, хотя изъ писемъ этихъ ясно было видно, что самому ему она стоила почти вдвое. Перечтя еще разъ купчую и, съ своей стороны, находя въ ней право отступленія до странности обусловленнымъ, почти готовый согласиться, старшина замѣтилъ, что вѣдь такимъ образомъ барышникъ лишаетъ себя возможности пользоваться своими заводскими лошадьми, которыя стояли въ его конюшняхъ. Но Кольгаасъ возразилъ, что продавать лошадей онъ и не намѣренъ и что, кромѣ того, желаетъ удержать за собою нѣкоторое оружіе, находившееся въ арсеналѣ. Послѣ продолжительнаго колебанія, покупатель повторилъ наконецъ ту цѣну, которую какъ-то незадолго передъ тѣмъ, полушутя, полусерьезно,—пустякъ въ сравненіи съ дѣйствительной стоимостью усадьбы, — предлагалъ Кольгаасу во время прогулки. Кольгаасъ пододвинулъ къ нему перо и чернила для подписи. Не довѣряя собственнымъ чувствамъ, сосѣдъ еще разъ переспросилъ его, серьезно ли его намѣреніе. Барышникъ нѣсколько обиженно отвѣтилъ, какъ же то онъ и думать можетъ, что онъ станетъ шутить съ нимъ въ такомъ дѣлѣ. Послѣ этого, хотя все еще съ озабоченнымъ лицомъ, сосѣдъ взялъ перо и подписалъ купчую, вычеркнувъ въ ней, однако, пунктъ, въ которомъ говорилось о неустойкѣ въ случаѣ, если бы продавецъ раздумалъ заключить торгъ; затѣмъ, обязался представить сто гульденовъ золотомъ по ипотекѣ дрезденскаго участка и предоставилъ Кольгаасу полную свободу отказаться отъ продажи втеченіе двухъ мѣсяцевъ. Тронутый такимъ поступкомъ, барышникъ отъ всей души потрясъ ему руку и, договорившись насчетъ главнаго условія, а именно, чтобы четвертая часть покупной цѣны уплачена была немедленно наличными, а остальное втеченіе трехъ мѣсяцевъ внесено въ гамбургскій банкъ, потребовалъ вина спрыснуть столь удачно уладившуюся сдѣлку. Работнику Штернбальду, черезъ служанку,

принесшую стаканы, приказалъ онъ осѣдлать рыжака, объявивъ, что ему необходимо по дѣламъ ѣхать въ городъ, и тутъ же намекнувъ, что вскорѣ послѣ своего возвращенія откровеннѣе выскажется насчетъ того, что въ данный моментъ вынужденъ еще хранить про себя. Затѣмъ, наполняя стаканы, освѣдомился насчетъ турки и поляка, враждовавшихъ тогда какъ разъ другъ съ другомъ, вовлекъ старшину въ политику, еще разъ выпилъ съ нимъ за успѣхъ ихъ сдѣлки и отпустилъ его домой.

Едва старшина успѣлъ выйдти изъ комнаты, какъ Лизбетта упала передъ нимъ на колѣни.

— Если ты сколько нибудь любишь меня и дѣтей, которыхъ я тебѣ родила, — воскликнула она: — если мы, не знаю, по какой причинѣ, не изгнаны изъ твоего сердца, въ такомъ случаѣ скажи мнѣ, что значатъ эти ужасныя распоряженія?

— Пока ничего, дорогая жена моя, — отвѣчалъ Кольгаасъ: — что могло бы тебя тревожить. Я получилъ резолюцію, въ которой жалоба моя на юнкера Венцеля фонъ-Тронка признается лишь пустой сплетней. Тутъ очевидно кроется какое нибудь недоразумѣніе: вотъ почему я и рѣшился еще разъ лично подать мою жалобу самому курфюрсту.

— Зачѣмъ же ты хочешь продавать твой домъ?—воскликнула она, съ разстроеннымъ лицомъ поднимаясь съ колѣнъ.

Нѣжно прижавъ ее къ своей груди, барышникъ произнесъ:

— Потому, дорогая Лизбетта, что я не могу оставаться въ странѣ, гдѣ не оберегаются мои права. Ужъ лучше быть собакой, нежели человѣкомъ, если меня будутъ попирать ногами! Я увѣренъ, что въ данномъ случаѣ жена моя, навѣрное, раздѣляетъ мое мнѣніе.

— Почемъ ты знаешь, что тебя не станутъ защищать въ твоихъ правахъ?—возразила она.—Если ты скромно, какъ это тебѣ и подобаетъ, явишься съ своей просьбой къ курфюрсту, почемъ ты знаешь, что она будетъ брошена подъ столъ или же встрѣчена отказомъ выслушать тебя?

— Ну, ладно,—отвѣчалъ Кольгаасъ,—если въ данномъ случаѣ опасеніе мое окажется неосновательнымъ, то вѣдь и домъ мой еще не проданъ. Самъ курфюрстъ, какъ мнѣ извѣстно, справедливъ. И если только мнѣ удастся, черезъ посредство его приближенныхъ, добиться личной у него аудіенціи, то я не сомнѣваюсь, что буду удовлетворенъ въ своемъ правѣ, и недѣли не пройдетъ, какъ вернусь веселый къ тебѣ и прежнимъ своимъ дѣламъ. И тогда уже,—прибавилъ онъ, цѣлуя ее,—не уйду отъ тебя никуда всю жизнь! Но, во всякомъ случаѣ, благоразумнѣе быть готовымъ на все,—продолжалъ онъ,—и потому мнѣ хотѣлось бы, чтобы на нѣкоторое время, если это возможно, ты съ дѣтьми поѣхала къ своей тетушкѣ въ Шверинъ, которую, кстати, ты давно собиралась навѣстить.

— Какъ?—воскликнула жена,—мнѣ поѣхать въ Шверинъ? за границу въ Шверинъ къ моей тетушкѣ?

Отъ ужаса у нея прерывался голосъ.

— Конечно,—отвѣчалъ Кольгаасъ,—и, если возможно, немедленно, чтобы ничто не препятствовало мнѣ на пути замысловъ моихъ насчетъ моего дѣла!

— О, я понимаю тебя!—вскричала она.—Теперь тебѣ ничего не нужно, кромѣ оружія и лошадей. До всего остальнаго тебѣ нѣтъ никакого дѣла.

Съ этими словами она отвернулась отъ него, бросилась на стулъ и заплакала.

— Дорогая Лизбетта,—заговорилъ смущенный Кольгаасъ,—что ты дѣлаешь? Господь благословилъ меня женой, дѣтьми и средствами. Неужто сегодня впервые мнѣ придется пожелать, чтобы это было иначе?..

Онъ снова ласково подсѣлъ къ ней, а она, зардѣвшись, обвила руками его шею.

— Ну, скажи же,—обратился онъ къ ней, откидывая локоны со лба,—что мнѣ дѣлать? Бросить мое дѣло? Или ѣхать въ Тронкенбургъ и просить юнкера возвратить мнѣ лошадей, затѣмъ вскочить на нихъ и привести ихъ къ тебѣ?

Лизбетта не рѣшилась сказать: да, да, да! и только со слезами покачивала головой. Крѣпко прижавшись къ нему, она осыпала грудь его горячими поцѣлуями.

— Итакъ,—воскликнулъ Кольгаасъ,—если ты сознаешь, что для продолженія моего промысла я долженъ быть удовлетворенъ въ своемъ правѣ, въ такомъ случаѣ не лишай же меня свободы, необходимой для того, чтобы добиться этого права.

Съ этими словами онъ поднялся съ своего мѣста и приказалъ работнику, доложившему ему, что рыжакъ стоитъ уже осѣдланъ, чтобы на другой день были заложены карія лошади, которыя отвезутъ жену его въ Шверинъ.

Лизбетта заявила, что ей пришла въ голову одна мысль. Она встала, вытерла слезы и спросила его въ то время, какъ онъ усѣлся за бюро, не согласится ли онъ передать ей просьбу и, вмѣсто себя, ее пустить въ Берлинъ, для врученія этой просьбы курфюрсту.

Тронутый этимъ предложеніемъ, по многимъ основаніямъ, Кольгаасъ привлекъ ее къ себѣ на колѣни, съ словами:

— Ну, милая моя женка, это врядъ ли возможно! Курфюрстъ окруженъ массой людей. Человѣкъ, подходящій къ нему близко, подвергается многимъ непріятностямъ.

Лизбетта отвѣчала, что женщинѣ въ тысячу разъ легче, нежели мужчинѣ, добиться аудіенціи у него.

— Давай мнѣ просьбу,—повторила она,—и если ты ничего бо-

лѣе не желаешь, какъ только быть увѣреннымъ, что она находится въ его рукахъ, то я ужъ ручаюсь, что онъ получитъ ее.

Имѣвши неоднократныя доказательства ея мужества и разумности, Кольгаасъ спросилъ, какъ же она думаетъ съ этимъ устроиться.

Сконфуженно опустивъ глазки, она отвѣчала, что кастелянъ курфюрстскаго двора, въ бытность свою на службѣ въ Шверинѣ, нѣкогда сватался за нее, и что хотя въ настоящее время онъ женатъ и отецъ многочисленнаго семейства, но что она, всетаки, не совсѣмъ еще забыта,—словомъ, просила его предоставить ей извлечь пользу изъ того или другаго обстоятельства, описывать которыя заняло бы слишкомъ много времени.

Кольгаасъ душевно расцѣловалъ ее, сказалъ, что принимаетъ ея предложеніе, растолковалъ ей, что все дѣло въ томъ, чтобы остановиться у жены кастеляна, тогда она увидитъ курфюрста въ самомъ дворцѣ, отдалъ ей просьбу, велѣлъ запрячь карихъ и, хорошо усадивъ ее, отпустилъ съ вѣрнымъ слугою своимъ Штернбальдомъ.

Но эта поѣздка — изъ всѣхъ безуспѣшныхъ его шаговъ по его дѣлу—была самая злосчастная, ибо нѣсколько дней спустя Штернбальдъ снова уже въѣзжалъ во дворъ, шагомъ пустивъ лошадей съ экипажемъ, въ которомъ барыня его лежала навзничь, опасно контуженная въ грудь.

Подойдя къ экипажу, побѣлѣвшій Кольгаасъ не могъ добиться ничего толковаго насчетъ причины этого несчастія. По словамъ работника, кастеляна не было дома, вслѣдствіе чего пришлось остановиться въ гостинницѣ, по близости отъ дворца. На другое утро Лизбетта ушла изъ гостинницы, приказавъ работнику остаться при лошадяхъ, и вотъ въ какомъ положеніи вернулась только вечеромъ. Повидимому, она слишкомъ смѣло стала добиваться аудіенціи у курфюрста и, безъ всякой вины со стороны послѣдняго, просто изъ грубаго усердія окружавшей его стражи, ей нанесенъ былъ ударъ рукояткой копья. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорили люди, принесшіе ее подъ вечеръ въ гостинницу въ безсознательномъ состояніи. Сама же она мало могла говорить вслѣдствіе сильнаго кровоизліянія изо рта. Штернбальдъ прибавилъ, что его намѣреніе было немедленно сѣсть на коня и донести ему о случившемся несчастіи, но что барыня, не смотря на всѣ резоны призваннаго хирурга, настояла на томъ, чтобы безъ всякихъ предварительныхъ извѣщеній ее отвезли къ ея мужу въ Кольгаасенбрюкъ.

Кольгаасъ снесъ совершенно разбитую дорогой жену свою въ постель, гдѣ, среди мучительныхъ усилій при каждой попыткѣ вздохнуть, она прожила еще нѣсколько дней. Тщетно добивались вернуть ей сознаніе, чтобы получить нѣкоторое разъясненіе насчетъ случившагося. Она лежала съ остановившимися и уже помутившимися глазами и ничего не отвѣчала. Только незадолго до смерти

вернулось къ ней сознаніе, когда лютеранскій пасторъ (по примѣру своего мужа, она перешла въ то время въ это возникавшее тогда вѣроисповѣданіе), стоя около ея постели, громкимъ и чувствительно торжественнымъ голосомъ читалъ ей главу изъ Библіи. Она вдругъ взглянула на него съ мрачнымъ выраженіемъ, взяла у него изъ рукъ Библію, словно нечего было ей слушать оттуда, и начала усиленно перелистывать, какъ будто ища чего-то. Затѣмъ пальцемъ указала стоявшему у ея постели Кольгаасу на стихъ: «Прощайте врагамъ вашимъ, благотворите ненавидящимъ васъ». При этомъ она пожала ему руку съ необыкновенно выразительнымъ взглядомъ и скончалась.

Кольгаасъ думалъ: «Пускай же Господь никогда не проститъ меня такъ, какъ я прощаю юнкеру!».

Затѣмъ поцѣловалъ покойницу, причемъ по лицу его заструились обильныя слезы, закрылъ ей глаза и вышелъ изъ комнаты. Взявъ сто гульденовъ золотомъ, уже заготовленные для него старшиной за дрезденскія конюшни, онъ заказалъ похороны, которыя, казалось, устроены были скорѣе для какой нибудь княгини, нежели для жены его: дубовый гробъ, крѣпко обитый металломъ, шелковыя подушки съ золотыми и серебряными кистями и могила въ восемь аршинъ глубины, устланная булыжникомъ и известкой. Онъ самъ стоялъ у могилы съ младшимъ сыномъ на рукахъ и смотрѣлъ на работу. Въ день похоронъ покойница, бѣлая, какъ снѣгъ, была выставлена въ зало, по его распоряженію, обтянутое чернымъ сукномъ.

Едва успѣлъ пасторъ окончить трогательное слово покойницѣ, какъ Кольгаасу вручили резолюцію курфюрста на просьбу, поданную его женой. Въ этой резолюціи говорилось, чтобы онъ взялъ лошадей изъ Тронкенбурга и, подъ страхомъ тюремнаго заключенія, прекратилъ это дѣло. Кольгаасъ сунулъ въ карманъ бумагу и велѣлъ ставить гробъ на дроги. Какъ только накидали могильный холмъ, поставили на немъ крестъ и отпущены были похоронные гости, онъ еще разъ поклонился ея опустѣвшему ложу и затѣмъ немедленно принялся за дѣло возмездія. Онъ сѣлъ и изготовилъ приговоръ, въ которомъ, собственной своей волей, обязывалъ юнкера Венцеля фонъ-Тронка втеченіе трехъ дней по предъявленіи привести въ Кольгаасенбрюкъ вороныхъ, которыхъ тотъ у него отобралъ и загубилъ полевой работой, и самолично откормить ихъ въ его конюшняхъ. Это рѣшеніе онъ послалъ ему съ коннымъ гонцемъ, наказавъ послѣднему немедленно по передачѣ бумаги скакать обратно къ нему въ Кольгаасенбрюкъ. Три дня прошли, а лошади возвращены не были. Тогда, призвавъ Герзе, онъ открылъ ему о своемъ ультиматумѣ, посланномъ имъ молодому рыцарю и обязывавшемъ послѣдняго откормить вороныхъ. Затѣмъ двусмысленно спросилъ Герзе, готовъ ли онъ отправиться съ нимъ

въ Тронкенбургъ за юнкеромъ и поучить его кнутомъ, въ случаѣ если онъ замѣшкается исполненіемъ поставленнаго ему требованія. Смекнувъ слова хозяина, Герзе такъ и зарычалъ: «Хозяинъ, да хоть сегодня же!». Подбросивъ вверхъ свою шапку, работникъ увѣрялъ, что «закажетъ сплести себѣ ремень съ десятью узлами, чтобы выучить юнкера чистить скребницей лошадей».

Послѣ этого отвѣта Кольгаасъ продалъ домъ, отослалъ дѣтей за границу, при наступленіи ночи призвалъ также и остальныхъ семерыхъ своихъ работниковъ, преданныхъ ему, какъ собаки, вооружилъ ихъ, посадилъ на коней и двинулся съ ними въ Тронкенбургъ.

Съ этой-то малочисленной кучкой и ворвался онъ въ замокъ при наступленіи третьей ночи, сбивъ съ ногъ таможеннаго сторожа и караульнаго у воротъ, бесѣдовавшихъ другъ съ другомъ подъ воротами.

Среди внезапнаго треска подожженныхъ ими строеній, въ районѣ замка, Герзе кинулся по винтовой лѣстницѣ на башню и съ ударами и пинками набросился на кастеляна и управляющаго, сидѣвшихъ полураздѣтыми за карточной игрой. Тѣмъ временемъ Кольгаасъ устремился въ замокъ къ юнкеру. И вотъ ангелъ суда ниспустился съ неба. Какъ разъ въ этотъ моментъ, среди гомерическаго хохота, юнкеръ читалъ вслухъ компаніи собравшихся у него пріятелей приговоръ, присланный ему Кольгаасомъ. Не успѣлъ онъ хорошенько разслушать голосъ послѣдняго, раздавшійся во дворѣ, какъ, покрывшись мертвенной блѣдностью, поспѣшно крикнулъ: «Ну, братцы, спасайтесь!» и самъ исчезъ. Схвативъ за грудь попавшагося ему на встрѣчу юнкера Ганса фонъ-Тронка, Кольгаасъ швырнулъ его въ уголъ зала съ такой силой, что у несчастнаго мозги разлетѣлись о камни. Пока работники его одолѣвали остальныхъ рыцарей, взявшихся за оружіе, барышникъ допытывался: гдѣ же находится юнкеръ Венцель фонъ-Тронка? Оторопѣвшая компанія ничего не могла ему отвѣтить, и онъ въ ярости пинками выломалъ двери въ двухъ комнатахъ, которыя вели въ боковые флигели замка. Исколесивъ все обширное зданіе по всѣмъ направленіямъ и не найдя тамъ никого, онъ съ проклятіями спустился во дворъ и велѣлъ оберегать выходы. Между тѣмъ отъ пожара строеній занялся замокъ съ боковыми своими постройками, вознося къ небу большіе клубы дыма. Штернбальдъ вмѣстѣ съ тремя усердными работниками тащили все, что только оказывалось не укрѣпленнымъ желѣзными заклепками или гвоздями, и сваливали въ кучу около лошадей, подготовляя себѣ славную добычу. Въ это время изъ открытаго окна башни, при громкомъ радостномъ возгласѣ Герзе, вылетѣли тѣла кастеляна и управляющаго вмѣстѣ съ ихъ женами и дѣтьми.

Спускаясь съ лѣстницы замка, Кольгаасъ встрѣтилъ старую, страдавшую ломотой ключницу, которая вела у юнкера хозяйство.

Старуха бросилась барышнику въ ноги. Пріостановившись на ступенькѣ лѣстницы, онъ спросилъ у нея о мѣстѣ укрывательства юнкера Венцеля фонъ-Тронка. Слабымъ дрожащимъ голосомъ высказала она ему свое предположеніе, нѣтъ ли его въ капеллѣ. Кольгаасъ крикнулъ двухъ работниковъ съ факелами и, за неимѣніемъ ключей, распорядился открыть входъ въ церковь ломами и топорами. Перевернувъ вверхъ дномъ весь алтарь и скамьи, барышникъ, къ величайшему своему огорченію, юнкера тамъ не нашелъ.

Выходя изъ капеллы, онъ наткнулся на одного молодаго прислужника изъ Тронкенбургской дворни, который бѣжалъ мимо, спѣша вывести боеваго коня своего господина изъ отдаленной каменной конюшни, которой угрожало пламя пожара. Какъ разъ въ этотъ моментъ Кольгаасу бросились въ глаза обѣ его лошади, стоявшія въ небольшомъ сараѣ, съ соломенной крышей, и онъ спросилъ Тронкенбургскаго прислужника, отчего онъ не спасаетъ вороныхъ. Сунувъ ключъ въ дверь конюшни, тотъ отвѣчалъ, что сарай де ужъ объятъ пламенемъ. Тогда Кольгаасъ, съ силою рванувъ ключъ изъ двери конюшни, перекинулъ его по ту сторону стѣны, затѣмъ, подгоняя слугу юнкера, словно градъ, сыпавшимися на него плоскими ударами рапиры, загналъ его въ горѣвшій сарай и среди страшнаго хохота окружающихъ заставилъ спасать вороныхъ. Прислужникъ побѣлѣлъ отъ страха. Сарай рухнулъ, всего нѣсколько мгновеній спустя послѣ того, какъ онъ вышелъ оттуда, ведя подъ уздцы лошадей Кольгааса, но послѣдняго уже не было. Молодой слуга отправился на площадь, куда собралась и остальная прислуга, и обратился къ барышнику съ вопросомъ, куда же ему теперь дѣвать лошадей. Но тотъ упорно повертывалъ къ нему спину. Наконецъ, съ мрачнымъ видомъ занесъ онъ ногу, рискуя, оступившись, поплатиться жизнью, и вскочилъ на своего каряго, такъ-таки и не отвѣтивъ прислужнику ни слова. Затѣмъ, помѣстившись подъ воротами замка, Кольгаасъ, молча, сталъ дожидаться разсвѣта, между тѣмъ какъ работники его продолжали начатое ими дѣло. Къ утру весь замокъ до самыхъ стѣнъ сгорѣлъ, причемъ, кромѣ Кольгааса и его работниковъ, тамъ никого не оставалось. Онъ сошелъ съ лошади и при яркомъ свѣтѣ солнца еще разъ обыскалъ всѣ уголки площади, освѣщенные лучами дневнаго свѣтила. Тяжко было ему убѣдиться, что нападеніе его на замокъ оказалось неудачнымъ. Удрученный душевной скорбью и горемъ, рѣшилъ онъ послѣ того отправить Герзе съ нѣсколькими работниками на развѣдки насчетъ направленія, избраннаго юнкеромъ при его бѣгствѣ.

Въ особенности безпокоилъ его одинъ женскій монастырь, по имени Эрлабруннъ, на берегу Мульды, настоятельница котораго, Антонія фонъ-Тронка, слыла за благочестивую, святую женщину.

№ 23-й.

КАТАЛОГЪ

КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ и Одесса).

ВЪ АВГУСТѢ 1892 Г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

Оболенскій, В., д-ръ. Самопомощь при азіатской холерѣ. Спб. Ц. 15 к.

Агинъ, А. Сто четыре рисунка къ поэмѣ Н. В. Гоголя „Мертвыя души". Изд. 3-е. Спб. 1892 г. Ц. 3 р.

Андреевъ, П. П. Сборникъ техническихъ описаній матеріаловъ и разныхъ предметовъ, употребляемыхъ на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Спб. Ц. 2 р.

Архивъ князя Ѳ. А. Куракина. Кн. III. Спб. 1892 г. Ц. 3 р.

Аѳанасьевъ, М. И., д-ръ. По поводу азіатской холеры, ея предупрежденія и леченія. Спб. 1892 г. Ц. 40 к.

Барсуковъ, Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. VI. Спб. 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

Беранже. Полное собраніе пѣсенъ въ переводѣ русскихъ писателей, подъ ред. И. Ѳ. Тхоржевскаго. Вып. IV. Тифлисъ. Ц. вып. 20 к.

Біографическая библіотека Ѳ. Павленкова: В. Гладстонъ. — Джордано Бруно. Съ портретами. Спб. Ц. каждой кн. 25 к.

Бриннеръ, А. Матеріалы для жизнеописанія графа Никиты Петровича Панина (1770—1837). Т. VI. Спб. 1892 г. Ц. 5 р.

Булгаковъ, Ѳ. И. Альбомъ русской живописи. Картины и рисунки И. И. Шишкина. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

Бѣлицъ-Гейманъ, С., врачъ. Что такое холера, какъ отъ нея уберечься и чѣмъ ее лечить. М. 1892 г. Ц. 15 к.

Вагнеръ, Р. Химическая технологія. Вып. 7-й. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Венеціановъ, М. Экспропріація съ точки зрѣнія гражданскаго права. Казань. 1891 г. Ц. 75 к.

Виларе, А., д-ръ. Энциклопедическій медицинскій словарь. Переводъ подъ ред. проф. И. Р. Тарханова. Вып. V. Спб. 1892 г. Ц. 60 к.

Волконскій, С., кн. Художественное наслажденіе и художественное творчество. Спб. 1892 г. Ц. 40 к.

Высочайше утвержденное 11-го іюня 1892 г. новое городовое положеніе. Съ приложеніями. Спб. Ц. 50 к.

Гамалѣя, Н. Ѳ. Мѣропріятія противъ холеры русскаго и иностранныхъ правительствъ и ихъ научныя основы. Спб. Ц. 2 р.

Гальваническое никкелированіе металловъ. Сост. по Пфангаузеру. Съ рисунками. М. 1892 г. Ц. 80 к.

Garnier, R., D-r. Общепонятное изложеніе устройства глаза, его болѣзней и гигіены. Одесса. 1892 г. Ц. 75 к.

Грибоѣдовъ, А. С. Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. Арс. И. Введенскаго. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Гусевъ, А., проф. Любовь къ людямъ въ ученіи гр. Л. Толстого и его руководителей. Казань. 1892 г. Ц. 60 к.

Гусевъ, А. Женщина и ея значеніе при воспитаніи дѣтей. М. 1892 г. Ц. 15 к.

Гутманъ, Г. Назначеніе лекарствъ въ дѣтской практикѣ. Для врачей и студентовъ. Кіевъ. Ц. 60 к.

Гюббаръ, Г. Исторія современной литературы въ Испаніи. М. 1892 г. Ц. 2 р.

Дмитріевъ, В. Н., д-ръ. Ялта двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Спб. 1892 г. Ц. 25 к.

Elaroff, Jean. Saint-Pétersbourg et ses environs. S.-Pétersb. 1892. Pr. 1 r. 50 k.

Есиповъ, Вл. Поврежденіе имущества огнемъ по русскому праву. Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

Ечинацъ, А. Методика новыхъ языковъ и американскій разговорный методъ. Спб. 1892 г. Ц. 45 к.

Загоскинъ, Н. П., проф. Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи. Казань. 1892 г. Ц. 60 к.

Ивановскій, Н. И. Критическій разборъ ученія безпоповцевъ о церкви и таинствахъ. Изд. 2-е. Казань. 1892 г. Ц. 1 р. 70 к.

Исаченко, В. Л. Гражданскій процессъ. Практическій комментарій на 2-ю книгу устава гражданскаго судопроизводства. Т. II. Вып. 3-й. Минскъ. 1892 г. Ц. 2 р. 10 к.

Кирпотенко, А. П. Князья растительнаго царства. (Иллюстр. естественно-научная библіотека. III). Спб. 1892 г. Ц. 30 к.

Коренблитъ, А. И. Нѣмецко-русскій техническій словарь. Вып. IV. М. 1892 г. Ц. 40 к.

Лабутинъ, И. Всемірная хронологія. Пособіе по курсу всеобщей исторіи. Спб. 1892 г. Ц. 10 к.

Лермонтовъ, М. Ю. Полное собраніе сочиненій. Съ портретомъ и статьею о Лермонтовѣ К. И. Арабажина, 2-е исправл. и дополн. изд. Съ рисунками. Кіевъ. Ц. 1 р.

Лесгафтъ, П. Основы теоретической анатоміи. Ч. I. Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

Ліонъ, М., врачъ. Холера. Отчего она происходитъ, какъ распространяется и какъ бороться съ нею. М. 1892 г. Ц. 30 к.

Лукьяновскій. Санитарныя бесѣды съ образованнымъ читателемъ. Холера. Изд. 2-е. М. 1892 г. Ц. 60 к.

Любимовъ, Н. А. Исторія физики. Опытъ изученія логики открытій въ ихъ исторіи. Ч. I. Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

Мало, Гекторъ. Соучастники. Романъ. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

Масловичъ, Н. Житейскіе напѣвы: Куплеты.—Напѣвы. — Сцены. — Переводы. Изд. 2-е, значит. дополн. Спб. 1892 г. Ц. 7 р. 25 к.

Месковскій, Ал. Образцовый самоучитель нѣмецкаго языка. Вып. 6-й и 7-й. Спб. 1892 г. Ц. вып. 40 к.

Мунтъ-Валуева, А. П. Дѣтство Александра Пушкина. (Нашему юношеству разсказы о хорошихъ людяхъ. № 6). Спб. Ц. 10 к.

Муравьевъ, Н. В. Руководство для волостныхъ судовъ въ мѣстностяхъ, гдѣ учреждены земскіе участковые начальники. Изд. 4-е., исправл. и дополн. Спб. 1892 г. Ц. 85 к.

Настольный энциклопедическій словарь. Изд. А. Гарбель и К°. Вып. 46-й и 47-й. М. 1892 г. Ц. вып. 30 к., на лучш. бум. 40 к.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. Въ огнѣ. Повѣсть изъ послѣдней русско-турецкой войны. Съ рисунками. Кіевъ. Ц. 1 р.

— Въ потьмахъ. М. 1892 г. Ц. 1 р.

— Бѣломорье и Соловки. Воспоминанія и разсказы. Изд. 4-е. Кіевъ. Ц. 1 р 25 к.

Новое городовое положеніе, Высочайше утвержденное 11-го іюня 1892 г. М. Ц. 40 к.

Новыя правила о питейной торговлѣ, Высочайше утвержденныя 5-го мая 1892 г. М. Ц. 30 к.

Новыя правила о порядкѣ представленія къ чинамъ, орденамъ, медалямъ и пр. Высочайшимъ наградамъ. Спб. 1892 г. Ц. 25 к.

Обзоръ десятилѣтней дѣятельности главнаго тюремнаго управленія 1879—1889. Спб. 1890 г. Ц. 1 р.

О воспитаніи, наслѣдственности и обученія. Казань. 1892 г. Ц. 20 к.

О—въ, Н. Л. Правда и ложь. Сборникъ избранныхъ мыслей и явленій изъ жизни человѣческой. Вып. I. Одесса. Ц. 80 к.

Оглоблинъ, В. Н. Вода въ красильномъ производствѣ. М. 1892 г. Ц. 1 р.

Оксеновъ, А. Ермакъ въ былинахъ русскаго народа. Спб. 1892 г. Ц. 30 к.

Окуневъ, А. Краткій учебникъ латинскаго языка для фельдшерскихъ школъ. Изд. 2-е, исправл. Спб. 1892 г. Ц. 50 к.

Орловъ, В. Д. Конина на казанскомъ татарскомъ рынкѣ. Спб. 1892 г. Ц. 15 к.

Отчетъ по главному тюремному управленію за 1890 г. Съ приложеніемъ карты о. Сахалина. Спб. 1892 г. Ц. 2 р.

*) **Плутархъ.** Сравнительныя жизнеописанія. Т. IV, вып. 1-й. Филопэменъ и Титъ Фламининъ. (Дешевая Библіотека). Спб. Ц. 15 к.

Повторительный курсъ глазныхъ болѣзней. Кіевъ. Ц. 75 к.

Правила о раздробительной торговлѣ крѣпкими напитками. М. 1892 г. Ц. 50 к.

Предохранительныя мѣры и первая помощь при азіатской холерѣ у дѣтей. Кіевъ. Ц. 10 к.

Рапчевскій, И. Ф. Основы дезинфекціи при холерѣ. Спб. Ц. 50 к.

— Объ азіатской холерѣ. Двѣ научно-популярныя лекціи. Спб. 1892 г. Ц. 60 к.

Рихтеръ, Евгеній. Соціально-демократическія картины будущаго въ Германіи. Вольное сатирическое подражаніе Бебелю. Спб. 1892 г. Ц. 50 к.

---

*) Изданія А. С. Суворина.

3 2044 022 601 975

3 2044 022 601 97